

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для итомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иередает в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все иометки, иримечания и другие заиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредирияли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

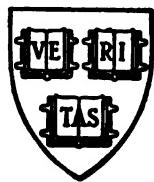
- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает и пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com>

P Star 620.s

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Slav 620.5

1906
12

ДЕКАБРЬ

1906.

8866

40-3

"RUSSKOE BOGATSTVO"

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.

1906.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣтствуетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣть почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволять обращаться непосредственно въ контору редакціи—Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

Книжные магазины только передаютъ подписаныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявлѣніи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявлѣніи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородній уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣнна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 15 числа каждого мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволять прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтствъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возврата обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятныя рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведеть съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАН.
1. Побѣгъ. Повѣсть. <i>Вацлава Сѣрошевскаго</i> . Окончаніе.	1— 33
2. Темной ночью. Стихотвореніе. <i>С. Иванова Райкова</i>	34
3. Начало. <i>В. Вахкина</i>	35— 82
4. Элементъ стихийности въ массовыхъ движеніяхъ. <i>Гр. К.</i>	83— 97
5. Мать (Изъ былыхъ временъ). <i>А. Погорѣлова</i>	98—115
6. Донские казаки. Очеркъ. <i>С. Я. А—на</i>	116—152
7. Сказка. <i>М. Подвальнаго</i>	153—161
8. Когда наступить ночь. Стихотвореніе. <i>Е. С.</i>	162—168
9. Инсургенты 1871 г. Романъ. <i>Жюля Валлеса</i> . Переводъ съ французскаго Я. А. Глотова. Продолженіе.	164—198 198
10. * * Стихотвореніе <i>Г. Галиной</i>	199—218
11. О причинѣ смерти. Переводъ съ нѣмецкаго В. С. Елпатьевскаго. Проф. <i>Рихарда Гертвига</i>	1—107
12. Въ поть лица. Очерки и наблюденія русскаго путешественника. <i>П. Владыченко</i> . (Въ приложеніи).	108
13. На новый годъ. Стихотвореніе. <i>С. Иванова-Райкова</i>	1—132
14. Изъ воспоминаний нѣмецкаго революціонера. <i>Карла Шурца</i> . Переводъ съ нѣм. А. Н. Анненской (Въ приложеніи).	21
15. Изъ Англіи. <i>Діонео</i>	22— 68
16. Французский синдикализмъ (Письмо изъ Франціи). <i>Н. Е. Кудрина</i>	64— 92
17. Русская Польша наканунѣ новыхъ выборовъ. <i>Л. Вильевскаго</i>	(См. на оборотѣ)

	СТРАН.
18. «Локаутъ» въ Вервье (Письмо изъ Бельгии). <i>Виа</i>	93— 97
19. На разныхъ языкахъ. <i>А. Петрищева</i>	97—116
20. Новые книги.	
А. Н. Плещеевъ. Стихотворенія. — Эмиль Верхарнъ.	
1) Стихи о современности. 2) Зори. Пьеса въ четырехъ актахъ.—Д. Ратгаузъ. Полное собрание стихотворений.—Борисъ Зайцевъ. Рассказы.—Д. Мережковскій. Воскресшіе боги.—Ю. Айхенвальдъ. [Силуэты русскихъ писателей.—Проф. Брюкиеръ. Русская литература въ ея историческомъ развитіи.—И. Лапшинъ. Законы мышленія и формы познанія.—Н. Симбирскій. Правда о Гапонѣ и 9-мъ января.—Новые книги, поступившія въ редакцію.	116—141
21. Хроника внутренней жизни: I. Думская кампания.—II. Указъ о грабежѣ.—III. Углубленіе революціи.—IV. Ея усложненіе. <i>А. Пышехонова</i>	142—166
22. Викторъ Александровичъ Гольцевъ. <i>Вл. Кор.</i>	166—169
23. Николай Георгіевичъ Гаринъ-Михайловскій. <i>С. Ель-патьевскаго</i>	170—173
24. Отчетъ конторы редакціи.	
25. Объявленія.	

ПОБЪГЪ.

Повѣсть.

XIX.

Съ тѣхъ поръ Аркановъ совершенно измѣнился. Онъ сталъ веселъ, разговорчивъ, внимателенъ и уступчивъ. Онъ видимо силился расположить къ себѣ даже Красусскаго. А жену еще въ тотъ же вечеръ трогательно умолялъ о прощении, на колѣняхъ ползая у ея ногъ и повторяя со слезами:

— Увези меня отсюда, увези, Женя! Бѣжимъ!.. Ты не знаешь, ты представить себѣ не въ состояніи, что со мной происходит!.. Я съ ужасомъ слѣжу за собою, какъ за какимъ-то постороннимъ человѣкомъ, который поселился въ моей душѣ и дѣлаетъ все, чтобы погубить меня... Бѣжимъ отсюда!.. Тамъ, на волѣ, вернется ко мнѣ и спокойствіе, и доброжелательность къ окружающимъ... Тамъ открыты тысячи путей для труда... Тамъ нѣтъ необходимости лгать себѣ и другимъ! Иго рабства и вынужденной праздности ужаснѣй всего!..

— Да, Артя, — повторяла она, поглаживая его волосы, — ужасно иго рабства!..

Казалось, что именно съ той несчастной ночи счастіе и миръ опять прочно вернулись въ ихъ измученные сердца. И хотя въ городѣ происходило какое-то подозрительное движение, напоминавшее о внѣшнихъ опасностяхъ, — они были веселы, какъ никогда. Евгению огорчали только подозрѣнія, высказанныя Красусскимъ относительно ея мужа, а также холодность, съ какой юноша принималъ теперешнія ухаживанія Арканова. Она дулась на молодого поляка и не скрывала этого, а послѣдній становился отъ этого еще подозрительнѣе и суще по отношенію къ нимъ обоимъ.

Онъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ прислушивался, не трогаются ли льды на рѣкѣ, и когда, наконецъ, покатился

глухой гулъ по долинѣ и стали гремѣть одинъ за другимъ мощные раскаты, похожіе на пушечные выстрѣлы, неизвѣрнная радость охватила его душу. Вѣжливо, почти дружески поздоровался онъ съ Аркановымъ и сказалъ ему, что больше не будетъ утруждать его, такъ какъ ему нужно лишь окончить приборъ для измѣренія скорости хода лодки, съ чѣмъ онъ и самъ можетъ справиться.

— Поведите Евгенію Ивановну на рѣку. Вскрытіе Джурджуя—великолѣпнѣйше зрелище въ своемъ родѣ!—сновѣтовалъ онъ Арканову.

Супруги были теперь неразлучны, что успокоительно действовало на Красусскаго, который такъ боялся одиночества Арканова и его неожиданныхъ поступковъ.

Онъ повеселѣлъ и, насыщаясь какою-то беззаботной мотивъ, подвязывалъ суконный мѣшечекъ къ небольшому ободку морского прибора. Весна, тепло, солнечный свѣтъ, дуновенія вѣтра, разнообразные голоса, врывавшіеся черезъ открытые настежь окна мастерской, настраивали его радостно и бодро. Къ тому же, сквозь грохотъ ломавшихся на рѣкѣ льдовъ, сквозь шумъ вѣтра и гомонъ пролетавшихъ птицъ, его опытное ухо охотника и кузнеца улавливало съ самаго утра тихій, мѣрный и частый стукъ молотковъ, заклепывавшихъ за рѣкою болты. Это работали товарищи, и съ каждымъ ударомъ Красусскій чувствовалъ ближе и ближе родину и волю, съ каждымъ ударомъ лопалось одно изъ звенея рабскихъ оковъ..

Ночью онъ не могъ заснуть, такъ какъ въ наступившей тишинѣ природы постукиванія молотковъ звучали до того ясно, что можно было опасаться, что и другіе горожане обратятъ на нихъ вниманіе. Онъ отправился на рѣку, къ тому мѣсту, где была спрятана на всякий случай крохотная душегубка, и подумывалъ о томъ, какъ бы перебраться на тотъ берегъ и предостеречь товарищей. Но онъ сообразилъ, что раньше, чѣмъ достигнетъ того берега, взойдетъ солнце, поплынутъ воды, загремятъ льды, задержанные ночнымъ холодомъ, и въ грохотѣ ихъ и гомонѣ жизни потонеть голосъ освободительного труда. Теперь же въ городѣ всѣ спали... Успокоенный, онъ вернулся домой, легъ спать и крѣпко уснулъ.

И снилось ему, что онъ въ Польшѣ...

Вдругъ кто-то крѣпко дернулъ его за плечо.

Красусскій открылъ глаза. Струи солнечнаго свѣта заливали мастерскую и крохотную спальню Красусскаго.

Надъ нимъ стоялъ Аркановъ.

— Несчастіе!.. — сказалъ онъ мрачно. — Джурджуїны

устраиваютъ пикникъ, какъ разъ, напротивъ Бурунуга на берегу рѣки!

Красусскій вскочилъ, не понимая еще, въ чёмъ дѣло, но одновременно съ отдаленнымъ гудѣniемъ льдинъ на рѣкѣ, съ говоромъ городской жизни и быстрымъ, отрывистымъ, тихимъ, но несмолкаемымъ стукомъ работающихъ вдали товарищѣ въ сознаніе его мгновенно проникло представлѣніе о предстоящей опасности.

— Что же мы предпримемъ? — спросилъ Аркановъ.

Красусскій взглянулъ ему въ лицо. Печаль и озабоченность Арканова показались ему напускными; онъ уловилъ гдѣ-то на днѣ зрачковъ товарища, въ углахъ сжатыхъ губъ скрытую, подавленную радость. Поэтому онъ послѣшно одѣвался, не отвѣчая ни слова. На улицѣ онъ тотчасъ же наткнулся на цѣлую вереницу джурджуйскихъ гражданъ, направлявшихся мимо полиціи въ сторону Бурунукскаго залива. Онъ узналъ зеленое платье попадыи, помидорнаго цвета костюмъ Коаловой, фіолеты Варлаамовой, замѣтилъ щестовидную фигуру „madame Angot“ и молодецкую поступь Денисова. За послѣднимъ шла гурьбою джурджуйская золотая молодежь... Быстро двигаясь мимо нихъ, онъ опередилъ сани, нагруженныя корзинами, бутылками, боченками и бѣлой палаткой новаго исправника — нововведеніе, неизвѣстное до тѣхъ поръ въ Джурджукѣ. Быкъ, на спинѣ котораго возсѣдалъ голый якутъ, съ трудомъ волокъ тяжелыя сани по черной, скрипящей землѣ. Красусскій безъ труда оставилъ позади себя якута и скользнулъ съ обрывистаго берега внизъ къ водѣ. Тутъ только онъ замѣтилъ, что Аркановъ и Евгения бѣгутъ за нимъ. Онъ сердито взглянулъ на нихъ, отыскаль весло, схватилъ за носъ челнокъ, перевернуль его, поставилъ надлежащимъ образомъ и потащилъ къ водѣ. Запыхавшійся Аркановъ очутился по другую сторону суденышка и схватилъ его за бортъ. Мгновеніе они боролись, стараясь вырвать другъ у друга душегубку.

— Пусти... Что... чего тебѣ нужно... негодяй!.. — вскричалъ Красусскій, замахиваясь весломъ на противника.

— Тыпусти!.. Ты не долженъ... ты утонешь... безъ тебя они... погибнутъ!.. — простоналъ Аркановъ.

Красусскій, вѣроятно, не разслышалъ, а быть можетъ, и не понялъ его объясненія. Сильнымъ движениемъ вырвалъ онъ челнокъ изъ его рукъ, вскочилъ въ него и оттолкнулъ далеко въ воду. Аркановы увидѣли, что онъ направляетъ его прямо въ водоворотъ несущихся льдинъ. Но онъ, видимо, скоро пришелъ въ себя, потому что повернуль свое хрупкое суденышко параллельно ледоходу и поплылъ вдоль, отыскивая удобный проходъ. Льды уже не шли

сплошной массой, какъ въ началѣ, ихъ лента порвалась на части и неслась, главнымъ образомъ, серединой русла, скопляясь въ шумные „заторы“ исключительно на поворотахъ рѣки. У обоихъ береговъ сверкали широкіе плесы свободнаго отъ льдовъ теченія. Красусскій на то и разсчитывалъ. Онъ стрѣлою мчался внизъ по рѣкѣ, опережалъ большія ледяныя поля, мелкую щугу и громадные спрятые другъ на другъ „тороса“, пока не отыскалъ болѣе широкаго прорыва въ ледоходѣ. Онъ немедленно направился туда. Аркановъ съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили, какъ онъ ловко уходилъ отъ столкновенія съ небольшими острыми обломками льдовъ, скрываясь отъ нихъ подъ защиту крупныхъ полей, движущихся гораздо правильнѣе итише. Когда поля смыкались, онъ валился на нихъ, вытаскивалъ лодку и волокъ ее къ другому ихъ краю. Такимъ образомъ онъ добрался до середины рѣки. Аркановъ вытеръ потъ со лба: онъ понялъ, что ему никогда бы ничего подобнаго не удалось совершить, что онъ давно бы погибъ. Вдругъ пронзительный крикъ жены заставилъ его пристальнѣе взглянуть на рѣку. Душегубки уже тамъ не было, только человѣкъ стоялъ на льду на колѣняхъ. Что дальше онъ дѣлалъ, какъ прыгалъ солѣдины на лѣдину, какъ, наконецъ, бросилъ платъ и вплавь пробрался сквозь послѣдній, широкій, свободный отъ льда плесъ, какъ онъ уцѣпился за прибрежные тальники, какъ оттуда высунулись люди и подхватили его—всего этого Аркановъ уже хорошенъко не разобралъ, пораженный, точно громомъ, выражениемъ лица и голосомъ жены. Евгения была такъ блѣдна и такой имѣла страдальческій видъ... Вдругъ позади себя на высокомъ обрывѣ она услышала шаги и звонкіе голоса...

— Мое почтеніе, Евгения Ивановна!..—обратился къ ней кто-то.—И вы, однако, вышли поглядѣть на игру нашего сибирскаго ледохода... Любопытно зрѣлище, не правда ли?

— Не столько любопытное, сколько поучительное!..—ответилъ другой голосъ.

На краю обрыва стоялъ новый исправникъ съ учителемъ.

— Поглядите, вонъ тамъ что-то чернѣетъ далеко на лѣдинѣ... Точно упалъ человѣкъ, раскинувши руки... Навѣрно, человѣкъ!.. Пойдите, прикажите казакамъ, чтобы добрались къ несчастному, выручили его!..—кричалъ исправникъ, указывая на брошенное Красуескимъ платъ.

Но учитель даже не взглянулъ въ указанномъ направлении, такъ какъ въ противоположной сторонѣ замѣтилъ въ не затѣненныхъ еще листвою кустахъ платъ своей жены рядомъ съ какими-то мужскими сапогами.

— Откуда тамъ найтись человѣкъ? Навѣрно, однако, ско-

тина!.. Да хотя бы и человѣкъ, то какой чортъ достанетъ его изъ такой мельницы... Шутка сказать... выручи!..—пробормоталъ онъ неохотно.

Между тѣмъ, Евгения замѣтила, что мужа нѣть рядомъ, и медленно пошла къ городу.

Нашла она его на кровати, съ лицомъ, обращеннымъ къ стѣнѣ. Онъ не пошевелился, когда она вошла, и не отвѣтилъ, когда она позвала его.

— Ахъ, опять жалкія сцены... И это теперь... передъ лицомъ смерти!

Она такъ устала, такъ была измучена всѣмъ, что слу-чилось, что предстоящія непріятности уже не волновали ее. Она опустилась въ кресла и повѣсила голову на грудь. Весь міръ казался ей страшной, безжалостной пустыней, по которой ея истомившаяся и безвольная душа напрасно блуждала, отыскивая, за что бы зацѣпиться. Она жаждала, къ кому бы прижаться, приникнуть головой на грудь и запла-вать... Она тихонько сошла съ креселъ, присѣла къ мужу на кровать и положила руку на его плечо, но онъ грубо оттолкнулъ ее, не обернувшись даже къ ней лицомъ. Она просидѣла такъ нѣкоторое время, согнувшись, взглядываясь воспаленнымъ взоромъ въ пустой уголъ комнаты. Затѣмъ, чувствуя, что ей необходимо чѣмъ-нибудь заняться, чтобы спасти остатки мужества и силы, она полусознательно поставила самоваръ, заварила чай и жадно пила крѣпкій, какъ чернила, наваръ большими глотками.

Она поднесла и мужу чашку съ кускомъ хлѣба и холода-наго мяса. Онъ не двинулъся; но когда она вышла затѣмъ на крыльцо, то разслышала, что стукнули его сапоги обь ногъ. Вернувшись, она замѣтила, что онъ сѣѣль все подан-ное. Тѣмъ не менѣе, онъ по-прежнему отворачивалъ отъ нея лицо и мрачно склонялъ голову къ землѣ.

— Онъ погибъ! Что теперь будетъ?—тихонько спросила она.

— Совсѣмъ нѣть!.. Онъ живъ, и міръ... стоитъ на своемъ мѣстѣ!—насмѣшливо отвѣтилъ онъ.

— Что же ты не сказалъ мнѣ!..—воскликнула она со смѣстью «биды и радости.—Значить онъ, проплылъ и спасся?

Онъ измѣрилъ ее злымъ взглядомъ и не отвѣтилъ. Она тоже замолкла, сознавая, что передъ ней опять не мужъ ея, а тотъ, другой... его двойникъ.

— Надо дать ему остыть, опомниться... Пусть нагово-рится, насердится!.. Опять будуть упреки, просьбы и угро-зы!.. — раздумывала она, садясь на крыльцѣ. — Итакъ, онъ не погибъ, все по старому... Бѣжимъ... Черезъ день, черезъ два, а можетъ быть, и черезъ нѣсколько часовъ мы ужэ

оставимъ это проклятое мѣсто пытки... Что произошло адѣсь, что случилось и чѣмъ мы стали?—Развѣ я та же, что была раньше? Развѣ такимъ былъ Артемій? И другие — такие ли, какъ прежде?.. Душу свою сохранили только тѣ, кто постоянно боролся! Ахъ, поскорѣе бы, поскорѣе... на свѣтъ, къ людямъ, къ плодотворному труду и жертвамъ!

Вдругъ она замѣтила дымъ въ юртѣ Красусскаго.

— Вернулся!—вскрикнула она пронзительно, врываюсь въ комнату. Она схватила свою шапочку, свою кофту, но Аркановъ вскочилъ и сталъ въ дверяхъ.

— Куда?

— Узнать, когда... ёдемъ!

— Не надо. Мы совсѣмъ не пойдемъ!—отвѣтилъ онъ спокойно.

Она попятилась въ изумленіи.

— Почему?

— Послушай, загляни, наконецъ, хоть разъ смѣло на дно своей совѣсти и скажи мнѣ откровенно, какъ на исповѣди... Помни, что это крайне важно теперь не только для меня, но и для... вѣсъ всѣхъ—зачѣмъ ты хочешь бѣжать?

— Странный вопросъ!.. Чтобы жить, чтобы... спасать тебя... себя...—лепетала она смущенно.

Она пробовала улыбнуться, но дрожавшія губы отказались сдѣлать это, и лицо ея только некрасиво перекосилось.

— Ну, да: чтобы жить! Этому я вѣрю, но чтобы вы думали... о моемъ спасеніи, въ этомъ позвольте мнѣ усомниться... Я вижу васъ насквозь и не позволю провести себя красивыми фразами. Развѣ вы уступали когда-либо моимъ просьбамъ? Развѣ вы дѣлали что-либо исключительно ради меня? Никогда!.. Вы всегда жертвовали мною для другихъ!.. Вы всегда все ловко одѣвали первосортными фразами о любви къ ближнему, о чести, о долгѣ... Но когда... тотъ... попалъ въ пламя, то вы взывали: „пусть все лучше погибнетъ!“ А сегодня надѣть рѣкой—что было? Я думалъ, вы умрете тамъ же!.. Это ужъ слишкомъ!.. Жена моя бѣжитъ отъ меня на мои деньги и при моей помощи!.. Это сверхъ всякой мѣры!.. Этого не оправдаютъ никакія доктрины!.. И вы... останетесь!..

— Но... не съ вами! Будьте увѣрены. Это, дѣйствительно... слишкомъ!..—отвѣтила она и выпрямилась.

Самообладаніе вернулось къ ней.

— Прошу васъ пропустить меня!

Онъ не двигался съ мѣста, не сводя съ нея глазъ и только слегка сощуривъ вѣки.

— Нѣть, вы отсюда не уйдете!

— Тогда... они придутъ за мной!

Она сѣла на стулъ и разстегнула кофту.

Онъ долго стоялъ, наблюдая за ней исподлобья.

— Пускай приходятъ... Тогда я еще здесь пуши ему въ лобъ пулю и... все это глупое предпріятіе рухнетъ!..—пропѣдилъ онъ медленно и тихо.

Она продолжала сидѣть неподвижно, въ поль-оборота къ нему, упорно скрывая лицо въ тѣни.

— Вы полагаете, что я этого не сдѣлаю... Вы надѣетесь, что и теперь все окончится чувствительной болтовней... Вы опибаетесь, вы и не догадываетесь, какъ я... ненавижу... всѣхъ этихъ притворщиковъ, святошь, этиковъ и фразеровъ... Томные, тупые, полныя тщеславія и самоувѣренности мозгъ... О, я сдѣлаю это, будьте увѣрены, съ большімъ даже удовольствиемъ!.. Вашъ душенька знаетъ мою твердость, мою рѣшимость... Онъ много выше цѣнить меня, чѣмъ вы. Онъ полагаетъ, что я въ состояніи даже... донести полиціи... Скотина!.. Онъ не понимаетъ, это не вмѣщается въ его куриномъ мозгу, что совсѣмъ другое дѣло сжечь хотя бы сущильню, или другимъ путемъ учинить самосудъ... Его мелкая душечка не знаетъ нравственныхъ оттѣнковъ...

Евгенія со стономъ закрыла лицо руками.

— Господи, Господи!.. Что это? Что творится съ тобой? Онъ замолкъ.

— Мы можемъ еще избѣжать скандала,—заговорилъ онъ мягче.—Мы позволимъ имъ уѣхать... Пусть бѣгутъ съ миромъ!.. За ихъ побѣгъ насы, по всей вѣроятности, сурово накажутъ. Такъ какъ трудно будетъ отпереться, что мы не пособничали имъ... Тѣмъ не менѣе, я предпочитаю все это...

Она рѣзко-отрицательно покачала головой. Тогда онъ ежалъ губы и, прислонившись неподвижно къ косяку дверей, безмолвно глядѣлъ сквозь окно на далекій ландшафтъ.

Евгенія отвернулась, рыдая.

— Вы... уѣзжайте!..—сказала она порывисто.— Мы должны разстаться... Я останусь здесь... Вы бы здесь... окончательно погибли..

— И на это согласенъ!—отвѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Экспедиція эта, по моему мнѣнію, погибнетъ... Такимъ образомъ я освобожу васъ отъ своей особы вполнѣ... Но и они погибнутъ вмѣстѣ со мною... Такъ что же я отвѣчу ему окончательно, такъ какъ онъ, вижу, идетъ къ намъ?..

— Отвѣтьте ему, что завтра...

Онъ значительно спряталъ взятый со стола револьверъ въ карманъ и вышелъ на крыльцо къ Красусскому.

Евгенія слышала, какъ онъ извинялся, что не приглашаетъ Красусского въ комнату, потому что жена неожиданно захворала... Она слышала, какъ Красусский выразилъ по этому поводу соболѣзвованіе и нѣкоторое беспокойство относи-

тельно предстоящей поездки за реку... Онъ рассказалъ подробности своего приключения и заключилъ разсказъ заявлениемъ, что завтра утромъ, самое позднее—послѣ обѣда они двинутся изъ города, такъ какъ река очистилась отъ льда, слѣдуетъ воспользоваться высокимъ стояніемъ воды и поскорѣе спуститься внизъ, чтобы миновать джурджуйскіе пороги. Будущей ночью бѣглецы намѣрены тронуться въ путь къ океану...

— Я думаю, что неадоровье Евгении Ивановны не настолько серьезно, чтобы измѣнить наше рѣшеніе? Она, вѣрно, нервничаетъ, это понятно. Она отлично отдохнетъ въ лодкѣ.

— Конечно. Вы, впрочемъ, побѣжжайте въ членокѣ, не дожидаясь насть. Мы переберемся на тотъ берегъ перевозомъ, затѣмъ придемъ пѣшкомъ. Я полагаю, что перевозъ уже дѣйствуетъ. Во всякомъ случаѣ, мы не задержимъ васъ и къ вечеру будемъ на мѣстѣ!—отвѣтилъ Аркановъ.

— До свиданія. Только, помните, не опоздайте! Если бъ вы знали, какъ хороша наша шлюпка! Мы прозвали ее „Королевой“,— говорилъ Красусскій весело. — Да, вотъ что еще: если придетъ якутъ съ коровой Мусы, не забудьте отказать ему и отправить корову обратно!

XX.

Эти послѣдніе нѣсколько часовъ прошли для Аркановыхъ, какъ страшная, медленная агонія. Они приближались неудержимо къ чему-то, что наполняло ихъ болью, страхомъ, отчаяніемъ, предчувствуемъ, что если это свершится — уже нельзя будетъ ни измѣнить, ни поправить. А между тѣмъ, они торопились къ этому безжалостному предѣлу, считали уплывающія минуты: гнетущая душу тяжесть казалась много мучительнѣе развязки. Безсознательно, автоматически дѣлали они приготовленія къ путешествію, обмѣниваясь короткими и сухими замѣчаніями, скрывавшими глубокія страданія и нетерпѣливыя мысли.

— Скорѣе, ахъ, скорѣе бы!..

Евгенія провожала мужа на перевозъ. Они прошли по хорошо знакомой имъ тропинкѣ среди расцвѣтавшихъ кустовъ, полныхъ весеннаго запаха и тепла. Солнце, стоя низко, свѣтило за сѣтью черныхъ вѣтвей. Долина лепетала сонными голосами. Издали доносился новый, неумолчный шумъ теченія мощной, проснувшейся реки. Наконецъ, они увидѣли ее, сѣную, какъ сталь, напряженную, изрытую струями теченія, точно узловатый, жилистый хребетъ труженика, толкающаго передъ собою непосильную тяжесть.

Евгенія остановилась.

— Послушай, Артемій, нѣть паденія, изъ котораго нельзя бы подняться, нѣть поступка, котораго нельзя бы было загладить, искупить... Знаешь что, разскажемъ все откровенное товарищамъ... и вмѣстѣ... понесемъ послѣдствія...

Она говорила спокойно и съ сухими глазами, но голосъ временами измѣнялъ ей и ломался. Аркановъ поднялъ голову.

— Вы говорите что-то объ искуплені?.. Я не чувствую за собой вины... И... не знаю, что это: наивность или желаніе погубить меня окончательно?! Вы теперь ясно видите, насколько легче предписывать другимъ мужество и другія возвышенныя качества...

Евгенія поблѣднѣла.

— Впрочемъ... это ни къ чему не приведетъ!.. Вновь повторится все то же... Я чувствую это...— добавилъ онъ грустно.— Намъ необходимо разойтись... Оставайся... живи... и будь счастлива!.. Если уцѣлѣю, пріѣду за тобой... безъ нихъ! Перевозчикъ, какъ разъ, на этомъ берегу... Сейчасъ отчаливается!..

Галка уже сѣлъ въ карбасъ, но, замѣтивши ихъ, задержался. Они наскоро, сухо попрощались, такъ какъ присутствіе казака и нѣсколькихъ туземцевъ окончательно стѣсняли ихъ и безъ того связанныя чувства.

— А что, Кузмичъ, ты тоже нанялся за перевозчика? А?!— спросилъ Аркановъ казака.

— Нее... Пошто?! Только исправникъ приказали сидѣть адѣсь, чтобы татары мяса въ городѣ не воровали...— добавилъ казакъ политично.

— Пошто бабу свою оставляшь?.. Не боись?.. Одинъ она... молодыхъ парень многа... На долго за рѣка?.. — болталъ Галка, загребая веслами.

За шумомъ воды и плескомъ волнъ Евгенія не разслышала отвѣта. Она медленно возвращалась обратно, все оглядывалась и видѣла, какъ Аркановъ вышелъ изъ карбаса и поднялся по крутыму подъему съ узелкомъ на спинѣ и какъ исчезъ затѣмъ въ кустахъ.

Тогда ей показалось, что надъ рѣкой опустился занавѣсь, а на нее саму упала прозрачная, но крѣпкая сѣть, отдѣлившая ее на вѣчные времена отъ внѣшняго міра. Между тропинкой и ступнями ногъ она тоже чувствовала, ступая, эту страшную, мягкую ткань, охватывавшую ее, какъ воздухъ, со всѣхъ сторонъ и лишавшую ея движеніяувѣренности. Она напрягала вниманіе и сосредоточенно глядѣла себѣ подъ ноги, чтобы не упасть; въ то же время ей пришлось усиленно заботиться о вѣткахъ кустовъ, нависшихъ

шадъ тропинкою, разбирать странные голоса, доносиившиеся къ ней издали, осторегаться колючекъ и шиповъ, рвавшихъ подоль ея платья, — наконецъ... пугали ее... даже лучи солнца, заходившаго за горы... Ей казалось, что всѣ встрѣчные смотрятъ на нее особыми глазами, что всѣ замѣчаютъ странный прозрачный саванъ, который таился за ней, давилъ ее и мѣшалъ дышать... Она жаждала момента, когда она очутится, наконецъ, одна дома, повалится лицомъ на подушки и выплачетъ свою скорбь. Но воспаленные глаза оставались сухими...

Могильная тишина покинутой квартиры и полные страшныхъ видѣній сумерки наступавшаго вечера — выгнали ее вскорѣ вонъ изъ дома... Она шла медленно безъ опредѣленной цѣли, осматривая внимательно строенія города, точно видѣла ихъ впервые въ дымкѣ длинныхъ, прозрачныхъ тѣней; она чутко и боязливо прислушивалась къ замирающему говору жизни, слѣдила съ глубокой тревогой за меркнущими красками дня... Ее поражало, что все это, въ сущности, точь въ точь такое же, какъ раньше, между тѣмъ какъ все вѣдь теперь другое... полно грядущихъ, неизвѣстныхъ событий, невозвратнаго прошлага... Незамѣтно для самой себя она очутилась у юрты Александрова и открыла ее привычнымъ движенiemъ... Охватилъ ее кислый, промозглый запахъ нежилого помѣщенія. Евгенія затопила каминъ, сѣла у огня и впервые жгучее, несказанно гнетущее чувство совершенного одиночества пронзило и подавило ее. Ей противно было думать о прошломъ. А будущаго... ей казалось, что его нѣть у нея!.. Она застыла неподвижно на стулѣ, слѣдя глазами за прыгающимъ въ каминъ пламенемъ и мужественно прогоняя назойливыя воспоминанія и размышенія. Итакъ, для нея въ этихъ юртахъ, во всемъ городѣ, больше—во всемъ мірѣ... остались единственно тоска да сновидѣнія!.. И такъ будетъ до самой смерти!.. Да, но вѣдь это невѣроятно, чтобы тѣ, которыхъ она такъ любила, покинули ее безчеловѣчно, безъ малѣйшаго знака вниманія, какъ вѣшь, какъ собаку!? Она ихъ знаетъ, она ручается, что они вернутся за ней... Возможно, что они уже ищутъ ее!.. Она должна увидѣть ихъ еще разъ, хотя бы затѣмъ, чтобы попрощаться съ ними!.. За что она такъ тяжело наказана?.. Въ чемъ ея вина?.. Развѣ въ томъ, что она позволила себѣ надѣяться на личное счастіе, по желала его, отправилась на край свѣта за милымъ человѣкомъ, вмѣсто того, чтобы погибнуть въ борьбѣ за свободу и счастіе всѣхъ... Она, неловкая и слабая, погубила себя и мужа... Теперь ей слѣдуетъ все это искупить... Она будетъ прикрывать отсутствие товарищей, будетъ отводить глаза полиціи и сердцемъ сочувствовать тѣмъ, которые покинули ее... Будьте

свободны, будьте добры и душевно чисты, какъ раньше!.. Нужно теперь вернуться домой, прибрать и уничтожить все слѣды побѣга...

Она выбѣжала изъ юрты и вдругъ, вмѣсто того, чтобы повернуть къ своей квартирѣ, направилась къ рѣкѣ, гонимая неодолимымъ желаніемъ еще разъ увидѣть товарищей... Она быстро-быстро устремилась черезъ лѣсъ и луга къ тому мысу, мимо котораго обязательно должны были проплывать бѣглецы. Подъ конецъ она бѣжала бѣгомъ, не обращая ни на что вниманія, давши волю рыданіямъ и лишь прикрывая ротъ мокрымъ отъ слезъ платкомъ...

Наконецъ, она очутилась въ самомъ концѣ стрѣлки, гдѣ лиственницы, оставивши сплошной лѣсъ, рѣдкой цѣпью, въ единочку подходили къ водѣ. Она остановилась у послѣдняго дерева, чуть перегнувшагося черезъ край глинистаго обрыва.

Сѣрая рѣка катилась внизу, унося на своихъ волнахъ розовый отблескъ зари и блѣдныя тѣни ближайшихъ лѣсовъ. На томъ берегу рѣки сѣрая чаша тальниковъ отбрасывала на сѣромъ зеркалѣ водѣ жемчужную кайму, отдѣленную отъ земли тоненькой нитью серебристаго блеска. Изъ-за тальниковъ выглядывали горы, тѣ самыя горы, въ которыхъ ссыльные блуждали въ прошломъ году. Рѣка выплывала изъ-за тальниковой косы и исчезала за рѣжимъ, высокимъ, и мрачнымъ утесомъ,увѣнчаннымъ лѣсомъ.

Было тихо. Даже птицы спали. И ничто не дрожало въ воздухѣ, кромѣ журчанія воды.

— А если они уже ушли?!—раздумывала Евгенія.— Нѣтъ, это не возможно. Еще рано... Артемій едва успѣлъ добраться туда... Вѣдь не могли же они и его оставить?! Они скоро будутъ... Тогда онъ, увидѣвши ее, пойметъ, какую жестокость позволилъ себѣ по отношенію къ ней, и потребуетъ, чтобы они остановились и захватили ее... Онъ, навѣрно, уже и теперь жалѣеть... А если нѣтъ?! Или... что, если онъ теперь же въ дорогѣ, исполнить то, что задумалъ... въ Америкѣ?.. Не лучше ли не искушать судьбы и... остьаться?.. Пусть уходятъ, пусть борются... Пусть онъ каєтся и исправляется въ одиночествѣ!.. Пусть будетъ, какъ есть... Только разъ, еще разъ взглянутъ!..

Вдругъ у неї перехватило горло. Бѣглецы такъ неожиданно вынырнули изъ-за тальничного поворота, что она замѣтила ихъ только прямо передъ собою. Они плыли серединой. „Королева“ грациозно покачивалась, гонимая ударами длинныхъ весель. На кормовой палубѣ стоялъ у руля Негорскій, другіе сидѣли вдоль бортовъ. Она различала бѣлныя

пятна ихъ лицъ, хотя по отдаленности и не узнавала каждого въ отдельности.

Шлюпка быстро неслась и почти что миновала ее.

Слезы затуманили ея взоръ, она подняла платокъ и махнула имъ на прощанье...

Вдругъ бѣглецы перестали ударять веслами, лодка пошла тише и повернулась бокомъ къ течению. Немного спустя, отъ нея отдѣлился маленький челночекъ и быстро, точно ласточка, понесся къ берегу.

— Мы были увѣрены, что вы не останетесь, что это какое-то недоразумѣніе! —кричалъ ей снизу Красусскій. — Спѣшите... Еще немного, и взойдетъ солнце и якуты станутъ шляться по берегу...

Евгения отыскала спускъ и скользнула къ водѣ.

— А гдѣ Артемій Павловичъ? —спросилъ Красусскій, усаживая ее въ душегубку.

— Какъ?! Онъ не съ вами?

— Нѣтъ! Вы не шевелитесь, а то мы оба опрокинемся въ воду... —предостерегалъ юноша, крѣпко загребая весломъ и стараясь придать равновѣсіе покачнувшемуся сильно челноку.

— Артемій Павловичъ былъ и сказалъ, что вы не ѳдетѣ... Съ тѣмъ и ушелъ...

Душегубка опять сильно покачнулась.

— Вы совсѣмъ не умѣете сидѣть въ душегубкѣ. Къчастію, мы уже на мѣстѣ...

— А гдѣ же Аркановъ? —спрашивали ссыльные, протягивая руки къ Евгении.

Она взошла на бортъ, осмотрѣлась кругомъ, какъ бы желая провѣрить, что ей дѣйствительно сказали правду, и — безъ силъ упала на застланное постелями дно лодки.

— Трогайте, трогайте!.. —кричалъ Инъ. — Послѣ узнаемъ... Здѣсь нельзя... тутъ мѣсто людное... Слышите, уже якуты гохаютъ по кустамъ, ищутъ коровъ...

Бѣглецы дружно ударили веслами, и лодка опять стала, вадрагивая, рѣзать съ шумомъ воду.

Неслись они быстро, опережая и пѣну, и бревна, и кусты, подхваченные разливомъ. Рыжій обрывъ давно уже закрылъ видъ на джурджуйскую долину; кругомъ были неизвѣстныя окрестности. Мощныя скалы падали прямо въ волны рѣки, низкія тальниковая косы колыхались, точно подъ ударами вѣтра, подъ давленiemъ переливающихся черезъ нихъ теченій, устья быстрыхъ рѣчекъ полны были напоснаго лѣса, инея и щепы. Бѣглецамъ приходилось бдительно остерегаться всевозможныхъ препятствій: подводныхъ камней, шиверовъ, водоворотовъ и быстринъ, густо

разбросанныхъ по незнакомому руслу рѣки. Негорскій глазъ не сводилъ съ теченія. Гребцы обливались потомъ. Остальные должны были спать, чтобы отдохнуть до своей смыны, но никто не спалъ. Всѣ молчали, взволнованные поступкомъ Арканова, мрачные, точно веали съ собою покойника. Евгения все глухо плакала, лежа ничкомъ.

— Это, наконецъ, невыносимо! Я прыгну въ воду!.. — проговорилъ по-польски, сквозь зубы, Красусскій.

Негорскій встряхнулъ головой и, не спуская глазъ съ рѣки, сталъ говорить быстро и рѣшительно:

— Господа!.. Пусть будетъ, что будетъ, но такъ нельзя этого оставить: мы не имѣемъ права покинуть товарища!..

— Возвращеніе погубить нась, несомнѣнно!.. Возможно, что уже въ городѣ спохватились! — замѣтилъ Петровъ.

— Самъ хотѣлъ! — шепнула Гликсбергъ.

— Но возможно, что теперь онъ сожалѣть объ этомъ, что тутъ произошла роковая ошибка... Что, если это такъ?! Развѣ вы возьмете на свою совѣсть судьбу этого человѣка?.. Мы должны еще разъ дать ему возможность присоединиться къ намъ!.. Я сомнѣваюсь, что нашъ побѣгъ уже обнаруженъ, но нась, навѣрное, погубить то чувство, съ которымъ мы уважаемъ отсюда... Нельзя убить человѣка безнаказанно.. Если и теперь Аркановъ не согласится, тогда другое дѣло, тогда мы со спокойной совѣстью пойдемъ безъ него! — доказывалъ Негорскій. Александровъ сочувственно кивалъ ему головой; Самуилъ и Воронинъ тоже поддержали его.

Евгения подняла на Негорскаго глаза, съ выражениемъ надежды и благодарности.

— Слѣдуетъ причалить гдѣ-нибудь въ тальникахъ, а двое пусть ѳдутъ за нимъ! — рѣшилъ Янь.

Принялись высматривать убѣжище у береговъ и совѣтovаться, кому отправиться за Аркановымъ.

Выборъ упалъ на Самуила и Негорскаго.

Бѣглецы отыскали со стороны Бурунку старую, густо заросшую тальникомъ, курью. Низкими проходами, подъ нависшими вѣтвями, подтягиваясь на рукахъ, они втащили въ глубь свою „Королеву“, укрѣпили тамъ, причалили и наладили душегубку.

— Но раньше свезите меня на берегъ!.. Пойду и я еще разъ живиться съ моей старухой и ребенкомъ!.. — сказалъ Янь.

— Только, ради Бога... возвращайся поскорѣе!.. Не задерживай!..

— Вернусь!.. Это не далеко отсюда... не будетъ и десяти верстъ... А я и табаку возьму себѣ, а то забылъ второняжъ!.. — успокаивалъ ихъ панъ Янь, набивая на послѣдяхъ „двустволку“.

Красусскій всѣхъ ихъ по очереди свезъ на берегъ, и они ушли, а тѣ, что остались въ лодкѣ, позавтракали и легли спать.

Солнце заглядывало къ нимъ сквозь сѣтку черныхъ вѣтвей и мягко согрѣвало ихъ; вверху вѣтеръ шелестилъ тонкими побѣгами ивы, а внизу рокотала рѣка. Съ земли, изъ отдаленія, долетали посвистываніе, щебетаніе и клохтаніе миллионовъ птицъ, радующихся жизни, борющихся за существованіе и любовь. Изрѣдка розовая, точно омытая зарею, бѣлая чайка повисала въ солнечномъ воздухѣ и, замѣтивши бѣглецовъ, выражала свое удивленіе и тревогу пронзительнымъ крикомъ. Изрѣдка бурый орель или пестрый коршунъ проплыvalъ отъ утеса къ утесу, отбрасывая по пути на воду свое черное отраженіе. Изрѣдка плескала рыба въ струяхъ.

Не спала только Евгенія, и не спать Красусскій, хотя и лежалъ, накрывшись съ головой одѣяломъ.

— Красусскій, они уже пришли!—сообщила, наконецъ, Евгенія.

Красусскій выглянула и, замѣтивши на противоположномъ берегу три фигуры, прыгнулъ въ челнокъ. Перваго онъ привезъ Арканова.

Вошелъ Аркановъ въ лодку съ сильно измѣнившимся, словно постарѣвшимъ лицомъ, точно отъ момента его разлуки съ женой прошли годы. Съ провалившимися, мокрыми отъ слезъ щеками онъ тотчасъ же, не стѣсняясь постороннихъ, упалъ къ ногамъ Евгеніи.

Охваченные волненіемъ, товарищи отвернулись отъ нихъ и наблюдали, какъ Красусскій перевозитъ въ душегубкѣ Самуила и Негорского.

А между тѣмъ, на томъ берегу зазвучалъ удалой призывъ пана Яна.

Пока рѣка шла однимъ русломъ, бѣглецамъ веало. Они скользили безъ труда по глубинѣ, уносимые напряженнымъ теченіемъ половодья. Нѣкоторую опасность представляли только „быки“—отвѣсные утесы, подымавшіеся непосредственно изъ воды, о которые прибой ударялъ съ необыкновенной силой, шумомъ и пѣной...

Негорскій оказался отличнымъ кормчимъ, а „Королева“ необычайно послушнымъ, поворотливымъ судномъ. Послѣ нѣкотораго упражненія, наши моряки стали, ради сбереженія силъ и времени, проплыть такъ близко около грозныхъ „быковъ“, что гнѣздившіяся въ изобиліи на ихъ уступахъ птицы подымали по этому поводу неописуемый гвалтъ. Тѣмы стрижей, рыболовъ, чаекъ и другихъ пернатыхъ невѣдомыхъ

названій долго послѣ того кружились надъ грудью задумчивыхъ утесовъ, съ вершинъ которыхъ обыкновенно свѣшивались одинокія деревья, точно заглядѣвшіяся на собственныя отраженія въ волнахъ. Разъ путники спугнули даже медвѣдя, который съ края обрыва тоже задумчиво глядѣлъ на рѣку и, увидѣвши неожиданно лодку съ людьми передъ собою—зрѣлище, не виданное имъ дотолѣ, поднялся отъ изумленія на дыбы.

Бѣглецы чувствовали себя прекрасно. Самоваръ по яинно шумѣлъ на кормѣ. Каждые четыре часа мѣнялась падрѣбцовъ. Рулевыхъ было два: Негорскій, которому поручено было общее руководство экспедиціей, и Петровъ, волжанинъ по происхожденію, знакомый съ дѣства съ управлениемъ лодокъ.

Красусскаго и Александрова,—хотя они и были къ такимъ вещамъ способнѣе другихъ,—товарищи удержали въ числѣ гребцовъ, въ виду большой ихъ выносивости и силы.

Тѣ, кто не работалъ въ данное время, обязаны были Ѳѣсть или спать.

— Остальное возбраняется нашимъ государственнымъ водянымъ уставомъ.—шутіль Негорскій.

Только гребцы пользовались нѣкоторыми привилегіями и часто пѣли во все горло.

— Тише, разбудите спящихъ!..—унималъ ихъ въ началѣ Александровъ.

— Кто проснется, тому, въ наказаніе, добавить часть гребли!..—рѣшилъ Янъ.

Угроза оказалась совершенно лишней. Всѣ спали прекрасно, несмотря на пѣніе, шумъ воды, покачивание судна, постоянную бѣготню вдоль бортовъ работающихъ. Случалось, что сброшенный сотрясеніемъ судна неопытный морякъ слеталъ внизъ, прямо на ноги или даже на болѣе благородныя части спящихъ товарищѣ. Особенно отличался въ этомъ искусстве косолапый Мусь.

— Нѣть, это уже сверхъ силь! Я молчалъ, когда вы, Мусья, наступали мнѣ на руки, на ноги, даже на животъ... Но вѣдь вы теперь наступили мнѣ на... носъ! Прошу прекратить эти новшества!—запротестовалъ, наконецъ, Александровъ.

Изъ пѣсенъ большой популярностью пользовалось въ началѣ энергическое „дындай“ пана Яна, прекрасно отвѣчавшее движенью веселья. Кромѣ того, бѣглецы охотно пѣли отрывки «Drapeau rouge» (красное знамя), заученные Мусьей въ Парижѣ,—соціалистическую марсельезу еще не переведенную тогда ни по-польски, ни по-русски. Затѣмъ распѣвались многія народныя и революціонныя пѣсни, но, въ

концъ концовъ, все вытѣснила грустная баллада, сочиненія
наскоро Самуиломъ.

Сумракъ ночи повисъ надъ землей,
Спить спокойно враждебная стража,
Тихо бьется о берегъ прибой,
Тихо бьются сердца экипажа...
Имъ мерещится бой за свободу,
Улыбается воля и счастье...
Побороть бы имъ лишь непогоду,
Льды, теченье, туманы, ненастье...
Голодъ рѣть надъ славной дружиной,
Грозно дышеть подъ ними пучина...
Беззаботно скользя надъ пучиной,
Распѣваетъ о жизни дружины...

Лодка двигалась безостановочно, пользуясь все возрастав-
шимъ свѣтомъ все уменьшавшихся ночей, по мѣрѣ того,
какъ бѣглецы подвигались на сѣверъ. Все нужное, включая
топливо, они веали съ собою на лодкѣ, и вскорѣ они научи-
лись удовольствоваться маленькимъ, отведеннымъ каждому
пространствомъ и не тяготились особенно тѣснотой помѣ-
щенія.

Они уже радовались, полагая, что такъ будетъ до самаго
моря, какъ вдругъ неожиданно рѣка раздѣлилась на два
протока. И раньше, чѣмъ бѣглецы успѣли сообразить и вы-
брать надлежащее направлѣніе, теченіе съ страшной силой
подхватило ихъ и понесло въ болѣе широкую вѣтвь и не-
много пониже бросило на стремительный перекатъ, черезъ ко-
торый рѣка переливалась, шумя и бурля, какъ водопадъ. „Ко-
ролева“ задѣла килемъ за подводные камни, мгновенно по-
вернута была поперекъ и опрокинута на бокъ. И люди, и та-
жести, все полетѣло въ ту сторону. Негорской повисъ на ру-
кояткѣ руля. Крикъ ужаса вырвался изъ груди людей, пере-
путавшихся беспомощно въ клубокъ: пѣнистые гребни волнъ
забурлили надъ ихъ головами... Онъ съ ревомъ пробовали пере-
катиться по туловищу накренившейся лодки и залить ея се-
редину. Къ счастью, шиверь былъ мелокъ, и Красусскій съ
Яномъ, которые раньше другихъ выскочили въ воду, успѣли
приподнять край лодки, подпереть его и не позволить вол-
намъ ни залить ее, ни перевернуть окончательно. Вскорѣ
спомнились и другіе и, слушая приказанія Негорского, пе-
ребросились на бортъ, въ противовѣсь напору волнъ. Не-
много зачерпнувъ воды, шлюпка стала на киль. Но повер-
нуть ее по теченію удалось съ большимъ лишь трудомъ.—
Подъ защитой лодки, точно у запруды, теченіе быстро на-

несло большую гряду щебня и крупныхъ камней. Послѣдніе катились съ такой силой, что сшибали съ ногъ работавшихъ по колѣна въ водѣ людей, а болѣе слабаго Самуила водоворотъ, подхвативъ, чуть не убилъ, бросивши на острыя скалы. Бѣглецы принуждены были разгрузить лодку, перевезти тяжести и часть провизіи на соѣдній островъ, за быструю и пѣнистую протоку. Когда Красусскій сѣлъ въ утлую душегубку, полную жестянокъ съ пемикеномъ, и поплылъ по бурнымъ струямъ, у бѣглецовъ дыханіе захватило отъ тревоги. Малѣйшее неловкое движеніе — и судьба ихъ побѣга была рѣшена. Но юноша, ловко подгребая подъ себя набѣгавшія волны, скользилъ удачно среди пѣны и грохота съ одного водяного бугра на другой, пока не достигъ счастливо берега.

— Ура! — вскричали товарищи и запѣли пѣсню о „Смѣломъ Экипажѣ“.

Настала „бѣлая“ полярная ночь... Подулъ холодный, пронизывающій вѣтеръ, и студеная вода стала еще холода. Измокшіе и промерзнувшіе, мореходы рѣшили раньше всего послать на берегъ слабосильную, малостоющую „морскую милицію“: Гликсберга, Мусью, Самуила, Аркановыхъ, чтобы тѣ развели немедленно огонь и сварили ужинъ. Аркановыхъ и Самуила удалось перевести безъ особыхъ приключений, но съ Мусьей и Гликсбергомъ случилась, какъ говорятъ джурджуйцы, „маленькая ошибка“. Уже у самаго берега Красусскій, не замѣтивъ плывшаго въ уровень съ водой древеснаго пня, наскочилъ на него — и душегубка сильно шокачнулась. Мусья вылетѣлъ изъ нея и окончательно потопилъ челнокъ... Красусскій раньше всего схватилъ за вихры кувыркавшагося возлѣ него „ бонапартиста“ и поставилъ его на ноги. Воды было, по счастью, не выше носа. Затѣмъ онъ бросился въ погоню за Гликсбергомъ, который уцѣпился за опрокинутый челнокъ и несся по волнамъ, сверкая въ сумеркахъ большими мѣдными котломъ. Несмотря на приключение, онъ не выпустилъ послѣдняго изъ рукъ, вѣрный своему долгу артельного повара... Красусскій безъ труда настигъ его вплавь и потащилъ къ берегу, откуда товарищи бросили имъ веревку. Затѣмъ все устремились спасать Мусью, который, стоя въ двухъ шагахъ отъ земли въ пѣнистыхъ струяхъ, боялся попасть въ воду и только взывалъ о помощи, увѣряя, что онъ погибъ, что онъ умираетъ... Въ результатѣ — вода унесла весло, двѣ шапки и одинъ сапогъ...

Въ это время оставшимся на „Королевѣ“ удалось столицѣ судно на болѣе глубокую воду, и она опять торжествующе понеслась, послушная весламъ и рулю.

Бѣглецы впервые заночевали на берегу, съ удовольствиемъ выспались у богато растопленного костра, высушили намокшую одежду и перевязали свои ушибы и раны. Особенно пострадалъ Петровъ, который глубоко пробилъ себѣ ступню острымъ камнемъ.

Съ этихъ порь начались неудачи...

Въ продолженіе пяти дней они блуждали изъ конца въ конецъ по заполнявшей всю долину сѣти безчисленныхъ протокъ, каналовъ,—быстрыхъ, ревущихъ, прегражденныхъ сотнями шиверовъ, мелей, водоворотовъ и перекатовъ... Они убѣдились, что „Королева“ слишкомъ крупна, тяжела и слишкомъ нагружена для маленькаго и неумѣлого экипажа, и что грузъ угля, которымъ они замѣнили спиртъ, вопреки совѣту американцевъ, можетъ погубить ихъ.

Когда, наконецъ, они выбрались изъ ловушки мелкихъ каналовъ на болѣе глубокія воды, у нихъ было много опыта, но мало силъ. Менѣе выносливые страдали дизентеріей. Въ сильный противный вѣтеръ они не въ силахъ были гнать впередъ судно на веслахъ. Оно почти уже не двигалось съ мѣста и не слушалось руля.

Бѣглецы не пѣли больше о „Смѣломъ экипажѣ“. Негорскій глухо кашлялъ. Петровъ вторично пробилъ ногу осколкомъ кремня.

Только желѣзное тѣлосложеніе Яна, Александрова и Красусского побѣдоносно выдерживало искусъ. Въ сущности, подъ конецъ они одни везли всю экспедицію, но и ихъ силы таяли отъ непосильного труда и безсонницъ.

Въ довершеніе всего, бѣглецы настигли зиму. Они все чаще встречали на рѣкѣ огромныя запоздавшія льдины, мокрый снѣгъ съ дождемъ все чаще хлесталъ имъ въ лицо. Въ непогоду они, поэтому, все охотнѣе причаливали къ берегу подъ защиту утесовъ и разводили большой огонь среди мшистыхъ скаль и камней, у которого сушились и согрѣвались. Одно удивляло ихъ: почему, несмотря на всѣ усилія, они двигаются такъ тихо впередъ? почему все видѣются за ними столбы дыма брошенныхъ вчера костровъ?

Характеръ мѣстности измѣнился. Все менѣе было лѣса, и деревья казались все ниже и тщедушнѣе. Мхи и лишайники замѣнили мало-по-малу травы и цвѣты. Тяжелые туманы грубыми облаками или широкими струями стекали, точно водопады, по крутизnamъ горъ къ самой рѣкѣ. Не разъ лодка изъ ясныхъ водяныхъ пространствъ ныряла прямо въ темныя мглы, среди которыхъ неожиданно всплывали иногда, передъ самымъ ея носомъ, грозные „быки“ съ плещущими взлетами прибоя. Бѣглецы во мглѣ руководились больше слухомъ, чѣмъ зрѣniемъ, бдительно наблюдая за мрачнымъ

бурлениемъ рѣки. Они никакъ не могли разобраться въ мѣстности, опредѣлить, гдѣ находятся, и узнать, прошли ли они уже грозные „пороги“, или тѣ ждутъ ихъ еще впереди. Карта рѣки Джурджуя не давала имъ никакихъ указаній. Они убѣдились, что она не больше, какъ простой „зигзагъ“, проведенный на удачу рукой картографа.

По мѣрѣ того, какъ убывали ихъ силы, они все сильнѣе пугались этихъ „пороговъ“.

— Ахъ, скорѣе бы... Ну, ихъ къ чорту!..—ворчалъ Негорскій, поправляя на головѣ свой шлыкъ изъ тюленьяго мѣха. Онъ водилъ взоромъ по омываемымъ водою и мглами горамъ и непріятно щурился:

— Да!.. Мы, какъ-будто, дѣйствительно оставили солнце навсегда позади... Теперь я чувствую, что мы плывемъ къ полюсу... Да! Чѣмъ дѣлать?!

Береговые утесы все сближались и все сильнѣе сжимали рѣку. Даже маленькие островки исчезли на ней, исчезли у скаль даже узенькие, прибрежные карнизы, гальки и пески. Напряженная, выпуклая почти отъ бѣшенаго бѣга могучая струя рѣки, неслась подъ конецъ со страшнымъ гудѣніемъ по длинному скалистому коридору, по обѣимъ сторонамъ котораго подымались прямо изъ воды высокіе, отвѣсные обрывы. Бѣлые нити тумановъ вѣшались на утесахъ; маленькие клубочки ихъ постоянно отрывались отъ густаго свода облаковъ, скрывающихъ вершины горъ. Они скатывались, точно мячики, на рѣку или струились, точно длинныя паутины, надъ водой, гдѣ пеукротимое теченіе подхватывало ихъ и уносило съ собою.

— Все сѣро—и скалы, и воздухъ, и вода!.. Ничего не вижу... Стопъ весла!..—сказалъ, наконецъ, Негорскій.

Весла были, впрочемъ, совершенно лишними, такъ какъ теченіе опережало греблю, и весла бесполезно только тяпали по водѣ. Края тумановъ свѣшивались мрачными кистями и излучинами къ самой водѣ... Утесы, казалось, уже не отвѣсно подымались изъ рѣки, а склонялись сводами надъ ней. Они быстро мелькали въ глазахъ путниковъ, точно колоннада какихъ-то адскихъ воротъ, влажныхъ, холодныхъ и неумолимыхъ...

— Ну!.. Если теперь о самый маленький стукнемся камешекъ, никто изъ насъ даже не вынырнетъ...—замѣтилъ Янъ.

— Тише!.. Слышите: водопадъ!..—вскрикнулъ Негорскій.

Въ глубинѣ ущелья что-то выло, гремѣло, всплескивало и глухо рокотало низко подъ туманомъ.

Отъ бѣга путникамъ казалось, что лодка стоитъ на мѣстѣ и только вздрагиваетъ отъ испуга, а къ нимъ съ неимо-

вѣрной быстротой несутся навстрѣчу утесы да все крѣпчающіе голоса налетающей бури

— Красусскій и Александровъ, готовься!.. Живо!..— приказывалъ измѣнившимся голосомъ Негорскій.

Силачи усѣлись поудобнѣ и ухватились за рукоятки весель.

— Ждать команды!

Остальные бѣглецы, собравшись у носовой палубы, силились пронзить взглядомъ завѣсу тумана и разглядѣть непріятеля. И вдругъ, о ужасъ! они замѣтили громадный утесъ, который буквально запиралъ ущелье и какъ бы глоталь рѣку. Снопъ блѣднаго, молочного свѣта, проникая откуда-то сбоку, точно отблескъ закрытой облакомъ луны, чертиль таинственные узоры на темныхъ изломахъ скалъ, серебриль скачущіе у ея груди пѣнистые гребни и бугры клокочущихъ буруновъ. Рѣка съ неимовѣрнымъ громомъ, ревомъ и шипѣniемъ съ размаху влетала подъ черный, зубчатый сводъ...

— Правымъ впередъ, лѣвымъ назадъ!— прозвучали слова команды. Весла разомъ погрузились въ рѣчной кипятокъ и согнулись, точно тонкія лучинки. Оглушительный вой рѣки лишалъ пловцовъ сознанія и, раньше, чѣмъ они разобрали въ чемъ дѣло, подумали о спасеніи или гибели,— лодка повернула почти на мѣстѣ, какъ волчекъ, среди пѣни и невѣроятнаго кипѣнія волнъ, накренилась, треснула, грохнулась краемъ кормы о скалу и выскочила изъ-подъ тумана, межъ двумя высокими обрывами, точно изъ воротъ, на просторную равнину, залитую яркимъ солнцемъ и накрытую голубымъ небомъ. По обѣимъ берегамъ зеленѣли лѣса. Рѣка вся сверкала золотой чешуей въ лучахъ ведренаго дня и широко разливалась съ веселымъ рокотаніемъ, точно радуясь и вздыхая послѣ пережитыхъ опасностей и трудовъ. Горы справа ушли круто на западъ, а на лѣвомъ берегу опустились, закруглились и покато нисходили къ рѣкѣ.

— Помогите!..— проговорилъ неожиданно Красусскій.

И тутъ только пловцы замѣтили, что Негорскаго нѣть на кормѣ, что онъ лежитъ въ объятіяхъ Красусскаго, и изъ его рта струится кровь. Товарищи бросились приводить его въ чувство, а Петровъ схватился за руль. Вскорѣ Негорскій открылъ глаза и, увидѣвши надъ собой небо и солнце, улыбнулся:

— Рукоятка руля... ударила меня... Должно быть, и „Королевъ“ досталось... Посмотрите, много ли воды на днѣ...— проговорилъ онъ тихо.

Они уложили его въ постель, отдали на попеченіе Евгѣ-

ни, а сами принялись за насосы, и какъ разъ во время, такъ какъ вода быстро вливалась въ шлюпку невидимыми щелями. Красусскій вползъ подъ кормовую палубу, вынуль оттуда вещи, сняль настилку и принялся искать отверстіе.

— Хорошую построили мы посудину!.. Совѣстливая работа!.. Всякая другая непремѣнно раскололась бы въ щепки... — хвасталъ панъ Янъ. — И погони нечего намъ бояться!..

— Ну, нѣть!.. Если они знаютъ объ этомъ „быкѣ“, то могутъ заблаговременно держаться лѣваго берега и пройти опасное мѣсто на шестахъ,— замѣтилъ Александровъ.!

— Какая погоня?!.. Что за погоня!?.. Море рукой подать!.. Если нась до сихъ поръ не поймали, то уже не поймаютъ... А когда выдемъ въ море — тогда пиши-пропало: спрячемся во льдахъ и не отыщеть нась даже квартальный надзиратель...—штутили весело бѣглецы.

— Не отыщеть даже квартальный надзиратель!—повторялъ, смѣясь, Мусъя.

На берегу рѣки стали попадаться рыбачьи заимки. Бѣглецы остановились у одной изъ нихъ, чтобы узнать, гдѣ находятся, и купить рыбы. Но въ юртѣ никого не нашли. Жители убѣжали,бросивши все на произволъ судьбы. Путники увидѣли распластанную рыбу въ корзинѣ, полуочищенныхъ лососей на столепницахъ, горячую пищу въ котлахъ на очагѣ, разбросанныя влоныхахъ вещи... Они забрали часть рыбы, оставивши въ уплату табакъ и чай. Плыя дальше, они наскочили-таки на одного рыбака, и тотъ рассказалъ имъ, что до моря осталось всего 200 верстъ. Затѣмъ, они миновали большую деревню на горѣ, съ церковью и безчисленными сарайами и шестами для сушки рыбы. Деревня казалась пустой, никто не вышелъ поглядѣть на нихъ, и даже собакъ не было видно. Но за то въ слѣдующей деревушкѣ собрались на берегу, завида ихъ, цѣлныя толпы людей и еще болыція стаи собакъ.

Два рыбака въ изящныхъ мѣстныхъ „вѣточкахъ“ (челюокахъ) быстро, наперерѣзъ, поплыли къ нимъ и, приблизившись на разстояніе ружейнаго выстрѣла, принялись дружески приглашать къ себѣ въ гости... Бѣглецы откаzzались, пригворяясь, что не понимаютъ языка, и объясняя, что они—возвращающіеся на родину американцы...

Мощная рѣка, широкая, черная отъ глубины и многоvodности, лилась одной струей среди веселыхъ, зеленыхъ береговъ.

Горы исчезли, исчезли лѣса, а вслѣдъ за тѣмъ и рѣка расщепилась на части и ровными, безконечно длинными, почти прямыми плесами покатилась по тундрѣ на сѣверъ.

Низкий небосклонъ блестѣлъ отъ множества разлитыхъ водъ, рѣка терялась въ перламутровой дали, гдѣ бѣглѣцамъ все чудилось море. Опять стремительные вѣтры ударили на нихъ... Путешественники попробовали тащить лодку бичевой, но покачиваніе громадныхъ волнъ вызвало у Негорскаго кровотеченіе. Тогда они остановились у старого рыбачьяго шалаша, вынесли больного на землю, развели костеръ и усѣлись кругомъ. Теплота огня и свѣже-вареная пища вскорѣ вернули имъ силы и хорошее расположение духа.

— Опять изъ-за меня остановка!.. — сокрушился Негорскій.

— Пустяки!.. Отдохнемъ всѣ и легко наверстаемъ потерянное время,—утѣшала его Евгенія. — Безъ васъ все не спорится!..

Красусскій отправился на охоту. Другіе починяли одежду или просто отдыхали. Самуиль хлопоталъ у кипящихъ чайниковъ и пугалъ шутливо Мусью.

— Подумайте только, Мусья, что значить для кита наша лодка, если онъ безъ труда глотаетъ корабли... Помните, сколько дней Іона прожилъ въ его внутренностяхъ и даже не дурно тамъ устроился!?. Но все это еще цвѣточки... А слыхали ли вы про морского змѣя?..

Мусья качалъ отрицательно головою, а самъ водилъ круглыми глазами по товарищамъ, наблюдая, смѣются они или слушаютъ серьезно.

— Когда змѣй этотъ подниметъ надъ водою голову, то она выше самой высокой соборной колокольни... Сообразите только, Мусья, сколько его должно оставаться въ волнахъ. Вѣдь это его движенія вызываютъ въ моряхъ бури и водовороты... Вѣрно!.. Я самъ его не видѣлъ, но читалъ въ газетѣ...—продолжалъ серьезно поэтъ.

— А, что?!.. Вотъ видите??. Я давно говорю: бросьте вашу лодку до дьявола, раздѣлите вещи въ нѣсколько мѣшковъ, вложите мѣшокъ на спину и барда... по-якутски. Всетаки по землѣ безопаснѣе! Ого!.. Хорошо говорю!.. Француузъ вовсе не такой дуракъ!..—смѣялся Мусья.

— Мы уже знаемъ, какъ по землѣ! — вмѣшался Негорскій.— Нѣть, Мусья, успокойтесь: змѣй нѣть въ Ледовитомъ океанѣ: слишкомъ холодно. А киты не подходятъ такъ близко къ берегамъ...

— Не смущай его!..—обратился онъ по-англійски къ Самуилу.

Разговоръ прекратился, но Мусья уже не съ такимъ, какъ раньше, увлеченіемъ отзывался о морѣ и мореплаваніи.

Они увидѣли море впервые въ ясномъ, солнечномъ по-

муднѣ. Чтобы скрыться отъ глазъ прибрежныхъ жителей и спутать погоню, они повернули въ восточный второстепенный рукавъ джурджуйскаго устья. Узкій, но глубокій каналъ змѣевидно вился среди торфяныхъ острововъ. Черные, влажные берега, прослоенные прожилками грязного льда, заслоняли горизонтъ со всѣхъ сторонъ. Неожиданно за однимъ изъ безчисленныхъ поворотовъ они увидѣли, что земля обрывается, исчезаетъ, растворяется, и передъ ними раскрылась безпредѣльная голубая пропасть съ черными островками, плывавшими въ ней тамъ и сямъ, точно послѣдня крохи земного шара. Сплошная чешуя золотисто-голубой зыби наполняла эту пропасть и, постепенно блѣднѣя и мельчая, сливалась съ синевой неба въ одинъ безконечный, свѣтлый океанъ. Въ глубинѣ его — не то на небѣ, не то на землѣ — вытянулся длинный рядъ бѣлыхъ, прозрачныхъ облаковъ. На иѣкоторыхъ изрѣдка зажигались огненные искры, дрожали иѣкоторое время, колыхались и гасли...

— Льды!.. — воскликнули восторженно бѣглецы. — Льды!

Беззаботно скользя надъ пучиной,
Распѣваетъ о жизни дружина... —

и пропѣла дрожащимъ голосомъ Евгенія.

Но остальнымъ некогда было распѣвать и сентиментальничать. Они рѣшили пробраться поскорѣе на одинъ изъ острововъ океана недалеко отъ устья Джурджуя, чтобы воспользоваться его прѣсной водой, отдохнуть, исправить „Королеву“ и полѣтѣть кой-кого изъ ея „экипажа“, — словомъ, приготовиться для дальнѣйшаго плаванія.

Они отыскали небольшую бухточку у высокаго не затопляемаго приливомъ берега, причалили къ нему и вбили въ землю якорь. Лодка была мгновенно разгружена и вытащена на мель, послѣ чего Красусскій и Александровъ немедленно принялись за починку поврежденій, конопатку щелей и просмолку ихъ. Они рѣшили не уменьшать ея бортовъ, о чёмъ думали раньше, а скорѣе выбросить для облегченія судна часть угля, тѣмъ болѣе, что, какъ увѣряли ихъ якуты, вездѣ на меляхъ разбросано много древесныхъ остатковъ, достаточныхъ для разведенія огня.

Янъ съ Аркановымъ и Воронинымъ отправился на охоту. Самуиль и Гликсбергъ осмотрѣли вещи, развѣсили мокрые предметы на устроенныхъ изъ весель козлахъ, а сухie накрыли парусомъ. Въ сторонѣ, на небольшомъ холмикѣ, горѣлъ костеръ и сутилась у него Евгенія, приготовляя ужинъ. Она очищала отъ перьевъ только что убитыхъ утокъ; Мусья помогала ей и тащила съ берега топливо, бревна, щепки и кокоры, прибитыя и выброшенныя прибоемъ. Негорскій

лежалъ на медвѣжьей шкурѣ и глядѣлъ на теплое, чистое солнечное небо. Петровъ, нога котораго все еще не зажила, тоже смотрѣлъ на небо, грѣя на солнцѣ то одинъ, то другой бокъ. Онъ доказывалъ, что теперь только онъ понять психологію итальянскихъ лаццарони, для которыхъ высшимъ блаженствомъ представляется лежать на солнцѣ среди трудящихся людей вверхъ брюхомъ и ничего не дѣлать. Самуилъ, который, окончивъ свое занятіе, подсѣлъ къ Евгениѣ и принялъ вмѣстѣ съ нею оципывать утокъ, увѣряя ее могильнымъ голосомъ, что одинъ только трудъ облагораживаетъ людей.

Цулъ легкій вѣтерокъ, мягко шумѣли волны моря, нѣжно лаская успокоенную, изливающуюся въ нихъ рѣку. Издали, съ позлащенныхъ солнцемъ мелей, долетали крики чаекъ и гомонъ другихъ птицъ; на льдахъ, въ безконечной голубой пропасти, все чаще загорались мимолетныя молніи, солнце покидало темныя равнины земли и поднималось надъ океаномъ.

Вернулись изъ похода охотники и принесли множествомъ яицъ. Они не разсчитывали на такую обильную добычу и не захватили съ собою мѣшковъ. Теперь они несли яйца въ голеницахъ сапогъ, переброшенныхъ за спину, въ рубахахъ, которые сняли съ себя, застегнувши взамѣнъ до верху свои австрійскія куртки. Такое обиліе пищи вызвало необычную радость. Даже суровые мастера-плотники оставили свою работу и прибѣжали поглядѣть. Яйца, узорчатыя точно пасхальная „писанки“, поражали разнобразiemъ красокъ, величиной и формами. Нѣкоторыя были до того хороши, что Евгенія не безъ колебанія разбивала ихъ для стряпни.

— Я заказываю себѣ яичницу изъ сорока яицъ. На меньшее моя нога не согласна!..—кричалъ Петровъ.

— Какъ больной, ты получишь известковую воду, настоенную на яичной скорлупѣ.. Пригодна для всякихъ ранъ!..—отвѣчалъ Самуилъ.

Солнце спустилось низко къ самому горизонту и показалось среди ледяныхъ тумановъ, красное и огромное, точно раскаленный желѣзный дискъ. Море потемнѣло и отдѣлилось отъ небосклона рѣзкой темносиней линіей. На тундрѣ потухли серебряные отблески расцвѣчающихъ ее водъ, она застыла и потемнѣла вдругъ, какъ трупъ. Повѣяло холодомъ. Пришла полярная лѣтняя ночь, первая ночь бѣглецовъ на морѣ. Янъ передъ отдыхомъ принесъ нѣсколько штукъ великолѣпныхъ лососей, пойманыхъ въ заброшенныя по близости сѣти. Бѣглецы уснули въ самомъ радужномъ настроеніи духа. Долго они спали, согрѣтые незадающимъ солнцемъ, усталые отъ пережитыхъ трудовъ и

волненій. Когда они проснулись, то замѣтили, что Мусы вѣтъ. Онъ взялъ лучшую двустволку, жестянку со спичками и исчезъ. Сначала они не особенно беспокоились его отсутствіемъ, предполагая, что онъ просто ушелъ на охоту. Но когда наступилъ полдень, а француза все не было, они съ тревогою стали посматривать на рѣжія, необозримыя тундры — такія мертвыя, безголосыя, непривѣтливыя плоскія. что малѣйшій кустикъ прошлогодней травы казался издали, на фонѣ блѣднаго неба, въ лучахъ низкаго солнца, рощею роскошныхъ деревьевъ. Человѣкъ не могъ бы въ нихъ укрыться на десятки верстъ.

— Можетъ быть, онъ упалъ въ воду?.. Или сломалъ ногу, поскользнувшись на ледяномъ днѣ одного изъ безчисленныхъ мелкихъ озерковъ?.. Они тамъ на каждомъ шагу!.. — высказалъ предположеніе Аркановъ. Бѣглецы послали Яна съ Аркановымъ на поиски. Янъ предложилъ Воронину и Гликсбергу раньше своего ухода обойти кругомъ всю стоянку, чтобы отыскать слѣды Мусы и опредѣлить ихъ направленіе.

Слѣды были отысканы безъ труда и указывали, что французъ ушелъ въ глубь материка въ томъ приблизительно направленіи, въ какомъ недавно охотились Янъ и Аркановъ. Охотники пошли немедленно по слѣду и скоро исчезли за горизонтомъ. Вернулись они поздно ночью, грустные, раздраженные, хотя и принесли много дичи.

— Мы дошли до протоки, отдѣляющей нашъ островъ отъ слѣдующаго... Слѣдъ спустился въ воду и потерялся... — рассказывалъ Янъ.

— Насколько знаю, Мусыя не умѣеть плавать, — замѣтилъ Красусскій.

— Кто знаетъ?! Можетъ быть, онъ съ нами хитрилъ!.. Широкъ ли каналъ? — выспрашивалъ Негорскій.

— Довольно широкій. Мы не рѣшились переплыть его!

— А что же онъ дѣлалъ по дорогѣ?..

— Кружилъ, дѣлалъ петли, какъ заяцъ... Въ одномъ мѣстѣ онъ выстрѣлилъ, кажется, въ утку... Мы нашли бумагный фитиль заряда и замѣтили утиныя перья, плавающія на озеркѣ... Онъ тамъ входилъ въ воду и, повидимому, раздѣвался и возился, такъ какъ на сильно истоптанномъ помятомъ мху и ближайшемъ мокромъ пескѣ мы нашли оттиски босыхъ ногъ... Отсюда онъ пошелъ мхами, избирая нарочно самыя толстыя и густыя его полосы... Мы съ трудомъ прослѣдили его, пока опять не нашли мѣста, где онъ опять глубоко завязъ въ тинѣ надъ водой... Ноги были уже обуты... — рассказывалъ Янъ.

— А онъ ли это?.. Не на чужой ли вы напали слѣдъ?

— Возможно, что онъ блуждаетъ въ совершенно другой сторонѣ...—вмѣшался Александровъ.

— Не знаю навѣрно, но, какъ будто, это Мусыя... Коселлапый ворачиваетъ пятку, храмаетъ...—объяснялъ Янъ.

— Право, не знаю, что и дѣлать,—шепнулъ Негорскій.

— Подождемъ до завтра!..—совѣтовалъ Гликсбергъ.

— Если это островъ, и онъ заблудился, то онъ умретъ обязательно съ голода!..—разсуждалъ Негорскій.

— Обыщемъ весь островъ!.. Развѣ насъ мало?!.—воскликнулъ Воронинъ.

Ночь прошла безпокойно. Негорскій то и дѣло подымался и вглядывался въ горизонтъ: не увидить ли фигуры приближающаго Мусыи. Другие изъ-подъ одѣяль, которыми укрывались съ головой, спрашивали его:

— Ну, что-же?

— Ничего. Его нѣть!

Съ восходомъ солнца всѣ поднялись, сѣѣли поспѣшио завтракъ и разбрелись въ разныя стороны. Воронина и Гликсберга панъ Янъ послалъ въ противоположныхъ направленіяхъ вдоль морскихъ береговъ, сходившихся далеко подъ угломъ. Самуилъ пошелъ посерединѣ. Аркановъ кружился между Самуиломъ и Воронинымъ, а самъ панъ Янъ осматривалъ мѣстность между Самуиломъ и Гликсбергомъ. Такимъ образомъ они осмотрѣли каждую пядь острова и не нашли ничего, кромѣ вчерашнихъ слѣдовъ.

— Только я вотъ что еще нашелъ!.. — заявилъ подъ конецъ Воронинъ, показывая маленьющую латунную трубочку, прикрепленную ремешкомъ къ толстому и короткому чубуку.

— Что же вы молчите?!—воскликнулъ Янъ, быстро хватая трубочку.

— Юкагирская... Недавно еще изъ нея курили... еще сокъ не успѣлъ высохнуть!—добавилъ онъ, осматривая ее внимательно. — Далеко нашли вы?..

— Далеко. Въ томъ краю!..

— Ну, что-жъ... Навѣрно, прѣѣзжаютъ сюда юкагиры на охоту.

— Эти дни ихъ не было, иначе мы бы замѣтили...—сказалъ Петровъ.

— Во всякомъ случаѣ—скверно! Очевидно, они живутъ недалеко!—замѣтилъ Негорскій.—Но что же дѣлать?!.. Не возможно вѣдь оставить на вѣрную гибель этого Богомъ обиженного человѣка!

— Ничего ему не будетъ! Если онъ утонулъ, такъ его уже нѣть. А если перебрался на ту сторону протоки, то переплыть и слѣдующую и доберется до людей... Твер-

дая онъ штука... Не мало вытеръ угловъ... — доказывалъ Янъ.

Никто не отвѣтилъ, никто не въ силахъ бытъ согласиться съ нимъ.

— Еще подождемъ!..—сказалъ, наконецъ, послѣ короткаго раздумья Негорскій.

— Такъ-то такъ, почему бы и не подождать. Но вѣтеръ-то какъ разъ попутный... Лодка готова!.. Здорово бы отмахали мы!..—настаивалъ Янъ.

Дѣйствительно, вѣтеръ дулъ съ суши, и направлениѳ его мѣнялось, смотря по положенію солнца. Въ настоящее время онъ гналъ и зыбиль море съ юга на сѣверъ, какъ вчера.

— Знаете, господа, мы сдѣляемъ вотъ что,—настаивалъ Янъ,—часть пищи, пороху, спичекъ мы запасемъ въ жестянку и оставимъ здѣсь... Если онъ заблудился на сосѣднемъ островѣ, то вернется и найдетъ запасы, а потомъ онъ неминуемо встрѣтится съ рыбаками. Ясно, что они приходя сюда... Трубочка лучшее доказательство!..

Вдругъ Воронинъ вскочилъ и вскричалъ громко:

— Есть!.. Есть!.. Нашелся!.. Дымъ!..

Всѣ вскочили и обернулись въ указанную сторону. Далеко по другую сторону протоки, на краю горизонта, подымался большой столбъ сизаго, клубящагося дыма.

— Это онъ... подаетъ сигналы! Почему онъ, дуракъ, не едѣлалъ этого раньше?..—сердился Янъ.

— Пусть Янъ и Красусскій немедленно сядутъ въ душегубку и отправляются за нимъ. А остальные пусть грузятъ лодку!—приказалъ Негорскій.

Только вечеромъ Красусскій съ Яномъ достигли того мѣста, откуда уже пѣшкомъ имъ предстояло подойти къ нежаришцу. Они вытащили членокъ на берегъ и пошли быстро впередъ, жестоко ругая Мусью.

— Столько хлопотъ, беспокойства и такая трата времени изъ-за этого дурака!.. И все только потому, что ему воздумалось пѣшкомъ отправиться въ Америку!—ворчалъ Янъ.

— А если онъ, вправду, заблудился?!

— Какъ же! Знаю я его!.. А жестянка со спичками?! Мерзавецъ!.. Право, если настигнемъ его, такъ вы меня держите за руку, а то не выдержу и побью эту чортову куклу...

Красусскій самъ былъ сильно озлобленъ противъ француза и, хотя отрицательно качалъ головой на предположенія Яна, сильно хмурился и посматривалъ недружелюбно на дымъ.

Солнце сѣло совсѣмъ низко и перестало грѣть. Съ моря подулъ холодный и пронзительный вѣтеръ. Мѣстность, по которой шли охотники, представляла спутанный лабиринтъ

длинныхъ, болотистыхъ промоинъ, прудиковъ, лужъ, озерковъ, разъединенныхъ низкими грядами мшистой тундры. Чтобы не бродить постоянно въ холодной и мѣстами глубокой водѣ, имъ приходилось постоянно сворачивать и кружиться далеко по болотинамъ. Наконецъ, они замѣтили сухую, выпуклую гряду и направились къ ней, чтобы оттуда обозрѣть окрестности и избрать самый удобный путь.

Уже издали ихъ привѣтствовали жалобные крики вившихся надъ холмикомъ чаекъ. Когда они приблизились къ нимъ, цѣлья тучи птицъ смѣло устремились на охотниковъ. Послѣдніе увидѣли передъ собою странное явленіе—большой птичій городъ. Густо другъ около друга стояли гнѣзда, построенные изъ травъ и вѣточекъ, на нихъ сидѣли полки птицъ, ничуть не встрѣвоженныхъ появленіемъ людей. Всѣ онѣ повернуты были головками въ одну сторону, гдѣ между отдѣльными кварталами сплошныхъ гнѣздъ тянулись сухія, хорошо утоптанныя улицы. По улицамъ прохаживались, подпрыгивая, птичіи стражи...

Охотники остановились. Имъ жаль было топтать и портить безъ пользы яйца и гнѣзда. Впрочемъ, ни избрать обходнаго пути, ни придумать чего-нибудь другого они не успѣли, такъ какъ тучи чаекъ грозно набросились на нихъ. Птицы кружились, взлетали и быстро опускались имъ на головы, угрожая клювами и кривыми когтями ихъ лицамъ и глазамъ. Охотники защищались ружьями, били прикладами, но разъяренныя птицы валетали лишь на мигъ, чтобы немедленно наброситься сверху. Нѣсколько разъ ихъ когти коснулись шапки и плечъ пана Яна. Пронзительный пискъ, трепетаніе крыльевъ выводили изъ себя охотниковъ, мѣшая имъ осматривать окрестности. Чтобы прогнать надоѣливыхъ пернатыхъ, путешественники дали залпъ, но результаты получились еще худшіе. Съ неописуемымъ шумомъ, крикомъ, трепетаніемъ крыльевъ валетѣла съ земли цѣляя туча птицъ и закружилась надъ врагами. Что значили выстрѣлы для этихъ тысячъ?! Низко согнувшись, позорно бѣжали охотники прочь, а птицы преслѣдовали ихъ, ударяя клювами и крыльями по ихъ головамъ и спинамъ. Наконецъ, крики ослабѣли, и люди, оглянувшись, убѣдились, что преслѣдуется ихъ уже небольшая горсть самыхъ рьяныхъ защитниковъ птичьяго царства; остальные вернулись къ своимъ гнѣзамъ.

— Вотъ такъ оказія! — смѣялся Янъ. — Подождите, придемъ мы сюда на обратномъ пути... Оставимъ вамъ Мусью, а сами наберемъ яицъ, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ... Знаешь, Красусскій, намъ придется снять обувь и пойти въ бродъ, а то не скоро попадемъ на мѣсто...

Пройдя прямикомъ полчаса, они очутились у дыма. Брошенный костеръ догоралъ — Мусы нигдѣ и слѣда не было... Они тщательно осмотрѣли всю мѣстность и нашли только обглоданныя утиныя кости. Но былъ ли здѣсь Мусья, или кто другой, этого они опредѣлить не могли. Имъ казалось, что у огня сидѣль не одинъ человѣкъ, а много. Наконецъ, Янъ вскрикнулъ отъ радости: въ сторонкѣ лежала бумагка.

Это былъ кусокъ обыкновенной бумаги, какая могла очутиться и въ рукахъ мѣстныхъ инородцевъ вмѣстѣ съ европейскими товарами. Правда, посерединѣ ея была вырвана дырочка, а кругомъ были ногтемъ выдавлены какіе-то таинственные знаки, но трудно было что-либо заключить по нимъ. Растроенные, они глядѣли сердито на затуманенную тундру, гдѣ незамѣтно уходили и терялись слѣды.

— Нечего дѣлать, вернемся! — проговорилъ, наконецъ, Янъ.— Надо торопиться, а то туманъ идетъ!..

Холодный вѣтеръ все стремительно подувалъ съ моря. Охотники увидѣли, какъ неожиданно изъ льдовъ спустился длинный, во всю длину горизонта, валъ бѣлаго тумана и покатился къ нимъ по в забаломученнымъ, чернымъ волнамъ. Малиновое солнце скрылось до половины во мглѣ.

— Торопись... торопись... Скоро здѣсь будетъ!..— понуждалъ товарища Янъ.

Оба они бѣжали напрямикъ, прыгая черезъ лужи поменьше, перебираясь черезъ большія, иногда выше пояса въ водѣ. Вѣтеръ переходилъ въ бурю. Туманъ плылъ съ быстротою разлива. Первые его облачка, завитушки и вскло-жченные языки уже коснулись ступней охотниковъ, обогнали ихъ и покатились вглубь материка. Вскорѣ охотники брели по колѣни во мглѣ. Янъ вырвалъ немногого сухой шерсти изъ мѣховой подкладки своей куртки и заткнулъ ею дула и капсулы своего ружья. Красусскій послѣдовалъ его примѣру. Мгла уже доходила имъ до пояса. Она покрыла неровности земли, сушу и воды ровной бѣлой пеленой, чтѣ сильно затрудняло охотникамъ выборъ пути. То и дѣло они совершенно неожиданно проваливались въ ямы съ водою или болотной тиной. Вскорѣ туманъ достигъ имъ шеи, а затѣмъ сомкнулся надъ головами, окутывая все бѣлымъ мракомъ. Вѣтеръ бѣшено стала кружить, перегонять и волновать туманъ, точь въ точь какъ мorskую пучину. Избитые ударами воздуха, изсѣченные студеной мглою, не хуже снѣговой матели, прозябшіе до костей, охотникишлиощупью впередъ, пока не услышали вдругъ оглушительного рева воли, и черные, какъ сажа, ихъ языки не хлестнули имъ подъ ноги. Тогда они быстро попятились

назадъ, въ страхѣ, что ихъ опрокинуть и слизутъ мгновенно съ земли эти чудовищные языки.

— Что дѣлать?.. Какъ разыщемъ членокъ?—спрашивалъ Красусскій, стуча зубами отъ холода.

— Зачѣмъ намъ теперь членокъ? Развѣ затѣмъ, чтобы затащить его дальше... Чего доброго, вода его возьметъ!.. — отвѣтилъ неохотно Янъ.

Неожиданно вѣтеръ ударила въ нихъ съ такой силой, что они покачнулись на ногахъ. Берегъ дрожалъ подъ напоромъ плещущаго прибоя. Но свистъ вѣтра, шумъ бушующихъ водоворотовъ, стонъ земли подъ напоромъ пучины,— все покрывалось безслѣдно растущимъ ревомъ играющаго вдали океана.

— Пойдемъ, Янъ, пойдемъ!.. Навѣрно унесетъ нашъ членокъ...—говорилъ Красусскій, оттаскивая за рукавъ осталбенѣвшаго товарища.

— Куда пойдемъ... безъ глазъ!—отвѣтилъ тотъ грубо.—Развѣ знаешь, куда идти, гдѣ онъ лежитъ?! Подожди, надо собразить, надо подумать... Ложись, а то насквозь прозябнешь, а я тѣмъ временемъ подумаю и... отдышиусь!.. Собачья погода!

Они легли рядомъ въ маленькой ложбинкѣ и прижались другъ къ другу, чтобы лучше согрѣться. Янъ подперъ голову рукою и внимательно прислушивался къ гулу земли и моря, присматривался къ потокамъ переливавшихся черезъ нихъ струй тумана, наблюдалъ за вѣтромъ, который медленно, но неустанно мѣнялъ направленіе.

— Послушай, Красусскій: онъ и вчера былъ кружной?

— Кто? Вѣтеръ?

— Ну, да! Теперь онъ дуетъ совсѣмъ не съ той стороны, какъ въ то время, когда мы шли отъ рѣки. Въ такомъ разѣ намъ нужно идти вдоль воды, какъ разъ противъ вѣтру... Пойдемъ, милый, ляжемъ въ „вѣточку“, тамъ за бортами будетъ всетаки теплѣ...

Опять вѣтеръ сталъ ихъ теребить, опять мгла стала слѣпить имъ глаза и сѣчь лицо.

Они шли, низко нагнувши головы, съ протянутыми впередъ, какъ для плаванія, руками. Красусскій стучалъ зубами, какъ въ лихорадкѣ. Имъ не разъ приходилось далеко обходить плоскій берегъ, изъ опасенія, чтобы гривы волнъ не спутали имъ ногъ и не смыли прочь въ море. Туманъ кипѣлъ кругомъ удивительно густой, страшный, но уже другой, чѣмъ въ началѣ, какой-то золотистый и просвѣтленный. Его струи и облака неслись мимо нихъ, точно водяная пыль водопада, кружась и загораясь минутами радужнымъ блескомъ. Охотники нашли, наконецъ, членокъ, оттащили его отъ воды, поставили бокомъ къ вѣтру и легли въ немъ.

Вьюга свистѣла въ края лодочки, точно въ свириль, и перебрасывала черезъ нихъ молочныя волны, усыпая имъ лица холоднымъ, мелкимъ, какъ роса, дождемъ. Изрѣдка въ плавущихъ надъ охотниками мглистыхъ бурунахъ буря вышибала окно. Тогда они видѣли высоко надъ собою на короткое мгновеніе синее, позлащенное солнцемъ небо.

— Что это такое?.. Смотри!—воскликнулъ вдругъ Красусскій, указывая на мглу. На опаловой завѣсѣ ея засияли вдругъ радужными цвѣтами громадныя, косматыя фигуры людей.

Оба бѣглеца присѣли отъ удивленія и не спускали глазъ съ привидѣній, колеблемыхъ неустанно бурей.

На спутанномъ подвижномъ холстѣ тумана, точно картины волшебнаго фонаря, мелкали и шевелились блѣдныя изображенія цѣлой человѣческой толпы. Раньше, чѣмъ охотники успѣли ее разсмотрѣть, она исчезла, сдунутая вьюгой.

— Идемъ, идемъ!.. Что такое тамъ дѣлается?.. Это, наконецъ, страшно!..—шепнуль Красусскій.

— Потащимъ „вѣтку“ берегомъ. Наши по ту сторону протоки, какъ разъ напротивъ. Какъ только хоть немножко стихнетъ непогода, поплынемъ,—совѣтоваль Янъ.

Они попробовали поднять челнокъ на плечи, но вѣтеръ сдулъ его мгновенно, какъ перышко, съ ихъ рукъ. Съ ужасомъ они наблюдали, какъ подхваченное бурей суденышко сначала поднялось на воздухъ, затѣмъ упало на землю и, катясь по ней, исчезло въ туманѣ... Они съ трудомъ нажгали его и, согнувшись дугою, выставивъ впередъ противъ вѣтра головы, потащили за собою по влажной, липкой землѣ. Тяжело имъ давался этотъ походъ противъ теченія воздуха и мглы, почти такой же густой, какъ вода. Невозможность сообразовать шаги и движенія съ встрѣчными препятствіями и неровностями почвы, непрерывное движение всего кругомъ, оглушительный шумъ вѣтра и воды, измѣнчивыя дуновенія бури мучительно дѣйствовали на душу; имъ хотѣлось присѣсть, упасть ничкомъ, втиснуть хоть лицо въ какую нибудь щель, гдѣ можно бы было подышать свободно, гдѣ сохранилось бы хоть небольшое количество чистаго, неподвижнаго воздуха.

Отвратительная смѣсь холодной морской мглы и вѣтра давила ихъ, какъ влажная, затхлая вата.

— Какая къ чорту польза трепаться безъ толку!?. Вѣдь ни зги не видно!..—вскричалъ Янъ, брошенный бурей на землю. Обезсиленный Красусскій сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Скоро перестанетъ!—утѣшалъ его Янъ.—Вѣтеръ поворачиваетъ и слабѣетъ!..

Они ждали терпѣливо, прижавшись ко дну челнока. Янъ

даже вздрогнулъ. Вдругъ Красусскій разбудилъ его ударомъ локтя. Опять въ облакахъ вадъ ними задвигались исполинскія тѣни людей. Бѣглецы не сказали другъ другу ни слова, но, дрожа отъ холода и волненія, потащили вновь лодочку къ мятущимся у берега волнамъ.

— Смотри только: рѣжь прямо противъ волны!.. Не пугайся!.. — поучалъ Красусскаго Янъ. — Самое трудное сѣсть, и самая худшая первая волна!

Они спустили членокъ на воду въ маленькой бухточкѣ, защищенной крутымъ берегомъ отъ вѣтра. Но, хотя гребни волнъ здѣсь не заворачивались и самые валы были многое положе, всетаки волненіе было настолько бурно, что суденышко дважды наполнилось водою, раньше чѣмъ они немного изловчились и сѣли въ него, наконецъ. Они дружно ударили веслами и выскользнули изъ бухточки, но въ тотъ же мигъ громадный валъ подхватилъ ихъ и понесъ обратно къ землѣ. Они сохранили на столько присутствія духа, что опрокинулись немедленно на бокъ и уцѣпились за край лодочки руками, опасаясь, что вода унесеть ее прочь. Они не осмѣялись повторить сейчасъ же попытку, но и на мѣстѣ усидѣть было трудно. Они поплелись дальше вдоль берега и дотащились до самаго конца песчаной косы. Они поняли, что забрались слишкомъ на сѣверъ. Впереди бушевало уже открытое море. Они узнали его по острѣмъ, мощнымъ дуновеніямъ, по размѣрамъ водяныхъ горъ, подымавшихся и падавшихъ среди тумановъ съ мѣрнымъ гуломъ, похожимъ на взрывы вулкана, наконецъ, по большей яркости рѣвавшаго надъ водой тумана.

Въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило здѣсь, ревъ волнъ въ проливѣ показался имъ ничтожнымъ лаемъ собакъ.

Они вернулись, охваченные смущеніемъ и большей рѣшимостью. Они разыскали опять укромную бухточку и сдвинули членокъ на воду. Непогода уже затихала. Имъ повезло въ этотъ разъ. Согласнымъ ударомъ весель они загнали членокъ на вершину первой волны и счастливо мѣновали ее, лишь обрызганные ея пѣной. Они быстро скользнули внизъ, и раньше, чѣмъ могли сообразить, что съ ними творится, уже пѣна второго гребня кипѣла подъ ними. И тотъ миновали, слегка только черпнувъ однимъ бортомъ воды. Такимъ образомъ, послѣ нѣсколѣкихъ волнъ, они по поясъ сидѣли въ водѣ, но за то противоположный берегъ былъ уже недалекъ, а подъ нимъ и волненіе было тише.

Когда, промокшіе, они выползли, наконецъ, на землю и вытащили за собою членокъ, вѣтеръ уже сильно упалъ, и туманъ порѣдѣлъ настолько, что они безъ труда узнали въ небольшомъ отдаленіи лагерь товарищѣй. Они замѣтили

качавшуюся въ бухточкѣ „Королеву“, распознали темныя пятна товарищей, спавшихъ на землѣ. Но въ то же время они увидѣли нѣчто, что охватило ихъ ужасной дрожью, холодной, какъ сама смерть...

Они бросились къ своимъ, крича изо всей мочи:

— Вставайте, вставайте!..

— Что случилось?!—спрашивали тѣ, садясь и сбрасывая прочь одѣяла.

Янь и Красусскій указали имъ рукою въ ту сторону, откуда должна была явиться свобода.

Тамъ, среди тумана, подкрадывался къ нимъ осторожно большой полукругъ людей съ ружьями въ рукахъ. За ними шла толпа другихъ существъ, имъ неизвѣстныхъ, мѣднолицыхъ, косоглазыхъ, толпа дикихъ варваровъ, зашитыхъ въ косматые мѣха, съ копьями въ рукахъ, со стрѣлами, заложенными на тетивы луковъ...

За этой толпой ревѣло черное, взбаломученное море, а изъ-подъ вздымающихся вверхъ тумановъ, уже позлащенныхъ солнцемъ, выглядывали блѣдныя, радужныя тѣни лѣдовъ, плывшихъ съ грохотомъ къ землѣ...

Вацлавъ Сѣрошевскій.

К о н е цъ.

ТЕМНОЮ НОЧЬЮ.

Искрятся факелы. Улица, здания
Алымъ зардѣлись огнемъ.
Грозное шествіе вижу въ туманѣ я...
Правда мнѣ кажется сномъ.
Въ полночь глухую по городу солному,
Въ блескѣ кровавыхъ лучей,
Тихо проходять къ вокзалу безмолвному
Сотни усталыхъ людей.
Мѣрно и тяжко шагаютъ конвойные,
Голову хмуро склоня.
Молча идутъ, горделиво-покойные.
Плѣнники, цѣпью звеня...
Что-то знакомое: помню вѣсъ, смѣлые!
Съ знаменемъ краснымъ въ рукахъ,
Шли вы на битву, борцы загорѣлые,—
Пѣсня рыдала въ устахъ...
Вотъ и теперь—молодые и сильные—
Вдалъ вы идете толпой...
— Братья, прощайте!..—Молчанье могильное.
Городъ окутался тьмой.
Искры погасли, и шествіе грозное
Скрылось въ туманѣ сѣдомъ.
Плачеть и хмуриится небо беззвездное...
Правда мнѣ кажется сномъ.

С. Ивановъ-Райковъ.

Н А Ч А Л О.

I

Подпоручикъ Коровинъ былъ милый и веселый молодой человѣкъ. Ходилъ онъ, покачиваясь; голову склонялъ немного на бокъ и съ небрежной лѣнивой граціей козырялъ солдатамъ. Шель и всегда рисовалъ себѣ собственную фигуру, которая казалась ему воплощеніемъ изящества и красоты... Изящнымъ и красивымъ представлялось ему еще то, что куриль онъ тонкія, длинныя папиросы изъ янтарнаго мундштука, умѣлъ хорошо ъздить верхомъ и иногда проигрывалъ въ карты нѣсколько сотенъ рублей за одну ночь. Послѣ такого проигрыша имъ овладѣвало каждый разъ томно-мечтательное настроеніе, въ душѣ шевелилось щекочущее чувство гордости, что онъ ведеть себя, какъ гвардейскій офицеръ съ какой-нибудь громкой фамиліей, и онъ рассказывалъ о своей игрѣ дома, въ гостяхъ и у товарищѣй, улыбаясь, какъ мило напомнившій ребенокъ... Смѣялся Коровинъ весело и заразительно и, смѣясь, обыкновенно говорилъ:

— Здѣсно, чортъ возьми!.. Здѣсно.

И ему нравился свой заразительный, искрашійся, какъ водянная струя, смѣхъ, веселое сочное слово „здѣсно“, то, что онъ офицеръ, и что у него много знакомыхъ, которые постоянно просятъ его пріѣзжать къ нимъ на вечера и балы.

Въ полку онъ считался добрымъ и славнымъ товарищемъ. Пилъ, правда, мало, но во всѣхъ полковыхъ пирующихъ принималъ непремѣнное участіе и, вмѣстѣ съ самыми отпѣтыми кутилами, любилъ вспоминать о шумныхъ дебошахъ, о невѣроятномъ количествѣ выпитаго спирта и о многихъ другихъ не менѣе веселыхъ событияхъ.

— Здѣсно... чортъ возьми!.. Здѣсно...—громко смѣялся онъ, рассказывая, какъ на именинахъ у капитана Сосновскаго въ довольно просторномъ залѣ были сооружены двѣ диагонали изъ пустыхъ пивныхъ бутылокъ.

Слушая его рассказъ, капитанъ Сосновскій—мужчина по-жилыхъ лѣтъ съ небольшимъ круглымъ брюшкомъ—приходилъ въ радостное возбужденіе, засовывалъ руки въ карманы брюкъ и, пройдясь такимъ образомъ разъ пять по комнатѣ, начиналъ насыщивать маршъ двуглаваго орла... Штабсъ-капитанъ Миль гладилъ въ эти минуты длинные тараканы усы, бѣгалъ вытаращенными глазами за Сосновскимъ и задумчиво басилъ:

— Такъ здѣшово, по твоему? Черезчуръ даже—говориши... Ну, что-жъ, принимая во вниманіе обстоятельства времени, тяжелую воинскую службу и доблестное отношеніе наше ко всяко го рода опасностямъ, этотъ случай можно предать забвению... Сотворимъ по немъ тризну, господа, чѣмъ-нибудь... холодненькимъ... Вразумительно будетъ... Ей-Богу!

Со штабсъ-капитаномъ Милемъ, своимъ ротнымъ командиромъ, большимъ почитателемъ рапортовъ, приказовъ и другихъ служебныхъ бумагъ, Коровинъ былъ на ты... Въ шутку онъ называлъ добродушного и глуповатаго Миля своимъ папашей, возилъ его въ зоологическій садъ, принималъ всѣ расходы на себя и сочинялъ о папашѣ всевозможные анекдоты, въ которыхъ главное мѣсто занимали старые нѣмцы, родители Миля, аккуратно снабжавшіе сорокалѣтняго Федю фуфайками и теплыми носками, чтобы онъ не схватилъ на маневрахъ ревматизма. Самой излюбленной темой для анекдотовъ было дѣйствительное происшествіе, случившееся послѣ посѣщенія зоологическаго сада, когда, безобразно-пьяный, Миль вернулся домой подъ самое утро и объяснилъ свое опозданіе тѣмъ, что у него простуда, и что гдѣ-то онъ пролежалъ всю ночь безъ памяти... Старые Мили заахали, заохали, уложили его въ теплую постель и потомъ цѣлый день отпаивали горячей малиной, умоляя его никогда не ходить въ разстегнутомъ пальто, не пить холоднаго пива и не засиживаться въ гостяхъ позже двѣнадцати часовъ.

Своимъ однополчанамъ Коровинъ старался дѣлать разныя мелкія одолженія,—и до чего доходила его предупредительность въ этомъ отношеніи, показываетъ случай съ поручикомъ Беклемишевымъ, допившимся до маніи отвращенія къ людямъ. Этотъ Беклемишевъ, послѣ мѣсячнаго запоя, сталъ увѣрять, что не можетъ бывать въ людскомъ обществѣ, и что ему необходимъ умный породистый песъ,—иначе онъ рискуетъ сойти съ ума. Коровинъ внимательно слушалъ разсужденія мрачнаго офицера о человѣческомъ ничтожествѣ, объ умѣ и привязчивости собакъ и въ одно изъ своихъ посѣщеній притащилъ къ Беклемишеву громаднаго молодого сенъ-бернара.

— Помилуйте... — изумился Беклемишевъ... — Такую благородную собаку вы мнѣ... Не знаю, какъ и благодарить вась... Говорите, Герольдомъ зовутъ?.. Отлично... Ну, Герольдъ, иди сюда. Будемъ знакомиться.

Потомъ Беклемишевъ попросилъ разрѣшенія братски распѣловать дорогого Андрея Андреевича, и у Коровина надолго сохранилось воспоминаніе объ угрюмой радости, о горячихъ сухихъ губахъ, плохо-выбритомъ подбородкѣ и воспаленномъ дыханіи спившагося поручика.

Съ этихъ поръ Беклемишевъ быль неразлученъ съ Герольдомъ и, встрѣчая Коровина на улицѣ, показывалъ на него удивленно смотрѣвшему псу, какъ на милѣйшую, золотую личность.

Въ семье къ Коровину относились съ чувствомъ благоговѣйного обожанія... Мать гордилась имъ, какъ необыкновенно красивымъ и необыкновенно умнымъ сыномъ, у кого-то жизни похожа на заманчивую прекрасную сказку, когда-то давно, въ молодости, прельщавшую ея дѣвичьи мечты и оставшуюся недоступной и далекой, склоненной глубоко въ сердцѣ, не сумѣвшемъ воплотить ее въ дѣятельности... Кромѣ того, она любила своего Андрея, какъ кусочекъ самой себя, который останется послѣ ея смерти живымъ напоминаніемъ, что и она, Елена Ильинишна, ростила дѣтей, блюла земные законы, ходила въ церковь, имѣла большую квартиру и много, известныхъ ей одной, заботъ и хлопотъ. Сестры ходили съ Андреемъ гулять на Мorskую и Невскій, вмѣстѣ выѣзжали къ знакомымъ и упрашивали, чтобы онъ превозжалъ ихъ въ Гостинный дворъ за покупками... Имъ казалось, что Андрей однѣмъ своимъ присутствиемъ дѣлаетъ ихъ интереснѣе, изящнѣе и красивѣе, и каждое его слово было для нихъ особеннымъ словомъ, и каждое его движеніе—особеннымъ движеніемъ. Андрей быль съ ними, и глаза ихъ становились гордыми, презиравшими обыденную жизнь, и сердце билось для иного загадочнаго и манящаго міра, и воздухъ быль не уличный воздухъ, а другой, при несеніи братомъ изъ большихъ высокихъ залъ, гдѣ гремитъ музыка, звенятъ шпоры и сверкаютъ роскошные туалеты сидящихъ и танцующихъ женщинъ... Точно ихъ окружала непроницаемая плотная оболочка этого воздуха, и они трое были недоступны и чужды сновавшей около нихъ толпѣ, какъ недоступны ей алмазныя ожерелья, выставленные въ витринахъ богатыхъ магазиновъ.

Особенное отношеніе установилось въ семье и къ вещамъ, составлявшимъ собственность молодого офицера. Приходили гости къ Коровинамъ, такие же состоятельные люди, какъ и они, и Елена Ильинишна занимала ихъ Андрюшинамъ

граммомономъ, долго и подробно рассказывая, гдѣ и за какую цѣну онъ купленъ... Вѣра, старшая дочь, бережно приносила пластинки, выбирала самыя любимыя, и гости слушали, какъ граммофонъ низкимъ ласковымъ баритономъ выводилъ:

Я хотѣлъ бы быть сучочкомъ,
Чтобы миленькимъ дѣвочкиамъ
На моихъ сидѣть вѣтвяхъ...
Пусть сидѣли бы и пѣли,
Вили гнѣзда и свистѣли,
Выводили бы птенцовъ.

Хотѣлось закрыть глаза, чтобы ящикъ съ поющеи трубы не вызывалъ комичнаго впечатлѣнія. Страннымъ казалось, что мечтательное, ласкающее чувство жило помимо его обладателя-человѣка, что пѣвецъ съ красивымъ голосомъ продать за деньги это чувство, и вотъ оно томится въ чужой квартирѣ, грустить и плачетъ...

Пѣніе кончалось... Наступало короткое молчаніе, но бѣсѣда скоро возобновлялась, переходя съ граммофона на фотографію, на Андрюшину поѣздку въ Крымъ и на Кавказъ, откуда онъ привезъ массу снимковъ... Снимки ходили по рукамъ. Старушка Коровина рассказывала, на какомъ пароходѣ онъ ѣздила, въ какихъ гостиницахъ останавливался и съ кѣмъ познакомился въ дорогѣ. Вѣра и младшая изъ Коровинъ—Лидія—поправляли ее, добавляли отъ себя разныя подробности и бережно снимали фотографическую камеру съ треножника... А гости хвалили граммофонъ, хвалили снимки, Крымъ и Кавказъ и про себя думали, что дорого стоитъ Еленѣ Ильинишнѣ ея любимый сынокъ.

На балахъ и танцевальныхъ вечерахъ обѣ сестры радовались, когда братъ приглашалъ ихъ на вальсы и на па-декатръ, нисколько не меньше, чѣмъ если бы ихъ позвалъ танцевать товарищъ Андрея—полковой адъютантъ Борисъ Сергѣевичъ Иволгинъ, офицеръ съ сердитыми голубыми глазами и съ презрительнымъ произношеніемъ въ носъ. Отъ робости замирало сердце, волна сладкаго щемящаго чувства охватывала душу, и душа улетала. Танцуя съ братомъ, Вѣра держала голову въ одномъ положеніи, будто у нея была мраморная несгибающаяся шея, выпрямлялась, дѣлалась выше и тоньше и умоляющимъ шепотомъ просила: „Андрюша, ради Бога, еще одинъ кругъ“... Турь вальса слѣдовала за туромъ... Вмѣстѣ съ ними въ туманящую воображеніе неизвѣстность плыла воздушная мечтательная музыка, напоминавшая шелестъ многихъ бѣлыхъ крыльевъ... Залъ наполнялся бѣлыми крыльями. Хорошо было закрыть глаза, от-

даваться неизвестной воле, погружаться въ теплныя серебристыя волны... Вѣра мысленно любовалась на себя, и ей нравилось думать, что она танцуетъ не съ братомъ, а съ другимъ офицеромъ, съ которымъ ей предстоить еще познакомиться и который будетъ молчаливымъ, сдержаннымъ и холоднымъ. Шестнадцатилѣтняя Лидія отдавалась танцамъ болѣе непосредственно и не видѣла ни бѣлыхъ крыльевъ, ни незнакомаго молчаливаго офицера. Она во время вальса готова была разсмѣяться отъ радости безудержнымъ дѣтскимъ смѣхомъ, дышала открытымъ ртомъ и смѣющимися черными, какъ мокрыя спѣлые вишни, глазами смотрѣла въ смѣющаися глаза Андрея. А когда братъ вель ее подъ руку по залѣ, прижималась къ нему и, со счастливымъ выражениемъ на раскрасневшемся дѣтскомъ личикѣ, говорила:

— Андрюша! Милый! Съ тобой удивительно хорошо танцевать! Легче, чѣмъ съ нашимъ преподавателемъ танцевъ... Ты не вѣришь мнѣ? Нѣть? Вотъ Ѹома невѣрный... Ну, ладно-же...

И кокетливо надувала губки.

Очень пріятно для сестеръ Коровиныхъ, особенно для Вѣры, было сказать кому-нибудь, что это ихъ братъ, родной братъ стоитъ рядомъ съ Иволгинъмъ, когда Андрей и Борисъ Сергеевичъ наблюдали за танцами изъ курительной комнаты и дымили длинными папиросами изъ одинаковыхъ янтарныхъ мундштуковъ... Можно было видѣть, какъ Иволгинъ презрительно подымаетъ брови, презрительно отряхаетъ нагорѣвшій пепель и что-то шепчетъ Андрею, указывая на сидящихъ напротивъ нарядныхъ дамъ, и какъ Андрей съ заинсивающей улыбкой киваетъ адъютанту головой. И на лицахъ обоихъ офицеровъ, сначала на матовомъ темномъ лицѣ Иволгина, а потомъ и на Андреевомъ, появлялась тѣнь брезглива го равнодушія и усталости. Они принимали небрежныя позы, небрежно зѣвали и, спустя нѣкоторое время,шли танцевать съ такимъ видомъ, будто дѣлали кому-то неzasлуженное снисхожденіе... Вѣрѣ становилось грустно... У нея создавалось безотчетное впечатлѣніе, будто братъ разлюбилъ танцы, музыку и красивыхъ женщинъ, и точно темная тѣнь ложилась на образъ неизвестнаго молчаливаго офицера. Она нервно складывала вѣрѣ и слѣдила за Андреемъ и Иволгинъмъ печальными глазами, безмолвно упрашивая ихъ быть такими, какими она привыкла рисовать ихъ въ своемъ воображеніи. А Лидія, нечуткая до настроеній сестры, приходила въ шумный ребячій восторгъ и радостно вскрикивала:

— Смотри, Вѣрунъ, какъ они интересничаютъ...

Вѣра строго смотрѣла на Лидію, и къ печальному выра-

женію глазъ прибавлялось молчаливое осужденіе ея ребячества... „Никогда не умѣть держать себя въ порядочномъ обществѣ... Постоянно выдастъ чѣмъ-нибудь свое купеческое происхожденіе“... И вѣрь ходилъ еще нервнѣе, и она отодвигалась отъ сестры, бережно оправляя шелковое платье, точно защищаясь отъ вторженія ненавистнаго ей міра грубыхъ и простыхъ ощущеній... И она вся замыкалась въ себя и чувствовала гордое, точно вычеканенное, одиночество, въ родѣ одиночества бѣлага лебедя на зеркальномъ озерѣ среди безшумныхъ тростниковъ.

Андрей перенималь многія движенія Иволгина... Когда они шли рядомъ, можно было замѣтить это по ритмическому покачиванью того и другого... Часто оба они одновременно принимались закручивать усы, при чемъ первымъ начинай Борисъ Сергѣевичъ... Было похоже на то, что Андрей влюбленъ въ каждый жестъ, въ каждое слово Иволгина... И Лидія не понимала, что онъ нашелъ особеннаго въ своемъ творицѣ... И когда раздумывала, что именно, то останавливалась на презрительномъ произношеніи въ носъ и на голубыхъ глазахъ этого „задававшагося“, по ея мнѣнію, офицера.

Выбирали Иволгинъ и Андрей на танцы однѣхъ и тѣхъ же раздущенныхъ и разодѣтыхъ женщинъ и говорили имъ одинаковыя фразы обѣ общихъ знакомыхъ, о томъ, кто числится у нихъ шефомъ полка и въ какомъ мѣсяцѣ бываетъ полковой праздникъ. Улыбающійся и воабужденный, Андрей, послѣ нѣсколькихъ круговъ вальса съ барышней Демьяновой или съ женой адвоката Мордвиновой, подходилъ къ сестрамъ, жаловался на невѣроятную усталость, бралъ у Лидіи вѣрь и картинно опахивалъ имъ лицо... Вѣра спрашивала, съ кѣмъ онъ танцевалъ... Андрей, притворяясь не заинтересованнымъ, отвѣчалъ:

— Съ дочерью милліонера фабриканта Демьянова... Немного тяжела на подъемъ, но критику выдерживаетъ.

Со старшей сестрой онъ всегда былъ серьезенъ, посвящающей ее въ свои тайны, и они уважали другъ друга... Младшая, хотя и завидовала ихъ откровеннымъ разговорамъ, не вести себя, какъ Вѣра, не умѣла. Она только тѣсно пододвигалась къ брату, брала его за руку и заискивающе говорила, что Демьянова очень недурна.

— Такъ очень, по твоему? — переспрашивалъ польщеній ея похвалой Андрей и, улыбаясь, смотрѣлъ, какъ Лидія въ одно и то-же время и сіяла, и конфузилась.

— Очень... очень... Какъ княжна Мери у Лермонтова.

— А ты, глупая, видѣла когда-нибудь эту княжну? Сразу можно узнать, что учишься въ гимназіи.

Андрей шутливо ударялъ ее въеромъ по щекѣ и, счи-
тая, что достаточно занять сестеръ, шелъ къ Иволгину. Они
опять стояли въ курительной комнатѣ... Легкій синій ды-
мокъ красиво плавалъ надъ ихъ старательно сдѣланными
проборами... Иволгинъ бросалъ презрительные взгляды, сер-
дито отряхалъ пепель и былъ, видимо, чѣмъ-то недоволенъ...
Недовольнымъ, подражая ему, становился и Андрей...

Мягко лились звуки вальсовъ, па-де-катровъ, миньоновъ...
Музыка струилась, какъ струится электрическій свѣтъ, и
будила воспоминаніе о бѣлыхъ ночныхъ, о цвѣтахъ, расту-
щихъ въ клумбахъ передъ высокими дачами, о стеклянныхъ
верандахъ... Мелькали бѣлныя, голубыя и розовыя платья...
Кружился рой бабочекъ, шумѣлъ и сверкалъ блестящими
крыльшками, на минуту садился въ изнеможеніи и снова
подымался, чтобы до конца опьяниться знойнымъ воздухомъ,
страстнымъ дыханіемъ и неуловимыми искорками загорѣв-
шихся глазъ... Ткались и падали призрачныя тѣни... Плыли
и уплывали неясные свѣтлые контуры... И не одна грудь
въ мечтахъ льнула къ другой жадной груди, порывисто ло-
вила біеніе чужого сердца, зной и тепло чужой жизни, чу-
жую ласку...

Въ столовой двигали стульями и звенѣли посудой... Тамъ
убирали столъ къ ужину... Разстилалась чистая, свѣжая
скатерть, разставлялись вазы съ фруктами, хлѣбъ, нарѣзан-
ный тонкими ароматными ломтиками и переливавшія шелко-
вистыми радужными цвѣтами вина.

Потомъ столовая наполнялась оживленнымъ шумомъ,
звонкимъ чоканьемъ, любезными упрашиваньями испробо-
вать икры, балыка и осетрины, веселыми шутками другъ
надъ другомъ. Иволгинъ сидѣлъ съ Мордвиновой, а Андрей
съ Демьяновой... У Демьяновой краснѣли щеки, смѣялись
глаза, и она на минуту забывала, что отецъ ея имѣеть два
милліона,—потомъ вспоминала и подавляла смѣхъ, и глядѣла
на свою полную мамашу, у которой дрожалъ двойной под-
бородокъ, и отъ тяжелыхъ серегъ уши принимали страдаль-
ческій видъ, когда она возбужденно просила хозяйку дома
пододвинуть къ ней свѣжую икру. Андрей красиво ъѣлъ,
красиво пилъ и рассказывалъ своей сосѣдкѣ о лагерной
жизни, о штабсъ-капитанѣ Милѣ, о верховой ъездѣ и о сво-
ихъ проигрышахъ.

Лидія бросала на брата восторженные взгляды... Она ра-
довалась, что онъ сидѣть съ Демьяновой, самой богатой не-
вѣстой ихъ круга, что имъ весело, и что они собираются
вмѣстѣ пойти въ театръ на будущей недѣлѣ. Ей не хотѣ-
лось ъѣсть, но такъ заманчиво было сказать хоть слово брату,
у котораго радостная блестящая жизнь, что она не могла

сдержаться и просила его положить „капельный“ кусочекъ ветчины на протянутую тарелку... Сидѣла потомъ счастливая, взволнованная и не слушала гимназиста Перепелкина, увѣрявшаго ее, что въ гимназіи у нихъ многіе пьютъ коньякъ прямо изъ горлышка бутылки, и что онъ каждое утро, когда у нихъ первый урокъ—алгебра, выпиваетъ для храбрости полъ-стакана мадеры и заѣдаетъ, чтобы не было запаха, сухимъ чаемъ.

А въ залъ въ это время, въ открытыя форточки, врывался холодный уличный воздухъ, и въ его неосторожномъ всюду проникавшемъ дыханіи чувствовался набѣгъ вольной и любопытной улицы... По угламъ кружились растерянныя оаябшія бабочки, безшумно умирали бѣлые призраки, жаловались на холодъ знайные ароматы... Становилось покинуто и молчаливо. И страннымъ, печальнымъ казалось, что всего полчаса назадъ залъ дышалъ, какъ цвѣточный садъ, а теперь смѣющаяся веселая жизнь ушла изъ него и не помнить ни о музыкѣ, ни о сладостныхъ затаенныхъ мечтахъ... Одна Вѣра появлялась въ дверяхъ, окидывала залу пристальнымъ безмолвнымъ взоромъ и отдавалась жуткому настроению одиночества и молчания.

Слышно было, какъ въ столовой мамаша Демьяновой просила кого-то:

— Положите мнѣ балычка.. балычка. Не сардинъ, ради Бога... Отъ сардинъ мнѣ бываетъ нехорошо.

И она рассказывала, какъ сѣла ихъ недавно цѣлую жестанку. И послѣ этого раздавался взрывъ сочувственнаго смѣха. И среди другихъ голосовъ выдѣлялся молодой сочный голосъ подпоручика Коровина:

— Здѣсъ, чортъ возьми!.. Здѣсъ...

Вѣра вздыхала... Высокая и худая, въ свѣтломъ обтянутомъ платьѣ, она сама была видѣніемъ не этого міра, гдѣ ее никто не могъ понять... Передъ ней вставали голубые глаза Иволгина, и она мысленно жаловалась имъ... жаловалась на то, что въ залъ впущенъ уличный воздухъ, что позволяютъ неуклюжей толпѣ наводнить панели около лучшихъ магазиновъ, что скоро до нихъ дойдетъ голосъ этой толпы. Надо запахнуть ставни и закрыть окна... Надо перестать смѣяться, ждать и готовиться къ встрѣчѣ съ тѣми чужими, которые непремѣнно придуть.

А этого никто не знаетъ, никто не ждетъ.

И она, въ недоумѣніи, пожимала плечами.

II.

Полкъ, въ которомъ служилъ Коровинъ, стоялъ въ небольшомъ городкѣ на разстояніи часа ўзды по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга... Въ городкѣ было много темной зелени, бѣлыхъ одноэтажныхъ домиковъ, дачъ со стеклянными террасами и пустынныхъ, недостроенныхъ улицъ, управлявшихся въ сосновый лѣсъ... Лѣтомъ ярко голубѣло небо, далеко въ море уходили тростники, и на стрѣльбищѣ весь день раздавались раскатистые выстрѣлы.

Коровинъ снималъ квартиру въ три комнаты... Она купалась въ веселомъ солнечномъ свѣтѣ, и вся была заполнена мягкой мебелью, дорогими коврами, статуэтками и картинами, изображавшими Діану на охотѣ, невольницъ гарема и голыхъ женщинъ въ самыхъ животныхъ позахъ.

Въ окна можно было видѣть, какъ по берегу моря заботливо и суетливо бѣгутъ веселые дачные поѣзда... Иногда, вмѣсто синихъ, желтыхъ и зеленыхъ вагоновъ, локомотивъ тащилъ за собой цѣлый хвостъ красныхъ товарныхъ... Двери у каждого вагона были раздвинуты, и весь онъ былъ наполненъ стоявшими и сидѣвшими на корточкахъ загорѣлыми солдатами въ сѣро-зеленыхъ рубашкахъ... Солдаты махали фуражками, хрюпали кричали „ура“, и въ глазахъ долго оставалось чье-нибудь багрово-бронзовое лицо съ окладистой рижей бородой и съ безсмысленными глазами. Коровинъ смотрѣлъ, какъ кричавшій и махавшій фуражками поѣздъ исчезалъ за ближнимъ поворотомъ, представляя себѣ безконечно-длинную дорогу въ Манчжурію, рядъ дней, наполненныхъ хрюпымъ „ура“, и его охватывала безотчетная тошничающая тревога... Война происходила на огромномъ разстояніи съ мало-извѣстнымъ загадочнымъ народомъ и по этой причинѣ не вызывала никакого иного представленія, кромѣ безконечности пути, заливъ въ мертвой пустынѣ и глухой злобы противъ кого-то неизвѣстнаго. Ихъ полкъ, какъ было уже объявлено, оставался для несенія внутренней службы, и хотя офицеры высказывали вслухъ желаніе раздѣлить участъ всей арміи, но въ глубинѣ души всѣ они были долольны, что теченіе ихъ жизни происходитъ въ томъ же порядкѣ, какъ происходило до войны. Только пили больше, да, въ толпѣ чувствовали себя особыеннымъ образомъ, точно на нихъ смотрѣть въ напряженномъ ожиданіи, а ожидать, собственно, нечего. Становилось совсѣмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось объяснить, что они не при чемъ, что каждый изъ нихъ обыкновенный человѣкъ, боится смерти и

не повиненъ ни въ пролитой крови, ни въ постоянныхъ неудачахъ.

У себя Коровинъ лежалъ на кушеткѣ, пускалъ къ нотолку клубы синяго табачнаго дыма и насвистывалъ игривя шансонетная мелодія... Утромъ онъ ходилъ на стрѣльбище, со стрѣльбіца шелъ въ вокзальный буфетъ или въ офицерское собраніе и приводилъ оттуда кого-нибудь изъ товарищевъ... Громко раздавался оживленный говоръ. Шумно откупоривались бутылки... Пили за взятіе въ плѣнъ японскихъ генераловъ, за счастливое окончаніе войны, за лошадей, на которыхъ Иволгинъ и Коровинъ выиграли въ послѣдній день скачекъ. Говорили о женщинахъ, объ удачно начатыхъ романахъ... Разспрашивали Миля, какъ онъ по этой части, и шутливо увѣряли, что обязательно женять его на какой-нибудь аккуратной нѣмецкой Маргаритѣ, которая забереть „папашу“ въ ежевые рукавицы, и тогда—прощай навсегда зоологический садъ, веселая холостая жизнь, ежедневныя пирушки! Народятся толстые сопливые маленькие Мили... Маргарита станетъ ходить на рынокъ, жарить картофель и отбирать отъ мужа жалованье до послѣдней копѣйки... А „папаша“ съ трубкой въ зубахъ будетъ слоняться изъ угла въ уголь и, любуясь на свое семейное счастье, дастъ Маргаритѣ честное слово, что отнынѣ не позволить себѣ „ни единой“.

— Не подходить намъ это...—возражалъ Миль на шутки товарищевъ, горячился, пыхтѣлъ, выпячивалъ грудь впередъ и разглаживалъ усы...—Ну, какой я женихъ... Судите сами... А что касается семейнаго счастья, то въ него я не вѣрю... окончательно не вѣрю... И ничѣмъ вы меня не соблазните... Да-сь!

Коровинъ, проводивъ гостей, ложился на кушетку, насвистывалъ игривый мотивъ и смѣялся самъ съ собой... Онъ живо представлялъ себѣ изобрѣтеннюю имъ Маргариту, называя ей роль то невѣсты, то жены Миля... Передъ глазами возникалъ цѣлый рядъ картинъ съ веселыми мелкими подробностями. Вотъ Маргарита собирается съ „папашей“ на музыку. Она нарядилась въ лучшій костюмъ и вся трепещетъ отъ волненія... Внимательно оглядывается Миля: все ли на немъ въ порядкѣ... Заставляетъ поправить складки на пальто, просить показать носовой платокъ... Миль увѣряетъ, что платокъ у него чистый, что онъ только что досталъ его изъ комода... Она не вѣритъ и настаиваетъ на своемъ... Онъ краснѣеть, надувается и, со слезами въ голосѣ, говоритъ:

— Ну, идемъ, что ли... Чего стоять? Смотри, на нѣвѣдѣ

опоздаемъ. Я правила приличія знаю... Не на улицѣ, а въ корпусѣ воспитывался.

Коровинъ приходилъ въ самое пріятное расположение духа, смотрѣлъ на потолокъ и мысленно благодарили небо за свое существование... По лицу блуждала хитрая улыбка... Ему казалось, что нельзя быть остроумнѣе, и онъ радостно предвкушалъ, какъ расскажеть про прогулки Миля съ не вѣстой на музыку Иволгину и другимъ... „Про носовой платокъ... я ловко придумалъ... Здѣрово, чортъ возьми!“ При этомъ воспоминаніи Коровинъ разражался взрывомъ смѣха, поднималъ высоко ноги и чуть не кувыркался отъ радости. Лежалъ нѣсколько минутъ спокойно, потомъ неожиданно вскакивалъ, быстро надѣвалъ пальто и шелъ на вокзалъ.

При красноватомъ освѣщеніи заходящаго солнца стройная фигура его казалась красивымъ дополненіемъ къ мирной и веселой природѣ. Засыпало спокойное, переливавшее потухающимъ золотомъ сѣро-дымчатое море... Что-то говорили болтливыя раскидистыя березы, смотрѣли вслѣдъ людямъ и ласкали взоръ своей яркой теплой зеленью... Цвѣли густыя высокія акаціи... Ихъ давно перестала стричь заботливая рука, онъ перевѣшивались изъ палисадниковъ на пыльную волю улицы, купались въ пыли и были довольны этимъ недозволеннымъ раньше развлечениемъ. Медленно понычивалъ на запасномъ пути старый дежурный локомотивъ... Издали долеталъ гулъ только что отошедшаго поѣзда... Въ саду начиналь играть оркестръ струнной музыки.

Подходили одинъ за другимъ знакомые офицеры... Коровинъ, едва удерживаясь отъ смѣха, рассказывалъ имъ про штабс-капитана Миля, про Маргариту Швейнфельдъ (къ этому времени онъ успѣлъ придумать фамилію) и про носовые платки... И всѣмъ представлялось жалкимъ и смѣшнымъ, что Миль любить не существующую Швейнфельдъ, и каждый вспоминалъ о своей любимой женчинѣ.

Иволгинъ крутилъ усы, щелкалъ портсигаромъ и прерывательно говорилъ:

— Мразъ...

Гулко отдавались шаги, ровные и отчетливые... Миръ былъ для нихъ, сильныхъ, красивыхъ и молодыхъ... Офицеры держались уверенно и свободно... На нихъ смотрѣли, имъ уступали дорогу, съ любопытствомъ прислушивались, о чёмъ они говорять.

Далеко простиравшееся поблѣдѣвшее и остывшее небо... Перестали болтать раскидистыя березы... Теплый лѣтній воздухъ ласкалъ грудь, какъ ласкаетъ душу пѣсня, спѣтая бархатнымъ молодымъ голосомъ... Густо пахло влажной зеленью... Большиими ударами колотилось сердце, и неиз-

вѣстно какой порывъ окрылялъ думы. Но не находили эти думы соотвѣтствующаго выраженія, были онъ не привычными, не офицерскими думами, и поэтому каждый торопился остановить ихъ въ самомъ зародышѣ.

— Такъ ты говоришь: онъ увѣрялъ Маргариту, что знаетъ правила приличія?—спрашивалъ кто-нибудь, чтобы прекратить молчаніе.

Коровинъ бралъ товарища подъ руку.

— Да... Не на улицѣ, говорить, а въ корпусѣ воспитывался.

И они смѣялись... А потомъ садились на скамейку... Подходили еще офицеры... Дѣлались замѣчанія относительно гулявшихъ по платформѣ дамъ и барышень... На пари давались обѣщанія познакомиться съ той или другой... Когда надобжало глазѣть на публику, разговоръ снова переходилъ на Миля, на мрачнаго Беклемишева съ его Герольдомъ, и Коровинъ, который сидѣлъ въ серединѣ, смѣялся громче всѣхъ. Въ густомъ тепломъ воздухѣ то и дѣло раздавалось:

— Здѣрово... Чортъ возьми!.. Здѣрово.

Темнѣло... Публика на платформѣ начинала рѣдѣть. Офицеры понемногу поднимались и шли, кто въ садъ на музыку, кто въ собраніе, кто въ вокзальный буфетъ. Коровинъ по большей части слѣдовалъ за Иволгиннымъ. Они ужинали въ саду подъ струнныи оркестръ, мѣнялись замѣчаніями о Мордвиновой, у которой ревнивый мужъ, находили, что Демьянова тяжела на подъемъ, составляли планы поѣздокъ въ Петербургъ, Петергофъ и на скачки. Борисъ Сергеевичъ рассказывалъ Коровину о предстоящихъ перемѣнахъ въ высшихъ сферахъ, о своемъ дядѣ, губернаторѣ Приволжской губерніи, снисходительно хвалилъ Вѣру и пилъ маленькими глотками красное вино...

Поздно возвращался Коровинъ домой... На улицахъ никого не было. Въ дачахъ всѣ спали... Не переставая, драли горло пѣтухи... Изъ темныхъ, не проснувшихся еще садовъ вѣяло ночной прохладой.

Коровинъ шелъ, думалъ о себѣ и былъ доволенъ этими думами. Ему представлялось, что онъ береть отъ жизни самое лучшее, самое красивое и заманчивое... Въ полку онъ всѣхъ дружнѣе съ Иволгіннымъ, Демьянова просить его приходить почаше и согласилась бы, если бы онъ захотѣлъ, стать его женой. Его всѣ любятъ и всѣ имъ интересуются.. Отъ гордаго, радостнаго сознанія, что жизнь дается ему безъ борьбы, ради какихъ-то его исключительныхъ достоинствъ, сладостно трепетало сердце... Онъ высоко поднималъ голову, и увѣренно и твердо звучалъ каждый шагъ.

И право на такую жизнь, какую ведеть онъ, казалось неоспоримымъ прирожденнымъ правомъ, даннымъ ему природой, какъ дала она молодость и красоту... Мелькомъ думалъ онъ, что есть люди, отрицающіе это право, но они представлялись въ видѣ фантастическихъ косматыхъ студентовъ въ порыжѣлыхъ пальто, надѣ которыхъ всѣ смѣются и у которыхъ несчастные родители... И мысль эта покрывалась тотчасъ же мечтами о красотѣ Демьяновой и свободнымъ радостнымъ чувствомъ, что онъ дышетъ полной грудью.

Коровинъ останавливался у входа въ свою квартиру и нѣкоторое время упивался влажнымъ упругимъ воздухомъ... Занималась заря... Пробѣгалъ словно спѣшившій куда-то холодный предразсвѣтный вѣтерокъ, которому такъ и хотѣлось рассказывать всѣмъ, что ему некогда, что онъ торопится... Тихо трепетали почувствовавшія солнце раалѣнившись отъ сна деревья. Одну и ту же ноту тянула въ кустахъ на сосѣднемъ лугу какая-то, очевидно, очень глупенькая птичка, про которую Коровинъ думалъ, что она въ родѣ его сестры Лидочки... Ему казалось, что надо еще что-то сдѣлать: такъ много было въ немъ жизненной силы. Не то передразнить эту глупую птичку, не то пойти на море, сѣсть въ первую попавшуюся на глаза лодку и долго разсѣкать водяную сталь прочно вставленными въ уключины тяжелыми веслами.

Дома онъ приказывалъ денщику, чтобы тотъ снялъ съ него сапоги. Заспанный и еще не пришедший въ себя, солдатъ не сразу понималъ, что отъ него требуютъ...

— Да что ты, Богдановъ, ошалѣлъ, что-ли? Очнись, братецъ... Протри глаза.

Богдановъ съ остервенѣнiemъ теръ глаза, становился на колѣни, съ трудомъ стаскивалъ первый сапогъ и чуть не падалъ. Второй давался легче, и скоро, не зная, что дѣлать дальше, онъ стоялъ съ широко разставленными руками.

— Э... дурень... Хочешь, чтобы въ роту отослалъ?.. Могу... Ну, чего глаза на меня пялишь?.. Маршъ на кухню... Налѣво кругомъ.

Брянился и кричалъ на денщика Коровинъ безъ всякаго злого чувства, даже, наоборотъ, съ оттѣнкомъ добродушнаго покровительства и тѣмъ особымъ удовольствиемъ, которое люди чувствуютъ, когда упрекаютъ и стыдятъ животное, не понимающее, что оно должно сдѣлать... Богдановъ былъ существомъ низшаго порядка, предназначеннymъ служить для проявленія чьей-нибудь власти—сегодня одной, завтра другой... Между нимъ и Коровинымъ была такая же разница, какъ между убогой деревней и большимъ городомъ... Въ этомъ Коровинъ былъ увѣренъ твердо, и онъ бы раз-

смѣялся прямо въ лицо тому человѣку, который пожертвовалъ бы для Богданова часомъ времени, сталъ бы читать ему книгу или поздоровался бы съ нимъ за руку. Нѣсколько поражало Коровина, да и то только въ первые мѣсяцы офицерства, что онъ безъ всякой нужды можетъ приказать хмуromу взрослому крестьянину повернуть направо или налево, и тотъ обязательно долженъ повернуться. Потомъ такая очевидная нелѣпость стала казаться просто забавной, придуманной чуть-ли не для его, Коровинскаго, развлечения.

Говорять, что не надо денщиковъ...

Сонный мозгъ лѣниво соображалъ, кто-бы такой могъ это сказать, и безсознательная вкрадчивая мысль шептала, что не онъ, Коровинъ, для жизни, а жизнь для него... Онъ дѣлалъ свое дѣло однимъ тѣмъ, что существовалъ, что былъ красивъ и веселъ... Всѣ должны были признать его превосходство, подчиниться этому бесспорному обстоятельству, какъ онъ подчинялся, въ свою очередь, первенству Иволгина.

Вечернее небо было передъ глазами, тщедушный, словно отощавшій, бѣлый мѣсяцъ и маленькая блѣдныя звѣзды. Потомъ вставалъ темный дворцовый паркъ съ влажными кустами жимолости и сирени, съ сонными гладкими прудами и потрескавшимися отъ времени мраморными статуями. Его замѣнялъ вокзалъ, желѣзодорожная насыпь и море. Близко придвигалось женское лицо съ подведенными глазами и полуоткрытымъ ртомъ. Она говорить... да... она говорить:

— Андрей! Ты такой красивый... Ты удивительно красивый... Тебѣ бы быть графомъ или княземъ...

Коровинъ улыбается во снѣ... Она сказала правду... Онъ сынъ купца, но и мысли, и интересы—все у него совершенно другое, все такое же изящное, какъ сѣроѣ офицерское пальто съ золотыми погонами, какъ новенький блестящій мундиръ.

На лицо Коровина бѣть сношь утреннихъ радостныхъ лучей... Согрѣтая ими молодая кровь разносить по всему тѣлу ощущеніе бодрой свѣжей силы...

И опять снится насыпь желѣзной дороги, станціонная платформа, темный паркъ. Но теперь все залито яркимъ солнцемъ, и онъ идетъ куда-то въ короткомъ бѣломъ кителѣ, красива мелькающемъ на фонѣ сочной зелени.

Рядомъ съ нимъ женщина. Только не та, у которой подведены глаза... Та бываетъ ночью, когда не смотреть солнце и вокругъ нѣтъ людей... Съ нимъ теперь или Демьянова, или Мордвинова, точно онъ не знаетъ, да ему и все равно, которая изъ нихъ... Раскрыть свѣтлый зонтикъ... Легкое платье кажется воздушнымъ, сотканнымъ изъ однихъ кру-

жевъ. Губы капризныя, тонкія... Каждая черта лица выточена...

Грудь Коровина дышить полно и ровно... Отчетливо вырисовывается профиль лица на слегка смятой подушкѣ... Изъ разстегнутаго ворота батистовой рубашки видна смуглай мускулистая шея.

Онъ просыпается.

— Богдановъ! Воды... Живо!..

И на его холеныя руки льется кристально-чистая холода вода...

И ласкаеть она свѣжее молодое лицо.

А передъ нимъ Богдановъ, темный, безтолковый.

— Здѣрово... Чортъ возьми!.. Здѣрово...—думаетъ про себя Коровинъ, когда замѣчаетъ, что денщикъ его боится, чѣо отъ страху онъ расплескиваетъ воду, и что сѣрое молящее выраженіе глядитъ изъ его глубоко запрятанныхъ, недовѣрчивыхъ глазъ.

III.

Коровинъ былъ возмущенъ, когда всюду въ Россіи началось броженіе, рѣзко стало проявляться озабоченіе противъ правительства и офицеровъ, и пошли разговоры о необходимости передать власть народному представительству... Ну, война неудачна, надежды на ея счастливое окончаніе нѣтъ, никто противъ этого не спорить; такъ случилось—и больше толковать нечего. Обидно было вспоминать о безконечныхъ поѣздахъ съ красными товарными вагонами, о хрипломъ крикѣ „ура“ и о загорѣлыхъ солдатскихъ лицахъ... Солдаты должны были побѣдить, а если не побѣдили, то при чѣмъ здѣсь онъ, подпоручикъ Коровинъ, поручикъ Иволгинъ, ихъ военная блестящая форма и веселая беззаботная жизнь... Армія разбита; нанесено жестокое неизправимое оскорблѣніе, но это оскорблѣніе касается только ихъ, офицеровъ, и никого больше... Пристаютъ и требуютъ отчета, обвиняютъ, хотятъ, чтобы они передѣлали свою жизнь, стали такими же, какъ студенты, и вмѣстѣ со студентами и рабочими начали выходить на улицу, махать красными флагами и орать во все горло, что нужно новое правительство и новое устройство общества... Коровину коробило всю душу, когда онъ начиналъ думать о Богдановѣ, который тоже можетъ захотѣть, который, будто бы, одинаковъ съ нимъ въ правѣ на счастье. Богданову ничего не надо, онъ молчать: за него думаютъ и говорятъ самозванно... „Жиды!“—презрительно усмѣхался Коровинъ, увѣренный въ

Декабрь. Отлѣтъ I.

тому, что Богданову, въ самомъ дѣлѣ, ничего не надо, и что всѣ тѣ, о комъ говорять, какъ о народѣ, похожи на этого Богданова и иными не могутъ быть; потомъ онъ мысленно начиналъ искать, кому же, въ концѣ концовъ, желательно новое устройство общества, останавливался на родныхъ и знакомыхъ: на матери, на Демьяновой и Мордвиновой, на Иволгинѣ и богатыхъ купцахъ, и опять выходило, что никому изъ нихъ ничего не надо. Получался закоддованый кругъ, изъ которого невозможно было выбраться иначе, какъ начавъ съ самого себя, осудивъ свою собственную жизнь и взявъ это осужденіе за исходную точку... „Жиды!“ — еще увѣреннѣе говорилъ себѣ Коровинъ и пожималъ прямымъ широкими плечами. Къ фантастическимъ студентамъ прибавлялись новые фантастические существа, и все становились понятнымъ и простымъ; и, несмотря на то, что онъ никогда не встрѣчалъ этихъ „жидовъ“ и поэтому не могъ представить, какъ они живутъ и что заставляетъ ихъ быть другими, чѣмъ его родные и знакомые, дальнѣйшая работа мысли въ этомъ направленіи прекращалась.

Снова слышался крикъ „ура“, мелькали сѣро-зеленныя рубашки, неслась отчаянная, не имѣвшая смысла пѣсня... Ихъ отправляли туда много, отправляли каждый день, и была какая то роковая загадка въ томъ, что изъ ихъ отправленія ничего не вышло... Коровинъ не могъ отдать себѣ отчетъ, какъ это произошло. У него не было навыка думать послѣдовательно, а являлись отдѣльные разрозненные представленія... Изъ этихъ представлений онъ улавливалъ то, что казалось ему существеннымъ и важнымъ... Тѣ, кого веали, отказались побѣждать... Правда, они этого отказа не высказали, шли, стрѣляли, убивали, умирали, видимо, слушались; но каждый ихъ поступокъ, какъ будто сопровождался тайнымъ намѣреніемъ доказать, что безъ участія ихъ воли ничего нельзѧ сдѣлать, а для ея участія надо имъ наобѣщать все то, что обѣщаютъ „жиды“, т. е. какъ разъ новое устройство общества, съ которымъ несовмѣстимо его, Коровинское, существованіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно сейчасъ проявлялось. И ему хотѣлось переупрямить кого-то назойливаго и безтолковаго, послать солдатъ въ Манджурию безъ конца, не заключать мира, несмотря ни на какія пораженія, и посмотретьть, что тогда они стануть дѣлать, что тогда заговорять... Какъ будто начинался споръ съ неизвѣстнымъ противникомъ, и приходилось напрягать всѣ силы, чтобы доконать его... Онъ, Коровинъ, можетъ жить, какъ живетъ, — можетъ, потому что ему улыбается молоденькая Демьянова, потому что сестры зовутъ его Андрющей, и Богдановъ, какъ бы его ни подговаривали, никогда не осмѣлится не исполн-

житъ приказанія снимать саноги... Кому какое дѣло до всего этого? Кому, спрашивается, когда онъ не входитъ въ то, какъ живутъ всѣ эти разсуждающіе? Или они хотятъ вывести его изъ терпѣнія, чтобы онъ заговорилъ съ ними единственно понятнымъ для нихъ языкомъ?

Коровинъ представлялъ, что произойдетъ, когда онъ заговорить... Ему рисовался взвѣдъ солдатъ, ружья, направленныя въ толпу, и приказъ, отданный отрывистымъ голосомъ.

Однако, острая обида не дѣлалась отъ этой картины ни легче, ни меныше. Онъ пересталъ быть для кого-то хорошимъ и любилимъ, отъ него отворачивались, несмотря на то, что онъ по прежнему красивъ и молодъ. И до боли хотѣлось высказать, объяснить, что виновать не онъ, что въ немъ ничего неизмѣнилось, что онъ прежній Андрей... Боль отъ безпомощности впервые заработавшій мысли постепенно переходила въ озабоченное негодованіе. Онъ начиналъ злиться, весь охватывался упрямымъ рѣшеніемъ, что если его ненавидятъ, то и онъ будетъ ненавидѣть... А думы замѣнялись быанными словами.

Какъ-то за обѣдомъ у матери Коровинъ поругался со своимъ двоюроднымъ братомъ, университетскимъ студентомъ, когда тотъ началъ разсуждать о плохомъ офицерскомъ составѣ русской арміи. Студентъ уступилъ не сразу, онъ попробовалъ говорить съ Андреемъ спокойно, убѣждалъ его не горячиться и увѣрялъ, что, не имѣя ничего противъ Андрюши лично, рѣшаетъ только математическую задачу,— по какимъ причинамъ проиграна настоящая война. Коровинъ послалъ всѣ задачи къ черту, шумно отодвинулъ тарелку и ушелъ изъ столовой. Лидія испуганно опустила глаза и покраснѣла. Вѣра посмотрѣла на студента пристальнымъ укоряющимъ взглядомъ, а Елена Ильинишка, крикнувъ племяннику: „Ты-то, Сергѣй, больно хороши..“ пошла слѣдомъ за сыномъ. Лидія услышала, какъ Андрей сказалъ матери, чтобы она оставила его въ покое; она испугалась еще больше и низко склонилась надъ мороженымъ. Обѣдъ кончили въ полномъ молчаніи.

Коровинъ взволнованно ходилъ по своей комнатѣ, и ему начинало казаться, что всѣ противъ него, что остается одно: дать Сережкѣ пощечину, уйти отъ матери и никогда не приходить... Она позволяетъ, чтобы въ ея домѣ оскорбляли сына-офицера... Какъ это началось сразу со всѣхъ концовъ,— и на улицѣ, и въ конѣ и въ желѣзнодорожномъ вагонѣ... Правда, въ началѣ войны онъ самъ слегка посмѣвался, поругивалъ кой-кого, но теперь, когда разговоры переходятъ всѣ границы, когда на улицѣ вслѣдъ ему стали пу-

скать ругательства, и вездѣ, куда бы онъ ни показался, разговоръ, точно по какому-то уговору, переходить на военные неудачи и на нихъ, военныхъ, и въ каждой фразѣ чувствуется зло, направленное противъ него лично, какъ противъ офицера, — онъ не можетъ больше сдерживаться, онъ имѣть право крикнуть всѣмъ этимъ, чтобы они замолчали. И въ его ушахъ уже звучалъ этотъ крикъ: „замолчать!..“

Пришла Вѣра, положила ему руки на плечи и долго ласкала его внимательными и сочувственными глазами. Она одна поняла, что вывело Андрея изъ себя, и ей хотѣлось пожать руку брату, чтобы показать, что она во всемъ съ нимъ согласна. — Коровину было тяжело это единственное участіе, онъ отстранилъ сестру и продолжалъ ходить.

Смѣютъ лѣтѣть въ ту красивую жизнь, которой живеть онъ, Иволгинъ и еще немногіе. Смѣютъ учить, какъ учить этотъ безусый Сережка, который годъ тому назадъ считалъ для себя большими счастьемъ, если Андрей бралъ его на велосипедную прогулку.

Но, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего исключительного положенія, являлась смутная боязнь, что отъ ихъ офицерской жизни могутъ отвернуться,—отвернется, можетъ быть, даже Демьянова, и удержать ее не въ его власти—что онъ станетъ вдругъ презираемымъ, котораго будуть чуждаться, и что это отчужденіе готовится, назрѣваетъ, что оно близко, на улицѣ, и скоро, пожалуй, придется въ домъ матери.

Андрей не открылъ Вѣрѣ, что происходило у него на душѣ. Онъ привыкъ дѣлиться съ нею только своими радостями и успѣхами, и у него не являлось ни одного слова для передачи овладѣвшаго имъ настроенія.

— Пойдемъ туда... къ нимъ...

Голосъ Андрея дрогнулъ... Вѣра посмотрѣла на него вопросительно... Выраженіе ея глазъ было такое, будто она не хотѣла вѣрить, что онъ уступаетъ... Чувство благодарности охватило Коровина... Онъ пренебрежительно замѣтилъ, что Сергій мальчишка, и что не стоить обращать на него вниманіе. Пожалуй, начнетъ много о себѣ думать.

Въ гостиной пѣлъ граммофонъ... Елена Ильинишна, въ промежуткахъ между оперными аріями, громко,—нарочно, чтобы слышалъ Андрей,—пробирала Сережу и все время повторяла, что студентамъ прежде, чѣмъ осуждать офицеровъ, слѣдуетъ посмотреть на самихъ себя: никто изъ нихъ не учится и отъ бездѣля устраиваютъ беспорядки.

— Поучись, какъ человѣкъ, кончи и тогда толкай, что угодно.

„Не то, не то“... порывался крикнуть Андрей... Сергій обидчиво заявилъ, что назадъ онъ своихъ словъ не возвраща-.

меть, хотя бы объ этомъ его просили всѣ родственники, и началъ торопливо прощаться. Андрей вышелъ въ гостиную.

— Помирайтесь вы... Родные вѣдь...—всполошилась Елена Ильинишна.

Лидія начала тормошить Андрея и потащила его къ Сережѣ. Сережу подталкивалъ сзади гимназистъ Перепелкинъ. Оба противника покраснѣли. На нихъ смотрѣло много глазъ, и всѣ глаза говорили, что случившееся—пустяки. Одна Вѣра стояла въ отдаленіи, не раздѣляя общаго мнѣнія о пустячности ссоры, и готова была вслухъ просить Андрея, чтобы онъ отказался отъ примиренія.

— Будь въ другой разъ осторожнѣ! — отчетливо выговорилъ Андрей.

— А ты не злись, когда самъ не правъ.

Лидія захлопала въ ладоши, поцѣловала того и другого и стала увѣрять, что любить офицеровъ и студентовъ безъ всякой различія.

— Студенты умнѣе, а офицеры красивѣе,—тихо объяснила она Перепелкину.

Коровинъ успокоился, но затаенная мысль шептала, что это только начало, что онъ теперь во всякомъ обществѣ долженъ быть насторожѣ, и что дома, за исключеніемъ Вѣры, никто ясно не понялъ, отчего онъ разсердился, и что онъ имѣть право разсердиться.

Елена Ильинишна любовалась водвореннымъ миромъ, хвалила Андрея и Сережу, что они всегда жили въ дружбѣ, и убѣждала ихъ пойти вмѣстѣ на именины къ какому-то бѣдному дядѣ.

Вѣра дулась, не разговаривала съ Сережей и пришла въ себя только послѣ прихода Иволгина... Борисъ Сергеевичъ принесъ ей коробку конфектъ, находился все время по близости, звенѣлъ шпорами и мелькомъ критиковалъ Мордвинову, какъ заурядную женщину.

— Выдумали, что она красива... Я никогда не говорилъ такой глупости.. Увѣряю васъ... Посудите сами: вдругъ я могу сказать, что Мордвинова хороша собой!

Полчаса онъ пожертвовалъ для Елены Ильинишны, которой подробно рассказалъ, какъ живетъ командръ полка, въ какую цѣну снимаетъ дачу и сколько у него дѣтей. Елена Ильинишна благодушно улыбалась, часто повторяла: „скажите, пожалуйста!..“ и очень удивилась, что жена командря любить варить варенье.

Лидія во время разсказовъ Иволгина подкралась къ размечтавшейся въ своей комнатѣ Вѣрѣ, обхватила ее за шею руками и принялась цѣловать.

— Поздравляю... Я и не знала, что ты такая скрытница.
Или по пословицѣ: въ тихомъ омутѣ...

Вѣра холодно разняла ея руки и поднялась.

— Оставила бы ты эти манеры.

Ее оскорбляла дѣтская шаловливость, врывавшаяся веселой и непрошенной волной въ мечты о недоступной для другихъ жизни, которая для нея открывалась во всей широтѣ... Она готовилась священномѣйствовать въ каждомъ своемъ будущемъ поступкѣ и не хотѣла дѣлиться этимъ священномѣйствиемъ ни съ матерью, ни съ сестрой...

Въ коридорѣ зазвѣнѣли шпоры.

— Уди,—строго шепнула она Лидію.

— Ага.. вотъ вы куда. Вѣра Андреевна, спрятались...
Мило съ вашей стороны... Вы позволите?..

Вошелъ Иволгинъ и, съ разрѣшенія Вѣры, сѣлъ на диванъ... Слѣдомъ за нимъ появился Андрей... У нихъ троихъ составился тѣсный кружокъ, имъ никто не мѣшалъ, и каждый изъ нихъ чувствовалъ себя спокойно и уютно. Вѣра притворила двери, помѣстилась въ низенькомъ креслѣ напротивъ офицеровъ и откинула свою гордую головку на поданную Иволгиномъ подушку. Кружевной воротникъ чернаго шерстяного платья, на которомъ украшеніемъ была только маленькая золотая брошка въ видѣ стрѣлки, сдавливалъ ей горло и словно бы мѣшалъ дышать. Воздухъ съ едва уловимымъ свистомъ проходилъ черезъ тонкія прозрачныя ноздри, и онъ слегка вздрагивали.

— Вы устали?—спросилъ Иволгинъ.—Можетъ быть, намъ уйти?

— Нѣть, мнѣ хорошо. Сидите...

Она хотѣла ихъ слушать, хотѣла, чтобы они говорили о томъ, о чёмъ ей всегда думалось, что никто не посмѣетъ нарушить ихъ сегодняшнюю жизнь, что эта жизнь будетъ продолжаться до самой ихъ смерти и даже послѣ смерти... И она искала въ голубыхъ глазахъ Иволгина и въ позахъ, принятыхъ имъ и Андреемъ, увѣренности, что на самомъ дѣлѣ все будетъ происходить по ея желанію... Они оба, Андрей и Борисъ Сергеевичъ, должны встать на защиту высокихъ залъ съ бѣлыми лѣпными потолками, плавной мечтательной музыки и тѣхъ словъ, которые могутъ говориться ими одними и никѣмъ инымъ... Дыханіе ея дѣлалось глубже, глаза уходили далеко къ молчаливымъ серебрянымъ лебедямъ и принимали проникновенное выраженіе... Иволгинъ, внимательно слѣдившій за Вѣрой, думалъ, что она размечталась о немъ, прихорашивался и задумчиво крутилъ усы.

Потомъ повернулся къ Андрею и отрывисто заговорилъ,

что у него есть идея образовать кружокъ офицеровъ изъ разныхъ полковъ для поддержанія лучшихъ традицій русской арміи и для огражденія каждого члена кружка отъ посягательства со стороны толпы на его честь...

Онъ взволнованно вставалъ, опять садился и коротко бросалъ:

— Мы горячимся только на словахъ... Такъ нельзя...
Увѣраю тебя, что нельзя...

Андрею казалось необычайно умнымъ то, что говорилъ Иволгинъ, и онъ поспѣшно соглашался съ каждой его фразой. Вмѣсто того одинокаго приказа, отданного взводу солдатъ, который представлялся единственнымъ выходомъ изъ созданного положенія, являлось стройное, согласованное дѣйствіе многихъ офицеровъ... Не стало одиночества, и просыпалась прежняя гордая увѣренность.

За ужиномъ было весело, какъ и всегда... Андрей шутилъ, смѣялся и былъ оживленъ, точно съ нимъ произшла какая-то внезапная перемѣна. Елена Ильинишна счастливо глядѣла на разошедшагося сына... Андрей налилъ себѣ и Иволгину по бокалу вина и предложилъ выпить за будущій офицерскій кружокъ... Вѣра протянула рюмку и чокнулась съ ними.

— И я хочу...— потянулась, было, и Лидія.

Но Вѣра остановила ее:

— Ты ничего не понимаешь.

Иволгинъ, съ медленными прочувствованными паузами, разъяснялъ, какъ его дядя, губернаторъ, „великолѣпно“ усмирялъ крестьянъ... Елена Ильинишна пріятно улыбалась, кивала головой послѣ каждой фразы и иногда всплескивала руками, приходя въ ужасъ отъ этихъ крестьянъ, которые бросали въ казаковъ камнями, жгли усадьбы, ходили съ дрекольемъ и вилами и каждый разъ теряли убитыми по пять или шесть человѣкъ.

Лидія прислонилась къ Андрею, слѣдила за Борисомъ Сергѣевичемъ большими удивленными глазами и тихо шептала брату:

— Какой скверный его дядя...

— Молчи... Ты ничего не понимаешь... — успокоилъ ее Андрей, сдѣлалъ внимательное лицо и отодвинулся.

Лидія загнула скатерть, помуслила палецъ и, водя имъ по столу, писала крупными буквами:

„Губернаторъ Запольскій очень противный и жестокій человѣкъ“.

IV.

Иволгинъ не торопился съ устройствомъ офицерскаго кружка и, когда Андрей напоминалъ ему, что недурно бы начать* приводить эту мысль въ исполненіе, откровенно признавался:

— Не умѣю возиться... Потомъ, знаешь,—засѣданія, собранія... скучно все это.

Жизнь текла по прежнему, и снова не было выхода... Коровинъ шелъ по улицѣ; враждебно смотрѣли на него дома, и каждый прохожій, съ которымъ Андрей мѣнялся взглядомъ, торопился принимать таинственный видъ, будто вотъ-вотъ скажетъ что-нибудь очень оскорбительное... Насмѣшка и оскорблѣніе чувствовались въ шелестѣ газетнаго листа, въ томъ, что стоящій у подъѣзда извозчикъ разговариваетъ со швейцаромъ о Куропаткинѣ, и что никто не запрещаетъ имъ вести этотъ разговоръ. Казалось, что и Куропаткинъ придуманъ нарочно только для того, чтобы побольнѣе задѣять его, Коровина. На лицѣ появлялась холодная усмѣшка, онъ начинѣлъ рисоваться своимъ пренебрежительнымъ равнодушіемъ, но на самомъ дѣлѣ слухъ настороживался, и глаза невольно слѣдили за мелькавшимъ впереди студентомъ, за пачками газетъ у газетчика и за раненымъ солдатомъ, выставлявшимъ на показъ свое убожество.

Тупое раздраженіе постепенно овладѣвало Коровинымъ, шагъ дѣлался быстрѣе, и иногда онъ безотчетно ощупывалъ револьверъ, стараясь припомнить, заряженъ онъ или нѣтъ... Было какое-то жуткое болѣзненное ожиданіе, что за угломъ въ нѣсколькихъ шагахъ улицы или за слѣдующимъ на него набросится неизвѣстный человѣкъ съ палкой, начнетъ бить куда попало и будетъ произносить при каждомъ ударѣ самые бранныя слова... Кругомъ собирается любопытная толпа; никто не заступится за него; наоборотъ, всѣ будутъ довольны, что видѣли какъ бьютъ офицера, сами станутъ дразнить его, какъ затравленную собаку, и потомъ вездѣ разскажутъ о неизвѣстномъ человѣкѣ съ палкой и о молодомъ побитомъ подпоручикѣ.

Чувствовать себя затравленнымъ было оскорбительно и тяжело, и хотѣлось передать это чувство тѣмъ, кто его выростилъ, сдѣлалъ такимъ и еще продолжалъ любить... Коровинъ поднимался въ подъѣздѣ, гдѣ жила мать, рѣзко звонилъ, торопливо сбрасывалъ шинель на руки прислугѣ и взволнованнымъ, раздраженнымъ голосомъ спрашивалъ, — у себя мамаша или въ другой комнатѣ.

— Маменька, какъ вамъ нравится, а? Сегодня ўду съ вокзала на извозчикъ, а какой-то парень изъ простонародья въ догонку мнѣ: „Божи люди, смотрите: манжурская кавалерія на клячѣ ўдѣть...“ Лавочники схватились за животы, хохотути. Извозчикъ повернулся ко мнѣ, улыбается... Тоже доволенъ... Что вы на это скажете?

Мать смотрѣла, какъ ея любимый сынокъ, полный негодованія, стоялъ передъ ней, точно требуя отчета, котораго дать она не могла. Въ глазахъ ея появлялось испуганное выраженіе; чтобы успокоить Андрюшу, она говорила:

— Вѣрно, хулиганъ какой-нибудь... Вонъ меня на улицѣ болванъ одинъ вчера со всей силы толкнулъ... Винищемъ разило — страсть!

— Хулиганъ — вы думаете?

Андрей взволнованно заходилъ... Онъ сердился на мать, что она даетъ этимъ случаемъ такое простое объясненіе и успокаиваетъ тѣмъ, что ее тоже толкнули... Ее толкнули случайно, а его задѣли нарочно... Какъ не понять этого?.. Не было яснаго отчета, что надо сдѣлать, но казалось, что мать, сестры и всѣ тѣ, среди кого онъ вращался, должны были вступиться за него, не разводить беспомощно руками, а очистить улицы отъ враждебнаго ему народа, уничтожить газетные листы, искоренить воспоминанія о неудачной войнѣ и прекратить знакомства со студентами.

— Конечно, если разсуждать по вашему, всѣ хулиганами стали. Куда ни пойдешь — вездѣ хулиганы... Скажете тоже!.. Жить невозможно становится. А вы всѣ ихъ слушаете, уши развѣсили, довольны... Неправду я говорю... что ли? Нечего мотать головой... Сами знаете, о чёмъ... Зачѣмъ къ себѣ зовете Сергѣя? Племянникъ онъ вашъ, такъ плевать, что племянникъ... Ну, скажите, зачѣмъ? Зачѣмъ, чтобы онъ оскорблялъ меня... Вамъ пріятно это?

— Андрюша, Господь съ тобой... Сболтнуль онъ сдуру... Ты же помирился съ нимъ тогда при всѣхъ. Говорять только такъ, для разговору. Противъ тебя, кажется, никто ничего не имѣеть.

— Вамъ всегда кажется...

Коровинъ рѣзко бросалъ послѣднюю фразу и уходилъ къ себѣ въ комнату, откуда долгое время на всю квартиру раздавались быстрые взволнованные шаги, въ отчетливомъ темпѣ которыхъ улавливались горячіе укоры и нескрываемое раздраженіе противъ матери.

Елена Ильинищна прислушивалась къ нимъ, съ беспокойствомъ смотрѣла на плотно прикрытую дверь и въ раздумья шептала:

— Ума не приложу, что такое съ нимъ... Раасказаль бы хоть толкомъ.

Въ семье Коровинъхъ послѣ нѣсколькихъ такихъ объясненій сына съ матерью старательно стали избѣгать разговоровъ о войнѣ, точно ея не существовало вовсе, а когда приходили гости, то Елена Ильинищна и ближайшіе родственники употребляли всякія уловки, чтобы перевести общую бесѣду на какой-нибудь другой предметъ. Старушка Коровина чаще всего притворялась, что не слышитъ, если ей разсказывали о войнѣ и о военныхъ, перебивала, задавала посторонніе вопросы и слѣдила: не замѣчаетъ ли Андрей ея материнской хитрости? А онъ всегда замѣчалъ, замѣчалъ даже тогда, когда замалчиванье войны происходило само собой, безъ участія родственныхъ заботъ. Одна Вѣра держалась въ сторонѣ и гордо уединяла сѣя отъ штой бѣлыми нитками семейной политики. Ей просто самой для себя не хотѣлось слушать добродушныхъ и насыщенныхъ разсужденій о правительствѣ и арміи, незамѣтно подтачивавшихъ красоту ея любимой жизни, какъ подтачивается ржавчина блестящія полосы желѣза. Она хмурилась, выразительно молчала и за чѣмъ-нибудь отзывала Андрея, думая, что ему такъ же, какъ и ей, противно сидѣть среди этихъ разговоровъ, намековъ и неловкихъ, неумѣлыхъ пріемовъ Елены Ильинищны. Андрей злился на мать, злился даже на Вѣру, что она своимъ поведеніемъ какъ бы подчеркиваетъ сущность того, что происходитъ... Лучше, если бы она ничего не замѣчала... И онъ выходилъ изъ себя... Какъ это не могутъ понять, что ему надо совсѣмъ не то, что онъ вовсе не желаетъ ни замалчиванья, ни Вѣриной брезгливости. Наоборотъ, онъ хочетъ, чтобы всѣ говорили и говорили много, но онъ не можетъ выносить торжествующее или соболѣзнувшее выраженіе окружающихъ лицъ, тѣ мысли, которыя, какъ ни скрывай, сидѣтъ у каждого въ головѣ и напоминаютъ обѣ его, Андреевой, винѣ въ томъ, что армія терпѣла пораженіе за пораженіемъ, что у власти ненавистное для всѣхъ правительство, что скоро придется везти назадъ солдатъ въ красныхъ вагонахъ, и они не будутъ больше кричать „ура“ и махать фуражками. Въ концѣ концовъ онъ готовъ выслушать даже и это, но съ тѣмъ, чтобы съ нимъ согласились, что во всемъ виноваты... „жиды, жиды, жиды“. Откуда выплывало опять, что „жидамъ“ понадобилось повредить ему, Андрею, — услѣдить было почти невозможно... Въ разгоряченной головѣ это слово выплывало неожиданно, давало отвѣты на всѣ вопросы, цѣликомъ, заполняло пустоту. Пусть ихъ не было на войнѣ, на рабе-

чахъ беспорядкахъ, на пожарахъ усадьбъ: они хитрые, они подкупили солдатъ, крестьянъ, уличную толпу.

— Господа! Какого вы мнѣнія о настоящемъ положеніи Россіи? Мнѣ это очень любопытно...—громко и выразительно, скидывая всѣхъ загорѣвшимися глазами, спрашивалъ Андрей и, въ ожиданіи отвѣта, откидывался на прямую спинку высокаго стула.

Вѣра блѣднѣла... Онъ не долженъ былъ вовсе интересоваться, что думаютъ кругомъ... Онъ самъ заводить съ ними разговоры. Къ чему?... И она дѣлала видъ, что ничего не слушаетъ, что ея нѣть въ комнатѣ... Лидія опускала глаза. А Елена Ильинишна встревоженно оглядывала тѣхъ изъ гостей, которые, по ея мнѣнію, могутъ принять вызовъ Андрея, и упрашивала безпокойными глазами каждого изъ нихъ не дѣлать этого... ну хотя бы изъуваженія къ ней... Нѣсколько минутъ длилось напряженное молчаніе... Лидіи казалось, что всѣ слышать, какъ бьется ея сердце... Она открывала и закрывала ротъ.

— Ну, что-жъ, какое положеніе... Побѣдили нась—и все тутъ... Мы слишкомъ просты были, а врагъ хитеръ оказался... Это Божья воля.

Такимъ оборотомъ Елена Ильинишна хотѣла дать безопасное направлѣніе спору, если онъ вслѣдствіе чьей нибудь неосторожности, несмотря на ея молчаливый упрашиванія, все таки возникнетъ, какъ это бывало уже не одинъ разъ. Дѣйствительно, учитель Лидіи, недавно окончившій университетъ Игнашкинъ поддавался искушенію „обтесать тупоумное воинство“, какъ называлъ онъ свои атаки на Андрея: онъ принималъ изысканно вѣжливый тонъ и прицѣплялся къ словамъ старушки Коровиной, будто бы отвѣчалъ ей, а не Андрею.

— Позвольте мнѣ, Елена Ильинишна, не согласиться съ вами... Ваше разсужденіе—это разсужденіе доброй женщины, которая заранѣе условилась со своимъ сердцемъ не искать виновныхъ... Но съ однимъ прощеніемъ да съ Божьей волей далеко не уѣдешь. Въ этомъ году нась побили японцы, а лѣтъ черезъ десятокъ турки заведутъ у себя конституцію и тоже побьютъ... Мой взглядъ такой, — при этихъ словахъ Игнашкинъ веселыми прищуренными глазами посмотрѣль на Андрея, желая, чтобы къ дальнѣйшему totъ отнесся съ возможно большимъ вниманіемъ:—все государство и въ томъ числѣ армію, намъ, русскимъ гражданамъ, необходимо переустроить на болѣе рациональныхъ основахъ. Пора, знаете ли, изъ рядового вырабатывать нѣчто большее, чѣмъ „слушаю-сь, ваше благородіе“, а ихъ благородіемъ не мѣшаетъ знать, кромѣ картъ, женщинъ и вина, что родина ждетъ отъ

нихъ творческаго труда и за этотъ трудъ, а не за мужскія достоинства, каждое двадцатое число платить наличными.

Вѣра блѣднѣла еще больше, презирала Игнашкина за то, что онъ ея любимую жизнь охарактеризовалъ, какъ мужскія достоинства, и, чтобы не услышать чего-нибудь худшаго, звала подругу Петрову посмотреть на новыя покупки, сдѣланныя утромъ въ Гостинномъ дворѣ... Лидія оставалась, но сидѣла съ низко опущенной головой и оправляла рукавчики форменного коричневаго платья. Она любила своего учителя, любила его иронію, но отчего-то ей становилось страшно и хотѣлось просить, чтобы Алексѣй Николаевичъ былъ поступчивѣе... Андрей съ торжествующимъ видомъ глядѣлъ на мать и, словно бы, говорилъ ей: „Слышишь... каково?.. Какъ тебѣ нравится“.

Потомъ онъ начиналъ спорить съ Игнашкинымъ, пробовали передать все, что передумалъ послѣднее время, безсвязно упоминаль о солдатахъ, которые не хотѣли побѣждать и открыто требовали, чтобы ихъ отправили домой, о „жидахъ“, подкупившихъ рабочихъ, но самъ чувствовалъ, что говорить не то, что путается, и что Игнашкинъ въ душѣ смѣется надъ каждымъ его словомъ... Алексѣй Николаевичъ давалъ ему высказываться, самъ помогалъ договариваться до конца, а когда Андрей договаривался, то выходило какъ-то само собой, что онъ сказалъ явную нелѣпость... Игнашкинъ вѣль его безпомощнаго, какъ ребенка, куда хотѣлъ, забавлялся съ нимъ, и всѣ кругомъ понимали, что Андрею не по силамъ этотъ споръ, что онъ горячится зря... Кровь приливалась къ головѣ, нервно дрожалъ голосъ и любой блестѣли глаза. „Я не кончилъ университета...“ — готовъ былъ крикнуть Андрей... „Вы только потому правы, что образованнѣе меня“... Но онъ не кричалъ этого, понимая, что, признавъ противника образованнѣе себя, онъ долженъ быть признать и многое другое... Хотя опять-таки крадущаяся мысль шептала, что всѣ видѣть, что даже Лидія понимаетъ, кто изъ нихъ умнѣе и справедливѣе. Точно была разоштрана какая-то невидимая сѣть, въ которой запутали его съ ногъ до головы, и вездѣ, куда онъ ни повертывался, его встрѣчали петли и узлы. Но сказать, что онъ накрыть сѣтью, что ему не выйти изъ нея, было стыдно, и онъ становился все раздраженнѣе.

— Такъ по вашему... — въ изступленіи перебилъ онъ Игнашина, — армія вовсе не нужна?

Въ этотъ вопросъ онъ старался вложить всѣ свои тревоги, всѣ свои опасенія. Была какая-то смутная надежда, что, обвиняя ихъ во многомъ, отрицать жизнь ихъ всю цѣликомъ всетаки не посмѣютъ.

— Такая, какъ теперь, конечно, не нужна... — спокойно отвѣтилъ Игнашкинъ, и свѣжее розовое лицо его съ острой свѣтлой бородкой весело засмѣялось.—Вѣдь это, помилуйте, какъ бы вамъ сказать помягче... Верхи за васъ, вы за верхи, и тѣ и другіе на шею народу... Рука руку моеть... Вотъ что.

Андрей шумно всталъ.

— Вы меня оскорбляете... И, если бы это было не въ квартирѣ моей матери, я бы показалъ вамъ, чѣмъ отвѣчаютъ на подобныя оскорбления...

Отъ рѣзкаго движенія упалъ стулъ, и Коровинъ его не поднялъ. Перепуганная и не знающая, что дѣлать, старушка Коровина металась туда и сюда, шептала Игнашкину, который тоже готовъ былъ разсердиться: „Ради Бога, оставьте этотъ разговоръ... Не придавайте ему значенія... Прошу васъ, для меня... Онъ не въ своемъ умѣ...“ Говорила вслухъ: „Поспорили, какъ пѣтухи, погорячились и будетъ...“ Подходила къ Андрею и просила: „Сдержись, Андрюша... Чего тебѣ стоять?“

Андрей тяжело дышалъ, попель было въ переднюю, накинулъ на плечи пальто, но раздумалъ... Весь этотъ вечеръ онъ ходилъ дома, какъ посторонній, и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, избѣгая даже Вѣры, которая пыталась спросить что-то объ Иволгинѣ... Ему казалось, что вотъ и у своихъ онъ сталъ чужимъ человѣкомъ, посмѣшищемъ для всѣхъ знакомыхъ матери... Не хотѣлось уже ни кричать, ни браниться, а махнуть на все рукой и предаться грустной горечи. Но въ мозгу заверглось, что онъ офицеръ... И отъ этого воспоминанія по всему организму пробѣжало что-то въ родѣ электрическаго тока. Снова все было въ прежнемъ свѣтѣ, снова росла обида, надо было не уступать ни на шагъ, не позволять того, что всѣ признаютъ справедливымъ, на оскорблѣніе отвѣтить еще большимъ оскорблѣніемъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ поднималась жуткая боль, что онъ не можетъ быть простымъ человѣкомъ, какъ его сестра Лидія, которой ни до чего нѣтъ дѣла... И у него мелькало желаніе на зло кому-то вызвать Игнашкина на дуэль, застрѣлиться самому или скрыться куда-нибудь въ далекій городъ, гдѣ его никто не знаетъ, жить тамъ въ одиночествѣ и написать большую записку о своей жизни, которая покажеть всѣмъ, что у него человѣческая душа.

Возвращаясь въ городокъ, гдѣ стоялъ полкъ, Коровинъ любилъ заходить къ Иволгину и рассказывать, о чѣмъ стали разсуждать всѣ эти студенты, учителя и мужики... У Иволгина ему было хорошо... Онъ заранѣе зналъ, что кромѣ сочувствія ничего не встрѣтить, и, не стѣсняясь, выкладывая накопившуюся въ душѣ горечь...

— Мерзавцы!..—презрительно бросалъ Иволгинъ и начиналъ, крутя усы, взволнованно ходить взадъ и впередъ.

— Мерзавцы!..—соглашался Коровинъ и тоже отъ волненія не могъ усидѣть на мѣстѣ.

Оскорбленный видъ Иволгина и сочно брошенное имъ ругательство подогрѣвали Коровина еще больше, чѣмъ разговоры дома... Онъ продолжалъ возмущаться и все рассказывалъ, рассказывалъ безъ конца.

Иволгинъ слушалъ внимательно и серьезно и все время свирѣпо ходилъ. Къ концу разговора доставалась бутылка краснаго вина. И у Иволгина дрожали руки, когда онъ разливалъ темную маслянистую жидкость въ маленькие хрустальные стаканчики.

— Твое здоровье...—мрачно говорилъ онъ Коровину.

Коровинъ, молча, чокался, и въ душѣ его росло горькое сочувствіе къ задѣтому его рассказами блестящему адъютанту, предполаемому жениху Вѣры.

А тотъ ходилъ и точно раздумывалъ, чтобы такое сказать или сдѣлать.

— Такъ этого оставить нельзя... Мы должны показать всѣмъ этимъ господамъ ихъ настоящее мѣсто... Дѣло кажется, чортъ возымѣ, теперь каждого изъ насъ. Твое здоровье, Андрей...

Вечеръ опускался и смотрѣль въ окна квартиры, гдѣ жилъ Иволгинъ. Коровинъ рассматривалъ принадлежности туалета своего товарища: дорогие французскіе духи какуюто особенную пасту для чистки зубовъ, коробки съ галстуками и перчатками... Ему становилось грустно... Мелькало какое-то дѣтское сожалѣніе къ тонкимъ нѣжнымъ духамъ и къ новеньkimъ бѣлымъ перчаткамъ, точно рассматривалъ ихъ и смѣялся надъ ними Игнашкинъ, точно чьи-то грубыя, грязныя руки трогали каждую вещь, ощупывали ее со всѣхъ сторонъ и собирались выкинуть за окно.

На столѣ онъ отыскалъ душистую розовую записку, въ которой Мордвинова упрекала Бориса Сергеевича, что онъ ее забылъ, просила навѣстить ее въ Петергофѣ, угрожая въ противномъ случаѣ навсегда разсердиться. Слово „навсегда“ было подчеркнуто двумя толстыми прямыми линіями.

— Это конечно... Крестъ поставленъ...—объяснилъ Иволгинъ.

Становилось еще грустнѣе... Коровинъ не могъ объяснить почему, но ему было жаль Мордвинову. Конечно, если Борисъ Сергеевичъ окончательно рѣшилъ жениться на Вѣрѣ, то продолжать ухаживать за Мордвиновой какъ-то неудобно. Неудобно, и всетаки хотѣлось, чтобы онъ по прежнему встрѣчался съ ней, говорилъ ей отрывистыя пренебрежи-

тельныя фразы, рассказывалъ Коровину, въ какія минуты она особенно привлекательна... Коровинъ вздохнулъ... Его потянуло уйти изъ квартиры, гдѣ все представлялось обиженнымъ и разочарованнымъ, на свѣжій воздухъ.

— Пойдемъ на вокзалъ...—предложилъ онъ Иволгину.

Иволгинъ долго умывался, стоялъ передъ нимъ безъ юргука, вытиралъ руки и лицо полотенцемъ и презрительно говорилъ:

— Мерзавцы!.. Понимаешь, до сихъ поръ не могу успокоиться.

У Коровина послѣ этихъ словъ опять просыпалось озлобленіе, опять мысли переходили на гѣхъ, кто осмѣливаѣтся презирать ихъ и говорить, что они уже не офицерство, а простое сборище праздныхъ людей, съ оружіемъ въ рукахъ защищающихъ свою праздность.

— Имъ моего денщика жаль... а?..

Иволгинъ продолжалъ сердито тереть лицо полотенцемъ, и его налитые кровью глаза останавливались на Коровинѣ, какъ будто приглашая его уяснить себѣ безсмыслицу этой жалости, безсмыслицу того, что тѣ неизвѣстные, тѣ, кѣмъ Иволгинъ привыкъ гнушаться съ самаго своего рожденія, собираются переустраивать жизнь арміи, въ которой онъ, Борисъ Сергеевичъ, служить.

Коровинъ сразу улавливалъ желчъ и иронію сказаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, кто далъ имъ такое право? Потомъ взять, напримѣръ, его, Коровинскаго, денщика Богданова... Развѣ худо ему? Развѣ не скопилъ онъ за лѣто четвертнаго би-лета?

— Оставимъ эту сволочь!

— Оставимъ?..—снова вскидывалъ на него глазами Иволгинъ...—Позволять этимъ господамъ... по твоему, позволять...

И Андрей еще опредѣленнѣе, чѣмъ прежде, начиналъ понимать, что позволять, дѣйствительно, нельзя, что надо отстоять свое сѣреѣ офицерское пальто, тыканье Богданову и все то, что выходило смѣшнымъ, нелѣпымъ или безчеловѣчнымъ въ разсужденіяхъ Игнашкина.

Была осень... Валился листъ съ толстыхъ многолѣтнихъ деревьевъ, отъ тяжести давно переставшихъ смотрѣть на небо, и ихъ коренастые, мѣстами побурѣвшіе стволы, залитые яркимъ холоднымъ мѣсяцемъ, тянулись по дорогѣ правильнымъ прямымъ рядомъ... Пахло увядашей травой, листьями, гниющими въ канавѣ, недавно простучавшимъ дождемъ и черной крѣпкой землей... Великая печаль умирающей природы казывалась въ необъятномъ молчаніи, въ далекомъ мѣсяцѣ и раскинутыхъ по всему небу звѣздахъ... На дво-рахъ лаяли собаки, но ихъ лай былъ чѣмъ-то постороннимъ,

словно даже не прикасавшимся къ застывшей типинѣ и къ столѣтнимъ уставшимъ жить деревьямъ.

Коровинъ и Иволгинъ шли подъ руку... Подъ ногами чувствовались кучи опавшихъ за день и не прибитыхъ дождемъ къ землѣ мертвыхъ листьевъ. Одноэтажные бѣлые домики, сонные и мирные, плыли навстрѣчу... Ворота вездѣ были заперты... Клумбы въ маленькихъ палисадникахъ стояли безъ цвѣтовъ, и только въ рѣдкомъ мѣстѣ высился георгинъ съ низко опущенной шапкой.

Коровинъ пробовалъ поднять свое и Иволгина настроение воспоминаніями о штабсъ-капитанѣ Милѣ, о носовыхъ платкахъ и о старыхъ нѣмцахъ, которыхъ и теперь еще охватываетъ столбнякъ при одной мысли, что полкъ ихъ сына можетъ быть отправленъ въ походъ.

— Здѣшово... чортъ возьми!

Но это „здѣшово“ не выходило такимъ молодымъ и радостнымъ, какимъ было прежде... Иволгинъ слушалъ, молча, не улыбался и не поддерживалъ разговора.

Отнято было и это.. Нарушалась вся жизнь... Ничего не осталось... Покинуты были старыя развѣсистыя липы, маленький городокъ, вокзалъ, грузной массой выроставшій впереди. Покинуты были и они: Иволгинъ и Коровинъ... Холодный далекій мѣсяцъ, дорога, гдѣ падаютъ листья,—вотъ и все, что вмѣстѣ съ ними; а тамъ, у тѣхъ... верстѣ за сорокъ... напряженная жизнь, шумныя улицы, огромное сердце, огромный мозгъ... И этотъ мозгъ работаетъ для чужихъ, думаетъ для чужихъ .. Шевелятся газетные листы, печатаются книги, горитъ огнями университетъ... Они захватили лучшую жизнь... они... Отъ внезапной мысли Коровинъ вздрогнулъ.

Навстрѣчу шелъ со своимъ Герольдомъ Беклемищевъ... Поровнявшись съ Андреемъ и Иволгинъмъ, онъ сдѣлалъ подъ козырекъ.

-- Герольдъ!.. Смотри... Не узналъ? Это Андрей Андреичъ... Самая милѣйшая личность на свѣтѣ.

Всколыхнулось въ душѣ у Коровина что-то теплое, жалѣющее, охватила жуткая тоска за свою жизнь, за Беклемищевскую, но онъ быстро сообразилъ, что это не стоящее, не подходящее для него чувство, и вопросительно, чтобы прозвѣрить себя, поглядѣлъ на Иволгина... А тотъ въ это время былъ занятъ неизвѣстными собственными думами, жмурился на что-то и, словно въ отвѣтъ Коровину, пробурчалъ:

— Мерзавцы!..

Коровинъ томительно вздохнулъ.

— Знаешь что... Пойдемъ въ буфетъ...

Въ этотъ разъ они пили больше, чѣмъ обыкновенно.

V.

Мелкий дождь шелъ съ утра... Частая водяная сѣть мелькала надъ моремъ, надъ бѣлыми домиками и дряхлыми старыми липами. Липы нахмурились, мокли подъ дождемъ и думали что-то тоскливоое, не то о своей жизни, не то о сѣромъ морѣ, которое никогда не умираетъ, зябнетъ теперь безъ солнца и качаетъ на своихъ озабытыхъ волнахъ черные пароходы съ грязными трубами. Изъ пароходныхъ трубъ вился густой черный дымъ... Тяжело было держаться ему въ пропитанномъ сыростью воздухѣ и въ то же время не хотѣлось прикасаться къ холодной водѣ. Насыпь желѣзной дороги уходила съ пустыннаго морскаго берега въ унылую рощу... Потемнѣлъ свѣжий красный песокъ, и блестящіе рельсы стали мутными и старыми.

Уныло раздавались шаги... Таилась и пряталась жизнь... Жалобно пѣло піанино въ комнатѣ, гдѣ были спущены шторы и гдѣ лѣтомъ на подоконникахъ стояли красныя и оранжевые герани... Убогіе, надгреснутые звуки падали въ душу, какъ падаютъ вялые листья липъ на грязную дорогу... Женскій голосъ повторялъ одну и ту же пѣсню:

Отворите окно, отворите...
Миѣ не долго осталось жить.

И странное чувство возникало въ душѣ. Казалось, что противъ воли того, кому осталось мало жить, опустили шторы въ комнатѣ, убрали съ оконъ цвѣтущиа герани и принесли для выраженія тоскливыхъ жалобъ старенькое разбитое піанино... И хотѣлось просить того, кто все это сдѣлалъ, дать хотя на одинъ день выглянуть солнцу, убѣждать, что это въ послѣдній разъ, что больше жалобъ не повторится.

Послѣднее время Коровинъ, чаще чѣмъ прежде, уважалъ днемъ въ Петербургѣ и являлся къ вечеру съ женщиною въ большой шляпѣ, съ нарумяненными щеками и неестественно бѣлымъ лицомъ. Тогда въ квартирѣ спускались тяжелыя темныя шторы; денщикъ получалъ приказаніе говорить, что ихъ благородія нѣтъ дома, а куда они ушли—неизвѣстно; въ передней на вѣшалкѣ, рядомъ съ офицерской шинелью висѣла смятая женская жакетка; изъ собранія приносился ужинъ на двоихъ, и только поздно утромъ открывались окна въ садѣ. На другой день вечеромъ можно было замѣтить, какъ капитанъ Сосновскій или штабсъ-капитанъ Миль уходили отъ Коровина подъ руку съ его вчерашней

спутницей, которая должна была обойти теперь всѣхъ холостыхъ офицеровъ полка: это у нихъ называлось кругосвѣтнымъ плаваніемъ... При этомъ женщина, извѣстная въ полку подъ именемъ Маруськи, останавливалась, поворачивалась, кричала: „До свиданія, Андрей!“ и посыпала Коровину воздушные поцѣлуи.

Коровинъ смотрѣлъ вслѣдъ уходящимъ изъ окна, и ему было забавно вспоминать, какъ Маруська просила, чтобы онъ оставилъ ее у себя, какъ упрямилась и не хотѣла идти съ Милемъ, и какъ тотъ, кругленькій и красненькій, убѣждалъ ее слушаться и часто мигалъ слезящимися глазами.

— Ну, дѣвочка, одѣвайся... Терять золотое время не къ чему... Есть я тебя не буду, честное слово, не буду... Въ обиду никому не дамъ... Бутылочки три пивка разоппемъ, и выйтъ у насъ все поощрительно...

А когда она соглашалась и нехотя начинала надѣвать жакетку, Миль тревожно отзывалъ Коровина на два слова и, убѣгая глазами въ темный уголъ, просилъ рубля три въ долгъ до двадцатаго...

Они уходили... Слышино было тяжелое согѣніе Миля, его обѣщаніе не напиваться и увѣренія, что ему всего сорокъ лѣтъ.

— Сорокъ лѣтъ, какъ въ алтекѣ... Не больше и не меныше

Коровинъ улыбался и думалъ о томъ, что Миль отродясь не зналъ другихъ женщинъ, что онъ влюбится теперь въ эту и станетъ мечтать о ней, какъ о дорогомъ, близкомъ существѣ, и что, можетъ быть, расчувствуется, расскажетъ о своихъ старикахъ-родителяхъ, о томъ, что онъ у нихъ единственный сынъ, расплачется и будетъ дарить ей разные подарки изъ своего домашняго обихода.

И сегодня у Коровина ночевала эта женщина. Она сидѣла безъ кофточки съ нимъ рядомъ и, по обыкновенію, удивлялась его молодости и красотѣ и говорила, что онъ похожъ на какого-то графа, который учился въ Правовѣдѣніи, поилъ ее шампанскимъ и обѣщалъ взять на содержаніе. Конечно, только обѣщалъ, а потомъ, какъ и всѣ они, женился на богатой невѣстѣ изъ своего круга. Коровинъ слушалъ, что она говоритъ, смотрѣлъ на ея круглые бѣлые руки и на полную, тоже бѣлую грудь... На грязной тесемкѣ, повязанной вокругъ шеи, болтался потемнѣвшій образокъ съ тонкимъ серебрянымъ крестикомъ. Коровинъ потрогалъ сначала образокъ, потомъ крестикъ... Едва-едва, сонно и лѣниво вспомнилась ему теплая дѣтская кроватка съ веревочной сѣткой и то, какъ по вечерамъ приходила Елена Ильинишна и крестила его и Вѣру на сонъ грядущій... Онъ брезгливо поморщился, точно образокъ на женской груди

быль чѣмъ-то оскорбительнымъ для его вялыхъ воспоминаний.

— Зачѣмъ, Маруська, ты носишь это?

— А какъ же безъ Бога... Чудакъ-человѣкъ, чай меня тоже крестили.

И ее тоже крестили; и у нея было дѣтство, мать и своя жизнь... Пожалуй, и теперь есть... Онъ не замѣчалъ раньше этихъ чужихъ жизней, того, что бѣтся каждое сердце, и не могъ сразу освоиться съ новымъ чувствомъ, говорившимъ ему, будто земля не для него дного, а для всѣхъ живущихъ, каковы бы они ни были... Смутный инстинктъ подсказывалъ, что предаваться этому чувству нельяза, что это будетъ противъ Иволгина, противъ Вѣры... Но любопытство было задѣто, и онъ не сумѣлъ во время удержаться... Чтобы ощутить эту чужую, въ первый разъ сознаваемую, жизнь, онъ прикоснулся къ мягкому теплому плечу Маруськи и тихо спросилъ:

— А ты любишь кого-нибудь?

Говорить „ты“ почему-то стало неловко. Разъ у нея была своя жизнь, надо было относиться къ ней, какъ къ человѣку, равному себѣ... И онъ глядѣлъ на нее со все увеличивавшимся любопытствомъ, и то, что замѣчалъ въ ней, распространялось на Богданова, на уличную толпу, на всѣхъ... Да, правда... Вотъ и глаза, и изъ этихъ глазъ смотрѣть незнакомая душа съ чуждыми желаніями, съ какой-то вѣрой въ своего Бога, съ другими понятіями о томъ, что хорошо, что худо... Онъ взялъ ея правую руку, повернуль ладонью вверхъ и началъ разматривать мелкія морщинки у большого пальца и линію жизни.

— Васть люблю, васть, Андрей...—захотала она, пододвинулась совсѣмъ близко и стала дышать ему въ лицо...

Отъ того, что Коровинъ все еще держалъ ея руку въ своей и не отодвинулся, она осмѣяла совсѣмъ, начала трогать его за усы, расправляла ихъ и говорила, что такъ, на вѣрное, будетъ ласкать его молодая жена, и удивлялась, что когда-то будетъ другое утро, другая комната, другая женщина, и точно урывала у этой другой женщины право ласкать ея избранника.

— У тебя глаза красивые, интересные, будто ты все время думаешь о чѣмъ-нибудь веселомъ...—не переставая, болтала она...—Милый! Посмотри на меня... Боже! Какъ я люблю офицеровъ.

И Маруська въ восторгѣ закрывала глаза и крѣпко сжимала руку Коровина, чтобы передать ему всю силу своей любви... Потомъ стала вслухъ мечтать, что если бы была его сестрой, гордилась бы имъ передъ всѣми подругами, вмѣстѣ съ нимъ

ходила бы въ церковь и въ театры... Она рассказывала ему о своихъ самыхъ маленькихъ, самыхъ затаенныхъ желанияхъ и дѣлалась такой похожей то на Лидочку, то на Вѣру, что его всего передернуло... Этого не должно быть... Онь сдѣлалъ рѣзкое движение, грубо освободился отъ ея рукъ, всталъ и закурилъ папиросу...

Съ улицы врывалось:

Отворите окно, отворите,
Мнѣ не долго осталося жить!

Тамъ, насупротивъ, тоже жилъ кто-то, у кого были свои интересы, своя жизнь. И эта жизнь не хотѣла молчать, она кричала громкимъ, немузыкальнымъ голосомъ, врывалась въ квартиру Коровина, дерако заявляла о себѣ.

Коровинъ нахмурился... Горячо пронеслось въ мозгу, что онъ не хочетъ этого, и точно въ отвѣтъ выплыло, что поющая сосѣдка, въ свою очередь, можетъ не хотѣть, чтобы напротивъ ея дома жилъ офицеръ, у которого въ комнатахъ развѣшены картины съ изображеніями голыхъ женщинъ, а эта, чьи губы онъ чувствовалъ на своихъ губахъ, въ какуюнибудь минуту вздумаетъ вдругъ возмущенно отвернуться отъ него, Коровина, какъ онъ только что отвернулся отъ нея.

Въ головѣ все спуталось. Опять не было ничего яснаго, опредѣленнаго... Смутно выростало сознаніе, что жизнь принадлежитъ не ему одному, а всѣмъ, и что надо считаться со всѣми... Цѣлый міръ маленькихъ зубчатыхъ колесиковъ вставалъ въ его воображеніи, и казалось, что эти колесики хорошо было бы приспособить такимъ образомъ, чтобы ни одно изъ нихъ не терялось въ массѣ, служило всей совокупности и въ то же время имѣло свое собственное вращеніе для одного себя.

Коровинъ не старался придумывать мысленныхъ возраженій... Новое представление о зависимости всѣхъ явлений жизни, объ ихъ сцепляемости было для него внезапно и до такой степенишло въ разрѣзъ съ прежними его понятіями обѣ окружающемъ мірѣ, точно онъ получилъ глухой ударъ по виску и потерялъ сознаніе, съ помощью которого, какъ ни плохо, но всетаки разбирался въ каждомъ своемъ поступкѣ.

Нѣсколько минутъ онъ ни о чёмъ не думалъ.

Потомъ сѣлъ на диванъ къ горько плакавшей и дрожавшей, какъ въ лихорадкѣ, Маруськѣ, и убогая мышь щептала ему, что они одинаково обижены: Маруська имъ, Коровинъ имъ, а онъ—неизвѣстно кѣмъ.

— Брось, Маня, пустяки...

Въ голосѣ его зазвучала робкая просьба. Пусть, въ са-

момъ дѣлѣ, все окажется пустяками: пустяки то, о чёмъ тояковалъ Игнашкинъ, и то, что сейчасъ, помимо воли, приходило въ голову насчетъ зубчатыхъ колесиковъ.

А она вздрагивала, она не соглашалась, что пустяки, упрямилась.

— Вотъ вы всегда такие... Оскорбить, задѣть — это ваше дѣло... Пока нужна, до тѣхъ поръ и хороша... А потомъ... воинъ одинъ изъ такихъ третьяго дня избилъ меня... Вся спина синяками исполосована... Всѣ вы одиаковы... всѣ.

— Дура!..

Коровинъ вспыхнулъ. Не хочетъ понимать, что онъ ей же уступаетъ, мало для нея того, что вотъ сидитъ здѣсь... почти голая... Позволяетъ онъ это ей, или не позволяетъ?.. Дай имъ волю, такъ они на шею къ тебѣ сядутъ... Твари!

Онъ снова овладѣлъ собой, снова становился такимъ, какъ былъ вчера. Ощущеніе глухого удара проходило. Надо было отвѣтить тому, кто оглушилъ его.

Коровинъ прицѣпился къ тому, что Маруська сидѣла безъ кофточки.

— Одѣвайся!.. Довольно тебѣ красоваться.

Она не трогалась съ мѣста и молчала.

Ага!.. Хорошо... Тоже начинаетъ разыгрывать изъ себя. Онъ закусилъ губу, отошелъ къ окну, простоялъ тамъ нѣкоторое время, словно хотѣлъ, чтобы она сама одумалась. На диванѣ не было слышно никакого движенія. Это взорвало его окончательно.

— Ты что, цѣлый день сидѣть здѣсь намѣрена?

Маруськѣ захотѣлось подразнить Коровина.

— А хотя бы и такъ... Сижу вотъ.. тебя не спрашиваю.

— Ну, это мы еще посмотримъ.

Онъ со злостью схватилъ ее за руку, поднялъ валявшуюся рядомъ кофточку и насилино началъ накидывать на плечи... Маруська сопротивлялась, старалась вырваться.

Борьба озлобила Коровина еще больше.

Смѣять сидѣть у него, когда онъ не хочетъ!.. Сейчасъ уберется на улицу. Онъ толкнулъ ее со всей силы, рванулъ кофточку, которую она уловчилась прижать скрещенными руками къ груди... Кофта затрещала. Маруська ударила головой о дверь...

— Довольна теперь, или еще хочешь?

Ей было жаль свою разорванную кофточку, и она боялась, что на лбу вскочить синякъ. По щекамъ скатывались слезы, которая она торопливо проглатывала. Отъ подымавшейся порывисто груди ходуномъ ходила рубашка. Коровинъ опять сказалъ, чтобы она убиралась... На этотъ разъ Маруська послушалась, жалко напялила кофточку на руки

и, всхлипывая, застегивала пуговицы... Одинъ рукавъ былъ почти оторванъ, и черезъ образовавшееся отверстіе выглядалъ большой кусокъ рубашки.

— Видишь, что ты сдѣлалъ... Отъ всѣхъ ожидала, а отъ себя никогда не думала.

Она сѣла въ уголокъ и снова затряслась всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ вы всегда такъ... И что это за жизни!.. Самы позовутъ въ гости, наобѣщаютъ всего... А потомъ... точно прокаженная какая-то... въ самомъ дѣлѣ.

Въ рукахъ былъ носовой платокъ, которымъ она вытирала глаза и въ который долго, точно для того, чтобы замедлить время, сморкалась... Коровинъ брезгливо смотрѣлъ на нее... У него не было никакого другого чувства, кроме глухой злобы противъ этой женщины, вынудившей его, какъ ему казалось, на брань и драку.

— Ну, ты провалишься отъ меня когда-нибудь, или нѣтъ?

— Какъ это провалюсь?

— Очень просто... въ Петербургъ.

Раньше она всегда оставалась... оставалась для Миля, Иволгина... Но сегодня Коровину хотѣлось, чтобы она уѣхала. Онъ зналъ, что причинялъ ей этимъ какое-то большое оскорбленіе и лишалъ заработка, но этотъ поступокъ его былъ вызовомъ тому миру, который помимо его воли овладѣвалъ всѣмъ его существомъ и пользовался всяkimъ обстоятельствомъ, чтобы проявить себя, показать, что онъ здѣсь, рядомъ, видѣть, какъ Коровинъ дерется, слышать, какъ онъ ругается...

Пусто... все пусто... Онъ ничего не боится...

Понялъ Коровинъ и то, что всю произошедшую сцену онъ поднялъ не для Маруськи, а для того, чтобы дать отвѣтъ этому миру, показать свое несогласіе съ нимъ, свою отчужденность отъ него... Опять было завертѣлись колесики, но теперь, послѣ того, какъ онъ разорвалъ Маруськину кофточку, не надо было признавать ихъ и желать стройности для ихъ массы, наоборотъ, хотѣлось войти туда, где было ихъ всего больше, начать размахивать шашкой, рубить направо и налево и видѣть, какъ они, одно за другимъ, изломанные, валяются подъ ноги, и топтать тѣ, которые свалены, ногами.

— Хорошо... я поѣду... только... это... это... Ты, значитъ, не любишь меня ни капельки?

— Вотъ еще... Выдумала тоже. Любить тебя?!

Коровинъ пожалъ плечами, притащилъ ея жакетъ, зонтикъ и шляпу.

Она ушла, не попрощавшись, постояла нѣкоторое время.

у подъезда, потомъ рѣшительно раскрыла зонтикъ, подобрала юбки и скрылась за деревьями.

Почти непосредственно послѣ ея ухода пришелъ Миль... Что-то необычное, серьезное и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкое было въ его толстой маленькой фигуркѣ. Онъ согнулся носомъ, отъ волненія не садился, подходилъ къ столу, закуривалъ папиросу, клалъ ее на пепельницу и забывалъ... Потомъ сѣлъ, расправивъ сюртукъ, на кончикъ стула, развелъ руками и замогильнымъ голосомъ сказалъ:

— Экстренный приказъ, братъ...

Коровина все время подмывало засмѣяться, но необычайность поведенія Мilla, испуганная торжественность, которая проглядывала въ каждомъ его движеніи, маленькие, слезящіеся глазки, смотрѣвшіе грустно и виновато, удержали его отъ шутокъ, быстро сложившихся въ головѣ. Желая пропустить это необычное не такъ, какъ слушалось все остальное, Коровинъ присѣлъ съ нимъ рядомъ и принялъ дѣловой, серьезный тонъ.

— Какой приказъ, папаша? Мнѣ еще ничего не приносили... Я спрашивалъ у Богданова.

— Да вотъ, братъ, ничего не попишешь.

Глазки забѣгали, лицо побагровѣло... Снова Миль развелъ руками, привсталъ и, точно боясь того, что несъ въ свое мозгу, и вмѣстѣ съ тѣмъ сберегая принесенное, какъ берегутъ дорогую хрупкую вазу, когда держать ее въ рукахъ, выразительнымъ шепотомъ сказалъ:

— Посылаютъ насть... меня и тебя... мою роту, то-есть, на фабрики.

Главное было сказано, и онъ могъ теперь передохнуть... На лбу выступила испарина... Онъ медленно провелъ по начавшей лысѣть головѣ широкой ладонью, погладилъ усы и, наклонившись вѣмъ корпусомъ впередъ, такимъ же выразительнымъ шепотомъ добавилъ:

— Въ Петербургъ... Въ распоряженіе полиціи... Сегодня ночью выступать велѣно... Безпорядки, по всей видимости, тамъ.

Коровинъ повеселѣлъ и воодушевленно заволновался... Точно тяжесть какая упала у него съ плечъ. Глаза заблестѣли, грудь задышала шире и свободнѣе... Наконецъ-то!.. Жизнь сама указывала ему выходъ... Близилось то немѣбѣжное, что все время слѣдило за нимъ изъ-за угла, заставляло его быть насторожѣ, испытывало рѣчами Сергея и Игнашкина и передѣльвало каждый день въ такой же безтолковый и крикливыи, какъ сегодняшній... Теперь онъ могъ столкнуться съ неизвѣстнымъ противникомъ грудь грудью и такъ или иначе опредѣлить свое будущее.

— Ну что жь, ъдемъ, папаша...
 — Приходится... Ничего не попишешь.

Миль вздохнулъ, и этотъ тревожный полуподавленный вздохъ придалъ ему что-то убогое, что было въ Марускѣ, когда она по приказанію Коровина надѣвала кофточку... Пальцы рукъ его оттопырились и неуклюже лежали на широко разставленныхъ колѣняхъ... Похоже было на то, что кто-то грозный, имѣвшій власть надъ Милемъ, говорилъ ему о давно принятомъ имъ на себя обязательствѣ убивать людей и говорилъ такимъ тономъ, что это безчестное, не-посильное обязательство непремѣнно надо исполнить, и Миль не смѣлъ даже мысленно отказаться.

— А пивка выпьемъ, папаша?
 — Нѣть, ужь уволь... Пойду, знаешь, къ себѣ.

Миль не согласился и на повторное приглашеніе и такимъ же серьезнымъ и растеряннымъ, какимъ пришелъ, направился къ выходу. Онъ не прослушалъ даже рассказа Коровина о милой его сердцу Марускѣ, о ея слезахъ и разорванной кофточкѣ... Махнулъ безразлично рукой и въ наглухо застегнутомъ пальто съ поднятымъ воротникомъ поплелся на затканную дождемъ улицу.

Коровинъ слѣдилъ за его фигурой, пока она не свернула въ ближайшій переулокъ... Слѣдилъ, и его коробило, что эта фигура имѣла сходство съ неизвѣстно за что побитымъ слабосильнымъ человѣкомъ, не умѣвшимъ сообразить, кто его побилъ и имѣлъ ли право бить, и знаяшимъ только одно, что послѣ этого раза, когда онъ не сумѣлъ защищаться, съ нимъ каждый день можетъ повторяться то-же самое.

Въ Коровинѣ заговорила гордость, что онъ не таковъ, какъ этотъ Миль. Засунувъ руки въ карманы брюкъ, онъ молодцевато прошелся по комнатѣ, приподнявъ голову и свистнувъ:

„Г-мъ... да... Значить, они устраиваютъ беспорядки! Что же, посмотримъ, какіе это беспорядки.“

Эту фразу онъ подумалъ какъ-то иронически, и не самъ для себя, а для тѣхъ мыслей, которыя мучили его утромъ, для Игнашкина, разсуждавшаго о ихъ благородіяхъ, и для враждебной ему уличной толпы.

Быть сдѣланъ крутой военный поворотъ; онъ невольно сталъ ритмически покачиваться, какъ покачивался, когда ходилъ съ Иволгинскимъ, и точно смаковалъ новыя веселыя думы, которыя сводились къ одному — пора отвѣтить разсуждающимъ господамъ, пора показать, что никакихъ спѣ-пляющихъ колесиковъ нѣть, что есть подпоручикъ русской арміи Коровинъ, подвластные ему нижніе чины и короткій приказъ: пли...

Неопределенно замелькали соображения о торжественной присягѣ, о вѣрности престолу, но такъ какъ лично для него все это не было нужно, а существовало для объясненія его поступковъ солдатамъ и постороннимъ лицамъ, то онъ на этихъ соображеніяхъ не сталъ останавливаться.

VI.

Выхала не только рота Миля, но еще и другая, капитана Сосновского, и поѣздъ былъ составленъ изъ ряда товарныхъ вагоновъ и одного пассажирскаго, помѣщенаго въ серединѣ, для офицеровъ. Была ночь... На станціи, кроме трехъ-четырехъ желѣзодорожныхъ служащихъ, никто не показывался. На платформѣ растянулись одни солдаты, и ихъ темная небольшая фігурки въ боевомъ вооруженіи придавали вокзалу загадочный непривычный видъ чего-то кошачащагося въ ночной мглѣ, готоваго ощетиниться и разинуть огромную пасть... Будто проснулось страшное допотопное чудовище, прославивши тысячи лѣтъ и само удивлявшееся тому, что оно еще живо, расправляло свои затекшія тяжелыя лапы, подымало безобразную голову...

Чуть-чуть моросилъ дождь... Мутно освѣщали фонари мокрую, точно кѣмъ-то вымытую, но не вытертую платформу... Въ концѣ платформы пыхтѣль локомотивъ, на которомъ заспанный машинистъ торопливо разводилъ пары... Впереди блестѣли черные глянцовитые рельсы, мягко вырисовывался сырой бархатный песокъ, въ одну темную массу сливались дома и деревья... Близко придвигнулся садъ, разросшійся около крайней дачи, точно хотѣлъ посмотреть, что такое тайное и молчаливое дѣлается на станціи; куда собираются хмурые скучившіеся люди; дѣйствительность все это или сонъ, приснившійся ему въ холодную ночь отъ того, что онъ продрогъ, надышался сырьимъ воздухомъ и давно не видѣлъ солнечнаго свѣта.

Садъ такъ и не отдалъ себѣ яснаго отчета: спалъ онъ или проснулся, хотя мимо его черезъ полчаса безшумно и плавно въ сторону Петербурга, точно толстый кольчатый змѣй съ тремя огненными глазами, потянулся никогда не отходившій въ такое позднее время таинственный поѣздъ. Мягко звякнула о металлические блоки семафорная проволока. Разомъ опустѣла платформа, которой хотѣлось скорѣе забыть о случившемся... Потушены были лишніе фонари... Часто застучалъ неизвѣстно отчего повеселѣвшій дождь, можетъ быть, обрадованный тѣмъ, что скрылось никогда невиданное имъ кровожадное чудовище, что не осталось

здѣсь терзать и уничтожать веселыя уютныя дачи, а можетъ быть—просто потому, что надоѣла тишина, и пришло плавливое желаніе наполнить ее суетливымъ разговоромъ, что вотъ онъ, дождь, не спить, хорошо чувствуетъ себя въ осенюю ночь и не нуждается ни въ теплѣ, ни въ уютѣ.

Коровинъ долго стоялъ на площадкѣ вагона, и ему нравилось, что сырой, щемящій холодокъ освѣжаетъ лицо, что всѣ спать—ничего не знаютъ, а онъ вотъ ѳдетъ по экстренному приказу разрѣшать тѣ недоумѣнія, которыхъ скопились въ каждой душѣ и привели къ оскорблѣніямъ офицеровъ на улицѣ, къ шумнымъ демонстраціямъ, къ ненависти противъ нихъ, сытыхъ; нравилось ему еще то, что это разрѣшеніе выпало на него, совсѣмъ было потерявшаго почву, что подъ ногами опять выросла твердая земля, и никто уже не сможетъ столкнуть его въ мутную глубокую воду, въ которой онъ былъ вчера и гдѣ приходилось барахтаться изо всѣхъ силъ, чтобы дать легкимъ возможность набрать достаточное количество кислорода. Не надо было жаловаться и упрекать мать, родныхъ и знакомыхъ, что они поставили его въ положеніе всѣми оскорблѣемаго человѣка, сдѣлали общимъ посмѣшищемъ, и когда сами увидѣли, что творится дѣйствительно что-то очень неладное, то стали безпомощно разводить руками, скрывать, замалчивать и упрашивывать другихъ, чтобы тѣ, другіе, тоже замалчивали... Нашелся болѣе властный, болѣе рѣшительный союзникъ, чѣмъ они, разрѣшилъ всѣ сомнѣнія, сказалъ Коровину, что онъ, Коровинъ, правъ, что жизнь пойдетъ по старому, какъ шла до войны, и если кто-нибудь вадумаетъ этому сопротивляться, то его заставятъ подчиниться силой, тѣми же самыми солдатами, которые отказались побѣждать въ Манджурии, но могутъ побѣждать въ родной странѣ...

Чудовище просыпалось... Оно было оглушено такъ же, какъ и Коровинъ... Но оба они во время пришли въ себя, вспомнили о своемъ кровномъ союзѣ, поняли, что не все потеряно... Несся черной ночью черный поездъ съ тремя огненными глазами... Захваченный чужими, городъ будеть сматъ и побѣдѣть, будеть растоптана ихъ жизнь съ газетами, книгами, университетами... Опять начнутся балы, вечера, и снова Коровинъ станеть нужнымъ, хорошимъ и любимымъ.

Коровину не хотѣлось представлять, что произойдѣть завтра, рисовать картины, которыхъ задуманы кѣмъ-то и будуть нарисованы со всѣми штрихами при свѣтѣ дня... Сей-часъ все это казалось мелочнымъ, неважнымъ передъ тѣмъ, что совершилось въ его душѣ, давало задачу на всю жизнь, что хотѣлось перелить изъ себя въ огромное солдатское

тѣло... Завтра случится одинъ эпизодъ, одна страница цѣлаго ряда будущихъ Коровинскихъ поступковъ, имѣющихъ свою исходную точку въ томъ, что уже совершилось сего дня... Они, военные, перестаютъ быть молчаливыми свидѣтелями работы ума и сердца своей страны; они не подчиняются результатамъ, къ которымъ приведеть эта работа, а выступить сами оть себя на защиту прежнихъ условій своего существованія.

Было, очевидно, что онъ не одинъ, что ихъ много такихъ, какъ Иволгинъ, Сосновскій, Миль, что не надо никакого офицерского кружка, потому что они и такъ представляютъ изъ себя прочную обособленную организацію... Чувствовалась связь съ убѣгвшимъ въ сырую темноту побѣдомъ, и въ тонь стуку колесъ стучало сердце... Онъ жилъ уже не самъ по себѣ, не отдѣльной единицей. Его захватывало и уносило желѣзное громоздкое чудовище, съ дыханіемъ котораго сливалось его дыханіе, и такъ же крадучись, какъ это чудовище, направлялся онъ, Коровинъ, въ спавшій и не знаяшій объ ихъ приближеніи городъ.

Въ вагонѣ шла оживленная бесѣда между Сосновскимъ и двумя молоденькими офицерами, Краснопѣвцевымъ и Мартыновымъ. Сосновскій рассказывалъ анекдотъ. Краснопѣвцевъ издаваль радостныя пронзительныя трели восторженнаго смѣха... Мартыновъ удивленно смотрѣлъ своими большими дѣтскими глазами сначала на Сосновскаго, потомъ на Краснопѣвцева, не сразу понималъ, надѣть чѣмъ именно надо смыться, мысленно разбирался въ разсказанномъ анекдотѣ и тогда, когда уже Сосновскій переходилъ на новый, улавливалъ соль стараго, озарялся хорошей молодой улыбкой и, поблескивая глазами, весело говорилъ:

— Эге... Продолжайте, продолжайте... Я слушаю.

Миль сидѣлъ въ углу, не то дремалъ, не то все еще не могъ освоиться съ приказомъ, послыавшимъ его на усмирение... Онъ шевелилъ толстыми отвислыми губами, что-то соображалъ, кому-то доказывалъ, что онъ, собственно, не причемъ, и что ничего не подѣлаешь... Когда Сосновскій басиль особенно густо и трель Краснопѣвцева брала самыя высокія ноты, Миль точно просыпался, мутно озиралъ своихъ однополчанъ и съ недовольнымъ глухимъ ворчаніемъ начиналъ возиться въ своемъ углу. Его беспокоило и смущало это чужое, какъ будто бы, неподѣльное веселье въ ту минуту, когда душа хотѣла отвернуться отъ всего происходящаго и упрямо говорила, что ея участія ни въ чемъ нѣть...

— Ваше преподобіе, проснулись? — кричалъ ему Сосновскій...—Идите къ намъ... Мы васъ развеселимъ...

Миль ничего не отвѣчалъ, опять застывалъ въ темнотѣ

углу и съ тупымъ беспокойствомъ прислушивался къ стуку колесъ, по которому судилъ, что поѣздъ идетъ довольно такъ быстро... Быстрота передвиженія не давала забыться ни на одинъ моментъ, напоминала, что такъ же, какъ бѣгутъ вагоны, бѣжитъ время, и что вагоны и время несутъ Миля въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ стоять со своими солдатами на какой-то неизвѣстной ему фабрикѣ, охранять ее отъ рабочихъ, почему-то не желающихъ работать, и въ случаѣ упорныхъ попытокъ съ ихъ стороны проникнуть въ мастерскія, отразить эти попытки силою оружія.

Коровинъ, войдя въ вагонъ, присѣлъ было сначала къ Милю, но, такъ какъ тотъ на всѣ его шутки отвѣчалъ однѣмъ неопредѣленнымъ мычаніемъ и, видимо, не имѣлъ никакого желанія вступать въ разговоръ, Коровинъ бросилъ свою затѣю растормошить „папашу“ и перебрался къ Сосновскому и его группѣ.

Сосновскій весело хлопнулъ Коровина по плечу, произвелъ звонкій звукъ, похожій на бульканіе жидкости, выливавшейся изъ горлышка бутылки, и дѣловито освѣдомился:

— Ну, какъ вы, Андрей Андреичъ... никакой игры въ колѣняхъ передъ усмиреніемъ не чувствуете?.. Вы вѣдь у насъ сентименталь...

— Рѣшительно никакой.

— Настоящій воинъ, значитъ... Превосходно, коли такъ... А ваше непосредственное начальство совсѣмъ въ меланхолію впало... Баба бабой сидѣть...

Краснопѣвцевъ зазвенѣлъ тоненьkimъ серебрянымъ емѣшкомъ, а Мартыновъ на этотъ разъ задумался и серьезно сказалъ:

— Я постараюсь обойтись безъ выстрѣловъ.

— Бросьте, юноша, эту антимонію... Солдатъ, знаете, не что иное, какъ солдатъ. Весель, пьянъ въ свободное время, амуры и все прочее... А на службѣ—точное исполненіе приказа... Не онъ палитъ — форма его палитъ... Вы, Андрей Андреичъ, на этотъ счетъ какъ думаете?..

Коровинъ, который не могъ передать своихъ высшихъ соображеній, отрывисто отвѣтилъ:

— Про себя я знаю одно, что пустить пулю въ лобъ одному изъ мерзавцевъ для меня никакого труда не составить.

— Зрѣлое разсужденіе... Ваше преподобіе, штабсь-капитанъ Миль, совѣтую послушать... Какъ куропаточку, слѣдовательно... Эхъ-хѣ-хѣ.

Сосновскій затрясся отъ добродушнаго смѣха.

Стало еще веселѣе, точно увѣренность Коровина въ

самомъ себѣ передалась каждому изъ офицеровъ, и ни у кого изъ нихъ не осталось скрытыхъ, крадущихся сомнѣній, которыхъ, какъ ни какъ, время отъ времени, завладѣвали сердцемъ и наполняли его неопределеннной щемящей то-ской... Одинъ рѣшилъ, а на міру и смерть красна.. А то, что рѣшилъ онъ, какъ держаться, и такъ открыто и самостоятельнно, первымъ, ааявилъ передъ всѣми о своемъ рѣшеніи, перекладывало общую отвѣтственность на него одного... Онъ бралъ руководительство, слѣдовательно, зналъ, что таъ надо, что иначе нельзя... Особенно радовался этому Сосновскій, хотя вѣшій было прикрыться солдатскимъ званіемъ и тѣмъ, что съ солдата спрашививать, собственно, нечего... Послѣ короткой паузы, переживъ снова жуткость того, что скоро, можетъ быть, придется убивать людей, и уже зная, что починъ въ убийствѣ принадлежитъ не ему, а другому, онъ благодарно поглядѣлъ на Коровина и не удержался отъ ласковой похвалы:

— Всегда, признаться, былъ о васъ самаго высокаго мнѣнія, а теперь побѣжденъ окончательно... Какъ куропаточку, эхъ-хѣ-хѣ...

Мартыновъ же точно все время соображалъ, о чёмъ говорить его товарищи, сравнивалъ ихъ взгляды со своими, дѣлалъ мысленные выводы изъ этого сравненія и выбиралъ, на какомъ изъ нихъ остановиться.

Онъ робко посмотрѣлъ вглубь глазъ Коровина своимъ удивленными дѣтскими глазами и, словно бы добиваясь новаго нужнаго ему возраженія, грустно сказалъ:

— Всегда, я буду избѣгать крови... Неизвѣстно еще... Понимаете, я застигнутъ врасплохъ, ново для меня все это... Ничего не соображаю... А сдѣлаешь,—не вернешь потомъ... Придется самому себѣ пулю пустить... Я органически не выношу несправедливости.

Послѣдней фразой онъ хотѣлъ оправдать свою нерѣшительность.

— „Молчаль бы лучше“,—враждебно подумалъ про него Коровинъ, ничего не отвѣтиль и вышелъ на площадку вагона.

По прибытии въ Петербургъ, каждый изъ офицеровъ долженъ былъ отправиться со взводомъ солдатъ на особое назначенное для него мѣсто... Коровину пришлось идти за одну изъ заставъ. Городъ еще спалъ. На улицахъ почти не было движенія. Рѣдкіе ночные извозчики, проѣзжая мимо двигавшихся плотнымъ сѣрымъ прямоугольникомъ солдатъ, провожали ихъ любопытными глазами. Нѣкоторые изъ нихъ, отъѣхавъ на довольно значительное разстояніе, неожиданно приподнимались съ козель, хлестали се вѣй-

силы лошадь и съ какой-то злобной рѣшимостью кричали браннныя оскорбительныя слова... Солдаты угрюмо шагали, старались не смотрѣть по сторонамъ, не слушать того, что кричать имъ извозчики, и хотѣли только одного—скорѣе дойти до мѣста назначенія, выполнить тамъ то, что прикажутъ, и потомъ вернуться въ казарму, гдѣ снова начнется обычный день и будетъ смѣняться такимъ же другимъ днемъ, пока ихъ не распустятъ по вольнымъ квартирамъ и каждый изъ нихъ не превратится въ обыкновенного человѣка, у которого нѣтъ на плечѣ тяжелой винтовки, сбоку внимательнаго взора унтера и въ головѣ вбитой мысли о внутреннемъ его, солдатскомъ, врагѣ. Иныхъ брала злость на это свое исключительное положеніе, на то, что подняли ихъ въ холодную непогодную ночь, не спросивъ, согласны ли ониѣхать, повеали ихъ, какъ скотъ, въ товарныхъ вагонахъ, приказали зарядить винтовки боевыми патронами и ждать бунта... Злость эта получала самый ближайшій исходъ въ тупомъ враждебномъ чувствѣ противъ всѣхъ не такихъ, какъ они,—противъ рабочихъ, студентовъ, извозчиковъ и толпы, которая собирается на улицѣ... О чёмъ толковать, когда имъ дали сдѣлаться солдатами, когда позволили увести ихъ въ казармы?.. И глаза мрачно и злобно выражали упрямую мысль, что, разъ они подчинились, когда ихъ оторвали отъ сохи, то они подчинятся и сегодня, потому что разницы между двумя этими подчиненіями нѣтъ.

На фабрикѣ околодочный провѣль Коровина въ помѣщеніе конторы, гдѣ сидѣли два пристава, жандармскій офицеръ и какіе-то субъекты въ штатскомъ. На столѣ въ бумагахъ сверткахъ лежала разная закуска, стояло нѣсколько бутылокъ пива, толстобокій грязный самоваръ и стаканы съ оловянными ложками и плохо вымытыми, мѣстами подбитыми блюдечками.

— Простите ужъ, по походному...—извинился одинъ приставъ и распорядился, чтобы Коровину принесли стулья.

— Военный совѣтъ въ Филяхъ...—сѣостриль другой. — Видѣли такую картину?

Жандармскій офицеръ протянулъ ему черезъ столъ серебряный съ голубымъ шнуркомъ портсигаръ.

— Курите, пожалуйста, и располагайтесь, какъ дома... Вызовутъ васъ еще не скоро... Вы, должно быть, въ первый разъ?

— Въ первый...

— Ну, какъ знайте, что особеннаго ничего нѣтъ... По моему, скучно они устраиваютъ эти беспорядки... Не умѣютъ, вѣроятно, еще...

Коровину нравилось, что все здѣсь по домашнему—про-

сто и спокойно, и что его встрѣтили, какъ хорошо знакомаго человѣка. Ни у кого изъ нихъ, очевидно, никакихъ вопросовъ нѣть, они исполняютъ свою будничную обязанность, уважаютъ другъ друга и своимъ любезнымъ тономъ, вѣжливыми заботами о немъ показываютъ, что хотя онъ здѣсь всего въ первый разъ, но никто изъ нихъ не сомнѣвается, что онъ сдѣлается такимъ же, какъ они... Вотъ это онъ понимаетъ, такъ и надо было держаться все время, а не теряться отъ спора съ Игнашкинымъ, отъ цѣлаго моря новыхъ газетъ и разныхъ враждебныхъ слуховъ... Коровинъ, въ свою очередь, принималъ вѣжливый тонъ, предупредительно смѣялся всякой сказанной остротѣ, чокался, самъ острилъ и вообще старался показать, что находится въ привычной и не стѣсняющей его обстановкѣ.

Пристава куда-то уходили и приходили снова... Жандармскій офицеръ часто звонилъ въ телефонъ, говорилъ, что у нихъ пока все тихо, кивалъ головой и почтительно произносилъ: „Слушаю, ваше превосходительство“... Потомъ онъ предложилъ Коровину отдохнуть и провелъ его въ просторную комнату, гдѣ стояла столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, kleenчатый диванъ, высокие тяжелые стулья, а по стѣнамъ были развѣшаны портреты какихъ-то неизвѣстныхъ Коровину стариковъ.

— Вотъ здѣсь, въ правленіи, и располагайтесь... Спите крѣпче... Когда будеть надо, васъ разбудятъ.

Коровинъ легъ, долгое время не закрывалъ глазъ, прислушивался къ движенію въ сосѣдней комнатѣ, смотрѣлъ сквозь мутныя оконныя стекла на красный фабричный корпусъ и большой дворъ съ утоптанной черной землей, огороженный глухимъ заборомъ... Прогудѣлъ гудокъ. Узкой лентой потянулись рабочіе... Ничего особенного не случалось; смотрѣть надоѣло, и онъ закрылъ глаза.

Какъ въ туманѣ, вспомнился ночной поездъ, унылый Миль, веселый Сосновскій... На минуту все это показалось лишнимъ, тревожащимъ усталый мозгъ... Захотѣлось обо всемъ позабыть... Потомъ уже ничего не было.

Проснулся онъ отъ шума и сутолоки, охватившей всю контору.

— Къ вамъ приходили?—слышалася голосъ жандармскаго офицера...—Виновать, мнѣ мѣшаютъ слушать... Будьте любезны повторить... Вы говорите, приходили... Такъ-съ... Ваши небросали работу... Слушаю-съ.

Телефонъ далъ отбой.

Приставъ спросилъ:

— Ну что, какъ тамъ?..

— Толпа ходить и снимаетъ... Говорятъ: пошли въ рашу сторону.

— Много ихъ?..

— Въ одной около тысячи... Другая маленькая, человѣкъ въ двѣсти.

Коровинъ быстро вскочилъ, подошелъ къ окнамъ, но ничего не увидѣлъ.

— Ага, вы уже встали!.. Вотъ и отлично...—весело окликнулъ его одинъ изъ приставовъ.—Кажется, вамъ пора... Толпа идеть снимать нашихъ.

— А эти работаютъ?..—Коровинъ указалъ на фабричный корпусъ...

— Пока что—да... Ждутъ сигнала... Они никогда первыми не начинаютъ.

Коровинъ выстроилъ своихъ солдатъ на указанномъ приставомъ мѣстѣ, какъ разъ напротивъ закрытыхъ воротъ, лицомъ къ улицѣ, и самъ всталъ поодаль, наблюдая за тѣмъ, что происходит... Второй изъ приставовъ объяснилъ ему, что на другой сторонѣ улицы огороженный пустырь, поэтому, въ случаѣ чего-нибудь, онъ можетъ не стѣсняться.

— Понимаете?..

Коровинъ, въ знакъ согласія, наклонилъ голову.

Черезъ пріютворенную маленькую дверцу видно было, какъ рысью промчался отрядъ конной поліціи и какъ, спустя нѣсколько минутъ, онъ же пролетѣлъ галопомъ въ обратномъ направлениі... Степенно и молча проходили небольшіе черные квадраты городовыхъ... Пройхавшій мимо на ръсакѣ поліціймейстеръ ударили своего кучера въ спину и, когда тотъ остановилъ лошадь, мотнули рукой стоявшему около воротъ молоденѣкому краснощекому поліцейскому офицеру... Офицеръ подбѣжалъ, сдѣлалъ подъ козырекъ, и на его смѣтливомъ лицѣ появилось выраженіе торопливости и заботы... Послѣ этого мановенія рукой квадраты городовыхъ потеряли свою прежнюю степенность, стали ускорять шагъ и часто, неуклюже поддерживая шашки, пускались бѣгомъ то въ одномъ направлениі, то въ другомъ... Длинныя черныя пальто стѣсняли ихъ движенія; лица отъ напряженія побагровѣли, и глаза сдѣлялись сердитыми и бѣгающими...

— Идуть!.. идуть!..—прокричалъ взвужденнымъ не своимъ голосомъ приставъ, извинявшійся передъ Коровиномъ, что у нихъ все по походному; онъ на ходу распорядился, чтобы прикрыли дверца воротъ и поставилъ у каждого входа въ фабричный корпусъ по отряду городовыхъ.

Въ окнахъ корпуса показались взволнованные фигуры рабочихъ. Часть изъ нихъ, дѣлая изъ рукъ трубку, кричала:

ла, другіе махали шапками и платками и быстро исчезали. Горопливо и необычно прогудѣлъ гудокъ. Приставъ, въ сопровождѣніи неизвѣстнаго штатскаго, широко размахивавшаго руками и что-то тревожно объяснявшаго, направилъся въ фабричный корпусъ. Съ улицы доносилось гудѣніе многоголовой оживленной толпы, долетали отдѣльные возгласы: „Бросать работу!“ „Не слушай фараоновъ!“ „Къ намъ, товарищи!“—„Ребята, что же вы?..“ Въ ворота веселыми отчетливыми ударами застучалъ градъ камней. Изъ фабричного корпуса выскочила разсвирѣвшая и багровый приставъ. Онъ сердито отдувался, махалъ руками городовыми. Тѣ летѣли отовсюду, точно выростали изъ-подъ земли. Рабочіе пытались открывать двери, напирая на нихъ упругой тяжелой массой. Городовые не поддавались. Одинъ изъ рабочихъ въ верхнемъ этажѣ отворилъ настежь раму и, могучій и веселый, во всю мочь выводилъ: „Наша взяла, товарищи... У-у-у... О-о-о...“ А потомъ сорвалъ съ себя красную ситцевую рубашку, вылезъ на наружный подоконникъ, потрясъ ею въ воздухѣ и опять кричалъ. Гдѣ-то раздалось ура. Городовые обнажили шашки. На дворѣ стали перелетать камни. Изъ оконъ корпуса тоже стали бросать тяжелыми предметами. Зазвенѣли стекла.

Въ ворота ломились, стучали кулаками, ногами.

— Эй, открыть тамъ...—распорядился приставъ.—Дадимъ имъ гостинца.

Ворота распахнулись, и передъ возбужденной тысячной толпой неожиданно выросъ въводь солдатъ. На минуту толпа притихла и, точно море, всей своей массой отхлынула назадъ, но, повинуясь какому-то безотчетному стремлению двигаться впередъ, не распадаясь, сомкнулась снова и съ прежними криками, не смотря на солдатъ, ползла въ ворота.

— Ружья на прицѣль!..—звонкимъ металлическимъ голосомъ скомандовалъ Коровинъ, мускулы котораго точно превратились въ сталь.

— Расходись...—кричалъ приставъ.

Никто на него не обращалъ вниманія. Тогда онъ сдѣжалъ выразительный жестъ Коровину, посмотрѣль на него особеннымъ взглядомъ, пожалъ плечами. Коровинъ утвердительно мотнулъ головой.

Вотъ онъ... этотъ моментъ... Значить, все остается по старому. Значить, Игнашкинъ и всѣ другіе...

Онъ отошелъ немного назадъ, присосанился, поднялъ наверху обнаженную шашку...

— Пли...

Несколько человѣкъ упало. Толпа бросилась въ бѣгство.

В. БАШКИНЬ.

Изъ-за угла галопомъ выскочили коннополицейские и понеслись вдоль улицы. Около труповъ и корчившихся раненыхъ собирались кучки изъ двухъ - трехъ рабочихъ. Откуда-то принесли носилки.

Одинъ молоденький рабочій стоялъ около фонаря, смотрѣлъ на эту картину широко раскрытыми безумными глазами, потомъ рѣшительно побѣжалъ, но по дорогѣ остановился и неестественно-тонкимъ голосомъ крикнулъ:

— Да здравствуетъ соціализмъ!

Дѣтскій голосъ, зазвенѣвшій протестомъ надъ всѣмъ случившимся и словно чувствовавшій себя болѣшимъ, чѣмъ это случившееся, подействовалъ на Коровина, какъ ударъ по лицу. Онъ не ожидалъ этой открытой смѣлости, этого вызова ему передъ цѣлымъ заводомъ только что стрѣлявшихъ солдатъ. Его всего передернуло. Не отдавая себѣ отчета, онъ бросился къ закрывшему въ ужасъ руками лицо мальчугану, взмахнулъ шашкой — и тотъ, съ раскроеннымъ на двое черепомъ, рухнулъ на мостовую.

У Коровина осталось впечатлѣніе, будто онъ убилъ не человѣка, а звенящій дѣтскій голосокъ, кричавшій о соціализмѣ послѣ того, какъ онъ, Коровинъ, доказалъ, что никакого соціализма нѣть.

В. Башкинъ.

Элементъ стихійности въ массовыхъ движеніяхъ.

Въ гомъ причудливомъ и своеобразномъ мірѣ, которымъ обнимается широкая область такъ называемой *массовой* психологіи, или психологіи *толпы*,—одно явленіе прежде всего обращаетъ на себя вниманіе: это—*стихійность*, стихійный характеръ массовыхъ движеній. Эта характерная черта въ психикѣ массовыхъ движеній ярко воспроизводится и отчасти точнѣе опредѣляется въ изслѣдованіи талантливаго французскаго психолога Г. Лебона. Названный авторъ доказываетъ, что всякий индивидъ, вступающій въ толпу, въ значительной степени теряетъ свою индивидуальность, обезличивается и начинаетъ обнаруживать въ своихъ движеніяхъ съдующія особенности, которые могутъ быть ему совершенно чужды, какъ индивидуальной личности: преобладаніе *рефлекса*, или повышенную дѣятельность такъ называемыхъ низшихъ центровъ,—съ соответствующимъ пониженіемъ въ дѣятельности центровъ высшихъ, т. е. болѣе или менѣе глубокими аномалиями, дефектами, изъянами въ сферѣ логического мышленія, или критической способности. Съ этими элементарными чертами Лебонъ связываетъ и всѣ дальнѣйшія особенности, представляемые психикой массовыхъ движеній. Чѣмъ менѣе толпа способна резонировать, тѣмъ ярче чувства, которыми толпа живеть; теряя въ толпѣ способность критического сужденія, человѣкъ естественно теряетъ и всякую сознательную волю. Массы дѣйствуютъ, слѣдя данному импульсу, сообразно всѣмъ случайностямъ дѣйствующихъ на нихъ въ каждую данную минуту возбужденій. Всякая *предумышиленность*,—утверждаетъ въ этомъ смыслѣ авторъ,—въ массовыхъ движеніяхъ совершенно исключается *). То же повторяютъ, обыкновенно, лишь въ болѣе расплывчатыхъ выраженіяхъ, и другие авторы, касавшіеся данной области колективной психологіи. М. Дюкамъ (*du Camp*), одинъ изъ бытописателей исторіи Коммуны, въ моментъ *непроизвольности* движеній видитъ не только

*) G. Le Bon. Psychologie des foules. 9-е изданіе. 1905.

характерную черту, но и какъ бы самое выражение души народныхъ массъ^{**}).

Можно, однако, спросить, чѣмъ же объясняются указанные особенности въ психической организаціи массъ? Почему каждое отдельное лицо, входя въ толпу, въ значительной степени перестаетъ быть самимъ собой, начинаетъ обнаруживать въ своей психикѣ совершенно новые черты? Почему мы наблюдаемъ въ массовыхъ движеніяхъ эту любопытную особенность—преобладаніе рефлекса,—неспособность резонировать,—печать чего-то стихійнаго, какой-то глубокой стихійной силы,—силы, источники которой лежать въ сферѣ сознательныхъ стремленій, сознательной воли индивидуальной личности?

Авторъ, котораго мы цитировали выше, замѣчаетъ, что значительно легче констатировать черты, которыми характеризуется психологія массъ, нежели объяснить эти черты. Сдѣлавши подобное признаніе, Г. Лебонъ затѣмъ уже не считаетъ необходимымъ останавливаться на болѣе тщательномъ анализѣ вопроса и находитъ возможнымъ удовольствоваться сравнительно простымъ «объясненіемъ» стихійности массовыхъ движений. Онъ ссылается на извѣстную «заразительность» психическихъ массовыхъ явлений,—«феномѣнтъ, который не трудно констатировать, но труднѣе объяснить и который слѣдуетъ связать съ явленіями, относящимися къ области гипноза». Ссылаю на такую «связь» авторъ думаетъ, повидимому, что-то объяснить; къ сожалѣнію, читатель скоро убѣждается, что и послѣ объясненія, даваемаго блестящимъ французскимъ авторомъ, онъ, читатель, по прежнему стоитъ передъ чрезвычайно темною загадкою... Въ поясненіе цитированного выше положенія, нѣсколькими строчками ниже, мы читаемъ: «Наблюденія, наиболѣе внимательныя, кажется, доказываютъ, что индивидъ, который находится въкоторое время среди действующей толпы, вскорѣ, вслѣдствіе ли нѣкоторыхъ теченій, которая установляются въ толпѣ, или въ силу какой-либо иной причины, которой мы не знаемъ, впадаетъ въ нѣкоторое специфическое состояніе, близко напоминающее состояніе гипнотиземыхъ субъектовъ въ то время, какъ они находятся въ рукахъ гипнотизеровъ» **).

Способно ли такое «объясненіе» фактovъ сколько-нибудь удовлетворить настѣ? Въ случаяхъ гипноза мы имѣемъ дѣло съ двоякимъ рядомъ причинно-обусловленныхъ явлений: опредѣленными формами психического воздействиія и опредѣленною реакцией. Въ массовомъ движеніи, вместо опредѣленного психического воздействиія, передъ нами ставится совершенно неопределенная величина: какая-то невидимая теченія, которая устанавливаются въ толпѣ, или

*) L'inconscience semble \tre l'âme m\^eme des foules. См. D-r P. Aufray... La contagion du meurtre. 3-е изд. 1896 г. Стр. 230.

**) Назв. соч., стр. 19.

какая-либо иная сила, которой мы совсѣмъ не знаемъ. Оставаться въ области подобныхъ аналогій не значить ли откровенно сознаваться, что мы не понимаемъ, не въ состояніи выяснить сущности изслѣдуемыхъ явлений, стоять передъ темною и непроницаемой загадкой?

Намъ думается, необходимо подойти къ вопросу, становясь на существенно иную точку зре́нія, осмысливъ, прежде всего, проблему въ ея глубокой методологической основѣ. Съ этой стороны задача, которую намъ предстоитъ заняться, представляется намъ въ слѣдующей общей схемѣ, въ слѣдующемъ логическомъ развитіи.

Прежде всего, совершенно очевидно, что между лицами, входящими въ толпу, устанавливаются известные формы психического взаимодѣйствія, и въ этихъ психическихъ взаимодѣйствіяхъ, а отнюдь не въ дѣйствіи какихъ-то невѣдомыхъ намъ силъ или въ какихъ-то загадочныхъ «теченіяхъ», лежитъ ключъ къ пониманію интересующихъ насъ явлений. Слѣдовательно, *психическая взаимодѣйствія*, существующія въ толпѣ, въ ихъ живомъ и реальномъ своеобразіи, вотъ въ наиболѣе общемъ и широкомъ опредѣленіи *объектъ* настоящаго изслѣдованія. Тайна названныхъ взаимодѣйствій можетъ быть открыта, конечно, лишь путемъ анализа, но, и не приступая къ еще такому анализу, мы не затруднимся намѣтить *руководящій принципъ*, который позволить намъ болѣе точнымъ образомъ формулировать вопросъ и свяжетъ предметъ нашего изслѣдованія съ наиболѣе общую и широкую проблемою. Особенности, представляемые психикой массовыхъ движений, будучи рассматриваемы съ известной точки зре́нія, должны быть отнесены къ явленіямъ *соціальной жизни*. Этимъ опредѣляется и та широкая область фактовъ, въ которой мы должны искать глубокихъ аналогій, освѣщающихъ темные пункты и именно глубокое психическое преобразованіе человѣка въ массовыхъ движенияхъ. Подобныхъ аналогій у насъ передъ глазами, въ повседневной жизни, неисчерпаемое множество. Общество, общественная среда вездѣ, безусловно въ каждой сферѣ жизни, оказываетъ на личность глубокое и мощное вліяніе; удивительно ли, что это вліяніе нигдѣ и никогда не проявляется такимъ яркимъ и рѣзкимъ образомъ, какъ именно въ наиболѣе острые моменты соціальной жизни, или въ моменты наиболѣе интенсивной соціальной жизни, т. е. въ толпѣ или въ массовомъ движеніи.

Этотъ уголъ зре́нія, какъ краеугольный камень, ляжетъ въ основу настоящаго очерка, имѣющаго своей задачей выяснить тѣ специфическія, конкретныя и живыя формы психического взаимодѣйствія, которые устанавливаются въ толпе между индивидуальной личностью и окружающей средой.

Въ силу элементарныхъ особенностей человѣческой природы, переживанія человѣка существенно различны въ зависимости отъ условій соціальной обстановки. Настроение,—чувства, съ которыми мы относимся къ окружающимъ,—тонъ, окраска всѣхъ нашихъ переживаній,—все это въ значительной степени варируетъ въ зависимости какъ отъ характера людей, съ которыми мы встрѣчаемся, такъ и отъ характера среды, въ которой намъ приходится вращаться. Данная категорія людей и данная среда отталкиваютъ насъ; другая соціальная среда, какъ и другая категорія людей, влекутъ къ себѣ, «притягиваютъ» насъ, завладѣваютъ нашими симпатіями, производятъ на насъ какое-то неотразимое нравственное обаяніе; между нами устанавливается глубокая нравственная общность съ извѣстными формами морального взаимодѣйствія.

Чѣмъ же обусловливаются эти глубокія различія въ характерѣ отношенія личности къ окружающей средѣ? Не претендую исчерпать вопросъ, какъ общее правило, можно утверждать: чѣмъ болѣе общаго, общихъ переживаній между мною и окружающей средой,—тѣмъ тѣснѣе и ближе наши отношенія, тѣмъ болѣе прочнымъ и глубокимъ образомъ связывается между нами извѣстная нравственная связь. Люди, слишкомъ мало сходные по своейатурѣ, по своему общему нравственному складу, живущие интересами совершенно разными, съ различными взглядами на вещи, разными привычками и пр.,—останутся другъ для друга болѣе или менѣе чуждыми. Въ обществѣ мы ежедневно сталкиваемся съ людьми, съ которыми, повидимому, не имѣмъ ничего—или чрезвычайно мало—общаго, и мы чувствуемъ, что между нами стоитъ что-то, — нѣчто, разъединяющее, отталкивающее насъ, сообщающее нашимъ отношеніямъ извѣстную натянутость, препятствующее нашему моральному, интимному, сближенію. Напротивъ, пусть вы встрѣтитесь съ людьми, съ которыми вы находите много общихъ точекъ соприкосновенія,—людьми, напр., раздѣляющими тѣ же политические, соціальные, научные и пр. взгляды, или одинаково интересующимися какою-нибудь общую областью явлений,—и вы сейчасъ же замѣчаете, что между вами устанавливается и извѣстная *нравственная связь*,—т. е. нѣкоторая общность, которая шире, нежели тѣ непосредственные интересы, какіе васъ связываютъ. Какимъ образомъ объясняется эта любопытная особенность человѣческой природы, — на разсмотрѣніи данного вопроса я не могу остановливаться въ настоящемъ очеркѣ: это завело бы насъ слишкомъ далеко. Могу только повторить слова, которыя сказаны и подробнѣе развиваются много въ другомъ мѣстѣ и въ иной связи мыслей,—(въ изслѣдованіи, предметъ котораго— происхожденіе нравственныхъ привязанностей): «все, что способно создавать между людьми нѣчто общее,—прежде всего, разумѣется, долгое совмѣстное существованіе, общія традиціи, общія привычки, всякое общее переживаніе вообще».

какое-нибудь общее воспоминание, напр., — все это связывает человека съ человѣкомъ, создаетъ между людьми известную нравственную близость, известную нравственную связь».

Мы настаиваемъ на этихъ общихъ и прелиминарныхъ замѣчаніяхъ. Они позволяютъ намъ понять, какимъ образомъ отношенія складываются въ толпѣ между каждой отдельной личностью и окружающей средой; намъ не трудно будетъ убѣдиться въ существованіи особой моральной связи, соединяющей людей въ толпу и обусловливаемой известной общностью переживаній; мы, наконецъ, поймемъ, какимъ образомъ изъ этой моральной связи происходятъ съ психологической необходимостью известныя формы психического взаимодействія, объясняющія отмѣченный выше особенности и свойства въ психической организаціи массъ.

Обращаемся къ анализу. Постараемся выяснить переживанія человѣка, какъ эти переживанія опредѣляются условіями и характеромъ массовыхъ движеній.

Начать съ того, что въ каждой массѣ, въ каждомъ скопинѣ людей, въ каждой толпѣ, собравшейся по тому или другому поводу, между людьми, которые входять въ массу, всегда существуютъ нѣкоторыя общія точки соприкосновенія, — въ видѣ ли нѣкоторыхъ элементовъ эмоціоннаго характера (возьмите хотя бы самый грубый видъ толпы, — толпу зѣвакъ, слѣдающихъ за какимъ-нибудь уличнымъ происшествіемъ), въ видѣ ли известныхъ переживаній идеинаго, или эмоціонно-идеинаго характера, — случай, наиболѣе общий и имѣющій мѣсто въ тѣхъ массовыхъ движеніяхъ, который въ настоящемъ очеркѣ будуть по преимуществу интересовать насъ. Между отдельными лицами, входящими въ толпу, могутъ существовать самыя глубокія различія съ точки зрѣнія интеллектуального и морального развитія, міросозерцанія и пр.; какъ ни значительны, однако, всѣ эти индивидуальные различія рядомъ съ ними и надъ ними существуетъ нѣчто общее, — нѣкоторыя общія переживанія, которыхъ присущи всѣмъ и каждому. Мы говоримъ, что нѣкоторыя общія переживанія получаются въ массахъ, по необходимости, значеніе господствующаго психического момента, и это въ силу слѣдующихъ причинъ. Во первыхъ, известные общіе или общественные интересы, будучи восприняты, отразившись сколько-нибудь глубокимъ образомъ въ сознаніи массъ, интенсифицируются, воспринимаются болѣе живымъ и яркимъ образомъ въ индивидуальномъ сознаніи каждого, отчасти въ связи съ законами, о которыхъ намъ придется ниже говорить. Во вторыхъ, индивидуальные различія натуръ, исключающія часто возможность всякихъ общихъ переживаній, известныя противорѣчія во взглядахъ и стремленіяхъ, которыми обусловливается образование глубокихъ антипатій, тысячи мотивовъ, которые вызываютъ тренія и служатъ разъединяющимъ, отталкивающимъ моментомъ въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, — все это не имѣеть случая, повода, причины про-

явиться въ массовомъ движениі. Въ толпѣ люди встрѣчаются, сталкиваясь лишь на почвѣ общихъ переживаній, опредѣляемыхъ условіями, характеромъ и задачами общаго движенія. Съ другой стороны, извѣстная общія переживанія, разъ только они обнаруживаются въ толпѣ съ достаточной живостью, въ извѣстной степени опредѣляютъ и дальнѣйшія переживанія массы, въ силу хорошо извѣстнаго закона: переживанія, которыя составляютъ содержаніе нашего сознанія въ каждую данную минуту, *настраиваютъ* насть извѣстнымъ образомъ,—создаютъ то, что въ психологіи принято называть извѣстной «костелляціей представлений», т. е. сообщаютъ ближайшимъ переживаніямъ опредѣленный тонъ, опредѣленную окраску. Поэтому существующіе психологические контрасты, поскольку вообще они могутъ проявиться въ массовомъ движениі, проявляются въ значительной степени стушеванными; для общности переживаній массы создается тѣмъ болѣе благопріятная психологическая почва.

Далѣе.

Мы сказали,—чѣмъ болѣе общихъ переживаній между мною и окружающей средой, чѣмъ болѣе эти переживанія ярки, тѣмъ болѣе прочнымъ и глубокимъ образомъ связывается между нами извѣстная нравственная связь. Ясно, какая глубокая нравственная связь должна возникнуть въ рядахъ людей, поддавшихся такъ или иначе общему движению, при томъ характерѣ общности переживаній массы, о которомъ мы выше говорили. Натуры, съ наиболѣе различными моральными задатками, встрѣчаясь на почвѣ общихъ массовыхъ переживаній, испытываютъ какую-то глубокую нравственную близость, какое-то своеобразное душевное средство; каждый, кому доводилось принимать участіе такъ или иначе въ массовомъ движениі, подтверждитъ эту своеобразную особенность въ психикѣ толпы. Изъ этого капитального психологического факта проистекаетъ слѣдующая дальнѣйшая особенность въ психологической организаціи массы. Болѣе или менѣе живо сознавая, что между мною и окружающей средой существуетъ нечто общее,—нѣчто, образующее между нами извѣстную нравственную связь, объединяющее насть въ особое нравственное цѣлое, сообщающее намъ характеръ нѣкотораго нравственного единства,—я естественно начинаю испытывать со стороны толпы неотразимое *моральное давление*. Встрѣчаясь съ вами на почвѣ личныхъ индивидуальныхъ отношеній, я счелъ бы васъ, быть можетъ, самымъ полнымъ нравственнымъ ничтожествомъ, стать бы совершенно игнорировать и васъ, и ваши мнѣнія. Въ толпѣ наши отношенія складываются уже существенно иначе. Всѣ личные контрасты исчезаютъ, притупляются; я вижу въ васъ безыменную частичку, звено нѣкотораго нравственного цѣлаго, съ которымъ самъ смызанъ,—на основаніи сказанного выше,—прочнымъ и глубокимъ образомъ, прочными нитями общихъ переживаній; ваша оценка,

одобрение или осуждение, моихъ поступковъ уже далеко не могутъ представляться для меня совершенно безразличными. Короче говоря, я связанъ извѣстными общими переживаниями, а, следовательно, извѣстной нравственной связью, съ толпой, какъ *таковой*, т. е. съ каждой отдельной личностью, входящую въ составъ толпы независимо отъ индивидуальныхъ особенностей и различий, которыми каждая отдельная личность можетъ представлять; отсюда—неотразимое моральное давление, которое я испытываю со стороны толпы, т. е. опять таки со стороны *каждой* отдельной личности, входящей вмѣстѣ со мною въ данную толпу. Вспомнимъ, насколько чутко человѣкъ вообще прислушивается къ такъ называемому общественному мнѣнію, къ оцѣнкѣ своихъ поступковъ со стороны среды. Не раздѣляя односторонностей иныхъ теорій, можно, однако, смѣло утверждать, что уваженіе къ общественному мнѣнію или страхъ передъ силой общественного мнѣнія являются однимъ изъ весьма серьезныхъ факторовъ, которыми опредѣляются поступки громадного большинства людей. Вспомнимъ это общеизвѣстное явленіе, сопоставимъ съ нимъ указанныя особенности въ психической организации массы, и мы поймемъ, почему въ толпѣ каждый индивидъ стремится сообразовать собственные акты съ актами среды, иссчитываетъ глубокое и почти неодолимое влеченіе въ сторону общаго движения.

Такимъ образомъ, входя въ толпу, индивидъ уже чувствуетъ себя извѣстнымъ образомъ настроеннымъ, имѣть *тенденцію* реагировать въ опредѣленномъ направлѣніи, т. е. въ извѣстномъ единеніи съ окружающей средой, и на этой своеобразной психологической основѣ разыгрываются тѣ непроизвольныя, такъ называемыи *идео-моторныи реакціи*, которые могутъ, какъ мы чайчасъ увидимъ, сообщать движеніямъ и дѣйствіямъ толпы въ извѣстныхъ случаяхъ характеръ самого грубаго и полнаго автоматизма.

Почти всякий знаетъ, что извѣстныи *движенія*, будучи кѣмъ-нибудь произведены, затѣмъ съ чрезвычайной легкостью воспроизводятся чисто-рефлекторнымъ образомъ окружающей средой. Такъ, напр.,—чтобы взять самый обыденный и банальный случай,—если около васъ кто-нибудь примется зѣвать, зѣвота обыкновенно сейчасъ же сообщается, «передается» вамъ, т. е. вы начинаете невольно обнаруживать соответствующій рефлексъ. Точно такъ же «заразительны», какъ извѣстно, и смѣхъ, кашель, до нѣкоторой степени, извѣстныи *движенія мимики* и пр. Хорошай иллюстраціей сказанного можетъ служить наблюденіе д-ра Баженова, который сообщаетъ, какъ на одномъ изъ представленій Сары Бернарь, въ самый трагический моментъ, когда вниманіе всѣхъ было приковано къ губамъ артистки и изображаемая ею героиня, въ мукахъ предсмертной агоніи, начинала задыхаться отъ удушающаго камня,

въ залѣ разразилась цѣлая эпидемія кашля, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, за этимъ шумомъ, нельзя было разобрать словъ артистки. Подобно указаннымъ-движеніямъ *непроизвольного* характера, легко воспроизводится средой и всякое *произвольное* движение, встрѣчающее въ данной средѣ, въ условіяхъ соціальной обстановки, нѣкоторую подходящую психологическую почву. Д-ръ Aubry разсказываетъ о слѣдующемъ экспериментѣ въ этомъ родѣ, не лишенномъ оригинальности. «Въ бытность мою студентомъ, одинъ изъ моихъ товарищъ,—говорить онъ,—изобразилъ, въ амфитеатрѣ для диссекцій, маленькую игру, которую мы окрестили «музыкальнымъ рефлексомъ». Въ минуту совершенней тишины мы пропѣвали нѣсколько тактовъ изъ какого-нибудь популярнаго мотива, потомъ внезапно обрывали мотивъ. Постоянно, по прошествію нѣкотораго времени, не превышавшаго нѣсколькихъ секундъ, мотивъ повторялся въ другомъ концѣ зала, тѣмъ или другимъ, и—я подчеркиваю это—совершенно машинально» *).

Всѣ подобныя явленія, перечень которыхъ читатель, вѣроятно, не затруднится въ значительной степени расширить и самъ, находить себѣ удовлетворительное объясненіе въ современной психологіи въ связи съ упомянутымъ закономъ такъ называемыхъ *идео-моторныхъ реакцій*. Эта законъ мы можемъ выразить,—вмѣсть съ W. Jamesомъ,—примѣнительно къ указаннымъ выше случаямъ, слѣдующимъ образомъ: всякое представлѣніе, имѣющее объектомъ какое-нибудь опредѣленное движение, порождаетъ тенденцію воспроизвести данное движение, и данная тенденція, дѣйствительно, реализуется, если ее не парализуетъ антагонистическое представлѣніе, одновременно имѣющееся въ сознаніи **).

Эта формула является, однако, лишь *частнымъ* выражениемъ того, что принято понимать подъ закономъ идео-моторныхъ реакцій. Возьмите тотъ же законъ въ его наиболѣе общей формулировкѣ, и вы поймете не только указанные выше случаи воспроизведеній однимъ лицомъ нѣкоторыхъ наиболѣе элементарныхъ движений, совершаемыхъ окружающей средой, но и болѣе сложные случаи «психического зараженія».

Въ наиболѣе общей и широкой формулировкѣ законъ идео-моторныхъ реакцій можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: *всякий психический процессъ*, образующій содержаніе нашего сознанія въ каждую данную минуту, вызываетъ или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ тенденцію вызвать, опредѣленный *движенія*, т. е. игру всѣхъ или опредѣленныхъ мускуловъ, известныя тѣлодвиженія, сопровождаемыя известной мимикой и пр.; при этомъ, тѣмъ ярче и живѣе психический процессъ, тѣмъ болѣе рѣзко и ярко обнаруживаются и соответствующія движения. «Движеніе,—указываетъ

*) D-r Aubry. La contagion du meurtre. 1891. Стр. 8.

**) The principle of Psychologie, 1901. Vol. II. Стр. 526.

въ этомъ смыслѣ Джемсъ,—является естественнымъ и непосредственнымъ эффектомъ нашихъ внутреннихъ переживаний, какъ бы формы этихъ переживаний ни были различны. Указанный законъ одинаковыиъ образомъ воспроизводится и въ простыхъ рефлексахъ, и въ такъ называемыхъ естественныхъ выраженіяхъ ощущеній, и въ области всѣхъ нашихъ волевыхъ процессовъ^{*)}). Нужно чрезвычайное умѣніе владѣть собою для того, чтобы хотя въ нѣкоторой степени скрывать отъ окружающихъ тѣ чувства, которыхъ волнуютъ насъ; въ полной же мѣрѣ эта способность, какъ известно, не дается никому. Мы всегда умѣемъ болѣе или менѣе угадать, прочесть скрытаго интимнаго переживанія людей, которыхъ мы сколько-нибудь близко знаемъ, потому, конечно, что нѣтъ такого психического состоянія, которое не обнаруживало бы тенденціи проявиться болѣе или менѣе характерными внѣшними движеніями, характерными для данного психического акта, и, въ известныхъ границахъ, разумѣется, для данного лица.

Мы не станемъ развивать подробнѣе указанныя общія положенія, которые признаются въ современной психологіи прочно установленными. Мы желали лишь напомнить эти положенія, и теперь позволимъ себѣ въ видахъ наглядности резюмировать тѣ выводы, къ которымъ приводятъ предшествующія замѣчанія, въ слѣдующей двойкой формулѣ:

А. Извѣстные движения, произведенныя однимъ лицомъ, обнаруживаются естественную тенденцію воспроизвести другимъ лицемъ или окружающей средой.

В. Всякое внутреннее переживаніе человѣка переводится или обнаруживается тенденцію перевестись рядомъ опредѣленныхъ органическихъ реакцій или болѣе или менѣе сложною системою движений.

Слѣдуетъ замѣтить, что послѣднее изъ данныхъ положеній оказывается справедливымъ и въ обратномъ смыслѣ, т. е. достаточно, чтобы человѣкъ сталъ воспроизводить болѣе или менѣе механически извѣстнія внѣшнія движения, отвѣчающія извѣстному психическому типу, т. е. «выражающія» опредѣленное психическое состояніе, и, вмѣстѣ съ этою игрою, и внутреннія переживанія человѣка, мысли, чувства стремятся проявить, если можно такъ выразиться, соотвѣтствующее движеніе. Желая симулировать какое-либо настроеніе, человѣкъ сплошь и рядомъ до такой степени «увлекается» своими жестами и позами, что уже и самъ теряетъ способность ясно различать, гдѣ кончается игра и начинается дѣйствительность. Если всякая эмоція стремится перевестись въ извѣстный жестъ, то въ свою очередь и всякий жестъ, выражающій собою болѣе или менѣе опредѣленную эмоцію, будить въ сознаніи соотвѣтствующія представленія и вмѣстѣ съ тѣмъ стремитъ

^{*)} Тамъ же, стр. 527.

породить, отчасти на основании сказанного выше (формула А), отчасти въ силу игры ассоциаций, дальнѣйшія внутреннія и виѣшнія движения того же эмоціоннаго характера *).

Указанные выше положенія, формулирующія законъ идео-мотивныхъ реакцій, дополняются, съдовательно, еще однимъ крайне существеннымъ положеніемъ, которое можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ:

С. Извѣстныя эмоціонныя движения, будучи такъ или иначе воспроизведимы, имѣютъ тенденцію проявить и соотвѣтствующую эмоцію, соотвѣтственное настроеніе.

Сопоставляя отмѣченныя положенія съ тѣмъ, что было выше сказано относительно особенностей въ психической организаціи массы, читатель, вѣроятно, не затруднится уже объяснить происхожденіе тѣхъ темныхъ и загадочныхъ «течений», о которыхъ говорить Лебонъ, — теченій, которыми обусловливается образованіе своеобразныхъ явлений *психическаго массовоаго зараженія*.

Допустимъ, что извѣстное настроеніе обнаружится въ толпѣ въ рядѣ пунктовъ; это настроеніе будетъ передаваться отъ индивида къ индивиду двоякимъ образомъ.

Во-первыхъ, настроеніе данныхъ группъ будетъ выражаться характерными эмоціонными движениями, которые станутъ распространяться въ средѣ волнующейся толпы, при указанной общности нравственныхъ переживаній массы, какъ распространяются, при соотвѣтствующихъ условіяхъ среды, тѣ болѣе элементарные движения произвольнаго и непроизвольнаго характера, которые упомянуты выше и давно отмѣчаются въ литературѣ, какъ *банальный и общезнѣстный явленія* (Формула А). Съ другой стороны, эти

*) Ср. Bain. Emotion and Wile. Стр. 380 и сл. «Подавленіе извѣстнаго движения (эмоціоннаго характера) имѣть тенденцію подавить и соотвѣтствующее нервное возбужденіе, которое данному движенію отвѣчаетъ... Точно такъ же, путемъ виѣшніхъ и паружныхъ дѣйствій, умѣло управляя нашими виѣшними движениями, мы можемъ будить и стимулировать дремлющія чувства. Точно воспроизводя извѣстныя эмоціонныя движения, мы не замѣтнымъ образомъ стремимся вызвать и соотвѣтствующее настроеніе». Ср. также развитіе этой мысли у I. Джемса, который видѣтъ первичный фактъ всякой эмоціи въ извѣстныхъ органическихъ реакціяхъ, и фактъ производный—пассивное зарегистрированіе органическихъ реакцій—въ эмоціи, какъ душевномъ переживаніи. Извѣстно изреченіе Джемса: «мы не потому плачемъ, что грустны, но потому грустны, что плачимъ». Съ нашей точки зреянія, грусть, какъ и всякое психическое состояніе, сопровождается извѣстными формами органическихъ реакцій,—сокращеніемъ извѣстныхъ мускуловъ, измѣненіями въ ритмѣ или тонѣ жизненныхъ процессовъ, слезами и пр. Съ другой стороны, именно потому, что извѣстныя психическая состоянія и соотвѣтствующія органическія реакціи имѣютъ характеръ *неразрывнаго комплекса*, мы не можемъ «злаикати», т. е. не можемъ обнаруживать всей совокупности симптомовъ, въ которыхъ грусть манифестируется, и, въ то же время, не испытывать некоторой внутренней душевной подавленности.

эмоциональныхъ движенийъ, проявляясь первоначально въ извѣстныхъ границахъ, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе механически, будуть служить дѣятельнымъ импульсомъ, вызывающимъ проявленіе соотвѣтственныхъ эмоцій (Формула С.). Далѣе, чѣмъ шире и глубже проявится настроеніе, тѣмъ рѣзче будутъ обнаруживаться эмоциональные движения, и всякий новый стимулъ, дѣйствующій на массу въ опредѣленномъ направленіи, будетъ создавать все болѣе и болѣе глубокое эмоциональное движение.

Во-вторыхъ, разъ только извѣстное настроеніе выразится достаточно глубокимъ образомъ и получитъ въ толпѣ достаточно широкое распространеніе, оно переведется (формула В.) въ общее, болѣе или менѣе координированное, движение, выразится агрессивными актами и пр., и это общее координированное движение, еще въ большей степени, нежели мелкія движения эмоционального характера, усилить, подниметъ и взвинтить настроеніе массы...

Мы повторяемъ и подчеркиваемъ, такъ какъ эта оговорка представляется намъ чрезвычайно важной, что указываемая игра непроизвольныхъ массовыхъ реакцій тогда лишь станетъ для насъ совершенно осознательнымъ и понятнымъ фактомъ, понятнымъ и яснымъ психологическимъ явленіемъ, если мы не будемъ упускать изъ виду извѣстной общности нравственныхъ переживаній массы, образующей основу, корень, исходный пунктъ всякаго массового движения. Отбрасьте этотъ капитальный психологический моментъ, какъ это обыкновенно дѣлается, представьте себѣ толпу, какъ сумму лицъ, лишеннѣхъ глубокой нравственной, душевной связи, и напрасно будетъ ссылаться на законъ идео-моторныхъ реакцій, психика массовыхъ движений останется для насъ совершенно темной... Разумѣется, чѣмъ живѣе и ярче воспринимаются толпой извѣстныя общія переживанія, тѣмъ болѣе рѣзкимъ образомъ будутъ проявляться въ жестахъ и дѣйствіяхъ толпы и соотвѣтствующія непроизвольныя идео-моторныя реакціи, тѣмъ больше будетъ безсознательности и стихійности въ массовомъ движении.

Рядомъ съ указанными нравственными моментами, еще и другіе факторы способствуютъ нравственному сплоченію массы, способствуютъ, слѣдовательно, и образованію тѣхъ специфическихъ нравственныхъ тенденцій, на почвѣ которыхъ могутъ разыгрываться съ такою поражающею силой непроизвольныя идео-моторныя реакціи.

Въ этомъ отношеніи, прежде всего, заслуживаетъ вниманія слѣдующій моментъ.

Во всякомъ массовомъ движении, поскольку съ нимъ сопряжены для массы извѣстныя опасности, или извѣстный рискъ, инстинктъ самосохраненія, этотъ деспотический инстинктъ, который въ большей степени, нежели всякий другой, способенъ заглушать

разсудокъ и совѣсть человѣка, стимулируется весьма и весьма глубокимъ образомъ. Благодаря этому моменту, указанные процессы психического массового зараженія должны естественно проявляться, въ соответствующихъ случаяхъ, еще болѣе рѣзкимъ и глубокимъ образомъ, съ еще болѣе неудержимою, стихійной силой.

Для того, чтобы сдѣлать это положеніе достаточно нагляднымъ, обратимся на минуту къ психологіи индивидуальной личности и постараемся понять, какимъ образомъ этотъ своеобразный инстинктъ обнаруживается и проявляется въ душѣ отдельнаго человѣка въ случаяхъ наиболѣе простыхъ; послѣ этихъ общихъ замѣчаній намъ станутъ болѣе понятны и соответствующія теченія, которыхъ создаются подъ влияніемъ инстинктивнаго, безсознательнаго и непріизвѣльнаго стремленія къ самосохраненію, въ связи съ указанными идео-моторными реакціями, въ сферѣ массовыхъ движений.

Возьмите самое элементарное движение самозащиты: вы неосторожно подносите руку къ какому-нибудь горячemu предмету и сейчасъ же отдергиваете ее; вы замѣчаете при томъ, и въ этомъ заключается психологически наиболѣе характерная особенность данного движения, что мысль объ обжогѣ возникаетъ уже послѣ того, какъ соответствующее движение произошло. То же повторяется и при всякомъ движении аналогичного характера: сперва совершаются известное инстинктивное движение самосохраненія, приспособленное къ данной средѣ, данной обстановкѣ, потомъ лишь возникаетъ соответствующая мысль, соответствующее сознаніе. Вы дѣлаете неловкий шагъ и, чтобы не утратить равновѣсія, машинально хватаетесь за первый попавшійся подъ руки предметъ, прежде чѣмъ успѣваете отдать себѣ отчетъ въ совершаемомъ движеніи. Этимъ чисто инстинктивнымъ, безсознательнымъ, непріизвѣльнымъ характеромъ движений, диктуемыхъ элементарными требованиями самосохраненія, объясняется и рядъ явлений, которыхъ, на первый взглядъ, трудно поддаются объясненію или ведутъ къ выводамъ, грубо извращающимъ характеръ человѣческой природы и ея интимныхъ стремленій. Вообразите одну изъ тѣхъ потрясающихъ картинъ, описание которыхъ такъ часто давалось очевидцами, хотя бы пожаръ въ закрытомъ и многолюдномъ помѣщеніи. Факты доказываютъ, что люди способны обнаруживать въ подобныхъ случаяхъ невѣроятную жестокость. Толпа бросается къ выходамъ съ неудержимой силой и безощадно давить, душить, топтать всякаго, кто не устоитъ среди этого бѣшенаго урагана. Самые элементарные чувства человѣчности попираются ногами. Сколько разъ изъ такихъ фактовъ дѣлались крайне пессимистические выводы касательно нравственной природы человѣка. Нравственные понятія нашего цивилизовавшаго общества признавались чѣмъ-то поверхностнымъ, искусственно привитымъ, неизбѣжно стушевывающимся передъ хладными требованиями грубо-физического существования. Между тѣмъ, чтобы объяснить подобные явленія, необходимо имѣть въ виду,

что и въ данныхъ случаяхъ человѣкъ въ значительной степени не отдастъ себѣ отчета въ реализуемыхъ движеніяхъ: мысль о самосохраненіи имѣть характеръ *вторичнаго явленія*; первичнымъ фактомъ является рефлекторное движение самосохраненія, движение приспособленное къ характеру и условіямъ обстановки *).

Изъ сдѣланныхъ замѣчаній самъ собою напрашивается слѣдующій выводъ: въ толпѣ инстинктъ самосохраненія долженъ естественно принять тѣ специфическія формы, которыя отвѣчаютъ условіямъ массовыхъ движений, требующихъ именно въ интересахъ безопасности каждой отдельной личности глубокаго и самого дѣятельнаго *контакта* отдельной личности съ окружающей средой. Въ этомъ живомъ kontaktѣ вся сила единичной личности въ толпѣ, и за эту силу всякий въ толпѣ хватается невольно при видѣ всякой надвигающейся опасности, какъ ухватился бы, теряя равновѣсіе, за первый попавшійся подъ руки предметъ. И тутъ наблюдается та же психологическая черта, которая отмѣчена нами выше. Человѣкъ идетъ вслѣдъ за толпой, не отдавая себѣ въ этомъ сколько-нибудь яснаго отчета, въ значительной степени даже не сознавая своего движения или смутно испытывая такое впечатлѣніе, точно его несеть какая-то таинственная сила. При этомъ каждый индивидъ въ толпѣ инстинктивнымъ образомъ ищетъ самосохраненія въ глубокой солидарности со средой, точно увлекаемый какою-то посторонней силой, машинально слѣдуетъ въ своихъ движеніяхъ за движеніями другихъ. Такимъ образомъ, при первой же опасности, и даже намекѣ на опасность, нравственные узы, связывающія толпу, завязываются еще болѣе плотнымъ и глубокимъ образомъ, и движения каждой отдельной личности окончательно теряютъ не только предумышленный, но и всякий умысленный характеръ.

Прибавьте къ сказанному рядъ другихъ моментовъ: рѣзкая противорѣчія, которые уживаются въ натурѣ человѣка, существование въ каждомъ индивидѣ грубо-антагонистическихъ тенденцій, проявляемыхъ, въ значительной степени, согласно случайностямъ момента, т. е. дѣйствующихъ въ каждую данную минуту возбужденій; извѣстные соціальные антагонизмы—расовые, классовые и пр., складывавшіеся и развивавшіеся вѣками, обыкновенно дремлющіе въ глубокихъ тайникахъ сознанія и проявляемые со всемъ силою, со всею яркостью среди извѣстныхъ массовыхъ переживаний, некоторый расчетъ на безнаказанность, естественный

*.) Непроизвольный характеръ указанныхъ движений усиливается еще тѣмъ, что во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ (подводимыхъ подъ общее понятіе „паники“) мы, въ сущности, имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ особымъ массовымъ движениемъ. Извѣстные элементы массового психического зараженія, слѣдовательно, имѣются и тутъ.

въ массовыхъ движенихъ *), неотразимое обаяніе «силы», умение «властью», которая въ толпѣ пріобрѣтаетъ всякая ничтожность **); неизбѣжное соперничество, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону, естественное въ массахъ; иѣкоторое чувство раздраженія, обусловливаемое, можетъ быть, отчасти тѣмъ, что каждой личности въ толпѣ приходится, въ значительной степени, нащеловать себя, свою натуру, свои природныя стремленія и наклонности. Сопоставьте, сблизьте всѣ эти отдѣльные моменты, свяжите ихъ со всѣмъ, что было сказано выше, и вы поймете, почему рефлексъ, невольное и безсознательное, т. е. стихійное стремленіе каждого въ сторону преобладающихъ въ толпѣ теченій, составляетъ основную и наиболѣе характерную черту въ психикѣ массовыхъ движений.

Я имѣлъ въ виду въ настоящемъ очеркѣ нѣсколько ближе подойти къ объясненію стихійного характера массовыхъ движений,— и могъ бы ограничиться сдѣланными замѣчаніями. Но въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе на нѣкоторые частные выводы, которые вытекаютъ изъ произведенаго анализа. Заключая въ себѣ постоянно элементъ стихійности, массовые движения могутъ представлять въ другихъ отношеніяхъ весьма существенные различія. Съ этой точки зрѣнія можно различать массовыя движения двоякаго характера, и такое разграничение имѣть громадное значение при реальнѣйшемъ оцѣнкѣ массовыхъ явлений.

Массовыя движения могутъ порождаться настоящими и неподобными требованиями и всею совокупностью условій народной жизни. Уже изъ даннаго анализа, полагаемъ, ясно, что съ подобными движениями нельзя бороться, какъ это подтверждается и историческій опытъ человѣчества, путемъ самыхъ драконовскихъ *репрессій*, военныхъ положеній или усиленныхъ охранъ, этого испытанаго средства «дураковъ», по хлесткому выражению Кавура. Можно ли угрозами устрашить людей, которые идутъ, чтобы умереть, идутъ, одушевленные идеей, понуждаемые насущнѣйшими интересами существованія широкихъ народныхъ массъ, захваченные общимъ движениемъ, выливающимся изъ глубокихъ недръ живой народной жизни?

Но массовыя движения могутъ также создаваться болѣе или менѣе искусственнымъ путемъ, т. е. могутъ быть вызываемы си-

*) Ср. G. Le Bon, назв. соч., стр. 18. Такъ какъ въ толпѣ личность дѣствуетъ какъ-бы анонимно, то и чувство отвѣтственности, которое удерживаетъ личность, дѣствующую самостоительно, совершенно исчезаетъ».

**) Тамъже стр. 18 и 38. „Уже благодаря одному числу, человѣкъ пріобрѣтаетъ въ массахъ ощущеніе непобѣдимой силы“. „Въ толпѣ дуракъ, певѣцъ и люди, съѣдаемые завистью, отрѣшаются отъ сознанія своего ничтожества,—сознанія, которое замѣняется чувствомъ силы,—временной, но огромной“.

цальными агентами—«провокаторами», въ видахъ осуществления той или иной цѣли, лежащей въ сферы реальныхъ требованій народной жизни. Правственные узы, связующія массу, являются, въ этихъ случаяхъ, чрезвычайно слабыми, общность переживаній массъ лишена достаточно глубокаго характера, нѣтъ въ массахъ и глубокой солидарности частей, а инстинктъ самопожертвованія, можно сказать, отсутствуетъ вполнѣ. Но, съ другой стороны,—и это опять-таки ясно изъ произведенаго анализа,—если движенія разматриваемой категоріи не будуть находить противодѣйствія или даже найдутъ поддержку со стороны власти, темные и звѣрскіе инстинкты массъ могутъ проявиться съ ужасающей силой, и толпа способна будетъ совершать акты самаго грубаго насилия, не поддающіеся квалификації. Историческими примѣрами въ этомъ родѣ always останутся Варѳоломеевская ночь и нѣкоторыя не менѣе кровавыя избѣженія совершенно неповинныхъ гражданъ,—организованныя, при тайномъ участіи правительственныйхъ органовъ, въ эпохи, менѣе отдаленные отъ насъ. Механизмъ подобнаго рода массовыхъ убийствъ обнаруживается съ такою ясностью, что можно утверждать съ абсолютной увѣренностью, что главными виновниками и ответственными лицами въ подобныхъ случаяхъ являются *ссыда* правительственные органы.

Психологический анализъ, какъ и исторический опытъ культурныхъ странъ, съ неопровергимой ясностью доказываютъ, что путемъ самыхъ обыкновенныхъ мѣръ, безъ помощи какихъ-либо исключительныхъ законовъ, легко справиться съ беспорядками и безчинствами,—если можно такъ выразиться,—уличного происхожденія. Напротивъ, въ борьбѣ съ серьезными и общими народными движеніями самый дикій правительственный терроръ оказывается безсильнымъ и можетъ имѣть значеніе лишь затяжки кризиса; можно покрыть страну развалинами и залить ее рѣками крови,—это не сдержитъ стихійнаго напора народныхъ массъ: народный валь, разъ поднявшись,—не можетъ успокоиться, пока не снесеть, всѣхъ препятствій, мѣшающихъ осуществленію такого порядка, такихъ условій жизни, при которыхъ *удовлетвореніе насущнѣйшихъ требованій существованія массъ* становится возможнымъ. Къ сожалѣнію, жизнь идетъ до поры-до времени своимъ течениемъ. Люди, ослѣпленные страстью и увлеченные борьбою, остаются глухи къ урокамъ прошлаго и къ доводамъ здраваго разсудка. Съ какимъ-то отчаяннымъ упрямствомъ они скользятъ и увлекаютъ за собой страну по наклонной плоскости, и—любопытный фактъ: объявляя войну народному движенію, они въ то же время стараются увѣрить міръ, что они безсильны, не могутъ сопладать съ извѣстными эксцессами хулиганно-«патріотического» типа, съ движеніями, обязанными своимъ происхожденіемъ самой явной и грубой провокацией и локализированными на пространствѣ несколькихъ квадратныхъ саженей...

Гр. Н.

7

МАТЬ.

(Изъ былыхъ временъ).

Не рыдай такъ безумно надъ
нимъ,

Хорошо умереть молодымъ...

Н. Некрасовъ.

I.

Удушливо-знойный день заканчивался тихимъ прохладнымъ вечеромъ. Послѣдніе лучи заката золотили красноватую пыль, висѣвшую надъ городомъ, передъ глазами мальчика, одиноко сидѣвшаго у обрыва на завалинкѣ дряхлаго полуразвалившагося дома.

Городъ не представлялъ ничего примѣчательнаго: сотни три сърыхъ домовъ съ пестрыми крышами, гостинный дворъ, каменный острогъ, казначейство, церковь, школа, полицейское управлѣніе, почтовая контора—вотъ и все. Но церковный куполь горѣль красноватымъ золотомъ, сверкали окна домовъ, ярко зеленѣла трава, блестѣла разлившаяся по лугамъ извилистая рѣчка Айва, розовѣли отъ заката стѣны и крыши домовъ, и убогій городъ въ этотъ часъ казался такимъ празднично веселымъ, точно онъ радовался чему-то и улыбался привѣтливой, наивно радостной улыбкой.

Мальчика звали Мишемъ. На немъ были большие сапоги съ разорванными, точно отгрызанными носками, изъ которыхъ, какъ изъ львиной пасти, выглядывали грязные пальчики, рыжій картузъ, покрывавшій голову вмѣстѣ съ ушами, и женская фланелевая кофта. Онъ походилъ на пугало, и только худое лицико съ темными глазами, серъезно и грустно смотрѣвшими изъ-подъ огромнаго козырька, мѣшало этому сходству.

«Мишѣ было скучно и немного жутко. Такъ съ нимъ было всегда, когда онъ оставался одинъ и съ боязливымъ недобрующіемъ всматривался въ раскрывавшійся передъ нимъ міръ, непонятный и странный въ эти минуты. Онъ видѣлъ,

какъ отъ всѣхъ предметовъ тянулись длинныя тѣни, и какъ сѣнѣ, постепенно сливаясь въ одну сырью массу, полали все дальше и становились все длиннѣе, какъ стѣны и крыши домовъ, теряя веселую розовую окраску, принимали свой сырый будничный видъ, какъ солнце, въ послѣдній разъ заправивъ алымъ огонькомъ на крестѣ колокольни, потухло, и какъ все затѣмъ стало погружаться въ сумракъ. Мишъ было жаль солнышка: зачѣмъ оно закатилось? Жаль было чего-то еще, было грустно, и хотѣлось плакать...

Вотъ у сосѣдей на другой сторонѣ улицы затворились окна, послѣ чего сдѣлались огненно-красными, словно налились кровью... Розовое облачко выплыло на средину неба и приняло странную форму. Миша долго смотрѣлъ на него, удивляясь, отчего оно такъ похоже на рыжаго Соболька, когда тотъ, остервенясь и поджавъ хвостъ, лаетъ на прохожихъ... Сонная муха, звяпя, какъ басовая струна, пролетѣла мимо и пропала въ розовомъ воздухѣ... По улицѣ прощалась телѣга съ подгулявшими мѣщанами, и за нею на долго осталось висѣть въ воздухѣ красное облако пыли... Изъ-за угла показался пьяный подмастерье Яшка съ гармоникой. Гармоника жалобно пиликала, а самъ Яшка, лихо задравъ голову, выплясывалъ какой-то танецъ. Миша сталъ думать объ Яшкѣ и о томъ, отчего люди пьютъ, когда знаютъ, что это дурно, и давалъ себѣ слово никогда не брать въ ротъ вина... Откуда-то издалека, изъ-за рѣки донеслась чаунывная пѣсня, и Миша, прислушиваясь къ ней, заржалъ. Голова его безсильно опустилась на грудь, козырекъ закрылъ все лицо...

Въ это время усталой походкой вышелъ изъ-подъ горы молодой человѣкъ и направился къ дому, глѣ дремаль мальчикъ. Платье на немъ было покрыто густымъ слоемъ пыли, за плечами висѣла котомка. Увидѣвъ Мишу, онъ ускорилъ шаги и, приблизившись, долго смотрѣлъ на него съ умиленной улыбкой, потомъ осторожно тронулъ его за плечо.

— Миша, а Миша! — позвалъ онъ тихо.

Миша испуганно раскрылъ глаза, стараясь приподнять мѣшавшій ему козырекъ. На лицѣ его изобразилась тревога, потомъ внезапная радость.

— Ваня!.. Братчикъ!.. — звонко закричалъ онъ, весь преобразившись и цѣпляясь за брата руками.

Тотъ засмѣялся, поцѣловавъ его, обнялъ, взялъ въ охапку и понесъ во дворъ.

Миша, весь дрожа и болтая въ воздухѣ ногами, смѣялся и кричалъ:

— Мама!.. Ваня пріѣхалъ!.. Ей-Богу!..

Старая женщина, доившая корову, услыхавъ крикъ,

вздрогнула, поблѣдѣла, выронила изъ рукъ подойникъ, похолодѣвъ отъ волненія, спотыкаясь, побѣжала навстрѣчу. Она безсильно шевелила высохшими губами, слезы ручьемъ текли изъ ея глазъ.

Четверть часа спустя всѣ троє сидѣли за самоваромъ. Мать жадными, полными слезъ глазами смотрѣла на гостя.

— Господи...—бормotalа она, страдая отъ радости и волненія:—не ждали, не думали, не гадали... Только корову начала доить, думаю: подою корову, стану опару цѣдить, вдругъ Миша кричить не своимъ голосомъ, и твой смѣхъ слышу... Въ мысляхъ не было... Откуда ты? Какъ? Здоровъ-ли? Надолго-ли?..

Сынъ смотрѣлъ на мать съ снисходительно-нѣжной улыбкой и думалъ: „Боже! какъ она постарѣла!..“

— Два года не видались... какъ соскучились-то, — продолжала мать.—Письмо отъ тебя получили мѣсяцъ назадъ, а отвѣтъ не знали куда: ты адреса не далъ... Всего передумали... Миша-то, смотря, болѣгой ужъ... Онъ грамотей у меня, читаетъ и пишетъ... Что-жъ ты не кушаешь, голубчикъ?.. Эда-то у насъ плохая... Погоди, я яичекъ сварю... есть у меня... свои куры нанесли... Сейчасъ, сейчасъ!..

И, путаясь слабыми ногами, она побѣжала въ чуланъ.

— Ровно знала, не продала въ ту пятницу... Яички свѣженъкія,—говорила она, возвращаясь.

Ваня хотѣлъ спросить, какъ они живутъ, но оглянулся кругомъ, и слова замерли на его губахъ: изъ всѣхъ угловъ смотрѣла на него голодная, непокрытая бѣдность. Сѣрыя стѣны, когда-то оклеенные обоями, и закопченый потолокъ носили слѣды дождевыхъ потоковъ; прогнившій поль мѣстами провалился; въ переднемъ углу торчала пакля, которой была заткнута дыра отъ выпавшихъ зауголковъ; печь развалилась; косяки у оконъ сгнили, превратившись въ труху; стекла были заклеены газетной бумагой... Деревянный некрашеный столъ, шкафъ и четыре табурета составляли всю мебель. Кроватей не было, и спали, очевидно, на полу...

„Да они нищѣ“, подумалъ Ваня, и у него болѣзнина скжалось сердце.

Миша съ голодной алчностью смотрѣлъ, какъ братъ очищалъ отъ скорлупы яйцо.

— Хочешь? — спросилъ его Ваня.

— Нѣть, нѣть! — испуганно и виновато отвѣчалъ тотъ:— йшь ты, я хлѣба наѣмся.

— Скушай, ничего, — промолвила мать. — Не даю ему яицъ-то: продаю,—прибавила она, улыбаясь.

— Ему не хватить... я не хочу...

— Не церемонься, бери.

Миша взялъ, круто посолилъ и сталъ ъсть, стараясь какъ можно больше забрать въ ротъ хлѣба и какъ можно меньше яйца. Ваня заставилъ его взять еще яйцо, которое толь сѣль съ такою же жадностью.

— Небогато вы живете,—криво усмѣхнувшись, пошутилъ гость.

— Гдѣ богато!—отвѣчала мать.—Четыре рубля шестьдесятъ копѣекъ пенсіи получаемъ, вотъ и живемъ... Корову держу, молоко продаю; когда пять, когда шесть рублей наѣвила... Ну, свой домъ... ты когда посылаешь... Живемъ, не жалуемся... Хоть это-то, славу Богу... Не живали богато-то, самъ знаешь, все въ бѣдности... Сыты, одѣты, обуты, чего еще?.. На другихъ поглядишь—не приведи ты, Царица Небесная! А мы—еще слава Богу... Трудновато когда, да что дѣлать!

Ваня, порывшись въ карманѣ, передалъ матери двадцать рублей.

— Вотъ пока-что,—сказалъ онъ, краснѣя.

— Ухъ, сколько!—удивилась мать:—что больно много?...

Ну, спасибо, спасибо.

— А ты развѣ, Ваня, богатый?—спросила Миша, съ уваженіемъ глядя на деньги.

Ваня, обнявъ его, засмѣялся.

— Нѣть, Миша,—сказалъ онъ:—такой же бѣднякъ, какъ и вы... Ну, рассказывайте, что у васъ тутъ?

— Что?.. Ничего, все по старому. Жизнь у насъ сѣрая, перемѣнъ почти не бываетъ. Живемъ, небо коптимъ... Юрьевъ новый домъ строитъ. Аннушка Полякова за псаломщика замужъ вышла. Коля Поповъ съ прошлаго года секретаремъ, кокарду носить, гордый сталъ, меня не узнаетъ... Климоновъ въ полицейскомъ управлениі... Вася Барышевъ утонулъ въ прошломъ году, жена съ ребенкомъ осталась... Водовозъ Никифоръ ногу сломалъ, въ больницѣ лежить, жена спилась, ребятишки по миру ходятъ... Савельевна померла... У Николая Иваныча восьмой ребенокъ родился... Бѣдность—не приведи Господи!.. Маркъ Иванычъ нынѣшней весной обгорѣлъ... Отраднаго-то мало. Живемъ, какъ кроты, сѣту не видимъ... Темнота, дикость да горе...

— Ну, а ты какъ?—спросила мать, но Ваня отвѣчать почти съ болѣзnenной неохотой, и она, скрывая тревогу, прекратила разспросы. Ваня всталъ и, поднявъ надъ головой руки, потянулся. Онъ съ трудомъ боролся съ усталостью, это клонило ко сну, глаза его слипались.

— Усталъ,—проговорилъ онъ, засмѣявшиися:—утомила дорога... да и вообще утомился... У васъ отдохну...

— Отдохни, голубчикъ. У насть спокой, тишина, и воздухъ хорошій... А теперь спать. Утро вечера мудренъ. Завтра наговоримся. Постель я приготовила въ твоей комнаткѣ.

Миша тоже боролся со сномъ.

— Я не хочу спать, никако,—говорилъ онъ соннымъ голосомъ.

Но вскорѣ заснулъ, уронивъ голову на столъ.

Мать бросила среди комнаты дырявый салопъ, положила подушку и осторожно перенесла Мишу, накрывъ вмѣсто одѣяла кофтою.

— Рапо встаемъ... уморился...—говорила она:—съ пять часовъ на ногахъ...

— Ну, и я на боковую,—сказалъ Ваня, которому было больно смотрѣть на это убожество.—Прощай, мама.

— Спокойной ночи, голубчикъ. Выспись хорошенько. Господь тебя благослови.

II.

Очутившись въ комнаткѣ, похожей на чуланъ, Ваня съ любопытствомъ осмотрѣлся. Было удивительно, что это убогое жилище съ однимъ низкимъ окномъ представлялось ему когда-то свѣтлымъ и просторнымъ. Теперь оно похоже было на мрачный застѣнокъ.

Затхлый, застоявшійся воздухъ съ запахомъ гнили страннымъ образомъ напомнилъ ему дѣтство, и неизѣяснимое волненіе овладѣло имъ. Отсюда, изъ этого чуланчика, открывался ему огромный фантастической міръ ребяческихъ мечтаній. Чарующій миражъ исчезъ, казалось, безслѣдно, но теперь, вынырнувъ изъ тьмы забвенія, онъ снова жилъ, снова былъ реаленъ и близокъ.

Поднявъ надъ головой лампу, Ваня прочелъ на стѣнѣ сочиненное имъ изреченіе: „Люди трудящіеся пресмыкаются, какъ твари, и умираютъ на соломѣ отъ пороковъ, болѣзней и нищеты безъ надежды на будущее спасеніе,— они прокляты Богомъ; пребывающіе въ праздности — счастливые гости на землѣ: они живутъ среди наслажденій и переселяются въ лучшій міръ съ упованіемъ на вѣчное блаженство, ибо на нихъ почитетъ Божіе благословеніе“. Съ синхронитѣльною нѣжностью къ себѣ, тогдашнему двѣнадцатилѣтнему вольнодумцу, онъ покачалъ головой и улыбнулся: сколько вкладывалось тогда въ эти слова негодующаго сарказма, гордаго презрѣнія и молодого задора!..

Раадѣвшись, онъ легъ въ постель изъ лохмотьевъ, при-

крытыхъ дырявой простыней, и потушилъ огонь, но заснуть не могъ. Ему все чудилось изможденное лицо матери и ищенски одѣтая фигурка Миши. Сердце его болѣзненно ныло, во всемъ тѣлѣ испытывалось ощущеніе непонятной неловкости и тревоги. Свѣтлая ночь раздражала его, и, казалось, кто-то призрачно сѣрый смотрѣть въ окно... Мгновеніями острый, непріятный холодъ пронизывалъ сердце, и оно переставало биться, и казалось тогда, что нить, привязывавшая его къ жизни, готова порваться. Все, что было для него святого, все лучшее и самое важное, для чего онъ жилъ, казалось ему теперь безумнымъ бредомъ, и самъ онъ представлялся себѣ жалкимъ, полураздавленнымъ червякомъ, бессильно корчащимся отъ боли...

— Я нездоровъ, мнѣ заснуть надо,—шепталъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ, но сонъ бѣжалъ отъ его глазъ. Сердце то замирало, то болѣзнено колотило въ груди, и это мѣшало ему собрать свои мысли.

— Вадоръ!—бормоталъ онъ:—съ разсвѣтомъ я опять буду бодрымъ и сильнымъ. Все рѣшено, и не о чёмъ разсуждать!

И, точно въ отвѣтъ на его слова, изъ темнаго угла послышался злобный, шипящій змѣиный хохотъ. Ваня съежился и, задрожавъ, уткнулся въ подушку.

„Нерви разгулялись“, успокоивая себя, подумалъ онъ и съ боязливою осторожностью оглянулся. За окномъ стояла безмолвная, блѣдная ночь. На свѣтломъ небѣ висѣло пёстро-сѣрое облако странной формы. Гдѣ-то подъ поломъ скреблись мыши, въ углу трещалъ сверчокъ. У стѣны, въ сѣромъ сумракѣ, притаившись, лежали какіе-то странно-неподвижные предметы.

„Тряпье или шубы“, подумалъ онъ, закрывая глаза, но ему тотчасъ же опять представилось изѣдленное нуждой лицо матери и грустные, строгіе, вопрошающіе, не дѣтски щерьезные глаза Миши, полные сожалѣнія и укоризны.

„Я ихъ единственная опора, какъ они останутся безъ меня? Вотъ въ чёмъ дѣло... вотъ въ чёмъ весь ужасъ“, прошепталъ онъ и снова зарылся въ подушку.

Долго лежалъ онъ въ оцѣпѣнїи, пытаясь подавить въ себѣ щемящую боль. Передъ нимъ съ неотвязною яркостью вставали картины отвратительной оргіи „ликующихъ“, „обагряющихъ руки въ крови“ рядомъ съ забитымъ, запуганнымъ человѣческимъ стадомъ, предающимъ друзей своихъ на пропятіе... Милліоны голодныхъ рабовъ въ рабскомъ экстазѣ рукоплескали пресыщенной, развратной кликѣ подыхающихъ насильниковъ... Измученные люди кричали, славословили, ползали на колѣняхъ, простирали руки, моля о пощадѣ и милосердіи, а въ отвѣтъ на ихъ мольбы раздавался

только свисть бичей, конское ржаніе, грубые окрики, площадная брань и залпы орудій.. „Встаньте, не бойтесь, поднимитесь! Эта подлая сила сильна только вашей покорностью“, слышались одинокіе голоса, но они беспомощно тонули въ хаосѣ звуковъ, и люди гибли тысячами, и свои побивали своихъ... Кромѣщная тьма окутывала все, и не было ни проблеска надежды... Отчаяніе и ужасъ наполняли людскія сердца...

Ваня поднялся съ постели и сѣлъ. Голова его горѣла, сердце стучало, какъ молотъ. Онъ чувствовалъ, что и въ его душѣ нѣть ничего, кромѣ отчаянія и страха... Какъ это случилось? Когда и почему?.. Еще недавно онъ рвался въ бой, вѣрилъ въ побѣду, клялся умереть и не боялся смерти, а теперь? Откуда это больное чувство, это невѣріе и душевный разладъ? Развѣ что-нибудь измѣнилось? Развѣ самъ онъ не тотъ же, что былъ?.. „Нѣть, не тотъ“, отвѣчалъ ему злобно-насмѣшливый голосъ, потому что борьба безумна, побѣда не возможна, и ты это видишь и знаешь... Жестокость и алчность, подлая жажда наслажденій и грубая сила — вотъ въ чёмъ правда всего живущаго... другой правды нѣть...“ Ужасъ охватилъ его. Дрожащими руками онъ зажегъ лампу, взялъ книгу и сталъ читать. Но строки прыгали въ его глазахъ, и, машинально, безъ смысла пробѣгая страницу за страницей, онъ твердилъ, какъ помѣшанный: „неправда, не можетъ быть... этого не можетъ быть...“

Короткая ночь пролетѣла быстро. Золотой багрянецъ заигралъ на вершинѣ соломенной кровли. Страшные призраки поблѣднѣли и скрылись, точно ихъ унесла съ собой сумеречная ночь. Ваня растворилъ окно и вмѣстѣ съ запахомъ пыли и влажной травы вдохнулъ въ себя охладѣвшій воздухъ.

— Не можетъ быть! — сказалъ онъ еще разъ, смотря на освѣщенную солнцемъ верхушку кровли: — Не можетъ быть зло источникомъ жизни, какъ не можетъ быть тьма источникомъ свѣта...

У крыльца брякнуль желѣзный подойникъ, и мать, сгорбившись, прошла черезъ дворъ. Ваня испуганно отпрянулъ отъ окна въ уголь и отсюда, съ страннымъ чувствомъ недоумѣнія, наблюдалъ, какъ мать доила корову и какъ потомъ погнала ее въ табунъ.

— Боже мой, Боже мой! — прошепталъ онъ и легъ. Косой малиновый лучъ украдкой скользнулъ по стеклу, въ комнатѣ вдругъ стало совершенно свѣтло. Мысли въ уставшей головѣ начали путаться, откуда-то спустился мягкий, ласкающій голубой свѣтъ, и Ваня заснулъ тяжелымъ свинцовыемъ сномъ.

III.

Онъ проснулся только къ полудню. Въ окно было яркое солнце, жужжали мухи, на дворѣ пронзительно чирикали воробыи. Стряхнувъ съ себя сонъ, онъ быстро всталъ, наскоро одѣлся и вышелъ.

Старателю вычищенный самоваръ кипѣлъ на столѣ. На чистой скатерти стояла посуда, бѣлый хлѣбъ, только что сбитое масло и сливки. Въ комнатѣ было прибрано, поль вымыть и устланъ половиками. Мать въ большихъ круглыхъ очкахъ сидѣла съ Мишой и читала съ нимъ „Родное слово“.

— Проснулся, — сказала она, глядя поверхъ очковъ.— Выспался ли? Садись, пей чай.

— Выспался, хотя съ вечера долго не могъ заснуть. Но и прежде выкупаюсь, мама, а потомъ ужъ чай... Идемъ, Миша!

— Ну, хорошо. Я самоваръ потомъ подогрѣю.

Братья, взявшись за руки, пошли къ рѣкѣ. Тяжелый, неподвижный зной вѣсѣлъ надъ землей. Пустынныя, точно вымершія улицы, нестерпимо сверкающія на солнцѣ крыши, окаменѣвшія деревья, рѣка, застывшая въ своихъ берегахъ, сизая мутная даль,—все, казалось, томилось, изнемогая отъ зноя. На базарной площади уныло бродили козы. У гостинаго двора сидѣли разжирѣвшіе отъ бездѣлья лавочники, играя въ шашки.

Купались прямо съ берега за городомъ, раздѣвшись въ кустахъ.

— Чего-жъ ты?—спросилъ Ваня, видя, что Миша стоитъ въ нерѣшительности.

— Боюсь.

— Вотъ! Иди смѣлѣе.

Миша, съежившись, сталъ осторожно заходить въ воду.

— Окунись, окунись!—кричалъ ему братъ.

Миша окунулся, наглотался воды и, всхлипывая, въ испугѣ выбѣжалъ на берегъ. Весь синій, онъ дрожалъ и стучалъ зубами. Ваня съ удивленіемъ и жалостью смотрѣлъ на его худое высохшее тѣло, точно у маленькаго старичка.

— Эхъ, какой ты!—говорилъ онъ ему, когда они возвращались съ купанья.—Надо быть сильнымъ, смѣлымъ и ловкимъ. Это главное. Для этого надо больше двигаться, больше гулять, заниматься гимнастикой...

„И лучше питаться“,—подумалъ онъ про себя и замолкъ.

И въ движеніяхъ Миши было что-то старческое: онъ не

бѣгалъ, какъ бѣгаютъ дѣти, а ходилъ, стараясь дѣлать большие шаги и, какъ-будто, сознательно избѣгая излишнихъ движений.

„Старичекъ, маленький старичекъ, заморышъ“, — думалъ Ваня, наблюдая за нимъ. За то въ лицѣ Миши было столько ребяческой миловидности, а серьезные глаза были такъ ясны и чисты, что Ваня, любуясь ими, не могъ сдержать радостную улыбку.

Вернувшись домой, братья, веселые и оживленные, сѣли за чай. Упиваясь за обѣ щеки горячія пшеничные ватрушки, Ваня болталъ, шутилъ и смеялся такъ весело, что и мать смеялась тоже. Послѣ чая, пока она хлопотала съ обѣдомъ, братья ушли въ небольшой садикъ, насаженный еще покойнымъ отцомъ. Садикъ за два года разросся, потемнѣлъ, березы стали уже совсѣмъ большія, а кусты акаціи и жимолости образовали живую изгородь къ соседнему огороду. Ваня прилегъ на траву подъ тѣнь березы, Миша сѣлъ у его ноголовья.

— Ты скоро женишься, Ваня? — неожиданно спросилъ онъ.

— Вотъ! что тебѣ вздумалось? — отвѣчалъ братъ и, засмѣявшись, посмотрѣлъ на Мишу, но встрѣтилъ строгій, упорный, испытующій взглядъ.

— Когда ты бы женился, да на службу поступиль, какъ бы хорошо было! — продолжалъ Миша: — жалованье получалъ бы, всѣ вмѣстѣ бы жили... А то мы больно бѣдно живемъ... а ты скитаешься, Богъ знаетъ гдѣ...

Ваня нахмурился, потомъ засмѣялся.

— Найди невѣсту, — сказалъ онъ.

— Ты самъ найди. За тебя богатая пойдетъ. Когда я большой буду, женюсь непремѣнно. Мнѣ только восемь годовъ, но я выросту и буду жалованье получать. Мамѣ платье куплю и башмаки. У ней платьевъ нѣту, и ботинки худые. Мама старуха и все хвораетъ. Биласъ, биласъ, хоть бы на старости пожить ей въ спокой...

Ваня молчалъ и смотрѣлъ въ землю.

— Вѣрно, Миша, — сказалъ онъ, наконецъ: — мало я вамъ помогаю... Но почему ты думаешь, что мнѣ надо жениться?

— Когда женишься, мысли другія будутъ: будешь думать о семье, — повторяя чужія слова, говорилъ Миша. — Тетя Аня говоритъ, что ты фантазеръ и жизни не знаешь, и хоть мама тебя защищаетъ, а, по моему, тетя вѣрно говоритъ.

— О, ты, мой философъ! — воскликнулъ Ваня, обнимая его со слезами на глазахъ. — Я жизни не знаю, хорошо, не вѣдь ты еще меньше, какъ же ты учить хочешь меня? А?

Но Миша думалъ уже о чём-то другомъ и ничего не отвѣтилъ.

— Вонъ нищенка идеть, — сказалъ онъ, увидѣвъ подошедшую къ плетню бабу съ ребенкомъ, которая запѣла свою пѣсню: „батюшки-матушки, сотворите святую милостынку”...

Миша побѣжалъ въ домъ и принесъ ломоть хлѣба; Ваня далъ бабѣ мѣдный пятакъ.

— Господи Иисусе Христе...—шептала она, принимая подаяніе.

— Ты бы работала,—сказалъ ей Миша.

— Роблю, батюшка, роблю... Все робили, да обгорѣли... тепче... по міру пошли... Подай вамъ Господи добра и здоровья...

Баба долго молиласъ на востокъ.

— Нищіе еще бѣднѣе нась,—сказалъ Миша: — Вотъ она босикомъ ходить, и домъ у ней сгорѣлъ... хлѣба нѣту, денегъ нѣту... А кто, Ваня, деньги дѣлаетъ? царь?

Ваня разсѣянно мотнулъ головой.

— Больше бы ихъ надѣлять, чтобы всѣмъ хватило... всѣмъ: богатымъ и бѣднымъ...

— Только онъ опять скоро очутятся у богатыхъ.

— Почему?

— Да ужъ такъ. Выростешь, выучишься, тогда узнаешь... Миша помолчалъ, потомъ опять заговорилъ:

— Федотычъ весной съ голоду померъ: муки не было... Онъ милостыню не просилъ, а лежалъ на печкѣ хворый и ругался... Сосѣди боялись и не любили его, никто къ нему не ходилъ... Такъ онъ и умеръ.

Но Ваня не слушалъ. Онъ смотрѣлъ вдаль, на горы, покрытыя знайной пеленой, и мысли его были далеко.

Въ тотъ же день позднимъ вечеромъ у Вани съ матерью произошло объясненіе. Мать съ заплаканнымъ лицомъ сидѣла въ углу, потупившись, и молчала. Ваня, воодушевленный своими собственными словами, ходилъ по комнатѣ и говорилъ. Онъ началъ рѣчь робко и нерѣшительно, но теперь она лилась, какъ сверкающій живой потокъ. Казалось, онъ позабылъ, что передъ нимъ измученное жизнью, отжившее существо, которому каждое слово его причиняло только боль и тревогу, и говорилъ такъ, точно ему внимала молодая восторженная, сочувствующая аудиторія. Глаза его горѣли огнемъ вдохновенія, голосъ дрожалъ, руки скимались, лицо поблѣднѣло. Природный даръ ораторской рѣчи, музыка собственныхъ словъ, водоворотъ рождающихся мыслей, образовъ, картинъ, метафоръ, мѣткихъ сравненій—опьяняли его самого, и онъ переживалъ чарующія минуты нервнаго подъема. Закончивъ патетическую часть рѣчи, онъ остало-

вился и посмотрѣть на мать. Она все сидѣла, потупившись. Руки и голова у ней дрожали. Съ кончика носа, какъ частый дождь, капали слезы. Ваня безсильно опустился на стулъ и закрылъ лицо руками.

— Иежила я вѣкъ свой, какъ въ темномъ лѣсу, — заговорила она тихимъ, чуть слышнымъ, плачущихъ голосомъ: — свѣту не видѣла, человѣческаго слова не слышала... только отъ тебя же когда узнаешь чего... такъ въ темнотѣ и жила... оттого и мысли у меня мелкія, темныя, въ головѣ туманъ... и ничего-то я не знаю... Тебя воспитывала, на тебя надѣялась.. И надежды мои были тоже маленькия, мѣщанская: вотъ выучишься, вотъ подрастешь, женишься, на службу поступишь... умереть хотѣлось спокойно... Но все это пустяки... вотъ только Миша... его учить надо... какъ тутъ быть?..

Ваня, безъ кровинки въ лицѣ, молчалъ и смотрѣль на мать.

— Я все, голубчикъ, понимаю,—продолжала она:—давно поняла и знаю, къ чему лежитъ твоё сердце... Знаю, понимаю... Только, милый, неужели нельзя иначе? Я не обѣ себѣ, обѣ тебѣ говорю: почему долженъ ты взять на себя эту тяготу? Почему? Почему же другіе живутъ для себя?.. Вѣдь живутъ же!.. Ты погибнуть можешь... За что же? Развѣ ты виноватъ въ томъ, что есть?.. Это не понятно для меня и страшно!

Ваня сѣлъ рядомъ съ ней и взялъ ея холодную, жесткую и мокрую отъ слезъ руку. Онъ молчалъ минуты двѣ, точно собираясь съ мыслями, потомъ заговорилъ тихо и задушевно. Онъ говорилъ о Христѣ, о мученикахъ за вѣру, о подвижникахъ правды... Старушка слушала и все больше и больше смягчалась душой.

— Я знаю,—закончилъ онъ,—что если не умомъ, то сердцемъ ты поймешь меня...

— Давно поняла, голубчикъ,—отвѣчала она просто и вдругъ, въ страстномъ порывѣ, обняла его и заговорила нервнымъ, прерывающимся шепотомъ:—Ваня! дорогой мой зачѣмъ ты не такой, какъ всѣ? Зачѣмъ ты такимъ уродился?.. Я понимаю... но зачѣмъ?.. Ты хороший, ты лучше всѣхъ... Я радоваться должна, гордиться должна... но зачѣмъ? За чѣмъ?

— Мама! Отъ тебя все зависить... я сдѣлаю, какъ ты хочешь, какъ ты скажешь...

— Нѣть, гдѣ ужъ... что отъ меня зависить? Ничего... Развѣ это возможно?—промолвила она, внезапно стихая.— Дѣлай, какъ знаешь... какъ велитъ твоя совѣсть... я тебѣ не помѣха... Прежде—Божье дѣло, потомъ уже человѣческое...

Объ насъ не думай: проживемъ какъ-нибудь... Моя-то жизнь ужъ прожита, а Мишу Господь не оставитъ...

Ваня сидѣлъ молчаливый и подавленный. Онъ не ждалъ такого отвѣта, и онъ не радовалъ его. Гора скатилась съ его плечъ, но это не принесло ему облегченія. Новая тяжесть огромной отвѣтственности свалилась на него, душевное раздвоеніе, жалость и тоска сосали его сердце. Онъ молча опустился передъ матерью на колѣни и поцѣловалъ ея руку. Она обняла его курчавую голову и долго не выпускала изъ своихъ костлявыхъ, неловкихъ объятій.

— Я благословлю тебя, голубчикъ,—прошептала она и перекрестила его большими размашистыми крестомъ, послѣ чего они оба встали и вышли въсосѣднюю комнату, гдѣ, разметавшись на полу, спалъ Миша.

Въ чуланѣ, куда, простившись съ матерью, пробрался Ваня, было тѣсно и душно, а обуревавшія его мысли требовали свободы и простора, и онъ вышелъ на воздухъ. Внизу, на колокольнѣ, медленно пробило двѣнадцать ударовъ, гулко отклинувшихся гдѣ-то за лѣсомъ. Надъ темными массами крышъ свѣтлѣло блѣдно-розовое и блѣдно-голубое небо. Ваня по столбу взобрался на кровлю сарая и сѣлъ. Здѣсь когда-то просиживалъ онъ цѣлые ночи, смотрѣлъ въ даль, слушалъ соловьевъ, думалъ, мечталъ и на яву грезилъ...

Впрочемъ, и теперь онъ готовъ былъ погрузиться въ грэзы. Въ сумеречномъ туманѣ, за горами, гдѣ даль сливалась съ блѣдно-пунцевой зарей, было что-то загадочное, страстно манящее и мечтательно-грустное. За рѣкой надъ лугами широко разстипался призрачно-бѣлый туманъ. Въ городѣ и въсосѣднемъ саду деревья казались черными, а трава бѣлѣла отъ росы. Откуда-то издалека доносился серебристый звонъ колокольчика, говорившій о пыльной дорогѣ среди заснувшихъ полей, о запахѣ свѣжаго сѣна, о почной сырости, о мечтательной дорожной дремѣ. Картина глубокой тишины убаюкивала Ваню, какъ колыбельная пѣсня, но за этой тишиной мерецился ему волнующійся міръ, полный движенья и воинственныхъ кликовъ, и туда стремительно рвалось его сердце.

IV.

Однажды утромъ, дней десять спустя, около дома появился стражникъ и, остановившись на пригоркѣ, долго и пристально смотрѣлъ вдалъ, потомъ подошелъ къ тротуару,—поковырялъ шашкой прогнившія доски и заглянулъ въ окно.

— Тратувары починить надо,—обратился онъ къ Мишѣ, сидѣвшему у окна.—Здравствуйте,—прибавилъ онъ, замѣтивъ хозяіку.—Тратувары, говорю, надо починить.

— Надо бы, да гдѣ ужъ... не у насъ однихъ, вездѣ едакіе...

— Оно такъ, а все же... Съ насъ взыскиваютъ за это... Къ вамъ, будто-бы, старшій сынокъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ. да.

— Надолго-ли?

— Не знаю... сколь поживется... а что?

— Справиться велѣно. И на счетъ тратуваровъ, и на счетъ сына... Намъ что прикажутъ... Почините, сдѣлайте милость, тратувары, будьте настолько добры...

— Починимъ, починимъ.

— Сдѣлайте милость, постараитесь... Потому нельзя, сами знаете... До свиданія покедовъ... Такъ неизвѣстно, на какой срокъ?

— Неизвѣстно. Поживеть, я думаю, недѣльки двѣ.

— Хорошее дѣло. Стало быть, мамыньку навѣстить. Хорошее дѣло. До увиданья. Позаботьтесь насчетъ этого самаго, на счетъ тратуваровъ.

Мать говорила спокойно, но когда отвернулась отъ окна, Ваня прочелъ на ея лицѣ тревогу.

— Про тебя спрашивалъ,—сказала она шепотомъ.

— Это ничего,—улыбаясь, отвѣчалъ Ваня:—ну, спрашивай, что же изъ этого?

Но мать цѣлый день была сама не своя.

Вечеромъ, въ сумерки, когда сѣли за ужинъ, въ раскрытое окно заглянула чья-то голова въ фуражкѣ съ кокардой.

— Иванъ Александрычъ у себя?—спросилъ незнакомый голосъ.

— Дома, я самый,—отвѣчалъ Ваня, подходя къ окну.—Что вамъ угодно?

— Здравствуйте, Иванъ Александрычъ! Не узнали меня?

— Нѣть.

Ваня присмотрѣлся къ бородатому молодому лицу и вдругъ узналъ школьнаго товарища, Петю Климова.

— Ахъ, это ты, Петя? Заходи, заходи!—закричалъ онъ радостно.—Тебя не узнаешь: бородой обросъ, кокарда на лбу, чиновникъ. Заходи, чего-жъ ты?

— Нѣть, видишь-ли... того... я на одну только минуту... Выйди-ка за ворота, поговорить надо.

Ваня вышелъ.

— Ну, что? Здравствуй!—сказалъ онъ.

— Видишь-ли, голубчикъ,—шепотомъ началъ Климовъ:—

бумага вчера получена... секретная... ты знаешь, я въ полиції служу, секретаремъ... Пишутъ, если ты здѣсь, то немедленно телеграфировать...

— Ну?

— Ничего больше... пришелъ предупредить... Я, конечно, ничего не знаю и не хочу знать, но какъ мы съ тобой товарищи...

— Спасибо. Телеграфировали уже?

— Нѣть. Телеграмму можно задержать... на день, на два... Но что телеграфировать-то? Вотъ дѣло въ чемъ.

— Телеграфируйте, что выѣхалъ... Я завтра уѣзжаю.

— Такъ, такъ... и отлично... Но ты дѣйствительно уѣдешь?

— Уѣду.

— Куда?

— Это все равно. Телеграфируйте: въ Казань, въ Одессу, въ Москву—куда вамъ угодно.

— Ладно, мы сообщимъ, что въ Москву.

— И отлично. Спасибо, другъ. Не зайдешь?

— Нѣть, нѣть... До свиданія.

— Будь здоровъ, прощай. Спасибо.

— Не за что... по пріятельству... мало-ли... чего-жъ тутъ...

— Ну, что?—тревожно спросила мать, когда Ваня вернулся.

— Ничего, только завтра надо ѿхать.

— Ищутъ?—съ ужасомъ проговорила мать, и глаза ея стали большими и темными.

Ваня, молча, кивнулъ головой. Больше они не сказали ни слова. Мать до поздней ночи хлопотала, собирая сына въ дорогу. Погомъ они съ минуту посидѣли молча, взявшись за руки, и пошли спать.

На слѣдующій день всѣ проснулись раньше обыкновенаго. Мать укладывала скучные Ванины пожитки въ комоку. Миша, съ недоумѣніемъ въ глазахъ, помогалъ ей.

Ваня что-то писалъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ.

— Ну, мамка, смотри, не скучай!—сказалъ Ваня, кончивъ писать.

Мать опустила руки и заплакала.

— Увидимся-ли когда...—прошептала она, утирая передникомъ слезы.

— Богъ дастъ, увидимся. Люди на войну ходятъ и возвращаются. Не унывай, моя дорогая... меньше думай... помягъся Богу—это тебѣ поможетъ... Ты вѣришь,—и это хорошо.

Онъ досталъ изъ кармана бумажный свертокъ.

— Тутъ деньги,—сказалъ онъ:—немного... потомъ присплю еще...

Мать, молча, взяла и, роняя слезы, сунула ихъ въ карманъ юбки.

— А себѣ-то?—спросила она:—хватить-ли?

— Хватить. Оставилъ, сколько нужно.

Разстегнувъ воротъ, Ваня снялъ съ шеи какой-то круглый предметъ.

— Вотъ... видиши-ли...—началь онъ въ замѣшательствѣ:— въ знакъ моей вѣчной признательности... или нѣтъ... это не то... Я очень цѣню твое пониманіе и твою жертву... Впрочемъ, есть вещи, которыхъ не разскажешь никакими словами, и ты это понимаешь... Я отдаю тебѣ, что есть у меня самаго дорогого... Ты все мечтала о моей женитьбѣ... такъ, знаешь, у меня была невѣста, но она сгинула, и это все, что отъ нея осталось... Возьми.

— Оставь у себя! Оставь у себя!—закричала мать.

— Нѣтъ, возьми... у тебя сохранишь... возьми, возьми.

Мать больше не возражала.

Черезъ полчаса они покинули домъ и, миновавъ огороды и ряды черныхъ кузницъ, пошли по тропинкѣ межъ высокихъ березъ, освѣщенныхъ утреннимъ солнцемъ. Съ горы Ваня въ послѣдній разъ оглянулся на городъ.

— Какая красота!—сказалъ онъ.—Люблю я этотъ уголокъ и городъ люблю, хотя, ей-Богу, хуже города не видалъ.

Ваня казался веселымъ и всю дорогу оживленно болталъ, хотя ядовитая тоска, не переставая, сосала его сердце. Мать молчала, съ трудомъ передвигая больныя ноги. Миша, съ заплаканными глазами, совершенно раскисшій, началъ отставать.

— Ну! дальние проводы—лишнія слезы,—сказалъ Ваня, останавливаясь,—простимся!

Мать и сынъ обнялись и долго не могли оторваться другъ отъ друга. У Вани судорожно дрогнула челюсть, и теплая слеза скатилась по щекѣ. Миша, сморщивъ худенькое лицико, по ребяччи началъ хныкать.

— Прощай, мама... Прощай, Миша...

— Ваня!—вдругъ закричала мать, и лицо ея преобразилось отъ горя:—погоди... минутку... пожалуйста, одну...

Наконецъ, взваливъ на плечи котомку и еще разъ чмокнувъ Мишу въ мокрыя губы, Ваня твердыми шагами пошелъ впередъ. Мать смотрѣла ему вслѣдъ. Вдругъ Миша заревѣлъ и бросился брату вдогонку...

Ваня воротился, молча обняль еще разъ мать и брашишку, махнулъ рукой и, подавляя рыданіе, пошелъ прочь.

Онъ уходилъ все дальше и дальше, вотъ скрылся за бугромъ, вотъ снова показался, въ послѣдній разъ махнулъ платкомъ и исчезъ навсегда.

Мать стояла, какъ статуя скорби, и безумными глазами смотрѣла въ ту точку, гдѣ мгновеніе тому назадъ еще видна была събрана шляпа.

— Прощай, моя радость!.. Свѣтъ мой!.. Солнышко ясное!.. — шептала она и, какъ подкошенная, упала на землю.

Миша, въ испугѣ, закричалъ дикимъ голосомъ и сталъ ее тормошить.

V.

Прошло около двухъ лѣтъ. Зима подходила къ концу. Дороги почернѣли, запахло весной, въ поляхъ появились проталины. Небо становилось все глубже и лучезарнѣе, солнце сияло все ярче. Самая худшая опасенія матери сбылись: Ваня погибъ, какъ погибли многіе. Уже не раздавались больше и не будили никого его бодрый, страстный, воодушевлявшія рѣчи, навсегда умолкъ его задушевный голосъ и веселый серебристый смѣхъ. Отважнаго пловца, поглотило бурное житейское море, съ которымъ онъ дерзко вступилъ въ борьбу почти безъ надежды на побѣду.

Ужасное извѣстіе мать приняла очень странно: не упала и не забилась въ нервномъ припадкѣ, не вскрикнула, заломивъ руки, не уронила ни одной слезы и по наружности осталась спокойной, только по лицу скользнула мгновенная судорога, да въ глазахъ сверкнуль и погасъ огонекъ безумного ужаса. Въ глубинѣ души она давно уже ждала роковой вѣсти, и теперь, когда это свершилось, у ней что-то оторвалось отъ сердца; она сказала: „все кончено!“ и какъ-то вся затихла.

Какъ обыкновенно, на другой день она подоила корову, затопила печь, Мишу напоила чаемъ и отправила въ школу, потомъ сѣла чинить бѣлье. Горе въ ней пробуждалось не вдругъ, точно оно было не въ силахъ сразу развернуть передъ ней всю свою необъятность. Однако, по ночамъ она перестала спать и была какъ-то странно разсѣянна и молчалива. Сухие глаза постоянно горѣли неестественнѣмъ внутреннимъ огнемъ, и она таяла, какъ свѣча. Религіозная женщина, она перестала молиться, потому что и настоящій, и будущій міръ потеряли правду своего бытія, и молиться стало не о чемъ. Иногда днемъ она неожиданно засыпала и тогда походила на мертвую. Миша со страхомъ смотрѣлъ на ея темное лицо съ ввалившимися глазами и потихоньку плакалъ.

Однажды ей доставили денежный пакетъ на 218 рублей, а дни два спустя вручили черезъ полицію письмо отъ сына, послѣднее письмо, писанное его рукой мѣсяцъ тому назадъ. Письмо было кратко и безодержательно, но оно взволновало и, какъ будто, возвратило ее къ жизни. Она плакала надъ нимъ цѣлый день, смѣялась и цѣловала его. При деньгахъ была приложена записка безъ подписи: „отъ чтущихъ память вашего незабвеннаго сына“. Изъ денегъ она, однако, не взяла себѣ ни копѣеки: онѣ казались ей цѣною гибели ея покойнаго Вани, и долго она думала, что съ ними дѣлать. Наконецъ, рѣшила отдать церковному причту на вѣчное поминовеніе. Настоятель церкви, отецъ Василій, бравый черноволосый мужчина, посомнѣвался было: можно-ли? Но, поразмысливъ, согласился принять.

— Фамиліи-то вѣдь не упомянуто,—сказалъ онъ:—рабъ Божій Ioannъ, а кто—поди, доискивайся! Я думаю, что вполнѣ возможно,—рѣшилъ онъ, глядя на старушку проницательными, любопытствующими глазами.

Отдавъ деньги, она тотчасъ же забыла про нихъ.

Ночью, едва она забывалась, ей снились страшные сны. Пробуждаясь отъ страха, она вперяла глаза въ темноту ночи, и тогда ей все казалось незнакомо и странно. Съ улицы глядѣла въ окна молчаливая свинцовая тьма. Снѣжные сугробы, крыши домовъ, почернѣвшая дорога,—все проникнуто было тоскливымъ, жуткимъ, подстерегающимъ ужасомъ, и тогда казалось ей, что умеръ весь міръ, превратившись въ неподвижную, холодную, мертвую массу, сѣрую и угрююю, какъ эта ночь, что нѣть ни Бога, ни людей, и она одна во всемъ мірѣ, забытое судьбой живое существо. Странный, мистическій ужасъ овладѣвалъ ею, и сердце, замирая, переставало биться.

Она зажигала огонь, но свѣтъ только усиливалъ мракъ, глядящій въ окна, тѣни сгущались, настроение мѣнялось, но становилось еще болѣе страшнымъ, суевѣрнымъ... Миша, скорчившись отъ холода, спалъ на полу, но она его не замѣчала. Она, вообще, забросила Мишу.

Иногда ей снилось что-то безформенное, неуловимое, но ужасное. Проснувшись, она не могла припомнить своихъ сновидѣній, но впечатлѣніе ужаса оставалось и наполняло отвращенiemъ все ея существо. Вскорѣ всѣ стали замѣчать, что съ ней творится что-то недоброе. Она смѣшивала сны съ дѣйствительностью и на яву видѣла умершаго сына, который приходилъ и говорилъ съ нею по ночамъ. Она сознавала, что это бредъ, но вѣрила ему и жила имъ, и каждую ночь ждала съ нетерпѣніемъ.

Днемъ она просиживала цѣлые часы передъ раскрытымъ

медальономъ, который подарилъ ей Ваня въ минуту разлуки. Изъ медальона глядѣли чужіе, грустные и задумчивые, глаза прекрасной молодой женщины.

— Ты больше любилъ ее, чѣмъ меня,—съ укоромъ шептала старушка.

Подъ конецъ она почти перестала ъѣть и худѣла съ каждымъ днемъ. Лицо съежилось, осунулось, пожелтѣло, стало прозрачнымъ. Тайный внутренній недугъ съѣдалъ ее медленно, но неуклонно, хотя она не жаловалась и считала себя здоровой.

Весной она умерла.

Въ убогой комнатѣ на двухъ столахъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, стоялъ деревянный некрашеный гробъ. Изъ него виднѣлось желтое, какъ воскъ, птичье лицо покойницы. Пахло ладаномъ. Горѣли свѣчи. Начетница гнусаво читала псалтырь. Чужія женщины то приходили, то уходили, шептались, крестились, клали земные поклоны, прощааясь съ покойницей. Въ сторонкѣ у окна стоялъ Миша. Его худенькое лицо старчески-скорбно сморщилось, а огромные черные глаза съ недоумѣніемъ смотрѣли на прозрачный мертвый носъ покойницы.

— Что, милый, не стало мамаши?—жалостливо спросила сосѣдка.

Миша потупился. Лицо его вдругъ жалко скривилось, глаза съ тоской устремились къ покойницѣ, точно ища у ней защиты.

Между тѣмъ, за окномъ разстился ясный весенній день. Птицы весело щебетали. Теплый воздухъ, напоенный ароматомъ распускающейся листвы, мягко и плавно вливался въ комнату. Глубокое небо синѣло. Золотые лучи солнца могучимъ потокомъ заливали и воздушно-голубую даль, и зеленѣющую дорогу. Въ комнатѣ продолжали толпиться чужіе люди. А Миша все стоялъ у гроба въ оцепенѣніи...

А. Погорѣловъ.

112 дек. 1906

ДОНСКИЕ КАЗАКИ.

(Очеркъ). С. 2, А-175.

Газеты все чаще и чаще приносятъ свѣдѣнія изъ Области Войска Донского, рисующія настроеніе казаковъ разныхъ частей Дона. Вначалѣ коротенькия и неопределенные, свѣдѣнія эти чѣмъ дальше, тѣмъ становятся пространнѣе, опредѣленнѣе, красочнѣе. Еще въ началѣ этого года газеты сообщали только о томъ, что «жены казаковъ, мобилизованныхъ на службу въ центральную Россію и на окраины, во множествѣ прибываютъ въ Новочеркасскъ для ходатайства о пособіи... Нужда казачья особенно велика стала съ наступлениемъ весны, поля остаются не обработанными... Есть семьи, гдѣ остались одни старики и дѣти, кормилицами ихъ являются однѣ женщины». Весною, послѣ пріѣзда на Донъ князя Голицына съ грамотой, подтверждавшей права казаковъ на принадлежащія войску донскому земли, свѣдѣнія пріобрѣли болѣе острый характеръ: «Изъ казачьихъ станицъ приходятъ тревожныя вѣсти. Казаки волнуются. Администрація въ нѣкоторыхъ станицы не рѣшается вѣзжать»... Послѣ внесенія въ Государственную Думу запроса о законности мобилизациіи казаковъ второй и третьей очередей для «внутренней службы», газеты сразу пополнились цѣльнымъ рядомъ приговоровъ, писемъ къ депутатамъ, писемъ въ редакцію, телеграммъ съ Дона отъ казачьихъ станицъ и изъ разныхъ городовъ Россіи отъ казачьихъ полковъ. «Просимъ Государственную Думу походатайствовать... просимъ нашихъ представителей въ Государственной Думѣ настаивать... требуемъ распущенія по домамъ... мы теперь знаемъ, кто нашъ врагъ, кто другъ... мы проэрѣли теперь»... и т. д.—Таковы были штрихи, которыми обрисовалось тогда передъ нами настроеніе казачества. Теперь газеты приносятъ уже факты такого рода. По предписанію изъ Новочеркасска окружной атаманъ усть-медвѣдицкаго округа арестовалъ и препроводилъ въ новочеркасскую тюрьму довѣренныхъ, посланныхъ въ свое время усть-медвѣдицкимъ станичнымъ сходомъ въ Петербургъ для представленія наказа Государственной Думѣ. По телеграфному ходатайству усть-медвѣдицкаго окружного атамана, въ виду катего-

рическаго представлениі усть-медвѣдицкаго схода, не ручавшагося за спокойствіе всего округа, довѣренныи усть-медвѣдицкой станицы выпущены изъ тюрмы и возвращены обратно въ станицу. Участковый засѣдатель арестовалъ въ Иловлинской станицѣ «оратора» — семинариста Ильина. Станичники въ свою очередь арестовали засѣдателя и продержали его подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока Ильинъ не былъ возвращенъ обратно въ Иловлинскую изъ Царицинской тюрмы. И снова старая редакція газетнаго извѣстія, но, очевидно, съ болѣе полнымъ содержаніемъ: «Казаки волнуются. Въ нѣкоторыя станицы администрація не рѣшается выѣзжать».

«Казаки волнуются» и волнуются именно на «тихомъ Дону», этомъ послѣднемъ и до сихъ поръ, по многимъ признакамъ, самому надежномъ, почти несокрушимомъ оплотѣ реакціи и «незыблѣмыхъ основъ». Русское революціонное движение, противъ кото-раго до сихъ поръ по офиціальнымъ свѣдѣніямъ было выставлено 133,377 казаковъ, можетъ учитывать въ свою пользу эти волненія; въ равной степени и правительству придется и, судя по газетнымъ извѣстіямъ, пришлось уже учитывать эти волненія, какъ серьезную потерю, какъ серьезную брешь, которую дѣлаетъ жизнь въ послѣдней цитадели отжившаго строя. Волнуются казаки — и, главнымъ образомъ, старшее поколѣніе, оставшееся дома за уходомъ въ полки сначала всѣхъ, а теперь двухъ «очередей», т. е. казаковъ съ 21 до 30-лѣтнаго возраста, волнуется та часть населенія, которая давала до сихъ поръ теоретиковъ, вырабатывавшихъ идеиное обоснованіе казачьяго міросозерцанія, выражавшагося въ краткой и сильной формулѣ: «вѣрные сыны престола и отечества». И если ужъ пошатнулась эта основа, значитъ, назрѣло что-то внутри казачества и расширяетъ узкую формулу вѣрноподданничества и начинаетъ искать выхода изъ замкнутаго круга фронта, «защиты и опоры».

Русское общество (а въ послѣднія десятилѣтія русскій народъ) и войско Донское стояли и стоять во враждебныхъ отношеніяхъ. Вся, рѣшительно вся Россія — отъ офиціальныхъ представителей, руководителей и воспитателей арміи, отъ творцовъ и охранителей идеи «защиты и опоры престола и отечества» до послѣднаго россійского обывателя, поляка, финна, орловскаго мѣщанина, харьковскаго мужика — не только офиціально отзыается о казакахъ, какъ о «прирожденныхъ» воинахъ, не могущихъ «дышать» безъ похода, войны, набѣга, но и въ глубинѣ души твердо убѣждена въ существованіи этого специально казачьяго качества. Опытъ долголѣтнихъ сношеній Россіи съ казакомъ, его безпрерывныи служебныи шатанія изъ конца въ конецъ нашего обширнаго отечества пріучили ее смотрѣть такъ на казака. Но въ опѣнкѣ этого специфического казачьяго качества россійскіе обыватели раскальвались на двѣ диаметрально противоположныи стороны: въ то время, какъ офиціальная Россія «въ непрестанномъ попеченіи» упоминала о

«духъ исторіи» и «завѣтахъ доблестныхъ предковъ» и «возлагала надежды», другая, непосредственно воспринимавшая на свою шкуру демонстрированіе казакомъ его вѣрности «завѣтамъ», только отплевывалась и ругательски ругала его, какъ безбожника и разбойника. Теперь роли какъ будто начинаютъ перемѣняться. Настала пора упоминать о «завѣтахъ»—другой категоріи только!—неофиціальной Россіи, а офиціальной приходится изыскывать «способы» и «мѣры» противъ новоявленныхъ бунтовщиковъ и «злономѣренныхъ людей».

«Опора» подрываетъ устои, вчерашній разбойникъ протестуетъ противъ использованія его разбойничихъ наклонностей. Получается жизненная нелѣпица, въ которой необходимо разобраться, хотя бы для того, чтобы не напутать еще больше въ дальнѣйшемъ при столкновеніи съ нею.

Настоящій очеркъ является попыткой освѣтить хоть нѣсколько казачій вопросъ и поставить его въ надлежащія рамки, при которыхъ только и можно пытаться разобраться въ этомъ запутанномъ больномъ вопросѣ. Я пользуюсь въ этомъ очеркѣ тѣми данными, которыя мнѣ удалось собрать отчасти во время моихъ скитаній по Донской области, а главнымъ образомъ въ поѣздку въ казачій хуторъ во время 1-ї мобилизаціи казаковъ лѣтомъ 1904 года, и тѣми отрывочными свѣдѣніями, которыя даетъ скучная литература по казачьему вопросу.

Я далекъ отъ мысли дать исчерпывающее освѣщеніе вопроса во всей его совокупности, категорически решить что-нибудь, подвести казака подъ какую-нибудь формулу въ родѣ вышеприведенныхъ; я хочу только внести въ эти формулы нѣкоторыя поправки.

I.

Лѣтомъ 1904 года была произведена первая, она же и единственная, мобилизація донскихъ казаковъ для пополненія манчжурской арміи,—всѣ остальные мобилизаціи были произведены уже для надобностей «внутренней службы», для «защиты отечества» отъ внутренняго врага. При первыхъ же слухахъ обѣ этой первой мобилизаціи я рѣшилъ поѣхать въ какой-нибудь изъ казачьихъ хуторовъ, захваченныхъ ею, чтобы тамъ, въ глухи, на мѣстѣ посмотретьъ на выступленіе на войну тѣхъ, о комъ сложилось на Руси такое удивительно однообразное представление — «прирожденный воинъ»—и такие удивительно противоположные отзывы. Мнѣ хотѣлось провѣрить это представление и посмотреть на казака въ тотъ моментъ, когда ему придется—волей-неволей—проявить свои специфическія казачьи черты, выступить — не какъ нибудь, не шутя, а «на самомъ дѣлѣ»,—въ роли защитника отъ враговъ, и уже не «внутреннихъ», а «заправскихъ» вѣнчанихъ, и при томъ еще къ

тому времени официально признанныхъ «достойными противниками». Это было, мнѣ думалось, своего рода экзаменъ для казака въ его специально казачьемъ призваніи. Посмотрѣть, согласитесь, было интересно...

Еще дорогой судьба окунула меня въ самую гущу предмобилизационныхъ впечатлѣній. На ростовскомъ вокзалѣ въ ожиданіи моѣза сидѣла кучка пожилыхъ казаковъ. Я поздоровался съ ними.

— Откуда, господа старики?

Казаки оказались довѣренными одной изъ станицъ первого донского округа, захваченного мобилизацией. Пробирались они «на Саль», въ задонскую степь къ коннозаводчикамъ, чтобы присмотрѣть тамъ и, если найдется что-нибудь «мало-мало подходящее», купить для выступающихъ на войну второочередныхъ казаковъ нѣсколько десятковъ лошадей.

— Какъ же такъ, гг. старики? — полюбопытствовалъ я, — вѣдь идеть, слышно, вторая очередь?

— Вторая-то вторая, — махнулъ рукою одинъ изъ старииковъ, — да только слава въ ней одна, что вторая, а не хуже первой приходится доброй половинѣ коней за станичный счетъ справлять.

Этотъ фактъ сразу освѣтилъ мнѣ истинное положеніе вещей.

Призывалась вторая очередь, т. е. казачьи части, которая недавно только — годъ, два, три — вернулись изъ полковъ такъ называемой «полевой службы» и которая по теоретическимъ разсчетамъ, входящимъ, какъ предпосылка — и весьма существенная, — въ формулу благословляющихъ и возлагающихъ надежды, должны быть готовыми, всегда готовыми къ выступленію въ походъ. Слѣдить за оправданіемъ теоріи всегдашней готовности на практикѣ, — за цѣлостью и сохранностью «строевой» казачьей лошади, какъ главного условія этой «готовности», приставлена цѣлая уйма всячаго рода начальства, начиная съ хуторскихъ и кончая окружными атаманами. Съ этой цѣлью этимъ разнообразнымъ начальствомъ дѣлаются смотры, ревизіи; назначаются виезапные, въ самое неподходящее время, «сборы», «смотры»; ведется своеобразная, стройная, до мельчайшихъ подробностей разработанная лошадиная бухгалтерія — учетъ. «Строевая» лошадь, какъ и самъ казакъ, подробнѣйшимъ образомъ описана, зарегистрирована въ нѣсколькихъ спискахъ, «числится», «переводится», «замѣняется», «исключается». «Продать», «спустить», вообще «потерять» лошадь казаку, казалось бы, нѣть никакой возможности; наоборотъ, вся система при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ напоминаетъ ему объ этой лошади, о необходимости беречь ее «пуще своего глаза».

— Ты, чортова голова, опять надысь строевого запрягалъ?! — считаетъ своимъ непремѣнѣйшимъ долгомъ «намылить голову» атаманъ, встрѣтивъ провинившагося противъ «строевого» казака: — Чево тамъ: не! Я своими глазами видѣлъ, какъ ты на немъ съ

хлѣбомъ въ Калитву ъздилъ. Гляди, братъ!.. Увижу ишо разъ, прѣдѣть приставъ...

— Ну, что мнѣ съ вами, с... с..., дѣлать?—хватается за голову на смотрѣ приставъ:—загоняли, заѣздили коней! Въ холодную... На двое... на трое сутокъ!

Вся система, конечно, била на то, чтобы въ нужное, какъ, напримѣръ, теперь, время казакъ не остался безъ лошади, и главная казачья добродѣтель (ежесекундная готовность) не потерпѣла конфузъ. Если у второочередного «терялась» какимъ-нибудь образомъ лошадь, система обязывала его замѣнить ее (и какъ можно скорѣе) новой, купить эту новую, если не тотчасъ, то въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Такихъ замѣнныхъ «строевыхъ» казаки находили обыкновенно въ районѣ своей или ближайшихъ станицъ. Поѣздки же на Саль, къ коннозаводчикамъ, къ калмыкамъ практиковались при массовыхъ закупкахъ цѣлой станицей.

Если теперь, при слухахъ о мобилизации, конечно, достигшихъ и до казаковъ, казаки ъздили «на Саль» для массовой покупки лошадей цѣлой станицей, очевидно, съ готовностью дѣло обстояло не совсѣмъ благополучно. Невольно являлся вопросъ: для кого же эти лошади? Неужели всѣ эти списки, атаманы, приставы, смотры, завѣдующіе и т. д. «проморгали», и у второочередныхъ относительно «строевыхъ» не все въ порядкѣ, или, еще хуже, все въ беспорядкѣ?

Мобилизациѣ показала, что «порядка», дѣйствительно, не было. Недостатокъ строевыхъ лошадей у мобилизованныхъ второочередныхъ казаковъ былъ такъ великъ, что для покрытия его не хватило лошадей за Дономъ у коннозаводчиковъ, и нѣкоторыя станицы принуждены были покупать случайныхъ лошадей у себя дома по высокой цѣнѣ и при пониженныхъ требованіяхъ къ статьямъ лошадей. Впрочемъ, покупка и приемъ этихъ лошадей стоять того, чтобы о нихъ рассказать подробнѣе.

При подготовкѣ и провѣркѣ мобилизуемыхъ частей въ Екатерининской станицѣ (говорю со словъ казаковъ, хуторскихъ атамановъ, станичныхъ выборныхъ) оказалось, что у шестидесяти изъ ста семидесяти казаковъ, призванныхъ съ льготы въ полкъ, не было лошадей. И въ станичномъ правленіи, и на сходѣ стали думать—«какъ быть?», такъ какъ и сколь, и правленіе были частичками «системы», приставленной къ казаку и его «строевому», да, кромѣ того, еще и «отвѣчали» за неисправность мобилизуемыхъ. И сколь, и правленіе стали подыскивать, гдѣ бы можно было сразу, безъ хлопотъ, купить такое количество лошадей, чтобы «не возжаться», «не валандаться» долго, и, прежде всего, какъ водится, остановились на донскомъ частномъ коннозаводствѣ, куда и рѣшили послать «довѣренныхъ». Довѣренные бросились «за Донъ». А такъ какъ и въ другихъ станицахъ, вѣроятно, былъ не меньшій процентъ недостачи лошадей и такъ какъ и всѣ другія станицы погнали

своихъ довѣренныхъ туда же, то и оказалось, что «за Дономъ» нѣтъ потребнаго количества лошадей, чтобы покрыть усиленный спросъ на нихъ со стороны станицъ. Поэтому пришлось установить «очередь» между станицами при снабженіи ихъ лошадьми частнаго коннозаводства. При установлениі очереди руководились не нуждою той или иной станицы въ лошадяхъ,—всѣмъ нужно!—не трудностью отысканія ихъ, а просто хронологическимъ порядкомъ подачи заявленія.. Екатерининской станицѣ лошадей не хватило, и ея довѣренные вернулись «изъ за Дона» съ пустыми руками. А лошадей нужно было достать во что бы то ни стало.

— Хучь роди!—охарактеризовалъ трудное положеніе станицы въ данномъ случаѣ одинъ изъ разсказывавшихъ мнѣ про эти мытарства казаковъ, которому тоже приходилось на сходѣ «ломать голову» надъ этимъ вопросомъ.

Выходъ былъ одинъ,—стали покупать на мѣстѣ, въ станицѣ, приведенныхыхъ туда частными лицами лошадей.

— Такую калѣчъ вели,—у кого что есть,—говорили казаки:—глядѣть не на что, а брали... По сто десять, по сто двадцать платили.

Приходилось брать «что есть», а не то, что нужно было бы брать; выбирать было не изъ чего. При обнаружившейся вдругъ острой нуждѣ въ лошадяхъ сначала въ округѣ и въ комиссии, принимавшей лошадей за Дономъ, а потомъ и въ станицѣ требованія къ статьямъ строевой лошади были понижены до *minimum* на томъ основаніи, что лошади предназначались для казаковъ второй очереди, а не первой. Основаніе было подведено впопыхахъ, «на живую руку», «для отвода глазъ», такъ какъ и въ округѣ, и за Дономъ, и въ станицѣ знали превосходно, что казакъ самъ по себѣ, какой бы очереди онъ ни былъ, не въ состояніи замѣнить силу, выносливость и быстроту строевого коня, что въ этихъ качествахъ лошади заключается одно изъ главныхъ условій исправности казачьей части, что на войнѣ «второочередному» придется быть въ тѣхъ же передѣлкахъ, подвергаться той же опасности развѣдочной службы, что и «первоочередному». Основаніе было подведено заднимъ числомъ,—главное основаніе и у комиссии Екатерининской станицы, и у всѣхъ другихъ комиссій, принимавшихъ лошадей съ закрытыми глазами—«какія ужъ есть»—было одно:

— На нѣтъ и суда нѣтъ!

Какаки, знающіе толкъ въ лошадяхъ, пріученные къ тому же длиннымъ рядомъ лѣтъ горькаго опыта къ щепетильному, придирчивому отношенію комиссій разнаго рода къ строевому коню, отказывались всѣми силами отъ лошадей, купленныхъ комиссией Екатерининской станицы.

— Ваше высокоблагородіе! На што она мнѣ? Куды я на ней уѣду?!

— Бери.

— Да вѣдь она на шкуру разя, и то не годится!?

— Бери!..

— Ваше высокоблагородіе?!

— Бери, тебѣ говорять...

Я смягчаю этотъ діалогъ и опускаю энергичнѣйшія выраженія, которыми подкрѣплялось это «бери».

— Что-же ты станешь дѣлать?—говорили мнѣ казаки:—брали. А послѣ платить за нее, черта, придется.

Платить, дѣйствительно, придется.

Лошади куплены на станичные деньги, и станичное правленіе при покупкѣ еще разсчитывало частью покрыть этотъ расходъ на счетъ «сторублеваго пособія», о выдачѣ котораго второочереднымъ, выступавшимъ въ походѣ казакамъ къ тому времени уже получилось извѣщеніе, частью записать въ графѣ «дебиторовъ» станицы. Теперь, благодаря распоряженію войсковой администраціи, запрещавшему засчитывать «сторублевое пособіе» за какіе бы то ни было долги, станицѣ пришлось снести всю сумму на счетъ долгосрочного долга, который будеть покрыть послѣ войны вернувшимися изъ похода или ихъ родными. А сумма долга станицѣ на нѣкоторыхъ изъ ушедшихъ въ походѣ казаковъ достигла весьма внушительной цифры, такъ какъ кое-кому пришлось и перемѣнить купленную станицей лошадь; изъ шестидесяти лошадей, выбранныхъ екатерининской комиссіей, состоявшей изъ станичнаго атамана, довѣренныхъ и ветеринарнаго фельдшера, впослѣдствіи, при болѣе тщательномъ осмотрѣ, три—четыре лошади были отставлены «люсбоямъ», три лошади—по малому росту и одна—по слѣпотѣ.

Мнѣ передавали, что на хуторѣ Романовомъ казакъ К. долженъ быть перемѣнить двѣ лошади. Первая оказалась негодною по росту, вторая по слѣпотѣ. Чѣмъ расплатится К. за свой долгъ станицѣ, когда вернется домой, или его родные, когда онъ не вернется,—я не представляю себѣ ясно, такъ какъ знаю, что семья его не обладаетъ и средней зажиточностью и не имѣть сейчасъ ни одного взрослого рабочаго мужчины. Старшій ушелъ на войну, второго брата въ прошломъ только году «справили», проводили въ полкъ,—дома остались старуха-мать, жена старшаго сына съ двумя дѣтьми, двѣ дѣвушки и парень-подростокъ на обезсиленномъ и расшатанномъ этиими двумя «справами» хозяйствѣ.

— Михайловнѣ бѣдной (матери) туда приходится,—отзывались объ этой семье въ одинъ голосъ и хуторяне, и одностаничники. И такихъ, какъ «Михайловна», по области, послѣ ряда мобилизацій, захватившихъ все взрослое населеніе отъ 24 до 33 лѣтъ, не одна тысяча, а, можетъ быть, и не одинъ десятокъ тысячъ...

II.

Недостатокъ строевыхъ лошадей, такъ ярко сказавшійся при мобилизациі второй очереди, мобилизациі не внезапной, а подготовленной заранѣе, чуть не за $1\frac{1}{2}$ —2 мѣсяца объявленной по станицамъ, когда мысль о скорѣйшей покупкѣ «утерянной» строевой лошади сама собою вставала передъ казакомъ и внѣдрялась чуть не ежедневными смотрами, вызовами, предписаніями, приказами и прочими проявленіями громадной, опекающей эту лошадь, административной машины, и когда все же сразу «до зарѣзу» понадобилась уйма лошадей, недостатокъ этотъ — хронический недугъ на Дону, тяжело отзывающійся и на казачьемъ, и на войсковомъ хозяйствѣ. Чтобы яснѣе охарактеризовать этотъ недугъ, съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе подтасчивающей благосостояніе казака, да и приспособленной къ лошади административной машинѣ доставляющей немало горькихъ и тяжелыхъ минутъ, необходимо хотя бѣгло остановиться на дѣятельности тѣхъ организаций, какія существуютъ сейчасъ въ войскѣ Донскомъ для приготовленія строевой казачьей лошади.

Для этой цѣли я воспользуюсь данными, представляемыми брошюрою капитана Медвѣдева («Служба Донского войска въ связи съ его экономическимъ положеніемъ» М. 99 г.), дѣлающаго сводку дѣятельности этихъ организаций: донского частнаго и калмыцкаго коннозаводства, Провальскаго войскового конскаго завода и станичныхъ конноплодовыхъ табуновъ.

Въ основу организаций для приготовленія «строевыхъ» положить стройный планъ. По первоначальному расчету должно было выходить такъ: въ задонской степи изъ войсковыхъ земель отводились желающимъ заниматься коневодствомъ въ широкихъ размѣрахъ участки земли. Коннозаводчики обязывались платить въ войсковой капиталъ по 3 копѣйки въ годъ арендной платы съ десятинъ и поставлять (всѣ вмѣстѣ) до 100 жеребчиковъ-производителей. Для выдержки этихъ жеребчиковъ и для самостоятельного приготовленія производителей и хорошихъ лошадей верхового сорта былъ основанъ войсковой провальскій конный заводъ, который долженъ былъ снабжать жеребцами-производителями казачьи станицы. Каждая станица обязывалась завести собственный конноплодовый табунъ, въ который матокъ должны поставлять казаки, а жеребцовъ присыпалъ войсковой заводъ. Землю для табуна должна отдавать станица изъ общаго юрта, на станичный же счетъ относится содержаніе и уходъ за жеребцами, наемъ стражи, лѣчебныхъ пунктовъ и т. п. По расчету должно было выходить, что казачье населеніе будетъ имѣть большой запасъ хорошихъ верховыхъ лошадей для службы, возвращенныхъ дома-

безъ усилий и напряженія хозяйства. На дѣлѣ получилось совсѣмъ другое.

Во временномъ пользованіи донского частнаго и калмыцкаго коннозаводства находятся 951,806 десятинъ земли, съ платою аренды войску 3 коп. въ годъ за десятину и съ обязательствомъ содержать определенное количество лошадей на каждомъ участкѣ зимовникѣ (2400 десятинъ). «По свѣдѣніямъ, взятымъ изъ привозъ по кавалеріи, за пять лѣтъ съ 1893 по 1897 г. включительно донскія лошади (поставленныя донскими коннозаводчиками), поступившія въ ремонтъ армейской кавалеріи, составляли слѣдующій процентъ всѣхъ потребныхъ лошадей:»

Въ 1893 году	69,4%
» 1894 "	65,5
» 1895 "	54,5
» 1896 "	62,1
» 1897 "	57,5

т. е. въ среднемъ около 60% всѣхъ принятыхъ за означенный періодъ въ армейскую кавалерію лошадей» («Служба дон. в.» стр. 64). Огношеніе же частнаго и калмыцкаго коннозаводства къ Области Войска Донского ограничивалось и ограничивается платою 3 коп. съ десятины годовой аренды и поставкою около 100 (93 въ 1897 г.) жеребчиковъ въ Провальскій войсковой конскій заводъ. Принося войску по самой скромной расценкѣ до двухъ милл. рублей убытка ежегодно *). донское коннозаводство поставляетъ для казаковъ получающіяся послѣ приема кавалерійскаго ремонта остатокъ лошадей по цѣнѣ отъ 110—120 до 150 и выше рублей за лошадь. Какого качества эти лошади-«остатокъ» можно судить по слѣдующему факту, приводимому г. Медвѣдевымъ (ib. стр. 35). Въ 1898 г. въ одномъ изъ сѣверныхъ округовъ области нужно было приобрѣсти немного болѣе сотни строевыхъ лошадей для молодыхъ казаковъ, назначенныхъ въ гвардейскіе казачьи полки. Когда приобрѣтенные на мѣстѣ въ станицахъ лошади были въ большинствѣ забракованы (принята едва десятая часть), станицамъ было приказано приобрѣсти лошадей «за Дономъ» у частныхъ донскихъ коннозаводчиковъ. Ёздили изъ многихъ станицъ атаманы, изъ другихъ «довѣренные отъ станицы», искали годныхъ лошадей «по Салу и за Саломъ», по выражению г. Медвѣдева, т. е. исчертили Задонскую степь вдоль и поперекъ и, не найдя тамъ ничего подходящаго по сорту и цѣнѣ, возвратились «ни съ чѣмъ». «Не найдя такимъ образомъ годныхъ для гвардейской службы лошадей

*) «Совершенно одинаковая земля, которая по одну сторону рѣки Егорлыка, въ Задонской степи, отдается донскимъ частнымъ коневодамъ за 3 коп., по другую сторону въ Ставропольской губерніи арендуетя по 6 руб. за десятину подъ распашку и по 3 руб. за выпасъ» (Воен. сборн., 1895 г. № 5, стр. 101).

въ войскѣ Донскомъ, окружное правленіе отправило одного изъ военныхъ приставовъ за Волгу искать лошадей у заволжскихъ калмыковъ въ Астраханской губерніи».

Провальскій войсковой конскій заводъ, открытый въ 1844 г. въ связи съ организацией станичныхъ конно-плодовыхъ табуновъ, имѣть цѣлью снабженіе этихъ табуновъ жеребцами-производителями, имѣющими развить и улучшить породу казачьихъ лошадей. Заводъ этотъ поглощаетъ немало войсковыхъ денегъ. По вычислению г. Медвѣдева, «въ 1897 г. войско истратило на Провальскій заводъ 46,543 руб. изъ войсковыхъ суммъ. Кроме того, въ распоряженіи завода состоитъ участокъ войсковой земли, изъ которой удобной 20,901 дес. Считая послѣднюю по 2 руб. аренды въ годъ (цифра больше, чѣмъ скромная!), этимъ путемъ получается затрата около 42,000 руб. Всего, слѣдовательно, заводъ обошелся войску около 88,000 руб. въ годъ». Цифру эту симѣло можно увеличить до 100—120 тысячъ руб., принимая во вниманіе низкую опѣнку арендной платы, допущенную г. Медвѣдевымъ. «Продуктивность же завода для войска Донского выразилась сотнею жеребчиковъ, выданныхъ въ станичные конно-плодовые табуны», изъ которыхъ часть жеребчиковъ была принята отъ донскихъ коннозаводчиковъ (въ 1897—1903 гг.) и только выдержана на заводѣ. Каждый такой переходящий черезъ Провальскій заводъ жеребчикъ, по вычисленію г. Медвѣдева, «обходится не дешевле 18,000 руб.» «За такую цѣну, замѣчаетъ г. Медвѣдевъ, казалось бы, можно приобрѣтать производителей прямо изъ Аравіи или изъ Англіи и, конечно, за время существованія донского частнаго коннозаводства съ начала нынѣшняго (XIX) столѣтія теперь можно бы имѣть тысячи чистокровныхъ арабовъ или англичанъ для развитія и улучшенія коннозаводства на Дону» (ib. стр. 64). Производители же, выпускаемые Провальскимъ заводомъ въ станичные конноплодовые табуны, въ послѣднія 15—20 лѣтъ настолько неудовлетворительны, что «сами едва выходятъ въ мѣру, требуемую въ армейскіе казачьи полки; приплодки же ихъ узаконенного роста и сложенія достигаютъ въ рѣдкихъ экземплярахъ и большинство ихъ не годится даже въ армейскіе казачьи полки» (ib. стр. 55). Поставка же Провальскимъ заводомъ собственно строевой лошади для казаковъ выражается прямо ничтожной цифрой (въ 97 г.—30 жеребчиковъ и кобылокъ, проданныхъ изъ заводскаго приплода, да 24 кобылы, уступленныхъ изъ брака «коренного основанія» казакамъ и офицерамъ).

Относительно роли станичныхъ конно-плодовыхъ табуновъ въ дѣлѣ приготовленія строевой казачьей лошади говорить много не приходится. Какова яблонька, таковы и яблочки. Ежегодная ма-ята населенія съ добываніемъ «строевыхъ», поездки за Донъ, на Самъ, за Волгу, волги и ругань приставовъ, атамановъ, какъ нельзя лучше показываютъ, что съ станичными табунами «хуже некуда».

Такимъ образомъ, несмотря на кажущееся обилие конскихъ заводовъ и лошадей на Дону, въ концѣ концовъ создалось положеніе, при которомъ казаку приходится тщательнѣйшимъ образомъ обшаривать округу верстъ въ двѣсти радиусомъ, чтобы «добыть» строевую лошадь:

— Не завалилась ли гдѣ лошаденка, подходящая чтобы...

А между тѣмъ, прежде чѣмъ кончить поисками этой «подходящей», казакъ несетъ массу затратъ, уходящихъ неизвѣстно куда и на что.

— Какъ въ прорву бросаемъ,—ничего нѣтъ!—отзываются казакъ объ этихъ затратахъ, предназначающихся въ теоріи на поддержание одного изъ винтовъ той стройной на видъ, предусматривающей малѣйшія мелочи организаціи, которая приспособлена къ приготовленію «строевого».

Не говоря о миллионныхъ убыткахъ, которые ежегодно несетъ войсковая казна, и населеніе, въ свою очередь, не мало теряетъ непосредственно отъ этой организаціи. Станичные конно-плодовые табуны, вѣнецъ заботъ административной опеки надъ «строевымъ», къ которымъ сводится, собственно, вся система приготовленія этого «строевого», поддерживаются всесѣло на счетъ казачьяго населенія. Для попаса станичного табуна въ каждой изъ станицъ изъ юртовой земли отводится опредѣленное количество обыкновенно лучшей земли по расчету 10—12 десятинъ на каждую матку табуна. При наличности въ станичныхъ табунахъ болѣе 20 тысячъ матокъ (въ 1897—21,195 головъ) «табунный отводъ» поглощаетъ свыше 200 тысячъ десятинъ юртовой станичной земли, оторванныхъ прямо «отъ живого тѣла», отъ той «плевой» земли, которую исключительно живетъ казакъ, которою одною онъ покрываетъ всѣ свои нужды. Отмежевывая подъ бесплодные, въ концѣ концовъ, «табунные отводы» чуть ли не лучшую землю, станицы урѣзываютъ другія земельные статьи и болѣе всего «толоку»—«выгонъ», все болѣе и болѣе сжимая ее, доведя уже въ большинствѣ случаевъ до 1/6 десятины на каждую голову скота, считая и овецъ.

Содержаніе табуна ложится всесѣло на населеніе. Жалованіе смотрителю, фельдшерамъ, стражѣ табуна, содержаніе жеребцовъ, конюшни, больницы и другіе расходы падаютъ на казаковъ, неспособныхъ къ строевой службѣ, но способныхъ къ труду, въ размѣрѣ 150 руб. за десять лѣтъ. Стража при табунѣ отбывается первоочередными казаками за службу въ полку и въ теченіе такого же срока, какъ въ полку.

Въ Хоперскій окружной комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности былъ представленъ по этому вопросу до-кладъ члена комитета В. Я. Бирюкова, который даетъ слѣдующія данные:

«Существующая теперь организація станичного коневодства требуетъ обязательной поставки матокъ и обязательного формиро-

валія конно-плодовыхъ табуновъ и вызываетъ со стороны станичныхъ обществъ громадныя денежныя и натуральныя затраты. Такъ, напримѣръ, въ Хоперскомъ округѣ подъ почасъ табуновъ отведено самой лучшей земли въ 1900 г. 35,924 десятины; арендная стоимость этой земли, принимая среднія существующія по станицамъ цѣны на нее (отъ 1 р. 50 к. въ станицѣ Акишевской и до 6 р. въ станицѣ Михайловской) составить сумму въ 134,715 р. въ годъ; денежные расходы на содержаніе и ремонтъ конюшень съ ихъ принадлежностями, содержаніе табунной стражи, расходы на медикаменты и проч. производятся ежегодно на сумму 35,688 руб. (среднее за 4 года съ 1894—1897 г.), а въ 1901 г. 26,617 р. 20 к. Зимнее продовольствіе жеребцовъ, считая обыкновенную полковую дачу, обойдется въ 60 руб. каждаго, а всѣхъ 309 жеребцовъ 18,540 руб. Такимъ образомъ, содержаніе конно-плодовыхъ табуновъ станичнымъ обществамъ Хоперского округа обходится въ 188,943 р., и на каждую казачью семью расходъ этотъ будетъ равенъ 7 р. 10 к.».

Самое составленіе табуна является ежегодной и для многихъ далеко не легкой повинностью. Опека добилась того, что «благодѣтельная мѣра» превратилась въ сплошную муку, заставляющую станицу ревѣть бѣлугой и употреблять массу ума и изворотливости, чтобы какъ-нибудь обойти эту повинность. Каждый строевой казакъ обязанъ (въ теоріи) поставить для табуна матку. Но такъ какъ число производителей, поставляемыхъ Цровальскимъ заводомъ, обычно не хватаетъ для такого количества матокъ, то устновился порядокъ, при которомъ одну матку приходится поставлять группѣ казаковъ изъ 4—5 человѣкъ. На такія группы и разбивается вся станица. Вѣдь разбивкой станичный сходъ. При такой разбивкѣ строго наблюдается, чтобы въ составъ каждой изъ группъ входилъ зажиточный казакъ, имѣющій лишнихъ лошадей и могущій поэтому поставить отъ лица всей группы матку въ табунъ. Остальные участники группы платить ему за эту поставку отъ 1 до 2 руб. въ годъ, такъ сказать, изъ благодарности за избавленіе ихъ отъ горькой необходимости «валандаться» съ табуномъ. Бываютъ нерѣдко случаи, что вся группа арендуетъ матку у кого-нибудь на сторонѣ, иногда (и чаще всего) у иногородныхъ, т. е. лицъ не войскового сословія, за цѣну въ 10—15 рублей плюсъ могущій быть приплодъ, и «записывается» ее въ табунъ отъ лица кого-либо изъ группы.

Во 2-омъ Донскомъ округѣ (ст. Пятиизбанская, напримѣръ) существуетъ другой типъ раскладки «кобыльей повинности». Казаки разбиваются «ходомъ по «достатку». Сначала «6-ти парные» (т. е. имѣющіе 6 паръ воловъ), потомъ 5-ти, 4-хъ, 3-хъ и двухпарные Ихъ и обязываются сборъ поставить матокъ. Такъ какъ хозяевъ, имѣющихъ отъ 4-хъ до 6-ти паръ воловъ, всего $\frac{2}{5}$ общаго количества обязанныхъ, то главная тяжесть поставки $\frac{3}{5}$ падаетъ на

З-хъ парныхъ хозяйства. «Трехпарному» эта поставка—подрывъ хозяйства, такъ какъ, если онъ не сумѣеть заарендуовать матку у кого либо, то долженъ продать 3-ю пару быковъ, ибо въ табунѣ требуется матка извѣстнаго (верхового) сорта, съ строго опредѣленными статьями, стоющая отъ 80 до 100 руб. Иначе матка будеть забракована и придется всетаки покупать другую. А разъ онъ лишится 3-ей пары воловъ, онъ переходитъ въ разрядъ уже маломочныхъ хозяевъ. Если же очередь на поставку падеть на двухпарного, ему прямо раззоръ, такъ какъ продажа 2-ой пары воловъ влечеть за собой невозможность самому обработать свой пай, запасти кормъ для скота и т. д. вплоть до продажи и одной пары быковъ и сдачи всего пая въ аренду.

Въ цитированномъ выше докладѣ В. Я. Бирюковъ говорить: «Обязательная поставка въ табунѣ матокъ извѣстнаго опредѣленнаго сорта обратилась теперь въ очень тяжелую повинность, ежегодно распредѣляемую станичнымъ сборомъ среди своихъ гражданъ. И какъ для приобрѣтенія строевого коня многимъ домохозяевамъ приходится продавать рабочую скотину, такъ и для поставки матки обязанный нерѣдко прибѣгаеть къ продажѣ рабочей скотины, и, лишась въ маткѣ рабочей силы, самъ терпитъ большой недостатокъ въ ней. Нѣкоторые обязанные нанимаютъ (арендуютъ) матку въ сосѣднихъ станицахъ или у иногородныхъ. Въ Хоперскомъ округѣ были случаи, когда группа казаковъ, не найдя матки, которую можно было бы заарендуовать, покупали ее, а осенью, бывало, принуждены съ убыгкомъ для себя продавать, такъ какъ никто изъ участниковъ группы не хотѣлъ брать ее на зиму—нечѣмъ было кормить».

Изъ этого можно уже видѣть, насколько отвѣчаетъ потребности населенія «благодѣтельная мѣра», введенная «для поднятія качествъ донской верховой лошади», и съ какой охотой отзыается населеніе на эту мѣру.

— Абы отдвѣтиться!..—такъ смотрить на свою повинность казакъ, такъ смотрить и сходъ, и станичный атаманъ, и военный приставъ, до самаго послѣдняго времени вѣдавшій табунное дѣло.

И это понятно. Цифры, приведенные г. Бирюковымъ по Хоперскому округу, какъ нельзя лучше объясняютъ это «абы отдвѣтиться».

Согласно даннымъ конской переписи 1901 г., кобылицъ у казаковъ Хоперского округа было 19,665; изъ нихъ входящихъ въ комплектъ конно-плодовыkhъ табуновъ 3,626 или 18,4%, общаго числа матокъ. А между тѣмъ, «при теперешнемъ обѣднѣніи казаковъ, когда 56% ихъ не имѣть достаточнаго количества рабочаго скота для обработки земли, обязательное отвлечение отъ хозяйства 3,626 матокъ на все лѣтнее рабочее время наносить весьма существенный ущербъ казачьему хозяйству».

И вотъ охаетъ во всѣхъ станицахъ населеніе за исключеніемъ

иебольшой кучки богатыхъ казаковъ, которымъ выгодны конно-плодовые табуны, охаетъ ближайшее начальство, охаетъ сходъ; всмъ «табунъ въ холку вѣлся».

И мнѣ по поводу табуновъ пришлось слышать такія рѣчи отъ одного изъ станичныхъ атамановъ:

— Если не уничтожать табуновъ,—ей Богу, казаки года черезъ два забунтуютъ!.. Мочи нѣть ужъ...

Пока же всетаки станичные конно-плодовые табуны существуютъ и будуть существовать «впредь до особаго на сей предметъ распоряженія».

А казакъ, между тѣмъ, при выступлениі на службу мечется по Дону, какъ угорѣлый, шарить за Дономъ, плетется за Волгу въ поискахъ «хоть чего-нибудь, мало-мало подходящаго», такъ какъ хорошо знаетъ, что, несмотря на его полнѣйшую невиновность въ «никудышныхъ» результатахъ «благодѣтельной мѣры», признанную во всѣхъ инстанціяхъ, приставленныхъ слѣдить за его «готовностью», его не погладить по головкѣ за неимѣніе этого «подходящаго».

— Эхъ, васуетились теперь казачонки, зашинырали по Дону, какъ стрижи,—охарактеризовалъ предмобилизационное время на Дону одинъ мой знакомый «киногородній» торговецъ:—Косачокъ коней теперь подходящихъ пригнать было хорошо бы... Хорошую лошадь сейчасъ, подходящую ежели, только дай, съ руками оторвутъ.

Именно сейчасъ, при отсутствіи годныхъ для строя лошадей «за Дономъ» у конно- заводчиковъ, при прогрессирующемъ вырожденіи «доморослыхъ» лошадей и при повышенныхъ требованіяхъ со стороны приемныхъ комиссій (мѣра, статьи, масть), казакъ поставленъ въ необходимость «съ руками оторвать» у продавца «подходящую» лошадь.

Мнѣ пришлось въ хуторѣ Крымскомъ, Кочетовской станицы, разговаривать со старикомъ-казакомъ, вѣдившимъ съ станичнымъ атаманомъ за лошадьми «за Донъ». Старикъ привѣлъ оттуда хорошаго строевого коня для сына, которого онъ будетъ отправлять въ полкъ еще только въ будущемъ году. Онъ получилъ лошадь, кажется, изъ общаго косака, предназначавшагося для дѣлежа между станицами, получилъ, благодаря близости къ станичному атаману.—Друзья мы...—не разъ объяснялъ онъ. Вскорѣ послѣ приѣзда изъ-за Дона станичный атаманъ смѣнился, такъ какъ подлежалъ призыву въ полкъ, и станичное правленіе потребовало у старика, чтобы онъ передалъ приведенную имъ лошадь кому-то изъ призванныхъ второочередныхъ казаковъ. Старикъ уперся и не давалъ.

— Три раза присыпали,—рассказывалъ онъ:—да хучь бы ишо три прислали, такъ все одно. Сказалъ: не дамъ!—и не дамъ. Откажу лучше... Имъ отдай, а послѣ, вывали языки, и мечись, какъ

угорѣлый, пока тамъ ишо нападешь... Это конь добрый.—Видѣли?— повернулся онъ къ конюшиѣ, гдѣ стояла юшадь, предметъ спора:— съ этимъ конемъ я въ какой хощь комиссію пройду... А то ~~ни~~ дурака нашли!

— Не отдавай! Отсидѣть, знамо, лучше,—подтверждалъ въ одинъ голосъ собесѣдники-казаки, которымъ до тонкости были извѣстны всѣ перипетія «прохода» черезъ комиссію:—отдашь,— наплачешься!

— Ну дураковъ то теперь тожа...—съ непоколебимой увѣренностью въ себѣ, въ томъ, что у него хватить и ума, и характера «не отдать»,—закончилъ старикъ.

III.

И первая, и всѣ послѣдующія мобилизаціи, при которыхъ въ строй ушло свыше 30 тысячъ человѣкъ, наиболѣе молодыхъ и работоспособныхъ казаковъ въ возрастѣ отъ 24-хъ до 33-хъ лѣтъ, въ конецъ расшатали казачье хозяйство, уже къ моменту первой мобилизаціи сильно расшатанное и подорванное. Мобилизаціи обострили и усилили тотъ процессъ обѣднѣнія казаковъ, который замѣчался на Дону уже давно.

Въ настоящее время экономическое положеніе Дона представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ большинствѣ станицъ наблюдается все прогрессирующее малоземелье, которое въ иѣкоторыхъ станицахъ приняло уже острую форму; напр., въ Екатерининской станицѣ на Донцѣ (1-го Донского округа) количество пашотной земли на казачий пай (надѣль) дошло до $5\frac{1}{2}$ —6 десятинъ, въ Екатерининской станицѣ на Медвѣдицѣ—до 5 дес., въ Шагізбянской станицѣ—до 4 десятинъ. Въ среднемъ казачий пай по области спустился до 12 съ дробью десятинъ. А въ одной трети станицъ до 9 и даже до 8 десятинъ. Чтобы оставить эти цифры, я приведу маленькую историческую справку. Въ 1835 году государственнымъ совѣтомъ нормальный казачий пай былъ опредѣленъ въ 30 десятинъ. Было высчитано, что только при такомъ количествѣ земли казаки смогутъ безъ ущерба для себя нести воинскую повинность при собственномъ снаряженіи. Въ 60-хъ годахъ «нормальный пай» тѣмъ же государственнымъ совѣтомъ былъ опредѣленъ уже въ 20 десятинъ, а въ 1904 году «нормальный размѣръ» пая былъ опредѣленъ такъ: все количество юртовой (станичной) и войсковой земли было раздѣлено на число душъ мужскаго пола казачьяго населенія и полученнное частное въ 12 съ дробью десятинъ санкционировано, какъ «нормальный пай». Малоземелье и сокращеніе паевъ, кромѣ естественного пути въ силу прироста населенія, создается на Дону еще и искусственнымъ путемъ—отрѣзками изъ общаго юртowego довольствія участ-

твъ - «отводовъ» подъ конно-плодовые табуны и подъ арендныя статьи въ пользу станичнаго капитала. Я останавливался выше на конноплодовыхъ табунахъ, теперь же скажу нѣсколько словъ о вымѣнѣ арендныхъ станичныхъ участковъ на сокращеніе казачьяго надѣла—пая.

До 1843 года казачьи станицы пользовались правомъ безпошлини-аго винокуренія и виноторговли и были освобождены отъ всякихъ государственныхъ и земскихъ сборовъ. Съ 1843 года въ Донской области была введена откупная система, весь доходъ съ которой сталъ поступать въ пользу войска, станицамъ же выдавалось вознагражденіе за отнятое у нихъ право безпошлиниаго винокуренія и торговли виномъ—по 50 съ лишнимъ копѣекъ на каждую душу мужскаго пола.

Съ 1863 г., послѣ введенія акцизной системы, войско стало получать въ возмѣщеніе убытоковъ по 1,239 тысячъ рублей ежегодно съ компенсаціей убытоковъ станицъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и при откупной системѣ. Но съ 1870 г. въ станичные капиталы не поступало уже ничего. При увеличившихся же расходахъ станичныхъ обществъ (жалованіе станичной администраціи, школы, снаряженіе неимущихъ казаковъ на службу и др.) станичные капиталы, образовавшіеся главнымъ образомъ при пользованіи правомъ безпошлиниаго винокуренія и продажи вина и при компенсації лишенія этого права до 70-хъ годовъ, быстро растаяли. Особенно чувствительный ударъ станичнымъ капиталамъ былъ нанесенъ введеніемъ казенной винной монополіи, отнявшей у станичныхъ обществъ право отдачи въ аренду питейныхъ заведеній. Расходы станичныхъ обществъ возрастили, главные питательные капиталы станичныхъ капиталовъ изсякли.

Пришлось «изворачиваться» при помощи земли, отрывая отъ паевой или запасной станичной земли изрядные куски для сдачи въ аренду. Въ послѣдніе годы аренда этихъ «общественныхъ отводовъ»—чуть ли не единственный крупный источникъ, питающій худосочные станичные капиталы большинства Донскихъ станицъ. Малоземельемъ особенно страдаютъ сѣверные округа Дона, Хоперскій, Усть-Медвѣдицкій, 2-й Донской и 1-й Донской въ части его, лежащей по течению Донца. Пользуясь трудами хоперского комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (1902 г.), я приведу нѣсколько данныхъ по Хоперскому округу.

«Въ первомъ собраниѣ комитета, послѣ открытія его дѣйствій, читаемъ въ сводѣ заключеній комитета, присутствовавшіе представители станичныхъ (до 30 чел.) и сельскихъ (10 чел.) обществъ сразу заявили, что самая главная нужда ихъ сельско-хозяйственнаго быта, требующая безотложнаго обсужденія и рѣшенія, есть малоземелье, какъ у казаковъ, такъ и особенно у крестьянъ, и что всѣ прочие недостатки и нужды казачьяго и крестьянскаго хозяйства не могутъ быть удовлетворительно разрѣшены, пока не бу-

деть порѣшить этотъ насущный для нихъ вопросъ. И только послѣ разъясненій предсѣдателя комитета о внесеніи этого дополнительнаго къ программѣ вопроса по постановленію предварительной комиссіи и по прочтеніи разрѣшительныхъ бумагъ, станичные и сельскіе представители успокоились и перешли къ слушанію первой группы вопросовъ по программѣ особаго совѣщенія».

Это заявленіе протокола комитета очень характерно. Казачы и крестьянскіе представители «успокаиваются» и «переходятъ къ слушанію» вопросы программы не раньше, чѣмъ имъ было разъяснено, что вопросъ о малоземельи внесенъ и были прочитаны «разрѣшительныя бумаги». Пожалуй, безъ этого они не успокоились бы и не захотѣли бы вовсе разговаривать о «пустякахъ».

Въ томъ же комитетѣ для характеристики казачьяго малоземелья прочитанъ былъ приговоръ Павловскаго станичнаго сбора (отъ 15 ноября 1902 г. за № 181). Выписываю изъ него наиболѣе существенные пункты:

«Сборъ удостовѣряетъ, что нынѣ въ этой станицѣ паевой земли на казака приходится 10 дес., изъ которыхъ 4 десятины подъ тодкой или выгономъ, и 6 десятинъ пахотной. Но съ будущаго 1903 года не достанется павловскому казаку и такого количества земли, какъ теперь, потому что предстоитъ передѣлъ юрта, а выросткамъ или молодымъ казакамъ въ послѣдніе три года выгонной земли не отводили, давая одну полевую—стѣдовательно, средній надѣль (послѣ передѣла юрта) будетъ ниже 10 десятинъ... Въ Павловской станицѣ мало земли, мало и луговъ».

«Скотины у казаковъ мало», потому что не выгодно заниматься скотоводствомъ. Для занятія скотоводствомъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ «землю приходится арендовать на сторонѣ за 2%, 30 и даже 50 верстъ, отъ 5 до 8 рублей за десятину», «остается возможность держать лишь рабочую скотину да строевого коня». Но и «рабочей скотины» у казаковъ фактически уже нѣть.

«По мѣстнымъ условіямъ для успѣшнаго веденія земледѣльческаго хозяйства на казачьемъ надѣльѣ въ Донской области необходимо имѣть полный плугъ быковъ или лошадей, т. е. не менѣе трехъ паръ воловъ или 4 лошадей». А «къ 1-му января 1898 года на каждое хозяйство (изъ 5 душъ обоего пола) приходилось менѣе 1 пары воловъ и только одна лошадь» (Медвѣдевъ «Служба Донскаго войска» стр. 68), да и та въ большей части не рабочая, а строевая, которую необходимо беречь для службы.

«Станица бѣдиѣтъ,—продолжаетъ приговоръ Павловской станицы,—и считаетъ свой юртъ самымъ малоземельнымъ». «Большинство станичныхъ представителей, говорить дальше протоколъ комитета, подтверждаютъ, что и у нихъ въ станицахъ такая же нужда въ землѣ, въ лугахъ и въ пастбищахъ и такая же ску-

дость въ доходныхъ источникахъ или выгодныхъ заработкахъ, какъ въ Павловцевъ» (Сводь заключеній)..

И то же самое, съ маленькими вариаціями, по всему верхнему Дону. Мнѣ пришлось въ Донецкомъ округѣ, именно въ хutorѣ Рыгинѣ, Каменской станицы, натолкнуться даже на вопросъ о передѣлѣ земли. Вопросъ этотъ задалъ казакъ, стариkъ лѣтъ 60 съ лишнимъ, и задалъ отъ лица цѣлой группы казаковъ, присутствовавшихъ при этомъ.

— А о чёмъ наши казаки хотѣли бы спросить васъ, ваше благородие?!—началь свою рѣчъ стариkъ.

И надо было видѣть, съ какимъ жаднымъ интересомъ и напряженіемъ вниманіемъ прислушивались казаки къ отвѣту.

«Низовья» станицы (расположенные по нижнему течению рѣки Дона) находятся въ лучшихъ условіяхъ. Земли у нихъ больше; напр., въ Старочеркасской станицѣ на пай приходится земли 12 десятинъ, въ Хомутовской дѣловой-пахотной 15 дес., въ Кагавницкой паевой 33 дес. «Земля здѣсь лучше, меньше выпахана, зимы короче и мягче». А главное «въ этихъ станицахъ сохранился рыбный промыселъ, въ изѣдрахъ ихъ каменный уголь, виноградники ихъ доходны, тамъ и первоклассные хлѣбные порты, тамъ и дешевое водяное сообщеніе по р. Дону» (Сводь заключеній). Показателемъ ихъ большого земельного богатства служить тотъ фактъ, что въ низовыхъ станицахъ (въ большинствѣ) существуетъ нигдѣ не встрѣчающійся вверху Дона порядокъ снаряженія казаковъ на службу: всѣ казаки, достигшіе 21 г., при выходѣ въ полкъ снаряжаются инвентаремъ, кромѣ лошади,—на счетъ капитала, образующагося отъ сдачи въ аренду $\frac{1}{3}$ части пая каждого изъ малолѣтковъ.

«Малолѣтки» получаютъ пай 18 лѣтъ. Значить, въ періодъ времени отъ 18 до 21 г., т. е. въ 3 года $\frac{1}{3}$, часть пая успѣваетъ принести отъ 120 до 150 р.

Повинности, лежащія на казакахъ, которыхъ считаютъ и которые сами привыкли считать себя «вольными», велики. Хопецкому комитету былъ представленъ цѣлый рядъ приговоровъ станичныхъ обществъ, въ которыхъ исчисляются эти повинности, военная и натуральная, въ переводѣ на деньги. Выписыvаю изъ протокола вечерняго засѣданія 19-го ноября.

«Представитель Арженовскаго станичного общества урядникъ Саломатинъ передалъ лично предсѣдателю собственноручную записку о размѣрѣ денежныхъ и натуральныхъ повинностей и постставокъ казака неспособнаго (къ службѣ) разряда, годного къ личному труду; при чемъ, по разсчету названного представителя, выходило съ казака неспособнаго разряда денежныхъ податей въ годъ до 15 рублей и натуральныхъ повинностей и поставокъ по содержанию плодовыхъ жеребцовъ на такую же сумму по переложеніи повинностей на деньги. А всего платежей деньгами и

натурою за 20 лѣтъ состоянія въ разрядѣ неспособныхъ къ службѣ до 600 руб., т. е. по 30 р. въ годъ». «Станичныя же правленія и станичныя общества по сообщеніи имъ разсчетной записки Арженовскаго представителя доставили цѣлый рядъ цифровыхъ данныхъ о степени обложенія денежными и натуральными повинностями не только казаковъ неспособного разряда, но также и о размѣрѣ повинностей, падающихъ на казаковъ строевого разряда, послѣ перевода этихъ повинностей на деньги тѣмъ же способомъ, какимъ опредѣнялась повинности Арженовскаго представителя для неспособныхъ къ службѣ казаковъ.

«Павловская станица въ приговорѣ станичнаго сбора отъ 15 ноября за № 181, исчисливъ повинности неспособного разряда по 42 р. 29 коп., а въ десять лѣтъ въ суммѣ 422 р. 90 коп., т. е. выписавъ разсчета Арженовскаго представителя, указываетъ, что повинности казаковъ строевого разряда обходятся еще для нихъ дороже, а именно по 78 р. 38 коп. въ годъ, и за десять лѣтъ въ 783 р. 80 коп., съ присоединеніемъ же къ этимъ годовымъ повинностямъ еще единовременныхъ затратъ на исправленіе по службѣ въ 121 р. и для учения въ 117 р. всего за десять лѣтъ повинности казаковъ строевого разряда опредѣляются станицею въ суммѣ 1021 р. 80 коп.

«Другія станицы приходятъ къ такимъ выводамъ: Усть-Бузулукская станица считаетъ повинности неспособныхъ казаковъ: платежъ въ табунный капиталъ, почтовый сборъ и натуральный отбытки по 34 р. 30 к. въ годъ, а въ 10 лѣтъ въ 340 р.; повинности же и расходы строевого разряда, разложенные не на 10, а на 15 лѣтъ, не считая сторублеваго пособія, по 49 р. 77 коп. въ годъ (746 р. 55 к.).

«Анненская станица въ приговорѣ отъ 15 ноября за № 251 денежная повинности неспособныхъ къ службѣ казаковъ опредѣляется по 30 р. въ годъ (съ платою почтарю, сѣнокошеніемъ и возкой сѣна), за 20 лѣтъ 600 руб.; для строевого же разряда одного денежнаго расхода показывается по 25 р. въ годъ, а за 10 лѣтъ 250 р., не считая обычныхъ натуральныхъ повинностей и поставокъ. Правоторовская станица стоимость разныхъ повинностей для строевыхъ казаковъ въ 10 лѣтъ опредѣляется въ суммѣ 802 р. Зотовская станица повинности для бывшихъ на службѣ исчисляется въ 672 р. 96 к., для не бывшихъ въ 713 р. 60 к., а для неспособныхъ въ 164 руб. 31 к. за 10 лѣтъ. Урюпинская станица повинностей строевого разряда за 10 лѣтъ опредѣляется въ суммѣ 1282 р. 70 к., считая по 120 р. убытку для хозяйства семьи при выходѣ казака въ полкъ—360 руб. за три года».

Станицы представили сравнительно еще скромный разсчетъ. Въ немъ не указаны общія потери хозяйства отъ отлучекъ казаковъ на майскіе лагерные сборы, на «сидѣнки», караулы, и т. п. занимающіе въ общей сложности за всю службу казака не менѣе

года; а цифра «убытка для хозяйства семьи при выходѣ казака въ полкъ» (120 руб. въ годъ), приведенная одной Урюпинской станицей, очень низка. 120 руб. — сумма заработка годового рабочаго-батрака, потерю хозяйства изъ-за отсутствія «хозяина» опѣшивать такой цифрой нельзя, — ее надо увеличить, по крайней мѣрѣ, вдвое...

И вотъ на Дону наблюдаются уже безлошадные казаки (въ Алексѣевской станицѣ, напр., это явленіе наблюдается уже около 15 лѣтъ), и создался своеобразный разрядъ *кабальныхъ* казаковъ. Этихъ «кабальныхъ» я наблюдалъ во многихъ станицахъ на Дону при поѣздкѣ по казачьимъ станицамъ; болѣе же точныя данныя у меня имѣются относительно Пятиизбянской станицы. Въ этой станицѣ весною 1905 года удобной пахатной земли (за вычетомъ изъ 15 дес. паевой земли луговъ, табуннаго отвода, общественныхъ арендныхъ статей, солончаковъ и т. д.) было 4 десятины. Черезъ годъ будетъ передѣлъ, и станичники ждутъ, что тогда на пай придется удобной пахотной земли всего $2 - 2\frac{1}{2}$ дес. При такомъ количествѣ земли казакамъ почти невозможно «справляться» на службу на собственный счетъ, и многие «справляются» на общественные станичныя деньги. Чтобы покрыть долги казака станицѣ «за справу», достигающіе до 250—300 рублей на казака, станичное «общество» ежодѣй беретъ у казака ежегодно «травяной пай» и сдастъ его въ аренду. Цена такого пая 5—6 рублей. Пахотный пай остается казаку. Но, взявъ у казака травяной пай, «общество» тѣмъ самымъ лишаетъ его возможности держать лишнюю скотину, лошадь, имѣть полный (3 пары) «плугъ быковъ» и заставляетъ покупать сѣно для строевого коня, котораго казакъ — хочешь не хочешь — долженъ имѣть. Это ведеть къ тому, что казакъ, распродавъ по немногу лишній, а потомъ и необходимый рабочій скотъ, заарендовывается и свой пахотный пай. Но этимъ общество не ограничивается. Дожидаться, когда долгъ казака покроется вырученными отъ аренды травяныхъ паевъ деньгами «обществу» нельзя, такъ какъ тогда пришлось бы дожидаться лѣтъ 40—50, по меньшей мѣрѣ, а деньги на «справу» такихъ же «маломочныхъ» нужны: ихъ, этихъ «маломочныхъ», становится все больше и больше. И «общество» стережетъ казака — должника. Поступилъ онъ на жеѣзную дорогу, заработалъ на пристани — арестъ на жалованіе: — Давай долгъ! А то берутъ человѣкъ по 30, по 40, нанимаютъ насилино въ работники къ богатымъ казакамъ, купцамъ: — Живи! На станичныхъ паромныхъ переправахъ только они, эти «кабальные», и работаютъ: трудъ тяжелый, оплачивается очень низко, и казаку остаются изъ жалованія только «выговорные харчи».

— Вѣдь это раззоръ? — спрашивалъ я.

— Раззоръ! — подтверждали казаки: — Разя жъ мы не понимаемъ! Да што жъ подѣлаешь? Съ насъ тоже тянутъ!..

И тѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Теперь въ Пятиизбянской станицѣ

сдаются въ аренду отъ 400 до 500 травяныхъ паевъ. Это изъ 5000 паевыхъ! Значитъ, десятая часть казаковъ станицы была спрятана на общественный счетъ и теперь состоитъ кандидатами на паромную переправу.

А въ будущемъ ихъ будетъ и того больше, такъ какъ мобилизацией 2-ой очереди усилила еще кадры «маломочныхъ», по крайней мѣрѣ, процентовъ на 25. Даже въ низовыхъ станицахъ, въ Новочеркасской, напр., самой богатой изъ всѣхъ станицъ по земельнымъ угодьямъ и по зажиточности казаковъ,—пришлось затратить на снаряжение 261 казака 48 тыс. руб. изъ общественныхъ денегъ. Екатерининской станицѣ 60-ти изъ 170 призванныхъ казаковъ пришлось купить лошадей на общественный счетъ и затратить на эту покупку и на снаряжение казаковъ до 15 тыс. руб. Подвизающіеся теперь на внутренней службѣ второочередные полки и только что распущенные полки третьей очереди почти сплошь кандидаты въ «кабальные»...

IV.

Что представляетъ собою казакъ въ смыслѣ «оправданія надеждъ», теперешний казакъ, на обламываніе которого въ этомъ направлении было потрачено столько усилий? Вотъ вопросъ, который всталъ передо мною однимъ изъ первыхъ, какъ только я подошелъ вплотную къ хутору и окунулся въ его предмобилизационную горячку и тревогу.

Вся история Донского войска сама собою наталкивала на этотъ вопросъ. При своемъ возникновеніи «Донское войско» слагалось по общему типу казачьихъ войскъ, какъ военная община со всѣми специфическими чертами послѣдней. Управлялись казаки войско-вымъ кругомъ, при выборной администраціи—войсковомъ атаманѣ. «Характеристической чертой круга было полное равенство, говорить исследователь Дона (Истор. описание Войска Донского): право почина не было исключительной принадлежностью атамана: простой казакъ могъ вносить любое предложеніе и принимать активное участіе при обсужденіи всѣхъ вопросовъ; точно такъ же и при решеніи голосъ войскового атамана считался равнымъ голосу простого казака». Со временеми Петра I значеніе «круга» стало падать, появились выдѣленные изъ общей массы казачества бригадиры, старшины; на Донъ стали назначаться войсковые атаманы; власть «круга» постепенно перешла къ войсковой канцеляріи, а потомъ къ областному правленію съ войсковымъ казеннымъ атаманомъ, назначеннымъ правительствомъ, во главѣ—и въ области постепенно были вытравлены всякие слѣды самоуправліенія.

Теперь область приспособлена къ отбыванію воинской повинности,

и весь административный механизмъ приложенъ такъ, чтобы эта повинность выполнялась населеніемъ возможно усерднѣе.

Войсковая и окружная администрація соединяеть здѣсь въ едномъ лицѣ гражданскую и военную власть; станичные сходы, обязаные круговой порукой въ дѣлѣ исправнаго снаряженія казаковъ на службу, и выборные станичные атаманы подчинены всесюю администраціи, которой предоставлены широкія права административнаго усмотрѣнія. По положенію 1891 г. окружнымъ атаманамъ предоставлено право подвергать не только населеніе, но и должностныхъ выборныхъ лицъ «за маловажные проступки» замѣчаніямъ, выговорамъ, дежежному взысканію до 5 руб. или аресту до 7 дней. При этомъ въ положеніи сдѣлана слѣдующая характерная оговорка: «постановленія объ арестѣ приводятся немедленно въ исполненіе: арестъ можетъ послѣдовать и по словесному распоряженію». Постановленія эти могутъ быть обжалованы въ теченіе 2-хъ недѣльнаго срока, могутъ, слѣдовательно, быть отмѣнены высшей административной инстанціей, но въ исполненіе они всетаки приводятся «немедленно».

Окружной атаманъ можетъ отмѣнять приговоры станичныхъ оборотовъ, можетъ удалять временно отъ должности станичныхъ атамановъ, можетъ не утверждать вновь избранныхъ станичныхъ сходомъ кандидатовъ,—словомъ, можетъ вергть станичнымъ управлениемъ по своему благоусмотрѣнію.

Кромѣ общей отвѣтственности «по положенію», на казакахъ и въ службѣ лежитъ еще специальная военная отвѣтственность, вплоть до военнаго суда. Напримѣръ, казакъ можетъ подлежать отвѣтственности за оскорблениѳ, положимъ, станичнаго атамана, какъ гражданскаго чиновника, и за оскорблениѳ того же лица, какъ военнаго начальства. Первое наказывается семидневнымъ арестомъ, второе нерѣдко влечетъ за собою ссылку въ «отдаленныя станицы» на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, или назначеніе на службу въ полкъ во второй разъ «безъ очереди» въ видѣ наказанія.

И это при полномъ произволѣ со стороны привлекающихъ къ отвѣтственности.

— Какъ же разобрать, когда какъ онъ оскорбляетъ васъ? — спрашивалъ я у одного станичнаго атамана.

— А когда какъ намъ, атаманамъ, захочется! — былъ отвѣтъ.

Такимъ обращенiemъ области въ постоянный военный лагерь достигается выполненіе казаками ихъ специально казачьихъ функций. Безъ этого, пожалуй, нельзя было бы разсчитывать на тѣ стотысячъ нагаекъ, которыми располагаетъ сейчасъ правительство «для внутренней службы»...

Казаки обязаны поголовной воинской повинностью, за исключениемъ «неспособныхъ къ службѣ» и, по законоположенію послѣднихъ лѣтъ, «одиночекъ». Въ главныхъ чертахъ воинская повинность донскихъ казаковъ сводится къ слѣдующему:

«Вооруженная сила войска состоить изъ служилаго состава и ополчения. Служилый составъ дѣлится на три разряда: приготовительный, строевой и запасный. Въ ополченіи числятся казаки до смерти. Служба каждого казака начинается съ 18-лѣтняго возраста и продолжается 20 лѣтъ, въ томъ числѣ: 3 года въ приготовительномъ, 12 лѣтъ въ строевомъ и 5 лѣтъ въ запасномъ разрядѣ... При зачислении на службу каждый казакъ долженъ имѣть собственную лошадь, обмундированіе и снаряженіе. Все это онъ долженъ имѣть въ теченіе 2 лѣтъ въ приготовительномъ и 8 лѣтъ въ строевомъ разрядѣ, т. е. въ теченіе 10 лѣтъ. Въ третьей очереди онъ можетъ не имѣть лошади... и долженъ пріобрѣсти ее, когда потребуется. Въ запасномъ разрядѣ казакъ долженъ имѣть вооруженіе и снаряженіе» (Медведевъ: «Служба Дон. войска» стр. 17—18). Такимъ образомъ, на одинъ миллионъ казачьяго населенія области въ настоящее время приходится казаковъ въ полной готовности къ службѣ около 13% (Въ приготов. разрядѣ въ возрастѣ отъ 18 до 21 года свыше 27 тыс. человѣкъ, въ строевомъ отъ 21—33 лѣтъ около 80 тысячъ; и въ запасѣ отъ 33 до 38 лѣтъ около 25 тысячъ. Всего около 132 тысячъ).

Казачество закрѣплено за военнымъ министерствомъ и изъ области создано своего рода «гетто» съ своей чертой осѣдлости. Казакъ въ возрастѣ до 40 лѣтъ не можетъ отлучиться изъ предѣловъ Донской области болѣе, чѣмъ на три мѣсяца. Для отлучекъ не свыше года требуется специальное разрешеніе окружного атамана, которое зависитъ всецѣло отъ его усмотрѣнія. Отлучекъ болѣе, чѣмъ на годъ, не практикуется совсѣмъ... Можно представить себѣ, какъ отражается все это на населеніи области, которому предоставлено вариться въ собственномъ соку!..

Создавъ изъ области военный лагерь, администрація позаботилась и о томъ, чтобы не допустить въ него ни откуда свѣжей струи и неукоснительно уничтожала въ области всякую, даже самую невинную, попытку культурной работы среди казачества.

Попытки культурной работы на Дону кончались ничѣмъ, таъль какъ или не допускались вовсе, или пресѣкались въ самомъ началѣ. На ходатайства разныхъ собраний, сходовъ, комитетовъ о введеніи на Дону земства въ теченіе 25 съ лишнимъ лѣтъ получались изъ Петербурга стереотипные отвѣты: «Правительство озобочено разработкой мѣръ къ скорѣйшему... и т. д.». И это еще въ лучшихъ случаяхъ. Чаще отвѣты были кратки и выразительны: «несвоевременно». Агитациѣ въ пользу введенія на Дону земства даже въ самое послѣднее время—весною 1905 года—встрѣчала такое предупрежденіе:

— Заинкнись только мнѣ на сходѣ о земствѣ,—говорилъ, напримѣръ, окружной атаманъ Хоперскаго округа г. Широковъ подвластнымъ ему станичнымъ атаманамъ:—въ 24 часа вышло изъ округа!

Какъ заботилась администрація объ огражденії области отъ ~~макіхъ~~ «вліяній», показываетъ характерный фактъ закрытія окружныхъ гімназій въ станицахъ и замѣны ихъ военно-ремесленными училищами, произведенный наказнымъ атаманомъ Святополкъ-Мирскимъ... Рогатки были понаставлены везде, гдѣ только можно было наставить ихъ, и воспитаніе казачества въ духѣ «вѣрныхъ сыновъ» велось безъ помѣхи.

Эти-то соображенія и заставляли меня поставить приведенный въ началѣ этой главы вопросъ, и они же подсказывали заранѣе опредѣленный выводъ, который быль бы весьма утѣшителенъ съ точки зрѣнія упованій на готовность казачества защищать основы, если бы дѣйствительность не вводила въ этотъ выводъ своего яснаго и точнаго корректива, если бы она не показывала, что въ мѣшкѣ все таки есть шило, если бы она не наталкивала на подозрѣніе, что, вѣроятно, «готовность» не настолько ужъ безуокоризненна и въ «прирожденности» есть какая-то трещина. Что трещина существуетъ, обѣ этомъ давали возможность и право догадываться, съ одной стороны, «сходъ», уклоненіе отъ службы, все болѣе и болѣе наблюдающіеся въ послѣднее время среди донскихъ казаковъ—съ другой, и угасаніе того военного идеала, которымъ, по слухамъ, жили предшествовавшія поколѣнія, и замѣну его карьеристическими стремленіями къ «урядничеству», къ «нашивкамъ».

Послѣднее подмѣтилъ въ свое время у уральскихъ казаковъ В. Г. Короленко («По Уралу»), и мнѣ остается отослать желающихъ къ его очеркамъ съ оговоркой, что все сказанное у Короленко относительно угасанія казачьихъ идеаловъ у уральцевъ, въ полной мѣрѣ приложимо и къ донцамъ. Относительно же уклоненія отъ службы лица, близко стоящія къ казакамъ—врачи, офицеры, станичные атаманы, военные приставы—свидѣтельствуютъ, что случаи увѣчій, разстройства здоровья, симуляцій разнаго рода, съ цѣлью уклоненія отъ службы, принимаютъ въ послѣднее время прямо массовой характеръ. Особенно ярко сказалось это въ концѣ 90-хъ годовъ во время гастролей въ административномъ центрѣ 2-го Донского округа, въ Нижне-Чирской станицѣ, какихъ-то аферистовъ, эксплуатировавшихъ населеніе подъ видомъ «комиссіи для освидѣтельствованія». Легкость полученія «отсрочки» отъ службы на годъ, даже «чистой отставки» за нѣсколько десятковъ рублей сдѣлала то, что къ аферистамъ, началось паломничество со всего округа:

— Что хочешь возвьми, только уволь!

Это паломничество населенія къ аферистамъ, и при томъ паломничество въ лицѣ старшаго поколѣнія—отцовъ и дѣдовъ, хлопотавшихъ за молодежь—сыновей и внуковъ, давало право подозревать, что въ «прирожденности» не все обстоитъ благополучно. И на это же подозрѣніе наталкивала вся предмобилизационная горячка, которая не только въ хуторѣ и станицѣ, а и въ округѣ

перевернула все вверхъ дномъ. Мобилизациі не застала врасплохъ казачи части, захваченныею; о предстоящемъ выступлениі въ походъ было подсказано, именно подсказано келейнымъ образомъ, задолго; на подготовку къ походу отпущенъ мѣсяца полтора времени. Официално мобилизациі объявлены были лишь 21 іюля. Въ этотъ только день на станичныхъ перекресткахъ запестрѣли красные плакаты, возвѣшившіе «первый день мобилизациі», но станичнымъ и хугорскимъ улицамъ опрометью пронеслись съ красными флагами верховые, во всеуслышаніе объявившіе ту же новость, которая для всѣхъ, слышавшихъ ее, была дѣйствительно новостью мѣсяца полтора назадъ.

Я узналъ о мобилизациі, о выступающихъ частяхъ, объ окружахъ, захваченныхыхъ ю, приблизительно за мѣсяцъ до официального объявленія ея и узналъ такія подробныя свѣдѣнія не потому, чтобы старался узнать, выведать, а просто «слышалъ», такъ какъ обѣ этомъ говорили открыто чуть не въ началѣ іюня еще, говорили въ Новочеркассѣ, въ Ростовѣ, на пароходѣ, въ вагонѣ. А когда я въ первой половинѣ іюля прѣѣхалъ въ хуторъ, въ станицу, мобилизационная работа кипѣла во всю. Лихорадочно работало станичное правленіе, «съ ногъ посыпались» хугорскіе атаманы; въ станицу то и дѣло вызывались второочередные казаки, дѣлались «смотры», покупались, отмѣнялись, браковались и одобрялись женшины, перетрахивалась и пересматривалась «аммуниципія», оттачивались шапки; между станицей и округомъ безпрерывно «во весь карьеръ» носилась «летучка» съ распоряженіями, предписаніями, рапортами и донесеніями; произведенъ быль даже дополнительный парадъ, въ который попали было сельскіе учителя, канцелярскіе чиновники и прочая, ограждившаяся было отъ полка привилегіей государственной службы, братія.

Выводъ получался определенный и ясный, и всетаки, признаюсь, я не смѣлъ вполнѣ довѣриться ему. И я обратился съ поставленнымъ въ началѣ этой главы вопросомъ къ «благословляющимъ», въ лицѣ близко стоящихъ къ хутору поклонниковъ казачества. Они отвѣтили на вопросъ отрицательно.

— Ревутъ по ночамъ кой-кто,—не хочется идти... А станешь спрашивать: страшно? Не признаются. Ничуть, говорятъ, мы...

Таковъ былъ первый отзывъ о настроеніи собирающихся на войну «служивыхъ», полученный мною въ хугорѣ, едва я сописалъ съ телѣги. Всѣ послѣдующіе отзывыъ такъ же мало оставляли мнѣ «надеждамъ».

— Дермо идетъ. Развѣ это казаки?!—передавалъ мнѣ свои наблюденія надъ сосѣдями — казаками мой знакомый, хугорскій священникъ. Онъ самъ казакъ, родился и выросъ на Дону и ревниво относился къ прошлой боевой славѣ казачества.

— Третью очередь послали бы,—продолжалъ онъ: — быль бы толкъ. Такихъ вотъ, какъ Ефимъ Ивановичъ, атаманъ, Адамовъ

ребяты... Это казаки! по крайней мѣрѣ,—народъ! Сразу видно, есть чѣмъ подержать въ рукахъ,—не вырвешься. А это что? ребяташки идутъ... Плакать будуть еще.

У него, вѣроятно, съ понятіемъ «казакъ» неразрывно связываю-
лось представлѣніе о безшабашности, граничащей съ настроениемъ:
«хоть травушка не рости», и суровости, граничащей съ жесто-
костью, и эти качества ставились на плюсъ казачеству, такъ какъ
онъ, вслѣдъ за сожалѣніемъ о томъ, что не посылаютъ третью оче-
редь, перешелъ къ сожалѣнію о быломъ, когда, по его мнѣнію,
«казакъ былъ настоящій».

— Впередъ (прежде) служба была! Придетъ на побывку съ
войны, черезъ полгода, смотришь, опять погнали... Лѣтъ по пят-
надцати воевали все. За то и казаки были: войны не боялись, за
бабами не голосили...

Это любовное воспоминаніе о безвозвратно минувшемъ «впередъ»,
о временахъ покоренія Кавказа и «усмиренія» Польши, имѣющихъ
еще живыхъ свидѣтелей, постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ,
всплываетъ у донцовъ-патріотовъ, скорбящихъ о пониженіи боевы-
хъ качествъ и замашекъ донского казачества. Они, эти пат-
ріоты, пожалуй, не прочь, не смотря ни на какія перемѣны въ
исторической и бытовой обстановкѣ казачьей жизни, помечтать о
томъ, что хорошо было бы, если бы можно, опять вернуться къ
тому скорбному и для казака, суровому времени, лишь бы поднять
любезныя ихъ сердцу боевые и служебные качества казака на бы-
шую высоту.

— Войнъ мало,—единодушно вздыхаютъ по всему Дону люби-
тели казачества.

— Походовъ не стало: теперь дома на проводахъ напьется, а
въ полкъ похмѣляться успѣть доѣхать... И служба не та: собаки
дома и то не успѣютъ забыть. Придетъ изъ полка служивый:—Ша-
рикъ, Шарикъ!— а Шарикъ хвостомъ виляетъ,—угадалъ!..

Прежняя казачья служба, отодвинувшаяся отъ нашего времени
почти на полстолѣтіе и потерявшая поэтому свою рѣзкую угловатость,
въ свое время сильно задѣвавшую современниковъ, теперь
въ воспоминаніяхъ «стариковъ» окуталась дымкой позніи и, ка-
жется, больше благодаря этой дымкѣ, и жалѣтъ о ней доживающее
поколѣніе, а съ его голоса и поклонники казачества, въ родѣ моего
знакомаго священника. Тѣ же современники прежней службы, те-
перь вздыхающіе о ней, обѣ ея воспитательныхъ качествахъ (люди
выходили!), въ свое время иначе смотрѣли на нее и заклеймили ее
въ получившихъ широкое распространеніе на Дону пѣсняхъ не
особенно лестными эпитетами.

Казаки, служившіе въ Грузіи, такъ выразили въ пѣснѣ свое
отношеніе къ службѣ и свои впечатлѣнія отъ прелестей грузин-
скихъ стоянокъ и походовъ:

— Распроклята ты сторонушка,
Грузинская шельма-сторона!
Безъ поры-то, безъ времячка
Изсушила меня молодца,
Безъ поры-то, безъ времячка
Румянушки съ лица вынула,
Безъ поры-то, безъ времячка
Червы кудри съ младца сорвала!..

Кстати. Пресловутая любовь казака къ войнѣ, по признанию самого казака, выраженному имъ въ пѣсняхъ, оказывается далеко не таюю, какою мы привыкли представлять себѣ ее подъ влияниемъ официальныхъ отзывовъ и редакцій. Я указываю на казачью пѣснь потому, что смотрю на нее, какъ на единственное, дошедшее до насъ, искреннее признаніе казака въ самыхъ его задушевныхъ мысляхъ и чувствахъ, какъ на своего рода «исповѣдь», какъ на резюме пережитаго и перечувствованного цѣлымъ поколѣніемъ, резюме самостоятельное, безъ навязаннаго извѣтъ содержанія. Единственно въ ней могъ казакъ высказаться вполнѣ такимъ, каковъ онъ есть, оставаясь самимъ собою, не надѣвая на себя личинъ изъ угощенія или изъ боязни, не прислушиваясь къ чужому, часто власти имущему, голосу.

О страстной любви къ войнѣ, «службѣ» по терминологии того цикла пѣсень, который я имѣю въ виду (я беру пѣсни периода покоренія Кавказа, гдѣ служба проходила въ боевой обстановкѣ, представлявшей въ сущности безпрерывную, растянувшуюся на длинный рядъ лѣтъ войну), объ идеиномъ поклоненіи этой «службѣ»—войнѣ въ пѣсняхъ нѣть и рѣчи. Наоборотъ, казакъ смотрѣтъ на службу, войну, на необходимость идти въ походъ, только какъ на необходимость и обязанность, тяжелую подчасть,—не болѣе...

Отправляясь на службу, казакъ при прощаніи горько жалуется матери на необходимость идти «на чужу сторонушку», упрекаетъ даже мать за то, что она сумѣла воспитать его, укрыть отъ всѣхъ напастей—«буйныхъ вѣтровъ»,—не укрыла отъ большой службы:

...Носила ты меня,
Носила—скорбила,
Сама умирала,
Отъ буйныхъ вѣтровъ
Меня укрывала,—
Отъ большой-то службы
Меня не укрыла,
На чужу сторонку
Проводила!..

Находясь на службѣ, казакъ не полюбилъ ее, не привыкся къ ней, не отдался ей всей душой. Нѣть, всѣ его помыслы, думы тамъ—дома, на далекомъ «тихомъ Дону». И хотя, можетъ быть, окъ съ охотой впервые шелъ на службу, по слухамъ рисовать ее себѣ

въ розовомъ свѣтѣ, мечталъ о ней, но, побывавъ на «чужой сторонѣ», перемѣнилъ обѣ этой чужой сторонѣ свое мнѣніе:

Сторона моя, сторонушка,
Сторона моя ты незнакомая!
На тебѣ, моя сторонушка,
Служить съ Дону иѣть охотничка.
Какъ одинъ-то казаченочекъ
Служить съ Дону поохотился,—
Хотѣлъ нагрубить своему отцу—матери,
Больше нагрубить своей молодой женѣ...
Нагрубилъ лишь больше ретиву сердцу.
Сторона моя, сторонушка,
Сторона моя ты незнакомая!
Изошелъ тебя изъ конца въ конецъ.
Не нашелъ тишей, смиреній
Батюшки—тиха Дона;
Не нашелъ роднѣй, милѣй
Свово отца—матери;
Не нашелъ роднѣй, вѣрнѣй
Своей молодой жены;
Не нашелъ кровнѣй, роднѣй
Своихъ малыхъ дѣтушекъ..

Таковъ итогъ служебныхъ впечатлѣній казака.

Служба переносится казакомъ только по необходимости: «куда жъ двинуться!», — а вовсе не по любви къ ней.

— Ой, ты службица,—поетъ онъ:—
Служба нужная!
Надоѣла, служба,
Надоскутила...

Когда ему становится, что называется, «не въ терпежъ», «не въ переность», онъ ищетъ утѣшенія не въ любви къ походу, къ службѣ, къ войнѣ, не въ идеѣ войны, службы, что должно было бы быть по характеристикѣ, кстати и некстати выдвигаемой на видъ и навязываемой казаку, а обращается къ природѣ, къ воспоминаніямъ о домѣ, о тихомъ Донѣ и въ нихъ ищетъ утѣшенія въ своемъ горѣ-кручинушкѣ.

— Ты взойди, взойди, солнце красное,
Взойди утромъ рано,
Обогрѣй, обсущи раздоброго молодца
На нужномъ бекетѣ..
— Ты воспой, воспой, веселый соловьюшка,
Воспой при долинушкѣ,
Пріутѣши, призабавь раздоброго молодца
При горѣ-кручинушкѣ!..

Болѣе молодое поколѣніе казаковъ, не захватившее уже пятнадцатилѣтней маity, повидимому, еще менѣе склонно къ восхищению службы и сожалѣнію о минувшемъ «впередъ» и проявлять скорѣе скептическое отношеніе къ точности и правдивости осѣн-

щенія воспоминаніями стариковъ ветерановъ Польши и Кавказа, тогдашняго времени и тогдашнихъ людей.

Какъ-то въ воскресенье послѣ обѣдни я подошелъ къ кружку казаковъ, образовавшемуся въ церковной оградѣ. Въ кружкѣ шель сживленный перекрестный разговоръ, и въ тотъ моментъ, когда я подходилъ, раздался взрывъ дружного веселаго хохота. Центромъ кружка служилъ мой знакомый, довольно уже пожилой, кончивший всѣ служебныя «очереди» казакъ, Василий Ивановичъ Васильевъ, умный, наблюдательный человѣкъ, превосходный знатокъ своего казачьяго міра.

Переждавъ, пока смѣхъ поутихъ, Василий Ивановичъ съ веселымъ и задорнымъ видомъ и насыщеннымъ выраженіемъ лица продолжалъ прерванный разговоръ:

— Это, братъ, не съ Турцией, не съ Китаемъ воевать. Попыхтишь досыта... А то дѣдъ Филиппъ давеча въ церкви на ордена показываетъ... Понацѣплялъ:—во!—говорить... Да это мало ли ~~что~~ «во!»—ты подика-сь сейчасъ повоюй! А то вы съ кремневками на Кавказѣ пукали, да и «во» теперь...

— На Кавказѣ што за война была?

— Сичасъ онъ за версту тебе къ себѣ не подпустить. Вамъ война, какъ въ дамки играютъ.

— На Кавказѣ въ рукопашную больше драка шла: кто ~~кого~~ перепретъ.

Глаза Василия Ивановича блеснули насыщеннымъ огонькомъ.

— Да мнѣ разъ въ лагеряхъ одинъ кавказскій старикъ признался,—заговорилъ онъ.—Наші, говорить, кремневки, глядя ~~не~~ погодѣ били. Иной разъ, бываетъ, и выстрѣлишь, а то въ дождѣ или въ вѣтеръ и такъ обойдется. Тады шулай, говорить, черта съ два ба чево сдѣлалъ... Я, говорить, иду разъ лѣсомъ, а изъ куста на мене чеченецъ. Я ружье съ плечь: разъ!—осѣчка; онъ—разъ!—осѣчка. Я—разъ—разъ, онъ—разъ,—ни моя, ни ево не береть: отсырѣла. Щелкаеть только. Ужъ я его, говорить, обложилъ тутъ по матери!..

Молодое поколѣніе казаковъ по своей «казачьей психологіи» сильно разнится уже отъ стариковъ. Въ немъ еще крѣпко сидитъ фронтовое «руки по швамъ» и вбитыя въ его голову идеи обѣ «опорѣ» и «защитѣ» престола и отечества. Но факты показываютъ, что жизнь сдѣлала всетаки брешь въ казачьей идеологіи, что и въ казачьей душѣ завелась уже червоточинка, которая, пожалуй, выѣсть до-чиста всю сердцевину. Въ эту первую мобилизацію отъ офицеровъ мнѣ приходилось слышать о массѣ случаевъ увѣчій среди захваченныхъ мобилизаціей казаковъ, съ цѣлью избѣжать похода на войну. Было нѣсколько случаевъ самоубійствъ...

Въ окружныхъ управлѣніяхъ изъ воинскаго штаба получались предупрежденія о томъ, что намѣчена мобилизація третьей очереди—казаковъ въ возрастѣ отъ 28 до 32 лѣтъ, но эту мобилиза-

цию во время войны объявить не решались въ виду непопулярности войны и нежелания казаковъ идти «чортъ знаетъ куда, чортъ знаетъ зачѣмы!» по ихъ выражению. Штабъ и окружная правлѣнія имѣли вѣскія основанія не назначать этой мобилизациі, такъ какъ за спокойное теченіе ея никто поручиться не могъ. Экономическая расшатанность такъ велика, изъяны казачьяго хозяйства, его разореніе такъ ярко бросаются въ глаза даже бюрократіи, что на Дону всѣ въ одинъ голосъ заявили, что мобилизациі 3-й очереди Донъ не вынесетъ.

Мобилизациі этой очереди и не была назначена во все время войны съ Японіей, и только съ объявлениемъ войны Россіи, когда пришло призвать подъ знамена всѣхъ «вѣрныхъ сыновъ», была взята въ полки и третья очередь.

Но мобилизациі казаковъ этого возраста (29—33 лѣтъ) не вездѣ сошла гладко. Изъяны въ идеѣ «защиты и опоры престолъ-отечества» мѣстами обнаружились крупные Въ Верхне-Чирской станицѣ (2-го Донского округа), напримѣръ, инѣ пришлось услышать отъ одного изъ представителей станичной администраціи на вопросъ о томъ, какъ прошла мобилизациі,— слѣдующій характерный отвѣтъ:

— Да ничего, слава Богу, проводили!. Толькo на 50 казаковъ пришлось погнать 54 полицейскихъ, чтобы собрать ихъ... а то все ничего...

Весною 1905 года во время мобилизациі въ Хоперскомъ округѣ, когда выяснилось, что мобилизованные полки уйдутъ во внутреннія губернія для «усмиренія» широко развившихся тогда аграрныхъ волненій, казаки отказались идти.

— Съ какой радости, — говорили они: — мы бросимъ семьи, бросимъ поля неубранными и пойдемъ стеречь помѣщицы поля!

Я слышалъ объ этомъ тогда же въ Новочеркасскѣ отъ людей, «своими глазами» видѣвшихъ и читавшихъ телеграмму—донесеніе обѣ отказать отъ окружного атамана. Позднѣе мнѣ пришлось быть въ Урюпинской станицѣ, — административномъ центрѣ Хоперского округа,—и собрать болѣе полныхъ свѣдѣнія обѣ этомъ отказѣ казаковъ. Оказывается, отказъ казаковъ отъ похода не только имѣлъ мѣсто, но и принялъ такие размѣры, что администраціи пришлось пуститься «во вся тяжка», вплоть до явнаго и не совсѣмъ тонко продѣланнаго обмана, чтобы какъ-нибудь уладить дѣло.

Администрація продѣлала слѣдующій вольть. Мобилизованнымъ казакамъ, которые—по теоріи—должны быть всегда готовы къ походу и имѣть полное боевое снаряженіе, кромѣ винтовки, и которые на самомъ дѣлѣ не имѣли очень многаго изъ этого снаряженія, принуждены были отпустить изъ войскового капитала по 100 рублей на каждого казака, какъ пособіе на «справу».

Хоперская администрація воспользовалась этимъ сторублевымъ пособіемъ и представила его казакамъ, какъ «царскій подарокъ» за «вѣрную службу». Особенно было подчеркнуто при этомъ то обстоятельство. Отдѣль I.

тельство, что деньги эти даются лично казакамъ и не могутъ быть отобраны никъмъ, даже станичными обществами, истратившими передъ этимъ всѣ свои станичные капиталы на «справу» этихъ же казаковъ.

— Смотрите, братцы, — усиленно предупреждали казаковъ:— деньги отпущены вамъ на руки, и никто не имѣть права отобрать ихъ!

Казаки такъ и поняли, что деньги отпущены царемъ «на пропой», и въ тогъ же день началось пьянство.

— Урюпина нельзя было узнать, — рассказывали очевидцы:— сплошной кабакъ сталъ!..

Когда на утро при перекличкѣ въ одной изъ сотенъ провѣрили деньги, оказалось, что у многихъ осталось всего на всего по 40 копѣекъ... «На бутылку водки,— опохмѣлиться!»

— Деньги наши!— говорили казаки:— Нужно будетъ еще— царь дастъ!

Этотъ административный вольтъ съ «царскими деньгами» сдѣлалъ то, что казаки пошли: возможность сдѣлки, взятки съ царя и въ будущемъ расщекотала пасть... Администраціи не было, конечно, дѣла до того, что черезъ нѣсколько дней, послѣ отправки наибохѣе беспокойныхъ элементовъ, въ Урюпинской разыгрывались такія сцены.

Ко многимъ изъ казаковъ пріѣхали изъ станицъ жены:

— Свекоръ выгналъ!... «Иди, говорить, къ мужу— онъ не приѣмъ ничего изъ способія— нехай, куда хочетъ, дѣваетъ тебя»...

Казаки ушли, но когда-нибудь они вернутся же, угаръ пройдетъ. возможность новой «взятки» упадетъ до нуля, наступить реакція. и мы будемъ еще, можетъ быть, свидѣтелями административныхъ вольтовъ совершенно другого рода.

Реакція среди подвизающихся сейчасъ на «усмирениі» казаковъ наступаетъ кое-гдѣ и теперь, хотя робко и неувѣренно, ие цѣнна она тѣмъ, что наступаетъ самостоительно, подъ вліяніемъ жизни, безъ прямого воздействиія со стороны революціонныхъ элементовъ, на которыхъ привыкло кивать правительство. У меня имѣется, напримѣръ, письмо казачьаго офицера, писанное изъ Москвы и полученное на Дону въ началѣ сентября прошлаго года. Въ немъ офицеръ пишетъ: «Насъ пригнали сюда для насильши: несемъ исключительно полицейскія обязанности и никакую часть, ушедшую на Дальній Востокъ, мы не замѣщаемъ, такъ какъ всѣ полки въ Москвѣ, пополненные запасными, остаются на своихъ мѣстахъ... Насъ обмануло правительство: подъ видомъ замѣны уходящихъ на Дальній Востокъ, пригнало нести, раззоряя семьи, полицейскія обязанности!..» Послѣ 17 октября въ газетахъ было опубликовано «письмо въ редакцію», подписанное 80, кажется, казаками-гвардейцами, въ которомъ они заявили о своемъ желаніи быть назначаемыми въ помощь полиції. Цѣлый рядъ

такихъ же заявлений въ весьма категорической формулировкѣ, въ родѣ: «мы не желаемъ больше нести этой позорной полицейской службы», «мы не враги народа», «начальство обошло насъ разными улещиваніями, но мы теперь прозрѣли» и т. д.—посыпался весною этого года, послѣ запроса въ Думѣ о мобилизациі казаковъ второй и третьей очереди. Въ некоторыхъ изъ этихъ заявлений высказывалось намѣреніе такого рода:

— Если и вы (члены Думы) не добьетесь для насъ роспуска по домамъ, мы сами походнымъ порядкомъ уйдемъ на Донъ!

Это уже совершенно опредѣленное рѣшеніе идти на разрывъ съ «начальствомъ», бунтовскимъ манеромъ «добиться» того, чего не даютъ добровольно, не смотря ни на какія ходатайства. Это уже психологія той самой крамолы, бороться съ которой призваны были казаки. Разрывъ, моральный разрывъ между «опорой» и тѣми, кому эта опора служила, произошелъ. Многочисленные факты, отмѣченныя въ свое время газетами, начинавшими съ мелкихъ проявленій сочувствія, выражаемаго казачьими разъездами митингамъ рабочихъ, приглашенія не бояться, продолжать митингъ, просьба допустить ихъ «послушать» и кончая поведеніемъ казаковъ при усмирениі кавалеристовъ въ Курскѣ, все эти факты свидѣтельствуютъ о такомъ разрывѣ. Теперь полки третьей очереди распущены по домамъ. Что внесли они въ жизнь станицъ и хуторовъ, какъ отразилось на нихъ самихъ встрѣченіе ими дома разореніе, мы еще не знаемъ, но, надо думать, жизнь не заставитъ долго ожидать указаній на этотъ счетъ...

V.

Реакція наступила и на Дону среди болѣе старого поколѣнія, заявлявшагося оплотомъ и носителемъ идей «вѣрности» и «опоры». Автору этихъ строкъ пришлось, между прочимъ, нашупать трещины въ старомъ міровоззрѣніи донского казачества и констатировать различность стремленія къ чему-то новому, къ лучшимъ формамъ жизни еще въ прошломъ году за нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ въ газетахъ появились первыя извѣстія о волненіяхъ среди казаковъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года среди новочеркасской интеллигенціи возникла мысль объединиться и сорганизовать «областной казачий союзъ». Цѣлью союза учредители его намѣчали «раскрытие казака», борьбу противъ тѣхъ военныхъ формъ, къ которыхъ поставлено казачье населеніе области и которыхъ мѣшаютъ пріобщенію казачества къ мирной гражданской и культурной жизни. Путь для этого всѣ видѣли только въ достижениіи правового порядка въ Россіи, завоеванііи полноправнаго народнаго представительства на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тай-

иаго голосованія. Пропаганду этихъ началь и намѣтилъ себѣ первоначально «союзъ».

Автору этихъ строкъ вмѣстѣ съ другими лицами пришлось произвести опытъ—познакомить казаковъ съ проектомъ программы союза и посмотреть, какъ отзовется казачество на эту программу. Для опыта были выбраны низовыя донскія станицы: Старочеркасская, Хомутовская, Кагальницкая, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и обеспеченныхъ землею. Старочеркасская имѣть 12 десятинъ пахотной, «дѣловой» земли на пай; Хомутовская 15, не считая луговъ, настбищъ, табунского отвода, Кагальницкая всей земли имѣть по 32 десятины на пай. Въ эти-то станицы и выѣхали мы съ про-
повѣдью о «волѣ».

Мы являлись въ станицу, обращались прямо къ станичному атаману съ просьбой созвать въ станичномъ правлениі собраніе, съ которымъ мы поговоримъ о Государственной Думѣ. Атаманы созывали собраніе, и мы подробно выясняли программу казачьаго союза и предлагали казакамъ присоединиться къ нему, принять соотвѣтствующій приговоръ, являвшійся сколкомъ съ приговора Всероссійскаго Крестьянскаго Союза.

Въ первой изъ этихъ станицъ приговоръ былъ принять цѣликомъ, несмотря на то, что атаманъ, сообразившій во время засѣданія, что происходитъ что-то не совсѣмъ обычное, на нашихъ глазахъ шептался о чёмъ-то съ казаками. Одинъ изъ казаковъ заявилъ во всеуслышаніе:

- Атаманъ боится... онъ не получалъ предписанія...
- Ну-у, намъ ужъ хуже не будетъ! — послышались голоса.
- Я подписываюсь. Вѣрно все, что намъ говорили!
- Спаси Христосъ, что прїѣхали, рассказали намъ, разбудили насъ... Проснитесь, казаки!

Резолюція была принята единогласно и подпісана 40 пріѣзжавшими правомочными членами станичного схода. Пунктъ обѣ отнесеніи снаряженія на государственный счетъ послѣ переговоровъ между собою казаки попросили выкинуть: — Такъ обдумываемся крѣпше должно быть. А то какъ бы послѣ не сказали намъ: вы служить-то не служите, а землей пользуетесь!

— Ну-у—не скажутъ,—послышались возраженія изъ толпы.— Мы тогда всѣ къ англичанкѣ передадимся. Она самую золотую землю отведеть намъ. Давно ужъ звала.

Въ Хомутовской станицѣ положенія приговора, объясненіемъ детально, вызвали рѣчь атамана такого содержанія:

— Все, о чёмъ говорилось тутъ, говорилось хорошее одно... Нужно хлопотать, добиваться того, о чёмъ хлопочетъ теперь вся Россія... Тутъ попрекнули насъ, что мы до сихъ поръ ничего не говорили вамъ (по поводу указа 18 февраля). Да вѣдь, гг. старики, вамъ уже объяснили, что и мы, станичные атаманы, люди подневольные и зависимъ отъ окружного атамана. А потому,—что

им? Я вѣдь выбранъ изъ вашей же среды и такой же малограмотный человѣкъ, какъ и всѣ. И я читалъ положеніе о Государственной Думѣ, да и десятаго не понялъ, о чёмъ тамъ пишется. Наші законы и циркуляры всѣ такъ пишутся, что мы, необразованные люди, мало чего можемъ разобрать въ нихъ... Надо благодарить этихъ людей, что они заѣхали къ намъ и разъяснили намъ, что и какъ...

Собрание попросило насть оставить ихъ и черезъ полчаса присяло къ намъ атамана и двухъ депутатовъ:

— Такъ что казаки обсовѣтали: станица наша маленькая, такъ мы подождемъ, чтобы не сконфузиться однѣмъ. Когда вамъ въ другихъ станицахъ подпишутъ приговоры — дайте знать, мы въ одинъ часъ соберемся и тоже напишемъ.

При обсужденіи приговора станичники останавливались на слѣдующихъ положеніяхъ: первые три пункта о народоправствѣ были приняты единогласно, также и шестой пунктъ о всеобщемъ образованіи.

— Дюжа понравились эти пункты станичникамъ! — передавали депутаты.

Въ пунктѣ четвертомъ не была принята «свобода совѣсти».

— А сектанты теперь?

Пункты о милиціи и о земляхъ возбудили подозрѣніе, какъ пособительство на казачьи вольности:

— А какъ насть всѣхъ въ мужики повернуть?

Эта подозрительность казаковъ требуетъ нѣкотораго поясненія. Казаки считали и считаютъ Донъ «своимъ».

— Этую землю завоевали наши отцы, кровью полили ее, мы за нее служимъ. Отобрать ее отъ насть никто не имѣть права. — Вотъ общий отзывъ казаковъ о землѣ войска Донского.

Этотъ своеобразный «национализмъ», переплетаясь со все увлекающейся, вслѣдствіе тѣсноты и малоземелья, нуждой въ землѣ, дѣлаетъ казаковъ подозрительными на счетъ земли и казачьихъ «правовъ», съ которыми они связываютъ землю, и заставляетъ ихъ видѣть подвохи и посягательства даже тамъ, где ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Мнѣ приходилось бесѣдовать со многими казаками въ разныхъ частяхъ Дона о земствѣ, и почти вездѣ мотивомъ нежеланія имѣть у себя земскія учрежденія казаки выставляли слѣдующее соображеніе:

— Это хотять, чтобы мы перешли въ мужики, платили подати...

▲ потому, чтобы землю у насть забрать?

Въ силу тѣхъ же условій, казаки, еще кое-какъ мирищіеся съ сосѣдствомъ коренного крестьянскаго населенія въ области, къ пришедшему «иногородному» элементу относятся въ высшей степени нетерпимо. Въ Хоперскомъ окружномъ комитетѣ казаки, представители станицъ, предлагали слѣдующую мѣру, и она была принята большинствомъ 39 противъ 11 голосовъ: «воспретить на будущее время сдачу юртовой казачьей земли, общественной и паевой, ино-

городнимъ предпринимателямъ арендаторамъ, понимая подъ именемъ иногороднихъ арендаторовъ только пришлыхъ изъ другихъ губерній крестьянъ и разночинцевъ».

...Въ Кагальнице станицѣ собраніемъ въ 200 съ лишнимъ человѣкъ пункты приговора были приняты подавляющимъ большинствомъ голосовъ, почти единогласно.

Между прочимъ, здѣсь разыгрался характерный эпизодъ. Одинъ изъ казаковъ потребовалъ у насъ паспорта, и его послѣ нашего отъѣзда засмѣяли бабы:

— И не совѣстно тебѣ?! Тебя люди отъ ямы тянутъ, а ти паспорта спрашиваешь?! Полицейскій ты, Скачковъ!..

Эта кличка осталась за Скачковымъ и, надо думать, навсегда.

Нашъ опытъ съ образованіемъ союза выяснилъ, что на Дону среди казаковъ растетъ и наэрѣваетъ настроение, мало согласное съ видами правительства. О томъ же говорить и дѣятельность самаго правительства. Въ январѣ оно ввело на Дону въ округахъ, населенныхъ казаками, усиленную охрану, выслѣживало и заточало «алонамѣренныхъ людей», а въ февралѣ подоспало къ казакамъ «царскаго посла», князя Голицына, съ «царскою грамотой» и придумало своего рода психологическую конфетку для приманки казаковъ — медали тѣмъ изъ нихъ, у кого не менѣе трехъ сыновей на дѣятельной службѣ.

О впечатлѣніи, произведенномъ «медалями», ничего не было слышно. Вѣроятно, ихъ не замѣтили вовсе, «царская же грамота» даже среди собранныхъ для выслушанія ея въ Новочеркасскѣ станичныхъ и хуторскихъ атамановъ, просѣянныхъ для этого случая чрезъ специальная рѣшета благонамѣренности, вызвала совершение непредвидѣнныи вопросъ:

— А какъ же на счетъ прирѣзки земли?

Въ глупи же, по станицамъ и хуторамъ, эта грамота вмѣзала цѣлую бурю слуховъ и «бесмысленныхъ мечтаній» относительно «прирѣзки».

«Какъ народились эти слухи, откуда они — Богъ вѣсть! — пишетъ корреспондентъ «Нашей Жизни». — Только слухи эти упорим и надежда на прирѣзку земли у большинства казаковъ не потеряна даже теперь, послѣ «царской грамоты», не оправдавшей этихъ ожиданій. Нѣкоторыми станицами объ удовлетвореніи ихъ землемѣсоставляются уже станичные приговоры и направляются по начальству. При чёмъ въ приговорахъ этихъ указываются и тѣ земли, которыхъ станичники желали бы получить. Такъ, въ станицѣ Арженовской приговоръ объ этомъ составленъ 19 февраля. Вотъ, что пишутъ, между прочимъ, арженовцы въ этомъ приговорѣ... «Наличные 89 человѣкъ слушали докладъ станичного атамана, что въ настоящемъ году положено казачьи земельные паи довести до 25 десятинного состава. Такое доведеніе обусловливается прирѣзкой земли къ юртамъ станицъ изъ войсковой земли... Станица Арженовская

ловская, по скучности своихъ средствъ и полному отсутствію доходныхъ статей, желала бы получить землю вблизи своего юрта... въ числа владѣльческихъ, выкупивъ ихъ за счетъ войска или казны» и т. д. «Въ настоящее время приговоръ этотъ отправленъ аржено-ковцами уже по начальству»—сообщаетъ корреспондентъ.

Въ бюрократическихъ верхахъ это движение на почвѣ прирѣзки земли вызвало переполохъ. «Вѣрные сыны» оказывались въ положеніи бунтовщиковъ, вчерашніе союзники переходили въ разрядъ «внутреннихъ враговъ». И верхи принялись изыскивать болѣе дѣйствительный, чѣмъ «медали», мѣры. На первый разъ окружному управлѣнію Краснаго Креста 1-го Донскаго округа было разрѣшено суммы, пожертвованныя на помощь семьямъ казаковъ, убитыхъ и раненыхъ въ войнѣ съ Японіей, употребить на помощь семьямъ казаковъ, пострадавшихъ въ войнѣ съ «внутренней смутой». «17 февраля, по сообщенію «Нового Времени», въ государственномъ совѣтѣ заслушанъ былъ докладъ военнаго министра объ отпускѣ изъ казны для поддержанія хозяйства казаковъ, мобилизованныхъ для несенія службы внутри государства, 7.500,000 руб. Докладъ указывается на замѣчаемое броженіе среди казаковъ, жаждущихъ роспуска по домамъ, или, по крайней мѣрѣ, обеспеченія ихъ семействъ. Государственный совѣтъ рѣшилъ отпустить 5.200,000 руб.».

Милліоны, однако, мало подѣйствовали. Настроеніе казаковъ на Дону продолжало повышаться. Наступившая весна, отсутствіе рабочихъ рукъ, оставшіяся необработанными и незасѣянными поля остро поставили передъ казаками вопросъ о причинахъ ихъ бѣдствій и несчастій. И, благодаря этому, произошелъ переломъ въ возврѣніяхъ казаковъ на то, чemu они служили «вѣрой и правдой», выяснилась возможность надрыва союзническихъ отношеній самодержавной бюрократіи и казачества.

Въ массѣ казачества, несомнѣнно, существовало возврѣніе на свои отношенія, какъ общины, связанной единствомъ происхожденія, съ одной стороны, и единствомъ службы и территории—съ другой,—короче, на отношенія войска Донского и русскаго правительства, какъ на отношенія договорныхъ, въ основѣ которыхъ лежалъ нѣкій «невыраженный», пользуясь терминомъ Н. К. Михайловскаго, договоръ. Суть этого договора заключалась въ томъ, что казаки исели правительству опредѣленную службу «за собственный счетъ», соглашались служить «вѣрой и правдой», правительство же съ своей стороны предоставляло казакамъ «завоеванныя предками» ихъ земли, признало за ними, какъ за общинниками, право на эти земли. «За землю служимъ»—таковы обязанности казаковъ въ опредѣленіи самихъ казаковъ. «За службу—земля»—таковы обязанности правительства въ томъ же опредѣленіи. Что эти возврѣнія существовали, показываютъ уже приводившіеся мною выше отзывы казаковъ о своей землѣ, ихъ боязнь быть повернутыми «въ мужи-

ковъ», сознаніе своего права «уйти къ англичанкѣ», если «тронуть» землю, т. е. договорившаяся сторона нарушить договоръ. Казаки вѣрно исполняли договоръ, служили, воевали, усмиряли, т. е. продѣывали все, что отъ нихъ требовала договорившаяся съ ними сторона. Теперь исполненіе его стало для нихъ необязательнымъ, потому что въ ихъ воззрѣніи другая сторона не исполнила своихъ обязательствъ. Во-первыхъ, казаки твердо помнить о тѣхъ хищеніяхъ войсковыхъ земель, которыхъ допустило правительство, выдѣляя изъ принадлежащихъ, по общему сознанію, всему войску земель участки для награжденія офицеровъ и чиновниковъ и заставивъ войско отмежевывать подъ конно- заводческіе участки за Дономъ до миллиона десятинъ. Во-вторыхъ, правительство, увеличивая тягость снаряженія на военную службу путемъ повышенныхъ требованій къ лошадямъ и снаряженію казаковъ, заставило союзниковъ нести непосильные при увеличивавшемся малоземельи расходы, разоряло ихъ, не компенсируя ничѣмъ этого разоренія. Общая площадь земли для всей области не увеличилась по сравненію съ тѣми временами, когда ю пользовались «отцами», для отдельныхъ же казачьихъ хозяйствъ земельная площадь уменьшилась, а тяготы по сравненію съ временами тѣхъ же «отцовъ» возрасли. Все это заставило казаковъ пересмотрѣть вопросъ объ отношеніяхъ къ союзнику. Пересмотръ получился не въ пользу союзника, до того не въ пользу, что стали возможны такие факты, какъ приговоры многихъ станичныхъ обществъ о возвращеніи ихъ сыновей, подвизавшихся на «усмирѣніи», какъ заявленіе казаковъ, служившихъ въ полкахъ, о возвращеніи на Донъ самовольно «пеходнымъ порядкомъ».

Теперь та часть донского казачества, которая пережила этотъ переломъ, стоитъ передъ дилеммой: самостоятельно ли добиваться «полегченія» и «правовъ» у своего бывшаго союзника, или же применить къ общеноародному движению и слить свои требованія съ требованіями всего народа.

Куда она пойдетъ?—это покажетъ недалекое будущее.

СКАЗКА.

Въ семь часовъ долженъ былъ прийти поѣздъ, поэтому на перронѣ были всѣ: комендантъ станціи, начальникъ и помощникъ, много служащихъ и рабочихъ. Теперь на перронѣ, какъ и до событій, выходили опять всѣ. Да и вообще вездѣ былъ порядокъ. Работы возобновились, локомобиль шумѣлъ. Шло все, казалось, какъ и раньше; и, несмотря на это, въ воздухѣ рѣяло беспокойство. Съ востока цѣлый день шли поѣзда изъ теплушекъ съ платформами, на которыхъ были орудія, двухколки, походныя кухни и часовые; цѣлый день глухо гудѣли обѣ линіи рельсъ. Отъ этого потока подвижного состава, груженаго наслѣдствіемъ войны, отъ унылаго визга рельсъ и стонавшей отъ вѣтра телеграфной проволоки надъ станціей дѣгалось жутко. Всѣ чувствовали себя какъ бы во власти побѣдителя; такъ, должно быть, чувствуютъ заложники, оставленные безъ вѣсти отъ близкихъ имъ людей. Что-то опасное повисло въ воздухѣ и грозило сорваться: ждали поѣзда, о дѣяніяхъ котораго ходили смутныя и ужасныя вѣсти. Нервно, насторожившись, глядѣли всѣ вдалъ. Долго глядѣли. Ага, вотъ: издали мчались огненные глаза паровоза и слышался тупой грохотъ вагоновъ. А когда поѣздъ примчался и паровозъ сталъ у станціи, наступила странная тишина, въ которой крылась боязнь. У дверей станціи стояли на вытяжку солдаты и жандармы.

И была тишина.

Нѣсколько долгихъ мгновеній стояла эта странная тишина, потомъ медленно и постепенно она стала пробуждаться. Изъ закрытаго доселѣ вагона третьяго класса показался одинъ солдатъ, второй, третій, и перронъ опять заужжалъ, какъ идущи въ ходъ механизмъ. Изъ большого вагона, лакированного и чистенькаго, какъ японская коробочка, вышелъ генераль. Къ нему быстро подошелъ комендантъ и, взявъ подъ козырекъ, сталъ рапортовать что-то, но генераль его не дослушалъ, а зычно приказалъ:

-- Начальника станці!..

— И инженера Трефилова,—мягко подсказаалъ кто-то.

— И инженера Трефилова,—такъ же безстрастно и зычно повторилъ генераль. Его окружила блестящая свита; при яркомъ свѣтѣ зажженного уже фонаря генераль и его свита представляли очень красивую группу. Послѣ приказанія генерала перронъ ожиль. Суетливые люди тянулись въ толпѣ, искали, нашли и всѣ вмѣстѣ, гурьбой, привели инженера Трефилова и поставили его рядомъ съ начальникомъ станціи, съ опущенной головой стоявшимъ передъ генераломъ. Генераль топалъ ногой, сердито говоря что-то одному изъ лицъ своей свиты; по мѣрѣ продолженія разговора передъ генераломъ появлялись телеграфисты и рабочіе. Потомъ генераль окинулъ ихъ сердитымъ взглядомъ и приказалъ:

— Въ вагонъ!

Увели всѣхъ: начальника станціи, инженера, телеграфиста и рабочихъ—въ послѣдній вагонъ. На перронѣ остались: блѣдный помощникъ начальника станціи, два жандарма, группа солдатъ, исчезнувшихъ вскорѣ въ поѣздѣ, и часовые у лакированныхъ чистенькихъ вагоновъ и у теплушкъ съ арестованными. Поѣздъ стоялъ передъ вокзаломъ; паровозъ все время пыхтѣлъ.

Въ десять часовъ взошла луна, обливъ всю станцію мягкимъ свѣтомъ. Отъ телеграфнаго столба упала тѣнь. Казалось, она хочетъ разсѣчь теплушку, гдѣ были арестованные. Кромѣ инженера, начальника станціи, телеграфистовъ и рабочихъ тамъ были еще рабочіе, телеграфисты, инженеры и начальники другихъ станцій. Третій ужасный день они проводили въ поѣздѣ. Когда новыхъ привели, то при свѣтѣ, проникшемъ сквозь отодвинутую на минуту дверь, видно было много людей. Но никто ничего не говорилъ, только изъ угла спросили:

— Какая станція?

Начальникъ отвѣтилъ. Нѣсколько минутъ тихо говорили, потомъ опять стояло тяжелое молчаніе и слышались дыханія людей. Съ восходомъ луны сдѣлалось свѣтло въ вагонѣ черезъ отверстія вверху; на нарахъ теплушкѣ выдѣлились силуэты. Инженеръ Трефиловъ и начальникъ станціи встали на нары и выглянули черезъ отверстія надъ нарами на перронѣ.

Два жандарма стояли по прежнему у дверей вокзала. По перрону ходили военный докторъ и молодой поручикъ. Изъ дверей вокзала доносился шумъ,—должно быть, въ буфетѣ шумѣли. Изрѣдка туда проходилъ кто-нибудь изъ поѣзда. При приближеніи доктора и поручика къ фонарю

на лицѣ поручика видны были веснушки, и довольства, сътаго, тупого довольства было полно молодое лицо. Трефилову и начальнику станціи слышенъ былъ разговоръ ихъ: они ходили отъ входа въ вокзалъ до конца поѣзда и обратно.

— Я на слѣдующей станціи сбѣгу...— говорилъ сердито докторъ.— Этого не вынесешь. Плачь, вой, смертельный ужасъ. Даже женщины... Вѣдь у меня не канаты, а нервы. Будь она проклята, эта исторія, которую записываютъ разстрѣлами...

Поручикъ молчалъ. Докторъ опять заговорилъ.

— Вотъ я вычиталъ гдѣ-то въ газетѣ, что революція не нужна, а дѣлаютъ ее люди оттого, что это... ихъ спеціальность, что ли. Все это доказывалось такъ основательно, что выходило, будто эти люди—любители умирать...

Поручикъ засмѣялся.

— Чудакъ вы, докторъ!—веселымъ, жизнерадостнымъ тономъ сказалъ онъ:— „любители умирать“... Нужно проще смотрѣть, по-военному: виновны—разстрѣлять, и все. Наша обязанность, что и говорить, тяжелая; но вѣдь они сами вызвали. Вѣдь вы понимаете...

Трефиловъ и начальникъ станціи потеряли нить; докторъ и поручикъ остановились у входа въ вокзалъ и заговорили • чемъ-то горячо, размахивая руками. Потомъ они пошли обратно, и поручикъ съ жаромъ говорилъ:

— Массовые—это именно хорошо, великолѣпно, по военному. Внуки не забудутъ. Зря вы хулите, это закаляетъ. Великолѣпный народъ пошелъ, мужественный, ничемъ не стѣсняется...

Гдѣ-то далеко грохнуль выстрѣль. Инженеръ и начальникъ станціи вздрогнули. Вздрогнули и ходившіе по перрону и остановились у теплушкі.

— Что это?—спросилъ докторъ.

— Стрѣляютъ!—махнулъ рукой поручикъ и продолжалъ разговоръ.— Это великолѣпно!—возбужденно говорилъ онъ.— Помните, тамъ... на первой? Очень, знаете, непріятно было. Но теперь мнѣ все равно. Воевать—такъ воевать. Во времена французской революціи хуже было...

— Вы опасную шутку шутите!—развелъ докторъ руками.—Вы всякий разъ себя подогрѣваете спиртомъ. Нельзя такъ, вы допрыгаетесь. Я рѣшилъ на слѣдующей станціи заболѣть и вамъ совсѣмъ.

— Не могу, докторъ!—возразилъ поручикъ.—Да и не зачѣмъ. Это нашъ долгъ, стѣсняться нечего. Помилуйте... Искони былъ такой порядокъ, сотни лѣтъ такъ жили, и вдругъ—все это махомъ руки измѣнить хотятъ. Да кто же?? Какие-нибудь телеграфисты и рабочіе... Да за это еще мало...

Они подошли къ дверямъ вокзала, миновавъ одного неподвижного жандарма и по прежнему горячо разговаривая. Имъ помѣшалъ толстый военный, вышедший изъ дверей вокзала и подошедший къ нимъ.

— Докторисимуссъ! — громко, такъ что на весь перронъ слышно было, прохрипѣлъ онъ. — Гуляете? Я васъ, по усѣвію, жду въ буфетъ, а вы гуляете? Пойдемте!

Онъ взялъ доктора подъ руку.

— Сейчасъ, — сказалъ докторъ. Онъ что-то въ полголоса говорилъ, стоя у дверей, поручику.

— Да ну же, скорый, докторище! — тянуль хрюплю съ нетерпѣніемъ толстякъ. — Закуска ждетъ, а то потомъ въ буфетѣ опять не допросишься. Я и то, знаете, какъ дѣбился? Стекло въ буфетѣ вышибъ, сразу подали. Занятно, знаете: грохотъ, трескъ — всѣ и хвосты поджали. Теперь струсили, небось.

— Иду, иду, — обернулся къ нему докторъ, не выпуская его руки изъ-подъ мышки, но уходя опять вмѣсто вокзала къ концу поѣзда. Онъ что-то тихо договаривалъ поручику. Толстый военный вслушался и опять захрипѣлъ.

— Да будетъ вамъ! — потянуль онъ доктора, поворачиваая. — Что за охота философствовать? Пойдемте, закусимъ, или... стекла бить станемъ. А знаете, докторуха: нравится мнѣ этотъ шумъ, грохотъ, страхъ. Съ водкой весело, — съ дымомъ... Роскошно было бы теперь всю Россію стекломъ покрыть и сразу со всѣхъ концовъ бить начать. Чудесно бы вышло!

Докторъ засмѣялся.

— У васъ геніальная идея, — сказалъ онъ. — Пойдемте.. Но поручикъ не пошелъ.

— Наши въ карты дуются, пойду туда, — махнулъ онъ рукой по направленію къ переднимъ вагонамъ.

Докторъ ушелъ съ толстякомъ въ буфетъ, а поручикъ къ переднимъ вагонамъ. На часахъ было одиннадцать. Луна скрылась. Гдѣ-то за станцией раздался выстрѣль.

II.

Въ вагонѣ потемнѣло, но всѣ привыкли и видѣли другъ друга. Говорить не хотѣлось. У всякаго было много своихъ думъ. Ужаснѣе всего была неизвѣстность. Тѣ, что сидѣли напротивъ взятыхъ вмѣстѣ съ инженеромъ, были въ изѣздѣ уже три дня. При нихъ многихъ вызывали, и обратно вызванные уже не возвращались. Уходящимъ жали руки. И плакали...

Въ вагонѣ, въ углу, напротивъ Трефилова и начальника станціи сидѣлъ старый рабочій. Когда онъ зажегъ спичку и закурилъ, было видно его лицо, и потомъ Трефиловъ всю ночь его забыть не могъ. Сѣдая голова, овальное интеллигентное лицо и выраженіе ужаса, ужаса, за который прощаются грѣхи, и люди дѣлаются святыми, мучениками. Такой ужасъ пережить безнаказанно нельзѧ, за него плачутся разумомъ. Много было такихъ лицъ въ вагонѣ. Никто не говорилъ уже съ полчаса, въ теплушкѣ рѣялъ ужасъ безмолвія. Трефиловъ не выдержалъ молчанія и заговорилъ, обращаясь къ начальнику станціи:

— Не понимаю, за что насъ взяли! — высказалъ онъ вслухъ то, о чёмъ думалъ съ момента заключенія въ вагонѣ.—Обвиненія, кажется, не предъявляли. Вѣроятно, недоразумѣніе.

— Обвишнія никому не предъявляли,—громко проговорилъ кто-то въ углу.—Рабочихъ, вонъ, брали за то, что грамотенъ...

И сразу весь вагонъ заговорилъ безсвязно, громко; у всѣхъ рвались рѣчи тяжелыя, какъ стоны. Въ углу говорилъ рабочій. Голосъ его былъ громче, яснѣй другихъ, и его можно было различить. Не торопясь, онъ рассказывалъ:

— Часовъ 8 было. Пришли и взяли; а дочурка,—маленькая она у меня, одна,—и говорить: „Ты скоро, тятя?“ и головкой ко мнѣ...

Трефиловъ вслушался и не могъ понять. Рабочій говорилъ одно и то же:

— Часовъ 8 было. Пришли и взяли...

Это онъ повторялъ безпрестанно. И Трефилову, и начальнику сдѣлалось жутко. Трефиловъ придинулъ къ начальнику и тихо спросилъ:

— Что же будетъ?

— Вы боитесь?—освѣдомился, со странной поткой въ голосѣ, начальникъ.

— Нѣть!—спокойно отвѣтилъ инженеръ.—Но страшна эта нелѣпая неизвѣстность...

— Тогда,—сказалъ начальникъ,—давайте рѣшимъ: намъ предстоитъ умереть, и намъ будетъ извѣстно...

— Хо-о-рошо!—раздумчиво согласился инженеръ и почувствовалъ себя бодрѣ. Неизвѣстность ушла, и хотя впереди предстояло самое худшее, но... неужели же возможна такая нелѣпость?!

Никто не спалъ, но разговоръ прекратился. Задумавшися Трефиловъ шепотомъ сказалъ начальнику:

— А знаете, смѣшино, Николай Васильевичъ: такой важ-

ной кажется жизнь, а если ее ликвидировать, то нечего вспоминать. Два-три воспоминания, и все на одномъ вертится мысль... Къ чему, впрочемъ, и вспоминать?

— И не надо!—суроно бросилъ начальникъ.

Инженеръ понялъ, что мѣшаетъ ему думать, и замолчалъ. Замолкъ и весь вагонъ, въ углу только рабочій рассказывалъ, должно быть, въ пространство:

— Часовъ восемь было. Пришли и взяли...

Инженеръ закрылъ глаза и подумалъ, что въ немъ таится надежда, что онъ будетъ жить, и поэтому ему такъ не припоминается... И вдругъ заверглась передъ нимъ вся его двадцати-восьмилѣтняя жизнь. Сначала хорошее, свѣтлое дѣтство, согрѣтое любовью близкихъ людей. Потомъ страсть къ приключениямъ. Бѣгство темной ночью въ лѣсъ и ночь съ дождемъ и молнией. Часы онъ тогда потерялъ... Путешествия тужурка и юность. Богатая, волнующаяся юность... Были тамъ славные лунные ночи. Много лунныхъ ночей. Шепотъ высокихъ тополей, шелестъ платья, тишина пруда, обѣятія... Трефилову показалось, что запахло ландышемъ. Онъ оглянулся. Въ вагонѣ стояло молчаніе, только рабочій рассказывалъ:

— Часовъ восемь было. Пришли и взяли...

Трефиловъ опять закрылъ глаза, и ему еще яснѣй представилось все пережитое. Одно и то же повторялось до бесконечности, и была во всемъ этомъ какая-то неизъяснимая прелестъ. Вотъ первыя собранія и Марксы. Потомъ подпольные брошюры. Рвалась молодая грудь отъ желанія привнести пользу. Какіе горячіе споры бывали!..

Каникулы... Какая радость была... Отъ росы дѣлались мокрыми сапоги, и блестѣли на восходѣ солнца облака. Далеко бѣлѣлъ хуторъ отца. А тамъ, у пруда, ждали его. Его всегда ждали. Ждала мать, ждалъ отецъ. Но теперь они его не дождутся...

Инженеръ насторожился. Въ вагонѣ запѣли старую, знакомую пѣсню: „Укажи мнѣ такую обитель, я такого угла не встрѣчалъ...“ Удивительный всего было, что запѣлъ рабочій. Прягающія мысли инженера постарались припомнить, гдѣ онъ не такъ давно, при чёмъ-то веселомъ, такъ же неожиданно услышалъ это пѣсню? Два года тому назадъ. Онъ тогда вышелъ въ инженеры, попалъ въ помощники начальника одной дистанціи на Волгѣ, и тамъ ночью съ лодки такъ же неожиданно ворвалась разъ эта пѣсня. Молодая, веселая, вольная текла жизнь и окончилась здѣсь, въ теплушкѣ. Кончилась, когда разгоралась только заря на родной землѣ...

Инженеръ всталъ и удивился: какъ скоро ночь прошла!

Свѣтало. Начальникъ станціи сидѣлъ рядомъ, глядѣлъ въ поль теплушкы и думалъ. Должно быть, тоже ликвидировалъ свою жизнь. Онъ не спалъ всю ночь и, безъ того уже не молодой, казался теперь сильно постарѣвшимъ и осунувшимся за ночь.

— Николай Васильевич! —тихо позвалъ инженеръ:— всего не передумаете. Умирать—такъ умирать... Авось своей жизнью мы купимъ счастіе родинѣ...

Начальникъ станціи всталъ и протянулъ руку.

— Прощайте! Не надо больше говорить. Только слишкомъ ужъ все это нелѣпо и позорно! Подумайте—теперь!..

Онъ не договорилъ. Широкая дверь отодвинулась. На фонѣ тусклаго сѣраго разсвѣта стоялъ хриплый офицеръ, звавшій вчера поручика и доктора въ буфетъ; за нимъ на сходнѣ виднѣлись нѣсколько солдатъ съ ружьями на плечо. Въ рукахъ у офицера былъ списокъ, и, съ трудомъ различая письмена на бумагѣ, онъ сталъ хрипло читать:

— Алексѣй Бушмакинъ, Федоръ Писунъ...

Изъ угла поднялись двое: рабочій и телеграфистъ. Оба были блѣдны. Рабочій кратко сказалъ:

— Я—Писунъ.

И вмѣстѣ съ молчавшимъ телеграфистомъ пошелъ къ двери. Весь вагонъ замеръ, словно надъ нимъ пронеслась смерть. Офицеръ плохо, нетвердо стоялъ на ногахъ, и отъ него несло водкой. Онъ продолжалъ читать:

— Трефиловъ Дмитрій...

Инженеръ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и хотѣлъ идти, но, услышавъ имя, сказалъ:

— Дмитрія нѣть. Я—Алексѣй Трефиловъ. Дмитрій—мой братъ, онъ третьяго дня уѣхалъ...

Офицеръ сдѣлалъ отмѣтку въ спискѣ и продолжалъ читать:

— Тюменевъ...

— Это мой помощники!—съ злобной радостью сказалъ начальникъ станціи.—Онъ успѣлъ уйти отъ васъ.

— А не вы?—спросилъ хрипло офицеръ.—Вы кто?

— Я—Батуевъ, начальникъ станціи...

— Это ошибка,—сказалъ хрипло, покачиваясь, офицеръ.— Батуева не надо. Кларкъ...

Поднялся сидѣвшій рядомъ съ инженеромъ рабочій.

— Я!—тихо сказалъ онъ, присоединяясь къ стоявшимъ у двери. Офицеръ смѣрилъ его взглядомъ, прочиталъ послѣднюю фамилію: „Дементьевъ“ и положилъ списокъ въ карманъ. Но никто не отзывался, и онъ повторилъ:

— Дементьевы!

— Вотъ онъ!—сказалъ сосѣдъ рабочаго по нарѣ и указалъ

на спавшаго, который всю ночь рассказывалъ: „Часовъ 8 было“, а потомъ запѣлъ. Къ нему подошелъ солдатъ и тронулъ его, но сейчасъ же отдернулъ руку. Рабочій умеръ подъ утро и теперь лежалъ, холодный, недвижный.

— Пойдемте!—сказалъ офицеръ.

Съ недоумѣніемъ глядя другъ на друга, блѣдные, ~~вышли~~ вызванные изъ вагона.

— Боже мой, да что же это такое?—спросилъ молоденький, лѣтъ 18, телеграфистъ въ углу.—Да что же это такое? Онъ заплакалъ, схватившись за голову.

Осмотрѣть умершаго рабочаго пришли вчерашніе довторъ и поручикъ. Докторъ былъ взволнованъ, но старался казаться хладнокровнымъ.

— Да, голубчикъ, скверно!—сказалъ онъ поручику, осмотрѣвъ рабочаго и уходя.—Со страху умеръ. Во времена французской революціи были храбрѣй... Или тамъ такихъ вещей не дѣлали... А всетаки я на слѣдующей станціи уйду! Я не могу!—закончилъ онъ неожиданно и вышелъ изъ вагона.

Солдаты стали уносить рабочаго. Слѣдомъ за ними вышелъ и поручикъ, держа шашку въ рукѣ.

Гдѣ-то громко ахнуло эхо выстрѣла, за которымъ послѣдовала рядъ другихъ.

III.

Поѣздъ внезапно тронулся безъ свистковъ и безъ предупрежденій. Вагоны слегка качнуло, потомъ плавно повезло.

День дѣйствовалъ не такъ удручающе, какъ ночь, и въ вагонѣ вскорѣ завязался разговоръ.

Кто-то въ углу одиноко и тихо засмѣялся, — это былъ молоденький телеграфистъ.

Отъѣхали версты три и стали у разъѣзда.

Трефиловъ опять влѣзъ на нары и пробовалъ выглянуть изъ окна, но теперь часовой у окна не позволялъ смотрѣть. Пришлось слѣзть внизъ.

— Гдѣ мы?—спросилъ кто-то у Трефилова.

— На разъѣздѣ!—отвѣтилъ онъ и потеръ рукой лобъ.— Три версты отѣхали.

На разъѣздѣ стояли до вечера, и опять вагонъ замолкъ. Два новыхъ лица прибавилось: телеграфистъ и движенецъ. Сидѣли молча. Мрачнымъ, какъ могила, дѣлался вагонъ. Луна всходила часамъ къ десяти, пока же было темно и безотрадно, какъ въ душѣ приговореннаго къ смерти. Радостной, яркой полоской запаль лучъ луны въ продолговат-

тый квадратъ сверху, когда все стихло кругомъ и казалось очень поздно.

Часовъ въ 12 по часамъ инженера широкая дверь вагона отодвинулась. Тамъ опять стоялъ поручикъ, а за нимъ, подъ свѣтомъ луны, виднѣлись отблески штыковъ.

— Батуевъ!— позвалъ поручикъ.— Трефиловъ!

Начальникъ станціи и инженеръ вздрогнули.

— Прощайте, Николай Васильевичъ...— сказалъ тихо инженеръ.

— Прощайте, голуб...чикъ, товарищъ!— обнялъ его Николай Васильевичъ. Трефиловъ почувствовалъ, какъ на щеку его упало что-то горячее. Оба они подошли къ двери.

— Вы свободны!— заявилъ поручикъ.— Можете идти.

— Какъ свободны?— съ радостнымъ удивленіемъ спросилъ инженеръ.

— Свободны,— подтвердилъ поручикъ.— Можете идти...

— Отчего же настъ взяли?! И заставили такую ночь провести?

— Обратитесь къ генералу, онъ вамъ разъяснитъ!— рѣзко отвѣтилъ поручикъ и опять позвалъ:

— Доценко!

Отвѣта не послѣдовало. Это былъ сосѣдъ по нарѣ умершаго рабочаго. Онъ опустилъ голову на руки и шепталъ:

— Двадцать четыре часа... Въ двадцать четыре часа...

Поручикъ позвалъ стоявшаго у сходни доктора. Докторъ подошелъ къ Доценкѣ, посмотрѣлъ, подержалъ его руку въ своей и сказалъ:

— Онъ самъ не выйдетъ, надо его высадить...

Два солдата вывели Доценку изъ вагона и посадили на откосъ полотна. Онъ опять опустилъ голову на руки и сталъ шептать:

— Въ двадцать четыре часа... Въ двадцать четыре часа...

— Какъ же быть съ нимъ?— спросилъ поручикъ доктора.

Начальникъ станціи и инженеръ отошли отъ поѣзда и пошли по пути. Начальникъ предложилъ инженеру:

— Пойдемте на перронъ, со слѣдующимъ поѣздомъ пойдемъ...

— Не надо!— глухо отозвался инженеръ.— Пойдемте пѣшикомъ. Здѣсь всего три версты. Пройтись хорошо...

Оба пошли молча вдоль линіи. Инженеръ былъ выше. Отъ него падала длинная, тонкая тѣнь и ложилась на откосы полотна и на рельсы.

М. Подвалный (А. Горемыка).

* * *

Когда наступить ночь, и суэты дневной
Съ души спадеть пустое бремя,
И по небу, во мглѣ, тяжелою стопой
Бредеть медлительное время,
И жизнь окрестная замреть и чутко спить,
И дышуть сны ея угрозой,—
Тоска безсильная мнѣ сердце леденить,
И грезить умъ кровавой грёзой...

Какъ сонъ болѣзненный, опять въ душѣ моей
Тѣснятся скорбныя видѣнья;
Всѣ жертвы чистыя безумныхъ нашихъ дней
Идутъ на зовъ воображенья...

Смотрю—и призраковъ кровавый, длинный рядъ
Перебираю на удачу,—
И жалость въ сердцѣ спить, и сухъ горячай взглядъ,
Не содрогаюсь я, не плачу.
Для слезъ, какъ для мольбы, душа давно мертвa,
Пустой надежды не ищу я:
Съ отрадой злобнаго, больного торжества
На муки родины смотрю я.

На кровь, бѣгущую изъ жгучихъ ранъ ея,
Смотрю, слѣдя за каплей каждой,
Имъ жадный счетъ веду, дыханье затая,
Какъ пьяница, томимый жаждой.
О, лейся, лейся, кровь!.. Расти, кровавый счетъ!..
Расти!.. Настанеть день расплаты...
Коль радость намъ судьба за муки лишь даеть,—
Мы будемъ радостью богаты!

Я радъ, что ночь темна; отрадно видѣть мнѣ,
 Что міръ охваченъ черной бедной,—
 Пусть пламеннѣй горитъ тоска по яркомъ днѣ
 Въ людскихъ сердцахъ во мглѣ беззвездной.
 Я радъ, что радости послѣдній лучъ угасъ,
 И жизни замерло дыханье,
 Что мертвымъ изъ тьмы глядить на насъ
 Борцовъ замученныхъ страданье.

Пусть ложью красною никто не подсластить
 Питья съ отправой роковою,
 Пусть гнетъ насилия на всѣхъ, въ комъ духъ не спить,
 Плитой наляжетъ гробовою!
 Пусть крѣпнетъ ненависть... Пускай въ лицо судьбы
 Народъ великий прямо взглянетъ,
 И жребій вынетъ свой, и взвѣсить трудъ борьбы
 И на борьбу, какъ буря, встанетъ!..

Е. С.

Москва.
 Октябрь 1906.

ИНСУРГЕНТЪ.

1871 г.

Романъ Жюля Валлэса.

Переводъ съ французскаго Я. А. Глотова.

Посвящаю эту книгу *жертвамъ 1871-го года.*

Всѣмъ тѣмъ жертвамъ соціальной несправедливости, которая возстала съ оружиемъ въ рукахъ противъ несовершенного строя и создали, подъ знаменемъ Коммуны, великую федерацію героевъ-мучениковъ.

Парижъ, 1886.

Жюль Валлэс.

XXXI.

V-й округъ.

Можетъ быть, тѣ, съ кѣмъ я часто сталкивался съ тѣхъ морь, какъ началъ свою оборонительную войну съ жизнью, въ этотъ торжественный моментъ будуть рады увидѣть въ своихъ рядахъ старого товарища по работѣ и лишнѣямъ, этого бѣдняка, который такъ долго шлялся въ потертомъ пиджачишкѣ по Люксембургскому парку.

Этотъ уголокъ латыни, гдѣ изнывала моя страдальческая юность, никогда не поставляя бойцовъ въ соціальные войны; но за то сколько тамъ было убийствъ!

Потомки мосье Приодомма всегда начинаютъ фыркать передъ сраженіями, гдѣ ихъ пальто пачкается о блузы и гдѣ баррикадные мастера грубо покрикиваются на баккалавровъ, когда тѣ стѣсняютъ движеніе или мѣшаютъ стрѣлять.

Кто знаетъ, не станутъ ли они смѣлѣе, имѣя во главѣ одного изъ своихъ же!

Бѣгу въ Ратушу.

— Приложи-ка сюда печать, Гамбонъ *).

— Прекрасная идея! Тамъ наверху, вокругъ Сорбонны тебя знаютъ всѣ. Только ты, кажется, не въ ладахъ съ Режеромъ **)? Впрочемъ, вотъ твоя бумага... А теперь, поѣзжаемся! Кто знаетъ, что можетъ случиться!

Онъ обнимаетъ меня, подписавъ, какъ членъ комитета общественного спасенія, мое назначение въ предсѣдатели комиссіи по оборонѣ, засѣдающей въ Пантеонѣ.

Я совсѣмъ профанъ въ стратегіи. Какъ нужно укрѣплять кварталъ? Какъ размѣщаются орудія въ батарею?

Развѣ „образованный“ понимаетъ хоть что-нибудь въ этомъ дѣлѣ.

Проходя мимо коллежа Сент-Барбъ, затѣмъ Луи-ле-Гранъ, я показывалъ имъ кулаки. Школьникъ съ сѣдѣющими усами, я проклиналъ эти казармы, которыхъ не научили меня ничему, что пригодилось бы теперь въ борьбѣ съ войсками..

Режерь былъ изъ „большинства“, и одинъ изъ наиболѣе буйныхъ. Тѣмъ не менѣе, мы поздоровались. Но онъ хочетъ сохранить за собой командованіе...

*) Адвокатъ и политический дѣятель. Въ 1847 г. этотъ молодой судья (ему было 27 лѣтъ) устроилъ банкетъ, на которомъ отказался отъ тоста за короля. Уволенный за это со службы, онъ въ 1848 году былъ выбранъ отъ Нивьеры въ конституанту. Все время вотировалъ съ крайними лѣвыми и былъ снова выбранъ своимъ департаментомъ въ законодательное собрание. 13 июня 1849 года принималъ участіе въ демонстраціи Ледрю-Ролленна, за что поплатился ссылкой и заключеніемъ въ тюрьму Белль-Изль. Получивъ свободу въ 1859 году, онъ долго держался въ сторонѣ отъ политической жизни и только въ 1864 году выступила съ пропагандой не платить налоговъ императорскому правительству. Послѣ своего паденія Гамбонъ выдѣлился, какъ одинъ изъ ярыхъ проповѣдниковъ соціализма, а также и своими нападками на правительство національной обороны. 8-го февраля 1871 г. былъ избранъ депутатомъ Парижа, но затѣмъ отказался отъ этого званія, занявъ мѣсто въ революціонной Коммунѣ, принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ ея выступленіяхъ, сдѣлялся 10 мая однимъ изъ 5 членовъ комитета общ. спасенія. Послѣ захвата города версальцами ему удалось скрыться.

Пр. пер.

**) Ветеринаръ по образованію, послѣ революціи 1848 года основалъ на родинѣ въ Бордо республиканскую газету. Переворотъ 2 декабря прекратилъ существованіе этого органа, а самъ редакторъ попалъ въ ссылку. Вернувшись во Францію послѣ амнистіи, Р. долго воздерживался отъ политики, будучи противникомъ соціализма и сторонникомъ царской власти. Тѣмъ не менѣе онъ сталъ въ ряды интернационала и былъ въ оппозиціи царительству. Какъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ центрального комитета національной гвардіи, былъ назначенъ мэромъ V округа. Послѣ вступления версальцевъ въ Парижъ получилъ отъ Делаклюза порученіе организовать защиту квартала Пантеона. Послѣ его взятія, вѣкоторое время скрывался, но затѣмъ былъ арестованъ и приговоренъ къ заключенію въ крѣпости, а затѣмъ высланъ въ новую Кaledонію.

Пр. пер.

Ну, что же!

Прячь, Жакъ, въ карманъ свою бумажку! Тебѣ остается лишь напоминать твоимъ старымъ пріятелямъ, какъ ты съ ними работалъ въ библіотекѣ, шлялся вмѣстѣ въ Одеонъ...

Многихъ изъ нихъ я встрѣтилъ на улицѣ.

Половина бѣжала, чтобы спрятаться, но остальные храбро сами вмѣшились въ кашу.

Мнѣ, напримѣръ, пришлось подписать цѣлый ворохъ назначеній въ делегаты на основаніе моего полномочія, которое я извлекъ, все измѣятое, изъ своего кисета.

Эти лоскутки бумаги необходимы для 20-лѣтнихъ гордѣцовъ. Они готовы подвергнуть себя опасности, быть разстрѣянными къ вечеру, лишь бы имѣть возможность похвастаться утромъ своимъ офицерскимъ свидѣтельствомъ.

Однако, они немедлено принялись за дѣло, доставляя матеріаль, снабжая провизіей и амуниціей — и компрометируя себя смертельно.

Это-то и нужно! Если завтра кого-нибудь изъ этихъ дѣтей порядочныхъ семей разстрѣляютъ или сошлютъ, это посѣть сѣмена восстанія на пашню буржуазіи.

Я дѣлаюсь вполноправнымъ членомъ небольшого отряда, расположившагося бивуаками вокругъ Пантеона.

Ахъ! Мало хорошаго говорили здѣсь о Коммунѣ!

— Если бы она была поэнергичнѣй!..

— И если бы вы, да вы, Вентра, не усыпляли народъ вашимъ умѣреннымъ журналомъ! — кричалъ одинъ лейтенантъ, почти хватая меня за горло.

Эта компанія не любить „меньшинства“.

Выстрѣль!

— Однако! Придется класть заплату на пальто.

Еще бы чуть-чуть пониже, и мнѣ пришлось бы тогда латать свою кожу.

Нечаянно разрядился пистолетъ.

Мы поладили.

Передъ приближеніемъ общаго врага затихаетъ злоба.

Уже онъ на Монпарнассскомъ вокзалѣ.

Не устремится ли онъ на нашъ кварталъ?

А что, если напасть на него первыми? Эта мысль была брошена вечеромъ, на собраніи совѣта командировъ, однимъ изъ моихъ прежнихъ товарищѣй. Онъ тоже книжникъ, но совсѣмъ не вѣрить въ классическую стратегію и въ защиту за барrikадами.

— Двинемся впередъ и выбьемъ ихъ!

— Это безуміе! — возразили въ одинъ голосъ тѣ, кто служилъ солдатами.

— Да. Но во всякомъ случаѣ безуміе смѣлыхъ, которое

можетъ обезкуражить противника, да и нисколько не опаснѣе пассивнаго сопротивленія!

Однако, мой товарищъ и я остаемся одни съ нашимъ сумасшедшімъ проектомъ и клянемся во что бы то ни стало идти до конца вмѣстѣ, бокъ о бокъ.

— Обѣщаєте прикончить меня, если я получу слишкомъ тяжелую рану?

— Да, съ условіемъ, что вы мнѣ окажете ту же самую услугу, если въ первую очередь попаду я!

— Идетъ!

Я чертовски боюсь страданій! Изъ-за этой трусости я всегда предпочитаю смерть.

Хотя, собственно говоря, не особенно-то весело издохнуть гдѣ-нибудь подъ заборомъ отъ руки своего товарища.

— А вамъ улыбается перспектива быть заживо изрѣщенными штыками?

— Изрѣщенными!..

— Эти линейные, голубчикъ, искромсали бы насы въ куски еще тогда, когда мы проповѣдовали войну во что бы то ни стало. Теперь они намъ выковырютъ глаза своими саблями: вѣдь это мы заставили ихъ вернуться изъ родныхъ деревень.

Ко мнѣ подходитъ одинъ изъ нашихъ.

— Гражданинъ, хотите взглянуть трупъ предателя?

— Кого-нибудь казнили?

— Да! Одного булочника, который сначала запирался, а потомъ признался во всемъ.

Я блѣднѣю, федералисты замѣчаетъ это.

— Вы, можетъ быть, еще оправдали бы его? А! Двадцать чертей! Не понимать, что, проломивъ голову Іудѣ, спасаешь жизнь тысячи своихъ!

Я прихожу въ ужасъ отъ вида крови, а у меня, уже запачканы въ ней всѣ руки: онъ уцѣпился за меня, прося пощады!..

— И если никто не будетъ убивать шпионовъ, то что же тогда?

Въ нашъ споръ вмѣшался еще одинъ.

— Вамъ хочется сохранить чистенъкими ваши ручки на случай суда, или для потомства! Это намъ, народу, рабочимъ, всегда приходится дѣлать грязную работу... чтобы потомъ въ насъ же бросили грязью! Развѣ не такъ?

Этотъ раззяренный сказалъ правду!

Да, мы хотимъ попасть не запятнанными въ исторію и не желаемъ связывать свое имя съ кровавымъ навозомъ боенъ.

Признайся въ этомъ, Вентра; не ссылайся въ свое оправ-

даніе на блѣдность, заливающую твое лицо при мысли • несчастномъ разстрѣлянномъ!

Вторникъ, 5 часовъ утра.

Со стороны Пантеона завязалось сраженіе.

Ахъ, какое печальное зрѣлище представляютъ спускающіяся подъ лучами восходящаго солнца носилки, залитыя пурпуромъ человѣческой крови! Это несуть на перевязочные пункты раненыхъ.

Я спалъ гдѣ-то въ одномъ изъ закоулковъ мэріи, рядомъ съ мертвѣцомъ, такъ же какъ и въ предыдущую ночь.

Булочникъ лежитъ тамъ за этими досками, и клочья соломы, сырье и красные, добрались по сточной канавкѣ почти до моихъ ногъ.

На разсвѣтѣ меня разбудили, и я отправился къ баррикадамъ!

Но по дорогѣ меня останавливали командиры и полковники, хватали за полы, требовали припасовъ, хлѣба, совсѣмъ... иные рѣчей.

Были такие, которые угрожали:

— И послѣ этого Коммуна еще имѣть право поднимать головы!

Я чувствовалъ себя совсѣмъ потеряннымъ... И никого около меня, кто бы могъ дать мнѣ какое-нибудь разъясненіе, поддержать, раздѣлить со мной это бремя! Изъ членовъ Коммуны, избранныхъ кварталомъ, я видѣлъ еще только Режера, захваченнаго муниципалитетомъ, завязшаго въ немъ по уши, почти утонувшаго, да Журда *), который появился было на минутку, но на его плечахъ и безъ того не малая отвѣтственность.

Это въ его вѣдѣніи находятся послѣднія экю, чтобы пытать восстаніе, расплачиваться за жизненные припасы, которыхъ такъ громко требуютъ наиболѣе рѣшительные. Кроме того, его министерство сгорѣло отъ версальскихъ ядеръ.

И я одинъ.

Время отъ времени меня прислоняютъ къ какому-нибудь дому и поднимаютъ вопросъ, не покончить ли со мной.

*) Избранный въ члены Коммуны, принималъ участіе въ управлениіи финансами, съ блескомъ выполняя свои трудныя функции. Протестуя противъ учрежденія комитета общественного спасенія, онъ подалъ въ отставку, которая, однако, не была принята. Весь энергичную борьбу съ центральнымъ комитетомъ и былъ въ „меньшинствѣ“, рѣшившемъ не посѣщать собраній Коммуны. На другой день послѣ вступленія войскъ оставилъ уже горѣвшее министерство финансовъ и нѣкоторое время скрывался, но потомъ былъ арестованъ на улицѣ. Благодаря пожару, не могъ представить суду оправдательныхъ документовъ и былъ сосланъ въ Новую Кaledонію.

Пр. пер.

Эльзасецъ Вури, судебный слѣдователь изъ Ферре, только спась меня отъ прекрасной возможности отправиться на тотъ свѣтъ.

— Вы — не Вентра!

Собирается толпа.

— Шпіонъ! Прикончить его!

— Въ мэрію! Въ мэрію!

— Зачѣмъ въ мэрію? Здѣсь у забора!

— У Жака Вентра борода. Вы — не Жакъ Вентра!

— Къ стѣнѣ! Къ стѣнѣ!

Эта стѣна была переднимъ фасадомъ кафе на улицѣ Суффла.

Я попробовалъ было объясниться.

— Позвольте!.. Послѣ того, какъ я удралъ изъ Шершъ-Миди, я началь бриться!..

Несмотря ни на что, мнѣ, навѣрно, пришлось бы разстаться съ жизнью, если бы Вуръ не бросился въ ужасъ къ нашей группѣ.

— Что вы хотите дѣлать?

Если меня не признали, за то онъ былъ извѣстенъ здѣсь. И онъ поклялся, что я имѣю право называться своимъ именемъ.

— Простите, гражданинъ, извините!

Я отряхиваюсь, какъ мокрая собака, и мы всѣ гуртомъ отправляемся выпить по стаканчику...

Теперь, когда нѣть никакого сомнѣнія, что я Вентра, я дѣлаюсь плѣнникомъ всѣхъ этихъ прибывающихъ батальоновъ. Ихъ офицеры стараются понасѣсть на меня, поприжать главнаго редактора „Cri du peuple“, единственнаго носителя шарфа на весь этотъ округъ.

И меня заваливаютъ мелочами, я задыхаюсь отъ нихъ! Изъ-за всего обращаются ко мнѣ. Изъ-за всякихъ пустяковъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ началась борьба, у меня едва нашлося время сходить посмотрѣть, какъ идетъ защита.

Два или три раза я собирался снова пробраться туда, гдѣ съ безумной смѣлостью держались Лисбонть и Ари Бауеръ...

Но меня удерживаютъ, зовутъ, возвращаютъ, обыкновенно потому, что поднимается вопросъ о предательствѣ, и кто-нибудь уже бьется въ рукахъ этихъ недовѣрчивыхъ и раздраженныхъ, требующихъ немедленного и упрощеннаго суда.

Однако, на моей совѣсти нѣть ни одного убитаго, если не считать несчастнаго хлѣбопека. Правда, усиленно поговаривають, что въ одномъ изъ дворовъ разстрѣляли коман-

дира Павіа, не поднимая изъ-за этого шума, изъ опасенія, какъ бы я его не спасъ; однако, никто не видѣлъ его трупа.

Эстафета: „Улица Вавенъ требуетъ поддержки.“

Барабанъ зоветъ дѣтей отца Дюшена на помошь къ тѣсниной баррикадѣ.

Они не заставляютъ повторять приглашенія.

— Пусть настѣ ведеть Вермершъ *)!

Но Вермерша нѣть.

— А! Вотъ они писаки, журналисты!.. Сидѣть по погребамъ, когда надо сражаться!

— Вы хотите одного изъ журналистовъ?.. Я къ вашимъ услугамъ.

Маршъ!

Бѣть барабанъ. Я рядомъ съ нимъ, и содроганія инструмента отдаются въ моемъ сердцѣ: моя человѣчья кожа трещитъ, какъ и его ослиная.

На полдорогъ меня тянутъ къ себѣ люди, сбѣжавшіеся на шумъ.

— Необходимо, чтобы вы явились... У версальцевъ есть сторонники, которые работаютъ изпотишко въ мэрії VI-го округа, они снохались съ артиллеристами, занимающими Монпарнаскій вокзалъ.

— Меня зовутъ Сальваторъ; вы должны меня помнить: вы слышали, какъ я говорилъ на собраніи въ Медицинской Школѣ. Вѣрьте мнѣ, пойдемте съ нами... Вашу работу на перекресткѣ Бреа сможетъ исполнить первый встрѣчный, тогда какъ въ Сен-Сюльпісъ васъ, навѣрно, послушаютъ.

— Оставьте настѣ, если вы находите это полезнымъ,—говорить мнѣ самъ капитанъ дѣтей отца Дюшена.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь идетъ диспутъ, чуть ли не драка.

Я пытаюсь открыть имъ глаза.

Но вотъ, наконецъ, является Варлэнъ... Варлэнъ—идоль.

*) Журналистъ, рано обратившій на себя вниманіе остроумными портретами и карикатурами въ „Figaro“ и другихъ газетахъ. Яркій образчикъ литературной богемы. Послѣ переворота 4 августа 1870 г. вдругъ почувствовалъ себя соціалистомъ и патріотомъ, сдѣвался сотрудникомъ „Cri du Peuple“ Валлэса, въ которой помѣстилъ рядъ пламенныхъ статей. Въ 1871 году онъ пытался воскресить газету Гебера (1793 г.) „Le père Duchéne“, изъ сотрудниковъ и поклонниковъ которой, должно быть, и состоялъ вышеупомянутый баталіонъ. Эта газета отличалась необычайной разнузданостью, обливала грязью по очереди всѣхъ главарей Коммуны и привывала къ пожарамъ и жестокостямъ. Однако, по вступлѣніи версальцевъ въ городъ, онъ самъ не взялся за оружіе, какъ Верморель, Валлэсъ и другіе журналисты, а бѣжалъ въ Бельгію. Кончилъ очень грустно, умеревъ въ полной нищетѣ въ рабочемъ домѣ въ Лондонѣ (1878 г.).

своего квартала, и передъ нимъ все смолкло, какъ только онъ вошелъ.

Я свободенъ?

Нѣть еще. Меня повсюду ищетъ офицеръ изъ V округа. Едва замѣтилъ меня, онъ предлагаетъ:

— Вентра, не подниметесь ли вы опять наверхъ? Поговариваются, какъ бы взорвать Пантеонъ.

Я вѣбираюсь.

Штуки двѣнадцать снарядовъ разрываются около фонтана Сень-Сюльписъ, и ихъ вонючие осколки разлетаются почти у нашихъ ногъ.

Сквозь занавѣску темнѣеть профиль патера. Если федералисты, что идутъ со мной, его замѣтятъ, онъ погибъ.

Нѣть! не замѣтили!. Скорѣе мимо!

Печальна и пуста эта улица, только куски чугуна заполняютъ ее. Они мчатся по землѣ впереди и позади нась, какъ крысы, которыхъ бѣгутъ въ свои водосточные трубы.

Дома забиты. Безглазыя стѣны точно большія слѣпныя лица.

На одномъ изъ угловъ—слѣпой, съ собакою у ногъ, жалобно просить:

— Подайте милостию, Христа ради.

Я знаю его вотъ уже тридцать лѣтъ. Когда онъ появился здѣсь, — его волосы были черны, теперь они у него сѣды. Мне кажется, что онъ былъ на этомъ же самомъ мѣстѣ 3-го декабря 1851 года, когда Ранкъ *), Артуръ Аренъ **)

*) Публицистъ и политический дѣятель. Принималъ участіе въ защитѣ республики 2-го декабря и счастливо избѣжалъ суда. Въ 1853 году былъ осужденъ на годъ тюрмы за принадлежность къ тайному обществу. Послѣ 4-го сентября былъ мэромъ IX округа и своей дѣятельностью завоевалъ громадную популярность. Въ октябрѣ улетѣлъ изъ Парижа на воздушномъ шарѣ и близился съ Гамбеттой, который поставилъ его во главѣ полиціи. Избранный въ члены национальнаго собранія, голосовалъ противъ заключенія мира и сложилъ съ себя полномочія послѣ принятия его. Выбранный въ члены Коммунъ, вышелъ изъ нея 6 апрѣля, не одобравъ декрета о заложникахъ. Послѣ этого участвовалъ въ разныхъ журналахъ и въ 1873 году былъ избранъ отъ ронского департамента въ национальное собраніе, гдѣ примикулъ къ крайней лѣвой. Только тогда противъ него было подано судебнѣе преслѣдованіе за участіе въ Коммунѣ. Онъ бѣжалъ и былъ приговоренъ заочно къ смертной казни. Послѣ амнистіи 1879 г. вернулся на родину, занимался журналистикой, потомъ былъ депутатомъ и, наконецъ, въ 1891 г. попалъ въ сенатъ. Пр. пер.

**) Журналистъ и литераторъ. Сотрудничалъ въ очень многихъ газетахъ и журналахъ и подвергался судебному преслѣдованію за свои статьи. Въ 1870 г. былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Ришфоровской „Marseillaise“, послѣ закрытія этой газеты, основалъ свою: „Journal du peuple“, которая скоро тоже прекратила свое существованіе. Былъ избранъ членомъ национальнаго собранія, 18 марта старался созданиемъ компромисса помѣшать гражданской войнѣ. Выбранный въ Коммуну двумя

и я направлялись захватить эту же самую мэрію, гдѣ сегодня сидят наши въ перемежку съ изряднымъ количествомъ измѣнниковъ.

Еще одна бомба; новые чугунные осколки, горячие и съ сквернымъ запахомъ.

— Подайте милостыню. Христа ради!

Ницій, не выпускающей изъ руки своей деревянной чашки даже подъ ядрами! Автоматъ, олицетворенное малодушіе, обладающій безстрашіемъ героя! Онъ издастъ гортанный крикъ, выдѣляющійся монотонностью среди человѣческой бури, звучащій неумолимо въ этой безпощадной борьбѣ.

Вотъ онъ у церковной колонны, точно статуя дряхлости и нищеты! Онъ стоитъ во весь ростъ среди этого міра, мечтающаго излѣчить язвы и уничтожить нищету!

И ему подаютъ. Люди, идущіе сражаться, бросаютъ еу, а сами выпрашиваютъ патроны.

— Спасибо, добрые господа!

XXXII.

Первое впечатлѣніе этого утра было ужасно! Когда я спускался къ Красному Кресту, чтобы взглянуть, гдѣ находятся наши бойцы, я увидѣлъ бѣгущихъ женщинъ. Они несли узлы съ пожитками и тащили за руки ребятишекъ.

— Все жгутъ! — кричали эти женщины или плакали. Было нѣсколько и такихъ, которая работали на ходу и изрыгали на меня проклятія.

Какъ хотѣлось бы мнѣ протянуть красный шарфъ мой, какъ цѣль, поперекъ этой паники. Но обезумѣвшихъ не остановить — все равно гдѣ: на улицѣ Де-Бюси или у Версальскихъ воротъ!

Одна хозяйка молочной, въ трудныя времена отпускаяшая мнѣ въ кредитъ на нѣсколько су шоколаду и молока, упѣшилась за меня съ криками отчаянія:

— Вы не по позволите сжечь квартала? Вы благородный человѣкъ! Если будетъ нужно, вы съ вашимъ баталіономъброситесь на поджигателей!..

Одинъ моментъ я былъ во власти ея и другихъ, стариковъ и дѣтей, группы человѣкъ въ двадцать; они рыдали,

округами, онъ былъ однимъ изъ умѣренныхъ ея членовъ. Протестовалъ противъ учрежденія Комитета Общественнаго Спасенія, противъ закрытия газетъ, противъ всѣхъ произвольныхъ и репрессивныхъ мѣръ, и поднялся подъ протестомъ меньшинства. Послѣ паденія Коммуны успѣлъ открыться въ Швейцарію.

Пр. пер.

сь протянутыми руками спрашивали, куда имъ дѣваться, и кричали, что все погибло...

Наконецъ, мнѣ удалось ускользнуть отъ нихъ. Я бросаюсь въ первый проулокъ и снимаю свой шарфъ.

На улицѣ Казимира Делавиня, по пути, есть знакомая читальня, гдѣ въ течніе десяти лѣтъ я занимался и просматривалъ газеты. Тамъ меня премутъ, и у меня будутъ двѣ-три минуты времени, чтобы взвѣсить въ своемъ сознаніи всѣ „за и противъ“ этого пожара.

Я стучусь.

— Войдите.

Мнѣ хотѣлось бы хотя минутку побывать наединѣ съ самимъ собой... Наврядъ ли это удастся!

Присутствующіе умоляютъ меня оставить родину.

— Но вѣдь это безпощадная бойня... можетъ быть, страшные казни, если вы будете упорствовать!

— Я знаю это, чортъ возьми, прекрасно!

— Подумайте о вашей матери, ваша смерть ее убьетъ...

Ахъ! Негодяи! Они попали въ слабое мѣсто... И вотъ, какъ послѣдній трусь, я забылъ улицу въ огнѣ, свою роль и свой долгъ. Воспоминанія родной стороны заполонили сердце и мозгъ, и я вижу предъ собою, точно вотъ мать взошла, во вдовьемъ платьѣ, въ бѣломъ тюлевомъ чепчикѣ. Ея громадные черные глаза безумно впились въ меня, и сухія, пожелтѣвшія руки поднимаются съ жестомъ неискаженной скорби!

Залпъ.

Мимо оконъ пробѣгаютъ два или три федералиста и бросаютъ ружья на мостовую.

— Смотрите!.. они бѣгутъ!

— Они бѣгутъ! Но я я не имѣю права бѣжать! Пожалуйста, оставьте меня!.. Мнѣ нужно побывать наединѣ со своими мыслями.

Все обдумано. Я остаюсь съ тѣми, кто разстрѣливается и самъ будетъ разстрѣленъ!

Что тамъ говорили эти потерявшіе голову о томъ, что „все погибло“?

Полили керосиномъ два или три каменныхъ зданія. Ну-съ, затѣмъ?

Разберемся-ка! Въ коллежѣ всѣ книги, гдѣ говорилось о славномъ Римѣ или о непобѣдимой Спарѣ, были, какъ мы помнится, полны пожаровъ. Побѣдоносные полководцы привѣтствовали огонь пожаровъ, какъ лучи зари, а осажденные устраивали ихъ, чтобы воздать должное исторіи. Можетъ послѣднія сочиненія были посвящены героическому сопро-

тивленію... разрушенной Нуманції *), обращенного въ пепель Кареагена, пылающей Сарагоссы.

А капитанъ Файяръ, увѣшенный орденами за русскій походъ! Онъ обнажалъ голову всякий разъ, когда заходила рѣчъ о Кремльѣ, который эти сѣверные варвары запалили, точно пуншъ! „Ну и ребята!“—говорилъ онъ, крутя усы.

А разоренный и спаленный Пфальцъ! А сотни уголковъ міра, сожженныхъ во имя королей или республикъ, во имя еврейскаго или христіанскаго Бога? А гроты Зататхъ *)!.. А развѣ къ каблукамъ сапогъ герцога Пеллісса не пристали лохмотья обгорѣлой человѣческой кожи?

Пока, насколько мнѣ извѣстно, мы еще не забивали версальцевъ въ погреба и гроты сжигать ихъ тамъ живьемъ.

Я сдѣлялся поджигателемъ лишь послѣ того, какъ окинулъ взглѣдомъ все прошлое и нашелъ тамъ предшественниковъ!

Мы разбирались въ этомъ сначала вдвоемъ, Ларошеттъ и я, мы съ нимъ вмѣстѣ учились; потомъ вчетверомъ, вдесятеромъ. Всѣ поголовно высказались за огонь.

Одинъ изъ нихъ такъ и кипѣлъ гнѣвомъ.

— И эта голь требуетъ пощады для своихъ трехногихъ кроватей, когда идетъ битва изъ-за всѣхъ бѣдняковъ, когда у сотень артиллеристовъ горятъ отъ огня вражескихъ пушекъ уже не рубахи, а собственные груди!.. А! Чортъ возьми! Да я самъ былъ богатымъ лѣтъ десять тому назадъ, пока не занялся соціальной политикой! Развѣ я не сжегъ все свое?.. А сегодня, когда стратегіи отчаявшихся приходится наложить руку на нѣсколько щепокъ и кирпичей, эти люди, изъ-за которыхъ раззоряются, ради кого идутъ на смерть, готовы бросить намъ поперекъ дороги узлы съ своимъ скарбомъ?

Онъ засмѣялся, какъ безумный.

— Я понимаю ужасъ буржуа,—снова заговорилъ онъ, повернувшись въ ту сторону, откуда раздавалась правильная канонада:—Они только что увидѣли въ огнѣ факела блескъ непобѣдимаго оружія, инструментъ, который не сломаешь и возставшіе будуть отнынѣ передавать изъ руки въ руки,

*) Главный городъ въ области ареваковъ въ нынѣшней Испаніи. Былъ взятъ и разрушенъ римлянами при Сципіонѣ Африканскомъ въ 138 г. до Р. Хр.

**) Оазисъ въ Алжирѣ. Здѣсь расположены были прекрасно укрѣплены арабскій городокъ того же имени, точно перенесенный сюда изъ средневѣковья. Во времена восстанія арабовъ въ 1849 году противъ французовъ онъ былъ взятъ послѣ почти двухъ-мѣсячной осады. Пришлось братъ съ боя каждую пядь земли. Къ концу дня отъ города остались только дымящіяся развалины, а отъ населенія одинъ слѣпой и пять женщинъ. Даже грудные дѣти не были пощажены.

Пр. Пер.

по пути гражданскихъ войнъ... И послѣ такого результата, что значить это?—заключить онъ, отбросивъ ружье и указывая на кровавый дымъ, покрывшій весь кварталъ краснымъ колпакомъ.

— Такъ вы говорите, лейтенантъ, что придется сжечь часть улицы Валенъ?

— Да, два дома, сквозь стѣны которыхъ проникъ духъ версальцевъ и откуда, совсѣмъ врасплохъ, на насъ могутъ свалиться линейцы. Вы знаете эти два угловыхъ дома?.. Въ томъ, который справа, есть буточная въ нижнемъ этажѣ.

Смѣшная случайность! На первыхъ же порахъ мнѣ пришлось споткнуться на трупъ хлѣбопека, а теперь я собираюсь уничтожить груды муки.

Царство хлѣба пылаетъ и залито кровью! Сейчасъ сгорить гораздо больше смолотой пшеницы, чѣмъ нужно было для прокормленія меня за всѣ годы моей голодовки!

— Ну-ка! Черкните здѣсь ваше имя, Вентра!

— Готово!.. да спалите лишнюю скворешницу, если понадобится!

Я расписываюсь на чистомъ бланкѣ.

— Мы прекрасно знали, что вы не станете вилять хвостомъ!

Одинъ изъ федералистовъ, смѣясь, вытаскивать изъ кармана старый номеръ „*Cri du Peuple*“ и тыкаетъ пальцемъ въ строчку:

„Если господинъ Тьеръ—химикъ, онъ пойметъ.“

— Ну? Вы уже тогда думали объ этомъ?..

— Нѣть! И не я написалъ эту горячую фразу. Я прочиталъ ее однажды утромъ въ статьѣ одного изъ сотрудниковъ. Я нашелъ ее нѣсколько натянутой, но, конечно, не хотѣлъ придавать ей видъ опечатки. И версальскія газетки не преминули подчеркнуть, что онъ сразу узнали мои когти и мои инстинкты бандита!

— А мы,—заявляетъ Тотоль,—хотимъ взорвать Пантеонъ!

Тотоль—баталіонный командиръ, пользующійся безграничнымъ вліяніемъ на товарищѣ, хотя онъ и дурить до невозможности. Во время осады онъ нападалъ на нѣмцевъ и насыпался надъ ними съ такой дерзостью, будь такъ забавенъ и такъ героиченъ, что его выбрали единогласно.

Его идея была принята восторженнымъ ура.

— Ужъ не вамъ защищать этотъ монументъ,—сказалъ мнѣ Тотоль: — монументы для Вентра... да ему наплевать на всѣ эти храмы славы и ящики для великихъ людей! Развѣ не правда, гражданинъ?.. Пойдемте-ка, посмотримъ, какъ расшвырять тамъ всю эту храмину!..

Мнѣ стоило страшного труда удержать Тотоля и объ-

яснить ему, что, не питая никакой любви къ памятникамъ, я, однако, вовсе не могу желать, чтобы ими пользовались для разрушенія и убийства половины Парижа.

Но они чертовски упорны и, несмотря на все то, что я могъ имъ разсказать, смерть Пантеона рѣшена!

Къ стѣнѣ Пантеонъ!

А вмѣстѣ съ нимъ у стѣны окажутся также С. Этіенъ-дю-Монъ и библіотета Св. Женевьевы!.. это легко можетъ статься!

Намъ, людямъ, пользующимся извѣстнымъ уваженіемъ, нѣсколькимъ благоразумнымъ командирамъ, во главѣ съ мѣромъ, да группѣ болѣе уравновѣшенныхъ федералистовъ, пришло соединиться вмѣстѣ, чтобы помѣшать этимъ горячимъ головамъ броситься на Пантеонъ, какъ на какого-нибудь реакціонера. Они уже было запаслись шнуромъ, пропитаннымъ сѣрой и селитрой, намоченнымъ въ керосинѣ.

— Думая нагнать страху на дѣревенщицу, — убѣждали мы:—вы лишь напугаете нашихъ! Кумушки постараются расписать васъ, какъ разбойниковъ; а другіе кварталы припишутъ это дѣло пруссакамъ, а то, очень можетъ быть, и версальцамъ!

Пришлось цѣлый часъ вдалбливать имъ это въ голову и, держа за полу мундира, читать наставленія!

Необходимо было также найти доводы и противъ одного старичка, который, настойчиво почесывая черепъ во время дискуссіи, кончилъ тѣмъ, что сказалъ очень нѣжнымъ голосомъ:

— Во-истину, граждане, мнѣ кажется, что было бы лучше для чести Коммуны не отступать передъ взрывомъ... И это будетъ не хорошо, если мы останемся здѣсь и взорвемъ въ одно время съ солдатами... Я не ораторъ, граждане, но у меня есть свое сужденьице... Изъ-за своей робости... я никогда не говорилъ публично. Но я осмѣлился, и мнѣ думается, что для первого раза я дѣлаю великое предложеніе. Только поторопимся: если мы будемъ разговаривать еще, мы никогда не взорвемъ! Никогда! — заключилъ онъ съ глубочайшимъ вздохомъ.

Онъ-то и спасъ осужденнаго! Надъ его страхомъ не успѣть запустить камнемъ въ небо принялись смыться, и разговоръ уже не возобновлялся.

Hôtel des Grandes Hommes.

Я здѣсь съ полночи.

Насъ много. Почти всѣ вожаки V-го и XII-го округовъ, у кого подъ началомъ нѣть войска.

Трудятся надъ окорокомъ и болтаютъ.

— Шодей-то *), ты знаешь? — говорить мой сосѣдъ слѣва и дѣлаетъ жестъ, объясняющій все.

Я еще не причастенъ ни къ какой бойнѣ. Мнѣ веаетъ!

Но нѣкоторые другіе были у Пелажи и разсказываютъ о казни.

— Какъ онъ умеръ?

— Не дурно.

— А жандармы?

— Не важно.

Ужинаютъ и болтаютъ объ этомъ, точно о пьесѣ, въ которой сами не играли никакой роли!

На разсвѣтѣ, когда снова началась перестрѣлка, имъ пришлось отправляться на свои посты, позѣвывая и потягиваясь.

Вѣдь въ пораженіиувѣрены, и потому не грѣхъ выпить прощальный бокаль передъ тѣмъ, какъ тебя укошать.

Среда, утромъ.

Лисбониѣ явился въ полномъ отчаяніи.

— Всѣ наши позиціи захвачены. Уныніе начинаетъ проникать въ души... Необходимо предпринять что-нибудь, остановиться на какомъ-нибудь рѣшеніи.

— Что же дѣлать?

— Нужно придумать! Поищемъ вмѣстѣ исхода, Режерь, Семери **), ты, я и Лонге ***).

Дѣйствительно, Лонге съ нами; онъ тоже вернулся въ уголокъ латыни.

Мы забрались въ кабинетъ мэра, запечатавъ задвижку,

*) Юристъ и публицистъ. Заподозрѣнныи въ томъ, что по его распоряженію 22 января открыли огонь по толпѣ, онъ былъ арестованъ 13 апрѣля и заключенъ въ секретную камеру въ Мазасъ, затѣмъ по ходатайству друзей переведенъ въ Сен-Пелажи. Въ ночь на 24 мая былъ разстрѣленъ, обнаруживъ изумительное хладнокровіе и присутствіе духа. Экзекуціей лично руководилъ Р. Риго, прокуроръ коммуны.

Пр. Пер.

**) Докторъ и публицистъ, принимавшій дѣятельное участіе въ организации медицинской помощи инсургентамъ.

Пр. пер.

***) Журналистъ и революціонеръ, уроженецъ Кайенны. Послѣ того, какъ нѣсколько газетъ, основанныхъ имъ, подвергались одна за другой суровымъ преслѣдованіямъ, онъ перебѣхалъ (1866 г.) въ Бельгію и тамъ продолжалъ свою литературную дѣятельность. Сталъ очень близко къ рабочему движению, проповѣдуя въ своихъ рѣчахъ соціализмъ и рѣзко нападая на Имперію, за что по возвращенію во Францію попалъ въ тюрьму. Послѣ паденія Имперіи былъ избранъ баталіоннымъ командиромъ гвардіи, а 18 марта 1871 г. захватилъ Люксембургъ и воздвигъ баррикаду на улицѣ Суфло. Въ члены Коммуны попалъ только по дополнительнымъ выборамъ. Былъ противъ комитета общественнаго спасенія и принадлежалъ къ „меньшинству“. Послѣ захвата Парижа ему удалось спастись въ Англію, гдѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ интернациональ.

Пр. пер.

чтобы не были слышны наши унылые рѣчи, наше совѣща-
ніе послѣднихъ минутъ.

Охъ! Я пораженъ прямо въ самое сердце, я только
что снова испыталъ то страданіе, ту муку, что, какъ молнія,
обжигаетъ всѣ вены потерявшаго честь!

Начальникъ легіона находить, какъ и Лисбоннъ, что за-
щита немыслима; докторъ Семери, завѣдующій перевязоч-
ными пунктами, согласень съ начальникомъ легіона. Вотъ
поднимается мэръ:

— Мы должны подписать приказъ сложить оружіе!

Это вызвало въ моей памяти тотъ день, когда Клюзере
былъ вынесенъ обвинительный приговоръ.

— Вы не смѣете считать меня предателемъ!—воскликнулъ
онъ, запустивъ руки въ свои волосы, и голова его моталась
изъ стороны въ сторону, какъ отъ пощечинъ.

А вернувшись домой, онъ покончилъ съ собой, растянув-
шись на скамью.

Меня охватилъ тотъ же порывъ:

— Сдаться! Лонгѣ, вы это сдѣлаете! И всѣ вы?

— Я, я сдѣлаю это,—холодно промолвилъ начальникъ
легіона.

Докторъ вознегодовалъ.

— А вамъ, значить, угодно завалить кварталъ трупами и
затопить кровью? Берите это на себя.

— Да, я беру на себя не подписывать приказа, кото-
рого, впрочемъ, наши и не послушаются... Я не хочу, чтобы
имя мое было проклято въ лагерь возставшихъ! Я не хочу
этого! Мое присутствіе здѣсь уже дѣлаетъ меня вашимъ
сообщникомъ, и, если вы соглашаетесь капитулировать, вамъ
нужно убить меня, или я самъ долженъ покончить съ
собой!

— Мы плохо поняли другъ друга!—воскликнулъ Режерь,
приведенный въ ужасъ моимъ волненіемъ; онъ былъ во
многомъ виноватъ, но трусомъ не былъ.

Семери тоже казался очень подавленнымъ.

Но они наводятъ на меня ужасъ.

— Бѣжимъ, Лонгѣ, разыскивать нашихъ! Гдѣ Коммуна?

— Въ мэріи XI округа. Тамъ Делеклюзъ! Правда, оттуда
еще ничего не исходило, но за то все зрѣеть тамъ. Вотъ
куда нужно направиться!

— Идемъ!

Раздается страшный взрывъ, дрожать и лопаются окон-
ные стекла.

Это, должно быть, Люксембургъ.

Но Люксембургъ стоить на мѣстѣ. Валетъ на воздухъ

лишь пороховой погребъ... Тотоль такъ жаждаль взрыва:
онъ долженъ быть довлетворенъ.

Я видѣлъ, какъ онъ возвращался, потирая руки.

— Что вы хотите! Конечно, я не прыгаю отъ радости.
Да это ни къ чему и не повело: тамъ не было ни одного
линейца. Промахнулись!

Рядомъ съ нимъ какой-то парень рвалъ на себѣ волосы:

— О, если бы только хотя кто-нибудь тамъ былъ!

Этотъ шутъ и этотъ отчаявшійся во всемъ кончать тѣмъ,
что заполучить свой Пантеонъ! Они обезумѣли отъ пораже-
нія, не остановятся ни передъ чѣмъ и сдѣлаютъ все, что
только можно будетъ сдѣлать.

XXXIII.

Ярко свѣтить солнце, погода прекрасная.

Мы пробираемся тихими улицами, гдѣ вьющіяся расго-
нія свѣшиваются со стѣнъ на камни баррикадъ. Горшки съ
цвѣтами вѣнчаютъ гребни каменныхъ преградъ.

Сена, сверкающая и голубая, течетъ между пустынными
набережными, залитыми свѣтомъ.

Рѣка перейдена. Чувствуется, что здѣсь серьезнѣе готови-
лись къ сопротивленію. За каждой кучей камней отъ
мостовой скрыть небольшой отрядъ людей. Они здороваются
съ нами и говорятъ въ отвѣтъ на наши печальные новости:

— Можетъ быть, здѣсь намъ больше повезетъ... Да и
потомъ: будь, что будетъ! Мы исполнимъ нашъ долгъ, вотъ
и все!

И часовые снова усаживаются съ видомъ крестьянъ, от-
дыхающихъ въ полдень въ полѣ, куда имъ принесли обѣ-
дать.

Пиджаки рядомъ съ блузами, дѣтскія рубашенки. Жена
и сынъ-карапузъ притащили бульонъ и жаркое; на голой
землѣ разослана скатерть.

— Мы предлагаемъ кой-кому пропустить стаканчикъ.

— „Только маленький!“—говорятъ они. Изъ всѣхъ, съ кѣмъ
мы хотѣли чокнуться, ни одинъ даже не былъ выпивши.

Площадь Вольтера. Мэрія XI-го округа.

— У Коммуны теперь засѣданіе.

— Да гдѣ же?

— Наверху, въ большой залѣ.

Это неправда: Коммуна не засѣдаетъ!

Всѣ сбились въ кучу: офицеры, простые гвардейцы, не-
ситетели кэпи съ однимъ или нѣсколькими галунами, обла-
датели поясовъ съ бѣлыми или съ желтыми кистями, члены

Центрального Комитета, или наши—и все принимают участие въ совѣщаніи.

Одинъ лейтенантъ, взобравшись на столь, требуетъ поставить сторожевые посты на границахъ округа и декретомъ запретить кому бы то ни было покидать ихъ.

— Уже есть дезертиры, — кричить онъ грознымъ голосомъ:—они будутъ еще...

И, протянувъ руку къ дверямъ, глѣ столпилось нѣсколько украшенныхъ галунами, кричитъ:

— Дюжину пуль тому, кто захочетъ удратъ!

Ваяtie Монмартра привело въ отчаяніе самыхъ спокойныхъ и забросило въ души сѣмена подозрѣнія.

Монмартръ, который долженъ былъ быть вооруженнымъ съ ногъ до головы, Монмартръ, даже не подпустившій къ себѣ, неизвѣстно откуда взявшагося, генерального штаба квартала, Монмартръ, чей военный делегатъ лично изгонялъ штатскихъ, этотъ самый Монмартръ сданъ, проданъ!

Снаряды оказались другого калибра, орудія не держались на лафетахъ, раздавались слова фальшивой команды... И надъ холмомъ развивается трехцвѣтное знамя!

Это предательство сняло голову съ плечь обороны. Оно подписало смертный приговоръ тѣмъ, надъ кѣмъ въ теченіе двухъ послѣднихъ дней заносился кулакъ федералиста, или на кого указывалъ большой пальчикъ женщины—въ этомъ залитомъ кровью циркѣ, откуда исчезъ карликъ Цезарь и куда онъ хочетъ вернуться.

У него и въ мысляхъ не было тратить казну Республики на то, чтобы обеспечить побѣду республиканцамъ... Конечно, ему пришлось прибѣгнуть къ помощи осла, нагруженного золотомъ для того, чтобы нѣкоторые проходы оказались открытыми, чтобы священный холмъ, который выплюнулъ Винуа *) и сохранилъ двухъ генераловъ, быль такъ быстро захваченъ солдатами!

*) Боевой генералъ, принимавший участіе въ Крымской кампаніи и Итальянскомъ походѣ, производилъ удачные военные операции во время войны 70 г. и былъ назначенъ командующимъ одной изъ армій, защищавшихъ Парижъ. Трошю, не желая подписывать капитуляцію, сдалъ ему главное начальство надъ военными силами Парижа. Въ мартѣ 1871 г. онъ закрылъ всѣ соціалистическія газеты. Черезъ нѣсколько дней ему было поручено снять пушки съ Монмартра. Порученіе это было исполнено плохо и вызвало 18 марта. Затѣмъ онъ отодвинулъ свои войска къ Версалю, для защиты Национального Собрания. Когда 3-го апрѣля Коммуна отдала приказъ идти на версальцевъ, онъ направился въ Кламоръ, задержалъ тамъ колонну, которую командовалъ Дюваль, взялъ его въ плѣнъ и немедленно разстрѣлялъ. Коммуна отвѣтила на это закономъ о заложникахъ. Послѣ того, какъ командование версальской арміей перешло къ Макъ-Магону, Винуа сталъ во главѣ резервной и занялъ кварталъ Лувра, когда дворецъ и Тюильри уже начали горѣть.

Пр. пер.

Мы уже видѣли заподозрѣнныхъ, которыхъ влекла толпа. Мы нырнули въ эту человѣческую гущу, но были бессильны выудить хотя кого-нибудь изъ нихъ!

Одинъ былъ отчаянныи малый. Онъ стрѣлялъ изъ окна. Въ послѣднія минуты онъ хвастался этимъ и паль — съ крикомъ: „Долой Коммуну!”

Другой защищался противъ обвиненія въ предательствѣ и требовалъ, чтобы его отвели къ начальству. Онъ держался точно рантье изъ Марэ: *)

— Я никогда не занимался политикой!

— За это-то тебя и отправлю на тотъ свѣтъ! — отвѣтилъ одинъ изъ сражавшихся, получившій часть тому назадъ пулю въ лѣвую руку, а правой наводившій свой револьверъ въ того, кого тащили мимо.

И онъ уже былъ готовъ спустить курокъ, когда рѣшили, что нельзя же казнить безъ доказательствъ, что необходимо представить обвиняемаго на судъ Комитета Общественного Спасенія, чего онъ самъ требовалъ съ плачемъ.

— Комитетскіе оставятъ его въ покоѣ... это также вѣрно, какъ то, что я потерялъ пять пальцевъ! — ворчалъ раненый, размахивая своей изуродованной рукой, точно затянутой въ красную перчатку. — Люди, не занимающіеся политикой вѣдь это—отъявленные трусы и мерзавцы! Они выжидаютъ, чтобы знать навѣрняка, на кого наплевать и съ кѣмъ лизаться послѣ бойни!

И весь блѣдный отъ бѣшенства, онъ бросился къ плѣннику. По дорогѣ растерялъ тряпки, закрывавшія его рану, не поднялъ ихъ, а лишь опустилъ въ карманъ куртки руку, точно громадный сгустокъ крови.

Ужасная картина, когда человѣкъ гибнетъ среди человѣческихъ волнъ!.. Разъ, другой поднимается надъ этой бурей его лицо, и онъ бросаетъ взглядъ на небо... А этотъ даже призывалъ Господа Бога!.. Но на него опускается кулакъ или прикладъ, онъ снова скрывается, чтобы появиться уже послѣдній разъ съ помертвившей головой, болтающейся на шеѣ.

— А если онъ невиненъ?

— А полиція—надѣваетъ перчатки, когда расправляетъ съ своими жертвами? А наша юстиція, развѣ она рассматриваетъ по нѣсколько разъ, дѣйствительно ли подсудимый виновенъ въ томъ, въ чёмъ его обвиняютъ?.. затянувъ вѣревками до безъ чувствія, избивъ до полусмерти, послѣ смраднаго участка, послѣ Мазаса, отправляеть она на судъ

*) Название одного изъ кварталовъ Парижа въ восточной части города, гдѣ много садовъ и огородовъ.
Пр. пер.

присяжныхъ невинныхъ, которыхъ оправдываетъ судъ. А когда выносить обвинительный приговоръ, то вѣдь это бубновый тузъ или мѣшокъ на головѣ, висѣлица или каторга!

И онъ замолкъ, начавъ лихорадочно считать патроны въ своемъ патронташѣ.

Явился Варлэнъ на телѣгѣ со скамьями.

— Ты знаешь, откуда я раздобылъ эту карету? Это— колесница палача.

— О чемъ вы тутъ разговариваете?

Въ группѣ, кричащей и жестикулирующей около него, я призналъ кузнеца Малезея.

— О Домбровскомъ; представь себѣ, я задержалъ его у Сентъ-Уана. Я думалъ, что онъ хочетъ удрасть. Едва ли можно было ошибиться, суди самъ: за угломъ осѣдланныя лошади, адъютанты поглядываютъ въ сторону пруссаковъ!.. Я увѣренъ, что онъ, который долженъ быть умереть со славой, не направился бы въ Парижъ!

— Я вамъ говорилъ, что это подозрительная личность!— энергично поддержалъ его одинъ федералистъ.— Вѣдь передача предложеній версальцевъ вовсе еще не доказательство, что онъ не снохался съ Тьеромъ!

Смерть еще оставила неприосновеннымъ его въ гробу, а память о немъ уже затронута гніенiemъ. Верморель напрасно потратилъ свое время и силы, устраивая поляку тріумфальныя похороны.

Обойдя вмѣстѣ съ Лефрансэ *), Лонге и другими товарищами бивуаки бойцовъ, мы снова поднялись въ мэрію.

Меня хлопаетъ по плечу Гантонъ, бланкистъ.

— Какъ дѣла?

— Не важно!

Намъ только что пришлось заниматься отвратительнымъ дѣломъ: пришлось разстрѣлять архіепископа Парижскаго, Бонжана **), и три четверти остальныхъ заложниковъ.

*) Членъ коммуны, въ 1850 г. за свои политическіе взгляды былъ уволенъ съ мѣста преподавателя. Послѣ 2 декабря 1851 г. подвергся ссылкѣ; вернувшись послѣ амнистіи 1859 г., пробивался уроками въ бухгалтеріей. Послѣ разрѣшнія публичныхъ собраний онъ выдвинулъся, какъ-то, отставая и проповѣдуя свои радикальныя соціалистическіе идеи. Послѣ 4 октября 1871 г. энергично нападалъ на бездѣятельность правительства и требовалъ учрежденія Коммуны, принималъ участіе въ движеніяхъ 31 октября и фигурировалъ въ числѣ членовъ революціоннаго правительства, засѣдавшаго нѣсколько часовъ въ Ратушѣ. Настанавъ на принятии энергичныхъ мѣръ, онъ всетаки былъ въ «меньшинствѣ» и протестовалъ противъ созданія комитета общественной безопасности. Коеjk кроваваго подавленія Коммуны спасся въ Швейцарію. Пр. пер.

**) Несмотря на свои годы, принималъ участіе въ войнѣ, а затѣмъ служилъ въ національной гвардіи. По распоряженію Коммуны былъ аре-

Какой-то черный недоносокъ вставляетъ свое слово.

— Дарбуа *) хотѣлъ было дать мнѣ свое благословеніе... ну, а я послалъ ему свое!

Мнѣ уже случалось встрѣтить этого сухопараго молодца: мрачный посѣтитель всѣхъ собраній и страшный сторонникъ свободной любви!

У него была незаконная жена. Онъ обожалъ ее, и она могла обернуть его вокругъ пальца. На ея рѣзкости онъ отвѣчалъ дѣтскою лаской. Люди приспособляются очень быстро, къ тому же кумушка оказалась не злой, и было трогательно видѣть, какъ эта маленькая дроздъ нѣжно щебечетъ подъ крыльшкомъ этой большой курицы.

И эта маленькая дроздъ только что топорщилась и свистѣла въ уши прелата, уходившаго въ вѣчность, насыщенному пѣсенку своего безбожія.

Лефрансе, Лонгѣ и я стали блѣдными, какъ стѣна.

— Да по какому праву, отъ чьего имени были совершены эти убийства? Отвѣтственность за эту бойню падеть на всю Коммуну цѣликомъ! Наші шарфи запятнаны брызгами ихъ мозга!

— Приказъ подпись Ферре *),—говорять намъ.

— Неужели это правда?

Со стороны Ферре это для меня понятно. Я его встрѣтилъ послѣ того, какъ онъ отдалъ распоряженіе казнить Вейсса и смотрѣлъ съ высоты Нового моста, какъ была

стованъ 10 апрѣля и посаженъ въ Мазасъ, гдѣ вмѣстѣ съ архіепискомъ парижскимъ и другими духовными лицами содержался въ качествѣ заложника. 24 мая они все были разстрѣлены послѣ короткаго суда, которымъ предсѣдательствовалъ Гантонъ.

Пр. пер.

*) Архіепископъ парижскій. Его пастырскія посланія отличались сравнительно умѣренностью и либерализмомъ. Во время осады Парижа, не покидая своего поста, онъ принималъ участіе въ уходѣ за ранеными. По подозрѣнію въ сношеніяхъ съ версальскимъ правительствомъ былъ арестованъ 4 апрѣля и заключенъ въ Мазаскую тюрьму. Когда версальскія войска 24 мая ворвались въ городъ, онъ былъ разстрѣленъ вмѣстѣ съ остальными 68 заложниками.

Пр. пер.

**) Не разъ подвергался судебнѣмъ преслѣдованіемъ. Сидя въ тюрьмѣ Сент-Пелажи, онъ (15 мая 1869 г.) устроилъ тамъ возмущеніе, за что поплатился, конечно, усиленіемъ наказанія. Въ день восстанія 18 марта 1871 г. онъ проявилъ громадную энергию. При вступлѣніи версальцевъ отдалъ приказъ растрѣлять всѣхъ арестованныхъ полицейскихъ и жандармовъ и взорвать министерство финансовъ. Вынужденный оставить префектуру, онъ велѣлъ ее поджечь. Уголовные преступники, по его распоряженію, были выпущены изъ Рокетской тюрьмы и вооружены. Когда версальцы завладѣли городомъ, онъ скрылся и только черезъ нѣсколько времени былъ арестованъ. Защитительную рѣчь свою онъ закончилъ словами: „счастіе измѣнчиво! Довѣряю будущему позаботиться о моей памяти и отомстить за меня“. Приговоренный къ смертной казни, смѣло и красиво умеръ подъ пулями 28 ноября 1871 года. *Пр. пер.*

совершена экзекуция и тело брошено в Сену. Онъ былъ спокоенъ и смеялся.

Это фанатикъ. Онъ вѣрить въ силу и примѣняетъ ее, не заботясь о томъ, казаться ли жестокимъ или великодушнымъ.

Онъ, безъ всякаго различія, ставить безоруженныхъ на одну доску съ остальными: ударъ за ударъ, голову за голову,—все равно, голову волка или овцы... Чисто механически прикладываетъ онъ свою печать делегата ко всякой бумагѣ, которая направлена къ уничтоженію врага.

— Врагъ — и священникъ, и сенаторъ, засаженные въ тюремную клѣтку. Дурные или хорошие, это не важно! Съ ними никто не считается; они никому не нужны. Это манекены, которыхъ необходимо повергнуть ницъ передъ исторіей: юнь убилъ Аффра *), май убить Дарбуа.

Нестастный! Я видѣлъ, какъ у того же самаго Ферре, который только что безъ всякой жалости подписалъ ему приговоръ, вырвался жестъ отчаянія, когда я, послѣ одного изъ посѣщеній Мазаса, рассказывалъ ему объ этомъ блѣдномъ заключенномъ: онъ лихорадочно бродилъ почти на свободѣ по большому двору, напоминая намъ загнанного звѣря, мечущагося подъ выстрѣлами охотниковъ.

Но делегатъ при префектурѣ считалъ своимъ долгомъ раздавить свое сердце, какъ измѣнника, какъ соумышленника буржуазіи, и, во имя Революціи, повиновался толпѣ.

— Но вѣдь эта бойня наводить ужасъ? Эти пожилые люди были взяты безъ оружія! Будутъ кричать, что это подлость!

— Подлость!.. А что вы скажете, господинъ литераторъ, о сентябрьскихъ убийствахъ? Значить, вы смеялись, когда совѣтовали намъ поступать такъ, какъ въ 93-мъ! Теперь классикъ сокрушается и приходитъ въ отчаяніе.

— Вы сыграли въ руку противнику; Тьери только это и было нужно; старая гіена облизываетъ теперь губы!.. Развѣ вамъ Флотъ не рассказывалъ, что произошло въ Версалѣ? Вѣдь Тьери не выдалъ Бланки только потому, что онъ предчувствовалъ такую развязку, надѣялся на нее, выль на покойника... ему были необходимы всѣ эти благочестивые

*) Парижскій архіепископъ, въ юльские дни 1848 года хотѣлъ попытаться остановить кровопролитіе и 25 числа въ четыре часа дня явился передъ колosalной барrikадой, загораживавшей доступъ въ Сентъ-Антуанское предмѣстіе. Въ то время, когда онъ уговаривалъ сражавшихся, пуля ранила его въ грудь, и онъ упалъ на руки инсургентовъ, которые были глубоко опечалены этимъ случаемъ. Умирая, черезъ два дня, онъ сказалъ: „Пусть кровь моя будетъ послѣдней“.

Пр. пер.

трупы, тѣла мучениковъ, чтобы поставить на нихъ свое-
кресло президента.

— Все это очень можетъ быть!—возразилъ одинъ изъ
взводныхъ.—Но пока пусть знаютъ, что если Коммуна и по-
становляетъ декреты на смыкъ, то народъ ихъ исполняетъ,
какъ слѣдуетъ... Во всякомъ случаѣ, моя пуля не попала
въ небо.

Четвергъ. Мэрія Бельвиля.

Я снова встрѣтился съ Ранвье въ мэріи Бельвиля.

Онъ только что обошелъ всю линію нашей обороны и
вернулся совершенно подавленнымъ.

Снаряды падаютъ дождемъ. Крыша превратилась въ рѣ-
шето, и потолокъ осыпаетъ насъ кусками штукатурки. Еже-
минутно приводятъ арестованныхъ для разстрѣла.

Во дворѣ шумъ.

Я высовываюсь въ окно.

Человѣкъ безъ шапки, буржуазнаго вида, выбираетъ удоб-
ное мѣсто прислониться спиной къ стѣнѣ. Это, чтобы уме-
реть!

— Такъ хорошо?

— Да.

— Пли!

Онъ упалъ... Шевелится. Выстрѣлъ изъ пистолета въ
ухо.

Теперь уже недвижимъ.

Зубы у меня стучать.

— Ты можешь упасть въ обморокъ при видѣ раздавлен-
ной мухи,—говорить мнѣ Тренке *), поднимаясь и продувая
пистолетъ.

Пятница.

— Опять собираются отправить на тотъ свѣтъ цѣлую
толпу!

— Кого?

— Безумцы! жандармовъ или шпіоновъ, всего пятьдесятъ
два человѣка!

* Членъ Коммуны. Занимался сапожнымъ ремесломъ, пока не вы-
выдвинулъся, какъ страстный ораторъ. Членъ комитета, проводившаго въ
депутаты Рошфора, онъ скоро получилъ работу въ бюро основанной но-
вымъ депутатомъ газеты „Marseillaise“. Послѣ того, какъ версалцы во-
шли въ Парижъ, отступилъ со многими товарищами въ мэрію XI-го округа
и принималъ участіе въ послѣднихъ судорогахъ ужасной борьбы, зали-
вшей кровью Парижъ. Въ началѣ юна онъ былъ арестованъ. Предъ воен-
нымъ судомъ заявилъ, что не причастенъ къ поджогамъ и убийству залож-
никовъ, но во всемъ остальномъ принимаетъ на себя отвѣтственность за
свои дѣйствія и только сожалѣть, что не погибъ въ этой борьбѣ. 9 сен-
тября былъ присужденъ къ вѣчной каторгѣ.

Пр. пер.

Еще бойня въ битвы!

Я ихъ понимаю, когда они разстрѣливали архіепископа, когда обезглавливали короля. У нихъ была известная идея, они думали, что необходимъ примѣръ. Но это явленіе?!

Библія плебеевъ, какъ готической требникъ, имѣть свои красные заставки и обрѣзъ...

Вонъ они!

Молча подвигаются впередъ. Во главѣ идетъ, глядя прямо, по военному, высокій и старый вахмистръ... за нимъ слѣдуютъ попы, путаясь въ своихъ юбкахъ, торопясь на интервалахъ, чтобы опять попасть въ свой рядъ. Разница въ аллюрахъ не мѣшаетъ ритму, и будто слышится: „разъ, два“ марширующей роты.

За ними слѣдомъ идетъ толпа; еще нѣтъ ни волненія, ни лихорадочнаго возбужденія.

Но вотъ раздается визгъ какой-то мегеры!.. Имъ не ускользнуть! Они погибли!

— Къ намъ, члены Коммуны! На помошь!

Члены Коммуны сбѣгаются, скучиваются и пытаются убѣдить массу. Они кричать, они клянутся... есть даже такие, которые плачутъ.

Коммуну отправили ко всѣмъ чертямъ!

Позади, стараясь не отстать, идетъ съ быстротой, какую только могутъ развить шестидесятилѣтнія ноги,—старикъ безъ шапки, его бѣлые волосы спутались и мокры отъ пота.

Я узналъ его.

Эту трясущуюся голову я видѣлъ у дѣдушки Беслея *) въ послѣдніе дни Имперіи и во время осады. Мы ссорились: они упрекали меня въ недисциплинированности и кровожадности.

Я окликнулъ его.

— Скорѣе, идите намъ помочь, они готовы ихъ убить черезъ пять минутъ!

Толпу начинаетъ охватывать бѣшенство. Раздается крикъ маркитантки: „смерть!“

Старецъ остановился, чтобы перевести дыханіе, и, размахивая ружьемъ, которое крѣпко держать его сморщенныя руки, повторяетъ въ свою очередь: „смерть! смерть!“

— Какъ, и вы тоже?!

Онъ отталкиваетъ меня, какъ безумный.

— Убрайтесь! Дайте мнѣ пройти! Ихъ шестьдесятъ?.. Это мое число! Я только что видѣлъ, какъ разстрѣляли

*) Beslay—инженеръ, политический дѣятель, членъ Коммуны.

Пр. пер.

шестьдесят человѣкъ, пообѣщавъ сначала спасти имъ жизнь!

— Послушайте!

— Оставьте меня въ покой или я вѣстъ простирую!

Стрѣлять заводъ. Сначала нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ, затѣмъ грохотъ залповъ долгій, долгій... Онъ, кажется, не кончается никогда...

Федералисты возвращаются; болтаютъ.

У столика маленькаго кафе сидитъ старикъ, вытирая лобъ. Онъ подозреваетъ меня.

— Я вамъ только что нагрубилъ, но теперь дѣло окончено, можно и поздороваться. Ахъ, мой милый, я теперь удовлетворенъ! Если бы видѣли Ларжильера!.. Онъ перевернулся, какъ заяцъ!

Ларжильерь!.. его я прекрасно знаю!

— Но остальные?

— Остальные! Они заплатили за предательство улицѣ Лафайетъ: это не политика, а убийство! Я ничего не понимаю въ вашихъ махинаціяхъ, но Галлифэ толкнулъ меня въ нихъ внизъ головой! Я вовсе не за коммунаровъ, но я противъ палачей въ эполетахъ... Укажите-ка мнѣ еще уголь, изъ-за котораго можно пострѣлять, и я отправлюсь туда.

Его взоръ пылалъ гнѣвомъ подъ синѣгомъ рѣсницъ.

Мимо проходила женщина, онъ удержалъ ее.

— Вы выпьете стаканчикъ съ нами?

— Съ удовольствиемъ! Только дайте мнѣ поискать воды помыть руки.

Ей лѣтъ тридцать, не дурна... измучена на видъ.

Вернулась и начала болтать.

Эта уже совсѣмъ не думаетъ о соціализмѣ. Но ея сестра была любовницей одного викария; попъ бросилъ ее беременной, укравъ всѣ ихъ сбереженія.

— Вотъ почему я спустилась внизъ, увидавъ въ окошко сутаны; вотъ почему выдralа бороду какому-то капуцину, который былъ похожъ на любовника Целины; вотъ почему я кричала „смерть! смерть!“, и почему у меня красныя руки!

Она намъ рассказала также исторію маркитантки, подавшей сигналъ къ этой бойнѣ.

Маркитантка дочь человѣка, который въ концѣ Имперіи былъ арестованъ по оговору провокатора и умеръ въ тюрьмѣ. Когда она услыхала, что въ группѣ есть шпаги и что съ ними хотятъ расправиться, она присоединилась къ толпѣ и потомъ стала во главѣ ея.

Она первая послала пулю Ларжильеру.

XXXIV.

Суббота. Площадь Труа-Борнъ.

Всю ночь пришлось быть на ногахъ. На разсвѣтѣ Курне *), Тейсъ **), Камелина ***) и я снова спустились въ Парижъ.

Улица Ангулемъ еще держится. Это именно 209-й баталлонъ, гдѣ знаменосцемъ Камелина, съ отчаяніемъ защищается тамъ.

Когда они увидѣли явившагося товарища, они устроили ему что-то въ родѣ настоящей овации. Меня они тоже очень любятъ, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія. Во-первыхъ, я изъ „правительства“, затѣмъ во всю свою жизнь я никогда не умѣль ничего носить. Даже свой шарфъ я надѣваю то слишкомъ высоко, то слишкомъ низко, а въ минуты опасности меланхолично засовываю подъ мышку, завернувъ его въ газету, какъ омаръ.

— Эй! Послушайте, чортовъ кривляка! Вамъ очень удобно разыгрывать тамъ наверху Бодена со скрещенными руками въ то время, какъ мы тутъ должны распластаться всѣмъ тѣломъ!

*) Сначала занимался коммерціей, служилъ на желѣзной дорогѣ, держалъ театръ, затѣмъ въ 1863 попалъ въ Парижъ, принялъ участіе въ начинавшемъ тогда революціонномъ движениі, сталъ писать въ маленькихъ газеткахъ, нападая на имперію. Черезъ три года онъ уѣхалъ въ Мексику и, вернувшись черезъ 5 лѣтъ, попалъ въ манифестацію Бодена и былъ арестованъ. Выпущенный черезъ нѣсколько дней, снова занялся журнальной работой, не разъ подвергаясь преслѣдованіямъ, штрафамъ и арестамъ. Во время осады командовалъ однѣмъ изъ баталлоновъ, изумляя всѣхъ своей храбростью. Послѣ подавленія Коммуны успѣлъ уѣхать въ Англію.

**) Членъ Коммуны, рѣзчикъ по металлу. Примкнувъ къ интернационалу, онъ скоро занялъ въ немъ влиятельное положеніе и сталъ секретаремъ центрального совѣта. Подвергшись за это преслѣдованію, онъ послѣ долгаго предварительного заключенія былъ еще присужденъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремы. Въ качествѣ члена Коммуны, онъ очень дѣятельно заѣздывалъ почтой. Примыкаль къ умѣренному меньшинству, энергично протестовалъ противъ Р. Риго, засадившаго въ секретныя камеры политическихъ, и былъ противъ Комитета Общественного Спасенія. Послѣ вступленія войскъ онъ потребовалъ, чтобы почтамтъ былъ защищенъ отъ пожара, и присоединился къ сражавшимся. При немъ былъ раненъ Верморель на барrikадѣ Шато-До. Ему удалось добраться до Лондона, гдѣ онъ снова принялъ за свое ремесло.

***) Одинъ изъ вождей интернационала, Коммуной былъ делигированъ на монетный дворъ, гдѣ исполнялъ свои обязанности съ изумительной честностью, съ любовью охраняя всѣ художественные и драгоценныя вещи церквей и общественныхъ учрежденій.

Въ самомъ дѣлѣ, они съ часу лежать здѣсь на животѣ въ грязи, съ запачканнымъ лицомъ, въ платьѣ, пропитанномъ всякой мерзостью, стрѣляя черезъ амбразуры, устроенные вровень съ землей, и нанося страшный уронъ непріятелю.

Членъ Коммуны стоитъ, вытянувшись во весь ростъ, при-слонившись къ углу баррикады. Его лобъ выдается надъ камнями, и пули окружаютъ его ореоломъ, который начи-наетъ суживаться. Большинство все еще невольно! Да, ему тоже грозить гибель, но этого мало! Пусть-ка онъ по-кушаешь песку, замажь себѣ физіономію, поваляется на землѣ, какъ товарищи!

— Да будеть вамъ позировать!

Наконецъ, это мнѣ надоѣло. Такъ какъ они меня больше не слушаютъ, я считаю себя свободнымъ и намѣчу себѣ другое мѣсто дѣйствій.

Нѣкогда, въ бытность мою командиромъ 191-го отряда, я сохранилъ свою наружность полевого сторожа и право не имѣть никакихъ способностей въ военномъ дѣлѣ, поклявшись быть въ самый рѣшительный моментъ вмѣстѣ со своимъ батальономъ или съ тѣмъ, что отъ него останется.

Я отправляюсь къ нему.

Порѣдѣли таки его ряды, но оставшиеся были рады снова меня увидѣть.

— Итакъ, вы нась не бросите?

— Нѣтъ!

— Правильно, гражданинъ!

Воскресеніе 28 мая, 5 часовъ утра.

Мы на гигантской баррикадѣ въ самомъ низу улицы Бельвилль, почти противъ залы Фавіе. Мы тянули узелки съ однимъ молодцомъ, кому идти теперь спать.

Мнѣ повезло, и я растягиваюсь на старой кровати въ чьей-то брошенной квартирѣ. Спаль я плохо, черви, кото-рые съѣли уже половину матраса, скоро закопошились у меня на кожѣ: право, они что-то очень торопятся!..

Я отправился смѣнить товарища.

До настоящаго времени я больше боролся съ комму-нарами, чѣмъ съ версальцами. Теперь же, когда свободно только это предмѣстіе, когда уже некогда больше судить ни предателей, ни заподозрѣнныхъ, дѣло стало куда легче. Нужно только постоять за честь и расположиться у знамени, какъ офицеры у гротъ-мачты, когда гибнетъ корабль.

Я на посту.

На страшный огонь, направленный противъ нась, мы отвѣчаемъ изъ ружей и изъ пушекъ.

Окна въ „La Veilleuse“ и во всѣхъ домахъ на углу наши заткнули туфляками; пробитые снарядами, они дымятся.

Время отъ времени чья-нибудь голова перевѣшивается черезъ балюстраду.

Попало!

У насъ два орудія, которыми управляютъ молчаливые и отважные артиллеристы. Одному изъ нихъ не болѣе двадцати лѣтъ; у него волосы цвѣта пшеницы, а глаза—какъ васильки. Онъ краснѣеть, точно дѣвушка, когда хвалить мѣткость его стрѣльбы.

Минута молчанія.

— Можетъ быть, парламентеръ?

— Чтобы предложить намъ сдаться?

— Намъ сдаться! Пусть только явится!..

— Вы хотите его захватить въ плѣнъ?

— За кого вы насъ принимаете? Пусть этотъ позоръ останется за версальцами! Но мнѣ доставить большее удовольствіе бросить ему въ лицо словечко Камброна.

Съ улицы Ребеваль доносятся крики.

— Не зашли ли они съ тылу, пока ихъ вѣстникъ отвлекалъ наше вниманіе?.. Пойдите, Вентра, посмотрите!

— Въ чёмъ тутъ дѣло?

— Да вотъ среди насъ есть посторонній, который отказывается принять участіе въ общей работѣ.

— Да, я отказываюсь... Я противъ войны!

И человѣкъ симпатичнаго вида, лѣтъ сорока, борода апостола, спокойный взглядъ, идетъ мнѣ на встрѣчу и говорить:

— Да, я за миръ, противъ войны! Ни за нихъ, ни за васъ... вамъ не удастся заставить меня драться.

Но эти разсужденія пришли не по вкусу федералистамъ.

— Ты думаешьъ, что мы не предпочли бы поступать такъ же, какъ ты? Ты, значитъ, воображаешьъ, что это для заботы здѣсь обмѣниваются такими орѣхами! Ну-ка! бери эту табакерку, да почихай, а то я самъ покажу тебѣ, какъ здѣсь фыркать...

— Я за миръ, противъ войны!

— Ахъ, чортъ тебя возьми, проклятая скотина! Хочешь ты табакерку... а не то поднесу табаку?

Но онъ чувствовалъ отвращеніе къ табаку и послѣдователь за нимъ, таща свое ружье, какъ костиль.

Парламентеръ ушелъ.

— Стерва!—крикнулъ командиръ, стоя на своей эстрадѣ изъ выломанного булыжника мостовой.

Вдругъ обнажаются окна, каменная плотина рушится.

Блондинъ пушкарь громко вскрикиваетъ. Пуля попала

ему въ лобъ и просверлила черный глазъ между его голубыми глазами.

Все погибло!—спасайся, кто можетъ!

— Кто желаетъ пріютить двухъ инсургентовъ?

Мы громко кричали это по дворамъ, обводя глазами этажи, какъ нищие, ожидающие съ.

Никто намъ не подалъ милостыни, которой мы просили съ оружіемъ въ рукахъ!

Въ десяти шагахъ отъ насъ — трехцвѣтное знамя! Оно тамъ,—чистое, сверкающее и новое, это знамя, оскорбляющее своими свѣжими тонами наше, лохмотья котораго еще висятъ здѣсь и тамъ, порыжѣвшіе, грязные и зловонные, точно завялые и растоптанніе цвѣты мака.

Насъ приняла одна женщина.

— Мой мужъ на сосѣднемъ перевязочномъ пункѣ. Если вы хотите, я васъ сведу туда.

И она насъ ведеть подъ градомъ свинца, который свистѣть передъ нами и позади насъ, разбивая фонари и срѣзая вѣтки каштановъ.

Мы пришли. Да и пора уже!

Подходитъ хирургъ съ повязкой краснаго креста на рукѣ.

— Докторъ, вы намъ дадите убѣжище?

— Нѣтъ, изъ-за васъ перебываютъ моихъ больныхъ.

Мы опять на улицѣ.

— Но мужъ знаетъ другой пунктъ для раненыхъ, не особенно далеко.

Отправляемся туда.

— Вы хотите насъ?..

— Да!

Такъ опредѣленно и нѣсколько смѣло отвѣтила намъ маркитантка въ полной парадной формѣ. Прекрасное созданіе, лѣтъ двадцати пяти, съ роскошнымъ бюстомъ и тонкой талией подъ синей суконной кофточкой. Не трусить: баба разбитная!

— Видите, у меня здѣсь пятнадцать раненыхъ. Вы сойдете за доктора, а вашъ другъ—за фельдшера.

И она надѣла на насъ больничные передники.

Нужно подкрѣпиться. Она бѣть яица, жарить яичницу, наливаетъ намъ вина для выздоравливающихъ. За десертомъ забывается всякая опасность: кровь еще горяча и глаза не потускнѣли!

Но изъ палаты для ампутированныхъ доносится стонъ, переворачивающей намъ всю душу:

— Ахъ! поговорите со мной передъ смертью!

Мы поднялись изъ-за стола... но было уже слишкомъ поздно.

Около еще теплого трупа, въ сумрачной комнатѣ: окна заложены тюфяками, — нами снова овладѣли печальные мысли. Мы сидѣли молча, пытаясь смотрѣть сквозь щель на тротуаръ.

Тамъ шагалъ съ видомъ шакала морякъ. За нимъ еще морякъ, потомъ пѣхотинецъ; цѣлая рота и офицеръ, малокосоcъ съ виду.

— Пусть всѣ выйдутъ!

Я спускаюсь первымъ.

— Кто завѣдующій пунктомъ?

— Я.

— Какъ ваше имя?

Мнѣ уже былъ данъ урокъ.

Я его повторяю.

— Для чего этотъ экипажъ?

— Маркиантка распорядилась его запречь, чтобы мы могли вскочить и удрать, въ случаѣ опасности.

Я отвѣщаю безъ запинки.

— Вы занимаетесь своимъ ремесломъ, и я собираюсь заняться своимъ: подбирать и перевязывать раненыхъ.

Онъ нахмурилъ брови и уставился на меня.

— Вѣльть отложить?..

Онъ посмотрѣлъ на меня еще и сдѣлалъ своей тросточкой жестъ, говорившій, что дорога свободна.

— Ларошеть, вы ѿдете?

— Нѣтъ, вамъ не удастся сдѣлать и двадцати сажень!

Вы идете на вѣрную смерть!

Даже бѣгу, потому что погоняю свою лошадь.

Разъ десять меня могли бы захватить, и это навѣрно бы случилось, если бы одинъ линейный офицеръ не спасъ меня, самъ того не вѣдая. Онъ загородилъ дорогу лошади:

— Только не въ эту сторону! эти бездѣльники еще стрѣляютъ сверху.

— Прекрасно! тогда мое мѣсто именно здѣсь: мой лан-цетъ можетъ на что-нибудь пригодиться.

И я спрыгиваю съ своей телѣжки.

— Однако, вы не особенно трусите! — сказалъ, смѣясь, вояка.

— Я больше хочу пить, капитанъ. Есть ли возможность раздобыть въ этой странѣ дикарей стаканчикъ шампанскаго?

— Можетъ быть, въ этомъ кафе?..

Мы откупорили саблей одну бутылочку, и я снова вѣбираюсь на подножку.

— До пріятнаго свиданія, докторъ!

Это напутствіе разгладило нѣсколько подозрительно нахмуреныхъ лицъ, бродившихъ вокругъ моего экипажа и заставившихъ меня рѣшиться на эту комедію съ вынівкой.

— Кучерь, погоняй!

Мой возница, повидимому, не имѣть никакого представліенія о томъ, кого онъ везеть, и, кажется, лишь нахлестываетъ себѣ на чай.

Нужно же, однако, двигаться впередъ!

— Повоzка краснаго креста!

Я встрѣчаюсь съ своими товарищами, которые въ фюзетовыхъ воротникахъ, съ золотымъ шитьемъ, прогуливаются среди солдатъ, приготовляющихъ ужинъ или моящихъ пушечные лафеты.

Ни одинъ изъ нихъ не обернулся при моемъ проѣздѣ. Кто же можетъ признать Жака Вентра?. Я выбритъ и въ синихъ очкахъ.

Я только что замѣтилъ въ одномъ изъ наружныхъ зеркаль обнаженную, костиистую голову, блѣдную, какъ лицо священника, съ отброшенными назадъ волосами безъ всякаго пробора. Безжалостная физіономія! Выраженіе поборника всякихъ жестокостей! Они должны были принять меня за фанатика, разыскивающаго раненыхъ не для того, чтобы имъ помочь, а чтобы ихъ прикончить.

— Раненые? Мы ихъ не оставляемъ! — сказалъ мнѣ одинъ адъютантъ, — а у нашихъ есть полковые хирурги, которые направляютъ ихъ въ специальные пункты. Но если вы хотите подобрать эту падаль, то окажете намъ истинную услугу. Она смердить здѣсь уже два дня.

Къ счастію, онъ замолчалъ... У меня потемнѣло въ глазахъ!

— Разъ! Два!

Мы поднимаемъ на телѣгу „падаль.“

И сами солдаты тянутъ за поводъ нашу клячу и подталкиваютъ колеса, лишь бы поскорѣй мы увозили эти трупы, зачумлявшіе имъ воздухъ.

На одномъ изъ этихъ труповъ, который мы подняли за кучей досокъ на лѣсномъ дворѣ, кишатъ мухи, какъ на дохлой собакѣ...

Ихъ у насъ семь. Больше некуда класть... мой фартукъ обратился въ громадную лепешку запекшейся крови. Даже сами линейцы отворачиваются, и мы свободно катимъ по этой бороадѣ ужаса.

— Куда вы направляетесь? — спрашивает последний часовой.

— Въ госпиталь Сенть-Антуала!

Здѣсь полно санитаровъ.

Я направляюсь прямо къ нимъ и указываю имъ на свой грузъ человѣческаго мяса.

— Сложите ваши тѣла въ этой залѣ.

Она вся устлана трупами. Дорогу мѣй преграждаетъ рука. Смерть захватила ее въ жестѣ геронческаго вызова и сохранила ее вытянутою угрожающею, съ сжатымъ кулакомъ, который долженъ быть опуститься на физиономію офицера передъ самымъ разстрѣломъ...

Они собираются закапывать свои жертвы. У одной изъ нихъ оказался школьный дневникъ. Это дѣвочка лѣтъ десяти; ударъ штыка въ затылокъ окровянилъ ее, какъ свинью, но не сорвалъ съ шеи розовой лентончки, на которой висить мѣдная медаль.

У другой, съ косой въ родѣ крысинаго хвостика, въ карманѣ оказались дешевые очки и бумага, удостовѣряющая, что она сидѣлка и что ей сорокъ лѣтъ.

Вонъ тамъ лежитъ старикъ, его обнаженный торсъ выдается надъ грудой мертвыхъ тѣлъ. Вся кровь вытекла, и его мертвая маска такъ блѣдна, что бѣлая стѣна, къ которой онъ прислоненъ, кажется сѣрой. Его можно принять за мраморный бюстъ, за обломокъ статуи на Гемоніи *).

Того, кто составлялъ списокъ убитыхъ, неожиданно позвали опознать одного сомнительнаго. Онъ просить замѣнить его:

— Устройтесь вотъ здѣсь на углу стола.

Это позволяетъ миѣ спрятать свой взглядъ, за то иногда приходится отвѣтить на какой-нибудь вопросъ и обнаруживать свой голосъ...

Составитель списка вернулся и усаживается на свое мѣсто.

— Ну, вотъ вы и свободны, спасибо!

Свободенъ! еще не совсѣмъ; но уже скоро... если только не влошаюсь...

— Идите! Идите скорѣй! — шепчетъ въ ужасѣ мой проводникъ: — Тутъ очень интересуются, кто вы такой.

Къ моему счастію, гдѣ-то рядомъ разстрѣливаютъ; моя

*.) «Лѣстница вздоховъ» — обрывистый спускъ въ Римъ у Авентинскаго холма, по которому спускали въ Тибръ тѣла казненныхъ.

враги не хотятъ пропустить ни кусочка изъ этого зѣ-
лица.

Пользуясь толкотней, мы отправляемся дальше.

— Стой! Вы кто?

Я предъявляю свою трагичную квитанцію.

— Ладно! Пробѣжайте... Постойте!

— Что еще?

— Не хотите ли захватить и отвести на пунктъ рапе-
чаго солдата?

Хочу-ли я!

Мы теперь въ прекрасныхъ условіяхъ! Мы поддер-
жаемъ нашего линейца.

Я готовъ его обнять!

Онъ просить перевязать его.

Ахъ! Чортъ возьми!

— Не надо, не надо! Повязки, мой милый, не особенно-
то помогаютъ.

Онъ настаиваетъ. Тѣмъ хуже: я такъ его перевяжу, что
онъ навѣрно умретъ...

Въ концѣ концовъ, мы его разубѣдили. Но чего онъ
хотеть еще?

— Докторъ! Докторъ! Вонъ нашъ полковникъ и мой ко-
мандиръ. Мнѣ бы очень хотѣлось попрощаться съ ними!

— Нѣть, нѣть! Вредно! Лишнія волненія, мой милый,
вызываютъ лихорадку...

Теперь дѣла идутъ, какъ по маслу.

Каждый разъ, когда приходится пробираться мимо ка-
кого-нибудь мѣста, биткомъ набитаго солдатами, я заставляю
нашего шѣхотинца разыгрывать роль ангела-хранителя. Чув-
ствуетъ онъ себя плохо... Лишь бы только дотянулъ до ла-
зарата.

Какое несчастіе! Лошадь расковалась и захромала. Она
не хотеть идти дальше: устала.

— Вотъ увидите,—говорить кучеръ,—намъ таки придется
напоить ее кровью!

Ну, теперъ я пропалъ!

Вонъ сгойти человѣкъ, наши взоры встрѣтились, и онъ
узналъ меня, я это чувствую... Вѣдь это онъ хмуриль брови,
читая письмо Мишле въ защиту нашихъ друзей изъ Ла-
Виллетъ, и, кажется, хотѣль раздѣлаться со всѣми осужден-
ными?.. Теперъ ему стоить сдѣлать только одинъ жестъ, и
его палачи освѣжуютъ меня.

Однако еще, должно быть, не въ этот разъ.

Подумалъ ли онъ, что ошибся, взялъ-ли его ужасъ передъ доносомъ, но онъ повернулся и пошелъ прочь.

— Это господинъ Дюканъ,—говорить одинъ офицеръ, узывая на него.

Этотъ офицеръ, въ свою очередь, останавливается передо мной. Мое сердце готово выпрыгнуть изъ груди...

Но вотъ раздвинулся парусиновый верхъ нашей повозки, умирающій высунулся свое бѣлокровное лицо и размашистымъ движеніемъ протянулъ руку, бормоча:

— Позвольте, прежде чѣмъ подохнуть, пожать вамъ руку, господинъ офицеръ!

Онъ воскликнулъ: „ахъ!“ и снова упалъ назадъ. Его голова подскакивала на днѣ повозки.

— Бѣлый парень! Спасибо, докторъ!

Скорѣй! Погонять! О, что за несчастье! Но же! Но!

Нужно сдать нашъ трупъ: мы вваливаемся въ двери лазарета.

Директоръ во дворѣ... Онъ тотчасъ же призналъ меня.

Я направился къ нему.

— Вы собираетесь меня выдать?

— Я вамъ отвѣчу черезъ пять минутъ.

Эти пять минутъ показались мнѣ почти короткими. У меня едва хватило времени на то, чтобы разгладить свою рубашку, расправить воротникъ и причесаться пятерней. Столько надѣлать дѣлъ: привести въ порядокъ туалетъ, составить прощальную рѣчъ, принять подобающую позу!

Директоръ снова появился и крикнулъ привратнику:

— Откройте ворота!

И онъ повернулся на каблукахъ, боясь не выдержать имѣ не желая, чтобы я поблагодарила его хотя жестомъ.

Хромоногая кляча тронулась.

— Кудаѣхать?

— Улица Монпарнасъ.

Къ секретарю Сентъ Бови! Онъ спрятать, если удастся добраться до него.

На нашей клячѣ, которая хрюпить, мы тянемся по переулкамъ, гдѣ я жилъ двадцать лѣтъ, гдѣ я проходилъ въ вторникъ съ баталіономъ Отца Дюшена, гдѣ въ теченіе трехъ первыхъ дней недѣли видѣли только меня...

Наконецъ, храбрость кучера иссякла.

— Я хочу сохранить свою шкуру... Съ меня довольно! сг҃зайте... прощайтѣ!

Онъ расшевелилъ животное страшнымъ ударомъ хлыста и скрылся.

Куда мнѣ дѣться?

Постойте! Въ десяти шагахъ отсюда есть гостиница, гдѣ я когда-то жилъ; дорога къ ней пустынна по улицѣ Эпенонъ и по переулку.

Уже пять дней, какъ кварталъ взять; красные штаны мочти не попадаются.

Я взбираюсь по лѣстницѣ.

Въ квартирѣ содомъ.

— Да, я, капитанъ Летерріеръ, говорю вамъ, что вапъ Вентра издохъ, какъ послѣдній трусь! Онъ валялся на землѣ, плакалъ, просилъ пощады! Я видѣлъ его

Я тихо стучу, открываетъ сама хозяйка.

— Это я, тише! Если вы меня выгоните, я погибъ...

— Входите, господинъ Вентра.

XXXV.

Уже цѣлую недѣлю, въ глубинѣ своей дыры, я жду слуги проскользнуть у нихъ между пальцевъ.

Вырвусь ли я отъ нихъ?.. не думаю. Два раза я измѣнялъ себѣ. Сосѣди могли видѣть мою высовывавшуюся голову, блѣдную, какъ у утопленника.

Ну, что-жъ? Возьмутъ, такъ возьмутъ!

Я въ мирѣ съ самимъ собой.

Теперь я знаю, мнѣ пришлось много думать среди этой тишины, устремивъ взоръ на горизонтъ, на столбъ Сатори *)—нашу Голгоѳу,—я знаю, что звѣрства толпы—преступленія честныхъ людей, и я не беспокоюсь больше за свою память, закопченную въ дыму пожаровъ и запачканную запекшееся кровью.

Время ее омоеть, и имя мое останется выставленнымъ въ мастерской соціальныхъ волнъ, какъ имя работника, который не былъ лѣнтыемъ.

Я больше не питаю злобы: и на моей улицѣ былъ праздникъ.

Сколько другихъ ребятъ, какъ и я подвергавшихся побоямъ, сколько другихъ голодавшихъ баккалавровъ сошли въ могилу, не получивъ возмездія за свою юность.

*) Українська возвиженность около Версалія, гдѣ разстрѣливали плену паровъ.

Ты, ты собралъ свои лишпія и невзгоды и отдалъ свой вводъ въ распоряженіе восстанію, которое было великой федераціей героевъ-мучениковъ.

На что же жалуешься ты?

Это правда! Пусть явятся за мной, пусть солдаты заряжают ружья: я готовъ.

Я только что перешель пограничный ручей.

Я въ безопасности.

Они меня не сцепали... И я сумѣю еще разъ быть съ народомъ, если народъ снова выйдетъ на улицу и будетъ втянутъ въ битву.

Я смотрю на небо въ ту сторону, гдѣ чувствую Парижъ.

Оно синее съ красными тучами. Точно колоссальная блуза, залитая кровью.

КОНЕЦЪ.

* * *

Огромный городъ, жестокій городъ!
Я проклинаю твои темницы,
Дворцы и храмы, развратъ и голодъ,
Въ туманахъ сѣрыхъ дома-гробницы!
И весь твой обликъ сухой и лживый,
И наглыхъ улицъ покой надменный,
И души-камни, и камни-стѣны,
И бой на башнѣ часовъ тоскливы...

Я что-то слышу въ немъ роковое,
И задыхаюсь, и проклинаю—
За то, что сердце мое живое
Въ стѣнахъ гранитныхъ я убиваю!..

Г. Галина.

О причинѣ смерти.

*Проф. Рихарда Гертвига *).*

Переводъ съ нѣмецкаго В. С. Елпатьевскаго.

25 лѣтъ тому назадъ, въ собраніи естествоиспытателей въ Фрейбургѣ, выдающійся нѣмецкій зоологъ, проф. Вейсманъ, подвергъ обсужденію вопросъ, почему такъ различна нормальная продолжительность жизни у разныхъ организмовъ, другими словами, почему естественная смерть у однихъ организмовъ наступаетъ черезъ нѣсколько недѣль по рожденіи, у другихъ черезъ мѣсяцы, у третьихъ лишь черезъ сотни или даже тысячу лѣтъ,— смерть естественная, т. е. такая, которая обусловливается внутренними причинами, являющаяся результатомъ того, что организмъ исчерпалъ всѣ бывшія въ его распоряженіи возможности жизни. Въ понятіе естественной смерти не входятъ, конечно, всѣ тѣ разнообразные случаи смерти, причины которыхъ лежать въ самого организма, которая являются для него случайными,—насильственные убийства, смерть отъ болѣзней, отравленія и т. п.; она легче губить особей дряхлѣющихъ, слабыхъ, но не щадить и цвѣтущую юность.

Вейсманъ тщательно собралъ литературныя данныя о продолжительности жизни у различныхъ видовъ животныхъ. Эти данные очень интересны. Они показываютъ, что размѣры тѣла животныхъ имѣютъ большое влияніе на продолжительность ихъ жизни; мелкая животная умираютъ раньше, чѣмъ крупная; слонъ достигаетъ возраста въ 50—100 разъ большаго, нежели мышь. Это и неудивительно. Для того, чтобы построить гигантское тѣло слона или кита, требуется, конечно, больше времени, чѣмъ

* Публичная лекція, прочитанная въ Мюнхенѣ, 7 декабря 1906 г.

для мыши. Однако, это не объясняет намъ различій. Почему, съ другой стороны, птица средней величины, какъ попугай, воронъ или хищная птица, достигаютъ возраста въ 3—4 раза большаго, нежели лошадь или быкъ, которые, вѣдь, далеко превосходятъ ихъ по вѣсу своего тѣла. Эти примѣры позволяютъ напередъ исключить еще одно объясненіе, именно, что продолжительность жизни обратно пропорціональна энергії, съ какой протекаютъ жизненные процессы. Птицы, какъ это явствуетъ уже изъ бо́льшой высокой температуры ихъ тѣла, развиваются гораздо большие рабочей энергії и потому подвергаются изнашиванію въ большей степени, чѣмъ млекопитающія.

Отбросивъ нѣкоторыя другія объясненія, Вейсманъ, крайній приверженецъ дарвиновой теоріи отбора, приходитъ въ результатъ къ такому выводу: продолжительность жизни есть приспособленіе согласно принципу полезности, она опредѣляется борьбой за существованіе. Особи вида достигаютъ такого возраста, какои наиболѣе благопріятенъ для сохраненія вида. Цѣлесообразно, чтобы видъ слагался изъ сильныхъ особей, чтобы, слѣдовательно, драхмѣющія, слабыя особи возможно скорѣе уступали мѣсто мѣхомъ и сильнымъ. Съ другой стороны, необходимо, чтобы родители оставались въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока не народится достаточно потомства и пока оно не подростеть до возможности существовать самостоятельно. Продолжительность жизни является, слѣдовательно, компромиссомъ между двумя противоположными потребностями, она опредѣляется выраженіемъ поэта: «Мавръ выполнилъ свой долгъ, мавръ можетъ уйти».

Развивая свою мысль, Вейсманъ идетъ еще дальше. Не только моментъ наступленія смерти опредѣляется борьбой за существованіе, но и самое явленіе смерти есть слѣдствіе этого принципа, господствующаго надъ всѣмъ живымъ.

Мы подходимъ здѣсь къ проблемѣ, глубоко затронувшей не только естествознаніе, но и философію, и теологію—я напомню только ученіе о грѣхопаденії. Мы ограничимся лишь естественно-научными разсужденіями и посмотримъ сначала, чѣмъ Вейсманъ обосновалъ свою идею.

«Смерть не есть результатъ чисто внутреннихъ, въ природѣ самой жизни лежащихъ причинъ, она есть цѣлесообразное приспособленіе, уступка вѣнчшимъ условіямъ жизни, а не абсолютная необходимость, коренящаяся въ существѣ самой жизни»; чтобы это доказать, Вейсманъ оспариваетъ всякия попытки установить определенные физіологическіе причины смерти, оспариваетъ, съ одной стороны, ученіе о томъ, что организмы умираютъ потому, что изнашиваются, подобно машинамъ, съ другой стороны, ученіе о томъ, что размноженіе имѣеть вредное вліяніе на организмъ, приводить къ смерти, разрушая его тотчасъ же или же постепенно.

Важнейшимъ аргументомъ его является положеніе, что есть организмы, которые вообще не подвержены естественной смерти, хотя они и выполняютъ всѣ жизненные функции, двигаются, питаются, размножаются. Это—одноклеточная животная, называемая также Protozoa или первичная животная, наливочная животная прежнихъ зоологовъ—они размножаются дѣленіемъ. Животное а посредствомъ перетяжки дѣлится безъ остатка на два дочернихъ животныхъ въ и с; въ и с питаются, растутъ и дѣлятся въ свою очередь. Такимъ способомъ, говорить Вейсманъ, первичные животные размножались съ незапамятныхъ временъ, и такъ же будутъ они неограниченно размножаться и впредь. Хотя материнское животное и прекращаетъ при каждомъ дѣленіи свое индивидуальное существование, замѣняясь двумя новыми особями, но это происходитъ безъ умирания жившихъ до этого частей; какъ выражается Вейсманъ, нѣть налицо трупа, неразрывно связанныаго съ понятіемъ смерти. Съ этой точки зрѣнія, Вейсманъ называетъ первичныхъ животныхъ бессмертными; ихъ, правда, можно убивать, но сами по себѣ они не умираютъ.

Совершенно иное представляеть собою человѣкъ и остальные животныя, тѣло которыхъ составлено изъ тысячи или миллионовъ и миллиардовъ клѣтокъ. Эти клѣтки потеряли присущее простейшимъ бессмертие, раньше или позже онѣ погибаютъ и образуютъ трупъ умершаго животнаго. Жребій смерти минуетъ лишь якоторыя клѣтки; это суть половые клѣтки, такія клѣтки, которыя осуществляютъ размноженіе и благодаря которымъ видъ продолжаетъ жить въ дѣтяхъ послѣ смерти родителей. Чтобы разъяснить это основное различіе двухъ сортовъ клѣтокъ, клѣтки, подверженныя смерти, Вейсманъ называетъ тѣломъ въ узкомъ смыслѣ слова или «сома», и говорить поэтому о соматическихъ клѣткахъ. Соматическая клѣтка, это—такія клѣтки, которая выполняютъ обычные жизненные функции, у человѣка это мускульные клѣтки, нервныя и железистыя, клѣтки хряща и кости и т. д. Клѣтки же размноженія, это—женскіе элементы, яйца и мужскіе элементы, сѣменные нити. Ради простоты мы оставимъ въ сторонѣ различіе между женскими и мужскими элементами и будемъ говорить дальше просто о клѣткахъ размноженія. Этимъ мы выдѣляемъ изъ нашего разсмотрѣнія проблему оплодотворенія; и это тѣмъ болѣе можно сдѣлать, что въ природѣ довольно часто встречаются случаи, когда яйца развиваются безъ оплодотворенія, партеногенетически..

Половые клѣтки бессмертны, подобно простейшимъ животнымъ. Правда, при смерти содержащей ихъ особи онѣ погибаютъ, но это только потому, что онѣ лишаются при этомъ необходимыхъ условий существованія. Попавъ же въ условія, благопріятствующія ихъ развитію, онѣ, напротивъ того, начинаютъ дѣ-

литься на 2, 4, 8, въ концѣ концовъ на сотни и тысячи клѣтокъ. Такъ возникаетъ организмъ, въ которомъ раньше или позже, смотря по виду, опять обнаруживается различіе между соматическими клѣтками и клѣтками размноженія. Процессъ этотъ постоянно повторяется, особи умираютъ, клѣтки размноженія сохраняются, и поколѣніе слѣдуетъ за поколѣніемъ. Звеномъ, соединяющимъ два слѣдующія другъ за другомъ поколѣнія, являются клѣтки размноженія, съ незапамятныхъ временъ происходящія другъ отъ друга путемъ дѣленія.

Вотъ въ возможно краткой формѣ основныя черты ученія Вейсмана о смерти. Ихъ можно суммировать въ трехъ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Всѣ одноклѣточные животныя бессмертны.
2. Клѣтки размноженія многоклѣточныхъ животныхъ сохранили это бессмертіе.
3. Для всѣхъ многоклѣточныхъ животныхъ смерть—явленіе совершенно новое, ни въ какой связи съ процессами у простѣйшихъ не стоящее, и въ то же время въ высшей степени цѣльсообразное приспособленіе для сохраненія вида.

Обсудимъ отдельно каждое изъ этихъ положеній и начнемъ съ бессмертія простѣйшихъ.

Когда Вейсманъ писалъ свои полныя глубокихъ мыслей работы о жизни и смерти и о продолжительности жизни, наци съѣдѣнія о простѣйшихъ были еще очень недостаточны; правда, знали хорошо ихъ строеніе, знали многое и объ ихъ жизненныхъ процессахъ, но ни для одного вида не былъ извѣстенъ полный циклъ жизни, какъ онъ установленъ теперь кропотливыми изслѣдованіями, продолжающимися мѣсяцы и годы. Такихъ изслѣдований произведено теперь много; мы обязаны ими французскимъ и американскимъ ученымъ; я самъ въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ провелъ много культуры. И всѣ мы пришли къ результатамъ, совершенно противоположнымъ возврѣніямъ Вейсмана.

Я опишу сначала ходъ такой культуры и возьму для примѣра одну инфузорію, которую легко доставить и легко разводить, Рагамаесіум. Эта инфузорія живеть въ гниющихъ жидкостяхъ, питаясь гнилостными бактеріями; она достаточно велика, чтобы ее можно было разсмотретьъ невооруженнымъ глазомъ, когда она левко плаваетъ въ водѣ при помощи быстро движущихся рѣничекъ. При средней комнатной температурѣ животное дѣлится въ среднемъ одинъ разъ въ сутки. Если начать культуру съ 4 животными, то уже на четырнадцатый день пришлось бы кормить и считать, чтобы иметь точныя данныя о способности размноженія, 32,768 особей. Это невыполнимо. Нужно поэтому ограничивать число животныхъ до нѣсколькихъ экземпляровъ, убивая остальныхъ. Ходъ такой точно проведенной культуры приводить къ выводу, что скло-

рость размноженія, опредѣленная нами въ среднемъ, какъ однодѣленіе въ сутки, не остается одинаковой даже при постоянныхъ температурахъ, но что періоды усиленного дѣленія чередуются съ періодами пониженной дѣятельности въ этомъ отношеніи. Бываетъ, что животныя на нѣсколько дней или недѣль совершенно лишаются способности дѣленія. Въ это время они совершенно не принимаютъ пищи, лежать неподвижно на днѣ сосуда; ясно замѣтно, слѣдовательно, сильное пониженіе жизненной энергіи. Такое состояніе животныхъ мы будемъ называть депрессіей; животныя въ концѣ концовъ преодолѣваютъ ее, и принятие пищи и дѣленія начинаются снова. Чѣмъ дольше длится культура, тѣмъ чаще повторяются депрессіи, и тѣмъ дольше они продолжаются. У многихъ особей пониженіе жизнедѣятельности переходитъ въ смерть, и, наконецъ, при наступлении особенно сильной депрессіи культура вымираетъ совершенно, несмотря на самый заботливый уходъ.

Нѣкоторые опыты позволяютъ предположить, что ходъ культуры можетъ быть измѣненъ въ благопріятномъ смыслѣ путемъ вѣнчаний вліяній, что такимъ путемъ можно спасти животныхъ, которыхъ умерли бы, будучи предоставлены самимъ себѣ безъ этихъ вліяній. Какъ средства такого рода, были испробованы механические толчки, перемѣна температуры, дѣйствіе химическихъ веществъ, перемѣна пищи и т. д. Какъ ни несовершенны эти опыты въ настоящее время, я не хотѣлъ бы оставлять ихъ безъ упоминанія, потому что я убѣжденъ, что, методически проведенные, они будутъ имѣть въ будущемъ большое значеніе для практической медицины. Существуютъ нѣкоторые основные законы, общіе для всѣхъ клѣтокъ, будуть ли то одноклѣточные организмы или клѣтки тканей многоклѣточныхъ животныхъ. Особенные свойства клѣтокъ организма, большая или меньшая ихъ жизненная сила, составляютъ то, что называется конституціей многоклѣточного организма. Удастся намъ попытка воздѣйствовать на жизненную энергію простѣйшихъ путемъ вѣнчаний вліяній и научно объяснить себѣ ихъ дѣйствіе, тогда и ученіе о воздействиіи въ желательномъ смыслѣ на конституцію высшихъ животныхъ будетъ поставлено на научную почву.

Вернемся къ напімъ культурамъ и зададимъ себѣ вопросъ, какіе внутренніе процессы лежать въ основѣ столь рѣзкой смѣны жизненныхъ явлений. Я долженъ здѣсь сдѣлать нѣкоторое отступление и начать съ основного опыта, имѣющаго первостепенное значеніе для нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Какъ клѣтка, такъ и простѣйшія, съ формальной стороны представляющія собою тоже клѣтку, слагаются изъ двухъ частей: изъ клѣточного вещества или протоплазмы и лежащаго въ протоплазмѣ, тоже организованнаго тѣла, клѣточного ядра. Какія функции выполняетъ протоплазма,

увнать не трудно; она образуетъ у амѣбъ ложножожки или псевдомодіи, у другихъ простѣйшихъ, у инфузорій, жгутики и рѣснички, — все это органы передвиженія и ощущенія; она принимаетъ пищу и перевариваетъ ее, строить скелеты и домики, когда они свойственны данному виду, и производить различныя приспособленія, напоминающія органы высшихъ животныхъ. А какую роль играеть ядро? Чтобы опредѣлить его назначеніе, разрѣжемъ какое-нибудь простѣйшее животное, напр., амѣбу, на двѣ половинки, одну съ ядромъ и другую безъ ядра. Сначала и та, и другая остаются живыми и продолжаютъ ползть. Половинка съ ядромъ перевариваетъ заключенную въ ней пищу, принимаетъ новую пищу, растеть и вскорѣ возваставляетъ утраченное вещество. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ безъядерной половинкой, она выбрасываетъ все находящуюся въ ней пищу, потому что не можетъ больше переваривать; она теряетъ и способность принимать новую пищу, теряетъ и способность вырабатывать клейкое вещество, съ помощью которого амѣбы приклѣпляются къ субстрату; всякая организующая сила изъ нея исчезла, и она погибаетъ отъ голода. Повторяя опытъ на другихъ, болѣе сложно построенныхъ простѣйшихъ, мы придемъ къ тому же результату: для питания, роста и вѣхъ организующихъ процессовъ протоплазма нуждается въ содѣйствіи ядра; всѣ названные процессы предполагаютъ обмѣнъ веществъ между ядромъ и протоплазмой. Въ связи съ этимъ, между ядромъ и протоплазмой наблюдается опредѣленное соотношеніе по массѣ; среднєе состояніе этого соотношенія мы назовемъ нормальнымъ соотношеніемъ ядра и плазмы.

Изслѣдуя теперь параметръ изъ различныхъ стадій нашей культуры, мы найдемъ, что въ періоды депрессій соотношеніе ядра и плазмы измѣнено, ядро сильно увеличено, при сильныхъ депрессіяхъ увеличено настолько, что занимаетъ большую часть клѣтки. Для того, чтобы депрессія прекратилась, и животные пробудились къ новой жизни, нужно, чтобы ядро уменьшилось, часть его растворилась; для облегченія послѣдняго процесса, ядро сначала распадается на мелкие куски. Слѣдовательно, чтобы остаться жизнеспособными, инфузоріи должны разрушить нѣкоторыя части, вредящія функциямъ. Здѣсь мы встрѣчаемся впервые съ явленіемъ, что отдѣльные части должны погибнуть, чтобы могло жить цѣлое. Это первые зачатки явленія, которое будетъ чрезвычайно важно для насъ въ дальнѣйшемъ, и которое мы назовемъ частичной смертью клѣтки. Если инфузорія слишкомъ слаба для того, чтобы привести до конца описанный процессъ обновленія, смерть распространяется постепенно и на все ея тѣло. Смерть части становитъ смертью цѣлаго.

Аналогичный циклъ жизни я опишу въ возможно краткой формѣ и для одного изъ нашихъ красивѣйшихъ прѣноводныхъ простѣй-

нихъ, для солнечника, *Actinosphaerium Eichhorni*. Его называютъ такъ за его шарообразное тѣло, отъ которого ложноножки отходить, подобно солнечнымъ лучамъ. При долговременной культурѣ и въ этомъ случаѣ періоды прогрессирующего развитія чередуются съ періодами депрессіи. Недѣлями кишить акваріумъ сотнями этихъ туго набитыхъ пищевыми вакполами животныхъ, несмотря на всѣ попытки ограничить ихъ число путемъ умерщвленія излишнихъ, затѣмъ наступаютъ дни, когда, несмотря на изобиліе пищевого материала, пищевыхъ вакполей въ нихъ совсѣмъ не замѣтно; многія умираютъ, немногія переживаютъ періодъ депрессіи; пойдінія затѣмъ опять начинаютъ усиленно питаться и дѣлиться, такъ что вскорѣ культура опять находится въ полномъ расцвѣтѣ. Такія депрессіи повторяются все чаще и чаще, и, наконецъ, одна изъ нихъ принимаетъ столь тяжелый характеръ, что вся культура вымираетъ.

Actinosphaerium имѣеть много мелкихъ ядеръ. Въ періодъ депрессій они увеличиваются лишь весьма слабо, за то число ихъ возрастаетъ колоссально.

Чтобы помѣшать этому разростанію, множество ядеръ разрушается, и остатки ихъ выталкиваются изъ организма. Такимъ путемъ животное опять дѣлается жизнеспособнымъ. Но постепенно наступаетъ такое состояніе, что, хотя ядерное вещество и увеличивается, сами ядра дѣлиться уже не могутъ; тогда часть ихъ растворяется, остальная же гигантски разрастается. При этомъ процессѣ могутъ получиться ядра, въ три тысячи разъ превышающія по объему нормальныя. Такихъ крупноядерныхъ *Actinosphaeris* можно отличить и въ живомъ состояніи. Ихъ можно посадить въ здоровыя культуры, и животныя здоровой культуры продолжаютъ оставаться здоровыми; ясно, что эти и обычныя явленія не суть слѣдствія какой-нибудь инфекціонной болѣзни.

Опытъ культуръ простѣйшихъ ставить насъ въ большое затрудненіе. Онъ учить насъ, что простѣйшия, поставленные въ неизбѣжно благопріятныя условія питания, въ концѣ концовъ погибаютъ. Непрерывное выполненіе жизненныхъ функций производить столь сильное нарушеніе равновѣсія частей клѣтки, что въ результатаѣ получается длительная простоянка жизненныхъ функций, а это и есть смерть. Но съ этимъ опытомъ стоитъ въ противорѣчіи тотъ фактъ, что *Ragamaesium* и *Actinosphaerium* ежегодно тысячами появляются въ нашихъ лужахъ. Оба эти вида были описаны впервые 150 лѣтъ тому назадъ. Такъ какъ мы не знаемъ для нихъ никакого другого способа размноженія, кроме какъ дѣленіемъ, наши современные формы должны были развиться путемъ дѣленія изъ тѣхъ, которыхъ жили нѣсколько столѣтій тому назадъ. Это должно было бы принудить насъ принять ученіе Вейсмана съ бессмертіемъ.

Разгадку даетъ различіе условій существованія въ природѣ и въ нашихъ культурахъ. Нѣсколько цифръ поясняетъ это. Въ одной изъ наиболѣе удачныхъ культуръ американцу Калкину посчастливилось довести Рагамаесіум до 742-го поколѣнія. Имъ изслѣдователь возможность оставлять жить всѣ особи, число ихъ выразилось бы 224-значной цифрой. Хотя каждая Рагамаесіум имѣеть объемъ только въ $\frac{1}{10000}$ кубического миллиметра, это колоссальное число животныхъ представляло бы такой объемъ, по сравненію съ которыми объемъ нашей земли былъ бы совершенно ничтожныи. Одно это говоритъ уже за то, что въ природѣ не можетъ происходить что-либо подобное тому, что мы получаемъ въ культурахъ. Однако, паразитическая простѣйшия, въ особенности паразиты крови, приближаются, повидимому, въ этомъ отношеніи къ искусственнымъ условіямъ существованія нашихъ культуръ, потому что въ этомъ случаѣ хозяинъ, уже въ своихъ собственныхъ интересахъ, старается пугемъ постоянного новообразованія кровяныхъ тѣлъ доставлять паразиту все новую и новую пищу. Этимъ онъ даетъ послѣднему возможность на одномъ и томъ же мѣстѣ произвести цѣлыи рядъ непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Извѣстно, что пользующаяся такой дурной славой малярия перемежающаяся лихорадка, вызывается такими одновѣточными паразитами крови, размножающимися въ невѣроятномъ количествѣ. Бывають случаи, что малярия излѣчивается сама собой, потому что всѣ паразиты умираютъ; но бывають и такие случаи, что излѣченіе оказывается только мнимымъ, и болѣзнь вспыхиваетъ снова безъ вторичнаго зараженія. Въ медицинѣ такое явленіе называется рецидивомъ малярии. Оно возможно только потому, что паразиты долгое время прозябали и постепенно снова пріобрѣтали силу размножаться. Все это чрезвычайно напоминаетъ депрессіи, о которыхъ была рѣчь выше, у свободно живущихъ простѣйшихъ, депрессіи, во время которыхъ они вымираютъ или *совершенно*, или только нѣсколько особей остается въ живыхъ. Сходство съ явленіями депрессіи еще усиливается, благодаря тому способу, какимъ осуществляется возвращеніе къ новой дѣятельности. Наблюденіе установило, что части ядра, сдѣлавшіяся ненужными, выбрасываются изъ тѣла, какъ и въ нашихъ культурахъ простѣйшихъ. Нужно, однако, считаться и съ тѣмъ, что вымирание возбудителей болѣзни можетъ быть обусловлено и такъ называемыми антивѣществами, выработанными больнымъ организмомъ защитительными веществами. Вѣроятно, въ данныхъ явленіяхъ имѣютъ значеніе оба эти момента.

Чтобы простѣйшия размножались непрерывно въ теченіе мѣсяцевъ, такого случая въ свободной природѣ, въ нашихъ лужахъ и прудахъ, быть не можетъ. Гораздо раньше измѣняются совершенно температурные условія и условія питания. Размножающіяся

животных, хотя ихъ и уничтожаютъ ихъ враги, истребляютъ имѣющійся налицо пищевой матеріалъ. Наступаетъ голодъ, или же температура воды понижается. И то, и другое вызываетъ новые процессы, ведущіе къ обновленію дряхлѣющихъ животныхъ. Эти процессы, широко распространенные у простѣйшихъ, суть энцистированіе и коньюгациѣ; послѣдняя представляетъ собою процессъ идентичный съ оплодотвореніемъ у многоклѣточныхъ животныхъ. Я опишу сначала эти процессы, а затѣмъ выясню, какія измѣненія вносятъ они въ жизнь простѣйшихъ, и какое значеніе они имѣютъ для нашей проблемы.

Подъ энцистированіемъ мы разумѣемъ слѣдующее явленіе. Животные стягиваются въ шаръ, одѣваются прочной оболочкой, защищающей ихъ отъ высыханія; въ этомъ видѣ попавшія на землю животные могутъ быть переносимы вѣтромъ. Попавъ затѣмъ опять въ воду, они начинаютъ проростать, т. е. выходятъ изъ листъ и начинаютъ новую жизнь.

Процессы оплодотворенія у простѣйшихъ безконечно разнообразны, такъ что я долженъ ограничиться лишь краткимъ ихъ обзоромъ. Общимъ для всѣхъ нихъ является то, что два животныхъ соединяются, и что затѣмъ ихъ ядра сливаются другъ съ другомъ, совершенно такъ же, какъ это происходитъ при оплодотвореніи у многоклѣточныхъ животныхъ, где сливаются, хотя и не сами животные, но ихъ половые клѣтки, яйца и спермагониды, тѣлья съ тѣломъ, ядро съ ядромъ. У простѣйшихъ могутъ сливаться другъ съ другомъ совершенно одинаковыя клѣтки, такъ что на этихъ первыхъ ступеняхъ оплодотворенія различіе между мужскими и женскими совершенно не проявляется. Но можетъ также быть налицо и ясно выраженная половая дифференцировка, когда мелкие, чрезвычайно подвижные элементы, похожіе на сѣменные яйція, оплодотворяютъ болѣе крупныхъ животныхъ, которыхъ надо уподобить яйцамъ.

Энцистированіе и оплодотвореніе оказываютъ на организмъ сходное дѣйствіе и потому часто комбинируются. Въ интересахъ краткости я остановлюсь на такихъ комбинированныхъ случаяхъ.

При энцистированіи *Actinospheerium* умираетъ и растворяется 95% ядеръ; оставающіеся пять процентовъ идутъ на построеніе оплодотворяющихъ тѣлцъ. Но и въ послѣднихъ три четверти ядерного вещества разрушаются. Эти почти 99 процентовъ ядерного вещества предстаиваютъ объемистый трупъ, но только мы его не замѣчаемъ, потому что мертвое постепенное поглощается той частью, которая осталась въ живыхъ.

Еще яснѣе выступаетъ передъ нами частичная смерть у интересныхъ паразитическихъ простѣйшихъ, грегаринъ. Въ цѣляхъ послѣдующаго оплодотворенія здѣсь энцистируются вмѣстѣ по два животныхъ. Въ каждомъ животномъ происходитъ раздѣленіе на

отмирающую часть и на часть, остающуюся въ живыхъ. Послѣдняя производить тѣльца, служація для оплодотворенія, первая же остается въ развитіи и превращается въ мертвую массу. Въ заключеніе я приведу еще третій примѣръ, въ которомъ есть два пункта, заслуживающіе особаго вниманія. Во-первыхъ, различіе между отмирающими частями и частями, служащими для дальнѣйшаго развитія, подготавляется въ этомъ случаѣ задолго; во-вторыхъ, физіологический характеръ отмирающей части даетъ намъ указаніе на то, что можетъ быть причиной частичной смерти. Этотъ третій примѣръ—оплодотвореніе у Paramaecium, у того самаго вида, который послужилъ намъ материаломъ для культуръ.

Рассказывая объ измѣненіяхъ у Paramaecium, появляющихся въ ходѣ культуры, я говорилъ всегда только о томъ ядрѣ, которое называется главнымъ ядромъ или макронуклеусомъ. Такъ какъ это ядро обнаруживаетъ измѣненія въ различныхъ состояніяхъ депрессіи и реорганизаціи, то можно сказать съ увѣренностью, что оно именно и участвуетъ въ процессахъ обмѣна веществъ у Paramaecium. Мы можемъ назвать его поэтому функционирующімъ ядромъ. Рядомъ съ главнымъ лежитъ ядро помельче, добавочное ядро или микронуклеусъ; это ядро тоже принимаетъ участіе въ дѣленіяхъ инфузорій, въ остальныхъ же слущаяхъ играетъ весьма индифферентную роль. Наблюдая конъюгацію, мы приходимъ къ заключенію, что функционирующее или главное ядро погибаетъ совершенно; оно распадается на куски, которые мало по малу совершенно растворяются. Оплодотвореніе же совершается исключительно при помощи болѣе малаго ядра, которое мы называемъ поэтому половымъ ядромъ. Я не стану описывать здѣсь оплодотворенія, поэтому что это слишкомъ сложное явленіе. Достаточно сказать, что оплодотворенное половое ядро дѣлится и даетъ два ядра, изъ которыхъ одно становится опять половымъ ядромъ, другое же превращается въ функционирующее ядро. Слѣдовательно, при оплодотвореніи функционирующее ядро инфузоріи уничтожается и замѣняется новымъ. Мы можемъ, поэтому, къ нашимъ даннымъ о частичной смерти выѣткы прибавить еще слѣдующее положеніе: части клѣтки, подлежащія смерти, ууть функционирующія части.

Это даетъ намъ ключъ къ пониманію различія между нашими искусственными культурами и ходомъ жизненныхъ явлений въ природѣ. Оставляя культуру все время въ благопріятныхъ условіяхъ, мы тѣмъ самымъ исключили энцистирование и оплодотвореніе и лишили организмъ важнейшаго средства реорганизаціи. И такимъ путемъ возникло то временное исправленіе ядра, которое я вамъ описалъ въ періоды депрессій—мелочная починка въ сравненіи съ радикальнымъ средствомъ природы, создающей совершенно новое ядро.

Теперь, зная точно явление частичной смерти у простейшихъ, жамъ не трудно будетъ отвѣтить и на второй вопросъ: *какъ од-стоитъ отъо съ безсмертіемъ половыхъ клѣтокъ у многоклю-мочныхъ животныхъ?*

Вейсманъ высказалъ идею, и вначалѣ и я применулъ къ ней, что клѣтки размноженія теперь живущихъ и клѣтки размноженія животныхъ прежнихъ вѣковъ представляютъ непрерывную цѣль, въ которой каждое звено возникло изъ предыдущаго звена путемъ дѣленія, такъ что генезисъ половыхъ клѣтокъ мы можемъ представить себѣ, какъ непрерывный, продолжающійся съ незапамят-ныхъ временъ рядъ клѣточныхъ дѣлений. Но выяснимъ себѣ теперь нѣсколько точнѣе тѣ условия, въ какихъ находятся половыя клѣтки. Начнемъ съ того момента, когда въ зародышѣ становится вид-нымъ зачатокъ половыхъ органовъ въ видѣ одной клѣтки или въ видѣ группы клѣтокъ. Мы называемъ эти клѣтки первичными яйцами. Онѣ размножаются послѣдовательными дѣленіями, тѣмъ оживленнѣе, чѣмъ выше плодовитость вида. За періодомъ размноженія первичныхъ яицъ слѣдуетъ всегда періодъ роста. Дѣленія первичныхъ яицъ прекращаются; но не прекращается пріемъ пищи, результатомъ чего является то, что яйцо начинаетъ ненормально расти, растеть какъ тѣло его, такъ и ядро. И то, и другое достигаетъ гигантскихъ для клѣтки размѣровъ. Въ концѣ концовъ прекращается и ростъ.

Весь этотъ процессъ весьма походитъ на явленія депрессіи у простейшихъ: сходство простирается и на дальнѣйшее его теченіе. Онъ ведетъ или къ гибели, или къ реорганизаціи клѣтки. Въ послѣднемъ случаѣ гигантское ядро погибаетъ за исключеніемъ небольшого остатка, образующаго новое ядро. Какъ велико различіе между обоями ядрами, какъ много ядерного вещества подвергается ча-стичной смерти, показываетъ сопоставленіе незрѣлаго и зрѣлаго яицъ. Только зрѣлое яйцо обладаетъ способностью дальнѣйшаго развитія, будетъ ли этому предшествовать оплодотвореніе, или же оно будетъ развиваться по собственному побужденію, партеногенетически.—Для яйца, которое должно доставить матеріалъ для развитія организма и потому должно быть большимъ, періодъ роста легко бы объяснить, какъ цѣлесообразное приспособленіе; но онъ имѣется въ принципіально сходной формѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что ростъ незначителенъ и во время развитія съмен-ныхъ нитей, этихъ мельчайшихъ элементовъ животнаго тѣла; слѣдовательно, онъ долженъ имѣть болѣе глубокую причину въ зако-нахъ роста клѣтки, и такую причину я усматриваю въ необходимости послѣ продолжительного ряда дѣлений реорганизовать клѣтку путемъ частичной смерти.

Обращаясь теперь къ послѣдней части нашей задачи, къ вѣ-
Декабрь. Отдѣль I.

систе́мъ про́блемы сме́рти для кле́токъ организма, несущихъ жизненныя функціи, т. е. для той части тѣла, которую Вейсманъ называетъ тѣломъ въ узкомъ смыслѣ слова, «сома», и которая, по его возврѣнію, одна только и подлежитъ смерти, мы попадаемъ въ трудное положеніе, трудное прежде всего въ отношеніи немо-
ноты нашихъ знаній. Точного знанія хода жизненныхъ явлений, какое мы пріобрѣли въ послѣднія десятилѣтія въ отношеніи про-
стѣйшихъ, мы не имѣемъ еще ни для какого многоклѣточнаго жи-
вотнаго, ни для какого высшаго растенія; изслѣдованія наталки-
ваются тутъ на большія трудности, тѣмъ большія, чѣмъ выше орга-
низациѣ организма. Для многихъ группъ животныхъ мы даже не
имѣемъ никакихъ данныхъ.

Во-вторыхъ, трудно въ то ограниченное время, какое я имѣю въ своемъ распоряженіи, дать хотя бы скжатое изображеніе огром-
наго разнообразія формъ организаціи, образующихъ прямо не-
исчерпаемый рядъ промежуточныхъ ступеней между наиболѣе про-
стыми многоклѣточными животными, губками и полипами, вплѣтъ-
до человѣка включительно. Я попробую обойти эту трудность, взять
лишь начало и конецъ этого ряда.

Въ началѣ ряда мы должны поставить губки, полиповъ, кораллы, многихъ червей и большинство высшихъ растеній; въ жиз-
ненныхъ явленіяхъ своихъ клѣтоекъ они обнаруживаютъ большое сходство съ простѣйшими и, подобно послѣднимъ, обладаютъ почти безграничной, повидимому, способностью размноженія своихъ клѣ-
токъ. Этой способностью они пользуются для такъ называемаго *егеративнаго размноженія*. Путемъ мѣстныхъ клѣточныхъ раз-
ростаній образуетъ нашъ прѣноводный полипъ почки, которые отрываются и въ свою очередь производятъ новые почки. У мор-
скихъ полиповъ почки остаются въ соединеніи съ материнскимъ жи-
вотнымъ и образуютъ колоніи. Путемъ послѣдовательнаго исч-
кованія каралловые полипы получаютъ возможность создавать мощные рифы, которыхъ такъ боятся мореплаватели. Подобны же образомъ, путемъ послѣдовательныхъ клѣточныхъ дѣленій, многія растенія производятъ вѣтви за вѣтвию и вырастаютъ въ дерево. Такъ возникаютъ тысячелѣтніе великаны адансоніи, производящія такое впечатлѣніе, будто они созданы для вѣчности. Дѣйствительно, до сихъ поръ нѣть никакого указанія на то, что подобная деревья умираютъ по внутреннимъ причинамъ и, слѣдовательно, подлежать естественной смерти, въ смыслѣ Вейсмана. Если онъ погибаютъ, въ этомъ повинны, очевидно, вѣнчнія причины: паразиты, разрушающіе ихъ тѣло, бури, для которыхъ ихъ мощный стволъ пред-
ставляетъ слишкомъ большую поверхность упора. Во многихъ слу-
чаяхъ эти вредныя вѣнчнія вліянія можно исключить и дать воз-
можность растенію жить дальше въ ограниченномъ пространствѣ,
подъ защитой отъ паразитовъ, напр., если взялись у растенія

• отводки или подземные части, какъ клубни, луковицы, и предоставить имъ развиваться дальше. Простой человѣкъ увидѣть, правда, въ этомъ появленіе новыхъ растеній; въ дѣйствительности же мы только поставили части тѣла старого растенія въ новыя благоприятныя условія для роста. Это вовсе не новыя растенія въ томъ смыслѣ, какъ растенія, вытнанныя изъ сѣмени. По господствующему среди ботаниковъ возврѣнію, указанные вегетативные способы размноженія, какъ у простѣйшихъ дѣленій, могутъ имѣть цѣлью постоянное распространеніе и сохраненіе вида... Что касается низшихъ многоклѣточныхъ животныхъ, то зоологи въ этомъ сомнѣваются. Если культивировать прѣсноводныхъ полиповъ продолжительное время, то, совершенно подобно тому, какъ у простѣйшихъ, наступаютъ временные депрессіи, выйти изъ которыхъ они могутъ только путемъ реорганизаціи своихъ клѣтокъ. Какъ кажется, такое состояніе всегда даетъ только къ половому размноженію. Однако обо всемъ этомъ мы знаемъ еще слишкомъ мало. Вегетативное размноженіе низшихъ животныхъ не имѣть того большого практическаго интереса, какой представляется для садоводовъ вегетативное размноженіе растеній. Ограничимся поэтому въ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ растеніями.

Можетъ, пожалуй, показаться на основаніи того, что я сказалъ о господствующемъ среди ботаниковъ возврѣніи, что ученіе Вейсмана о бессмертіи, противъ которого я привелъ доказательства, поскольку оно касается простѣйшихъ, находить себѣ теперь неожиданное подтвержденіе для большинства многоклѣточныхъ растеній и животныхъ. Такое заключеніе было бы преждевременнымъ. Если бы одного вегетативного размноженія, этого непрерывнаго дѣленія соматическихъ клѣтокъ, было достаточно для того, чтобы на все времена обеспечить существованіе вида отъ вымирания, къ чему тогда половое размноженіе, столь распространенное на ряду съ вегетативнымъ у всѣхъ растеній и низшихъ животныхъ? Еще важнѣе второе вражженіе. Присматриваясь ближе къ вегетативному размноженію, мы и здѣсь встрѣчаемъ слѣды смерти, и опять таки въ той же формѣ, какъ и у простѣйшихъ, въ формѣ частичной смерти. Совершенно ясно выступаетъ предъ нами эта смерть у растеній. Наши растенія при наступленіи зимы сбрасываютъносителей важнѣйшей функции—листья, даже если держать ихъ въ теплицѣ; все растеніе впадаетъ въ состояніе покоя, пріостановки жизненныхъ функций, и пробуждается изъ этого состоянія лишь черезъ долгій промежутокъ времени. Правда, есть и вѣчнозеленые растенія,—большинство тропическихъ растеній и хвойные; но и въ этомъ случаѣ постоянство листьевъ и иголъ явленіе лишь кажущееся, потому что они опадаютъ, но незамѣтно, и замѣняются новыми. Еще яснѣе выступаетъ частичная смерть у растеній,

размножающихся посредствомъ луковицъ и клубней, такъ какъ здѣсь погибаетъ значительная часть растенія, вся надземная его часть. Итакъ, смерть неизмѣнно расширяетъ свои владѣнія у многоклѣточныхъ растеній и животныхъ, и уже не части клѣтки только, но цѣлыя клѣтки и группы клѣтокъ заражаются смертью — это выполнение жизненныхъ функций.

Обращаюсь теперь къ другому концу лѣстницы, къ высшимъ животнымъ, къ членистымъ животнымъ, мягкотѣлымъ и позвоночнымъ, къ такимъ животнымъ, относительно которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что они подвержены естественной смерти и что у нихъ смерть захватываетъ организмъ во всѣхъ его частяхъ въ сравнительно короткое время. Предь нами встаетъ вопросъ, какими факторами обусловливается такое различіе, какъ измѣненія произошли въ жизненномъ процессѣ, что онъ можетъ быть задутъ, какъ свѣча, или, правильно говоря, самъ потухаетъ въ короткій промежутокъ времени.

Я дамъ сначала краткій очеркъ цикла жизни высшаго животнаго и возьму для этого человѣка. Человѣкъ развивается изъ яйца, диаметръ котораго не достигаетъ и $\frac{2}{10}$ миллиметра и объемъ котораго будетъ, поэтому, равенъ приблизительно $\frac{4}{1000}$ куб. миллиметра. Къ моменту рожденія человѣкъ представляетъ тѣло, объемъ котораго имѣеть въ среднемъ 3—4 миллиона куб. миллиметровъ. Слѣдовательно, за девять мѣсяцевъ утробной жизни его живое вещество увеличилось въ отношеніи 1 : 1 миллиарду. Приблизительно въ 20 лѣтъ человѣкъ становится взрослымъ; допустимъ, что въ это время въсѧ его равенъ 130 фунтамъ,—тѣло его съ рожденіемъ увеличилось, слѣдовательно, въ отношеніи 1 : 16. Ростъ живого тѣла зависить въ конечномъ счетѣ отъ дѣленія его клѣтокъ. Изъ различія въ ростѣ мы можемъ, поэтому, сдѣлать заключеніе о различной интенсивности дѣленій. Здѣсь мы наталкиваемся на огромное различіе въ эмбриональной и постэмбриональной жизни. Въ эмбриональной жизни — интенсивность дѣленія, иллюстрируемая отношеніемъ 1 : 1 миллиарду на пространствѣ 9 мѣсяцевъ, въ постэмбриональной — интенсивность съ отношеніемъ 1 : 16, среднимъ на протяженіи 20 лѣтъ. Выдѣляя меныше періоды изъ эмбриональной жизни или же изъ постэмбрионального періода роста и сравнивая ихъ съ болѣе ранними или болѣе поздними періодами, мы всегда получаемъ одинъ и тотъ же результатъ, а именно, что болѣе ранніе періоды обладаютъ болѣе энергичной дѣятельностью сравнительно съ болѣе поздними.

Итакъ, общій выводъ слѣдующій: энергія дѣленія наиболѣе высока вскорѣ послѣ оплодотворенія, съ того времени она все болѣе и болѣе падаетъ, сначала медленно, впослѣдствіи же быстро, пока съ оконченіемъ роста не остановится въ главныхъ чертахъ и размноженіе клѣтокъ; въ незначительныхъ размѣрахъ оно еще

продолжается, преимущественно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ клѣтки и части органовъ должны изнашиваться и замѣщаться другими, главнымъ образомъ, въ области кожи и кожныхъ придатковъ, ногтей и волосъ.

Врядъ ли мнѣ нужно особенно подчеркивать рѣзкое различіе между болѣе или менѣе непрерывнымъ размноженіемъ клѣтки у какого-нибудь простѣйшаго, или же кишечнополостнаго или растенія и постепеннымъ замираніемъ дѣленія клѣтокъ у человѣка или какого-либо другого высокоорганизованнаго животнаго. Здѣсь предъ нами совершенно другой родъ клѣточной жизни, чѣмъ раньше. И вмѣстѣ съ этимъ смерть является намъ здѣсь въ формѣ смерти цѣлаго, раньше или позже съ неумолимой необходимостию уносящей живыя существа. Естественно поэтому предположить тѣсную связь обоихъ этихъ явлений и заняться дальнѣе вопросомъ: какъ можно поставить въ связь измѣненный ростъ клѣтокъ и причины смерти.

Остановку роста или, что одно и то же, прекращеніе клѣточныхъ дѣленій можно было бы объяснить упадкомъ жизненной энергіи, нѣкотораго рода депрессіей, отличающейся отъ аналогичнаго явленія у простѣйшихъ только тѣмъ, что она не можетъ опять изгладиться. Но этому объясненію противорѣчить тотъ фактъ, что работоспособность организма достигаетъ своего высшаго пункта лишь по окончаніи роста и что за остановкой роста слѣдуетъ долгій періодъ жизни, пока не наступитъ смерть. Этотъ періодъ у человѣка приблизительно въ три раза дольше періода роста, а у многихъ млекопитающихъ и птицъ отъ 20—100 разъ.

Затѣмъ, можно было бы причину остановки роста предполагать въ недостаткѣ питания; но мы знаемъ, что хотя дурное питаніе и влияетъ на ростъ человѣка, однако не въ такой степени, чтобы особи, предназначенные вырости большими, остались бы маленькими, онъ только дѣлаются слабыми; и, наоборотъ, наиболѣе питаніемъ не заставишь сильно вырости людей, малорослыхъ отъ природы. Дальнѣйшее доказательство противъ даютъ намъ явленія регенерации. Если на какомъ-нибудь пункѣ тѣла удалить частицу его, то способность дѣленія у клѣтокъ вскорѣ снова пробуждается; образуется новый клѣточный матеріалъ, возмѣщающій потерю. У человѣка и млекопитающихъ, наиболѣе высоко развитыхъ формъ, описаннѣемъ путемъ могутъ залипнуться, конечно, лишь небольшіе дефекты. Но уже у рептилій и амфибій регенерируются болѣе или менѣе полно оторванные ноги и хвосты. Правда, и эта способность регенерации незначительна въ сравненіи съ огромной способностью къ регенерации у низшихъ животныхъ. Женевецъ Trembley уже 150 лѣтъ тому назадъ показалъ, что если отрѣзать у щуки щупальце и небольшимъ участкомъ тѣла и культивировать его, то этотъ отрѣзокъ возстановитъ все тѣло полностью, хотя онъ не можетъ

питаться и строительный материалъ долженъ брать изъ собственаго вещества, — указаніе на то, что питаніе не есть единственный, опредѣляющій дѣленіе клѣтокъ, факторъ.

Наконецъ, что опредѣляющимъ моментомъ для ненастушенія или наступленія дѣленій является у человѣка и млекопитающихъ не степень обезпеченности пищей, но особыя свойства клѣтокъ. Это показываютъ намъ убѣдительнымъ образомъ такъ называемыя злокачественные опухоли; они бывають не только у человѣка, но и у другихъ позвоночныхъ животныхъ и даже у без позвоночныхъ. На той же самой почвѣ, на какой нормальная клѣтка не могутъ размножаться, клѣтки раковыхъ опухолей разростаются страшно, уничтожая всѣ встрѣчающіяся имъ на пути ткани и, въ концѣ концовъ, и самую жизнь человѣка.

Слѣдовательно, способность къ дѣленію въ клѣткахъ человѣка или животнаго не угасла, она только не въ состояніи проявиться; она находится въ скрытомъ состояніи. Выражающееся въ этомъ ограниченіе свободы клѣтокъ можетъ быть устраниено раздраженіемъ извѣнѣ, при обычныхъ же условіяхъ оно устраняется, только когда этого требуютъ интересы всего организма въ цѣломъ, напр., при заживаніи ранъ и при регенерации. Если же мѣстное возстановленіе способности дѣленія у клѣтокъ находится въ зависимости отъ вліяній, исходящихъ отъ всего организма въ его цѣломъ, то, очевидно, аналогичные же процессы, только противоположного характера, обусловливаютъ остановку дѣленій. Другими словами, клѣтки высокоорганизованнаго животнаго не дѣлятся потому, что подчинены законамъ роста цѣлаго, какъ каждый изъ насъ законамъ государства.

Теперь мы можемъ точнѣе формулировать различія между клѣтками, какъ мы ихъ находимъ у простѣйшихъ низшихъ животныхъ и растеній, съ одной стороны, и клѣтками человѣка и другихъ высокоорганизованныхъ животныхъ, съ другой стороны. Одноклѣточные организмы подчинены исключительно внутреннимъ своимъ условіямъ размноженія, они обладаютъ ростомъ и размноженіемъ, свойственными клѣткѣ, какъ таکовой. Я назову это «цитотипической жизнью». Такая цитотипическая жизнь преобладаетъ и у низшихъ многоклѣточныхъ животныхъ, и у всѣхъ растеній. Напротивъ, клѣтки человѣка и высшихъ животныхъ теряютъ значительную долю такого самоопредѣленія, онъ суть составная части органа, имѣющаго выполнять одну функцию, онъ должны подчинять себѣ потребности этого органа, въ свою очередь стоящаго въ зависимости отъ потребностей всего организма въ цѣломъ. Такой родъ клѣточной жизни мы назовемъ «органотипической жизнью». Въ рядѣ организмовъ отъ низшихъ формъ до высшихъ мы можемъ прослѣдить, какъ цитотипическая жизнь все болѣе и болѣе отходить на задний планъ, а органотипическая получаетъ все большее и большее рас-

преслѣпеніе. Это измѣненіе клѣточной жизни мы можемъ подмѣтить и въ описанномъ выше вкратцѣ индивидуальномъ развитіи человѣка, такъ же, какъ и въ развитіи всѣхъ высшихъ животныхъ. Вначалѣ — обильное размноженіе клѣтокъ, чисто цитотипическая жизнь, все болѣе и болѣе затихающая и смигнующаяся органотипической жизнью.

Попробуемъ теперь проникнуть глубже въ причинную связь между высотой организаціи и органотипической жизнью, т. е. ограниченіемъ способности дѣленія клѣтокъ. Это чрезвычайно трудная проблема, и мы еще очень далеки отъ полного ея разрѣшенія; но уже и теперь мы можемъ установить кое-что, что разъясняетъ намъ явленіе и что имѣть значеніе для дальнѣйшихъ нашихъ се-ображеній.

Какъ всякая высшая организація въ природѣ и въ жизни на-родовъ покоятся на распредѣленіи труда и связанной съ нимъ дифференцировкѣ, такъ и высокоорганизованное строеніе человѣка слагается изъ весьма разнороднаго матеріала, изъ железъ, мускуловъ, нервовъ, костей, хряща и т. д. На опредѣленномъ примѣрѣ я разъясню сейчасъ, какимъ путемъ получается дифферен-цировка частей, и какъ дифференцировка измѣняетъ отношеніе къ цѣлому по сравненію съ низшими состояніями. Я возьму весьма наглядный примѣръ — мускуль. Каждое мускульное волокно пред-ставляетъ вначалѣ клѣтку; эта клѣтка растетъ и размножаетъ свои ядра; но мускульное движение выполняетъ не сама она. Для этой цѣли она производить специфическія орудія, она вырабаты-ваетъ поперечнополосатыя мускульныя волоконца во все большемъ и большемъ числѣ, пока, наконецъ, маленький мастеръ не исчез-нетъ почти совершенно за своими орудіями. Мускульные волоконца производятъ движенія, выполняютъ работу и при этомъ изнаши-ваются; на долю же клѣтки выпадаетъ задача заботиться о ни-татіи и восстановлять негодное къ употребленію; она не можетъ больше пользоваться пищѣй въ свою пользу, для роста и собствен-наго размноженія; она отдаетъ пищу функционирующими частямъ органа; она стала органотипической. А такъ какъ мускульные движенія выполняются безъ всякаго отношенія къ тому, нужны ли они клѣткѣ или нѣтъ, такъ какъ не она даетъ толчокъ къ нимъ и управляетъ ими, но всѣ эти опредѣляющія вліянія исходить отъ всей совокупности организма, то клѣтка уподобляется рабынѣ, отъ которой требуютъ работы, не спрашивая ее, соотвѣтствуетъ ли мѣра сильѣ той работѣ, которую она должна исполнить.

То, что я выяснилъ сейчасъ на примѣрѣ мускула, приложимо ко всѣмъ тканямъ человѣческаго тѣла, хотя и не ко всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ. Большая работоспособность нашего тѣла обу-словливается именно тѣмъ, что наши клѣтки перестаютъ жить индивидуальной жизнью. Только такимъ путемъ и можетъ быть

получено гармоническое взаимодействие частей, необходимое для высшихъ функций. Отъ нашихъ клѣтокъ требуется создать и поддерживать въ сохранности орудія, а распоряжаться послѣдними будутъ уже не онѣ. И, однако, эти клѣтки, низведенныя до степени рабовъ, являются всетаки настоящими носителями жизни, отъ того или другого состоянія которыхъ зависить благосостояніе цѣлаго. Здѣсь противорѣчіе, опасное для цѣлаго; но здѣсь же открывается намъ и связь между смертью и высотой дифференцировки.

Мы видѣли, что у одноклѣточныхъ животныхъ, когда они хорошо питаются и усиленно размножаются, наступаетъ времененная депрессія; они приостанавливаютъ или ограничиваютъ свои функции, чтобы реорганизовать составные части своей клѣтки. Въ клѣткахъ человѣческаго организма что-либо подобное уже не возможно. Когда организму нужны въ жизни мускульныя движения, нѣтъ вопроса о томъ, въ состояніи ли клѣтка пополнить теряемое при этомъ вещества или не исчерпана ли ея работоспособность до крайнихъ предѣловъ и не наступаетъ ли для нея депрессія. Небольшія регуляціи частей клѣтки, несомнѣнно, происходятъ здѣсь во время функционированія, но глубокія реорганизаціи, предполагающія длительный покой въ теченіе часовъ или сутокъ, здѣсь исключены. То же самое приложимо и къ нашимъ нервамъ, мозгамъ и даже къ функционально менѣе важнымъ тканямъ нашего тѣла. Правда, мы говоримъ объ отдыхѣ у высокоорганизованныхъ животныхъ; мы подкрѣпляемъ себя сномъ, чтобы напѣтъ мозгъ, наши органы чувствъ, наши мускулы могли выдержать новыя напряженія. Мы ѓдимъ чрезъ большия промежутки, чтобы дать отдохнуть пищеварительному клѣткамъ. Но такого покоя организма, съ какимъ мы ознакомились у простѣйшихъ и у растеній, при этомъ не достигается. Неустанно сплетается мозгъ и во снѣ нити сновидѣній, сердце гонитъ кровь по жиламъ, дыхательный аппаратъ снабжаетъ тѣло необходимымъ кислородомъ и освобождаетъ его отъ ненужной углекислоты, почки выдѣлаютъ продукты распада, возникающіе при жизнедѣятельности. Ни одна изъ этихъ функций не можетъ быть приостановлена. Становятся клѣтки, лежащія въ основѣ этихъ функций, недостаточно регулированными, вслѣдствіе временно чрезмѣрной и слишкомъ продолжительной работы,—ихъ орудія, мускульныя и нервныя волоконца, опорныя субстанціи, секреторныя вещества приходятъ въ негодность, пока не дойдутъ до такой степени обветшалости, при какой должны исчезнуть и малѣйшия слѣды жизни. Высокая степень дифференцировки необходимо ведеть отъ частичной смерти клѣтокъ къ смерти цѣлаго.

Если причиной смерти клѣтокъ является то принужденіе функционировать, какое оказывается на нихъ организмъ въ его совокупности, то прекращеніе этого принужденія, возвратъ отъ органотипической жизни къ цитотипической, восстановленіе самоопределѣнія

клѣтокъ должно вести къ тому, что послѣднія опять получаютъ способность къ долгому существованію и усиленному размноженію. Это наблюдается въ дѣйствительности. Выше я уже имѣлъ случай коснуться новообразованій или опухолей, этихъ столько же интересныхъ, сколько и практически важныхъ аномалий клѣточной жизни. Коснемся ихъ еще разъ съ только что изложенной точки зре-
ния. Опухоли сводятся въ основѣ къ размноженію клѣтокъ, болѣе или менѣе рѣзко эмансирировавшихся отъ законовъ роста всего организма; ихъ клѣтки не подчиняются больше потребностямъ цѣлаго; они стали клѣточными революціонерами, идущими своей собственной дорогой.

Мы видѣли, что принужденіе, исходящее отъ организма, выражается въ функции; оно тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ болѣе дифференцирована ткань, т. е. приспособлена къ опредѣленной функции. Чѣмъ выше эта дифференцировка, тѣмъ труднѣе клѣткамъ выйти изъ-подъ влиянія цѣлаго. Правильность такого хода мысли доказывается тѣмъ, что мы знаемъ объ опухоляхъ. Сильнѣе всего органотипический характеръ тканей выраженъ въ нервахъ и мускулахъ, затѣмъ слѣдуетъ кость и хращъ, слабѣе всего въ соединительной ткани и эпителіи. Соответственно такому распределенію, распредѣляется и частота, энергія и злокачественность опухолей въ отдѣльныхъ тканяхъ. Опухоли нервной ткани рѣдки и не опасны. Соединительнотканная же опухоли, саркомы и эпителіальные, карциномы, чаще и опаснѣй; они образуютъ главный контингентъ раковыхъ опухолей, тѣхъ страшныхъ клѣточныхъ разростаній, которыхъ человѣчество должно бояться больше чумы и холеры. Способность къ чрезвычайному размноженію клѣтокъ, которую я описалъ вамъ у простѣйшихъ, пробуждается въ этихъ опухоляхъ къ новой жизни, а съ нею и нѣкоторая степень бессмертія въ томъ смыслѣ, въ какомъ было опредѣлено ближе это понятіе у простѣйшихъ.

Новѣйшія изслѣдованія дали въ этомъ отношеніи поразительные результаты; они произведены надъ раковыми опухолями у мышей. Въ 1900 году датскій изслѣдователь, Іенсенъ, привилъ частицы опухоли больной ракомъ мыши другимъ мышамъ. Мыши, подвергнувшись прививкѣ, сами ракомъ не страдали, но клѣтки привитой частицы опухоли начали разростаться, какъ растеніе на тучной почвѣ, съ той только разницей, что животное, подвергнувшееся операции, погибало отъ опухоли. Прививая раньше, чѣмъ дѣло дойдетъ до такого результата, злокачественную ткань другимъ мышамъ и повторяя такой переносъ все дальше и дальше, удается провести одну и ту же раковую культуру въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Подобного рода опыты произведены были за это время различными изслѣдователями, въ наиболѣе широкой постановкѣ Эрлихомъ во Франкфуртѣ на М. Какъ мнѣ пишетъ профессоръ Эрлихъ, отводки первой раковой опухоли живутъ еще и теперь.

Такъ какъ мышь, послужившая тогда для опыта, была полуторагодовалая и такъ какъ со времени первой прививки прошло 6 лѣтъ, то продолжительность жизни рака и ткани, изъ которой онъ образовался, обнимаетъ $7\frac{1}{2}$ лѣтъ, нормальная же продолжительность жизни мыши только два года. Вѣроятно, въ концѣ концовъ эти культуры, подобно культурамъ простѣйшихъ, погибнуть разомъ; до сихъ поръ, однако, никакихъ указаний на смерть нѣть, да пока ихъ и ожидать нельзя, потому что скорость дѣленія данныхыхъ раковыхъ клѣтокъ все же весьма далека отъ скорости размноженія какой-либо инфузоріи.

Только что изложенные результаты опытовъ трансплантированія раковыхъ опухолей представляютъ выдающійся интересъ во многихъ отношеніяхъ; они показываютъ, какъ слабо основано ученіе о томъ, что опухоли могутъ быть вызываемы паразитами, подобно инфекціоннымъ болѣзнямъ; они говорятъ скорѣе въ пользу возврѣнія, что опухоли зависятъ отъ перемѣны въ характерѣ клѣтокъ. Подобно тому, какъ эмбриональные клѣтки по внутреннимъ, лежащимъ въ нихъ самихъ причинамъ измѣняютъ свой цитотипический характеръ въ органотипической, такъ точно нѣть никакого основанія и клѣткамъ взрослого тѣла отказывать въ возможности продѣлать это измѣненіе еще разъ, на этотъ разъ только въ обратномъ смыслѣ.

Но гораздо важнѣе для насъ второй результатъ, что эти вторично измѣнившіяся клѣтки обладаютъ жизненной силой, далеко превосходящей органологически дифференцированныя клѣтки. Въ этомъ я усматриваю новое доказательство того, что относительная краткость жизни послѣднихъ есть слѣдствіе той функции, какую они принуждены выполнять.

Мы освѣтили проблему смерти съ различныхъ точекъ зреинія и пришли вездѣ къ одному и тому же основному возврѣнію. Исполнение жизненной функциї — вотъ что ведетъ къ разрушенню и имѣть слѣдствіемъ, смотря по условіямъ, въ какихъ протекаетъ жизнь, или частичную смерть отдельныхъ частей клѣтки, или цѣлыхъ группъ клѣтокъ, или общую смерть всего организма. Организмъ изнашивается подобно машинѣ; подобно послѣдней, онъ нуждается, поэтому, въ постоянной починкѣ, съ тѣмъ только различиемъ, что организмъ не только машина, но въ то же время и механикъ, которому самому приходится производить исправленія.

Надо намъ починить въ нашихъ машинахъ серьезныя поломки, мы останавливаемъ ихъ ходъ. Въ ограниченной мѣрѣ такая простоянка возможна у болѣе простыхъ организмовъ. У высшихъ же организмовъ это не выполнимо, они принуждены безостановочно продолжать жизнь. Высшія функции жизни становятся самымъ сильнымъ оружиемъ смерти.

ВЪ ПОѢЗДЪ ЛИЦА.

(Очерки и наблюденія русскаго путешественника).

1.

Въ поѣздѣ американской желѣзной дороги.—Страна, лишенная незыблѣмыхъ устоевъ.—Статистика безопасности.—Бофло (Буффало).—На рѣкѣ Niagara.—Англійская (канадская) таможня.—Городъ Бриджпортъ. Парадоксы.—Американскій бродяга; прыгуны.

Ровно, мягко, съ легкимъ сдержаннѣмъ гуломъ катится поѣздъ: ни покачиваній на закругленіяхъ, ни назойливаго стука по стыкамъ рельсъ; чисто, опрятно въ отдѣланныхъ съ иголочки вагонахъ; много воздуха, свѣта, великолѣпныя сидѣнья, — бархатныя, въ видѣ креселъ, съ мягкими удобными спинками...

И всетаки полусуточный переѣздъ въ поѣздѣ американской желѣзной дороги туристу, привыкшему къ широкимъ россійскимъ порядкамъ, покажется вновѣ почти наказаніемъ. Правда, тутъ не продадутъ вамъ билета съ трогательнымъ безразличіемъ къ тому, есть ли еще въ поѣздѣ свободное мѣсто, и не вынудятъ брать плацѣ-карту, то-есть платить за только что оплаченное право; правда, и то, что мѣстные поѣзда ничѣмъ не напомнятъ вамъ замореной клячи, такъ и поровящей постоять у каждого зданія по пути... Контроль устроенъ тоже очень удобно: на перронѣ впускаютъ только лицъ, имѣющихъ билеты, которые тутъ же у входа прокальваются контрольными щипцами. Въ поѣздѣ билеты отбираются кондукторомъ, а вмѣсто нихъ онъ выдаетъ пассажирамъ особая картонныя таблетки разнаго цвѣта, съ наименованіемъ станціи назначенія,—синяя для одной станціи, красная для другой и т. д. Поѣздному контролеру остается лишь посчитать, проходя по вагону, одноцвѣтныя таблетки (пассажиры неизмѣнно закладываютъ ихъ до половины за ленту шляпы) и соотвѣтственно свѣрить съ хранящимися у кондуктора подлинными билетами.

На россійской дорогѣ есть гдѣ поразмѣять отсиженныя ноги, а на частыхъ стоянкахъ можно и пройтись, и полюбоваться видами, и понаблюдать жанровыя сцены, въ изобиліи доставляемы

пробѣжжающими окрестными пейзанами. Здѣсь же—пробрался къ своему бархатному креслу, и сиди: не только походить по вагону, но и постоять у своего мѣста затруднительно *): роскошны скамьи-кресла разставлены тѣсными рядами, какъ въ партерѣ театра; покатая спинка кресла сосѣднаго переднаго ряда почти упирается вамъ въ грудь... Щеголеватая, безстрастно спокойная публика американского поѣзда, большою частью, держитъ себя такъ холодно-замкнуто, что отпадаетъ всякая охота завязать разговоръ. Не больше облегчать дорожную скучу и пейзане,—ихъ тутъ и вовсе нѣтъ: изъѣздите страну вдоль и поперекъ,—ничего, похожаго на село или деревню, несмотря на то, что въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается около 2.400 поселеній, съ числомъ жителей не свыше трехъ тысячъ душъ каждое **). Мѣстами, правда, за этими поселеніями еще сохранилось въ обиходѣ привычное европейскому уху имя *village* (деревня), однако, на дѣлѣ, все это довольно чистенькия «тауны» (города), съ распланировкою улицъ и учрежденіями, свойственными лишь поселеніямъ городского типа.

Поѣздъ быстро катится впередъ; остановка только у нѣкоторыхъ, очень немногихъ, станцій,—и то лишь на двѣ-три секунды,—чтобы спустить и принять пассажировъ. И снова мелькаютъ передъ вами точно окрестности какого-то зачарованного, все убывающаго вдаль, города: фермы-дачи, съ башенками и безъ нихъ, съ террасовидными, пирамидальными и остроконечными, англоготическими крышами, съ образцовыми содержимыми фруктовыми садами, цветниками, газонами, роскошными декоративными растеніями передъ крыльцомъ, смѣло и жизнерадостно поглядывающія на поѣздъ среди начинаящихъ уже зеленѣть чуть-чуть покатыхъ полей.

Кажется, глазъ не оторвать отъ этой дышащей яркимъ довольствиемъ картины, безконечною пестрою лентой плывущей теперь передъ нами въ плотномъ вечернемъ воздухѣ поздней весны... До скучи спокойная публика моего вагона, однако-же, не замѣчаетъ ни тихой, сквозь дрему, улыбки природы, ни при-

*.) Разумѣется, въ вагонахъ первого класса (здѣсь поѣзда, а не вагоны раздѣляются на классы, при чмъ третьяго класса совсѣмъ не имѣется)—и просторъ, и комфортъ: даже ванны къ услугамъ пассажировъ, холодны—лѣтомъ, теплы—зимой. Но плата въ этихъ поѣздахъ что-то впятеро выше платы въ нашихъ вагонахъ первого класса.

**) По даннымъ Бюро Ценза (Census Office) за 1890 годъ. Интересно, что и здѣсь, не взирая на относительную прибыльность американского фермерского хозяйства, оказывается мощное обаяніе городской культуры: въ 1790 году городское населеніе составляло здѣсь лишь 3,35 проц., народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ; въ 1840 г., т. е. 50 лѣтъ спустя, оно давало уже 8,52 проц., въ 1870 г.—уже 20,98 проц., въ 1880 году—22,57 проц., а въ 1890 г.—пѣлыхъ 29,12 проц., т. е. составляло почти треть всего населенія Соединенныхъ Штатовъ.

вычнаго блеска культуры... «За мои деньги меня свезутъ, куда по-желаю, и—довольно!» вѣтъ отъ моихъ молчаливыхъ, замкнутыхъ спутниковъ, не удостаивающихъ взглдомъ даже сосѣда... Однъ я съ невольно завистью оглядываю чуждый ландшафтъ да съ тоской и тревогой гляжу въ сизоватую влажную мглу горизонта, гдѣ, за буйнымъ потокомъ полей, луговъ и садовъ загадочно-задумчиво синѣютъ далекія горы. Что обѣщаетъ мнѣ эта картиная даль, что прикрываетъ собою?.. Лопнувшій рельсъ, резинную причину крушеннія?.. Или счастливую встрѣчу, чего такъ мало въ жизни,—поворотъ въ неприглядной судьбѣ?.. Или ни то, ни другое, а прежніе сѣрые будни, съ прежней, неясной и мнѣ самому, и моимъ близкимъ, бесплодной, напрасной, но властной тоской о свободѣ и правдѣ?..

Шесть часовъ вечера, станція «Сиракузы» *) (кондукторъ произносить что-то вродѣ «сайркьюз»). Здѣсь получасовая остановка для ужина. Двѣ такія же остановки имѣемъ мы за день, — для завтрака и обѣда; остальное время поѣздъ летить, точно уѣргаетъ отъ какой-то погони...

Да, пожалуй, оно такъ и есть: отъ центральной станціи Нью-Йорка, напримѣръ, поѣзда отходять каждая семь, пять, даже три минуты. Понятно, что на иныхъ перегонахъ должны поэтому одновременно мчаться по два, если не по три, поѣзда. Чтобы дать имъ взаимно отдалиться, не уменьшая въ то же время быстроты общаго хода, первому поѣзду, считая отъ экспресса (которыйпускаютъ послѣ нѣкотораго перерыва), даютъ первую остановку лишь на отдаленной станціи и каждому послѣдующему — на менѣе отдаленной. Отсюда-то и эти секундныя остановки, и эта сказочная, горячечная гонка **).

«При такихъ порядкахъ, скажутъ, долго ли до несчастія?..» И несчастья тутъ таки нерѣдки. Однако же, при ближайшемъ разсмотрѣніи относящихся сюда статистическихъ данныхъ, получается впечатлѣніе, несомнѣнно, въ пользу мѣстныхъ порядковъ.

*) Въ Соединенныхъ Штатахъ очень нерѣдки названія, заимствованыя изъ классической (греческой и восточной) древности. Такъ, здѣсь имѣются города: Мемфисъ, Оивы, Минеаполисъ, Аннаполисъ, Аѳины и др. За то есть и Парижъ, и нѣсколько Лондоновъ, Оксфордовъ, Кембриджей, Ливерпуль, Петербургъ и Римъ. Имѣются и города, носящіе имена крупныхъ историческихъ лицъ, напр., Испиланти, нѣсколько Бисмарковъ и т. д.

**) При великомъ множествѣ курсирующихъ по американскимъ дорогамъ поѣздовъ (отъ одной центральной станціи Нью-Йорка отходить и приходитъ ежедневно 125 поѣздовъ) публикѣ было бы очень трудно ориентироваться въ расписаніи относительно остановокъ, и, навѣрное, случались бы досадныя ошибки, во избѣженіе которыхъ на станціяхъ отправленія передъ отходомъ каждого поѣзда выставляются на громадной черной доскѣ яркими буквами названія всѣхъ станцій, гдѣ данный поѣздъ будетъ имѣть остановку.

Такъ, за 1895 г. поѣздами здѣшнихъ дорогъ было убито всего... 170 пассажировъ, что, при общемъ числѣ 507.500.000 перевезенныхъ, даетъ лишь одного убитаго на 3.000.000 благополучно прослѣдовавшихъ до мѣстъ назначенія. За тотъ же годъ въ строго порядковой Англіи одинъ убитый приходится на 2.501.300 перевезенныхъ благополучно *). Еще ярче станетъ значеніе этихъ цифръ, если примемъ во вниманіе, что въ отчетномъ году въ Америкѣ было 179.300 миль рельсоваго пути, а въ Англіи лишь 20.000... **)

Итакъ, проѣздъ по здѣшнимъ желѣзнымъ дорогамъ далеко не такъ ужъ опасенъ, какъ это нѣкоторые утверждаютъ, хотя, признаюсь, перелетъ въ поѣздѣ со скоростью 85 верстъ въ часъ, по началу, вызываетъ тягостное чувство, особенно въ темную ночь, когда яркое электрическое освѣщеніе внутри вагона еще болѣе сгущаетъ черную мглу за окномъ, и вамъ кажется, что поѣздъ бѣжитъ уже какимъ-то узкимъ, длиннымъ-длиннымъ тоннелемъ, своды котораго готовы вотъ-вотъ раздавить его, какъ песчинку. Нервная жизнь наростила съ часами, вызывая усиливъ воли, чтобы подавлять въ себѣ страстное до болѣзненности желаніе—вырваться поскорѣй изъ этой стальной коробки, получить драгоценное право перемѣщаться по собственному усмотрѣнію...

За ночь поѣздъ останавливался только въ пяти-шести мѣстахъ. Ярко залитыя огнями, но очень скромныя, небольшія станціи (грандіозныя желѣзнодорожныя машины здѣсь не въ модѣ) на мгновеніе подбѣгали къ затихавшему у перрона поѣзду, съ жаднымъ любопытствомъ заглядывали въ его окна и, точно отпугнутыя кѣмъ-то, такъ же мгновенно отѣгали въ чернильную мглу позади. На двѣ-три минуты показался Рочестеръ—феерически живописный ночью Рочестеръ, съ его волшебнымъ водопадомъ, чуть не посреди самого города, и красивымъ бульваромъ, задумчиво-театрально примолкшимъ у клубящихся синевато-серебристою пѣной неугомонныхъ струй. За Рочестеромъ—снова прежнія маленькая, невзрачная станціи...

Пассажиры выходили и входили все такие же чопорно-опрятные, безстрастные, молчаливые. Я машинально наблюдалъ эти солидно-спокойныя фигуры, неторопливо и увѣренно, какъ у себя дома, пробираившися къ своему мѣсту и, большую частью, тотчасъ же засыпавшія въ своихъ креслахъ. Мнѣ было не до сна: неожиданный, полный загадокъ вопросъ: что теперь дѣлать?—не давалъ мнѣ покоя.

*) Подобная же отношенія даютъ и цифры потерпѣвшихъ пораженія въ увѣчья.

**) А во всей Европѣ—151.817 миль; въ Россіи—24.000 миль.

За уплатою $17\frac{1}{4}$ долларовъ (30 руб. 50 коп.),—стоимости бм-
лета на проѣздъ отъ Нью-Йорка до Бофло—у меня оставалось
всего-на-всего 87 центовъ (1 руб. 60 коп.)—и никакихъ поступле-
ний впереди... Останавливаться съ такими ресурсами въ Бофло
(Buffalo), гдѣ, при самой усердной экономіи, ихъ могло хватить
дня на два,—нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что я не зналъ
никакого ремесла. Да и ремесленнику, даже хорошему ремеслен-
нику,—могно ли разсчитывать въ первые же два дня найти себѣ
работу въ чужомъ, незнакомомъ городѣ?..

Куда же дѣваться?

Благоразумнѣе всего, конечно, искать работы гдѣ-нибудь въ
глубинѣ страны: весна выдалась дружная; скоро должны были
начаться и полевые работы; переходя отъ фермы къ фермѣ,
могно найти заработокъ, на худой конецъ хотя бы столъ и
кровъ.

Но далеко ли заберешься съ моими 87-ю центами... Меня на-
чинала соблазнять мысль:броситься въ этотъ невѣдомый Бофло,
взять первую же попавшуюся дешевую комнатку—заснуть и хоть
на нѣсколько часовъ уйти отъ тревожной заботы... Я гналъ эту
мысль, борлся съ нею, какъ съ наважденіемъ, но много-много
усилий стоило мнѣ решеніе, которое, казалось бы, такъ ясно, опредѣ-
ленно подсказывало мое положеніе...

За то, когда раннимъ свѣжимъ утромъ, передъ самымъ вос-
ходомъ солнца, поѣздъ подкатилъ къ станціи Бофло и, съ жа-
лобно-горестнымъ вздохомъ Вестингаузова тормаза, замеръ у пер-
рона, я бодро взялъ свой мѣшокъ и, не задумываясь, зашагаль
по широкой, обсаженной густовѣтвистыми деревьями и совершенно
еще пустынной улицѣ къ сѣверу,—въ сторону, гдѣ должна была
находиться рѣка Ниагара, а за ней—и желанная Канада... Каждая
миля, отдѣлявшая меня отъ Бофло, умножала шансы на зарабо-
токъ, а стало быть, — на освобожденіе...

Эта мысль порой почти опьяняла меня, и мнѣ казалось, что и
все вокругъ вторить моему настроенію: и эти веселенькие, боль-
шею частью, одноэтажные, выкрашенные въ свѣтлую масляную
краску дома-особняки, и ярко зеленый дернъ, роскошнымъ ков-
ромъ стлавшійся по обѣ стороны ходовой полосы тротуаровъ, и
само это крѣпкое солнце, нѣжно принимавшееся будить разомлѣв-
шій въ сладостной утренней нѣгѣ городъ. Мнѣ стало почти весело,
по-дѣтски весело, и я едва удержался, чтобы не расхохотаться,
когда на вопросъ, какъ тутъ поближе пройти къ рѣкѣ, прохожій,
съ пучкомъ малярныхъ кистей въ одной рукѣ и ведеркомъ съ
краской въ другой, произнесъ наставительно, хотя и съ грубымъ
нѣмецкимъ акцентомъ:

— Ну, идите вонъ тѣмъ переулкомъ... А потомъ будетъ спускъ,
налево, къ самой рѣкѣ. А тамъ и Най-э-грэ... Най-э-грэ, а не
Ниагара... Да, Найзгрэ...

У рѣкѣ—точно кто перемѣнилъ картинку въ волшебномъ фонарѣ—было непривѣтливо, холодно, угрюмо. Сѣрыя, мутныя волны съ массою мелкаго грязноватаго льда, грязноватые, сомнѣльной наружности домишкы, по портовому обычаю тѣснившіеся почти къ самой водѣ, желтоватые тоны противоположнаго глинистаго берега, съ его убогими деревянными строеніями, наконецъ, самое небо, точно испачканное сизватыми хлопьями безпрестанно подымавшагося съ сѣверо-востока и таявшаго въ зенитѣ блесковато-мутнаго тумана,—все это оказалось бы въ пору хоть осеннему пейзажу Сибири.

На набережной все еще спало, даже на сиротливо, словно отъ холода, прижавшемся къ бревенчатой набережной паромъ паромѣ не было ни души, ни дыма или пара изъ трубы. Вокругъ стояла глухая тишина утомленнаго торговаго предмѣстья, ничѣмъ и не напоминавшая исполненную удовлетворенія тишину ранняго городскаго утра, когда каждый случайный звукъ, кажется, рѣзво купается въ отдохнувшемъ, отфильтровавшемся воздухѣ.

Я взошелъ на паромъ. Двери небольшой деревянной четырехугольной надстройки у середины его борта оказались запертыми. На стукъ мой никто не вышелъ, только въ квадратномъ оконцѣ каюты на секунду показалась изъ-за пунцововой занавѣски сморщенная, желтая рука, указывавшая куда-то вѣтво, должно быть,—къ висѣвшему тутъ расписанію.

До ближайшаго рейса парома оставалось, надо полагать, минутъ двадцать,—перспектива не изъ пріятныхъ, тѣмъ болѣе, что, послѣ безсонной ночи и на пустой желудокъ, для меня былъ очень чувствителенъ стоявшій тутъ сырой, пронизывающій холодъ. Однако же, въ общемъ, чувствовалъ я себя прекрасно и, улегшись на узенькой скамейкѣ позади каюты, спокойно глядѣть на торопившіяся куда-то буряя волны, по которымъ тамъ и сямъ пробѣгали змѣйки дымчатаго холоднаго пара. Сквозь упорно на-двигавшійся сонъ, мнѣ было слышно, какъ назойливо толкались о бортъ, сталкивались другъ съ другомъ скрежетали лѣдины.

Изъ ближайшаго переулка показался и медленно взѣхаль на паромъ новенький изящный «босъ» (buss), четырехмѣстный кабріолетъ, съ удивительно тонкими, стройными, высокими колесами. Лошадью, гордо, почти надменно выступавшею, правиль худощавый, бѣдно одѣтый малый, неопределеннаго возраста, съ испытымъ лицомъ, впалыми, дряблыми щеками и поникшей головой, но безъ морщинъ, и съ шустрымъ взглядомъ живыхъ, ясныхъ глазъ.

Для меня онъ былъ находкой: фермерскій работникъ! Я взялся разговорѣ: спросилъ, можно ли теперь найти работу на фермѣ, много ли тутъ фермъ по близости, не согласится ли онъ меня подвести, и далеко ли онъ ёдетъ? Къ большому моему удовольствію, интересный собесѣдникъ, весело попыхивая коротенькой

трубочкой, отвѣчалъ; «о, да!.. О, конечно... разумѣется, разумѣется!» Но какъ только паромъ подошелъ къ канадскому берегу, и и таможенный — онъ же надсмотрщикъ, онъ же сторожъ, онъ же управляющій—бросилъ разрѣшительный взглядъ внутрь пустого экипажа, этотъ говорчивый малый такъ энергично стегнулъ плетенными вожжами свою лошадь, что та молнией вынесла кабролеть на взгорье и умчала его изъ глазъ раньше, чѣмъ я могъ опомниться...

Опросъ въ таможнѣ не занялъ и двухъ минутъ: тутъ же, на пристани, меня спросили, нѣть ли у меня съ собой спиртныхъ напитковъ, табаку и новыхъ книгъ для продажи.

Послѣ отрицательного отвѣта мнѣ предложили идти, куда пожелаю. Замѣту, что мѣшокъ мой, вмѣщавшій въ ту пору фунтовъ 25 однѣхъ книгъ и замѣтно утруждавшій мнѣ плечи, былъ довольно объемистъ, а самъ я, чтобы облегчить себѣ поклажу, наѣхалъ въ дорогу четыре пары бѣлыхъ и двѣ пары платья, и потому долженъ былъ казаться ненормально тучнымъ, особенно при исхудавшемъ послѣ болѣзни лицѣ.

Бриджпортъ, малоизвѣстный городокъ провинціи Онтарио *), широко, совсѣмъ не по-американски, раскинулся о бокъ съ фортомъ Ири, на невысокомъ канадскомъ берегу, насупротивъ Бофло: при своихъ, кажется, двухъ или трехъ тысячахъ населенія, Бриджпортъ занимаетъ площадь не менѣе восьми-девяти квадратныхъ верстъ. За то тутъ уже сразу чувствуется просторъ, какого не видно въ городахъ восточныхъ штатовъ союза: дома, большую частью одноэтажные и почти сплошь деревянные,—настоящія усадьбы со службами и обширными дворами, отдѣленными отъ улицы невысокимъ досчатымъ заборомъ; улицы широкія.

Въ городѣ двѣ гостиницы, типографія, гдѣ печатается газета «Бриджпортскій Герольдъ», аптека, два-три небольшихъ завода, станція желѣзной дороги и станція почтовыхъ экипажей, пра-вильно курсирующихъ между этимъ городкомъ и нѣсколькими такими же внутри страны. И при всемъ этомъ, Бриджортъ удивительно безлюденъ: за полчаса я встрѣтилъ на его улицахъ трехъ или четырехъ прохожихъ да узрѣлъ одну обывательницу, непривѣтливую пожилую особу, вышедшую на крылечко деревенского типа поглядѣть, на кого это разлаялась ея дворовая собака. Замѣтивъ у порога сказанную почтенную особу, я подошелъ ближе и самымъ вѣжливымъ тономъ попросилъ напиться. Меня угостили... просьбой проходить дальше и не дразнить собаку...

*) Какъ извѣстно, Канада состоять изъ семи внутренне совершенно автономныхъ провинцій, пяти успѣшно заселляемыхъ (изъ нихъ въ одинъ — наши духоборы) и пяти малонаселенныхъ округовъ. Кстати, четыре изъ округовъ первого рода, по занимаемому ими пространству, больше всей европейской Россіи.

Свернуль за уголъ — все такие же обветренные деревянные домики, протянувшіеся вглубь двора перпендикулярно къ улицѣ, съ обѣихъ сторонъ окаймленной досчатыми деревянными тротуарами. Улицы — не монеты, изрытыя колеями; мѣстами сѣрѣютъ засыпанные сланцевымъ мусоромъ выбоины; на перекресткахъ по два, наискосокъ, на деревянныхъ некрашеныхъ столбахъ фонаря. Такъ и видно, что Бриджпортъ въ нѣкоторомъ родѣ — суррогатъ городского поселенія. И, дѣйствительно, для большинства его жителей это — просто собраніе дортуаровъ, мѣсто ночлега, то, чѣмъ служить Бруклинъ для Нью-Йорка. Главное же мѣсто-пребываніе, арена жизненной дѣятельности, источникъ существованія лежитъ за ближней границею Бофло, — благо, для перехода границы тутъ не требуется паспорта, а таможня снисходительна.

Не можетъ быть сомнѣнія, что эта снисходительность позволяетъ людямъ проносить кое-какую мелкую контрабанду, но за то обеспечивается за населеніемъ Бриджпорта и его окрестностей пользованіе всѣми промыслами, безъ которыхъ бѣдному собственными ресурсами канадскому городку трудно было бы сохранить за собою и самое право на существованіе, приносящее теперь той же казнѣ, путемъ всякихъ прямыхъ (земельныхъ) и косвенныхъ (торговыхъ) налоговъ, не въ примѣръ больше того, что она должна терять изъ-за мелкой контрабанды; на крупную же, злостную контрабанду населеніе, обеспеченное средствами существованія и воспитанное свободными учрежденіями въ духѣ лояльности и взаимной порядочности, и само не пойдетъ. Лучшее обеспеченіе интересовъ казны заключается въ подчиненіи ихъ насущнымъ интересамъ населенія...

За ближайшимъ поворотомъ, во дворѣ, шагахъ въ десяти отъ забора, замѣтилъ я вторую обитательницу Бриджпорта. Это была миловидная молодая особа, съ серьезнымъ,увѣреннымъ взглядомъ свѣтлосѣрыхъ внимательныхъ глазъ. Она развѣшивала для просушки бѣлье, прикрѣпляя его какими-то особыми пружинными шпильками къ тонкой бичевкѣ, передвигавшейся на блокахъ. И я рискнулъ заговорить съ ней.

Изъ ея отвѣта я долженъ былъ убѣдиться, что, увы! послѣднія двѣ съ половиной мили прошелъ совершенно напрасно: въ этомъ направлѣніи, нѣсколькоими милями дальше, находились не фермы, а водопады, знаменитые водопады «Найэгры», и близъ нихъ — двѣ-три гостиницы...

Узнавъ изъ моихъ словъ, что я ишу работы на фермѣ, и оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, добрая женщина принялась меня отговаривать, совѣтуя, наоборотъ, идти къ водопадамъ и заняться гдѣ-нибудь при гостиницѣ; кстати вскорѣ открывался

«сезонъ», и должны были понадѣхать туристы. Мнѣ, однако, эта перспектива вовсе не улыбалась, и потому я торопливо закончилъ разговоръ и быстрѣе прежняго зашагалъ въ противную сторону.

Эта встрѣча, быть можетъ, многое опредѣлила въ моей дальнѣйшей американской жизни. Не будь ея, я, вѣроятно, добрѣль бы до самыхъ водопадовъ и, при моихъ 82 центахъ, согласился бы на мѣсто при гостиницѣ, если бы оно нашлось, не справляясь о томъ, дѣльнымъ людямъ или бездѣльникамъ приходится отдавать свои услуги.

Теперь же достаточно было мнѣ, усталому и голодному, представить себѣ сытаго, празднаго франта, переплывшаго океанъ изъ за моднаго желанія поглазѣть на Ніагару, и во мнѣ встало что-то въ родѣ душевнаго оскорблениія. Съ новою силой возгорѣлась во мнѣ желаніе поскорѣй съ головой окунуться въ работу, хотя бы тяжелую, но не столь органически-унизительную. Подъ вліяніемъ этого настроенія я пошелъ въ другую сторону и... такъ и не видѣлъ знаменитаго Ніагарскаго водопада...

— Эй, другъ!.. Обронили что-то! — окликнулъ меня на окраинѣ города господинъ среднихъ лѣтъ, плотный, небольшого роста, плохо выбритый, весь въ черномъ.

Я поблагодарилъ и поднялъ выпавшій изъ кармана платокъ.

— Должно быть, не очень-то удобно съ этакимъ экипажемъ? — замѣтилъ незнакомецъ непринужденно, кивая на мой непослушный мѣшокъ, то и дѣло сползшій на бокъ, и пошелъ со мною рядомъ.

Я бѣгло огляделъ его: устарѣлый покрой опрятно-чистаго плаща, полныя, немного обрюзгшія, желтовато-красныя щеки, средоточенный, мало-подвижный взглядъ усталыхъ глазъ... «Школьный учитель, аптекарь, или членъ мѣстнаго клира» — рѣшилъ я мысленно.

— Путнику въ дорогѣ чѣмъ меньше багажа, тѣмъ лучше, — продолжалъ незнакомецъ, не смущаясь моимъ молчаніемъ.

— А почему вы знаете, что я путникъ? — спросилъ я нѣсколько нетерпѣливо.

Онъ улыбнулся.

— Я могъ бы прибавить: и недавно въ дорогѣ, — сказалъ онъ уже почти фамильярно. — Это не трудно замѣтить человѣку, который, какъ я, тоже, хвала Создателю, слѣдуетъ стопами апостольскими. Я тоже путникъ, какъ и вы...

— Вы развѣ не здѣшній житель? — удивился я.

Онъ опять улыбнулся.

— Пожалуй: въ четвертый ужъ разъ прохожу этими мѣстами.

Я остановился, чтобы оправить свою аммуницію, онъ подождалъ; навстрѣчу намъ, съ узломъ и ивовыми коробами въ рукахъ, по узкому деревянному тротуарушли двѣ женщины; онъ пристановился, далъ дорогу, но поспѣшилъ снова поровняться со мною.

— Не правда ли, скучная мѣста? — замѣтилъ онъ.

— Не имѣлъ еще времени осмотрѣться.

— Будто?.. Съ первого же взгляда замѣтны эти красоты. И такъ — на десятки миль дальше... Совсѣмъ не то, что, напр., по ту сторону озеръ, на Редриверѣ или у Сенъ Джона.

Я промолчалъ: до красоты ли Сенъ-Джона было мнѣ теперь!..

Но незнакомца не смущала моя необщительность; короткими, часто отрывистыми фразами онъ сталъ описывать мнѣ природу, быстрый ходъ заселенія далекихъ бездорожныхъ пустынь, добродушіе и простоту нравовъ живущихъ съ природою людей. Я слушала по прежнему разсѣянно, отчасти недовѣрчиво. Между тѣмъ, незнакомецъ яркими красками сталъ описывать работу на элеваторахъ форть-Виллама, гдѣ «рядъ чудовищъ съ жадностью, въ нѣсколько часовъ высасываетъ» содержимое десятка огромныхъ баржъ съ зерномъ, а затѣмъ капризнымъ скачкомъ онъ перелетѣлъ къ Атлантику, къ базальтамъ и траппамъ залива Фэнди, и даже продекламировалъ стихи:

Гулко въ пещерахъ звена и отъ скаль отражаясь,
Съ вѣками бесѣду ведеть и рокочеть сѣдой океанъ,
Въ благоговѣнны глубокомъ бесѣдѣ немолчной внима,
Таинственно шепчетъ про что-то задумчивый лѣсь-великанъ... *)

Я былъ удивленъ и нѣсколько сбитъ съ толку: мистификація? Поддѣлка подъ бродяжество?.. Но зачѣмъ?.. Какая цѣль?

На помощь пришелъ самъ незнакомецъ:

— Миѣ кажется, я могъ бы сказать, о чёмъ вы теперь думаете, — началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— А именно?..

— Вы думаете: «чего этому господину отъ меня надо»?

— Ну, и что же вы отвѣтили бы на подобный вопросъ?

— Что я радъ былъ встрѣтить дорожнаго товарища: въ здѣшнихъ солныхъ мѣстахъ это такая рѣдкость! А у васъ, кстати, отличный ходъ.

— Цитируетъ Лонгфелло, — подумалъ я, — а выражается точно о лошади.

Я замялся, пробормотавъ что-то, что иду не далеко.

— Гдѣ ужъ тамъ: «не далеко»! — воскликнулъ онъ, махнувъ рукой. — Если бъ не далеко, навѣрное, оставили-бъ гдѣ-нибудь хоть на время свой багажъ... Просто затрудняетесь, а кажется, — чѣмъ бы?.. Денегъ у васъ, надо полагать, гм... многоточie; у меня ихъ — также одни знаки препинанія. Стало быть, — акціонеры одной компаніи... При томъ я настоящій пигмей, въ сравненіи съ вами...

— Я и не боюсь васъ никакъ.

— Такъ въ чёмъ же дѣло? Денегъ у меня мало? Но я, вотъ увидите, никакимъ образомъ не буду вамъ въ тягость, — какъ и

*) Лонгфелло „Евангелина“.

вы мнѣ, конечно... При случаѣ, я—министръ *) или перехожій учитель, при случаѣ—фізіономистъ, френологъ, хиромантъ, предсказатель, лѣчу отъ запоя, и очень удачно, увѣряю васъ. А негдѣ заработать головой—я землекопъ, грузчикъ... Видите, сколько у меня способовъ дѣлать деньги?

— У васъ, должно быть, уже не одно, а нѣсколько состояній, если такъ,—пошутилъ я.—И тѣмъ не менѣе,—я долженъ поблагодарить и отказаться...

— Но почему же?

— Ну хотъ потому, что у меня-то только и ресурсовъ, что мои ищущія работы руки; на первой же встрѣчной фермѣ я вынужденъ проситься въ работники.

— Здѣсь, большою частью, мелкія бѣдныя фермы,—замѣтилъ онъ, какъ будто съ нѣкоторой грустью.—Не думаю, чтобы вы скоро нашли себѣ что-нибудь подходящее...

Тутъ мы вышли на улицу — односторонку, окаймлявшую городъ съ юго-запада. Бофло отсюда уже не было видно; за то, вѣво, сливаюсь съ обычною дымкой далекаго весеннаго горизонта, синѣла и зеленѣла за стальною полосой озера широкая равнина знаменитой Чаутоки, съ ея народнымъ университетомъ, десятки ужъ лѣтъ разсѣивающимъ лучи знанія.

Прямо передъ нами и, куда глянестъ глазъ, вправо шли глинисто-песчаныя, еще не проснувшіяся отъ зимней спячки поля, совершенно пустынныя и безъ всякихъ признаковъ хотя бы близости жилья, разбитыя на громадные, десятинъ по двѣнадцати, квадраты, обрамленные высокими деревьями съ темной корою и длинными кривыми вѣтвями у вершины. И высоко надъ всѣмъ этимъ—сѣрый отъ рѣденъка тумана, тускло свѣщающійся куполь прозаически однотоннаго неба,—картина, врядъ ли способная вызвать иллюзію сельской идиліи.

— Придется вамъ таки поплѣгать и пошагать!—проговорилъ незнакомецъ, какъ бы въ подтвержденіе.

— Ну, что же? Съ ближайшаго перекрестка и начну.

— Какъ? Значить, вы не намѣрены... прыгнуть?—удивился онъ.

— Куда это «прыгнуть»?

— Не знаете? Въ поѣздъ, разумѣется... Въ поѣздъ на ходу, на товарную платформу...

— А если замѣтятъ?—спросилъ я наивно.

— Ну, дадутъ два-три раза по шеѣ!..

Онъ проговорилъ это вскользь, мимоходомъ.—стоить ли, моль, на такихъ пустякахъ останавливаться? Но на моемъ лицѣ, должно быть, слишкомъ ясно выступило изумленіе, потому что онъ все-таки добавилъ:

*) Министръ—проповѣдникъ, ведущій церковную службу въ сектахъ Америки, не признающихъ священства.

— За то вѣдь двѣ-три станціи промчишься, не замѣтишь: и время въ экономіи, и ногамъ отдыхъ. Ногамъ-то досталось бы куда горше, не правда ли?

— Ну-ну, всетаки не очень соблазнительно! — не сдавался я. — Приходится, какъ будто, пользоваться чѣмъ-то чужимъ, и безъ спросу...

— Э, судары!.. Вѣдь въ наше просвѣщенное время противорѣчій не оберешься, только подумать!.. Наконецъ, это все еще единственно доступный бѣдному человѣку способъ совершать сколько-нибудь значительныя путешествія.

— А для чего же такъ усердно и путешествовать?

— А что же?.. Засѣсть гдѣ-нибудь въ затхломъ глухомъ углу, изъ года въ годъ учить ребятишекъ или читать усыпительный проповѣди, пока старая лѣди-смерть не вздумаетъ скормить тебя червямъ?.. Нѣть, благодарю: предпочитаю повидать свѣтъ... И что мнѣ мѣшаетъ?.. Шожиль, поработалъ три-четыре мѣсяца на мѣстѣ,—и дальше, и дальше!.. Наконецъ,—кто знаетъ? — можетъ, гдѣ-нибудь ждетъ и меня «хорошій шансъ?..» Ну тогда, конечно, станемъ разѣзжать уже за плату, и даже не въ поѣздахъ второго класса, какимъ, навѣрно, прибыли сюда и вы, а въ на-стоящемъ экспрессѣ — молни!.. Такъ-то!.. Ну, что же? Прыгаемъ? — заключилъ онъ, пытливо всматриваясь мнѣ въ лицо.

— Идемъ! — отвѣчалъ я.

Онъ сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ.

— Вотъ тутъ, — говорю я, совсѣмъ неподалеку, въ выемкѣ, есть великолѣпное мѣстечко: поѣздъ идеть на подъемъ, медленно-медленно: можно съ полнѣйшимъ удобствомъ вскочить даже и сѣвашимъ экипажемъ. Прыгаемъ, что ли?

— Идемъ! — повторилъ я рѣшительно.

— Такъ позвольте откланяться: мнѣ пора! Отъ станціи уже отошелъ поѣздъ, слышите?.. Испробуйте, кстати, остроту своего слуха!

Я прислушался, — но тщетно: только гдѣ-то собака тявкнула въ отдаленіи да хлопнули дверью въ сосѣднемъ, походившемъ на сарай или амбаръ, домѣ.

— А вотъ, онъ проходить по мостику, — продолжалъ незнакомецъ. — Минутъ черезъ десять будетъ у моего перрона... А мнѣ еще съ четверть мили!.. Ну, желаю вамъ поскорѣй купить собственную ферму!

— А вамъ — встрѣтить «наилучшій шансъ!»

— Благодарю...

И странный человѣкъ сталъ юношески быстро удаляться, съ легкостью резинового мячика перепрыгивая по кочкиамъ дороги и ломогая себѣ на ходу отведенными въ стороны, согнутыми у локтей, руками, точно бабочка, предъ полетомъ судорожно трепыхающая крыльями...

Я уже почти съ сожалѣніемъ смотрѣль ему вслѣдъ, но... не хотѣлось мнѣ ни «прыгать», ни связывать подобнымъ сомнительнымъ товариществомъ свободу моихъ дальнѣйшихъ дѣйствій... А безъ этой свободы незачѣмъ было и трогаться съ мѣста...

Послѣ двухъ-трехъ безуспѣшныхъ попытокъ купить себѣ на дорогу хлѣба я оставилъ городъ Бриджпорть.

II.

Съ мѣшкомъ за плечами; сладостный сонъ. — Канадскіе мужики; ферма. «Пѣсня безъ словъ». — Нѣмецъ заводчикъ; мытарства. — Горькія минуты. Моя рѣчъ въ собраніи риджкуэнскихъ новиблей; тихая пристань.

Дорога...

Кажется, и теперь еще она передъ моими глазами; загадочно-безмолвная, прямая, какъ стрѣла, унылая и бесконечная, среди давно уже не видавшихъ плуга рыжевато - бурыхъ полей, лишь кое-гдѣ, какъ пльсенью, покрытыхъ прошлогодней блѣдно-зеленої моховидной травой. Ни пятнышка, гдѣ могъ бы отдохнуть усталый взоръ, гдѣ чувствовался бы токъ пробуждающейся жизни!..

Я иду полчаса, часъ—ни души на дорогѣ, ни пташки въ полѣ, и всего одинъ—единственный поворотъ, съ такою же бесодержательной перспективой, какъ бы втиснутой межъ почернѣвшей отъ непогоды своеобразной бревенчатой изгородью,—зпзгзагами, безъ всякихъ столбовъ и скрѣпленій, съ обѣихъ сторонъ ограждающей поля. Путь мой идетъ невдалекъ отъ озера Ири, но озеро все время за прибрежными плоскими холмами и лишь изрѣдка неясно сѣрѣеть въ сѣдовинахъ, точно громадное полотно, протянутое межъ увалами для просушки.

Не видно и солнца; завѣшано досаднымъ пологомъ блесковатаго тумана. Оно, однако жъ, даетъ уже себя чувствовать: по ложбинкамъ, низко пригибаясь къ землѣ, ползутъ язычки полупрозрачнаго пара; къ полудню ихъ все больше и больше, и отъ этого, съ виду такого невиннаго пара становится жарко и душно, то и дѣло пересыхаетъ въ горлѣ, першить. А воды достать негдѣ...

Я останавливаюсь, сажусь около изгороди, прислоняюсь къ ней спиной, и... все вдругъ упливаетъ изъ глазъ: и дорога, и прошедшее, и настоящее, и будущее...

Спалъ я крѣпко, какъ новорожденный, безъ всякихъ сновидѣній; только подъ конецъ, предъ самимъ пробужденiemъ, мнѣ почудилось, будто я снова на океанѣ, и будто я разносчикъ, развозжу по островамъ-фермамъ мелочные товары, чему, однако, сильно мѣшаетъ надоѣдливая качка...

-- Педлэръ!.. Весьма и весьма уважаемый мистеръ педлэръ!—

среди грохота и шипѣнія волнъ донесся ко мнѣ чей-то веселый силловатый голосъ.

Я проторѣ глаза: надо мною—широкое веснусчатое лицо каког-то рыжаго лысаго дѣтины, съ длинными усами, съ несомнительнымъ запахомъ виски...

«Гдѣ я? Что за фигура?..»

— Простите, сэръ: безъ спросу вошелъ въ вашу спальню,— заговорилъ рыжій дѣтина съ покаянной гримасой на подвижномъ лицѣ.— Но... нѣтъ ли у васъ для меня.. надежнаго гребня?..

— Какой гребень?.. Что вамъ угодно?—забормоталъ я спросонья.

— Ну... пару запонокъ?.. Только, знаете, такихъ, чтобы были по вкусу Мэгги!..

— Оставьте его, Вилли!—раздался дрожащій басъ.—Видите: не мертвѣцъ, такъ пусть себѣ живеть, если хочетъ... А намъ обѣдать пора!..

Повернувшись на голосъ, я увидѣлъ маленький воздушный кабролетъ, а въ немъ дороднаго господина въ сѣромъ трико, отиравшаго большими платкомъ подозрительно красное, какъ мѣдь, лицо.

«Фермеръ!» — мелькнуло у меня... — Можетъ быть, это и есть мой счастливый «шансъ»?..

— Если вы фермеръ, сэръ...—началь я безъ предисловія.

— И при томъ — скотопромышленникъ,—прервалъ меня басъ не то насмѣшило, не то сердито.

— И если вы нуждаетесь въ работнике,—продолжалъ я,—то я былъ бы очень радъ удовлетворить вашиѣ ожиданія...»

— И своимъ собственнымъ, сэръ,—добавилъ толстякъ тѣмъ же противнымъ тономъ,—своимъ собственнымъ, конечно...

— Такъ вы—не педлэръ, сэръ?—вмѣшался работникъ.—Зачѣмъ же вамъ эта тюкъ?

Я объяснилъ и добавилъ, что ушелъ искать работы. Парень покачалъ головой съ такимъ видомъ, точно мой способъ дѣйствій считалъ верхомъ несообразности.

— А и правда!—сочувственно проговорилъ онъ,—возьмите его, мистеръ Лобстеръ: парень, кажется, съ руками!

Хозяинъ неопределенно пожалъ плечами.

— На бойнѣ работалъ, э?—спросилъ онъ.

— На бойнѣ?—переспросилъ я, чувствуя, что готовъ солгать.

— Ну, да: кажется, ясно?

— Нѣтъ, сэръ!—сами собой выговорили мои губы.

Дородный фермеръ, кажется, замѣтилъ, какъ онѣ дрожали: онъ круто повернулся, передвинулъ въ уголокъ рта сигару, которую, громко чмокая и сопя, началъ было раскуривать и, прищуривъ правый глазъ, сталъ внимательно оглядывать меня лѣвымъ.

— Садитесь, Вилли!—вдругъ вынесъ онъ резолюцію.

Тотъ, однако, не послушался.

— Издалека идетъ? — спросилъ онъ сочувственно.

Я сказалъ.

— Да... не близко!.. Но знаете что?.. Не смущайтесь, главное — не смущайтесь!.. Или... вотъ это получше: ступайте-ка къ Аткинсу!.. Длинный, какъ телеграфный столбъ, да и такой же чурбанъ, но всетаки у него ферма... Такъ ступайте: былъ слухъ — нуждается въ парѣ-другой хорошихъ руки...

— Гдѣ же она, эта ферма? — спросилъ я, едва разбираясь въ его скачущей рѣчи.

— Ахъ, да!.. Слѣдующій поворотъ влѣво, потомъ — вправо, а тамъ — сами увидите. А меня всетаки извините, что разбудиль, — продолжалъ онъ прежнимъ шутовскимъ тономъ. — Вы такой блѣдны!.. Думаю: либо пьяный, либо мертвѣцъ. Вотъ и пошелъ спросить, не мертвое ли вы, мистеръ, тѣло? То есть, — не нужно ли чего вашему... то есть...

— Оу! — выдергивая сигару изо рта, завопилъ хозяинъ. — Но я хочу хоть къ ужину поспѣть въ Брайтэйдъ-Гоузъ, хоть къ ужину!

Онъ порывисто дернулъ чистенькаго каропѣгаго конька, тотъ разомъ тронулъ съ мяста, и рыжему Вилли пришлось уже на бѣгу вскочить въ мягко запуршавшій тонкими стальными колесами кабрioletъ.

Рекомендованная мнѣ ферма оказалась миляхъ въ полуторыхъ позади небольшого пригорка, поросшаго деревьями, по корѣ и по формѣ еще безлистныхъ вѣтвей очень походившими на красу нашего юга — акацію. Оголенные пни такихъ же деревъ, постепенно учащаясь, бѣлѣли вдоль дороги всю послѣднюю милю, усиливая общее впечатлѣніе разоренности и пустынности ландшафта, и обширная ферма мистера Аткинса являлась поэтому тѣмъ большей неожиданностью.

Ферма стояла на большомъ запущенномъ, десятинъ въ 8, участкѣ, среди которого сидѣлъ какой-то хитрый лабиринтъ изъ кольевъ и толстыхъ досокъ, — должно быть, загонъ для пригоняемаго съ дальн资料а скота.

За лабиринтомъ этимъ, къ которому вело отъ проѣздной дороги особое шоссе, съ обѣихъ сторонъ огражденное прочной кольчей изгородью, — высилось двухъэтажное каменное зданіе — остатокъ тѣхъ суровыхъ временъ, когда селяне должны были подъ одной надежной кровлей соединять и собственный жилища, и всякая хозяйственная служба, и даже помѣщеніе для скота. Изъ подъ низко надвинувшейся дубовой крыши хмураго дома непривѣтливо и подозрительно глядѣли небольшія окна второго этажа, занимавшія верхнюю треть высоты всего зданія. Въ нижнемъ этажѣ оконъ вовсе не было, чернѣла одна широкая одноствор-

чатая дверь, а вровень съ притолкой, соответственно окнамъ верхняго этажа, зіяли загражденныя толстымъ желѣзомъ щели, не то свѣтовыя отверстія, не то бойницы, придававшія всему зданію видъ стариннаго блокгауза.

Немного поодаль шло длинное одноэтажное плохо выбѣленное зданіе уже болѣе современнааго склада, напоминавшее усадьбу любои нѣмецкой колоніи юга Россіи: та же двускатная подъ полуцилиндрической черепицею крыша, то же крылечко, тѣ же выкрашенные въ ярко-зеленую масляную краску наружные ставни. Зданіе это, по всей вѣроятности, служившее обиталищемъ фермерамъ уже сравнително недавнихъ поколѣній, теперь отведено было подъ жилье рабочимъ, копошившимся тутъ же, на прислонившейся къ дому террасѣ.

Влѣво отъ него, лицомъ на востокъ, стоялъ среди купы моловыхъ деревъ и узорчато раскинувшихъ цвѣтниковъ, третій домъ,— зданіе въ чисто дачномъ англійскомъ вкусѣ, столь же мало гармонировавшее съ окружающей прозой, какъ дамская перчатка, забытая на скотномъ дворѣ.

Веселенькое, чистенькое, стройное, какъ воздушныя колонки двухъ его верандъ, кокетливо выглядывавшихъ по обѣ стороны изъ-подъ сѣти прошлогодняго плюща, зданіе это могло бы служить заключительной главой исторіи канадской сельской архитектуры. Гордымъ блескомъ зеркальныхъ стеколъ, своей смѣющеся бѣлизной оно, кажется, рвалось эмансирироваться отъ всей вскормившей его запыленной, закопченной деревенщины, напоминая о плебейской практичности своего хозяина развѣ числомъ оконъ— они были размѣщены скучовато—да нѣсколько недостаточной высоты крыши: два другихъ дома подъ рукой, очевидно, служили теперь помѣщеніемъ для ссылки и храненія сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Подходя къ фермѣ, я невольно залюбовался прекраснымъ строеніемъ и вдругъ услышалъ звуки фортепіано!..

«Frühlingslied»! Да, это она, вѣчно юная, вѣчно свѣжая хрустально - прозрачная «Весенняя пѣснь» безсмертнаго нѣмецкаго еврея... Я различалъ кроткое журчаніе ручейка, эти жемчужныя трели и волшебные переливы утонувшаго въ теплой ласковой синевѣ жаворонка. Но откуда она здѣсь, далекая гостья, во дворѣ канадскаго мужика?..

Звуки шли изъ нижняго этажа новаго зданія фермы. Въ нихъ было столько ласки, вѣры, надежды, что непрошенная и совсѣмъ неумѣстная грусть забиралась въ душу, и мнѣ вдругъ страшно захотѣлось увидѣть играющаго.

Но мнѣ его не было видно: сквозь широкія стекла можно было разглядѣть лишь обстановку. И обстановка эта изумила бы хоть кого: гравюры, портреты въ золоченыхъ рамкахъ по стѣнамъ, скрипка на маленькомъ столикѣ подъ піанино, люпитръ, краси-

вая и не лишенная «стиля» мягкая мебель, драпри, ей подъ цвѣтъ альбомный столикъ, этажерка съ золочеными томиками, должно быть, любимыхъ писателей, полувавѣщенная легкой, кажется, шелковой занавѣсью, мраморные часы на каминной доскѣ, двѣ-три китайскихъ тумбочки, изящная этажерка для нотъ, кактусы, пальмы и еще какія-то растенія въ родѣ миртовыхъ.—Господи! Да неужели же это жилье мужика!..

Звуки вдругъ оборвались, точно кто остановилъ играющаго. Хлопнула дверь. На веранду вышла съ корзинкою цвѣточныхъ луковицъ какая-то строгая старушка, верившая меня къ моей невеселой дѣйствительности: на вопросъ о мистерѣ Аткинсѣ, она молча указала на домикъ, служившій жилищемъ рабочихъ.

Рабочіе, здоровые, какъ па подборь краснолицые парни, успѣвшіе уже чуть ли не дюжиной усѣтиться на верандѣ за покрытый kleenkoou столъ, въ свою очередь, направили меня къ амбару.

На поддоргѣ стоялъ заново выкрашенный и еще никогда не виданный мной экипажъ: цѣлый домикъ на колесахъ, со многими окнами и двумя дверьми. Надо полагать, онъ служилъ для долгихъ отлучекъ въ отдаленные поля, напр., во время страды, и могъ дать защиту отъ непогоды доброму десятку усталаго люда.

Мистера Аткинса засталъ я въ амбарѣ за страннымъ занятіемъ: присѣвъ на корточки, онъ разматривалъ разсыпанный тонкимъ слоемъ на разостланномъ по полу холстѣ какія-то зерна, величиной съ кукурузныя, но очень похожія на пшеницу. Въ широкомъ, безъ дверецъ, шкаfu у стѣнъ лежали въ гнѣздахъ холщевые съ нашитыми этикетками мышки, должно быть, также съ образцами зерна... Въ противоположномъ углу стоялъ другой шкафъ, уже съ дверцами, а въ промежуткѣ, насупротивъ дверей—длинный столъ, оклеенный kleenkoou съ небольшими бортами по закраинамъ. На столѣ—чернильница и какіе-то мѣдные приборы, вѣроятно, для опредѣленія качества зерна. Обстановка скороѣ хлѣбной конторы, чѣмъ амбара мужика.

Самъ владѣлецъ въ своей поношенной сѣрой суконной курткѣ, однако же, показался мнѣ не больше похожимъ на купца, чѣмъ любой изъ его работниковъ, а въ выраженіи этого длиннаго лица съ длиннымъ узкимъ носомъ, но съ широкимъ прямоугольнымъ подбородкомъ, застыло столько упорства, сколько бываетъ только на лицахъ людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе ведущихъ трудовое общеніе съ природой. Такой человѣкъ рѣдко обладаетъ располагающей внешностью: какъ зерно въ землѣ, онъ весь внутри; и черточки привѣтливости не отыскалъ я и въ физіономіи мистера Аткинса.

— Но у меня, сэръ, нѣть вакансій!—прямо съ союза «но»,

минуту спустя, началъ мистеръ Аткинсъ, чутъ поднимая жидаенькия полусѣдыя брови, и такимъ тономъ, будто къ нему обращались съ неслыханно нелѣпою просьбою.—И совсѣмъ не можетъ быть никакихъ вакансій, сэръ! Только вчера еще приняты двое изъ Севиггия,—къ чему мнѣ «ихъ» больше?

Я попросилъ указать кого-нибудь изъ сосѣдей, гдѣ могутъ нуджаться въ работникѣ.

— Пусть, сэръ, обѣ этомъ вѣдаются тѣ, кому нечего дѣлать у себя дома, а мнѣ довольно и своихъ собственныхъ дѣлъ! — отвѣчалъ онъ еще болѣе угрюмо

Наконецъ, на просьбу продать на дорогу хлѣба, послѣдоваль уже совсѣмъ сухой отвѣтъ, что выпекаемаго хлѣба едва хватаетъ и для собственнаго потребленія. Пришлось откланяться, несолено хлебавши. Однако, когда усталой шатающейся походкой я зашагалъ къ выходу на проѣзжую дорогу, онъ хрипло окликнулъ съ порога:

— Эй, мистеръ!.. Куда же вы?.. Отдохните немного!

Я отрицательно покачалъ головой.

— Погодите одну минутку... отдохните у насть, пообѣдайте!

— Мнѣ очень некогда, сэръ: благодарю васъ...

— Ну, какъ знаете... Только не ходите верхней дорогой: тамъ ни одной фермы... Ступайте лучше вправо... Ступайте въ Риджуэй: вправо и все прямо. Тамъ строить какую то дорогу... Ну, чего вамъ еще?.. Ну, скажите тамъ, что идете отсюда, отъ меня: тамъ меня знаютъ... Ну, счастливаго пути!..

Нужно ли говорить, какъ отъ этой рѣчи потеплѣло у меня на сердцѣ?.. Къ сожалѣнію, не удалось поблагодарить: коротко кивнувъ головой, онъ сейчасъ же скрылся въ полумракѣ эмбара.

Снова дорога... И все такая же прямая, широкая, загадочно-бездонная...

Часъ спустя, она пошла лѣсомъ, — не такимъ, какъ у насть, всегда почти съ отпечаткомъ хаотического пространства, а тщательно расчищеннымъ, съ замѣтно уже зазеленѣвшимъ ковромъ прошлогодней осенней травы, — подчищеннымъ, огражденнымъ прочнымъ заборомъ. Назойливые крики воронья, уродливыми силуэтами безобразившаго гибкія вѣтки деревъ, лишали лѣсъ и того характернаго выраженія безмолвнаго ожиданія, какое раннею весной придаетъ ему такую своеобразную прелесть.

Подъ вечеръ дорога на короткое время спустилась въ лощину. Тутъ до слуха моего долетѣли звуки нѣмецкой рѣчи, а затѣмъ изъ ближайшаго перекрестка на небольшомъ фургончикѣ выплылъ и нѣмецъ, крупный мужчина, лѣтъ подъ сорокъ, съ большой льняною бородой и такими же бровями, издали казавшійся совсѣмъ сѣдымъ. Онъ усердно понукалъ и усовѣщевалъ своего маленькаго конька,

но безуспѣшно: тотъ, видимо, успѣлъ притомиться въ грязноватой лощинѣ; нѣмецъ, повернувъ на дорогу съ перекрестка, остановился. Съ своей стороны, и я не захотѣлъ упустить случая освѣдомиться насчетъ Риджуэйя,—заявился разговоръ.

Достать работу въ Риджуэй, по словамъ нѣмца, было не такъ трудно. Идетъ ремонтная работа на дачахъ сосѣдняго Кристъ-Винъ... А пожалуй, и у него самого, владѣльца кирпичнообжигательнаго завода, откроется вакансія: его Морганъ, старый глупецъ, вздумалъ жениться и перейти въ Бофло; придется на его мѣсто принять другого. Только ему, Фреду Цигелю, нуженъ такой рабочій, чтобы самъ зналъ, что дѣлать, и, кроме того, отнюдь не изъ Штатовъ: эти фанфароны мѣряютъ время, какъ аптекарь медикаменты... А у него заведенъ такой порядокъ: нѣть работы — шабашать въ пять, въ четыре даже; есть работа — потрудись до восьми, до девяти, если дѣло укажеть; дѣло—прежде всего: ему и хозяинъ покоряется...

Что касается новостроющейся дороги, она какая-то небывалая, велосипедная, что ли. Навѣрное,—дугая афера, одна изъ тѣхъ, на которыхъ такие мастера пройдохи-янки. Они же и строятъ ее: Мэтью Бичеръ изъ Пенсильваніи, инженеръ, съ отцомъ, бывшимъ хѣсонпромышленникомъ. Работы, правда, идутъ, только онъ, Фредерікъ Цигель, никому не посовѣтовалъ бы ввязываться: работа каторжная, и еще, гляди, не заплатятъ... Впрочемъ, у каждого не капустный вилокъ на шеѣ: хорошенъко обдумай, прежде чѣмъ соваться... Но и то сказать: разъ обожгешься — сто разъ остере-жешься, говорять люди.

Въ заключеніе онъ, «на всякий случай», далъ мнѣ свой адресъ.

Шансы мои поднимались: съ одной стороны—желѣзная дорога, съ другой — этотъ заводчикъ, врядъ ли такой ужъ требовательный насчетъ technicalной опытности... Я зашагалъ бодрый и быстрый; даже ни разу, не взирая на жажду, не свернувъ съ дороги, хотя по пути, одна за другой, показались три или четыре фермы, и всего въ какой-нибудь полумилю отъ дороги... Размечтавшись, я гадалъ теперь уже не столько о самомъ заработкѣ, сколько о томъ, чтобы при случаѣ изучить желѣзодорожную или какую-либо заводскую работу и уже, такъ сказать, съ профессіей въ рукахъ двинуться на осуществленіе своихъ дальнѣйшихъ плановъ.

А теперь... охъ! только бы засвѣтло добраться до ночлега!.. Нѣмецъ- заводчикъ говорилъ, что до Риджуэйя мили еще три съ половиною; однако, добрый часъ ужъ прошелъ, а все еще никакого признака близости города, дорога непомѣрно длинна!..

Но вотъ перекрестки стали чаще; бревенчатыя, зигзагомъ, из-городи смѣнились досчатыми прямыми... Влево, неподалеку, мелькнула черная фабричная труба; въ сѣтѣ древесныхъ вѣтвей сѣрѣеть шпиль колокольни; вправо, въ четверти мили отъ дороги, выглянула одноэтажный деревянный домикъ; за нимъ, съ неболь-

шими перерывомъ,—другой; наконецъ, въ шляпкѣ и перчаткахъ—очевидно, откуда-нибудь по сосѣдству—встрѣтилась мнѣ пожилая женщина на перекресткѣ... Оказывается, я давно уже на территории Риджуэя, такъ густо засаженной деревьями.

Добрая женщина, узнавъ, что я пѣшкомъ сдѣлалъ все разстояніе отъ Бриджпорта, сочувственно покачала головой, приговаривая: «такой путь!... Такой долгій путь!..» и снабдила меня адресомъ «очень почтенаго» мистера Эда Позсера, у котораго всегда имѣются приличныя, чистыя комнаты для пребывающихъ джентльменовъ, за недорогую плату...

Итакъ, мечталъ я, черезъ какіе-нибудь полчаса, я буду имѣть удовольствіе очиститься отъ слоя покрывающей меня противной рыхлой пыли, умыться, отдохнуть, расправить члены въ чистой удобной постели...

Прямо съ улицы, я вошелъ въ обѣшанный разными принадлежностями упряжи парлуръ *) почтенаго Эда Позсера, очевидно, служившій также и складомъ его издѣлій. Здѣсь, повидимому, только что разыгралась домашняя буря. У выходныхъ дверей валялась разбитая чашка, цѣлый фейерверкъ молочныхъ капель и струекъ украшалъ стѣну. Изъсосѣдней комнаты доносилось хлопаніе буфетныхъ дверецъ и звонъ энергично передвигаемой посуды, подъ общей аккомпанементъ какъ бы брызгъ воды, попадающихъ на раскаленную сковородку. Въ довершеніе всего, чрезъ большія очки въ мѣдной оправѣ на меня глядѣли два столь растерянно недоумѣвающихъ глаза, что мнѣ оставалось только извиниться.

Но... едва я раскрылы ротъ,—почтенный человѣкъ замахалъ руками, точно отгоняя мухъ. Я смущенно ретировался къ дверямъ; хозяинъ послѣдовалъ за мной и догналъ меня на лужайкѣ передъ домомъ.

— Должна вамъ что-нибудь?.. Должна? Или просила зайти?— заговорилъ онъ все еще полушепотомъ, съ выраженіемъ страха на широкомъ лицѣ, какъ бы не растревожить затихающую бѣду...

Наскоро объяснивъ, что я не педларь, что забрель совершенно случайно, иска noctis, я послѣшилъ ретироваться, напутствуемый наивными сожалѣніями, что миссисъ «сегодня очень, очень занята», а не то онъ радъ бы служить, какъ это вообще принято въ его домѣ.

Рослый мальчикъ, почти юноша, но въ коротенькой курточкѣ съ широкимъ бѣлымъ отложнымъ воротничкомъ, въ штанышкахъ до колѣнъ и въ беретѣ съ шишечкой на макушкѣ **) указалъ мнѣ

*) Парлуръ—гостинная.

**) Мальчики до 15 лѣтъ здѣсь носятъ неизмѣнно дѣтскій костюмъ, почти неизмѣняющійся отъ моды.

домъ мистера Пеннуэй, оштого торговца масломъ и яйцами, увѣрая, что тутъ часто останавливаются его клиенты изъ Кентри *).

Красивенький, въ стилѣ готического замка, маленький домикъ мистера Пеннуэй оказался, однако, столь же недоступенъ, какъ и заправскій замокъ; тщетно стучался я и взывалъ,—изъ единственного широкаго окна четырехъ угольной зубчатой полубашни, украшившей фасадъ, на меня глядѣли лишь большія блестящія черныя буквы на зеленовато-золотистомъ картонѣ, гласившія:

«Гарри Пеннуэй, сынъ.

«Починка часовъ, музыкальныхъ ящиковъ, швейныхъ машинъ и проч.».

!!!Гарантія!!!

И только... Я потянулся по улицѣ въ сторону большого оранжево-краснаго дома, въ которомъ можно было предполагать гостиницу. Навстрѣчу мнѣ попались два-три прохожихъ; но, не доходя до меня, и они свернули въ переулокъ.

Домики этой улицы, большею частью двухъ-этажные, изъ розового или желтаго кирпича, часто съ вишнево-красными карнизами и наличниками оконъ, были все чистенькие, и много изящества придавали имъ ярко зеленые лужайки и развесистыя деревья, отдаѣвшія ихъ отъ улицы. На второмъ кварталѣ сейчасъ же за лавкою мясника—онъ же зеленщикъ и фруктовщикъ—шелъ аптекарскій магазинъ, въ которомъ торговали также металлической посудой и мебелью; дальше—галантерейно-мануфактурный магазинъ, поставлявшій и обувь; бакалейная лавка на углу, какъ водится, вмѣщала въ себѣ и почтовую контору—всего тутъ было понемножку...

Наискосокъ, какъ разъ въ домѣ, привлекшемъ еще издали мое вниманіе, находилась гостиница «Комфортъ». Тутъ, на крыльце, стоялъ высокій, блѣдный господинъ безъ шляпы, въ черномъ сюртукѣ, перебрасываясь оживленными фразами съ очень темнымъ мулатомъ, прислонившимся къ притолокѣ полуотворенныхъ дверей, уже пожилымъ, въ ярко бѣлой манишкѣ съ высокимъ стоячимъ воротничкомъ.

— Не могу ли я получить комнату?—спросилъ я, кланяясь и опуская свой мѣшокъ на крыльцо.

Блѣдный господинъ скользнулъ откровенно-непривѣтливымъ взглядомъ по моей запыленной фигурѣ и молча остановилъ его на порыжѣлыхъ башмакахъ; лицо мулата, наоборотъ, расцвѣло самой любезной улыбкой, но онъ также молчал...

— Я говорю: могу ли я за свои деньги имѣть здѣсь комнату для ночлега?—повторилъ я погромче, недоумѣвая, кто изъ этихъ двухъ людей здѣсь хозяинъ.

Отозвался мулатъ:

*) Кентри—страна, все, что лежитъ въ городской черты

— Заняты сэръ, всѣ заняты!.. Говорить, и моя—также... Удивительно!..

Пришло сноу приниматься за мѣшокъ.

— Но съ какимъ это поѣздомъ вы изволили прибыть, ваша милость?? А!.. Экстреннымъ, экстреннымъ, понимаю!.. Счастливой дороги, ваша честь!—звонкимъ, театрально-отчетливымъ голосомъ напутствовалъ меня мулатъ, подъ странный смѣхъ блѣднаго господина, точно подъ визгъ пилы по металлу...

Я перешель черезъ улицу. Тутъ въ угольномъ желтовато-сѣромъ двухъ-этажномъ домѣ съ просторной верандо на два фаса, помѣщалась вторая гостиница города «Прогрессъ».

Тотъ же приемъ ждалъ меня и здѣсь... И даже еще хуже: на мое возраженіе, что вѣдь вотъ въ нѣсколькихъ комнатахъ ставни притворены, стало быть, онѣ же свободны, толстый багроволицій трактирщикъ, хрюпя отъ одышки, бросиль почти со злобой:

— Нѣтъ здѣсь комнать для ночлега, — поняли?.. Нѣтъ даже и тѣхъ, которыхъ есть... Поняли?

Я ничего не понимаю: я зналъ только, что всѣ члены мои точно свинцовые, что ноги горятъ, въ головѣ шумъ, сердце усиленно колотится отъ усталости.

Изъ дверей гостиницы «Комфортъ», направляясь въ эту сторону, вышли трое: пожилой господинъ средняго роста съ большими кожаными портфелемъ подъ мышкой, высокій господинъ по-молодѣ, лицомъ очень походившій на первого, и стройный молодой человѣкъ съ черными рабочими руками—слесарь, либо машинистъ.

«Строители!»—мелькнуло у меня,—«надо попробовать счастья!»

— У насъ рабочихъ больше, чѣмъ нужно!—холодно отвѣтилъ средній изъ «строителей», въ отвѣтъ на вопросъ о работѣ.

И они прошли, не останавливаясь.

Голова у меня пошла кругомъ. Приближалась ночь; холодѣло; срывался вѣтеръ; по небу, часъ тому назадъ однотонно-туманному, теперь тамъ и сямъ чернѣли характерныя пятна: сбирались тучи, пахло дождемъ...

Былъ седьмой часъ вечера,—время, которое аккуратные англосаксы любой части свѣта посвящаютъ ужину, а потому если близь гостиницы еще изрѣдка и попадались запоздавшіе прохожіе, то на западной окраинѣ города, гдѣ долженъ быть находиться заводъ мистера Цигеля, не видно было уже ни души. Да и дома тутъ были очень рѣдки и стояли большою частью среди пустырей, по-рядкомъ заросшихъ кустарниками, а близь самаго завода находился обширный пустопорожній участокъ, предназначенный, должно быть, для циклодрома или гипподрома: неуклюжій чугунный катокъ, громадный цилиндръ, полый внутри, сѣрѣль на свѣжеукатан-

ной бѣговой полосѣ, шагахъ въ десяти отъ дороги. Я хорошенько замѣтилъ это мѣсто, чтобы завтра пораньше заявиться поискать работы, благо трубы кирпичнообжигательной печи виднѣлась межъ деревьями въ какой-нибудь четверти мили отсюда.

Но... мистера Цигеля не оказалось дома, а миссисъ Цигель, видная, съ великолѣпнымъ цвѣтомъ лица стройная шатенка, не могла мнѣ сказать даже того, вернется ли онъ сегодня хоть ночью... Часть отъ часу не легче..

Попробовалъ я пойти по домамъ, поискать ночлега...

Въ двухъ первыхъ отвѣтили односложными «нѣтъ», въ третьемъ засталъ однихъ дѣтей, лѣтъ десяти-двѣнадцати, никакъ не хотѣвшихъ и вѣрить, что у меня нѣтъ плашущихъ чертиковъ на продажу; въ четвертомъ съ недвусмысленнымъ пожиманіемъ плечъ мнѣ замѣтили, что, насколько извѣстно, ни одна изъ мѣстныхъ гостиницъ еще не ликвидировала свои дѣла, а въ пятомъ...

Въ пятомъ маленькая блѣдная женщина съ лохматыми черными бровями и подозрительнымъ блескомъ узенькихъ глазъ, пообѣщала, что, какъ только вернется мистеръ Стокъ, онъ постараится отыскать и должнымъ образомъ отблагодарить меня за любезность... Я и до сихъ поръ не могу угадать, какую любезность оказалъ я этой дамѣ, но... въ шестой домъ у меня уже не хватило духу войти...

Изнемогая, я остановился на перекресткѣ. Хорошенький, богатый зеленью, Риджуэй для меня лично оказывался еще безжизненный, чѣмъ ведшая къ нему пустынная дорога. Холодная, тупая апатія неслышно заползала въ душу...

Грохотъ колесъ въ отдаленіи снова вывелъ меня изъ неподвижности: черезъ перекрестокъ, кварталомъ выше, быстро проѣхала въ сторону кирпичного завода фигура, донельзя походившая на нѣмца- заводчика...

Когда я вторично подошелъ къ раскинувшемуся, какъ шатель, межъ разѣсистыхъ вязовъ коттеджу мистера Цигеля, онъ уже сидѣлъ съ трубкою на террасѣ и былъ, кажется, предувѣдомленъ о моемъ первомъ визитѣ. Добрый нѣмецъ былъ теперь далеко не такъ разговорчивъ, какъ при нашей встрѣчѣ на дорогѣ и, въ какомъ-то плохо скрываемомъ затрудненіи, все поглядывалъ свою широкую бороду да поглядывалъ вдали, точно избѣгалъ встрѣчи съ моимъ взглѣдомъ. Замѣтивъ перемѣну въ настроеніи, я счелъ за лучшее пойти напрямикъ: признался, что получилъ отказъ отъ «стройтелей», что меня почему-то не впустили въ гостиницу, что ночевать мнѣ сегодня негдѣ, а я очень усталъ, что, наконецъ, я не прочь бы наняться къ нему на заводъ, хотя бы и за три четверти той платы, какую онъ платить каждому изъ опытныхъ рабочихъ.

Говорилъ я торопливо, повторяясь, поглядывая на все болѣе

темнѣвшее небо. Мистеръ Цигель слушалъ внимательно: блесовъ, загорѣлое лицо его принимало мало-по-малу прежнее добродушно єгоистическое выраженіе хорошаго хозяина, дѣла котораго, благодареніе Создателю, всегда идутъ исправно, потому что онъ и самъ не промахъ...

— Ну, что жъ,— сказалъ онъ уступчиво и чуть улыбаясь, когда я окончилъ,— найдется, полагаю, работа и для васъ...

— Фреди! — многозначительно окликнула его изъ комнаты жена.

— Да, найдется, навѣрное! — подтвердилъ онъ, — но съ условіемъ: до отѣзда Моргана — два доллара въ недѣлю, пища и постель.

Я не успѣлъ отвѣтить.

— Фреди! — вторично окликнула его жена.

— Ну, что тамъ: «Фреди?» — отозвался онъ полуспутливо.— Что васъ тамъ беспокоить?

Миссись Цигель не вышла, а выдвинулась на террасу, и по ея походкѣ, по выраженію холодно-красиваго лица уже видно было, что положеніе мое и тутъ безнадежно...

— Я хотѣла бы спросить,— сказала она какъ-то преднамѣренно тихо:— вѣдь на заводѣ не найдется мѣста для третьаго, не правда ли?

— Ну, что жъ?... Это ничего не значить...

— Вы ошибаетесь: мистеру было бы очень неудобно съ нами...

— О, въ мезонинѣ достаточно удобно, я полагаю.

— Это невозможно, сэръ.

— Но если же это необходимо?

— Это невозможно, повторяю вамъ!

Съ секунду они молча смотрѣли другъ на друга; я взялся за мѣшокъ; хозяинъ кивнулъ въ мою сторону и укоризненно пожалъ плечами.

Женщина вспыхнула:

— Я вижу, сэръ,— воскликнула она тономъ королевы, — вамъ это дороже, но я — мать, мать трехъ взрослыхъ дочерей, и не впушу въ домъ незнакомца. Хотѣла бы, впрочемъ, знать: имѣю ли я на это право?

Я уже шагалъ къ выходу. У дороги подошелъ ко мнѣ и хозяинъ. Предложивъ мнѣ зайти днѣ черезъ три, онъ добавилъ страшальскимъ тономъ, что вотъ «не всегда и близкіе люди умѣютъ щадить ваши чувства». Я промолчалъ: въ карманѣ глухо звякнули мои 82 цента.

Машиной и еле передвигая ноги, доплелся я до ипподрома. Чугунный катокъ чернѣлъ безобразною массой и казался чудови-

щемъ, коварно притаившимся на добычу... Извнутри катка, какъ зубы изъ пасти, торчали какія-то палки, въ родѣ ручекъ лопатъ.

«Чѣмъ не убѣжище?—съ горечью думалось мнѣ: — жестко бу-деть, конечно, за то хоть отъ дождя защита...»

— Ну, а если завтра приду гъ мостильщики и заподозрятъ въ намѣреніи стащить тутъ что-либо?.. — вмѣшалось разстроенное не-удачами воображеніе.—Нѣтъ, уйти лучше прочь!

Я двинулся дальше,—кажется, потому лишь, что ноги еще по-сили: обрывки тягостныхъ мыслей, скорѣй—ощущеній, лишь впо-следствіи вылившихся въ связные ясные выводы, минутами не позволяли остановиться ни на чёмъ опредѣленномъ: механизмъ воли разстраивался...

Вечернія тѣни сгущались, кругъ легко различимыхъ предметовъ становился все уже; сплошною угрюмой стѣной за нимъ надвигала-лась тьма. Съ тревогой и еще несознаннымъ гнѣвомъ глядѣлъ я на ея приближеніе: съ нею, казалось, все ближе надвигалось и что-то враждебное, бессердечное, злое, что незримо тѣснило меня весь этотъ тягостный день, и чего люди обыкновенно не видятъ, не могутъ видѣть, потому что и сердца ихъ, и чувства съ мало-гѣтствомъ притупляются... Что имъ до бездомныхъ?..

Вечернія тѣни сгущались; оживленно мигая, въ домахъ заго-рались огни. Они дразнили воображеніе картины тепла, уюта, по-коя. Чтобы отвлечься, я сталъ глядѣть вверхъ. Здѣсь было свѣ-тиѣ, и видно было, какъ, одна за другой, словно цѣпи застrelъ-щиковъ, передовые отряды могущественной рати, набѣгали узкія гряды облаковъ, осыпая каждый разъ мелкимъ, колючимъ до-ждемъ. Когда прояснялось, налетать откуда-то буйный, взбал-мошный вѣтеръ, и становилось еще холоднѣй. Отъ него не спа-сали и тѣ нѣсколько паръ бѣлья, которыхъ, какъ сказано выше, я надѣлъ на себя въ дорогу: мнѣ было жарко, но отъ вѣтра зно-било, какъ въ лихорадкѣ...

Я добрель до перекрестка, который вель къ центру города и уже полубезсознательно хотѣлъ свернуть...

— Зачѣмъ?—вырвалось у меня почти вслухъ.—Куда?

Любая собака имѣла тамъ пріютъ, человѣку же не было мѣ-ста. Невыразимо горькая волна жалости и обиды вдругъ залила и переполнила мое сердце: я упалъ, гдѣ стоялъ, и слезы въ три ручья хлынули изъ глазъ.

Въ нихъ вылилась, наконецъ, и вся затаенная боль сознанія, что глухая стѣна безучастія и непониманія сильнѣе всякихъ меч-таній, страшнѣй и непреоборимѣй всякихъ невзгодъ непогоды... Не было въ этихъ слезахъ лишь одного — раскаянія, что, очертя голову, ринулся я въ невѣдомое и неизвѣстное: и завтра быль бы я готовъ продѣлать то же.

Раздерганные нерви не выдержали: на минуту мелькнула мысль, что такъ вотъ падаль въ изнеможеніи и величайшій изъ

людей, несший въ міръ правду равенства и братства... Я ото-
гналаъ бощественно-горделивое сравненіе, но эта мысль всетаки
напомнила мнѣ мое право — требовать у людей отчета въ ихъ
обращеніи со мной; ослабѣвшая пружина получила новую упру-
гость, и я двинулся въ городъ... Что Богъ дастъ!..

Курчавая голова негра, на мой стукъ выставившаяся изъ
полуотворенныхъ дверей гостиницы, заставила меня вздрогнуть:
я ждалъ встречи съ упомянутымъ выше блѣднымъ господиномъ.

— Ого, пріятель! — воскликнулъ негръ, сверкая бѣлками: — вамъ,
кажется, было уже сказано, что нѣту у насъ комнаты! Чего же
вамъ надо?

— Позовите хозяина, — сказалъ я, — хозяина!

— Ага, хорошо! Подождите немножко, завтра къ полудню онъ
вернется изъ Бофло...

Я оглянулся. Шагахъ въ двадцати на фонѣ ярко освѣщенныхъ
оконъ драгиста виднѣлась на троттуарѣ группа человѣкъ въ во-
семь. Въ одномъ изъ нихъ, по замѣтной даже въ вечернемъ сун-
мракѣ ярко бѣлой манишѣ и широкополой испанской шляпѣ,
призналь я мулага изъ гостиницы «Комфортъ».

— Не можете ли вы мнѣ объяснить, господа, — началъ я послѣ
обычного привѣтствія, — почему мнѣ отказано въ пріюте въ ва-
шихъ гостиницахъ, хотя свободныя котнаты есть въ обѣихъ?..
Или для чужестранцевъ тутъ не полагается пріюта?

— Въ самомъ дѣлѣ, — шутовскимъ тономъ подхватилъ мулагъ, —
вотъ задача!.. Государственная задача!..

— А если такого обычая нѣть, — продолжалъ я, сдерживаясь, —
то не будетъ ли кто столь любезенъ указать, гдѣ можно мнѣ
имѣть пріюте на ночь, за плату?..

— Пріюте? — иронически усмѣхаясь, отозвался господинъ съ
нервнымъ тонкимъ лицомъ, въ свѣтло-сѣрой шляпѣ, стоявший
рядомъ съ мулагомъ. — Сколько угодно: подъ замкомъ!..

Я недоумѣвалъ, чувствуя какую-то новую обиду... Публика
переглядывалась: видно было, что приходъ мой сюда для нихъ
уже давно не новость.

— Ну, да: согласно статуту! — добавилъ онъ въ поясненіе. —
Э! нечего прибидываться такимъ новорожденнымъ!.. Тоже: не
знаеть, какъ и бутылку открыть!..

И опъ безцеремонно хлопнуль меня по плечу. Всѣ расхо-
тались.

— Господа! — воскликнулъ я возбужденно: — настоятельно прошу
объяснить, что это значитъ.

— О, это не трудно, а при данныхъ обстоятельствахъ — въ
особенности... Не правда ли, джентльмены? — проговорилъ много-
значительно господинъ низенькаго роста, съ большой рыжей боро-

дой.—Законъ слишкомъ ясенъ: въ случаѣ ночныхъ беззакоинствъ, обусловленныхъ присутствіемъ на данной территории бездомнаго элемента, а также въ случаѣ... э... кражъ или иныхъ нарушеній правъ собственности магистрату предоставляетъся приводить обнаруженныхъ имъ бездомныхъ въ особое помѣщеніе и... оставлять ихъ тамъ до утра взаперти... А такъ какъ присутствующіе вѣдь джентльмены представляютъ собой мѣстный совѣтъ почти въполномъ составѣ, то, тѣмъ самымъ, мы... имѣемъ и возможность...

Взрывъ хохота прервалъ оратора: не было сомнѣнія, онъ отвѣчалъ общему настроенію...

— Полную возможность—указать мистеру и пріютъ, надежный и прочный пріютъ, къ тому же,—безплатный...

Кровь бросилась мнѣ въ голову, горло точно кто сжалъ рукой.

— Ахъ!.. Такъ вотъ что!..—съ успіемъ вскричалъ я, чувствуя, что теперь уже не смогу остановиться:—Такъ вотъ оно, ваше гостепріимство! И вамъ не стыдно еще похваляться этимъ, вамъ не стыдно смыться похвалибъ, достойной развѣ дикихъ зулусовъ?.. Да неужели же вы потомки славныхъ, великихъ людей, доставшихъ миру «Декларацию правъ человека»?.. Они великодушно призывали изъ-за океана всѣхъ, кто стоналъ подъ гнетомъ безсердечія и произвола, они давали убѣжище десяткамъ, сотнямъ тысячъ, а вы... вы оскорбляете толпой одиночаго пришельца только за то, что нужда заставила его прийти къ вамъ издали пѣшкомъ, съ мѣшкомъ за плечами... Стыдъ и позоръ! Вы видите, я—иностраниецъ, и пришелъ изъ страны, еще доселѣ не знающей правъ гражданина. Но, когда я снова вернусь въ свою сторону и меня спросятъ, чѣмъ замѣчательнъ этотъ красивый городъ, я имъ скажу: тѣмъ, что просящаго о гостепріимствѣ усталаго чужеземца въ немъ угощаются тюрьмой... Стыдъ вамъ, стыдъ! Не американцы вы, а дикии, не усвоившіе себѣ и самыхъ основныхъ законовъ цивилизациі! Дикие вы люди, дикие, дикие!..

Съ этими словами я зашагалъ прочь, направляясь къ катку на ипподромъ. Ни слова, ни звука не раздалось мнѣ въ отвѣтъ. «Тѣмъ лучше!—думалось мнѣ.—Теперь я имъ высказалъ то, чего они ни отъ кого не слыхали: пусть познаютъ себя, полированные варвары!» Дождь совсѣмъ пересталъ, притихло, потемнѣло... Облегчивъ душу, я почувствовалъ себя легче и физически, и спокойный насчетъ будущаго. Отдохну до утра, скажу завтра на желѣзно-дорожную станцію, не найдется-ль работы, а потомъ дальше, по фермамъ!..—решилъ я.

Вдругъ за мной раздался торопливый топотъ ногъ!.. Что это?.. Ужъ не послали ли за мной, чтобы привести угрозу въ исполненіе?..

— Сэръ, будьте добры, обождите!—услышалъ я за собой юношескій голосъ.

Я остановился.

Два мальчика, лѣтъ по четырнадцати, подбѣжали ко мнѣ.

— Сэръ, васъ просять вернуться! — объявили они.

— Кто просить? Эти джентльмэны, съ которыми я только что разговаривалъ? — спросилъ я, чувствуя, что слезы подступаютъ къ моему горлу.

— Да.

— Скажите имъ, что я не желаю вернуться.

Однако, на слѣдующемъ кварталѣ шустрые парнишки снова нагнали меня, уже втроемъ или вчетверомъ.

— Сэръ, мистеръ Строу, фруктовщикъ, просить васъ къ себѣ: онъ очень хотѣлъ бы познакомиться съ вами. У него есть и свободная комната для ночлега, — наперерывъ одинъ передъ другимъ трещали они.

Итакъ, первая моя задача была рѣшена. Я вернулся и черезъ полчаса, разоблачившись и, къ великому изумленію мистера Строу, освободившись, одна за другой, отъ всѣхъ своихъ излишнихъ оболочекъ, умывшись и причесавшись, сидѣлъ уже въ обществѣ его самого и его добродушной жены въ уютной, чистой столовой, передъ горячими телячьими сосисками, ломтами розового ростбифа и тонко нарѣзанными серебристыми кружками душистаго ананаса. Какъ это часто бываетъ при большой усталости, я еще не хотѣлъ Ѣсть и, какъ будто бы, не хотѣлъ и спать. Я сидѣлъ, весь отдавшись блаженству долго жданнаго покоя, слушая, подъ хлопотливое шипѣніе двухъ газовыхъ рожковъ, неторопливую рѣчь мистера Строу, который откровенно признавался, что людямъ, — даже очень хорошимъ, — время отъ времени необходимо какая-нибудь встряска... А то, среди взаимныхъ похвалъ и одобрений, они покрываются пльсенью... Такою вотъ встряской, по его словамъ, и была моя филиппинка, которую онъ выслушалъ отъ слова до слова, стоя въ двухъ шагахъ позади городскихъ нотаблей, къ слову сказать, вполнѣ одобравшихъ его намѣреніе послать за мною посольство и предоставить комнату для ночлега.

Оказалось, такимъ образомъ, что именно тотъ шагъ, которымъ я, какъ будто, порывалъ всякия отношенія съ населеніемъ Риджуайя, наоборотъ, послужилъ къ нашему сближенію. Сомнѣнія нѣтъ, — это потому, во-первыхъ, что я всетаки былъ въ свободной странѣ, а во-вторыхъ, и прежде всего, потому, что на этотъ разъ въ моемъ лицѣ правда вооружилась рѣшимостью.

III. .

Аберрація особаго рода. — Въ гостахъ у „дикарей“. „Инкогнито“. — **Хозяинъ-работникъ.**— Велосипедная желѣзная дорога; роль законодательства.— Газовый заводъ и его исторія.

Лѣтъ семь, восемь назадъ, среди благодушнаго лѣтняго за-тишья, пронеслась разительная вѣсть: на Лонгъ-Айландѣ *) и въ самомъ Нью-Йоркѣ произошелъ рядъ несчастныхъ случаевъ отъ солнечнаго удара.

Быстро разнеслась вѣсть эта всюду, куда успѣлъ забѣжать хлопотливый телеграфъ; заговорили о ней и у насъ, печалились, сожалѣли, но, помнится, не столько скорбѣли, сколько удивлялись: сѣверная Америка, и вдругъ—такой, истинно-африканскій зной!..

Упускали изъ виду одно, что Нью-Йоркъ лежицъ подъ $40^{\circ}43'$ сѣв. ш., то есть—ближе къ экватору, чѣмъ Неаполь **), и слово «сѣверное» порождало ошибочное представлѣніе о климатѣ, свойственномъ соотвѣтственнымъ широтамъ у насъ.

Подобнымъ же образомъ, когда подъ натискомъ административно-устроительныхъ воздействиій духоборы вынуждены были покинуть отчество и двинулись съ Кавказа въ чужедальную Канаду, въ широкой публикѣ явственно замѣтило было недоумѣніе:

«Канада?... Узкая полоса къ сѣверу отъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, о бокъ съ Ледовитымъ океаномъ! Какое же можетъ быть тамъ земледѣліе?...»

Опять-таки забывали или не знали, что южная граница этой «полосы» касается 43° с. ш., то есть, относительно, южнѣе нашего Крыма, даже южнѣе Флоренціи; забывали также, что Канада, съ Нью-Фаундлендомъ, больше Европы со всѣми ея островами..

Подъ вліяніемъ такой же, очень нерѣдко встрѣчающейся аберраціи все еще находился и я, когда, глазами europеїца взирая на окружающее, относилъ пустынность Бриджпортъ-Риджуэйской проѣзжей дороги къ слабой населенности края, тогда какъ всего въ восьми верстахъ къ сѣверу отъ проходящей черезъ Риджуэй желѣзной дороги идутъ, параллельно ей, двѣ другія пары рельсовъ; бездоходныхъ же дорогъ Канада не знаетъ. Еще большими, но уже въ обратную сторону, недоразумѣніемъ оказалось мое первоначальное представлѣніе о Риджуэйѣ: этотъ при-

*) Островъ близъ Нью-Йорка; на Лонгъ-Айландѣ расположены Бруклинъ и другіе города, входящіе въ составъ такъ называемаго Великаго Нью-Йорка, The Greater New-York.

**) Широта Неаполя— $40^{\circ}50'$... Хотя высота солнца, несомнѣнно, лишь одинъ изъ факторовъ климата данного мѣста, но для низкихъ широтъ это факторъ весьма существенный.

вольно раскинувшійся городокъ, обладающій собственной газетой, газовымъ освѣщеніемъ и отопленіемъ, не имѣть и тысячи душъ населенія.

И отъ такого-то, болѣе чѣмъ скромнаго центра проводили теперь еще одну, какую-то совсѣмъ необыкновенную желѣзную дорогу къ только что зачинавшемуся поселку!. Было чему подивиться; и я не скрывалъ своего изумленія, къ большой потѣхѣ сангвинически непосредственнаго мистера Страу, посвящавшаго меня слѣдующимъ утромъ, за завтракомъ, во всѣ эти диковины.

— Васъ удивляетъ, послѣ Нью-Йорка?—повторялъ онъ, лукаво играя живыми, шустрыми карими глазками.—А мы не удивляемся: надоѣсть желѣзная дорога, полетимъ по воздуху!

— Но скажите, гдѣ же у васъ берутся деньги на всѣ эти предприятия? Здѣсь у васъ и народу-то не видать.

— О, былъ бы спрось да надежда на прибыль, а деньги найдутся: сами таѣ и притекутъ, какъ въ дождь вода по жолобу!.. Это такъ же просто, какъ-то, напр., что, вѣроятно, сегодня же вы получите дѣло на нашей волшебной дорогѣ, и вамъ не зачѣмъ будетъ обивать ноги по фермамъ...

— Къ сожалѣнію, мистеръ Бичерь уже отказалъ мнѣ,—замѣтилъ я сокрушенno.

— Отказалъ?

— Да, и категорически: къ нему вчера обратился прежде всего...

— А!. Ну, тогда для него было еще секретомъ, что и онъ одинъ изъ дикарей!—возразилъ мистеръ Строу и засился такимъ веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ, что сама собой отпадала нѣкоторая колкость намека.

Засмѣялась и его сдержанная, молчаливо-привѣтливая жена, лишь нѣсколькими кивками головы пожелавшая показать, что и она знаетъ и ничуть не осуждаетъ мою вчерашнюю выходку; разсмѣялся и я, глядя, какъ прыгали смуглѣ-розовыя, полны щеки моего жизнерадостнаго хозяина; да и отрадно было сознавать это простодушное, безъ малѣйшей покровительственности или показного радушія, довѣрчивое гостепріимство: хозяева мои и не пытались даже узнать имя своего гостя. И, удивительное дѣло,—мнѣ самому еще ни разу не приходило въ голову нарушить это инкогнито: такъ мало приносило оно всѣмъ неудобства...

— Пойдите, пойдите къ мистру Бичеру!—настаиваль, между тѣмъ, мистеръ Строу.—Увидите: сегодня будетъ совсѣмъ иначе!—И въ голосѣ его послышалось что-то обѣщающее.

Я сталъ собираться въ дорогу.

Осторожная попытка предложить обычную здѣсь плату за ночлегъ встрѣтила спокойный, по рѣшительный отказъ; они ничуть не обидѣлись, однако, но подчеркнули, что считали себя въ правѣ смотрѣть на меня, какъ на гостя...

— Вотъ, если пожелаете стать у насъ на пансіонѣ,—пояснилъ

мистеръ Строу,—добро пожаловать!.. Могу предложить вамъ его за три доллара въ недѣлю... Разумѣется,—поторопился онъ оговориться,—если не сочтете, что это слишкомъ дорого, и если скудный нашъ столъ и общество вамъ не прискудать.

А скудный столъ этоѣ былъ таковъ, что лучшаго не могъ я и требовать: на завтракъ, напр., подали молоко, яйца, сыръ, великолѣпное сливочное масло, горячія сочныя сосиски, ростбифъ, два-три сорта домашнихъ пирожныхъ («кекъ»), чай и кофе. Прибавьте къ этому, что хотя хозяинъ, въ силу американского обычая, и предложилъ, усаживаясь: «угоджайтесь сами!»—но миссис Строу не переставала все время съ молчаливой настойчивостью подкладывать миѣ кусокъ за кускомъ...

На луговинѣ, позади небольшого одноэтажнаго деревяннаго зданія станціи, получасомъ спустя, имѣла мѣсто такая сцена: двое сухопарыхъ молодыхъ рабочихъ помошью массивной стальной пѣни и заложеннаго между ней и столбомъ лома силились притянуть къ болту въ головкѣ этого столба нависшій надъ нимъ, немножко искривленный, рельсъ, а мистеръ Бичерь,—я узналъ его еще издали,—крѣпко охвативъ одной рукой рельсъ, помогалъ рабочимъ, въ другой держа наготовѣ увесистый молотъ. Лица всѣхъ троихъ были красны отъ напряженія, но дѣло не подвигалось впередъ: ломъ все срывался, соскальзывалъ, насыпывало звонко щелкая по звеньямъ.

— Надо бы, Джоу, понатужиться маленьку минутку, — замѣтилъ инженеръ рабочему повыше:—еще минутку, и мы съ нимъ покончимъ.

Тотъ отстранился, поправилъ стѣхавшую на затылокъ шляпу и сказалъ, тяжело переводя духъ:

— Не... могу, сэръ!.. Не будете ли вы... удачливѣ? Вы посильнѣй!..

Перемѣнились,—все то же: рельсъ дрожалъ и трясся надъ головами, точно отъ затаенного смѣха.

Очевидно, наличныхъ силъ было недостаточно. Минѣ пришло въ голову принести свою помощь: молча, всѣмъ корпусомъ, съ ожесточеніемъ навалился я на желѣзо, и—удачно: звонкій ударъ молота показалъ, что непокорный рельсъ водворенъ таки на должное мѣсто.

— Это истинно-гениальная мысль, сэръ,—не имѣю чести васъ знать,—явиться такъ кстати!—воскликнулъ тотъ, котораго звали Джоу.—И тѣмъ болѣе кстати, что намъ вѣдь никогда бы не догадаться попросить васъ обѣ этомъ... Благодаримъ васть.

Инженеръ молча изучалъ меня глазами.

— Не васть ли я видѣть вчера вечеромъ возлѣ гостиницы?—

спросил онъ, высывая лицо изъ-подъ платка, которымъ отирая струившись со лба потъ.

— Да, это былъ я... И вотъ сегодня пришелъ къ вамъ за тѣмъ же.

— Но и сегодня отвѣчу вамъ то же: рабочихъ у насть достаточно, больше не требуется и не потребуется...

— Хотя практика говоритъ и противное,—возразилъ я.

Онъ засмѣялся, мягко, общительно, но тотчасъ же—точно спохватившись, насупился, что, къ слову сказать, очень не шло къ его, почти лишенному бровей, кругловатому лицу.

— Пусть такъ, но какой же вы рабочий? — сказалъ онъ, исподобя оглядывая мою фигуру.—Работали гдѣ-нибудь на фабрикѣ?

— Нѣтъ.

— Вотъ видите. А намъ годятся только такие, которые знаютъ дѣло...

— Полагаю, сэръ, вамъ нужны прежде всего такие, которые бы действительно хотѣли работать? — сказалъ я.

Онъ опять разсмѣялся.

— Вѣрно... Ну, а еще что вы полагаете?

— А то,—подхватилъ я горячѣе,—что если у человѣка есть дѣвъ вотъ такія, ищущія работы, руки,—я протянулъ ему обѣ,—если у него есть голова, умѣющая понимать, что надо прежде испытать, а потомъ уже заключать, пригоденъ ли онъ, или нѣтъ...

— Онъ правъ, однако, совершенно правъ! — вскричалъ инженеръ, энергично хлопнувъ меня по плечу.

— Парень—къ масти.

— Лишнимъ не будетъ! — отозвались рабочіе.

— Ну, хорошо, поработайте! — рѣшилъ инженеръ и хлопнулъ меня, съ веселымъ смѣхомъ, по рукѣ.

— Итакъ,—заключилъ мистеръ Бичеръ, переходя снова въ серьезный тонъ,—начнете сегодня съ полудня или уже завтра, съ утра?

— Приду сегодня.

— Отлично... Плата—долларъ двадцать пять центовъ *); десятичасовой трудъ: съ семи до шести, часъ на обѣдь. Приходите къ грядѣ **), гдѣ земляные работы—знаете? —на стоунбриджской дорогѣ... Съ угла вонъ того персикового сада видно... Имѣете спросить мистера Фоулера, формана ***).

Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, я ушелъ: и вторая задача моя была рѣшена!..

Окрыленный сознаніемъ успѣха, я, кажется, земли не чуялъ

*) Около 2 р. 35 к.

**) По ней и название города: въ переводе — „Кряжевая дорога“.

***) Формэн—главный приказчикъ, надсмотрщикъ.

подъ ногами, и вся природа вокругъ казалась мнѣ теперь смиющуюся и радующеюся вмѣстѣ со мною. Даже гордыя, высокія, окружавшія луговину деревья, плавно качавшіяся отъ легкаго, подувшаго съ полей вѣтерка, теперь какъ бы кивали мнѣ одобрительно головами.

А солнце,—часто ли бываетъ въ жизни такое благожелательно смиюющееся солнце?

Я шель, и точно кто нашептывалъ мнѣ: «а въ твоемъ успѣхѣ и еще кто-то, и еще кто-то повиненъ!»

— Кто?.. Не мистеръ ли Строу, встрѣтившій меня при возвращеніи пѣсенкой:

„Не спрашивай идущаго отъ милой,
„Душисты лѣ были крошки поцѣлуи“.

Откуда, однако, среди риджуэйскихъ «дикарей» эта чуткость? И у многихъ ли она тутъ въ обиходѣ?..

Посмотримъ...

Прежде, чѣмъ повести свой разсказъ дальше, считаю нeliшнимъ остановиться нѣсколько на обществѣ риджуэйской велосипедной желѣзной дороги и на обстоятельствахъ его осуществленіе.

Исторія самаго изобрѣтенія такъ проста и характерна, что сама просится подъ перо. Вотъ она, ав ово.

Молодой инженеръ, состоявшій на службѣ одного изъ обществъ эксплуатации паденія воды въ Ніагарѣ, скучая однообразiemъ порученного ему дѣла и тяготясь сравнительно зависимымъ своимъ положеніемъ, задумалъ, такъ или иначе, выбиться на дорогу пошире. Случай—американскій случай, свободный отъ паутины архакическихъ уставовъ—не замедлилъ помочь ему въ этомъ.

Дѣло было такъ. Инженеръ этотъ, мистеръ Бичеръ, въ одинъ изъ своихъ свободныхъ дней конца юля былъ на обычной прогулкѣ въ окрестностяхъ Риджуэйя, куда издавна привыкли удаляться на лоно природы жители шумнаго, душнаго Бофло: тутъ такъ красивы, на фонѣ придинувшихся къ озеру блѣдно-оранжевыхъ песчаныхъ дюнъ, поросшія группами и въ одиночку темно-зеленыя канадскія сосны, вода у берега такъ чиста и прозрачна, а воздухъ такъ мечтательно легокъ и ласковъ!.. Но и здѣсь погода порою бываетъ коварно измѣнчива: тихая, ясная утромъ этого прекраснаго дня, она стала быстро портиться съ полудня: подулъ надобливый южный вѣтеръ, неся сырость и хмурыя, буря тучи; заходили по озеру волны. Курсирующій тутъ пароходъ, совершающій обычный переходъ изъ Бофло что-то въ часть съ четвертью, теперь присталъ къ берегу лишь черезъ два съ лишнимъ и выпустилъ пассажировъ, наполовину больныхъ и ноголовно угрюмыхъ; прогулка, которую американецъ дорожить, вообще, больше нашего, была, очевидно, испорчена... Въ довершеніе неудачи—поплылъ дождь... А такъ какъ возвращаться пароходомъ мало оказа-

лось охотниковъ, достать же экипажей тутъ негдѣ, то можно представить себѣ удовольствіе, съ какимъ, увязая и скользя въ песчано-глинистомъ грунте, многочисленные экскурсанты этого дня брали въ Риджуэй, за $4\frac{1}{2}$ мили, чтобы оттуда уже возвращаться желѣзной дорогой въ Бофло.

Между ними былъ и нашъ инженеръ, — не потому, чтобы ему была страшна перспектива часика два покачаться на темно изумрудныхъ озерныхъ волнахъ, а потому, что въ головѣ его успѣла уже зародиться новая мысль, требовавшая пропрѣки и уясненія, а для этого, прежде всего, нужно было опредѣлить, такъ сказать, индустриальную цѣнность вышагшей на долю экскурсантовъ непріятности.

Такимъ способомъ онъ и выяснилъ, что если проложить тутъ рельсовый путь — непремѣнно самого удешевленного типа, ибо и плату за проѣздъ придется назначить самую скромную,—то дѣло можетъ стать не безприбыльнымъ, тѣмъ болѣе, что оно отвѣчаетъ и интересамъ владѣльцевъ земельныхъ участковъ Кристъ-Бича и самаго Риджуэя, обѣщая поднять цѣнность ихъ недвижимости.

И вотъ, къ слѣдующей веснѣ продѣланы были всѣ должностные опыты, произведены всѣ требуемыя изысканія, составлены сметы, и къ марта патентъ на изобрѣтеніе лежалъ уже въ карманѣ изобрѣтателя. Вотъ, въ общихъ чертахъ, въ чёмъ оно состояло. Дорожный путь — не въ пару рельсовъ, а въ одинъ, на столбахъ не ниже полутора аршина отъ земли. Полуаршиномъ ниже его и на такомъ же разстояніи по обѣ стороны отъ столба — положены двѣ стальные, параллельныя рельсы, двугранные полосы въ вершокъ шириной, ребромъ кнаружи. Вагоны на 24 мѣста каждый, легкіе, деревянные, о двухъ желобчатыхъ колесахъ, одно позади другого, прикрытыхъ прикрѣплѣнными къ полу вагона кожухами (какъ если бы вагонъ былъ надѣтъ сверху до уровня колесныхъ осей на громадный велосипедъ). Для обеспеченія устойчивости — снаружи, вдоль боковыхъ стѣнъ, свѣшивающіеся ниже колесъ, прочные деревянные ящики съ балластомъ, позволяющимъ сохранять центръ тяжести всегда ниже точки опоры. За ящиками — вертикальные стальные ролики, въ видѣ песочныхъ часовъ. Ролики эти — ихъ по 3 съ каждой стороны — при неравномѣрной нагрузкѣ вагона, упираются въ ребра помянутыхъ двугранныхъ полосъ, не позволяя ему наклоняться, раздающейся же при ихъ вращеніи характерный свистъ служить сигналомъ къ соответственному перемѣщенію груза и возстановленію нарушенного равновѣсія. Вагоновъ въ поѣздѣ четыре, одинъ изъ нихъ — ведущій: въ одномъ изъ крайнихъ его отдѣленій — сильный электромоторъ, а въ боковыхъ ящикахъ, вмѣсто баласта, — мощная батарея, заряженная на одинъ туръ у станціи Риджуэй, гдѣ восемисильный паровикъ приводить въ движеніе динамомашину, поставляющую энергию для освеще-

нія вагоновъ и станцій и для сообщенія поѣзду максимальной ско-
рості въ 32 версты въ часъ.

Такова несложная конструкція «электрической дороги самого
удешевленного типа», которую изобрѣтатель счелъ нужнымъ пред-
ставить прежде всего вниманію гражданъ Риджуэйя. И надо по-
лагать, они сумѣли достойно оцѣнить это, если вслѣдъ затѣмъ
Кристъ-Бичъ сталъ быстро покрываться красивенькими дачками, а
большая часть первого выпуска акцій оказалась разобранной оби-
тателями городка и его окрестностей, — благо, пай стоилъ всего
10 долларовъ (около 18 р.).

Что касается осуществленія самого изобрѣтенія, то въ мартѣ
въ кассу общества поступили первые взносы, а къ серединѣ юля
изъ 4 миль протяженія линіи были совершенно готовы $2\frac{1}{2}$, и,
помнится, 17 юля надъ длиннымъ радомъ связанныхъ сталью
столбовъ эстокады, въ средней части линіи достигавшей высоты
32 футовъ надъ почвой, гордо и смѣло пробѣжалъ первый проб-
ный поѣздъ. Къ этому же времени представители общества завели
переговоры о постройкѣ подъѣздного пути того же типа гдѣ-то въ
Пенсильваніи, въ мѣстности, уже болѣе отдаленной отъ станціи
паровой желѣзной дороги.

Какъ пошли дѣла общества впослѣдствіи,—минѣ неизвѣстно, но
врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что первые, столь удачные, шаги
его объясняются прежде всего тѣмъ, что въ Канадѣ для учрежде-
нія и осуществленія дѣятельности торговопромышленныхъ и чи-
сто промышленныхъ обществъ не требуется никакихъ сложныхъ
ходатайствъ и «разрѣшений»: достаточно предъявить въ регистра-
ционное бюро подписанный десятью учредителями актъ объ орга-
низациіи общества, и, разъ этотъ актъ занесенъ въ установленныя
книги,—тѣмъ самимъ «инкорпорація» признается состоявшуюся,
т. е. общество вступаетъ въ жизнь со всѣми правами и обязанно-
стями юридического лица. Такія бюро имѣются непремѣнно въ
каждомъ окружномъ городѣ, совершаютъ регистрацію немедленно
по предъявленіи, отказывать же въ исполненіи такой обрядности
бюро имѣютъ право лишь тѣмъ предпріятіямъ, исторыя могли бы
причинить вредъ народному здравію, оскорбить общественную
нравственность или противорѣчить специальнно изданному на этотъ
счетъ въ законодательномъ порядкѣ запрещенію (какъ, напр., о
производствѣ опіума или о торговлѣ имъ); все же остальное — бе-
зусловно и разъ навсегда признается дозволеннымъ, и если бы
кому-нибудь вздумалось учредить общество аэростатныхъ сообще-
ній черезъ океанъ, можно быть увѣреннымъ, что процессъ инкор-
пораціи его не занялъ бы и часа, а регистрація не потребовала
бы и доллара. Вместо ревнивой заботы объ обезспеченіи архаиче-
скаго права неослабнаго надзора и непрестаннаго вмѣшательства
власти, канадское законодательство, очевидно, заботится лишь о

развитіи въ населеніи промышленной ініціативы и самодѣятельности,—по крайней мѣрѣ, старается ему не препятствовать.

Только при наличии приведенныхъ выше условій да при здоровомъ содѣйствіи народного образованія могло осуществиться здѣсь и другое замѣчательное предпріятіе—«Риджуйэское общество газового освѣщенія». Исторія его такова.

Когда проводили линію желѣзной дороги, соединяющую черезъ канадскую провинцію Онтэріо городъ Бофло съ Чикаго и, далѣе, съ провинціей Манитобой, въ одной изъ выемокъ обнаружена была синяя пропитанная горной смолою глина. Школьный учитель ближняго поселка, успѣвшій въ одну изъ очень популярныхъ здѣсь лѣтнихъ экскурсій побывать въ сосѣдній нефтеобильной Пенсильваніи, случайно прослышалъ о находкѣ и послѣдовательно осмотрѣть, какъ упомянутую выемку, такъ и нѣсколько смежныхъ естественныхъ обнаженій. Оказалось, что послѣднія имѣютъ большое сходство съ таковыми же въ Пенсильваніи, находящейся, къ тому же, какъ разъ напротивъ этой части Онтэріо, къ югу отъ раздѣляющаго ихъ озера Ири. Всего этого было достаточно для пробужденія интереса и дѣловой сообразительности американца.

Учитель немедля пригласилъ къ себѣ около 20 человѣкъ болѣе состоятельныхъ сосѣдей изложилъ предъ ними свои доводы въ пользу вѣроятія присутствія въ этой мѣстности нефтеносныхъ отложенийъ, и, вѣроятно, слушатели—все жители маленькаго тихаго городка и окрестныхъ, одиноко стоящихъ фермъ верстъ на двадцать въ окружности—были достаточно освѣдомлены въ научной сторонѣ доводовъ оратора, если тутъ же порѣшили организовать общество для поисковъ въ провинціи Онтэріи полезныхъ ископаемыхъ и разработки ихъ на правильныхъ коммерческихъ началахъ, а для того, чтобы облегчить желающимъ участіе въ дѣлѣ, опредѣлили: величина паевого взноса не должна превышать 10 долларовъ Затѣмъ протоколь собранія, какъ водится, былъ подписанъ и отосланъ для зарегистрированія въ правительственное учрежденіе въ Торонто, и одинъ изъ членовъ нового общества получилъ полномочіе выбрать свидѣтельство на заявку *) и принять отводъ участковъ (claims). Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ этого какъ на одномъ изъ сказанныхъ участковъ заложена была буровая скважина, давшая на глубинѣ ста съ чѣмъ-то футовъ бурный выходъ газовъ, воды и песка. Встрѣченный нѣсколько глубже слой чрезвычайно твердой породы не могъ быть осиленъ имѣвшимися у общества буровыми средствами, пришлось скважину эту на время

*) Право заявлять на свое имя для какой-нибудь горной разработки тѣль или иной участокъ свободной земли принадлежитъ здѣсь всякому, пользующемуся гражданской правоспособностью.

оставить и искать болѣе податливаго грунта. Подъ самымъ Риджуэйемъ опустили вторую—результаты оказались тѣ же, хотя и на нѣсколько большей глубинѣ. Кто-то изъ присутствующихъ наполнилъ бычачій пузырь вновь полученнымъ газомъ пополамъ съ воздухомъ и поднесъ къ проколотому въ пузырѣ маленькому отверстію зажженную спичку—послѣдовалъ громкій взрывъ...

Немедленно же послали образцы газа для точного изслѣдованія въ Торонто, а сами, собравшись, подписали протоколь объ учрежденіи нового акціонернаго общества—газового отопленія и освѣщенія города Риджуэйя. Вскрѣпъ большая часть пятидолларовыхъ паевъ (около 9 р. 30 к.) была разобрана, а когда изъ Торонто получены были результаты анализа, подтвердившаго, что риджуэйцы дѣйствительно нашли, вмѣсто нефти, прекрасный свѣтильный газъ—паевъ не хватило для удовлетворенія всѣхъ желающихъ.

Это было, какъ мнѣ передавали, года за два до моего прибытія въ Канаду, кажется, въ началѣ лѣта, а въ сентябрѣ того же года въ домахъ гор. Риджуэйя, громко шипя, горѣлъ уже углеводородный газъ, естественнымъ давленіемъ проведенный по трубамъ изъ второй болѣе глубокой скважины. Я видѣлъ « заводъ», доставлявшій газъ. Это небольшое, занимающее не больше 16—18 кв. саж., деревянное, одѣтое волнистымъ, оцинкованнымъ желѣзомъ, зданіе съ маленькой, отгороженной внутри кирпичными стѣнами, комнатой для единственного служащаго завода,—мастера, рабочаго и сторожа въ то же время. Кромѣ газометра для измѣрепія количества расходуемаго газа, единственнымъ механизмомъ завода былъ обыкновенный газовый рожокъ, устроенный подъ колѣнчатымъ изгибломъ доставлявшей газъ шестидюймовой обсадной трубы. Назначеніе этого рожка—обогрѣвать въ холодное время года трубу и разностью температуръ усиливать въ ней естественную тягу.

Газъ, по желанію, поставляется потребителямъ или за помѣсячную плату, по количеству имѣющихся въ домѣ рожковъ, или по дѣйствительно израсходованному объему, по указанію газометра.

Большую частью, газомъ пользуются за плату помѣсячно, но такъ какъ потребители, почти поголовно, въ то же время, и акціонеры общества, то газъ расходуется очень бережно: кухонная печь, напр. (плита съ одной двумя духовками и ящики для кипятку, устанавливаемая на ножкахъ посреди кухни), довольствуется, обыкновенно, двумя рожками.

Итакъ, мистеръ Строу былъ правъ: предпріятія вскармливаются и возвращаются тутъ соками, свободно и безпрепятственно приливающими изъ глубочайшихъ нѣдръ населенія: въ этой странѣ, гдѣ, вѣнѣ большихъ городовъ, годами не увидишь полисмэна, финансовое законодательство, не принимая на себя никакой опеки надъ имущественной самостоятельностью и дѣловой правоспособностью гражданъ, не практикуетъ даже такой соблазнительной мѣры,

какъ установлениe низшаго предѣла выпускной цѣны пая или акціи.

А потому, всегда столь высокий у насъ, въ Канадѣ пай можетъ быть низведенъ хотя бы до 2 — 3 рублей, чѣмъ сразу же открывается доступъ къ участію въ промышленныхъ предприятияхъ массѣ небогатыхъ, но предпримчивыхъ людей, часто успѣвающихъ быстро собрать большую половину складочнаго капитала. Съ другой стороны, это воспитываетъ въ населеніи наклонность къ сбереженіямъ и осмотрительность въ ихъ помѣщеніи, такъ какъ незначительная стоимость пая позволяетъ участвовать одновременно въ нѣсколькихъ предприятияхъ и, путемъ этихъ, такъ сказать, пробныхъ взносовъ и внимательнаго наблюденія за ходомъ дѣлъ данныхъ предприятій, — избирать изъ нихъ такія, какія окажутся наиболѣе надежными и выгодными.

Въ свободной странѣ, стало быть, самый капиталъ естественно и неизбѣжно демократизируется, и никому это не во вредъ...

IV.

Западноканадскій рабочій; первыя впечатлѣнія. — Лопату или тачку? — Система работъ. — Испытаніе. На свѣтъ Божій вторично; мистеръ Строу — ораторъ.

Не безъ сердечнаго трепета подходилъ я въ урочное время къ мѣсту работъ, пробному камню рабочей моей правоспособности.

Мы, русскіе интеллигенты, какъ извѣстно, — большіе поклонники физического труда, даже признали въ немъ «необходимый элементъ воспитанія». На практикѣ же, въ личной нашей жизни, мы совершенно спокойно обходимся безъ серьезныхъ мускульныхъ упражнений и, въ лучшемъ случаѣ, допускаемъ ихъ, развѣ какъ гимнастику.

Съ своей стороны, конечно, и я не составлялъ исключенія, и до этого дня землекопную работу, напр., практиковалъ лишь въ очень малыхъ дозахъ, изрѣдка любительски юнаясь, съ лопатою въ рукахъ, въ отцовскомъ саду. Теперь мнѣ предстояло стать заправскимъ работникомъ, существомъ, въ потѣ лица добывающимъ хлѣбъ свой и все возрастающую за день усталость умѣющимъ побѣждать все нарастающей трудовой энергией —хватить ли, въ са- момъ дѣлѣ, силы, умѣнья, выносливости?..

Обѣденный перерывъ подходилъ къ концу; рабочіе успѣли уже сойтись и, большою частью, молча сидѣли по склону въ тѣни. Это были люди разнаго возраста и положенія, отъ 20 до 40 лѣтъ, и почти всѣ въ обыкновенномъ «городскомъ» платьѣ, часто еще очень свѣжемъ, и въ котелкахъ. Если бы не зіявшая въ десяти шагахъ пасть выемки, да не инструменты, брошенные тамъ, где засталъ ихъ обѣденный гудокъ, можно было бы подумать, что это

компания горожанъ, кайфующая послѣ загородной прогулки. Къ тому же, и лица, и руки у всѣхъ [у нихъ] были совсѣмъ чистыя, «не рабочія».

Народу тутъ было человѣкъ сорокъ, но только двое отвѣтили мнѣ на обычное привѣтствіе; веселые, разсѣянные взгляды остальныхъ показывали, что они замѣчаютъ пришельца лишь потому, что тотъ случайно попалъ въ поле ихъ зѣнія. Ни тѣни обычного у насъ въ такихъ случаяхъ любопытства, съ первыхъ же шаговъ въ новой средѣ такъ отагающаго новичка изобилівымъ разматриваніемъ его окружающими.

Я мелькомъ оглядѣлъ работы: въ широкомъ гребнѣ, въ видѣ длиннаго вала отдѣляющемъ риджуэйскую равнину отъ приозерной покатости, вели траншею, удалая выемочный матеріалъ въ длинные отвалы, протянувшіеся параллельно склону. Судя по эгимъ отваламъ, состоявшимъ сплошь изъ крупной окатанной гальки со слабой глинисто-песчаной примазкой, работы были не изъ легкихъ и требовали осторожности: въ подобномъ грунѣ весьма возможны, если и не неизбѣжны, обвалы. И однако же, хоть мистеръ Фоулэръ—какъ это нехотя сообщили мнѣ рабочіе—сегодня, за нездровьемъ, вовсе не выходилъ на работы, онѣ велись безостановочно, безъ чѣго бы то ни было надзора и руководительства.

Это было совсѣмъ ново, характерно и, на первый взглядъ, неизвестно, но прежде всего—создавало мнѣ, казалось, очень существенное затрудненіе: не къ кому было заявиться.

И опять-таки, это видимое затрудненіе пришельца никого тутъ не заинтересовало. Только сидѣвшій ближе ко мнѣ, на краю отвала, высокій, какъ мистеръ Аткинсъ, сутулый субъектъ съ узкимъ костлявымъ лицомъ и совершенно плоскою грудью, изъ тѣхъ, кого въ просторѣчіи называютъ « чахоткой », побезпокоился узнать, зачѣмъ это понадобился мнѣ мистеръ Фаулэръ.

Я сказалъ.

— А кто принималъ?—тусклымъ голосомъ спросилъ онъ, по простонародной англійской привычкѣ сжевывая слова.

— Мистеръ Бичеръ...

— На что же — формэнъ?.. Прогудить у Керуорти—становиться...

— Но я не знаю, что именно мнѣ дѣлать...

— Что и всѣмъ, полагаю, если... безъ особаго наказа.. А за что взяться — вамъ лучше знать. Я бы совѣтовалъ лопату: съ тачкой здѣсь трудно, очень трудно...

Послѣднія слова совсѣмъ неожиданно и разомъ освѣтили мнѣ положеніе: если я хочу основательнѣе и вѣрнѣе испытать себя—долженъ взяться именно за труднѣйшее.

И я заявилъ, что выбираю тачку. Это привлекло ко мнѣ нѣкоторое вниманіе.

— Ваша специальность?..—тономъ утвержденія спросилъ пожи-

лой рабочий, подвижнымъ, испитымъ лицомъ напоминавшій старого актера.

— Нѣть.

— Отчего же не берете то, что полегче?

— У меня свои основанія...

— Такъ бросьте ихъ: прибавку наработаете тутъ развѣ къ мозолямъ...

— Предпочитаю всетаки тачку. — повторилъ я тихо. — Если это никому не помѣшаетъ, конечно...

— О, напротивъ! — воскликнулъ сидѣвшій рядомъ съ « чахоткой » широкоплечій малый въ громадной, грубой соломенной шляпѣ. — Напротивъ: первый Бишопъ *) вамъ будетъ благодаренъ...

— Неправда, Баскетъ **)... виноватъ: я хотѣлъ сказать, вы, по обыкновенію, все врете, — возразилъ тотъ, съ виду довольно интеллигентный молодой человѣкъ, сидѣвшій позади всѣхъ на тачкѣ. — Ничего, сэръ, — обратился онъ мнѣ, — не буду имѣть противъ, если выберете лопату или замѣните кого-либо другого...

А виноватая улыбка на его тонкихъ губахъ несомнѣнно обличала противное.

— Охъ, Бишопъ, Бишопъ! — воскликнулъ насыщенный Баскетъ, — жена у вѣсъ будетъ трудолюбивая!..

Въ эту минуту гдѣ-то по ту сторону гребня прозвучалъ тонкій, короткій гудокъ — рабочіе, какъ одинъ человѣкъ, принялись за работу.

Выемка, все мельчая и съживаясь въ сторону озера, была теперь сажень восемнадцати длиною. Здѣсь, не считая трехъ-четырехъ снимавшихъ « лепешку » — верхній болѣе твердый слой грунта, — работало четырнадцать человѣкъ съ тачками (« откатчиковъ ») и столько же паръ съ лопатами (« лопатниковъ »). Тачки устанавливались посреди выемки въ рядъ, одна за другой; « лопатники » нагружали ихъ, работая съ обѣихъ сторонъ.

Я хотѣлъ было занять мѣсто Бишопа, очень проворно, едва послышался гудокъ, взявшиагося за лопату; мѣсто это было третье или четвертое отъ устья. Но « чахотка » весьма предусмотрительно поставилъ меня третьимъ отъ конца и самъ перемѣстился, ставъ непосредственно позади меня.

Это, какъ будто, совсѣмъ маловажное обстоятельство очень помогло мнѣ, а можетъ быть, спасло и всю мою рабочую карьеру среди людей, выработавшихъ такие суровые, чтобы не сказать драконовскіе порядки работы.

Дѣло въ томъ, что и приготовленіе выемочныхъ матеріаловъ, и удаленіе ихъ производятся тутъ совсѣмъ не такъ, какъ у настѣ,

*) Бишопъ — епископъ; въ данномъ случаѣ — кличка.

**) Баскетъ — корзинка; проозвище, очевидно данное по шляпѣ.

гдѣ одинъ рабочій исподволь и не спѣша роетъ себѣ и копаетъ, другой отвозить, и каждый, порознь, работаетъ безъ всякой непосредственно-обязательной связи съ работой, одновременно производимой остальными. Здѣсь вся «компанія», весь рабочій отрядъ связанъ такой системой, что замедленіе со стороны одного немедленно же отражается на ходѣ работы всѣхъ остальныхъ. Такая система, съ одной стороны, вызываетъ естественный отборъ рабочихъ, такъ или иначе отводя каждому мѣсто лишь по его работоспособности, и такимъ путемъ, естественно, дѣлаетъ трудъ наиболѣе производительнымъ, съ другой — подчиняетъ каждого интересамъ производимаго всѣми, т. е. всей данною группой дѣла. Лѣнивому или неспособному поэтому остается либо проситься на какую-нибудь совсѣмъ отдельную, обособленную работу, либо понапречь всѣ свои силы. Иначе — за бортъ, и никого это не взволнуетъ, никому не покажется неправильнымъ или несправедливымъ.

Въ работахъ у риджуайского гребня замѣтительная система эта осуществлялась такимъ образомъ:

Нагрузка тачекъ выемочнымъ матеріаломъ занимала каждый разъ минуты 2—2 $\frac{1}{2}$. Затѣмъ, какъ только первая отъ устья тачка была наполнена — а сюда назначались лучшіе рабочіе, нагружавши «безъ снисхожденія» — возница ея возглашалъ:

— Отрядъ... впередъ!

И тачки, одна за другой, гуськомъ двигались въ продолженіе 2—3 минутъ къ отвалу. Тутъ въ должномъ мѣстѣ «колонновожатый» отрядъ возглашалъ снова:

— Готово!..

И тачки, всѣ разомъ, опрокидывались, выбрасывая содержимое внизъ, подъ откосъ отвала, а затѣмъ, разомъ же, уже безъ всякой команды, поворачивались и по той же линіи одна за другою положенныхъ досокъ направлялись въ выемку обратно, гдѣ эта процедура съ автоматической точностью повторялась снова.

И такъ, безъ перерывовъ, безъ малѣйшаго отдыха, не позволяя себѣ даже покурить, работали все рабочее время дня...

«Отрядъ впередъ! и черезъ 5 — 6 минутъ опять: «Отрядъ впередъ! — съ неумолимою праильностью, какъ удары бича при экзекуції, раздавалось надъ нами, и ничто, ничто, даже въ отсутствіи надсмотрщика, не могло задержать эти жестокіе въ своей безстрастности звуки, налетавши, казалось, лишь для того, чтобы попытаться отнять у истомленнаго человѣка послѣднія силы.

Уже первая, двинутая мною, тачка показала всю основательность соѣтствъ «актера» и «чахотки», рекомендовавшихъ выбрать лопату: не говоря уже о непривычной тяжести груза, — въ тачкѣ было не менѣе шести пудовъ, — маленькое, съ виду такое послушное колесо тачки все норовило съѣхать съ узкой доски, и тогда мнѣ ни за что бы во время не поставить тачку снова на мѣсто... А тутъ осмысливался я наклониться, чтобы тѣмъ заставить колесо

слѣдовать посреди «трѣка», тачка грозила перевернуться и немалыхъ усилий стоило привести ее въ равновѣсіе. Да же: отъ толчковъ тачечныхъ колесъ и рабочихъ ногъ доски колеи мало по ману раздвигались; приходилось либо останавливаться, чтобы возстановить непрерывность «трѣка», — стало быть, задержать всѣхъ слѣдующихъ сзади,—либо искусно перебѣгать такое мѣсто или «щель» съ разгона. При малѣйшей неловкости, тачка увязала въ галечномъ грунты, и слѣдовавшіе сзади терпѣли задержку, въ свою очередь задерживая и остальныхъ, такъ какъ передніе, тѣмъ временемъ успѣвшіе разгрузиться, возвращаясь, встрѣчали путь загроможденнымъ.

Благополучно, хотя и съ немалымъ напряженіемъ, разгрузивъ первую тачку, я со второю попалъ въ «щель»: на поворотѣ къ хвосту отвала тачка съѣхала съ доски...

— Готово! — тотчасъ же раздалось позади. — Выгружайте, выгружайте на мѣсто!

Краснѣя, пыхтя, какъ кавалеръ, сбившійся въ фигурныхъ танцахъ, засуетился я исполнить требованіе: гулко, съ шипѣнiemъ и скрипомъ прокатились тачки мимо. Когда онъ показались порожними обратно, товарищи, подъ насмѣшилый визгъ колесъ, предложили мнѣ занять послѣднее мѣсто, гдѣ было полегче, — я отказался.

Третій, четвертый, пятый туръ сошли благополучно, на шестомъ пришлось «потанцовывать», но теперь я уже не ждалъ команды и не задержалъ отряда.

Прошелъ часъ и другой. Получился, кажется, и нѣкоторый прогрессъ: «танцовывать» приходилось все рѣже; удалось благополучно перебѣгать и двѣ-три щели. Но я не обольщался надеждами и на тачку свою по прежнему смотрѣлъ, какъ на врага: не побѣдишь его — онъ самъ тебя раздавить, середины тутъ не было. И замѣчательно: каждый разъ, какъ, по той или иной причинѣ, во мнѣ шевелилось сомнѣніе — съ тачкой случалась катастрофа. Поэтому, часъ спустя послѣ начала работъ, я уже старался ни о чѣмъ не думать, ничего не слушать и, при звукахъ команды, какъ бы зака менѣвалъ у телѣжки: судорожно стискивая ея ручки и вперивъ взоръ въ отмѣченную гвоздевыми головками линію на тачечномъ передкѣ, всю свою волю, все вниманіе я устремлялъ лишь на то, чтобы эта магическая линія проектировалась всегда по сѣрой лентѣ колеи. Я чувствовалъ, что въ эти минуты уподобляюсь машинѣ, но не пугался этого: тутъ лежалъ одинъ изъ немногихъ еще возможныхъ путей къ побѣдѣ.

— Налегай: три часа еще остается! — почти вслухъ повторялъ я точно кому-то другому. — Налегай: осталось два часа, часъ!..

И вдругъ — вечерній гудокъ, гудокъ-избавитель: онъ приносилъ съ собою право постоять, посидѣть, право дышать медленно, какъ всѣ люди, а главное — теперь я могъ сбросить это угрюмое без-

различіе ко всему окружающему, могъ слушать людей, разговаривать съ ними...

Съ чувствомъ безмолвнаго привѣта оглядывалъ я товарищѣ: тяготы дня роднили меня съ ними; не хотѣлось отбиваться отъ группы даже для того, чтобы поскорѣй придти домой.

Прилегающая къ риджуэйскому гребню луговина подъ самымъ городомъ размежевана на нѣсколько сѣнокосныхъ участковъ, разграниченныхъ жердевыми заборами. Для сокращенія пути, рабочіе пошли луговиной напрямикъ, перелѣзая, гдѣ надо, чрезъ изгородь. За одной изъ нихъ мы встрѣтили мистера Бичера.

— Я испыталъ васъ,—сказалъ онъ просто, медленно протягивая мнѣ руку,—я наблюдалъ вашу работу...

— И что же: годенъ?

— Да... Приходите утромъ на то же мѣсто. Можете выбрать лопату, если хотите...

Я поблагодарилъ. Рабочіе, проходя, кивками выражали свое одобреніе. Костлявый Кристенъ Чепсъ, котораго давеча я окрестилъ « чахоткой », пожелалъ проявить свое сочувствіе болѣе существеннымъ образомъ.

— Завтра—легче! — опуская могучую руку мнѣ на плечо, сипло прожевалъ онъ, вытягивая, какъ страусъ, длинную голову,— завтра легче, мало по малу!.. О, мало по малу—хорошо, очень хорошо, право!

Оригинальное краснорѣчіе искренняго моего благожелателя почему-то всегда вызывало шутки и смѣхъ. Такъ было и теперь. Остроязычный Никласъ Линдсей предложилъ даже записать этотъ спичъ, утверждая, что обыкновенному человѣку ни за что не удержать его въ памяти...

Я промолчалъ: именно завтрашній день, съ его десяти-часовой работой, долженъ быть самымъ критическимъ, а тутъ еще прояснившееся небо, затихавшій воздухъ обѣщали жару...

Тревожная мысль о предстоящемъ великому испытаніи все болѣе овладѣвала мнѣ и, наконецъ, стала господствующей въ настроеніи, роняя цѣну достигнутаго сегодня успѣха: вѣдь 10 часовъ работы—это даже не дважды пять, а гораздо больше. Какъ быть, если окажется, что силъ въ запасѣ не достаточно?..

Не смотря на усталость, долго мнѣ въ этотъ вечеръ не удавалось уснуть. Проворочавшись бесплодно съ часъ на постели, я потихоньку выбрался параднымъ крыльцомъ на улицу.

Было прохладно и тихо, такъ тихо, какъ рѣдко бываетъ у насъ въ самой глухой забытой судьбой деревушкѣ; не слышно было даже собакъ, хотя дома всѣ сплошь стояли не огороженные, и доступъ къ нимъ былъ такъ же легокъ, какъ мой выходъ на улицу.

Было тихо: ни вѣтерка въ дремотно опущенныхъ вѣткахъ де-

ревъ. Сонно гладѣли съ темнаго неба и звѣзды: все равно ни мѣсяцу, ни имъ не увидать бы,

Кто здѣсь молится, кто плачетъ,
Кто мѣшаетъ людямъ спать...

Одиноко затерявшаяся въ спящихъ улицахъ фигура пришельца въ счетъ, конечно, не шла...

— Эндрю, мухи встали!.. Эндрю, мухи ужь встали! — сквозь глубокій сонъ еле могъ я разслышать звучный голосъ мистера Строу.

Я мигомъ вскочилъ, рѣшивъ ни на минуту, проснувшись, не оставаться въ постели.

— Надѣюсь, безъ пушекъ обойдется, Эндрю? — продолжалъ мой неугомонный будитель.

— Да, да... Благодарю васъ... А какой теперь часъ, мистеръ Строу?

— Половина шестого—самая пора насыщаться... Поторопитесь, миссис Строу уже готовить вамъ кусочекъ...

«Кусочекъ»!.. Такъ выражаться можно только изъ скромности: я не могъ бы его одолѣть и послѣ хорошей работы, а теперь, только что вставши съ постели и послѣ обильнаго вчерашняго ужина,—куда было уложить и бифштексъ, и молоко, и масло, и яйца?.. Поэтъ му я Ѳѣль лишь изъ обязанности да изъ боязни, какъ бы не вызвать неудовольствія хлѣбосольной хозяйки, которой никакъ бы, разумѣется, не понять, что желудокъ обитателя Восточной Европы вѣками воспитанъ совсѣмъ въ иныхъ правилахъ, чѣмъ англійскій.

Добрая женщина, однако-жъ, подмѣтила мою «національную» умѣренность и то и дѣло переглядывалась съ мужемъ.

— Эндрю! — наконецъ, возгласилъ тутъ внушительно: — Если хотите работать въ этой странѣ, вы должны иѣсть такъ, какъ мы... Вотъ такъ!

И онъ сталъ пояснять эту мысль собственнымъ примѣромъ съ взвужденнымъ видомъ человѣка, пробивающаго дорогу истинѣ.

Ярко свѣтило солнце, весело щебетали птицы... Въ особенности—одна, красногрудая: она какъ бы провожала меня, перепархивая отъ куста къ кусту, и задорно чирикала, распространивъ острооконечныя крылышки...

По ассоціаціи представленій мнѣ вспомнилась иная страна и иные порядки: далекая Восточная Сибирь, гдѣ за десять лѣтъ предъ тѣмъ я состоялъ служащимъ на одномъ изъ богатыхъ золотыхъ пріисковъ. Габоты — ежедневно, не исключая воскресеній—начинались тамъ въ половинѣ четвертаго утра, а оканчивались не раньше

8—9 вечера; и, помнится, когда, идя на машину, я замѣчалъ, бывало, позади себя пять-шесть плетущихся нога за ногу рабочихъ, приходилось отставать, чтобы присутствіемъ своимъ парализовать усердіе казака Панаскина, обыкновенно охотившагося на лытаяевъ съ нагайкою. Теперь я самъ былъ рабочимъ, было не три, не четыре часа утра, а около семи, и, признакъ, я шелъ... не спѣша!

— Галоу, Эндрю! — еще издали привѣтствовалъ меня Кристенъ, — лопату, или тачку?

— Доброго утра!.. Тачку, конечно...

— Прекрасный рыцарь, позвольте сообразить ваши основанія! — обратился ко мнѣ витіеватый остроумецъ Линдсей.

— Желаю стать хорошимъ откатчикомъ, — отвѣчалъ я.

— Никъ, спускайте паруса! — скомандовалъ Баскетъ, одинъ изъ силачей отряда.

— Есть!.. Возьмемся за весла: и долго, сэръ, намѣрены вы «кататься»?

— Пока не стану «головнымъ».

— Линдсей, — снова окликнулъ его Баскетъ, — сложите и весла. — Сегодня, сэръ, есть работа полегче, — обратился онъ ко мнѣ, — нужно послать двухъ человѣкъ разбирать изгородь по ту сторону гребня. Одинъ уже есть, — вотъ этотъ вновь прибывшій джентльменъ, — а другимъ норовить стать напѣв Бишопъ; онъ для этого сегодня опоздаетъ, — увидите! Если вы пойдете съ мистеромъ Фоулэромъ младшимъ на разборку, то Бишопу не достанется даже лопата, — онъ долженъ будетъ взять тачку... Поторопитесь же: надо его наказать!..

Я отказался, и только что мистеръ Фоулэръ (сынъ формэнса, студентъ-техникъ) вмѣстѣ съ Робертомъ Диксономъ скрылись за гребнемъ — прогудѣлъ гудокъ; въ тотъ же моментъ у кустовъ не подалеку показался торопившійся Бишопъ...

И сегодня, какъ и вчера, мистеръ Фоулэръ-старшій не приходилъ на работы; и сегодня, какъ и вчера, отсутствіе надзора ничуть и ни въ чемъ насъ не облегтало. Мнѣ же лично еще съ утра пришлось потруднѣе вчерашняго.

«Лопатники» мои, какъ болѣе искусные въ разборкѣ твердаго грунта, должны были перемѣститься вверхъ, удлинить выемку, а такъ какъ мнѣ очень не хотѣлось занимать мѣсто «въ хвостѣ», то пришлось также передвинуться, — двумя парами ниже, гдѣ въ «связчикахъ» моихъ оказались, какъ разъ, Бишопъ и какой-то очень хмурый низкорослый ирландецъ (вчера онъ работалъ при разгрузкѣ рельсовъ на станціи). Оба они, а въ особенности ирландецъ, какъ будто хотѣли заставить меня пожалѣть, что я не согласился идти на разборку: принались такъ усердно накладывать, что

сыпалось съ тачки обратно, и уже съ половины пути тачечные ручки, точно живыя, съ неодолимымъ упорствомъ разгибали мнѣ руки, такъ что у мѣста свалки тачка со всему своей тяжестью удерживалась лишь послѣдними суставами пальцевъ, и кожу на нихъ жгло, какъ огнемъ, особенно на мѣстахъ, гдѣ ее обнажали лопавшіеся мозольные пузыри.

Просить снисхожденія?.. На это языкъ бы не повернулся; лучше было терпѣть. Къ счастью, «связчиковъ» моихъ, вмѣстѣ съ шедшимъ во главѣ отряда силачемъ рыжимъ Андерсомъ, часовъ въ одиннадцать потребовали на выгрузку рельсовъ, — стало немногого легче...

Прозвучалъ, наконецъ, и гудокъ—онъ мало меня обрадовалъ: то былъ только обѣденный, а не вечерній... Радушіе хозяевъ теперь также мало утѣшало: за обѣдомъ кусокъ не лѣзъ въ горло: «сегодня ужъ сорвусь, сорвусь!—повторялъ я себѣ — не выдержу, не выдержу!»

Вотъ и послѣобѣденныя работы. Я буду ихъ помнить всю жизнь...

Къ прежнимъ тяготамъ теперь прибавилась еще жара: съ часу до трехъ солнце съ совершенно безоблачного неба свѣтило вдоль выемки. Отъ палящихъ лучей его, какъ подъ тропиками, негдѣ было укрыться: при «оборотѣ», т. е. при возвращеніи въ выемку, оно жгло потное лицо, слѣвило глаза, при слѣдованіи съ грузомъ къ отвалу — пекло въ затылокъ, едва прикрытый легонькой англійской суконной шапочкой. Къ двумъ часамъ у меня были мокры не только грудь и спина,—темными пятнами пота чернѣли колѣни; къ третью каждый разъ, какъ доводилось разогнуть спину, все прыгало въ глазахъ въ какомъ-то оранжево-желтомъ туманѣ. Къ четыремъ часамъ контора прислала мальчишку съ ведромъ холодной воды и жестяннымъ ковшомъ, въ родѣ сибирскаго. Паренекъ то и дѣло бѣгаль по зову, поднося напиться.

Громадное напряженіе силъ подъ палящей жарой притупляло чувства, одуряло: тягость работы долгое время ощущалась чисто физически; наконецъ, истощеніе дало себѣ знать. Минутные отдыхи въ выемкѣ, пока вновь нагружалась тачка, все менѣе и менѣе восстановляли силы, колѣни стали дрожать, голова кружилась; казалось, вотъ еще шагъ—и тачка вырвется, навсегда уже вырвется изъ рукъ, или самъ упадешь воамъ нея замертью.

Въ такія истинно страшныя мгновенія, какъ предъ утопающимъ въ его послѣднія минуты, во мнѣ вставало все, чѣмъ болѣло сознаніе, что отягощало совѣсть: я вспоминалъ все, что когда-либо сдѣлалъ дурнаго, я принималъ испытываемыя муки, какъ справедливую, какъ желанную кару искупленія, я молилъ Небо лишь дать мнѣ силъ вынести добровольную каторгу эту до конца. И это высшее счастье—свободы отъ собственной скверности, этотъ высшій душевный подъемъ, эта, проникавшая все существо моего духа, мо-

литва сотворили чудо: новое напряжение воли оживило угасавшія силы на порогѣ пораженія и открыло дорогу къ побѣдѣ: когда раздался вечерній гудокъ, я уже зналъ, что въ состояніи вынести всѣ тяготы и лишенія заправскаго рабочаго,— дверь къ новой жизни была открыта, и третья самая важная моя задача была рѣшена...

Охватившая меня теперь радость, однако, отличалась полнымъ спокойствіемъ: то была уже радость сознанія, а не туманного чувства, голось испытанной вѣры, а не смутной, зыбкой надежды.

И я счѣль себя въ правѣ чѣмъ-либо замѣтнымъ отличить первый день моей рабочей карьеры: воспользовавшись тѣмъ, что миссис Строу сегодня нѣсколько запоздала съ обѣдомъ, я хорошенъко пообчистился, прибрался и вышелъ къ столу въ черномъ сюртукѣ, очень кстати сохранившемся въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ.

Догадливый мистеръ Строу сейчасъ же понялъ причину парада; какъ истый англичанинъ, хотя и сангвиникъ, онъ не упустилъ случая сказать маленький спичъ, и, конечно, въ высокомъ стилѣ.

— Всего три дня,—началь онъ, поводя изъ стороны въ сторону головой, точно его окружала толпа слушателей,— всего три дня, какъ волею Провидѣнія подъ скромный этотъ кровъ вступши усталый путникъ. Но сколь многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ! Нашъ тихій очагъ оживляетъ присутствіе нового друга, — надѣюсь, я въ правѣ такъ выражаться? — самъ онъ, еще недавно бездомный скиталецъ, имѣть вокругъ себя людей, способныхъ и готовыхъ раздѣлить его горести и—дай Господь ихъ побольше! — его радости... Сэръ.. И я, и моя жена имѣемъ счастье принадлежать къ обществу трезвости, и уже поэтому мы не могли бы провозгласить обычный въ такихъ случаяхъ тостъ въ честь вашихъ успѣховъ... Но именно сегодня миссис Строу, будто знала, приготовила тортъ «Викторію», такой самый, какой украшала нашъ столъ въ день нашей свадьбы. Пусть же это будетъ яркимъ свидѣтельствомъ нашего общаго къ вамъ сочувствія!

Положеніе именинника обязываетъ: пришлое отвѣтать.

Я просилъ извинить, что плохое знаніе языка и отсутствіе краснорѣчія не позволяютъ мнѣ въ той же мѣрѣ отблагодарить за выраженные дружескія чувства, однако это не помѣшаетъ мнѣ ихъ помнить, куда бы еще ни занесла меня судьба. И дай Богъ дѣтямъ моимъ и ихъ дѣтямъ встрѣтить отъ чужихъ людей такое же отношеніе, какое я встрѣтилъ въ этомъ домѣ.

Миссис Строу, по обыкновенію, не говорила: она только слушала и смотрѣла—то на того, то на другого—большими блестящими глазами.

VI.

Организація работы.—На болотѣ.—Столкновеніе.—Студенты.—Двѣ точки зреінія.—Индивидуалістъ или общественникъ?—Новое франкмасонство.

Возвращаюсь къ своимъ похожденіямъ.

Работы по постройкѣ дороги энергично подвигались впередъ. Не дождаясь окончанія траншеи, повели подготовку самого трэка; понавезли лѣсу, трехгранной, круглой полосовой стали, рельсость, болтовъ... Тихія, идиллическія окрестности маленькой желѣзподорожной станціи огласились чуждымъ имъ прозаическимъ шумомъ, грохотомъ, звономъ; освобождавшихся, по мѣрѣ завершения выемки, рабочихъ сейчасъ же направляли на обработку подвозимаго дорогою матеріала, на прилаживание, пригонку отдѣльныхъ частей, чтобы въ свое время быстро уложить ихъ на мѣсто. Бросалась въ глаза обдуманность плана, стройность хода работъ; еще больше удивляла легкость, съ какой вчерашній землекопъ сегодня становился слесаремъ, плотникомъ, кузнецомъ. И такая, на видъ рискованная, импровизація все же ничемъ не убыточнымъ не отражалась на дѣлѣ...

Секретъ—въ умѣломъ подборѣ рабочихъ и въ характерѣ взаимныхъ отношеній людей и дѣла; при организаціи такихъ времененныхъ, случайныхъ предпріятій ближайшая задача администраціи—занутить въ число рабочихъ нѣсколько заправскихъ специалистовъ. Ничуть не брезгая ролю чернорабочаго, послѣдніе несутъ тѣ же обязанности, что и всѣ прочіе, такимъ образомъ имъ полную возможность близко присмотрѣтъся къ товарищамъ. Когда же того потребуетъ дѣло, они становятся во главѣ ими же подобранныхъ въ партіи отрядовъ, и штатъ мастеровыхъ готовъ. Остальное довершаетъ удивительное умѣніе американскихъ мастеровъ пользоваться цѣлесообразнымъ раздѣленіемъ труда и каждому назначать работу по способностямъ.

Съ своей стороны, администрація и нашей дороги, признавая, что въ добровольческой средѣ работа идетъ всегда успѣшнѣе, чѣмъ при назначеніи людей по «раскомандировкѣ», ограничивалась лишь назначеніемъ старшего, регулировкой численнаго состава отрядовъ, да указаніемъ работъ, подлежащихъ ближайшему выполнению.

Къ концу іюня траншея была готова. За нею открылась обширная, тянувшаяся до самыхъ береговыхъ дюнъ равнина, незначительнымъ пологимъ возвышеніемъ разграниченная на двѣ параллельныя берегу широкія продольныя полосы.

Бѣденъ и не колоритенъ былъ и этотъ пейзажъ... По склону риджуэйского гребня сбѣгалъ молодой, только что начерно пере-

копанный малинникъ, слабо заштрихованный сѣроватыми черточками свѣже-посаженныхъ чубуковъ; вправо, изъ-за голаго, должно быть, кремнистаго бугра виднѣлись почернѣвшія, покосившіяся деревянныя зданія стародавней фермы съ десяткомъ высокоствольныхъ тонкихъ деревъ, качавшихся, какъ тростникъ, при малѣйшемъ напорѣ вѣтра; за малинникомъ, въ пологой низинѣ, залегло болото. пятна приземистыхъ, жидкихъ кустарниковъ, въ перемежку съ синеватыми лужицами, тускло, расплывчато пролагались аномично-блѣдною листвой на фонѣ сѣровато-зеленої почвы; за болотомъ пошелъ не то выгонъ, но безъ пасущагося на немъ скота, не то брошенная подъ зеленый паръ пашня, мѣстами разгороженная обычною здѣсь бревенчатой изгородью на отдѣльные квадраты; на пологомъ скатѣ, насупротивъ малинника, осѣлъ большой персиковый садъ,—какъ бы для иллюстраціи общаго тона картины: его невысокія крахистыя деревья, замѣтно наклоненные силуо господствующихъ вѣтровъ въ сторону перевала, казалось, упирались, отказываясь ближе подступить къ противному болоту, и весь садъ, подъ низко надвинутой шапкой темной, густой листвы, точно не-доумѣвалъ и брюжалъ, зачѣмъ для него выбрали такое мѣсто...

Закончивъ выемку, къ ней снова собрали всю партію, поставивъ ее на рытье ямъ подъ столбы—устой рельсоваго трека. По началу, работа была значительно легче траншеи; отсутствовала здѣсь и эта истинно-тиранническая зависимость каждого отъ всѣхъ, что каторжной цѣпью связывала насъ, не давая часами минуты свободы. Но ямы—квадратныя, трехъ футовъ въ сторонѣ—были тѣсны и, при глубинѣ 7—8 футовъ, заканчивать ихъ въ рыхлой глинисто-песчаной почвѣ было сущею мукой: давать лопатѣ горизонтальное положеніе можно было лишь межъ противоположными углами ямы; выносимая со дна на поверхность земля, поэтому, частенько ссылалась обратно, порошила глаза и, во всякомъ случаѣ, досадно затрудняла работу. Донималъ порядкомъ и самый грунтъ, чѣмъ ближе къ болоту, становившійся все злѣй, особенно въ нижнихъ слояхъ: порой, при самыхъ энергичныхъ ударахъ заступа, отъ пласта отдѣлялись лишь крошки. Приходилось браться за ломъ, что, при тѣснотѣ, приносило новыя неудобства.

Худшее, однако, было впереди...

Издали чуть-чуть, какъ паутиной, подернутое маленькими лужицами, болото оказалось очень обильно водой. Неудержимо, съ какой-то злой торопливостью заливала она выработку, едва рабочій оставлялъ черпакъ, чтобы взяться за ломъ или лопату; и вотъ, въ то время, какъ адски твердый грунтъ вгонялъ въ поть,—ноги леденила вода. Иные изъ насъ совсѣмъ переставали вычерпывать,—все равно не успѣшь обсохнуть: черезъ минуту вода снова зальетъ яму по щиколотку, тисками охватывая разгорѣвшееся отъ работы тѣло.

Обстановка—одна изъ тягчайшихъ, тѣмъ болѣе, что еще доб-
п. владыченко.

рая недѣлька такихъ дней была впереди. И все же ни одного проклятія, ни одного бранного слова по адресу стихіи за все это время изъ чьихъ-либо устъ.. Первый день рабочіе даже пробовали сдабривать невзгоду: Линдсей увѣрялъ, что его пятки цѣлюютъ землю за то, что она носить такого хорошаго человѣка; уточно-сый Дженинсъ, бывшій матросъ, предлагалъ сдѣлать представление о проведеніи тутъ канала и установленіи тузной переправы, а долговязый Кристъэнъ, почмокавъ каблуками, тономъ откровеніемъ взгласилъ:

— А мягко!..

Этой нехитрой остротѣ очень смыались и плутоватый Бишопъ, и веселый Унфли, и даже Джоу, тотъ самый Джоу, съ которымъ въ затруднительные моменты работы не брезгаль совѣтоваться самъ мистеръ Фоулэръ, главный мастеръ.

Слѣдующій день шуточныя замѣчанія раздавались рѣже, а на третій линія достигла середины болотнаго поля и, несмотря на всѣ усилия вычерпать ее, вода въ нѣкоторыхъ ямахъ стояла почти до колѣнь... Люди работали медленно, не дѣлая за день и четверти обычной нормы, но все еще ровно и безъ злобы, хотя съ угрызющими, сосредоточенными лицами, какъ это бываетъ всегда, когда человѣкъ сознаетъ, что его начинаетъ одолѣвать природа...

Что до меня,—странныо сказать—я чувствовалъ себя теперь лучше, чѣмъ въ предыдущіе дни: недавно еще такой робкій, угнетенный, нерѣшительный, я теперь зналъ, что тамъ, гдѣ не отступать мои товарищи, не отступлю и я. И я радовался испытанію, изъ котораго, я зналъ уже, что выйду побѣдителемъ... Истинную сладость побѣды знаеть лишь тотъ, кто извѣдывается это чувство впервые...

Въ такомъ, нѣсколько приподнятомъ настроеніи я долженъ былъ порядкомъ удивить даже Никласа Линдсея, когда въ одинъ изъ ближайшихъ обѣденныхъ перерывовъ на вопросъ, какъ теперь мнѣ нравится работа, отвѣтилъ:

— Хорошо!..

— Но, всетаки... полагаю, на супѣ будетъ суще, а?..

— Пока я не испытываю потребности въ перемѣнѣ, — подтвердилъ я.

Однако, на пятый день нашей земноводной, по выражению Линдсея, работы произошелъ случай, чуть было не сбившій меня съ счастливо-завоеванной позиціи.

Дѣло было такъ. Пройдя середину болотнаго поля, линія начала приближаться къ кустамъ; почвенная вода стала замѣтно убывать. Мы уже готовы были облегченно вздохнуть, когда обнаружилось новое препятствіе—цѣлая стѣнѣ крѣпкихъ, упругихъ, часто узловатыхъ корней, остатокъ временъ, когда воды имѣли еще сво-

бодный стокъ къ озеру и въ долинѣ расло много деревъ, впослѣдствіи вымокшихъ. Для рубки этихъ корней, пролегавшихъ приблизительно на глубинѣ двухъ съ половиною-трехъ футовъ, намъ дали топоры съ длинными рукоятками, въ родѣ тѣхъ, которыми работаютъ дровосѣки. Такимъ топоромъ въ узкой ямѣ широко не размахнешься, и, съ непривычки, я, признаться, работалъ имъ медленно, держа топоръ за середину рукоятки. Но съ такимъ же ненужнымъ успѣхомъ работали теперь и другие, по крайней мѣрѣ, я все время не терялъ своей очереди въ ряду, даже кого-то обогналъ, окончивъ яму прежде сосѣда и, при рытьѣ новой, занявъ его мѣсто.

Поэтому я крайне былъ пораженъ и смущенъ, когда услышалъ вдругъ за спиной звучный, высокій баритонъ мистера Бичера, какъ выяснилось впослѣдствіи, уже съ полчаса находившагося на мѣстѣ работы.

— Эй, Эндрю,—кричалъ онъ, какъ мнѣ показалось, сердито.—Что это вы,—щепки тутъ колоть успѣлись, что-ли?.. Или дома у васъ и всѣ такъ работаютъ?

— Ему, мистеръ Бичеръ, очень нравится на болотѣ, — вставилъ вдругъ Линдсей.

— Такъ мнѣ, достоинѣнѣйшій, не нравится!—вскричалъ инженеръ.—Развѣ это работа?

И, переступая неуклюжими шагами по травянистымъ рыхеватымъ буграмъ, онъ почти бѣгомъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ мой топоръ и принялся рубить...

Замахивался онъ не широко, но пригнувшись, и въ моментъ, когда головка топора вступала въ яму, быстро выпрямлялся, отчего инструментъ, описывавшій параболическую кривую, дѣйствительно, съ большою силой упадалъ на дерево: въ семь-восемь ударовъ одинъ изъ толстыхъ боковыхъ корней, удерживавшихъ пузатое корневище, занимавшее почти половину просвѣта ямы, былъ перерубленъ.

— Вотъ такъ!—приговаривалъ инженеръ при каждомъ ударѣ,—вотъ этакъ работаютъ у насъ!.. если работаютъ, а не шутятъ!

Рабочіе смеялись; Бишопъ, успѣвавшій въ работе всегда меныше другихъ, хихикалъ.

Меня это разсердило. Откуда-то взялась сила, рука точно срослась съ топорищемъ. Инструментъ дѣлалъ громадные круги надъ бортомъ, впиваясь каждый разъ въ то же мѣсто. Одинъ за другимъ,—мигомъ были перерублены три остальныхя корневища.

Побѣднымъ жестомъ выбросилъ я уродливую массу изъ ямы и взглянулъ на инженера...

Передо мной былъ совсѣмъ другой человѣкъ, ничтожъ и не напоминавшій того простодушнаго янки, что такъ безхитростно, почти по товарищески говорилъ съ чужестранцемъ при наймѣ... Онъ

стоялъ въ полъ-оборота ко мнѣ съ тонкой улыбкой на бритыхъ губахъ, смиющіеся глаза быстро обѣгали усталыя лица.

— А что?—казалось, говорилъ этотъ взглядъ, — каково подогрѣть парня?.. Посмотрите-ка, посмотрите!

У меня чуть не простили слезы: стало быть, это даже не въ сердцахъ, не съ досады третировали меня такъ безцеремонно.

— Вы видите, сэръ,—сказалъ я, плохо связывая фразы и торопясь,—что и у насъ умѣютъ работать... И не только тѣ, что прїезжаютъ на велосипедѣ на минутку, чтобы подстегнуть уставшаго. Если по вашему я не работникъ, то разсчитайте меня, но я къ вамъ нанимался не на посмѣшище.

Довольная улыбка, съ какой инженеръ оглядывалъ рабочихъ, въ началѣ моей рѣчи,—къ концу ея застыла на полныхъ бритыхъ щекахъ и показалась почти гримасой, когда отъ гнѣвнаго изумленія вдругъ дрогнуло потемнѣвшее лицо и сдвинулись брови.

Мысленно я видѣлъ себя уже снова на пустынной дорогѣ; подымалось желаніе размахнуться, забросить подальше этотъ нелѣпый топоръ и уйти, не допуская, чтобы меня прогоняли. Оказалось, однако, что я опять мѣрилъ нашей россійскою мѣркой и ошибся.

— И не думалъ смѣяться, Эндрью!—проговорилъ инженеръ уже совершенно спокойно, просто и даже уступчиво понижая голосъ.— Я долженъ былъ показать, какъ работаютъ такимъ топоромъ. Вы вполнѣ добросовѣстный работникъ, Эндрью, конечно!

И не спѣша, въ раздумья, онъ двинулся обратно къ оставленному у кустовъ велосипеду.

— Отставка не принята!—не преминулъ съязвить Линдсей.

На этотъ разъ, однако, никто не улыбнулся, даже Бишопъ.

Поведеніе нашего присяжнаго остряка и зоила все же наводило меня на размышленіе; тѣмъ болѣе, что выходки его по моему адресу никого въ партіи не возмущали, даже, какъ будто, не казались неумѣстными даже людямъ, не отказывавшимъ мнѣ въ уваженіи...

Чтобы разъяснить это обстоятельство, въ ближайшую субботу, часовъ въ 8 вечера, я направился къ Джоу, молодому рабочему, пользовавшемуся среди товарищѣй общепризнаннымъ авторитетомъ,—кстати, онъ жилъ неподалеку: въ высокомъ угловомъ домѣсосѣдней улицы, въ мезонинѣ; изъ моей комнаты были видны его окна, подъ празднично освѣщенныя далеко за полночь.

Когда я вошелъ, Джоу, уже успѣвшій помыться и переодѣться въ не совсѣмъ обычной позѣ: со шляпой на затылкѣ и съ сигарой въ зубахъ, поджавъ ноги, сидѣлъ на подоконнике. Передъ нимъ, бокомъ ко входу, стоялъ незнакомый мнѣ блѣдный и смуглый молодой человѣкъ, съ раскрытымъ письмомъ въ рукѣ. Въ комнатѣ

было уютно и опрятно: мебель блестѣла; коверъ, качалка, гравюры по стѣнамъ.

— Эндрью!—сдержанно воскликнулъ Джоу, вставая навстрѣчу и снимая шляпу.—Какая забота—будь она благословенна во вѣки!—привела васъ?... Вотъ это—подарокъ!. Это—подарокъ!. Но... познакомьтесь прежде: Эдуардъ Аскрить, человѣкъ съ дарованиями и въ высокой степени мнѣ близкій!..

Я назвалъ себя. Молодой человѣкъ, молча, не улыбнувшись, пожалъ мнѣ руку. Я и Джоу усѣлись тутъ же, у окна; мистеръ Аскрить озабоченно отошелъ къ письменному столу съ разложенными на немъ листами чертежей, парою книгъ формата дешевыхъ романовъ и бюваромъ, въ видѣ раскрытаго портфеля.

— Такъ что же ему написать? — спросилъ мистеръ Аскрить, очевидно, продолжая прерванный моимъ приходомъ разговоръ.

— Постѣ Эдди, постѣ!..

— Нельзя: далъ слово...

— А!.. Слово!.. Ну, «слово надо держать», какъ говорилъ Нэдъ Кентукки *), направляясь въ салунъ **)... Хорошо, напишите ему... теперь, моль, поздно: онъ уже акклиматизировался въ Риджуэйѣ; до конца вакацій не сдвинется съ мѣста...

Тутъ Джоу, повернувшись, скользнулъ по мнѣ взглядомъ человѣка, вниманіе котораго уже далеко; такимъ же безпредметнымъ взглядомъ подарили гостя и мистеръ Аскрить, быстро, сосредоточенно забѣгавшій затѣмъ перомъ по бумагѣ.

— Готово!—ронинъ онъ вполголоса, выжидательно поднимая перо кверху.

— Остальное знаете,—дѣловито продолжалъ Джоу:—выставлять не слѣдуетъ—рисковано: чуть измѣнить конструкцію,—сорвутъ патентъ... Чего же еще?.. Ну, добавьте: на слѣдующую весну—къ его услугамъ... Пожалуй, и все... Да, все!..

Я недоумѣвалъ, какое можетъ имѣть отношеніе къ рабочему эта корреспонденція, такъ овладѣвшая вниманіемъ моего любезнаго хозяина.

— Извините,—обратился Джоу ко мнѣ,—я не внимателенъ, но, знаете, «дѣло уже обѣдаетъ, когда мы только завтракаемъ».

— Не стѣсняю ли я васъ?—освѣдомился я.—Не мѣшаю ли?

— Нисколько, нисколько!—поспѣшилъ завѣрить Джоу, въ знакъ подтвержденія наклоняя голову.—Никакихъ секретовъ: одинъ изъ моихъ земляковъ (я изъ С. Катринъ, какъ и Эдуардъ) изобрѣлъ, видите ли, новую турбинку для масла; теперь мнѣ предлагаются литературно-коммерческое турнѣ по Минитобѣ и Сѣверо-Западнымъ территоріямъ.

*) Извѣстный въ Риджуэйѣ пьяница и ораторъ на темы о воздер-
жаніи.

**) Салунъ—пивная, ресторанъ съ напитками.

— Изъ-за турбинки?—переспросилъ я.

— Ну, да!.. Ну, да!.. Безъ этого ей далеко не уйти: новое усовершенствование легко выбросить за бортъ всякое, ему предшествующее, если заблаговременно проложить дорогу на рынокъ. По проекту, мы, вотъ, съ мистеромъ Пирсономъ и должны постить интересные пункты: я читаю предъ публикой веселенькие рассказы, нравственно-удобоваримыя стихотворенія, лекціи по животноводству, по агрономической химії и т. д.,—что гдѣ потребуется... А мистеръ Пирсонъ, въ антрактахъ, станетъ демонстрировать, продавать, распространять свои несравненные аппараты,—чудесно!.. Только... слѣдовало бы уже кончать теперь, а не начинать операцию: въ прошломъ году, съ сортировкою Берча, мы выѣхали гораздо раньше,—сейчасъ послѣ экзаменовъ—и то едва успѣли: съ подмостковъ пришлось прямо за книжку...

— Какъ, Джоу, развѣ вы...

— Студентъ, хотите вы сказать? Конечно: третій ужъ годъ... Я полагалъ, вамъ это извѣстно. Да чему вы такъ удивляетесь?..—вотъ и Бишопъ съ братомъ взялись за лопату по той же причинѣ.

Такъ бывало, и не разъ,
Изъ-за чудныхъ милыхъ глазъ!..

весело запѣлъ онъ глуховатымъ, мягкимъ теноркомъ изъ какой-то американской оперетки.

— Сколько же такое артистическое занятіе можетъ приносить?—полюбопытствовалъ я.

— Это смотря по предмету и по сезону...

— Напримѣръ?..—если не секретъ...

— Напримѣръ, въ прошломъ году мнѣ хватило почти на всю зиму: недѣли три проработалъ добавочно въ январѣ, по вечерамъ,—у дантиста... Съ турбинкой, вотъ, не выручить столько: «постель и кормъ» *), разумѣется,—его, да много ли процентовъ теперь наберется?.. Мѣсяцемъ бы раньше...

— Джоу, я кончилъ!—прервалъ его пріятель, съ шумомъ поднимаясь изъ-за стола и привычно-торопливо укладывая въ портфель картоны и книги.—Сейчасъ ѣду!..

— Уже?.. Даже не переночуете?..

— Невозможно: понедѣльникъ—день Максуэля: онъ привыкъ заставать меня уже за конторкой...

— Досадно!.. Какъ же вамъ быть съ ангажементомъ?.. Гм... знаете, что: попробуйте пригласить Эдвина Перси!?..

— Но... Джоу, меня просили привезти васъ, а не Перси,—возразилъ съ легкой гримасой юноша, со звономъ захлопывая замокъ

*) Bed and food—«постель и кормъ», то есть «квартира и столъ»—жаргонный терминъ.

объемистаго портфеля.—Послушайте, Джоу,—гарантирую сорокъ... пятьдесятъ, наконецъ!..

Онъ всталъ передъ нами со шляпой въ рукѣ, переводя острый, ожидающій взглядъ то на одного, то на другого, какъ будто рѣшеніе могло въ какой-нибудь мѣрѣ зависѣть и отъ меня... Джоу, запрокинувъ голову, засунувъ обѣ руки по самые обшлага въ карманы, закрылъ на нѣсколько мгновеній глаза

— Нѣтъ, Эдди,—проговорилъ онъ решительно,—на осеннія ярмарки, сами знаете,—нельзя мнѣ въ этомъ году оставаться, а безъ нихъ... ваша гарантія вамъ же будетъ накладна... Нѣтъ, не выгодно!..

— Такъ до свиданья!..

— До свиданья.. Желаю успѣха, Эдди!.. Сообщите, пожалуйста, какъ поладите съ Эдиномъ!—крикнулъ Джоу товаришу уже вслѣдъ...

Отвѣта не было... Твердые шаги быстро замерли внизу. Съ сухимъ, дѣловымъ стукомъ захлопнулась и выходная дверь.

Спустя немногого, ушелъ и я: атмосфера не располагала къ изліяніямъ; самыя темы, такъ интриговавшія меня нѣсколько часовъ тому назадъ, точно поблекли...

Стояла теплая, лѣниво-древотная ночь. Слабо, не смыло, почти не мерцая, свѣтились рѣдкія звѣзды, тусклыя, какъ блесточки фольги... Синія, влажныя тѣни, робко дрожавшія подъ вечеръ на горизонтѣ, теперь полновластно царили, спутывали контуры, скрывали и безъ того убогую перспективу. Взору, привыкшему къ сухимъ, пыльнымъ, но пластичнымъ тонамъ знойной южной ночи, эти влажныя, сплывающія краски казались искусственными, небѣроятными, и весь ландшафтъ былъ точно выхваченъ изъ какого-то безцвѣтнаго сновидія.

Было разслабляюще душно; ни соображать, ни думать не хотелось. А въ ушахъ еще дрожали отрывистыя фразы дѣловой рѣчи, звуки утратившаго юношескую гибкость молодого голоса—впечатлѣнія вечера, противъ воли и настроенія, направливались на обсужденіе.

Питомецъ высшей школы на службѣ у Меркурія!.. Студентъ-филологъ, секретарствующій поперемѣнно, черезъ день, въ двухъ торговыхъ фирмахъ и дни, и ночи, по словамъ Джоу, отдающій приложенію средствъ «на будущее!..» Я силился и не могъ добросовѣстно себѣ отвѣтить, упадокъ ли это, или прогрессъ...

Было тихо, такъ тихо, какъ ночью порой это бываетъ въ канадскихъ городкахъ, не знающихъ охраны собачьяго лая, полицейскихъ трелей и сторожевыхъ трещотокъ. Въ этой напряженной мишинѣ чудились то заглушенные шаги, то отдаленный, сдержанный говоръ, то какіе-то стуки... Ухо жадно ловило малѣйшіе признаки звука, фантазія воплощала ихъ по своему настроенію... Но вотъ, слѣва, въ сторонѣ Бриджпорта, изъ-за рощи, уже со-

вершенно явственно донесся слабый металлический гулъ; всыхнуль и потонулы въ матовомъ небѣ огненно-золотистыи стойль; гулъ сталъ усиливаться и покатился, все ширясь и приближаясь.

«У-у-у!» тягучими низкими нотами ревѣлъ могучій американскій паровозъ, за нимъ усердно и часто стучали колеса...

Послѣ только что описанного свиданія характеристика Джоу, думалось мнѣ, не можетъ уже представлять ни трудностей, ни какихъ-нибудь неожиданностей.

Я ошибался: въ одно изъ ближайшихъ воскресеній Джоу былъ у меня, и завязавшаяся между нами бесѣда показала мнѣ эту интересную фигуру съ новой стороны,—казалось бы, совсѣмъ несомнѣстимой съ дѣловитостью афериста.

Вышло это такъ: какъ разъ къ этому дню получилъ я отъ своего школьнаго товарища, врача одного изъ новыхъ поселеній Дакоты, письмо. Адресъ его я узналъ изъ «директори» лишь на канунѣ资料 своего отѣзда изъ Нью-Йорка и уже отсюда послалъ ему вѣсть о себѣ.

Пріятель этотъ, убѣжденный марксистъ, хотя и кабинетнаго толка, узнавъ, что я работаю на постройкѣ желѣзной дороги, полушутливо-полуиронически поздравлялъ меня съ «опрошеніемъ» и выражалъ надежду, что хоть заокеанское мое «народничество» будетъ плодотворно. Письмо пріятеля и подогрѣло давнишнее мое намѣреніе проинтервьюировать Джоу по вопросамъ, прикосновеннымъ къ рабочему дѣлу.

— Скажите, Джоу, — началъ я, когда мы усѣлись, — если бы мистеръ Бичеръ вздумалъ меня уволить, сочли ли бы наши рабочіе, что это и ихъ также касается?

— Конечно: вѣдь намъ было бы жаль лишиться такого товарища... Но, кажется, я не вполнѣ ясно васъ понимаю, Эндрю?..

— Видите ли, Джоу, — я теряюсь: въ чёмъ у насъ, въ партіи проявляется товарищеская этика?.. Мнѣ не хотѣлось бы думать, что «каждый за себя, и всѣ—вразбрѣдъ» — есть идеалъ поведенія въ нашей компаніи.

— Конечно, каждый за себя, — какъ же иначе? — недоумѣвалъ Джоу. — Развѣ взрослый человѣкъ не долженъ умѣть постоять за себя, не нуждаясь въ унизительномъ покровительствѣ?.. Не понимаю!..

— Сейчасъ поймете, Джоу... За эти два мѣсяца я ни разу ничего не слыхалъ о рабочемъ вопросѣ, ни разу не могъ заинтересовать въ немъ товарищей... Неужели въ Канадѣ вообще такъ слабо отражаются стремленія, волнующія теперь самые отсталыя страны Европы?

— А-а!.. — протянулъ Джоу. — Вотъ вы о чёмъ: о классовой борьбѣ?.. Конечно, есть она у насъ, конечно!.. Но Риджуэй, Стон-

бриджъ, Уэльстэръ,— что это за арена для теоретиковъ райского будущаго!..

Этотъ тонъ въ устахъ студента мнѣ показался страннымъ.

Пусть кипучая практика жизни вывариваетъ изъ нихъ дѣловыхъ корреспондентовъ, коммивояжеровъ, агентовъ предпринимательскихъ экскурсій въ новозаселенныя области, но въ правѣ ли питомцы науки такъ ужъ отчуждать себя отъ всякаго соприкосновенія съ выразителями идеальныхъ стремленій человѣческаго духа?..

Я не удержался, чтобы не выразить своего изумленія, и, кажется, сдѣлалъ это въ нѣсколько рѣзкой, страстной формѣ. Въ свою очередь, и Джоу удивленно поднялъ брови, потомъ опустилъ голову и задумался.

— Ну, что вамъ сказать на это? — проговорилъ онъ тихимъ голосомъ, снова поднимая медленно голову. — Сказать, что вы — европеецъ?.. безъ зеркала, не поймете... А надо бы: вѣдь понимаю же я людей вашего склада... Я говорю: бредутъ люди глухими, полными хищниковъ лѣсомъ — понятно, должны держаться вмѣстѣ... Но какой смыслъ требовать того же отъ тѣхъ, кто вышелъ на равнину, кому пыль отъ топота тысячи ногъ только напрасно заслоняла бы горизонтъ?..

— Гдѣ-жъ она, эта равнина, Джоу?.. И какіе это особенные горизонты въ массѣ вашего населенія, не сумѣвшаго пока даже сократить десятичасовую норму рабочаго дня?

— Вы не такъ поняли, Эндрю: невѣжественнаго, темнаго люда и у насъ, конечно, много... взять хотя бы толпы вашихъ же эмигрантовъ... Ну, и просвѣщайте ихъ по своему, не объявляйте только одного Магомета пророкомъ, признаите, что наши законы, наше прошлое даютъ намъ право и возможность выработать и практиковать и свою тактику, а не только ту, которую за насъ великодушно придумали ваши пророки-идеологи.

— Идеологи, Джоу? Идеологи — тѣ, что за полстолѣтія успѣли создать и организовать многомилліонную армію пролетаріата и авангардъ ея перебросить къ вамъ, за океанъ, въ Австралію, Новозеландію?..

Онъ зашагалъ по комнатѣ, махнувъ рукой.

— Что же, Джоу, — не отставай я, — неправда?

— Какъ, неправда? Правда, только — въ конвертѣ!.. Я распечаталъ его и утверждаю: Эндрю, ваши пророки-идеологи въ публицистикѣ — доктринеры на практикѣ... Многомилліонная армія!.. Да, только на зимнихъ квартирахъ. Я не скажу о русской, — недостаточно знакомъ съ этой страной, германская же меня всегда возмущала: построенія и перепостроенія, когда кругомъ грязь, когда всѣ дороги загромождены, завалены старымъ хламомъ, какъ и пятьдесятъ лѣтъ назадъ... Я живалъ въ Минесотѣ, два года прошли въ Арморъ-Институтѣ, въ Бостонѣ у насъ было не мало нѣмцевъ, поддерживавшихъ постоянныя идеинія связи со старой

страной (родиной),—знаете ли, какое слово они постоянно склоняли?..—«кадры»!.. И никогда — «действія»!

— Въ свою очередь, Джоу, я не настолько знакомъ съ дѣлами Германіи, чтобы спорить съ вами съ фактами въ рукахъ. Но, такъ или иначе, вѣдь именно Европа ведеть человѣчество къ новымъ общественнымъ горизонтамъ и, только благодаря ей, они становятся все шире...

— Ну, это ужъ слишкомъ неопределено, Эндрю!—проговорилъ Джоу сдержаннымъ тономъ, снова усаживаясь. — Скажите лучше: можно ли общественной вашей политикѣ такъ гордиться успѣхами, если послѣдній доводъ европейской государственности и теперь, какъ и сто лѣтъ назадъ—казарма, съ ея логикой, опирающейся на вполнѣшнее нравственное безразличіе къ жизни?.. Нѣть, Эндрю, не у васъ намъ, американцамъ, учиться!..

Мы помолчали. Онъ отвернулся и сталъ глядѣть въ окно, откуда, послѣ только что прошедшей грозы, вливались широкимъ потокомъ волны свѣжаго воздуха. Омытое дождемъ, небо сияло лазурью.

— Посмотрите!—воскликнулъ онъ патетически,—какъ оно прекрасно!.. Вы скажете: иллюзія?.. Такъ что же: она неотразимо привлекаетъ взоры... А вѣдь такова же идея общечеловѣческаго счастья, не заслоненная туманными толками кабинетныхъ вождей... Вотъ сдѣлайте ее доступной невооруженному глазу,—тогда и говорите объ успѣхахъ и горизонтахъ!..

— Теперь я не понимаю васъ, Джоу,—сказалъ я, дѣлая удараеніе на я.

— Не понимаете?.. Вы ссылаетесь на заокеанскіе, на новозеландскіе успѣхи. Они, особенно послѣдніе, дѣйствительно, громадны. Но развѣ жъ они—дѣло европейскихъ теченій?.. О, европейскіе пророки и насть держали бы въ облакахъ туманной догматики, въ стадіи строго-классовой организаціи. Но нѣть: воздухъ у насъ уже не тотъ: я знать не хочу блаженства, которое сулятъ мнѣ черезъ сто, двѣсти лѣтъ, за то всѣми силами стану бороться за человѣческое мѣсто среди людей: я жить хочу, я имѣю на это естественное, неоспоримое право. Это такой трюизмъ, что, вѣрите ли, предъ публикой никто у насъ на эту тему и разсуждать не станетъ... Вотъ, пусть такъ же восчувствуетъ, пусть каждый пойметъ это и у васъ, въ старой вашей Европѣ, — куда дѣнется тогда ваша злая казарма!..

— Вы правы, по своему безусловно правы, — проговорилъ я уступчиво, любуясь горячей убѣжденностью его тона, — хотя то, что у насъ является еще цѣлью, вы, очевидно, считаете уже средствомъ. Но, согласитесь, отъ такой вашей правоты, пока-что, а рабочему классу не очень-то много прибытковъ.

— Пусть такъ! Мало печали: не классъ, не отдѣльный какой-нибудь слой—носитель истинно общественныхъ интересовъ, а люди,

общество, со всѣми его трудовыми слоями. И это облегчаетъ задачу: тамъ, гдѣ классъ еще бессиленъ, общество уже многое можетъ. Да.. рай еще далекъ, но несомнѣнно въ нашей власти сократить власть ада: у современаго общества, повторяю, уже достаточно могущественныхъ на то средства...

— Примѣръ, Джоу, примѣръ! — воскликнулъ я заинтригованный.— Не высказывайте такихъ вещей голословно!

— Примѣръ?— переспросилъ онъ удивленно, и въ широкихъ свѣтло-сѣрыхъ глазахъ мелькнула снисходительная усмѣшка.— Примѣровъ, Эндрю, — тысячи въ нашей жизни, — присмотритесь хорошенько... Ну, извольте, вотъ вамъ одинъ — гипотетический... Кстати, вы недоумѣвали, въ чомъ это наша этика товарищеская заключается,— такъ, кажется?..

— Да, почти...

— Итакъ, представьте себѣ, что среди насы въ нашей партіи обнаружилось бы лицо, возмущившее общественную совѣсть, — не здѣсь даже, а гдѣ-нибудь въ самомъ незначительномъ, глухомъ углу Европы...

Онъ помолчалъ, какъ бы что-то соображая, подошелъ къ окну, потомъ снова запагалъ и продолжалъ оживленѣе:

— Знаете ли, какъ отнеслись бы къ нему всѣ эти Дженкины, Джаксоны, Уифли, Чепсы и прочіе наши людшки, не умѣющіе, какъ слѣдуетъ, формулировать отношеніе прибавочной стоимости къ рыночной цѣнѣ вещи?.. Ручаюсь вамъ,— жить бы ему въ этомъ тихомъ укромномъ Риджуэйѣ не стало! И не ушелъ бы онъ отъ отверженія, хотя бы сбѣжалъ отсюда къ патагонцамъ, ручаюсь!..

Суровый смыслъ этихъ словъ, близкихъ къ какой-то безпредметной угрозѣ, былъ слишкомъ необыченъ для добродушнаго Джоу; онъ тотчасъ же самъ замѣтилъ это:

— Ну, какова моя «программа»?— спросилъ онъ, подходя и улыбаясь глазами.— Нравится?

— Скорѣй это вѣра, Джоу... Какое-то новое франкмассонство, что ли. Для программы ей недостаетъ осуществимости, — скажу я.

— Какъ знать?.. Какъ знать?— проговорилъ онъ загадочно и отдалъ торопливо прощаться, точно послѣ сказанного ему уже ничего не оставалось добавить.

И странная вещь: подъ такимъ же впечатлѣніемъ остался и я. Не разъ впослѣдствіи сходились мы съ нимъ для бесѣды, но о рабочемъ вопросѣ рѣчей болѣе уже не заводили.

VII.

Стачка.—Зрѣлище и спортъ.—Политическая партія; митингъ либераль-консерваторовъ Риджуэйя.—Канадецъ-националистъ; кое что о военной защите страны.

За болотомъ грунтъ пошелъ снова мягкий, разсыпчатый; вязкой красноватой глины, такъ затруднявшей работу даже тамъ, где попадались прослойки крупнаго окатанного кремня, не осталось и слѣда.

Наладилась и погода, особенно утра: солнечная, ясная, исполненная ароматной бодрящей свѣжести, столь прѣнной особенно для рабочаго человѣка. Къ полудню, правда, порой припекало, но въ такие дни, вечеромъ или ночью, непремѣнно перепадалъ дождь, вновь освѣжавшій атмосферу.

Рабочіе ожили и, словно были на собственномъ дѣлѣ, торопились наверстать потерянное на земноводномъ поприщѣ: въ среднемъ, мы теперь дѣлали по кубической сажени на человѣка, пожалуй, и больше. Не зѣвалъ тутъ, правда, и мистеръ Бичерь-инженеръ: онъ часто брался за лопату и по часу потыкалъ съ рабочими, приговаривая:

— Вотъ такъ работа: хоть на пари!..

— Не кипитъ у насъ, а горитъ, — огненная работа!.. Браво, ребята, браво! и т. д.

Или, какъ будто невзначай, дарили эпитетами: «Геркулесь», «великанъ», «виртуозъ» — что кому могло больше нравиться. Такихъ, какъ Джоу, Линдсей, онъ разумѣется, всѣмъ этимъ обходилъ подальше.

Прочіе, повидимому, не замѣчали его топорной дипломатіи: смеялись, шутили, иные совсѣмъ расцвѣтали, и всѣ вмѣстѣ старались наперевѣръ другъ передъ другомъ, не жалѣя силъ.

Не ослабѣло это работное напряженіе и тогда, когда всевѣдущій Линдсей сообщилъ намъ, что въ дѣлахъ общества предстоитъ серьезная заминка: къ назначенному, только что минувшему сроку акціонеры почему-то не сдѣлали очереднаго взноса, касса въ затрудненіи, и можетъ случиться, что денегъ намъ за работу вовремя не выдадутъ.

Такъ оно и вышло: въ слѣдующую субботу — день обычной получки, мистеръ Фоулэръ не вышелъ на работы. Вместо него явился какой-то сухопарый господинъ въ черномъ, объявившій, что контора по некоторымъ причинамъ не успѣла изготовить наши списки, а потому-де получка состоится лишь въ слѣдующую среду...

Это былъ явный непорядокъ, — рабочіе переглянулись, но работать не перестали.

Пришла среда... Наканунѣ формэнъ подтвердилъ, что получка

непремѣнно состоится на слѣдующій день, до полудня. Но уже съ утра замѣтны были иѣкоторые признаки, заставлявшіе рабочихъ многозначительно покачивать головами.

Такъ, мистеръ Бичеръ старшій, пріѣхавшій на работы необычайно рано, что-то въ 7 час. утра, былъ такъ разстроенъ, что, пошептавшись съ мистеромъ Фоулэръмъ, укатилъ, не разслышавъ даже привѣтствія своего любимца механика, мистера Дена, стоявшаго тутъ же, у его экипажа. Въ девять часовъ пріѣхалъ инженеръ, пересыпая рискованными шутками и остротами самыя про-зацкія темы, онъ успѣлъ «перешупать» всю партію, очевидно, выяснивъ положеніе. За это же время почтенный мистеръ Фоулэръ дважды, совсѣмъ по-юношески, бѣгалъ на телеграфъ, и, когда возвратился вторично, оба они съ инженеромъ торопливо ушли, бросивъ на ходу предложеніе подождать ихъ въ обѣдъ двѣ-три минуты у гребня.

Наступилъ и полдень. Прождали три, пять минутъ — никто не являлся...

Рабочіе гуськомъ двинулись къ траиншѣ. Тутъ Линдсей съ озабоченнымъ, важнымъ лицомъ взобрался на тачку и сталъ опрашивать каждого, по одиночкѣ, выйдетъ ли тотъ послѣ обѣда на работу. Опрошенные, въ ожиданіи результатовъ анкеты, собирались у отвала.

— Шестьдесятъ пять «нѣть», два — «да»! — зычнымъ голосомъ оповѣстилъ партію опрошавшій... Забастовка!

И это—все: ни вопросовъ и толковъ о срокѣ, ни разговоровъ о томъ, какъ держаться съ администрацией дальше: «само, молъ, со-бою понятно»...

Послѣ обѣда линія была столь же пустынна, какъ до начала постройки дороги. На слѣдующее утро—то же самое.

Администрація не на шутку переполошилась: надѣй ней угрозой крупной неустойки висѣлъ выговоренный въ контрактѣ срокъ. Мистеръ Фоулэръ попробовалъ было повліять на Линдсея, указывая, что-де задержка въ ходѣ работъ опасна для интересовъ самихъ же рабочихъ: можетъ послѣдовать ликвидациія дѣла и—разсчетъ...

— Сэръ!—отвѣчалъ тотъ, улыбаясь кончиками увенчанныхъ безкровныхъ губъ:—акціонеръ бережетъ свои деньги, а мы должны рассточать нашъ трудъ?

— У нашего брата трудъ—все богатство! — визгливо выкрикнулъ подошедшій Оллартъ.—Въ кредитъ не сдается!..

Полетѣли куда-то конторскія телеграммы; за ними и директоръ укатилъ изъ Риджуэйя. Потомъ на имя мистера Фоулера пришла изъ Бофло телеграмма:

— Суббота, еженедѣльно.

Часамъ къ одиннадцати утра мистеръ Фоулэръ съ сыномъ уже обходилъ квартиры рабочихъ, завѣряя, что въ предстоящую суб-

боту намъ будеть уплачено полностью, за всѣ три недѣли, и что затѣмъ получка будеть еженедѣльной.

Когда, часъ спустя, Линдсей, въ свой чередъ, дѣловито обошелъ рабочихъ, подсчетъ голосовъ показалъ, что большинство — и, опять таки, безъ всякой предварительной суеты и толковъ — рѣшило прекратить забастовку: съ полудня всѣ вышли.

На слѣдующій день, часовъ въ 5 пополудни, прикатилъ къ намъ директоръ. Осмотрѣвъ работы, которыя, къ слову сказать, не успѣли еще, за краткото времени, сколько-нибудь замѣтно подвинуться впередъ, мистеръ Бичеръ, однако же, счелъ нужнымъ выразить свое удовольствіе и закончилъ рѣчь совсѣмъ необычно для администратора:

— Сегодня, ребата,—сказалъ онъ,—рѣдкое зрѣлище: изъ публичнаго сада на Кристъ-Бичъ поднимется на трапеціи аэронаутъ... Бросайте работу: пойдемъ смотрѣть хитреца!..

Шумно, какъ школьники, неожиданно уволенные отъ занятій побросали рабочіе инструменты и вмѣстѣ съ оставившимъ свой экипажъ директоромъ направились къ синѣвшей у дюны обширной рощѣ, надъ которой, угрюмо морщась и волнуясь отъ вѣтра, уже грузно поднималась неуклюжая бурая масса воздушного шара. Подъ ней, на едва замѣтной отсюда трапеціи, мелькала въ воздухѣ маленькая черная фигурка аэронаута-гимнаста, успѣвшаго уже приняться за свои рискованныя упражненія.

Шаръ поднимался все выше, фигурка становилась все меньшѣ, беспомощнѣй, но не переставала вертѣться, изгибаться, извиваться змѣй, повисать внизъ головой, принимать позу рѣющей птицы.

Изъ рощи доносился жужжащиій говсръ толпы; надъ нимъ, какъ ракеты, взлетали отдѣльные клики восторга. Громкими, замѣтно взвинченными возгласами отозвалась и наша партія, остановившаяся неподалеку отъ рощи, на пригоркѣ, и жадными взорами сѣдившая за безумно смѣлыми эволюціями гимнаста. Очевидно, всѣ были довольны.

Междуд рабочими начинались пари. Эли Джаксонъ, питавшій пристрастіе къ своей прежней профессіи, бился объ закладъ, что аэронаутъ былъ раньше матросомъ, не иначе!. Бывшій обитатель Саскачеванскихъ прерій, Бобъ Коллинзъ, наоборотъ, стоялъ на томъ, что воспитать въ себѣ столько хладнокровія и безстрашія могъ только тотъ, кто былъ долгое время каубоемъ, и никто иной!..

Кто-то предложилъ пари на.. благополучное окончаніе зрѣлища. Линдсей, Олартъ, Андерстъ и Боуль, сообща, предложили такое же пари «на десять минутъ» директору. Тотъ принялъ...

Я ушелъ, не дожидалсь результатовъ. Въ полуверстѣ отъ меня, въ томъ же направленіи, одиноко шагала стройная фигура Джоу.

Въ ближайшую субботу обѣщаніе дирекціи было выполнено: дородный секретарь правленія общества, господинъ съ очень широкимъ плоскимъ лицомъ и тростью съ массивнымъ серебрянымъ набалдашникомъ, выдалъ намъ, аккуратно задѣланную въ маленькие пакетики, плату. Выдавалъ онъ по списку, не глядя, тому же, на кого случайно вскидывалъ свой подслѣповатый, бѣгающій взглядъ, благосклонно кивалъ головой, съ видомъ знатнаго хозяина, принимающаго гостей.

Роздали намъ плату, и снова потекли дни мирнаго труда, въ перемежку съ такимъ же мирнымъ и однообразнымъ отдыхомъ по воскресеніямъ, когда одни, какъ Уифли, Андерсъ, Чепстъ, шли въ церковь пѣть гимны и псалмы и съ умиленiemъ сердца слушать проповѣдь о томъ, почему Иаковъ могъ жениться на Лії, а семь дней спустя — на Рахили, не погрѣшаю однако двоеженствомъ, или почему у него должны были родиться именно двѣнадцать сыновей, — ни больше, ни меньше; другіе, какъ Джоу, Джаксонъ, куда-то испарялись на цѣлые сутки по желѣзной дорогѣ; треты еще съ субботы запасались добрымъ количествомъ жидкоквасатаго пива и, хоронясь отъ строгихъ взоровъ благочестивыхъ сосѣдей, рѣзались въ карты; четвертые, наконецъ, просто спали или шли на митингъ,—благо, политическихъ партій въ этомъ крошечномъ городкѣ было столько, что хоть отбавляй. Такъ, помимо националистовъ, импералистовъ, федералистовъ, консерваторовъ и либераловъ, здѣсь были также представители либерально-консервативной партіи, а въ составѣ такомъ же крошечномъ городкѣ не безъ успѣха подвизались консервативные либералы. За недосугомъ и краткостью времени пребыванія въ городкѣ я не могъ хорошошенько ознакомиться съ различiemъ, отдавающимъ эти двѣ партіи; насколько же могъ узнать, дѣло представлялось въ слѣдующемъ видѣ: въ то время, какъ либеральные консерваторы считаютъ нужнымъ сохранять существующее порядки, устраниая при этомъ всякия возможныя отъ нихъ стѣсненія для гражданъ и въ такомъ духѣ реформируя законы,—консервативные либералы тщатся проводить улучшенія, не нарушая основъ государственного устройства страны. У однихъ на первомъ планѣ всетаки реформы, хоть и умѣренныя, у другихъ — сохраненіе основъ. На первый взглядъ, такая тонкая дифференціація показалась мнѣ немногого юмористической, но, судя по устойчивости этихъ теченій, упорно не поддающихся сліянію, надо думать, что на практикѣ они встрѣчаются какія-то серьезныя реальныя основанія.

На одномъ изъ субботнихъ митинговъ либерально-консерваторовъ Риджуэйя присутствовалъ и я. Квадратная, въ три окна, зала въ домѣ вѣчно чѣмъ-то озабоченнаго мистера Фрейера, бывшаго аптекаря и завзятаго националиста, была уставлена вдоль стѣнъ стульями, на которыхъ неподвижно, какъ статуи, и въ порядочной тѣснотѣ возсѣдало человѣкъ тридцать въ черныхъ платьяхъ

и ярко бѣлыхъ сорочкахъ: на партійные митинги тутъ принятъ являться въ полномъ парадѣ. Двѣ три стѣнныя лампочки тускло освѣщали комнату.

Ораторъ, мистеръ Кларкъ, столяръ по профессіи, господинъ средняго роста съ сильнымъ, выразительнымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми рыжими бакенами, заложивъ большой палецъ лѣвой руки за бортъ сюртука, а правою опираясь о небольшой столъ, держаъ рѣчъ, изъ которой мнѣ привелось слышать лишь окончаніе.

...— Не сомнѣваюсь, джентльмѣны,—говорилъ онъ, методически поводя головой, точно въ ряду своихъ внимательныхъ слушателей кого-то искалъ глазами:—не позволю себѣ сомнѣваться, что присутствующіе достаточно ясно понимаютъ настоящее положеніе и, съ свойственной имъ патріотизму проницательностью, сумѣютъ угадать опасность, грозящую партіи отъ предлагаемой намъ мѣры. Съ своей стороны, я считаю долгомъ выразить волнующія меня чувства. Джентльмѣны!.. Единство партіи — въ общности интересовъ. Чему, какъ не этому, обязанъ я честью видѣть себя среди столъ многолюдного собранія, которое, я счастливъ констатировать это, удостаивають посѣщеніемъ и... (тутъ любезный кивокъ въ мою сторону) и просвѣщенные, любознательные иностранцы? И вотъ, комитетъ предлагаетъ намъ поддержать представителя чужой партіи, поддержать лицо, чья политика въ вопросѣ о реорганизаціи приходовъ оказалась въ такомъ явномъ противорѣчіи съ насущнѣшими нашими интересами!.. Джентльмѣны!.. Дисциплина партіи не позволяетъ намъ уклоняться отъ совмѣстнаго рѣшенія общепартійныхъ задачъ, но... но я увѣренъ,—и ничто, джентльмѣны не поколеблетъ меня въ этой увѣренности,—я увѣренъ, что ни одинъ изъ достоуважаемыхъ членовъ этого почтенного собранія (тутъ грациозный округлый жестъ правой рукой) не дозволить подчинить себя слѣпо чужой указкѣ!.. Въ этой святой увѣренности дозвольте, джентльмѣны, закончить обращеніемъ безсмертнаго Билли (Гладстона): нынѣ настало время, когда каждый долженъ мужественно постоять за честь своей партіи!.. А честь ея, джентльмѣны, не позволяетъ отдавать голоса на прокатъ! Долой компромиссы!..

Послѣ шумныхъ возгласовъ одобренія, видимо-таки польстившихъ раскланившемуся на всѣ стороны оратору, къ столику подошелъ высокій, сухощавый брюнетъ, портной Джей Понсонэръ, принявшийся рѣзко возражать предшественнику, и слушатели съ такимъ же поразительнымъ вниманіемъ относились и къ этой не совсѣмъ сдержанной рѣчи, точно сочувствовали и ей...

Я вышелъ...

Внизу лѣстницы, на площадкѣ согбенный лѣтами мистеръ Фрейеръ говорилъ съ какимъ-то коротконогимъ господиномъ, нарядившимся въ длиннополый пиджакъ, и просилъ передать мистеру Найту, что залъ къ услугамъ почтенного собранія членовъ либеральной партіи минутъ черезъ пятьдесятъ, пятьдесятъ пять.

Тотъ молча кивнулъ гладко остриженной головой и выплыть, смильно перебирая по устланной граветомъ дорожкѣ короткими, точно обрубленными ногами.

Я подошелъ и поздоровался съ хозяиномъ: мнѣ пришло въ голову проинтервьюировать старика, какъ націоналиста. Тотъ, однакожъ, ініциативу бесѣды захотѣлъ удержать за собой и сталъ разспрашивать, какъ нравятся мнѣ свободныя канадскія учрежденія, митинги. Я отвѣчалъ, что на митингахъ мнѣ уже приходилось присутствовать,—въ Соединенныхъ Штатахъ. При этомъ я похвалилъ учрежденія, благоустройство и быстрый всесторонній прогрессъ союза и выразилъ предположеніе, что просвѣщенная, высоко культурная Канада въ свое время не замедлитъ слиться съ могущественной соѣдней республикой въ одно великое цѣлое.

Это сразу же задѣло старика за живое:

— Сэръ!—проговорилъ онъ рѣзко и такъ быстро сомкнулъ уста, что губы звучно шлепнули одна о другую.—Сэръ, я долженъ сказать, вы касаетесь... очень, очень... какъ вамъ сказать... Нѣть, лучше присядемъ: тутъ есть о чёмъ поговорить, есть о чёмъ!..

Мы усѣлись на стоявшей на площадкѣ садовой скамье. Старикъ оперся ладонями обѣихъ рукъ о колѣнки, видимо приготавляясь къ длинной рѣчи.

— Сэръ, вы—иностраниецъ, вы—гость въ этой странѣ. Какъ гостю, вамъ простительно... Я хочу сказать: какъ иностранецъ, вы, конечно, можете кое въ чёмъ ошибаться! Отъ всякаго другого—ваше мнѣніе было бы обидой,—да, сэръ, обидой! Будемъ называть вещи, не стѣсняясь; но, сэръ, это не значитъ, чтобы я былъ сторонникъ... свободы мнѣній, высказываемыхъ безъ провѣрки. Я сорокъ два года, сэръ, пробылъ аптекаремъ и ни одного нумера лѣкарствъ не выпустилъ, сэръ, безъ провѣрки,—ни одного!—тутъ онъ поднялъ указательный палецъ правой руки вровень съ клюкомъ оставшихся на головѣ желто-сѣдыхъ волосъ и съ грозною миной взглянула на меня искоса, поверхъ очковъ.

Я молча поклонился.

— И потому, сэръ, никто никогда не упрекалъ Джонатана Фрайера, что лѣкарство изъ его аптеки кому-нибудь принесло, вместо должной пользы, напрасный вредъ... Надѣюсь, сэръ, вы не сочтете это маленькое отступленіе не идущимъ къ дѣлу?

— О, разумѣется!

— Итакъ, вернемся собственно къ вашему предположенію. Узнайте, сэръ, что у насъ, канадцевъ, нѣть и не можетъ быть причинъ или поводовъ къ сліянію съ соѣдями,—я могъ бы даже сказать—къ противостоящему сліянію, сэръ!.. Мы—нація, сэръ, они же—конгломератъ. Знаете вы, что значитъ кон-гло-ме-ратъ, сэръ?

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Такъ вотъ—прошу васъ тутъ вникнуть внимательнѣй: у п. владыченко.

нації—естественное развитие впереди; у конгломерата—одно нарастание; какое? на какой конецъ? Этого, не скажешь, сэръ, никто, но всякий знаетъ, что наша канадская культура всегда подъ гордой защитой великой Британской имперіи; тогда какъ защита янки—океанъ. Прошу васъ, сэръ, подтвердить—будемъ точны!—вѣрно ли я это говорю?

— Да, да, вѣрно!

— Я радъ, что и вы согласны со мной, сэръ. Итакъ, главная защита янки—океанъ... Янки и сами отлично это понимаютъ и признаютъ неестественнымъ такое «сліяніе»: на всей истинно независимой, сэръ, территории нашей страны вы не услышите и слова на такую тему, хотя американцевъ среди насъ — многія, многія тысячи!.. И за сорокъ два года, сэръ, что я пробылъ аптечаремъ, мнѣ приходилось слышать всякия, въ томъ числѣ и очень вздорные, мнѣнія, но, признаюсь, о возможности подобного слиянія—никогда не слыхалъ. Но не слишкомъ ли я рѣзко выражаясь, сэръ?

— Нѣть, нѣть: вы чрезвычайно любезны. Будьте добры, продолжайте въ томъ же духѣ, сэръ!

— О, я очень радъ оправдать ваше вниманіе, сэръ. Да... подобныхъ мнѣній не слыхалъ... И замѣтьте: это не теперь только, когда населеніе нашей страны настолько умножилось,—Канада стала такъ оберегать свою самостоятельность.. Исторія блистательно опровергла бы подобное предположеніе, если бы оно у кого-либо возникло: въ четырехъ миляхъ отсюда, вглубь страны, и доселъ при полевыхъ работахъ находятъ обломки оружія, ядра, человѣческія кости: восемьдесят пять лѣтъ тому назадъ тамъ происходило кровопролитное сраженіе, доказавшее, что наша Канада умѣеть постоять за честь великой населяющей ее націи. Въ этомъ сраженіи нашили себѣ безславную смерть десятки ирландцевъ, вздумавшихъ вторгнуться сюда изъ Пенсильваніи, чтобы—безумцы!—поднять среди насъ инсуррекцію!.. Хе-хе-хе-хе!

Этотъ недобрый, мстительный по отношению къ далекому прошлому смѣхъ былъ такъ непріятенъ на сморщившемся, какъ печеное яблоко, лицѣ старика, что я не смогъ откликнуться на него, даже изъ деликатности. Мистеръ Фрайеръ, кажется, это замѣтилъ: взъѣхавши на лобъ очки были немедленно водворены на прежнее мѣсто, морщины нѣсколько разгладились, и черные, быстрые глаза снова вынырнули изъ щелокъ. Онъ продолжалъ:

— Что же, что оставалось дѣлать передъ нашествіемъ?.. Жители отступили, но, какъ только тѣ молодцы сунулись внутрь страны,—наши окружили ихъ и ударили такъ, что немногіе ушли обратно!.. Теперь, вѣтъ, Штаты куда могущественнѣе, но знаете, если бы кто и теперь вздумалъ повторить подобную попытку, хотя бы ради «сліянія»—миръ увидѣлъ бы точно такие же результаты. Это вѣрно, какъ то, что мы—въ Канадѣ...

Тутъ онъ поднялся, давая тѣмъ знать, что аудіенція кончилась, и пробормоталъ:

— Радъ буду, сэръ, если удовлетворилъ вашу любознательность. Прошу и впредь удостаивать чести... Буду радъ, сэръ..

На этомъ разговорѣ нашъ прекратился; старикъ, все еще бормоча своеобразныя любезности, стала подниматься по лѣстницѣ, вѣроятно, чтобы разогнать митингъ либераль-консерваторовъ, использовавшихъ уже все время, на которое залъ ими былъ занятъ, а я ушелъ къ себѣ записать любезныя сообщенія мистера Фрайера по свѣжей памяти...

Впослѣдствіи я нѣсколько разъ встрѣчалъ столь же рѣшильные національные чувства.

— Намъ не зачѣмъ сливаться съ янки: у насъ еще лучше, чѣмъ у нихъ,—говорили одни.

— У насъ не менѣе свободы, чѣмъ въ Штатахъ,—намъ не зачѣмъ стремиться къ республикѣ!—утверждали другіе.

Вотъ почему для защиты всей этой громадной страны, простирающейся въ длину на 9000 верстъ, Англія оказывается достаточно какихъ-нибудь двухъ пѣхотныхъ полковъ *), да и то расположенныхъ на двухъ противоположныхъ окраинахъ Канады—въ крѣпости Галифаксъ, на полуостровѣ Новая Шотландія, у береговъ Атлантическаго океана, и въ крѣпости Ванкуверъ, на островѣ того же имени, у береговъ Тихаго океана.

Стало быть, англичане вполнѣ и безусловно увѣрены, что свобода ничуть не опасна для внутренняго спокойствія живущаго здоровой культурной жизнью государства и ужъ никоимъ образомъ не противорѣчить чувству естественнаго національнаго патріотизма.

Боже мой, какъ это просто, какъ это старо и какъ все это ясно—намъ, русскимъ, напримѣръ,—еще не понятно!..

VIII.

Пойзонъ-айвори.—Двѣ Сибири.—Слоновокостный ядъ.—„Полушведъ-полупринцъ“.—Странное явленіе.—Жертвы нашего времени.—Бойкотъ.

Маленькое, не выше трехъ-четырехъ вершковъ надъ почвой, съ матовыми темновелеными на тоненкихъ ножкахъ лапчатыми листьями, напоминающими нашъ дикий виноградъ—таково, по внѣшнему виду «пойзонъ-айвори», серьезная угроза здоровью работника, имѣющаго тутъ лѣтомъ дѣло съ цѣлиною.

Въ наукѣ извѣстны растенія, болѣе или менѣе близкое сосѣдство къ которыми уже приносить вредъ здоровью человѣка; извѣ-

*) Если не считать нѣсколькихъ сотъ хайлэндеровъ, несущихъ горнополицейскія обязанности въ западныхъ областяхъ.

стенъ, напр., рядъ первоцвѣтовъ (primulae), прикосновеніе къ которыемъ или, хотя бы, къ предметамъ, бывшимъ нѣкоторое время съ ними въ соприкосновеніи, можетъ причинить человѣку продолжительныя страданія.

Такъ разсказываютъ о случаяхъ, когда прикосновеніе, напримѣръ, къ первоцвѣту Акописа вызывало нестерпимый зудъ, пузыри по всему тѣлу, даже язвы, долго потомъ не заживавшія. Но ядъ растенія «ползень-айвори» (буквально: «ядъ слоновокостный»), по интенсивности дѣйствія и силѣ вызываемаго имъ заболѣванія, превосходить рѣшильно все, что мнѣ приходилось слышать или читать о растеніяхъ этого рода.

Знакомство мое съ этимъ растеніемъ началось при слѣдующихъ памятныхъ для меня обстоятельствахъ.

Приближался «Королевинъ» день, т. е. празднованіе дня рожденія королевы Викторіи, какъ извѣстно, свято-чтившагося англичанами «всюду, гдѣ только слышится англійская рѣчь». Въ Риджуэйѣ день этотъ имѣлъ ознаменоваться «грандіозными и разнообразными» скачками, для которыхъ теперь значительно расширили и приводили въ порядокъ полузарапущенный мѣстный гипподромъ. Для этого приглашены были частью и наши рабочіе, отдававшіе патріотическому дѣлу часа по два, по окончаніи обычныхъ дневныхъ работъ на дорогѣ. Разговоры всюду, а стало быть, и среди рабочихъ, естественно вращались около событий «славнаго царствованія». При этомъ не было недостатка и въ критикѣ, подчасъ довольно злой: Линдсей, напримѣръ, заговорилъ о севастопольской войнѣ (почему-то онъ называлъ: «Севастопуль»), въ которой, по его словамъ, Англія услужливо жертвовала деньгами и людьми, чтобы Наполеонъ могъ сыграть роль повелителя континентальной Европы. Но, какихъ бы фактовъ и съ какой бы рѣзкостью критика эта ни касалась, самая личность Викторіи и ее семья всегда оставались въ сторонѣ отъ всякихъ споровъ и разногласій, не говоря уже о томъ, что ни разу и ни въ комъ изъ нашей компаний не проявилось желаніе зла посудачить на ея счетъ.

И опять, какъ тогда у мистера Тулмана, я слушалъ и дивился: эти, большую частью совсѣмъ не читавшіе газетъ, Дженкінсы и Чепсы оказывались довольно хорошо освѣдомленными въ дѣлахъ метрополіи и въ ея географіи. А вѣдь Канаду отъ острововъ Британіи отдѣляетъ водное пространство въ 5000 верстъ шириной!..

Особенно поразили меня, помнится, толки обѣ англійской политики въ Персіи,—не тѣмъ, чтобы рабочіе знали ее въ деталяхъ: этого не было, — а тѣмъ, что они умѣли оцѣнивать смыслъ ея фактіовъ съ точки зрѣнія интересовъ своей Канады... и почти всегда—довольно правильно. Такимъ образомъ, дѣянія метрополіи, клонившейся, хотя бы косвенно, къ пользѣ колоніи, встрѣчали въ

этой простой средѣ чуткую признательность. Напримѣръ, въ девятыхъ годахъ, вслѣдствіе полнаго неулововъ рыбы у Ньюфаундлендскихъ береговъ, ньюфаундленцы, въ поискахъ заработка, бросились въ нѣкоторые портовые города материка, чѣмъ, разумѣется, сейчасъ же былъ и тамъ понижень уровень заработной платы. Мѣстное населеніе, понятно, заволновалось; но королевскія власти тотчасъ же пришли на помощь: предприняты были крупныя казенныя работы въ крѣпости Галифаксъ, на Лабрадорѣ и на самомъ Нью-Фаундлендѣ, и все тотчасъ же вошло въ свою колею.

— Вотъ потому-то,—пояснилъ разсказывавшій объ этомъ Джаксонъ, обращаясь ко мнѣ,—политика правительства ея величества и встрѣчаетъ среди всѣхъ говорящихъ на англійскомъ языкѣ, безъ различія странъ и партій, такое сочувствіе!..

Въ этой тирадѣ, конечно, было не мало патріотическаго преувеличенія, но и самая возможность ея говорила теперь въ пользу дѣйствительнаго вліянія метрополіи...

Я молча рѣль заступомъ землю, слушалъ эти рѣчи и вспоминалъ нашу Россійскую Канаду—неисчерпаемо богатую естественными ресурсами Сибирь. Вѣдь Сибирь находится въ напемъ обладаніи не менѣе времени, чѣмъ Канада у англичанъ,—но какая невыразимая, грандіозная разница въ уровнѣ культуры ея населенія!..

Вспомнилось мнѣ, напримѣръ, какъ однажды—это было въ 80-хъ годахъ—въ сибирскомъ городѣ, болѣе столѣтія состоявшемъ въ рангѣ губернскаго, зимнимъ вечеркомъ я разсказывалъ своимъ квартирнымъ сожителямъ—сибирякамъ объ устройствѣ городовъ въ Европейской Россіи: о мостовыхъ, объ освѣщеніи улицъ газомъ, проведенномъ для этой цѣли по всему городу изъ завода по трубамъ и т. д.

Молча слушавшій все это братъ моей квартирной хозяйки, бывшій купецъ и золотопромышленникъ, пренебрежительно фыркнувъ, сказалъ:

— Эв-ва, хлопуша *): духъ по ему, однако, горитъ!.. Кака-така хитрося, паря?.. Тамъ бы ты и сидѣль, коли этака тамъ благодать-то!..

И нужно было видѣть эту горделивую фигуру умнаго человѣка, отказывающагося вѣрить вздорнымъ рассказамъ, когда, иронически кивнувъ въ мою сторону, онъ добавилъ:

— Про машину, что по желѣзу бѣгать—это, подлинно, слыхивали, а ужъ про горючій духъ-отъ — оста-а-вь, сдѣтай милости!..

Бѣднага, какъ чему-то сказочному, отказывался вѣрить реальности даже той убогой вѣнчаной культуры, какою въ 70—80-хъ годахъ пользовались у насъ нѣкоторые—увы, далего не всѣ—губернскіе города!..

*) Хвастунъ.

И воть теперь, для живой параллели, судѣй угодно было свести меня съ сибиряками Западнаго полушарія...

«Да!—думалось мнѣ:—«своекорыстные, алчные» англичане сдѣлали побольше для своихъ колоній, чѣмъ наши прекраснодушные, благочестивые управители для нашихъ, россійскихъ».

И выбросивъ заступъ изъ только что оконченной ямы, я оперся обѣими руками о бортъ, готовясь выбраться на поверхность.

— Пойзонъ-айвори!.. Пойзонъ-айвори!.. Воть, возлѣ вашей лѣвой руки!..—торопливо вскричалъ по моему адресу Робертъ Нильсонъ, работавшій рядомъ.

Я оглянулся: въ указанномъ мѣстѣ чуть выглядывали изъ травы пять-шесть бороздчатыхъ листочекъ, точно старавшихся укрыться отъ взоровъ.

Наканунѣ мнѣ мистеръ Струу говорилъ, что въ лугахъ близъ Риджуэйя попадаются очень ядовитыя растенія, но какія именно, въ какомъ именно смыслѣ и мѣрѣ—этого я еще не зналъ. Машинально протянувъ было я къ кустику руку...

— Не прикасайтесь же, не прикасайтесь! — тотчасъ вскричалъ Нильсонъ:—отравляется!.. Тутъ и еще, вѣрно найдется...

Ударомъ заступа Робертъ разомъ срѣззalъ кустъ и отбросилъ его далеко въ сторону отъ линіи.

— Такъ ему, такъ!—напутствовалъ экзекуцію угрюмый Дженинсъ, словно бы дѣло шло о ядовитомъ животномъ.—Такъ ему!.. Дьяволовъ хвостъ: погладь его—дня три-четыре не будешь знать, куда твоя голова подѣвалась!..

Рабочіе изъ ближнихъ ямъ глядѣли на эту сцену также не безъ тревоги.

— Будьте осторожны!—крикнулъ мнѣ Джоу.—Въ такихъ, вѣтъ, влажныхъ мѣстахъ оно обыкновенно и водится... Не полагайтесь на зрѣніе: прежде, чѣмъ начать новую яму, удаляйте кругомъ дернъ... Непремѣнно!..

Вскорѣ все успокоилось: рабочіе снова принялись за рытье и политику, я слушалъ и проводилъ параллели... Вдругъ сдержанній окрикъ заставилъ меня обернуться: неподалеку стоять Нильсонъ, блѣдный отъ досады, усердно обтирая мокрою глиной ладонь. У борта его ямы, дрожа, точно живые, шевелились листочки недавно срубленного имъ кустика: порывомъ вѣтра растеніе принесло обратно, уже прямо къ Роберту, какъ будто для того, чтобы оно смогло ему отомстить.

На слѣдующій день меня и еще двухъ рабочихъ командировали съ утра далеко въ поле разбирать стоявшую на пути линіи изгородь, и только на четвертый день снова присоединили къ партії. Тутъ я узналъ, что Робертъ все это время не являлся и что одновременно съ нимъ исчезъ куда-то и шведъ Холмсенъ, одно

уже могучее тѣлосложеніе котораго, казалось, исключало возможнѣсть внезапнаго заболѣванія. Рѣшили, что шведъ куда-нибудь экстренно выѣхалъ, хотя Линдсей увѣрялъ, что еще вчера видѣть жокейскую шапку Холмсена у фермы молодой вдовы Ландри, куда, сколько ему самому извѣстно, ни одинъ предприниматель еще не проводилъ желѣзную дорогу...

На томъ, посмѣявшись, всѣ и успокоились, тѣмъ болѣе, что къ отсутствію шведа и контора оставалась безразличной. Участъ же «тихаго Роберта», какъ его называли, въ отличіе отъ крикли-ваго говоруна, Роберта Олларта, продолжала меня интересовать: парень проживалъ со старухой-матерью гдѣ-то на противоположномъ краю города, и я зналъ, что извѣза отдаленности мѣста никто въ партіи и не подумаетъ пойти наѣстить больного. Наскоро по-ужинавъ, я въ тотъ же вечеръ къ нему и направился.

На стукъ въ широкія, низенькия ворота, совсѣмъ какъ наши южно-русскія, деревенскія, вслѣдъ за осипшій, должно быть, отъ дряхлости, собаченкой, послышались осторожно-бережные шаги, и на порогѣ односторончатой не крашеной двери, выходившей на открытое, безъ всякаго наѣса, крылечко, показалась широкоплечая фигура... нашего шведа.

Онъ не далъ мнѣ и рта разинуть:

— Уходите! — проговорилъ онъ, вмѣсто привѣтствія, — уходите: только что уснулъ!..

Изъ коттеджа донесся скрипъ и кашель.

— Кто тамъ? — послышался слабый, сдавленный голосъ. — Войдите... пожалуйста! войдите!

Подъ укоризненное бормотаніе шведа, ворчавшаго что-то «о любопытствѣ», я направился чрезъ темныя сѣни на желтоватую полоску свѣта изъ комнаты влѣво.

Вошелъ — и не повѣрилъ глазамъ...

Вмѣсто стройнаго двадцати-трехлѣтняго юноши съ мягкими, дѣтски-кроткими чертами смуглаго, овального лица, на которомъ, при улыбкѣ, такъ весело играли всегда двѣ круглые ямочки, передо мною было какое-то чудище... Одутловатое, восковое лицо съ узенькими щелками глазъ, казавшихся совсѣмъ черными отъ рѣзко расширенныхъ зрачковъ; безформенный, неподвижный корпусъ; безобразныя, толстыя ноги... въ особенности, эти слоновыя ноги! У щеколотки онѣ были около полуаршина въ обхватѣ, а колѣни напоминали обрубки. Синевато-багровыя разлитыя пятна, въ мелкую горошину величиной, мѣстами пестрили дряблую, желтоватую кожу.

Больному трудно было говорить и въ то же время болѣзненное возбужденіе, видимо, вызывало въ немъ говорливость. Самая рѣчь, прерывистая, скачущая, съ пропусками словъ, производила также впечатлѣніе, усугублявшееся надменно брюзгливымъ выраженіемъ лица, не оставлявшимъ его даже тогда, когда съ этихъ

опухшихъ, горделиво выпяченныхъ губъ срывались слова пріязни.

Подбадриваемый краснорѣчивыми взглядами шведа, я хотѣлъ было тотчасъ же ретироваться, но Робертъ объявилъ, что такъ скоро меня не отпустить, что я долженъ знать, съ какимъ онъ тутъ извергомъ имѣлъ дѣло всѣ эти дни...

— Знаете... двое сутокъ... пеленаль... — жаловался Робертъ, — говорить: надо облегчить почки... А какіе... когда голова чуть... Это—извергъ, Эндрю!—заключилъ онъ, и въ этомъ «извергъ» слышалась признательность къ неуклюжему человѣку, не оставлявшему бѣднягу одинокимъ съ первого же дня его болѣзни: какъ разъ наканунѣ ея миссисъ Нильсонъ была телеграммой вызвана къ брату, въ Сентъ-Катринъ, и могла оттуда вернуться только черезъ недѣлю.

Помощь Холмсена была здѣсь тѣмъ необходима, что послѣ жара, порой доходившаго до бреда, у больного обнаружилась странная слабость тактильныхъ ощущеній. Когда, напр., онъ пробовалъ подняться съ постели, ему казалось, что между поломъ и подошвами ногъ—колеблющаяся, зыбкая подушка; когда, испивъ, онъ опускалъ питье на столъ, ему надо было каждый разъ стукнуть стаканомъ о крышку, чтобы убѣдиться, что тотъ поставленъ уже на мѣсто. и т. д.

Комната, гдѣ лежалъ Робертъ, обставлена со всею убогостью жилья бѣдняка-новосела—ни гардинъ, ни ковра, ни качалки, составляющихъ тутъ принадлежность комфорта даже въ жилищѣ рабочаго,—также врядъ ли могла способствовать подъему самочувствія. Досчатыя, растрескавшіяся стѣны эти, даже днемъ подернутыя сѣтью скучныхъ, непривѣтливыхъ тѣней, должны были мучительно угнетать воображеніе, особенно въ тяжкія, долгія, бессонные ночи. А по словамъ Роберта, двое сутокъ его почти непрерывно мучило какое-то особенное, кошмарно-дремотное состояніе, не позволявшее ни хорошо различать окружающее, ни забыться...

Маленькое ползучее растеніе оказывало столъ могучее вліяніе на психику человѣка!... Оно сказалось еще и съ другой стороны: спокойный, ровный характеромъ въ здоровомъ состояніи, Робертъ сдѣлался очень боязливымъ и мнительнымъ во время болѣзни. Такъ, когда я, распростившись, пожелалъ ему поскорѣе выздоровѣть и шутливо спросилъ:

— Когда же на работу, Робертъ, а? — онъ перевелъ съ меня на шведа тревожный взглядъ, снова перевелъ его на меня, снова на шведа и проговорилъ нерѣшительно, очевидно заподозривъ намекъ:

— Я думаю, Эндрю... Скажите, пожалуйста, мистеру Фоулэру... пусть перепишутъ на Фреда (Холмсена)... моихъ шесть подемпинъ!..

Шведу это не понравилось:

— Э, Боби! — сказал онъ, направляясь къ выходу изъ комнаты, — надо было заранѣе со мной сторговаться: можетъ, я на этихъ условіяхъ еще не нанялся бы!..

— Фреди! — капризнымъ тономъ позвалъ его Робертъ. — Фреди!.. — Я очень хотѣлъ бы хорошенько... соснуть!

Тотъ обернулся, сурово кивнулъ мнѣ на двери, потомъ бережно поднялъ больного съ качалки и принялъся укладывать въ постель съ тщательной заботливостью матери, ухаживающей за хворымъ ребенкомъ.

Въ юго-восточномъ углу Риджуэйя, невдалекѣ отъ желѣзнодорожной станціи, оказался кварталъ, который, съ нѣкоторой настѣжкой, могъ бы дать иллюзію окраины фабричнаго города: рядъ закопченныхъ зданій съ высокими, черными трубами, отсутствіе признаковъ уютности и комфорта въ немногихъ выходящихъ сюда окнахъ и т. д.

Но улица сильно заросла травой и казалась еще тише, чѣмъ прочіе стогны тихаго городка: одинъ изъ находившихся тутъ заводовъ — пивоваренный — не работалъ лѣтомъ, два другихъ — мыло-вареный и уксусный — были перемѣщены въ соседній Колборнъ еще тогда, когда чрезъ него прошелъ судоходный каналъ, соединящій теперь, въ обходъ Ниагары, озеро Ири съ Онтаріо.

Насупротивъ чуть уже покосившихся зданій примолклихъ заводовъ протянулись угрюмые корпуса полузаброшенной фермы, владѣлица которой, проживавшія теперь гдѣ-то въ провинціи Виннипегъ, распродала по частямъ почти всѣ принадлежавшія фермѣ земли, а прочее сдала въ пользованіе своей дальней родственницѣ, кулинарной знаменитости Риджуэйя, красноволосой миссисъ Ноккеръ.

Тутъ-то, въ наскоро реставрированномъ покоѣ при одномъ изъ амбаровъ, съ самаго своего появленія въ Риджуэйѣ, т. е. мѣсяцѣвъ шесть назадъ, и поселился нашъ шведъ, на которомъ намъ придется теперь остановиться нѣсколько долѣ.

Жилъ онъ совсѣмъ укромно и тихо, самъ себѣ стряпалъ на приткнувшемся въ углу его комнаты очагѣ, самъ себѣ стиралъ, чинилъ бѣлье и обувь. Людей онъ не чуждался, но и не искалъ ихъ общества и знакомства, держась въ сторонѣ, пока на нихъ не наталкивали обстоятельства. Такъ, у Роберта онъ не былъ ни разу до самой его болѣзни; со своей очень словоохотливой ленд-лэди за всѣ эти шесть мѣсяцевъ онъ также не говорилъ, въ общей сложности, и четверти часа (миссисъ Ноккеръ увѣряла, что въ его лексиконѣ имѣются лишь слова, относящіяся до работы); но, какъ только открылась весна и явилась возможность работать въ полѣ, онъ испросилъ у «миссисъ» позволеніе «покопаться» въ огородѣ, утверждая, что это въ высшей степени необходимо для его

здравья. Сообразительная женщина, разумеется, охотно воспользовалась даровыми трудомъ, и шведъ въ пухъ перекопалъ малый клоочекъ, еще остававшійся при фермѣ, и тщательно засѣялъ его откуда-то выписанными отборными сѣменами. Онъ и теперь еще ежедневно, послѣ работы на линіи, копался тутъ до поздней ночи, и, надо полагать, услуги его имѣли свою, очень реальную, цѣнность, если овощи «красноволосой вдовы» могли такъ быстро вытѣснить всѣхъ своихъ соперниковъ изъ кухонь Кристъ-Бича и его окрестностей, а чопорная миссис Барвикъ, жена новаго пастора въ Уиландѣ, дважды заѣзжала къ миссис Ноккеръ просить сѣяній ея несравненной цѣнной капусты и меленъкаго, звѣздчатаго, ранняго салата. Но въ особенности прославился огородъ въ это лѣто ботвой ревеня, великолѣпной ботвой, которую тутъ можно было имѣть вплоть до самаго сентября и изъ которой выходило такое чудесное, душистое варенье—тонкій фаршъ для восхитительныхъ именинныхъ пироговъ, составлявшихъ вѣнецъ кулинарной славы миссис Ноккеръ, получавшей изъ-за нихъ выгодныя предложения на гастроли къ дачникамъ побережья въ торжественные для послѣднихъ дни.

Шведъ и виду не подавалъ, что считаетъ себя причиной этихъ успѣховъ, и только по тому, съ какимъ спокойно-торжественнымъ видомъ расхаживалъ онъ межъ грядъ огорода въ воскресные дни, можно было заключить, что онъ признаетъ свое присутствіе здѣсь не излишнимъ.

Такъ, понемногу, онъ и совсѣмъ обжился въ Риджуэйтѣ; поговаривали даже, что шведъ уже хлопоталъ о мѣстѣ кочегара на пивоваренномъ заводѣ, очевидно, рѣшивъ оставаться тутъ на зиму. Съ своей стороны, попривыкли къ молчаливому человѣку съ неподвижнымъ, скучающимъ сѣрымъ лицомъ и окружающіе; даже дѣти, всегда инстинктивно чуждающіяся людей замкнутыхъ, не сообщительныхъ, перестали его дичиться, а толстый, красный, какъ мѣдь, шестилѣтній карапузъ Фрэнки, младшій изъ четырехъ погодковъ вдовы, сталъ выбѣгать навстрѣчу возвращающемуся съ работы шведу. Колоссъ на ходу подхватывалъ ребенка, какъ перышко, сажалъ его къ себѣ на плечо и, все такой же серьезный и молчаливый, шествовалъ съ нимъ на ферму.

И, обыкновенно шумливый, говорливый мальчишка теперь, точно поговору, неподвижно, молча, сидѣлъ на плечѣ, донельзя довольный своимъ высокимъ положеніемъ, и тихо пухлой, мягкой рученкой перебиралъ рѣдкіе и жесткіе, какъ пенька, бурожелтые волосы шведа.

Въ партии рабочихъ, какъ и среди сосѣдей, Холмсентъ былъ изъ тѣхъ, о которыхъ говорять, что ихъ не видно и не слышно, и я, напр., долгое время не зналъ его имени, хотя, тренируя себя трудностями рабочей карьеры, не разъ сталкивался съ его оригинальнымъ соперничествомъ въ этомъ направленіи; онъ всегда вы-

биралъ себѣ работу, не считаясь съ ея трудностями, и въ этомъ отношеніи шелъ дальше меня. Такъ, случалось, отработавъ свою порцію, онъ, вмѣсто того, чтобы поджидать, пока его догонятъ товарищи, принимался, пренебрегая отдыхомъ, за ихъ долю.

Однажды, напр., поставили насъ «бить» въ чрезвычайно твердомъ грунѣ укатанной проѣзжей дороги «дудки»—круглые трубовидныя ямы, футовъ 10—12 глубиной, при 3—3½ футахъ въ діаметрѣ. Стояла та особенная нестерпимая духота пасмурнаго вечера конца юля, какой, кажется, не встрѣтишь нигдѣ, кромѣ средней Канады: высоко вверху—мглистый, неподвижно налегший туманъ; внизу, надъ поверхностью земли, какъ-то самъ собой, при полномъ безвѣтріи, стелется слой фуга въ 2 толщины влажнаго, плотнаго и въ то же время перегрѣтаго воздуха; онъ, какъ тягучая жидкость, вливается въ яму и обдаѣтъ работающаго въ ней, точно варомъ. Отъ получасовой работы въ подобной атмосфѣрѣ уже бѣть кровь въ голову, трудно дышать, какъ въ жарко натопленной банѣ.

Въ сказанный вечеръ было въ особенности душно, и рабочіе, одинъ за другимъ, то и дѣло вылѣзали на поверхность «подышать»: не соблюдавшему этой предосторожности вскорѣ приходилось плохо,—Бишопа, напр., именно сегодня ни съ того, ни съ сего вздумавшаго проявить особое рвение къ работѣ, сосѣди вытащили изъ ямы въ полуобморокѣ; почти то же повторилось съ Каски, Ринксомъ и Оллартомъ; ямы за нихъ докончили шведъ...

Первое время рабочіе были видимо призательны за подобное, истинно товарищеское отношеніе къ болѣе слабымъ; потомъ привыкли, потомъ услуги эти стали принимать, какъ нѣчто уже должное, а когда подмѣтили въ дѣйствіяхъ чужеземца что-то, напоминавшее аскетическую ревность, самоотверженіе, — то стали посмѣиваться.

Мало-по-малу надъ чудакомъ стали играть и шутки; потомъ посыпались надъ нимъ насмѣшки, даже мелкія издѣвки,—чтобы посмотреть, что скажетъ этотъ колосъ, обладавшій, казалось, неистощимымъ терпѣніемъ и незлобивостью.

Шутки становились все злѣ: товарищи притупляли его инструментъ, портили не доконченную имъ наканунѣ яму; какъ-то разъ въ его котелокъ съ обѣдомъ впустили керосину, потомъ кто-то ночью, очевидно, изъ противолежащаго пивного завода, забросалъ черезъ заборъ камнями его любимую грядку на огородѣ...

Наконецъ, разыгралась сцена, бросившая совсѣмъ новый, неожиданный свѣтъ на слагавшіяся вокругъ отношенія.

Было прекрасное солнечное утро одного изъ понедѣльниковъ. Хорошо отдохнувъ наканунѣ, я раньше обыкновеннаго вышелъ на работу и по пути взобрался на гребень. Передо мной, какъ на ладони, была широкая панорама купавшагося въ голубовато-золотистыхъ утреннихъ лучахъ городка съ зеленѣющими окрест-

ностями, прорезанными безконечной перспективой проездов дороги на Уиландъ и Стонбриджъ. Вправо отъ меня и насупротивъ ширилась открытая поляна, по окраинѣ которой, вдоль гребня, змѣилась, часто забѣгая въ кусты, протоптанная рабочими тропинка, у первого же отвала круто, вдругъ, сворачивавшая въ выемку. Влѣво, также вдоль гребня, протянулись раздѣленные кустарниковой зарослью отвалы.

Оглянувшись поляну—не идетъ ли уже кто изъ товарищѣй — я обернулся въ сторону проездовъ дороги и тутъ, случайно, взглянувшись, упалъ на фигуру человѣка, въ явно выжидательной позѣ притаившагося за кустомъ. Это былъ Бишопъ.

«Чего это онъ, въ засадѣ, чтоли?» — со смутной тревогой мелькнуло у меня. Но прежде, чѣмъ я хорошенько догадался его окликнуть, на поворотѣ тропинки показалась характерная фигура: шведъ медленно, съ заложенными за спину руками и опущенной головой, брелъ на работу.

И вотъ, въ моментѣ, когда онъ повернулся къ отвалу спиной, отсюда, хрипло шурша, полетѣлъ въ него увѣсистый камень...

Я явственно видѣлъ напряженное, почти перекошенное злобной рѣшимостью веснушчатое лицо Бишопа; я видѣлъ, какъ, зловѣще размахнувшись, рука его описала кругъ и камень, точно изъ пращи, стремительно пролетѣлъ надъ головой человѣка и ударился съ глухимъ стукомъ въ груду щебня повади... И все жъ мнѣ хотѣлось, мучительно хотѣлось думать, что это шутка, — злая, грубая, но шутка; что колоссъ вотъ-вотъ обернется и, укоризненно покачавъ головой, погрозитъ пальцемъ. Но шведъ все тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ, все такъ же, не поднимая головы и въ тактъ ходьбы поводя выдавшимися впередъ плечами, прошелъ въ трапезную. Бишопъ выждалъ, пока тотъ скрылся, и только тогда покинулъ засаду...

Недалеко отъ мѣста работъ, у помянутаго хмураго сада, встрѣтилъ я мистера Фоулера и узналъ отъ формана, что я на цѣлую недѣлю отряжаюсь выгружать прибывшіе для компаний по желѣзной дорогѣ материалы...

Работа оказалась очень тяжелой: вчетверомъ, напр., мы должны были — и не крючьями, а голыми руками — перегружать изъ вагоновъ на подводы двѣнадцатипудовые рельсы или, напр., съ платформъ, поодиночкѣ, спускать — сначала себѣ на колѣни, а потомъ уже на земль — боченки съ цементомъ. Къ вечеру чувствовалось теперь такое утомленіе, что хотѣлось одного — заснуть...

Утомленіе вскорѣ смягчило остроту только что пережитыхъ горькихъ впечатлѣній; я начиналъ думать, что, сгоряча, таки преувеличилъ трагичность положенія. Какъ вдругъ узнаю: наканунѣ во время обѣднаго перерыва, шведъ, задержавшійся въ ямѣ,

чтобы ее закончить, былъ серьезно ушибленъ въ плечо и голову двумя камнями, брошенными изъ-за штабеля досокъ...

Вечеромъ того же дня я былъ у Джоу.

Противъ обыкновенія, онъ былъ очень не разговорчивъ и видимо тяготился бесѣдой.

— Чего вы хотите? — спросилъ онъ сухо, когда я рассказалъ ему сцену у отвала.— Я не властенъ надъ товарищами... Сегодня предотвратилъ бѣду, за завтра не ручаюсь...

— Что же вы предотвратили, Джоу?

— Что?.. кровопролитіе!.. Не притворяйтесь незнающимъ...

— Какъ, Джоу, дошло даже до этого?..

Онъ удивленно сжалъ губы и передернулъ плечами.

— Значить и вправду не знаете... — сказалъ онъ кисло.— Ну, да: кровопролитіе!.. Шведъ, какъ бѣшеный, ринулся на Бишона, показавшагося изъ-за штабеля, а у того въ карманѣ былъ револьверъ... Понимаете: наготовѣ!..

— Джоу!.. вѣдь это необходимо остановить! — воскликнулъ я въ ужасѣ, — вѣдь это же изувѣрство!.. Кому, въ самомъ дѣлѣ, этотъ шведъ причинилъ какое-нибудь зло?..

— Э, дѣло, Эндрю, не въ этомъ... Знаете: шведъ — совсѣмъ не шведъ, даже не знаетъ по-шведски ни слова!.. Это все же странно!

— Ну, такъ что же?.. Кому до этого дѣло?

— А хотя бы тѣмъ, кто теперь сводить съ нимъ счеты, — отвѣтилъ Джоу, ударяя на словѣ «тѣмъ».

— У кого же въ Риджуэйѣ могутъ быть счеты съ этимъ пустынникомъ? — не переставая я изумляться.

— Это не мой секретъ, Эндрю...

— А!.. Стало быть, предъ нами — бойкотъ, — догадался я. — Бойкотъ неизвѣстнаго происхожденія и Джоу принимаетъ въ немъ участіе, не зная даже, за что человѣка гонять?..

— Я не говорилъ, что ничего не знаю... А за подробностями подѣхалъ въ Бофло delegatъ...

— Кто?

— Линдсей...

— Нашли кого послать: кто не знаетъ его антипатію къ Холмсона?.. Что же шведъ сдѣлалъ дурного, наконецъ?

— Не знаю, не знаю. Оставимте это, Эндрю!

— Но какъ же такъ, Джоу? Вѣдь это — неправосудно? Вѣдь это — Турція?! Наконецъ, я не могу понять, что могло въстъ лично Джоу, такъ враждебно настроить противъ него?

— Слушайте, Эндрю! — воскликнулъ Джоу нетерпѣливо: — Другому я сказалъ бы: не ваше дѣло!.. Вамъ же говорю: вы слишкомъ близко принимаете всю эту исторію къ сердцу... Довольно съ вѣсъ?..

Я молча укоризненно поглядѣлъ на него. Онъ отвернулся и зашагалъ по комнатѣ...

— Эндрю, вы не въ правѣ претендовать на меня! — проговорилъ онъ вызывающе, вновь останавливаясь передо мной. — Я не давалъ вамъ такого права!

— Джоу, вы грубы, потому что не правы! — сказалъ я рѣшительно. — Вы достаточно умны, чтобы сознавать это: я беспокойлю вашу совѣсть!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ и снова подошелъ ко мнѣ, замедляя шаги и складывая на груди руки.

— Ну, хорошо, — проговорилъ онъ, смягчаясь, — чего же вы отъ меня хотите?.. Признаться вамъ, что самъ я ничего не имѣю противъ шведа или какъ его тамъ?.. Что въ бойкотѣ не принимаю личнаго участія?.. Ну, довольно съ васъ?.. Не спрашивайте же дальше: пусть это — дико, непонятно, — но я ничего больше не стану отвѣтывать, ничего!

Мы разстались. Я направился къ Роберту.

Парень, оправившись отъ болѣни, всего пятый день выходилъ на работу: события должны были поразить его не только неожиданностью, но и несправедливостью слагавшихся отношений.

Къ удивленію, Нильсонъ оказался почти столь же замкнутъ и еще болѣе безучастенъ, чѣмъ Джоу. Къ известному уже мнѣ изъ словъ Джоу онъ теперь добавилъ только, что шведъ кричалъ, вызывалъ выступить противъ него открыто, а самъ такъ дрожалъ, что даже шатался. Но всѣ молчали...

— И вамъ не жаль, Робертъ, человѣка, проявившаго къ вамъ столько пріязни? — спросилъ я.

— Кто же меня, Эндрю, поставилъ тутъ судьею? Мнѣ кажется, ни я, ни вы тутъ не судьи, — замѣтилъ онъ не безъ колкости. — Потомъ развѣ съ нимъ говоришь?.. «Обществу нѣть интереса въ моемъ прошломъ» — вотъ все, чего я отъ него добился... Нѣть, Эндрю, я тутъ ни при чемъ...

Присутствовавшая при этомъ разговорѣ добродушнѣйшая миссис Нильсонъ, по возвращенію отъ брата, разсыпавшаяся въ горячихъ благодарностяхъ шведу за его заботы объ ея сыну, теперь была видимо недовольна самой темой нашей бесѣды.

— Робертъ, другъ мой! — обратилась она къ сыну съ нервно жалобной ноткой въ голосѣ. — Неужто вамъ не о чёмъ больше говорить? Все ссоры да драки — это, наконецъ, очень скучно, фф!..

Неопределенный результатъ получился у меня и отъ посѣщенія Кристѣна Чепса.

— Хорошій то онъ, очень хороший, да чего бы ему тутъ... — проговорилъ, убѣдительно качая головой Чепсъ, по обыкновенію, лаконически и, по обыкновенію же, скжевывая концы фразъ. — Ему бы уѣхать, потому что...

А дородная его половина, имѣвшая отъ первого мужа двѣ,

почти ровесниковъ Чепсу, и все же каждый вечеръ выходившая молодому мужу навстрѣчу, сентиментально вздохнувъ, заключила:

— Забыть нелюдимъ и думать про церковь... Ахъ, не будетъ счастья такому: не想要 знать ни людей, ни Бога! — Гордость, скажу вамъ,—всегда грѣхъ, грѣхъ гажкій, грѣхъ себѧлюбца...

И она вздохнула еще разъ, теперь уже сокрушенno.

Я вернулся къ себѣ, чувствуя себя совсѣмъ въ потемкахъ, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ этого слова: предо мной, по всѣмъ видимостямъ, разыгрывался финаль какой-то странной исторіи, завязавшейся гдѣ-то очень далеко, по ту сторону океана и, по развѣтленіямъ какой-то могучей организаціи, нашедшій себѣ отраженіе въ тихомъ Риджуэйѣ. Но въ чёмъ именно состояла эта исторія, если, судя по отношенію къ ней Джоу, она не имѣла подъ собой общественной подкладки?.. Я терялся въ догадкахъ, и тѣмъ тѣжелѣ было сознавать, что и здѣсь, среди свободной культуры и человѣчныхъ отношеній, мыслимы такія совсѣмъ не мотивированныя гоненія.

Но шведъ или, какъ его теперь открыто называлъ Линдсей, «полушведъ-полупринцъ», должно быть, лучше понималъ положеніе: недѣлю спустя, оставивъ на квартирѣ нѣсколько полуистрепанныхъ книжекъ да подушку и ни съ кѣмъ, кроме менѣшого сынишки миссисъ Никкеръ, не распростившись, онъ внезапно исчезъ изъ Риджуэя. Не знали даже, въ какую сторону онъ уѣхалъ.

IX.

Мои сборы. — Великій Канадскій путь и рациональные факторы колонизаціи.—Земельное устройство западной Канады; тауншипы. — Путь и способы устроиться.—Организація мелкаго сельскохозяйственного кредита.—Портъ-Колборнъ; все вверхъ дномъ! — На обратномъ пути.—Исторический городъ.—Великая хартія.—На волю. Заключеніе.

“Лѣто подходило къ концу...

Солнечный, жизнерадостный утра стали смытьяться тусклыми, сѣрыми, туманными, оставлявшими по себѣ сиротливое настроеніе и въ полдень, когда уже проглядывало солнце. Потомъ пошли и сплошь пасмурные дни — по два, по три подъ рядъ — иной разъ вѣтреные, рѣзкохолодные, послѣ которыхъ листва быстро блекла и осыпалась, какъ послѣ мороза, а въ воздухѣ чувствовался густой запахъ размокшой земли. Погода напоминала восточно-сибирскую и обѣщала, кажется, такие же холода впереди.

Подходила къ концу и постройка риджуэйской велосипедной желѣзной дороги, рельсовый трекъ которой, возвышавшійся въ южинахъ футовъ на 25 надъ уровнемъ почвы, былъ уже почти весь готовъ: пробные поѣзда съ рабочими и материаломъ, развивая скорость въ двадцать восемь верстъ въ часъ, пробѣгали до самаго

Кристлъ-Бича, давая возможность бесплатно пользоваться дорогой и кое-кому изъ не особенно щепетильныхъ дачниковъ. Работы по оборудованію станціи въ Риджуэйѣ также были закончены; немногаго оставалось и до завершенія конечной, у берега Ири. Начали полегоньку разсчитывать рабочихъ.

Надо было собираться въ дорогу и мнѣ: какъ я уже говорилъ выше, въ Риджуэйѣ, кромѣ случайной работы по рубкѣ и болѣе дровъ, зимой никакихъ другихъ занятій не достанешь.

Исподоволь все лѣто готовился я къ рѣшенію новой предстоявшей мнѣ задачи—устроиться теперь настолько основательно, чтобы за годъ - полтора выработать средства для начатія самостоятельной карьеры земледѣльца. Съ этой цѣлью, чрезъ посредство мистера Струу, я обзавелся надежной рекомендаціей къ старшему мастеру одной изъ крупныхъ паровыхъ мебельныхъ фабрикъ въ Торонто, обеспечивавшей мнѣ поденный заработокъ, по началу, въ $1\frac{1}{2}$ доллара, до 2-хъ впослѣдствіи. Кромѣ того, въ запасѣ у меня было еще письмо къ одному очень зажиточному фермеру, близъ Детройта (Детроа), въ бытность свою въ Риджуэйѣ предлагавшему мнѣ подписать контрактъ: 250 долларовъ, на всемъ готовомъ, за годъ работы на фермѣ. Для начала это было недурно, но можно было ожидать и лучшаго: мистеръ Струу уверялъ, что мистеръ Бигзъ (фермеръ) теперь, когда Клондайкскія золотыя розсыпи отвлекали отъ земледѣлія массу рабочихъ рукъ, охотно дасть мнѣ 300 долларовъ, на тѣхъ же условіяхъ.

Параллельно съ этими хлопотами и заботами, не переставая я знакомиться со страной и, благодаря учителю, мистеру Тулману, у меня къ этому времени накопилось достаточно свѣдѣній, чтобы «безплотная мечта» о поселеніи стала реальнымъ планомъ, позволявшимъ намѣтить уже и ближайшіе шаги къ исполненію. Полагая и то, и другое практически не безынтереснымъ, считаю не лишнимъ тутъ же сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Что прежде всего поразить домогающагося на этомъ пути — это широкая возможность своевременно получать всякія необходимыя переселенцу свѣдѣнія: и департаментъ земледѣлія Канадскаго министерства внутреннихъ дѣлъ (въ Отавѣ), и цѣлый рядъ специальныхъ иммигрантскихъ агентствъ — въ самой Канадѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Европѣ — всегда къ услугамъ публики.

Мало того, если учрежденіе, къ которому вы обратились, не обладаетъ всѣми потребными вамъ свѣдѣніями, оно непремѣнно укажетъ, куда за ними обратиться, а пока — вышлетъ вамъ почтой всѣ имѣющіяся у него соотвѣтственная изданія (шорой почти рускошныя). Между этими изданіями имѣются и на русскомъ языке.

Несомнѣнно, что въ этой предупредительности — одна изъ причинъ быстраго заселенія страны, природныя богатства которой, ст-

проведенiemъ Великаго Тихоокеанскаго пути, стали, наконецъ, доступны и людямъ, съ небольшими денежными средствами, т. е. массѣ, по отношенію къ которой не меньшей готовности усIжить — уже въ своихъ собственныхъ, коммерческихъ интересахъ — отличается и железнодорожная администрація Канады.

Дѣло въ томъ, что проведеніе Тихоокеанской дороги *), двумя третями своего протяженія пролегавшей въ совершенно пустынной, безлюдной мѣстности, оказалось не подъ силу даже правительству этой полуреспубликанской страны: проведя около трети пути въ сравнительно болѣе населенной части края, оно пріостановило работы, за недостаткомъ средствъ. Пока въ министерствѣ обсуждали, какъ быть дальше и гдѣ изыскать источники, на помощь дѣлу явилась частная, коммерческая инициатива: составилось акціонерное общество, взявшее на себя завершеніе предпріятія, но — съ условіемъ: правительство обязалось отчудить обществу известной ширины пологу земли, прилегающей къ дорогѣ, общество же обязалось значительную часть этой земли отводить бесплатно желающимъ на ней поселиться; участки же изъ прочей отчужденной ему земли — за очень умѣренную, точно установленную плату и на льготныхъ для переселенца условіяхъ.

Прибавьте къ этому замѣчательную плодородность почвы (особенно въ Средней Канадѣ), плодородность, признанную даже ревнивыми за этотъ счетъ американцами изъ Штатовъ, прибавьте обилие водъ, лѣсовъ, минеральныхъ богатствъ, дичи, рыбы, прибавьте климатъ — всегда ровный и здоровый, не знающій ни губительныхъ нашихъ засухъ, ни бурь, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, ни наводненій — мудрено ли, что, какъ только слова о новомъ земледѣльческомъ Эльдорадо разлетѣлись по свѣту, сюда бросились сотни тысячъ эмигрантовъ, и въ настоящее время не только полоса, принадлежащая Обществу, но и вся прилегающая къ ней территорія, на десятки миль въ обѣ стороны, сплошь занята сопшедшими сюда со всѣхъ концовъ свѣта, даже изъ Соединенныхъ Штатовъ новоселами. Спросить: въ чёмъ же именно выразилась польза отъ колонизаціи собственно для Общества дороги, если значительная часть его земель отошла отъ него даромъ, а другая — почти даромъ?

А вотъ въ чёмъ: проложенная въ 80-хъ годахъ въ совершенно пустынной мѣстности, дорога эта дала въ 1902 г. уже 17,193,678 долларовъ чистаго дохода (или 31 миллионъ рублей). Сличите теперь, сколько ежегодно убытку даетъ намъ, русскимъ, ея сверстница, дорога Закаспійская, совершенно безразличная къ вопросу

*) Главная линія, отъ Монреаля до Ванкувера — 2906 миль или 3650 верстъ; все протяженіе — 8646 миль или 10800 верстъ; ежегодно строятся все новые и новые вѣти.

самъ колонизаці... Очевидно, доходность Канадской дороги обусловлена именно успѣшной иммиграціей.

Канадская Тихоокеанская желѣзная дорога, такимъ образомъ, приблизила къ трудящемуся человѣчеству пространства земли, на которыхъ могли бы свободно помѣститься нѣсколько современныхъ европейскихъ государствъ средней руки. Такое изобиліе, однако же, не сдѣлало канадцевъ неразсчетливыми хозяевами, не позволило имъ отнести беззаботно и безразлично къ способамъ и порядку заселенія ихъ страны. И потому вся эта необъятная площадь степей, луговъ, лѣсовъ, весь этотъ лабиринтъ величественныхъ горъ, съ ихъ зеленѣющими долинами, уже прекрасно изучены, какъ въ почвенномъ и климатологическомъ отношеніи, тѣкъ и со стороны естественныхъ ресурсовъ для насажденія обрабатывающей промышленности, — и тщательно нанесены на карты, съ подробностями, возбуждающими невольное удивленіе. Это и позволяетъ правительству разумно руководить разселеніемъ все прибывающихъ и прибывающихъ массъ иммигрантовъ, имѣющихъ теперь возможность сознательно выбирать мѣстность, соотвѣтствующую ихъ цѣлямъ и намѣреніямъ; съ другой стороны, благодаря обстоятельнымъ (снабженнымъ часто фотографическими снимками) статистико-топографическимъ описаніямъ областей, все болѣе ширится и заочное знакомство съ этой благодатной страной, позволяющее иммигрантамъ направляться сюда, заранѣе организовавшись многочисленными группами, какъ, напр., сдѣлали это и наши духоборы.

Крайне своеобразенъ видъ административной карты средней и Западной Канады... Къ западу отъ озера Виннипегъ до Тихого океана, это—сплошная сѣть правильныхъ квадратовъ равной величины, прерывающихся только мохнатыми полосами горъ да ажурными пятнами озеръ. Линіи этихъ квадратовъ—не символическое только: онѣ проложены на поверхности самой страны, въ дѣйствительности. Тутъ вы не увидите тѣхъ дорогъ, что такъ живописно и, правду сказать, безалаберно выются по нашей южной степи, то идя почти параллельно, на глазахъ другъ у дружки, то перекрешиваясь и расходясь въ разныя стороны, чтобы вскорѣ снова сойтись и снова же отдалиться, безъ видимой надобности—излучившись, напрасно уменьшая тѣмъ площадь посѣва, а у путника отнимая лишнее время. Здѣсь не то: дороги, полосами въ 160 — 180 футовъ шириной, идутъ лишь по меридианамъ и параллелямъ, разграничивая собой большія земельныя клѣтки, состоящія, каждая, изъ 16 равныхъ, занумерованныхъ большихъ квадратовъ, раздѣляющихся, въ свой чередъ, на 4 секціи каждый, по 30 акровъ въ секціи.

Межъ этими секціями, если онѣ принадлежать разнымъ хозяевамъ, разумѣется, проходить свои дороги—проселки, но опять-

таки,—по границѣ секцій, то есть, съ сѣвера на югъ или съ востока на западъ. Нужно ли говорить, какъ много помогаетъ такая распланировка путнику и какъ, вообще, облегчаетъ она сообщеніе?..

Группа изъ 16 упомянутыхъ квадратовъ представляетъ собой въ Канадѣ наименьшую административную единицу—тауншипъ,—нѣчто въ родѣ городского округа. Для общественныхъ надобностей такого тауншипа администрацией бесплатно отводятся два изъ внутреннихъ его квадратовъ наискосокъ—сто двадцать акровъ, въ общей сложности, являющихся несомнѣнно крупнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ содержанія школъ, госпиталей и тому подобныхъ учреждений.

Прочіе квадраты тауншипа предоставляются засельникамъ, причемъ наименьшій размѣръ отвода одному хозяину — одна секція. Въ прежніе годы, еще сравнительно недавніе, казенная земля къ западу отъ озера Виннипегъ отводилась желающимъ совсѣмъ бесплатно. То же дѣлало и Общество дороги со своей землей въ этой мѣстности. Теперь всѣ такія мѣста и здѣсь уже разобраны; бесплатный же отводъ можно получить развѣ въ сѣверныхъ районахъ терроріи Олберты, Соскачевана или Ассинибой и въ мѣстностяхъ, отдѣленныхъ отъ линіи желѣзной дороги. Положеніе подобныхъ засельниковъ, въ смыслѣ удобствъ сообщенія, впрочемъ, также нельзя считать безнадежнымъ: въ практикѣ Общества дороги прочно установился такой обычай: чуть только въ той или другой мѣстности заселится пара-другая тауншиповъ — туда тотчасъ же проводятъ вѣтку. Взгляните на карту: она испещрена цѣлою сѣтью такихъ вѣтокъ, въ общей сложности почти утроившихъ первоначальную длину протяженія Канадской Тихоокеанской желѣзной дороги.

Земля въ Канадѣ отводится засельникамъ или за наличныя—съ платой, въ среднемъ, рублей 12—16 за десятину, или—въ разсрочку. Въ послѣднемъ случаѣ, посельщикъ вносить въ Бюро по отводу земель единовременно отъ четверти до половины всей прилагающейся съ него суммы, а прочее погашается равными взносами въ теченіе десяти лѣтъ, изъ 6% годовыхъ. Отъ него требуется при этомъ лишь одно: въ теченіе года онъ долженъ поставить на свое участкѣ жилище. Вотъ и все.

Этого, скажутъ, еще мало: а какъ же быть дальше? Сколько именно требуется средствъ для веденія хотя бы на одной секціи собственнаго хозяйства? Гдѣ гарантія сбыта продуктовъ для мѣстностей, отдѣленныхъ отъ рельсоваго пути?

Въ отвѣтъ скажу прежде всего, что, кажется, нѣть страны на свѣтѣ, гдѣ бы хлѣборобъ былъ болѣе свободенъ отъ проклятой зависимости отъ рубля, и это подтверждаютъ факты: множество поселенцевъ прибываетъ сюда почти безъ средствъ и все же чреезъ

пять-шесть лѣтъ прекрасно устраиваются, — даже одинокія или обремененныя семьей и лишенныя мужской поддержки женщины.

Мнѣ, напримѣръ, извѣстна такая исторія. Родственница моей риджуэйской хозяйки, миссисъ Маколай, шотландка по рожденію, въ срединѣ 80-хъ годовъ съ двумя дѣтьми и мужемъ сѣдовала въ собственномъ возкѣ къ берегамъ Соскачевана, гдѣ семья намѣревалась «поставить гомстидъ» — поселиться. Въ дорогѣ, верстахъ въ 150 къ сѣверо-западу отъ озера Виннипегъ, мистеръ Маколай внезапно заболѣваетъ и умираетъ, оставивъ жену съ малолѣтними дѣтьми безъ средствъ къ существованію.

Мужественная женщина не растерялась: продавъ на одной изъ ближайшихъ фермъ свой возокъ съ лошадьми, она поступила туда же въ работницы. Года черезъ три, собравъ уже порядочныя сбереженія, она выписала сюда и брата, также вдовца, одинокаго и уже пожилого человѣка, и, годъ спустя, заняла вмѣстѣ съ нимъ секцію, недалеко отъ зачинавшагося тогда города Олберта, а теперь любознательные туристы (изрѣдка залетаютъ сюда и такіе) считаются долгомъ посѣтить образцовую ферму старой шотландки, двое внуковъ которой добрались уже до университетскаго колледжа въ Виннипегѣ.

Вотъ обычный здѣсь способъ устроиться на собственномъ хозяйствѣ всякому, кто, не имѣя достаточно денежныхъ средствъ, привезъ сюда здоровыя рабочія руки да охоту работать.

Лучше всего прибыть въ Канаду ранней весной или къ сентябрю, — легче всего найти ангажементъ. Годъ-два — работникомъ на фермѣ, — выучка, подготовка средствъ; потомъ снимаются секціи въ разсрочку, засѣиваютъ ее, берутъ ссуду подъ посѣвъ, также въ разсрочку, и ставятъ жилье. Реализація продуктовъ первой жатвы обыкновенно оказывается уже достаточной, чтобы прокормиться до новой. Увеличеніе инвентаря и вообще приращеніе средствъ, однако же, начинаютъ лишь съ четвертаго или пятаго года хозяйства; за то оно оказывается уже на прочномъ фундаментѣ.

Опасаться попасть въ кабалу къ ростовщику тутъ также нечего: цѣлая сѣть учрежденій — частныхъ и общественныхъ мелкаго сельско-хозяйственного кредита, при очень невысокомъ процентѣ, избавляетъ васъ отъ необходимости обращаться къ услугамъ заемодавца — спекулянта чужой бѣды. Да врядъ ли и вообще здѣсь можетъ встрѣтиться въ немъ надобность: железнодорожныя землевѣльческія агентства охотно даютъ дѣльному фермеру и зерно, и всякий инвентарь въ долгую разсрочку. Широкая постановка сельско-хозяйственнаго кредита такимъ образомъ, само собой, придаетъ ему мелiorативный характеръ, оставляя въ то же время заемщика совершенно свободнымъ отъ гнета какой-либо вѣшней опеки или формальныхъ обязательствъ отчета, что, въ сущности, отдаетъ пережиткомъ крѣпостной зависимости.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, по содержанію и характеру матеріалъ о сельской Канадѣ, собранный мною въ Риджуэйѣ за лѣто. Руководствуясь имъ и опираясь на упомянутыя выше рекомендаціи—подъ конецъ миссисъ Струу снабдила меня еще письмемъ жъ миссисъ Маколай,—я и счелъ возможнымъ теперь же двинуться дальше. Распростишись съ радушными моими хозяевами, сердечностью своей такъ много облегчавшими мнѣ тоску одиночества, я въ одно теплое, хотя и пасмурное утро сѣлъ въ вагонъ и черезъ Портъ-Колборнъ направился въ Торенто.

Въ Портъ-Колборнѣ ждала меня пересадка: соотвѣтственный поездъ отъ Детройта (Детроа) долженъ былъ прийти сюда часа черезъ два. Въ ожиданіи его, я отправился побродить по Кол-борну.

Чистенький, видимо быстро обстраивающійся — большая часть домовъ его была совсѣмъ новенькая—городокъ этотъ, съ его двумя банками, двумя аптеками, нормальною школой и сдѣланной изъ мелкозернистаго сизаго кварцита набережной канала, проходящаго тутъ изъ озера Ири въ Онтаріо,—производилъ бодрящее впечатлѣніе молодой, но уже уранновѣщенной спокойной дѣятельности. На всемъ чувствовалось умѣніе ровно и неуклонно дѣлать свое простое, будничное дѣло, хорошо взвѣшивъ результаты и не считаясь съ издержками. Такъ, напр., при распланировкѣ, у самой набережной оказались обширныя, еще довольно хорошо сохранившіяся зданія чьей-то фермы; они мѣшиали проѣзду—городокъ, не имѣвшій еще и пяти тысячъ населенія, не поскупился купить ихъ, и теперь шла работа по ихъ разборкѣ. Дальше: съ запада, не успѣли еще окончить тутъ набережную, стали приходить обильные грузы для нового водного пути; не довольствуясь желѣзнодорожной станціей, сейчасъ же по эту сторону канала провели рядъ погрузочныхъ вѣтвей вдоль его западнаго берега, со всѣми необходимыми для перегрузки приспособленіями, хотя для этого опять-таки пришлось скучить и снести нѣсколько зданій, какъ говорять, на очень крупную для такого городка сумму... А торговля Колборна вся еще была впереди только еще ожидалась!..

Интересно было наблюдать и своеобразное размѣщеніе по городу общественныхъ и торговыхъ учрежденій. Такъ, банки и магазины не сгрудились, какъ это непремѣнно было бы у насъ,—на одной блестящей главной улицѣ города, а распредѣлились и близъ желѣзнодорожной станціи, и по ту сторону канала, у строящейся торговой пристани — двухъ источниковъ промышленной дѣятельности города. Въ то же время почтово-телеграфная контора, какъ учрежденіе, потребное не для однихъ коммерсантовъ, а для всего вообще населенія, помѣстилась почти въ его центрѣ,—рядомъ съ домомъ общественныхъ собраній и школой. На большомъ зданіи изъ свѣтло-розового песчаника въ англо-готическомъ стилѣ, надъ высокими стрѣльчатыми входными дверьми красовалась надпись

«Post Office»—почтовая контора. А по бокамъ, буквами менышаго калибра: «Джонъ Джерингсъ, судовой поставщикъ». Знакомый обычай!..

Поглядѣвъ на прилегающую усыпанную свѣтлымъ граветомъ площадь съ играющими изъ неї розошкими дѣтьми, я уже собирался вернуться на станцію, какъ вдругъ вспомнилъ, что, намѣреваясь еще двѣ недѣли назадъ оставить Риджуэй, я подалъ въ тамошнюю почтовую контору заявленіе: всю имѣющую поступать на мое имя корреспонденцію пересыпать въ Портъ-Колборнъ, до вос требованія. За разыгравшимися затѣмъ въ нашемъ муравейникѣ событиями я совсѣмъ было позабылъ обѣ этомъ заявленіи и только теперь замѣтилъ, что уже давненько ни откуда не получалъ вѣстей. Могло статься, поэтому, что письма ожидали меня здѣсь, въ Колборнѣ. Я рѣшилъ зайти, справиться.

Какъ сейчасъ вижу всю стихійно безразличную обстановку этого момента, оставшагося памятнымъ мнѣ и до сего дня..

Полдень; ровный, безъ тѣней, матовый свѣтъ изъ-за тонкаго слоя блесковатыхъ облаковъ. На улицахъ почти пусто—пора завтрака: трое-четверо прохожихъ на мосту черезъ каналъ да молоденккая миссъ, въ высокомъ кабролетѣ, собственно ручно правящая лошадьми. По мутно-матовой глади канала безшумно, какъ бы сама собой, медленно движется большая сѣрая барка, безшумно, плавно и сонно колышется парусная лодка на свѣтлосизыхъ волнахъ озера невдалекѣ. Тихо, успокойтельно тихо кругомъ и ласкающе мягко гармонируютъ съ этими мирными спокойствіемъ взглазы и смѣхъ ребятишекъ позади.

Спокойно, увѣренно чувствуя себя и я и неторопливо вхожу въ почтовую контору—большую, свѣтлую комнату, уставленную шкафами и полками, съ образцами предметовъ судового снаряженія по стѣнамъ.

Чрезъ минуту —мнѣ даютъ письмо, всего двѣ-три строчки...

Но, Боже мой, эти коротенькия строчки, упорно дрожавшія теперь и прыгавшія въ моихъ глазахъ, требовали моего отреченія отъ надежды на будущее въ этой великой странѣ; они требовали немедленного возвращенія моего на родину.

Годами лелѣянныя мечты, годами обдумывавшіеся плавы разлетались прахомъ...

Шли часы, дни, недѣли—я чувствовалъ себя, какъ узникъ, успѣвшій сломать запоры, проломать стѣны, выбраться за предѣлы тюремной ограды и вдругъ, предъ лицомъ безгранично радостной воли, снова настигнутый темничною стражей: беззвѣтные, ничего не обѣщающіе, ничѣмъ не освѣтленные дни были впереди...

И вотъ, я на обратномъ пути.

Вотъ снова передо мной водопады Найегры—мимо!..

Вотъ Бофло, съ его захватывающими, неустанно смѣняющими другъ друга новостями промышленной техники—мимо!..

Вотъ зеленая смѣющаяся долина Виргиніи—область патріархальной сельской идиліи—мимо!..

Вотъ ужъ и громадный, привольно раскинувшійся у картинной усыпленной островками, бухты старый, гордый Бостонъ—на душѣ все такъ же темно, недвижно...

Часами брошу я по знайнымъ, закованнымъ въ гранитъ улицамъ многоцеменного города, прислушиваясь къ его многоязычному голосу, толкаясь по заводамъ, пристанямъ, конторамъ въ поискахъ работы: денегъ на переѣздъ черезъ океанъ у меня не хватаетъ, завтрашній день грозить тяготой трудной работы, пугаетъ неизвѣстностью... Все — какъ полугодомъ раньше, нѣть лишь одного—бодрющаго отклика въ подавленномъ сердцѣ: материальные заботы и затрудненія не соприкасаются и не скрашиваются теперь надеждами духа...

Но Бостонъ—не только крупный, людный, шумный американскій городъ: онъ полонъ, такъ сказать, кристаллизованныхъ воспоминаний о знаменательныхъ дняхъ исторіи республики, о славнѣйшихъ дняхъ въ исторіи всего человѣчества, и, если въ пришельца не заглохла въ конецъ духовная отзывчивость, душевная чуткость,—прошлое города, прошлое республики, прошлое современной гражданственности такъ или иначе толкнется въ его душу, хотѣль ли онъ этого, или нѣть...

День въ день шатался я по Бостону... Личные заботы, личные печали заслоняли миѣ блескъ роскошного центра, мирную тишину утопающихъ въ зелени окраинъ. Но вотъ небольшая площадь...

Площадь—какъ площадь: невзрачные, не первой молодости и будничной физіономіи двухъ и одно-этажные дома окружаютъ ее... Что это, однако, сѣрѣеть на ней, посрединѣ?

Памятникъ. Скромная четырехгранныя призма. На одномъ изъ фасовъ—выпуклая надпись:

«Въ эту ночь занялась заря американской свободы»...

Надъ ней, на невзыскательной работы барельефъ — уголокъ той же площади, группа людей въ стародавнихъ простыхъ одеждахъ: старики, женщины, дѣти; слѣва—отрядъ войска съ ружьями на прицѣль въ толпу, а передъ толпой уже нѣсколько человѣкъ ничкомъ и навзничь, безвольно, беспомощно раскинувшихъ руки.

Вотъ я за городомъ въ паркѣ...

На высокомъ холмѣ, среди роскошнѣйшихъ темнозеленыхъ торжественно молчаливыхъ кипарисовъ—еще памятникъ... Этотъ еще скромнѣй: аршина два вышиной, мраморная бѣлая призма. На ней также надпись:

«Съ этого мѣста данъ былъ послѣдній выстрѣлъ по послѣднему отряду войскъ англійского короля, изгнанныхъ побѣдоноснымъ американскими народомъ изъ этой страны навсегда».

Вотъ онъ, отвѣтъ на трагедію барельефа!

Я иду дальше. Вотъ, изъ-за десятковъ, сотенъ пышныхъ домовъ-дворцовъ сверкаетъ златоглавый куполъ� американского Капитолія...

Здѣсь 4-го июля 1776 года, т. е. еще за 13 лѣтъ до начала великой французской революціи, уже возглашены были Богомъ даныя, неотъемлемыя права-обязанности свободнаго народа, декларація правъ человѣка получила впервые осуществленіе... Вотъ онъ передо мною, этотъ величайшій въ свѣтѣ, могучій въ своей безхитростной простотѣ американскій документъ.

«Мы утверждаемъ—читаю я—какъ истины самоочевидныя, что всѣ люди сотворены равными, что Творцомъ своимъ одарены они неотъемлемыи правами—жизни, свободы, стремленія къ счастью въ томъ числѣ...

«Мы утверждаемъ, что лишь для того, чтобы обеспечить эти права, и установлены были между людьми правительства, всю свою власть, поэтому, получающія и воспринимающія только въ созведеніи управляемыхъ.

«Мы утверждаемъ, что если та или иная форма правленія становится враждебной цѣлямъ своего установленія, то право народа—измѣнить или низвергнуть таковую и учредить новое правительство, опирающееся уже на такие принципы и организующее свою власть въ такія формы, какія окажутся наиболѣе дѣйствительными для огражденія счастія и безопасности народа. Благоразуміе укажетъ, изъ-за поверхностныхъ, преходящихъ причинъ, не посягать на исторически укоренившіяся формы. И опытъ истории дѣйствительно подтверждаетъ, что человѣчество всегда болѣе склонно переносить, насколько терпѣнія хватить, тяжкое зло, чѣмъ искать облегченія въ неосновательномъ, легкомысленномъ ниспроверженіи формъ, народу привычныхъ...

«Но если долгая цѣль насилий, злоупотребленій, неизмѣнно направленныхъ противъ народа, обнаружить намѣреніе правительства подчинить управляемыхъ игу безграничнаго деспотизма, то право ихъ и обязанность ихъ—свергнуть подобное правительство и озабочиться установленіемъ иной, новой защиты своей безопасности»...

Гляжу я на этотъ пожелтѣвшій листъ, на его строгія готическія буквы, читаю эти великія строки и чувствую, какъ дрожь невыразимаго благоговія охватываетъ душу...

Голосъ вѣковъ протекшихъ, надежды временъ грядущихъ въ этихъ строкахъ.. Да! «Терпѣливо страдали колоніи, снося непрестанныя обиды и насилия, имѣвшія прямою пѣлю установленіе тираніи самовластія надъ этой страной» *). Тыгачами томились патріоты въ тюрьмахъ. Ввергались въ темницы не только за мечты о свободѣ, но и за оглашеніе въ печати самыхъ безобидныхъ фактovъ

*) Декларація о независимости.

изъ жизни Европы: политическая печать не могла, а по мнѣнію метрополіи—и не должна была существовать въ колоніяхъ *), гарантируя угнетателямъ могильное безмолвіе населенія. И все-таки...

Поколѣніе за поколѣніемъ передавали люди другъ другу затаенную ненависть къ порабощенію, воспитываясь въ упорномъ трудѣ и во все прояснявшемся стремлениі къ независимости, чтобы, наконецъ, отбросивъ все личное, частное, слившись въ одинъ мощный потокъ воли народной, какъ ничтожную былинку, снесшей надменную силу короля, и—навсегда!..

Навсегда!.. Это сознаніе переполняетъ мою взволнованную душу. Въ немъ тонутъ личные, подавляющія волю печали, обиды и огорченія, тонутъ подмѣченные недостатки своеобразной общественности: безконтрольный бойкотъ, безучастіе, надменное самодовольство сытыхъ, власть, богатство.

И странно: подъ вліяніемъ этихъ мыслей меня снова и съ новою силой тянетъ къ людямъ моей страны, тянетъ на мою бѣдную родину: какъ и я, она все еще тщетно жаждетъ свободы, т. е. правды и хотя бы простой элементарной справедливости.

X.

Новая педагогика.—Канадскій народный учитель.—Риджуэйская народная школа; параллели.—Организація школьнаго дѣла; попечительства.—Принципы.—Два слова о „личныхъ отношеніяхъ“; маленькая непріятность на общую пользу; два письма.—Профессиональный цензъ для учителей и учрежденія для ихъ образованія; союзы.—Народно-образовательный парламентъ.—Союзъ попечительствъ.

Регулярно въ половинѣ девятаго утра и въ три четверти второго пополудни надъ Риджуэйемъ раздавались десять-двѣнадцать парныхъ ударовъ церковнаго колокола.

Пѣвучіе металлические звуки, далеко разносившіеся по окрестностямъ, какъ разсчитанные на живущихъ въ отдаленіи, интриговали, не находя себѣ объясненія: при всей широкой набожности англо-саксовъ, врядъ ли въ такомъ маленькомъ городкѣ мыслимы были ежедневныя церковныя службы, и еще дважды въ день.

Наконецъ, я освѣдомился у работавшаго все время рядомъ со мной Кристена Ченса.

— Школьное время!—буркнулъ тотъ, по обыкновенію, лаконически.

*) Такъ, былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму издатель „Бостонскихъ Извѣстій“ за то, что осмѣлился рѣзкѣйше читателямъ о придворныхъ событияхъ въ тогдашней Франціи и Австріи. Генераль-губернаторъ грозился за это сгноить его въ тюрьмѣ, а листокъ конфисковалъ.

Вечеромъ мистер Строу болѣе обстоятельный объяснялъ: дѣтишекъ, оказывается, ссыпали тутъ въ школу не единожды въ день и не на томительно долгій срокъ, какъ это водится въ старой Европѣ, гдѣ дѣти, словно департаментскіе чиновники, должны проводить въ душной комнатѣ лучшую часть дня, а дважды и на сравнительно короткое время, сообразуясь съ непреоборимой потребностью дѣтской природы въ разнообразіи и свободѣ...

Въ силу этого, утренніе классы—часъ или два—зѣлись шли только на проверку основательности пройденного наканунѣ; затѣмъ следовалъ перерывъ, не менѣе трехъ часовъ продолжительностью, когда дѣти пользовались полуденнымъ солнцемъ, воздухомъ, завтракомъ и вволю рѣзвились; школьній день заканчивался послѣобѣденными классами (не позже пяти пополудни), гдѣ, подъ наблюденіемъ учителя и при участіи болѣе успѣвающихъ, дѣти подвигались по пути знанія дальше.

«Ни отмѣтокъ, ни уроковъ на домъ; ни наказанія, ни наградъ»—таковъ бытъ, по словамъ мистера Строу, девизъ мѣстнаго учителя, мистера Тулмана, и ни родители, ни инспекція училищъ не предъявляли противъ этого никакихъ возраженій; что же касается дѣтей,—тѣ всегда охотно бѣжали въ школу.

Свѣжестью, смѣлостью юношеской мечты и, въ то же время, выдержанной зрѣлой мысли вѣяло отъ такой педагогики, музыкально покинувшей рутинный путь, и дальнѣйшее знакомство съ нею несомнѣнно обѣщало еще болѣе интереса... Я тутъ же попросилъ своего хозяина познакомить меня съ мѣстнымъ учителемъ. Въ ближайшее воскресеніе мистер Строу и свѣтъ насъ на послѣобѣденной прогулкѣ.

Готовясь къ новому знакомству, мы невольно создаемъ себѣ заочный образъ интереснаго намъ человѣка. Рисовалъ я себѣ и образъ мистера Тулмана со словъ мистера Скроу; въ особенности живо представлялся мнѣ его задумчивый, грустный взглядъ, взглядъ сѣятеля на низъ будущаго, отдаленного будущаго, когда уже кто-то другой, а не сѣятель, придется собирать созрѣвшую жатву...

Но канадская дѣйствительность не связываетъ служенія лучшему будущему съ мученичествомъ, и потому заочный обликъ риджуэйского школы учителя оказался ни мало не похожимъ на дѣйствительный: передо мною былъ щеголеватый, весь въ сѣромъ, отъ шляпы и галстуха до ботинокъ, господинъ, лѣтъ тридцати, стройный и ловкій, съ спокойно-любопытными сѣро-голубыми глазами и самодовольной улыбкой, шевелившей заботливо расчесанные пушистые усы. Прекрасно сидѣвшее «стильное» платье, холеная бѣлая руки и подстриженная «сердечкомъ», очень молодившая его капитановая бородка, обличали человѣка, довольно-таки судьбой и привыкшаго отдавать дань вѣшности, словомъ—

Это, отчасти невыгодное, впечатлѣніе, конечно, только усилилось, когда въ новомъ знакомцѣ я призналъ одного изъ тѣхъ «нобилей», которые въ памятный вечеръ прибытія моего въ Риджуэй выказали такую готовность отвести мнѣ бесплатный ночлегъ подъ замкомъ.

Но дѣлать было нечего: мы познакомились, завязался разговоръ, и мистеръ Тулманъ не упустилъ тутъ же дать мнѣ понять, что и онъ, съ своей стороны, призналъ меня и сознаетъ, какъ непріятна должна была показаться мнѣ наша первая встрѣча, но они, моль, тутъ не при чёмъ.

— За лѣто,—сказалъ онъ,—здѣсь ихъ столько проходитъ, этихъ лордовъ большой дороги (highway), все больше изъ Штатовъ, что не мудрено принять за трэмпа и дѣйствительно порядочного человѣка.

«Ты правъ ужъ тѣмъ, что съѣть и благоденствуешь»—перефразировалъ я въ умѣ известную басню Крылова и спросилъ, за что онъ поносить бродягъ аристократами.

— Въ этой странѣ, сэръ, достаточно путей устроиться всякому желающему,—сказалъ онъ, съ обычною въ такихъ случаяхъ для канадца гордостью.—Только совершенно негодный человѣкъ или мнишій себя превыше всѣхъ окружающихъ можетъ годами укло-няться тутъ отъ труда и осѣдлости.

— А вотъ и мистеръ Эндрю собирается нась покинуть, двинуться дальше,—не совсѣмъ кстати замѣтилъ мистеръ Струй.

Учитель сдѣлалъ большиѣ глаза: «я, моль, ожидалъ лучшаго».

— Когда?—спросилъ онъ отрывисто.

— Осеню,—отвѣчалъ я нехотя,—конечно, не теперь: надо заработать денегъ и хоть нѣсколько ознакомиться со страною...

— Ну, это иное дѣло: врядъ ли зimu и работу тутъ найдете... Вполнѣ резонно... А потомъ?

И съ тою же улыбкой онъ посмотрѣлъ, прищурившись. Походило на допросъ.

— Объ этомъ подумаю, когда будуть данные,—отвѣтилъ я моротко.

Онъ засмѣялся.

— Конечно, конечно... Ну, простите за нескромность... Только, думаю, моя библіотека также могла бы доставить вамъ кое-какія данные, а?.. Хотите?.. Вотъ, кстати, и моя раковина... Читаете шо-англійски?..

— Немногого читаю; благодарю васъ... Боюсь, однако, обезопо-мощь вашу семью...

— Семья моя живеть въ другомъ домѣ... Да вы... вы не стѣснай-тесь,—добавилъ онъ вразумительно, уловивъ мою нерѣшительность,—вѣрьте, какъ учитель, я испытываю отъ такихъ «безпокойствъ» одно удовольствіе... Войдемте!..

«Раковина» риджуэйского школьного учителя, состоявшая из кабинета съ небольшой передней и изъ уютной комнаты для кратко-временного отдыха отъ занятий, занимала цѣлый особнячокъ, прятавшійся подъ густымъ темновеленымъ плющемъ, сплошь заткавшимъ уже невысокія стѣны и мѣстами ставившимся по ярко-красной черепичной кровлѣ. Обокъ стоялъ другой коттеджъ, повыше и, такъ сказать, попредставительнѣе. Это было довольно солидное одноэтажное зданіе, подъ зеленою желѣзной крышей, уже размѣрами своими и прекрасно содержимымъ обширнымъ цвѣтникомъ говорившее о довольствѣ его обитателей. Тутъ жила учительская семья. Самая школа помѣщалась въ другомъ зданіи, кварталомъ выше.

Кабинетъ представлялъ обширную, сажень въ семь квадратныхъ, комнату, въ два свѣта, три стѣны которой были заняты книжными полками, а четвертая шкафами съ физическими и химическими приборами и реактивами. Два-три стола да нѣсколько стульевъ доополняли меблировку.

По самыи замѣчательнѣи въ кабинетѣ были минералогическая и петрографическая коллекціи, занимавшія дѣвъ верхнія полки надъ книгами и шкафами. На нижней были разложены породы въ порядкѣ естественной послѣдовательности формаций; на верхней, соответственно,—образцы рудъ и полезныхъ ископаемыхъ. Такимъ образомъ, идя отъ дверей вправо, вдоль стѣнъ комнаты, любознательный посѣтитель могъ бы въ общихъ чертахъ ознакомиться съ исторіей и анатоміей земной коры, какъ и съ тѣмъ, что есть въ ней полезного человѣку.

Я предположилъ, конечно, что коллекціи принадлежать лично хозяину,—оказалось, что онъ значатся въ числѣ учебныхъ пособій риджуэйской народной школы, а геология и минералогія... входять въ ея программу. Какъ бы въ подтвержденіе, мистеръ Тулманъ окликнулъ черезъ окно проходившаго мимо подростка, ученика школы, а мнѣ предложилъ снять поскорѣй съ полокъ нѣсколько образцовъ и задать о нихъ мальчугану вопросы, по своему усмотрѣнію.

— Вотъ, Джезупъ,—обратился мистеръ Тулманъ къ торопливо вошедшему и смѣю уставившемуся на него питомцу,—джентльменъ этотъ желаетъ знать, что это за камни предъ нимъ на столѣ... Подойдите ближе и скажите намъ, что вы о нихъ знаете...

Мальчикъ—ему было не болѣе четырнадцати—окинулъ меня живымъ, внимательнымъ взглядомъ и улыбнулся: въ любознательномъ джентльменѣ онъ призналъ рабочаго, котораго видѣлъ ваканунѣ у отвала, за тачкой. Юный дипломатъ, однако, тогчасъ же «подобрался», сдѣлавъ серьезное лицо и бойко, мѣтко опредѣлилъ предложенные ему образцы, помянувъ попутно и мѣстности Канады, гдѣ производятся болѣе значительные разработки этихъ ископаемыхъ. Толково отвѣтилъ юноша и на вопросъ, почему отно-

сительное положение пластовъ, даже встрѣчаемыхъ вертикальными, опредѣляетъ ихъ относительный возрастъ, и, не прибѣгая нигдѣ къ книжному и заученному тону, объяснилъ, почему въ данныхъ мѣстностяхъ отсутствуютъ нашластованія, очень ярко выраженные въ сосѣднихъ.

Въ заключеніе, извинившись, что долженъ оставить насть, такъ какъ торопится къ поѣзду встрѣчать ожидаемаго изъ Колборна старшаго брата, мальчикъ трахнулъ желтоватыми кудряшками, граціозно поклонился и выбѣжалъ, оставивъ по себѣ впечатлѣніе дѣтской свѣжести и непринужденности самостоятельнаго, сознательнаго человѣка.

Я просто ушамъ своимъ не вѣрилъ: народная школа и геодѣлія! И вдбавокъ,—такая, видимо, осмысленная постановка ея изученія... Но мистеръ Тулманъ, съ своей стороны, находилъ еще болѣе достойнымъ изумленія, что во многихъ «культурныхъ» странахъ Европы дѣло это все еще обстоитъ иначе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь первѣшая задача общеобразовательной школы—не одолѣніе воспитанникомъ дѣбрей учебниковъ, а воспитаніе его сознанія къ самостоятельной жизни, ко встрѣчѣ съ ея сложными, многосторонними требованиями, почему всякая, даже элементарная школа, помимо грамотности, должна намѣтить себѣ ближайшей задачей возможно разностороннее развитіе способностей питомца, снабжая его цѣлесообразно подобраннымъ матеріаломъ и не стѣсняясь пристемъ никакими искусственными межъ научными перегородками.

Вотъ, исходя изъ подобныхъ соображеній, канадцы и ставятъ свою народную школу такъ, что, помимо общеобразовательныхъ предметовъ (англійскаго языка, ариѳметики, географіи и исторіи Канады и Великобританіі и англійской литературы), училища каждой провинціи *) и территорія стремятся сообразовать свою программу съ природными особенностями страны. Такъ, въ землемѣрческихъ мѣстностяхъ для этого знакомятъ воспитанниковъ съ почвовѣдѣніемъ, химіей, ботаникой и проч.; въ горно-промышленихъ—съ геологіей, минералогіей, землемѣріемъ и горнымъ искусствомъ, удѣляя время и на практическія занятія въ полѣ и въ горахъ; въ училищахъ мѣстностей, преимущественно фабрично-заводскихъ, даютъ соответственная элементарно техноло-гическая познанія и въ частности—преподаютъ основанія механики и т. д. Дѣло центральныхъ училищныхъ властей намѣтить, такъ сказать, кадровыя, нормальная программы и требовать ихъ выполнения; дѣло самихъ учителей и общества—вносить въ эти программы добавленія, соответствующія требованіямъ данной дѣй-

*) Такихъ провинцій, то есть внутренно совершенно самостоятельныхъ областей, въ настоящее время, какъ извѣстно, въ Канадѣ семь, да иѣсколько «территорій», то есть областей, имѣющихъ получить такую же самостоятельность по достижениіи извѣстной заселенности.

ствительности... И центральные власти провинций въ подобныхъ случаяхъ способствуютъ возможно болѣе цѣлесообразному выполнению всякихъ такихъ нововведеній. Параллельно со всѣмъ этимъ идетъ и развитіе популярно научной и учебно-вспомогательной литературы, старающейся выработать скажо изложенные, обстоятельныя руководства, позволяющія канадцу открытыми очами глядѣть на Божій свѣтъ, въ какой бы области промышленной жизни судьба ни пробовала его силы и какими бы техническими осложненіями ни обставляла она добываніе имъ средствъ къ жизни...

Слушаль я мистера Тулмана, и въ моемъ представлениі все ярче и назойливѣе вставала наша общерусская, волею начальства въ одну неподвижную форму вылитая и для архангельской, и для московской, и для любой изъ хлѣбородныхъ южнорусскихъ или кавказскихъ губерній, и для суровыхъ сибирскихъ — сѣрецкая народная школа, дающая голую, такъ часто забываемую «за непримѣненіемъ» грамоту и лишь изъ «вольтеріанства» — да и то въ лицѣ лучшихъ и за свой страхъ дѣйствующихъ представителей,—заботящаяся объ общемъ, неопределенному развитію воспитанника, не спрашивая себя,—для какихъ именно жизненныхъ цѣлей... Словно человѣкъ—какое-то растеніе, а школа — теплица, имѣющая по всѣмъ, строго предуказаннымъ, правиламъ установленного авторитетами искусства, изъ сѣмечка выгнать въ положенное время ростокъ, ростокъ превратить въ стволъ съ вѣтками, листьями и цветами, «родителямъ и учителямъ на утѣшеніе».

Вступалъ я подъ кровлю кабинета риджуэйского учителя нерѣшительно, неохотно, чувствуя, что между мною и этимъ трезвенно-благоденствующимъ, франтоватымъ сѣятелемъ просвѣщенія какъ-то не отыскивается точекъ соприкосновенія; разставаясь же, я, было, позабылъ и о книгахъ, изъ-за которыхъ былъ приглашенъ въ его «раковину», и мистеръ Тулманъ уже на выходѣ снабдилъ меня ими, присоединивъ къ нимъ двѣ касавшихъ непосредственно предмета нашей бесѣды. Впослѣдствіи я раздѣлся еще нѣсколькоими въ томъ же родѣ, и у меня скопился материалъ, открывающій собой одинъ изъ интереснѣйшихъ уголковъ канадского общественно-государственного уклада, ради ознакомленія съ которымъ, читатель, надѣюсь, простить мнѣ нѣкоторое отступленіе отъ исторіи моихъ личныхъ канадскихъ похожденій.

А пожалуй, — оно будетъ и кстати: наша родина вѣдь на-канунѣ давно уже нарѣвшихъ преобразованій, въ томъ числѣ и своего учебно-воспитательного дѣла...

«Школа—это само общество»...

«Школа—лабораторія, въ которой общество вырабатывается изъ самого себя»...

Афоризмы эти вы услышите здѣсь отъ всякаго, питающаго

малѣйшій интересъ къ дѣлу народнаго образованія, и, сообразно такимъ взглядамъ,—школьное дѣло получило въ Канадѣ формы и направленіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе прогрессивныя и цѣлесообразныя, нежели дѣйствующія въ сосѣднихъ Штатахъ, въ которыхъ созидательная работа общества, какъ извѣстно, не имѣть надъ собой уже совсѣмъ никакихъ виѣшнихъ стѣсненій.

Съ этой точки зрењія, однимъ изъ очень вредныхъ стѣсненій явилась бы для канадцевъ централизованная единая для всего ихъ обширнаго государства власть, и англичане, всегда очень чуткіе къ характернымъ проявленіямъ жизни принадлежащихъ имъ колоній, отлично поняли это, а потому т. наз. Британскій Сѣверо-американскій Актъ, соединившій въ 1867 году въ одно цѣлое, подъ именемъ Канадскихъ владѣній (Dominion of Canada) четыре тогдашнія провинціи—Онтарио, Квебекъ, Новый Брауншвейгъ и Новую Шотландію,—общаго для всей колоніи центральнаго управлениія или «вѣдомства» народнаго просвѣщенія не создалъ, а предоставилъ организацію и непосредственную администрацію школьнаго дѣла вѣдѣнію правительства каждой провинціи въ отдѣльности.

Такая крупная уступка, однако, не удовлетворила населенія: ревниво относясь къ своему стародавнему праву ближайшаго участія въ дѣлѣ образованія своихъ дѣтей, общество этихъ провинцій не сочло возможнымъ положиться въ этомъ даже на дѣйствующія всегда подъ контролемъ народныхъ представителей правительства провинцій: оно предоставило послѣднимъ лишь чисто административно-техническія функции, оставивъ за собой, въ лицѣ непрерывно дѣйствующихъ и регулярно освѣжаемыхъ въ своемъ составѣ мѣстныхъ школьніхъ попечительствъ, постоянный живой надзоръ не только за хозяйственной, но отчасти и за учебно-воспитательной частью, поскольку вновь нарождающіяся условія жизни иной разъ требуютъ немедленнаго измѣненія школьніхъ программъ и порядковъ.

Сѣть такихъ попечительствъ, варьируясь въ частностяхъ по провинціямъ, покрываетъ рѣшительно всю страну. Наилучше она развита въ провинціи Онтаріо, административная система которой, вообще, наиболѣе пригодна для развитія самоуправлениія: провинція эта дѣлится на графства, графство на муниципалитеты. Муниципалитеты состоять изъ главнаго города, получившихъ инкорпорацію (т. е. юридическое признаніе какъ общественной единицы) деревень и тауншиповъ—волостныхъ округовъ *). Въ цѣляхъ лучшаго распределенія училищъ,—города, деревни и тауншипы дѣлятся на школьные участки (School sections), обыкновенно не больше

* Тауншипъ (township) значитъ собственно «городской округъ», на дѣлѣ онъ состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ небольшихъ поселеній и прилегающихъ къ нимъ фермъ.

3—4 миль между ихъ центрами; въ каждомъ участкѣ должна быть, по менышей мѣрѣ, одна народная школа. И въ графствахъ, и въ муниципалитетахъ имѣются свои советы по дѣламъ народнаго образованія, но роль этихъ совѣтовъ, главнымъ образомъ, административно-финансовая: совѣты графствъ изыскиваютъ средства на содержаніе среднихъ школъ *) и народныхъ (public schools), а муниципальные—для этихъ послѣднихъ. Ближайшее же участкѣ въ дѣлахъ школы предоставлено помянутымъ попечительствамъ (board of trustees), избираемымъ для каждого школьнаго округа изъ лицъ обоего пола его населеніемъ. Попечительства эти имѣютъ право назначать учителей, заботиться о снабженіи школъ всѣми необходимыми пособіями и даже, по соглашенію съ учителемъ, устанавливать наиболѣе при мѣстныхъ условіяхъ удобные часы школьнаго занятій. Примѣняясь же къ школьному законодательству провинціи и правиламъ обеспеченія народнаго образованія имѣютъ право учреждать собственной властью и слѣдующія учебныя заведенія: 1) дѣтскіе сады **), 2) народныя школы ***), 3) вечернія школы ****), 5) среднія школы *****), 7) нормальныя школы, 8) педагогическіе, 9) учительскія институты *****), 10) школы, механики и 11)—ремесленныя.

Изъ этихъ учрежденій правительство провинціи даетъ средства на содержаніе школъ народныхъ, среднихъ, учительскихъ и промышленныхъ; всѣ остальные содержатся преимущественно на средства, изыскиваемыя попечительствами. Это ведеть, очевидно, и къ болѣе справедливому, чѣмъ при системѣ единаго центральнаго вѣдомства, распределенію расходовъ на народное образованіе, и освобождаетъ правительство отъ значительной доли контрольныхъ тяготъ, такъ какъ попечители, избираемые плательщиками налоговъ (rate payers, taxe payers),—передъ избирателями своими обязаны и отчетностью.

Такъ какъ, по мѣстнымъ понятіямъ, школа должна прежде всего

*) Ихъ тутъ называютъ высшими (high school),—сравнительно съ народными, очевидно.

**) Въ 1896 г. въ провинціи Онтаріо ихъ было 97 съ 202 учительницами и 10,174 учениками и ученицами (отъ 3 до 6 лѣтнаго возраста).

***) Въ томъ же году—6000 (5994) съ 8990 учителями и 48435! учениками, при среднемъ числѣ 271549 посѣщеній, при 600615 дѣтей школьнаго возраста (т. е. между 5 и 21 годами). Одинъ учитель приходится на 233 человѣка населения; одна школа—на 360 душъ (У насъ въ Россіи—на 1750).

****) Вечерніхъ школъ было 21 съ 41 учителемъ и 1406 учениками.

*****) Средніхъ школъ (программа нѣсколько ниже нашихъ гимназій) было 180 съ 574 учителями и 21567 уч. обоего пола,—почти поровну.

Независимо отъ всего этого имѣются школы специально для слѣпыхъ глухонѣмыхъ и проч.

*****) О нихъ—ниже.

ствѣчать требованіямъ жизни, а таковыя, уже въ силу различія естественныхъ, промышленныхъ, бытовыхъ условій разныхъ областей Канады, различны, то въ ней не могло образоваться и того, что называютъ школой національного типа. За то имѣется рядъ оригинальныхъ школьніхъ мѣстныхъ системъ, при чмъ школы, если выдѣлить изъ нихъ дѣтскіе сады и учрежденія професіонального образования, всетаки могутъ быть подраздѣлены на четыре, послѣдовательно дополняющія другъ друга, группы: на собственно-народныя (public schools), значительно варьирующія по различнымъ областямъ *); на среднія (high schools), нѣсколько болѣе устойчиваго склада, приготавляющія воспитанниковъ къ имматрикуляціи въ колледжи; на эти послѣдніе, отчасти соотвѣтствующіе нашимъ университетамъ, но съ нѣсколько меншимъ объемомъ курса (дающіе оканчивающимъ лишь званіе «баккалавра»); и, наконецъ, на самые университеты или,—на «университетскія школы» разныхъ отраслей высшаго знанія, приготавляющія студентовъ на степень магистра и доктора той или другой науки. Школы этого рода, которыхъ обыкновенно бываетъ по нѣсколько при каждомъ такомъ учрежденіи, и составляютъ то, что тутъ называютъ университетомъ.

Главная особенность каждой изъ мѣстныхъ школьніхъ системъ—это стремленіе сохранить всегда открытый доступъ къ высшему образованію.

Поэтому тутъ нѣть и не можетъ быть школъ, заводящихъ своихъ питомцевъ въ образовательный тупикъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, наши городскія и реальнія училища, откуда воспитанникамъ прегражденъ доступъ въ высшія учебныя заведенія.

Твердо устанавливая принципъ преемственности школьніхъ программъ, канадцы въ то же время требуютъ извѣстной ихъ законченности: общее образование должно обнимать собой и всѣ общія основанія наукъ,—такъ, чтобы въ школѣ высшаго разряда (исключая, конечно, отдельно стоящія професіональныя) учащійся лишь дополнялъ и болѣе детально обосновывалъ знанія, полученные имъ раньше, и, во всякомъ случаѣ,—чтобы оканчивающей учебное заведеніе быть на что-нибудь годенъ по своему образованію. Отсюда—обученіе ариѳметикѣ у нихъ предполагаетъ, какъ свое необходимое дополненіе, изученіе общихъ элементарныхъ основаній и приемовъ счетоводства **); обученіе естествовѣдѣнію—изученіе основъ земледѣлія, горнаго дѣла, металлургіи и т. д...

*) Такъ, въ провинціи Квебѣкъ онѣ именуются элементарными, начальными (elementary schools), въ Новой Шотландіи—общественными (communе schools); ученики въ нихъ дѣлятся на 8 группъ. Ученики переводятся въ высшую группу по мѣрѣ ихъ успѣховъ среди года.

**) Въ римско-католическихъ народныхъ школахъ провинціи: Квебѣкъ, напр. (съ четырехлѣтнимъ курсомъ), въ программу входятъ: бухгалтерія, черченіе, съемка плановъ и рисованіе съ натуры.

3—4 миль между ихъ центрами; въ каждомъ такомъ участкѣ должна быть, по меньшей мѣрѣ, одна народная школа. И въ графствахъ, и въ муниципалитетахъ имѣются свои советы по дѣламъ народного образования, но роль этихъ совѣтовъ, главнымъ образомъ, административно-финансовая: совѣты графствъ изыскиваютъ средства на содержание среднихъ школъ *) и народныхъ (public schools), а муниципальные—для этихъ послѣднихъ. Ближайшее же участіе въ дѣлахъ школы предоставлено помянутымъ попечительствамъ (board of trustees), избираемымъ для каждого школьного округа изъ лицъ обоего пола его населеніемъ. Попечительства эти имѣютъ право назначать учителей, заботиться о снабженіи школъ всѣми необходимыми пособіями и даже, по соглашенію съ учителемъ, устанавливать наиболѣе при мѣстныхъ условіяхъ удобные часы школьнаго занятій. Примѣняясь же къ школьному законодательству провинціи и правиламъ обезспеченія народного образования имѣть право учреждать собственной властью и слѣдующія учебныя заведенія: 1) дѣтскіе сады **), 2) народныя школы ***) 3) вечернія школы ****), 5) среднія школы *****), 7) нормальныя школы, 8) педагогическіе, 9) учительскія институты *****) 10) школы, механики и 11)—ремесленныя.

Изъ этихъ учрежденій правительство провинціи даетъ средства на содержаніе школъ народныхъ, среднихъ, учительскихъ и промышленныхъ; всѣ остальныя содержатся преимущественно на средства, изыскиваемыя попечительствами. Это ведеть, очевидно, и къ болѣе справедливому, чѣмъ при системѣ единаго центральнаго вѣдомства, распределенію расходовъ на народное образованіе, и освобождаетъ правительство отъ значительной доли контрольныхъ тяготъ, такъ какъ попечители, избираемые плательщиками налоговъ (rate payers, taxe payers),—передъ избирателями своими обязаны и отчетностью.

Такъ какъ, по мѣстнымъ понятіямъ, школа должна прежде всего

*) Ихъ тутъ называютъ высшими (high school),—сравнительно съ народными, очевидно.

**) Въ 1896 г. въ провинціи Онтаріо ихъ было 97 съ 202 учителями и 10,174 учениками и ученицами (отъ 3 до 6 лѣтнаго возраста).

***) Въ томъ же году—6000 (5994) съ 8990 учителями и 484351 учениками, при среднемъ числѣ 271549 посѣщеній, при 600615 дѣтей школьнаго возраста (т. е. между 5 и 21 годами). Одинъ учителъ приходится на 233 человѣкъ населения; одна школа—на 350 душъ (У насъ въ Россіи—на 1750).

****) Вечернихъ школъ было 21 съ 41 учителемъ и 1406 учениками.

***** Среднихъ школъ (программа нѣсколько ниже нашихъ гимназій) было 180 съ 674 учителями и 21567 уч. обоего пола,—почти поровну.

Независимо отъ всего этого имѣются школы специально для слѣпыхъ глухонѣмыхъ и проч.

***** О нихъ—ниже.

ствѣчать требованіямъ жизни, а таковыя, уже въ силу различія естественныхъ, промышленныхъ, бытовыхъ условій разныхъ областей Канады, различны, то въ ней не могло образоваться и того, что называютъ школой національного типа. За то имѣется рядъ оригинальныхъ школьніхъ мѣстныхъ системъ, при чемъ школы, если выдѣлить изъ нихъ дѣтскіе сады и учрежденія професіонального образования, всетаки могутъ быть подраздѣлены на четыре, послѣдовательно дополняющія другъ друга, группы: на собственно-народныя (public schools), значительно варьирующія по различнымъ областямъ *); на среднія (high schools), нѣсколько болѣе устойчиваго склада, приготавляющія воспитанниковъ къ иматрикуляціи въ коллежи; на эти послѣдніе, отчасти соотвѣтствующіе нашимъ университетамъ, но съ нѣсколько меншимъ объемомъ курса (дающіе оканчивающимъ лишь званіе «баккалавра»); и, наконецъ, на самые университеты или,—на «университетскія школы» разныхъ отраслей высшаго знанія, приготавляющія студентовъ на степень магистра и доктора той или другой науки. Школы этого рода, которыхъ обыкновенно бываетъ по нѣсколько при каждомъ такомъ учрежденіи, и составляютъ то, что тутъ называютъ университетомъ.

Главная особенность каждой изъ мѣстныхъ школьніхъ системъ—это стремленіе сохранить всегда открытый доступъ къ высшему образованію.

Поэтому тутъ нѣть и не можетъ быть школъ, заводящихъ своихъ питомцевъ въ образовательный тупикъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, наши городскія и реальнія училища, откуда воспитанникамъ прегражденъ доступъ въ высшія учебныя заведенія.

Твердо устанавливая принципъ преемственности школьніхъ программъ, канадцы въ то же время требуютъ извѣстной ихъ законченности: общее образованіе должно обнимать собой и всю общію основаніе наукъ,—такъ, чтобы въ школѣ высшаго разряда (исключая, конечно, отдельно стоящія професіональныя) учащійся лишь дополнялъ и болѣе детально обосновывалъ знанія, полученные имъ раньше, и, во всякомъ случаѣ,—чтобы оканчивающей учебное заведеніе быть на что-нибудь годенъ по своему образованію. Отсюда—обученіе ариѳметикѣ у нихъ предполагается, какъ свое необходимое дополненіе, изученіе общихъ элементарныхъ основаній и приемовъ счетоводства **); обученіе естествовѣднію—изученіе основъ земледѣлія, горнаго дѣла, metallurgii и т. д...

*) Такъ, въ провинції Квебекъ онѣ именуются элементарными, начальными (elementary schools), въ Новой Шотландіи—общественными (communie schools); ученики въ нихъ дѣлятся на 8 группъ. Ученики переводятся въ высшую группу по мѣрѣ ихъ успѣховъ среди года.

**) Въ римско-католическихъ народныхъ школахъ провинціи: Квебекъ, напр. (съ четырехлѣтнимъ курсомъ), въ программу входятъ: бухгалтерія, черчение, съемка плановъ — съ натуры.

Всеобщее, обязательное народное образование *), какъ видно, не требуетъ для своего осуществленія никакихъ принудительныхъ мѣръ, и, тѣмъ не менѣе, среди здороваго молодого поколѣнія здѣсь во найдется безграмотныхъ...

Возвращаюсь къ своимъ похожденіямъ...

Давая нравственный отдыхъ, знакомство съ канадскимъ школьнымъ учителемъ, косвенно облегчало меня и физически, особенно въ того времени, когда я настолько освоился съ тачкой, что могъ справляться съ ней уже безъ постояннаго напряженія. Разговаривать за отрядной работой здѣсь не принято, да и неудобно, и потому часы за часами теперь приходилось оставаться наединѣ со своими, не всегда веселыми, мыслями. Вотъ тутъ-то и сказывалось дружеское участіе книжекъ мистера Тулмана, отвлекая разомъ и отъ гнетущаго однообразія физическихъ манипуляцій, и отъ не отвязныхъ думъ: время летѣло быстрый; я вспоминалъ и передумывалъ прочитанное наканунѣ, намѣчалъ себѣ пункты, требовавшіе разъясненія или дополненій и т. д., а въ ближайшее воскресенье, въ урочный часъ, шелъ со всѣмъ этимъ къ учителю. Тотъ встрѣчалъ меня своей обычной, не то чуточку иронической, не то снисходительно благосклонной, нѣсколько непріятной усмѣшкой, но всегда охотно давалъ объясненія: его патріотической гордости видимо льстило, что вотъ какой-то случайно забредшій сюда иностранецъ-рабочій обнаруживаетъ столько неослабнаго интереса къ его отечеству...

Легкими тучками, підчасъ омрачавшими горизонтъ нашихъ отношеній, была лишь глухая непріязнь его домашнихъ, нѣкоторое время остававшаяся для меня совсѣмъ непонятной: никому изъ нихъ я не могъ причинить никакой непріятности уже потому, что не былъ имъ даже представленъ. Выражалась эта непріязнь весьма недвусмысленно и довольно своеобразно: напримѣръ, миссисъ Тулманъ, маленькая, полная дама съ чуточку отвислыми смуглыми щеками, разглядывала меня при встрѣчѣ такъ, точно предъ ней было что-то совсѣмъ микроскопическое, а стройная, какъ елочка, фестра ея, востроглазая дѣвушка, красивая, рѣзвая, какъ родникъ,— наоборотъ, каждый разъ дѣлала видъ, что пугается, точно принимала меня за разбойника.

И вся эта, такъ сказать, импрессионная манера отношеній, оказалось, обусловливалась просто тѣмъ, что въ Риджуэй я прибылъ съ мѣшкомъ за плечами. Сжившимся со своимъ сравнитель-

*) Оно въ Канадѣ — бесплатное, исключая провинціи Квебекъ, где взимается плата не больше 50 центовъ въ мѣсяцъ (90 коп.) и не менѣе 5 центовъ (9 коп.). Въ среднихъ школахъ Квебека плата нѣсколько выше; въ провинціи Онтаріо ученики среднихъ школъ легко освобождаются отъ платы — по заявленію.

тымъ довольствомъ и комфортомъ домочадцамъ мистера Тулмана трудно было понять, какъ это человѣкъ могъ обречь себя на пѣшее хожденіе съ ношей по пустыннымъ дорогамъ, когда они, вѣтъ, стараются отъ подобныхъ тяготъ освобождать даже животныхъ, предпочитая, гдѣ только это возможно, желѣзную дорогу экипажу... И не то, чтобы имъ бѣдность была не понятна,—но если ты бѣденъ, если у тебя вѣтъ денегъ на проѣздъ, то по-времени съ путешествиемъ, заработай; обращать же себя во вьючное животное можно лишь по отсутствію должной культуры, «врожденаго» чувства комфорта...

Таковы, приблизительно, были вообще взгляды благополучныхъ канадцевъ этого слоя. Отсюда и этотъ своеобразный аристократизмъ, и отчужденіе, и неудовольствіе противъ «низшаго существа», позволяющаго себѣ тѣмъ не менѣе отнимать каждое воскресеніе часть-два у «достоуважаемаго мистера Тулмана».

Съ своей стороны, трудно было и мнѣ понять такую своеобразную психологію, совсѣмъ, казалось, невозможную въ средѣ людей, покончившихъ съ сословными и классовыми предразсудками. Въ своемъ увлечениіи обиліемъ и блескомъ свѣта, я не замѣчалъ тутъ пятнышекъ тѣни и упускаль изъ виду, что и самая чистая, хрустально-прозрачная вода, даже родниковая, мутнѣеть, застаиваясь, и образованіе, само по себѣ,—еще не защита отъ инфекціи злыхъ, несправедливыхъ предразсудковъ, разъ люди, вслѣдствіе какихъ-либо условій, замыкаются въ самодовольствѣ. Въ такой, отчасти уже застойной, средѣ неизбѣжно и незамѣтно слагается новый комплекѣтъ «готовыхъ», излюбленныхъ взглядовъ, въ свою очередь, становящихся предразсудками. До извѣстной степени все это отразилось уже на «трезвыхъ» сужденіяхъ мистера Тулмана, при нашемъ первомъ знакомствѣ, а теперь дало себѣ знать этой странной непріязнью его семьи. Непріязнь эта возрасла было до такой степени, что прекрасная Эсфири сдѣала даже попытку разомъ выбросить меня изъ общества ея шурина.

Дѣло было такъ. Въ одно, помнится, дождливое воскресеніе, только что мы усѣлись съ мистеромъ Тулманомъ у открытаго окна, и онъ сталъ показывать мнѣ вновь полученный школою великолѣпный «Атласъ торгово-промышленной Канады»,—въ кабинетъ, не постучавшись, вошла красавица-золотовка и объявила, что пришли «компанию»—гости, которые желаютъ немедленно видѣть хозяина.

Не говоря уже о томъ, что все это была явная и преднамѣренная неправда, потому что единственный доступъ къ дому учителя съ улицы шелъ мимо окна, у которого мы какъ разъ сидѣли и, стало быть, должны были видѣть, что рѣшительно никто чужой тутъ не проходилъ,—слова красавицы еще означали, что за мной не признается ни правъ, ни званія гостя...

Мистеръ Тулманъ на секунду смущился: взглянулъ на меня, на золотовку, потомъ опять на меня... Я рванулся съ мѣста; онъ энер-

гичнымъ жестомъ запротестовалъ, а золовкѣ, нахмутившись, объявилъ, что будеть къ ихъ услугамъ не раньше, какъ черезъ чашъ...

Ровно черезъ пять минутъ, та, однако же, появилась снова, съ тѣмъ же заявлениемъ, на этотъ разъ еще приправленнымъ самыемъ откровеннымъ, какъ будто еле сдерживаемымъ, смѣхомъ.

— Дорогая Эсфири,—обратился къ ней неестественно тихимъ голосомъ шуринъ:—я просилъ бы васъ и Мэгги, когда я въ кабинетѣ, смотрѣть и на меня, какъ на гостя... Буду къ вашимъ услугамъ, когда возвращусь домой.

Оригинальныи атаки прекратились, мистеръ же Тулманъ, какъ бы въ вознагражденіе, продержалъ меня въ этотъ вечеръ дольше обыкновенного и былъ еще болѣе внимателенъ.

Всколыхнувшая застоявшуюся атмосферу его будней маленькой бури была полезна и ему самому.

Описанное выше крохотное происшествіе оказалось полезное вліяніе и вообще на дальнѣйшія наши отношенія: гордость канадца страдала отъ сознанія банальности столкновенія и, вѣроятно, требовала реабилитаціи, побуждая его къ проявленію болѣе прочной общительности. По всей вѣроятности, этому я обязанъ и тѣмъ, что онъ передаль мнѣ нѣсколько характерныхъ писемъ, съ правомъ списать, что найду въ нихъ для себя интереснаго. Приведу два изъ нихъ въ выдержкахъ.

Первое—отъ бывшаго наставника мистера Тулмана; написано, когда онъ, послѣ женитьбы, хотѣлъ было перемѣнить профессію, чтобы отдаваться политической дѣятельности, и просилъ у профессора совета.

... «Вы говорите,—пишетъ старый энтузіастъ,—что хотѣли бы болѣе широкой дѣятельности, болѣе глубокаго проникновенія въ слово, гдѣ проростаютъ зачатки (*germs*) будущаго...

«Но скажите, чья дѣятельность шире и глубже учительской? Завоевателей, правителей, законодателей, лицъ, отдающихъ себѣ заботамъ о материальныхъ нуждахъ момента, обѣ удобствахъ и роскоши (*luxuries*) жизни?.. Но тѣмъ нужна энергія и знанія, учителю же, кроме того,—характеръ, гармонія духа, потому что ближайшій объектъ дѣятельности педагога и есть воспитаніе духа... Тѣ ищутъ для жизни предметныхъ благъ, улучшенія формъ, этотъ—человѣческаго совершенствованія, улучшенія еї сущности, и прежде всего именно на его обязанности — воспитывать, развивать, приводить жизнь все къ большему и большему внутреннему могуществу. Воспитывать гражданъ, общество, націю, человѣчество—да можетъ ли быть какая-либо задача выше, благороднѣе этого?..

«Но безпредѣльную высоту неба можетъ видѣть только зрячий:

сѣвпому, самому чуткому, доступно лишь смутное чувство ограниченныхъ земныхъ разстояній, и грубо обманулся бы тотъ, кто, для выполнения задачъ воспитанія духа, счѣль бы достаточнымъ опираться лишь на умъ да на свое умѣніе сообщать знанія: нужно умѣть понимать дѣтскую душу, чувствовать ее горе и радости, какъ свои собственные; нужна вѣра, надежда, любовь, потому что только «три сіи» даютъ педагогу то неистощимое терпѣніе, безъ котораго невозможно прочно воздѣйствовать на чужую душу... А превыше всего—нужна органическая привязанность къ дѣтямъ, которымъ Богъ далъ чудную власть пробуждать въ насъ благоговѣніе къ нравственной чистотѣ...

«Спросите же себя: свѣтить ли въ васъ такая вѣра, живеть ли надежда, горитъ ли любовь,—и рѣшайте. Иного совѣта я давать не берусь...»

Другое письмо—неизвѣстнаго автора; оно, повидимому, назначалось какому-то europейцу и заключаетъ въ себѣ защиту американской школы противъ обвиненія въ недостаточной дисциплинѣ.

« ... Европа, вообще говоря,—царство «экцентрической» власти (т. е. стоящей вѣтъ народа)—пишетъ авторъ, и этотъ фактъ, значеніе котораго въ процессѣ образованія господствующихъ europейскихъ понятій еще ждеть своего изслѣдователя, несомнѣнно, мѣшаетъ вамъ понять нѣкоторыя черты заокеанской дѣйствительности, на первый взглядъ, ничего общаго не имѣющія съ характеромъ дѣйствующей здѣсь государственной власти. Мы же, въ этомъ отношеніи, имѣемъ то преимущество, что давно уже пережили многое изъ того, что вы, europейцы, еще переживаете, и потому—простите мое американское самомнѣніе — мы въ состояніи понимать васъ, какъ взрослый человѣкъ понимаетъ подростка...

«Я утверждаю: Европа—царство власти, стоящей надъ народомъ. А такая власть, для своего существованія, требуетъ подчиненія массъ господству немногихъ. Сознательно или инстинктивно, это достигается примѣненіемъ силы, раздѣленіемъ общества на классы или касты, благословленіемъ отношеніемъ къ развитию мистицизма, а главное—охраненіемъ народнаго невѣжества. И вотъ, дѣло народнаго просвѣщенія получаетъ такую организацію и направленіе, чтобы, по возможности, отдалить народъ отъ истиннаго разумѣнія дѣйствительности: въ школѣ устанавливаются строжайшіе регламентированные программы, вѣтшкольному образованію ставится вѣялка препятствія, училищающее дѣло получаетъ кастовое, сословное устройство. Но еще болѣе могущественнымъ средствомъ является примѣненіе къ школѣ тѣхъ же «положительныхъ» пріемовъ, какихъ держится и вся такая система всенароднаго послушанія: строгая субординація, мерівящее господство готовыхъ взглядовъ, господство учебниковъ, подневольное существование учителей и пренебреженіе, если не подавленіе въ воспитанникахъ всякаго чувства самостоятельности и гражданскаго мужества.

«Но все это, столь необходимое для господства аристократії, диаметрально противоположно тому, чего должна для себя желать демократія; не странно ли поэтому ожидать, что она станет заимствовать методы воспитанія ея молодыхъ поколѣній у чуждыхъ ей и враждебныхъ системъ?..

«Это было бы самоубийствомъ, и если аристократія въ дѣлѣ школьнаго воспитанія такъ усердно апеллируетъ все къ прошлому да къ традиції, то демократія должна опираться на эволюцію и направлять сознаніе воспитанника на самую природу вещей, дабы освѣтлять, обновлять тѣмъ и нравственную силу народа.

«Поэтому-то, исходя изъ принципа, что общество можетъ управлять своими дѣлами лишь при его полной самостоятельности, мы признаемъ, что дитя, какъ предметъ воспитанія, должно быть свободно. И свобода эта должна быть прочно охраняема, если же хотятъ, чтобы современемъ питомецъ смогъ, въ свою очередь, внести и свою лепту въ ростъ демократіи, на благо родной стороны. Вѣдь если все это не будетъ воспитано въ немъ съ самаго дѣтства и предстанетъ впослѣдствіи, лишь какъ привилегія зреаго возраста,—кто поручится, что чувства гражданскаго долга дождутся въ немъ отклика, и свобода не перейдетъ въ грубое своеоліе... Этого ли желать демократіи?

«Остается, стало быть, признать въ питомца не пѣнника, не узника школы, а растущаго гражданина и, какъ въ таковомъ, параллельно съ сознаніемъ его независимости, развивать въ немъ чувство отвѣтственности, дающей внутреннюю цѣнность и самой свободѣ. Вотъ основной принципъ демократическаго воспитанія; его примѣненіе—уже дѣло педагогическихъ способностей воспитателей.

«Но свобода питомца предполагаетъ такую же свободу учителя, а потому дѣло демократическаго народнаго образованія должно быть поставлено такъ, чтобы между питомцемъ и воспитателемъ не стояло глухой стѣны предписаній и всякихъ иныхъ начальственныхъ путъ. На организацію подготовки достойнаго своихъ обязанностей персонала—вотъ куда должно быть обращено вниманіе контролирующаго учебное дѣло начальства, а не на каждый шагъ учебно-воспитательной дѣятельности учителей, отвѣтственныхъ лишь за той же мѣрѣ, какъ и всякий гражданинъ, т. е.—не по намѣрѣніямъ, а по результатамъ...»

Послѣднія строки отчасти могутъ служить объясненіемъ оригинального института, получившаго наилучшее развитіе опять-таки въ школьнѣмъ законодательствѣ провинціи Онтаріо. Я имѣю въ виду специальнѣо-педагогический цензъ для учителей и учрежденія ихъ профессиональнаго образованія.

Канадцы вполнѣ справедливо утверждаютъ, что образование, само по себѣ, еще не даетъ людямъ преподавательскихъ спе-

собностей *). А потому никто тутъ не можетъ быть допущенъ къ преподаванію въ народной школѣ, если онъ предварительно не выдержалъ экзамена при окружномъ испытательномъ бюро. Для того же, чтобы быть допущеннымъ къ такому экзамену, необходимо пройти специальный четырехмѣсячный курсъ при одной изъ образцовыхъ школъ графства. Успешно выдержавшему подобное испытаніе дается такъ называемое «свидѣтельство третьей степени», дѣйствительное лишь на три года. Удовлетворительные результаты преподавательской дѣятельности за это время, засвидѣтельствованные окружнымъ инспекторомъ, даютъ домогающемся право поступить въ одну изъ окружныхъ нормальныхъ школъ (provincial normal school) для дальнѣйшей педагогической подготовки и экзамена на свидѣтельство второй степени, дающее право учительства уже на всю жизнь.

Этотъ второй дипломъ, однако же, еще не достаточенъ для занятия мѣста завѣдующаго народной школой, если въ ней имѣется двое или болѣе преподавателей: школьнное дѣло, по справедливому убѣжденію канадцевъ, требуетъ отъ завѣдывающаго училищемъ троекаго рода знаній: 1) чисто-научныхъ, 2) педагогическихъ, 3) учебно-административныхъ. А потому для кандидатуры на дипломъ первой степени необходимо тутъ прослужить не менѣе двухъ лѣтъ въ званіи помощника (assistant).

Для удовлетворенія постоянной потребности въ такихъ учителяхъ и служить особая система учрежденій, состоящая изъ «образцовыхъ школъ графствъ», «нормальныхъ школъ» и, наконецъ, «нормальныхъ колледжей». Послѣдовательная преемственность этихъ учрежденій педагогического образованія позволяетъ энергичнымъ людямъ успѣшно и съ пользой для дѣла подыматься по лѣстницѣ профессиональныхъ повышеній. «Многіе изъ теперешнихъ окружныхъ инспекторовъ—говорилъ въ своемъ отчетѣ министръ народного просвѣщенія въ Онтаріо, Милларъ—начали свою службу съ низшихъ ступеней».

Въ 1896 г. въ провинції Онтаріо школъ первого рода имѣлось 60 съ 1687 учителями-студентами, что, при численности населенія въ 2.100,000 душъ, даетъ одного учащагося учителя на 1,244 ч. населенія — пропорція завидная: школъ второго рода 30, съ 835 учителями-студентами (во всѣхъ нашихъ учительскихъ институтахъ не наберется столько, при 130 миллионахъ населенія) и, наконецъ, школъ третьаго рода — 12, съ 188 «учащимися учителями»,—резервъ болѣе, чѣмъ достаточный...

Но и этого мало: школа, какъ и сама жизнь, только тогда остается исполненной духа живого, когда въ ней не замираетъ

*.) У насъ почему-то все еще думаютъ объ этомъ иначе; по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается подготовки преподавателей средн.-уч. заведеній.

процесъ естественнаго роста и развитія, а для этого, между пречимъ, необходимо, чтобы и дѣятели ея, какъ бы многообразовани и заслужены они ни были, не закаменѣвали, при благосклонномъ созволеніи на это начальства, на своихъ педагогическихъ и научныхъ лаврахъ. Вотъ для того, чтобы не допускать подобнаго (у насъ, напр., почти непреоборимаго) процесса, въ Онтаріо въ каждомъ графствѣ (county) или инспекторскомъ округѣ существуютъ особые «Учительскіе Институты» для взаимнаго усовершенствованія учителей въ методахъ преподаванія и для обсужденія возникшихъ въ школьнай практикѣ вопросовъ воспитанія, ожидающихъ соотвѣтственной регулировки. Многіе изъ этихъ институтовъ, члены которыхъ собираются всегда публично, обладаютъ прекрасными специальными библиотеками и вновь выдвигаемыми жизнью школы учебными пособіями (для чего правительствомъ отпускается каждому такому институту по 50 руб. въ годъ, да столько же поступаетъ въ кассу его отъ общества непосредственно). Часто на собранія института привлекаются выдающіеся ученые, читающіе тутъ публичныя лекціи на современныя образовательныя и воспитательныя темы. Собранныя и лекціи эти, конечно, привлекаютъ къ себѣ интересъ и вниманіе общества, воспитывая въ немъ чувство живого участія въ школѣ.

Какъ быстро и успѣшно растетъ число такихъ институтовъ, видно уже изъ того, что еще въ 1878 году ихъ въ провинціи Онтаріо было всего 54 съ 3,511 членами, составлявшими едва 50% всего числа учителей провинціи, а въ 1900 году — 76 съ 8,081 членами, составлявшими 86% наличнаго учительскаго персонала.

Да, школьнное дѣло тутъ живеть, развивается, прогрессируетъ. Отдѣльныя части его, какъ органы одного мощнаго тѣла, взаимно обмѣниваются питательными соками, а надъ всѣмъ этимъ, какъ мозгъ надъ остальными частями организма, стоитъ «Народно-образовательная Ассоціація» провинціи Онтаріо, объединяющая въ себѣ все, что есть сколько-нибудь живого и мыслящаго въ педагогическомъ мірѣ страны. Вотъ какъ отзыается объ этомъ обществѣ уже упомянутый нами министръ народнаго просвѣщенія въ Онтаріо, Милларъ:

«Уже болѣе тридцати лѣтъ существуетъ это общество, первоначально поставившее себѣ цѣлью лишь чтеніе и совѣтственное обсужденіе докладовъ по вопросамъ воспитанія и образованія. Теперь же мы можемъ смѣло сказать, что общія собранія Ассоціаціи имѣли большое, несомнѣнное вліяніе и на все развитіе прогрессивнаго направленія нашего школьнаго законодательства, такъ что на Общество это имѣемъ право смотрѣть, какъ на наше народно-образовательный парламентъ.»

Такова аттестація Обществу со стороны лица, стоящаго во главѣ вѣдомства, въ кругѣ дѣйствія котораго безпрестанно вторгается неумолчная критика членовъ Ассоціаціи, не имѣющихъ на

то никакихъ «законныхъ полномочій». Все это лишній разъ подтверждаетъ, что самый принципъ власти имѣть здѣсь какое-то, совсѣмъ отличное отъ принятаго у европеїцевъ, выраженіе и осуществленіе, и что такая альтератація оказывается нисколько не вредной для дѣла, хотя «Общество» рассматриваетъ предметы «вѣдомства», какъ бы свою собственность. Такъ, въ немъ существуютъ секціи: дѣтскихъ садовъ народной школы, средней школы (high-school), учительской школы, инспекціи и т. п. При немъ имѣются также союзы споспѣществованія классическому образованію, естественно научному, филологическому и отдѣльнымъ наукамъ. Но что еще болѣе замѣчательна и, подобно прекрасно-разработанному институту профессионального образованія учителей, является въ своемъ родѣ первымъ и пока еще единственнымъ установлениемъ во всемъ мірѣ—это организовавшаяся при Обществѣ особая ассоціація попечителей народныхъ и среднихъ школъ для разработки вопросовъ непосредственного участія общества въ жизни и дѣятельности школы. По признанію того же министра народнаго просвѣщенія, ассоціація эта также вносить немало полезнаго въ дѣло народнаго просвѣщенія, какъ въ одну изъ основъ народнаго благосостоянія и дальнѣйшаго общественнаго прогресса.

П. Владыченко.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Не наливай бокалъ! Вѣдь здѣсь еще кровавый,
Позорный старый годъ... Онъ хочетъ, при концѣ,
Насъ снова напоить отчаянья отравой
И въ прошлое уйти въ коралловомъ вѣнцѣ.
Жестокъ слѣпой старики! Онъ сдѣлалъ казнь забавой,
Онъ лиль, какъ воду, кровь... Лишь въ петляхъ да свинцѣ
Обрѣлъ онъ щитъ себѣ и тѣшилъ нравъ лукавый...
Предателя печать видна въ его лицѣ.
— Чу! Слышишь, полночь бѣть? Идетъ на смѣну новый,
Желанный, свѣтлый годъ... На немъ вѣнокъ терновый,
Но между острыхъ иглъ мерцааетъ лучъ зари:
Повѣрь, что это онъ—герольдъ весны-свободы!
Потухнуть палачей безумныхъ алтари,
И солнце озарить надъ нами неба своды.

С. Ивановъ-Райковъ.

Изъ воспоминаній нѣмецкаго револю- ціонера.

Карла Шурца *).

Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Анненской.

I.

Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда, наканунѣ перехода въ старшій классъ Кельнскай гимназіи, семейная дѣла заставили меня бросить гимназическое ученіе. Я перѣхалъ въ Боннъ, гдѣ жила моя семья, и рѣшилъ поступить вольнослушателемъ въ тамошній университетъ съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ выдержать въ Кельнѣ экзаменъ зрѣлости въ качествѣ экстерна.

Съ осеннаго семестра 1846 года я сталъ слушать лекціи филологіи и исторіи. Хотя я не былъ еще настоящимъ студентомъ, но группа добрыхъ товарищѣй приняла меня въ свою корпорацію «Франконія». Этимъ я былъ обязанъ своимъ гимназическимъ пріятелямъ Теодору Петрапшу и Людвигу фонъ-Вейзе. Они поступили въ университетъ раньше менѣа, сдѣлялись членами «Франконіи» и говорили обо мнѣ новымъ товарищамъ съ преувеличенными похвалами. Я въ то время былъ страшно застѣничивый юноша, до того застѣничивый, что чувствовалъ себя хорошо исключительно въ кругу семьи или самыхъ близкихъ знакомыхъ, а при встрѣчѣ съ посторонними людьми совсѣмъ терялся и не могъ произнести ни слова. Мое смущеніе еще болѣе увеличилось, когда я замѣтилъ, что кельнскіе пріятели хотятъ хвастаться мною передъ членами

*) Карлъ Шурцъ, нѣмецкій эмигрантъ и извѣстный общественный дѣятель Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, лѣтомъ нынѣшняго года издалъ въ Берлинѣ воспоминанія о ранніхъ годахъ своей жизни (*Lebenserinnerungen* von Karl Schurz. Bis zum Jahre 1852. Berlin 1906). Мы беремъ изъ этой, заинтересовавшей нѣмецкую публику, книги нѣсколько главъ, относящихся къ студенческимъ годамъ Шурца и его участію въ революціи 1848 г. Переводъ сдѣланъ съ нѣкоторыми сокращеніями.

«Франконія». Я краснѣлъ и едва могъ давать односложные отвѣты на вопросы студентовъ; разочарованіе моихъ пріятелей было такъ велико, что добрый Петрашъ не могъ даже скрыть его. Никогда не забуду я того чувства беспомощности, какое овладѣло мною, когда онъ представилъ меня тогдашнему оратору «Франконія» Іоганну Овербеку. Овербекъ, родомъ изъ Гамбурга, былъ красивый молодой человѣкъ, на нѣсколько лѣтъ старше меня, и держался весьма самоувѣренno. Онъ изучалъ археологію и уже издалъ томикъ своихъ стихотвореній. Все это производило на меня такое импонирующее впечатлѣніе, что въ разговорѣ съ нимъ я не могъ почти ничего сказать, кромѣ «да» и «нѣтъ». Я казался самому себѣ неуклюжимъ деревенскимъ парнемъ, который не умѣеть держаться въ порядочномъ обществѣ, и мнѣ было страшно стыдно. Первый разъ въ жизни приходилось мнѣ встрѣчаться съ нѣмцами изъ другихъ частей Германіи; а у нихъ, особенно у сѣверо-германцевъ, было въ обращеніи какое-то сознаніе собственного пре- восходства, которое дѣйствовало на меня подавляющимъ образомъ.

Въ качествѣ вольнослушателя я не могъ вступить во «Франконію», какъ настоящій студентъ, но я принималъ участіе въ собраніяхъ, происходившихъ въ погребкѣ, почти какъ полноправный членъ товарищества. Такъ какъ «Франконія» отличалась отъ другихъ студенческихъ союзовъ менѣе грубыми нравами и не обязывала своихъ членовъ потреблять массу пива, то моя умѣренность въ питьѣ не навлекала на меня непріятностей. Долгое время сидѣть я среди веселыхъ, разговорчивыхъ, по большей части остроумныхъ товарищѣй, какъ молчаливый, почти нѣмой наблюдатель. Наконецъ, насталь и мой часъ.

Одно изъ развлечений на собраніяхъ въ погребкѣ составляло чтеніе такъ называемой «Газеты Погребка». Кто нибудь изъ членовъ общества писалъ статью или стихотвореніе, по большей части сатирическаго или, вообще, веселаго содержанія, и прочитывалъ ихъ всему обществу. Всакому хотѣлось написать хорошенькую «газету», и многихъ произведенія, которыхъ читались на собраніяхъ, были, дѣйствительно, очень талантливы. Разумѣется, я, не принимая участія въ разговорахъ, въ то же время наблюдалъ всѣ особенности своихъ новыхъ пріятелей. И вотъ мнѣ вздумалось написать пародію на сцену изъ Фауста въ погребкѣ Ауэрбаха, при чѣмъ у меня являлись дѣйствующими лицами главные члены «Франконія». Размѣръ дался мнѣ легко, стихи вышли гладкіе и довольно музыкальные, сатира оказалась мѣткой, хотя добродушной. Я подъ секретомъ показалъ свое произведеніе Петрашу. Онъ пришелъ въ восторгъ и объявилъ, что лучше этого еще никто не писалъ въ «Газетѣ Погребка». Я ему не повѣрилъ и ни за что не соглашался прочесть свое произведеніе на слѣдующемъ собраніи. Тогда онъ предложилъ, что самъ прочтеть, и я позволилъ ему, но съ условіемъ, что онъ не назоветъ автора. Сердце мое страшно бы-

лось во время этого чтения, и я чувствовалъ, какъ краснѣю всякий разъ, когда раздавался общій смѣхъ и одобрительные возгласы. Успѣхъ былъ полный. Петрашъ объявилъ, что не можетъ назвать автора, но противъ этого общества запротестовало. Обо мнѣ никто и не думалъ. Петрашъ, гордившійся моимъ произведеніемъ, точно своимъ собственнымъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ черезъ столъ и прошепталъ такъ, что соѣди могли слышать:

— Не сказать ли? — Это одно уже открыло бы секретъ, но кромѣ того другой членъ собранія увидѣлъ рукопись и узналъ мой почеркъ. Это вызвало общій восторгъ. Меня окружили со всѣхъ сторонъ, обнимали, поздравляли, а Петрашъ все повторялъ:

— Что, не говорилъ ли я вамъ?

Всѣ мои юношескія литературныя произведенія пропали, и я обѣ этомъ не жалѣю. Но, сознаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось увидать этотъ № «Газеты Погребка», такъ какъ въ свое время онъ оказалъ мнѣ неоцѣненную услугу. Его успѣхъ возводилъ во мнѣ довѣріе къ собственнымъ силамъ. Благодаря ему, робкій юноша, представлявшій изъ себя довольно смѣшную фигуру, вдругъ сдѣжался лицомъ, пользуясь общимъ уваженіемъ окружающихъ. Вскрѣ застѣнчивость перестала связывать мой языкъ, и мнѣ удалось войти въ пріятельскія отношенія со многими товарищами. Правда, въ этотъ первый годъ университетской жизни я могъ отдавать друзьямъ мало времени: передо мной, какъ грозный призракъ, стоялъ предстоявшій мнѣ экзаменъ зрѣлости, отъ которого зависѣла вся моя будущность. Кромѣ лекцій по исторіи и по филологіи, которая я слушалъ въ университетѣ, мнѣ приходилось безъ посторонней помощи проходить весь курсъ старшаго класса гимназіи. За исключеніемъ математики и естественныхъ наукъ, мнѣ удалось одолѣть его безъ особенного затрудненія. Въ сентябрѣ 1847 г. назначенъ былъ экзаменъ, и я отправился въ Кельнъ, сопровождаемый горячими пожеланіями родныхъ и друзей. Все кончилось великолѣпно. Счастье благопріятствовало мнѣ. Я зналъ наизусть всю шестую пѣсню Иліады, а экзаменаторъ случайно заставилъ меня переводить именно ее. Я могъ отложить въ сторону книгу и перевести заданный мнѣ отрывокъ, не заглядывая въ нее. Это произвело большой эффектъ. Мое нѣмецкое и латинское сочиненіе, а также отвѣты по другимъ предметамъ настолько понравились экзаменаторамъ, что они посмотрѣли сквозь пальцы на мои слабыя знанія по математикѣ и естественнымъ наукамъ. Когда экзамены кончились, и я получилъ свидѣтельство, правительственный комиссаръ, котораго я раньше боялся, какъ мрачнаго рока, очень горячо пожалъ мнѣ руку и пожелалъ всякаго благополучія.

Съ торжествомъ вернулся я въ Боннъ. Теперь я могъ поступить въ университетъ настоящимъ студентомъ и быть равнопрачнымъ членомъ студенческой корпораціи. Съ новымъ рвениемъ и съ чувствомъ упроченнаго положенія предался я своимъ занятіямъ по

филології и по історії. О своємъ будущемъ я думалъ съ полнымъ спокойствіемъ: воображеніе рисивало мнѣ профессуру по исторії въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ и блестящую літературную дѣятельность. Я надѣялся, что уже оставилъ за собой всѣ непріятнія житейскія треволненія, что мнѣ предстоитъ мирная жизнь, въ которой я найду полное удовлетвореніе своего честолюбія. Я и не подозрѣвалъ въ то время, какой меня ждетъ неожиданный поворотъ судьбы, какъ всѣ мои планы будущей жизни разрушатся и какъ я буду принужденъ идти совершенно другой дорогой!

Благодаря моему веселому характеру и способности довольствоваться малымъ, я вполнѣ наслаждался свободною студенческою жизнью. На мое счастье, я сразу попалъ въ кружокъ лучшихъ студентовъ университета.

Фридрихъ Шпильгагенъ говорить въ своихъ запискахъ, что «Франконія» «была самымъ аристократическимъ изъ студенческихъ союзовъ того времени». Это вѣрно. Правда, въ числѣ ея членовъ не было сыновей родовитыхъ фамилій, не было людей особенно богатыхъ. По крайней мѣрѣ, на богатство никто не обращалъ вниманія. Но она отличалась умственнымъ аристократизмомъ и серьезными научными стремленіями. Ни въ одномъ изъ тогдашнихъ студенческихъ союзовъ не было такого количества юношей, которые впослѣдствіи пріобрѣли известность на разныхъ поприщахъ жизни.

Члены «Франконіи» занимались наукой прилежно и вполнѣ сознательно, но имъ была чужда угрюмость, унылое коригѣніе надъ книгами, и они пользовались всякимъ случаемъ повеселиться и попироровать. Правда, ихъ пирушки никогда не переходили въ пьяные оргіи, который вообще считались неотъемлемою принадлежностью студенчества. Нѣкоторые изъ насъ могли поглощать значительное количество пива. Но питье пива не считалось искусствомъ, достойнымъ поощренія, и тотъ, кто пилъ умѣренно, могъ не опасаться насмѣшекъ товарищей. Напротивъ, умѣренность считалась общимъ правиломъ, и кто слишкомъ часто или слишкомъ грубо нарушаѣтъ это правило, тотъ получалъ замѣчаніе со стороны предсѣдателя союза и могъ даже подвергнуться исключенію. Точно также не раздѣляли мы и при грастія къ дуэлямъ, которыми старались прославиться другія студенческія корпораціи. За все время, что я принадлежалъ къ союзу, у насъ было только два случая дуэлей, и мы далеко не гордились ими.

Прочіе обычай студентовъ мы свято соблюдали. Мы съ гордостью носили цвѣты нашего союза на фуражкахъ и лентахъ. Мы устраивали попойки съ пѣснями. Мы справляли свой комершъ съ обычными церемоніями и надлежащею торжественностью. Мы играли въ кегли и предпринимали прогулки въ окрестныя деревни, при чемъ нѣкоторые изъ насъ, особенно хорошо изучившіе Гомера, вели разговоры по-гречески и примѣняли стихи Гомера.

ко всему, что дѣлалось и встречалось по дорогѣ. Мы позволяли себѣ иногда небольшія экскурсіи вверхъ по Рейну и въ прелестныя долины на берегахъ его; при этомъ я до сихъ поръ съ благодарностью вспоминаю тѣхъ трактирщиковъ, которые были настолько велиководны, что не настаивали на немедленной уплатѣ по счету, особенно же честнаго Натаана въ Ст. Гоарсгаузенѣ, подъ сѣнью Лорелей, который такъ радушно принималъ къ себѣ и угождалъ каждого «франконца», точно родного сына. Поэзія юношеской дружбы доставляла намъ много наслажденій. Я безъ малѣйшаго стыда вспоминаю наши объятія, наши мечты о вѣчной братской любви, наши слезы, когда въ концѣ семестра нѣкоторые члены кружка оставляли навсегда университетъ. Когда при прощаніи стаканы сдвигались въ послѣдній разъ, заключительными словами прощающей пѣсни очень часто прерывались рыданіями. Я до сихъ поръ не могу безъ волненія слышать эту пѣсню: мнѣ такъ живо представляются милые товарищи, обнимавшіе отъважавшихъ со слезами на глазахъ. О, свѣтлая, беззаботная, мечтательная юность съ своими радостями и привязанностями! Какъ скоро омрачила ее горькая, суровая дѣйствительность!

Въ началѣ зим资料的 семестра 1847—48 года, я познакомился съ профессоромъ Готфридомъ Кинкелемъ, и это знакомство имѣло важное значеніе для всей моей послѣдующей жизни. Кинкель читалъ лекціи по литературѣ и исторіи искусства, и я посѣщалъ ихъ. Кроме того, я принялъ участіе въ курсѣ упражненій, которымъ онъ руководилъ. Это дало намъ поводъ завязать личное знакомство. Кинкель родился 11 августа 1815 г., следовательно, ему было 32 года, когда мы съ нимъ познакомились. Онъ былъ сынъ евангелическаго пастора изъ Оберкасселя на Рейнѣ, готовился тоже къ теологической дѣятельности и учился въ университетахъ Бонна и Берлина. Въ 1836 году онъ получилъ мѣсто приват-доцента церковной исторіи при боннскомъ университѣтѣ, въ 1837 г.ѣздилъ для поправленія здоровья въ Италию и тамъ занялся изученіемъ исторіи искусствъ, а по возвращеніи въ Боннъ былъ назначенъ помощникомъ проповѣдника евангелической общины въ Кельнѣ. Онъѣздилъ туда каждое воскресенье изъ Бонна, чтобы произносить проповѣди, которыя отличались замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Въ то же время онъ пріобрѣлъ извѣстность и какъ поэтъ. Особеннымъ успѣхомъ пользовалась его романическая поэма «Отто Струмокъ». Въ Кельнѣ онъ познакомился съ разведенной женой книгопродавца Матье, чрезвычайно даровитою женщиной. Однъ разъ, когда они катались по Рейну, лодка опрокинулась, онъ спасъ ее и вскорѣ послѣ того (въ 1843 г.) женился на ней. Послѣ брака съ католичкой и съ разводкой, ему стало невозможно оставаться протестантскимъ богословомъ, впрочемъ, положеніе это и безъ того было непрочно, вслѣдствіе того либерального направленія, котораго онъ открыто

держался. Кинкель отказался отъ теологии и въ 1846 г. получилъ въ Боннѣ кафедру исторіи искусства и культуры въ качествѣ экстраординарного профессора.

Интересная личность профессора и его увлекательная манера изложения придавали особый интересъ его лекціямъ. Кинкель былъ замѣчательно красивый мужчина, съ правильными чертами лица, шести футовъ роста, крѣпкаго тѣлосложенія. Его широкий лобъ отѣнялся черными волосами, блескъ его темныхъ глазъ не могъ скрыть даже очки, которые онъ носилъ, вслѣдствіе сильной близорукости; черная густая борода и такие же усы окаймляли его ротъ и подбородокъ. Кинкель обладалъ удивительнымъ голосомъ. Слушать его было наслажденіе столько же музыкальное, сколько интеллектуальное. Вполнѣ естественная, выразительная и красивая жестикulationъ сопровождала его рѣчь, которая лилась правильными, содержательными и часто поэтическими фразами и придавала прелесть самымъ сухимъ предметамъ.

Когда Кинкель предложилъ познакомить своихъ учениковъ съ ораторскимъ искусствомъ, я съ удовольствіемъ согласился учиться у него. Онъ не читалъ намъ теоретическихъ лекцій о риторикѣ, но началъ съ того, что предлагалъ намъ образцы выдающихся рѣчей, объяснялъ ихъ и заставлялъ насъ упражняться на нихъ. Между прочимъ, онъ бралъ изъ какихъ-либо драмъ Шекспира. Мне онъ задалъ выяснить значение знаменитой надгробной рѣчи Марка Антонія въ «Юліи Цезарѣ», указать цѣль ея и тѣ средства, какими эта цѣль достигалась, и, наконецъ, продекламировать ее. Кинкелю понравилось, какъ я исполнилъ эту задачу, и онъ пригласилъ меня бывать у него въ домѣ. Я не замедлилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ и, несмотря на мою все еще продолжавшуюся застѣнчивость, между нами скоро установились дружескія отношенія. Дѣйствительно, съ Кинкелемъ было не трудно сойтись. Онъ обладалъ въ высшей степени веселою непринужденностью, свойственною жителямъ Рейнскихъ береговъ. Въ кругу семьи и друзей онъ охотно забывалъ свое профессорство и веселился, какъ школьникъ. Онъ не прочь былъ осушить стаканчикъ вина, при какой-нибудь удачной или неудачной остротѣ громко хохотать, во всѣхъ условияхъ жизни отыскивать пріятныя стороны и не приходить въ уныніе, когда судьба относилась къ нему немилостиво. Благодаря этому, всякий невольно чувствовалъ себя хорошо и свободно въ его обществѣ.

Семейная жизнь Кинкелей устроилась вполнѣ счастливо. Йоганна Кинкель далеко не отличалась красотой. Она была средняго роста, довольно неуклюжей фигуры, съ руками и ногами не особенно большими, но очень не изящными; цветъ лица у нея былъ смуглый, черты грубоваты, безъ малѣйшей женственности. При томъ же она совсѣмъ не умѣла одѣваться. Ея платья были всегда слишкомъ коротки, и изъ подъ нихъ высовывались широкія ноги

въ бѣлыхъ чулкахъ и въ башмакахъ, привязанныхъ черными тесемками накресть. Но въ глубинѣ ея синевато-стальныхъ глазъ горѣлъ огонь, который показывалъ, что въ ней есть нечто незаурядное. Дѣйствительно, когда она начинала говорить, всякий забывалъ ея некрасивую наружность. Впрочемъ, и тутъ природа обидѣла ее: голосъ ея былъ немножко хриплый и сухой. Но то, что она говорила, сразу привлекало вниманіе слушателя. Она не только умѣла разсуждать о важныхъ предметахъ съ глубокимъ пониманіемъ, большою проницательностью и поразительной ясностью, но даже самыи обыкновеннымъ вещамъ, повседневнымъ мелочамъ она умѣла придать интересъ своимъ живымъ, остроумнымъ разговоромъ. Слушая ее, всегда какъ-то чувствовалось, что она высказывается не вполнѣ, что у нея остается въ запасѣ цѣлая сокровищница знаний и мыслей. Кроме того, она обладала веселымъ рѣйнскимъ юморомъ, который умѣеть подмѣтить смѣшную сторону всякаго явленія и отыскивать пріятное во всѣхъ условіяхъ жизни. Она получила основательное музыкальное образованіе и превосходно играла на фортепіано. Я рѣдко слышалъ, чтобы кто-нибудь передавалъ произведенія Бетховена и Шопена съ большими совершенствами, чѣмъ она. Можно было сказать, что она далеко перепшла за ту грань, которая отдѣляетъ дилетанта отъ истиннаго артиста. Хотя у нея не было звучного голоса, она, тѣмъ не менѣе, производила своимъ пѣніемъ сильное впечатленіе. Можно сказать, что она обладала искусствомъ пѣть безъ голоса.

Всякій, кто наблюдалъ домашнюю жизнь этихъ двухъ, по наружности, столь различныхъ людей, не могъ не замѣтить, какъ они счастливы взаимною любовью, съ какою вызывающею веселостью готовы они рука объ руку идти на борьбу съ жизнью. Счастье ихъ дополнялось прелестными дѣтьми, которыми судьба благословила ихъ бракъ. Въ домѣ Кинкелей собирался кружокъ лицъ, близкихъ имъ по умственному развитію. Это были мужчины и женщины либерального образа мыслей, которые смѣло и свободно высказывали свои мнѣнія по разнымъ религіознымъ и политическимъ вопросамъ. Въ поводахъ высказывать эти мнѣнія недостатка въ то время не было.

Среди нѣмецкихъ католиковъ господствовало сильное броженіе, которое вызвало у протестантовъ стремленіе добиваться свободы мысли и преподаванія. Въ области политики тоже дуго рѣзкій вѣтеръ. Печальное самоосмыленіе и пустыя политическія разглагольствованія уступили мѣсто стремленію поставить себѣ опредѣленный цѣлъ и надеждѣ достичнуть этихъ цѣлей. Предчувствовалось приближеніе великихъ событий, хотя никто не предвидѣлъ, какъ скоро они настанутъ. Въ кружкѣ Кинкелей ясно и опредѣленно говорили о томъ, что до тѣхъ поръ еще смутно бродило у меня въ головѣ. Чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ отношеніе къ движеніямъ 1848 г. того класса нѣмцевъ, къ которому я принадлежалъ, не

лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о настроеніи общества въ предшествовавшіе годы.

II.

Патріоты любили останавливаться мыслью на воспоминаніяхъ о священной римско-германской имперіи, которая во времена своего процвѣтанія предписывала законы всему извѣстному тогда миру. Эти воспоминанія порождали романтическія мечты о возстановленіи нѣмецкаго могущества и славы, мечты, имѣвшія въ глазахъ молодежи особенную, поэтическую прелесть. Со стыдомъ вспоминался періодъ національной разрозненности и мертваго абсолютизма, послѣдовавшій за тридцатилѣтней войной, когда нѣмецкіе князья, забывъ всякое національное чувство, были постоянно готовы служить интересамъ и честолюбію иноземцевъ, продавать имъ собственныхъ подданныхъ и на вырученныя деньги поддерживать роскошь и развратъ своего придворнаго штата; съ такимъ же стыдомъ говорили о времени Рейнскаго Союза, когда государи Баваріи, Саксоніи и Виртемберга стали простыми вассалами Наполеона; когда одна часть Германіи помогала ненавистному чужеземцу покорять своей власти другую; когда въ 1806 г. императоръ австрійскій сложилъ съ себя корону и, какъ германскій императоръ, такъ и Германская имперія, перестали существовать даже по имени.

Затѣмъ, послѣ періода мучительного униженія, поднялось въ 1813 г. великое народное движеніе противъ господства Наполеона. Къ этому пробудившемуся національному чувству обращался изданный въ Калишѣ манифестъ, которымъ прусскій король въ союзѣ съ русскимъ императоромъ призывалъ къ оружію нѣмецкій народъ и сулилъ ему въ будущемъ новое, дѣйствительно національно объединенное государство и облеченнное въ конституціонныя формы участіе народа въ дѣлѣ правленія. Въстановленіе единаго нѣмецкаго государства, прекращеніе господства произволова путемъ введенія народныхъ представительственныхъ учрежденій—вотъ что обѣщалъ прусскій король, насколько народъ понялъ его обѣщанія, вотъ на что надѣялся народъ, когда съ геройскимъ увлечениемъ и безграницнымъ самоотверженіемъ шелъ на борьбу и побѣдоносно довелъ ее до конца.

Но вмѣстѣ съ побѣдой пришло и горькое разочарованіе. Противъ объединенія Германіи возстало не только остальная Европа, но и мелкіе нѣмецкіе князья, особенно тѣ изъ нихъ, которые въ качествѣ членовъ «Рейнскаго Союза» получили повышенія въ рангѣ. Къ этому присоединились интриги Австріи, которая со своими не-нѣмецкими областями подчинялась вліянію вѣнѣнѣецкихъ интересовъ. Ея политикой руководилъ князь Меттернихъ, которому

было чуждо всякое чувство німецкаго патріотизма, который не-навидилъ всякую свободную мысль и боялся народа. Вслѣдствіе этого, миръ не принесъ німецкому народу ничего, похожаго на ту награду за принесенный имъ жертвы, какой онъ ждалъ, какую заслужилъ. Вѣнскій конгрессъ создалъ въ Германіи только одно: союзъ между отдѣльными німецкими государствами, «Германскій союзъ» съ его органомъ «Союзнымъ сеймомъ», собраніемъ уполномоченныхъ отъ правительствъ разныхъ німецкихъ государствъ безъ всякаго слѣда представительства сословій или народа. О какой либо гарантіи, о какомъ либо осуществленіи гражданскихъ правъ, о свободѣ печати, свободѣ собраній, гласномъ судѣ не было и рѣчи. Наоборотъ, Союзный сеймъ, безсильный, какъ представитель націи во внѣшнихъ сношеніяхъ, выродился въ обществѣ взаимнаго страхованія абсолютныхъ правительствъ, въ центральное полицейское учрежденіе, подавлявшее всякое свободное движение внутри страны.

Давая свое обѣщаніе въ періодъ общаго бѣдствія и подъема народнаго духа, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, по всей вѣроятности, не имѣлъ намѣренія обманывать. Но онъ смотрѣлъ на вещи съ ограниченной точки зрѣнія отца семейства, увѣренного въ своихъ собственныхъ честныхъ намѣреніяхъ и считающаго, что его неограниченный авторитетъ необходимъ для создания общаго блага. Всякое стремленіе народа къ свободнымъ государственнымъ учрежденіямъ представлялось ему посягательствомъ на этотъ авторитетъ, революціоннымъ актомъ, а выраженіе желанія, чтобы обѣщанія, данные въ 1813 г., были исполнены,—бунтовщикскимъ домогательствомъ подданныхъ, вслѣдствіе которого приходится откладывать на неопределеннное время исполненіе обѣщаній. Такимъ образомъ, онъ, быть можетъ, безсознательно, являлся орудіемъ Меттерніха, этого злого духа Германіи. Въ результатѣ получился періодъ тупой реакціи, періодъ министерскихъ совѣщаній для объединенія деспотическихъ мѣропріятій, жестокихъ преслѣдованій «демагоговъ», варварскаго стѣсненія печати, грубаго полицейского произвола. Временами въ какомъ-нибудь мелкомъ німецкомъ государствѣ вдругъ проносилось либеральное вѣяніе, но за нимъ обыкновенно слѣдовали еще болѣе возмутительныя ре-прессии со стороны Союза. Такъ былъ вознагражденъ німецкій народъ за свои жертвы, за свое геройство въ борьбѣ, такъ были исполнены прекрасныя обѣщанія 1813 г. Это было время величайшаго безславія. Даже французы, испытавшіе силу німецкаго оружія, насмѣхались, и не безъ основанія, надъ униженіемъ побѣдителей. Нѣмцы готовы были презирать собственное отечество. Они смирились сами надъ собой.

Вступленіе на престолъ Фридриха Вильгельма IV въ іюнѣ 1840 г. возбудило новые надежды. Онъ былъ известенъ, какъ че-ловѣкъ умный, и отъ него многаго ожидали. Его считали неспо-

собнымъ продолжать близорукую политику отца. Въ это самое время министерство Тьера стало грозить рейнской границѣ, и национальное чувство нѣмцевъ снова ожило. Первые рѣчи новаго короля и назначение на высшіе посты людей, пользовавшихся общимъ уваженiemъ, какъ будто подтверждали надежду, что онъ раздѣляетъ стремленія нѣмецкихъ патріотовъ, что онъ сумѣеть понять и оцѣнить либеральныя теченія современного общества. Увы, вскорѣ явилось новое разочарованіе! Какъ только раздалось требованіе, чтобы король исполнилъ давнишнее обѣщаніе и далъ странѣ представительное правленіе, такъ тонъ его сразу измѣнился. Онъ отвѣчалъ суровымъ отказомъ, и цензура стала съ удвоенной страстью преслѣдоватъ печать. Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ преисполненъ мистической вѣры въ неограниченную королевскую власть милостью Божіей. Онъ увлекался романтическими фантазіями, благодаря которымъ болѣе сочувствовалъ многимъ политическимъ и общественнымъ учрежденіямъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ требованіямъ новаго времени. У него были причуды, а не убѣженія; прихоти, а не настоящая сила воли; остроуміе, а не разсудительность. Честолюбіе манило его свершить что-нибудь замѣчательное, чтобы ознаменовать имя свое на страницахъ исторіи. Онъ занималъ и самого себя, и народъ всевозможными проектами, а въ сущности хотѣлъ все оставить по старому. Онъ воображалъ, что можетъ дать народу видимость участія въ правленіи, ничуть не ограничивая собственной самодержавной власти. Но его попытки въ этомъ направлениі кончились такъ же, какъ всѣ подобныя попытки другихъ монарховъ. Неудовлетворительность и прозрачность того, что онъ давалъ, только усиливала и воспламеняла стремленіе народа добиться дѣйствительныхъ и существенныхъ реформъ.

Революція часто начинается, вслѣдствіе такихъ призрачныхъ уступокъ. Провинціальные ландтаги, созванные Вильгельмомъ III въ надеждѣ, что они ограничатся предписанными имъ задачами мѣстного самоуправлениія, сразу стали осаждать его петиціями о расширеніи представительства крестьянъ и горожанъ и о свободѣ печати. Въ 1842 г. учреждены были «Собранія земскихъ чиновъ» (*ständische Ausschüsse*), которыхъ должны были замѣнить общее народное представительное собраніе; но они обладали весьма ограниченными полномочіями и съ особеною ясностью показывали, что старое обѣщаніе дать настоящее конституціонное правленіе не исполняется. Попытка дѣлать видимыя уступки, а на самомъ дѣлѣ все сохранять по старому не могла не кончиться жалкой неудачей. Петиціи провинціальныхъ ландтаговъ о свободѣ печати, о судѣ присяжныхъ и о конституціи становились все болѣе и болѣе настойчивыми. Королевское правительство сурово отклоняло эти петиціи и усиливало цензуру; чтобы подавить возникавшія либеральныя движенія противъ церкви, оно установило строгій

надзоръ за школами, замѣнило либеральныхъ учителей благочестивыми и прежніе учебники новыми; ограничило свободу преподаванія въ университетахъ и даже стремилось посредствомъ дисциплинарныхъ взысканій подчинить себѣ судей,—все было напрасно. Мало-по-малу недовольство стало настолько всеобщимъ, потокъ петицій настолько сильнымъ, ненависть народа противъ полицейского произвола, проявлявшагося въ отдельныхъ столкновеніяхъ, настолько грозной, что старое зданіе неограниченной королевской власти поплатнулось, и оказалось необходимымъ сдѣлать новый шагъ по пути либеральныхъ реформъ.

И вотъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV рѣшилъ созвать въ Берлинъ на 11 апрѣля 1847 г. «Соединенный ландтагъ», собраніе, состоящее изъ членовъ провинціальныхъ ландтаговъ. На это было продолженіе прежней игры. Новое собраніе должно было изображать изъ себя парламентъ, но не быть настоящимъ парламентомъ. Созваніе его зависѣло вполнѣ отъ воли короля. Его полномочія были ограничены до послѣдней степени. Оно не имѣло права вырабатывать законы и издавать обязательные постановленія. Оно должно было имѣть лишь совѣщательный голосъ и выражать свои желанія исключительно въ видѣ петицій на имя короля. Въ рѣчи, при открытии засѣданія «Соединенного ландтага», король прямо заявилъ, что это самая крайняя уступка, на которую онъ можетъ пойти; онъ никогда не согласится допустить, чтобы между государствомъ и народомъ сталъ «исписаный листъ бумаги», писанная конституція; народъ и самъ не желаетъ, чтобы представители его принимали участіе въ правленіи; самодержавная власть короля не должна быть ограничена; «король долженъ управлять, слѣдуя закону Бога и своей страны по собственному свободному усмотрѣнію»; онъ не можетъ и не долженъ въ дѣлахъ правленія сообразоваться съ волей большинства; онъ, король, никогда не созвалъ бы этого собранія, если бы имѣлъ малѣйшее подозрѣніе, что его члены «сколько-нибудь стремятся играть роль такъ называемыхъ народныхъ представителей». Вотъ, слѣдовательно, къ чему свелось исполненіе «болѣе чѣмъ исполненіе» обѣщаній, данныхъ во время стѣсненныхъ обстоятельствъ.

Общее разочарованіе и усиленное недовольство явились послѣдствиемъ этого заявленія. Но оказалось, что уступка, сдѣланная королемъ, имѣла гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ онъ самъ разсчитывалъ. Кто хочетъ оставаться самодержцемъ, тотъ не долженъ допускать гласного обсужденія политики и дѣйствій правительства со стороны людей, близко стоящихъ къ народу. Правда, «Соединенный ландтагъ» не могъ ничего рѣшать, онъ могъ только обсуждать. Но онъ всетаки имѣлъ право обсуждать;透过 посредство газетныхъ отчетовъ пренія его каждый день сообщались всей интеллигентіи страны,—это было нововведеніе, имѣвшее громадное значеніе. «Соединенный ландтагъ», на скамьяхъ котораго сидѣли мно-

гіе люди недюжинныхъ способностей и либерального образа мыслей, держаль себя разумно и осмотрительно, съ полнымъ достоинствомъ. Но борьба противъ самодержавія началась немедленно по открытии его, и народъ съ тревожнымъ участіемъ слѣдилъ за этой борьбой. Повторилось то, что и раньше часто случалось во всемирной истории: каждый шагъ впередъ заставлялъ народъ живо сознавать необходимость дальнѣйшихъ шаговъ. И когда на умѣренныя требованія «Соединенного ландтага» король отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ и весьма «немилостиво» распустилъ собраніе, тогда стало ясно, что само правительство толкаетъ общественное мнѣніе на революціонный путь. Отдалыи революціонеры давно встрѣчались въ Германіи. Но они считались пустыми мечтателями и имѣли мало сторонниковъ. Теперь среди широкихъ круговъ распространилось ощущеніе приближающейся грозы, хотя почти никто не предвидѣлъ, какъ скоро она надвинется. Прежде всѣ интересовались тѣмъ, что скажетъ Тьерь или Гизо во французскихъ палатахъ, Пальмерстонъ или Дерби въ англійскомъ парламентѣ, или даже Деклеръ, Ротекъ и Велькеръ въ маленькомъ баденскомъ ландтагѣ. Теперь всѣ съ жадностью прислушивались къ каждому слову, произнесенному въ «Соединенномъ ландтагѣ» главнѣйшаго нѣмецкаго государства, къ каждому слову Кампгаузена, Финка, Беккера, Ганземанна и другихъ предводителей либеральной партіи, а въ воздухѣ носилось смутное сознаніе, что этотъ «Соединенный ландтагъ» по своему положенію и своимъ задачамъ весьма сходенье съ французскимъ Национальнымъ Собраниемъ 1789 года. Въ кружкѣ Кинкеля все это часто служило предметомъ оживленныхъ разговоровъ.

Мы, студенты, конечно, не такъ ясно понимали совершившіяся события, какъ люди старшаго поколѣнія, но слѣдили за ними съ неменьшимъ интересомъ. У студенчества были свои собственные политическія традиціи. Въ годы, непосредственно слѣдовавшия за освободительными войнами, оно первое подняло голосъ за исполненіе данныхыхъ обѣщаній. Оно усердно поддерживало націоналистическая стремленія, хотя стремленія эти иногда принимали глупо преувеличенныя формы. Во время преслѣдованій такъ называемыхъ демагоговъ оно поплатилось не малымъ количествомъ жертвъ. Въ мое время студенческие союзы не продолжали политической дѣятельности прежнихъ корпорацій, но сохранили старый девизъ: Богъ, родина и свобода. Они носили запрещенную черно-красно-золотую ленту подъ жилетомъ, они жадно стремились узнавать всѣ политическія новости и принимали самое живое участіе во всѣхъ событіяхъ дня. Такимъ образомъ, современные либеральные движенія находили въ нась пламенныхъ сторонниковъ, хотя мы, молодежь, не вполнѣ уясняли себѣ, какія практическія дѣйствія предстоять въ ближайшемъ будущемъ.

Въ своихъ научныхъ занятіяхъ я съ большимъ рвениемъ оста-

новился на истории Европы въ периодъ реформаціи. Я мечталъ впослѣдствіи, когда сдѣлаюсь профессоромъ, избрать ее своею специальностью. Великие характеры того времени привлекали меня, и я не могъ устоять противъ искушенія изобразить нѣкоторые изъ нихъ въ драматической формѣ. Я набросалъ плаять трагедіи, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ который былъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, и началъ разрабатывать отдѣльныя сцены. Въ началѣ зимнаго семестра 1847—48 г. я познакомился съ однимъ молодымъ студентомъ изъ Детмольда, Фридрихомъ Альтгаузомъ. Онъ болѣе всѣхъ моихъ знакомыхъ подходилъ къ типу идеального нѣмецкаго юноши. Это была удивительно чистая, благородная натура, при томъ щедро одаренная и умственными способностями. Такъ какъ мы занимались приблизительно одними и тѣми же предметами, то мы скоро сошлись, и наша дружба сохранилась долго послѣ того, какъ мы оставили университетъ. Я довѣрилъ ему тайну моей драмы, и онъ поощрялъ меня продолжать ее. Помню, какіе счастливые часы я переживалъ, читая ему то, что успѣвалъ написать, и выслушивая его, обыкновенно слишкомъ лестныхъ, замѣчанія. Такъ прошла большая часть зимы въ пріятной и полезной дѣятельности. Вдругъ налетѣла страшная буря, которая съ непреодолимой силой увлекла меня и многихъ другихъ съ намѣченного заранѣе нами пути.

III.

Разъ утромъ, въ концѣ февраля 1848 г.—помнится, это было въ воскресенье,—я спокойно сидѣлъ на своемъ чердакѣ и работалъ надъ Ульрихомъ фонъ-Гуттеномъ, какъ вдругъ одинъ изъ моихъ пріятелей ворвался ко мнѣ въ комнату, еле переводя духъ, и вскричалъ:

— Чего ты тутъ сидишь! Развѣ ты еще не знаешь?
 — Чего не знаю?
 — Французы прогнали Луи-Филиппа и провозгласили республику!

Я бросилъ перо—и съ этихъ поръ не прикасался больше къ Ульриху фонъ-Гуттену. Мы сбѣжали съ лѣстницы на улицу. Куда идти? Конечно, на Базарную площадь.

Туда собирались каждый день послѣ обѣда всѣ студенческія корпораціи, каждая на свое опредѣленное мѣсто, и сговаривались, что предпринять вечеромъ. Но теперь еще было утро, положенный часъ собранія не пришелъ. Тѣмъ не менѣе площадь кишѣла студентами, которыхъ, повидимому, привлекло туда общее инстинктивное стремленіе.

Они стояли группами и вели оживленные разговоры: криковъ не было слышно, но всѣ громко говорили. Что дѣлать? Этого

нието не зналъ. Но такъ какъ французы прогнали Луи-Филиппа и провозгласили республику, то, очевидно, что-нибудь должно случиться и у насъ. Нѣкоторые студенты принесли съ собой свои рапиры, въ сущности весьма безвредное оружіе, какъ будто надо было немедленно на кого-то напасть, или отъ кого-то защищаться. Всѣмъ смутно чувствовалось, что готовится страшный взрывъ стихійныхъ силъ, что начинается землетрясение, первый толчекъ котораго уже произошелъ, и всякий сознавалъ инстинктивную потребность быть въ обществѣ другихъ людей. И вотъ мы ходили съ мѣста на мѣсто цѣлыми толпами; пошли сначала въ пивную, тамъ остались не долго, потому въ трактиры и разныя увеселительныя заведенія, гдѣ мы вступали въ разговоры съ совершенно незнакомыми людьми и у всѣхъ встрѣчали то же настроеніе растерянности, удивленія и ожиданія; затѣмъ мы вернулись на площадь посмотретьъ, что тамъ дѣлается, потомъ опять шли куда попало безъ цѣли и безъ конца; уже поздно вечеромъ, обезсиленные усталостью, мы разошлись по домамъ.

На слѣдующій день предстояло отправляться, какъ всегда, на лекціи. Мы попробовали послушать одного, другого профессора. Но это оказалось совершенно бесполезнымъ. Однозвучно гудѣвшій голосъ слышался откуда-то издалека. То, что онъ говорилъ, ни малѣйше не интересовало насъ. Пере, которое должно было записывать лекцію, не двигалось. Наконецъ, мы со вздохомъ закрыли тетради, чувствуя, что насъ ждетъ болѣе важное дѣло, что мы должны посвятить свои силы на службу родинѣ. Съ этой цѣлью всякий спѣшилъ опять сойтись съ друзьями, чтобы вмѣстѣ обсудить и то, что случилось, и то, что должно было случиться. Среди этихъ разговоровъ выработались и тѣ лозунги, которые выражали общія стремленія. Пришло время создать нѣмецкое единство и основать великое могущественное «национально-нѣмецкое государство». Прежде всего необходимо созваніе національного парламента. Затѣмъ мы перешли къ необходимости гражданскихъ правъ и свободъ: свободы слова, свободы печати, свободы собраній, свободы передвиженія, равенства передъ закономъ, свободно избраннаго народнаго представительства съ законодательной властью, ответственности министровъ, мѣстнаго самоуправлія, вооруженія народа, милиціи съ избираемыми офицерами и проч., — однимъ словомъ, всего того, что мы называли «конституціонный образъ правленія на широкихъ демократическихъ началахъ». Республиканская идея на первыхъ порахъ рѣдко высказывалась. Всѣ болѣе мечтали о нѣмецкой имперіи, окруженней въ нашихъ глазахъ ореоломъ особой поэзіи. Но слово «демократія» стало скоро многими повторяться, и точно также очень многіе считали вполнѣ естественнымъ, что если государи откажутся дать народу требуемыхъ права и свободы, то, вмѣсто петицій, придется прибегнуть къ силѣ. Хотя,

конечно, сначала следовало добиваться возрождения отечества мирными путями.

Въ это время минуло девятнадцать лѣтъ. Я помню, что былъ совершенно увлеченъ совершившимися событиями и не могъ направить мысль ни на что другое. Я такъ же, какъ и многіе мои пріятели, былъ проникнутъ глубокимъ, искреннимъ сознаніемъ, что, наконецъ-то, настало благопріятное время возвратить нѣмецкому народу его свободу, нѣмецкому отечеству его единство и славу, и что первый долгъ каждого нѣмца все сдѣлать, всѣмъ пожертвовать ради этой священной цѣли.

Измѣнившіяся условія жизни потребовали отъ насъ службы, которая показалась намъ очень веселой. Вскорѣ, по полученіи извѣстій о французской революціи, бургомистръ города Бонна началъ бояться за общественную безопасность. Несмотря на общее возбужденіе, не было случаевъ нарушенія порядка, тѣмъ не менѣе бургомистръ, мучимый всевозможными страхами, настоялъ на устройствѣ милиціи, которая должна была ночью обходить патрулями городъ и ближайшія окрестности. Студентовъ тоже приглашали вступить въ ряды этой стражи, а такъ какъ въ нашу программу входила организація милиціи, то мы очень охотно приняли это приглашеніе.

Я и многіе мои пріятели немедленно предложили свои услуги; студенты другихъ кружковъ сдѣлали то же, и вскорѣ оказалось, что большая часть милиціи составлена изъ студентовъ. Наша задача состояла въ томъ, чтобы нарушителей тишины и всякихъ подозрительныхъ людей задерживать и приводить на гауптвахту, разгонять сборища, имѣвшія злые умыслы, охранять собственность и вообще заботиться объ общественной безопасности. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ ничто не грозило этой безопасности, и обходъ патрулями города и окрестностей не имѣлъ никакого серьезнаго значенія, то студенты изъ всей этой затѣи устроили себѣ невинное развлеченіе. Мы ходили по улицамъ вооруженные рапирами, желѣзныя ножны которыхъ сильно гремѣли по тротуару. Когда намъ встрѣчался ночью какойнибудь запоздалый обыватель, мы краснорѣчиво убѣждали его разойтись и отправиться домой, или идти съ нами на гауптвахту и выпить стаканчикъ вина. Когда мы встречались съ другимъ патрулемъ, состоящимъ изъ обывателей, мы непремѣнно задерживали его, какъ сборище, имѣвшее злой умыселъ, и приводили на гауптвахту, где братались съ нимъ и устраивали веселую попойку. Такъ какъ добродушные обыватели сами понимали, насколько смѣшна наша полицейская служба, то они ни мало не сердились на насъ и всегда готовы были выпить за «новое нѣмецкое государство» и за «конституцію на широкихъ демократическихъ началахъ».

Пока мы вели веселую жизнь, события принимали серьезный оборотъ; впрочемъ, въ глубинѣ души и мы сознавали серьезность

положенія. Со всѣхъ сторонъ приходили тревожныя вѣсти. Въ Кельнѣ господствовало опасное броженіе. Въ трактирахъ и на улицахъ слышалось пѣніе марсельезы, которая въ то время считалась во всей Европѣ пѣснью свободы. На Соборной площади и на старомъ базарѣ собирались многолюдные митинги, на которыхъ обсуждались требованія народа. Многочисленная депутація, во главѣ которой стоялъ отставной артиллерійскій лейтенантъ Августъ фонъ-Виллихъ, проникла въ залу городского совѣта и потребовала, чтобы городское управление представило королю тѣ требованія, которыя были выработаны на народномъ митингѣ. Забили тревогу, войско двинулось противъ толпы народа. Виллихъ и другой, тоже бывшій артиллерійскій офицеръ, Фрицъ Аннеке, были арестованы. Послѣ этого волненіе возрасло. Рейнскіе члены соединенного ландтага умолялиoberъ-президента провинціи представить королю, что лишь немедленное удовлетвореніе народныхъ требованій можетъ предотвратить кровавыя столкновенія. Въ Кобленцѣ, Дюссельдорфѣ, Аленѣ, Крефельдѣ, Клеве и въ другихъ прирейнскихъ городахъ происходили подобныя же демонстраціи. Въ южной Германіи, въ Баденѣ, Рейнгессенѣ, Нассау, Виртембергѣ, Баваріи духъ новаго времени распространялся съ быстротой молниі. Въ Баденѣ великий герцогъ уже въ началѣ марта согласился на всѣ требованія. Въ Виртембергѣ, Нассау и Гессенѣ-Дармштадѣ либеральная партія тоже одержала верхъ. Въ Баваріи, где еще до февральской революції знаменитая Лола Монтесъ принуждена была удалиться по требованію разгнѣваннаго народа, происходилъ непрерывный рядъ демонстрацій съ цѣлью вынудить у короля Людвига либеральные уступки. Курфюрстъ Гессен-Кассельскій уступилъ, когда народъ вооружился и приготовился къ восстанію. Гессенскіе студенты охотно обѣщали гессенцамъ свою помощь. Въ Саксоніи населеніе Лейпцига подъ предводительствомъ Роберта Блума высказывало такой матежный духъ, что король принужденъ былъ уступить. Изъ Вѣны пришли важныя извѣстія. Тамъ студенты университета явились къ императору съ настойчивымъ требованіемъ либеральныхъ реформъ. Произошли кровавыя столкновенія, и послѣдствіемъ ихъ явилось паденіе Меттерніха. Студенты организовали изъ себя вооруженную охрану народныхъ правъ.

Въ большихъ городахъ Пруссіи тоже было сильное броженіе. Не только Кельнъ, Кобленцъ, Триръ, но и Бреславль, Кенигсбергъ, Франкфуртъ на Одерѣ посыпали депутаціи въ Берлинъ, чтобы убѣждать короля. Въ столицѣ Пруссіи народъ ходилъ толпами по улицамъ, и всѣ ждали рѣшительныхъ событий.

Пока всѣ эти извѣстія, какъ бурный потокъ, приливали къ намъ со всѣхъ сторонъ, маленький университетскій городокъ Боннъ тоже усердно занимался составленіемъ адресовъ королю, собираниемъ подписей и отправкою ихъ въ Берлинъ. 18 марта и у насъ тоже была большая народная демонстрація. Собралась толпа для торже-

ственного шествия по улицамъ города. Почтенные граждане, многие профессора, масса студентовъ, множество ремесленниковъ и рабочихъ—всъшли въполномъ порядке. Во главѣ шествія Кинкель несъ черно-красно-золотое знамя. Дойдя до базарной площади, онъ вошелъ на лѣстницу ратуши и оттуда держалъ рѣчь къ собравшейся толпѣ. Онъ говорилъ удивительно краснорѣчиво своимъ звучнымъ голосомъ о возрождающемся единстве и о величіи Германіи, о свободѣ и правахъ, которыхъ или будуть даны государями или за-воеваны нѣмецкимъ народомъ. Когда онъ въ концѣ рѣчи поднялъ черно-красно-золотое знамя и предсказалъ свободному нѣмецкому народу великое будущее, общее одушевленіе дошло до высшихъ предѣловъ. Раздались рукоплесканія, крики, присутствовавшіе обнимались, плакали. Весь городъ сразу украсился черно-красно-золотыми флагами, не одни только студенты, но и прочие обыватели надѣли на шляпы и фуражки черно-красно-золотую кокарду.

Во время нашей торжественной демонстраціи вдругъ откуда то появились и стали распространяться зловѣщіе слухи. Раньше говорили, что прусскій король послѣ долгаго колебанія рѣшился, подобно другимъ государямъ, согласиться на осаждавшія его со всѣхъ сторонъ требования. Теперь стали шепотомъ передавать другъ другу, что войско стрѣляло въ народъ, что на улицахъ Берлина идетъ ожесточенная битва. Эти слухи впослѣдствіи оправдались; действительно, на улицахъ Берлина была битва; но, странное дѣло, слухъ обѣ этой битвѣ дошелъ къ намъ, на Рейнъ раньше, чѣмъ она началась.

Восторженное настроение смѣнилось на короткое время тревожнымъ ожиданіемъ. Всѣ чувствовали, что столкновеніе между народомъ и войскомъ будетъ имѣть решающее значеніе. Наконецъ, пришли подробныя извѣстія о всемъ, что произошло въ столицѣ. Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV сначала принималъ сыпавшія на него петиціи съ угрызымъ молчаніемъ. Онъ еще недавно ясно, опредѣленно высказалъ свое твердое рѣшеніе никогда не допускать конституціоннаго ограниченія своей власти; онъ совершенно не понималъ, какъ можно по настоянію толпы дѣлать уступки, которыхъ по его мнѣнію должны были зависѣть исключительно отъ свободной воли короля. Но съ каждымъ днемъ положеніе дѣгалось все болѣе и болѣе грознымъ. Требованія, которыхъ депутаты привозили королю со всѣхъ концовъ государства, становились все болѣе и болѣе настоятельными, въ самомъ Берлинѣ устраивались на улицахъ митинги; на нихъ собирались тысячи народа, бурно привѣтствовали либеральные лозунги, произносимые пылкими ораторами. Увлеченные общимъ теченіемъ, и представители города Берлина осмѣялись представить монарху адресъ, который, какъ говорили, король принялъ «милостиво». Но отвѣтъ его былъ еще слишкомъ уклончивъ и неопределенный, чтобы могъ успокоить просителей. А въ тоже время происходили кровав-

выя столкновенія между народомъ, толпившимся на улицахъ и площадяхъ, и войсками, призванными содѣствовать полиціи. При одномъ изъ такихъ столкновеній убитъ былъ купецъ и студентъ, и ранено нѣсколько человѣкъ, между прочимъ, женщины. Негодованіе, вызванное этими происшествіями, до нѣкоторой степени улеглось, когда разнесся слухъ, что король рѣшился, наконецъ, сдѣлать крупныя уступки, и что это будетъ официально объявлено 18 марта. Дѣйствительно, король согласился издать манифестъ, которымъ объявлялась отмѣна цензуры и давалась надежда на дальнѣйшія либеральныя реформы и на политику, благопріятную національному объединенію.

Послѣ полудня 18 марта громадная толпа народа собралась на площади предъ дворцомъ, чтобы выслушать давно желанное заявленіе. Король вышелъ на балконъ и его привѣтствовали восторженными криками. Онъ попробовалъ говорить съ толпой, но голосъ его не былъ слышенъ. Впрочемъ, такъ какъ толпа была увѣрена, что онъ согласился на всѣ требования народа, то она продолжала ликоватъ. Вдругъ раздался крикъ, чтобы удалили войско, которое было разставлено вокругъ дворца и, казалось, отдѣляло короля отъ его народа. Собравшися, очевидно, ожидали, что и это требование будетъ удовлетворено; они, хотя съ большимъ трудомъ, но открыли для войска проходъ среди тѣсно сплотившейся толпы. Вдругъ раздался барабанный бой, который былъ сначала принятъ за сигналъ къ удалению войска. Но вместо того, чтобы удаляться, ряды кавалеріи и пѣхоты двинулись на толпу, вѣроятно, съ цѣлью очистить площадь передъ дворцомъ. Со стороны пѣхоты раздались два выстрѣла, и вся сцена сразу страшно измѣнилась, какъ будто волшебству.

Съ дикимъ крикомъ: «Измѣна! Измѣна!» масса народа, за минуту передъ тѣмъ радостно привѣтствовавшая короля, бросилась вразыпную во всѣ ближайшія улицы, и всюду раздавался гнѣвный призывъ: «Къ оружію!» Скоро по всѣмъ направлѣніямъ улицы были загорожены барrikадами. Казалось, камни мостовой сами высакивали изъ земли и строились въ стѣны, на которыхъ развивались черно-красно-золотыя знамена, и за которыми собирались граждане всѣхъ классовъ общества: студенты, купцы, художники, рабочіе, доктора, адвокаты, насѣхъ вооруженные чѣмъ попало: ружьями, пистолетами, копьями, саблями, топорами, молотками и т. д. Это было народное восстание безъ подготовленія, безъ плана, безъ системы. Каждый, повидимому, следилъ лишь общему инстинкту. Тогда воискамъ отдано было приказаніе перейти въ нападеніе. Когда послѣ жаркой схватки имъ удавалось овладѣть одной барrikадой, за ней уже высыпалась другая, потомъ третья, четвертая... А за барrikадами женщины перевязывали раненыхъ, подкрѣпляли сражающихся пищей и питьемъ, а маленькие мальчики усердно лили пули или заряжали ружья. Всю эту ужасную

иечь на улицахъ города гремѣли пушки, трещали ружейные выстрѣлы.

Сначала король, повидимому, рѣшилъ во что бы то ни стало подавить восстание. Но когда битва на улицахъ все продолжалась, онъ съ болью въ сердцѣ понялъ ея страшное значеніе. При каждомъ новомъ донесеніи возрастало его мучительное волненіе. Онъ то приказывалъ прекратить битву, то, минуту спустя, продолжать ее. Наконецъ, около полуночи онъ собственноручно написалъ прокламацію: «Моимъ милымъ Берлинцамъ». Онъ говорилъ, что два выстрѣла, вызвавшіе волненіе, сдѣланы были случайно, но что «шайка злодѣевъ, по большей части иностранцевъ», своими лживыми объясненіями этого случая обманула добрыхъ гражданъ и вызвала ихъ на эту ужасную битву. Даѣще онъ обѣщалъ отозвать войска, какъ только бунтовщики очистятъ баррикады, и заканчивалъ слѣдующими словами: «Послушайте отеческаго голоса вашего короля, жители моего вѣрнаго и прекраснаго Берлина, забудьте случившееся, какъ и я хочу забыть его отъ всего моего сердца ради великой будущности, которая съ помощью Божіей открывается для Пруссіи, а черезъ нее и для всей Германіи. Ваша любвеобильная королева, поистинѣ заботливая мать и заступница ваша, лежитъ больная и присоединяетъ свои искреннія слезныя просьбы къ моимъ Фридрихъ Вильгельмъ». Эта прокламація не достигла цѣли. Ее сопровождала стрѣльба изъ пушекъ и ружей, и боровшіеся граждане были, кроме того, обижены тѣмъ, что король называетъ ихъ или шайкою злодѣевъ, или легковѣрными жертвами этой шайки.

Наконецъ, около полудня воскресенья 19 марта, когда генералъ Меллендорфъ взять былъ въ плѣнъ бунтовщиками, войска получили приказъ отступить. Заключенъ былъ миръ на условіи, что армія будетъ удалена изъ Берлина, а Пруссія получить свободу печати и конституцію на широкихъ демократическихъ началахъ. Послѣ того, какъ войска вышли изъ города, произошло нѣчто, по своему драматическому интересу превосходящее всѣ сцены революцій. Безмолвная, торжественная процессія мужчинъ, женщинъ и дѣтей направилась ко дворцу короля. Мужчины несли на плечахъ носилки съ трупами народныхъ борцовъ, убитыхъ при уличныхъ стычкахъ.

Искаженные страданіемъ лица и зияющія раны ихъ были открыты, во окружены вѣнками изъ лавровъ, иммортелей и другихъ цветовъ. Медленно, молча прошла эта процессія во внутренний дворъ дворца, тамъ поставили носилки рядами — ужасающая выставка труповъ,—а между ними стояли мужчины во разодраныхъ фурзахъ съ лицами, покрытыми кровью, почернѣвшими отъ пороха, держа въ рукахъ оружіе, которымъ они бились на баррикадахъ; ихъ сопровождали женщины и дѣти, оплакивавшія своихъ покойниковъ. На глухой призывъ толпы, среди одной изъ верхнихъ галлерей появился Фридрихъ-Вильгельмъ IV, блѣдный и разстроенный. Рядомъ съ нимъ стояла королева.—«Шляпу долой!»—закричали

снизу, и король обнажилъ голову передъ трупами. Тогда изъ толпы раздался звучный голосъ, который запѣлъ: «Иисусе мое прибѣжище», и всѣ подхватили гимнъ. Когда пѣніе окончилось, король и королева вернулись въ комнаты, а процессія съ трупами мрачно и медленно удалилась.

Это, дѣйствительно, было страшнымъ наказаніемъ для короля, но въ то же время выразительнымъ отвѣтомъ на его прокламацію къ «милымъ Берлинцамъ», въ которой онъ называлъ народныхъ борцовъ «шайкою злодѣевъ» или обманутыми жертвами этихъ злодѣевъ. Если бы среди толпы дѣйствительно были такие «злодѣи» или «анархисты», какъ ихъ теперь называютъ, то наврядъ ли Фридрихъ-Вильгельмъ IV остался бы въ живыхъ, когда онъ стоялъ одинъ, беззащитный передъ народными борцами, только что вернувшимися съ поля битвы, возбужденными видомъ убитыхъ товарищѣй и съ оружіемъ въ рукахъ. Но въ эти минуты изъ нихъ среды вырвалось не «Смерть королю!», а «Иисусе мое прибѣжище!»

Надобно также сказать, что ни одинъ случай безчестнаго поступка со стороны народа не осквернилъ этихъ дней. Правда, два частныхъ дома были разгромлены, но только потому, что во время битвы хозяева ихъ выдали защитниковъ баррикадъ. Въ теченіе всей ночи инсургенты безпрепятственно распоряжались въ большей части города, и, несмотря на это, не было ни одной обоснованной жалобы на воровство или уничтоженіе имущества. Частная собственность была въ полной безопасности. Едва замолки пушки, какъ всѣ магазины открылись.

Принцъ прусскій, тотъ самый принцъ, который впослѣдствіи подъ именемъ императора Вильгельма I считался самыемъ популярнымъ монархомъ своего времени, принужденъ былъ немедленно послѣ уличной битвы бѣжать отъ народного гнѣва. Справедливо или вѣтъ, но всѣ говорили, что это онъ велѣлъ солдатамъ стрѣлять въ народъ. Онъ ночью же выѣхалъ изъ Берлина и отправился въ Англію. Возбужденная толпа собралась передъ его дворцомъ «Подъ Липами». Зданіе не охранялось никакимъ карауломъ. Разсказываютъ, что одинъ студентъ написалъ на главномъ фасадѣ его слова: «Национальная собственность», и послѣ этого всякая охрана стала излишней.

Изъ цѣхъ гауза народу раздали оружіе. Король объявилъ, что по его убѣждѣнію миръ и безопасность города никѣмъ не могутъ лучше охраняться, какъ самими гражданами. 21 марта Фридрихъ-Вильгельмъ IV снова появился среди народа, верхомъ, съ черно-красно-золотой повязкой на руку; передъ нимъ, по его приказанію, несли черно-красное-золотое знамя, а большой флагъ того же цвета взвился надъ королевскимъ дворцомъ. Король свободно и непринужденно разговаривалъ съ обычательями. Онъ заявлялъ, что «хочеть стать во главѣ движенія за объединеніе Германіи»; «Прусія должна раствориться въ Германіи». Онъ утверждалъ, что «ничего

такъ не желаетъ, какъ конституціонной и объединенной Германіи». Въ университѣтѣ онъ обратился къ собравшимся студентамъ и сказалъ имъ: «Благодарю васъ за тотъ достославный духъ, какой вы выказали въ эти дни. Я горжусь тѣмъ, что Германія имѣть такихъ сыновъ.» Всѣ понимали дѣло такъ, что теперь будетъ составлено новое, отвѣтственное министерство изъ членовъ либеральной оппозиціи; будетъ собрано прусское національное собраніе, свободно избранное съ цѣлью выработать конституцію прусского королевства, и что народъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ выбереть нѣмецкій національный парламентъ, который соберется во Франкфуртѣ и объединить всю Германію подъ конституціоннымъ національнымъ правленіемъ. Берлинцы были виѣ себѣ отъ радости. Раздался одинъ только голосъ недовѣрія, который по окончаніи рѣчи короля закричалъ изъ толпы: «Не вѣрьте ему, братья! Онъ лжеетъ! Онъ всегда лгалъ!» Нѣсколько милиціонеровъ защищали несчастнаго отъ гнѣва окружающихъ и быстро отвели его въ ближайшій полицейскій участокъ, откуда его скоро отпустили, какъ сумасшедшаго. «Герои, которые боролись за великое дѣло политической и соціальной свободы и своимъ мужественнымъ самоотверженiemъ завоевали ее для насъ», — такъ берлинскій магистратъ называлъ въ одной изъ своихъ прокламацій павшихъ въ уличной борьбѣ,—были похоронены на кладбищѣ Фридрихсгайнъ, при чмъ погребальное шествіе сопровождала двадцатитысячная толпа, а король стоялъ на балконѣ съ обнаженной головой все время, пока гробы проносили мимо дворца.

Вотъ какія важныя извѣстія разнеслись изъ Берлина по всей странѣ. Повидимому, дѣло народнаго освобожденія одержало решительную победу. Короли и князья, съ прусскимъ королемъ въ главѣ, торжественно поклялись служить этому дѣлу. Радость народа была безграницна.

Послѣ прусско-французской войны 1870 г. и основанія новой Германской имперіи, въ Германіи вошло въ привычку называть 1848 г. «безумнымъ годомъ» и съ насмѣшкой относиться къ «недомыслію», съ какимъ тогда сочинялись великолѣпныя программы, ставились всеобъемлющія требования, затѣвались широкія движенія, и все кончалось жестокими разочарованіями и катастрофами. Но неужели нѣмецкій народъ 1848 г. заслуживаетъ такого рода насмѣшки? Правда, представители народныхъ стремленій того времени не умѣли считаться съ условіями существующей дѣйствительности и побѣдоносно довести начавшееся движение до желанного конца. Точно такъ же справедливо, что, вслѣдствіе этого, движеніе утратило свое единство и отчасти приняло фантастическія формы. Но кто можетъ удивляться этому теперь, когда все это стало достояніемъ прошлаго? Нѣмецкій народъ, достигшій высокаго развитія въ наукѣ, философіи, литературѣ и искусствѣ, въ политическомъ отношеніи жиль да той поры подъ строгой опекой. Этотъ

народъ могъ лишь издали наблюдать, какъ другія націи пользовались своимъ правомъ самоопредѣленія или принимали дѣятельное участіе въ управлѣніи страной, онъ удивлялся этимъ націямъ и, можетъ быть, завидовалъ имъ. Онъ изучалъ вліяніе свободныхъ учрежденій по книгамъ и слѣдилъ за ними по газетнымъ отчетамъ, онъ мечталъ о такихъ же учрежденіяхъ и домогался введенія ихъ въ своеъ отечествѣ. Но при всемъ этомъ наблюденію и изученіи, при всѣхъ этихъ мечтахъ и домогательствахъ, господствовавшая система опеки устранила отъ него всякую возможность опыта въ осуществлѣніи права политическаго самоопредѣленія. Ему негдѣ было практически узнать, что такое настоящая политическая свобода. Онъ никогда не получалъ тѣхъ уроковъ, которые вытекаютъ изъ чувства отвѣтственности при политической дѣятельности. Свободныя государственные учрежденія были ему совершенно непривычны; для мыслящихъ и образованныхъ лицъ они являлись не болѣе, какъ абстрактными понятіями, выводомъ изъ ихъ политико-философскихъ построеній; для необразованныхъ и поверхностныхъ людей они служили лозунгами, употребляемыми, какъ выраженіе недовольства существующимъ порядкомъ.

Вдругъ послѣ длиннаго періода скрытаго броженія, подъ вліяніемъ внѣшняго толчка, этотъ народъ возсталъ. Его государи уступили ему все, въ чемъ прежде отказывали, и онъ увидѣлъ себя полнымъ обладателемъ непривычной власти. Удивительно ли, что такая внезапная перемѣна вызвала много несбыточныхъ желаній и безцѣльныхъ стремленій? Развѣ не было бы гораздо страннѣе, если бы народъ сразу поставилъ себѣ опредѣленія, достижимыя цѣли, безъ колебанія нашелъ бы вѣрные пути къ нимъ и сумѣлъ бы разумно оцѣнить все, что было хорошаго въ данномъ положенії? Развѣ мы ожидаемъ когда-нибудь, чтобы ницій, сразу ставшій миллионеромъ, сдѣлалъ вполнѣ правильное употребленіе изъ своего богатства? А между тѣмъ о большинствѣ нѣмецкаго народа никакъ нельзя сказать, чтобы при революціонномъ движеніи 1848 г. оно по главнымъ вопросамъ требовало чего-нибудь неразумнаго или недостижимаго. Много изъ того, къ чему стремились тогда, въ настоящее время достигнуто. Ошибки, сдѣланные въ 1848 г., казаются болѣе примѣненныхъ средствъ, чѣмъ поставленныхъ себѣ цѣлей. И самыя крупныя изъ этихъ олибокъ произошли, вслѣдствіе ребяческой довѣрчивости, съ которой всѣ ожидали полнаго исполненія обѣщаній, силою вырванныхъ у нѣмецкихъ государей, особенно у короля прусскаго. Безполезно вдаваться въ гаданіе о томъ, что могло бы быть, если бы то, что было, случилось иначе. Но одно можно сказать съ полною достовѣрностью: если бы нѣмецкіе государи, не смущаясь интригами реакціонныхъ партій, съ одной стороны, и крайними увлеченіями нѣкоторыхъ революціонеровъ—съ другой, сдѣлали вполнѣ честно, пользуясь всею полнотою своей власти, то, чего народъ имѣлъ полное право ожидать ~~стъ~~

иныхъ послѣ марта мартовскихъ дней, тогда главнѣйшія цѣли, намѣщенные въ 1848 г., оказались бы вполнѣ достижимыми. Наслаждаясь свою «весною», народъ вѣрилъ, вмѣсто того, чтобы принимать необходимыя мѣры противъ реакціи,—это, конечно, было не предусмотрительно, но такая непредусмотрительность не вытекаетъ изъ неблагородного источника. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что совершенно несправедливо приписывать неудачи 1848 и 1849 годовъ, главнымъ образомъ, вождямъ народнаго движенія.

Воспоминаніе о веснѣ 1848 года должно быть особенно дорого нѣмецкому народу по тому самоотверженію увлеченію великимъ дѣломъ, которымъ въ то время были проникнуты почти всѣ классы общества. Если подобное настроеніе и вызываетъ иногда нѣкоторыя крайности, во всякомъ случаѣ, народъ долженъ уважать его въ самомъ себѣ, а никакъ не стыдиться его. мнѣ дѣлается тепло на сердцѣ всякий разъ, какъ я перенесусь мыслью въ тѣ дни. Я зналъ въ своей средѣ многихъ честныхъ людей, ученыхъ, студентовъ, горожанъ, крестьянъ, рабочихъ, болѣе или менѣе состоятельныхъ, обязанныхъ трудиться, чтобы прилично содержать свои семьи; многие занимались своей работой не только изъ за денегъ, но и по любви къ ней; и въ то время каждый изъ нихъ готовъ былъ бросить свое дѣло, свою собственность, свой заработокъ, пожертвовать жизнью ради борьбы за освобожденіе народа, за честь и величіе родины. Всѣ съ уваженіемъ относились къ тому, кто былъ готовъ умереть за великую идею. Тотъ человѣкъ или тотъ народъ, который испыталъ въ своей жизни такие моменты самоотверженного одушевленія, долженъ вѣчно хранить о нихъ почтительное воспоминаніе.

IV.

Въ эту весну я совершенно неожиданно для себя занялъ среди студентовъ выдающееся положеніе, благодаря первой рѣчи, какую я произнесъ въ жизни. Въ залѣ университета назначена была сходка студентовъ, не помню уже для какой специальной цѣли. Предсѣдательствовалъ профессоръ Ричль, известный филологъ и деканъ философскаго факультета. Зала была биткомъ набита, и я стоялъ въ толпѣ. Я много думалъ надъ тѣмъ вопросомъ, который долженъ быть обсужденъ, и составилъ свое собственное мнѣніе, но не имѣлъ намѣренія принимать участія въ преніяхъ. Вдругъ я услышалъ, что одинъ изъ ораторовъ высказываетъ мнѣніе, противоположное моему. Это взволновало меня: я попросилъ слова и черезъ минуту уже говорилъ передъ собраніемъ. Впослѣдствіи я никакъ не могъ вспомнить, что именно я сказалъ. Помню только, что я находился въ первомъ возбужденіи, какого не испытывалъ никогда раньше, я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, мысли и слова непре-

рывнымъ потокомъ приходили мнѣ въ голову, я говорилъ необыкновенно скоро, и рукоплесканія, послѣдовавшія за мою рѣчью, точно разбудили меня отъ сна. Это была моя первая публичная рѣчь. Когда собраніе разошлось, я встрѣтился въ дверяхъ съ профессоромъ Ричлемъ. Такъ какъ я слушалъ его лекціи, то онъ зналъ меня. Онъ положилъ мнѣ руку на плечо и спросилъ:

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Девятнадцать.

— Жаль,—сказалъ онъ,—скоро будуть выборы въ национальный парламентъ, а вы еще слишкомъ молоды, вамъ нельзя быть депутатомъ.—Я покраснѣлъ до ушей. Быть членомъ парламента! Мое честолюбіе никогда не хватало такъ далеко! Я боялся, не позволилъ ли себѣ профессоръ подшутить надо мной.

Въ скоромъ времени мнѣ опять пришлось играть видную роль. Какъ всѣ другіе классы общества, такъ и студенты имѣли свои желанія, свои требованія, которыхъ ждали удовлетворенія въ это «новое время». При прусскихъ университетахъ состоялъ чиновникъ, называвшійся «уполномоченнымъ правительства», на обязанности которого лежало, между прочимъ, следить за политическимъ направлѣніемъ профессоровъ и студентовъ. У настѣ «правительственнымъ уполномоченнымъ» былъ нѣкто Бетманнъ Гольвегъ. Не столько по своимъ личнымъ качествамъ, сколько вслѣдствіе занимаемой имъ должности, онъ былъ крайне не популяренъ среди студентовъ. Мы чувствовали, что такая должность, созданная въ періодъ самовластія и глубокаго униженія, не можетъ существовать при новыхъ порядкахъ и должна быть какъ можно скорѣй уничтожена. Въ манежѣ университета назначена была сходка студентовъ, а такъ какъ цѣль ея стала извѣстна, то профессора уклонились отъ присутствія на ней. Моя рѣчь въ залѣ университета доставила мнѣ нѣкоторую извѣстность, и я былъ выбранъ предсѣдателемъ. Рѣшено было обратиться въ академический совѣтъ съ адресомъ и требовать немедленного удаленія правительственного уполномоченнаго. Мнѣ, какъ предсѣдателю, поручили тутъ же составить адресъ. Я его написалъ очень коротко, въ трехъ-четырехъ строкахъ. Сходка принялъ его и рѣшила тотчасъ же всѣмъ собранiemъ отправиться въ домъ ректора университета и лично передать ему адресъ. И вотъ мы, человѣкъ 700—800, двинулись тѣсной толпой къ квартирѣ ректора на Кобленцкой улицѣ и позвонили. Ректоръ г. фонъ-Калькеръ, профессоръ философіи, пожилой человѣкъ, появился въ дверяхъ съ испуганнымъ лицомъ, и я прочелъ ему адресъ, составленный въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ. Онъ съ минуту робко глядѣлъ на массу студентовъ, толкавшихся у дверей его и безжалостно топтавшихъ его голландскій садикъ, затѣмъ обратился къ намъ съ рѣчью, въ которой далеко не твердымъ голосомъ объяснилъ, что его радуетъ бодрый духъ немецкой молодежи и ея высокія стремленія, что въ настоящее серьезное время учащаяся молодежь

можеть совершить много важного, и что онъ очень охотно передастъ нашъ адресъ университетскому совѣту и правительству для немедленного обсужденія и рѣшенія.

Мы ясно видѣли, что бѣдный человѣкъ, которому никто изъ насъ не желалъ никакого зла, весьма умѣренно радуется «высокимъ стремлѣніямъ» нѣмецкой молодежи, но всетаки поблагодарили его за его готовность содѣйствовать намъ, вѣжливо распрощались съ нимъ и вернулись на Базарную площадь. Тамъ намъ сообщили, что, пока мы были у ректора, правительственный уполномоченный носпѣшно собралъ свои пожитки и уѣхалъ изъ города.

Первое время ликованіе по случаю «мартовскихъ побѣдъ» казалось всеобщимъ; даже сторонники неограниченной королевской власти старались скрывать свое неудовольствіе, но скоро начались разногласія между различными партійными группами: консерваторы добивались, главнымъ образомъ, возстановленія порядка и сильной власти; конституціоналисты, сторонники постепенного прогресса, желали конституції, которая способствовала бы такому прогрессу; демократы видѣли упроченіе плодовъ революціи исключительно въ созданіи новыхъ учрежденій на самыхъ широкихъ демократическихъ основахъ. Я и по инстинктивному влечению, и по убѣженію сталъ на сторону демократовъ. Тутъ я снова встрѣтился съ Кинкелемъ, и вскорѣ дружба наша стала очень тѣсною. При нашей совмѣстной дѣятельности, нѣсколько натянутая отношенія ученика и учителя замѣнились вполнѣ товарищескимъ тономъ и, вместо церемоннаго *вы*, мы стали говорить другъ другу *ты*.

Мы усердно занялись агитацией, которая поглощала почти все наше время. Кинкель, отличавшійся удивительной трудоспособностью, еще продолжалъ читать лекціи, и я довольно аккуратно слушалъ *тѣ*, на которыхъ подписался, но сердце мое не лежало къ *нимъ*, какъ прежде. Я прилежно занимался новѣйшей исторіей, особенно исторіей французской революціи, и читалъ множество философски-политическихъ статей и памфлетовъ новѣйшаго времени, касавшихся современныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, я старался выяснить себѣ свои политическія воззрѣнія и вскорѣ пополнить пробѣлы въ своихъ историческихъ знаніяхъ. Мне это казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что я считалъ агитаторскую дѣятельность своею священнouю обязанностью. Эта дѣятельность была довольно широка. Во-первыхъ, мы устроили демократический клубъ, состоявшій изъ горожанъ и изъ студентовъ, соперничавшій съ клубомъ конституціоналистовъ, основаннымъ профессоромъ Лосбеллемъ. Затѣмъ, какъ мѣстный органъ демократической партіи, основали «Боннскую газету», выходившую ежедневно подъ редакціей Кинкеля. Я считался помощникомъ редактора и долженъ былъ ежедневно поставлять одну или нѣсколько статей. Наконецъ, мы раза два-три въ недѣлю ходили въ окрестныя деревни проповѣдывать крестьянамъ политическое евангелие новаго

времени и устраивать тамъ демократические союзы. Несомнѣнно, девятнадцатилѣтній журналистъ и народный ораторъ высказывалъ много весьма скороспѣлыхъ сужденій, но онъ искренно и горячо вѣрилъ въ свое дѣло и готовъ былъ каждую минуту пожертвовать свою кровью за все, что говорилъ и писалъ.

Моя дѣятельность въ этомъ направленіи едва не закончилась очень скоро послѣ начала. Гораадо раныше мартовской революціи жители герцогствъ Шлезвига и Гольштейна, ради пріобрѣтенія политически независимаго существованія, согласились присоединиться къ Даніи на условіи личной унії. Но въ мартѣ 1848 г. тамъ вспыхнуло восстаніе противъ Даніи, и оба герцогства рѣшили упрочить свое независимое положеніе, вступивъ въ Германскій Союзъ въ качествѣ самостоятельныхъ государствъ. Это восстаніе встрѣчено было величайшимъ сочувствіемъ всей Германіи. Во многихъ мѣстностяхъ распространялись прокламаціи, призывающія къ составленію отрядовъ добровольцевъ, которые должны были помочь герцогствамъ освободиться отъ Даніи. Эти прокламаціи встрѣчены были особеннымъ сочувствіемъ въ университетахъ, и очень многіе студенты отправились въ Шлезвигъ-Гольштейнъ, чтобы записаться добровольцами. Мое первое побужденіе влекло меня послѣдовать ихъ примѣру. Я уже началъ серьезно готовиться къ отѣзду, но Кинкель отговорилъ меня отъ этого намѣренія. Онъ доказывалъ мнѣ, что освобожденіе Шлезвигъ-Гольштейна отъ Даніи признано и нѣмецкимъ парламентомъ, и нѣмецкими государствами за національное дѣло, что двинутыя туда войска, какъ Пруссіи, такъ и другихъ государствъ Германскаго Союза, болѣе способны вести войну, чѣмъ плохо организованные, мало обученые отряды добровольцевъ. Онъ не скрывалъ, что хотѣлъ бы удержать меня въ Боннѣ, где, по его словамъ, я со своей агитаторскою дѣятельностью могу принести гораздо больше пользы родинѣ. И, дѣйствительно, хотя отрядъ студентовъ сражался въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ очень храбро, но, вслѣдствіе лучшей тактики и дисциплины датскихъ войскъ, подвергался разнымъ неожиданнымъ случайностямъ, такъ, что польза, принесенная имъ, не соотвѣтствовала его жертвамъ. Я уѣхалъ въ этомъ изъ рассказовъ многихъ студентовъ, которые, прослуживъ нѣсколько времени въ шлезвигъ-гольштейнскій арміи, снова вернулись къ своимъ изученнымъ занятіямъ.

Нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали въ Боннъ; между прочими, Адольфъ Штротдманъ, съ которымъ я близко сопелся. Трудно себѣ представить человѣка, менѣе его способного къ военной службѣ. Онъ былъ не только сильно близорукъ, но и очень глухъ. Съ большимъ юморомъ рассказывалъ онъ намъ о томъ единственномъ сраженіи, въ которомъ принималъ участіе. По глухотѣ онъ не слышалъ команды, а по слѣпотѣ не могъ отличить датчанъ отъ нѣмцевъ и стрѣлять, самъ не зная въ кого. Въ этомъ сраженіи

онъ бытъ тяжело раненъ въ спину навылетъ и взять въ плѣнъ, а затѣмъ, при разг҃вѣтѣ плѣнныхъ, возвращенъ на родину. Физи-
ческіе недостатки придавали ему нѣсколько странный видъ.
Всг҃дѣствіе его глухоты, съ нимъ случались разныя смѣшныя не-
доразумѣнія, надъ которыми онъ всегда самъ первый смѣялся.
Говорилъ онъ всегда такимъ громкимъ голосомъ, точно всѣ мы
были такъ же глухи, какъ онъ. Послѣ своей раны, онъ привыкъ
ходить лѣвымъ плечомъ впередъ, точно пробирался сквозь какую-
то невидимую намъ толпу народа, и при этомъ видѣлъ настолько
плохо и былъ такъ разсѣянъ, что натыкался на всевозможные
предметы. Но это была искренняя, свѣжая, увлекающаяся на-
тура, съ наивнымъ міросозерцаніемъ, съ великодушными, благо-
родными порывами. Стихотворенія, которыхъ онъ писалъ и читалъ
намъ своимъ громовымъ голосомъ, не отличались ни глубиною
мысли, ни богатствомъ фантазіи и поэтическаго чутья, но они
были замѣчательны красотою формы и музыкальностью стиха.
Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ превосходный по-
реводчикъ французскихъ, англійскихъ и датскихъ поэтовъ и про-
заковъ. По своимъ политическимъ взглядамъ онъ былъ въ то
время рѣшительнымъ демократомъ и горячимъ сторонникомъ Кин-
гесля. Мы съ нимъ вскорѣ стали близкими друзьями.

То праздничное политическое настроение, которое непосред-
ственно послѣ мартовской революціи, рисовало намъ все въ та-
кому розовомъ свѣтѣ, вскорѣ начало тускнѣть. Въ южной Герма-
ніи, гдѣ многіе держались мнѣнія, что революція не должна была
бы останавливаться у подножія троновъ, революціонеры, подъ
предводительствомъ блестящаго и необузданного народнаго три-
буна Геккера, попытались произвести вооруженное восстаніе. Это
восстаніе было очень скоро подавлено силою оружія. Вообще, та-
кого рода попытки въ первое время встрѣчали мало сочувствія
въ странѣ. Желанія громаднаго большинства либерально настроен-
ныхъ массъ не шли далѣе восстановленія національного единства
и конституціонной монархіи на широкихъ демократическихъ на-
чалахъ. Но революціонная мысль распространялась и крѣпла по
мѣрѣ того, какъ реакція принимала все болѣе и болѣе угрожаю-
щее положеніе.

Национальный парламентъ во Франкфуртѣ, избранный весною,
былъ органъ обще-германского правительства, какъ воплощеніе
верховной власти нѣмецкой націи, считалъ въ числѣ своихъ чле-
новъ множество знаменитостей въ области политики, юриспруд-
енціи, философіи, науки и литературы. Онъ вскорѣ сталъ про-
являть наклонность большую часть времени проводить въ блестя-
щихъ, но болѣе или менѣе безполезныхъ словопрѣніяхъ, вмѣсто
того, чтобы быстрыми и рѣшительными дѣйствіями закрыть
млюды мартовской революціи и обезопасить ихъ отъ посягательствъ
враговъ.

Но еще болѣе беспокоили нась событія въ Берлинѣ. Пруссія была, несомнѣнно, самымъ сильнымъ изъ нѣмецкихъ государствъ. Австрія представляла конгломератъ различныхъ національностей: въ нее входили нѣмцы, мадьяры, славяне, итальянцы. До сихъ порь нѣмецкій элементъ, — которому принадлежала династія и столица имперіи, — занималъ въ ней первенствующее мѣсто, хотя численностью и не превосходилъ другихъ. Но славяне, мадьяры и итальянцы, особенно подъ вліяніемъ революціонныхъ движений 1848 г., стремились къ національной автономіи; въ послѣднія десятилѣтія старой нѣмецкой имперіи и затѣмъ послѣ наполеоновскихъ войнъ Австрія, несомнѣнно, занимала руководящее положеніе въ Германіи, но подобное положеніе въ Германіи, объединенной подъ конституціоннымъ режимомъ, не отвѣчало интересамъ я не-нѣмецкихъ областей. Дѣйствительно, впослѣдствіи оказалось, что взаимное соперничество различныхъ національностей дало возможность центральному правительству подчинить себѣ каждую изъ нихъ отдельно съ помощью остальныхъ, и что, несмотря на всѣ обѣщанія мартовскихъ дней, интересы внѣнѣмецкихъ областей и интересы династіи выдвинулись на первый планъ. Пруссія же, за исключеніемъ небольшой польской провинціи, была чисто нѣмецкая страна и самое значительное изъ нѣмецкихъ государствъ по количеству населенія, по прогрессивнымъ тенденціямъ, по экономическому развитію и, въ особенности, по военной силѣ. Всѣ чувствовали, что ходъ дѣлъ въ Пруссіи будетъ имѣть рѣшающее вліяніе на судьбы революції.

Первое время Фридриху Вильгельму IV, повидимому, очень нравилась роль вождя національного движения, какую онъ взялъ на себя въ бурные мартовскіе дни. Его подвижная натура, казалось, поддавалась новому увлечению. Онъ гулялъ по улицамъ Берлина и дружески разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ встрѣченными. Онъ говорилъ о проведеніи конституціонныхъ принципіовъ въ правлѣніи, какъ о дѣлѣ рѣшеною. Громко хвалилъ онъ «берлинскій народъ», который держалъ себя съ нимъ такъ благородно и великолѣдно, какъ не могло бы держать себя населеніе ни одного города въ мірѣ. Онъ издалъ приказъ, чтобы армія носила черно-красно-золотую кокарду вмѣстѣ съ прусской. Во время парада въ Потсдамѣ онъ объявилъ недовольнымъ гвардейскимъ офицерамъ, что чувствуетъ себя счастливымъ, свободнымъ и безопаснымъ среди берлинскихъ гражданъ, что все, что онъ далъ и сдѣлалъ, было дано и сдѣлано имъ свободно, по внутреннему убѣждѣнію, и что никто не долженъ сомнѣваться въ этомъ.

Но когда въ Берлинѣ открылось прусское національное собрание, когда оно попыталось издавать законы, настаивать на проведеніи въ жизнь конституціонныхъ принципіовъ и мѣшаться въ правительственные распоряженія, тогда король сталъ все болѣе и болѣе подчиняться вліяніямъ другого рода; эти вліянія тѣмъ съ

большимъ удобствомъ дѣйствовали на него, что онъ изъ Берлина перѣхалъ въ свой Потсдамскій дворецъ. Всѣдѣствіе этого, непосредственная сношенія короля съ народомъ прекратились; его разговоры съ новыми либеральными министрами свелись къ короткимъ, формальнымъ аудіенціямъ, а голоса, напоминавшіе ему старыя симпатіи, предразсудки и стремленія, неотступно раздавались вокругъ него.

Прежде всего заговорила армія, это любимое дѣтище Гогенцоллерновъ. Она была полна скрытаго негодованія за тотъ «позоръ», которому ее подвергли, заставивъ удалиться изъ Берлина послѣ уличной борьбы, она жаждала мести и возстановленія своего прежняго престижа. Затѣмъ придворная знать, у которой всегда единственнымъ дѣломъ было льстить монарху и прославленіемъ его особы усиливать собственное значеніе. Потомъ землевладельческое дворянство, юнкерство, феодальная права которого въ теоріи отрицались духомъ революціи, а на практикѣ урѣзывались законодательною дѣятельностью народныхъ представителей; оно старалось всѣми силами воздѣйствовать на гордость короля. Старая бюрократія, которую революція лишила власти, хотя личный составъ ея мало измѣнился, пыталась снова вернуть себѣ прежнее военномощество. Наконецъ, заговорилъ «старо-prusскій духъ», враждебный всѣмъ націоналистическимъ стремленіямъ, разъ они грозили умалить престижъ и значеніе спеціально Пруссіи. Всѣ эти вымѣянія, обыкновенно обозначаемыя однимъ словомъ «реакція», совмѣстными усилиями отклоняли короля отъ того пути, на который онъ вступилъ въ мартовскіе дни, и стремились съ его помощью вполнѣ возстановить старый порядокъ вещей. Черезъ посредство короля они держали въ своихъ рукахъ прусскую армію, а эта армія имѣла громадное, быть можетъ, рѣшающее значеніе въ предстоявшей борбѣ. Реакція усиленно эксплуатировала въ свою пользу случайные беспорядки, имѣвшіе мѣсто на улицахъ Берлина. Во всякой свободной странѣ, въ родѣ Англіи или Америки, такого рода беспорядки вызвали бы усиленіе полицейскихъ мѣропріятій, но ни одинъ разумный человѣкъ не нашелъ бы ихъ настолько важными, чтобы изъ-за нихъ сомнѣваться въ цѣлесообразности гражданскихъ вольностей или конституціонныхъ учрежденій. Но въ Пруссіи эти беспорядки дали поводъ пугать боязливыхъ буржуазныхъ душъ призракомъ общей анархіи и убѣдить короля, что возстановленіе неограниченной королевской власти необходимо для поддержанія законности и порядка.

Съ другой стороны, очевидный ростъ реакціи содѣйствовалъ тому, что наиболѣе серьезные сторонники національного объединенія и конституціи на демократическихъ основахъ стали все болѣе и болѣе уклоняться въ сторону радикальныхъ тенденцій.

Вліяніе быстрыхъ успѣховъ реакціи сказалось и въ нашей средѣ. Нашъ демократический союзъ состоялъ наполовину изъ сту-

дентовъ, наполовину изъ горожанъ. Кинкель былъ предсѣдателемъ его, а я однимъ изъ членовъ исполнительного комитета. Сначала мы ничего не желали, кромѣ конституціонной монархіи съ всеобщими избирательными правомъ и неприкосновенными гражданскими свободами. Но, замѣчая грозное нарастаніе реакціи, мы вскорѣ пришли къ убѣждѣнію, что свобода можетъ быть обезпечена исключительно при республиканскомъ строѣ. Отъ этого былъ только шагъ до дальнѣйшаго вывода, что въ республикѣ и только въ неї одной можно найти исцѣленіе отъ всѣхъ болѣзней общественного организма, рѣшеніе всѣхъ политическихъ и соціальныхъ задачъ. Мы видѣли въ гражданинѣ республики высшее олицетвореніе человѣческаго достоинства, это былъ идеализмъ, воспитанный въ нацѣ изученіемъ классической древности. Основываясь на исторіи французской революціи, мы не сомнѣвались, что республика можетъ быть введена въ Германіи и утвердится тамъ бокъ-о-бокъ съ монархическимъ строемъ остальной Европы. Эта исторія показывала намъ, какъ невозможное съ первого взгляда становилось дѣйствительностью, едва пробуждалась энергія, присущая всякой великой націи, едва выступали на сцену безстрашные борцы за идею. Многихъ изъ насъ, понятно, пугалъ тотъ терроризмъ, который залилъ великое народное движеніе французовъ дѣлыми потеками невинной крови, мы надѣялись, что у нацѣ дѣло обойдется безъ такихъ крайностей. Во всякомъ случаѣ, французская революція давала намъ достаточное количество образцовъ, которымъ мы сгремелись подражать и которые сильно возбуждали нашу фантазію. Какъ обыкновенно бываетъ, мы начали подражаніе нашимъ героямъ съ внѣшнихъ формъ; такъ, чтобы подчеркнуть гражданско равенство между членами нашего клуба, мы ввели правило, по которому всѣ они, каково бы ни было ихъ общественное положеніе, должны были называть другъ друга не иначе, какъ «гражданинъ». Мы уже не говорили «господинъ профессоръ Кинкель», а просто гражданинъ Кинкель, «гражданинъ Унгеръ», «гражданинъ Шурцъ» и т. д. Наши противники много смеялись надъ нами, но это не смущало нацѣ. Мы считали, что дѣлаемъ серьезное дѣло, вводя такой тонъ во взаимное обращеніе: онъ долженъ быть указывать путь для дальнѣйшаго развитія общества. Я въ настоящее время не помню содержанія нашихъ преній въ клубѣ, знаю только, что они велись очень горячо, временами замѣчательно краснорѣчиво и въ громадномъ большинствѣ случаевъ съ полной искренностью убѣждений.

Лѣтомъ Кинкель и я получили порученіе явиться представителями нашего клуба на конгрессѣ демократическихъ союзовъ въ Кёльнѣ. Это собраніе, на которомъ я держался весьма робко и молчаливо, осталось у меня въ памяти потому, что тамъ я увидалъ лицомъ къ лицу многихъ выдающихся людей того времени, между прочимъ, вождя соціалистовъ, Карла Маркса. Ему

было въ то время 30 лѣтъ и онъ уже считался признаннымъ главою соціалистической школы. Невысокаго роста, крѣпко сложенный, съ широкимъ лбомъ, съ черными волосами, густою бородой и темными, блестящими глазами, онъ сразу привлекалъ вниманіе. Про него говорили, что въ своей специальности это замѣчательный учёный; а такъ какъ я весьма мало зналъ изъ его политico-экономическихъ открытій и теорій, то я мечталъ удержать въ памяти каждое слово знаменитаго человѣка. Мои ожиданія не оправдались. Все, что Марксъ говорилъ, было, дѣйствительно, содержательно, логично и ясно Но никогда не встрѣчалъ я человѣка, отличающагося такимъ оскорбительнымъ и нестерпимымъ высокомѣремъ. Ни одного мнѣнія, сколько-нибудь отличного отъ его собственнаго, не удостоивалъ онъ благосклоннаго отзыва. Ко всякому, кто ему противорѣчилъ, онъ относился съ худо скрываемымъ презрѣніемъ. На каждый непрѣятный ему доводъ онъ отвѣчалъ или щѣдкой насмѣшкой надъ жалкимъ невѣжествомъ говорившаго, или оскорбительнымъ заподозрѣваніемъ его побужденій. Я до сихъ поръ помню тѣть рѣзко саркастическій тонъ, которымъ онъ произносилъ слово «бюргеръ». А названіемъ «бюргеръ», т. е. несомнѣннымъ образцомъ умственного и нравственного ничтожества, онъ клеймилъ всякаго, кто осмѣливался возвращать ему. Послѣ этого неудивительно, что предложенія, внесенные Марксомъ въ собраніи, не были приняты, что всѣ, чьи чувства онъ оскорбилъ своимъ обращеніемъ, голосовали противъ него, и что онъ не только не пріобрѣлъ послѣдователей, но оттолкнулъ многихъ, кто былъ готовъ сдѣлаться его сторонникомъ.

VI.

Лѣто 1848 г. прошло для меня въ усиленной работѣ и тревожномъ настроеніи. Газета, агитаторская дѣятельность въ клубахъ и народныхъ собраніяхъ, да и къ тому же еще занятія въ университѣтѣ—все это не оставляло мнѣ ни минуты свободной; впрочемъ, не могу не сознаться, что университетскія занятія стояли у меня далеко не на первомъ планѣ. Тяжелое настроение мое вызывалось очевиднымъ ростомъ реакціи; я видѣлъ ясно, что французскій «национальный парламентъ» и берлинское национальное собраніе упустили случай создать что-либо прочное; меня угнетало чувство собственнаго безсилія, невозможность сколько-нибудь содѣйствовать предотвращенію грозившаго несчастія. Я помню, какъ мучило меня мое невѣжество въ политическихъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что я ясно сознавалъ необходимость энергичной и разумной агитацией подготовить народъ къ предстоявшей рѣшительной борьбѣ.

Впрочемъ, работа наша имѣла и свои веселыя стороны, еотов-

рыми мы отъ души наслаждались. Сельское населеніе относилось къ большімъ сочувствіемъ къ намъ, студентамъ, и даже тѣ, кто не раздѣлялъ нашихъ политическихъ воззрѣній, принимали насъ всегда въ высшей степени дружелюбно, такъ что напрѣзъ въ какую-нибудь деревню ради агитаторской дѣятельности честно превращался въ веселый праздникъ. Иногда мы даже умышленно соединяли общественное удовольствіе съ политической демонстраціей. Такъ, мы устраивали патріотическія собранія съ выпивкой въ трактирахъ и ночная процессія съ факелами въ излюбленное нами Кессенихскіе ущелье недалеко отъ Бонна; тамъ мы разводили костры и всю ночь до утра говорили патріотическія рѣчи, пѣли и дурачились. Самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ изъ того времени остался для меня студенческій конгрессъ въ Эйзенахѣ въ сентябрѣ 1848 г.; я присутствовалъ на немъ, какъ представитель боннскихъ студентовъ.

Это было мое первое большое путешествіе. До тѣхъ порь я удалялся отъ дома не болѣе, какъ на день ходьбы или на нѣсколько часовъ пароходнойѣзды. Въ первый разъ въ этотъ свѣтлый, солнечный день я могъ насладиться путешествіемъ по Рейну отъ Бонна до Майнца, и я старался отгонять отъ себя тревожныя мысли, вызываемыя разными смутными слухами о беспорядкахъ и уличной битвѣ, происходящей будто бы во Франкфуртѣ. Но когда я прїехала вечеромъ во Франкфуртъ, слухи эти, къ сожалѣнію, подтвердились.

Беспорядки во Франкфуртѣ вызваны были слѣдующими обстоятельствами: еще весной 1848-го года, какъ я говорилъ выше, народное восстаніе въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ противъ самоуправства датчанъ было признано нѣмецкимъ национальнымъ дѣломъ со стороны союзного совѣта, а затѣмъ национального парламента и всѣхъ отдѣльныхъ правительствъ Германіи. Пруссія и другія войска союза двинуты были въ герцогства, одержали нѣсколько побѣдъ надъ датской арміей и укрѣпились въ Ютландіи. Все обѣщало скорый и счастливый конецъ войны. Вдругъ прусское правительство, глава котораго Фридрихъ-Вильгельмъ IV по обыкновенію испугался вмѣшательства великихъ державъ Европы, удивило весь міръ перемириемъ, заключеннымъ съ Даніей отъ имени Германскаго союза и извѣстнымъ въ исторіи подъ именемъ «перемирия въ Мальмѣ». Этимъ перемириемъ было установлено, что побѣдоносныя нѣмецкія войска должны оставить Ютландію и герцогства, что герцогства лишаются своего временнаго мѣстнаго самоуправлія и взамѣнъ его должны управляться комиссіей, состоящей изъ пяти членовъ, двухъ назначаемыхъ Даніей, двухъ Пруссіей и одного обѣими договаривающимися сторонами. Въ то же время отмѣнялись всѣ законы и распоряженія, изданныя шлезвигъ-гольштейнскимъ правительствомъ, начиная съ марта мѣсяца. Это перемирие возбудило во всей Германіи сильнѣшее негодованіе

іє. Мѣстное національное собраніе Шлезвигъ-Гольштейна противостояло. Франкфуртскій національный парламентъ, понимая, что этотъ поступокъ Пруссіи оскорбляетъ честь Германіи и унижаетъ его собственный авторитетъ, рѣшилъ 5 сентября не признавать перемирія и требовать отмѣны мѣропріятій, принятыхъ на основаніи его. Но послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ составить новое общеимперское министерство, онъ отступилъ передъ рѣзкой постановкой вопроса о томъ, кому принадлежитъ верховная власть, ему или Пруссіи; 16 сентября онъ отмѣнилъ свое постановленіе отъ 5-го и объявилъ, что мѣшать исполненію договора въ Мальмѣ будетъ уже не своевременно. Это заявленіе, которое оскорбляло всѣ чувства німецкаго народа, вызвало сильнѣйшее возбужденіе, которымъ немедленно воспользовались вожди революціонной партіи во Франкфуртѣ и окрестностяхъ. На слѣдующій же день на лугу около Франкфурта собрался большой митингъ. Горячія рѣчи возбудили до высшей степени страсти толпы, и собралие приняло резолюцію, въ которой клеймило большинство національнаго собранія именемъ измѣнниковъ німецкому народу. Со всѣхъ сторонъ собирались вооруженные демократы; сдѣлана была попытка силою заставить парламентъ взять назадъ возмутительное заявленіе или изгнать изъ своей среды членовъ, виновныхъ въ измѣнѣ отечеству. Двое видныхъ членовъ парламента, изъ консервативной партіи, графъ Ауэрсвальдъ и принцъ Лихновскій, попали въ руки возбужденной толпы и были убиты. Затѣмъ послѣдовала битва на улицахъ Франкфурта и инсургенты были разбиты быстро подоспѣвшими войсками.

Когда я по пути въ Эйзенахъ пріѣхалъ во Франкфуртъ, побѣдноносныя войска стояли бивуакомъ на улицахъ вокругъ своихъ сторожевыхъ огней; бастионы еще не были вполнѣ разобраны; мостовая была забрызгана кровью; всюду слышались тяжелые шаги патрулей. Съ трудомъ удалось мнѣ пробраться въ гостиницу «Лебедь», где я долженъ былъ встрѣтиться съ нѣсколькими гейдельбергскими студентами, чтобыѣхать вмѣстѣ съ ними въ Эйзенахъ. Съ тяжелымъ сердцемъ сидѣли мы всѣ вмѣстѣ до поздней ночи; мы чувствовали, что дѣло свободы и національного объединенія потерпѣло страшное пораженіе. Королевско-пруссійское правительство сдѣлало ловкій ходъ противъ національнаго парламента, этого представителя власти німецкой нації. Такъ называемый «народъ» посягнуль на народное правительство, созданное революціей, и, спасаясь отъ народной ненависти, оно принуждено было отиться подъ защиту вооруженной силы государей. Этимъ была фактически сломана опора революціи, начавшейся въ мартѣ. Мы въ то время еще не заглядывали такъ далеко, мы только чувствовали, что свершилось великое несчастіе. Впрочемъ, благодаря нашей молодости, мы не отчаявались и утѣшали себя надеждой, что потерянное еще можетъ быть возвращено какимъ-нибудь благопріят-

нымъ новоротомъ обстоятельствъ, а главное—энергичною и цѣлесообразною работою.

На другой день я съ приятелемъ отправился въ галлерею церкви Св. Павла, въ которой засѣдалъ національный парламентъ. Съ благоговѣніемъ вступилъ я въ историческое помѣщеніе, которое въ тѣ дни такъ грустно отражало на себѣ судьбы революціи 1848 года: справа сидѣли люди, которые всего больше хотѣли возстановить старые «до-мартовскіе» порядки; на губахъ ихъ виднѣлась улыбка торжества; въ центрѣ — сторонники болѣе или менѣе либеральной конституціонной монархіи; ихъ мучилъ все возраставшій страхъ, что имъ не удастся побороть революціонную демократію, не давая при этомъ слишкомъ усилиться абсолютской реакціи; слѣва—демократы и республиканцы, подавленные тяжелымъ сознаніемъ, что народныя массы, въ которыхъ они должны были найти источникъ своей силы, скомпрометировали ихъ дикимъ проявленіемъ насилия и дали опаснѣйшее орудіе въ руки реакціи.

Я до сихъ поръ помню тѣхъ членовъ, которыхъ глаза мои искали особенно жадно. Направо,—Радовицъ, тонко очерченное лицо которого съ нѣсколько восточнымъ типомъ казалось запечатанной книгой, скрывавшей тайны реакціонной политики; въ центрѣ—Гейнрихъ ф. Гагернъ со своей статной фигуру и грозно сгвинутыми бровями; нальво—Силенова голова Роберта Блума, этого идеального народного трибуна, и маленькая согнутая фигурка старика Лудвига Уланда, пѣсни которого мы такъ часто пѣли и который съ такою трогательною преданностью отдавался тому, что признавалъ неотъемлемымъ правомъ народа.

Вечеромъ мы отправились дальше въ Эйзенахъ, и я вскорѣ очутился среди милаго, веселаго общества. Хорошенькой городокъ Эйзенахъ у подножія Вартбурга,—гдѣ Лютеръ перевезъ библію на нѣмецкій языкъ и бросилъ въ чорта чернильницу.—былъ излюбленнымъ мѣстомъ большихъ студенческихъ демонстрацій вскорѣ послѣ освободительныхъ войнъ, когда необходимо было напомнить и государямъ, и народамъ обѣщанія, данныя въ тяжелое время, и надежды, порожденныя этими обѣщаніями. Весной 1848 г. тамъ уже происходило одно собраніе студентовъ, но оно не пришло ни къ какимъ опредѣленнымъ резолюціямъ. Нашъ студенческій конгрессъ въ сентябрѣ собирался главнымъ образомъ съ цѣлью положить начало національной организаціи пѣмецкаго студенчества и для облегченія совмѣстныхъ дѣйствій выбрать какой-нибудь центральный пунктъ. Кромѣ того мы должны были обсуждать разныя необходимыя реформы въ университетахъ, но, наколько мнѣ помнится, мы не отдавали себѣ яснаго отчета, въ чёмъ должны состоять эти реформы. Наши засѣданія проходили въ залѣ гостиницы «Клемда», и мы придали имъ парламентскую форму, такъ что пренія велись въ полномъ порядкѣ. Въ ораторіяхъ у насъ не было недостатка. Такъ какъ почти всѣ нѣмецкіе университеты,

не исключая австрійскихъ, прислали на этотъ конгрессъ своихъ представителей, то собраніе наше было весьма многочисленно и заключало не мало талантливыхъ молодыхъ людей. Общее вниманіе и собранія, и публики обращали на себя вѣнцы. Ихъ приѣхало человѣкъ девять или десять; все они носили красную форму знаменитаго въ то время «академического легіона»: черную фетровую шляпу со страусовыми перьями; темносиніе сюртуки съ черными блестящими пуговицами; черно-красно-золотые шарфы; свѣтло-сѣрыя панталоны; длинныя сабли съ отблѣсками сталью рукоятками; серебристо-сѣрые плащи на красной подкладкѣ. Эта форма была очень красива и имѣла въ себѣ что-то рыцарское. Въ Вѣнѣ, кажется, постарались послать на конгрессъ самыхъ красивыхъ студентовъ. Все депутаты тамошняго университета были замѣчательные красавцы, высокаго роста, съ бородами, и большей частью старше насы остальныхъ. На балу, который дали намъ эйзенахскіе бургеры, встрѣтившие насъ вообще очень любезно, никто не посмѣлъ спорить съ вѣнцами за расположение прекраснаго пола. Впрочемъ, вѣнцы отличались не только своею внѣшностью. У нихъ уже была история, и она-то дѣлала ихъ предметомъ всеобщаго вниманія.

При первомъ взрывѣ революціоннаго движенія студенты во многихъ университетскихъ городахъ выступили болѣе или менѣе на первый планъ, но нигдѣ не играли они такой важной и выдающейся роли, какъ въ Вѣнѣ. Они главнымъ образомъ устроили то восстаніе, которое лишило власти князя Меттерниха. Они подъ именемъ «академического легіона», насчитывавшаго въ рядахъ своихъ до 6000 человѣкъ, образовали ядро вооруженной силы революції. Въ «центральномъ комитетѣ», который состоялъ наполовину изъ студентовъ и наполовину изъ членовъ національной гвардіи и являлся передъ правительствомъ выразителемъ народной воли, они имѣли громадное вліяніе. Изъ всѣхъ частей государства приходили въ залу университета, главную квартиру студентовъ, депутатіи отъ крестьянъ и горожанъ и обращались со своими жалобами и просьбами къ этой внезапно возникшей власти, пользовавшейся въ глазахъ народа неограниченнымъ авторитетомъ. Когда министерство Пиллердорфъ-Латуръ издало новый законъ о печати, которымъ уничтожалась цензура, но сохранялось еще много ограниченій, Пиллердорфъ усиленно приглашалъ студентовъ высказать свое мнѣніе обѣ этомъ законѣ. 15 мая 1848 г. студенты во главѣ вооруженного народа такъ рѣшительно удерживали свои позиціи противъ военной силы, что правительство принуждено было взять назадъ дарованную конституцію и обѣщать созваніе Учредительного Собранія. Все попытки правительства распустить академическій легіонъ были побѣдоносно отбиты студентами. Они въ концѣ концовъ заставили министерство согласиться на удаленіе войскъ изъ столицы и на образованіе «коми-

тета безопасности», состоявшаго главнымъ образомъ изъ студенчества и пользовавшагося такою независимостью и такими широкими полномочіями, что при рѣшеніи многихъ дѣлъ онъ имѣлъ права, почти равныя съ министерствомъ. Такъ, напр., безъ его согласія никто не смѣлъ употреблять военную силу. Можно безъ преувеличенія сказать, что одно время Австрія управлялась вѣнскими студентами.

Удивительно ли послѣ этого, что мы смотрѣли на вѣнскихъ легионеровъ, какъ на героевъ дня, что мы съ жаднѣмъ вниманіемъ слушали ихъ разсказы объ ихъ собственныхъ подвигахъ и о положеніи дѣлъ въ Австріи. Къ сожалѣнію, изъ этихъ разсказовъ было ясно видно, что въ недалекомъ будущемъ предстоитъ новая тяжелая борьба и, можетъ быть, даже трагический конецъ. Наши вѣнскіе друзья и сами сознавали это: они предвидѣли, что побѣды Радецкаго въ Италии надъ войсками пьемонтскаго короля Карла Альберта поднимутъ престижъ арміи и придадутъ новыя силы реакціонной придворной партії. Эта партія преднамѣренно возбуждала и употребляла чеховъ противъ нѣмцевъ; присутствіе въ столицѣ Учредительного Собрания, созваннаго по требованію самихъ студентовъ, сильно умалило значеніе революціонныхъ властей: въ самой национальной гвардіи и въ комитетѣ безопасности возникали непріятные раздоры; придворная партія пользовалась всѣми этими обстоятельствами, она схватится за первый удобный случай, чтобы уничтожить всѣ плоды революціи вообще и вліяніе студенчества въ особенности; скоро долженъ быть настать день рѣшительной, кровавой борьбы.

Эти предчувствія набрасывали временами мрачную тѣнь на наше веселое общество; но, благодаря эластичности молодости, мы прогоняли тяжелыя мысли и утѣшались надеждой, что, можетъ быть, въ концѣ концовъ все уладится благополучно. Вдругъ, въ то время, когда мы еще строили планы разныхъ экскурсій въ окрестности Эйзенахса, наши вѣнскіе друзья объявили, что они получили изъ университета письма, сообщающія о близкой опасности, и должны немедленно вернуться въ Вѣну. Прощаясь съ нами, они какъ бы говорили: morituri salutamus.

— Черезъ нѣсколько дней, сказалъ одинъ изъ нихъ,—намъ придется биться на улицахъ Вѣны, просмотрите списки убитыхъ, вы тамъ найдете наши имена.

Я, какъ теперь, вижу передъ собой красавца Валентина, произнесшаго эти слова! Леонеры уѣхали отъ насъ, а мы и не думали, какъ ужасно и какъ быстро оправдается это предсказаніе!

Вскорѣ и намъ, остальнымъ, пришлось подумать о возвращеніи домой. Единственная практическая цѣль студенческаго съзыва была достигнута. Общая организація нѣмецкаго студенчества была рѣшена, и мѣсто центрального управления ею избрано. Намъ не было никакого основанія продолжать наши засѣданія. Къ тому же у

многихъ и деньги были на исходѣ. Но съ каждымъ часомъ разлука становилась для насъ все тяжелѣе. Мы такъ полюбили другъ друга, и наша совмѣстная жизнь была такъ пріятна, что мы всячески придумывали, какъ бы выиграть еще хоть нѣсколько деньковъ. Рѣшено было, что тѣ, кто хочетъ остаться,—а такихъ оказалось не мало,—должны внести всѣ свои деньги въ общую кассу, изъ которой будуть покрываться всѣ наши расходы въ Эйзенахѣ за вычетомъ суммы, необходимой каждому на возвратный путь. Такимъ образомъ, мы, дѣйствительно, выиграли нѣсколько дней, которые рѣшили провести съ полнымъ удовольствиемъ. Немедленно составлены были планы разныхъ экскурсій, и одна изъ этихъ экскурсій чуть не кончилась бѣдой.

Между прочимъ, у насъ назначено было отправиться въ Вартбургъ. Мы вышли послѣ обѣда, въ Вартбургѣ должны были осушить нѣсколько боченковъ пива и закусить, а затѣмъ съ наступлениемъ темноты спуститься въ Эйзенахѣ при свѣтѣ факеловъ. Такъ какъ веселая компанія студентовъ пользовалась большими расположениемъ эйзенахцевъ, то насть провожала въ Вартбургъ пестрая толпа, среди которой было не мало веймарскихъ солдатъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Эйзенахѣ. Дорогой и въ трактире многіе изъ насъ говорили политическія рѣчи; и такъ какъ негодованіе противъ государей, особенно противъ короля прусскаго за перемиріе въ Мальво далеко не улеглось, то нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей носили совсѣмъ республиканскій характеръ. Мало по малу головы разгорячились, и вдругъ солдаты стали бросать вверхъ фуражки, кричать: «да здравствуетъ республика!» и объявили, что отдаютъ себя въ распоряженіе студентовъ. Между тѣмъ, насталъ вечеръ, и все общество двинулось съ факелами и съ пѣніемъ патріотическихъ гѣсенъ внизъ къ Эйзенаху. Картина была замѣчательно красива, но я не могъ вполнѣ наслаждаться ею: меня смущало то впечатлѣніе, какое наши рѣчи произвели на солдатъ. Я зналъ, что восстаніе въ Тюрингіи не могло разсчитывать ни на какую поддержку, а вовлѣдать довѣрчивыхъ людей, въ особенности солдатъ, къ неподготовленной, революціонной попыткѣ, которая должна была навѣрно кончиться неудачей и имѣть для нихъ самыя печальные послѣдствія, казалось мнѣ преступленіемъ. Я высказалъ свое мнѣніе товарищамъ, съ которыми вмѣстѣ вернулся въ Эйзенахѣ. Впрочемъ,—думалось намъ—если дѣло ограничится только тѣмъ, что произошло на нашей экскурсіи, это еще не большая бѣда. Я заснулъ, успокаивая себя такими мыслями. Я не зналъ того, что происходило въ городѣ въ это время. Вотъ что мнѣ рассказали на слѣдующее утро: большая часть толпы, принимавшей участіе въ нашей прогулкѣ, вернувшись въ Эйзенахѣ, отправилась въ загородный садъ. Тамъ, въ ресторанѣ продолжались рѣчи; число солдатъ-слушателей ихъ значительно увеличилось; всѣ они почти единогласно и очень шумно кричали «да здравствуетъ респуб-

лика!» и въ заключеніе отказались повиноваться офицерамъ, которые приказывали имъ уйти изъ ресторана. За ночь возбужденіе среди солдатъ разраслось, такъ что весь гарнизонъ Эйзенаха прямо взбунтовался, и офицеры ничего не могли сдѣлать съ солдатами. На слѣдующее утро къ намъ стали приходить группы солдатъ, требуя, чтобы студенты приняли начальство надъ ними. Вчерашніе ораторы не имѣли въ виду ничего подобнаго; они употребляли всевозможная усилія, чтобы остановить дальнѣйшее броженіе. Начальство сообщило о случившемся въ Веймаръ, и оттуда пришло приказаніе немедленно выслать по желѣзной дорогѣ всѣ роты, стоявшія въ Эйзенахѣ. Но солдаты наотрѣзъ отказалисьѣхать, они объявили, что остаются со студентами. Тогда созвали милицію Эйзенаха, чтобы она заставила солдатъ выѣхать изъ города. Милиція выстроилась на площади, но тутъ оказалось, что она вовсе не намѣрена исполнять возложенное на нее порученіе. Она тоже кричала: «Да здравствуютъ студенты!» Дѣло все болѣе и болѣе осложнялось. Наконецъ, намъ удалось убѣдить офицеровъ взбунтовавшагося гарнизона, что вся исторія вышла изъ-за студенческой пирушки, и что нельзя взыскивать съ солдатъ за то, что они, подъ вліяніемъ общаго веселаго настроенія, а отчасти и выпитаго пива, побратались со студентами. Офицеры согласились, по крайней мѣрѣ дѣлали видъ, что согласны смотрѣть на все дѣло, какъ на шутку, и мы обѣщали имъ уговорить солдатъ вернуться къ своимъ обязанностямъ, если они добудутъ отъ своего правительства обѣщаніе, что имъ не грозятъ никакія непріятности. Обѣщаніе было немедленно дано, и послѣ этого намъ скоро удалось уговорить солдатъ спокойно вернуться на службу. Къ счастью, въ то время еще было возможно улаживать такимъ образомъ дѣла въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ. Въ Пруссіи подобный случай привѣтъ бы къ всѣма серьезнымъ послѣдствіямъ.

Послѣ этого происшествія мы почувствовали, что дѣйствительно пора оставить Эйзенахѣ и возвратиться домой. Къ тому же и денежныя средства наши были исчерпаны. Вечеромъ наканунѣ отѣзда мы собрались для послѣдней «выпивки» въ погребкѣ. Одинъ изъ студентовъ, какой-то кенигсбергецъ, отличавшійся крайне революціоннымъ настроениемъ, внесъ предложеніе, чтобы мы, прежде чѣмъ разойтись, выпустили прокламацію къ нѣмецкому народу, изложили въ пей взглядъ на современное положеніе дѣль и призывали народъ бдительно слѣдить за успѣхами реакціи и энергично противодѣйствовать ей. Никому изъ насъ не пришло въ голову, что такая прокламація, составленная въ пивной и позданной группою юношей, имѣеть въ себѣ нѣчто комичное. Мы очень серьезно обсудили предложеніе кенигсбергца, одобрили его, тутъ же набросали текстъ прокламаціи, члены комитета, къ которымъ принадлежалъ и я, подписали ее; она была въ ту же ночь напечатана, наклеена на стѣну ратуши и нѣкоторыя другія зданія города и

разослана въ редакціи многихъ газетъ. Послѣ этого мы пропѣли еще нѣсколько пѣсенъ и распрощались съ нѣжными поцѣлуями иувѣреніями въ вѣчной дружбѣ.

VII.

Во время моего обратнаго путешествія эйзенахскное возбужденіе настроеніе разлетѣлось, и я сталъ много тревоже смотрѣть на вещи. Во Франкфуртѣ я еще засталъ осадное положеніе и общую атмосферу глухой тревоги. Я спускался по Рейну въ холодную сырью погоду. Среди пассажировъ парохода не было ни одного знакомаго лица. Я сидѣлъ цѣлыми часами на палубѣ одинъ, дрожа отъ холода, стараясь держаться поближе къ трубѣ, чтобы согрѣться. Меня угнетало беспокойство относительно дальнѣйшаго хода общественныхъ дѣлъ, и тутъ же въ первый разъ явилась у меня мысль о моей личной безопасности. Я вспоминалъ прокламацію, изданную нами въ Эйзенахѣ: въ ней было не мало рѣзкихъ нападокъ противъ большинства національнаго парламента и противъ прусскаго правительства. Точно такъ же вспомнилось мнѣ газетное извѣстіе о томъ, что вслѣдствіе сентябрьскихъ беспорядковъ парламентъ издалъ законъ, грозившій суровыми наказаніями за оскорблениѳ его членовъ. Не была ли наша прокламація такимъ оскорблениемъ? Несомнѣнно была. И вотъ, раздумывая на эту тему, я пришелъ къ убѣждѣнію, что, по пріѣздѣ въ Бониѣ, я буду немедленно арестованъ и преданъ суду за оскорблениѳ въ печати національнаго парламента и прусскаго правительства. Я рѣшилъ мужественно идти навстрѣчу судьбѣ; я боялся одного только, что наше эйзенахскное возваніе не приведеть ни къ какимъ другимъ результатамъ. На самомъ дѣлѣ оказалось, что меня никто не думаетъ ни арестовывать, ни судить: если правительство и узнало о нашей прокламаціи, то оно не сочло нужнымъ поднимать шумъ по этому поводу.

Важныя извѣстія изъ столицы Австріи подтверждали предсказанія нашихъ вѣнскихъ друзей въ Эйзенахѣ. Во время мартовскихъ дней Венгрия приобрѣла такое независимое политическое положеніе, какимъ не пользовалась раньше. Она получила свое собственное министерство, находившееся въ Пештѣ и безъ утвержденія котораго распоряженія императора не имѣли силы для Венгрии. Безъ согласія мѣстной законодательной власти венгерскія войска не могли быть употребляемы за предѣлами Венгрии, и не венгерскія войска не могли быть вводимы на ея территорію. Эрцгерцогъ-палатинъ долженъ былъ жить въ Пештѣ, какъ вице-король Венгрии. Кромѣ того, нѣмецкія и славянскія области, входившія до тѣхъ поръ въ составъ Венгрии, были подчинены венгерскому правительству наравнѣ съ чисто венгерскими землями. Такое полуnezависимое устройство венгерского государства кололо глаза

австрійской придворной партіи. Чтобы имѣть поводъ уничтожить его, она поощряла восстание противъ Венгрии бана Кроаціи Ела-чича. Въ іюлѣ императоръ принужденъ бытъ отказаться отъ Ела-чича и объявить его измѣнникомъ отечеству, но въ сентябрѣ онъ вернулъ ему всѣ его прежнія званія и должности, какъ вѣрному и преданному слугѣ государя. Венгерское правительство и палата представителей и министерство протестовали противъ этого; эрцгерцогъ-палатинъ отказался отъ своего званія. Тогда австрійское правительство послало въ Пештъ графа Лемберга, какъ императорскаго комиссара. На основаніи указа императора всѣ венгерскія власти и войска подчинились ему. Такъ какъ указъ этотъ, понятно, не былъ подписанъ ни однимъ венгерскимъ министромъ, то палата венгерскихъ представителей объявила его противнымъ конституціи и недѣйствительнымъ. Вместо сложившаго съ себя званіе Палатина, палата представителей избрала правительственную комиссию подъ предсѣдательствомъ графа Братіони. Во время выѣзда въ Пештъ Лембергъ былъ убитъ волновавшейся толпой. Послѣ этого императоръ австрійскій издалъ манифестъ, которымъ онъ распускалъ представительное собраніе Венгрии и объявлялъ недѣйствительными всѣ законы, изданные безъ его утвержденія. Елачича онъ назначилъ неограниченнымъ уполномоченнымъ по всѣмъ венгерскимъ дѣламъ. Такимъ образомъ, разрывъ былъ окончательно рѣшенъ. Венгры приготовились къ борьбѣ; 5 и 9 октября были посланы изъ Вѣны войска для усмиренія ихъ. Тогда возсталъ народъ въ Вѣнѣ подъ предводительствомъ студентовъ: онъ чувствовалъ, что попытка уничтожить конституціонные права Венгрии направлена и противъ правъ австрійскихъ нѣмецъ и вообще противъ плодовъ революціи. Послѣ кровопролитной схватки побѣда осталась за инсургентами. Яростная толпа повѣсила военнаго министра Латура. Комендантъ вѣнскаго гарнизона графъ Ауершпергъ принужденъ былъ оставить городъ, но онъ занялъ недалеко отъ него твердую позицію и вскорѣ получилъ подкрѣпленіе; къ нему присоединились Елачичъ и Виндишгрецъ съ большими отрядами войскъ. 23 октября армія подъ начальствомъ князя Виндишгрецъ пошла на Вѣну и послѣ ряда ожесточенныхъ, кровопролитныхъ сраженій окончательно покорила ее 31 октября. Вѣна была отдана на жертву неограниченного произвола военныхъ властей, и этимъ окончилось революціонное движение въ нѣмецкой Австріи. Многіе легіонеры, съ которыми мы такъ сдружились въ Эйзенахѣ, пали въ битвѣ, другіе были арестованы или принуждены бѣжать.

Одновременно съ этой катастрофой дѣла въ Пруссіи тоже приняли рѣшительный оборотъ. До сихъ поръ прусское правительство держалось конституціонныхъ формъ, и министерство, во главѣ которой стоялъ искренне либеральный генералъ ф. Пфуль, явно выражало намѣреніе осуществить обѣщанія, данныхъ въ мартѣ.

Но самъ король и его приближенные обнаруживали настроение, противорѣчівшее этимъ обѣщаніямъ и вызывавшее серьезныя опасенія. Наконецъ, 31 октября прусское учредительное собраніе явилось выразителемъ общій симпатіи къ борющемся населенію Вѣны: оно постановило просить правительство его величества побудить центральное правительство Германіи принять мѣры къ охраненію народной свободы, подвергающейся опасности въ нѣмецкихъ земляхъ Австріи, и къ восстановленію мира. Министръ-президентъ Пфуль согласился съ этимъ постановленіемъ. Онь на слѣдующій же день принужденъ былъ выйти въ отставку, и тогда король созвалъ опредѣленно реакціонерское министерство во главѣ съ гравомъ Бранденбургомъ; душою этого министерства являлся фонъ Мантейфель. Учредительное собраніе протестовало, но безъ всѣаго результата. 9 ноября министерство Бранденбурга обнародовало королевское посланіе, которымъ засѣданія учредительного собранія отсрочивались до 27 ноября и переносились въ городокъ Бранденбургъ. Собрание заявило значительнымъ большинствомъ, что правительство не имѣть права принимать подобныя мѣры, но на слѣдующій же день домъ, где оно засѣдало, былъ окружено сильнымъ отрядомъ войска подъ начальствомъ генерала Врангеля, который отдалъ приказъ выпускать изъ зданія всѣхъ желающихъ и никого не впускать въ него. 11 ноября національная гвардія Берлина была распущена и черезъ пѣсколько дней обезоружена. Учредительное собраніе переходило изъ одного помѣщенія въ другое, такъ какъ военная сила всюду разгоняла его и, наконецъ, 15 ноября, въ своемъ послѣднемъ засѣданіи, составило постановленіе о неплатежѣ налоговъ, объявивъ, что министерство не имѣть права располагать государственными деньгами и взимать налоги, пока національное собраніе не получитъ возможности безъ помѣхи продолжать въ Берлинѣ свои засѣданія.

Эти события вызвали сильное волненіе во всей странѣ. Они, повидимому, служили доказательствомъ того, что реакціонная придворная партія рѣшила путемъ насилия какъ можно скорѣй уничтожить такъ называемыя «Мартовскія приобрѣтенія». Мы, демократы, были твердо убѣждены, что учредительное собраніе, противодѣйствуя «государственному перевороту», поступаетъ вполнѣ законно. Мы упрекали его только за то, что оно не пользуется всею полнотою своего права и, вмѣсто того, чтобы въ ясныхъ выраженіяхъ призвать народъ къ оружию, въ эти критическія минуты ограничивается малодушной политикой «пассивнаго сопротивленія». Но многие думали, что это пассивное сопротивленіе, выражющееся въ отказѣ платить налоги, подорвѣтъ денежныя средства правительства и заставитъ его уступить, конечно, если отказъ отъ платежа будетъ всеобщимъ и продержится довольно долго. При этомъ сразу бросалось въ глаза серьезное затрудненіе: приведеніе въ исполненіе такого плана требовало большого единодушія въ на-

строеніи народа и значительного мужества со стороны отдельныхъ гражданъ. Кромѣ того, самые крупные плательщики налоговъ ни- сколько не сочувствовали революціонной политикѣ демократовъ. Несмотря на все это, казалось, что давленіе общественного мнѣнія можетъ многое сдѣлать, и потому всюду устраивались народныя собранія и принимались резолюціи.

Бонискіе демократы, среди которыхъ мы, студенты, играли выдающуюся роль, тоже устраивали не мало такого рода демонстрацій. Такъ какъ студенты не платили никакихъ налоговъ, то они не могли заявить, что отказываются отъ платежей, это имѣло бы видъ фарса. Намъ предстояла другая задача: удерживать другихъ отъ уплаты податей, и этой задачѣ мы посвящали свои силы. У насъ рѣшено было, прежде всего, уничтожить налогъ на «мясо и муку», налогъ на привозные въ городъ жизненные припасы, который собирался при вѣзѣ въ городскія ворота. Съ этой цѣлью мы прогоняли отъ воротъ сборщиковъ налога. Это нравилось крестьянамъ, которые собирались цѣлыми толпами и безпошлино провозили въ городъ разные продукты. При этомъ не обходилось безъ столкновеній съ полиціей, но первое время мы постоянно оставались побѣдителями.

Затѣмъ мы сочли нужнымъ распространить свое влияніе на всю совокупность податныхъ операций правительства. Мы выбрали комитетъ, — я тоже вошелъ въ его составъ, — и послали его въ ратушу, чтобы взять въ свои руки городское управление. Бургомистръ принялъ насъ очень вѣжливо, спокойно выслушавъ наши объясненія объ обязательной силѣ постановленія высшей законодательной власти, запретившей платить налоги, и затѣмъ постарался удержать насъ разными не идущими къ дѣлу разговорами. Наконецъ, мы потеряли терпѣніе и потребовали немедленного и опредѣленного отвѣта, на основаніи которого мы примемъ дальнѣйшія мѣры. Вдругъ мы замѣтили, какъ измѣнилось выраженіе лица бургомистра. Онъ, повидимому, прислушивался къ чему-то на улицѣ и затѣмъ проговорилъ все еще вѣжливо, но съ торжествующей улыбкой:

— Господа, отвѣтъ вы получите, вѣроятно, не отъ меня, а отъ кого-нибудь другого. Слышите?

Мы тоже прислушались и услышали еще далекіе, но быстро приближавшіеся звуки военной музыки, игравшей прусскій национальный гимнъ. Черезъ нѣсколько минутъ музыка раздалась уже на базарной площади, и всѣ съ ней слышались тяжелые шаги пѣхоты, которая, повидимому, заняла всю площадь. Это, разумѣется, положило конецъ нашимъ переговорамъ съ бургомистромъ, и мы нашли, что онъ поступилъ еще очень любезно, позволивъ намъ спокойно уйти.

Появленіе войска не трудно было объяснить. Какъ только мы начали примѣнять на практикѣ нашу попытку неплатежа налоговъ,

такъ власти Бонна, гдѣ въ то время не стояли солдаты, телеграфировали въ сосѣдніе города, имѣвшіе гарнизоны, и просили помощи. Ихъ просьба была немедленно удовлетворена, и нашей борьбѣ противъ налоговъ положенъ конецъ. Войска немедленно заняли городскія ворота, и налогъ на мясо и муку сталъ взиматься, какъ прежде. Вечеромъ мы устроили въ гостиницѣ «Римляне» собраніе демократического комитета съ присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ заслуживающихъ довѣріе лицъ, и совѣщались, что предпринять. Первое наше побужденіе было напасть на солдатъ и выгнать ихъ изъ города. Это было отчаянное предпріятіе, но мы серьезно обсуждали его. Однако, по зрѣлому размышенію, всѣ мы пришли къ убѣждѣнію, что борьба, даже побѣдоносная въ Боннѣ, можетъ имѣть важное значеніе, только какъ часть широкого разлитаго возстанія. Для Прирейнскихъ областей Кельнъ былъ главнымъ городомъ, естественнымъ центромъ всякаго политического движения. Тамъ должны мы были объединиться со своими единомышленниками, оттуда получить лозунгъ. До насъ уже дошли вѣсти, что въ Кельнѣ господствуетъ лихорадочное возбужденіе, что тамошніе предводители демократической партии скоро подадутъ знакъ общаго возстанія; къ этому возстанію мы должны какъ можно скорѣй приготовиться, но избѣгать всякаго частнаго столкновенія съ войсками. Мы послали одного изъ своихъ въ Кельнъ, чтобы сообщить о томъ, что у насъ случилось, и получить дальнѣйшія указанія, а сами въ это время постарались собрать какъ можно больше ружей національной гвардіи въ опредѣленномъ мѣстѣ и заготовить снаряды. Всю эту ночь не мало людей было занято у насъ отливаніемъ пуль и выѣзкою патроновъ.

Но вотъ пришли тревожныя извѣстія о томъ, что происходило сколо городскихъ воротъ. Тамъ собирались толпы крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень: до нихъ дошли вѣсти о вступлении солдатъ въ Боннъ, они думали, что демократамъ и студентамъ грозить опасность, и явились выручать насть. Многіе изъ нихъ воображали, что выгнать солдатъ изъ города такъ же легко, какъ легко было отогнать отъ воротъ сборщиковъ податей, и горѣли желаніемъ податься. Мы очень боялись, что они придутъ въ городъ и какимъ-нибудь неосторожнымъ поступкомъ заставятъ насъ принять участіе въ уличной схваткѣ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Намъ пришлось съ большимъ трудомъ убѣдить ихъ, чтобы они вернулись домой, приготовились къ вооруженному возстанію и присоединились къ намъ въ возможно большемъ числѣ, какъ только мы получимъ сигналъ изъ Кельна. Нашъ комитетъ засѣдалъ всю ночь, ожидая посланного изъ Кельна. На разсвѣтѣ мы разошлись, и, немного огдохнувъ, собрались въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ, наши военные приготовленія не прекращались. Никто изъ насъ не заходилъ домой; мы не хотѣли, чтобы насть сразу нашли, если бы оказалось, что начальство рѣшило арестовать насть. Я спалъ

въ комнатѣ одного пріятеля среди ружей и ящиковъ съ патронами, которые предназначались къ раздачѣ инсургентамъ.

Нашъ посланный вернулся изъ Кёльна только къ вечеру съѣзжаго днія. Онъ сообщилъ, что въ виду массы стянутаго къ городу войска, партія не считаетъ себя въ состояніи начать открытаго дѣйствія съ надеждой на успѣхъ; что она рѣшила ограничиться продолженіемъ «массивнаго сопротивленія» и дальнѣйшей агитацией, и что она настоятельно советуетъ намъ сдѣлать то же и до поры до времени отказатьться отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій, которыя въ данный моментъ могутъ принести лишь вредъ. Намъ ничего не оставалось, какъ, слѣдя со вниманіемъ кёльнцевъ, затаить свой гневъ и удерживать своихъ друзей въ деревняхъ отъ всякихъ беспорядковъ. Такъ стояло дѣло у насть и такъ стояло оно во всемъ прусскомъ королевствѣ. Учрежденіе собраніе предоставило правительству выиграть безкровную побѣду, и его рѣшеніе о неплатежѣ налоговъ осталось мертвую буквою.

Студенты, стоявшіе во главѣ демократической партіи въ Боннѣ, едва не поплатились за свою попытку примѣнить на практикѣ неплатежъ налоговъ. Вскорѣ рас пространился слухъ, что сдѣлано распоряженіе обѣ арестѣ трехъ или четырехъ изъ нихъ, между прочимъ и меня. Наши друзья, не заподозрившіе въ неблагонадежности, тотчасъ же стали хлопотать, чтобы вызволить насть изъ бѣды. Разными мелкими и крупными демонстраціями они убѣдили гражданъ, что если насть тронутъ пальцемъ, всѣ студенты немедленно оставятъ Боннъ. Такъ какъ благосостояніе города въ значительной степени зависѣло отъ пребыванія въ немъ студентовъ, то эта угроза сильно встревожила обывателей. Многіе изъ нихъ обратились къ бургомистру съ просьбой употребить все свое влияніе и выхлопотать отъ начальства обѣщаніе, что насть не тронутъ. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней друзья сообщили намъ, что обѣщаніе дано, и что на этотъ разъ намъ ничего не сдѣлаютъ. Мы вышли на свѣтъ Божій изъ тѣхъ мѣстъ, где прятались нѣсколько времени, и я опять сталъ писать въ газетѣ, говорить на собраніяхъ и слушать лекціи, когда хватало времени. Впрочемъ, я все меныше и меныше часовъ могъ посвящать своимъ научнымъ занятіямъ.

Одержавъ побѣду надъ учредительнымъ собраніемъ, король почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что могъ «пожаловать» Пруссіи конституцію собственною властью, безъ соглашенія съ народными представителями. На основаніи этой конституціи вводилась система двухъ палатъ. Палаты были немедленно созваны, и Кинкель выставилъ свою кандидатуру отъ Боннского избирательного округа во вторую палату, въ палату народныхъ представителей. Онъ былъ избранъ значительнымъ большинствомъ и вскорѣ долженъ былъ уѣхать въ Берлинъ вмѣстѣ съ женой. Хотя оба Кинкеля, и мужъ, и жена, аккуратно присыпали оттуда статьи

въ нашу газету, но всетаки на время ихъ отсутствія мнѣ пришлось взять на себя всю редакціонную работу, а это, съ непривычки, было для меня тяжелымъ трудомъ.

VIII.

Изъ всѣхъ крупныхъ парламентскихъ учрежденій, порожденныхъ непосредственно мартовскою революціей, уцѣльѣ одинъ только національный парламентъ во Франкфуртѣ. Онъ возникъ, благодаря стремленію къ объединенію нѣмецкаго народа или, лучше сказать, нѣмецкихъ народовъ, и всѣ признавали, что его естественная задача состояла въ сліяніи нѣмецкихъ народовъ въ одну великую націю подъ главенствомъ общей конституціи и общаго національнаго правительства. Непосредственно послѣ мартовской революціи нѣмецкія правительства, не исключая и австрійскаго, признали закономѣрность этой задачи, и въ маѣ 1848 г. выборы въ національный парламентъ происходили при ихъ содѣйствії. Большинство членовъ этого парламента, такъ же какъ и весь вообще нѣмецкій народъ, видѣли въ парламентѣ представителя народовластія въ національномъ смыслѣ. Надо было ожидать, что государи и ихъ сторонники,—такъ называемыя придворныя партіи,—станутъ раздѣлять подобное возврѣніе только до тѣхъ поръ, пока это будетъ для нихъ неизбѣжно. Весьма немногіе изъ нихъ были настолько либеральны, что допускали ограниченіе своей власти. Всякое усиленіе власти народа являлось для нихъ ущербомъ. Большая часть ихъ не сочувствовала учрежденію сильнаго общегерманскаго правительства, такъ какъ при этомъ отдельнымъ государствамъ пришлось бы поступиться нѣкоторыми своими правами въ пользу государства общаго. Они боялись не только національной республики, но и имперіи, при которой они могли бы быть низведены на степень вассаловъ. Такимъ образомъ, нѣмецкіе государи,—за исключеніемъ одного того, который надѣялся получить императорскую корону,—были противниками нѣмецкаго объединенія. Можеть быть, среди нихъ нашлось бы два-три человѣка, способныхъ возвыситься надъ этиотическихми расчетами, но никакъ не больше. Австрія желала объединенія Германіи въ какой бы то ни было формѣ, но только при томъ условіи, чтобы занимать въ ней первенствующее положеніе.

Противъ всѣхъ этихъ враговъ стоялъ національный парламентъ во Франкфуртѣ—дитя революціи. Онъ не имѣлъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи ни административной организаціи, ни арміи, ни финансовъ,—ничего, кроме нравственнаго авторитета; все остальное было въ рукахъ его противниковъ. Единственная сила національнаго парламента состояла въ народной волѣ. И этой силы было достаточно для выполненія его задачи, пока на-

родная воля оказывалась достаточно могучей, чтобы, въ случаѣ надобности, даже путемъ революціонныхъ актовъ, бороться съ враждебными интересами и тенденціями нѣмецкихъ государей. Чтобы создать единое вѣмецкое государство, парламентъ долженъ былъ выработать конституцію и избрать императора, пока революціонный престижъ народа былъ еще силенъ, въ первые три-четыре мѣсяца послѣ мартовской революціи. Въ то время ни одинъ нѣмецкій государь не поколебался бы принять императорскую корону при какой угодно демократической конституції, ни одинъ не отказался бы пожертвовать своими верховными правами въ пользу единаго нѣмецкаго государства.

Но парламентъ страдалъ избыткомъ ума, учености, добродѣтели и недостаткомъ политической опытности и расчетливости, которая учить, что лучшее часто является врагомъ хорошаго, что истинно государственный человѣкъ долженъ пользоваться благопріятной минутой и не гоняться за мелочами, рискуя утратить главное. Навѣрно, свѣтъ никогда не видалъ другого политического собранія, заключавшаго больше благородныхъ, ученыхъ, добросовѣстныхъ, патріотически настроенныхъ людей; трудно найти книгу, представляющую больше образцовъ основательнаго знанія и высокаго краснорѣчія, чѣмъ стеноографическіе отчеты франк-фуртскаго парламента. Но ему не хватало того гenія, который быстро улавливаетъ благопріятное стеченіе обстоятельствъ и немедленно пользуется имъ; онъ забылъ, что въ тревожное время всеобщаго возбужденія исторія не останавливается, не поджидаетъ мыслителя. И вотъ почему онъ потерпѣлъ полную неудачу.

Вскорѣ послѣ资料ного открытия парламентъ убѣдился, что если онъ хочетъ быть не только Учредительнымъ Собраниемъ, но и представлять собою временное правительство до выработки конституціи, то онъ необходимо долженъ имѣть исполнительную власть. Поэтому онъ рѣшилъ учредить «временное центральное правительство», главой которого избралъ эрцгерцога Йогана Австрійскаго, слышавшаго либераломъ; и эрцгерцогъ немедленно составилъ министерство. Но, какъ мы говорили выше, его министръ иностранныхъ дѣлъ не имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи дипломатовъ, его военный министръ не имѣлъ арміи, морской—флота, а министръ финансовъ—денегъ. Всѣ эти существенные условія всякаго правительства находились въ рукахъ отдѣльныхъ государствъ, и национальный парламентъ выѣстъ со своимъ центральнымъ правительствомъ могъ распоряжаться ими лишь постольку, поскольку правители отдѣльныхъ государствъ это допускали, а эти правители дѣлали только тѣ уступки, на которыхъ были вынуждены обстоятельствами данного времени. Такимъ образомъ, настоящимъ источникомъ силы парламента съ начала до конца оставалась народная воля, находившая себѣ выраженіе въ революціонномъ движениі народа. Къ концу 1848 г. это революціонное движение утра-

тило значительную часть того могущества, какимъ обладало весной. Съ одной стороны, народъ утомился, вслѣдствіе постояннаго напряженія, а съ другой—государи и ихъ ближайшіе сторонники справились отъ мартовскаго испуга, нашли опору въ чиновничествѣ и въ войсکѣ, ясно намѣтили свои цѣли и въ большихъ центрахъ, въ Вѣнѣ и Берлинѣ, успѣли въ теченіе октября и ноября нанести сильныя пораженія революціонерамъ. Возможность новаго революціоннаго подъема въ широкихъ размѣрахъ стала менѣе вѣроятной. При такихъ обстоятельствахъ національный парламентъ могъ, конечно, принимать извѣстныя решенія и обнародовать ихъ черезъ посредство своего центральнаго правительства, но правители отдѣльныхъ государствъ все болѣе и болѣе укрѣплялись въ убѣжденіи, что не обязаны стѣсняться этими решеніями. Парламенту оставалось исполнить свою главную задачу: выработать и ввести конституцію объединенной Германіи и, такимъ образомъ, удовлетворить стремленіе нѣмецкаго народа къ національному единству.

Эта задача была не изъ легкихъ. Предстояло решить, какими правами долженъ пользоваться каждый нѣмецкій гражданинъ; будетъ ли Германія имѣть одинъ рейхсталгъ, избранный всѣмъ народомъ; кто будетъ главою общегерманскаго правительства,—наследственный или избранный монархъ, президентъ или коллегіальная исполнительная власть; какія части войдутъ въ составъ Германскаго государства, войдутъ ли въ него австро-нѣмецкія земли или нѣтъ и, наконецъ, которой изъ двухъ великихъ державъ Германіи, Австріи или Пруссіи, будетъ предоставлено первенствующее положеніе. Долго тянулась парламентская борьба по этимъ вопросамъ, и только тогда, когда реакціонный министръ Австріи, князь Феликсъ Шварценбергъ, потребовалъ, чтобы вся Австрія со своимъ почти 30-ти миллионнымъ не нѣмецкимъ населеніемъ вошла въ составъ германскаго союза—требованіе, не совмѣстимое съ созданиемъ нѣмецкаго національного государства—только тогда образовалось въ парламентѣ большинство, которое высказалось за имперію съ наследственнымъ монархомъ и 28 марта избрало короля прусскаго нѣмецкимъ императоромъ.

Пруссія и прусскій король не пользовались симпатіей населенія за предѣлами Пруссіи, особенно въ южной Германіи; демократическая партія вовсе не желала, чтобы исполнительная власть Германіи вылилась въ форму наследственной имперіи,—и, несмотря на все это, когда двѣю объединенія оказалось, повидимому, законченнымъ, національное чувства вспыхнуло еще разъ свѣтымъ, радостнымъ пламенемъ. Депутація изъ 33 членовъ парламента съ президентомъ Собрания во главѣ отправилась въ Берлинъ, чтобы, согласно конституції, предложить королю званіе императора, и повсюду ее встрѣчали и провожали шумныя изъявленія восторга. Но тутъ вдругъ явилось горькое разочарованіе.

Правда, всѣмъ было известно, что Фридрихъ Вильгельмъ IV, крѣпко держась своего мистического взгляда на самодержавіе, не считалъ французское национальное собраніе верховнымъ учредительнымъ собраніемъ и находилъ, что правительства, какъ Пруссія, такъ и другихъ нѣмецкихъ государствъ имѣютъ право пересмотрѣть конституцію. Точно такъ же было известно, что эта конституція представляется ему слишкомъ демократичной. Но вотъ, всѣ нѣмецкія правительства, исключая баварскаго, саксонскаго и ганноверскаго (Австрія не принималась въ разсчетѣ) уступили общественному мнѣнію и объявили, что готовы признать и конституцію, и имперію; ясно было, что и три вышеупомянутыхъ королевства не осмѣлятся противиться общему желанію; тогда народъ, еще не отучившійся вѣрить своимъ государямъ, счѣлъ себя въ правѣ ожидать, что человѣкъ, торжественно объявлявшій въ мартѣ 1848 г. о своемъ желаніи стать во главѣ националистического движения, даже если Пруссія уничтожится, слившись съ Германіей, что такой человѣкъ не захочетъ погубить дѣло объединенія въ ту минуту, когда для своего завершенія она нуждается лишь въ его согласіи. А, между тѣмъ, это то именно и случилось. Фридрихъ Вильгельмъ IV, предававшійся разнымъ фантастическимъ планамъ объединенія Германіи, нашелъ, что представленная ему конституція во всѣхъ существенныхъ пунктахъ расходится съ тою конституціей, какую онъ мысленно создавалъ. Онъ считалъ, что национальный парламентъ не имѣлъ вообще права предлагать корону ему, или кому бы то ни было; такое предложеніе можетъ быть сдѣлано только по свободному рѣшенію нѣмецкихъ государей. Кромѣ того, принятіе короны нѣмецкаго императора нарушилъ его дружескія отношенія къ Австріи. Король высказывалъ частью публично, частью въ интимныхъ разговорахъ всѣ эти и тому подобные причины, мѣшившія ему принять общегерманскую конституцію и императорскую корону; но, можетъ быть, самая главная причина для этого слабодушнаго монарха заключалась въ страхѣ; онъ боялся, что ему придется съ оружиемъ въ рукахъ защищать императорскую корону Германіи, противъ Австріи и Россіи. Онъ даже наивно высказалъ это опасеніе въ отвѣтѣ, который дать г. фонъ-Бекерату, убѣждавшему его принять императорскій титулъ:

— Если бы вы обратились съ своими краснорѣчивыми доводами къ Фридриху Великому, онъ согласился бы съ вами. А я не принадлежу къ числу великихъ правителей.

Дѣйствительно, съ самого первого дня своего вступленія на престолъ и до безславнаго конца своего царствованія, Фридрихъ Вильгельмъ IV вполнѣ доказалъ, что онъ былъ не способенъ сдѣлаться первымъ императоромъ нового германскаго государства. Онъ постоянно колебался и въ одномъ только былъ постояненъ — въ своей слабости.

Отказъ короля прусскаго отъ императорской короны и отъ германской конституціи превратилъ общіе восторги въ столѣ же общее смущеніе и негодованіе. 11-го апрѣля національный парламентъ объявилъ, что будетъ твердо держаться за свою конституцію; 14-го палаты и правительства 28 германскихъ государствъ высказали свое безусловное согласіе принять конституцію и признать прусскаго короля германскимъ императоромъ, но Фридрихъ Вильгельмъ IV упорствовалъ въ своемъ отказѣ, а короли Баваріи, Ганновера и Саксоніи не признавали конституції. 4-го мая національный парламентъ обратился съ воззваніемъ къ «правительствамъ, законодательнымъ собраніямъ, общинамъ отдѣльныхъ государствъ и ко всему нѣмецкому народу, приглашая ихъ добиться признания и осуществленія конституціи германской имперіи». Это воззваніе весьма походило на призывъ къ оружію. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи населеніе начало дѣйствовать, не ожидая его. Въ баварскомъ Пфальцѣ уже 30 апрѣля народъ восталъ съ удивительнымъ единодушіемъ; онъ собирался на громадные митинги и объявлялъ наперекоръ своему правительству, что будетъ стоять за имперскую конституцію и готовъ пасть, защищая ее. Пфальцеские патріоты пошли еще дальше. Они учредили свое собственное временное правительство, которое смѣстило власти, назначенные баварскимъ королемъ. Восстаніе быстро перенеслось въ Баденъ, гдѣ вся велико-герцогская армія, за исключеніемъ небольшого отряда кавалеріи, присоединилась къ нему и передала въ руки инсургентовъ крѣпость Раштатъ. Великій герцогъ Баденскій бѣжалъ, и вмѣсто него исполнительная власть была также передана временному правительству изъ народныхъ предводителей. Въ королевствѣ Саксонскомъ востало населеніе его столицы Дрездена и требовало, чтобы король принялъ имперскую конституцію. Тамъ тоже послѣ стычки народа съ войскомъ король принужденъ былъ бѣжать, и его мѣсто заняло временное правительство. Но король обратился за помощью къ прусскому правительству. Оно очень охотно оказалось ему эту помощь; въ кровопролитной битвѣ на улицахъ Дрездена прусскія войска разбили инсургентовъ и востановили власть саксонскаго короля.

Могла ли та часть прусскаго населенія, которая состояла изъ людей, патріотически настроенныхъ и преданныхъ идеѣ объединенія, спокойно сидѣть сложа руки въ то время, когда его правительство посыпало прусскихъ солдатъ для подавленія національного движения? Въ Берлинѣ и Бреславлѣ дѣлались попытки вооруженного восстания, но они были быстро подавлены военной силою. Въ Рейнской провинціи господствовало величайшее возбужденіе. Въ Кёльнѣ собрались представители всѣхъ прирейнскихъ общинъ и почти единогласно требовали признания общегерманской конституціи, а въ случаѣ отказа прусскаго правительства грозили, что прирейнскія земли Пруссіи отпадутъ отъ королев-

ства. Но прусское правительство давно перестало бояться собраний и громкихъ фразъ, когда они не опирались на могучую революционную силу. Ясно было, что для спасенія конституціи и національного единства необходимо отъ словъ перейти къ дѣлу. Снова всѣ глаза обратились къ Кельну, но тамъ сосредоточена была такая масса войска, что обѣ открытой борьбѣ нечего было и думать. Между тѣмъ, въ фабричныхъ округахъ на правомъ берегу Рейна, въ Изерлонѣ, въ Дюсельдорфѣ и въ Эльберфельдѣ восстаніе, дѣйствительно, вспыхнуло. Непосредственнымъ поводомъ къ нему явилось распоряженіе прусского правительства о мобилизаціи рейнскаго армейскаго корпуса съ тѣмъ, чтобы вести его противъ сторонниковъ общегерманской конституції «инсургентовъ» Пфальца и Бадена. Въ рейнскихъ провинціяхъ и въ Вестфаліи объявленъ былъ сборъ запасныхъ. Запасные были въ то время, какъ и теперь, люди между 25 и 30 годами, крестьяне, ремесленники, фабричные рабочіе, купцы, ученые, многіе изъ нихъ отцы молодыхъ семействъ. Бросить работу и семью было для нихъ при всякихъ обстоятельствахъ тяжелой жертвой. Тѣмъ болѣе тяжелой показалась эта жертва, когда ее требовали для того, чтобы раздавить тѣхъ, кто въ Баденѣ и въ Пфальцѣ возсталъ за объединеніе родины и за народную свободу, тѣхъ, кому, если не всѣ, то громадное большинство запасныхъ въ душѣ горячо сочувствовало. И вотъ, стали собираясь многолюдные митинги запасныхъ, и они открыто объявили, что не желаютъ идти на службу. Во многихъ пунктахъ, куда запасные должны были собираться, чтобы стать подъ ружье, происходили открытые беспорядки, а въ нѣкоторыхъ, какъ Дюсельдорфѣ, Изерлонѣ и Эльберфельдѣ, они даже на время одержали верхъ.

Но, очевидно, восстаніе могло разсчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если бы оно сдѣлалось всеобщимъ, и, дѣйствительно, былъ моментъ, когда казалось, что отказъ отъ службы запасныхъ Рейнской провинціи и Вестфаліи распространится и разовьется въ крупное и могучее движение. Но необходимо было дѣйствовать безъ всякаго промедленія. Эта необходимость чувствовалась и у насъ въ Боннѣ. Кинкель былъ снова съ нами. Палата, членомъ которой онъ состоялъ, еще разъ просила короля признать общегерманскую конституцію и принять императорскую корону—и вслѣдъ затѣмъ была распущена. Кинкель былъ въ Боннѣ общепризнаннымъ главою демократической партии. Теперь ему предстояло или доказать свою способность принимать быстрыя решенія, или въ критическую минуту предоставить поле дѣйствія другимъ. Онъ не колебался ни минуты. Съ чего начать? Достовѣрно было известно, что запасные, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, отказываются поступать на службу, отказываются сражаться съ защитниками общегерманской конституціи. Но этого отказа было не достаточно, они должны были взяться за оружіе.

противъ прусского правительства, противъ своего главнокомандующаго. Чтобы сдѣлать противодѣйствие прусскому правительству дѣйствительнымъ, необходимо было немедленно сорганизовать массы. Способны ли были запасные дѣйствовать энергично, слѣдоватъ примѣру Дюсельдорфа, Изерлона и Эльберфельда—это должно было показать будущее. Если да, то имъ слѣдовало захватить оружіе, которое лежало въ разныхъ запасныхъ магазинахъ, и, избравъ себѣ командировъ, выступить противъ прусского правительства.

Такого рода складъ оружія находился въ Зигбургѣ, недалеко отъ Бонна, на правомъ берегу Рейна. Тамъ было достаточно ружей и снарядовъ для вооруженія довольно большого отряда, который легко могъ присоединиться къ инсургентамъ въ Эльберфельдѣ, образовать значительную силу и распространить восстаніе во всѣ стороны. Этотъ планъ былъ задуманъ руководителями демократической партии въ Боннѣ и близь лежащихъ мѣстностяхъ, а для выполненія его нашелся и военный предводитель, бывшій артиллерійскій офицеръ Фритцъ Аннеке, прѣѣхавшій къ намъ изъ Кельна. На 11 мая запасные округа созывались въ Зигбургѣ для получения обмундировки. Надо было спѣшить.

Мы назначили въ Боннѣ собраніе запасныхъ изъ города и сосѣднихъ деревень на 10 мая. Съ самаго утра большая толпа наполнила залу «Римлянъ». Аксельть Унгеръ, выбранный предсѣдателемъ, убѣждалъ запасныхъ не являться на призывъ прусского правительства, а, захвативъ оружіе, употреблять его противъ правительства, которое хочетъ лишить нѣмецкій народъ свободы и единства, и на защиту общегерманской конституції. Присутствовавшіе приняли эту рѣчь съ самымъ горячимъ сочувствіемъ. Собраніе продолжалось цѣлый день. Число прибывавшихъ запасныхъ все увеличивалось. Нѣсколько ораторовъ обращались къ нимъ съ рѣчами, и всѣ вызывали сочувствіе. Мы рѣшили въ ту же ночь устроить нападеніе на Зигбургъ и такимъ образомъ взять на себя предположенное правительствомъ вооруженіе запасныхъ. Съ этою цѣлью слѣдовало не давать собравшимся разойтись въ теченіе дня, чтобы какъ можно большее число ихъ приняло участіе въ ночномъ походѣ на Зигбургъ.

Удержать людей было не легко. Мы собрали деньги, чтобы ирокормить ихъ. Но этого было мало. Кинкель, прочитавъ свою послѣднюю лекцію въ университѣтѣ, явился въ 4 часа въ собраніе въ «Римлянахъ» и произнесъ тамъ рѣчь. Пламенными словами старался онъ возвѣдить патріотическія чувства своихъ слушателей, убѣждалъ ихъ не расходиться, такъ какъ настала минута рѣшительнаго дѣйствія, и въ заключеніе обѣщалъ быть съ ними и въ минуту опасности раздѣлить ихъ судьбу.

Я провелъ нѣсколько часовъ въ собраніи, но большую часть дня находился въ исполнительному комитетѣ или, какъ мы назы-

вали, въ «директоріи» демократического союза, которая, не расходясь, засѣдала въ задней комнатѣ гостиницы Камма. Туда приходили изъ Эльберфельда и изъ демократическихъ союзовъ окрестныхъ мѣстностей постоянныя извѣстія объ общій готовности дѣйствовать, тамъ дѣлались распоряженія для ночного похода и распредѣлялись роли. Кинкель и Унгеръ должны были удерживать на мѣстѣ запасныхъ и всѣхъ, кто пожелаетъ принять участіе въ походѣ, и по возможности сорганизовать ихъ, а затѣмъ Аннеке бралъ ихъ подъ свое начальство и переводилъ на тотъ берегъ Рейна; Каммъ, Лудвигъ Мейеръ, я и еще одинъ студентъ, мы должны были озабочиться, чтобы паромъ или «плавучій мостъ», который обыкновенно на ночь отводился къ противоположному берегу, къ деревнѣ Бейель, быть во время готовъ для перевозки нашихъ людей.

Цѣлый день прошелъ у насъ въ такой суэтнѣ, что я забылъ многія подробности его. Помню только ясно, что всякий разъ, какъ я выходилъ на улицу, меня задерживали знакомые студенты, спрашивая, что именно затѣвается, и должны ли они идти вмѣстѣ съ нами. Я объяснялъ имъ, что я самъ рѣшилъ дѣлать въ эту критическую минуту, и говорилъ, что всякий долженъ принять извѣстное рѣшеніе на свой собственный страхъ. Послѣ лихорадочнаго возбужденія послѣднихъ дней я былъ готовъ на все, я не останавливался ни передъ какими крайностями. Мне было ясно, что для спасенія плодовъ революціи необходимо все поставить на карту. Въ такомъ смыслѣ говорилъ я со студентами, хотя не пытался убѣждать ихъ.

Живо помнится мнѣ, какъ я уже въ сумерки пошелъ домой, чтобы разсказать родителямъ, что предполагается, и что я считаю своею обязанностью, и чтобы проститься съ ними. Съ самого начала революціи родители слѣдили за ней съ живѣйшимъ интересомъ. Они всегда горячо сочувствовали объединенію Германіи и установлению народнаго правительства. Отецъ былъ членомъ демократического союза, онъ радовался тому, что я считаюсь однимъ изъ его руководителей, и съ удовольствіемъ слушалъ мои рѣчи. Мать по своей благородной натурѣ всегда увлекалась тѣмъ, что считала справедливымъ. Оба они внимательно слѣдили за ходомъ дѣлъ и предвидѣли катастрофу. Поэтому мой разсказъ не удивилъ ихъ. Точно такъ же для нихъ не было неожиданностью, что я буду лично участвовать въ опасномъ предприятіи, которое можетъ имѣть нагубное вліяніе на всю мою жизнь. Они сразу признали, что я обязанъ сдѣлать это. А между тѣмъ со мной были связаны всѣ ихъ надежды на будущее. Въ борьбѣ за существованіе я былъ единственной опорой семьи. И не смотря на это, они безъ малѣйшаго колебанія, безъ малѣйшей жалобы пожертвовали всѣмъ ради того, что считали долгомъ чести и патріотизма. Точно одна изъ спартанскихъ женщинъ, или изъ римскихъ матронъ, о которыхъ

мы читаемъ въ исторіи, мать сама подала мнѣ мою саблю съ единственнымъ увѣщеніемъ пользоваться ею честно. Она и не подумала при этомъ, сколько было геройства въ ея поступкѣ!

Передъ уходомъ изъ дома я пробылъ нѣсколько минутъ въ своей комнатѣ. Мы жили въ то время на Кобленцской улицѣ, и изъ моихъ оконъ открывался чудный видъ на Рейнъ и Зибенгебирге. Какъ часто, любуясь этой прелестной картиной, я строилъ планы счастливой, спокойной жизни! Теперь въ стущавшейся темнотѣ сумерокъ я видѣлъ на горизонтѣ лишь неясныя очертанія моихъ любимыхъ горъ. Моя рабочая комната была тиха, какъ всегда. Какъ часто населялъ я ее своими мечтами! Вотъ мои книги и рукописи, свидѣтели моихъ плановъ, надеждъ и стремленій, отъ которыхъ мнѣ, быть можетъ, придется навсегда откаваться. Какое-то инстинктивное чувство говорило мнѣ, что я навѣкъ прощаюсь съ ними. Я оставилъ все нетронутымъ, какъ было, отвернулся отъ прошлаго и пошелъ навстрѣчу своей судьбы.

Въ это же самое время и Кинкель распрошался съ женой и дѣтьми, вернулся на митингъ въ «Римланахъ» и вошелъ на ораторскую трибуну съ ружьемъ за плечами. Въ горячей рѣчи объявилъ онъ своимъ слушателямъ, что должно произойти въ эту ночь, и что самъ онъ рѣшился сдѣлать; онъ никого не звалъ смысла сдѣлывать его примѣру; онъ не скрывалъ ни отъ кого, насколько важно и опасно задуманное предприятіе; онъ звалъ идти вмѣстѣ съ нимъ только тѣхъ, кто, подобно ему, чувствуетъ, что отечество въ опасности, и что долгъ требуетъ на все рѣшиться для спасенія его.

Между тѣмъ, я отправился исполнять данное мнѣ порученіе. Я спустился на берегъ Рейна въ условленное мѣсто, встрѣтилъ тамъ товарища, и мы вмѣстѣ съ нимъ переплыли въ лодкѣ на противоположный берегъ. Тамъ наскѣ встрѣтилъ раньше переправившійся Каммъ; онъ былъ — въ дорожномъ кителѣ съ саблей на боку и съ ружьемъ въ рукахъ. Мы немедленно овладѣли паромомъ, переправили его въ Боннъ и около полуночи перевезли на немъ цѣлую толпу. Это были тѣ люди, которые должны были идти на Зигбургъ и тамъ овладѣть запаснымъ магазиномъ. Кинкель явился съ ружьемъ. Унгеръ сидѣлъ на лошади, вооруженный саблей. Одинъ извозчикъ, который считался въ Боннѣ весьма подозрительной личностью, тожеѣхалъ верхомъ. Остальные шли пѣшкомъ; большинство было вооружено, но не многіе огнестрѣльнымъ оружіемъ. Мнѣ принесли ружье, но безъ боевыхъ патроновъ.

Аннеке привелъ въ порядокъ прибывшую толпу и раздѣлилъ ее на колонны. Оказалось, что его отрядъ состоять всего изъ 120 человѣкъ, и онъ не могъ не высказать своего горькаго разочарованія. Очевидно, многіе изъ присутствовавшихъ на митингѣ въ «Римланахъ» воспользовались темнотой, незамѣтно улизнули, когда былъ данъ сигналъ выступать. Патріотический жаръ, одушев-

влявшій ихъ утромъ, успѣлъ остыть къ вечеру, между возбуждениемъ и дѣйствиемъ былъ такой длинный промежутокъ, что чувства ихъ притупились, и они поддались усталости.

Послѣ того, какъ мы построились въ колонны, Аннеке обратился къ намъ съ короткою рѣчью, въ которой указывалъ на необходимость дисциплины и повиновенія и затѣмъ скомандовалъ намъ: «марш!» Молча шли мы по темной дорогѣ въ Зигбургъ. Вдругъ къ намъ прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что драгуны, стоявшіе въ Боннѣ, слѣдуютъ за нами и намѣрены напасть на нась. Въ сущности, это извѣстіе никого не должно было удивить, такъ какъ цѣлый день и вечеръ наши приготовленія къ экспедиції дѣлались такъ открыто, что было бы странно, если бы начальство ничего о нихъ не знало и не приняло противъ нихъ никакихъ мѣръ. Кромѣ того, мы забыли испортить паромъ, который помогъ нашей переправѣ. Тѣмъ не менѣе извѣстіе о приближеніи драгунъ вызвало большое волненіе въ нашемъ отрядѣ. Аннеке приказалъ верховому быстро вернуться назадъ и узнать, гдѣ именно находятся драгуны и много ли ихъ. А мы въ это время должны были, какъ можно скорѣе, подвигаться впередъ, чтобы до прїезда драгунъ переправиться черезъ рѣку Зигъ около Зигбурга-Мюльдорфа. Но этотъ планъ не удался. Гораздо раньше, чѣмъ мы подошли къ Зигу, сзади нась послышался лошадинный топотъ; это были драгуны. Аннеке, не вѣрившій въ боевую способность своего отряда, тотчасъ же остановилъ его, объявилъ, что онъ очевидно не въ состояніи противостоять приближающемуся войску; поэтому ему всего лучше разойтись; а тѣ, кто хочетъ посвятить свои силы родинѣ, пусть пробираются въ Эльберфельдъ и въ Пфальцъ, куда и онъ самъ пойдетъ. Приказаніе разойтись было немедленно исполнено. Большая часть попряталась въ сосѣднихъ ржаныхъ поляхъ, но нѣкоторые изъ нась, человѣкъ двадцать, остановились на краю дороги. Драгуны спокойно проѣхали рысью по направлению къ Зигбургу. Ихъ было всего на всего человѣкъ тридцать, значитъ, мы легко справились бы съ ними, если бы тѣ изъ нась, у кого было огнестрѣльное оружіе, пустили его въ ходъ.

Когда драгуны проѣхали мимо нась, а изъ нашего отряда очень немногіе вернулись на дорогу, мною овладѣло чувство глубокаго стыда и негодованія. Наше предпріятіе окончилось не только неудачно, но и смѣшно, позорно.

Нашъ отрядъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, разбѣжался передъ кучкой солдатъ, которая была втрое малочисленнѣе его. Такъ-то оправдались на дѣлѣ громкія слова тѣхъ, кто обѣщалъ всѣмъ имуществомъ, кровью, тѣломъ и жизнью пожертвовать единству и свободѣ нѣмецкаго народа! Я искалъ Кинкеля, но въ темнотѣ не могъ найти его. Наконецъ, я встрѣтилъ Кинкеля и Людвига Мейера. Они оба чувствовали то же, что я, и мы рѣшили всетаки идти впередъ и посмотрѣть, нельзя ли что-нибудь сдѣлать.

На зарѣ мы пришли въ маленький городокъ Зигбургъ. Тамошній демократический союзъ, съ которымъ мы поддерживали сношения, и который ждалъ насъ ночью, заѣдалъ обыкновенно въ гостиницѣ Рейхенштейнъ. Мы отправились прямо туда. Рано утромъ къ намъ пришли наши друзья демократы, и мы съ ними вмѣстѣ принялись обсуждать вопросъ, нельзя ли, несмотря на неудачу прошлой ночи, все таки овладѣть запаснымъ магазиномъ, который охраняли драгуны, и организовать восстание, чтобы поддержать нашихъ единомышленниковъ въ Дюссельдорфѣ и Эльберфельдѣ. Настроение нашихъ зигбургскихъ друзей было далеко небодрое... Я чувствовалъ лихорадочное возбужденіе, которое еще усилилось послѣ извѣстій, полученныхыхъ изъ Эльберфельда. Я былъ страшно утомленъ, но не могъ спать. Въ теченіе дня въ гостиницу собралось множество народа, между прочимъ запасные изъ окрестныхъ деревень. Скоро начались рѣчи, и я нѣсколько разъ призывалъ своихъ слушателей немедленно овладѣть запаснымъ магазиномъ. До меня дошелъ слухъ, что днемъ въ Боннѣ вышло столкновеніе между народомъ и войскомъ, и я сообщилъ этотъ слухъ толпѣ, къ сожалѣнію, слухъ этотъ оказался невѣрнымъ, и мнѣ пришлось сознаться въ этомъ. Мнѣ страстно хотѣлось загладить позоръ прошлой ночи и, не смотря на неблагопріятныя условія, попытаться сдѣлать что-нибудь, хоть самое рискованное. Мои рѣчи становились все болѣе и болѣе горячими, но все было напрасно. Пришелъ вечеръ, толпа разошлась, и я долженъ былъ сознаться, что этихъ людей нельзя воодушевить ни на какое рѣшительное дѣйствіе. Унгеръ, Мейеръ и я рѣшили идти туда, гдѣ дерутся, отправились въ Эльберфельдъ и на слѣдующій день были тамъ.

Мы увидѣли баррикады на улицахъ, въ гостиницахъ стояла страшная суета, но вооруженныхыхъ людей было мало, не замѣтно было ни правильного распорядка, ни дисциплины. Очевидно, здѣсь нельзя было разсчитывать на успѣхъ. Здѣсь предстояла или безнадежная борьба, или немедленная капитуляція.

— Тутъ намъ нечего дѣлать,—замѣтилъ я Унгеру,—я иду въ Пфальцъ.

Мейеръ выразилъ желаніе идти вмѣстѣ со мною.

Мы сѣли на пароходъ, который шелъ вверхъ по Рейну. Я письмомъ просилъ выслать мнѣ необходимыя для снаряженія вещи на имя друга всѣхъ франконцевъ, трактирщика Натана въ Сентъ-Гоарсгаузенъ, и вечеромъ въ тотъ же день мы были въ его гостепріимномъ домѣ подъ сѣнью скалы Лореленъ.

Послѣ страшнаго возбужденія, въ которомъ я провелъ послѣдніе четыре дня, я, наконецъ, успокоился и одумался. Въ первую минуту, когда я проснулся послѣ долгаго, крѣпкаго сна, все случившееся казалось мнѣ дикимъ сновидѣніемъ, но затѣмъ я вспомнилъ, что все это дѣйствительность, страшная дѣйствительность. Нельзя было думать, что попытка овладѣть оружейнымъ складомъ останется

ненаказанной, значитъ, я попалъ въ число лицъ, преслѣдуемыхъ правителствомъ, принужденныхъ скрываться.

Мною овладѣло очень непріятное чувство. Главное то, что хотѣя продолжать считать свой образъ дѣйствій правильнымъ и патріотичнымъ, но я не могъ гордиться имъ, такъ какъ онъ привелъ къ такому постыдному результату, постыдному настолько, что я считалъ для себя невозможнымъ вернуться къ друзьямъ, пока этотъ позоръ не будетъ смытъ. Особенно же огорчало меня извѣстіе, что всѣ попытки къ восстанію въ Пруссіи кончились неудачей, и что теперь прусское правительство въ состояніи обрушиться со всѣми своими силами на инсургентовъ Бадена и Пфальца. Одно утѣшало меня: увѣренность, что такое святое дѣло, какъ дѣло германскаго единства и народной свободы, не можетъ погибнуть, и что мнѣ еще представится случай хоть сколько-нибудь пособствовать его побѣдѣ. Никогда не забуду я тѣхъ часовъ, которые я провелъ съ Мейеромъ и Весселемъ, пріятелемъ-франкоцемъ, пріѣхавшимъ къ намъ изъ Бонна,—расхаживая взадъ и впередъ подъ скалою Лорелей и разсуждая обо всемъ этомъ. Мейеръ смотрѣлъ на вещи иначе, чѣмъ я. Онъ рѣшилъ вернуться въ Боннъ и подвергнуться риску уголовнаго преслѣдованія. Я не сталъ разубѣждать его, и намъ пришлось разстаться.

Мнѣ было очень тяжело прощаться съ Мейеромъ и Весселемъ. Когда я въ послѣдній разъ пожалъ имъ руки, мнѣ казалось, точно я разстаюсь не только съ ними, но и еще разъ прощаюсь съ родителями, братьями и сестрами, съ родиной, съ друзьями, со всѣмъ своимъ прошлымъ. Прощай чудная студенческая жизнь, съ своими идеальными стремленіями, своими славными юношескими мечтами!

Мейеръ и Вессель поѣхали внизъ по Рейну въ Боннъ, а я вверхъ въ Майнцъ.

IX.

Въ Майнцѣ я узналъ отъ одного члена тамошняго демократическаго союза, что Кинкель уже проѣхалъ въ Пфальцъ. Цитцъ, предводитель народной партіи въ Майнцѣ, организовалъ отрядъ рейнъ-гессенцевъ, чтобы идти на помошь Пфальцу, и находится въ Кирхгеймболанденѣ, отъ него я могу получить болѣе подробныя свѣдѣнія. Я отправился въ Кирхгеймболанденъ пѣшкомъ, неся свой багажъ въ ранцѣ за плечами. Въ маленькомъ городкѣ Кирхгеймболандѣ я нашелъ Цитца во главѣ хорошо вооруженнаго и до нѣ-которой степени дисциплинированнаго отряда добровольцевъ. Ихъ лагерь производилъ хорошее впечатлѣніе, только артиллерія была плоха: она состояла всего изъ трехъ-четырехъ пушечекъ, употребляемыхъ для пальбы при торжественныхъ случаяхъ. Отъ Цитца я узналъ, что Кинкель отправился въ Кайзерслаутернъ, революціон-

ную столицу Пфальца, чтобы предложить свои услуги тамошнему временному правительству. Действительно, въ Кайзерслаутернѣ я нашелъ Кинкеля и Аннеке. Оба были въ бодромъ настроеніи, приняли меня радушно и поселили въ гостиницѣ «Лебедя», где я, прежде чмъ приняться за дѣло, долженъ былъ сначала хорошенько подкрепиться пищей и выспаться.

На слѣдующее утро я всталъ рано, совершенно свѣжимъ и готовымъ работать. Мне интересно было наблюдать, какой вѣшній видъ у населенія, воставшаго противъ своего правительства: посетители гостиницы спокойно завтракали, какъ всегда; сынъ хозяина гостиницы собирался на дняхъ жениться, и я слышалъ разговоры о приготовленіяхъ къ свадѣбѣ. На улицахъ было большое движение. Тамъ были люди, которые шли по своимъ обычнымъ дѣламъ, рядомъ группы молодыхъ людей въ гражданскомъ платьѣ, но съ ружьями на плечѣ, очевидно принадлежавшіе къ народному ополченію, которое начинало организоваться; среди нихъ попадались солдаты въ баварскихъ мундирахъ, перешедшіе на сторону народа, даже полицейские и жандармы въ своей формѣ, съ саблей на боку, повидимому, исполнившіе свои обычныя обязанности по охраненію порядка. Для меня, какъ для прирейнскаго пруссака, понятія «жандармъ» и «свобода» были не совсѣмъ ясны; хозяину «Лебедя» не безъ труда удалось втолковать мнѣ, что эти жандармы принесли присягу общегерманской конституції, что они служить временному правительству и, въ сущности, очень недурные люди. Вообще я нашелъ, что населеніе находится въ самомъ веселомъ настроеніи, беззаботно наслаждается удовольствіями данной минуты и не мучить себя мыслями о томъ, что принесетъ завтрашній день. Это мало согласовалось съ тѣмъ представлениемъ, какое я себѣ составилъ о серьезности положенія революціонеровъ. Вскорѣ я узналъ, что такое легкое отношеніе къ жизни лежало въ характерѣ жителей Пфальца.

Рейнскій Пфальцъ замѣчателенъ красотою своей мѣстности и плодородiemъ почвы, а это развивается въ жителяхъ веселое, жизнерадостное настроеніе. Кроме того, мѣстное населеніе отличается тонкимъ умомъ, добродушемъ, чувствомъ собственного достоинства и способностью увлекаться. Действительно бѣдныхъ, людей, нуждавшихся въ необходимомъ, было въ то время въ Пфальцѣ очень мало. Вовсе не экономическая причины вызвали тамъ революцію. При перетасовкѣ Европы на Вѣнскомъ конгрессѣ послѣ Наполеоновскихъ войнъ Пфальцъ достался Баваріи. Между этими двумя странами, разделенными географически, не развилось и внутренней связи. Жители Пфальца до конца не могли стать баварскими патріотами. Когда баварское правительство стало посыпать въ Пфальцъ баварскихъ чиновниковъ для управления страной, это окончательно испортило взаимные отношенія. «Голодныхъ баварцевъ посыпаютъ въ богатый Пфальцъ кормиться», говорилъ народъ

Поэтому жители Пфальца были постоянно оппозиционно настроены противъ баварцевъ; одного этого настроения было бы достаточно, чтобы заставить ихъ стать въ ряды либераловъ, но кромѣ того этотъ маленький, живой, отзывчивый, интеллигентный народецъ былъ отъ природы склоненъ къ либеральному образу мыслей. Либерализмъ въ Пфальцѣ имѣлъ опредѣленно националистический характеръ. Многіе вожаки национального движения были родомъ изъ Пфальца.

Когда король Баварскій отказался признать конституцію, выработанную франкфуртскимъ парламентомъ, въ Пфальцѣ вспыхнуло общее негодованіе. Всѣ считали вполнѣ естественнымъ, что если Баварскій король не хочетъ быть нѣмцемъ, то Пфальцъ не можетъ быть баварскимъ. 2-го мая въ Кайзерслаутернѣ собрался съездъ представителей всѣхъ либеральныхъ союзовъ Пфальца. Это собраніе избрало «комитетъ обороны страны» (Landesverteidigungsausschuss), который долженъ былъ взять на себя управление провинціей и организацію военной силы. Настроеніе мѣстного населенія было настолько единодушно, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ чиновныхъ и военныхъ круговъ да немногихъ деревень, въ которыхъ духовенство имѣло преобладающее влияніе, авторитетъ комитета безусловно признавался во всемъ Пфальцѣ.

Здѣсь особенно рѣзко проявлялась путаница, вызванная въ Германіи отказомъ прусского короля принять конституцію и императорскую корону. Какъ мы выше говорили, национальный парламентъ своимъ постановленіемъ 4 мая призывалъ: «правительства, законодательные собрания, общины отдѣльныхъ государствъ и весь нѣмецкій народъ признать и осуществить конституцію Германскаго государства.» Такъ какъ Баварскій король отказался признавать эту конституцію, то жители Пфальца имѣли полное право думать, что, вставая противъ баварскаго правительства, они дѣйствуютъ въ духѣ постановленія национального парламента, они, въ сущности, повинуются высшему национальному авторитету Германіи. Вслѣдствіе этого комитетъ поступилъ вполнѣ логично, когда черезъ посредство депутатовъ Пфальца обратился въ национальный парламентъ и ко временному центральному правительству Германіи съ просьбой о признаніи его и о поддержкѣ. Центральное правительство Германіи, во главѣ котораго стоялъ, какъ известно, австрійскій эрцгерцогъ Іоганнъ, послалъ отъ себя въ Пфальцъ комиссара, доктора Эйзенштука, старого либерала, который долженъ былъ «отъ имени центральной власти принять всѣ необходимыя мѣры для поддержанія и возстановленія законовъ въ странѣ» и въ особенности озабочиться отмѣнной нѣсколькихъ постановленій, изданныхъ мѣстнымъ комитетомъ. Комиссаръ объявилъ указанныя ему постановленія отмѣнными, не утвердилъ «мѣстный комитетъ для защиты и проведенія общегерманской конституціи» и объявилъ, что этотъ комитетъ имѣть

право организовать и вооружать народное ополчение на защиту общегерманской конституции и самостоятельно выступать противъ всякихъ посягательствъ на эту конституцію въ Пфальцѣ. Эрцгерцогъ-правитель не остался доволенъ такими распоряженіями своего комиссара.

Вслѣдствіе женитьбы на особѣ «простого званія» и нѣкоторыхъ своихъ либеральныхъ мнѣній, эрцгерцогъ Іоганнъ не пользовался расположениемъ австрійского двора, и потому былъ очень популяренъ въ лублиѣ. Благодаря этому, его и выбрали въ 1848 г. правителемъ Германского государства.

Такой выборъ возбудилъ въ немъ желаніе и надежду получить корону германского императора. Избраніе прусскаго короля разочаровало его. И онъ съ досады рѣшилъ немедленно отказаться отъ званія правителя. Но его уговорили повременить съ этимъ отказомъ: австрійскій дворъ настоятельно советовалъ ему не отказываться пока отъ своего высокаго званія, при которомъ онъ можетъ оказать важныя услуги династическимъ интересамъ Австріи. А эти династические интересы требовали ни въ какомъ случаѣ не допускать прусскаго короля сдѣлаться германскимъ императоромъ и вообще не соглашаться на такую организацію Германіи, при которой Австрія въ своемъ полномъ составѣ не будетъ играть первенствующую роль. Общегерманская конституція, выработанная национальнымъ парламентомъ, была ненавистна австрійскому двору, и онъ стремился всѣми силами противодѣйствовать введенію ея. Можетъ быть, эрцгерцогъ Іоганнъ и былъ раньше весьма либераленъ, но несомнѣнно, что интересы монархіи вообще и австрійской въ особенности были ему гораздо дороже, чѣмъ общегерманская конституція и нѣмецкое единство. Это вполнѣ проявилось въ его отношеніи къ Пфальцу. Онъ немедленно отозвалъ комиссара, дѣйствовавшаго противъ его желанія, и принялъ мѣры къ подавленію вооруженной силой народного движенія, возникшаго на основаніи призыва национального парламента. Для этого подавленія служили главнымъ образомъ прусскія войска, войска того самаго короля, который въ марте 1848 г. торжественно обѣщалъ стать во главѣ национальнаго движенія, который былъ избранъ нѣмецкимъ императоромъ и теперь готовился убивать именно тѣхъ, кто хотѣлъ сдѣлать его своимъ императоромъ.

Сторонники такого невѣроятнаго образа дѣйствій ссылаются на то, что къ народному движенію въ защиту германской конституціи примѣшивались въ Пфальцѣ и особенно въ Баденѣ сильныя республиканскія тенденціи. Это вѣрно. Но точно такъ же несомнѣнно вѣрно, что если бы нѣмецкіе князья честнымъ образомъ исполнили то, что народъ имѣлъ полное право ожидать отъ нихъ послѣ марта 1848 г. дней, если бы они приняли общегерманскую конституцію, все республиканскія стремленія въ Германіи углеглись бы сами собой. Нѣмецкій народъ въ общемъ остался бы доволенъ; онъ даже,

въроятно, не протестовалъ бы противъ нѣкоторыхъ измѣненій конституціи въ монархическомъ смыслѣ. Послѣ своихъ прекрасныхъ обѣщаній, нѣмецкіе государи всѣми силами старались уничтожить надежду нѣмецкаго народа на объединеніе Германіи; неудивительно, что, благодаря этому, исчезла вѣра въ честность и въ национальныя стремленія королей, являлось мнѣніе, что германское единство можетъ быть создано исключительно революціоннымъ путемъ. Всѣдѣствие образа дѣйствій короля прусскаго, а также королей Баваріи, Ганновера и Саксоніи передъ нѣмецкими патріотами являлась альтернатива: или отказаться отъ всѣхъ своихъ стремленій къ созданію свободной, сильной, единой Германіи, или проводить въ жизнь эти стремленія тѣмъ путемъ, который правительства считали революціоннымъ. Жалкая судьба Германіи въ послѣдующее десятилѣтіе ясно доказала, что тѣ, кто видѣлъ передъ собой только эту альтернативу, вовсе не ошибались.

Послѣ отзванія правительеннаго комиссара Эйзенштука, въ Пфальцѣ дѣлались попытки остановить движение съ помощью небольшихъ отрядовъ войска. Но такъ какъ эти попытки кончались неудачей, и такъ какъ возстаніе народа и арміи въ Баденѣ дѣлали положеніе вещей весьма серьезнымъ, то пруское правительство принялось за мобилизацію нѣсколькихъ армейскихъ корпусовъ и вообще стало готовиться къ настоящей войнѣ. Именно этимъ приготовленіямъ и должны были мѣшать возстанія въ западныхъ провинціяхъ Пруссіи. Нѣсколько времени Пфальцъ оставляли въ покое, и его добродушное, жизнерадостное населеніе увидѣло въ этомъ знакъ, что государи, не исключая и прусскаго короля, боятся открыто дѣйствовать военной силой, такъ какъ народы всей Германіи одушевлены одинаковымъ стремленіемъ къ свободѣ и единству. Въ Пфальцѣ были увѣрены, что возстаніе кончится такъ же весело, какъ началось, а когда комитетъ принялъ официально название «временнаго правительства», никто не сомнѣвался, что «Веселый Пфальцъ», Божьей милостью, навсегда избавился отъ баварскаго господства и что онъ, въ видѣ хорошенъкой, маленькой республики войдетъ въ составъ великой нѣмецкой державы.

Болѣе разумные и дальновидные люди предвидѣли, что дѣло идетъ о рѣшительной борьбѣ съ антинаціональной и антилиберальной реакцией, которая въ данномъ случаѣ выдвинетъ всю свою организованную силу, до послѣднихъ резервовъ, и что средства борьбы противъ этой силы весьма незначительны какъ въ Пфальцѣ, такъ и въ Баденѣ. Въ Пфальцѣ, правда, нѣсколько баварскихъ солдатъ перешли на «сторону народа», т. е. они присягнули общегерманской конституції, смѣстили офицеровъ, не желавшихъ давать этой присяги, и выбрали на ихъ мѣста своихъ унтеръ-офицеровъ. Но такихъ солдатъ было всего нѣсколько сотъ. Кромѣ нихъ, временное правительство располагало: національную гвардію пфальцскихъ городовъ, которая, понятно, могла нести лишь мѣстную службу и была

плохо вооружена; потомъ рейнгессенскимъ корпусомъ Цитца отъ шести до сеими тысячи человѣкъ, такимъ же корпусомъ Бленкера и, наконецъ, народнымъ ополченіемъ, которое еще не было организовано. Въ Пфальцѣ было бы не трудно образовать отрядъ изъ 20—25000 сильныхъ, молодыхъ людей, если бы временное правительство располагало достаточнымъ количествомъ боевыхъ припасовъ. Добровольцы массами заявлялись къ нему; но такъ какъ имъ не давали ружей, а только совѣтовали зачастись косами и кольями, то большинство разбѣгалось. Попытка привезти ружья изъ Бельгіи не удалась, потому что ихъ веали по Рейну черезъ прусскія владѣнія, и пруссаки перехватили ихъ. Точно такъ же не удалась попытка захватить крѣпость Ландау, въ которой хранились большиe запасы оружія.

Временное правительство состояло изъ честныхъ,уважаемыхъ людей, одушевленныхъ самыми благими намѣреніями; имъ нельзя ставить въ вину, что они не сумѣли справиться съ трудностями своего положенія: для этого требовалась геніальный умъ и нечеловѣческая энергія. Къ сожалѣнію, имъ точно такъ же не удалось привлечь на службу людей, которые были бы въ силахъ разрѣшить трудную задачу, предстоявшую имъ. Они отдали главное начальство надъ всѣми, какъ уже существовавшими, такъ и организующимися, военными силами бывшему начальнику милиции (Bürgergarde) въ Вѣнѣ Феннеру фонъ Феннебергу, человѣку, который сдѣлался какимъ-то профессіональнымъ революціонеромъ и проводилъ все время главнымъ образомъ въ томъ, что ёдкими рѣчами обвинять другихъ за неуспѣхъ дѣла. Феннебергъ вскорѣ принужденъ былъ отказаться отъ званія главнокомандующаго, и начальство надъ арміей перешло на время къ военной комиссіи, состоявшей главнымъ образомъ изъ бывшихъ прусскихъ офицеровъ. Это были очень порядочные люди, но болѣе способные управлять уже сформированными корпусами войска, чѣмъ создавать армію. Какъ прусскіе офицеры, привыкшіе къ строгой дисциплинѣ и быстрому повиновенію, они плохо понимали характеръ мѣстного населенія, и оно съ своей стороны не особенно сочувственно относилось къ этимъ сдержаннѣмъ, суровымъ на видъ начальникамъ. Тѣмъ не менѣе эта комиссія сдѣлала все, чего можно было отъ нея ожидать. Между тѣмъ, временное правительство пригласило на службу за очень значительное вознагражденіе въ десять тысячъ гульденовъ одного старого польского генерала Шнайде (Sznayde). Въ то время офицеры, сражавшіеся за освобожденіе Польши, еще являлись въ ореолѣ героевъ революції. Общественное мнѣніе приписывало имъ не только удивительную храбрость, но и всевозможные военные таланты и необыкновенное знаніе всѣхъ тайнъ военного искусства. Среди этихъ офицеровъ, несомнѣнно, были люди недюжинныхъ способностей, но были и вполнѣ бездарные. Не знаю, почему временное правительство Пфальца установило свой выборъ именно на генералѣ Шнайде. Во времія

польско-русскихъ войнъ 1830—31 года онъ, говорять, отличился, какъ храбрый кавалеристъ, но въ 1849 году трудно было бы найти человѣка, менѣе способнаго командовать ополченіемъ Пфальца. Это былъ толстый, грузный старикъ, судя по внѣшнему виду охотникъ пускавшій въ ходъ ножикъ и вилку, чѣмъ саблю, и болѣе заботившійся о томъ, чтобы спокойно спать ночью, чѣмъ о томъ, чтобы давать битвы. Кроме того, онъ съ трудомъ говорилъ по нѣмецки. Страна, въ которой ему приходилось дѣйствовать, была для него вполнѣ чуждой. Его дѣятельность, какъ организатора народнаго ополченія, сводилась главнымъ образомъ къ тому, что онъ мѣшалъ военной комиссіи. Вслѣдствіе этого, различныя воззванія, распоряженія и приказанія временнаго правительства оставались безъ исполненія. Послѣ шестинедѣльной работы въ Пфальцѣ было не болѣе 7—8000 человѣкъ по большей части плохо вооруженнаго и плохо обученнаго войска.

Въ Баденѣ дѣло стояло значительно лучше. Вся пѣхота, артиллерія и большая часть кавалеріи великаго герцогства Баденскаго перешли на сторону народнаго движенія и составили хорошо вооруженный армейскій корпусъ тысячу въ пятнадцать. Въ то же время крѣпость Ращтатъ съ своими запасами оружія и снарядовъ попала въ руки инсургентовъ. Благодаря этому, тамъ можно было снабжать всѣмъ необходимымъ новые полки, и не трудно было сорганизовать армию въ 40—50000 человѣкъ. Правда, офицеры, за немногими исключеніями, остались вѣрны великому герцогу и ушли изъ своихъ полковъ. Но на ихъ мѣста назначены былиunter-офицеры, среди которыхъ было не мало людей, вполнѣ способныхъ командовать солдатами. Такимъ образомъ, восстаніе въ Баденѣ располагало значительными силами.

Но какъ пфальцкіе, такъ и баденскіе главари движенія должны были съ самаго начала считаться съ тѣмъ фактамъ, что при всемъ напряженіи своихъ средствъ двѣ маленькия страны не могли противостоять не только соединеннымъ силамъ нѣмецкихъ государей, но даже одной Пруссіи. Для того, чтобы движеніе имѣло успѣхъ, оно должно было распространиться за предѣлы Бадена и Пфальца, разлиться по всей Германіи. Для этой цѣли оба временные правительства должны были бы выдвинуть за границу всѣхъ своихъ людей, способныхъ носить оружіе, съ тѣмъ, чтобы втянуть въ инсurreціонное движеніе войска и населеніесосѣднихъ государствъ; а въ случаѣ успѣха идти все дальше и дальше. Но ни одно изъ нихъ не рѣшилось на такой наступательный образъ дѣйствій. Они не сознавали, что оборонительное положеніе въ ожиданіи вражескихъ силъ неминуемо приведетъ къ пораженію народнаго войска и къ полной гибели восстанія. Они все еще надѣялись, что прусское правительство въ послѣднюю минуту отступить передъ вооруженнымъ нападеніемъ на защитниковъ конституціи, или что прусскіе запасные откажутся стрѣлять въ своихъ братьевъ, возставшихъ

на защиту общаго права. Какъ поступили бы запасные, если бы смилое, побѣдоносное народное войско вступило въ ихъ страну и обратилось къ нимъ съ призывомъ идти вмѣстѣ, — трудно сказать, но, во всякомъ случаѣ, нельзя было ожидать, что они по жертвуютъ собой ради партіи, не рѣшающейся выступить впередъ и, повидимому, сомнѣвающейся въ собственномъ дѣлѣ. Предводители движенія должны бы были ясно понимать это, но временный правительства и Бадена, и Пфальца упорно держались своего плана: ждать нападенія, не выходя за предѣлы своей области.

Не могу похвастать, чтобы я въ то время понималъ все это такъ же ясно, какъ понимаю теперь. Мнѣ смутно представлялось, какъ бы сдѣловоало дѣйствовать, но я утѣшалъ себя мыслью, что предводители старше, опытнѣе меня и лучше понимаютъ, что дѣлать; къ тому же меня поддерживалъ оптимизмъ молодости, говорившій мнѣ, что такое правое дѣло, какъ наше, ни въ какомъ случаѣ не можетъ погибнуть. Въ самый день прїезда въ Кайзерслаутернъ, я хотѣлъ записаться солдатомъ въ формированной тамъ баталіонѣ народного ополченія. Но Аннеке посовѣтовалъ мнѣ не спѣшить и лучше идти на службу къ нему: онъ былъ начальникомъ артиллеріи въ Пфальцѣ и могъ доставить мнѣ мѣсто, болѣе соотвѣтствующее моимъ способностямъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ выхлопоталъ у временнаго правительства приказъ о назначеніи меня поручикомъ, и я сдѣланъ былъ адъютантомъ при штабѣ начальника артиллеріи. Кинкель нашелъ себѣ занятіе въ качествѣ секретаря временнаго правительства. Артиллерія Пфальца состояла изъ небольшихъ мортиръ отряда рейнгесенскихъ добровольцевъ, изъ полдюжины небольшихъ пушекъ, про которыхъ говорили, что они будуть очень полезны при походѣ въ горы, да изъ одной батареи, приобрѣтенної отъ баденскаго временнаго правительства. Кругъ дѣятельности начальника артиллеріи и его штаба былъ поэтому весьма ограниченъ, и я, въ ожиданіи военныхъ дѣйствій, охотно исполнялъ разныя политическія порученія. Такъ, мнѣ часто приходилось говорить на митингахъ, которые устраивались съ цѣлью возбужденія патріотическихъ чувствъ. Развѣ мнѣ даже поручили, въ качествѣ комиссара временнаго правительства, арестовать одного католического священника, который пользовался своимъ вліяніемъ на приходъ, (большое село съ 3000 жителей), открыто удерживая молодыхъ людей отъ вступленія въ ополченіе. Такъ какъ священника считали способнымъ оказать сопротивленіе, то мнѣ въ помошь дали отрядъ изъ 50 ополченцевъ. Этотъ отрядъ имѣлъ далеко не внушительный видъ. Поручикъ, командовавшій имъ, былъ въ обыкновенномъ гражданскомъ платьѣ, но въ калабрійской шляпѣ съ перьями, съ черно-красно-золотымъ шарфомъ и саблей на боку. Изъ солдатъ только одинъ былъ въ мундирѣ, и то въ мундирѣ французского національного гвардейца: это былъ житель

Страсбурга, захотѣвшій принять участіе въ революції Пфальца. Всѣ остальные были въ гражданскомъ платьѣ съ перьями изъ шляпахъ. Ружей у всего отряда было не болѣе дюжины. Остальное вооруженіе состояло изъ пикъ и косъ. Я, въ качествѣ правительственнаго комиссара, надѣлъ черезъ плечо черно-красно-золотой шарфъ и нацѣпилъ себѣ большую саблю. Кроме того, у меня за поясомъ былъ не заряженный пистолетъ.

Когда мы вошли въ село, улицы его представляли картину полнаго мира. Все мужское населеніе работало въ поляхъ, у дверей домовъ и у оконъ видѣлись только дѣти да старики, которые съ недоумѣніемъ глядѣли на насъ. Мы быстро окружили домъ священника, чтобы преступникъ не могъ скрыться заднимъ ходомъ. а главныя свои силы поставили на улицѣ. Я постучалъ въ дверь и скоро очутился въ простой, но уютной комнатѣ; пасторъ былъ человѣкъ лѣтъ 35, невысокаго роста, коренастый, съ живыми, умными глазами. Я постарался принять строгій, воинственный видъ, объявилъ ему цѣль моего прихода и, положивъ ему руку на плечо, объявилъ его арестованнаго. Къ удивленію моему, онъ вдругъ разразился громкимъ хохотомъ.

— Вы меня арестуете?—вскричалъ онъ.— Не дурная шутка. Вы, должно быть, студентъ? Я самъ былъ студентомъ, знаю эти исторіи. Ну, давайте, выпьемъ вмѣстѣ.—Съ этими словами онъ открылъ дверь въ сосѣднюю комнату и велѣлъ служанкѣ принести вина.

Мнѣ было досадно, что онъ сразу узналъ во мнѣ студента, и мой начальническій тонъ не произвелъ на него впечатлѣнія.

— Это вовсе не шутка, господинъ пасторъ,—возразилъ я строгимъ голосомъ.—Вы препятствовали въ своесть приходѣ организаціи народнаго ополченія. Временное правительство не можетъ допустить этого. Я васъ арестую именемъ временнаго правительства. Вы должны отправиться со мною. Вашъ домъ окружены солдатами. Не заставляйте меня прибѣгать къ насилию.

— Къ насилию! Ну, это мы еще посмотримъ!—вскричалъ онъ, и глаза его блеснули гневомъ. Но онъ сдержался и заговорилъ болѣе спокойно:—Во всякомъ случаѣ, это дѣло не такое спѣшное. вы позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ. А вотъ и вино несутъ, выпьемъ по стаканчику за ваше здоровье... Это вѣрно, что я не пускалъ нашихъ бѣдныхъ крестьянскихъ парней записываться въ ополченіе, я не хотѣлъ, чтобы они задаромъ шли на вѣрную смерть. Вѣдь вы, конечно, и сами не вѣрите, чтобы это безсмысленное восстаніе кончилось успѣшио. Черезъ нѣсколько дней пруссаки разгонять все ваше временное правительство. Къ чему же вся эта нелѣпость, которая и безъ того будетъ многимъ стоить жизни?—Пока онъ говорилъ, раскупоривая бутылку, въ церкви раздался звонъ набата, очевидно ссыпавшій прихожанъ на выручку ихъ священника. Я отворилъ окно и увидѣлъ, что со всѣхъ сто-

ронъ бѣгутъ крестьяне съ цѣпами, вилами и дубинами. Я приказалъ поручику поставить нашихъ солдатъ спиной къ дому и до послѣдней крайности защищать входы въ него. Толпа крестьянъ все прибывала, раздавались угрожающіе крики. Наше положеніе становилось сомнительнымъ.

Пасторъ улыбнулся.— Мои прихожане готовы идти на смерть, чтобы защитить меня,—сказалъ онъ.— Кажется, ваши солдаты во власти крестьянъ.

Вдругъ счастливая мысль озарила меня.— Во всякомъ случаѣ вы въ моей власти, господинъ пасторъ,—сказалъ я, вынулъ пистолетъ изъ-за пояса и взвелъ курокъ. Улыбка быстро сбѣжала съ лица священника. — Что же вы отъ меня хотите?— спросилъ онъ.

— Я хочу,—сказалъ я съ напускнымъ спокойствиемъ,—чтобы вы подошли къ этому окну и уговорили своихъ крестьянъ немедленно разойтись по домамъ. Объясните имъ, что у васъ есть дѣло съ правительствомъ, что вы отправитесь въ городъ съ пріятелемъ, — со мной,—чтобы уладить это дѣло къ выгодѣ прихода, что эти вооруженные люди пришли проводить васъ и охранять отъ всякой опасности. Пока вы будете говорить съ крестьянами, я буду стоять съ этимъ пистолетомъ сзади васъ. Постарайтесь устроить все хорошенько, господинъ пасторъ, временное правительство приметъ это во вниманіе.

Пасторъ снова улыбнулся, но съ видимымъ смущеніемъ: мой пистолетъ не нравился ему. Онъ подошелъ къ окну, крестьяне привѣтствовали его громкими криками, но онъ велѣлъ имъ замолчать и сказалъ приблизительно то, что я ему продиктовалъ. Крестьяне повиновались ему безъ всякихъ колебаній, и улица опустѣла. Мы со священникомъ роспили спокойно бутылочку вина и въ сумеркахъ отправились въ городъ, разговаривая по-пріятельски. Отрядъ слѣдовалъ за нами на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ. Дорогой я сталъ играть своимъ пистолетомъ, бросалъ его вверхъ и ловилъ рукой.— Какъ вы неосторожны,—замѣтилъ пасторъ,—вѣдь онъ можетъ выстрѣлить!

— Никакъ не можетъ,—отвѣчалъ я,—онъ не заряженъ.

— Какъ,—вскричалъ онъ,—не заряженъ? А я то—вотъ такъ штука!

Мы посмотрѣли другъ на друга и разразились громкимъ смѣхомъ. Я доложилъ временному правительству, какую услугу оказали намъ священникъ, его приняли любезно и очень скоро отпустили домой.

12-го іюна отрядъ прусской арміи перешелъ границу. Если бы тѣ проклятія, какія добродушные жители Пфальца носили по адресу пруссаковъ, могли превратиться въ бомбы, отрядъ былъ бы очень быстро уничтоженъ. Но дѣйствительныя боевые силы, которыми располагало временное правительство Пфальца, были настолько ничтожны, что о защитѣ страны съ ихъ помощью не

чего было и думать. Слѣдовало избѣгать всякаго столкновенія съ пруссаками, и потому рѣшено было отступить. Мы должны были отправиться въ путь ночью съ 13 на 14 іюня.

Съ нашей артиллерией было мало хлопотъ, такъ какъ она замѣнила чѣмнѣго орудій. Въ два часа ночи мы сѣли на лошадей. Передвиженіе войска ночью всегда производить жуткое впечатлѣніе, особенно когда оно связано съ отступленіемъ. Но не могу не сознаться, что глухой стукъ колесъ по дорогѣ, шумъ шаговъ кѣкоты, тихое фырканье лошадей и звонъ сабель въ темнотѣ производили на меня впечатлѣніе чего-то весьма романтичнаго. Въ этомъ отношеніи мнѣ вполнѣ сочувствовала жена нашего предводителя, Аннеке, молодая, красивая женщина, горячая патріотка, сопровождавшая своего мужа верхомъ на лошади. Помню, какъ мы съ ней остановились въ восхищеніи передъ деревенскимъ трактиромъ, около котораго бородатые добровольцы, въ черныхъ фетровыхъ шляпахъ съ перьями, въ фантастически изукрашенныхъ блузахъ, съ ружьемъ черезъ плечо, толпились вокругъ трактирищицы, наливавшей имъ вино. Эта картина могла бы представить чудную иллюстрацію къ «Разбойникамъ» Шиллера.

Вообще нашъ отрядъ былъ весьма живописенъ. Такъ какъ пфальцскому ополченію не полагалось однообразныхъ мундировъ, то въ костюмахъ преобладалъ личный вкусъ. Многіе солдаты старались придать себѣ воинственный, даже страшный видъ, съ этой целью отпускали длинные бороды и усы, украшали шляпы перьями, преимущественно красными, надѣвали плащи яркихъ цвѣтовъ и засовывали за поясъ блестящіе книжалы или охотничіи ножи.

15-го и 16-го іюня къ намъ присоединились другіе баталіоны добровольцевъ и нѣкоторые изъ нихъ были такъ хорошо вооружены, имѣли такой бравый видъ, что многіе стали поговаривать, не остановиться ли намъ и не дождаться ли пруссаковъ. Но мы всетаки продолжали отступленіе, и Пфальцъ былъ оставленъ безъ выстрѣла. 19 іюня мы въ количествѣ 7—8000 человѣкъ перешли Рейнъ подъ Килингеномъ и направились къ Карлсруэ.

Наше появленіе въ чистенькой, выложеній столицѣ великаго герцогства Баденскаго произвело на мѣстное населеніе далеко не лестное для настѣ впечатлѣніе. Граждане Карлсруэ, привыкшіе къ наряднымъ солдатамъ великаго герцога, на могли достойно оценить художественность и романтичность войскъ Пфальца, и чуть ли не смотрѣли на нихъ, какъ на разбойниковъ, отъ которыхъ надо было запирать магазины и двери домовъ. Мы утѣшили себя мыслью, что населеніе столицы состоить, главнымъ образомъ, изъ придворной челяди, да изъ чиновничества, въ глубинѣ души сохранившихъ вѣрность великому герцогу, хотя многіе изъ нихъ въ послѣднія недѣли представлялись республиканцами. Жители Карлсруэ такъ стремились какъ можно скорѣе избавиться отъ пфальцскихъ гостей, что мы даже не успѣли доказать имъ, какіе чест-

ные и миролюбивые люди эти страшные бородачи съ красными перьями и клинжалами за поясомъ. Намъ въ тот же день отвели лагерь за городомъ, и на завтра мы уже двинулись на съверь для соединенія съ баденской арміей.

Эта армія имѣла цѣлью защищать съверную границу великаго герцогства противъ генерала Пейкера. При началѣ военныхъ дѣйствий она тоже получила въ главнокомандующе поляка, генерала Мирославскаго. Это былъ еще молодой человѣкъ, отличившійся храбростью и блестящими способностями во время польского восстанія, но онъ былъ совсѣмъ не знакомъ съ мѣстными условіями и не говорилъ по-нѣмецки. 20 іюня пруссаки перешли Рейнъ подъ Филипсбургомъ и зашли въ тылъ баденской арміи. Мирославскій быстрымъ движениемъ повернулся противъ нихъ, удержалъ ихъ рѣшильнымъ натискомъ при Вагтейзелѣ и произвелъ такое искусное фланговое передвиженіе, что установилъ сообщеніе между своей арміей и подвигавшимися на соединеніе съ нимъ баденскими резервами. Битва подъ Вагтейзелемъ была во всякомъ случаѣ удачна для баденскихъ войскъ. Мы слышали пушечную пальбу во время перехода черезъ Брухзаль, и вскорѣ до настѣ дошли слухи о блестящей победѣ, одержанной надъ пруссаками. Дальнѣйшія извѣстія о томъ, что Мирославскій отступаетъ вдоль меクленбургской границы, и что мы должны прикрывать его флангъ, не разрушили нашей вѣры въ «побѣду при Вагтейзеле». Пошли слухи, что плоды этой побѣды были утрачены исключительно, вслѣдствіе «измѣны» одного драгунскаго полковника, который долженъ былъ преслѣдоватъ разбитаго непріятеля. 23 іюня мы дошли да Убштада и тамъ получили извѣстіе, что на слѣдующее утро мы встрѣтимъ непріятельскій авангардъ и должны будемъ вступить съ нимъ въ бой. Я много читалъ о томъ особенному торжественному настроеніи, которое охватываетъ человѣка наканунѣ боя, но самъ не испытывалъ ничего подобнаго. До поздней ночи исполнялъ я разныя по рученія своего начальника, а когда добрался, наконецъ, до своей постели въ гостиницѣ, то сразу заснулъ, какъ убитый.

На слѣдующее утро я тоже не ощущалъ ничего особеннаго. Впослѣдствіи я на опытѣ узналъ, что такого рода торжественные настроенія, дѣйствительно, иногда встрѣчаются, но въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно же утромъ передъ битвой мысль останавливается на множествѣ совершенно прозаическихъ вопросовъ, между прочимъ, на вопросѣ о завтракѣ. Такъ было и съ нами этимъ утромъ въ Убштадѣ.

Рано утромъ сѣли мы на лошадей и вскорѣ увидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи передъ собой ряды блестящихъ пикъ, приближившихся къ намъ. Очевидно, пруссаки выслали впередъ нѣсколько эскадронъ улановъ въ качествѣ разведчиковъ, за ними до линии была послѣдовать пѣхота и артиллерія. Уланы исчезли, сдѣлавъ нѣсколько выстреловъ, которыхъ мы не оставили безъ

отвѣта, и вскорѣ завязалась сильная перестрѣлка пѣхоты. Затѣмъ съ обѣихъ сторонъ выдвинуты были пушки, и бомбы начали летать взадъ и впередъ, не причиняя особеннаго вреда. Сначала все мое вниманіе было поглощено исполненіемъ порученій, которыя мнѣ даваль мой начальникъ. Но когда наша артиллерія была установлена на мѣсто, и мы спокойно сидѣли на лошадяхъ невдалекѣ отъ нея, я могъ собраться съ мыслями и отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ. Тутъ меня снова ждало разочарованіе. Я былъ первый разъ «въ огнѣ», первы мои были, понятно, нѣсколько возбуждены, но я не чувствовалъ ни страха, ни геройскаго «увлечения битвой». Непріятельскія бомбы летали надъ самой моей головой, и сначала мнѣ сильно хотѣлось наклоняться. Но я подумалъ, что это не прилично офицеру, и сталъ держаться совершенно прямо. Точно такъ же я заставилъ себя не вздрогивать, когда ружейная пуля со свистомъ пролетала надъ самымъ моимъ ухомъ. Раненые, которыхъ проносили мимо насъ, возбуждали во мнѣ сильнѣйшее состраданіе, но мнѣ и въ голову не приходило, что нѣчто подобное можетъ случиться и со мною. Я увидѣлъ, какъ одинъ изъ нашихъ баталіоновъ отступалъ въ беспорядкѣ, и, не долго думая, бросился къ нему, чтобы остановить его и снова обратить противъ непріятеля. Но когда я увидѣлъ, что командиръ его справился съ этимъ дѣломъ безъ моей помощи, я остался совершенно доволенъ. Вскорѣ послѣ этого мой начальникъ сталъ опять посыпать меня съ различными порученіями то въ одну сторону, то въ другую, и тогда я уже не останавливался мыслью на собственныхъ ощущеніяхъ, а думалъ только о данномъ порученіи и объ исходѣ битвы, насколько я могъ ее наблюдать. Однимъ словомъ, я не испыталъ вовсе тѣхъ бурныхъ, непреодолимыхъ опущеній, которыхъ считалъ неизбѣжными во время боя, но убѣдился, что могу держать себя при данныхъ обстоятельствахъ совершенно прилично.

Сраженіе при Убштадѣ было сравнительно неважнымъ дѣломъ, имѣвшимъ съ нашей стороны цѣлью удержать на время непріятеля, пока въ тылу у насъ баденская армія придетъ въ порядокъ, и затѣмъ отступить на соединеніе съ ней. Въ Убштадѣ этотъ планъ былъ исполненъ довольно правильно. На слѣдующій день у насъ завязалась болѣе серьезная стычка съ прусскимъ авангардомъ при Брухзаль, и мы снова отступили, но болѣе беспорядочно. Какъ часто случается во время народныхъ восстаний, поднялись толки объ «измѣнѣ» командира; на этотъ разъ жертвой оказался щѣдрый генералъ Шнайде. Во время отступленія толпа взбунтовавшихся добровольцевъ окружила его и стащила съ лошади. Онъ успѣшилъ оставить поле дѣйствія, а Пфальцскій отрядъ вошелъ въ составъ баденской арміи.

Х.

Баденская армія остановилась на линії Мурги, опираясь лѣвымъ флангомъ на крѣость Ращтатъ, и въ теченіе 28, 29 и 30 іюня очень мужественно, хотя безуспѣшно, сражалась съ пруссаками. Послѣ полудня 30 іюня начальникъ послалъ меня въ крѣость съ порученіемъ, касавшимся артиллерійскихъ снарядовъ, и приказалъ мнѣ ожидать себя въ одномъ изъ фортовъ. Я исполнилъ данное мнѣ порученіе и затѣмъ отправился въ тотъ фортъ, куда долженъ быть пріѣхать Аннеке. Привязавъ свою лошадь къ лафету, я усѣлся на крѣпостную стѣну и, несмотря на громъ пушекъ, крѣпко уснулъ. Когда я проснулся, солнце уже заходило. Я спрашивалъ у бывшихъ тутъ артиллеристовъ, не видали ли они Аннеке, но они отвѣчали, что онъ не приходилъ. Я встревожился и рѣшилъ поскорѣе выѣхать изъ города и отыскать своего начальника за городомъ. Когда я подѣхалъ къ городскимъ воротамъ, дежурный офицеръ объявилъ мнѣ, что я не могу выѣхать: наша армія отгѣснена на югъ, и крѣость со всѣхъ сторонъ окружена пруссаками. Я поспѣшилъ въ главную квартиру коменданта крѣпости, и онъ вполнѣ подтвердилъ слова офицера. Я не могъ помириться съ мыслью оставаться въ городѣ, окруженному пруссаками, и сталъ разспрашивать всѣхъ и каждого, нельзя ли мнѣ какъ-нибудь выбраться.

— Я точно въ такомъ же положеніи, какъ вы,—сказалъ мнѣ, наконецъ, одинъ изъ офицеровъ.—Я тоже не здѣшній и уже всячески пытался уйти, но это оказалось невозможно. Намъ придется покориться и остаться здѣсь.

Когда я потерялъ всякую надежду выбраться изъ города, я заявилъ къ начальнику крѣпости, полковнику Тидеманну. Это былъ сынъ извѣстнаго профессора медицины въ гейдельбергскомъ университѣтѣ. Съ раннихъ лѣтъ чувствовалъ онъ влеченіе къ военной службѣ и поступилъ офицеромъ въ греческую армію. Когда вспыхнула Баденская революція, онъ жилъ дома, и временное правительство поручило ему начальство надъ крѣпостью Ращтатъ. Онъ принялъ меня очень любезно и зачислилъ въ свой штабъ. Мнѣ отвели квартиру въ домѣ одного кондитера. И онъ, и жена его оказались очень добродушные, привѣтливые люди. Они отвели мнѣ хорошенькую комнатку и просили обѣдать всегда съ ними вмѣстѣ. Для моего денщика Адама, который отправился въ крѣпость вмѣстѣ со мною и остался тамъ, тоже нашлось помѣщеніе въ ихъ домѣ. Все это было довольно пріятно. Но когда я остался одинъ въ своей комнатѣ и могъ спокойно обдумать положеніе, сердце мое скжалось отъ тоски. Наше дѣло, очевидно, проиграно, въ этомъ я не могъ болѣе сомнѣваться, несмотря на всѣ

мою юношескую способность надѣяться на лучшее. Удержать въ своихъ рукахъ крѣпость для насть бесполезно. Мы будемъ защищать ее только, чтобы показать врагамъ, что народное войско можетъ мужественно бороться, что чувство воинской чести не чуждо ему. Но, во всякомъ случаѣ, долго крѣпость держаться не можетъ. А что тогда? Она будетъ сдана, и мы попадемъ въ руки пруссаковъ. Прусскими войсками, действовавшими въ Баденѣ, командовалъ «prusскій принцъ», въ которомъ въ то время никто не угадывалъ будущаго прославленного и популярнаго императора Вильгельма I. У насть онъ считался отъявленнымъ врагомъ всякихъ либеральныхъ стремлений. Всѣ говорили, что это онъ далъ приказъ въ Берлинѣ стрѣлять въ народъ 18 марта 1848 года, за что и получилъ прозваніе «картечнаго принца» (*Kartätschenprinz*). Во время мартовскихъ дней населеніе было настолько возбуждено противъ него, что король счелъ за лучшее на нѣсколько времени отослать его въ Англію, и его отъездъ весьма походилъ на простое бѣгство. Впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ изъ числа тѣхъ, кто совѣтовалъ Фридриху Вильгельму IV принять императорскую корону, предложенную ему парламентомъ, но тогда никто этого не зналъ и не повѣрилъ бы этому: общее мнѣніе считало принца прусскаго за честнаго, но неисправимаго абсолютиста, упорно вѣрившаго, что короли получили свою власть отъ Бога и никому, кроме Бога, не обязаны отдавать отчетъ, что народъ не имѣть права мѣшаться въ дѣла правления, что сопротивленіе королевской власти есть прямое оскорблѣніе Бога, и что правители обязаны налагать самыя тяжелыя наказанія за такого рода преступленія. Прусская армія была излюбленнымъ идоломъ принца прусскаго, онъ считалъ ее мечомъ Божіимъ, оплотомъ мірового порядка. Въ его глазахъ пруссакъ, обратившій оружіе противъ прусской арміи, совершилъ преступленіе, равное матреубийству, и не заслуживалъ пощады. Всакій изъ насть, пруссаковъ, попавъ въ руки принца Вильгельма, могъ твердо разсчитывать, что его разстрѣляютъ на самомъ законномъ основаніи, это особенно относилось къ тѣмъ, кто, какъ я, находился въ призывающемъ возрастѣ. Съ этими тяжелыми мыслями легъ я въ постель, но, несмотря на нихъ, очень скоро заснулъ и спокойно проспалъ до утра.

Обязанности, которыя возложилъ на меня комендантъ, были нетяжелы. Я долженъ быть въ опредѣленные часы дня подниматься съ подзорной трубой на башню крѣпости, наблюдать оттуда за непріятелемъ и о всемъ замѣченномъ доносить начальству; затѣмъ я долженъ быть нѣсколько разъ въ сутки обходить стѣны и ворота, чтобы надзирать за карауломъ, и, наконецъ, исполнять случайныя порученія коменданта. Мнѣ дали полную обмундировку пѣхотнаго баденскаго офицера, взамѣнъ моего фантастического костюма пфальцскаго ополченца, и съ военнымъ мундиромъ въ

дунуть моей вдругъ проснулись особыя военные чувства, существование которыхъ въ себѣ я и не подозрѣвалъ.

Пруссаки не ограничились простою осадою крѣпости. Одинъ разъ утромъ, на зарѣ меня разбудилъ страшный трескъ, раздавшійся на улицѣ подъ моимъ окномъ. Всѣдѣ за нимъ раздался второй трескъ, затѣмъ шумъ какихъ-то тяжелыхъ предметовъ, падавшихъ на крышу дома. Я понялъ, что началась бомбардировка крѣпости. Выстрѣль слѣдовала за выстрѣломъ, взрывъ за взрывомъ, и имъ въ отвѣтъ раздался громъ нашей крѣпостной артиллеріи. Я поспѣшилъ въ замокъ, и тамъ глазамъ моимъ представилось печальное зрѣлище. Во дворѣ замка быстро собирались обыватели, главнымъ образомъ женщины и дѣти; онѣ инстинктивно искали у начальства защиты противъ грозившаго бѣдствія. Большинство взрослыхъ и даже дѣти тащили на головѣ или подъ мышкой подушки, сувдуки, разныя хозяйственныя вещи. Всякій разъ, когда граната съ шипѣнiemъ перелетала черезъ дворъ, или взрывалась гдѣ нибудь поблизости, несчастные въ ужасѣ кидали на землю все, что несли, и съ криками отчаянья бросались къ зданіямъ. Наступало нѣсколько минутъ затишья, и они снова схватывали свои вещи; летѣла новая граната, и прежняя сцена повторялась. Намъ, штабнымъ офицерамъ коменданта, пришлось не мало хлопотать, чтобы успокоить перетрусившихъ жителей и по возможности размѣстить ихъ на время въ казематахъ крѣпости, въ которые не могли попасть снаряды. Между тѣмъ, на всѣхъ колокольняхъ зазвонили колокола, и множество женщинъ съ дѣтьми, а также не мало мужчинъ бросились черезъ рыночную площадь въ городской соборъ, гдѣ они со слезами и воплями молили Бога спаси ихъ.

Бомбардировка продолжалась всего нѣсколько часовъ и не причинила большого вреда. Вызванные ею пожары были скоро потушены. Пруссаки, очевидно, имѣли въ виду только показать намъ, что, во избѣженіе большихъ непріятностей, мы должны поспѣшить сдать имъ крѣпость. Они пускали противъ насъ въ ходъ лишь полевые орудія и пушки небольшого калибра, приберегая тяжелую осадную артиллерию на случай, когда придется прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ, чтобы заставить крѣпость сдаться. Комендантъ и гарнизонъ рѣшили держаться; и на слѣдующій день предпринята была вылазка, съ цѣлью прогнать обстрѣливавшія насъ батареи. Вылазка кончилась полнымъ успѣхомъ: наши, дѣйствительно, взяли и заклепали нѣсколько мелкихъ орудій.

Это было единственное важное событие въ нашей жизни. Такъ какъ другихъ военныхъ дѣйствій мы не предпринимали, то все время гарнизона было занято исполненіемъ однообразныхъ служебныхъ обязанностей; что касается обывателей, то они продолжали заниматься своими дѣлами, насколько было возможно при данныхъ обстоятельствахъ, и съ мрачнымъ спокойствіемъ ожидали рѣшенія неизбѣж-

ной судьбы. Внѣшній мір лежалъ гдѣ-то далеко, далеко отъ насть. Мы сидѣли за своими стѣнами и рвами, отрѣзанные отъ всего человѣчества, какъ бы чуждые ему. Никакой внѣшній звукъ не доходилъ до насть, кромѣ развѣ отдаленаго грома барабана или сигнала трубы осаждавшихъ насть враговъ. Несмотря на это, среди насть часто возникали слухи, Богъ вѣсть откуда являвшіеся. То стали говорить, что наши войска одержали блестящую победу въ Оберландѣ и прогнали пруссаковъ; то, что во Франціи вспыхнула новая революція и вызвала движеніе во всей Германіи. Потомъ, что венгры разбили на голову соединенные силы русскихъ и австрійцевъ, и что они готовы соединить свое побѣдоносное войско съ германскими революціонерами. Одинъ разъ всѣ офицеры нашего гарнизона, даже высшіе, толпились на обсервационной башнѣ, такъ какъ со стороны Оберланда, дѣйствительно, слышался громъ пушекъ, который постоянно приближался, и имъ казалось, что они видѣть пыль отъ нашихъ подхodившихъ колоннъ. Но мнимый громъ пушекъ умолкъ, все было тихо, и снова всѣхъ охватило жуткое чувство обреченныхъ судьбъ. Иногда мы пытались повеселиться и собирались въ винные погребки, но настоящаго веселья не было, за каждымъ стуломъ стоялъ призракъ неизбѣжной катастрофы.

И вотъ однажды, на третьей недѣлѣ осады, въ крѣпость явился прусскій парламентеръ, который потребовалъ сдачи и въ то же время привезъ извѣстіе, что баденъ-іфальцская армія уже давно перешла швейцарскую границу, слѣдовательно, перестала существовать; что на нѣмѣцкой территорії нѣть болѣе ни одного вооруженного инсургента, и что, если гарнизонъ Раѣтата желаетъ послать довѣренного человѣка, чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ фактovъ, ему будетъ данъ пропускъ и гарантирована безопасность. Можно себѣ представить, какое волненіе вызвали эти вѣсти. Командантъ немедленно созвалъ въ залъ замка большой военный совѣтъ изъ всѣхъ офицеровъ гарнизона, не ниже капитана чиномъ. Послѣ бурнаго совѣщанія рѣшено было принять предложеніе прусскаго главнокомандующаго и лейтенанту Корвіну поручено было разузнать положеніе дѣлъ и въ случаѣ, если оно вѣрно представлено прусскимъ парламентеромъ, немедленно начать переговоры о капитуляціи на возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Тотъ залъ замка, въ которомъ происходилъ военный совѣтъ, былъ мнѣ хорошо знакомъ. Обыкновенно, когда я возвращался усталый со своихъ наблюдений на башнѣ замка, или со своего обхода крѣпости, я отправлялся туда и отдыхалъ на одномъ изъ желтыхъ шелковыхъ дивановъ, стоявшихъ вокругъ его стѣнъ.

На третій день послѣ отправленія Корвина, я, проведя всю ночь на крѣпостныхъ стѣнахъ, пришелъ передъ разсвѣтомъ въ эту залу и легъ на свой диванъ немножко поспать. Только что я уснуль, какъ меня разбудилъ шумъ тяжелыхъ шаговъ, бряканье

сабель и гуль голосовъ. Я сразу сообразилъ, что, должно быть, Корвинъ вернулся, и сейчасъ соберется военный совѣтъ. Коменданть вошелъ, пригласилъ присутствующихъ успокоится и попросилъ Корвина, стоявшаго подлѣ него, сообщить всему собранію результаты своей поѣздки. Корвинъ рассказалъ, что онъ въ сопровожденіи прусского офицера ѿѣзжилъ до самой границы Швейцаріи и убѣдился собственными глазами, что въ Баденѣ нѣтъ болѣе никакой революціонной арміи, никакого противодѣйствія прусскимъ войскамъ. Революціонная армія перешла въ Швейцарію и, понятно, должна была на границѣ сложить оружіе. Изъ газетъ онъ убѣдился, что и въ остальной Германіи нѣтъ болѣе слѣдовъ революціоннаго движенія. Всюду господствуетъ спокойствіе и покорность. Положеніе Венгрии, вслѣдствіе русскаго вмѣшательства, стало очень затруднительно, и ей скоро предстоитъ сложить оружіе. Однимъ словомъ, гарнизонъ Раѣтата ни откуда не можетъ ожидать помощи. Между тѣмъ, въ главной квартирѣ пруссаковъ Корвина объявили, что главнокомандующій требуетъ безусловной сдачи крѣпости и ни въ какіе переговоры не намѣренъ вступать,

Всеобщее молчаніе послѣдовало за этой рѣчью. Всѣ чувствовали, что Корвинъ говорить истинную правду. Наконецъ, кто то предложилъ нѣсколько вопросовъ, затѣмъ раздался общий гуль голосовъ и на фонѣ его слышались горячія восклицанія: «Умереть всѣмъ до послѣдняго человѣка» и т. под. Наконецъ, коменданть далъ слово одному бывшему прусскому солдату, сдѣлавшемуся въ Пфальцѣ офицеромъ.

— Я не меныше всякаго другого готовъ за наше дѣло пролить кровь до послѣдней капли,— сказалъ онъ:— если кто изъ насъ, пруссаковъ, попадеть въ руки осаждающихъ, его ждетъ, по всей вѣроятности, смерть. Но, несмотря на это, я совсѣмъ немедленно сдать крѣпость. Если мы не сдадимъ ее сегодня, мы принуждены будемъ сдѣлать это завтра. Мы не должны безъ всякой пользы подвергать гражданъ этого города съ ихъ женами и дѣтьми голоду и дальнѣйшей бомбардировкѣ. Пора покончить, чтобы съ нами ни случилось.

Въ залѣ пронесся одобрительный гуль голосовъ; большинство находило, что онъ разсудилъ правильно. Рѣшено было, что Корвинъ еще разъ попытается выхлопотать для гарнизона крѣпости благопріятныя условія сдачи. Если это окажется невозможнымъ, онъ приметъ мѣры къ безусловной сдачѣ крѣпости.

Стоялъ чудный лѣтній день. Послѣ обѣда я еще разъ взошелъ на обсервационную башню, гдѣ я провелъ столько часовъ. Прелестный пейзажъ, разстилавшійся передо мною, показался мнѣ красивѣе, чѣмъ когда либо. Я чувствовалъ, что долженъ наѣхки проститься съ нимъ. «Насъ, пруссаковъ, ждетъ, по всей вѣроятности, смерть». Слова эти все время звучали у меня въ ушахъ, и я былъ вполнѣ убѣженъ, что они оправдаются... Вдругъ въ головѣ моей

мелькнула сцена изъ моего прошлого. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отецъ былъ вмѣстѣ со мной у моего учителя географіи Пютца. Учитель положилъ руку мнѣ на плечо и, улыбаясь, сказалъ отпу: «Юноша подаетъ большія надежды!». Какою гордостью блестѣли глаза отца, когда онъ посмотрѣлъ на меня! Погибли всѣ надежды, какія подавалъ юноша,—сказалъ я самому себѣ. Мнѣ вспомнились мои мечты о широкой, плодотворной дѣятельности, и грустно стало мнѣ прощаться съ жизнью, не успѣвъ еще сдѣлать ничего доброго и полезнаго. Мною овладѣло чувство глубокаго сожалѣнія не только о себѣ самомъ, но и о моихъ бѣдныхъ родителяхъ, которые надѣялись найти во мнѣ опору на старости лѣтъ...

Въ концѣ концовъ мнѣ оставалось одно: если мой конецъ близокъ, то смѣло и съ достоинствомъ смотрѣть судьбѣ въ глаза.

Я сидѣлъ на галлереѣ башни до самаго заката солнца, мнѣ хотѣлось въ послѣдній разъ досытаго наглядѣться на міръ Божій. Затѣмъ я отправился къ коменданту и спросилъ, не будетъ ли еще распоряженій на ночь.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы сегодня офицеры оставались всю ночь на стѣнахъ,—сказалъ онъ.—Я боюсь, какъ бы солдаты не бросили караулъ, узнавъ, что мы сдаемся. Это было бы не хорошо.

Я былъ очень радъ, что нашлось дѣло, которое отвлекало меня отъ моихъ мыслей. Въ крѣпости было, несомнѣнно, много шума и неурядицы. Многіе солдаты считали лишнимъ нести службу, когда завтра все равно все кончится. Нѣкоторые разошлись по городскимъ трактирамъ, чтобы весело провести эту послѣднюю ночь. Но всѣ они безъ всякаго озлобленія относились къ офицерамъ, которые убѣждали ихъ вернуться въ крѣпость. Было не мало и такихъ, которые добросовѣтно исполняли свою обязанность, и намъ удалось въ теченіе ночи поддержать общий порядокъ.

Передъ разсвѣтомъ я, изнемогая отъ усталости, растянулся на своемъ диванѣ въ залѣ замка и послѣ нѣсколькихъ часовъ крѣпкаго сна проснулся съ мыслью: «Сегодня тебя арестуютъ и, быть можетъ, завтра же разстрѣляютъ». Я пошелъ въ главную квартиру и тамъ узналъ, что Корвину не удалось ничего добиться, что крѣпость сдавалась безусловно. Въ полдень гарнизонъ долженъ былъ выйти изъ воротъ и на гласисѣ положить оружіе передъ пруссаками, которые туда прибудутъ. Всѣ распоряженія были уже сдѣланы. Я пошелъ къ себѣ на квартиру и написалъ прощальное письмо родителямъ. Я благодарилъ ихъ за всю ихъ любовь и заботы обо мнѣ и просилъ простить меня, если я обманула ихъ надежды. Я взялся за оружіе, слѣдя своему искреннему убѣженію, для защиты правъ нѣмецкаго народа, и, если мнѣ суждено умереть—это будетъ почетная смерть, которой имѣ нечего стыдиться. Мой квартирный хозяинъ со слезами на глазахъ взялъ это письмо и

~~обещалъ мнѣ отдать его на почту, какъ только городъ будетъ освобождѣнъ.~~

XI.

Приближался двѣнадцатый часъ. Я уже слышалъ сигналы, ссыпавшіе солдатъ на валы и въ казармы, и приготовился идти въ главную квартиру.

Вдругъ у меня блеснула неожиданная мысль.

Я вспомнилъ, что какъ-то на дняхъ замѣтилъ входъ въ подземный водосточный каналъ, который начинался около Штейнмауэрскихъ воротъ внутри города, шелъ подъ укрѣплѣніями и выходилъ въ поле. Вероятно, онъ составлялъ часть не оконченой канализаціи. Входъ въ каналъ внутри города находился на продолженіи какого-то рва или канавы около забора, окружавшаго садъ, а выходъ изъ него открывался въ ровъ, поросшій кустами около поля кукурузы. Когда я узналъ всѣ эти обстоятельства, я тогда же подумалъ, что, если входъ и выходъ этого канала плохо охраняются, черезъ него легко могутъ пробираться взадъ и впередъ разбѣгчики. Я доложилъ о своемъ открытии по начальству, но вскорѣ послѣ этого начались переговоры съ непріятелемъ, и среди общаго волненія мы всѣ забыли о каналѣ. Теперь въ послѣднюю минуту передъ сдачей воспоминаніе о немъ блеснуло мнѣ, какъ лучъ свѣта. Не могу ли я бѣжать черезъ этотъ каналъ? Не могу ли я, выбравшись на свободу, пробраться до Рейна и найти тамъ лодку, которая перевезетъ меня на французскій берегъ? Не теряя времени на размышленіе, я рѣшилъ попытать счастья.

Я позвалъ своего денщика, готовившагося идти въ крѣпость.

— Адамъ,—сказалъ я ему,—вы уроженецъ Пфальца и состоите въ народномъ ополченіи. Я думаю, что пруссаки отпустятъ васъ домой. Я другое дѣло. Я пруссакъ, а пруссаковъ они, навѣрно, разстрѣливаютъ. Я хочу попытаться бѣжать. Попрощаемся!

— Нѣть,—вскричалъ Адамъ,—я васъ не оставлю, г. лейтенантъ. Куда вы пойдете, туда пойду и я.

Глаза его радостно блестали. Онъ очень любилъ меня.

— Но,—возразилъ я,—вамъ этого совершенно не нужно. Вѣдь мы можемъ подвергнуться большими опасностямъ.

— Пусть себѣ,—отвѣчалъ Адамъ,—я все равно останусь съ вами.

Въ эту минуту я замѣтилъ на улицѣ проходившаго мимо знакомаго мнѣ артиллерійскаго офицера.

Онъ былъ такъ же, какъ я, уроженецъ прирейнской Пруссіи и служилъ раньше въ прусской артиллериі.

— Куда вы идете, Нейштетеръ?—окликнулъ я его въ окно.

— Къ своей батареи, чтобы сложить оружіе,—отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь пруссаки разстрѣляютъ васъ,—возразилъ я.—Пойдемъ со мной вмѣстѣ, попробуемъ бѣжать.

Онъ остановился, вошелъ въ домъ, и я ему въ нѣсколькоихъ словахъ рассказалъ свой планъ.

— Хорошо,—согласился Нейштетеръ,—я иду съ вами.

Надобно было дѣйствовать быстро. Мы тотчасъ же послали Адама купить намъ хлѣба, двѣ бутылки вина и нѣсколько колбасъ. Затѣмъ мы спрятали пистолеты подъ платье и свернули свои шинели. Я засунулъ въ свою шинель и ружье. Мы запаковали также бутылки и провизію, которую принесъ Адамъ. Между тѣмъ, гарнизонъ двигался по базарной площади сомкнутыми колоннами. Мы пошли въ хвостѣ послѣдней изъ нихъ, затѣмъ свернули въ боковую улицу и скоро пришли къ отверстію нашего канала. Безъ малѣйшаго колебанія вѣзли мы въ него. Это было во второмъ часу дня 23 іюля.

Каналъ представлялъ изъ себя водосточную трубу, выложенную кирпичемъ, въ 4—4½ фута высоты при 3—3½ ширинѣ, такъ что мы могли стоять въ ней, только сильно согнувшись, и подвигались впередъ наполовину ползкомъ. Вода, наполнявшая ее, доходила намъ по щиколду. Пробравшись нѣсколько дальше по трубѣ, мы замѣтили, что у нея для вентиляціи имѣются наверху черезъ опредѣленные промежутки отверстія, задѣланныя желѣзными решетками; сквозь нихъ проходилъ свѣтъ и мѣстами освѣщалъ совершенно темный каналъ. На такихъ мѣстахъ мы останавливались на нѣсколько секундъ, чтобы выпрямиться. По нашимъ расчетамъ мы прошли до половины канала, когда я наткнулся на небольшую доску, покрытую водой и крѣпко засѣвшую поперекъ канала между его стѣнками. Она могла служить намъ скамейкой. Мы усѣлись на ней, крѣпко прижавшись другъ къ другу, и рѣшили отдохнуть.

До тѣхъ поръ мы все время шли впередъ и намъ никогда было раздумывать. Теперь, сидя на этой скамьѣ, мы могли собраться съ мыслями и рѣшить сообща, что дѣлать дальше. Во время осады мнѣ много разъ приходилось рассматривать мѣстность, прилегающую къ крѣпости, и я довольно хорошо зналъ, куда именно выходить каналъ. Я предложилъ своимъ товарищамъ просидѣть на скамьѣ до позднаго вечера и затѣмъ, выйдя изъ канала, спрятаться въ кукурузномъ полѣ. Если погода будетъ ясная, мы оттуда увидимъ часть дороги и, когда убѣдимся, что намъ не грозить непосредственная опасность, постараемся пробраться ночью къ деревнѣ Штейнмауэръ и тамъ нанять лодку, которая перевезетъ насъ на французскій берегъ. Товарищи одобрили мой планъ.

Пока мы сидѣли и совѣщались, надъ головами нашими слышался глухой шумъ, то стукъ колесъ экипажей, то шаги массы людей; изъ этого мы заключили, что пруссаки вошли въ крѣпость и заняли ворота и укрѣпленія. Когда стало нѣсколько тише, мы услышали бой башенныхъ часовъ. Наша скамья находилась неда-

леко отъ вентилятора, такъ что звуки вѣтшнаго міра легко къ намъ проникали. Въ девятомъ часу вечера прошелъ дождь и такой сильный, что мы ясно слышали плескъ падавшей воды. Сначала намъ казалось, что дурная погода будетъ намъ благопріятствовать, но скоро мы увидѣли невыгодныя стороны ея: вода въ каналѣ начала прибывать и вскорѣ побѣжала цѣльмъ потокомъ. Она покрыла нашу скамью, и, когда мы сидѣли, хватала намъ до груди. Кромѣ того, мы замѣтили живыя существа, которыхъ двигались вокругъ насъ. Это были водяные крысы.

— Намъ надо идти,—сказалъ я товарищамъ,—не то мы потонемъ.

Мы перелѣзли черезъ доску и двинулись дальше. Я прошелъ всего нѣсколько шаговъ и вдругъ ударился головой о какой-то твердый предметъ. Я опупалъ его руками, это оказалась желѣзная рѣшетка. Минѣ пришло въ голову, что эта рѣшетка поставлена нарочно, чтобы во время осады уничтожить возможность сообщенія черезъ каналъ. Я сообщилъ свое предложеніе товарищамъ, и мы чуть не пришли въ отчаяніе. Я схватился за рѣшетку и принялъся трясти ее обѣими руками, какъ только арестантъ можетъ трясти рѣшетку своей тюрьмы; оказалось, что она слегка двигается взадъ и впередъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало намъ, что она не доходить до самой земли, а начинается фута на полтора-на два выше. Вероятно, она была такъ устроена, что ее можно было поднимать и опускать, чтобы открывать каналъ для чистки, а затѣмъ снова запирать.² Къ счастью, во время осады никто ничего не зналъ и не думалъ объ этой рѣшеткѣ, и такимъ образомъ намъ остался путь къ спасенію. Правда, чтобы подѣлать подъ рѣшеткой, мы должны были лечь плашмя въ воду, но это насъ не удержало. Мы бодро подвигались впередъ, и когда намъ показалось, что мы достигли конца канала, мы на минуту остановились, чтобы собраться съ силами и приготовиться къ тому опасному моменту, когда мы очутимся на открытомъ воздухѣ.

Вдругъ насъ поразилъ страшный звукъ. Совсѣмъ близко, всего за нѣсколько шаговъ отъ насъ, раздался голосъ: «Кто идетъ?» и на него тотчасъ же отозвался другой голосъ. Мы остановились, какъ громомъ пораженные. Второе «кто идетъ?» послышалось нѣсколько дальше, за нимъ третье, четвертое все дальше и дальше. Было очевидно, что мы дошли до устья канала, что около него стояла цѣлая цѣль прусскихъ карауловъ, и что въ настоящую минуту мимо насъ проходилъ патруль. Тихонько затаивъ дыханье, пробрался я еще на нѣсколько шаговъ впередъ. Дѣйствительно, мы были у устья канала, окруженнаго такимъ густымъ кустарникомъ, что въ эту ненастную ночь среди него было не свѣтлѣе, чѣмъ внутри канала. И всетаки я различилъ темныя фигуры прусскихъ часовыхъ и бивачные огни въ нѣкоторомъ разстояніи. Если

бы намъ и удалось незамѣтно выйти изъ нашего убѣжища, все равно дорога къ Штейнмауеру была для насъ закрыта.

Тихонько повернули мы назадъ по каналу. На наше счастье, дождь пересталъ. Вода все еще стояла высоко, но больше не поднималась.—«Назадъ на скамейку!» шепнула я своимъ спутникамъ. Мы пролѣзли подъ рѣшетку и опять усѣлись на скамью. Наше совѣщеніе о томъ, что дѣлать, было полно какой-то торжественности. Мы говорили мало, но серьезно обдумывали свое положеніе. Очевидно, мы не могли выйти въ поле, не могли и сидѣть въ каналѣ, такъ какъ, въ случаѣ дождя, рисковали утонуть. Оставалось одно—вернуться въ городъ. Но какъ же намъ сдѣлать, чтобы не попасть въ руки пруссаковъ? Поставивъ шепотомъ этотъ вопросъ, мы долго молчали. Наконецъ, я прервала молчаніе.

— Давайте, выпьемъ, пойдимъ, тогда, можетъ быть, что-нибудь придумаемъ.

Адамъ распаковалъ наши припасы, и такъ какъ мы ничего неѣли послѣ вчерашняго завтрака (теперь уже было далеко за полночь), то всѣ мы чувствовали и голодъ, и жажду. Хлѣбъ намъ немного подмохъ, но всетаки показался намъ очень вкуснымъ, такъ же какъ и колбаса. Къ счастью, мы во время вспомнили, что нельзя стѣдать сразу всѣхъ запасовъ, такъ какъ было немѣстѣсто, гдѣ мы добудемъ пищу въ слѣдующій разъ. Впрочемъ, жажда мучила насъ еще больше, чѣмъ голодъ. Безъ малаго двѣнадцать часовъ ноги наши были въ водѣ и страшно прозябли. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе волненія, кровь приливалась намъ къ головѣ. Адамъ откупорилъ одну изъ бутылокъ: оказалось, что въ ней было не вино, а ромъ. Я вообще не любилъ крѣпкихъ напитковъ, но тутъ, по примѣру товарищѣй, съ жадностью выпилъ нѣсколько глотковъ и нисколько не опьянѣлъ.

Послѣ закуски Адамъ заявилъ:—У меня въ городѣ есть тетка, у нея домъ не далеко отъ входа въ каналъ, къ нему можно пройти садами. Мы можемъ спрятаться у нея въ сараѣ, пока что.

Мы одобрили это предложеніе и рѣшили попытаться привести его въ исполненіе. Въ эту минуту мнѣ вдругъ вспомнилось, что во время осады мы держали караулъ около самаго входа въ каналъ. Если пруссаки поставили на этомъ же мѣстѣ своихъ часовыхъ, мы оказываемся запертными въ каналѣ съ обѣихъ сторонъ. Я сообщилъ свою мысль товарищамъ. Но что было дѣлать? Такъ, или иначе, слѣдовало попытаться ускользнуть.

Когда мы вставали со скамьи, чтобы пуститься въ обратный путь, на башенныхъ часахъ пробило три. Я шелъ впереди и скоро достигъ послѣдняго вентилятора. Я воспользовался этой возможностью выпрямиться и немного вытянуться, но тутъ со мной случилось происшествіе, которое я въ первую минуту счелъ за большее несчастье. Идя согнувшись по каналу, я опирался на свой короткій

карабинъ, какъ на палку. Когда я выпрямился, карабинъ выскользнулъ у меня изъ рукъ и съ грохотомъ упалъ въ воду.

— Эй!—раздался голосъ надо мной.—Эй! Въ этой дырѣ кто-то есть? Идите-ка сюда!—И въ ту же минуту сквозь решетку, закрывавшую вентиляторъ, просунулся штыкъ. Я слышалъ, какъ онъ стукнулся о желѣзныя палки решетки, и спасся только тѣмъ, что быстро нагнулся внизъ.

— Бѣжимъ скорѣй!—шепнулъ я товарищамъ,—иначе мы погибли.—Въ нѣсколько быстрыхъ шаговъ мы достигли конца канала. Не оглядываясь назадъ, мы перескочили черезъ заборъ въ чей-то садъ, перебѣжали его и также быстро перелѣзли черезъ второй заборъ. Запыхавшись, остановились мы среди какого-то огорода и стали прислушиваться, бѣгутъ ли за нами. Ничего не было слышно. По всей вѣроятности, паденіе моего карабина привлекло вниманіе часовыхъ, и они отошли отъ входа канала.

Осмотрѣвшись въ огородѣ, Адамъ объявилъ, что мы стоимъ очень близко отъ дома его тетки. Мы перелѣзли еще черезъ одинъ заборъ и очутились въ саду, принадлежащемъ къ этому дому, но тутъ на насъ съ громкимъ лаемъ бросилась собака. Чтобы успокоить ее, мы пожертвовали остатками своей колбасы. Ворота въ сарай оказались открытыми, мы вошли туда, бросились на сѣне, сложенное около стѣны, и тотчасъ же крѣпко заснули.

Этотъ сонъ продолжался не долго. Я проснулся, когда на башенныхъ часахъ было шесть.

Было уже свѣтло, и Адамъ поднялся, чтобы сходить къ теткѣ, узнать, что она можетъ для насъ сдѣлать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся вмѣстѣ съ теткой. Это была,—какъ теперь вижу,—женщина лѣтъ тридцати, блѣдная, съ широко открытыми, испуганными глазами.

— Ради Бога,—сказала она,—что вы здѣсь дѣлаете? Вамъ нельзя оставаться. Сегодня утромъ ко мнѣ придуть на постой прусскіе кавалеристы. Они, навѣрно, зайдутъ въ сарай за сѣномъ и соломой для лошадей, увидять васъ, и намъ всѣмъ будетъ бѣда!

— Но подумайте немножко, тетушка,—сказалъ Адамъ,—куда же намъ дѣться? Вѣдь не захотите же вы выдать насъ врагамъ?

Но блѣдная женщина себя не помнила отъ страха.

— Если вы не уйдете,—решительнымъ голосомъ заявила она,—я скажу солдатамъ, что вы здѣсь. Вы не можете требовать, чтобы я изъ-за васъ погубила и себя, и своихъ дѣтей.

Мы попробовали уговорить ее, но все было напрасно.

Нечего дѣлать, приходилось уйти изъ сарая. Она указала намъ черезъ открытую дверь канаву, заросшую высокими кустами на противоположной сторонѣ двора, тамъ мы могли спрятаться. Положеніе наше было отчаянное. Мы всѣ трое были въ баденскихъ военныхъ мундирахъ, наша принадлежность къ революціонной

армія была очевидна. И у нась не было другого убѣжища, кромѣ канавы, заросшой кустарникомъ среди города, кишѣвшаго непріятельскими войсками! Понятно, мы не спѣшили уйти изъ сараевъ. По крайней мѣрѣ, тутъ мы были хоть подъ крышей и все еще надѣялись какъ-нибудь смягчить сердце тетушки. Она ушла къ себѣ въ домъ, такъ какъ каждую минуту ожидала появленія постороннихъ. Черезъ полчаса она вернулась и объявила, что кавалеристы пришли и сидѣть за завтракомъ. Теперь мы можемъ пройти черезъ дворъ такъ, что они нась не замѣтятъ. Она говорила такъ рѣшительно, что намъ волей-неволей пришлось покориться. Мы перебѣжали черезъ дворъ къ заросшему рву, который съ противоположной стороны отдѣлялся отъ улицы высокимъ досчатымъ заборомъ. Дождь опять лилъ, какъ изъ ведра, и вблизи никого не было видно. Мы прошли подальше и увидѣли, что у конца рва сложена полѣнница дровъ въ человѣческій ростъ, образуя квадратъ, обращенный къ намъ своей четвертой, пустой стороной. Мы осторожно пробрались въ него и усѣлись на полѣнья: дрова могли служить намъ удобнымъ прикрытиемъ, скрывая нась отъ случайныхъ прохожихъ.

Но какъ же намъ быть дальше? Мы промокли до костей, но охотно помирились бы съ непріятностями своего положенія, если бы видѣли хоть какую-нибудь возможность спасенія. Всегда неизмѣнно добродушный, Адамъ теперь страшно сердился на свою тетку. Нейштетеръ считалъ наше положеніе безнадежнымъ и предлагалъ добровольно сдаться солдатамъ. Долженъ сознаться, что и мой сангвинический темпераментъ подвергался тяжелому испытанію. Но я собралъ все свое мужество, и мы рѣшили держаться до послѣдней минуты, полагаясь на какую-нибудь счастливую случайность. И вотъ мы часъ за часомъ сидѣли на полѣньяхъ, ожидая своей судьбы, а дождь все время немилосердно поливалъ нась. Около полудня мы услышали шаги въ саду недалеко отъ нашего убѣжища. Я осторожно выглянула изъ-за дровъ и увидѣла, что мимо нашей полѣнницы идетъ человѣкъ съ пилой въ рукѣ. По его виду я догадался, что это рабочій, а такъ какъ всѣ вообще рабочіе сочувствовали революціонному движению, то я рѣшилъ, что ему можно довѣриться. Я бросилась щепку, которая попала ему въ руку. Онъ остановился, и я кашлянула, чтобы привлечь его вниманіе. Онъ замѣтилъ меня и подошелъ къ намъ. Я въ нѣсколькихъ словахъ объяснила ему, въ какомъ мы положеніи, и попросила его отыскать для насъ какое-нибудь безопасное убѣжище, а также дать намъ чего-нибудь поѣсть, такъ какъ у насъ не осталось ни крошки хлѣба. Онъ обѣщалъ сдѣлать для насъ все, что возможно. Затѣмъ онъ ушелъ, но черезъ полчаса вернулся и указалъ намъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей полѣнницы большой, открытый сарай. Въ томъ концѣ сарая, который былъ ближе къ намъ, находился маленький запертый чуланъ, гдѣ, вѣроятно, рабочіе прятались

свои инструменты, а надъ нимъ подъ крышей сарая былъ маленький чердачекъ, забросанный досками.

— Я сейчасъ оторву одну доску,—сказалъ рабочій,—а вы по дровамъ вѣзайте на чердакъ и ложитесь тамъ. Я скоро опять приду и принесу вамъ пойсть.

Мы послѣдовали его совѣту и пробрались на чердачекъ. Тамъ было ровно столько пространства, что мы могли лежать рядомъ. Поль, на которомъ мы растянулись, былъ досчатый и покрытый густымъ слоемъ бѣлой пыли. На этой пыли мы и разлеглись въ своихъ мокрыхъ одѣждахъ. Но, по крайней мѣрѣ, мы хоть на время чувствовали себя въ безопасности. Было около часу по полудни, когда мы добрались до нашего новаго убѣжища. Мы терпѣливо ждали своего пріятеля съ провизіей, разсчитывая обсудить вмѣстѣ съ нимъ планы дальнѣйшихъ дѣйствій. Но вотъ на башенныхъ часахъ пробило два часа, потомъ три, четыре, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ пятомъ часу въ сараѣ подъ нами началось сильное движение. Изъ отдельныхъ словъ, изъ шума и стука, доносившихся до насъ, мы поняли, что пришелъ отрядъ кавалеристовъ, который убираетъ сарай, чтобы поставить въ него своихъ лошадей. Скоро появились и лошади, а солдаты наполнили весь сарай.

Сквозь щели стѣнъ нашего чердака мы ясно могли ихъ видѣть. Положеніе наше снова стало критическимъ. Если бы кому-нибудь изъ солдатъ пришло въ голову осмотрѣть чердакъ, онъ неминуемо открылъ бы насъ.

Стоило намъ кашлянуть или чихнуть, и наше убѣжище было бы открыто. Мы старались какъ можно тише дышать и съ нетерпѣніемъ ожидали ночи. Ночь настала, но тотъ пріятель, на помощь которого мы разсчитывали, все не являлся.

Мы начали чувствовать страшный голодъ и жажду, а у насъ не было ни пищи, ни питья. Мы потеряли остатки вина, когда бѣжали со всѣхъ ногъ отъ канала къ тетушкѣ. И вотъ, мы лежали тихо, неподвижно, точно мертвые. Но постепенно въ сараѣ становилось спокойнѣе, мы слышали, какъ солдаты хранили, другіе, должно быть, дежурные сторожа, прохаживались вѣдь и впередъ. Хотя мы были страшно утомлены, однако боялись заснуть. Наконецъ, мы тихимъ шепотомъ сговорились спать поочередно и будить того, кто будетъ громко дышать. Такъ прошла ночь, но нашъ избавитель все еще не приходилъ. Прошло утро, день, вечеръ, — о наше пріятелѣ не было ни слуха, ни духа. Мы лежали неподвижно, окоченѣвъ, окруженные непріятельскими солдатами, и съ каждой минутой надежда на спасеніе все болѣе и болѣе исчезала. Жажда начала сильно мучить насъ. Къ счастью, ночью пошелъ опять сильный дождь. Надъ моей головой въ крышѣ была сломанная черепица, и черезъ маленькую дырочку канала дождевая вода. Я ловилъ ее на ладонь руки и такимъ образомъ напился. Товарищи послѣдовали моему примѣру. Опять настало утро, но мы уже

потеряли надежду на своего пріятеля. Башенные часы отбивали часъ за часомъ, и ни откуда мы не видѣли помощи. Всѣдствіе неподвижнаго положенія, члены наши начали болѣть, но мы не смысли шевелиться. Три дня и три ночи провели мы безъ пищи, и нами начало овладѣвать какое то странное чувство слабости. Пришла третья ночь. Очевидно, нашъ пріятель не придетъ: мы должны сами сдѣлать какую-нибудь попытку спастись, прежде чѣмъ силы окончательно оставятъ насъ.

— Нейштетеръ,— сказалъ я, прикладывая губы къ самому уху товарища,— когда мы лѣзли черезъ дрова, замѣтили вы маленький домикъ шаговъ за пятьдесятъ отсюда?

— Да,— сказалъ Нейштетеръ.

— Тамъ, наѣрно, живутъ бѣдные люди, какіе-либо рабочіе. Одинъ изъ насъ долженъ сходить туда и узнать, но могутъ ли они намъ помочь. Я бы охотно пошелъ, но мнѣ придется перелѣзть черезъ васъ (Нейштетеръ лежалъ всѣхъ ближе къ отверстію въ стѣнѣ), и я боюсь нашумѣть. Къ тому же вы меныше и легче насъ. Хотите попытаться?

— Да.

У меня были деньги: передъ самой сдачей крѣпости намъ выдали наше жалованье.— Возьмите мой кошелекъ,— прошепталъ я,— дайте имъ десять гульденовъ, или сколько они запросятъ. Скажите имъ, чтобы они привезли намъ хлѣба и вина, или хоть воды, и чтобы они поскорѣй узнали, стоятъ ли прусскіе караулы вокругъ крѣпости. Если пруссаки ушли, мы можемъ завтра ночью еще разъ попробовать пройти черезъ каналъ. Идите сейчасъ и, если можно, добудьте намъ кусочекъ хлѣба.

— Хорошо.

Въ одну минуту Нейштетеръ тихо и легко, точно кошка, прыгнулъ въ отверстіе. Сердце мое стучало такъ, что я слышалъ его біеніе. Какой-нибудь словкій шагъ, случайный звукъ могли его выдать. Менѣе чѣмъ черезъ полчаса онъ вернулся, такъ же легко и неслышно, какъ ушелъ, и улегся подѣ мнѣ.

— Все сошло хорошо,— прошепталъ онъ,— вотъ кусокъ хлѣба, больше у нихъ ничего не было въ домѣ. А вотъ еще яблочки, я его дорогой сорвалъ съ дерева. Только опо, кажется, еще не спѣло.

Мы быстро подѣлили хлѣбъ и яблоко и съ жадностью съѣли ихъ. Приложивъ губы къ моему уху, Нейштетеръ рассказалъ, что въ домѣ живутъ мужъ съ женой. Онъ дадъ мужу десять гульденовъ, и тотъ обѣщалъ доставить намъ пищи и узнать, что дѣлается окозо крѣпости.

Это ободрило насъ, и мы спокойно спали поперемѣни до утра. Затѣмъ мы стали нетерпѣливо ждать нашего избавителя. Но часъ проходилъ за часомъ, а онъ не являлся. Неужели насъ опять обманули? Наконецъ, уже въ двѣнадцатомъ часу мы услышали, что кто-то возится въ чуланѣ подъ нами, какъ будто передвигаетъ

какая-то тяжелая вещь изъ одного угла въ другой; потомъ раздалось легкое покашливанье, и минуту спустя въ отверстіи нашей стѣны появилась голова, а затѣмъ и самъ человѣкъ вѣзъ къ намъ. Онъ несъ корзину съ разными инструментами и вытащилъ изъ подъ нихъ двѣ бутылки вина, нѣсколько колбасъ и большую краюху хлѣба.

— Вотъ вамъ, кушайте, пейте! — сказалъ онъ шепотомъ, — я ходилъ за городъ, все осмотрѣть. Прусскіе караулы болѣше не стоять тамъ. И готовъ помочь вамъ. Скажите только, что мнѣ дѣлать.

Я попросилъ его сходить въ Штейнмауерь и приговорить тамъ лодку, которая перевезла бы насъ сегодня ночью черезъ Рейнъ. Потомъ около двѣнадцати часовъ ночи подождать насъ въ кукурузномъ полѣ за Штейнмауерскими ворогами. Мы дадимъ ему знакъ свисткомъ, пусть онъ также свистнетъ. мы съ нимъ сойдемся, и онъ проводить насъ къ начатой имъ лодкѣ. Жену его мы просимъ приготовить памъ къ 11 часамъ что-нибудь поесть.

Я далъ ему еще денегъ, онъ обѣщалъ все устроить, какъ я сказалъ, и ушелъ тѣмъ же способомъ, какимъ пришелъ. Мы отлично закусили, при чёмъ пришли въ такое веселое расположение духа, что съ трудомъ могли соблюдать необходимую тишину. За то какъ долго тянулись для насъ послѣдующіе часы! Мы все время переходили отъ страха къ надеждѣ. Часа въ два мы услышали грохотъ ружейного залпа.

— Что это? — прошепталъ Нейштетеръ, — они кого-то разстрѣливаютъ?

Я подумалъ то же. Это было указаніе на судьбу, которая насъ ожидала, если бы мы были арестованы.

Въ третью часу въ сараѣ подъ нами поднялся сильный шумъ и возня. Очевидно, кавалеристы приготовлялись уходить. Но только что они удалились, какъ сараѣ занялъ другой отрядъ. Несколько мы могли судить по достигавшимъ до насъ разговорамъ, это были гусары. Къ вечеру въ сараѣ собралось многу народу, и мы слышали тамъ женскіе голоса. Труба звонила вальсъ, и веселая компания пустилась плясать. Это было намъ на руку: мы ожидали, что послѣ такой вечеринки, на которой дѣло не обойдется безъ выпивки, наши гусары крѣпко заснутъ. Въ девять часовъ гости разошлись, и все затихло, только одинъ гусаръ удержалъ какую то рапортскую дѣвшку. Эта парочка стояла или сидѣла около самого нашего чердака, такъ что мы слышали каждое слово весьма нѣжнаго разговора ея. Онъ увѣрялъ ее, что она прелестна, что она съ первого взгляда вижгла пламя любви въ его сердцѣ. Она отвѣчала, что онъ насыщенъ, что она не хочетъ его слушать. Онъ, конечно, замѣтилъ, что это говорится только для видимости, и продолжалъ развивать ту же тему въ смѣыхъ и цвѣтистыхъ выраженіяхъ. Наконецъ, она, кажется, повѣрила ему. Мы съ трудомъ удерживались отъ смѣха. Между тѣмъ, интересный разговоръ

все тянулся и тянулся, и меня стало разбирать беспокойство: что какъ онъ простирается до полуночи, и гусарская любовь уничтожитъ всѣ наши расчеты? Къ счастью, въ одиннадцатомъ часу парочка ушла, и мы отъ души пожелали ей Божьяго благословенія.

Ровно въ одиннадцать часовъ Нейштетеръ выльѣ изъ отверстія въ стѣнѣ, ступилъ на полѣнницу дровъ и легкимъ прыжкомъ со скочилъ на землю. Я послѣдоваль за нимъ. Ноги мои послѣ четырехдневнаго лежанья задеревянили и, когда я ступилъ на дрова, два-три полѣна съ шумомъ упали на землю. Черезъ нѣсколько секундъ я услышалъ вблизи шаги патруля. Я едва успѣлъ шепнуть Адаму, чтобы онъ немножко обождалъ, пока патруль пройдетъ. Мне самому удалось соскочить на землю и спрятаться, прежде чѣмъ патруль завернулъ за уголъ. Я нашелъ Нейштетера въ домикѣ, а черезъ нѣсколько минутъ и Адамъ присоединился къ намъ.

— Патруль спокойно прошелъ,—сказалъ онъ,—въ сараѣ солдаты хранили такъ громко, что ничего другого не слышно.

Хозяйка домика приготовила намъ отличный мясной супъ, съ рисомъ. Подкрепивъ свои силы этимъ супомъ, варенымъ мясомъ и жаренымъ картофелемъ, мы черезъ сады направились къ каналу. Ночь была лунная, свѣтлая, и мы держались въ тѣни заборовъ, чтобы пройти незамѣтно. Это удалось намъ, но около того рва, съ котораго начинался каналъ, насть ожидалъ новый испугъ. Часовой ходилъ взадъ и впередъ около входа въ каналъ, удаляясь отъ него шаговъ на тридцать, не больше. Мы остановились и притаились у забора. Оставалось одно: какъ только солдатъ повернулся къ намъ спиной и прошелъ мимо канала, одинъ изъ настъ осторожно прошкользнулъ туда. При слѣдующемъ поворотѣ его то же сдѣлалъ второй, потомъ третій. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже всѣ вмѣстѣ осторожно пробирались по каналу; мы опять наткнулись на свою скамью и немножко посидѣли на ней; потомъ подняли подъ рѣшетку и замѣтили впереди свѣтлое пятно, показавшее намъ, что выходъ близко. Мы остановились и приготовили пистолеты, хотя сомнительно, чтобы они могли стрѣлять послѣ нашей промочки, но мы такъ много перестрадали за эти дни, что рѣшили во что бы то ни стало вырваться на свободу. Оказалось, что выходъ свободенъ, караулъ былъ снятъ. Поле кукурузы разстипалось передъ нами. На нашъ тихій свистъ раздался отвѣтный свистъ, и нашъ знакомый вышелъ къ намъ навстрѣчу.

Онъ сообщилъ намъ, что дорога безопасна. Мы бодро запагали впередъ и меныше, чѣмъ черезъ часъ, дошли до деревни Штейнмауэръ. Нашъ приятель вывелъ настъ на берегъ Рейна и показалъ намъ лодку, въ которой спалъ перевозчикъ. Мы его разбудили, и нашъ проводникъ объяснилъ ему, что мы тѣ люди, которыхъ надо перевезти черезъ Рейнъ.

— Это будетъ стоить пять гульденовъ!—сказалъ лодочникъ. Я

дагъ ему требуемую сумму и хотѣть дать еще нѣсколько денегъ нашему милому проводнику, но онъ наотрѣзъ отказался.

— Вы и такъ довольно мнѣ дали, — сказалъ онъ. — Вамъ самимъ деньги будуть нужны. Меня зовутъ Августинъ Лефлеръ. Можетъ, когда-нибудь въ жизни намъ и придется свидѣться. Храни васъ Господь!

Мы пожали другъ другу руки на прощанье. Мы, бѣглецы, сѣли въ лодку, а нашъ пріятель пошелъ назадъ въ Рауштатъ *).

Черезъ нѣсколько минутъ нашъ лодочникъ высадилъ насъ на берегъ, густо заросшій ивовыми кустами. Былъ третій часъ утра, черезъ кусты было очень трудно пробираться, и мы рѣшили сѣсть на старые пни и дождаться разсвѣта. Какъ только стало свѣтать, мы отправились разыскивать какую-нибудь эльзасскую деревню. Каково же было наше разочарованіе, когда оказалось, что мы на островѣ! Почти посрединѣ его стояла небольшой домикъ, повидимому, принадлежащий баденскому таможенному чиновнику. Значитъ, мы все еще въ «непріятельской странѣ», и лодочникъ надулъ насъ. Въ домикѣ все было наглою калерто, и ставни, и двери. Мы прислушались, изнутри ничего не было слышно. Быстрымъ шагомъ обошли мы островъ и убѣдились, что кромѣ насъ троихъ на немъ никого не было. Мы пошли на тотъ берегъ, который былъ обращенъ къ Эльзасу, и при восходѣ солнца увидѣли на противоположномъ берегу двухъ человѣкъ, въ которыхъ узнали французскихъ таможенныхъ. Мы закричали имъ черезъ рѣку, что мы бѣглецы, что намъ необходимо перебраться во Францію.

Одинъ изъ таможенныхъ, коренастый эльзасецъ, не заставилъ насъ долго просить, сѣль въ лодку и скорешенъко перевезъ насъ въ Эльзасъ.

Мы отдали свое оружіе таможеннымъ чиновникамъ и среди общаго смѣха увѣрли ихъ, что не захватили изъ Рауштата никакихъ другихъ вещей, подлежащихъ пошлинѣ. Когда я почувствовалъ себя дѣйствительно на свободѣ и въ безопасности, моимъ первымъ побужденіемъ послѣ четырехъ дней молчанія и шепота, было какъ можно громче закричать. Товарищи мои видимо чувствовали то же самое, и вотъ мы принялись кричать во все горло, къ великому удивленію таможенныхъ, которые, вѣроятно, приняли насъ за сумасшедшихъ.

* Много лѣтъ спустя, когда я уже былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, я получилъ одинъ разъ письмо отъ Августина Лефлера, изъ небольшого мѣстечка въ Канадѣ. Онъ писалъ мнѣ, что вскорѣ послѣ революціи эмигрировалъ изъ Германіи и весьма недурно устроился въ своемъ новомъ отечествѣ. Онъ прочелъ въ газетѣ, что я одинъ изъ тѣхъ трехъ молодыхъ людей, которыхъ онъ въ одну юльскую ночь 1849 г. провожалъ изъ Рауштата къ Рейну. Я немедленно отвѣтилъ ему, выказавъ, какъ меня обрадовало его письмо, и просилъ его писать мнѣ и дальше, но съ тѣхъ поръ я ничего больше о немъ не слыхалъ.

Мы вышли на берегъ около небольшой деревеньки Мюпхгаузена. Таможенные сказали намъ, что въ събѣднѣи чаденькомъ городкѣ Зельцѣ есть много эмигрантовъ, и мы отправились туда. Дорогой мы осмотрѣли другъ друга при солнечномъ свѣтѣ и нашли, что у насъ ужасный видъ. Четыре дня и четыре ночи мы въ промокшихъ платьяхъ валялись въ водѣ, въ грязи и въ пыли. Отъ грязи волосы наши слиплись на головѣ, а физіономія наши нельзя было узнать. Какъ только намъ попался по дорогѣ руческъ, мы съ наслажденіемъ вымылись въ немъ и, придавъ себѣ человѣкообразный видъ, пришли въ гостиницу Зельца.

Бывшіе тамъ эмигранты изъ Бадена радостно привѣтствовали насъ и засыпали вопросами о нашихъ приключеніяхъ. Но мы прежде всего потребовали себѣ ушатъ теплой воды, завтраѣ и постели. Все это мы получили. Я проспалъ съ небольшими промежутками двадцать четыре часа. Послѣ этого я подробнѣо рассказалъ эмигрантамъ о томъ, какъ мы бѣжали изъ Раштата... Отъ нихъ я узналъ, что въ одномъ изъ сраженій около Раштата, до начала осады Кинкель взять въ пленъ пруссаками. Послѣ того, какъ мы оставили Шфальцъ, и онъ не могъ быть полезенъ тамошнему временному правительству, онъ поступилъ въ одинъ изъ баталіоновъ народнаго ополченія, какъ простой солдатъ. Онъ хотѣлъ съ оружиемъ въ рукахъ дѣлить судьбу революціонной арміи. Въ одномъ сраженіи на линіи Мурги онъ былъ раненъ непріятельскою пулею въ голову, упалъ на землю и попалъ въ руки пруссаковъ. Его вмѣстѣ съ гарнизономъ крѣпости посадили въ одинъ изъ Раштатскихъ казематовъ, чтобы предать военному суду и разстрѣлять. Это извѣстіе такъ огорчило меня, что я не могъ вспомнѣть наслаждаться пріобрѣтенной свободой.

На другой день послѣ нашего прибытия въ Зельцѣ въ гостиницу явился жандармъ по порученію мэра, чтобы узнать наши имена, намѣренія ли мы остататься въ этомъ городѣ, а если пѣтъ, то куда отправляемся.—Въ Страсбургъ!—отвѣтилъ я первое копавшееся на языкѣ слово. Тогда мэръ изготовилъ намъ что-то въ родѣ паспортовъ и сказалъ, что въ Страсбургѣ мы немедленно должны заявиться въ тамошнюю префектуру. Тяжелое чувство овладѣло мною при сознаніи, что я лишился отечества, что я эмигрантъ и состою подъ надзоромъ полиції. Я написалъ родителямъ, рассказалъ имъ о своемъ спасеніи, и затѣмъ мы отправились въ Страсбургъ. Въ сущности, конечною цѣлью моего путешествія была Швейцарія, гдѣ я надѣялся встрѣтить Аннеке и другихъ друзей.

Если бы я прожилъ нѣсколько лѣтъ днѣй въ Зельцѣ, я бы встрѣтился тамъ съ отцемъ. Вотъ какъ это случилось: письмо, которое я написалъ въ день сдачи Раштата и которое поручилъ своему хозяину бросить на почту, поразило родителей, какъ ударъ грома, и отецъ немедленно собрался въ путь, чтобы постараться повидаться со мной. Въ Раштатѣ онъ явился къ прусскому ко-

менданту крѣпости, надѣясь узнать отъ него что нибудь о моей судьбѣ. Командантъ принялъ его довольно любезно, но не могъ дать ему никакихъ свѣдѣній, кроме того, что моего имени пѣтъ въ спискѣ арестованныхъ. Отецъ очень удивился и выпросилъ разрешеніе поискать меня въ казематахъ, гдѣ сидѣли арестованные. Цѣлыхъ три дня ходилъ онъ въ сопровожденіи офицера изъ одного каземата въ другой, разспрашивая обо мнѣ всѣхъ заключенныхъ, но ничего не могъ узпать. Никто не видѣлъ меня во время сдачи оружія. Въ тюрьмѣ отецъ встрѣтилъ и Кипкеля.

— Кѣкъ! — вскричалъ онъ, — Карлъ тоже здѣсь? Экая жалость! А я думалъ, что онъ уже въ Швейцаріи! — Съ пыткою скорбью пожали они другъ другу руку.

У отца явилась слабая надежда, что я, можетъ быть, какъ нибудь спасся. Отъ раштатцевъ онъ узпалъ, что многіе бѣглецы изъ Бадена переправились черезъ Рейнъ въ Зельцъ, и вотъ онъ явился въ ту самую гостиницу, гдѣ я останавливался за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Эмигранты разсказали ему всю исторію моего бѣгства и сказали, что я ушелъ въ Страсбургъ съ тѣмъ, чтобы оттуда переправиться въ Швейцарію. Отецъ отъ радости расплакался и нѣсколько разъ повторялъ: — Экій бѣдовѣй парень! Ну, надо мнѣ скорѣйѣ вѣхать домой разсказать матери!

Одинъ изъ баденскихъ бѣглецовъ, которые видѣли отца въ Зельцѣ и давали ему свѣдѣнія обо мнѣ, разсказывалъ мнѣ эту сцену мѣсяцъ спустя, уже въ Швейцаріи, и онъ самъ съ трудомъ удерживался отъ слезъ, описывая радость отца.

XII.

Изъ Зельца мы пошли въ Страсбургъ пѣшкомъ. Былъ прелестный лѣтній день. Идя по дорогѣ, мы нѣсколько времени видѣли вдали башни Ращата. Видъ большой тюрьмы, изъ которой мы такъ ловко бѣжали, привелъ бы насть въ необуздано-веселое настроеніе, если бы не мысль о друзьяхъ, которые томились тамъ, ожидая решения своей судьбы. Такъ какъ мы все еще были въ мундирахъ, — другого платья у насть не было, — то въ эльзаскихъ деревняхъ, мимо которыхъ мы проходили, всѣ сразу догадывались, что мы принадлежали къ революціонной партии; насть останавливали и съ любопытствомъ разспрашивали, какимъ образомъ удалось намъ спастись. При этомъ насть угощали виномъ и закуской, время незамѣтно проходило въ оживленныхъ разговорахъ, и мы дошли до Страсбурга уже позднимъ вечеромъ. На слѣдующій день мы предъявили свои паспорта профекту. Онъ объяснилъ намъ, что правительство рѣшило прикрыть эмигрантовъ къ опредѣленному мѣстожительству; мы не можемъ оставаться надолго ни въ Страсбургѣ, ни въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ; мы должны выбрать

одинъ изъ тѣхъ городовъ внутри Франціи, которые онъ намъ называлъ, и насы туда отправлять; въ Швейцарію онъ также не можетъ дать намъ паспортъ. А между тѣмъ мы именно хотѣли жить въ Швейцаріи, и потому рѣшили пробраться туда тайно, безъ разрѣшенія начальства.

Между тѣмъ, мы узнали, что пфальцскихъ и баденскихъ солдатъ и ополченцевъ, которые попали въ плѣнъ къ пруссакамъ и не обвиняются ни въ какомъ преступленіи, кроме службы въ революціонной арміи, не подвергаются наказанію, а просто отсылаются домой. Подъ арестомъ держать только офицеровъ и какихъ-нибудь особенныхъ преступниковъ. Такимъ образомъ, солдатъ могъ безпрепятственно вернуться домой, и я убѣжалъ его немедленно воспользоваться этой возможностью. Адамъ сталъ опять увѣрять меня въ своей привязанности, въ которой я, впрочемъ, не сомнѣвался; но онъ всетаки увидѣлъ, что я даю ему хорошій совѣтъ, и рѣшился теперь же вернуться домой въ Пфальцъ. Я далъ ему часть своихъ денегъ, и мы очень вѣжно распрощались.

Осмотрѣвъ Страсбургскій соборъ, мы съ Нейштетеромъ купили себѣ легкія лѣтнія накидки, чтобы скрыть подъ ними свои мундиры, и сѣли на поѣздъ, отправлявшійся въ Базель. Не доѣзжая границы, мы подъ вечеръ вышли на какой-то маленькой станціи, добрались до ближней деревни и завернули въ небольшой трактиръ. Хозяинъ его показался мнѣ съ виду честнымъ человѣкомъ, и я счѣлъ за лучшее разсказать ему, въ какомъ мы положеніи, и объяснить, что намъ хотѣлось бы перейти швейцарскую границу, не встрѣчаясь съ чиновниками, которые могутъ потребовать у насъ паспортовъ или какихъ-нибудь удостовѣреній личности. Хозяинъ выказалъ намъ большое участіе; какъ только стѣмнѣло, онъ проводилъ насъ часть пути, а затѣмъ подробно объяснилъ, по какимъ тропинкамъ мы должны идти, чтобы избѣжать пограничной стражи и добраться до швейцарской деревушки Шенебель; тамъ, говорилъ онъ, мы найдемъ около самой дороги сарай, который, вѣроятно, будетъ не запертъ, въ немъ мы можемъ отдохнуть до утра, лежа на сѣнѣ. Мы въ точности послѣдовали его указаніямъ и около полуночи улеглись спать въ сараѣ, на душистомъ сѣнѣ. Съ восходомъ солнца мы снова были на ногахъ, и крестьяне, шедшие на работу, указали намъ, по какой дорогѣ направиться въ Бернъ. Мы выбрали этотъ городъ, такъ какъ я узналъ въ Страсбургѣ, что Аннеке и прочіе друзья тамъ.

Мы прошли уже значительную часть пути, когда послѣ полудня зашли въ небольшой деревенскій трактирчикъ. Тамъ сидѣлъ и закусывалъ какой-то интеллигентный съ виду человѣкъ съ мальчикомъ. Мы съ нимъ разговаривали, и онъ рассказалъ, что живеть постоянно въ Бернѣ, что теперь отправился сдѣлать небольшую пѣшешодную экскурсію съ своимъ маленькимъ сыномъ. Онъ зналъ многихъ лицъ,ѣхавшихъ изъ Германіи, между прочимъ, моихъ друзей; они дѣй-

ствительно жили нѣсколько времени въ Бернѣ, но на прошлой недѣлѣ уѣхали оттуда въ деревню Дорнахбрухъ, около Базеля. Это было очень непріятное для меня извѣстіе. Чтобы встрѣтиться съ ними, мнѣ приходилосьѣхать назадъ. Нечегоѣхать, я рѣшилъ вернуться. Нейштетерь не былъ знакомъ съ моими друзьями, кромѣ того онъ надѣялся найти себѣ въ Бернѣ какое-нибудь занятіе, и потому предпочелъ продолжать путь. И вотъ, мы съ нимъ распрощались въ маленькомъ швейцарскомъ трактирчикѣ, а снова увидались только черезъ 18 лѣтъ, въ Америкѣ.

Въ Дорнахбрухѣ меня ждало новое разочарованіе. Въ гостиницѣ я узналъ, что друзья мои дѣйствительно недавно были тамъ, но на дняхъ уѣхали въ Цюрихъ. Идти за ними туда теперь же я не могъ: у меня не было денегъ, и къ тому же я чувствовалъ себя страшно утомленнымъ. Я рѣшилъ остановиться въ Дорнахбрухѣ и написалъ домой, чтобы мнѣ прислали туда мое платье и сколько-нибудь денегъ. Волненія и физическая усталость послѣднихъ дней оказали свое дѣйствіе. Я былъ въ подавленномъ настроеніи и чувствовалъ себя одинокимъ, всѣми покинутымъ. Грустно бродилъ я по деревнѣ и окрестностямъ и часто по цѣльмъ часамъ лежалъ на травѣ или сидѣлъ на обвалившейся стѣнѣ развалинъ башни на горѣ. Будущее представлялось мнѣ мрачнымъ и безнадежнымъ. Наконецъ, я вообразилъ, что серьезно болезнь, и стала большую часть дня валяться въ постели въ какомъ то полудремотномъ состояніи. Цѣлыхъ десять дней прожилъ я такимъ образомъ, какъ вдругъ разъ утромъ услышалъ, что кто-то необыкновенно громкимъ голосомъ называетъ мое имя въ прихожей гостиницы. — Да вѣдь это самъ Штрадманъ, живемъ! — закричалъ я, вскакивая съ постели. Дѣйствительно, это былъ Штрадманъ. Онъ прїехалъ изъ Бонна, привезъ мнѣ письма отъ родителей и отъ университетскихъ товарищѣй, полный кошелекъ денегъ и разныя мои вещи. Мое блгство изъ Рацтата вызвало въ Боннѣ радость и изумленіе, объ этомъ мнѣ писали въ письмахъ, объ этомъ же мнѣ рассказывалъ и Штрадманъ. Все мое грустное настроеніе, какъ рукой сняло. Я вдругъ опять почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Мы отпраздновали наше свиданіе самымъ лучшимъ обѣдомъ, какой можно было получить въ гостиницѣ Дорнахбруха, и рѣшили на слѣдующій же день отправиться въ Цюрихъ, гдѣ Штрадманъ обѣщалъ погостить у меня нѣсколько времени.

Мы отправились пѣшкомъ, чисто по студенчески, часто заходили выпить и закусить, отдыхали, сидя или лежа на травѣ, и при этомъ вели разговоры о разныхъ историческихъ событияхъ, или декламировали стихи. Намъ пришлось на пути заночевать въ гостиницѣ, а на слѣдующее утро мы взяли себѣ мѣста въ почтовомъ дилижансѣ,ѣхавшемъ въ Цюрихъ. Намъ казалось приличнѣе прибыть туда такимъ образомъ, да и финансы наши позволили эту роскошь. Только что мы подѣхали къ мѣсту остановки

длижанса въ Цюрихѣ, какъ вдругъ, кого я вижу? Аинеке, Теховъ, Шимельфенингъ, Іессель. всѣ друзья съ которыми я такъ ходилъ свидѣться, какъ будто ожидали меня! Они удивились не меныше моего. и, глядя на меня, не вѣрили глазамъ своимъ. О моемъ бѣгствѣ изъ Раштата они ничего не слыхали. Въ спискахъ офицеровъ, арестованныхъ въ Раштатѣ, они не нашли моего имени и ни отъ кого не могли ничего узнать обо мнѣ. Они были увѣрены, что я погибъ или въ послѣдней битвѣ, или при попыткѣ пробиться сквозь линію осаждающихъ. Когда они увидали меня живымъ и невредимымъ, конца не было ихъ удивленію.

Меня въ тогъ же день устроили на квартиру у вдовы булочника, въ деревнѣ Энгѣ, предмѣстїи Цюриха; Штадманъ нанялъ себѣ комнату въ сосѣдней гостиницѣ, и мои пріятели жили всѣ вмѣстѣ также въ Энгѣ. Пока Штадманъ гостили у меня, всѣ мои мысли вращались въ кругу прежнихъ интересовъ и отношений, и моя жизнь въ Цюрихѣ являлась какъ бы эпизодомъ студенческой экскурсіи. Но когда черезъ десять дней онъ уѣхалъ назадъ въ Боннъ, для меня началась настоящая жизнь эмигранта. Прежде всего, я взболѣлъ. Болѣнь началась еще въ Дорнахбрухѣ, затѣмъ была прорвана тѣмъ веселымъ возбужденіемъ, какое вызвалъ пріездъ Штадмана, а теперь проявилась сильнѣйшей лихорадкой, продержавшей меня двѣ недѣли въ постели. Когда я выдоровѣлъ, я почувствовалъ себя въ очень странномъ положеніи: мнѣ положительно нечего было дѣлать. Я испробовалъ поискать себѣ какихъ-нибудь занятій ради заработка, но скоро уѣдался, что молодой человѣкъ, который можетъ давать уроки латинскаго, греческаго языка и музыки, не скоро найдетъ себѣ занятие у населенія, далеко не благосклонно смотрѣвшаго на массу нахлынувшихъ въ его сторону эмигрантовъ. Прочіе эмигранты находились въ такомъ же положеніи, какъ и я, по многому изъ нихъ смотрѣли презрительно на желаніе имѣть заработокъ, пока привезенные съ собой деньги еще не истрачены. Они были твердо увѣрены, что у насть въ Германіи скоро произойдетъ новый политический переворотъ. Никто не уѣхать такъ искусно уѣшательства себя самыми невѣроятными иллюзіями, какъ политические изгнаниники. Въ каждой газетѣ удавалось намъ найти извѣстія, указывавшія на неизбѣжность новой революціи въ самомъ непродолжительномъ времени. Скоро вернемся мы на родину съ торжествомъ и, какъ пионеры и мученики святого дѣла, сдѣлаемся героями дня. Сゴитъ ли намъ заботится обѣ устройствѣ своей личной жизни? Гораздо важнѣе распределить роли для нашей будущей дѣятельности. У насть шли самыя серьезныя разсужденія о томъ, кто при предстоящемъ переворотѣ будетъ членомъ временнаго правительства, кто министромъ, кто командующимъ арміей. Не рѣдко слышались среди эмигрантовъ разговоры о томъ, что родина смотрѣть на насть, какъ на своихъ руководителей; что мы должны посвятить свою жизнь этой высокой цѣли и не имѣть

права тратить время и силы на обыкновенные, буржуазные занятия. Самое лучшее для насть, это сходитьсь съ своими единомышленниками и обсуждать, что нужно для свободы и блага родины.

Долженъ сознаться, что я искренно раздѣлялъ надежду това-рищер на предстоящее въ непродолжительномъ времени новое революционное движение, но пра-дная жизнь эмигрантовъ скоро на-доѣла мнѣ. мнѣ страстно захоглось правильной и полезной умственной работы. Я началъ съ того, что стала подготовляться къ тѣмъ задачамъ, какія мнѣ придется исполнять при предсто-ящей новой войнѣ въ Германіи. Почти всѣ мои близкіе пріятели были прусские офицеры и превосходные преподаватели; съ ними я прошелъ критически наши походы въ Баденѣ по картѣ, которую самъ нарисовалъ. Въ связи съ этимъ я разработалъ цѣлый рядъ вопросовъ тактики и стратегіи по материаламъ и указаніямъ, ко-торые мнѣ давали мои пріятели. Кромѣ того, моя старая любовь къ истории снова проснулась, мнѣ удалось найти доступъ къ одной библиотекѣ, въ которой были всѣ сочиненія Ранке и другія очень цѣнныя книги, и я вскорѣ погрузился въ исторію реформаціи.

Научные занятія не мѣшали мнѣ бывать въ общесгвѣ эмигран-тровъ. У насть устроился полиграфіческий клубъ, который собирался разъ въ недѣлю, и я принималъ самое дѣятельное участіе въ тѣхъ преніяхъ, какія тамъ велись. Этотъ клубъ поддерживалъ постоянную переписку съ нашими единомышленниками на родинѣ, узнавать отъ нихъ о настроеніи народа и обо всемъ, что могло служить предозвѣстникомъ наступающей революції. Въ то время у меня уже мелькала иногда мысль, что, быть можетъ, эта рево-люція вспыхнетъ позже, чѣмъ мы предполагаемъ, и я началъ создавать планы своей будущей личной жизни. Ходилъ слухъ, что швейцарское правительство намѣreno основать въ Цюрихѣ большой обще-государственный университетъ. Я думалъ, что, если новая нѣ-мецкая революція не скоро пастанеть,—мнѣ, можетъ быть, удастся устроиться приват-доцентомъ при этомъ университѣтѣ, а съ теченіемъ времени получить и профессорскую каѳедру. Поку же я взялся пи-сать корреспонденціи и статьи въ Кельнскую газету, редакторомъ кото-рой былъ мой пріятель ф. Германъ Бекерь. Цлата за эти статьи давала мнѣ возможность удовлетворять мои болѣе, чѣмъ скромныя потребности. Такимъ образомъ, въ моемъ туманномъ будущемъ являлись пѣкоторые просвѣты.

По всей вѣроятности, въ концѣ концѣ въ, мнѣ бы удалось устроиться преподавателемъ, если не при Цюрихскомъ университѣтѣ, то при какомъ-либо другомъ учебномъ заведеніи, но тутъ случилось одно обстоятельство, которое нарушило мирное теченіе моей жизни и дало ей совсѣмъ иное направление. Выше я уже упоминалъ, что въ одной битвѣ передъ самой осадой Раштата Кинкель былъ раненъ въ голову и захваченъ пруссаками. Его отвезли сначала въ Карлсруэ, а потомъ, когда восстание была усми-

рено, въ Раштатскую крѣпость, гдѣ его долженъ быть судить военный судъ вмѣстѣ съ прочими главарями пфальцско-баденского восстания. 4 августа Кинкель явился на судъ, состоявшій изъ прусскихъ офицеровъ. Въ то время на смертные приговоры не скучились, и несомнѣнно, что, какъ главнокомандующій, такъ и прусское правительство желали и ожидали смертного приговора для Кинкеля. Но Кинкель въ значительной степени самъ вѣлъ свою защиту и противъ удивительного обаянія его краснорѣчія не могли устоять даже офицеры, проникнутые духомъ военного права и твердой вѣрой въ неограниченную власть короля: вмѣсто смерти они приговорили его къ пожизненному заключенію въ крѣпости.

Друзьямъ Кинкеля, поклонникамъ поэта, можно сказать, большинству нѣмецкаго народа этотъ приговоръ показался страшно жестокимъ. Но прусское правительство было имъ не довольно, какъ слишкомъ мягкимъ. Прошелъ слухъ, что, вслѣдствіе какихъ то формальныхъ упущеній, приговоръ будетъ кассированъ и надъ Кинкелемъ назначенъ новый военный судъ. Цѣлый недѣли пришлось несчастному ждать со страхомъ и надеждой, будетъ ли утвержденъ или отвергнутъ приговоръ, пока, наконецъ, 30 сентября появилось слѣдующее официальное сообщеніе: «Бывшій профессоръ и ополченецъ въ вольныхъ отрядахъ, Іоганъ Готфридъ Кинкель изъ Бонна, сражавшійся вмѣстѣ съ баденскими инсурентами противъ прусскихъ войскъ, приговоренъ засѣдавшемъ въ Раштатѣ военнымъ судомъ къ лишенію права на прусскую национальную кокарду и, взамѣнъ смертной казни, къ пожизненному заключенію въ крѣпости. Для опредѣленія, вполнѣ ли законенъ этотъ приговоръ, я передалъ его королевскому аудиторіату, который нашелъ его незаконнымъ и представилъ его величеству королю для отмѣны. Его королевскому величеству угодно было по своему милосердію утвердить приговоръ съ условіемъ, чтобы вышеупомянутый Кинкель отбывалъ наказаніе не въ крѣпости, а въ гражданскомъ домѣ заключенія. Согласно съ симъ высочайшимъ повелѣніемъ, приговоръ военного суда утвержденъ мною съ тѣмъ, чтобы вышеупомянутый Кинкель, подлежащій въ наказаніе за вооруженное восстание лишенію прусской национальной кокарды и пожизненному заключенію въ крѣпости, былъ во исполненіе приговора переведенъ въ смирительный домъ, о чемъ и доводится до всеобщаго сведѣнія. Главная квартира. Фрайбургъ, 30 сент. 1849 г. Командующій первымъ армейскимъ корпусомъ королевской прусской дѣйствующей арміи на Рейнѣ, генералъ ф. Гиршфельдъ».

Это неслыханное сообщеніе вызвало величайшее негодованіе даже во многихъ изъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ политическихъ мнѣній Кинкеля и не одобрялъ его образа дѣйствій. Приговоръ, проинесенный съ соблюдениемъ всѣхъ формальностей, признанъ незаконнымъ потому только, что онъ не поставлялъ смертной казни. Считалось милостью со стороны короля то, что онъ, утвер-

дѣль «незаконный приговоръ», замѣнилъ заключеніе въ крѣпости заключеніемъ въ смирительномъ домѣ. А между тѣмъ, при заключеніи въ крѣпости подъ военную стражу, арестованный сохранилъ свое имя, свою одежду, свое званіе и встрѣчалъ со стороны тюремщика обращеніе, соотвѣтственное этому званію, иногда даже ему разрѣшали продолжать его обычную умственную дѣятельность,— это было заключеніе, а не позоръ, не пытка. Наоборотъ, въ смирительномъ домѣ арестованный содержался наравнѣ съ ворами, мошенниками и убийцами; ему брали голову, его одѣвали въ арестантскую куртку, онъ терялъ свое имя и значился просто подъ известнымъ номеромъ; въ случаѣ какого-нибудь нарушенія дисциплины, онъ могъ быть подвергнутъ наказанію палочными ударами, онъ долженъ былъ отказаться отъ всякой умственной работы. «Милость» короля не избавляла Кинкеля отъ смертной казни,— о ней не было рѣчи въ приговорѣ,—а вместо крѣпости осуждали его на заключеніе въ смирительномъ домѣ, его, поклонника и зна- тока искусства, который открылъ міръ прекраснаго для столькихъ молодыхъ умовъ, поэта, произведенія которого доставили высокое наслажденіе столькимъ сердцамъ, его, этого мягкаго жизнерадостнаго человѣка, который только изъ увлеченія любовью къ свободѣ и родинѣ сдѣлалъ то, что было вмѣнено ему въ преступленіе. Онъ оказался въ числѣ побѣжденныхъ въ борьбѣ и по закону долженъ былъ понести наказаніе, но здравый смыслъ даже его политическихъ противниковъ возмущался противъ жестокаго произвола, который, вопреки приговору военного суда, лишалъ его не только свободы, но и чести. Даже смертная казнь, не посягнувшая на его человѣческое достоинство, была бы менѣе безчеловѣчна, чѣмъ подобная «милость».

Кинкеля помѣстили сначала въ баденскую тюрьму, въ Брухзаль, а затѣмъ перевели въ смирительный домъ въ Наугардѣ, въ Помераніи. Очевидно, его старались держать подальше отъ рѣйнскихъ провинцій, гдѣ у него было особенно много поклонниковъ. Съ бритой головой, въ свѣтлой арестантской курткѣ, долженъ онъ быть цѣлые дни заниматься мотаньемъ шерсти. По воскресеньямъ онъ долженъ быть самъ мыть свою камеру. Всякая умственная дѣятельность по возможности воспрещалась ему. Пишу онъ получать такую же, какъ прочие арестанты. Со дня прибытія въ Наугардъ, 8 октября 1849 г., до апрѣля 1850 г. онъ получиль всего только одинъ фунтъ мяса. Впрочемъ, онъ, повидимому, скоро расположилъ къ себѣ сердце начальника тюрьмы, и обращеніе съ нимъ стало лучше. Ему дѣлали иногда небольшія поблажки: позволяли чаще, чѣмъ другимъ, писать письма къ женѣ, при чемъ, конечно, всѣ письма препровождались директору незапечатанными; его избавили отъ мытья камеры; ему передали конфекты, которыя родные прислали ему къ Рождеству. Но раз-

матывать перстъ онъ всетаки бытъ обязанъ. Штадманъ, въ то время еще бывшій студентомъ въ Боннѣ, написалъ стихотвореніе: «Шѣсня мотальщика», въ которомъ старался вызвать симпатію народа къ Кинкелю; за это стих твореніе его немедленно исключили изъ университета.

Междудѣмъ, въ Кельѣ готовился процессъ участниковъ майскаго похода изъ Бонна въ Зигбургъ, и въ началѣ 1850 года распространялся слухъ, что правительство намѣreno весной привезти Кинкеля изъ Наугарда въ Келью, чтобы судить его по Зигбургскому дѣлу и подвергнуть новому наказанію.

Въ февралѣ 1851 г. я получила письмо отъ г-жи Кинкель. Въ плаческихъ выраженіяхъ описывала она мнѣ ужасное положеніе мужа и горе его семьи. Но, какъ женщина энергичная, она писала не съ безпомощнымъ отчаяніемъ, умѣющимъ только ломать руки и слаболушно покоряться всесильной судьбѣ. Мысль, что возможно найти средство освободить мужа, занимала ее день и ночь. Она уже нѣсколько мѣсяцевъ вела переговоры съ надежными друзьями и старалась возбудить ихъ къ энергической дѣятельности. Нѣкоторые изъ нихъ обсуждали выѣхать съ нею разные планы бѣгства, другие предоставили въ ея распоряженіе денежныя средства. Но, писала она мнѣ, никто не рѣшился взять на себя это дѣло. Ей нуженъ другъ, мужественный, ловкий и настоящічный, который захотѣлъ бы посвятить свои силы дѣлу освобожденія и не оставлять его, пока не добьется успѣха. Она сама взялась бы за это, но боится, что появленіе ея близко отъ мѣста заключенія мужа вызоветъ подозрѣніе и заставитъ усилить мѣры охраны. Необходимо дѣйствовать скорѣй, пока мучительное тюремное заключеніе не подорвало окончательно умственныхъ и физическихъ силы Кинкеля. Затѣмъ она сообщила мнѣ, что, судя по слухамъ, Кинкель будетъ въ апрѣлѣ привезенъ въ Келью на судъ присяжныхъ по Зигбургскому дѣлу и, можетъ быть, тогда представится благопріятный случай сдѣлать попытку къ его освобожденію. Она просила моего совета, такъ какъ довѣрала и моей дружбы, и моей разсудительности.

Въ ночь послѣ получения этого письма я долго не спала. Междудромъ его я прочелъ вопросъ, не соглашусь ли я самъ взяться за это рискованное дѣло. Этотъ вопросъ не давалъ мнѣ покоя. Я постоянно видѣлъ передъ собой Кинкеля въ арестантской курткѣ за мотовиломъ, и эта картина была мнѣ невыносима. Какъ другъ, я былъ всѣмъ сердцемъ преданъ ему; кромѣ того, я вѣрилъ, что при своихъ умственныхъ способностяхъ, своемъ энтузіазмѣ и рѣдкомъ краснорѣчию, онъ можетъ еще оказать большія услуги дѣлу ролиши и свободы. Желаніе вернуть его Германию и семью охватило меня съ непреодолимой силой. Я рѣшился сдѣлать попытку и, успокоившись на этомъ рѣшеніи, заснула, наконецъ.

На слѣдующее утро я сталъ обдумывать все дѣло въ подробностяхъ. Какъ теперь, помню я это утро. У меня являлось сомнѣніе съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, споюбенъ ли я успѣшино доставить до конца такое трудное предпріятіе? Но г-жа Кинкель, которой это дѣло всего ближе касается, повидимому, считаетъ меня способнымъ, разъ она мнѣ довѣряетъ, къ чему же сомнѣваться? Во-вторыхъ, какъ отнесутся ко мнѣ другія лица, которыхъ будуть помогать мнѣ, захотятъ ли они оказать довѣрѣ слишкомъ молодому человѣку? Впрочемъ, я могу постараться заслужить ихъ довѣріе своими обдуманными и рѣшительными дѣйствіями. Къ тому же я, какъ молодой, незначительный и мало известный человѣкъ, скорѣй останусь незамѣченнымъ, чѣмъ болѣе пожилой и болѣе видный дѣятель, и потому могу съ меньшою опасностью заглатить въ львишую пасть. И, наконецъ, согласятся ли болѣе пожилые, опытные и расчетливые люди сдѣлать все, что необходимо для разрѣшѣнія задачи? Всего вѣроятнѣе, что не согласятся. Нѣть, конечно, за это дѣло долженъ взяться не иначе, какъ человѣкъ молодой. Въ концѣ концовъ моя молодость представилась мнѣ скорѣй выгоднымъ, чѣмъ невыгоднымъ условиемъ.

Второе сомнѣніе мое касалось родителей. Послѣ всего что они выстрадали изъ-за меня, имѣю ли я право еще разъ ставить на карту свою жизнь и свободу, когда мнѣ только что удалось избавиться отъ страшной опасности? Одобрять ли они меня? Одно было мнѣ ясно: я не могу въ данномъ случаѣ спрашивать родителей о ихъ согласіи, потому что при этомъ мнѣ пришлось бы вести переписку о своемъ планѣ, а такая переписка, подлежащая всевозможнымъ случайностямъ, легко можетъ испортить все дѣло. Нѣть ради успѣха предпріятія, оно должна оставаться тайнымъ; никто, кроме участниковъ, не долженъ ничего о немъ знать, и даже самимъ участникамъ слѣдуетъ открывать его по возможности частями. Своимъ домашнимъ я даже на словахъ не стану о немъ рассказывать; какой-нибудь разговоръ между ними, случайно подслушанный непосвященнымъ, можетъ открыть все дѣло. Я долженъ самъ рѣшить вопросъ о согласіи родителей, и я очень скоро рѣшилъ его въ утвердительномъ смыслѣ. Они были горячие поклонники Кинкеля и очень любили его. Они были хорошие патріоты. Мать, которая въ прошломъ году сама подала мнѣ саблю, наѣвѣро, сказала бы: «Иди, спаси своего друга». Такимъ образомъ, всѣ мои сомнѣнія были разрѣшены.

И въ тотъ же день написалъ г-жѣ Кинкель, что, по моему мнѣнію, она ухудшить судьбу мужа, если допустить какія-либо попытки къ его освобожденію въ Кельнѣ, во время Зигбургскаго процесса, такъ какъ начальство, несомнѣнно, приметъ самыя строгія мѣры охраны. Пусть она лучше бережетъ всѣ средства, находящіяся въ ея распоряженіи, и терпѣливо ждѣть, пока ея другъ снова нацишеть ей. Письмо мое было составлено такимъ обра-

зомъ, что она могла понять его, но если бы оно попало въ чужія руки, никто не догадался бы о моемъ намѣреніи. Такъ какъ она знала мой почеркъ, то я подписался чужими именемъ и адресовалъ письмо на имя третьаго лица, которое она мнѣ указала. Я тогда же рѣшилъ сѣѣздить къ ней въ Боннъ и лучше на словахъ переговорить обо всѣхъ подробностяхъ.

Немедленно приступилъ я къ подготовительнымъ шагамъ. Я написалъ своею двоюродному брату Герберту Юссену, жившему въ Линдѣ, около Кельна, и примѣты котораго во всѣхъ главныхъ чертахъ сходились съ моими, чтобы онъ досталъ себѣ паспортъ для путешествія внутри страны и за границу и прислалъ его мнѣ. Черезъ нѣсколько дній паспортъ былъ у меня въ рукахъ, и я могъ, какъ всякий обыкновенный, ни въ чемъ не заподозрѣнныи обыватель, свободно разѣзжать всюду, гдѣ меня лично не знали. Затѣмъ мнѣ слѣдовало постараться извлечь какъ можно больше пользы изъ своего знакомства съ эмигрантами, не наводя приятелей на слѣдъ资料 of his предпріятія. Я далъ понять предсѣдателю нашего клуба, что готовъ сѣѣздить въ разные города Германіи, какъ уполномоченный партіи, чтобы организовать тайныя отдѣленія нашего клуба и установить ихъ сношенія со швейцарскимъ комитетомъ. Это предложеніе было встрѣчено съ большими удоволѣствіемъ, мнѣ дали подробная инструкціи и длинный списокъ лицъ, которымъ можно было довѣриться въ Германіи. Такимъ образомъ, все было готово къ моему отѣзгу, и такъ какъ я, въ качествѣ уполномоченного, долженъ былъ уѣхать тайно, то мои друзья пали впопытъ естественнымъ, что я въ половинѣ марта, ни съ кимъ не простишись, вдругъ исчезъ изъ Цюриха.

XIII.

Впослѣдствіи рассказывали, будто я въ то время проѣхалъ Германію переодѣтый такъ, что меня нельзя было узнать. Это совершенная лепрѣвда. На противъ, я считалъ самыи безопаснымиѣхъ въ своемъ собственномъ видѣ и держать себя какъ можно непринужденѣе въ сношеніяхъ съ посторонними. Конечно, я не заводилъ лишнихъ знакомствъ и старался не обращать на себѣ вниманія окружающихъ. Изъ Базеля я проѣхалъ черезъ великое герцогство Баденское, мимо крѣпости Ращада и остановился въ Франкфуртѣ, гдѣ жили многія лица, обозначенныя въ спискѣ, который я получилъ отъ предсѣдателя нашего клуба. Я посѣтилъ ихъ, получилъ отъ нихъ свѣдженія о положеніи дѣль въ этой части Германіи и сообщилъ обо всемъ слышаниемъ моимъ швейцарскимъ довѣрителямъ. Вообще, я точно слѣдовалъ даннымъ мнѣ инструкціямъ, и такимъ образомъ мнѣ удалось поддержать то общее мнѣніе о цѣли моей поѣздки, которое соѣдалось въ Цюрихѣ. Я посѣ-

тиль цѣлый рядъ городовъ: Висбаденъ, Крейцнахъ, Биркенфельдъ, Триръ, гдѣ я находилъ единомышленниковъ и завязывалъ новые связи. Всюду были люди, которые надѣялись посредствомъ тайныхъ сообществъ снова вызвать революционное движение. По Мозелю я спустился до Кобленца, тамъ вечеромъ сѣлъ въ дилижансъ и дѣхалъ до Годесберга, откуда пришелъ пѣшеомъ въ Боннъ, въ 3 часа ночи. Къ счастью, у меня сохранился отъ студенческаго времени свой собственный ключъ въ квартиру родителей. Я вошелъ туда потихоньку и очутился въ спальнѣ. Они оба крѣпко спали. Я немножко посидѣлъ на стулѣ и, когда стало разсвѣтать, разбудилъ ихъ. Ихъ удивленіе при видѣ меня не поддается описанію. Они просто глазамъ своимъ не вѣрили. Затѣмъ удивленіе смѣнилось живѣйшою радостью. Мать нашла, что хотя у меня видѣ нѣсколько утомленный, но совершенно здоровый, и тотчасъ же начала хлопотать о завтракѣ. Я въ короткихъ словахъ объяснилъ мнимую цѣль своего прїѣзда, и отецъ, который очень гордился мною, тотчасъ же сталъ разспрашивать, съ кѣмъ я хочу сегодня повидаться. Мне было очень трудно убѣдить его, что мой прїѣздъ въ Боннъ слѣдуетъ ото всѣхъ держать втайне, что мнѣ можно видѣться только съ самыми близкими и надежными людьми.

Къ счастью, случилось, что г-жа Кинкель въ это же утро зашла навѣстить моихъ родителей, — она дѣлала это довольно часто,— и мнѣ удалось поговорить съ ней съ глазу на глазъ. Я сказалъ ей, что готовъ взяться за освобожденіе Кинкеля, если она отдастъ все дѣло исключительно въ мои руки, не будетъ поручать его никому другому, никому не будетъ называть меня и удовольствуется тѣми извѣстіями о ходѣ предпріятія, какія я самъ найду возможнымъ давать ей. Горячо благодарила она меня за мою дружбу и обѣщала исполнить всѣ мои условія. Мы съ ней сговорились о томъ, что дѣлать и чего не дѣлать въ ближайшее время, и я далъ ей рецептъ симпатическихъ чернилъ, съ помощью которыхъ мы могли переписываться въ случаѣ надобности.

Послѣ свиданія съ г-жею Кинкель главная цѣль моего прїѣзда въ Боннъ была достигнута, и я могъ спокойно провести нѣсколько дней въ кругу семьи. Съ своими ближайшими друзьями-студентами, я тоже повидался въ домѣ одного изъ нихъ. Къ сожалѣнію, очень скоро слишкомъ много пріятелей узнало о моемъ прїѣздѣ, и я нашелъ, что для меня будетъ безопаснѣе исчезнуть изъ Бонна. Двоюродный братъ, тѣль самый Герибертъ Юссенъ, который далъ мнѣ свое имя и паспортъ, отвезъ меня ночью въ свое экипажѣ въ Кельнъ. Прощанье съ родителями, братьями и сестрами было тяжело, но они безъ большой тревоги смотрѣли на мой отѣзѣдъ. Такъ же, какъ и мои швейцарскіе друзья, они были увѣрены, что я прїѣхалъ въ Германію исключительно по порученію цюрихскаго комитета. Мы съ ними часто говорили объ ужасной судьбѣ Кин-

келя и родители много разъ высказывали желаніе, чтобы кто-нибудь сдѣлалъ попытку освободить его. Конечно, при этомъ они не меня имѣли въ виду, но это укрѣпило меня въ убѣжденіи, что они одобрили бы мое намѣреніе. Несмотря на сильное желаніе, я всетаки ни однимъ словомъ не проговорился о немъ: мнѣ казалось, что полнѣвшая тайна была однимъ изъ условий успѣха.

Въ Кельнѣ я нашелъ себѣ безопасное помѣщеніе въ гостицѣ, которую содержала одинъ преданный демократъ. Бекеръ, редакторъ демократической газеты, въ которой я сотрудничалъ, принялъ меня подъ свое покровительство. Я съ нимъ познакомился и близко сошелся, когда былъ еще студентомъ. Онъ состоялъ не только редакторомъ газеты, но и предсѣдателемъ демократического союза въ Кельнѣ, и я былъ увѣренъ, что, если есть предположеніе попытаться освободить Кинкеля во время Зигбургскаго процесса, ему это будетъ извѣстно. Дѣйствительно, Бекеръ съ полной откровенностью рассказалъ мнѣ, какие по этому поводу строились планы и прибавилъ: рѣшительно все говорить, что необходимо что-нибудь сдѣлать. Для меня было ясно, что, разъ «всѣ обѣ этомъ говорятъ», попытка не будетъ удачной, и я былъ очень радъ, что Бекеръ раздѣлялъ мое мнѣніе. Значить, въ Кельнѣ не будетъ сдѣлано ничего, что помѣшало бы осуществленію моего плана.

Вскорѣ друзья мои съ чисто кельскимъ добродушіемъ сообщили о моемъ пребываніи въ городѣ такой массѣ лицъ, и меня также часто стали уговаривать посѣщать среди бѣлага дня разныя общественные собранія, что я счелъ за лучшее уѣхать. Я сѣль на почной поѣздѣ, который черезъ Ахенъѣхалъ въ Брюссель, а оттуда отправился въ Парижъ. Бекеръ былъ увѣренъ, что я побѣжалъ во Францію, чтобы завязать сношенія съ тамошними нѣмецкими эмигрантами и чтобы писать корреспонденціи въ его газету; что я, можетъ быть, проживу тамъ нѣсколько времени ради своихъ занятій исторіей. На самомъ дѣлѣ мнѣ нужно было, главнымъ образомъ, пробыть въ какомъ-нибудь безопаснѣмъ мѣстѣ, пока идетъ Зигбургскій процессъ въ Кельнѣ, и Кинкель будетъ снова водворенъ въ Наугардъ или въ какую-нибудь другую тюрьму, чтобы я могъ застать его на опредѣленномъ мѣстѣ и начать тамъ свою работу.

Утромъ 12 апрѣля Кинкеля вывели изъ Наугарда въ сопровожденіи трехъ полицейскихъ, и 13-го онъ уже былъ въ Кельнѣ. Во время дороги его заставили надѣть пальто и чернѣвскую шапочку. Но въ Кельнской тюрьмѣ его снова одѣли въ сѣрую арестантскую куртку. Черезъ нѣсколько дней г-жѣ Кинкель дали свиданіе съ мужемъ, конечно, въ присутствіи тюремныхъ надзирателей. Она взяла съ собой своего шестилѣтняго сына, и мальчикъ не узналъ въ этомъ бритомъ, исхудаломъ, безобразно одѣтомъ человѣка своего отца, пока не услышалъ его голоса.

Разбирательство дѣла началось въ судѣ присяжныхъ 29 апрѣля.

Десять человѣкъ обвинялись въ «покушеніи на ниспроверженіе существующаго государственного строя, въ возбужденіи гражданъ или жителей государства къ вооруженному восстанию противъ королевской власти и къ междуусобной войнѣ, посредствомъ вооруженія или призыва къ вооруженію гражданъ или жителей государства».

Изъ числа этихъ десяти четверо, Готфридъ Кинкель, Аксельмъ Унгеръ, Лудвигъ Мейеръ и Іоганъ Бюль, были въ рукахъ правительства, остальные шесть, Фридрихъ Аннеке, Іосифъ Герордъ, Фридрихъ Каммъ, Матиасъ Рингъ, Францъ Іосифъ Клюкеръ и Карлъ Шурцъ, скрывались.

Населеніе Кельна находилось въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Съ раннаго утра въ тотъ день, когда долженъ былъ начаться процессъ, вокругъ зданія толпилась масса народа, который хотѣлъ еще разъ увидѣть Кинкеля, поэта, борца за свободу, «по милости» короля вассаженного въ смирительный домъ, хотѣлъ выразить ему свое сочувствіе. Власти, съ своей стороны, приняли всѣ мѣры, чтобы сдѣлать невозможной всякую попытку къ освобожденію его. Ка-рета, въ которой везли Кинкеля изъ тюрьмы въ судъ, сопровождалась отрядомъ кавалеріи съ саблями на-голо.

Улицы, по которымъ онъ проѣзжалъ, всѣ входы въ зданіе суда были опѣчлены щтыками. На площади, передъ этимъ зданіемъ стояли двѣ пушки съ зарядными ящиками. При нихъ находились артиллеристы въ боевой готовности. Несмотря на все это, когда явился Кинкель, собравшійся народъ привѣтствовалъ его громкими криками. Арестанта опять одѣли въ обыкновенное платье. По дорогѣ онъ какъ то тупо и безучастно смотрѣлъ на все окружающее. Видъ толпы и ея крики снова оживили его. Гордо и смѣло поднявъ свою бритую голову, прошелъ онъ между плотно сомкнувшимися рядами солдатъ отъ кареты до суда, и при этомъ раскланивался въ обѣ стороны. Въ залѣ суда г-жа Кинкель уже съ утра заняла мѣсто и удержала его на все время, пока длился процессъ. По обвинительному акту Кинкелю грозила смертная казнь.

Судебное разбирательство шло обычнымъ порядкомъ; показанія многочисленныхъ свидѣтелей подтверждали факты, разсказанные нами выше. Прокуроръ и адвокаты подсудимыхъ вели пренія хотя искусно, но холодно; Лудвигъ Мейеръ произнесъ смѣльную рѣчь, и, наконецъ, 2 мая Кинкель самъ началъ свою защиту.

Всѣ присутствовавшіе, можно сказать весь народъ, съ нетерпѣніемъ ждали, что онъ скажетъ. Произнесетъ ли онъ смиренно покаянную рѣчь, явится ли онъ нравственно разбитымъ и потому неопаснымъ человѣкомъ, чтобы такой цѣнойкупить себѣ оправданіе? Или онъ бросить вызовъ насилию, смѣло признается во всемъ, къ чему стремился, что дѣлалъ, и, такимъ образомъ, лишится послѣднаго шанса сколько-нибудь смягчить свою тяжелую судьбу?

Отвѣтъ, который дала на этотъ вопросъ защитительная рѣчъ Кинкеля, былъ исполненъ достоинства и въ то же время необыкновенно трогателенъ. Онъ началъ съ краткаго изображенія положенія Германіи послѣ мартовской революціи 1848 г. Въ то время народъ завоевалъ себѣ верховныя права. Эти права воплотились въ учредительныхъ собраніяхъ, избранныхъ на основаніи всеобщей подачи голосовъ, въ прусскомъ національномъ собраніи и въ общегерманскомъ парламентѣ, заѣдавшемъ во Франкфуртѣ. Всѣ такимъ образомъ понимали ихъ роль. Франкфуртскій парламентъ проявилъ большую увѣренность. Онъ создалъ Великую хартію народныхъ правъ и общегерманскую конституцію; а хранителемъ этой Великой хартіи и вмѣстѣ съ тѣмъ императоромъ онъ избралъ короля прусскаго, того самаго короля, который въ мартѣ 1848 года сталъ во главѣ объединительнаго движения. На осуществленіи этой идеи покоятся всѣ великія надежды нѣмецкаго народа. Но король прусскій отказался принять императорскую корону и такимъ образомъ завершилъ національное объединеніе Германіи. Онъ распустилъ прусскую палату, которая убѣждала его принять корону, и этимъ уничтожилъ всякую возможность соглашенія, всякую надежду на соціальныя реформы. Послѣ этого оставалось одно: призвать народъ къ вооруженію. И онъ, обвиняемый, тоже взялся за оружіе и прямо заявляетъ судьямъ, что, по его убѣжденію, онъ поступалъ въ маѣ прошлаго года совершенно правильно, дѣйствовалъ такъ, какъ долженъ былъ дѣйствовать всякий честный человѣкъ.

Онъ пошелъ въ своихъ признаніяхъ еще дальше. Онъ называлъ себя соціалистомъ.—«И какъ соціалистъ, продолжалъ Кинкель,— я демократъ: я вѣрю, что свои собственныя глубокія раны лишь самъ народъ можетъ чувствовать, очистить и излѣчить. Но такъ какъ я демократъ, такъ какъ я считаю, что только демократическое государство въ состояніи уничтожить нищету, то я вѣрю, что разъ народъ завоевалъ себѣ демократическія учрежденія, онъ не только имѣть право, онъ обязанъ защищать эти учрежденія всѣми средствами, не исключая пуль и острой стали. Въ этомъ смыслѣ я признаю себя сторонникомъ принципа революціи, тогда я проявлялъ ради него кровь, теперь, преданный въ руки враговъ, я исповѣдую его блѣдными губами пѣянника. Вотъ почему я убѣжденъ, что въ то время я и друзья, шедшіе со мной вмѣстѣ, мы поступали правильно, начавъ борьбу и принося ради нея тяжелыя жертвы. Мы видѣли передъ собой великую цѣль. Если бы мы побѣдили, мы сохранили бы нашему народу миръ съ самимъ собою и единство родины, эту основную идею германской революціи, эту ключь къ позднѣйшему приобрѣтенію счастія и величія. Милостивые государи, мы не побѣдили. Народъ не пошелъ на эту борьбу. Онъ покинулъ насъ, свой авангардъ. Послѣдствія этого падаютъ на нашу голову.»

Затѣмъ онъ сказалъ, что въ этой борьбѣ онъ не боялся сходиться съ людьми необразованными и двусмысленной репутації, такъ какъ «никогда не случалось, чтобы міровая идея страдала оттого, что ее исповѣдуютъ грѣшники и мытарі». Онъ объяснилъ, что «опредѣленіе наказаній по Наполеонову кодексу, который въ то время считался закономъ въ рейнскихъ провинціяхъ, не можетъ примѣняться къ политическимъ преступленіямъ 1849 г.; тотъ кодексъ созданъ для военной неограниченной монархіи; что послѣ революціи 1848 г. нѣмецкій народъ приобрѣлъ право составлять вооруженные дружины и свободно выбирать предводителей ихъ, что это имѣло цѣлью создать для народа возможность отстаивать свои права противъ посягательства на нихъ свыше.» — «Намъ говорять:—Вы хотѣли ниспровергнуть существующую конституцію. Какую же именно? Новую, прусскую? Это и въ голову не приходило никому изъ насъ. Или франкфуртскую? Но мы выступили именно для защиты ея. Скажите по совѣсти, милостивые государи, мы ли покушались на конституцію? Говорить, мы хотѣли зажечь междоусобную войну? Кто осмѣливается утверждать это? Кто станетъ отрицать, что вооруженное возстаніе всего народа, настоящее массовое возстаніе могло бы безъ всякой междоусобной войны принудить правительство идти по пути прогресса? Предположимъ, что все, что приписывается намъ обвинительный актъ, справедливо, что мы действительно говорились противопоставить насилию насилию, мы вооружились, чтобы овладѣть цѣхгаузомъ, мы раздавали оружіе для вооруженного возвстанія,—и въ такомъ случаѣ насть послѣ пораженія можно назвать только несчастными, а не виновными. Мы дѣлали все это не для ниспроверженія, а для поддержки колеблющагося строя; мы это дѣлали не для того, чтобы возбудить, а для того, чтобы предотвратить междоусобную войну, ту отвратительную междоусобицу, которая заставила изверланскихъ запасныхъ биться на смерть съ нѣмецкими стрѣлками на башнѣ дурлата, которая приговорила Дарту къ разстрѣланію, а Корвина къ арестанскому работамъ. Мы не побѣдили, и вы знаете, что дѣлается въ Германіи. А если бы мы вышли побѣдителями въ этой борьбѣ, клянусь Богомъ, милостивые государи, вмѣсто плахи, которою грозить намъ сегодня прокуроръ на основаніи закона французского тирана, вы поднесли бы намъ вѣнокъ за гражданскія доблести».

Эта часть рѣчи была встрѣчена всѣми присутствовавшими въ залѣ съ удивленіемъ, нѣкоторыми съ восхищеніемъ. Предсѣдателю суда было очень трудно сдерживать бурю рукоплесканій, прорывавшуюся иногда. Но при этомъ всѣ чувствовали, что подсудимый, который такъ гордо и смѣло бросаетъ вызовъ господствующей власти, лишился всякой надежды на смягченіе своей участіи. Продолженіе его рѣчи поразило слушателей неожиданностью. Въ нѣсколькихъ словахъ доказалъ Кинкель противорѣчія и слабые пункты

въ свидѣтельскихъ показаніяхъ и затѣмъ продолжалъ: «Единственное, что можетъ быть доказано, это, что я убѣжалъ гражданинъ взяться за оружіе. И вамъ разскажу, каково было это убѣженіе. разскажу охотно, какъ какъ вамъ можетъ показаться страннымъ, что я до нѣкоторой степени отговаривалъ другихъ отъ предпріятія. въ которомъ самъ принялъ участіе. Съ полной яркостью вспоминается мнѣ это 10 мая! Эта день, въ который я, до тѣхъ поръ счастливѣйшій человѣкъ, сказалъ прости всему моему счастью, запечатлѣлся жгучими извѣснами въ моей душѣ. Бурныя волненія того тяжелаго времени разрывали мнѣ сердце; но въ пять часовъ дня я еще не принялъ никакого опредѣленнаго рѣшенія. Я пошелъ въ университетъ; я спокойно, какъ всегда, прочелъ свою лекцію,— это была послѣдняя. Въ 6 часовъ получены были извѣстія изъ Эльберфельда и Дюссельдорфа. Они зажгли огнемъ мою грудь. Я чувствовалъ, что насталъ часъ, когда я обязанъ дѣйствовать, какъ мнѣ велитъ моя честь. Изъ собранія я пошелъ къ себѣ домой, чтобы распрощаться со своими. Я простился съ своимъ мирнымъ жилищемъ, съ любимымъ дѣломъ, которымъ я честно занимался двѣнадцать лѣтъ; простился съ женой, за обладаніе которой одинъ разъ чуть не поплатился жизнью, простился съ своими спавшими дѣтьми, которымъ я не спилось, что они въ эту минуту теряютъ отца. Но когда я вышелъ за порогъ дома на темнѣвшую улицу, я сказалъ себѣ: «Ты имѣешь право принять это рѣшеніе, потому что, каковы бы ни были послѣдствія его, идея и убѣженіе всегда останутся тебѣ утѣшениемъ. Но ты не имѣешь права увлекать другого мужа, другого отца на такое же ужасное рѣшеніе».

«Въ этомъ настроеніи вошелъ я на ораторскую трибуну, въ этомъ настроеніи убѣжалъ я не браться за дѣла тѣхъ, чье сердце не закалено, какъ мое—и эту то рѣчь обвинительный актъ называетъ непосредственнѣмъ призывомъ! Не думайте, милостивые государи, что я хочу растрогать васъ и вызвать ваше сожалѣніе. Да, я знаю, помилованіе 1849 г. показало мнѣ, что ваше «вишневенъ» заключаетъ въ себѣ до нѣкоторой степени смертный приговоръ; и всетаки я не прошу вашего состраданія. Я не прошу его для моихъ товарищъ по процессу, какъ какъ имъ нужно не состраданіе а вознагражденіе за долгое незаслуженное тиреинное заключеніе. Я не прошу его и для себя, мнѣ, конечно, дорого ваше сочувствіе, какъ гражданинъ и какъ людей, но для меня ваше состраданіе, безполезно. Страданія, которыхъ мнѣ приходится выносить, такъ ужасны, что вапъ приговоръ не можетъ устрашить меня. Наказаніе, наложенное на меня судомъ, значительно усиленное тѣмъ, что я долженъ отбывать его въ одиночной камерѣ, жуткая тишина которой не прерывается трубнымъ звукомъ борьбы, въ которую не проявляется ни одинъ нѣжный взглядъ друга. Нѣмецкій писатель и учитель, который во многихъ сердцахъ захоронилъ

любовь къ красотѣ и къ умственной дѣятельности, осужденье медленно умирать за бессмыслицей арестантской работой, лишенный всякихъ матеріаловъ для умственного труда. Какая нибудь отравительница, какой-нибудь закоренѣлый преступникъ, получивъ помилованіе, получаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ право дышать воздухомъ Рейнскихъ береговъ, пить воду нашей зеленої рѣки—за эти пятнадцать дней я узналъ, какое счастье дышать воздухомъ, видѣть свѣтъ родной страны!—Меня держитъ далекій, мрачный, холодный сѣверъ, чѣмъ не разрѣшается даже черезъ рѣшетку видѣть слезы жены, глядѣть въ ясные глазки дѣтей! Я не прошу у васъ состраданія, какъ бы ни былъ суровъ вашъ приговоръ, какъ ни кровава книга вашихъ законовъ: вы не можете ухудшить моего положенія. Человѣкъ, котораго вдѣсь осмыслились уличать въ трусости, такъ часто за посѣдѣніе годы смотрѣть въ глаза смерти въ самыхъ разнообразныхъ видахъ ея, смотрѣть совершенно равнодушно, что онъ не дрогнѣсть и передъ гильотиной. Я не хочу вашего состраданія; но я требую отъ васъ признанія моего права, это признаніе лежитъ на вашей совѣсти, и такъ какъ я знаю, что вы, граждане присяжныѣ, не можете отказать своему согражданину и земляку въ его правѣ, я съ полной увѣренностью жду отъ васъ слова: «невиновенъ». Я кончилъ; теперь ваша очередь судить».

Очевидцы разсказывали мнѣ о томъ впечатлѣніи, какое производили его слова. Сначала присутствовавшіе прислушивались къ нимъ, затаивъ дыханіе, но черезъ нѣсколько минутъ суды въ своихъ высокихъ креслахъ, присяжные, публика, наполнившая залъ, прокуроръ, говорившій обвинительную рѣчь, жандармы, сторожившіе подсудимыхъ, солдаты, штыки которыхъ блестѣли въ дверяхъ—всѣ разразились слезами и рыданьями. Послѣ рѣчи Кинкеля прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ предѣдатель успокоился и могъ продолжать засѣданіе. Присяжные очень скоро вынесли свой приговоръ: «не виновны». Тогда въ залѣ поднялись шумные крики восторга, которые подхватила толпа, стоявшая у дверей суда, и которые разнеслись дальше по улицамъ города. Г-жа Кинкель бросилась къ мужу, чтобы обнять его. Шолицецкій приказалъ жандармамъ, окружавшимъ Кинкеля,—удержать ее. Но Кинкель поднялся и произнесъ повелительнымъ голосомъ:

— Приди сюда, Іоганна! Пощади мужа! Это никто не смеетъ запретить тебѣ!—Жандармы, какъ бы повинуясь высшей власти, разступились, и несчастная женщина бросилась въ объятія мужа.

Прочие подсудимые могли свободно выйти изъ залы суда. Одинъ только Кинкель, который долженъ былъ отбывать ранѣе наложенное наказаніе, былъ быстро окружены солдатами, посаженъ въ карету и отвезенъ въ тюрьму среди восторженныхъ криковъ толпы и барабанного боя солдатъ.

Какъ можно было предвидѣть, начальство приняло всевозможныя мѣры, чтобы предотвратить въ Кельнѣ всякую попытку и

его освобождению. Кроме того, правительство решило отвезти Кинкеля не въ Наугардъ, а въ Шпандау, вѣроятно потому, что въ Наугардѣ, какъ вообще во всей Помераніи, замѣтно было сильное сочувствіе къ несчастному. Чтобы обмануть друзей Кинкеля и избѣжать какихъ-нибудь непріятностей въ пути, сдѣлано было распоряженіе везти Кинкеля не по желѣзной дорогѣ, какъ ожидала публика, а въ каретѣ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Вывезли его тайно на другой день по окончанію процесса. Но, именно благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, для Кинкеля явилась возможность сдѣлать попытку къ бѣгству. Онъ разсказывалъ мнѣ о ней много времени спустя.

Какъ-то вечеромъ жандармы остановили карету около одной гостиницы въ вестфальской деревнѣ, где они собирались поужинать вмѣстѣ со своимъ арестантомъ. Кинкель ввели въ комнату верхняго этажа, одинъ изъ жандармовъ оставался съ нимъ, а другой пошелъ внизъ чѣмъ-то распорядиться. Кинкель замѣтилъ, что дверь комнаты была слегка притворена и ключъ торчить въ замѣ снаружи. У него мелькнула мысль воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Стоя у окна, онъ обратилъ вниманіе жандарма, сидѣвшаго подлѣ двери, на какой-то шумъ, слышавшійся съ улицы. Какъ только жандармъ подошелъ къ окну, онъ быстро выскочилъ изъ комнаты и заперъ дверь на ключъ. Затѣмъ онъ сѣжалъ съ лѣстницы, выскочилъ черезъ задній ходъ во дворъ и пустился со всѣхъ ногъ бѣжать черезъ садъ и поле. Между тѣмъ стемнѣло. Вскорѣ бѣглецъ услышалъ за собою голоса, и, обернувшись, увидѣлъ въ отдаленіи огни, которые двигались то въ ту, то въ другую сторону. Очевидно его искали, за нимъ гнались, и онъ бѣжалъ, какъ сумасшедший, все быстрѣ и быстрѣе. Вдругъ онъ ударился лбомъ о какой-то твердый предметъ и упалъ, оглушенный ударомъ.

Преслѣдователямъ его приходилось, между тѣмъ, тоже преодолѣвать нѣкоторыя затрудненія. Жандармъ, отъ которого онъ уѣжалъ, хотѣлъ выскочить вслѣдъ за нимъ, но нашелъ дверь запертою. Онъ послѣшилъ къ окну, но отъ волненія не могъ сразу открыть его. Тогда онъ ударомъ кулака разбилъ стекло и закричалъ людямъ, бывшимъ на улицѣ, что мошенникъ улизнулъ. Весь домъ пришелъ въ смятеніе. Жандармы рассказали хозяину и прислугѣ, что бѣжавшій извѣстный и очень опасный преступникъ изъ окрестностей Рейна, и что, кто его поймаеть, тотъ, навѣрно, получитъ сто талеровъ награды. Крестьяне повѣрили ихъ словамъ. Ямщикъ, который везъ карету и вовсе не подозревалъ, что въ ней сидитъ Кинкель, оказался наиболѣе дѣятельнымъ. Быстро принесли зажженные фонари, чтобы найти на дорогѣ слѣды бѣглеца, который незамѣтно исчезъ изъ дома и со двора. Вскорѣ ямщикъ напалъ на слѣдъ. Но благодаря всѣмъ этимъ препятствіямъ, Кинкель выигралъ достаточно времени. Къ со-

жалѣнію, этотъ выигрышъ оказался безполезнымъ, когда онъ наткнулся на сложенную полѣницу дровъ и получилъ сильный ударъ въ голову отъ одного выступавшаго впередъ полѣна. Менѣе чѣмъ透过 четверть часа, прежде чѣмъ онъ успѣлъ прийти въ себя отъ этого удара, я нашелъ его и передалъ подоспѣвшимъ жандармамъ. Жандармы стали послѣ этого съ удвоеннымъ стараніемъ слѣдить за своимъ арестантомъ, пока ворота смирительного дома Шпандау не закрылись за нимъ.

Послѣ того, какъ улеглось волненіе, возбужденное Кельнскимъ процессомъ, и Кинкель, спокойно сидѣвшій въ смирительномъ домѣ, пересталъ на время возбуждать общественное вниманіе, я вернулся изъ Парижа въ Германію. Въ Парижѣ я получилъ новыя инструкціи отъ цюрихскаго комитета и добросовѣстно исполнилъ ихъ. Съ этой цѣлью я посѣтилъ многія мѣста Прирейнской области и Вестфалии, присутствовалъ даже на съездѣ главарей демократической партіи въ Брауншвейгѣ.

Въ началѣ авгуаста я вернулся въ Кельнъ и тамъ еще разъ видѣлся съ г-жею Кинкель. Она сообщила мнѣ, что сумма денегъ, собранныхъ для освобожденія ея мужа, значительно возрасла, и я нашелъ, что съ этимъ можно приступить къ дѣлу. Мы условились, что она пошлетъ эти деньги довѣренному лицу въ Берлинъ, и я буду брать ихъ по мѣрѣ надобности. Она рассказала мнѣ, что нашла средство незамѣтнымъ образомъ давать Кинкельѣ знать, если что-нибудь будетъ дѣлаться для его освобожденія. Она написала ему о своихъ занятіяхъ музыкой, и въ этомъ письмѣ большую роль играли разныя разсужденія о «фугѣ». Кинкель въ своеемъ отвѣтѣ намекнулъ ей, понятно для нея, но совершенно непонятно для лицъ, цензуровавшихъ письма, что онъ обратилъ вниманіе на значеніе слова «фуга» (по латыни fuga, значитъ, бѣгство), и что ему очень интересно какъ можно большиe узнавать объ этомъ предметѣ. Г-жа Кинкель обѣщала мнѣ быть какъ можно осторожнѣе въ своихъ письмахъ къ Кинкелью и не волновать его преждевременно, а также не беспокоиться, если я буду рѣдко писать ей. На этомъ мы разстались; и я отправился туда, где долженъ былъ начать дѣйствовать.

XIV.

11-го авгуаста я приѣхалъ въ Берлинъ. Такъ какъ мой паспортъ на имя Герберта Юссена былъ въполномъ порядкѣ, то полиція, строго слѣдившая за всѣми прїѣзжими, впустила меня въ городъ беcъ всякихъ затрудненій. Я прежде всего разыскалъ своихъ университетскихъ пріятелей, которые изъ Бонна переселились въ Берлинъ. Имъ я открыть свое имя, но, конечно, не цѣль своего

пріѣзда. Два изъ нихъ, Мюллерь и Родесъ, бывшіе члены Бонской Франконіи, слушавши лекціи въ берлинскомъ университѣтѣ и занимавши квартиру на Маркграфской улицѣ, приняли меня очень радушно и предложили мнѣ жить у нихъ. Я выходилъ изъ дома и возвращался вмѣстѣ съ ними, такъ что полицейскіе того участка принимали меня за студента берлинского университета. Въ то время въ Берлинѣ былъ обычай, что жители наемныхъ квартир не имѣли ключа отъ подъѣзда дома, а должны были, возвращаясь домой поздно вечеромъ, обращаться къ ночному сторожу, который и открывалъ имъ дверь. Я тоже, возвращаясь ночью, звалъ этого сторожа, и онъ выпускалъ меня въ гостепріимный домъ. Мы часто отъ души хотели надѣять берлинской полиціей, которая считаетъ себя всевѣдущей, а въ то же время охотно услуживала мнѣ, бѣглецу, скрывавшемуся преступнику. Дѣйствительно, что при такихъ обстоятельствахъ я сталъ нѣсколько нахаленъ и позволялъ себѣ нѣкоторые неосторожные поступки, за которые могъ дорого поплатиться. Такъ, я не могъ устоять противъ искушенія пользоваться нѣкоторыми удовольствіями Берлина. Одно изъ этихъ удовольствій, доставлявшее мнѣ истинное наслажденіе, было для меня особенно опасно.

Знаменитая французская артистка Рашель была въ то время въ Берлинѣ, въ зенитѣ своей славы. Пріятели мои видѣли первое ея представленіе и вернулись изъ театра въ восторженномъ настроеніи. Мнѣ тоже захотѣлось посмотретьъ ее. Разсчитывая на то, что полиція не станетъ разыскивать политическихъ преступниковъ въ театрѣ, я забился въ самый темный уголъ партера и оттуда наслаждался чуднымъ зрѣлищемъ. Притягательная сила великой артистки была такъ велика, что я не могъ удовлетвориться однимъ разомъ, и стала ходить смотрѣть ее всегда, когда у меня былъ свободный вечеръ. При этомъ я не забывалъ принимать нѣкоторыя предосторожности. Мое мѣсто въ партерѣ было у самаго выхода, во время антрактовъ я держалъ бинокль около глазъ, какъ будто рассматривалъ сидѣвшихъ въ ложахъ, иногда даже полузакрывалъ лицо платкомъ, точно у меня болѣть зубы, а какъ только опускался занавѣсъ послѣ послѣдняго акта, я спѣшилъ выйти однимъ изъ первыхъ изъ театра. Все шло хорошо. Но одинъ разъ я чуть не попалъ въ бѣду: заключительная сцена взволновала меня болѣе обыкновенного, я не поторопился оставить театръ и очутился въ толпѣ выходящихъ. Вдругъ среди этой массы людей я увидѣлъ одного господина, который послѣ мартовской революціи былъ студентомъ въ Бониѣ, принадлежалъ къ нашему демократическому союзу, но своимъ страннымъ поведеніемъ возбудилъ подозрѣніе, что онъ служить въ полиції. Я слышалъ, что онъ въ Берлинѣ, и здѣсь отъ него сторонятся, какъ отъ подозрительной личности. И вотъ, среди этой толпы онъ очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и смотрѣлъ мнѣ прямо въ

глаза, какъ бы удивляясь, что встрѣтилъ меня здѣсь. Я пристально посмотрѣлъ на него, какъ будто, съ своей стороны, удивился, почему какой-то незнакомый человѣкъ такъ глядитъ на меня. Такъ простояли мы лицомъ къ лицу нѣсколько секундъ, не имѣя возможности двинуться. Затѣмъ толпа порѣвѣла, и я послѣшилъ уйти. Это былъ мой послѣдній вечеръ въ театрѣ.

Немедленно, по приѣздѣ въ Берлинъ, я познакомился со многими людьми, которыхъ мнѣ рекомендовала или г-жа Кинкель, или наша демократическая партія. Я нѣсколько времени присматривался къ нимъ самымъ тщательнымъ образомъ: мнѣ хотѣлось открыть настоящую цѣль моего пребыванія въ Берлинѣ только тѣмъ, что въ состояніи бытьказать мнѣ существенную помощь. Оказалось, что я могу сообщить свою тайну одному только доктору Фалькенталю, врачу, жившему въ предмѣстіи Моабитѣ. Онъ еще раньше переписывался съ г-жею Кинкель. У Фалькенталя было много знакомыхъ въ Шпандау, и онъ свелъ меня съ хозяиномъ одной изъ тамошнихъ гостиницъ, Крюгеромъ, за котораго ручался, какъ за человѣка энергичнаго и вполнѣ надежнаго. Г. Крюгеръ пользовался въ Шпандау всесообщимъуваженіемъ. Онъ нѣсколько лѣтъ служилъ своей общинѣ въ качествѣ члена совѣта, содержалъ лучшую въ городѣ гостиницу, былъ человѣкъ состоятельный, а своею честностью и общительнымъ характеромъ пріобрѣлъ общую любовь. Несмотря на разницу лѣтъ, мы съ нимъ скоро подружились. Я напечъ въ немъ человѣка не только симпатичнаго, но и замѣчательно здравомыслящаго, осторожнаго на языкѣ, твердаго и готоваго всѣмъ жертвовать для дѣла, которое онъ признаетъ полезнымъ. Онъ предложилъ мнѣ устроить въ своемъ домѣ мою главную квартиру.

Но я предпочиталъ не жить въ Шпандау: присутствіе чужого человѣка въ такомъ маленькомъ городкѣ не могло не обратить на себя вниманія. Мнѣ казалось безопаснѣе жить въ Берлинѣ, по крайней мѣрѣ, на время длинной подготовительной работы. Изъ Берлина въ Шпандау и обратно я ѻздила не по желѣзной дорогѣ, такъ какъ на Берлинскомъ вокзалѣ требовали паспортъ у всѣхъ пріѣзжихъ, даже по мѣстнымъ поѣздамъ. Хотя мой паспортъ на имя Гериберта Юссена былъ въполномъ порядке, но слишкомъ частое предьявленіе его на линіи Шпандау-Берлинъ могло возбудить подозрѣніе какого-нибудь усерднаго полицейскаго. Я дѣлала обыкновенно такъ: подъ вечеръ проходилъ пѣшкомъ Бранденбургскія ворота, а затѣмъ въ Моабитѣ или Шарлотенбургѣ бралъ извозчика, при чёмъ старался не нанимать нѣсколько разъ одного и того же.

Крюгеръ хорошо зналъ внутренніе распорядки въ смирительномъ домѣ Шпандау, а чего не зналъ, о томъ могъ безъ труда освѣдомиться у своихъ знакомыхъ, служившихъ въ этомъ учрежденіи. Прежде всего намъ предстояло решить вопросъ, нельзя ли есвободить Кинкеля силою. Я скоро убѣдился, что это невоз-

можно. Правда, вооруженная охрана смирительного дома состояла изъ небольшого количества солдатъ и изъ тюремныхъ стражей. Не особенно большая толпа рѣшительныхъ и хорошо вооруженныхъ людей могла захватить смирительный домъ, но бѣда въ томъ, что онъ находился внутри сильной крѣпости, съ многочисленнымъ гарнизономъ, и при первой тревогѣ къ мѣсту дѣйствія подоспѣть бы значительный отрядъ войска. Такого рода планъ былъ совершенно неисполнимъ. Мы знали не мало случаевъ, когда заключенные бѣжали изъ тюремъ, пропиливая решетки оконъ или продѣливая отверстія въ стѣнахъ, а друзья встрѣчали ихъ и помѣщали въ безопасное мѣсто. Но и этотъ планъ казался намъ сомнительнымъ, особенно въ виду недовѣріи Кинкеля во всѣхъ ручныхъ работахъ. Во всякомъ случаѣ, сначала надо было попробовать, нельзя ли добиться помощи одного или нѣсколькихъ служащихъ при смирительномъ домѣ.

По совѣту Крюгера я сообщилъ свою тайну еще двумъ знакомымъ ему молодымъ людямъ, которые были въ дружбѣ съ нѣкоторыми изъ тюремныхъ надзирателей. Звали ихъ одного Паритцъ, другого Леддинъ. Мы съ ними условились, что они приведутъ мнѣ того изъ надзирателей, котораго по ихъ мнѣнію легко можно подкупить. Эта часть предпріятія была мнѣ очень не по душѣ. Но я былъ на все готовъ, чтобы спасти своего бѣднаго друга. Мнѣ привели одного изъ надзирателей, назову его, пожалуй, Шмитъ, — въ отдѣльную комнату трактира и предоставили мнѣ вести съ нимъ переговоры. Онъ, какъ почти всѣ его сослуживцы, былъ раньше унтеръ-офицеромъ въ арміи и долженъ былъ на небольшое жалованье содержать довольно многочисленную семью. Я отрекомендовался ему, какъ купецъ, путешествовавшій по торговымъ дѣламъ и близкій знакомый семьи Кинкеля. Я описалъ ему горе жены и дѣтей о несчастномъ заключенномъ, который не вынесетъ тяжелой тюремной обстановки; я спросилъ у него, нельзя ли хоть иногда передавать Кинкелю болѣе здоровую пищу, кусочекъ мяса, глотокъ вина, чтобы поддержать его силы до тѣхъ поръ, пока король помилуетъ его. — Это, дѣйствительно, будетъ доброе дѣло, — согласился Шмитъ, правда опасное, но возможное. Надо будетъ посмотреть.

Я сунулъ ему въ руку бумажку въ пять таллеровъ и попросилъ на эти деньги купить для Кинкеля что-нибудь питательное, что можно безопасно передать. Мнѣ необходимо, сказалъ я, теперь по дѣламъ уѣхать изъ Шпандау, но я вернусь черезъ нѣсколько дней и, надѣюсь, онъ сообщитъ мнѣ, какъ себя чувствуетъ заключенный. Онъ можетъ быть увѣренъ, что я буду ему очень благодаренъ.

На этомъ мы разстались. Черезъ три дня я опять пожалъ въ Шпандау и видѣлся со Шмитомъ въ томъ же самомъ трактирѣ. Онъ рассказалъ мнѣ, что ему удалось передать Кинкелю колбасу и небольшой хлѣбецъ, и что онъ нашелъ заключенного въ добромъ

настроений. Онъ готовъ и на будущее время доставлять ему пищу. Понятно, я не хотѣлъ, чтобы онъ тратилъ на это собственные деньги, и потому далъ ему еще десять таллеровъ. Но при этомъ я попросилъ его передать отъ меня маленьку записку Кинкелю и принести мнѣ отъ него отвѣтъ. Онъ и это обѣщалъ. Я написалъ на клочкѣ бумагки нѣсколько словъ безъ подписей, что-то въ родѣ: «Друзья остались тебѣ вѣрны, не унывай». Мнѣ не столько нужно было дать о себѣ вѣсть Кинкелю, сколько убѣдиться, что Шмитъ дѣйствительно исполнилъ мое порученіе, и что я могу продолжать вести съ нимъ дѣло.

Я опять уѣхалъ на нѣсколько дней изъ Шпандау. Когда я вернулся, Шмитъ пришелъ ко мнѣ такъ же, какъ въ первый разъ, и возвратилъ мнѣ мою записку съ однимъ словомъ «благодарю», написаннымъ рукою Кинкеля. Оказалось, слѣдовательно, что Шмитъ сдержалъ свое обѣщаніе, но при этомъ сдѣлалъ шагъ, который сильно его компрометировалъ. Я подумалъ, что съ нимъ можно говорить откровеннѣе. Я сказалъ ему, что у меня явилась мысль, какъ было бы хорошо совершенно освободить Кинкеля отъ его тяжелаго положенія, и мнѣ хочется, прежде чѣмъ уѣзжать на Рейнъ, узнать, не согласится ли онъ, Шмитъ, помочь этому освобожденію. Шмитъ вскочилъ съ мѣста и не далъ мнѣ договорить. Это совершенно невозможно, о такого рода дѣлахъ онъ ничего и слышать не хочетъ!

По тому ужасу, какой возбудили въ немъ мои слова, я понялъ, что этотъ человѣкъ не годится для дѣла. Надобно было избавиться отъ него и въ тоже время заставить его молчать о нашихъ отношеніяхъ. Я выразилъ ему сожалѣніе о его отказѣ и прибавилъ, что если такой добрый и мужественный человѣкъ считаетъ всякую попытку къ освобожденію безнадежной, то я готовъ послушать его и отказаться отъ своего намѣренія. Я уѣду въ Рейнскую провинцію и больше сюда не вернусь. Потомъ я сталъ дѣлать темные намеки на таинственныхъ покровителей, которые если и не могутъ освободить Кинкеля, во всякомъ случаѣ сильно отомстятъ тѣмъ, кто донесетъ на него. Къ концѣ концовъ мнѣ удалось до того напугать Шмита, что онъ сталъ убѣдительно просить меня не сердиться на него. Я увѣрилъ его, что если онъ не станетъ никому рассказывать о нашихъ сношеніяхъ, то и я буду молчать о нихъ. Мало того, онъ можетъ разсчитывать впредь на мою благодарность, если послѣ моего отѣзда онъ станетъ иногда доставлять питательную пищу Кинкелю. Онъ съ болѣшюю готовностью обѣщалъ мнѣ это, я вручилъ ему еще бумажку въ 10 таллеровъ, и мы съ нимъ навсегда распрошались.

Такимъ образомъ, первая попытка оказалась неудачной. Я нѣсколько дней ничего не предпринималъ, пока Крюгеръ и его знакомые, тщательно наблюдавши за служащими въ смирительномъ домѣ, не сообщили мнѣ, что Шмитъ не болтаеть. Послѣ этого мои

шпандуские друзья привели ко мнѣ другого тюремного надзирателя. Я повелъ съ нинѣ дѣло такъ же, какъ съ первымъ, и все шло отлично, пока я не поставилъ ему рѣшительного вопроса; онъ испугался такъ же, какъ первый, и я такъ же принужденъ былъ исчезнуть для него. Третій, котораго мнѣ привели, струсилъ при первомъ же разговорѣ, и мнѣ не пришлось дойти до рѣшительного вопроса.

Послѣ этого я счелъ за лучшее на время прекратить свои хлопоты, по крайней мѣрѣ, пока мы убѣдимся, что три встревоженные нами надзирателя держать языкъ за зубами. Въ то же время и жить въ Берлинѣ стало для меня не безопасно. Число пріятелей, знаяшихъ о моемъ пребываніи тамъ, спѣльно возрасло, и слишкомъ часто приходилось мнѣ отвѣтить на вопросъ, зачѣмъ я собственно пріѣхалъ. Я поручилъ одному изъ своихъ друзей передать мой прощальный привѣтъ остальнымъ и уѣхалъ, никому не скававъ, куда. На самомъ дѣлѣ я провелъ нѣсколько недѣль въ Гамбургѣ, у милѣйшаго Адольфа Штадмана, въ полной безопасности, а въ концѣ сентября вернулся къ начатому дѣлу, но поселился не въ самомъ Берлинѣ, а въ предмѣстѣ Моабитѣ, у доктора Фалькенталя.

Въ Шпандau мнѣ сообщили, что тамъ все спокойно. Вообще моя тайна хорошо сохранилась. Для берлинскихъ пріятелей я исчезъ, неизвѣстно куда. Только одинъ изъ нихъ, студентъ-юристъ Дрейеръ встрѣтилъ меня одинъ разъ случайно въ Моабитѣ. Онъ заподозрилъ, въ чемъ дѣло, но па его скромность я могъ положиться. Въ то время даже докторъ Фалькенталь и Крюгеръ не знали моего настоящаго имени. Для нихъ я былъ, какъ значилось въ моемъ паспорѣ, Герибертъ Юссенъ, а сосѣди доктора Фалькентала въ Моабитѣ считали меня за молодого медика, помощника доктора. Чтобы утвердить ихъ въ этомъ мнѣніи, я носилъ мѣшечекъ съ хирургическими инструментами, какой часто бываетъ у врачей. Изъ Моабита я попрежнему єздилъ въ Шпандau ночью.

По возвращеніи изъ Гамбурга, я не сразу нашелъ среди служащихъ въ смирительномъ дому того, кто мнѣ былъ нуженъ. Менѣ познакомили съ четвертымъ надзирателемъ, но онъ также соглашался самое большее доставлять иногда Кинкелю пищу или письма. Я уже началъ сильно сомнѣваться въ удобоисполнимости своего плана, какъ вдругъ явился именно такой человѣкъ, котораго я такъ долго, напрасно искалъ. Мои шпандускіе друзья познакомили меня съ тюремнымъ надзирателемъ Бруне.

При первой же встречѣ Бруне произвелъ на меня совсѣмъ не такое впечатлѣніе, какъ его сотоварищи. Онъ тоже служилъ прежде унтеръ-офицеромъ; ему, такъ же какъ и другимъ, приходилось содержать на свое скучное жалованье жену и дѣтей. Но въ его обращеніи не было ни тѣни смиренной покорности мелкаго служащаго. Когда я заговорилъ съ нимъ о Кинкель и сказалъ, что хотѣлъ бы,

по крайней мѣрѣ, улучшить его пищу, Бруне не состроилъ смущенно жалкой физиономіи человѣка, который колеблется между исполненіемъ долга и десяти-талеровой бумажкой. Онъ заговорилъ гвердо, какъ человѣкъ, который не стыдится того, что хочетъ сдѣлать. — Конечно, сказалъ онъ, я готовъ помочь ему, насколько могу. — Это просто срамъ, что такой ученый и хороший господинъ сидитъ въ смирительномъ домѣ рядомъ съ самыми простыми негодлями. Если бы у меня не жена и не дѣти, я готовъ бы помочь ему выбраться отсюда. — Онъ былъ такъ искренно возмущенъ приговоромъ надъ Кинкелемъ, казался такимъ честнымъ, мужественнымъ и смѣлымъ, что я рѣшилъ идти съ нимъ прямо къ цѣли безъ всякихъ околичностей. Я прямо заявилъ ему, что, если его, главнымъ образомъ, заботить средства къ жизни семьи, то я въ состояніи обезпечить ихъ. Но въ такомъ случаѣ, согласенъ ли онъ содѣйствовать побѣгу Кинкеля? — Если только будетъ возможно, отвѣчалъ онъ, но это, видите ли, трудное и опасное дѣло. Я подумаю, можно ли, и какъ его устроить. Дайте мнѣ три дня срока.

Эти три дня тянулись для меня нестерпимо долго. Я провелъ ихъ, не выходя изъ квартиры Фалькентала, и, чтобы сократить себѣ время, читалъ «Трехъ мушкетеровъ» Дюма и «Исторію жирондистовъ» Ламартина. Но книга часто выпадала у меня изъ рукъ, и мысли мои уносились далеко отъ нея.

Вечеромъ на третій день я опять поѣхалъ въ Шпандау, и тяжелый камень свалился у меня съ души при первыхъ словахъ Бруне: — Я все обдумаю, — сказалъ онъ. — Кажется, можно наладить.

Я готовъ былъ обнять его. Бруне объяснилъ мнѣ, что ночью, когда онъ будетъ дежурнымъ въ верхнихъ этажахъ смирительного дома, а другой хорошо известный ему надзиратель въ нижнихъ, онъ добудетъ необходимые ключи и выведетъ Кинкеля изъ воротъ зданія. Планъ, который онъ мнѣ подробно изложилъ, казался вполнѣ удобоисполнимымъ.

— Но, — прибавилъ Бруне, — придется немного подождать, пока все расположится, какъ слѣдуетъ. Въ ночь съ 5 на 6 ноября дежурные будутъ тѣ, какіе намъ нужны.

— Хорошо, — отвѣтилъ я, — мнѣ тоже нужно сдѣлать нѣкоторыя приготовленія.

Послѣ этого я рассказалъ Бруне, что я въ состояніи сдѣлать для его семьи. Въ моемъ распоряженіи находились деньги, собранныя отчасти немецкими членами партіи, отчасти личными друзьями или поклонниками Кинкеля. Я имѣлъ возможность предложить Бруне достаточно для обезпеченія его семьи. Названная мною сумма удовлетворила его. На мой вопросъ, не желаетъ ли онъ, чтобы мы переправили въ Америку и его семью, и его самого, онъ отвѣчалъ отрицательно: можетъ быть, онъ надѣялся, что его сообщество останется не открытымъ, а можетъ быть, разсчитывалъ отбыть положенное наказаніе и остаться съ семьей на родинѣ.

Такимъ образомъ, мы съ нимъ окончательно сговорились. Надобно было приступить къ подготовительнымъ дѣйствіямъ. Г-жа Кинкель передала мнѣ, что я долженъ лично взять предназначеннага на дѣло деньги въ Берлинѣ, у одной ея подруги, родственницы знаменитаго Феликса Мендельсона-Бартольди. Былъ уже почти вечеръ, когда я пришелъ въ указанный домъ. Важный ла-кей, которому я называлъ свое имя, Герибертъ Юссенъ, провелъ меня въ большую залу, гдѣ все, мебель, картины, книги, музыкальные инструменты, дышало изящною роскошью. Мне пришлось немнога подождать, и контрастъ между моимъ противозаконнымъ предпріятіемъ и этой обстановкой невольно поразилъ меня. Наконецъ, въ комнату вошла дама вся въ черномъ; я съ трудомъ различалъ черты ея лица въ полутемной комнатѣ. Въ рукѣ она несла большой бумажникъ.

— Вы мнѣ привезли поклонъ отъ моей пріятельницы изъ Рейнской провинці? — спросила она пріятельскимъ голосомъ.

— Поклонъ и сердечный привѣтъ, — отвѣчала я. — Ваша пріятельница прислала меня просить васъ отдать пакетъ съ цѣнными бумагами, который вы были добры, согласились сохранить.

— Я знала, что вы скоро придете ко мнѣ, — отвѣчала дама. — Въ этомъ бумажникѣ вы все найдете. Я не знаю вашихъ намѣреній, но увѣрена, что они хороши. Желаю вамъ полного успѣха. Богъ да сохранить и благословить васъ.

Она протянула мнѣ свою аристократическую, тонкую ручку и горячо пожала мою руку.

Храненіе большой денежной суммы очень беспокоило меня. Никогда еще я не чувствовала такой ответственности за чужую собственность. Чтобы не подвергнуть какой-нибудь случайности эти драгоценныя деньги, я постоянно носилъ ихъ на груди въ тщательно зашитомъ мѣшечкѣ.

Самая трудная для меня задача въ настоящее время была это найти средства перевезти освобожденаго Кинкеля въ безопасное мѣсто. Куда было намъ направиться, если ему удастся выйти изъ тюрьмы? Границы Швейцаріи, Бельгіи и Франціи отстояли слишкомъ далеко,ѣхать долго по Германіи было рисковано. Самое удобное было добраться до берега моря иѣхать на кораблѣ въ Англію. Я былъ убѣждена, что правительство приметъ мѣры къ тщательному осмотру всѣхъ судовъ, отѣзжающихъ изъ Бремена и Гамбурга. Надобно было подыскать какую-нибудь другую гавань, и мой выборъ остановился на Мекленбургѣ. Въ Ростокѣ у насъ былъ влиятельный иѣрный сторонникъ, известный адвокатъ и предсѣдатель палаты депутатовъ, Морицъ Вигерстъ, съ которымъ я лично познакомился на конгрессѣ демократовъ въ Брауншвейгѣ. До Ростока можно было довольно скоро дѣхать въ экипажѣ; выѣхавъ въ полночь изъ Шпандау, мы передъ рассвѣтомъ перѣѣхали бы границу Мекленбурга и, такимъ образомъ, спаслись бы отъ не-

посредственного преслѣдованія прусской полиціи. Кромѣ того, въ моемъ спискѣ лицъ, заслуживающихъ довѣріе, стояло много мекленбуржцевъ, къ которымъ я могъ обратиться за помощью.

Я рѣшилъ проѣхать по той дорогѣ, которую намѣтилъ, и сговориться съ членами нашей партіи, жившими или на самой дорогѣ, или немного въ сторонѣ, чтобы они держали наготовѣ подставныхъ лошадей и экипажи въ ночь бѣгства и въ слѣдующій за тѣмъ день. Понятно, это должны были быть не иначе, какъ собственные экипажи, и править лошадьми должны были по возможності сами владѣльцы ихъ. До сихъ поръ мнѣ удалось сохранить мою тайну среди очень ограниченного круга лицъ. Теперь становилось необходимымъ привлечь къ дѣлу большое число людей, и это увеличивало опасность. Я всего больше боялся не злонамѣреннаго предательства, а слишкомъ суетливаго и не довольно молчаливаго усердія. Всѣ, къ кому я обращался съ своимъ проектомъ, отвѣчали мнѣ самымъ радушнымъ предложеніемъ своихъ услугъ, и это радушіе я встрѣчалъ не только у членовъ партій, но и у людей совершенно другихъ убѣжденій. Такъ, мои друзья демократы рекомендовали мнѣ одного господина, занимавшаго видное положеніе въ Мекленбургѣ, какъ человѣка, особенно надежнаго и способнаго оказать мнѣ всякую помощь. Я поѣхалъ къ нему, онъ принялъ меня въ высшей степени любезно и сразу согласился снабдить насъ подставными лошадьми. Послѣ этого напѣть разговоръ перешелъ на политику, и, къ моему великому удивленію, мой новый приятель объявилъ, что считаетъ наши демократическія идеи весьма благожелательными, но пустыми фантазіями. Онъ очень подробно объяснилъ мнѣ, что по его мнѣнію человѣческое общество всего красивѣе и всего счастливѣе, когда при устройствѣ его сохранена пестрота, дѣленія на сословія съ государями, рыцарями, купцами, ремесленными цехами и крестьянами, съ духовенствомъ и свѣтскими лицами, съ разнообразными правами и обязанностями. Онъ не прочь удержать и монастыри съ настоятелями и настоятельницами, съ монахами и монахинями; однимъ словомъ, изъ всѣхъ фазисовъ человѣческой цивилизациіи наиболѣе пріятными представлялись ему средніе вѣка.—Видите ли,—добродушно сказалъ онъ въ заключеніе,— я именно то, что называется чистокровный реакціонеръ, я не вѣрю въ ваши свободу и равенство. Но я нахожу, что это чистѣйший скандалъ засадить въ смирительный домъ Кинкеля, поэта и ученаго, за его идеалистическія бредни, и хотя я вполнѣ консервативный мекленбуржецъ, но я готовъ помочь ему бѣжать.

Я проѣздилъ нѣсколько дней, устроилъ вездѣ подставы и надѣялся, что, проѣхавъ часовъ тридцать, мы достигнемъ Ростока. Тамъ друзья обѣщали помѣстить насъ въ безопасное убѣжище, пока можно будетъ устроить нашу переправу моремъ. Крюгеръ обратился къ одному помѣщику, по имени Гензель, жившему нѣкогда въ Шурцѣ.

далеко оть Шпандау и имѣвшему необыкновенно быстрыхъ ложь-дней, и тотъ охотно согласился довезти насъ до первой станціи, при чмъ взялся самъ править за кучера.

4 ноября я распрощался съ докторомъ Фалькенталемъ. Ему былъ извѣстенъ мой планъ въ общихъ чертахъ, но я находилъ лишнимъ посвящать его во всѣ подробности. Такъ, онъ не зналъ навѣрно, въ какую именно ночь будетъ сдѣлана попытка освобожденія, и былъ настолько скроменъ, что не приставалъ ко мнѣ съ вопросами. Но при прощаньѣ онъ подарилъ мнѣ пару пистолетовъ на случай какого-нибудь вооруженного столкновенія. Вечеромъ 4-го, прїехавъ въ Шпандау, я еще разъ видѣлся съ Бруне, и мы переговорили обо всѣхъ подробностяхъ нашего предпріятія, чтобы убѣдиться, что ничто не забыто. Повидимому, все было въ порядкѣ.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ одно, о чмъ мнѣ очень не-пріятно говорить,—сказалъ Бруне послѣ того, какъ разговоръ обо всемъ существенномъ былъ конченъ.

Я насторожился:—Въ чмъ дѣло?

— Я безусловно довѣряю вамъ,—продолжалъ Бруне,—то, что вы обѣщали сдѣлать для моей семьи, вы, конечно, сдѣлаете, если только будете въ состояніи.

— Да, я въ состояніи, эти деньги у меня въ рукахъ.

— Я не то хочу сказать,—возразилъ Бруне.—Если все кончится хорошо завтра ночью, я твердо увѣренъ, что деньги будутъ мои. Но, кто знаетъ? Можетъ быть, кончится и не совсѣмъ хорошо. Вѣдь это опасное дѣло. Тутъ многое зависитъ оть случая. Съ вами можетъ случиться несчастіе, со мной, съ нами обоими. А что будетъ тогда съ моей женой и дѣтьми?

Онъ замолчалъ, я тоже не сразу нашелся, что отвѣтить ему.

— Продолжайте, чего же вы хотите?—спросилъ я, наконецъ.

— Подумайте хорошенько,—медленно проговорилъ Бруне,—и вы сами увидите, что деньги должны быть отданы моей семье, прежде чмъ я поставлю на карту свою голову.

— Вы сами говорите, что я долженъ подумать,—отвѣчалъ я искрѣннѣально. — Я подумаю, какъ устроить дѣло и дамъ вамъ отвѣтъ. А вы пока приготовите все, какъ мы условились?

— Будьте спокойны.

И мы распрошались.

Часы, которые я послѣ этого провелъ одинъ въ своей комнатѣ, въ гостиницѣ Крюгера, никогда не выйдутъ у меня изъ памяти.

Мнѣ предстояло решить трудный вопросъ.

Деньги,—по моимъ понятіямъ очень большая сумма,—были довѣрены мнѣ для извѣстной цѣли. Если онѣ пропадутъ, если эта цѣль не будетъ достигнута, Кинкель погибъ, такъ какъ во второй разъ собрать для него такую сумму было едва ли возможно. Моя честь тоже пострадаетъ, такъ какъ меня могутъ заподозрить въ

нечестности, или по меньшей мѣрѣ въ преступномъ легкомысліи. И дѣйствительно, развѣ не преступное легкомысліе отдать вѣренія мнѣ деньги незнакомому человѣку, положившись на его простое обѣщаніе, безъ всякой гарантіи? Что я зналъ о Бруне? Только то, что его лицо и манеры произвели на меня благопріятное впечатлѣніе, и что у своихъ знакомыхъ онъ слытъ за хорошаго человѣка. Между тѣмъ эти, же самые знакомые говорили мнѣ, что прежде всѣхъ другихъ надзирателей хотѣли привести ко мнѣ Бруне, но думали, что такого рода человѣкъ врядъ ли согласится помогать мнѣ. Правда, они прибавляли, что если онъ согласится, то на него можно вполнѣ положиться. Но развѣ для человѣка въ его положеніи не было въ высшей степени соблазнительно воспользоваться случаемъ пріобрѣсти значительную сумму денегъ и затѣмъ, выдавъ меня, доказать начальству свою вѣрность долгу службы? Развѣ человѣкъ, замышляющій такое предательство, не сталъ бы дѣйствовать совершенно такъ, какъ Бруне? Развѣ онъ не сталъ бы опредѣленными обѣщаніями и мнимыми подготовленіями питать во мнѣ надежду, чтобы подъ какимъ-нибудь предлогомъ выманить у меня деньги и легче погубить меня?

А съ другой стороны, если Бруне честный человѣкъ, развѣ онъ можетъ поступать иначе? Развѣ онъ можетъ отдать судьбу жены и дѣтей на волю случая? Развѣ онъ не долженъ былъ заранѣе потребовать деньги, чтобы обеспечить судьбу близкихъ. Развѣ я не поступилъ бы точно такъ же, если бы былъ въ его положеніи?

И кромѣ того, развѣ Бруне похожъ на предателя? Неужели предатель могъ бы такъ смотрѣть мнѣ въ глаза и такъ говорить со мной, какъ Бруне? Неужели такое прямое, открытое, честное, даже гордое обращеніе можетъ быть у человѣка, заманивающаго другого въ западню, чтобы ограбить его?

Невозможно.

И въ концѣ концовъ, какъ могу я разсчитывать на успѣхъ, если я не хочу рисковать? Неужели я долженъ отказаться отъ освобожденія моего друга изъ-за того, что не рѣшаюсь исполнить требованіе Бруне, требованіе, которое при данныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ бы и всякий другой на его мѣстѣ?

Очевидно, если я хочу избавить Кинкеля отъ его ужасной судьбы, я долженъ рискнуть собственной честью.

Мнѣ, конечно, пришло въ голову, что я могу передать деньги для Бруне въ третью руки, но я отказался отъ этой мысли, во-первыхъ, потому, что она могла привести къ новымъ осложненіямъ, во-вторыхъ, потому, что, если надо было рисковать, то лучше было сдѣлать это такимъ образомъ, чтобы Бруне увидѣлъ доказательство моего довѣрія къ его честности.

Я вспомнилъ, что война въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, которая велась со стороны Германіи исключительно шлезвигъ-гольштейнскими войсками, еще не была кончена. Я рѣшилъ, что могу подъ

какимъ-нибудь именемъ вступить въ войска добровольцемъ, если мое предпріятіе въ Шпандау не удастся, и я потеряю деньги, а самъ лично не пострадаю. Тогда, по крайней мѣрѣ, мои пріятели убѣдятся, что я дѣйствовалъ честно.

Таковъ былъ ходъ мыслей, который привелъ меня къ решенію передать Бруне деньги, прежде чѣмъ онъ исполнить свое обѣщаніе. Только что я пришелъ къ этому заключенію, какъ Крюгеръ постучалъ ко мнѣ въ дверь и заявилъ, что Поритцъ и Леддинъ въ гостиницѣ, не надо ли мнѣ еще что-нибудь поручить имъ.

— Да, — отвѣчалъ я, — мнѣ хотѣлось бы попросить ихъ, чтобы они черезъ четверть часа еще разъ привели ко мнѣ Бруне на площадь Гейнриха.

Черезъ четверть часа Бруне былъ на указанномъ мѣстѣ съ моими пріятели. Я отвелъ его въ сторону.

— Господинъ Бруне, — сказалъ я, — мнѣ не хотѣлось, чтобы вы легли спать съ сомнѣніемъ на душѣ. Мы говорили о деньгахъ. Эти деньги довѣрены мнѣ на честное слово. Передавая ихъ вамъ, я вамъ вѣряю деньги, мою честь, свободу, все. Вы честный человѣкъ. Я хотѣлъ теперь же, вечеромъ, сказать вамъ, что завтра въ пять часовъ я принесу деньги къ вамъ на квартиру.

Бруне помолчалъ съ минуту. Затѣмъ онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ: — Кажется, я и безъ денегъ сдѣлалъ бы то же. Завтра въ полночь вашъ другъ Кинкель будетъ свободенъ.

Я ночевалъ въ Шпандау и провелъ большую часть слѣдующаго дня въ томъ, что вмѣстѣ съ Крюгеромъ, Леддиномъ и Поритцомъ обсуждалъ всѣ шансы предпріятія, чтобы принять мѣры на всякие случаи, какіе до тѣхъ поръ не приходили намъ въ голову. Наконецъ, стемнѣло. Я отсчиталъ деньги, предназначенные для Бруне, положилъ ихъ въ маленький ящичекъ изъ-подъ сигаръ и пошелъ къ нему на квартиру.

Онъ былъ одинъ въ своей бѣдной, но чистой комнатѣ, я передалъ ему ящичекъ и сказалъ: — Вотъ деньги, сосчитайте.

— Вы плохо знаете меня, — отвѣчалъ онъ. — Если бы мы не вѣрили другъ другу на слово, намъ не стоило бы и дѣло затѣвать. Для чего мнѣ пересчитывать то, что даете вы.

— Ничего неизмѣнилось въ нашемъ планѣ?

— Ничего.

— Ну, такъ до свиданья, сегодня ночью.

— До свиданія, желаю успѣха!

XV.

Мы имѣли полное основаніе надѣяться на удачу нашего предпріятія, если только какойнибудь несчастный случай не собьетъ всѣхъ нашихъ расчетовъ. Смирительный домъ находился посре-

длинъ города и представлять большое зданіе казарменного вида съ толыми стѣнами, прорѣзанными множествомъ узкихъ оконечекъ и одними воротами; со всѣхъ четырехъ сторонъ его окружали улицы. На главную улицу выходили ворота очень длинныя и широкія.

Изъ-подъ этихъ воротъ направо была дверь въ квартиру директора тюрьмы, нальво въ караульню. Въ концѣ подворотни третья дверь отворялась на внутренній дворъ. Каменная лѣстница, которая выходила подъ ворота, соединяла нижній этажъ съ верхними. Камера Кинкеля была въ третьемъ этажѣ. Въ ней было окно, выходившее на заднюю сторону зданія. Это окно было загорожено желѣзнымъ ящикомъ, который своимъ нижнимъ концомъ плотно прилегалъ къ стѣнѣ, а затѣмъ шелъ вкося, отдался отъ нея, такъ что дневной свѣтъ падалъ сверху, и изъ камеры можно было видѣть лишь небольшой квадратъ неба и ни кусочка земли. Кромѣ того, окно было защищено толстыми желѣзными прутьями, мелкой проволочной рѣшеткой и деревянными ставнями, запиравшимися на ночь,—однимъ словомъ, всѣми приспособленіями, которыя примѣняются, чтобы лишить арестованного всякой возможности сноситься съ внѣшнимъ міромъ. Кромѣ того, камера раздѣлялась на двѣ половины крѣпкою рѣшеткой, которая шла отъ пола до потолка и была снабжена прочными поперечными болтами. Въ одномъ отдѣленіи стояла постель Кинкеля, въ другой онъ долженъ былъ работать днемъ. Оба отдѣленія соединялись дверью въ перегородкѣ, и эта дверь замыкалась на ночь. Входъ въ камеру изъ коридора запирался двумя тяжелыми дверями съ нѣсколькими замками. На улицѣ, на которую выходила камера Кинкеля, день и ночь стоялъ часовой. Другой часовой охранялъ днемъ ворота съ главной улицы, а ночью переходилъ на внутренній дворъ. Камера, двери, замки и рѣшетки нѣсколько разъ въ сутки осматривались служащими.

Ключи отъ камеры Кинкеля и отъ перегородки внутри ея хранились ночью въ шкафу, стоявшемъ въ комнатѣ инспектора смирительного дома, въ такъ назыв. «инспекторской». Такъ какъ Бруне не могъ входить ночью въ инспекторскую и ключъ отъ нея передавался другому служащему, болѣе высокаго ранга, то онъ сдѣлалъ восковой слѣпокъ съ этого ключа, который днемъ обыкновенно торчалъ въ замкѣ, а по этому слѣпку мои пріятели изготовили другой ключъ. Ключъ отъ шкафа, въ которомъ хранились ключи отъ камеры Кинкеля, лежалъ, какъ было известно Бруне, на томъ же шкафу, такъ что онъ могъ безъ труда овладѣть ключами. Съ помощью ихъ Бруне предполагалъ вывести Кинкеля изъ его камеры. Въ ночь съ 5 на 6 ноября Бруне былъ дежурнымъ въ коридорѣ Кинкеля. Онъ долженъ былъ, по нашему условію, вывести Кинкеля изъ камеры, свести его съ лѣстницы, провести по коридору первого этажа и вывести подъ ворота. Въ первомъ этажѣ дежурилъ въ эту ночь надзиратель Бейеръ. Бруне брался безпре-

иятственно провести Кинкеля мимо него. Онъ мнѣ не сказалъ какимъ способомъ думалъ онъ это устроить: можетъ быть, онъ хотѣлъ подкупить Бейера, а, можетъ быть, предполагалъ занять его чѣмъ-нибудь другимъ и отвлечь его вниманіе. Онъ увѣрялъ меня, что это легко устроить. Подъ воротами я долженъ былъ встрѣтить Кинкеля. Въ одной изъ сторонъ воротъ была маленькая калитка, черезъ которую проходили служащіе въ домѣ. Отъ ключа къ этой калиткѣ мы тоже сдѣлали восковой слѣпокъ и изготовили по нему второй ключъ. Моя задача состояла въ томъ, чтобы въ двѣнадцатомъ часу ночи, послѣ того какъ пройдетъ ночной стражникъ—въ то время въ Шпандау были еще ночные сторожа съ трещетками и пиками—отворить калитку съ улицы и ждать подъ воротами Бруне и Кинкеля, затѣмъ накинуть на Кинкеля плащъ, вывести его изъ калитки на улицу, и послѣдовать съ нимъ въ гостиницу Крюгера, гдѣ настѣнѣ ждалъ Гейзель съ лошадьми и экипажемъ.

Я все послѣднее время посыпалъ Кинкелю черезъ Бруне питательную пищу, чтобы поддержать его физическія силы. Но чтобы не волновать его напрасно, Бруне сказалъ ему только 5-го вечеромъ, что идутъ хлопоты обѣ его освобожденій; онъ долженъ въ обычное время лечь въ постель, а въ 12-омъ часу встать, одѣться и приготовиться выйти изъ тюрмы.

Въ тотъ же день Леддинъ и Поритцъ разсказали нашу тайну нѣсколькимъ друзьямъ, на которыхъ можно было вполнѣ положиться; они всѣ должны были стоять на ближайшихъ углахъ улицы, чтобы въ случаѣ надобности спѣшить къ намъ на помощь.

Въ двѣнадцатомъ часу всѣ мои помощники были на своихъ мѣстахъ, ночной стражникъ прошелъ улицу, и я приблизился къ воротамъ смирительного дома. Я надѣлъ сверху сапогъ галоши, чтобы моихъ шаговъ не было слышно. Другую пару галошъ для Кинкеля я захватилъ съ собой. За поясъ подъ сюртукомъ я засунулъ пистолеты, данные мнѣ Фалькенталемъ. Въ одномъ карманѣ у меня былъ острый охотничій ножъ, въ другомъ небольшая кожаная палка со свинцовыми набалдашниками, такъ назыв. кастетъ, которымъ я въ случаѣ надобности хотѣлъ вооружить Кинкеля. На плечи я накинулъ большую шинель съ рукавами, которую долженъ былъ надѣть Кинкель. Снаряженный такимъ образомъ, я тихонько отворилъ калитку и вошелъ въ ворота тюрмы. Калитку я притворилъ не плотно и оставилъ ключъ въ замкѣ. Ворота тускло освещались фонаремъ. Направо я увидѣлъ дверь, которая вела въ квартиру директора смирительного дома; налево дверь въ караульную. Я долженъ былъ устроить такъ, чтобы эти двери не отворились изнутри, для этого я привязалъ крѣпкой бичевой дверными ручки къ ручкамъ звонковъ. Все было тихо. Я не сводилъ глазъ съ противоположнаго конца подворотни, гдѣ должны были появиться Бруне съ Кинкелемъ.

Минута проходила за минутой. Ничто не нарушало тишины. Я простоялъ такимъ образомъ съ четверть часа — ни малъшаго движениія. Что же это значитъ? По всѣмъ расчетамъ они уже должны были сойти. Мое положеніе становилось затруднительнымъ. Неужели Бруне обманулъ? Я вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и держаль его наготовѣ въ лѣвой рукѣ, а въ правую взялъ охотничьій ножъ. Но я рѣшилъ не сходить съ мѣста, пока не увѣрюсь, что всѣ шансы на удачу потеряны. Прошло уже съ полчаса, но все оставалось тихо, какъ въ могилѣ. Вдругъ я услышалъ легкій шорохъ, и на противоположномъ концѣ появилась, точно привидѣніе, какая-то темная фигура. Мои руки крѣпче скжали оружіе. Черезъ нѣсколько секундъ я узналъ при тускломъ свѣтѣ фонаря Бруне. Наконецъ-то! Но онъ былъ одинъ. Онъ подходилъ ко мнѣ, приложивъ палецъ къ губамъ. Я былъ готовъ ко всему.

— Не удалось, — пролепеталъ онъ еле слышно. — Я всячески пробовалъ, но все напрасно. Ключей не было въ шкафу. Приходите ко мнѣ завтра и возьмите деньги.

Я ничего не отвѣчалъ, послѣдніо снялъ бичовки съ дверныхъ ручекъ, вышелъ черезъ комнату, замкнулъ ее и положилъ ключъ въ карманъ. Какъ только я очутился на улицѣ, ко мнѣ подбѣжали Леддингъ и Поритцъ. Мы пошли вмѣстѣ, и дорогой я рассказалъ имъ, что случилось.—А мы уже боялись, что вы попались,—сказалъ Леддингъ, — вы такъ долго оставались тамъ, что мы собирались идти выручать васъ.

Черезъ нѣсколько минуты мы были въ гостиницѣ Крюгера; Гензель ждалъ насъ, чтобы отвезти въ своею экипажѣ Кинкеля и меня. Мой рассказъ вызвалъ у всѣхъ страшнѣйшее разочарованіе.

— Сегодня ночью намъ предстоить еще дѣло,—сказалъ я,—у меня заказаны по дорогѣ подставы до самой середины Мекленбурга, надобно отпустить ихъ.

Я сѣлъ въ экипажъ, Гензель на козлы, и мы покатили. Это было грустное путешествіе. Мыѣхали часа три темною ноябрьскою ночью, но вотъ навстрѣчу намъ показался другой экипажъ, и его кучерь высѣкъ огонь. У меня съ собой было огниво, и я сдѣлалъ то же. Это былъ знакъ для опознанія другъ друга, мы такъ условились съ мекленбургскими пріятелями. Встрѣчный экипажъ остановился, и нашъ равнѣмъ образомъ.

— Это наши? — спросилъ голосъ кучера. Вопросъ былъ тоже заранѣе условленъ.

— Ваши,—отвѣчалъ я,—но дѣло не выгорѣло. Пожалуйста, вѣзжайте назадъ, сообщите объ этомъ слѣдующей подставѣ и попросите дать знать дальше. Но ради Бога, никому другому не говорите ни слова, иначе все пропало.

— Понятное дѣло! Но эта проклятая исторія. Что же такое случилось, отчего не удалось?

— Въ другой разъ расскажу! Спокойной ночи!

Оба экипажа повернули назадъ. Мы поѣхали въ Шпандау, но очень медленно, точно на похоронахъ. Оба мы молчали, каждый былъ занятъ собственными мыслями. Я мучился страшными упреками совѣсти. Развѣ нельзя было очень легко предотвратить тотъ несчастный случай, который разстроилъ наши планы? Развѣ мы не могли сдѣлать двойныхъ ключей отъ камеры, какъ сдѣлали отъ калитки и отъ инспекторской? Конечно, могли. А почему мы этого не сдѣлали? Почему Бруне не подумалъ объ этомъ? Но если ему это не пришло въ голову, развѣ не обязанъ быть я объ этомъ подумать? Значить, я не исполнилъ своей обязанности. Я, одинъ я, виноватъ въ этой ужасной неудачѣ. По моей винѣ Кинкель не имѣлъ свободѣ и не ѳдетъ въ настоящую минуту къ берегу моря. Плоды долгой и опасной работы потеряны вслѣдствіе моей небрежности, моего легкомыслія. Буду ли я когда-нибудь въ состояніи снова собрать разорванныя нити? А если и буду, развѣ не можетъ легко случиться, что изъ неосторожности кого-либо изъ участниковъ о нашей попыткѣ пойдуть слухи и Кинкеля станутъ стеречь болѣе строго, или даже переведутъ въ какую-нибудь другую тюрьму? Положимъ, этого не случится. Но гдѣ же ввѣренныи миѣ деньги? Ихъ у меня нѣтъ, они въ рукахъ человѣка, который можетъ, если захочетъ, присвоить ихъ себѣ, а я не имѣю возможности вытребовать ихъ у него. Такимъ образомъ, по моей винѣ Кинкель обреченъ всю жизнь терпѣть свою ужасную судьбу!

Наконецъ, Гензель прервалъ молчаніе,—не заѣхать ли намъ на вѣсколько часовъ въ Ораніенбургъ? сказалъ онъ.—Мы могли бы покормить тамъ лошадей, немного поспать и, не торопясь, ѳхать дальше. Я ничего не имѣлъ противъ этого: я чувствовалъ сильную усталость и кромѣ того, если о нашихъочныхъ походженіяхъ станутъ болтать въ Шпандау, и намъ будетъ грозить какая-нибудь опасность, Крюгеръ навѣрно предупредить настъ.

Было еще совсѣмъ темно, когда мы остановились въ гостиницѣ, знакомой Гензелю. Тяжелыя мысли продолжали мучить меня, но въ концѣ концовъ я всетаки заснулъ. Когда я проснулся, было уже совсѣмъ свѣтло. Со мною вмѣстѣ проснулось и сознаніе нашей неудачи, проснулось еще съ большою ясностью, чѣмъ ночью. Такого рода пробужденіе принадлежитъ къ несчастнѣйшимъ минутамъ человѣческой жизни.

Гензель замѣтилъ мое настроеніе и старался казаться веселымъ; для моего успокоенія увѣрялъ, что наши друзья въ Шпандау люди не только преданные, но и умѣющіе молчать, и что тюремные надзиратели не станутъ болтать ради собственной выгоды; вѣроятно, можно будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлать новую попытку. Я охотно поддакивалъ ему. Дѣйствительно, меня уже занимали мысли о томъ, что слѣдуетъ теперь дѣлать, мысли, представляющія самое лучшее утѣшеніе въ несчастіи. Я

часто испытывал въ жизни что, когда наскъ поразить какой-нибудь ударъ, самое лучшее это представить себѣ въ умѣ какъ можно яснѣе самыя дурныя стороны его, и такимъ образомъ, испить чашу горечи до послѣдней капли, а потомъ обратить мысли на будущее и заниматься исключительно тѣмъ, что должно быть сдѣлано, чтобы исправить зло, или чтобы невозвратно потерянное замѣнить чѣмъ либо другимъ, сноснымъ.

Мы не спѣшили возвращаться въ Шпандау! Намъ казалось даже лучше пріѣхать туда вечеромъ, когда уже стемнѣеть, и поэтому мы выѣхали послѣ обѣда и не гнали лошадей. Въ Шпандау я узналъ отъ Крюгера, что тамъ все было спокойно. Я немедленно отправился на квартиру Бруне. Онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и, очевидно, ждалъ меня. Сигарный ящичекъ стоялъ на столѣ.

— Проклятая исторія вышла сегодня ночью,—сказалъ онъ. Я виноватъ. Все было отлично устроено, но, когда я открылъ шкафъ въ инспекторской, оказалось, что тамъ нѣтъ ключей отъ камеры. Я всюду искалъ ихъ, нѣть и нѣть. Сегодня утромъ говорили, что инспекторъ, вместо того, чтобы положить ихъ въ шкафъ, нечаянно сунулъ ихъ въ карманъ и унесъ домой.

— Вотъ деньги,—продолжалъ онъ, помолчавъ съ минуту и указывая на сигарный ящичекъ. Возьмите ихъ, но прежде пересчитайте. Онѣ всѣ цѣлы.

Я пожалъ руку этого честнаго человѣка и въ душѣ попросилъ у него прощенія за мои сомнѣнія.

— Для чего мнѣ пересчитывать то, что даете вы,—повторилъ я его вчерашнія слова.—Но что же намъ теперь дѣлать? Я не отказываюсь отъ своего намѣренія. Будемъ мы ждать до вашаго слѣдующаго дежурства?

— Мы, конечно, могли бы подождать,—отвѣчалъ онъ,—и въ это время поддѣлать всѣ ключи, чтобы съ нами опять не случилась такая же глупая исторія.—Но я сегодня много думалъ объ этомъ дѣлѣ; право, стыдно заставлять несчастнаго человѣка просидѣть лишній день! Я хочу попытаться освободить его сегодня ночью, если у него хватитъ смѣлости на одну отчаянную штуку.

— Какъ? Сегодня ночью?

— Да, сегодня ночью. Выслушайте меня спокойно.

Бруне рассказалъ мнѣ, что надзиратель, который долженъ сегодня ночью дежурить въ верхнемъ этажѣ, заболѣлъ, и онъ, Бруне взялся замѣстить его. И вотъ ему пришло въ голову, что онъ безъ большого труда можетъ провести Кинкеля на чердакъ, а оттуда съ помощью веревки спустить его на улицу. Для этого ему, конечно, опять-таки нуженъ ключъ отъ камеры, но сегодня инспекторъ навѣрно ужъ не унесетъ ключи по разсѣянности домой, а положить, куда слѣдуетъ. Я долженъ позаботиться, чтобы на улицѣ никакого не было, пока Кинкель спускается, а когда онъ спустится, встрѣтить его и поскорѣй увезти.

— Это, конечно, довольно отчаянная штука, — прибавил Бруне, — от крыши до улицы не меньше шестидесяти футовъ. Но если у господина профессора хватить смѣлости, мнѣ кажется, это можетъ удастся.

Что у Кинкеля хватить смѣлости, за это я могъ поручиться. Чѣмъ не рискнетъ заключенный, чтобы вырваться на свободу!

Мы скоро сговорились о всѣхъ подробностяхъ. Я взялся немедленно доставить Брунѣ необходимую для спуска веревку. Онъ хотѣлъ обмотать себя ею подъ сюртукомъ и такимъ образомъ снести ее въ смирительный домъ. Я долженъ былъ въ 12-мъ часу ночи стоять въ глубокой нишѣ дома на противоположной сторонѣ улицы, противъ воротъ смирительного дома и смотрѣть на его слуховые окна. Если въ одномъ изъ этихъ оконъ покажется свѣтъ фонаря, то поднимающійся, то опускающійся, это будетъ знакомъ, что наверху все въ порядкѣ, и что Кинкель готовъ спускаться. Я, стоя въ нишѣ, долженъ высѣчь вѣсколько искрь огня, и это будетъ для Брунѣ сигналомъ, что внизу на улицѣ все въ порядкѣ, и я пришу Кинкеля.

Я дружески пожалъ руку Брунѣ на прощанье и поспѣшилъ въ гостиницу Крюгера. Поритцъ и Леддинъ, за которыми я послалъ, достали веревку требуемой длины и толщины и снесли ее въ квартиру Брунѣ. Но какъ мы увеземъ Кинкеля? На этотъ разъ у меня не было приготовлено подставъ по дорогѣ. Въ прошлую ночь все разстроилось. Къ счастью, Гензель еще былъ у Крюгера. Узнавъ, что предполагалось сдѣлать черезъ нѣсколько часовъ, онъ пришелъ въ восторгъ.

— Я вѣсъ повезу, пока хватить силъ у моихъ лошадей! — вскричалъ онъ.

— Нашъ пріятель живеть въ Нейстрелицѣ, — возразилъ я, — вѣсколько почтовыхъ перегоновъ отсюда. — Выдержать ли ваши лошади такой путь?

— Чортъ ихъ побери, если не выдержатъ! — сказалъ Гензель.

Приходилось рискнуть и надѣяться на счастье.

Послѣ этого мы сговорились съ Поритцомъ и Леддиномъ о томъ, какія принять мѣры, чтобы на улицѣ не появились случайные прохожіе во время спуска Кинкеля. Мы придумали простое средство. На углахъ улицы съ обѣихъ сторонъ станутъ мои друзья съ тѣми самыми сильными пріятелями, которые сторожили прошлую ночь. При появлѣніи какого-нибудь запоздалаго прохожаго, они представляются пьяными и разными забавными штуками, удержать его или заставить свернуть въ сторону. Въ случаѣ издѣбности можно было пустить въ ходъ и силу. Леддинъ и Поритцъ ручались, что дѣло будетъ сдѣлано чисто.

— Замѣчательное совпаденіе, — съ улыбкой замѣтилъ Крюгеръ. Сегодня вечеромъ у меня въ гостинице спрашиваютъ день рожде-

и, приглашены многие надзиратели изъ смирительного дома. Мне
заказанъ пуншъ, я постараюсь сдѣлать его покрѣпче.

— И вы удержите подольше надзирателей?

— Объ этомъ не беспокойтесь! Ни одинъ изъ нихъ не помѣ-
шаетъ вамъ!

Эта перспектива привела насъ въ самое веселое расположе-
ніе духа, и у насъ устроился превеселый ужинъ. Но всетаки
мысли наши были постоянно направлены на разныя случайности,
которые могли опять помѣшать намъ, и мы во время вспомнили
одно важное обстоятельство.

Когда Кинкель станетъ спускаться изъ слухового окна и ве-
ревка будетъ скользить по карнизу, легко можетъ случиться, что
сорвутся куски штукатурки или цѣлые кирпичины и съ шумомъ
упадутъ на улицу. Поэтому мы условились, что въ 12 часовъ Ген-
зель медленно проѣдетъ въ своемъ экипажѣ по Потсдамской улицѣ
мимо смирительного дома, чтобы грохотъ колесъ по дурной мосто-
вой заглушилъ всякий другой шумъ.

Въ полночь я стоялъ вооруженный, какъ въ прошлую ночь, въ
глубокой темной нишѣ подъѣзда, прямо противъ смирительного
дома. Углы улицы справа и слѣва были заняты по договору, но
наши караульные держались въ сторонѣ. Черезъ нѣсколько минутъ
ночной сторожъ прошелъ по улицѣ спокойнымъ шагомъ. Прямо
противъ меня онъ завергѣлъ свою трещетку и прокричалъ двѣнад-
цать часовъ. Затѣмъ онъ отправился дальше и исчезъ. Какъ бы я
былъ радъ, если бы разразилась непогода, если бы шумѣлъ вѣ-
теръ и барабанилъ дождь. Но нѣть, ночь была зловѣще тиха. Я
не сводилъ глазъ съ тюремной крыши, въ темнотѣ я съ трудомъ
различалъ окна. Рѣдкіе уличные фонари свѣтили тускло. Вдругъ
на верху блеснула яркій свѣтъ, съ помощью котораго я ясно раз-
личилъ слуховое окно. Свѣтъ три раза опускался и поднимался.
Это былъ ожидаемый сигналъ. Я быстро огляделъ улицу направо
и налево. На ней никого не было видно. Тогда я послѣшилъ вы-
сѣть огнivомъ нѣсколько искръ. Черезъ секунду свѣтъ въ слухо-
вомъ окнѣ исчезъ, и я увидѣлъ темное тѣло, которое медленно
двигалось по стѣнѣ. Сердце мое сильно било, потъ выступилъ у
меня на лбу. Вдругъ случилось именно то, чего я боялся: куски
шифера и кирпичей полетѣли съ громкимъ шумомъ на тротуаръ.
Господи, спаси насы! Въ ту же минуту по неровной мостовой съ
грохотомъ проѣхалъ экипажъ Гензеля. Шума отъ паденія кирпи-
чей больше не было слышно. Но что, если они попали въ голову
Кинкеля и опѣломили его? Темное тѣло почти достигло земли. Въ
нѣсколько прыжковъ я былъ подлѣ него и обхватилъ его. Это онъ
это мой другъ, онъ живъ и стоить твердо на ногахъ.

— Это была смѣлая штука! — сказалъ онъ мнѣ.

— Слава Богу, — отвѣчалъ я. — Скорѣй, надо снять веревку и
уходить.

Я напрасно старался развязать узелъ веревки, которымъ ~~онъ~~
былъ связанъ.

— Я не могу тебѣ помочь,—прошепталъ Кинкель, — веревка
страшно натерла мнѣ обѣ руки.

Я вынулъ свой охотничій ножъ и съ большимъ трудомъ пере-
рѣзалъ веревку. Длинный конецъ тотчасъ же былъ быстро втя-
нутъ на чердакъ. Пока я закутывалъ Кинкеля въ шинель и из-
давалъ ему галоши, онъ оглядывался съ беспокойствомъ.

Коляска Гензеля повернула назадъ и медленноѣхала къ намъ.

— Что это за экипажъ?—спросилъ Кинкель.

— Это нашъ.

Темные фигуры появились на углахъ улицы и поглядывали на
насъ.

— Господи помилуй! Что это за люди?

— Это наши друзья.

Пройдя немного, мы услышали пѣніе: нѣсколько мужскихъ го-
лосовъ распѣвало: «Мы весело пируемъ вмѣстѣ».

— А это что такое?—спросилъ Кинкель, когда мы черезъ по-
реулокъ подходили къ гостиницѣ Крюгера.

— Твои тюремщики распиваются пуншъ.

— Превосходно,—замѣтилъ Кинкель.

Въ гостиницу мы прошли заднимъ ходомъ и очутились въ
комнатѣ, где Кинкель долженъ былъ переодѣться. Мы ему приго-
товили черный суконный костюмъ, большую медвѣжью шубу и
шапку съ наушниками, какія носятъ прусскіе лѣсничіе. Изъ со-
сѣдней комнаты слышались голоса цирюющіхъ. Крюгеръ, глядѣ-
вшій нѣсколько минутъ, какъ Кинкель менѣетъ свою арестантскую
форму на новое платье, вдругъ удалился съ какою-то лукавой
улыбкой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, неся подносы съ
наполненными стаканами.

— Господинъ профессоръ,—сказалъ онъ,—рядомъ въ комнатѣ
сидятъ ваши тюремные надзиратели и пьютъ пуншъ. Я попросилъ
ихъ дать мнѣ пару стаканчиковъ для двухъ пріятелей, сейчашъ
пріѣхавшихъ ко мнѣ изъ Берлина. Они съ удовольствіемъ согла-
сились. И вотъ, съ вашего позволенія, господинъ профессоръ, мы
въ первый разъ выпьемъ за ваше здоровье пуншемъ вашихъ тю-
ремщиковъ.

Мы съ трудомъ удержались, чтобы громко не расхохотаться.

Переодѣванье Кинкеля было скоро кончено и его окровавлен-
ные веревкою руки обвязаны носовыми платками. Онъ въ немно-
гихъ словахъ поблагодарилъ своихъ самоотверженныхъ друзей, но
они не могли безъ слезъ слушать этихъ словъ. Послѣ этого мы
ѣли въ экипажъ Гензеля. Надзиратели смирительного дома про-
должали наслаждаться своимъ пуншемъ.

Рѣшено было, что мы выѣдемъ изъ Штандзау черезъ Потсдам-
скія ворота, по дорогѣ въ Гамбургъ и уже послѣ свернемъ въ ту

сторону, куда намъ было нужно, чтобы въ случаѣ погони навестили на ложный слѣдъ своихъ преслѣдователей. Нашъ экипажъ съ грохотомъ проѣхалъ черезъ Потсдамскія ворота; эта хитрость оказалась кстати: мы впослѣдствіи узнали, что на основаніи донесенія караульного у воротъ, за нами, дѣйствительно, гнались по дорогѣ въ Гамбургъ. Не дѣвжая городка Науена, мы повернули направо по проселочной дорогѣ и выѣхали на шоссе между Берлиномъ и Стрелитцемъ. Лошади быстро неслись впередъ.

Кинкель вполнѣ ясно созналъ, что съ нимъ произошло, только тогда, когда при скоройѣздѣ ночной вѣтеръ освѣжилъ ему лицо.

— Мнѣ бы хотѣлось пожать тебѣ руку,—сказалъ онъ,—но я не могу; мои руки слишкомъ исцарапаны.

Онъ обнялъ меня за шею и нѣсколько разъ прижалъ къ себѣ.

Мнѣ вовсе не хотѣлось выслушивать его благодарность, и я стала разсказывать ему, какъ у настѣ все было превосходно устроено въ прошлую ночь, какъ несчастная случайность разстроила наши планы, и какъ грустноѣхалъ я въ этомъ самомъ экипажѣ 24 часа тому назадъ.

— Это была самая ужасная ночь во всей моей жизни,—говорилъ Кинкель.—Бруне сказалъ мнѣ, что я долженъ готовиться, и я ожидалъ указаннаго часа съ полной надеждою. Въ двѣнадцатомъ часу я былъ готовъ. Я прислушивался, какъ только можетъ прислушиваться человѣкъ, долго сидѣвшій въ одиночномъ заключеніи. Иногда мнѣ слышался шумъ шаговъ въ коридорахъ, но они не приближались ко мнѣ. Я считалъ бой часовъ. Пробило 12, четверть первого, и у меня въ первый разъ явилась мысль: не ужели не удастся? Минута проходила за минутой, и все было тихо. Меня охватилъ ужасъ, которого я не могу описать. На либу выступилъ потъ. До часу я еще продолжалъ слегка надѣяться. Но когда и во второмъ часу Бруне не пришелъ, я рѣшилъ, что все ироніало. Самые ужасныя картины вставали въ моемъ воображеніи. Очевидно, весь планъ открытъ. Ты въ рукахъ полиціи и приготовленъ на много лѣтъ къ тюремному заключенію. Я до старости осужденъ носить арестантскую куртку. Жена и дѣти не вынесутъ своей печальной судьбы. Я, какъ безумный, трясъ рѣшетку загородки. Потомъ обезсиленный упалъ на свой соломенный тюфякъ. Кажется, я былъ близокъ къ сумасшествію!

— Ну, а сегодня?

— О, сегодня! Я едва вѣрилъ глазамъ и ушамъ, когда Бруне вошелъ въ мою камеру съ фонаремъ въ рукѣ и шепнулъ мнѣ透过 решетку:— Вставайте скорѣй, господинъ профессоръ! Теперь можноѣѣхать!—Это былъ точно электрический ударъ. Я сразу вскочилъ на ноги. Но знаешь, и сегодня ночью чуть-чуть все не разстроилось!

Я съ волненіемъ слушалъ Кинкеля, и дрожь пробѣгала у ~~меня~~ по тѣлу во время его разсказа.

Въ половинѣ двѣнадцатаго Бруне уже былъ въ камерѣ Кинкеля. На этотъ разъ онъ нашелъ ключи въ шкафу и отворилъ дверь камеры. Разбудивъ Кинкеля, онъ сталъ другимъ ключемъ отпирать дверь перегородки. Но какъ онъ ни старался, замокъ не поворачивался, это былъ не тотъ ключъ. Впослѣдствіи оказалось что ключъ, съ которымъ Бруне напрасно мучился, былъ отъ ставней, а однимъ изъ ключей отъ камеры можно было открыть и загородку; значить, настоящій ключъ былъ у него въ рукахъ, а онъ этого не зналъ и въ волненіи не подумалъ объ этомъ.

И вотъ, они стояли Кинкель съ одной стороны перегородки, Брунѣ съ другой, оба волнуясь, не зная, что дѣлать. Кинкель съ силой отчаянья схватилъ одинъ изъ столбиковъ перегородки, налегъ на него всею своею тяжестью и пытался сломать его. Брунѣ старался перерубить его своею саблей. Всё напрасно.

— Господинъ профессоръ,—сказалъ онъ наконецъ,—вы должны быть свободны, хоть бы мнѣ пришлось поплатиться жизнью.

Онъ вышелъ изъ камеры и черезъ минуту вернулся съ топоромъ въ рукахъ. Нѣсколькими сильными ударами онъ немножко отверълъ двѣ перекладины изъ нижняго поперечнаго бруса, потомъ, дѣйствуя топоромъ, какъ рычагомъ, онъ отверълъ ихъ еще дальше. Кинкель съ яростью ухватился за нихъ и отогнуль ихъ еще больше, такъ что образовалось отверстіе,透过 которое могла, хотя съ большимъ трудомъ, пролѣзть его широкоплечая фигура.

Но неужели удары топора Бруне не вызвали тревоги во всемъ домѣ? Они прислушивались, «затаивъ дыханіе. Ничто не шевелилось. Дѣло въ томъ, что Бруне, прежде чѣмъ работать топоромъ, тщательно заперъ за собою обѣ толстыя двери камеры. Удары топора, страшно громкіе внутри камеры, были заглушены толстыми стѣнами и тяжелыми двойными дверями, такъ что слабо раздались вѣвъ ея. Они не разбудили спавшихъ, а не спавшия или не слышали ихъ, или подумали, что это стукъ на улицѣ.

Бруне вышел съ Кинкелемъ изъ камеры и заперъ дверь ея. Имъ пришлось пройти по коридорамъ, входить на лѣстницы, пережидать въ темныхъ углахъ и даже пропустить мимо себя одного изъ ночныхъ надзирателей, который не былъ посвященъ въ тайну. Наконецъ, они дошли до чердака и до слухового окна, съ которого предполагалось совершить воздушное путешествие; Кинкель признался мнѣ, что у него закружилась голова, когда онъ взглянулъ сверху на глубоко лежавшую внизу улицу и на тонкую веревку, которая должна была поддерживать его. Но когда блеснула мой сигналъ, и Бруне шепотомъ объяснилъ ему, что это значитъ, онъ быстро овладѣлъ собой и бросился внизъ. Въ ту же минуту кровельный шиферъ и кирпичи дождемъ посыпались на него, но ни одинъ не зашибъ его. Только руки, которыми онъ сначала слишкомъ высоко схватилъ веревку, и черезъ которыхъ онъ долженъ

быть пропускать ее, сильно пострадали. Но это была ничтожная рана при такой тяжелой борьбе и такой великой победѣ.

Когда Кинкель кончилъ свой разсказъ, Гензель досталъ бутылку превосходнаго рейнавейна, который Крюгеръ далъ намъ на дорогу, и мы выпили за «счастливое возрождение» и за здоровье смѣлаго Бруне, безъ преданности и неустранимости котораго всѣ наши планы и труды пропали бы даромъ. Это были чудныя, счастливыя минуты, которыхъ почти заставили насъ забыть, что, пока мы находимся на нѣмецкой землѣ, опасность не миновала, и наше дѣло еще не выиграно.

Всю ночьѣхали мы скорою рысью. Мнѣ до сихъ поръ слышится громкое «Подвѣсь вѣставу» Гензеля всякий разъ, какъ мы подѣѣжали къ шлагбаумамъ, у которыхъ брались шоссейные сборы. Мы пролетѣли, не останавливаясь, Ораненбургъ, Тешендорфъ, Левенбергъ. Но, когда мы подѣѣжали къ маленькому городку Гранзее, за 8 нѣмецкихъ миль отъ Шпандау, мы замѣтили, что лошади не выдержатъ, что необходимо дать имъ передохнуть. Мы остановились въ трактирѣ около Гранзее, простасали тамъ съ полчаса, подѣормили ихъ и покатили дальшѣ.

Только теперь, при дневномъ свѣтѣ могъ я, какъ слѣдуется, разглядѣть Кинкеля. Годъ тому назадъ это былъ молодой, цвѣтущій человѣкъ; какъ онъ измѣнился! Въ коротко остриженныхъ волосахъ проглядывала сѣдина, цвѣть лица былъ землистый, кожа пергаментная, щеки ввалились, носъ заострился, на лицѣ появились глубокія морщины. Если бы я гдѣ-нибудь неожиданно встрѣтилъ его, я бы его не узналъ.—Однако, хорошо они тебя отдѣли, —замѣтилъ я ему.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—хорошо, что ты во время выхватилъ меня оттуда. Еще два, три года, и я бы сгорѣлъ, обуглился, изсохъ тѣломъ и душой. Кто этого не испыталъ, не можетъ понять, что значитъ одиночное заключеніе и униженія, какія приходится терпѣть, когда поставленъ на одну доску съ простыми преступниками. Ну, ничего,—весело прибавилъ онъ,—теперь для меня опять начнется человѣческая жизнь.

И онъ съ своимъ обычнымъ остроуміемъ сталъ представлять, какъ именно въ это время въ смирительномъ домѣ Шпандау сдѣлано открытие, что Кинкель, точно птица, вылетѣлъ изъ своей камеры, какъ одинъ изъ надзирателей съ встревоженнымъ видомъ побѣжалъ къ директору, какъ директоръ, инспекторъ и всѣ служащіе стали совѣщаться, а затѣмъ побѣжали къ высшему начальству; какъ будуть наводиться справки у караульныхъ около всѣхъ воротъ и узнаютъ, что въ первомъ часу ночи какой-то экипажъ быстро проѣхалъ черезъ Потсдамскія ворота, какъ поспѣшно будетъ снаряженъ отрядъ конныхъ полицейскихъ, какъ онъ погонится за нами черезъ Науенъ въ Гамбургъ, а мы въ это время будемъ спокойно сидѣть въ гостяхъ у нашихъ мекленбургскихъ друзей.

— Мы бы только хотѣлось, чтобы мы могли поскорѣй выѣхать изъ Пруссіи,—замѣтилъ Гензель.

Быть уже совсѣмъ день, когда мы подѣхали къ границѣ Мекленбурга. Въ полной безопасности мы и тамъ не были, но всетаки тамъ было безопаснѣе, чѣмъ въ Пруссіи, такъ какъ въ Мекленбургѣ полиція была менѣе дѣятельна. Но наши лошади бѣжали все тише и тише. Одна изъ нихъ совсѣмъ пристала. Намъ пришлось остановиться въ первой мекленбургской гостиницѣ, попавшейся намъ. Гензель вымылъ лошадей теплой водой, это немного помогло, но не надолго. Доѣхавъ до городка Фирстенберга, мы принуждены были сдѣлать большую остановку, такъ какъ лошади окончательно выбились изъ силъ. Уже послѣ полудня, сдѣлавъ 13 нѣмецкихъ миль, мы доѣхали до Стрелитца, гдѣ у насть былъ преданный другъ и покровитель, городской судья Петерманъ, который участвовалъ въ устройствѣ подставъ прошлой ночью.

Петерманъ встрѣтилъ насть съ такимъ восторгомъ, что я боялся, какъ бы онъ не сталъ сообщать объ этомъ радостномъ событии всѣмъ прохожимъ по улицѣ. И дѣйствительно, онъ не могъ удержаться, чтобы не послать тотчасъ же за нѣсколькими пріятелями. Очень скоро устроился превосходный обѣдъ съ веселыми тостами, а въ это время подѣхалъ экипажъ со свѣжими лошадьми. Мы самымъ дружескимъ образомъ распрощались съ Гензелемъ. Обѣ его красивыя лошади легли, какъ только вошли въ конюшню, и одна изъ нихъ уже больше не вставала. Вѣчная ей память!

Петерманъ провожалъ насть дальше, и мыѣхали быстро, нигдѣ не останавливаясь. Въ Нейбранденбургѣ и въ Тетеровѣ мы перемѣнили лошадей, и на слѣдующій день, 8 ноября, въ восьмомъ часу утра были въ гостиницѣ Бѣлаго Креста около Ростока; Петерманъ тотчасъ же сходилъ за Морицемъ Виггерсомъ, и тотъ взялъ на себя всѣ дальнѣйшия заботы о насть. Онъ немедленно отправилъ насть въ сопровожденіи купца Блуме въ портовый и купальныи городъ Варнемюнде, гдѣ мы остановились въ гостиницѣ Велерта. Петерманъ радовался, что та часть нашего предпріятія, въ которой онъ участвовалъ, такъ хорошо удалась, и вполнѣ довольный вернулся въ Стрелитцъ. Дорогой мы привыкли называть Кинкеля Кейзеръ, а меня Гензель, и подъ этими именами мы записались въ гостиницѣ.

Виггерсъ описалъ намъ Варнемюнде, какъ городокъ съ патріархальными учрежденіями и нравами, гдѣ полиція существуетъ только по имени, и гдѣ, въ случаѣ, если прусское правительство станетъ требовать нашей выдачи, мѣстныя власти прежде всего постараются укрыть насть отъ опасности. Тутъ, говорилъ онъ, мы можемъ спокойно жить, пока представится удобный случай переправиться въ Аиглію. Въ Варнемюнде я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ море, но въ то время намъ было не до наслажденія природой. Кинкель провелъ двѣ, а я три ночи въ экипажѣ. Мы были страшно утом-

лены и какъ только добрались до своихъ комнатъ, тотчасъ же заснули спать. У меня всетаки отчасти сохранилось сознаніе нашего положенія: я сунулъ пистолеты себѣ подъ подушку, и Блуме рассказывалъ послѣ, что когда онъ, шесть часовъ спустя, тихонько вошелъ ко мнѣ въ комнату, я тотчасъ же открылъ глаза и закричалъ: «Кто тамъ?» и схватился за оружіе, такъ что онъ поспѣшилъ уйти.

На слѣдующій день Виггерсъ опять пришелъ къ намъ. Онъ сообщилъ, что на рейдѣ стоитъ всего одинъ бригъ, но онъ еще не готовъ къ отплытію. Его пріятель, купецъ и фабрикантъ Эрнстъ Брокельманъ находилъ, что будетъ лучше, если мы отправимся на его собственномъ суднѣ, а пока это судно будетъ готовиться къ отплытію, поживемъ въ его домѣ. Мы оставили гостиницу, сѣли въ лодку одного варнемюндскаго лоцмана, перѣѣхали широкую бухту, вошли въ рѣку Варновъ и пристали къ берегу около деревни, где нась ждалъ Брокельманъ съ своимъ экипажемъ. Онъ привѣтствовалъ насъ самымъ дружелюбнымъ образомъ, и мы скоро сошлись съ нимъ, точно старые знакомые. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, убѣжденный демократъ, извѣстный по всей округѣ, какъ защитникъ и покровитель всѣхъ бѣдныхъ и угнетенныхъ. Съ рабочими у него были наилучшія огношениа; предлагая намъ убѣжище въ своемъ домѣ, онъ съ полнымъ правомъ говорилъ, что, въ случаѣ надобности, они, по его желанію, станутъ защищать этотъ домъ до тѣхъ поръ, пока намъ удастся уйти изъ него. Впрочемъ, въ этомъ не могло встрѣтиться надобности: пріѣздъ въ его гостепріимный домъ гг. Кайзера и Гензеля никого не могъ удивить, а если бы его прислуга заподозрила нашу тайну, она никогда не выдала бы нась. Однимъ словомъ, онъ ручался за нашу безопасность.

Въ домѣ Брокельмана мы прожили нѣсколько дней спокойно, привольною жизнью. Самъ хозяинъ, вся его семья и небольшой кругъ друзей, знаяшихъ нашу тайну, окружали нась самыми любезными вниманіемъ. Не могу описать, съ какой заботливостью наша хозяйка ухаживала за больными руками Кинкеля, какъ она обивала, перевязывала ихъ! А что сказать о неизбѣжныхъ по мекленбургскому гостепріимству первомъ завтракѣ, второмъ завтракѣ, по возможности, третьемъ завтракѣ, обѣдѣ, послѣобѣденномъ кофе съ пирогами, ужинѣ, «закусочкѣ передъ сномъ» и «ночномъ колпакѣ», которые съ ранняго утра до поздней ночи слѣдовали другъ за другомъ черезъ самые короткіе промежутки времени! Что сказать о нашихъ вечеринкахъ, за которыми вино лилось рѣкой, и Виггерсъ часто артистически игралъ сонаты Бетховена, а одинъ разъ домашній оркестръ исполнилъ общій революціонный гимнъ, марсельезу. А какъ хороши были прогулки въ саду, поздно ночью, когда вся прислуга уже спала!

Разумѣется, при этомъ мы не забывали и серьезной сторонѣ маркъ штурмъ.

иашего положенія. Брокельманъ велѣль приготовить для нась однѣ изъ своихъ собственныхъ судовъ, шхуну въ 40 тоннъ, очень хорошо ходившую подъ парусами. «Маленькая Анна», такъ называемая шхуна, должна была свезти грузъ пшеницы въ Англію и днемъ ея отплытія назначено было 17 ноября, если до тѣхъ порь сколько-нибудь стихнетъ все время дувшій сильный сѣверо-восточный вѣтеръ.

Между тѣмъ, извѣстіе о бѣгствѣ Кинкеля попало въ газеты и надѣлало много шума. Наши друзья въ Ростокѣ старались разузнать все, что обѣ этомъ дѣлѣ печатали или говорили. Они привезли намъ къ чаю напечатанное въ газетахъ объявленіе правительства о розыскахъ Кинкеля, и мы его читали, прерывая разными непочтительными и юмористическими вставками. О моемъ участіи въ его освобожденіи не знало въ то время ни начальство, ни публика. Особенно смѣшили насъ газетныя извѣстія о прїѣздѣ Кинкеля въ разныя мѣста въ одно и то же время. Либеральный пасторъ Дулонъ напалъ на счастливую мысль и подробно описалъ въ своей газетѣ, какъ и когда Кинкель перѣхалъ черезъ Бременъ и уѣхалъ на кораблѣ въ Англію. Нѣкоторые изъ моихъ друзей сообщали о его прїѣздѣ въ Цюрихъ и въ Парижъ. Одна газета подробно описала банкетъ, который дали ему нѣмецкіе эмигранты въ Парижѣ, и сообщила рѣчъ, которую онъ при этомъ произнесъ. Такимъ образомъ, прусская полиція была окончательно сбита съ толку.

Впрочемъ, до насъ доходили и тревожныя вѣсти. Такъ 14 ноября Виггерсъ получилъ письмо изъ Стрелитца, написанное неизвестнымъ почеркомъ и безъ подписи, такого содержанія. «Отсыпайте скорѣй товаръ, отданный вамъ на сохраненіе; промедленіе можетъ быть опасно». Очевидно, полиція напала на нашъ слѣдъ между Шпандау и Стрелитцомъ и оттуда выслѣживала дальнѣе. На другой день къ Виггерсу пришелъ неизвестный ему человѣкъ, отрекомендовался, какъ землевладѣлецъ Гензель, и спрашивавъ, находится ли въ Ростокѣ Кинкель, которого онъ вѣзъ отъ Шпандау до Стрелитца. Виггерсъ много разъ слышалъ, съ какой похвалой мы отзывались о Гензеле, но онъ подумалъ, что это, можетъ быть, совсѣмъ не Гензель, а просто шпionъ. Онъ представился удивленнымъ, что Кинкель можетъ быть въ Ростокѣ, обѣщаю навести справки и просилъ незнакомца прийти завтра. Онъ рассказалъ намъ обѣ этомъ посѣтителѣ и, когда описалъ его наружность, мы сразу узнали, что это Гензель. Онъ говорилъ Виггерсу, что прїѣхалъ въ Ростокъ потому только, что сильно беспокоился о насъ. Намъ съ Кинкелемъ очень хотѣлось повидаться съ нимъ и еще разъ пожать ему руку. Но Виггерсъ, напуганный письмомъ изъ Стрелитца, настоятельно совѣтовалъ намъ соблюдать величайшую осторожность и обѣщалъ передать наши поклоны Гензелю, который хотѣлъ пробыть въ Ростокѣ до 18, когда мы будемъ въ открытомъ морѣ.

Вследствіе этихъ обстоятельствъ, мы, несмотря на правильную жизнь у Брокельмана, были очень рады, когда узнали, что съверо-восточный вѣтеръ стихъ, что «Анна» стоитъ на якорѣ около Варнемюнде и что все готово къ нашему отплытию 17 ноября.

Въ морозное воскресное утро мы отправились въ двухъ парусныхъ лодкахъ черезъ бухту къ мысу стоянки «Анны». Насъ провожалъ цѣлый вооруженный отрядъ, который наши друзья составили изъ вполнѣ надежныхъ людей и который, какъ говорилъ Виггерсъ,—«могъ отбить весьма солидную атаку полицейскихъ».

Капитанъ «Анны» былъ не мало удивленъ при видѣ такого большого количества посѣтителей, конечно, еще болѣе удивили его слѣдующія распоряженія Брокельмана:—Вы свезете этихъ двухъ господъ,—онъ указалъ на Кинкеля и на меня,—въ Ньюкестль. Около Гельзингера распустите паруса и не останавливайтесь, пошлину заплатите на возвратномъ пути. Въ случаѣ неблагопріятной погоды пристаньте съ судномъ къ шведскимъ берегамъ, но ни въ какомъ случаѣ не возвращайтесь ни въ одну нѣмецкую гавань. Если по состоянію вѣтра вамъ удобнѣе будетъ направиться не въ Ньюкестль, а въ какую-нибудь другую гавань восточного берега Англіи или Шотландіи, это все равно, вы должны постараться объ одномъ—какъ можно скорѣй прибыть въ Англію. Я поблагодарю васъ, если вы точно исполните мои приказанія.

Нѣкоторые изъ нашихъ друзей остались съ нами, пока маленький пароходикъ отбуксировалъ «Анну» въ открытое море. Настала минута прощанья. Кинкель, рыдая, обнялъ Виггерса и сказалъ:—Я самъ не знаю, радоваться ли мнѣ моему спасенію или горевать о томъ, что я долженъ, точно какой-то преступникъ, какой-то отверженный, бѣжать изъ дорогой родины.

Наши друзья перешли на пароходикъ, и мы съ чувствомъ благодарности прокричали имъ послѣднее прости. На прощанье они салютовали намъ изъ пистолетовъ и вернулись въ Варнемюнде, где отпраздновали спасеніе Кинкеля веселымъ обѣдомъ.

Мы съ Кинкелемъ стояли на кормѣ шхуны и слѣдили глазами за пароходомъ, который увозилъ нашихъ друзей. Затѣмъ наши взгляды остановились на родномъ берегу, и мы не могли оторвать отъ него глазъ, пока послѣдняя полоска его не исчезла въ вечернемъ сумракѣ. Такъ безъ словъ прощались мы съ родиной.

— Когда-то мы вернемся?—спрашивали мы другъ друга.

Оба мы были твердо увѣрены, что нась возвратить побѣдное народное восстаніе. Это была надежда, вызванная горячимъ желаніемъ и поддерживаемая сангвиническимъ темпераментомъ. Съ какимъ недовѣріемъ отнеслись бы мы въ ту минуту къ пророку, который сказалъ бы намъ, что я ступлю на нѣмецкую землю лишь черезъ десять лѣтъ, проѣздомъ въ Испанію, въ качествѣ посланника Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и что двери старой родины откроются для Кинкеля лишь послѣ австро-prus-

ской войны, по амнистии короля и президента Съверо-Германского союза, бывшаго принца Пруссаго.

Чтобы закончить исторію бѣгства Кинкеля, необходимо сказать нѣсколько словъ о судьбѣ лицъ, принимавшихъ въ ней дѣятельное участіе. Подозрѣніе сразу пало на Блуме. Его арестовали и привлекли къ слѣдствію. Сначала его ни въ чёмъ не могли уличить: но затѣмъ его посадили въ тюрьму вмѣстѣ съ переодѣтымъ агентомъ полиціи, и онъ, не подозрѣвая этой уловки, рассказалъ ему всю исторію. Его предали суду и приговорили къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія. Отбывъ срокъ наказанія, онъ съ семьей переселился къ себѣ на родину, въ Вестфалію, гдѣ, благодаря полученнымъ отъ меня деньгамъ, которыхъ полиціи не удалось разыскать, завелъ порядочное хозяйство и жилъ съ своей семьей вполнѣ благополучно до глубокой старости. Крюгеръ былъ также привлеченъ къ слѣдствію и отданъ подъ судъ. Передъ судомъ онъ не отрицалъ, что я остановливался въ его гостинице, но замѣтилъ что по своей профессіи онъ долженъ принимать прилично одѣтыхъ проѣзжихъ, которые, судя по наружности, въ состояніи уплатить по счету. При этомъ онъ никакъ не можетъ справляться, кто эти проѣзжіе, и что они намѣрены дѣлать. Такъ, напр., вскорѣ послѣ Берлинской революціи 18 марта 1848 г., въ его гостиницу пріѣхалъ одинъ очень видный господинъ съ нѣсколькими пріятелями. Всѣ эти господа сильно волновались, куда-то торопились, и вообще онъ замѣтилъ въ ихъ обращеніи что-то странное. Они очень скоро уѣхали, какъ онъ слышалъ, въ Англію. Ему и въ голову не пришло не пустить ихъ въ свою гостиницу, какъ неизвѣстныхъ. Впослѣдствіи онъ узналъ, что самый важный изъ этихъ господъ былъ его высочество, принцъ Прусскій. Этотъ разскажъ, сопровождаемый лукавой улыбкой Крюгера, привелъ въ самое веселое настроеніе всю публику, даже самихъ судей. Крюгеръ былъ оправданъ, продолжалъ спокойно жить въ Шпандау и умеръ въ семидесятыхъ годахъ.

Поритцъ, Леддингъ и Гензель не привлекались къ дѣлу, такъ какъ противъ нихъ не было никакихъ уликъ. Поритцъ и Гензель умерли черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описанного; а съ Леддингомъ я встрѣтился въ 1888 году въ Берлинѣ, гдѣ онъ жилъ богатымъ бургеромъ. Онъ умеръ уже въ 90-хъ годахъ.

Изъ Англіи.

I.

Явленіе, о которомъ я буду говорить въ этомъ письмѣ, наблюдается не въ одной только Англіи. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ благородные, серьезные экономисты, какъ Мілль, доказывали благодѣтельное влияніе этого явленія, если оно осуществится. И когда желаемое осуществилось, многие отступили теперь въ ужасъ предъ нимъ. Я говорю о постепенномъ паденіи процента рождаемости во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Возьмемъ только что появившійся офиціальный «Statistical Abstract». Изъ него мы видимъ, что въ настоящій моментъ населеніе:

Россійской имперіи	128.154,000
Соединенныхъ Штатовъ	76.308,000
Германской имперіи	60.605,000
Японіи	46.782,000
Великобританіи	41.458,000
Франціи	38.961,000
Италии	32.475,000
Австріи	26.150,000
Венгрии	19.254,000

Въ нѣкоторыхъ странахъ плотность населенія поразительна, напр., въ Египтѣ 750,5 на кв. милю; въ Бельгіи—588,7; въ Голландіи—406,4; въ Великобританіи—341,6; въ Японіи—316,9; въ Италии—293,5 и въ Германіи—290,4. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ населеніемъ въ 21,4 на кв. м. и въ Россіи съ 15,3 на кв. милю есть еще много простора для миллионовъ людей. Между тѣмъ Соединенные Штаты теперь закрываютъ входъ для пришлага населенія, создавшаго поразительное благосостояніе страны; а въ Россіи съ ея громадными пространствами земли миллионы крестьянъ голодаютъ, вслѣдствіе недостатка въ землѣ.

Обратимся теперь къ проценту рождаемости и смертности. На тысячу населенія рождается ежегодно: въ Россіи—49, въ Германской имперіи 34,1 (данные эти относятся къ 1904 г., съ 1896 г., какъ показываетъ статистика, процентъ рождаемости въ Германіи понижается: въ 1897 г. онъ былъ 36,3). Въ Японіи рождаемость

составляетъ 32 на 1 000; въ Италии—32,6; въ Австріи—35,6; въ Венгрии—37; въ Великобританіи—27,6 и во Франціи—21. Процентъ смертности почти всюду идетъ параллельно съ процентомъ рождаемости. Это видно изъ слѣдующей таблички. На тысячу населения смертей приходится:

Въ Россіи	31
„ Германіи	19,6
„ Японіи	20
„ Италии	20,9
„ Австріи	23,8
„ Венгрии	24,8
„ Великобританіи	16,5
„ Франціи	19,5
„ Бельгії	16,8
„ Даніи	13,9
„ Швеції	15,3
„ Норвегії	14,3

Анализъ цифръ показываетъ, что въ культурной странѣ, где личность обеспечена и представляетъ большую цѣнность, каждый гражданинъ имѣеть вдвое больше шансовъ на продолжительную жизнь, чѣмъ въ странѣ деспотической. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же анализъ таблицъ покажетъ намъ, что процентъ рождаемости въ культурныхъ странахъ постепенно падаетъ. Сперва, какъ известно, явленіе это было замѣчено во Франціи. И въ девяностыхъ годахъ благочестивые тартюфы въ Германіи и въ Англіи много писали о «вырожденіи» «развратной» республики. Обличенія прекратились только тогда, когда то же явленіе было отмѣчено въ Германіи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, британскихъ колоніяхъ,— словомъ, всюду, где существуетъ правильно поставленная статистика. У насъ, въ Россіи, въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ почти нѣть естественного прироста населенія; но только явленіе тутъ обусловливается поразительной, безпримѣрной въ Европѣ нищетой, безпросвѣтной темнотой и невѣроятными окружающими условіями. Явленія, о которыхъ я говорю въ этомъ письмѣ, относятся къ странамъ культурнымъ, богатымъ и свободнымъ. Еще недавно англійская экономическая литература почти всецѣло находилась подъ вліяніемъ Мальтуса, когда дѣло касалось прироста населенія. «Не въ тысячу ли разъ болѣе жестоко сказать человѣческимъ существамъ, что они имѣютъ право вступать въ бракъ, когда они этого права не имѣютъ, потому что послѣдствіемъ является безчисленное множество созданій (swarms of creatures), которыхъ навѣрно будуть несчастны и, очень возможно, обречены на преступленія? Возмущающіеся забываютъ, что явленіе,—неодобрение котораго, по ихъ мнѣнію, жестоко,—представляетъ рабское потворство животному инстинкту мужчины и беспомощному подчиненію со стороны женщины» (Милль). «Если бы возможно было бы хоть на нѣсколько лѣтъ остановить все прибывающій

потокъ новыхъ жизней, то благоденствіе человѣчества сильно поднялось бы». Это пишеть одинъ изъ современныхъ послѣдователей Мальтуса *). Желаемое осуществляется: «прибывающій потокъ новыхъ жизней мѣлѣеть»; но ожидаемыхъ мальтузіанцами благодѣтельныхъ результатовъ не послѣдовало. Многіе изъ искреннихъ англійскихъ мальтузіанцевъ теперь, какъ Faustъ при видѣ вызванаго духа, восклицаютъ въ ужасѣ:

«Schreckliches Gesicht... Weh! Ich ertrag' dich nicht»

(т. е. «Ужасный видъ... Горе мнѣ! Ты не по силамъ мнѣ»).

Между тѣмъ, изслѣдователя поражаютъ размѣры литературы, въ которой доказывалось, что только въ примѣненіи доктринъ Мальтуса на практикѣ спасеніе человѣчества.

Нео-мальтузіанская литература на англійскомъ языкѣ теперь громадна **). Мы видимъ тутъ увѣсистыя сочиненія въ родѣ «Плодовъ Философіи» бостонскаго доктора Чарльза Наултона, брошюры, журналы, газеты. Одни авторы пытаются создать нѣкоторое подобіе философской системы; другіе—ограничиваются практическими совѣтами. Часть нео-мальтузіанской литературы проникнута дѣйствительной и искренней скорбью при описаніи современного положенія бѣдняковъ въ большихъ городахъ. Другая часть той же литературы—продуктъ грубаго шарлатанства и безстыдной порнографіи.

Попытаюсь привести главные аргументы, выставляемые искренними нео-мальтузіанцами. Авторы эти съ большой силой описы-

*) *The Service of Man*, by J. Cotter Morison.

**) Назову здѣсь только наиболѣе крупныя произведенія: „Every Woman's Book“, Карлайля (1828); Статья „Colony“, Джемса Миля, отца знаменитаго экономиста, въ восьмомъ изданіи „Британской Энциклопедіи“, а также книга того же автора „Elements of Political Economy“ (собственно говоря, стр. 34—44). Въ статьяхъ „Передъ разсвѣтомъ въ Англії“ я указывалъ, какъ боролся съ первыми провозвѣстниками нео-мальтузіанства Робертъ Оуэнъ. Его вліяніемъ нужно объяснить то, что движение замерло на сорокъ лѣтъ. Въ 1870 г. появился коранъ нео-мальтузіанства—„The Fruits of Philosophy“. The Law of Population, its Consequences, and its Bearing upon Human Conduct and Morals“, Энні Безантъ.—„Notes on the Population Question“.—„The Physiology of Marriage“.—„Poverty: its Cause and Cure“.—„Moral Physiology“.—„Individual, Family, and National Poverty“.—„Elements of Social Science“.—„The Population Question“.—„The Wife's Handbook“.—„Artificial Checks to Population: is the teaching of them Infamous?“—„English and French Morality“.—„The Duties of Parents“.—„The Strike of a Sex“.—„The Prosperity of the French Peasant“.—„The Malthusian Magazine“. — Послѣдній журналъ основанъ „Лигой Мальтузіанцевъ“. Первый номеръ вышелъ въ февралѣ 18.2 г. Въ настоящій моментъ журналъ прекратился; во всякомъ случаѣ, не выходить periodически. Громадное вліяніе имѣла книга американскаго доктора Наултона (Knowlton) «The Fruits of Philosophy», упомянутаго выше. Въ настоящее время новыя произведенія не появляются, но за то въ громадномъ количествѣ экземпляровъ расходятся перечисленныя книги.

вають плачевное положеніе массъ и всѣ ужасы, являющіеся, по мнѣнію малтузіанцевъ,—результатомъ перенаселенія: отчаянную конкуренцію за хлѣбъ, преступленія, пороки и пр. Яркую картину подобнаго рода мы находимъ въ «Problems of Poverty», Бензантъ. Авторъ говоритъ о замужнихъ женщинахъ, которыхъ вынуждены конкурировать на фабрикахъ съ мужчинами за хлѣбъ, вслѣдствіе того, чтобы оставаться дома и заботиться о подрастающемъ поколѣніи. Даже беременные женщины вынуждены до послѣдняго момента работать на фабрикахъ и заводахъ, что ведеть въ вырожденію націи. Мужъ, имѣющій большую семью, не въ силахъ самъ прокормить ее, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ призвать на помощь жену. Но женскій трудъ понижаетъ стоимость мужскаго труда, такъ какъ капиталисты всегда отдаютъ предпочтеніе тѣмъ, кто беретъ менѣше. И вотъ промышленные города превращаются въ настоящій адъ. Заработная плата падаетъ; женщины на фабрикахъ болѣютъ и старятся раньше времени; дѣти рождаются ракитиками, некрасивыми и глупыми. Такъ какъ населеніе все больше увеличивается и конкуренція на рабочемъ рынкѣ растетъ, то десятки тысячъ дѣвушекъ вынуждены голодомъ идти на улицу. Проституція, по мнѣнію малтузіанцевъ, является прямымъ результатомъ перенаселенія. Защитники современного строя видятъ въ проституції своего рода общественную службу. Проститутка, по ихъ словамъ, является своего рода громоотводомъ для накопившихся въ обществѣ животныхъ страстей, которыхъ иначе обрушились бы на «святыню семейного очага». Такой взглядъ, напр., выражаетъ Лекки въ своей книгѣ «European Morals».

«Это несчастное существо,—говорить Лекки,—профессію которого стыдятся называть и которое обречено на болѣзни и нищету,—живеть изъ вѣка въ вѣкъ. Цивилизациі и культи нарождаются и гибнутъ, а проститутка, эта вѣковѣчная жрица, принесенная въ жертву за грѣхи человѣчества,—живеть». Другими словами, это напыщенное кощунство противъ человѣчества означаетъ, что философъ признаетъ существованіе проституції такой же государственной необходимостью, какъ наши благочестивые іеромонахи—палачей и висѣлицы.

Малтузіанцы указываютъ на тотъ печальный и неоспоримый фактъ, что армія проститутокъ растетъ. Лекки вычислилъ, что во всей Англіи 50 тысячъ женщинъ выносятъ на рынокъ свое тѣло. Теперь можно думать, что въ одномъ только Лондонѣ около ста тысячъ проститутокъ. Слѣдуя прибавить еще, что, вслѣдствіе конкуренціи за хлѣбъ, почти съ каждымъ годомъ возрастъ проститутокъ понижается. Статистика отмѣчаетъ теперь среди нихъ двѣнадцатилѣтнихъ и даже десятилѣтнихъ дѣтей. Борьба за жизнь и хлѣбъ теперь до такой степени упорна,—говорять нео-малтузіанцы—что бѣдняки вынуждены строить свой бюджетъ на безчестныхъ заработкахъ своихъ дочерей. Проституція, конечно, стара, какъ чело-

вѣчество; но среди дикихъ народовъ торговля женщины своимъ тѣломъ изъ-за хлѣба была неизвѣстна, покуда не явились цивилизованные люди. Такимъ образомъ, проституція въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ теперь,—не пережитокъ доисторическихъ временъ, не остатокъ отжившаго понятія о нравственности, а продуктъ современной цивилизациіи и борьбы за существованіе. Нео-мальтузіанцы ссылаются на Уэка *), Вестермарка **), а также на Летурно ***). Вслѣдствіе перенаселенія и борьбы за хлѣбъ, развратъ въ большихъ городахъ достигаетъ теперь чудовищныхъ размѣровъ. Тѣ же причины создали безработныхъ. Мы видимъ теперь тысячи людей, печально бродящихъ по улицамъ въ тщетныхъ поискахъ за предпринимателемъ, который согласился бы купить силу ихъ мышцъ. Сотни тысячъ людей, продолжаютъ нео-мальтузіанцы, несмотря на непосильную работу, прозябаютъ въ состояніи хронического недоѣданія. Вслѣдствіе паденія заработной платы, явившагося результатомъ перенаселенія, сотни тысячъ прилежныхъ работниковъ питаются только хлѣбомъ и чаемъ; въ безчисленныхъ рабочихъ квартирахъ дѣти постоянно плачутъ отъ голода. А между тѣмъ есть средство устранить всѣ эти бѣдствія,—говорить нео-мальтузіанцы. Если рекомендуемая мѣра будетъ принята, человѣчество не станетъ больше трепетать при мысли о завтрашнемъ днѣ; молодые люди могутъ тогда вступать въ бракъ въ какомъ угодно возрастѣ. Отъ воли ихъ будетъ зависѣть имѣть одного ребенка или совсѣмъ не имѣть дѣтей, покуда не добыты средства на воспитаніе семьи. Когда будетъ устранино перенаселеніе, человѣчество можетъ спокойно жить, есть, веселиться, вступать по любви въ бракъ, когда силы кипятъ. Устраниены будутъ несчастія и болѣзни, проистекающія отъ позднихъ браковъ или вынужденного безбрачія. Уменьшится число преступленій и самоубийствъ. Понизится смертность. Статистика теперь показываетъ, что смертность среди двадцатипятилѣтнихъ холостяковъ такъ же высока, какъ между сорокапятилѣтними семейными людьми. Когда принципы, рекомендуемые нео-мальтузіанцами, говорить послѣдніе, будутъ приняты всюду, проституція исчезнетъ. Не станетъ больше старыхъ дѣвушекъ, которыхъ въ Англіи больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. «Наши дѣвушки плачутъ по праву быть женами и матерями, а не монахинями», говорить Грэнтъ Алленъ. Профессиональные классы въ Англіи (т. е. интеллигенція, по русской терминологіи),—говорить нео-мальтузіанцы,—боятся вступать рано въ бракъ изъ опасенія, что у нихъ не будетъ средствъ на содержаніе семьи. Вслѣдствіе этого, представители этихъ классовъ женятся поздно, что гибельно отражается на здоровье дѣтей. Такимъ образомъ, въ

*) Development of Marriage.

**) History of Marriage.

***) L'evolution du mariage et de la famille.

убыткѣ остается страна. Послѣдствіемъ долгаго безбрачія являются также венерическія болѣзни. Правда, онѣ въ Англіи не такъ распространены, какъ на континентѣ; но все же ведутъ къ вырожденію народа. Бракъ, говорять нео-мальтузіанцы, «опредѣленный Богомъ, какъ мѣра противъ сексуальныхъ пороковъ, теперь можетъ быть удѣломъ или богатыхъ, или совершенно беззаботныхъ людей».

Десятки тысячъ дѣвушекъ въ Англіи желаютъ быть супругами и матерями, а между тѣмъ обречены на безбрачіе,—продолжаютъ нео-мальтузіанцы. Результатомъ являются нервныя болѣзни. Физическое состояніе сорока лѣтней замужней женщины лучше во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ дѣвушки того же возраста. «The evils of celibacy quite equal those of prostitution» (т. е. зло отъ безбрачія и проституціи равны),—говорить Хольмесъ Кутъ.

Итакъ, мы видимъ, что нео-мальтузіанцы правильно рисуютъ картину современной цивилизациі. Они отвѣчаютъ тѣ же мрачныя явленія, что и соціалисты; но послѣдніе справедливо указываютъ, что бѣдность, безработица и проституція не могутъ быть устранимы, покуда существуетъ капиталистическая форма производства. Нео-мальтузіанцы же видятъ причину всѣхъ соціальныхъ золъ въ перенаселеніи, т. е. въ безконтрольномъ дѣтожденіи, и предлагаютъ свои практическіе совѣты, которые должны осуществить на землѣ золотой вѣкъ. Если вся страна будетъ руководствоваться этими совѣтами,—говорятъ нео-мальтузіанцы, не станетъ больше безработныхъ; наоборотъ, предприниматели будутъ жадно высматривать работниковъ, что, конечно, поведетъ къ поднятію заработной платы. Глупые совѣты о бережливости отнюдь не привышаютъ благосостоянія массъ, а содѣйствуютъ только развитію скучности. Есть только одно вѣрное средство избавить страну отъ нищеты и это—ограниченіе числа дѣтей.

II.

Какими доводами отвѣчаютъ на это противники теорій нео-мальтузіанства? Эти аргументы собраны въ книжкѣ R. Ussher'a, вышедшей въ 1897 году *).

«Что мы можемъ отвѣтить защитникамъ теоріи,—говорить авторъ.—Мы можемъ сказать нео-мальтузіанцамъ, что вполнѣ признаемъ существованіе тѣхъ мрачныхъ соціальныхъ явленій, на которыхъ намъ указываютъ. Констатированіе неравенства и несправедливостей, проистекающихъ изъ него, къ сожалѣнію, совершенно вѣрно. Несправедливость должна быть устранима. Необходимы радикальныя лѣкарства; но только мы отрицаємъ совершенство

*) «Neo-Malthusianism. An Enquiry into that System with regard to Economy and Morality», London, 1897.

средства, рекомендуемые вами. Нищета, проституція и безработные могут существовать, какъ въ густо, такъ и въ рѣдко насе-ленной странѣ. Тѣ средства, которыя по мнѣнію нео-мальтузіанцевъ положать конецъ человѣческимъ бѣдствіямъ, въ сущности, гибельны для общества. Нео-мальтузіанцы исходятъ изъ совершенню нѣвѣр-наго положенія. Они полагаютъ, что бѣдность является результатомъ только перенаселенія, тогда какъ въ дѣйствительности явленіе обусловливается неправильнымъ распределеніемъ богатствъ, несовершенными формами производства и несправедливымъ обществен-нымъ порядкомъ. Какъ бы ни было мало населеніе данной страны, оно, безъ сомнѣнія, будетъ страдать отъ бѣдности, если только всѣ не будутъ имѣть равную долю въ производствѣ и если желающіе будутъ устраниены отъ земли, этого источника всѣхъ богатствъ. Можно привести безчисленныя примѣры, доказывающіе, что страшная бѣдность существуетъ въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ и съ безчисленными естественными богатствами» *). Классическимъ примѣромъ является Россія, где, несмотря на громадныя терри-торіи, крестьяне умираютъ съ голода. Противники нео-мальтузіан-цевъ, въ извѣстной степени, соглашаются съ ними, когда тѣ указываютъ на нежелательность позднихъ браковъ. «Нельзя не соглашаться съ нео-мальтузіанцами, когда они указываютъ на печальное явленіе, что въ культурныхъ странахъ возрастъ всту-пающихихъ въ бракъ отодвигается съ каждымъ десятилѣтіемъ. Бракъ становится своего рода роскошью, доступной только зажиточнымъ людямъ». Рядомъ съ этимъ явленіемъ мы видимъ прогрессивный ростъ проституції. Все это вѣрно; но только средства, рекомендуемые нео-мальтузіанцами нисколько, не измѣняютъ явленія,»—говорить Майоръ Черчель. Авторъ указываетъ на Францію, на которую ссылаются нео-мальтузіанцы, какъ на примѣръ благоденствія народа, контроли-рующаго приростъ населенія. Во Франціи раньше, чѣмъ въ дру-гихъ странахъ «практическое нео-мальтузіанство» нашло широкое примѣненіе. По прогнозу нео-мальтузіанцевъ слѣдовало ожидать, что во Франціи увеличится число раннихъ браковъ и умень-шится проституція. Въ дѣйствительности мы видимъ другое. По статистическимъ даннымъ, приводимымъ Шененомъ, видно, что французы вступаютъ въ бракъ очень поздно. По числу проститу-токъ Франція занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ. Такимъ образ-зомъ, одно изъ основныхъ положеній нео-мальтузіанцевъ, что при-нятіе ихъ доктрины поведетъ къ раннимъ бракамъ и къ устрани-нію проституції—не подтверждается фактами. Защищая совер-шенно произвольное утвержденіе, нео-мальтузіанцы въ то же время обходятъ молчаніемъ вопросъ о неправильномъ распредѣ-леніи богатствъ. Они просто повторяютъ давно опровергнутое утвер-жденіе, что въ каждомъ обществѣ населеніе увеличивается быстрѣ,

*) «Neo-Malthusianism», etc. p. 35.

чѣмъ средства къ существованію. «Бѣдность не есть результатъ чрезмѣрной густоты населенія, — говоритьъ итальянскій критикъ мальтузіанства.—Въ Ирландіи въ 1846 г., въ Индіи и въ Россіи умирающее отъ голода населеніе видѣло и видитъ обиліе пищи, но не имѣть средствъ купить ее. Въ до-революціонной Франціи въ однѣхъ провинціяхъ крестьяне голодали, тогда какъ въсосѣднихъ провинціяхъ населеніе не знало, куда дѣвать хлѣбъ. То же явленіе повторяется во время каждого большого голода въ Россіи. Здѣсь получается такого рода парадоксъ. Въ однѣхъ губерніяхъ отсутствіе хлѣба ведетъ къ голодной смерти, тогда какъ въ другихъ чрезмѣрное скопленіе его имѣеть послѣдствіемъ разореніе людей».

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ цитируемый авторъ съ горечью констатировалъ, что доктрины нео-мальтузіанства находятъ все больше и больше послѣдователей во Франціи, Италии, Германіи и «даже въ цѣломудренной Англіи». Для доказательства итальянскій экономистъ приводитъ цѣлый рядъ статистическихъ таблицъ, изъ которыхъ я возьму слѣдующія цифры:

	Число рожденій на 1000 жителей:			
	1871--90 гг.	1891 г.	1892 г.	1893 г.
Въ Венгрии	44	42,3	40,3	42,5
„ Австрія	38,6	38,1	38,2	—
„ Германія	38,1	37	35,7	36,7
„ Италіи	37,8	37,3	36,3	36,6
„ Голландіи	35,2	33,7	31	33,8
„ Англія и Валісъ . .	34	31,4	30,5	30,8
„ Шотландіи.	33,6	31,2	30,8	31
„ Соединенныхъ Штат.	32,6	30,4	29,5	29,9
„ Даніи	31,7	31	29,5	30,6
„ Бельгіи	31	29,6	28,9	29,5
„ Норвегіи	30,7	30,9	29,6	30,7
„ Швеціи	29,8	28,3	27	—
„ Швейцаріи	27,4	28,1	28,1	28,5
„ Ирландіи	24,9	23,1	22,4	23
„ Франціи	24,6	22,6	22,1	—

Въ 1850 г. по количеству населенія государства слѣдовали въ такомъ порядке: Россія, Франція, Австро-Венгрия, Германія, Великобританія, Италія, Соединенные Штаты. Въ 1896 г. порядокъ уже былъ другой: Россія, Соединенные Штаты, Германія, Австро-Венгрия, Великобританія, Франція, Италія. Франціи дорого обещалось то, что въ глазахъ нео-мальтузіанцевъ она является страшной, съ которой слѣдуетъ брать примѣръ. Въ 1890 г. населеніе Германіи достигало 49.428.476. а въ 1895 г.—52.244.503. За пять лѣтъ населеніе увеличилось на 2.816.027. Во Франціи за это время приростъ населенія равняется только 124.000. Вообще, во Франціи, до тѣхъ поръ, покуда доктрины нео-мальтузіанства получали такое широкое примѣненіе, тѣ факторы, которыми Маль-

тусь придавалъ важное значение, какъ естественному регулятуру чрезмѣрного прироста населения, дѣйствовали усиленно. Вотъ по чому приростъ населения былъ слабъ, что видно изъ слѣдующей таблицы.

Въ 1700 г. населения во Франціи было	19.660,820
" 1801 "	27.349,303
" 1821 "	30.461,873
" 1856 "	36.039,364
" 1881 "	37.672,048
" 1886 "	38.218,903
" 1891 "	38.843,192
" 1896 "	38.228,969

Въ началѣ XIX вѣка во Франціи было почти вдвое больше населения, чѣмъ въ Англіи (27.350,000 и 15.717,000). Въ 1891 г. во Франціи было только на полмилліона больше жителей, чѣмъ въ Англії. По послѣдней переписи жителей въ Англіи теперь больше, чѣмъ во Франціи. До семидесятыхъ годовъ XIX вѣка приростъ населения въ Англіи шель стремительно впередъ.

Въ 1712 г. населения было	9.420,000
" 1754 "	11.485,000
" 1801 "	15.717,000

Въ XVIII вѣкѣ населеніе въ Англіи увеличилось на 41%, а въ XIX — на 228%. Приведу еще одну таблицу изъ статистического словаря Мюльхоля. За послѣднія шестьдесятъ пять лѣтъ населеніе

Великобританіи	увеличилось на	15.300,000	или	63%.
Франціи	"	5.900,000	"	18
Германіи	"	5.900,000	"	75
Россіи	"	22.400,000	"	92
Австріи	"	13.500,000	"	45
Італіи	"	10.200,000	"	48
Другихъ странъ	"	22.500,000	"	62
Соединенн. Штат.	"	60.700,000	"	626
Британскихъ колон.	"	9.700,000	"	510

Въ Германіи и въ Англіи суровые критики, благочестиво затыкая глаза и ссылаясь на эти цифры, обличали «вырождающуюся» Францію. По словамъ этихъ обличителей выходило, что уменьшеніе населения во Франціи есть послѣдствіе безбожія и безпустыни. Теперь статистика показываетъ, что процентъ рождений поразительно быстро падаетъ въ Германіи, Соединенныхъ Штатахъ, Англіи и въ самоуправляющихся британскихъ колоніяхъ. Причины — тѣ же, что и во Франціи, т. е. стремительный прогрессъ нео-мальтузіанства.

III.

За десять лѣтъ, отъ 1895—1905 г., населеніе Лондона увеличилось на 300,000, между тѣмъ число дѣтей въ возрастѣ отъ 3—5 лѣтъ уменьшилось (179,426 въ 1895 г. и 174,359 въ 1905 г.). Цифры эти очень точны, потому что доставлены специальными школьными инспекторами, следящими за тѣмъ, чтобы родители аккуратно посыпали своихъ дѣтей въ начальные училища. Цифры подтверждаются также народной переписью. Она констатируетъ, что въ 1901 г. въ Лондонѣ было на 5,000 меньше дѣтей въ возрастѣ отъ 3 до 5 лѣтъ, чѣмъ въ 1891 г. Явленіе наблюдается не только въ Лондонѣ. «Всюду въ Англіи и въ Уэльсѣ вотъ уже въ продолженіе тридцати лѣтъ коэффиціентъ рожденій падаетъ. Въ 1876 г. на 100 тысячъ населенія приходилось 3,630 новорожденныхъ, а въ 1904 г. — только 2,790, что составляетъ пѣніштъ когда-либо наблюдавшій раньше». *) Что означаетъ это быстрое паденіе числа рожденій? Какое вліяніе оно можетъ имѣть на націю? Что необходимо сдѣлать, чтобы устраниТЬ явленіе? Всѣ эти вопросы были подняты въ англійскомъ обществѣ фабіанцевъ и привели къ назначенію специального комитета подъ предсѣдательствомъ Сиднея Вебба для изученія вопроса. Результатомъ изслѣдованія былъ рядъ статей Вебба въ *Times* подъ названіемъ «Physical Degeneracy or Race Suicide» («Физическое вырожденіе или самоубійство расы»)? Извѣстный экономистъ приходитъ въ своихъ статьяхъ къ ряду заключеній, которыхъ онъ подтверждаетъ цифровыми данными.

Пониженіе числа рожденій не есть только результатъ измѣненія возраста населенія или уменьшенія числа браковъ. Въ отчетахъ о движениіи населенія предсѣдатель департамента статистики (Registrar-General) даетъ только общую цифру рожденій, т. е. точное отношеніе числа рожденій за годъ ко всему населенію, старому и молодому, женатому и холостому. При сравненіи этихъ цифръ за нѣсколько лѣтъ слѣдуетъ помнить, — говоритъ Сидней Веббъ, — что важныя перемѣны могутъ произойти даже въ теченіе одного десятилѣтія: 1) въ отношеніи между дѣтьми и взрослыми; 2) въ пропорціи между женатыми и холостыми и 3) въ отношеніи между замужними женщинами, способными и не способными къ дѣтворожденію. Всѣ эти измѣненія, обусловливавшіяся эмиграціей, иммиграціей, экономическимъ и соціальнымъ развитіемъ или страстью, сами по себѣ могутъ повести къ паденію или къ повышенню общаго числа рожденій безъ отношенія къ понижению или повышению плодовитости. Возьмемъ, напр., Ирландію. Общ-

*) Sixty-seventh Annual Report of the Registrar General. 1906, p. XIX.

число рожденій на 100,000 населенія было тамъ въ 1881 г.—2,384, а въ 1901 г.—2,348. Но въ то же время мы знаемъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ эмиграція изъ Ирландіи женщинъ, способныхъ къ дѣторожденію, шла такъ усиленно, что незначительное понижение общаго числа рожденій, въ сущности, показываетъ только замѣчательную плодовитость ирландцевъ. На основаніи данныхъ цифръ можно сказать, что, безъ усиленной эмиграціи, въ Ирландіи за двадцать лѣтъ населенія должно было бы увеличиться на 3%*. Вотъ почему при анализѣ статистическихъ таблицъ, касающихся Англіи и Уэльса, Сиднею Веббу пришлось тщательно взвѣсить значеніе всѣхъ упомянутыхъ выше факторовъ. Въ той же области въ послѣднее время работали д-ръ Артуръ Ньюшолмъ, д-ръ Стивенсонъ и Адли Юль, что дало возможность Сиднею Веббу провѣрить выводы, къ которымъ онъ пришелъ. Анализъ статистическихъ таблицъ показываетъ, что за устраниеніемъ всѣхъ постороннихъ факторовъ можно констатировать абсолютное пониженіе числа рожденій. Въ 1861 г.—на 100,000 населенія въ Англіи и Уэльсѣ приходилось 3,236 рожденій, въ 1871 г.—3,312, въ 1881 г.—3,273, въ 1891 г.—3,125, въ 1901 г.—2,729. Теперь въ Англіи и Уэльсѣ ежегодно рождаются на 200,000 младенцевъ меныше, чѣмъ должно было бы, если принять статистику 1870 г. за норму.

Пониженіе коэффиціента рожденій наблюдается не только въ городахъ, но и въ деревняхъ. Повидимому, явленіе это въ деревенскихъ округахъ Англіи и Уэльса не слабѣе, чѣмъ въ городахъ. Легко можетъ быть,—говорить Сидней Веббъ,—что человѣческая плодовитость, при нормальныхъ условіяхъ, въ городахъ иѣсколько иная, чѣмъ въ деревняхъ. Нѣкоторые германскіе авторитеты говорятъ даже, что пониженіе плодовитости обусловливается только «урбанизацией», т. е. поглощениемъ деревень городами; но статистическія данныя относительно Англіи не подтверждаютъ этой гипотезы. Правда, анализъ статистическихъ таблицъ показываетъ, что въ Нортхэмптонѣ, Галифаксѣ, Бернли и Блэкбернѣ коэффиціентъ рожденій за 20 лѣтъ уменьшился на 32, а въ Лондонѣ на 16; но тѣ же таблицы показываютъ, что въ чисто сельскихъ районахъ, какъ Корнуоллъ, Ретландъ, Сесексъ, Девонширъ и Вестморлэндъ, рождаемость уменьшилась на 23—29%. Въ Ирландіи процентъ рожденій въ Дублинѣ повысился больше, чѣмъ въ деревняхъ (въ сельскихъ округахъ—на 3%, а въ столицѣ—на 9%). Если бы

*) „The decline of human fertility in the United Kingdom and other countries as shown by corrected birth rates, by Arthur Newsholme, M. D. and T. H. Stevenson“, M. D. Brighton.

„On the changes in the marriage and birth-rates in England and Wales“, etc., by G. Udny Yule. London.

Оба изслѣдованія помѣщены въ „Journal of the Royal Statistical Society“, за апрѣль 1904 г.

понижение числа рождений въ городахъ обусловливалось только нездоровыми условиями,—какъ утверждаютъ некоторые немецкие экономисты,—то можно было бы ожидать, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе живетъ очень скучено, въ трущобахъ, при антигигиеническихъ условіяхъ, паденіе коэффиціента рождений особенно замѣтно. Наиболѣе нездоровыми городами въ Англіи являются Ливерпуль, Сальфордъ, Манчестръ и Глазо, гдѣ процентъ смертности очень высокъ. Въ дѣйствительности мы видимъ, что понижение за двадцать лѣтъ рождаемости въ этихъ городахъ слабѣе, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ, гораздо болѣе здоровыхъ. Въ Брайтонѣ, напр., въ одномъ изъ наиболѣе здоровыхъ и зажиточныхъ городовъ Англіи, паденіе процента рождаемости за 20 лѣтъ сильнѣе, чѣмъ въ Ливерпуль. Между тѣмъ процентъ смертности въ Брайтонѣ 13, а въ Ливерпуль—24.

Понижение числа рождений,—констатируетъ Сидней Веббъ,—въ особенности рѣзко въ тѣхъ округахъ, гдѣ маленькая дѣти представляются какую-нибудь помѣхой. Такъ, напр., мы видимъ это явленіе въ тѣхъ округахъ Англіи, гдѣ замужнія женщины работаютъ на фабрикахъ. По закону («Factory and Workshops Acts» 1891 и 1901 г.г.) женщина не можетъ работать на фабрикѣ четыре недѣли послѣ родовъ. Тамъ, гдѣ заработка жены необходимъ въ домашнемъ бюджетѣ, гуманный законъ еще болѣе увеличиваетъ расходы, причиненные въ семье бѣдняка прибавленіемъ нового члена семьи. Другой законъ, остановившій до известной степени приношеніе дѣтей въ жертву фабричному Молоху, тоже находится въ связи съ понижениемъ рождаемости. Теперь дѣти до 13 лѣтъ зависятъ отъ родителей, тогда какъ раньше послѣдніе извлекали пользу уже изъ шестилѣтнихъ ребятишекъ. За двадцать лѣтъ рождаемость понизилась въ особенности въ Нортхэмптонѣ, Галифаксѣ, Бернли, Блэбернѣ, Дерби, Лейстерѣ, Брадфордѣ, Олдемѣ, Хеддерс菲尔дѣ и Болтонѣ. Все это—города, въ которыхъ масса замужнихъ женщинъ работаетъ на различныхъ фабрикахъ (главнымъ образомъ, ткацкихъ и прядильныхъ). Въ англійской специальной литературѣ констатировано уже давно, что учительницы тоже не могутъ, по экономическимъ соображеніямъ, позволить себѣ быть матерями. Понижение процента рождаемости въ особенности замѣтно среди зажиточного класса, опредѣляемаго англійскими статистиками «the servant-keeping class» (классъ, держащий прислугу). Въ Брайтонѣ классъ этотъ многочисленнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ Англіи, и мы видѣли, что процентъ рождаемости тамъ ниже, чѣмъ въ другихъ городахъ. Въ Лондонѣ наиболѣе бѣдныемъ кварталомъ является Бетналъ Гринъ, въ которомъ классъ, держащий прислугу, очень незначителенъ. И здѣсь за двадцать лѣтъ процентъ рождаемости понизился на 12, тогда какъ въ богатомъ кварталѣ Хэмстедѣ, гдѣ «servant-keeping class» многочисленъ, рождаемость упала на 36%. За Хэмстедомъ идутъ почти такие же зажиточные

кварталы Кенсингтонъ и Пэддингтонъ. Здѣсь рождаемость упала на 19%. По вычисленіямъ д-ра Ньюхольма и д-ра Стивенсона можно составить правильную таблицу кварталовъ Лондона по степени зараженности и показать, что процентъ рождаемости находится въ обратной пропорціи съ благосостояніемъ. Въ трехъ богатыхъ кварталахъ столицы на 100 тысячъ населенія приходится 2,004 законныхъ рожденій, въ 19 «среднихъ» кварталахъ число рожденій отъ 2,362—2,490. Въ семи же бѣдныхъ кварталахъ на 100,000 населенія приходится 3,078 рожденій, т. е. на 50% больше, чѣмъ въ богатыхъ округахъ. На основаніи этихъ данныхъ, англійскіе статистики говорятъ, что населенію Лондона угрожаетъ серьезная опасность вырожденія, такъ какъ оно пополняется въ значительной степени дѣтьми, рожденными въ нездоровой атмосфѣрѣ трущобъ. Сидней Веббъ подвергаетъ тщательному анализу выводы, добытые Ньюхольмомъ и Стивенсономъ, и доказываетъ, что въ бѣдныхъ кварталахъ сравнительно высокій процентъ рожденій обусловливается совершенно исключительными причинами. «Въ семи бѣдныхъ кварталахъ Лондона живутъ, по преимуществу, ирландцы-католики и иммигранты-евреи,—говорить англійскій экономистъ.—Половина всѣхъ браковъ, заключенныхъ въ округахъ Уайтчепель и Майлъ Эндъ, совершены по обрядамъ еврейской вѣры, которая, какъ известно, стоитъ за большую семью. Добровольное ограниченіе численности семьи противно также традиціямъ, обычаямъ и понятіямъ евреевъ о нравственности. Въ Лондонѣ семьи еврейскихъ переселенцевъ такъ же многочисленны, какъ и въ «чертѣ». То же самое можно сказать объ ирландцахъ. Священники учатъ ихъ, что сожительство безъ желанія имѣть дѣтей—есть блудъ. Вотъ почему,—продолжаетъ Сидней Веббъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ переписью въ такихъ кварталахъ, какъ Бетналь Гринъ или Уайтчепель, нельзя еще вывести заключеніе, что въ Англіи бѣдные классы болѣе плодовиты, чѣмъ, напр., ниже-средніе классы. Статистики должны были бы выдѣлить отдельно евреевъ и ирландцевъ». Можно сказать только, что среди богатаго населенія пониженіе процента рождаемости замѣчается сильнѣе, чѣмъ среди бѣднаго. Въ рабочихъ классахъ наиболѣе обеспеченны менѣе плодовиты, чѣмъ чернорабочіе. Веббъ приводитъ любопытный фактъ относительно самого богатаго и многолюднаго дружественнаго общества Hearts of Oak, насчитывающаго 272,000 сочленовъ. Къ нему принадлежать только наиболѣе обеспеченные работники, такъ какъ членомъ можетъ быть только получающій не менѣе двадцати четырехъ шиллинговъ въ недѣлю. Главнымъ образомъ, сочленами являются машинисты и хорошо зарабатывающіе мастеровые, а также (въ небольшомъ числѣ) мелочные лавочники. Одинъ изъ пунктовъ устава обязываетъ сочленовъ вносить въ кассу по 30 шилл. за каждого новаго ребенка. Въ 1866 г. на каждые десять членовъ приходилось такихъ взносовъ 2,176, а въ

1880 г.—2,472. Съ 1881 г. по 1904 г. число взносовъ постепенно падаетъ. Въ прошломъ году ихъ было только 1,165. Въ то же время слѣдуетъ помнить, что дружественное общество крѣпнетъ и богатѣеть. Итакъ, за періодъ въ двадцать лѣтъ рождаемость среди зажиточнаго, сравнительно обеспеченаго рабочаго класса понизилась на 46%. Такое же явленіе наблюдается и въ другомъ, меньшемъ дружественномъ обществѣ (Royal Standard Benefit Society), отчеты которого тщательно изучены Веббомъ. За двадцать лѣтъ процентъ рождаемости понизился на 52. Анализъ отчетовъ двухъ дружественныхъ обществъ даетъ цифры относительно 280 тысячъ рабочихъ семействъ. И эти данные показываютъ, что въ прошломъ году въ этихъ семьяхъ родилось 32 тысячи младенцевъ вмѣсто 70 тысячъ, какъ должно было бы быть по статистикѣ отъ 1866—1880 г.г.

Мы видѣли, что процентъ рождаемости повышался прежде постепенно и съ извѣстнаго момента сталъ падать. Этотъ моментъ можно довольно точно опредѣлить. Онъ относится къ самому началу восьмидесятыхъ годовъ. Къ такому же самому выводу пришелъ въ изслѣдованіяхъ Хорнъ *). Мнѣ приходилось уже опредѣлять въ «Русскомъ Богатствѣ» этотъ моментъ, послѣ которого процентъ рождаемости въ Англіи начинаетъ падать. Моментъ этотъ точно совпадаетъ съ началомъ усиленной агитации нео-мальтизіанцевъ въ концѣ семидесятыхъ и въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ, пониженіе процента рождаемости есть явленіе, зависящее отъ воли индивидуумовъ. Мы видѣли, что явленіе наблюдается, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Полное отсутствіе связи между явленіемъ и нездоровыми окружающими условіями, умственнымъ развитіемъ или физическимъ вырожденіемъ; тотъ фактъ, что явленіе наблюдается особенно сильно тамъ, где оно желательно и выгодно для родителей; высокое благосостояніе ихъ,—все это подтверждаетъ правильность заключенія, что пониженіе рождаемости зависитъ главнымъ образомъ, если не исключительно отъ контроля родителей. Особенно «нежелательными» являются незаконные дѣти, и мы видимъ, что въ то время, какъ до 1881 г. процентъ ихъ увеличивался,—послѣ этого года процентъ начинаетъ падать. Теперь число незаконныхъ рожденій въ Уэльсѣ и въ Англіи на 50% меныше, чѣмъ раньше. Явленіе это отнюдь не обусловливается повышеніемъ нравственности, какъ понимаетъ послѣднюю церковь.

Ирландцы смотрѣть на добровольный контроль родителей надъ размѣрами семьи, какъ на грѣхъ. Взглядъ этотъ постоянно подкрепляется проповѣдями священниковъ и окружными епископскими

*) «On the Relation of Fertility in Man to Social Status and the changes in the relation that have taken place during the last fifty years», by David Heron, 1906.

посланиями. И вотъ мы видимъ, что Ирландія—единственное мѣсто въ Великобританіи, гдѣ процентъ рождаемости не только не уменьшается, но, наоборотъ, повышается (Уменьшеніе населенія въ Ирландіи обусловливается исключительно усиленной эмиграціей). Въ Ирландіи рождаемость понизилась только въ Бельфастѣ, населеніемъ протестантами. Въ Англіи естественный приростъ населенія не падаетъ такъ быстро только въ такихъ городахъ, гдѣ многое ирландцевъ (Ливерпуль, Сальфордъ, Манчестръ, Глазго). Можно указать только на одинъ городъ въ ткацкомъ районѣ, гдѣ паденіе процентовъ рожденій не замѣтно—Престонъ. Населеніе онъ по преимуществу католиками. То же самое можно сказать, какъ мы видѣли, и о евреяхъ.

Такимъ образомъ, при опредѣленіи причинъ пониженія процента рождаемости нельзя говорить о «вырожденіи». Послѣднее объясненіе еще менѣе вѣрно для Англіи, чѣмъ для Франціи. Отъ общихъ доказательствъ Сидней Веббъ переходитъ къ частнымъ.

IV.

Комитетъ, назначенный фабіанскимъ обществомъ для изслѣдованія явленія, выработалъ планъ опроса частныхъ лицъ, занимающихъ различное общественное положеніе. Цѣлью опроса было провѣрить данные, добытыя изъ анализа статистическихъ таблицъ. Опросъ подобнаго рода, несмотря на крайне интимный характеръ многихъ пунктовъ, даетъ въ Англіи крайне цѣнныя результаты. Обусловливается это, какъ серьезностью отношенія населенія къ соціальнымъ вопросамъ, такъ и тѣмъ, что правдивость въ Англіи выше, чѣмъ на континентѣ. Ложь—орудіе защиты рабовъ; вотъ почему правдивость населенія прямо пропорціональна гражданской свободѣ, которой оно пользуется. Въ Англіи, гдѣ населеніе свободно, уже давно слово «ложь», считается неприличнымъ. Англичанъ, поѣтвившихъ Россію, поражаетъ, между прочимъ, то, что люди шутливо говорятъ другъ о другѣ: «онъ вретъ» или «онъ совраль». По англійскимъ понятіямъ такимъ образомъ человѣку наносится самое страшное оскорблѣніе. Англичанинъ съ ужасомъ разскажетъ, что русскій беззаботно произнесеть: «я совраль». Для человѣка, выросшаго въ свободной странѣ и ненавидящаго ложь, сказать: «я совраль»,—значитъ сознаться въ страшно безчестномъ и позорномъ поступкѣ. Имѣя все это въ виду, можно придать серьезное значеніе результатамъ, добытымъ фабіанцами путемъ опросныхъ листковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, конечно, были анонимны.

Фабіанское общество рѣшило устроить опросъ большаго числа женатыхъ людей, на правдивость показаній которыхъ можно было бы положиться,—говорить Сидней Веббъ. Съ этой цѣлью комитетъ разославъ около 700 опросныхъ листковъ. Около половины опро-

ченныхъ лицъ живеть въ Лондонѣ. Остальныя разбросаны по разнымъ концамъ Соединенного Королевства. По общественному положенію опрошенные принадлежать къ различнымъ классамъ: тутъ были технически обученные мастеровые, представители различныхъ профессий, рабочие. Комитетъ умышленно не опросилъ, съ одной стороны, чернорабочихъ, съ другой—людей, пользующихся доходомъ больше, чѣмъ въ 1,000 ф. ст. въ годъ (10,000 руб.). Цѣль опроса держалась втайне. Многихъ опрошенныхъ комитетъ не зналъ лично. Этимъ объясняется, что 20% тѣхъ лицъ, которымъ были разосланы опросные листки, оказались холостяками. Опрошенные не подписывали листковъ, которые были составлены такъ, что на вопросъ можно было отвѣтить простымъ крестомъ въ соответствующей рубрикѣ. Всего разослано было 630 листковъ *), но по различнымъ причинамъ заполнено было только 316. Въ 174 случаяхъ опрошенные отказались отвѣтить, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вышла ошибка: листки были посланы холостякамъ. Въ общемъ, получилось такъ, что добытыя свѣдѣнія казаются, главнымъ образомъ, среднихъ классовъ. Сидней Веббъ группируетъ полученные отвѣты на двѣ категоріи: семьи, въ которыхъ число дѣтей умышленно ограничено, и семьи безъ такого ограниченія. Для краткости, Веббъ вводитъ два термина: «ограниченный бракъ» (Limited marriage) и «неограниченный» (Unlimited marriage). Изъ 316 браковъ—74 оказались «неограниченными» а 242—«ограниченными». На «ограниченный» бракъ въ среднемъ приходится отъ одного до двухъ дѣтей. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ средняя семья въ Англіи и Уэльсѣ состояла изъ 4—5 дѣтей. Какія причины заставляютъ супруговъ ограничить

*) Вотъ программа листковъ:

1. Состоите ли вы въ бракѣ?

Тѣ, которые были женаты или замужемъ, должны отвѣтить на предпредшущій вопросъ утвердительно.

2. Вашъ полъ?

3. Вашъ возрастъ?

4. Годъ вступленія въ бракъ.

Желательны данные только отъ лицъ, вступившихъ въ бракъ послѣ 1870 г.

5. Возрастъ мужа во время бракосочетанія.

6. Возрастъ жены тогда же.

7. Подробности о родившихся дѣтяхъ, включая и мертворожденныхъ (относительно каждого показать: годъ рожденія, полъ, годъ смерти).

8. Ожидаете ли вы еще рожденіе дѣтей?

9. Принимали ли вы мѣры къ тому, чтобы вашъ бракъ былъ бездѣтнымъ или чтобы ограничить число дѣтей?

10. Если да, то въ какіе годы брачной жизни?

11. Была ли какая-нибудь исключительная причина (напр., тяжкая болѣзнь супруга или супруги), обусловившая число вашихъ дѣтей? (Если возможно, укажите причину).

размѣры семьи? Такого вопроса не было въ разосланныхъ листахъ; но многіе опрошенные сами прибавили это объясненіе.

Экономическая причины приведены въ 88 случаяхъ	
Специальная болѣзни	13
Общая слабость или наследственность "	19
Нежеланіе жены имѣть дѣтей	9
Различныя другія объясненія.	157
Итого	242

Анализъ большой рубрики «различныхъ объясненій» показываетъ, что и эти причины могутъ быть сведены или къ категоріи экономическихъ, или къ нежеланію жены имѣть дѣтей.

Данные, добытыя анализомъ статистическихъ таблицъ и подтвержденныя опросомъ, хотя далеко не всестороннимъ, — свидѣтельствуютъ о слѣдующемъ. «Мы имѣемъ право заключить, — говорить Сидней Веббъ, — что главной, если не единственной причиной паденія процента рождаемости въ Англіи является сознательный контроль супруговъ. Практическое нео-мальтузіанство примѣняется изъ тѣхъ или другихъ соображеній, по крайней мѣрѣ, половиной, если не тремя четвертями всего населенія Соединенного Королевства. Дѣлаютъ это не только богатые и обеспеченныя классы, какъ предполагалось прежде, но и рабочіе, городскіе и сельскіе. Въ результатѣ то, что черезъ четверть вѣка отъ начала примѣненія подобныхъ средствъ ежегодно рождается дѣтей на 25%, меньше, чѣмъ должно было бы». Явленіе не ограничивается только Соединеннымъ Королевствомъ. Статистика показываетъ, что въ Новой Южной Уэльсѣ и въ Викторіи процентъ рождаемости уже ниже, чѣмъ въ Англіи, а въ Новой Зеландіи такой же, какъ и въ метрополіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ мы наблюдаемъ такое же явленіе среди коренного населения. Поразительный ростъ населения обусловливается стремительнымъ притокомъ переселенцевъ и плодовитостью ихъ. Въ Германіи нео-мальтузіанство тоже дѣлаетъ быстрые успѣхи, въ особенности въ Саксоніи, Гамбургѣ и Берлинѣ; но сельскіе раіоны покуда еще совершенно не затронуты. Католическое населеніе Ирландіи, англійскихъ городовъ, — Канады и Австріи не знаетъ нео-мальтузіанства; но ихъ единовѣрцы въ Италии, Бельгіи и Баваріи слѣдуютъ примѣру Франціи. Тотъ фактъ, что въ каждой странѣ, где существуетъ правильная статистика, наблюдается пониженіе процента рождаемости, доказываетъ, что практическое нео-мальтузіанство начинаетъ примѣняться всюду.

Всѣ эти доказанные факты заставляютъ насъ обратить самое серьезное вниманіе на явленіе, независимо отъ того, нравится ли оно намъ или нѣтъ. Простой ссылкой на «неприличіе» и щекотливость вопроса нельзя уже отѣлиться. Явленіе болѣе серьезно, чѣмъ десятки другихъ важныхъ вопросовъ, не сходящихъ

со страницъ печати. Одними обличеніями «безнравственности» нео-мальтюзіанства тоже ничего нельзя сдѣлать. Тотъ фактъ, что къ «практическому» нео-мальтюзіанству прибѣгаеть значительная часть населенія, въ общемъ, цвѣть націй, показываетъ, что учение не противорѣчитъ взгляду этой части населенія на нравственность. Быть можетъ, оно ошибается, но оно убѣждено, что поступаетъ правильно. Мы исключимъ, конечно, шарлатановъ, наживающихся на рекомендациі и продажѣ специфическихъ средствъ и специальной литературы. Мы исключимъ также тартюзовъ, проповѣдующихъ одно и дѣлающихъ тайно другое. Среди нео-мальтюзіанцевъ есть масса искреннихъ людей, глубоко убѣжденныхъ, что они проповѣдуютъ ученіе, абсолютно необходимое для человѣчества. Нео-мальтюзіанцы, напримѣръ, могутъ сослаться на Джона Стюарта Милля, который, какъ человѣкъ, представляетъ одинъ изъ наиболѣе благородныхъ типовъ въ исторіи, между тѣмъ онъ писалъ вещи, поражающія нась, какъ своею наивностью, такъ и жестокостью. «Бѣдность—пишетъ Милль,—подобно многимъ общественнымъ бѣдствіямъ, существуетъ потому, что люди потворствуютъ безъ надлежащаго размышенія своимъ животнымъ инстинктамъ. Но общество возможно именно потому, что человѣкъ не всегда животное. Цивилизациі во всѣхъ проявленіяхъ ея есть борьба противъ животныхъ инстинктовъ, надъ многими изъ которыхъ она одержала существенную побѣду, подчинила своему контролю... Если цивилизациі до сихъ поръ не удалось подчинить себѣ инстинкта размноженія, то это потому,—полагаетъ Милль,—что она никогда не дѣлала попытокъ. Напротивъ, господствующія понятія о нравственности, государственные дѣятели — всѣ поощряютъ размноженіе, какъ только оно является результатомъ брачнаго союза. Религія и до сихъ поръ дѣлаетъ это. Католическое духовенство, пользующееся большими авторитетомъ среди массъ, — считаетъ своимъ долгомъ поощрять бракъ, какъ предупрежденіе блуда... Никто не думаетъ, что несчастье можетъ явиться послѣдствиемъ такъ называемаго естественнаго инстинкта... Въ то время, какъ человѣка, подверженного пьянству, всѣ, считающіе себя нравственными людьми, презираютъ, главный аргументъ бѣдняка, обращающагося къ общественной помощи, тотъ, что онъ народилъ большую семью и не можетъ ее содержать». Милль заявляетъ, что никакого важнаго улучшенія въ обществѣ не можетъ произойти до тѣхъ поръ, «пока къ людямъ, народившимъ большую семью, которую они не могутъ содержать, не будуть относиться съ такимъ же осужденіемъ, какъ къ пьяницамъ или подверженнымъ какимъ-либо другимъ предосудительнымъ порокамъ» *).

Нео-мальтюзіанцы говорятъ, что они перенесли идеи Милля изъ области невозможнаго въ дѣйствительность и что ими руководить

*.) J. S. Mill. «Principles of Political Economy». В. II. Chap. XIII. § 1.

забота о здоровъї женщины, о ея свободѣ. Экономическое положеніе большинства населенія теперь таково, что беременная женщина не можетъ имѣть необходимаго комфорта, отдыха и спокойствія. Даже тогда, когда она не работаетъ для хлѣба, она должна зачастую до послѣдняго момента возиться съ дѣтьми и хозяйствомъ. На нее надаются вѣчныя заботы о томъ, какъ свести концы съ концами въ хозяйствѣ. Нео-мальтузіанство — говорятъ защитники его, — легко осуждать съ моральной и эстетической точки зренія; но неизвѣримо труднѣе указать на то, какъ бороться при *настоящемъ экономическомъ строѣ* съ явленіями, на которыхъ указываютъ мальтузіанцы. И тутъ они находятъ неожиданныхъ союзниковъ въ крайнихъ радикалахъ. Въ будущемъ обществѣ, въ основу которого лягутъ высшія формы производства и справедливое распределеніе богатства, — говорятъ они, — положеніе дѣль будетъ, очень возможно, иное; покуда же ничего другого придумать нельзя. Необходимо решить, что хуже: поздніе браки и проституція или ранніе браки и «практическое» мальтузіанство? Что вреднѣе при *современномъ строѣ*, покуда новый строй еще вопросъ будущаго: «неограниченные браки», въ которыхъ женщина превращается въ большую самку, въ ходячій инкубаторъ, въ рабыню, прикованную къ кухонной плитѣ и къ лоханкѣ съ дѣтскими пеленками, или опять же «практическое» мальтузіанство? Послѣднее ведеть къ быстрому паденію процента рождаемости. Что же? Это обстоятельство является сильнымъ аргументомъ только въ пользу того, что старый строй необходимо замѣнить возможно скорѣе другимъ, справедливымъ. Явление, во всякомъ случаѣ, настолько страшно серьезно, что съ нимъ смѣшно бороться только аргументами, сводящими къ безнравственности и не-эстетичности нео-мальтузіанства.

Тѣ въ Англіи, которые вѣрятъ въ буржуазную политическую экономію; тѣ, для которыхъ Рикардо, Нассау, Кернъ, Сеніоръ и Фауссетъ — единственные авторитеты, — совсѣмъ не имѣютъ даже права ужасаться пониженію процента рождаемости. Соціалисты со креками Роберта Оуэна боролись съ теоріей Мальтуза. Послѣдователи буржуазной политической экономіи вѣдьма проявляли необходимость контроля надъ естественнымъ приростомъ населенія. Они встрѣчались только тогда, когда пониженіе рождаемости въ деревняхъ стало грозить уменьшить армію, защищающую интересы богатыхъ классовъ.

V.

«Въ сороковыхъ годахъ англійскіе экономисты доказывали, что ограниченіе прироста населенія избавитъ страну отъ многихъ бѣдствій, — говоритъ Сидней Веббъ. — Факты показали, что нео-мальтузіанство не устраиваетъ ни ужасовъ «постоянной нищеты», когда на рынокъ труда выступаютъ не приспособленные индивидуумы, ни

безработицы. Съ другой стороны, широкія серьезныя экономические реформы устраниютъ ту необходимость фиксированія maximum'а населенія, о которой говорятьъ Мілль, Макъ-Кулохъ, Кернъ и Фауссетъ». Дѣйствительность показываетъ, что «нео-мальтузіанцами» становятся наиболѣе обезпеченные классы и цвѣть пролетариата. Приростъ населенія идетъ безконтрольно въ трущобахъ. Главными национальными «поставщиками» являются иммигранты и ирландцы католики. По вычисленію Карла Ширсона, «двадцать пять процентовъ населенія Англіи рождаются 50% всѣхъ дѣтей. И если бы нео-мальтузіанство нашло послѣдователей даже среди ирландцевъ и иммигрантовъ, тогда, по всей вѣроятности,—говорить Сидней Веббъ,—на сцену явились бы детевые работники, китайские кули.

Къ какому же заключенію приходитъ основатель фабіанскаго общества? Выводы его отнюдь не проникнуты пессимизмомъ. «Уже одно то хорошо,—говорить Сидней Веббъ,—что мы знаемъ причину явленія. Она такого характера, что съ нею можно бороться. Если паденіе процента рождаемости обусловливается физическимъ вырожденiemъ, причиненнымъ «урбанизацией» или чѣмъ-либо другимъ,—явленіе не возможно было бы устранить. Но уменьшеніе числа рожденій, какъ результатъ сознательного контроля, обусловленного соображеніями, главнымъ образомъ, экономического характера,—не столь страшно. Необходимо, прежде всего, устраниить влияніе экономическихъ соображеній. При современныхъ соціальныхъ условіяхъ рожденіе ребенка въ семье, глава которой зарабатываетъ меныше трехъ фунтовъ въ недѣлю, является большимъ несчастьемъ. Жена нѣсколько мѣсяцевъ не въ состояніи зарабатывать. Мужъ долженъ добыть добавочную, сверхъ-бюджетную сумму, необходимую на покрытие экстренныхъ расходовъ. Но это еще не все. Небогатые родители въ Англіи знаютъ, что четырнадцать лѣтъ придется урѣзывать куски у себя и у другихъ дѣтей, чтобы кормить лишній ротъ *). Зарабатывающіе меныше трехъ фунтовъ въ недѣлю составляютъ $\frac{1}{5}$ всего населенія Англіи. Такимъ образомъ, для $\frac{3}{4}$ всего населенія Англіи лишній ребенокъ означаетъ меныше хлѣба и развлечений, худшее платье и болѣе тѣсное помѣщеніе для всей семьи. Лишній ребенокъ уменьшаетъ также шансы остальныхъ дѣтей получить образованіе, помимо начального бесплатнаго. Тѣ же соображенія, но въ гораздо болѣе интенсивной формѣ, относятся и къ англійскимъ среднимъ классамъ. Среднее и высшее образованіе въ Англіи стоять страшно дорого (Обученіе, напр. въ хорошей public school, равной нашей гимназіи, обходится въ 40—50 ф. ст. въ годъ. Это только плата за ученіе). Врачъ, священникъ и чиновникъ,

*.) Обязательное ученіе въ начальныхъ школахъ продолжается 6—7 лѣтъ. Такимъ образомъ, дѣти начинаютъ зарабатывать въ 13—14 лѣтъ. Съ этого времени начинается самостоятельная жизнь маленькаго англичанина, принадлежащаго къ рабочему или къ „нижне-среднему“ классамъ.

могущій платить за двухъ мальчиковъ, не въ силахъ уже дать хорошее образование третьему.

Измѣнить положеніе дѣлъ можетъ только совершенно новое взаимоотношеніе государства и личности. Общество должно уяснить себѣ, что повышеніе процента рождаемости для него важнѣе даже, чѣмъ хороший урожай. Здоровыя дѣти означаютъ будущихъ энергичныхъ работниковъ на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Вотъ почему общество прямо заинтересовано въ томъ, чтобы дѣтей рождалось много, чтобы они были здоровы, все получили хорошее образование и, такимъ образомъ, были бы вполнѣ приспособлены для жизни. Забота о большой семье должна пачь на общество, а не на индивидуумовъ. Уже и теперь общество отчасти кое-гдѣ поступаетъ такимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Англіи и Шотландіи, напр., муниципалитеты успѣшно борются съ высокой смертностью среди младенцевъ при помощи муниципальныхъ молочныхъ фермъ. Въ округѣ Батерсі, гдѣ такая ферма для доставки стерилизованного молока существуетъ, смертность среди дѣтей ниже на 50%, чѣмъ въ сосѣднемъ Ламбетѣ, гдѣ нѣть подобного муниципального предпріятія. Общество теперь береть также на себя снабженіе завтраками дѣтей въ начальныхъ школахъ. Путь, такимъ образомъ, намѣченъ. Общество,—говорить Сидней Веббъ,—должно взять на себя всѣ расходы, сопряженные съ образованіемъ дѣтей. Отцу и матери останутся заботы о воспитаніи будущихъ гражданъ. Каждый ребенокъ, въ такомъ случаѣ, будетъ имѣть равный шансъ. Рожденіе дѣтей станетъ общественный службой, за которую матери въ правѣ требовать вознагражденія отъ общества. По выраженію Сиднея Вебба, «материнство будетъ привлекать женщинъ, во всякомъ случаѣ, столько же, сколько теперь служба въ почтовыхъ конторахъ». Разъ родители будутъ избавлены отъ материальныхъ заботъ, то воспитаніе большой семьи станетъ снова важнымъ пунктомъ въ кодексѣ морали будущихъ гражданъ. Тогда опять родители, какъ въ древней Греціи или въ Римѣ, съ гордостью будутъ указывать на то, что у нихъ 7—8 дѣтей. У современного общества нѣть другого исхода: оно или должно помириться съ нео-мальтузіанцами, т. е. самоубийствомъ націи, или же радикально измѣнить свое отношеніе къ дѣтямъ и сдѣлать ихъ государственными пенсионерами. Другими словами, современное общество, если оно не желаетъ смерти, должно сдѣлать смѣлый шагъ по пути, намѣченному людьми, доказывающими необходимость новыхъ, высшихъ формъ производства и справедливаго распределенія богатства:

Діонео.

Французский синдикализмъ.

(Письмо изъ Франціи).

Наше время особенно интересно въ томъ отношеніи, что материальная и моральная связь между людьми начинаетъ обнаруживаться каждый день съ возрастающею силою не только въ рамкахъ одной какой-нибудь страны или национальности, но внутри цѣлого человѣчества, простираясь透过 pограничные столбы отъ государства къ государству, отъ народа къ народу. И этотъ характеръ людскихъ сношений кладеть на настоящій періодъ свою яркую печать, печать международности, печать *интернационализма*, т. е. той формы общенія между личностями, принадлежащими къ различнымъ национальнымъ и политическимъ союзамъ, которая для современныхъ народовъ, для современныхъ классовъ трудящихся является тѣмъ, чѣмъ въ XVIII-мъ вѣвъ *космополитизмъ* былъ лишь для самыхъ верховъ тогдашняго интеллигентнаго общества. Не вдаваясь въ развитіе этой мысли, вѣтъ которой нельзя, однако, понять особенностей современной эпохи *), я остановлюсь только на одной, но чрезвычайно важной области интернационализма нашихъ дней: международной борьбѣ труда съ капиталомъ.

Несомнѣнно, что эта борьба, заполняющая нынѣ весь миръ шумомъ своихъ перипетий, ведется въ такихъ формахъ, которые всякому крупному национальному столкновенію эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ придаютъ отпечатокъ великой интернациональной распри между угнетаемымъ трудомъ и угнетающимъ капиталомъ. Международная солидарность трудящихся перестаетъ быть простымъ словомъ. И экономическая, и политическая выступленія массъ въ одной странѣ производятъ сильное броженіе умовъ, если не подобные же взрывы и въ различныхъ мѣстахъ «за рубежомъ». Русская всеобщая забастовка октября 1905 г., вырвавшая первую решительную уступку у старого самодержавія, разнесла по всему миру волны революціоннаго энтузіазма и, несомнѣнно, повліяла на активное настроеніе массъ въ Германіи, Австро-Венгріи, Англіи, Франціи, Италии. Французская первомайская стачка, приведшая въ ужасъ мѣстную буржуазію весною этого года, произвела, въ свою очередь, сильное впечатлѣніе далеко за предѣлами Третьей

*) Читателя, интересующагося этимъ вопросомъ, отсылаю къ соображеніямъ, высказаннымъ мною въ самый разгаръ дѣла Дрейфуса. См. главу „Реннскій судъ и міровой характеръ процесса“ въ моей книгѣ: „Очерки современной Франціи“; Спб., 1904 г., 2-е изд., стр. 471—501.

республики. Чѣмъ больше присматриваешься къ современной структурѣ цивилизованнаго міра,— структурѣ, разрѣзъ которой, если можно такъ выразиться, становится особенно отчетливымъ въ моменты соціальныхъ потрясеній,— тѣмъ яснѣе видишь, что великия классовыя напластованія идутъ во всемъ мірѣ не вертикальными, а горизонтальными слоями, едва-едва нарушенными линіей пограничныхъ столбовъ. Трудящіяся массы въ своихъ существенныхъ требованіяхъ образуютъ по ту и по другую сторону границы одну и ту же основную толщу современного общества. Точно также и возвышающіеся надъ ними привилегированные классы вездѣ продолжаютъ въ соціально-экономическомъ смыслѣ одну и ту же формацию капитала и празднаго владѣнія.

Если русскіе казаки защищаютъ отъ польскихъ забастовщикъ мошну злѣшаго эксплуататора лодзинскихъ ткачей, француза Эженя Мотта, то французскіе солдаты охраняютъ отъ него дованія своихъ земляковъ хищническое хозяйничанье американца Гавиланда въ Лиможѣ и англійской фирмы Гольденъ и К° въ Реймсѣ и въ Рубэ. А во время прошлогодней стачки смѣшаннаго рабочаго населенія на жѣлѣзодѣлательныхъ заводахъ въ Лонуи (Longwy), находящемся во Франціи на границѣ Бельгіи, Германіи и великаго княжества Люксембургскаго, французская компанія дружно охранялась смѣшанными войсками четырехъ сосѣднихъ державъ. Въ номерѣ «La vie Illustrée» отъ 18-го августа 1905 г. читатель могъ вдоволь налюбоваться фотографіей, представляющей умилительное зрѣлище, какъ рабочаго-итальянца ведутъ во французскую тюрьму франко-германо-бельго-люксембургскіе жандармы, братски марширующіе бокъ-о-бокъ и обмѣнивающіеся веселыми улыбками охотниковъ, устроившихъ удачную облаву на звѣря...

Не надо, однако, забывать, что этотъ интернаціональный характеръ борьбы между трудомъ и капиталомъ нисколько не исключаетъ нѣкоторыхъ національныхъ пріемовъ, нѣкоторыхъ тактическихъ особенностей военныхъ дѣйствій трудящихся массъ противъ представителей владѣнія. Отрицать, что общія задачи историческаго периода преломляются въ каждой частной средѣ по особому, сталкиваясь съ различными національными темпераментами, различными политическими и соціальными условіями, значитъ быть рабомъ черезчуръ прямолинейной и черезчуръ узкой идеи. Именно потому, что мы живемъ не въ періодѣ космополитизма, стирающаго національныя различія интеллигентныхъ людей во имя идеала «гражданна міра», а живемъ въ періодѣ интернаціонализма, гармонически сливающаго національныя особенности трудящихся массъ въ общемъ стремленіи къ идеалу всестороннаго соціализма, именно поэтому рабочій классъ каждой страны решаетъ нѣсколько по своему великий соціальный вопросъ нашего времени. Наблюдая эти особенности, мы изучаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщую, міровую тенденцію трудящихся массъ устроить на развалинахъ капитали-

стического строя новый строй, основанный не на владѣніи, а на труде.

Въ настоящей статьѣ я задаюсь цѣлью отмѣтить иѣкоторыя черты рабочаго движения во Франціи, пополнивъ ихъ, въ случаѣ надобности, по закону сходства или контраста, чертами такого же движения въ другихъ странахъ. Какъ уже читатель можетъ заключить изъ самаго заглавія моего этюда, онъ будетъ посвященъ изученію той стороны соціального движения, которая чаще всего имѣется въ послѣднее время синдикализмомъ и которая въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть названа рабочимъ движениемъ по преимуществу, если не въ противоположность, то въ отличіе отъ философскихъ и политическихъ формъ борьбы труда съ капиталомъ, извѣстныхъ подъ именемъ соціализма. Нисколько не скрывая отъ себя трудности всякаго краткаго опредѣленія какого-либо сложнаго явленія, я все же полагаю, что разницу между соціализмомъ и синдикализмомъ можно охарактеризовать сравнительно немногими словами. Синдикализмъ есть, прежде всего, стихійное стремленіе представителей труда совмѣстно защищать противъ представителей капитала свои интересы въ ихъ непосредственной, будничной, профессіональной формѣ. Соціализмъ же есть сознательное противоположеніе принципа труда—принципу капитала въ теорії, и сознательная борьба политически организованного класса, класса рабочихъ, противъ политически же организованного класса капиталистовъ на практикѣ *). Нѣть сомнѣнія, что такая краткая формулировка дастъ, пожалуй, возможность черезчуръ придирчивымъ читателямъ выдвинуть противъ нея иѣкоторыя возраженія. Но для практическихъ цѣлей сдѣланное выше опредѣленіе годится, какъ мнѣ думается, вполнѣ. А, главное, при дальнѣйшемъ развитіи мысли, оно окажется свободнымъ отъ тѣхъ недоумѣній, которыя оно возбуждаетъ на первыхъ порахъ. По мѣрѣ того, какъ читатель будетъ пробѣгать дальше и дальше эту статью, онъ увидѣть, надѣюсь, что такая формулировка оправдывается и самой исторіей движения.

*.) Принципіальное противоположеніе труда капиталу логически приводить, конечно, къ требованію замѣны частной собственности общественной. Въ этомъ смыслѣ правъ Мермэксъ, авторъ поверхностной, но небезинтересной компиляціи о современномъ соціализмѣ, говоря: „Въ настоящее время можно и должно сказать такъ: соціализмъ есть доктрина, которая претендуетъ на то, чтобы, путемъ коренной революціи, установить совершенное равенство между людьми, уничтожая единственное неравенство, которое оставили по себѣ поверхностные политическіе революціи: неравенство богатства. Но какъ уничтожить это неравенство богатства? Это возможно сдѣлать не иначе, какъ отмѣнить частную собственность, какъ превращая всѣ виды собственности, которыми владѣютъ въ настоящее время на частномъ правѣ личности и семьи, въ одно коллективное имущество, одну соціальную собственность, которой будутъ пользоваться всѣ люди и т. д.“. См. Merméix, „Le Socialisme. Exposé du pour et du contre“; Парижъ, 1906, стр. 2—3.

Прибавлю лишь къ вышесказанному, что я занимаюсь въ своемъ этюдѣ собственно синдикализмомъ, т. е. формами профессиональной борьбы труда и капитала, и организациями, которыхъ рабочій классъ создаетъ въ своей наступательной и оборонительной войнѣ противъ имущихъ классовъ. Я оставляю въ сторонѣ кооперативное движение, которое, хотя и заслуживаетъ вниманія, но до сихъ поръ играетъ второстепенную роль въ великой соціальной борьбѣ нашей эпохи.

Не заходя вглубь временъ и останавливаясь только на нынѣшнемъ фазисѣ соціальной эволюціи, мы можемъ констатировать тотъ фактъ, что стихійная защита профессиональныхъ интересовъ труда,—возможно высокой заработной платы, возможно короткаго рабочаго дня, вознагражденія заувѣчье, пенсіи престарѣлымъ рабочимъ, охраненія здоровья и достоинства трудящихся,—принимаетъ значительные размѣры лишь по мѣрѣ того, какъ крупная индустрия, съ одной стороны, усиливаетъ эксплуатацию рабочаго капиталистомъ, съ другой—все больше и больше укрепляетъ связь между «руками», занятymi процессомъ производства въ громадномъ промышленномъ заведеніи. Смотря по тому, насколько рано та или другая страна становится на путь крупнаго капиталистического производства и массовой эксплуатации трудящихся, и синдикализмъ (не слово, конечно, а самая вещь) становится замѣтнымъ явленіемъ промышленной жизни. Стоить сравнить въ этомъ отношеніи хотя бы Англію и Францію, которые, представляемые въ теченіе первыхъ трехъ четвертей XIX-го вѣка двѣ наиболѣе развитыя экономически страны въ Европѣ, тѣмъ не менѣе рѣзко отличались между собою размѣрами и характеромъ производства. Англія шла впереди Франціи по пути крупной индустрии и капиталистического хозяйства. Соответственно съ этимъ и англійскіе трэдсъ-юніоны (Trades-Unions, или «ремесленные союзы», Unions de mÃ©tiers, какъ переводятъ это выраженіе французы) были уже могучей рабочей организацией, когда французскія группировки труда находились еще въ младенчествѣ. Не мѣшаетъ добавить, что подъ могучимъ давленіемъ быстро возроставшаго пролетариата, правительство Соединенного Королевства уже въ 1824 г. признало свободу стачекъ,—этого любимаго оружія трэдсъ-юніоновъ въ борьбѣ съ капиталомъ,—тогда какъ во Франціи первый шагъ по пути къ свободѣ коалицій и стачекъ былъ сдѣланъ лишь сорокъ лѣтъ спустя (законъ 25-го мая 1864 г.), несмотря на то, что французскій рабочій продѣжалъ за это время не одну политическую революцію.

Съ другой стороны, собственно такъ называемый соціализмъ развивался во Франціи гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Англіи, и въ смыслѣ теоріи, и въ смыслѣ практики. На одного дѣйствительно великаго Оуэна и нѣсколькихъ второ-, если не третьестепенныхъ, по большей части «христіанскихъ» соціалистовъ Англіи Франція выдвинула

цѣлую плеяду творческихъ и критическихъ умовъ соціалистического направлениія: геніальныхъ Сэнъ-Симона и Фурье, могучаго «аналитика» Прудона и замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ Шьера Леру, Кабэ, Луи-Бланы, Огюста Бланки, Видаля, Пеккёра и т. п. Рядомъ съ этимъ и политическая борьба рабочаго класса противъ буржуазіи была проникнута во Францію въ гораздо большей степени соціалистическими элементами, чѣмъ у за-ламанишской сосѣдки, и временами принимала на волканической почвѣ Галліи форму жесточайшей гражданской войны. Такое положеніе дѣль, въ общемъ и съ нѣкоторыми оговорками, удержалось до самаго послѣдняго времени.

Проведеніе этихъ «параллелей и контрастовъ» между двумя very-ко культурными странами даетъ намъ поводъ лучше уяснить себѣ разницу между синдикализмомъ и соціализмомъ, между стихійнымъ и сознательнымъ процессомъ борьбы труда съ капиталомъ. Стихійное движение неимущихъ рабочихъ противъ праздныхъ эксплуататоровъ должно неизбѣжно возникнуть на извѣстной ступени хозяйственного развитія, какъ вода, нагрѣтая до извѣстной температуры, должна фатально выдѣлять изъ себя пузырьки воздуха, т. е. кипѣть. И если бы мы желали употреблять въ общественныхъ наукахъ естественно-научные термины «соціальная теплота» и «соціальное движение», пресерьезно прилагаемые Кэри къ явленіямъ человѣческаго общежитія, то мы могли бы сказать, что процессъ капиталистической эксплуатации, доведенный хозяевами до той точки, когда онъ начинаетъ зажигать негодованіемъ душу трудящихся массъ, долженъ непремѣнно вызывать среди нихъ стихійное (молекулярное) движение и доводить ихъ до хронического кипѣнія, порою переходящаго въ прямые взрывы. То картина стихійного, профессіонального рабочаго движения, картина синдикаизма, который можетъ носить — и, дѣйствительно, чаще всего носить — умѣренный реформистскій характеръ, но порою, особенно въ нѣкоторыхъ странахъ, проявляется въ видѣ революціоннаго «прямого воздействиія» (action directe, какъ выражаются въ такихъ случаяхъ французы).

Другой вопросъ, при какихъ условіяхъ это стихійное молекулярное движение можетъходить въ сознательное политическое движение, движение въ пространствѣ, направленное въ извѣстную сторону и приближающее настъ къ извѣстной, заранѣе поставленной нами цѣли, равно какъ другой вопросъ, при какихъ условіяхъ эта фатальная возгонка стремленій, чувствъ, аффектовъ рабочаго класса, вызываемая лихорадочнымъ процессомъ эксплуатации, можетъ осаждаться въ формѣ соціалистическихъ идеаловъ, плановъ будущаго общества, во имя которыхъ борцы за лучшій строй организуются въ могучія партіи и вступаютъ въ бой съ историческими силами старого міра, хищничествомъ и гнетомъ. Тутъ недостаточно одной игры экономическихъ отношеній, одного процесса эксплуатации.

Соціалістический ідеаль и політическая борьба соціалістовъ съ другими партіями нуждаются для своего осуществлениа въ совокупности общественныхъ условій, которые, какъ все въ соціальномъ организмѣ, находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствиі съ хозяйственнымъ строемъ, но вовсе не точно пропорциональны напряженности тѣхъ или другихъ экономическихъ силъ, царящихъ въ данномъ обществѣ. Здѣсь приходится принимать въ разсчетъ национальный темпераментъ данного народа, характеръ его психологіи, степень его восприимчивости и способность его къ абстракції. Здѣсь надо обращать вниманіе на уровень его общей культуры, на развитіе научной мысли, на силу историческихъ традицій. Въ свою очередь чисто политическая условія,—большая или меньшая степень общественной и личной свободы, централистический или федеративный характеръ государства, международная роль данной страны, и т. п.—облегчаютъ или затрудняютъ для массъ переходъ отъ стихійного рабочаго движенія къ сознательному политически-соціалистическому движенію. Въ сущности, всѣ эти разнообразныя условія присутствуютъ и при процессѣ чисто стихійного профессионального выступленія трудящихся массъ противъ эксплуататоровъ. Но самая первоначальность и всеобщность процесса эксплуатациіи переносить центръ тяжести этой стихійной борьбы на экономическую почву и устанавливаетъ гораздо болѣе прочное соотвѣтствіе между напряженностью упомянутой эксплуатациіи и яркостью профессиональной борьбы трудящихся противъ капиталистовъ. Тогда какъ характеръ соціалистического движенія въ данной странѣ обусловливается несравненно болѣе многочисленными и сложными обстоятельствами.

Вслѣдствіе этого мы и видимъ, напр., что теоретический соціализмъ можетъ пріобрѣсти большее значеніе въ странѣ, менѣе развитой въ экономическомъ отношеніи, особенно, благодаря возможности для геніального мыслителя забѣжать въ области идей впередъ хозяйственного развитія своей родины. Пусть читатель припомнить хотя бы великія предвидѣнія Фурье, который въ первой трети XIX-го вѣка успѣлъ уже подвергнуть самой разрушительной критикѣ капиталистический строй и построить цѣлую систему будущаго гармонического общества, хотя могъ наблюдать во Франціи режимъ свободной конкуренціи почти исключительно въ области крупной торговли (а не крупной промышленности); въ смыслѣ же общественного производства былъ знакомъ, повидимому, только съ мелкими молочными кооперациіями смежныхъ полосъ Франціи и Швейцаріи. Съ другой стороны, на почвѣ крайне промышленной Англіи дѣятельность собственно соціалистическихъ партій до сихъ поръ плохо прививается, что можно объяснить, между прочимъ, привилегированнымъ положеніемъ, которое Великобританія занимала на міровомъ рынке, а кромѣ того, и искусствой политикой правящихъ классовъ. Дѣло въ томъ, что классовая политика трудя-

щихся массъ, идущая въ разрѣзъ съ политикой представителей владѣнія, парализовалась фактической монополіей Англіи, какъ производительницы мануфактурныхъ продуктовъ чуть не для всего міра. Въ силу этого дѣлежъ получаемой съ чужестранцевъ крупной добычи между фабрикантами и рабочими не вызывалъ столь ожесточенной борбы, какъ въ другихъ странахъ. Въ свою очередь и политический смыслъ правящихъ верховъ, неизмѣнно уступавшихъ массамъ, когда напоръ послѣднихъ принималъ черезчуръ революціонный характеръ, обламывалъ остріе у «соціальной войны» въ Англіи.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что отсутствіе строгой пропорциональности между силой собственно рабочаго движенія, или синдикализма, и силой теоретического и политического соціализма есть явленіе очень распространенное. Не надо только забывать, что, объясняясь различными сложными условіями, это несоответствіе напряженности экономической и политической борбы труда противъ капитала отнюдь не обозначаетъ прямой противоположности двухъ видовъ «соціальной войны». Наоборотъ, въ концѣ концовъ и съ теченіемъ времени та страна, въ которой происходитъ сильное рабочее движеніе, будетъ обладать и большими шансами на відвореніе прочного соціалистического строя. За то изученіе національныхъ особенностей соціального движенія въ разныхъ странахъ даетъ возможность наблюдателю опредѣлить, какія «возмущающія» условія, какія специальные причины мѣшаютъ сближенію обоихъ родовъ классовой борбы трудящихся массъ противъ эксплуататоровъ. Ибо во всякомъ случаѣ и теоретики, и практики современного соціализма согласны въ томъ, что никакое серьезное измѣненіе настоящаго строя не мыслимо безъ дѣятельнаго участія трудящихся классовъ, т. е. огромнаго большинства человѣчества.

Послѣ этихъ общихъ, но необходимыхъ соображеній мы можемъ перейти къ непосредственному предмету нашей статьи—французскому синдикализму.

Мною уже неоднократно изображалось въ письмахъ изъ Франціи и собственно рабочее, и соціалистическое движеніе этой страны. За исторію и подробностями взаимныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ я отсылаю поэтому читателя къ своимъ предшествующимъ этюдамъ *). Здѣсь же я остановлюсь на исторіи французского синдикализма лишь съ того времени, когда онъ замѣтно выдѣлился изъ совокупности смежныхъ явленій, составляющей соціальный вопросъ въ его цѣломъ.

*) См. въ «Очеркахъ современной Франціи» главы: «Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи» (стр. 193—238), «Эволюція политическихъ партій» (стр. 560—587) и «Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата» (стр. 587—612).

и чѣмъ больше, тѣмъ дальше начинаеть играть роль въ общественной жизни страны. Избѣгая по возможности повтореній, но развивая нѣкоторыя стороны явленія, я беру за исходный пунктъ синдикализмъ на почвѣ совсѣмъ еще юной, но уже обагренной кровью Коммуны Третьей республики. Синдикаты, которые выросли въ послѣдніе годы Второй имперіи *), сложились въ федерацію и вошли нѣкоторыми наиболѣе крайними своими элементами въ Интернаціональ, были, конечно, безжалостно раздавлены во время этого величайшаго избѣженія трудящихся массъ буржуазіей. Поэтому, когда сама сила вещей стала снова создавать синдикальную организацію, эта группировка рабочихъ ставила своею исключительной цѣлью преслѣдованіе чисто профессиональныхъ интересовъ и всячески открепщивались отъ классовой политики, что шло только на руку апостоламъ мирнаго синдикализма, въ родѣ Барбера. Это обстоятельство мы должны отмѣтить тутъ же, такъ какъ «барбератизмъ»,—чтобы употребить французскую кличу, — есть не только свойственное Франціи, но всему миру явленіе. И межеумочные политики, стоящіе одной ногой на почвѣ трудового міровоззрѣнія, а другой—на почвѣ міровоззрѣнія буржуазнаго, съ необыкновеннымъ усердіемъ поддерживаютъ въ различныхъ странахъ туземныя формы будничного, скромнаго синдикализма, который мѣшаєтъ восторжествовать въ современномъ обществѣ интересамъ и идеаламъ рабочаго класса путемъ рѣшительной борьбы съ имущими и правящими классами.

Какъ бы то ни было, въ 1875 г.,—четыре года спустя послѣ версальскихъ вакханалий въ разгромленномъ Парижѣ,—насчитывалось уже во Франціи 135 синдикальныхъ палатъ, старавшихся вести себя по возможноститико и скромно, чтобы избѣжать преслѣдованій реакціоннаго въ то время правительства. Не забудьте, что тогда надъ всякими организаціями Третьей республики, бывшей пока «республикою безъ республиканцевъ», висѣлъ, словно Дамокловъ мечъ, цѣлый арсеналъ репрессивныхъ законовъ и мѣръ, кой-какія изъ которыхъ шли еще со временъ Великой революціи. Имъ угрожалъ такъ называемый законъ Ле-Шапелье (14—17 июля 1791 г.), который воспрещалъ какую бы то ни было организацію ремесль и профессій подъ тѣмъ предлогомъ, что революціонное право уничтожило всѣ средневѣковые цехи и корпорации и не допускаетъ ихъ возстановленія «въ какой бы то ни было формѣ» и во имя «мнѣмыхъ (sic!) общихъ интересовъ» **). Имъ грозили статьи 291—294 свода уголовныхъ законовъ, требовавшія для всякаго общества,

*) Самое слово появляется во Франціи, повидимому, въ 1867 г., когда башмачники даютъ название «Синдикальной палаты» своей профессіональной ассоціаціи. См. Léon de Seilhac, «Syndicats ouvriers, fédérations, bourgeois du travail; Парижъ, 1902, стр. 50.

**) Ср. Louis Barthou, «L'action syndicale»; Парижъ 1904, стр. 7 «введенія».

насчитывающего более 20 членовъ, разрѣшения правительства. И таковъ же, съ усугублениемъ, былъ смыслъ закона 10 апрѣля 1834 г., вогированного буржуазіей послѣ ліонскаго восстания ткачей въ октябрѣ 1831 г. Тяжелыми карами грозили организаціямъ и статьи 414—416 уголовнаго свода, наказывавшія почти всѣ проявленія коллективнаго сговора или стачки.

Интересны тенденціи первого рабочаго конгресса, который заѣдалъ въ Парижѣ отъ 2 до 10 октября 1876 г. и на которомъ присутствовало 360 delegatovъ отъ 70 парижскихъ синдикатовъ и 37 провинціальныхъ корпорацій. Въ заявленіяхъ и дебатахъ конгресса вскрывается рядъ недоразумѣній, показывающихъ, какъ неясна была для самихъ участниковъ цѣль возрождавшагося движенія. Громадное большинство конгрессистовъ принадлежало къ сторонникамъ прудоновскаго мутуализма и чисто кооперативной дѣятельности. Было лишь нѣсколько «коллективистовъ», какъ государственническаго, такъ и анархическаго шошиба. Словомъ, въ сущности торжествовала чисто профессиональная точка зрѣнія, которую съ 1872 г. развивалъ Барберэ. Но къ этому торжеству барбереттизма примѣшивалась та комическаяnota, что послѣдовательные синдикалисты горячо протестовали противъ присутствія на ихъ, рабочемъ, конгрессѣ самого Барберэ, вдохновителя мелко-профессионального движенія, на томъ основаніи, что онъ не былъ собственно рабочимъ. Съ одной стороны, конгрессъ въ лицѣ докладчика выражалъ крайне умѣренныя требованія, осуществленіе которыхъ отнюдь не могло бы мѣшать ни сну, ни пищеваренію господь буржуза: «путь знать,— говорилъ онъ,— что намѣреніе рабочихъ нисколько не заключается въ томъ, чтобы улучшить свою участъ путемъ ограбленія другихъ». Но съ другой—онъ жестоко нападалъ на притязанія буржуза руководить рабочимъ классомъ, и нападалъ всего болѣе чуть ли не за то, что они «ишуть лѣкарствъ противъ нашихъ золъ въ идеахъ и умствованіяхъ, а не справляются (prendre conseil) съ нашими потребностями и съ дѣйствительностью» *). Курьезъ здѣсь заключается въ томъ, что «буржуа», которыхъ бичевалъ первый синдикалистскій конгрессъ, были соціалисты, изъ рядовъ буржуазной интелигенціи, которые покинули привилегированій классъ съ тѣмъ, чтобы вести борьбу внутри арміи рабочихъ съ представителями капитала и владѣнія. Это ихъ-то соціалистические идеалы французскій синдикализмъ преритетно обзвалъ «умствованіями». Такое отношение людей труда какъ разъ къ міровоззрѣнію труда было, конечно, сейчасъ же отмѣчено съ двухъ сторонъ, и со стороны буржуазіи, и со стороны соціалистовъ. Всѣ буржуазныя газеты,— и правой, и лѣвой, и французскія, и заграничныя,— восхищались здравымъ смысломъ и миролюбивымъ настроениемъ конгрессистовъ,

*) Fernand Pellutier, «Histoire des bourses du travail. Origine, institution, avenir», Парижъ 1902, стр. 39.

занимаясь разными вариациями на одну тему: «эра революции во Франции кончена навсегда». Съ другой стороны, коммунары, спасшися отъ разстрѣла версальцами и ссылки въ Новую Каледонію, выражали все свое негодованіе къ близорукимъ синдикалистамъ въ брошюре, выпущенной бѣглецами въ Лондонѣ сейчасъ же вслѣдь за конгрессомъ: «Въ городѣ революцій, пять лѣтъ спустя послѣ битвы Коммуны, на могилѣ разстрѣянныхъ, въ виду нумейской каторги, въ виду тюремъ, переполненныхъ революціонерами, могли найтись,—какъ это ни чудовищно,—люди, осмѣлившися взять на себя роль представителей пролетаріата, съ тѣмъ, чтобы отъ его имени принести публичное покаяніе буржуазіи, отречься отъ революціи, отречься отъ Коммуны. Укрывшись въ покровительственной тѣни бонапартистскихъ военныхъ судовъ, синдикалисты собирались для того, чтобы позорить революціонный Парижъ» и т. д. *).

Мы увидимъ, однако, ниже, какіе крайніе выводы вышелушить, если можно такъ выразиться, изъ смутной теоріи тогдашнихъ сторонниковъ чисто професіонального движенія современный французскій (и итальянскій) революціонный синдикализмъ. Во всякомъ случаѣ, если кто не былъ въ то время обеспокоенъ синдикальнымъ движениемъ, такъ это именно буржуа, къторые прекрасно понимали, что, включая себя въ кругъ чисто професіональныхъ интересовъ, отказываясь отъ какой бы то ни было политики, рабочій классъ тѣмъ самымъ отдавалъ политическую сферу въ безраздѣльное владѣніе имущихъ и правящихъ классовъ иувѣковѣчивалъ свою соціальную приижленность.

Такъ или иначе рабочее движеніе развивалось; и сама жизнь вносила поправки въ чрезчуръ узкую программу чисто професіонального синдикаизма, какъ онъ проявилъ себя на парижскомъ конгрессѣ. По мѣрѣ того, какъ Третья республика демократизировалась въ пылу борьбы съ отживающими партіями, усиливалась и возможность соціалистической пропаганды среди рабочихъ. Синдикалисты подвергались все возрастающему и возрастающему вліянію сторонниковъ болѣе цѣльного міровоззрѣнія труда. Надо сказать, что въ ту раннюю пору французского рабочаго движенія професіональные организаціи фактически не могли отмежеваться отъ организацій политическихъ. А внутри соціализма государственники и анархисты довольно дружно работали бокъ-о-бокъ, находя почву взаимнаго соглашенія въ элементѣ революціонности и въ противостояніи его мирному професіональному направленію чистыхъ синдикалистовъ. Теченіе шло, очевидно, въ сторону болѣе крайнихъ партій или, лучше сказать, взглядовъ (такъ какъ собственно рабочихъ партій въ то время еще не существовало). Не мѣшаѣть, дѣйствительно, припомнить, что какъ ни былъ умѣренъ первый конгрессъ, онъ все же отвергнуль проектъ закона о синдикатахъ,

*) Seilhac, I. c., стр. 255—256.

который былъ составленъ Эдуардомъ Локруа, депутатомъ крайней лѣвой, и позволялъ образованіе синдикатовъ, но подъ условіемъ представленія мэру, префекту полиціи, или прокурору (смотря по мѣсту) статутовъ, фамилій и адресовъ всѣхъ членовъ.

На второмъ, ліонскомъ, рабочемъ конгрессѣ (28 января—8 февраля 1878 г.) соціалисты, несмотря на свое крайне незначительное число, могли, однако, развить вполнѣ опредѣленно свою программу «установленія колективнаго производства и коллективной собственности». Это предложеніе нашло среди голосовавшихъ его конгрессистовъ всего восемь сторонниковъ. Но важенъ былъ уже самъ фактъ, что делегаты синдикатовъ допустили колективистовъ развернуть здѣсь свое знамя. Вскорѣ колективизмъ настолько набирается силъ, что на слѣдующемъ—третьемъ—рабочемъ конгрессѣ (20—31 октября 1879 г.) въ Марсели хозяиномъ положенія является уже онъ, а не профессіональный синдикализмъ, такъ какъ послѣдній успѣваетъ выдвинуть всего только 23 голоса противъ 60 голосовъ, высказавшихся за «коллективную собственность (collectivit ) почвы, подпочвы, орудій труда, сырыхъ матеріаловъ» и т. д. На четвертый конгрессъ (октябрь 1880 г.), въ Гаврѣ, колективисты являются уже съ твердымъ намѣреніемъ или увлечь за собой мирныхъ синдикалистовъ, или рѣзко отколоться отъ нихъ. Расколъ, дѣйствительно, происходитъ въ самомъ началѣ. Коллективистическое меньшинство, предводимое Гедомъ,—который нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ составлялъ въ Лондонѣ вмѣстѣ съ Марксомъ, Энгельсомъ, Лафаргомъ, Ломбаромъ «программу рабочей партіи»,—не допускается на конгрессъ синдикалистовъ, такъ какъ эти требуютъ отъ членовъ правильныхъ мандатовъ отъ рабочихъ организацій, а у гедистовъ такихъ пока нѣть. И вотъ бокъ-о-бокъ съ конгрессомъ представителей синдикатовъ идутъ засѣданія конгресса колективистовъ, которые яркостью и революціонностью своихъ заявлений оттѣгаютъ въ ряды своей партіи не мало выдающихся представителей синдикатовъ въ большихъ городахъ.

Этотъ дренажъ синдикальныхъ силъ въ пользу колективизма ослабляетъ чисто профессіональное движение. Въ теченіе цѣлыя шести лѣтъ, отъ 1880 до 1886 г.,—которая знаменуется ростомъ, но и внутренними расколами соціалистической партіи, раздѣлившейся на гедистовъ и поссибилистовъ,—чистые синдикалисты успѣваютъ созвать лишь два, очень тусклыхъ, естѣстственно сказать, конгресса, въ Парижѣ и Бордо. Лишь въ октябрѣ 1886 г. синдикаты, естѣстственно росту которыхъ благопріятствовалъ отчасти подготовленный республиканцами съ Вальдекомъ-Руссо во главѣ законъ 21 марта 1884 г., могли снова организовать конгрессъ, на сей разъ въ Ліонѣ. Но и здѣсь умѣренные элементы синдикализма, организовавши конгрессъ, принуждены были уступить господствующую роль представителямъ революціоннаго, политическаго соціализма, или, лучше сказать, гедистамъ, образовавшимъ «рабочую партію». Эта побѣда

политиковъ надъ синдикалистами выразилась, между прочимъ, очень ясно въ вопросѣ объ отношеніи конгресса къ только-что упомянутому закону 1884 г. Какъ известно, статья 2-я этого закона разрѣшаетъ свободное образованіе «синдикатовъ или професіональныхъ ассоціацій» безъ всякаго разрѣшенія правительства,—явочнымъ порядкомъ, какъ принято говорить у нась,—хотя бы эти общества состояли и болѣе, чѣмъ изъ двадцати членовъ. А статья 4 опредѣляетъ условія этого явочнаго порядка: основатели синдиката должны представить въ мѣстную мэрию (а въ Парижѣ въ *семскую*, но не *полицейскую* префектуру) уставъ и имена администраторовъ общества. Согласно статьѣ 5-ой, синдикаты могутъ даже, образовать юзлые союзы, которые, однако, не признаются юридической личностью и не могутъ, напр., поэтому ни обладать никакой недвижимостью, ни защищать свои интересы по суду. Тогда какъ сами синдикаты, въ силу статьи 6-й, признаются юридическою личностью, хотя съ немалыми ограниченіями: они могутъ выступать на судѣ, могутъ производить сборы съ своихъ членовъ и давать употребленіе собраннымъ суммамъ, могутъ устраивать кассы взаимопомощи и пенсіонныя кассы; но они не могутъ пріобрѣтать иную недвижимость, кромѣ той, которая «необходима для ихъ собраній, ихъ библиотекъ и курсовъ професіональнаго образованія».

Вотъ на почвѣ этого-то закона и возникло рѣзкое столкновеніе между сторонниками политическаго соціализма и синдикалистами. Сторонники Гѣда страшно возстали противъ законодательства 21-го марта 1884 г., напирая на то, что необходимость предъявленія статутовъ и именъ администраторовъ синдикатовъ властямъ уподобляеть рабочіе союзы «публичнымъ женщинамъ» (*femmes du trottoir*). При вотировкѣ 74 голоса высказались противъ признанія закона рабочими и лишь 29 за признаніе; 7 воздержалось. Восклицанія: «да здравствуетъ соціальная революція» перекрецивались въ воздухѣ. Трехцвѣтное знамя офиціальной республики было разорвано, и сохраненная нарочно отъ него красная полоса развѣвалась, какъ стягъ революціоннаго пролетаріата. Въ результатѣ конгресса была сформирована «національная федерація синдикатовъ» во главѣ съ «генеральнымъ федеральнымъ совѣтомъ», составившимся изъ выдающихся гадистовъ. Второй конгрессъ этой *новой* организаціи, засѣдавшій въ 1887 г. въ Монлюсонѣ, заключалъ въ себѣ уже исключительно сторонниковъ Гѣда; и съ самаго на-
чала пренія происходили не «подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, подъ которыемъ,—какъ выразился предсѣдатель конгресса, рабочій Дормуа,—буржуазія совершила всѣ свои предательства по отношенію къ родинѣ, всѣ свои преступленія противъ рабочаго класса и избѣженія его», а подъ «краснымъ знаменемъ, которое пролетаріатъ два раза поднималъ во Франціи, провозглашая республику».

Третій конгрессъ, собравшійся было въ 1888 г. въ Бордо, былъ распущенъ правительствомъ и перенесъ свои засѣданія въ пред-
Декабрь. Отдѣлъ II

мѣстѣ Буска. Его намѣніе приходится упомянуть главнымъ образомъ въ силу того знаменательнаго обстоятельства, что на немъ были вотированы два предложенія, которыя, въ сущности, какъ окажется послѣ, шли въ разрѣзъ съ общей таѣтикой, если и революціоннаго, то все же политическаго соціализма гедистской «рабочей партіи». Первое изъ этихъ предложеній гласило: «только всеобщая стачка, то-есть полное прекращеніе труда, или революція, можетъ толкнуть (entraîner) рабочихъ къ ихъ освобожденію». Второе, въ нѣсколько смутной, но чреватой будущими расколами формѣ, провозглашало необходимость для рабочихъ отмежеваться какъ будто бы только отъ буржуазныхъ политиковъ, но на самомъ-то дѣлѣ отъ политиковъ вообще, стало быть и отъ соціалистовъ, стоящихъ за политическую борьбу: «принимая во вниманіе, что гражданамъ невозможно и думать, чтобы захватъ собственности рабочимъ классомъ (reprise de possession) могъ когда-нибудь совершиться съ соглашеніемъ буржуазіи, конгрессъ приглашаетъ рабочихъ рѣзко отдѣлиться отъ политиковъ, которые ихъ обманываютъ».

Мы увидимъ вскорѣ, какъ двѣ эти резолюціи вырастутъ въ цѣлую стѣну, которая разъединитъ французскій соціализмъ отъ французскаго синдикализма, ставшаго въ послѣдніе годы, если и революціоннѣмъ, то въ значительной степени анархистскимъ, «политическимъ» движениемъ. Дѣло въ томъ, что и на почвѣ закона 1884 г., и выше его, професіональныя организаціи распространялись все больше и больше по странѣ и вырабатывали самостоятельную группировку рабочихъ элементовъ въ разныхъ направленіяхъ, такъ что при подвижномъ и революціонномъ temperamente французскаго пролетаріата скоро возникла возможность разрыва между силами синдикализма и силами соціалистической партіи.

Этотъ разрывъ и произошелъ въ 1894 г. послѣ слѣдующихъ перипетій. Мы только что сказали, что професіональныя организаціи сросались въ различные группы. Такъ, съ одной стороны, однородныя ремесла и вѣтви промышленности объединялись въ «федерациіи синдикатовъ», т. е. въ общіе союзы рабочихъ, занятыхъ однимъ и тѣмъ же производствомъ во всей Франціи: таковы синдикаты металлургическихъ, рудокопныхъ, желѣзнодорожныхъ, книго-печатниковъ и т. п. Съ другой стороны, различныя отрасли промышленности одного какого-нибудь центра или мѣстности соединялись въ такъ называемыя «биржи труда» *). Первою изъ этихъ

*) Это название и первоначальная идея центрального справочнаго органа для спроса, предложенія и найма труда принадлежатъ французскому экономисту-манчестерцу Молинари и были брошены имъ еще канунѣ февральской революціи въ 1848 г. Но идея «биржи», являющейся центромъ рабочей ячейки,—какъ церковь являлась центромъ средневѣковой коммуны,—принадлежитъ одному рабочему, сотруднику старой пропагандистской газеты „L'Echo de la Fabrique“ (№ отъ 1-го декабря 1833 г.).

биржъ оказалась парижская, основанная въ 1886 г. А въ 1892 г. ихъ насчитывалось уже четырнадцать. И вотъ въ то время, какъ гэдисты вели свою пропаганду, главнымъ образомъ, среди федерацій синдикатовъ, соединявшихся въ «Национальную федерацію», при чёмъ внутри этихъ организацій они занимались гораздо большими вопросами соціалистической доктрины и политики, чѣмъ профессиональными интересами,—само синдикалистское движение росло внутри биржъ труда, гдѣ практическія задачи мѣстныхъ рабочихъ находили несравненно лучшее решеніе. Рассла вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжная мысль о федераціи биржъ труда между собой. Она впервые была осуществлена въ 1892 г.; и ее реализацію ускорили старанія политическихъ соперниковъ Гэда (поссибилистовъ) опереться, въ свою очередь, на что-нибудь аналогичное съ «федераціей синдикатовъ». Парижская биржа труда, находившаяся подъ вліяніемъ поssiбилистовъ, предложила сэнтъ-этъенской биржѣ организовать конгрессъ съ цѣлью основать федерацію биржъ. И конгрессъ, открывшійся въ Сэнтъ-Этьенѣ 7-го февраля 1892 г., положилъ основаніе «Французской федераціи биржъ труда».

Первое время обѣ федераціи,—и синдикатовъ, и биржъ,—созывали свои конгрессы независимо. Такъ, въ 1893 г. федерація синдикатовъ организовала конгрессъ въ Марсели, а федерація биржъ въ Тулузѣ. Но изъ обмѣна мыслей и здѣсь, и тамъ выяснилась потребность въ общемъ объединительномъ конгрессѣ, который было предположено созвать въ концѣ текущаго года. Это казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что министерство Дюпони вступило на путь самой рѣзкой соціальной реакціи и, какъ известно, 7-го іюля того же 1893 г., закрыло парижскую биржу труда подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ 270 синдикатовъ, входившихъ въ составъ мѣстной биржи, 120 не соблюдали условій, установленныхъ закономъ 1884 года. Парижскій совмѣстный конгрессъ рѣшилъ, что въ слѣдующемъ, 1894 году, будетъ лишь одинъ общій конгрессъ биржъ и федерацій, и что онъ соберется въ Нантѣ. Это рѣшеніе было принято не безъ рѣзкаго протеста со стороны Гэда, который опасался, что находившаяся подъ его вліяніемъ федерація синдикатовъ растворить чистоту своихъ соціалистическихъ принциповъ въ профессиональныхъ тенденціяхъ федерацій биржъ. Не написалъ ли Гэдъ сейчасъ же по закрытию парижской биржи слѣдующихъ, черезчуръ одностороннихъ и черезчуръ раздражившихъ синдикалистовъ, строкъ: «Дюпони, заградивъ своей полиціей и конницей синдикальный и корпоративный тупикъ (*impassé*), въ которомъ грозило затеряться слишкомъ большое число рабочихъ, отбросилъ въ политическое движение,—единственный соціалистический путь,—всю рабочую партію, которая отныне убѣждена, что впѣ завоеванія

См. перепечатку этой статейки въ „La Revue Syndicaliste“, № 14 (июнь) 1906 г., стр. 45—46.

правительственной власти рабочимъ классомъ, нѣть ни спасенія, ни освобожденія труда» *).

Опасенія Геда оказались вѣрными: синдикалистскіе элементы, какъ мы сейчасъ увидимъ, взяли верхъ, но, по любопытной ироніи судьбы, вотировали въ вопросѣ о всеобщей стачкѣ резолюцію, гораздо болѣе революціонную, чѣмъ-то допускала гедистская точка зѣрнія, бывшая въ то же время по этому вопросу общимъ символомъ вѣры политического, главнымъ образомъ марксистскаго, соціализма. На Нантскомъ конгрессѣ (сентябрь 1894 г.) были представлены 21 биржа труда, обнимавшія 776 синдикатовъ и 30 федерацій, состоявшихъ изъ 682 синдикатовъ, кромѣ 204 синдикатовъ, имѣвшихъ прямое представительство. Въ общемъ конгрессъ насчитывалъ 1662 синдиката, пославшихъ на съездъ 143 delegata. И что же? Послѣ энергичной и талантливой защиты всеобщей стачки Бріаномъ,—тогда мало извѣстнымъ нантскимъ адвокатомъ, а нынѣ одомашненнымъ буржуазію соціалистомъ въ кабинетѣ Клемансо,—конгрессисты очень значительнымъ большинствомъ голосовъ приняли рѣшеніе въ пользу тактическаго пріема, пропагандировавшагося Бріаномъ и его сторонниками: 65 голосовъ выразились за всеобщую забастовку, 37 противъ, 9 воздержалось **).

*) См. статью въ „Le Matin“, отрывки которой цитированы у Seilhac, „Syndicats ouvriers“ etc., стр. 266.

**) Отсылая читателя за подробностями взглядовъ французскихъ и иныхъ соціалистическихъ партій на всеобщую стачку къ своей прошлогодней статьѣ въ «Русскомъ Богатствѣ» (№ 11—12), появившейся затѣмъ въ вѣсколько дополненномъ видѣ какъ предисловіе къ брошюре Этьена Бумиссона, посвященной тому же вопросу (изданіе «Общественнаго Пользы» 1906 г.), я позволю себѣ прибавить здѣсь слѣдующую историческую справку, которая мнѣ представляется очень любопытной. Многіе ученые люди искали прецедентовъ если не практическаго выполненія, то самой идеи всеобщей стачки. И лишь синдикалисты Франціи вспомнили кстати, что едва ли не самый опредѣленный планъ такой стачки принадлежитъ въ прошломъ Эмилю де-Жиарардану. Вдвойнѣ любопытно то обстоятельство, что оригиналъ публицистъ-флюгеръ, объѣвшій своимъ читателямъ давать имъ «каждый день по идеѣ», понималъ эту стачку именно какъ политическую, словно предвида напу знаменитую октябрьскую стачку прошлого года. Вечеромъ 3-го декабря 1851 г., на слѣдующій день послѣ «декабрской ночи» Эмиль де-Жиарарденъ отсовѣтовалъ своимъ друзьямъ восстаніе и наоборотъ рекомендовалъ взять клятвопреступника измормъ. Викторъ Гюго такъ передаетъ въ своей «Исторіи преступленія» слова де-Жиарардана: «Сдѣлаемъ пустоту вокругъ него! Провозгласимъ всеобщую стачку! Пусть торговецъ перестанетъ продавать, потребитель покупать, мясникъ бить скотъ, булочникъ печь хлѣбъ, пусть все бастуетъ, вилотъ до національной типографіи, и пусть Людовикъ-Бонапартъ не найдеть ни одного наборщика, чтобы набирать «Moniteur», ни одного печатника, чтобы его печатать, ни одного расклейщика чтобы расклеивать его по улицамъ. Устроимъ одиночество, пустыню, пустоту вокругъ этого человѣка! Пусть нація отдалится отъ него. Всякая власть, отъ которой отшатнулась нація, падаетъ какъ дерево, отъ которого отпалъ корень. Покинутый всѣми, Людовикъ-Бонапартъ погибнетъ внутри самаго преступле-

Этотъ исходъ довольно знаменателенъ. Онъ показываетъ, что французскій синдикализмъ, вслѣдствіе революціонныхъ традицій страны, никогда не сводится исключительно къ преслѣдованію профессіональныхъ интересовъ, и что ему всегда присуще тяготыніе къ крайнимъ мѣрамъ, имѣющимъ цѣлью толкать членовъ синдикатовъ за предѣлы будничной дѣятельности. Здѣсь, можетъ быть, умѣстно будетъ прибавить, не развивая пока подробно этой мысли, что, если французскій синдикализмъ сталъ рѣзко отгораживаться съ только что отмѣченного нами момента отъ политическаго соціализма, то не только потому, что умѣренные элементы его пугались революціонности политического направленія, но и потому, что крайнихъ синдикалистовъ раздражала, наоборотъ, въ иныхъ отношеніяхъ умѣренность соціалистовъ-политиковъ. Достаточно будетъ, напр., припомнить читателю, что въ то время, какъ Гѣдъ, съ колебаніями въ ту и другую сторону, переходилъ въ общемъ отъ рѣзкаго отрицанія парламентарной дѣятельности, всеобщей подачи голосовъ и т. п. къ признанію, по крайней мѣрѣ, относительной полезности этой формы политической борьбы *), крайніе синдикалисты остаются на старинной точкѣ зрѣнія Гѣда, если еще не преувеличиваются ея. Они даже приходятъ къ своеобразному «анархическому марксизму» (пусть читатель не боится этого объясняемаго ниже термина) съ его борьбой классовъ исключительно на экономической почвѣ...

Побитые на такомъ крупномъ вопросѣ, какъ всеобщая стачка, гѣдисты удалились съ шестого «національнаго конгресса синдикатовъ Франціи», унося съ собою лишь имя «федерациіи синдикатовъ», такъ какъ чисто профессіональныхъ организаций у нихъ оставалось въ это время незначительное число. Жизненной группировкой рабочихъ интересовъ становилась исключительно «федерациія биржъ труда», избравшая своимъ главнымъ секретаремъ талантливаго выходца изъ буржуазіи, Фердинанда Пеллутье, который сначала принадлежалъ къ гѣдистской партіи, а затѣмъ продолжалъ эволюцію въ сторону анархизма. Ось синдикальнаго движенія проходила теперь透过 федерацію биржъ, начавшую въ особенности быстро развиваться съ того времени, какъ, благодаря выдающимся административнымъ способностямъ Пеллутье, она получила правильную организацію съ федеральнымъ комитетомъ, заѣдающимъ въ Парижѣ, и съ постояннымъ главнымъ секретаремъ. Такъ что, созданная синдикалистами рядомъ съ федераціей биржъ болѣе общая организація, такъ называемая «Всеобщая конфеде-

нія». Victor Hugo «Histoire d'un crime»; т. I, стр. 252, Парижъ, 1877, 3-е изд. («Calmann Lévy»).

*). См. подробности этой эволюціи въ моей біографіи Гѣда, входящей въ «Галлерей современныхъ французскихъ знаменитостей». Спб., 1906, стр. 345—349 и стр. 370—373.

рапці труда» влашила въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лишь при-
зрачное, чисто формальное существованіе.

Эта новая организація была выработана на Лиможскомъ кон-
грессѣ (сентябрь 1895 г.) федераціи биржъ и дала поводъ, при
обсужденіи своихъ статутовъ къ рѣзкому провозглашенію со сто-
роны синдикалистовъ ихъ обособленности отъ политического со-
ціализма. Дѣйствительно, первый параграфъ устава гласилъ: «эле-
менты, образующіе конфедерацию, должны держаться въ всакихъ
политическихъ школъ». Послѣ страстныхъ преній, онъ былъ при-
нятъ громаднымъ большинствомъ 124 голосовъ противъ 14. Во
мнѣніи ея творцовъ, всеобщая конфедерация должна была объеди-
нить въ «унитарной и коллективной организаціи» различные ра-
бочіе союзы, связавъ въ одно цѣлое федерацію биржъ и федерацію
синдикатовъ. Но мы уже видѣли, что послѣдняя была въ гораздо
большой степени политической, чѣмъ профессіональной организа-
ціей «рабочей партії». Съ уходомъ же гэдистовъ она утратила и
политическую жизненность, что, при давнишней слабости и нѣй
профессиональныхъ интересовъ, сводило ее на роль простыхъ ра-
мокъ, почти лишенныхъ содержанія. Съ другой стороны, федерація
биржъ была если и очень жизненнымъ, то совершенно автоном-
нымъ учрежденіемъ. Что же оставалось дѣлать всеобщей конф-
дерациі, несмотря на свое громкое имя, какъ не удовольствоваться
поддержаніемъ кой-какихъ связей между корпоративными федера-
ціями? Вслѣдствіе этого получилось такое положеніе вещей, что
въ то время, какъ федерація биржъ объединяла наиболѣе актив-
ные и крайніе элементы синдикализма, всеобщая конфедерация
труда стала приближаемъ сторонниковъ исключительно «рефор-
мистскаго» направленія, а отчасти потайныхъ «политиковъ». Но
эти послѣдніе, не вѣра въ чисто экономическую дѣятельность ра-
бочихъ группъ и не смѣя въ то же время нарушить въ этомъ
смыслѣ статуты, мало заботились вообще объ успѣхахъ конфе-
дерациі.

Конфедерация обнаружила живучесть и заставила говорить о
себѣ лишь съ 1900 г., когда, послѣ парижского корпоративнаго
конгресса, былъ созданъ конфедеральный еженедѣльный органъ
«La Voix du Peuple» («Голосъ Народа»), и въ конфедерацию присоединили
революціонные, главнымъ образомъ, анархические элементы. Этотъ
поворотный пунктъ въ исторіи конфедерациі и вообще въ исторіи
французскаго синдикализма имѣть немалое значеніе какъ въ
практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи. Дѣло въ
томъ, что французскій анархизмъ во второй половинѣ 90-хъ го-
довъ подвергся значительной эволюціи. Партизанская война про-
тивъ современного строя, которая выливалась въ столь же от-
чаянные, сколько неизвѣсные акты Вальяна и Ари, метавшихъ
бомбы въ палатѣ депутатовъ и въ кафе, пошла на убыль. Мода

иа анархизмъ, которая обуяла было декадентовъ и эстетовъ буржуазнаго міра, удовлетворяя ихъ индивидуалистическимъ, противообщественнымъ инстинктамъ, уступила мѣсто гораздо болѣе идущему имъ къ лицу откровенному аристократизму,ничшеанству и вообще презрѣнію къ массамъ. Съ другой стороны, ростъ рабочаго движения остановилъ на себѣ вниманіе тѣхъ анархистовъ, которые подъ именемъ «анархистовъ-коммунистовъ» (каковы, напр., нашъ Кропоткинъ, Элизэ Реклю, Жанъ-Гравъ) никогда не оставляли соціалистического идеала, но которые затерялись среди анархистъ-индивидуалистовъ, привлеченныхъ къ анархизму исключительно его утопической вѣрой въ скорѣйшее наступленіе на земль эры «безвластія». Коммунистический анархизмъ почувствовалъ необходимость опереться на массы. Практически это сказывалось, между прочимъ, на томъ ожесточеніи, съ которымъ въ анархическихъ кругахъ стала дебатироватьсь вопросъ объ «организації». Деятельность въ широкихъ массахъ была, дѣйствительно, немыслима безъ какой бы то ни было организаціи. Между тѣмъ, значительная доля анархистовъ и слышать не хотѣла ни малѣйшаго намека на необходимость организоваться. Тщетно анархисты болѣе разумнаго типа говорили, что дѣло идетъ не о какой-либо авторитарной, принудительной организації, а объ организації добровольной, совершенно естественно связывавшей единомышленниковъ въ одно цѣлое. Тщетно они ссылались на нѣкоторыя оправдывающія это положеніе Фурье, Прудона и другихъ мыслителей неавторитарного склада ума. Уже самое слово «организація» возбуждало непреодолимое отвращеніе среди представителей классического анархизма. И въ этомъ отношеніи будущій историкъ найдетъ не мало интереснаго въ коллекціяхъ анархическихъ органовъ, издававшихся за это время.

Какъ бы то ни было, сближеніе съ рабочими массами фатально заставляло анархистовъ раздѣливаться съ ихъ суевѣрной боязнью организації, если они хотѣли пріобрѣсти симпатіи среди трудящихся. Было еще другое обстоятельство, которое на рубежѣ XIX-го и XX-го вѣковъ благопріятствовало проникновенію анархистовъ въ среду французского рабочаго класса. То было время, когда впервые ярко вспыхнули внутри соціалистической партіи Франціи раздоры по поводу участія соціалистовъ въ буржуазномъ правительства, «министерской» и «анти-министерской» политики и т. д. Норясь съ жорѣстистами, стоявшими за упомянутое участіе, объединившися на болѣе революціонной почвѣ марксисты (гадисты) и бонаリストы въ значительной степени отказались отъ парламентарной дѣятельности, которую они усердно занимались въ палатѣ 1893—1898 гг., и стали, наоборотъ, подчеркивать необходимость революціонной тактики. Здѣсь они встрѣчались съ анархистами, и перво, особенно въ провинціи, заключали если не формальные, то фактические договоры со своими злѣшими врагами, лишь бы

парализовать распространение «реформистского» духа, который грозилъ увлечь трудящіяся массы далеко по пути министерализма. Въ теченіе почти пяти лѣтъ, пока длилась братоубийственная война между «революціонерами» и «парламентаристами» социалистического лагеря, анархисты пользовались и критикой парламентаризма, исходившей отъ «революціонеровъ», и разочарованіемъ наиболѣе энергичныхъ и сознательныхъ рабочихъ министеріалистской тактикой Жореса и товарищей. Въ концѣ концовъ, анархическое міровоззрѣніе нашло благопріятную почву въ професіональныхъ синдикатахъ Франціи, которые были довольно таки сильно заброшены социалистами-политиками, боровшимися все это время внутри себя за установленіе надлежащаго равновѣсія между элементомъ «революції» и элементомъ «реформы». Само собою разумѣется, что, проникнувъ въ синдикальную среду, и самъ анархизмъ потерпѣлъ, какъ мы подробнѣе увидимъ ниже,—значительныя измѣненія. Всматриваясь внимательнѣе въ современное положеніе вещей, можно, напр., сказать, что здѣшній синдикальный анархизмъ врядъ ли уже можетъ считаться въ строгомъ смыслѣ «аполитическимъ», такъ какъ, говоря все время, что онъ не занимается политикой, онъ въ сущности-то по своему занимается ею. Мало того, онъ уживается внутри синдикатовъ не только съ «организаціей», но и съ различными формами парламентарной дѣятельности, поскольку она можетъ практиковаться внутри синдикатовъ, выражаясь въ принципѣ представительства рабочихъ корпорацій делегатами, въ вотировкѣ революцій большинствомъ голосовъ и т. п. отступленіями отъ принципа чистой анархіи *).

Но возвратимся къ фактической сторонѣ синдикального движения. Итакъ, мы видѣли, что на ряду съ жизнеспособной и дѣятельной «Федерацией биржъ», «Всеобщая конфедерация труда» власти довольно долго лишь жалкое существованіе, хотя по плану устроителей должна была бы исполнять высшую объединяющую роль. Читатель помнить также, что настоящая жизнь и развитіе «Всеобщей конфедерации» проявились лишь съ 1900 г. Дѣйствительно, на парижскомъ корпоративномъ конгрессѣ 1900 г. конфедерация насчитывала лишь 16 национальныхъ федерацій и 5 различныхъ другихъ, тогда какъ на Буржскомъ конгрессѣ, который состоялся четыре года спустя и къ которому мы еще возвратимся, она состояла уже изъ 53 корпоративныхъ федерацій, или «национальныхъ синдикатовъ», и изъ полутора десятка отдѣльныхъ синдикатовъ. Выѣдетъ съ тѣмъ, возникъ вопросъ о приведеніи къ единству двухъ синдикальныхъ организацій. И это такъ называемое «рабочее единство»

*) Ср. очень пристрастную (въ гдѣистскомъ духѣ), но живую статьку: Ch. Rappoport, 'Der sozialistische Kongress in Limoges; въ «Neue Zeit», № 7 (отъ 17 ноября 1906), т. I, годъ XXV, стр. 229.

(Unité ouvrière) было осуществлено на конгрессѣ 1902 г.— въ Монпелье,—который слилъ въ одно «Федерацию биржъ труда» и ту федерацію национальныхъ федeraцій, которая въяло влачила свое существованіе подъ названіемъ «Всебѣйшей конфедерациі». Отнынѣ «Всебѣйшая конфедерация труда» получила правильную организацію, главные черты которой мы сейчасъ же обрисуемъ читателю.

Конфедерация состоить изъ двухъ секцій: секціи корпоративныхъ (синдикальныхъ) федeraцій и секціи биржъ труда. Каждая изъ этихъ секцій имѣть свой комитетъ, который слагается изъ delegatovъ всѣхъ примкнувшихъ къ секціи организацій. Обѣ секціи считаются автономными, но связаны общимъ органомъ, который именуется «Конфедеральнымъ комитетомъ» и состоить изъ delegatovъ каждой секціи. Черезъ каждые два года Конфедерация съзываеть национальный конгрессъ, на которомъ *рѣшающимъ* голосомъ (читатель обратить конечно, внимание на этотъ парламентарный приемъ, принципіально противорѣчащей теоріи анархизма) пользуются *delegates* (новое нарушение этой теоріи) лишь тѣхъ синдикатовъ, которые удовлетворяютъ слѣдующимъ двумъ требованіямъ: каждый изъ нихъ долженъ примыкать къ своей национальной корпоративной федeraціи, и каждый уже долженъ примыкать къ мѣстному союзу, всего чаще носящему название биржи труда.

Что касается до роли обѣихъ переплетающихся организацій, то ее можно опредѣлить и комментировать слѣдующимъ образомъ. Синдикаты какой-нибудь корпораціи, какого-нибудь ремесла слагаются въ национальную корпоративную федeraцію, съ боевою цѣлью вести наступательную и оборонительную борьбу противъ класса капиталистовъ. Если, напр., синдикату, состоящему, изъ рабочихъ извѣстной профессіи, приходится организовать стачку для повышенія рабочей платы или сокращенія рабочаго дня въ извѣстномъ мѣстѣ, то *всѣ* синдикаты этой профессіи должны поддержать по всей Франціи требованія данной группы рабочихъ. Съ другой стороны, синдикаты, хотя и принадлежащіе къ различнымъ профессіямъ, объединяются, несмотря на это различие ремесль, въ одну мѣстную биржу труда, распространяющуюся на данный городской центръ или мѣстный районъ. И въ данномъ случаѣ преслѣдуется цѣль устранить обособленность различныхъ ремесль и возбудить живой обмѣнъ мыслей между рабочими разныхъ профессій, расширяя кругозоръ рабочихъ каждого ремесла путемъ пропаганды на почвѣ всевозможныхъ мѣстныхъ задачъ. Библиотеки, профессиональные курсы, антиимпітаристская пропаганда въ данномъ городѣ могутъ служить *рамками* этой мѣстной дѣятельности.

Слѣдующій за конгрессомъ въ Монпелье Буржскій конгрессъ (сентябрь 1904 г.), на которомъ не мало рѣчей было посвящено теоріи и практикѣ синдикализма, главнымъ образомъ интересъ въ томъ отношеніи, что на немъ былъ вотированъ планъ кампании въ пользу «захватнаго» установления 8-часового рабочаго дня, какъ

единого изъ приемовъ такъ называемаго «прямого воздействиа» (*action directe*), столь прославляемаго революціонными синдикалистами въ пику политической дѣятельности социалистовъ. Докладъ комиссии, вотированный на конгрессъ въ Буржѣ, требовалъ дѣйствительно, чтобы эта мѣра была осуществлена не позже, какъ 1-го мая 1906 г. путемъ дѣленія на капиталистовъ, и чтобы въ виду этого были организованы по всей Франціи грандиозныя манифестаціи и велась неустанная устная и печатная пропаганда между рабочими, съ цѣлью убѣдить ихъ всѣхъ въ необходимости предпринятой кампаниі. Рѣшеніе конгресса гласило, въ духѣ теоріи прямого воздействиа, что рабочие только тогда могутъ поднять широкую агитацию, когда увѣрятся, что «они не должны разсчитывать на законодателей, но лишь на самихъ себя, чтобы добиться своихъ требованій» *).

Надо сказать, что въ послѣдніе годы, и до Буржскаго конгресса, и послѣ него, организованнымъ въ синдикаты рабочимъ удалось несколько разъ произвести такое «прямое воздействиа» на имущихъ и правящихъ, которое если и не обходилось безъ промежуточного звена «законодателей», такъ за то заставляло этихъ политическихъ выразителей буржуазнаго строя поскорѣе вотировать ненавистныя имъ соціальныя мѣры. Вспомнимъ хотя бы, что произошло ровно три года тому назадъ. Въ декабрѣ 1903 г. сенатъ отказывался принять законъ, уже вотированный палатой, относительно уничтоженія частныхъ платныхъ конторъ для пріисканія мѣсть (vigueurs de placement) рабочимъ и служащимъ. Но тогда выступила на сцену «Всеобщая конфедерация труда», поведшная агитацию противъ конторъ самыми энергичными способами. Сотни митинговъ были организованы съ этой цѣлью по всей Франціи. Враждебная демонстрація противъ хозяевъ конторъ въ Парижѣ нагнали страхъ на этихъ эксплуататоровъ человѣческой нужды. Даже избіеніе полицѣйскими,—по приказанію пресловутаго префекта полиції, Лепина,—рабочихъ, собравшихся въ биржѣ труда, не остановило конфедерациіи ея агитационной кампаниі: правительству было заявлено организаторами манифестацій, что движение рабочаго класса противъ конторъ не только не прекратится, но возгорится съ еще большей силой. И вотъ сенатъ, испуганный все возраставшимъ недовольствомъ пролетаріата и толкаемый въ сторону уступокъ министерствомъ Комба, побѣдилъ свое обычное отвращеніе къ соціальнымъ реформамъ и вотировалъ со скорбью въ сердцѣ уничтоженіе конторъ. Нечего говорить, что это побѣда конфедерациіи очень подняла шансы «прямого воздействиа». Стали въ средѣ синдикатовъ раздаваться голоса, что политическая дѣятельность, имѣющая, напр., цѣлью проводить

*.) См. резолюцію, перепечатанную въ первомайскомъ (288) номерѣ газеты «La voix du peuple» за этотъ годъ.

социалистическихъ депутатовъ въ парламентъ съ тѣмъ, чтобы они добивались полезныхъ для рабочаго класса реформъ, бесполезна ~~у же~~ потому, что стоить, моль, хорошенько припугнуть господь буржуа «прямымъ воздействиемъ», и тогда самые реакціонные депутаты вотириуютъ требуемую трудящимся мѣру съ неменьшюю готовностью, чѣмъ социалистические представители народа.

Другое проявленіе «прямого воздействиія» заключалось въ не-
многъ «Конфедерациі труда» провести какъ разъ вотированный на
Буржскомъ конгрессѣ 8-часовой день. Эта попытка была пріурочена
къ 1-му мая текущаго года и, подавленная необычайными поли-
цейскими мѣрами, принятыми Клемансо, не удалась. Но нравствен-
ное дѣйствіе, произведенное ею на правительство и на буржуазію,
было очень значительно. Уже предварительная, собравшаяся въ
первыхъ числахъ апрѣля, конференція «корпоративныхъ федерацій»
обратилась къ рабочимъ съ призывомъ представить «наказныя
тетради» капиталистамъ и требовать отъ послѣднихъ исполненія
этихъ различныхъ «улучшеній», въ родѣ уменьшенія длины рабо-
чаго дня, не позже 1-го мая. А въ видѣ приемовъ воздействиія на
хозяевъ она указывала пролетаріямъ «двѣ слѣдующія формы осуще-
ствленія: или прекращеніе работъ по исходѣ восьмого часа, или
уже полнѣйшую пріостановку всякаго труда, начиная съ 1-го мая
и вилотъ до удовлетворенія рабочихъ требованій».

Что было бы, если бы этотъ лозунгъ получиль осуществленіе, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, никогда еще, повидимому, со
времени Коммуны буржуазія не испытывала такого ужаса, и Парижъ 1-го мая совсѣмъ опустѣлъ въ своихъ кварталахъ, населен-
ныхъ имущими и правящими. Правительство не остановилось ни
передъ тѣмъ, ни передъ наводненіемъ столицы арміей, ни передъ
произвольными арестами, ни передъ избіеніемъ манифестантовъ
полиціей, ни передъ устройствомъ несуществующаго монархически-
революціоннаго заговора, съ цѣлью дискредитировать членовъ
Конфедерациі. И когда, благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, перво-
майское движение было дезорганизовано, отъ него осталось всетаки
впечатлѣніе такой силы, что сами политическіе соціалисты, на
банкетѣ въ Сэн-Мандѣ, устроенному для празднованія результа-
томъ выборовъ, старались въ своихъ рѣчахъ отмѣтить успѣхи этого
чисто рабочаго движенія и искали сближенія съ Всеобщей конфе-
дерацией труда. Не мѣшаетъ прибавить, что не прошло и нѣсколько-
кихъ недѣль послѣ первомайскаго движенія, какъ то самое прави-
тельство, которое справляло еще недавно вакханалии произвола,
внесло въ палату предложеніе укоротить съ 12 до 10 часовъ
максимальную длину рабочаго дня,—въ чёмъ и друзья, и враги
синдикализма увидѣли признаніе его силы со стороны правящихъ
массовъ. Наконецъ, и манифестаціи рабочихъ и приказчиковъ—
противъ хозяевъ, нарушающихъ вотированный 13-го июля законъ

объ обязательномъ еженедѣльномъ отдыхѣ*),—манифестаціи, которыя упорно происходятъ каждое воскресеніе по всей Франціи, организуются и вдохновляются главнымъ образомъ «Всеобщей конфедерацией труда». Словомъ, этотъ организованный синдикализмъ сталъ такимъ замѣтнымъ и активнымъ элементомъ соціально-политической жизни Франціи, что послѣдній конгрессъ Конфедерациі, заѣдавшій 8—13 октября въ Амьенѣ, съ нетерпѣніемъ ожидался какъ врагами, такъ и друзьями рабочаго движенія.

Главный интересъ его заключается въ томъ, что на немъ должна была обсуждаться вопросъ, какъ всеобщая конфедерация отнесется къ «объединенной» соціалистической партії, т. е., иначе говоря, какой *modus vivendi* будетъ принять революціонныи синдикализмъ по отношенію къ революціонному политическому соціализму. Было бы, дѣйствительно, очень вредно для успѣховъ и рабочаго и соціалистического движения Франціи, если бы рабочій классъ, выступающій въ синдикатахъ, шелъ противъ рабочаго класса, организующагося въ рамкахъ соціалистической партії, и наоборотъ: или даже если бы оба эти рода организаціи трудящихся маесь вели просто-на-просто совершенно обособленное существованіе, не чувствуя потребности хоть мало-мальски координировать свою дѣятельность. Соціалисты желали, конечно, установленія такой координаціи, тогда какъ буржуа всѣми силами душа жаждали разрыва и прямаго объявленія войны Конфедерацией соціалистической партії. Отношенія между той и другой были, дѣйствительно, уже давно далеко не изъ мирныхъ.

Амьенскій конгрессъ обманулъ злорадныхъ ожиданій буржуазіи, но не далъ удовлетворенія и соціалистамъ. Синдикализмъ желаетъ не прежнему жить совершенно независимо жизнью и не хотеть входить въ соглашенія,—даже временные,—съ организованнымъ соціализмомъ. Единственно развѣ чего добились люди, желавши сближенія двухъ силъ, такъ это того, что резолюція, принятая Амьенскимъ конгрессомъ, признаетъ за членами синдикатовъ право держаться, вѣвъ организаціи, какихъ угодно политическихъ взглядовъ и, значитъ, косвенно смягчаетъ враждебное отношеніе анархически настроенныхъ элементовъ Конфедерациі къ соціалистамъ, входящимъ въ профессіональныи организаціи. Дѣло было такъ. Текстильная федерація (состоящая главнымъ образомъ изъ рабо-

*.) Буржуазія пользуется многочисленными отступленіями отъ правила признанными самими законодателемъ и вынуждающими цѣлый рядъ комментаріевъ. Появились даже пѣлья «руководства», какъ разбираются въ законѣ. См. напр., «Julien Boistel, Manuel pratique sur l'application de la loi sur le repos hebdomadaire;» Парижъ, 1906 (содержитъ, между прочимъ, указатель параграфовъ какъ самого закона 13-го іюля, такъ и велопишущаго его декрета 24-го августа).

чихъ Сѣвернаго департамента, находящихся подъ сильнымъ вліяніемъ геністовъ) предложила конгрессу проектъ резолюціи, который «приглашалъ конфедеральный комитетъ условливаться, всякий разъ, какъ того потребуютъ обстоятельства, путемъ временныхъ или постоянныхъ delegacij, съ Национальнымъ совѣтомъ соціалистической партіи для того, чтобы легче провести важнѣйшія рабочія реформы». Ренаръ, въ качествѣ секретаря текстильной федераціи, мотивировалъ это предложение тѣмъ, что для торжества такихъ реформъ, какъ установление 8-часового рабочаго дня, минимума заработной платы, отмѣны ночной работы, распространенія права государственныхъ служащихъ на организацію синдикатовъ, надо заручиться содѣйствіемъ соціалистическихъ депутатовъ, которые при поддержкѣ синдикалистовъ могутъ въ большемъ количествѣ проходить въ парламентъ и вырывать съ большей легкостью эти реформы у буржуазныхъ представителей народа.

Это предложение вызвало рѣзкій протестъ громаднаго большинства конгрессистовъ. Раздавались даже голоса похоронить проектъ безъ всякаго обсужденія, путемъ такъ называемаго въ парламентарной практикѣ «предварительного вопроса» (*question préalable*). Но въ концѣ концовъ, было рѣшено обсудить предложеніе, которое и было отвергнуто очень импозантнымъ большинствомъ 774 голосъ противъ 34, при 37 пустыхъ бюллетеняхъ. Затѣмъ, послѣ приема и внесенія нѣкоторыхъ проектовъ резолюціи средняго типа, хотя неизмѣнно говорящихъ о независимости синдикального движенія отъ политическаго, была принята почти единогласно, а именно большинствомъ 824 голосовъ противъ 3, резолюція Гриффюзля, рѣзко выражавшая точку зреянія современнаго французскаго синдикализма. Эта резолюція настолько важна и въ теоретическомъ, и въ практическомъ смыслѣ для изученія современного синдикального движенія, что мы приводимъ ее здѣсь почти цѣликомъ:

«Конфедеральный конгрессъ въ Амьенѣ подтверждаетъ вторую уставную статью «Всеобщей конфедерациіи труда», гласящую: Всеобщая конфедерациія труда группируется, вѣвъ всякой политической школы, всѣхъ рабочихъ, сознавающихъ необходимость веденія борьбы съ цѣлью уничтоженія наемнаго труда и предпринимательства (patronat).

«Конгрессъ полагаетъ, что это заявленіе есть признаніе классовой борьбы, которая противоставляется на экономической почвѣ бунтующихъ рабочихъ (travailleurs en rевolte) всѣмъ формамъ эксплуатации и гнета, какъ материальныемъ, такъ и моральнymъ, выдвигаемымъ классомъ капиталистовъ противъ рабочаго класса.

«Конгрессъ въ слѣдующихъ пунктахъ точнѣе опредѣляетъ это теоретическое положеніе:

«Въ дѣлѣ ежедневныхъ требованій синдикализмъ преслѣдуєтъ координацію рабочихъ усилий, увеличеніе благосостоянія труда-

ищихся путемъ осуществлениі непосредственныхъ улучшенийъ, *каковы:* уменьшеніе рабочихъ часовъ, увеличеніе заработной платы и т. д. Но это дѣло является только одною изъ сторонъ дѣятельности синдикализма; онъ подготавливаетъ полное освобожденіе трудящихъ, которое можетъ быть осуществлено лишь экспроприацией капиталистовъ; онъ пропагандируетъ, въ качествѣ способа дѣйствія, всеобщую стачку, и онъ полагаетъ, что синдикатъ, въ настоящее время являющійся группировкою рабочихъ въ цѣляхъ сопротивленія (groupement de résistance), будетъ въ грядущемъ производительной и распредѣлительной группой основного соціального переустройства.

«Конгрессъ заявляетъ, что эта двойная дѣятельность и текущаго дня, и будущаго, вытекаетъ изъ самаго положенія наемниковъ, которое давить на рабочій классъ и которое вмѣняетъ всѣмъ рабочимъ,—каковы бы ни были ихъ политическія и философскія мнѣнія или тенденціи,—въ долгъ принадлежать къ той существенной группировкѣ, которой является синдикатъ.

«Какъ слѣдствіе изъ этого по отношенію къ отдельнымъ личностямъ, конгрессъ провозглашаетъ полную свободу для синдикалиста участвовать, ввѣ корпоративной группировки, въ тѣхъ или иныхъ формахъ борьбы, соотвѣтствующихъ его философскому илиполитическому міровоззрѣнію, и ограничивается лишь тѣмъ, что просить его, взамѣнъ этого, не вносить въ синдикатъ тѣ мнѣнія, которыхъ онъ держится извѣнѣ.

«По отношенію же къ организаціямъ, конгрессъ заявляетъ, что для того, чтобы синдикализмъ произвелъ максимумъ своего дѣйствія, экономическая дѣятельность должна направляться непосредственно противъ класса прелпринимателей, и конфедеральная организація не должны, поскольку онѣ являются синдикальными группировками, обращать вниманіе на партіи и секты, которые виѣ и съ боку могутъ преслѣдовать вполнѣ свободно цѣли соціального преобразованія» *).

Мы привели эту резолюцію главнымъ образомъ потому, что она концентрируетъ взгляды активныхъ синдикалистовъ Франціи и позволяетъ удобнѣе вскрыть смыслъ этого рабочаго движенія. Мы сейчасъ перейдемъ къ этой части нашей работы, но, въ цѣляхъ лучшаго выясненія вопроса, коснемся предварительно отношеній соціалистической партіи къ революціи, которая была принята ею такимъ единодушіемъ конгрессомъ Конфедерациі. На Лиможскомъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто 1—4 ноября 1906 г., партіи объединенныхъ соціалистовъ предстояло, между прочимъ, решить какъ разъ эту важную задачу: игнорировать синдикальную резолюцію

*) См. № 315 (21—28 октября 1906 г.) газеты „La Voix du Peuple“.

было, очевидно, невозможно, и, стало быть, надо было высказаться по этому поводу. Три разных тенденции отчетливо обрисовались между социалистами въ этомъ вопросѣ. Одни изъ нихъ, во главѣ съ Ренодэлемъ (бывшимъ жорэсистомъ, старавшимся, однако, не сходить и въ періодъ «министерализма» съ революціонной точкой зрѣнія), желали возможно тѣснаго сближенія съ Конфедерацией. Они симпатизировали даже основной точкѣ зрѣнія революціоннаго синдикализма, а именно признавали, что синдикальная борьба удѣлаетъ не только потребностямъ ежедневной реформистской дѣятельности, но и цѣлямъ общаго революціоннаго переворота, при чёмъ синдикатъ являлся бы основной ячейкой будущаго организующаго строя. Это направление, видимо подчинившее, если не прямъ, то косвенно политический соціализмъ синдикализму, не нашло, впрочемъ, большого отклика на конгрессѣ; и сравнительно коротко развитыя соображенія Ренодэля упали въ атмосферу равнодушія.

Другая тенденція, въ особенности энергично защищавшаяся Гэдомъ, признавала, наоборотъ, революціонное первенство за политическимъ соціализмомъ, который, путемъ захвата политической власти рабочимъ классомъ, только и можетъ повести къ истинному революціонному перевороту, тогда какъ синдикализмъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть лишь реформистскимъ движениемъ. Отъ конгрессистовъ, державшихся этой второй тенденціи, исходило предложеніе, формулированное Ш. Дюма изъ федераціи департамента Аллье, «принять мѣры, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, синдикальная дѣятельность и политическая дѣятельность рабочихъ могли согласоваться и комбинироваться между собою». Это заключеніе было, конечно, въ такой формѣ не враждебно синдикальному движению. Не враждебны послѣднему были и соображенія, которыми мотивировалось заключеніе, такъ какъ въ этихъ мотивахъ указывалось на вредъ для всего рабочаго класса раздѣляться на двѣ враждебныя группировки, корпоративную и политическую, вместо того, чтобы, не смѣшивая эти двѣ дѣятельности, но и не противостояя имъ, стремиться дружно къ освобожденію трудающихъ. Но за этой формулировкой чувствовалась неумолимая политическая страсть Гэда, который, пропагандируя необходимость соглашенія между двумя видами борьбы труда противъ капитала,ставилъ, несомнѣнно, цѣлью подчинить корпоративную дѣятельность политической, такъ какъ только за послѣдней признавалъ истинно революціонный характеръ.

Поэтому противъ предложенія Дюма было выставлено предложеніе Жорэса, къ которому присоединился Вальянъ и которое выражало третью тенденцію, старавшуюся примирить точку зрѣнія революціоннаго синдикализма и революціоннаго политическаго соціализма. Это предложеніе и одержало верхъ, сгруппировавъ вокругъ себя 148 голосовъ противъ 130 голосовъ, высказавшихъ

за линсионированную Гедомъ революцію. Мы приведемъ цѣликомъ предложеніе Жорэса-Вальяна, такъ какъ полагаемъ, что при настоящемъ положеніи вещей и развитіи французскаго синдикализма, такая революція лучше всего ведеть къ установлению *monde's a vivendi* и совмѣстной дѣятельности между двумя враждующими отрядами одной рабочей арміи:

«Конгрессъ, убѣжденный, что рабочій классъ можетъ вполнѣ себѣвободить себя лишь соединенными силами политической дѣятельности и дѣятельности синдикальной, при посредствѣ синдикализма, доходящаго вплоть до всеобщей стачки, и при посредствѣ завоеванія всей политической власти въ виду общей экспроприаціи капитализма;

«убѣжденный, что эта двойная дѣятельность будетъ тѣмъ дѣятельнѣе, что организмъ политической и организмъ экономической сохранять при этомъ свою полную автономію;

«принимая къ свѣдѣнію резолюцію Амьенскаго конгресса, провозглашающую независимость синдикализма по отношенію ко всякой политической партіи и поставляющую въ то же время для синдикализма цѣль, которую лишь одинъ соціалізмъ, какъ политическая партія, признаетъ и преслѣдуєтъ;

«принимая во вниманіе, что это основное согласіе политической и экономической дѣятельности пролетаріата необходимо вызвать, безъ взаимного смыщенія, подчиненія и недовѣрія. свободное сотрудничество между двумя организмами;

«приглашаетъ всѣхъ дѣйствующихъ товарищѣй (*les militants*) работать насколько возможно для того, чтобы разсѣять всякия недоразумѣнія между «Конфедерацией труда» и соціалистической партіей». *).

Мнѣ кажется, что эта революція лучше другой отвѣчаетъ задачамъ современного рабочаго движенія во Франціи. Не входя въ закулисныя стороны ея выработки, не задаваясь вопросомъ, насколько такая формулировка передаетъ въ точности дѣйствительныя мнѣнія Жорэса и Вальяна,—ихъ гѣдисты упрекаютъ въ излишнѣкансѣ по отношенію ко «Всеобщей конфедерациіи труда»,—можно, мнѣ думается, сказать, что подобная революція менѣе всего обостряетъ и безъ того далеко западшую вражду между французскимъ синдикализмомъ и французскимъ политическимъ соціализмомъ. Начать хоть бы съ того, что отрицать вліяніе синдикализма на рабочія массы, или приписывать ему лишь фиктивную, лишь раздутую вожаками Конфедерациіи силу, значить умышленно закрывать глаза на дѣйствительность. Изъ занесенныхъ къ 1-му января 1903 г. въ официальную статистику 643.657 членовъ 3.934 рабочихъ синдикатовъ,—что составляетъ около 10 пре-

*) См. официальный органъ партіи „Le Socialiste“, годъ XXII, новая серія, №№ 79—80 (отъ 8—18 ноября 1906 г.).

всего рабочаго населенія (включая сюда разныхъ служащихъ) Франціи *), — Всеобщая конфедерација труда группируетъ: враги говорять—200.000, друзья—300.000, среднимъ числомъ, скажемъ—250.000 представителей четвертаго класса, и при томъ представителей, отличающихся очень большою энергию и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкою для подвижныхъ французовъ дружностью и координаціей групповыхъ движений.

Въ связи съ этою послѣднею чертою психологіи синдикализма находится та особенность современного французскаго синдикализма, благодаря которой онъ совершилъ, можно сказать, нѣ-которое нравственное чудо въ душѣ здѣшняго рабочаго, заинтересовавъ его въ ежедневной упорной борбѣ изъ-за профессіональныхъ интересовъ. Никто не можетъ отрицать, что на время и подъ вліяніемъ массового энтузіазма французъ способенъ къ обширнымъ колективнымъ движеніямъ, своею силою и рельефностью оставляющимъ далеко за собою такія же движенія другихъ народовъ. Но у такихъ крупныхъ общественныхъ сотрясеній нѣть завтрашняго дня. Плавая, какъ рыба въ водѣ, въ поззиѣ колективного творчества, французъ скоро охладѣваетъ, когда дѣло заходитъ о прозѣ того же самаго процесса, и когда первый великолѣпный абрисъ совершенного переворота приходится заполнять ежедневными, будничными, но необходимыми штрихами практическихъ деталей. Въ этотъ роковой моментъ колективный аффектъ ослабѣваетъ, и начинается, подъ вліяніемъ скуки и разочарованія мелочами реализаціи, всеобщій разбродъ. Личный интересъ и индивидуалистическая стремленія поднимаютъ все громче и громче свой голосъ въ душѣ француза. И великий всеобщій порывъ утилизируется, въ формѣ своихъ послѣднихъ замирающихъ волнъ, лишь тѣми группировками личностей и общественныхъ слоевъ, которыхъ цементируются исключительно эгоистическими цѣлями. Этотъ процессъ, общій, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ всѣмъ народамъ, переживающимъ массовыя бури, нигдѣ, можетъ быть, не прокидывается съ такою яркою смѣною величія и паденія, какъ на почвѣ подвижной Франціи. Вообще, какъ упорный и будничный общественный дѣятель, французъ заставляетъ желать очень многаго. Прочная организація не его дѣло. Это видается въ глаза при изученіи исторіи французскихъ революцій. Въ средніе исторические періоды между взрывами французъ не можетъ

*) Barthou „L'action syndicale“, стр. 11—15, гдѣ сообщается пропорція синдикалистовъ по отношенію къ рабочему населенію: Англіи (60 проц.), Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (30 проц.), Бельгії (19 проц.), Германіи (17 проц.). Интересно, что если профессіональный синдикализмъ, соотвѣтствующій сравнительной промышленной отсталости Франціи, слѣдуетъ развить на почвѣ Третьей республики, чѣмъ въ другихъ высоко-капиталистическихъ странахъ, то революціонный духъ французскихъ синдикалистовъ гораздо ярче, чѣмъ среди рабочихъ другихъ странъ.

путемъ поставить на ноги такія общественные группировки, ко-
торыя требуютъ не одной игры эгоистического интереса, а и по-
стоянного упражненія чувствъ солидарности въ будничныхъ, и по
тому самому существенныхъ мелочахъ. Извѣстна бутада Эн-
гельса насчетъ французскихъ соціалистическихъ организаций: «Онъ
всѣмъ хороши, да только никогда членскіе взносы не поступаютъ»—
les cotisations ne rentrent jamais! любилъ онъ повторять по-фран-
цузски эту фразу. Судьба жорасовской газеты *«L'Humanité»*, ко-
торая, несмотря на свои заслуги передъ соціализмомъ, до сихъ
поръ не можетъ выскочить окончательно изъ состоянія хрониче-
ского кризиса, достаточно подтверждаетъ эту небрежность фран-
цуза, живущаго на среднемъ мирномъ положеніи. Ибо если бы
каждый соціалистический читатель тратилъ ежедневно всего оди-
ну (2 копѣйки) на покупку своего органа, вместо того, чтобы на-
бррасываться на сенсационную дребедень какого-нибудь *«Le Matin»*
или *«Le Journal»*, то партійная газета была бы обеспечена и могла
бы развиваться и улучшаться.

И вотъ надо сказать, что французский синдикализмъ послѣд-
нихъ лѣтъ если еще и не успѣлъ, можетъ быть, совсѣмъ выѣ-
чь своихъ членовъ отъ галльского порока, указанного въ бу-
тадѣ Энгельса, то во всякомъ случаѣ онъ привиль имъ вкусы къ
ежедневной работѣ внутри организаціи и къ постоянному решенію
профессиональныхъ вопросовъ. Внутри национальныхъ федерацій
синдикатовъ и внутри биржъ труда царить постоянная дѣятель-
ность, которая по тому или другому вопросу выражается въ со-
вместной агитаціи и одновременныхъ манифестаціяхъ рабочихъ
въ разныхъ мѣстахъ Франціи. Съ другой стороны, и синдикаты,
составляющіе основныя ячейки всей организаціи, обнаруживаютъ
большую, чѣмъ прежде, жизненность съ тѣхъ поръ, какъ чув-
ствуютъ себя частями одного крупного цѣлаго. Гдѣ же лежитъ
причина этого? Безпристрастный наблюдатель французского син-
дикального движенія не можетъ не сказать, что эту причину
надо искать въ томъ взглядѣ, котораго держится Конфедерация
труда относительно задачи и характера дѣятельности синдикали-
стовъ. Въ то время, какъ соціаль-демократическая, главнымъ образ-
омъ нѣмецкая точка, зреїнія, которую раздѣляетъ во Франціи и
Гель, сводить роль синдикалистовъ исключительно на чисто профес-
сиональную реформистскую миссію, а революціонное значеніе придаєтъ
лишь политической соціалистической партіи, французские синди-
калисты утверждаютъ, что именно эта чисто рабочая организація
совмѣщаетъ въ себѣ и элементъ профессионального реформизма, и
элементъ истиннаго «революционизма». Этимъ утвержденіемъ со-
временное синдикальное движение Франціи и привлекаетъ къ себѣ
здѣшняго рабочаго, который обладаетъ революціоннымъ темпера-
ментомъ и который любить, кромѣ того, восходить отъ частныхъ,

конкретныхъ, будничныхъ задачъ своего ремесла къ общему и абстрактнымъ вопросамъ соціально-политической дѣятельности.

Говоря такъ, я не думаю сказать, что самъ французскій синдикализмъ не заключаетъ въ себѣ недоразумѣній и преувеличеній (о нихъ сейчашь), которыхъ неизбѣжно поставлять преграды его дальнѣйшему росту и разобьютъ черезчуръ оптимистическія надежды руководителей Конфедерациіи труда. Я констатирую лишь тотъ фактъ, что перспективы коренной ломки настоящаго строя и замѣны его новымъ, которыхъ развертывается передъ рабочими революціонный синдикализмъ, соответствуютъ и темпераменту, и складу мышленія трудающихихъ массъ Франціи и придаютъ имъ одушевленіе, всегда слабѣющеое у потомковъ старинныхъ галловъ въ процессѣ будничной профессіональной дѣятельности.

Теперь мы можемъ подойти, впрочемъ, вплотную къ міровоззрѣнію, развивающему теоретиками и главнейшими практиками Конфедерациіи труда, и критически отнестись къ существеннымъ элементамъ его. Сдѣлаемъ, прежде всего, общее замѣчаніе, которое заставитъ, пожалуй, втрепенуться нѣкоторой парадоксальностью своей терминологіи людей, недостаточно знакомыхъ съ синдикальной литературой послѣднихъ лѣтъ. Центромъ тяжести теоріи революціоннаго синдикализма является своеобразный «анархіческий марксизмъ», какъ я уже мимоходомъ называлъ выше это направленіе. Въ немногихъ словахъ его можно характеризовать такъ: это—теорія уже извѣстнаго намъ, русскимъ, «экономизма», т. е. вѣра въ исключительное значеніе экономическихъ отношеній и экономической борьбы—съ затушевываніемъ политическихъ выводовъ, которые дѣлаютъ изъ системы «исторического материализма» марксисты-политики. Надо прибавить, что такой экономизмъ можно найти, и въ очень рѣзкой формѣ, уже у Прудона. Но у послѣдняго рядомъ съ этимъ экономизмомъ почти чрезъ всѣ сочиненія проходитъ—нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы логически съ нимъ связанныя—идея о человѣческой личности, о личномъ достоинствѣ, о «справедливости». При чемъ, въ этомъ представлениі, личность, борясь во имя своего верховенства, противопоставляетъ принципъ индивидуальной свободы деспотизму колективности и находить решеніе этого противорѣчія лишь въ анархіи, т. е. въ отсутствіи всякаго элемента принудительной, государственной власти.

Пока французскіе анархисты вели свою проповѣдь, главнымъ образомъ, среди буржуазныхъ слоевъ, они напирали изъ всего ученія Прудона почти исключительно на эту, если можно такъ выражаться, идеологію индивидуализма, какъ нельзя болѣе соответствующаго настроенію «сверхъ-человѣковъ» изъ привилегированного общества. За то, когда они пошли къ рабочимъ, проникая въ среду ихъ профессіональныхъ организацій, они должны были естественно

подчеркнуть другую сторону прудоновской доктрины, значение экономическихъ отношеній. И они стали пропагандировать идеи эконо-
мизма, уже сильно распространенный среди французскихъ тру-
дящихся массъ, благодаря агитациі гдистовъ. Но въ то время,
какъ у Гэда и его товарищій «экономический материализмъ Маркса»
(терминъ Лафарга) заострялся,—въ духѣ самого же творца теоріи,—
въ требование политической борьбы и захвата политической власти
рабочимъ классомъ, анархисты-синдикалисты остались при пру-
доновскомъ, «apolитическомъ» экономизмѣ. Прибавьте къ этому то
осложняющее обстоятельство, что политическая борьба, очень часто
даже у гдистовъ сводившаяся въ известные моменты (вспомните
рѣчи Гэда въ 1896 г.) къ парламентарной деятельности, вызывала
недовольство не однихъ анархистовъ, но и вообще революционно-
настроенныхъ рабочихъ (альманистовъ, въ началѣ 90-хъ годовъ).
Далѣе, обратите внимание еще на тотъ психологический фактъ, что
даже смиренный, чисто профессиональный синдикализмъ Франціи 70-хъ
годовъ заключалъ въ себѣ элементъ классового недовѣрія рабочихъ
къ интеллигенціи, людей, занятыхъ физическимъ трудомъ, къ лю-
дямъ умственнаго труда. Въ 80-хъ годахъ болѣе умѣренная, пос-
сибилистская, фракція французскаго соціализма упрекала нерѣдко
болѣе крайнюю, гдистскую, въ томъ, что она не настоящая, моль,
рабочая, а интеллигентская партія, и что истиннымъ соціалистамъ
надо бороться прежде всего за чисто рабочія реформы.

Намъ остается добавить еще одинъ штрихъ къ сложной кар-
тины перекрещивающихся идеальныхъ и практическихъ течений.
чтобы понять современный, революціонный, синдикализмъ Франціи.
Приятай отвращеніе къ политической борьбѣ, синдикалисты-ана-
рхисты не могли, однако, совершенно отбросить элементъ этой
борьбы. И у этихъ ожесточенныхъ враговъ принудительного, госу-
дарственного элемента эти боевые тенденціи вылились въ томъ,
что они стали признавать и пропагандировать единственное рас-
ширение классовой борьбы за предѣлы экономической борьбы: на-
паденіе на существующій экономической и политической строй съ-
твѣмъ, чтобы на развалинахъ капитализма и государства установ-
ить свободную федерацію безчисленныхъ рабочихъ синдикатовъ.
Такъ выработалась теорія «прямого воздействиія» (*action directe*)
на силы старого міра путемъ давленія рабочихъ массъ на отдель-
ныхъ капиталистовъ и на всю государственную организацію въ
видѣ демонстрацій болѣе или менѣе боевого характера, въ видѣ
всеобщей стачки и, наконецъ, въ видѣ завершающей ее соціальной
революції.

Возьмите, напр., самаго доподлиннаго анархиста, Эмиля Пуже,
которой играеть выдающуюся роль въ синдикальномъ движениі и
является въ сущности главнымъ редакторомъ и вдохновителемъ
органа Конфедерациі, *«La Voix du Peuple»*. Вотъ какъ онъ харак-
теризуетъ революціонный синдикализмъ, или, какъ онъ называетъ

чего, «партію труда»: «Партія труда носить въ самой себѣ и свое определеніе: она есть группировка рабочихъ въ одну однородную глыбу (bloc); она есть автономная организація рабочаго класса въ видѣ агрегата, имѣющаго своимъ базисомъ экономическую почву; она, по самому происхожденію своему и по своей сущности, противна всякому компромиссу съ буржуазными элементами... Основой этой группировки является интересъ класса пролетариата, и потому всякое смягченіе ея функции, ставящей известныя требованія и имѣсть революціонной, не ведеть ни къ чему... Партія труда есть партія интересовъ. Она игнорируетъ мнѣнія личностей, которые ее составляютъ; она знаетъ и координируетъ только интересы,—какъ материальные, такъ нравственные и умственные,—рабочаго класса. Ея ряды открыты всѣмъ эксплуатируемымъ, безъ различія ихъ политическихъ и религіозныхъ мнѣній» *).

Высказавъ свою увѣренность, что никакой самый нелѣпый религіозный или политический символъ вѣры не помѣшаетъ рабочему быть полноправнымъ и полезнымъ членомъ партіи труда, Пуже противоставляетъ ея единству, основанному на единствѣ интересовъ, внутреннія противорѣчія всѣхъ политическихъ партій, которая потому, моль, не могутъ быть цѣльными, что состоять изъ людей, имѣющихъ различные интересы: «Во всѣхъ партіяхъ—кромѣ партіи труда—господствующая цѣль есть «политика», и бокъ-о-бокъ тамъ амальгамируются, соответственно сходству мнѣній, люди, интересы которыхъ различны, а именно эксплуататоры и эксплуатируемые. И нѣтъ никакого исключенія! Это — характеристика всѣхъ демократическихъ партій. Всѣ онѣ представляютъ невозможную мѣшанину (*théâtre-théâtre*) людей, интересы которыхъ прямо противоположны. Эта аномалія свойственна не однѣмъ буржуазнымъ демократическимъ партіямъ. Она составляетъ порокъ и соціалистическихъ партій, которые, разъ вступаютъ на скользкую почву парламентаризма, доходятъ до того, что теряютъ основные черты соціализма и становятся не больше, какъ демократическими партіями, обладающими развѣ нѣсколько болѣе живыми алиюрами» **).

Далѣе идетъ изложеніе происхожденія и развитія партіи труда совершенно въ духѣ узкаго экономизма, такъ что порою у васъ получается впечатлѣніе, что вы читаете популяризацію Маркса какимъ-нибудь изъ написанныхъ недавнихъ «экономистовъ». И разница съ нашими «учениками» этой категоріи заключается лишь въ томъ, что, признавъ возможность и полезность частичныхъ улучшеній въ положеніи трудящихся (далеко не въ духѣ чистаго анархизма), Пуже кончаетъ болѣе энергичнымъ призывомъ къ «полному освое-

*) См. брошюру: Emile Pougot, „Le parti du travail“; Парижъ, безъ обозначенія даты (повидимому, вышла въ началѣ этого года), стр. 1—2.

**) Ibid. стр. 3 и слѣд., где подвергаются самой рѣзкой критикѣ всѣ существующія партіи безъ исключенія.

бужденію рабочаго класса, ко всеобщей экспропрації буржуазії», которая не можетъ произойти безъ «революціоннаго всеобщаго пожара»; и еще въ томъ, что практически онъ совѣтуетъ рабочему классу все время держаться на почвѣ «безпрестанной революції», т. е. того, что чаще называется «прямымъ воздействиемъ» *).

Надо кстати замѣтить, что это совпаденіе—не въ выводахъ, а въ посыпахъ—между учениемъ «экономизма» и доктриною того, что я называлъ «анархическимъ марксизмомъ», не ограничивается Францией, а проявляется очень рѣзко и въ Италии. Читайте, напр., недавнюю много шума статейку крайняго революціонера и синдикалиста Артуро Лабріолы (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ недавно умершимъ марксистомъ-ортодоксомъ, Антоніо Лабріолой) о «соціализмѣ и синдикализмѣ въ Италии». И вы увидите, что и этотъ авторъ стоитъ на почвѣ узкаго экономизма; что онъ даже ухитряется восхищаться чуть не всѣми сторонами современнаго капиталистического производства, но дѣласть изъ этихъ посыпокъ революціонно-анархической выводъ: нечего заниматься политической борьбой; должно работать надъ распространеніемъ синдикального движения, которое произведетъ всеобщую стачку, стачку не политическаго, а соціального характера, въ результатѣ каковой получится соціальная революція. Или, какъ заканчиваетъ свой этюдъ Артуро Лабріола: «Опытъ показалъ, что идея всеобщей стачки, какъ символъ катастрофы капитализма и соціальной войны, обладаетъ очень значительной способностью для поднятія революціонной температуры пролетаріата и винушенія ему героического чувства самопожертвованія. Эта идея позволяетъ, кроме того, тотчасъ же видѣть, что соціализмъ долженъ быть дѣломъ рабочихъ классовъ, развиваться на экономической почвѣ и приводить къ революціонной катастрофѣ... Синдикализмъ подставляетъ это понятіе традиціонному понятію о завоеваніи власти, понятію, которое позволяетъ различныя подозрительныя толкованія и заставляетъ видѣть въ соціализмѣ какъ бы продуктъ законодательной дѣятельности,—что совершенно ложно. Для насъ, синдикалистовъ, проповѣдь всеобщей стачки равносильна утвержденію, что соціализмъ долженъ быть: рабочимъ, экономическимъ, революціоннымъ. Такимъ образомъ, мы заявляемъ, что рабочий соціализмъ цѣлкомъ заключается во всеобщей стачкѣ, если ее рассматривать не какъ обыкновенную политическую манифестацію, но какъ сокращенную формулу соціальной революціи» **).

*) Ibid., стр. 14—15, passim.

**) См. французскій переводъ этой статьи: Arturo Labriola, «Syndicalisme et socialisme italien»; въ „Le Mouvement socialiste“, № 179, октябрь 1906 г. стр. 64.

Я думаю, мы достаточно далеко продвинулись съ читателемъ по пути ознакомленія съ практическими и теоретическими особенностями французского (а отчасти и заграничнаго) революціоннаго синдикализма, чтобы подвести итоги смыслу этого движенія и критически отнестишись къ нему. Нѣть сомнѣнія, что продолжать игнорировать этотъ синдикализмъ, или враждовать съ нимъ, или стараться направить его исключительно по руслу чисто профессіональной «реформистской» дѣятельности значить создавать излишній тренія между дѣятельностью рабочихъ массъ въ синдикатахъ иже дѣятельностью въ соціалистической партіи. А между тѣмъ, та-коѣ бытъ бы, въ концѣ концовъ, результатъ тактики Геда, если бы къ счастію Жорасъ и Вальянъ не противоставили ей своей, болѣе остроумной и болѣе считающейся съ характеромъ французскаго синдикализма. Теперь все равно невозможно загнать наиболѣе активные элементы этой организаціи въ рамки будничной чисто профессіональной борьбы съ тѣмъ, чтобы революціонно - политическая борьба была представлена синдикалистами исключительно соціалистической партіи. Мы видимъ, наоборотъ, что выросшая въ синдикатахъ идея всеобщей стачки становится все болѣе и болѣе признанной и представителями политического соціализма. И значитъ, тактика «прямого воздействія» въ известныхъ случаяхъ можетъ получить право гражданства. Вы можете, напр., сколько угодно утверждать французскихъ синдикалистовъ послѣдовательность иѣмецкимъ собратамъ, устраивая сношенія между членами профессіональныхъ организацій и членами соціалистической партіи, производя полюбовное размежеваніе дѣятельности та-жъ, чтобы «реформа» выпала на долю синдикалистовъ, а «революція» на долю политиковъ, и т. д. Современный французскій синдикализмъ не помирится все равно съ этой ролью и не послушается васъ. Задача добиваться въ данный моментъ той или другой практической цѣли тѣсно связывается у него съ задачей ниспровергнуть весь современный режимъ. И если вы будете настаивать на болѣе скромной функциї синдикатовъ, ссылаясь на практику иѣмецкой жизни, то онъ постарається указать вамъ на существенные различія между профессіональными организаціями Франціи и Германіи, и именно на основаніи этой разницы подвергнетъ критикѣ иѣмецкий синдикализмъ, а вмѣсть съ тѣмъ и вашу точку зрѣнія. Ставимъ, дѣйствительно, на почву этой аргументаціи, и посмотримъ, что революціонные синдикалисты думаютъ о иѣмецкомъ синдикальномъ движеніи.

Они, конечно, не могутъ отрицать, что въ Германіи профессіональные организаціи развиты сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Въ концѣ 1905 г. иѣмецкіе синдикаты насчитывали около полутора миллиона членовъ, а именно 1.456.300, изъ которыхъ типичные иѣмецкіе синдикаты мирнаго характера, слагающіеся въ одну центральную организацію, группировали 1.429.300 рабочихъ, а локалистскіе

(или анархо-социалистические), которые можно уподобить по своимъ тенденциямъ французскимъ революционно-синдикальнымъ организаціямъ, всего 27,000 рабочихъ *). Съ другой стороны, нѣмецкие синдикаты умѣютъ хорошо нести чисто-профессиональную борьбу противъ капитала: въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ они организовали 5,347 стачекъ, захватившихъ 477,488 рабочихъ, при чёмъ болѣе, чѣмъ въ 68% всѣхъ случаевъ усилия забастовщиковъ удачались успѣхомъ **).

Но за то французские синдикалисты ставятъ въ вину своимъ нѣмецкимъ собратамъ ихъ крайне умѣренный характеръ, который оказался, между прочимъ, на ихъ отношеніи ко всеобщей стачкѣ. Такъ, на пятомъ конгрессѣ нѣмецкихъ синдикатовъ, имѣвшемъ мѣсто въ маѣ 1905 г., въ Кельнѣ, была вотирована по этому вопросу слѣдующая резолюція: «Конгрессъ считаетъ должнымъ отвергнуть всяческія попытки, предпринимаемыя съ цѣлью извѣзть синдикатамъ опредѣленную тактику путемъ пропаганды политической массовой стачки: онъ рекомендуетъ организованному рабочему классу энергически воспротивиться такимъ попыткамъ. Что касается до всеобщей стачки, какъ она пропагандируется анархистами или людьми, не имѣющими никакой опыта въ области экономической борьбы, то конгрессъ полагаетъ, что такого вопроса нечего и обсуждать; онъ предостерегаетъ рабочій классъ, что онъ не долженъ позволять себѣ отклоняться, ради принятія и распространенія подобныхъ идей, отъ ежедневной мелкой работы, способной укрѣплять рабочія организации» ***).

Французские синдикалисты упрекаютъ далѣе своихъ нѣмецкихъ собратовъ въ томъ, что ихъ хваленая «политическая нейтральность» вовсе не имѣеть того значенія рѣшительного отказа отъ «политики» и не менѣе рѣшительного принятія тактики революціоннаго «прямого воздействиія», которая характеризируетъ французский современный синдикализмъ, а выражаетъ просто на прошто ихъ робость и будничность ихъ стремлений. Синдикалисты Франціи спрашиваютъ себя, точно ли эта хваленая «политическая нейтральность» нѣмцевъ есть тонко обдуманный планъ борьбы труда противъ капитала, и не представляется ли она собой лишь простое слѣдствіе реакціоннаго законодательства Германіи, согласно

*) См. данные, сообщенные А. Квистомъ (A. Quist), членомъ Металлургического рабочаго союза Германіи, въ статьѣ «Всеобщая стачка и нѣмецкие синдикаты», помѣщенной въ № 171 (сентябрь 1906 г.) ежемѣсячнаго журнальчика «La Revue syndicaliste», представляющаго, въ противоположность «La Voix du Peuple», органъ умѣреннаго (социалистического) синдикализма.

**) См. въ той же «Revue Syndicaliste» (№ 7, отъ 15 ноября 1905 г.) статью Павла Умбрейта (Paul Umbreit), члена центральной комиссии нѣмецкихъ синдикатовъ.

***) См. уже упомянутую статью Квиста въ № 17 «La Revue Syndicaliste».

которому политическія ассоціаціи не могутъ, напр., принимать членами ни женщинъ, ни молодыхъ людей, а до 1900 г. не имѣли права образовывать между собою федераціи. Синдикалисты Франціи подсмѣиваются надъ раздѣлениемъ труда между нѣмецкой синдикальной организаціей и нѣмецкой соціаль-демократической партіей,—при чёмъ первая береть на себя заботу объ экономической борьбѣ, а вторая о политической,—подсмѣиваются, говоря, что это лишь простая уловка для того, чтобы нѣмецкій соціализмъ могъ оправдать себя передъ самимъ собою и передъ людьми въ своемъ постоянномъ малодушіи и отсутствіи революціонныхъ стремленій. Посмотрите,—говорятъ французскіе сторонники «прямого воздействиія»,—посмотрите, какую значительную пропорцію соціаль-демократы составляютъ среди нѣмецкихъ синдикалистовъ. И, однако, синдикаты Германіи, кажется, только затѣмъ и обсуждаются любой крупный вопросъ борьбы трудящихся противъ современного строя, чтобы тяжелыми гирами реакціонныхъ рѣшений потянуть къ низу и безъ того умѣренную и аккуратную нѣмецкую соціаль-демократію. Не показалъ ли Мангеймскій конгрессъ, что если на немъ нѣмецкіе синдикаты потребовали отъ политической партіи (соціаль-демократіи) рѣшительного признанія ихъ самостоятельности и ихъ важности *), то вмѣстѣ съ тѣмъ весь конгрессъ явился шагомъ назадъ сравнительно съ прошлогоднимъ Іенскимъ конгрессомъ. Тогда, временно взвинченные русскимъ революціоннымъ движениемъ, нѣмецкіе соціаль-демократы, устами Бебеля, высказались за политическую массовую стачку. Въ Мангеймѣ же они снова старались вернуться къ своей старой и излюбленной точкѣ зреінія: «всеобщая стачка—всеобщая безмыслица», и если не прямо, то косвенно смазали этотъ вопросъ, заявивъ въ первыхъ же строкахъ своей резолюціи вѣщь, крайне удивившую людей, полага-

*.) Второй параграфъ резолюціи гласитъ: „синдикаты безусловно необходимы, чтобы улучшить положеніе рабочаго класса въ буржуазномъ обществѣ: они не менѣе необходимы, чѣмъ соціалистическая партія, которая должна вести борьбу, чтобы возвысить рабочій классъ и обеспечить ему въ политической области права, равныя правамъ другихъ классовъ, но которая, кромѣ этой непосредственной работы, стремится освободить рабочій классъ отъ всякаго гнета и эксплуатации путемъ уничтоженія наемнаго труда и путемъ организаціи системы производства и обмѣна, покоящейся на всеобщемъ соціальномъ равенствѣ, т. е. организаціи соціалистического общества... цѣль, къ которой долженъ необходимо стремиться сознательный рабочій синдикалисътъ. Поэтому двѣ организаціи должны помогать взаимно одна другой и сотрудничать на полѣ борьбы. Чтобы придать единообразное направление дѣйствіямъ, одинаково интересующимъ и синдикаты, и партію, центральные органы обѣихъ организацій должны стараться столковываться между собою. Но, для того, чтобы обеспечить это единство мысли и дѣйствія партіи и синдикатовъ, которое необходимо для побѣды пролетаріата въ классовой борьбѣ, необходимо, чтобы синдикальное движеніе руководилось духомъ соціаль-демократіи“.

ющихъ, что черное не есть въ то же время бѣлое: «Конгрессъ подтверждаетъ резолюцію ленскаго конгресса относительно политической стачки массъ и, признавъ, что резолюція Кельнскаго конгресса синдикатовъ не находится въ противорѣчіи съ ленской резолюціей, считаетъ всякий споръ о смыслѣ Кельнской резолюціи оконченнымъ» *). Вотъ тутъ, молъ, и разбираися! Недаромъ одинъ изъ теоретиковъ французскаго революціоннаго соціализма считаетъ должнымъ замѣтить: «Пока что, Маннгеймскій конгрессъ оснаменовалъ политический и теоретический застой партіи, которая была инициаторомъ соціализма, но которую нынѣ перегнало столько другихъ движений, благодаря всѣмъ пріобрѣтеннымъ ими опытамъ» **).

Таковы возраженія французскихъ синдикалистовъ противъ ихъ нѣмецкихъ собратовъ. Но, въ сущности, эти возраженія касаются лишь отсутствія революціоннаго темперамента у синдикалистовъ и соціалистовъ Германіи, а не доказываютъ того, чтобы связь и координація между професіональнымъ и политическимъ движениемъ рабочаго класса была бы вообще невозможна да и нежелательна. Не мѣшаетъ прежде всего замѣтить, что если соціалистамъ-революционерамъ современнаго интернационала нечего впадать въ крайнее восхищеніе по поводу малѣшаго дѣйствія нѣмецкой рабочей партіи и безъ всякой критики переносить къ себѣ тактику тамошнихъ соціаль-демократовъ, то, съ другой стороны, не зачѣмъ относится къ соціалистамъ Германіи и съ тѣмъ систематическимъ пре-небреженіемъ, которое не позволяетъ видѣть положительной стороны ихъ дѣятельности. Такъ, напр., умѣніе организовываться составляетъ очень серьезное достоинство нѣмецкой соціаль-демократіи, которая выработала во всѣхъ своихъ членахъ живое чувство партійной дисциплины. Если политические соціалисты Германіи, вслѣдствіе отсутствія сильныхъ революціонныхъ традицій, до сихъ поръ не проявили настоящаго боевого темперамента, то за то они накопили массу потенціальной энергіи среди организованныхъ ими рабочихъ. И было бы скоростѣльно заключеніемъ отрицать историческую возможность для рабочаго класса Германіи выступать, при извѣстныхъ политическихъ условіяхъ, активнымъ революціоннымъ элементомъ. Подобныя предсказанія невѣрны уже потому, что историческая обстоятельства скорѣе, чѣмъ то принято обыкновенно думать, могутъ измѣнить политический темпераментъ даннаго населенія. Было же время, когда англичане находили французовъ черезчуръ мирными и черезчуръ покорными подданными своихъ королей...

Если что можно сказать относительно современной Германіи, такъ это то, что именно вслѣдствіе еще болѣе мирнаго характера

*) См. отчетъ о Маннгеймскомъ конгрессѣ уже упомянутаго Квиста въ брошюрѣ: «Syndicats et parti»; Парижъ, 1906. Стр. 25 (составляеть № 1 «синдикалистской коллекціи»).

**) Hubert Lagardelle, Mannheim, Rome, Amiens; въ «Le Mouvement Socialiste», № 179 (октябрь 1906 г.), стр. 13.

нѣмецкихъ синдикалистовъ, чѣмъ какой замѣчается въ рядахъ соціаль-демократической партіи, тамъ какъ разъ [будетъ] полезна связь и координація дѣйствій между професіональной и политической организаціями рабочаго класса. Подъ давленіемъ все возвращающей въ послѣднее время революціонности соціалистического интернаціонала, и германская соціаль-демократія, откѣзавшись етъ роли строгаго профессора соціализма для партій другихъ странъ, сама должна будеть податься въ сторону боевой тактики. И тогда ужъ, конечно, она, а не германскій столъ умѣренный синдикализмъ, явится іниціаторомъ революціоннаго воспитанія, или, если хотите, перевоспитанія массъ. Такъ что, въ концѣ концовъ, если соціаль-демократія Германіи, признавъ на Майнгейскомъ конгрессѣ самостоятельность синдикатовъ, въ то же время вотировала необходимость соглашенія между професіональной организаціей и организаціей политической, то эта тактика должна скорѣе привѣтствоваться, чѣмъ осуждаться сторонниками интернаціональнаго революціоннаго соціализма.

Другой вопросъ—приложеніе такой тактики совершенно въ духѣ нѣмецкой революціи къ отношенію между французскимъ синдикализмомъ и французской же соціалистической партіей. Здѣшнему революціонному синдикализму мало того, чтобы соціалистическая партія признала его автономію: онъ, кстати сказать, самъ береть эту автономію и при томъ становится въ явно враждебную позицію по отношенію къ политическому соціализму. Но онъ, кроме того, громко заявляетъ, что, воплощая въ себѣ и реформистскую, и революціонную дѣятельность, онъ считаетъ себя способнымъ совершилъ при помощи «прямого воздействиія» кореннай соціальный переворотъ и, путемъ федераціи синдикатовъ, создать изъ этихъ «основныхъ кѣточекъ» будущее гармоническое общество всеобщаго труда и всеобщей свободы. Именно въ виду такихъ притязаній французскаго революціоннаго синдикализма упомянутая нами въ срединѣ этой статьи резолюція Жореса-Вальяна, восторжествовавшая на Лиможскомъ конгрессѣ, кажется намъ наиболѣе цѣлесообразной. Она не бѣть прямо въ забрало этому синдикализму: она признаетъ его даже «плоть до всеобщей стачки». Но она прибавляетъ, что экономіческій организмъ съ его «прямымъ воздействиіемъ» нуждается еще въ сотрудничествѣ политическаго организма съ его «зановоаніемъ всей политической власти». И мнѣ кажется, что здѣсь серьезный синдикалистъ, не дѣйствующій только подъ вліяніемъ анархическаго раздраженія противъ всякой политической власти, найдетъ почву примиренія съ политическимъ соціализмомъ. Дѣйствительно, синдикальная ячейка будеть, по всей вѣроятності, одной изъ основъ той будущей «администраціи вещей», о которой говорилъ Сенъ-Симонъ, противостоящая ее современному «управленію людей людьми». Но, спрашивается, можетъ ли самый революціонный синдикализмъ надѣяться на то, что онъ сможетъ заполнить своими ячейками всѣ контуры грядущаго строя,

если ему не удастся предварительно овладѣть настоящей государственной машиной и употребить ее въ послѣдній разъ для уничтоженія всѣхъ современныхъ привилегій и для установленія самаго широкаго управления всего народа всѣмъ народомъ?

Революціонный синдикалистъ говорить все время о «прямомъ воздействиіи». Но что такое это «прямое воздействиіе»? Это или борьба организованныхъ въ синдикатъ рабочихъ противъ того или другого патрона, или борьба всей синдикальной организаціи противъ всего капиталистического класса. Но въ томъ, и въ другомъ случаѣ, въ случаѣ частной стачки и частной демонстраціи, какъ и въ случаѣ всеобщей стачки и всеобщаго революціоннаго возстанія на «экономической почвѣ»—рабочій классъ найдетъ противъ себя «по другую сторону баррикады» (какъ цинично-остроумно выразился Клемансо по поводу подавленія первомайскаго движенія). найдеть, говоримъ мы, классовое государство имущихъ и правящихъ. И найти его, смотря по важности столкновенія, или въ видѣ частныхъ органовъ власти и отдельныхъ отрядовъ войскъ, или въ видѣ всего грознаго аппарата государства нашихъ дней—его арміей, полиціей, магистратурой, массовымъ избиеніемъ на улицахъ, массовымъ осужденіемъ въ застѣнкахъ военныхъ судовъ и массовыми казнями и ссылками, какъ то было во время подавленія Коммуны версальцами. Можно себѣ представить, какимъ цѣлесообразнымъ орудiemъ подобной великой соціальной войны будетъ «прямое воздействиіе» синдикальной арміи, если безъ одновременного захвата политической партіей современная государственная машина останется по прежнему въ тѣхъ же рукахъ.

И это не все. Мы говоримъ о послѣднемъ освободительномъ актѣ работы массъ противъ эксплуататоровъ и угнетателей, о соціальной и политической революціи труда противъ капитала и классового государства. Но, что сказать, относительно будничной, постоянной борьбы за мелкія, но глубоко реальные улучшенія, которая именно современный французскій синдикализмъ, несмотря на анархическія тенденціи своихъ руководителей, принужденъ допускать и даже рекомендовать, какъ освазельшую цѣль, стоящую энергической работы? Развѣ сами факты жизни не говорятъ, что наиболѣе удобныя позиціи для такой работы и для такой борьбы даются рабочимъ организаціямъ отвергаемыми парламентомъ законопроектами или вотированными парламентомъ, но не выполняемыми классомъ капиталистовъ законами, т. е. проявленіями какъ разъ той политической дѣятельности, отъ которой съ такимъ презрѣніемъ отворачиваются Пуже и Гриффюэль? Пусть читатель припомнитъ цитированные нами выше акты «прямого воздействиія» рабочихъ синдикалистовъ на сенатъ или на опротивляющихся хозяевъ. Опять увидить, что чаще всего отправляемыи пунктами синдикального движенія были не вотируемые или не исполняемые законы, имѣвшіе цѣлью охраненіе жизни и зде-

ревъя рабочихъ и улучшениія ихъ положенія. Этого факта не ослабляетъ и то возраженіе, что обыкновенно законами становятся уже входящіе въ обиходъ жизни обычай, или же такія мѣры, которыя требуются коллективнымъ мнѣніемъ широкихъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ слоевъ. Во всякомъ случаѣ, и эти обычай, и эти массовые требованія только тогда становятся благопріятной почвой и вмѣстѣ ферментомъ броженія, когда формулируются въ видѣ законовъ, т. е. юридической кристаллизациіи кипящихъ и носящихъ въ воздухѣ общественныхъ потребностей. И здѣсь опять таки роль политической и даже парламентарной дѣятельности нельзя затушевать простымъ отрицаніемъ. Можно, правда, и даже должно сказать, что никакая коренная реформа собственности не можетъ быть проведена черезъ представительный учрежденія современного классового общества. И поклонники соціалистического парламентаризма во что бы то ни стало грѣшатъ въ этомъ отношеніи избыткомъ оптимизма. Но не менѣе грѣшатъ въ другомъ направлении сторонники «прямого воздействиія», которые согласны на борьбу за частныя улучшениія, но отрекаются отъ всякой политической агитации во имя такой платформы.

И это не все. Революціонные синдикалисты могутъ сколько угодно чураться «политики»: она войдетъ и сядетъ госпожей въ самомъ центрѣ синдикатовъ. Только это ея пришествіе будетъ скрыто подъ разными риторическими фигурами умолчанія, или же перифразами. Изъ того, что анархические вожаки Конфедерациіи утверждаютъ, будто она ни въ какомъ случаѣ не будетъ заниматься «политикой», еще не слѣдуетъ, чтобы дѣйствительность совпадала съ этимъ утвержденіемъ. Если политика революціонныхъ синдикалистовъ заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакой политики,—на манеръ тургеневскаго Пигасова, у которого было «убѣжденіе не имѣть никакихъ убѣждений»,—то вѣдь это выходитъ только на слова. И, говоря такъ, я отнюдь не думаю обвинять вожаковъ Конфедерациіи въ лицемѣріи: сама логика вещей заставляетъ ихъ заниматься политикой, но политикой, которая состоить въ томъ, чтобы всячески противодѣйствовать развитію политического соціализма среди членовъ синдикатовъ. Не былъ ли обвиненъ синдикалистами самъ Эмиль Пужэ, фактический главный редакторъ «La voix du Peuple», въ томъ, что во время первомайской агитациіи онъ гораздо больше полемизировалъ съ радикалами à la Клемансо и съ политическими соціалистами, чѣмъ служилъ интересамъ «прямого воздействиія» и пропагандѣ синдикалистской точки зрѣнія? Кстати, уже стали раздаваться голоса послѣдовательныхъ анархистовъ, жалующихъ на то, что среди синдикатовъ анархизмъ начинаетъ заелоняться политикой «лицемѣрной нейтральности», и что надо ити войной на всѣхъ «политикановъ», идти «вопреки решеніямъ Амьенскаго конгресса» *).

*) См. статью: Charles Benoit, «Le Syndicalisme et l'anarchie»; въ анар-

Еще одно соображение. Предостерегая съ такой настойчивостью синдикалистовъ противъ занятія всякой политикой, включая сюда соціалистическую, вожаки Конфедерациі могутъ создать среди рабочихъ, сами того не желая, тотъ классовой политический индифферентизмъ, который такъ давно характеризуетъ англійские трэдсъюніоны и который заставляетъ рабочихъ Соединенного Королевства растворять всю свою дѣятельность въ преслѣдованіи чисто професіональныхъ интересовъ и предоставлять арену собственно политической борьбы въ монопольное владѣніе имущихъ и правящихъ классовъ. Этимъ объясняются и отсталость общей соціалистической мысли по ту сторону Ламанша, и сравнительно прочное положеніе тамошней буржуазіи, которая перехватываетъ въ свои два канала. вигизмъ и торизмъ, наиболѣе умныхъ и дѣятельныхъ представителей рабочаго класса и руками самого же четвертаго сословія воодвигаетъ барьеры основному освобожденію трудящихъ.

Лишь въ послѣднее время это положеніе начинаетъ нѣсколько измѣняться. И смотрите, съ какимъ раздраженіемъ и худо скрытой боязнью буржуазные политики критикуютъ это измѣненіе. На послѣднихъ выборахъ три десятка рабочихъ депутатовъ, отчасти изъ трэдсъ-юніонистовъ, отчасти изъ членовъ «независимой рабочей партії», составили въ палатѣ такъ называемую «партию труда» (Labour Party), которая не можетъ считаться, собственно, соціалистической, но уже успѣла тѣмъ не менѣе нагнать страхъ на представителей англійского капитала и владѣнія. Между членами этой партіи есть нѣсколько соціалистовъ въ родѣ Киръ-Харди, но большинство не стоитъ строго на точкѣ зреянія классовой борьбы, которая считается, однако, повсюду въ соціалистическомъ интернациональ центральнымъ пунктомъ современного міровоззрѣнія труда. И, однако, стоило только новой партіи явиться передъ парламентомъ и страной въ качествѣ особой и отличной отъ всѣхъ другихъ политической организаціей, какъ она стала предметомъ опасенія, невольного уваженія и зависти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жестокихъ нападокъ. И либералы, и консерваторы стараются на перерывъ доказывать, что эта партія не имѣть никакого *raison d'être* и никакой будущности. Буржуазные писатели, безъ различія политическихъ оттѣнковъ, то хотѣть увѣрить англійскихъ трудовиковъ, что имъ не зачѣмъ существовать, какъ особой группѣ, ибо, молъ, «въ интересахъ рабочаго класса нѣть необходимости для существованія третьей партіи» (кромѣ виговъ и тори. Н. К.) *). То они отрицаютъ самую возможность «политического дѣленія», основанного на принципѣ «труда», потому что,— я передаю буквально этотъ замѣчательный въ смыслѣ тупоумія автора аргументъ,—потому что «трудъ

хистской еженедѣльной газетѣ *Les Temps Nouveaux*, № отъ 15 декабря 1906 г.

*) См. L. A. Atherley Jones, «The Story of Labour Party»; «The Nineteenth Century», октябрь 1906 г., стр. 584.

есть общий удѣльь почти всего человѣчества» *). И вожаку «независимой рабочей партии», Кирѣ Харди, приходится объяснять своимъ «дубиноголовымъ» (такъ я перевожу терминъ blockhead, которымъ Марксъ любилъ обозначать неумѣніе англичанъ понимать абстрактные вопросы) соотечественникамъ изъ буржуазіи, почему существованіе «Партии труда» не только возможно, но и необходимо; и каковъ тотъ «центральный пунктъ», который объединяетъ въ одной группѣ «тредсъ-юніонистовъ» **).

Интересная статья Кирѣ-Харди можетъ быть поучительна не для однихъ англійскихъ буржуа, но и для французскихъ синдикалистовъ. Развѣ не знаменательно услышать изъ устъ человѣка, который знаетъ, что такое профессиональное движение, следующія слова: «Чисто рабочее классовое движение способно стать такимъ же грубымъ и чуждымъ идеализма, какъ и англійская скульптура. Это очень замѣтно на напемъ быстро растущемъ кооперативномъ движении, въ которомъ дивидендъ рассматривается, какъ альфа и омега коопераціи. Тредсъ-юніонистскій вожакъ, который обращаетъ исключительное вниманіе,—какъ это онъ и долженъ дѣлать,—на мелкія подробности, касающіяся высоты заработной платы, и узкую рутину своего занятія, склоненъ терять изъ виду болѣе общія перспективы жизни и ея задачи, развертываемыя соціализмомъ. Рабочее движение, которое не вдохновляется соціализмомъ, напоминаетъ двигатель безъ керосина и тѣло безъ души» ***).

Этого можно опасаться и для французского рабочаго движения, потому что если оно будетъ продолжать враждебно относиться къ политическому соціализму и отказываться отъ какого бы то ни было соглашенія съ нимъ, то, несмотря на свои теперешнія революціонныя тенденціи, оно должно фатально наткнуться на тотъ или другой рогъ дилеммы: или стать чисто профессиональнымъ синдикализмомъ, т. е. «тѣломъ безъ души», или превратиться въ игралище аполитической политики анархистовъ, т. е. пойти къ быстрому разложенію.

Признать самостоятельность синдикального движения, признать за нимъ право не только на реформистскую, но и на революціонную дѣятельность, но вмѣстѣ съ тѣмъ постараться выработать систематическое соглашеніе между профессиональной организацией синдикатовъ и политической организацией соціалистической партіи—это задача всѣхъ искреннихъ и послѣдовательныхъ соціалистовъ Франціи да и всего міра.

Н. Е. Кудринъ.

*) Статья: «Socialism in the House of Commons; въ «The Edinburgh Review» 1906, октябрь, стр. 277.

**) J. Keir Hardie, «The Labour Movement»; въ «Nineteenth Century», 1906, декабрь, стр. 877.

***) Ibid., стр. 879.

Русская Польша наканунѣ новыхъ выборовъ.

I.

«Какъ мало прожито, какъ много пережито!» Ровно годъ тому назадъ я покидалъ гостепріимную Галицию, пріютившую столькихъ выходцевъ изъ Русской Польши, чтобы направиться въ Варшаву, гдѣ уже кипѣла новая жизнь.

Трудно было оставаться въ Краковѣ, куда ежедневно приходили вѣсти, прямо поражавшія своей экстравагантностью. Изъ Домбровскаго каменноугольного района, лежащаго въ нѣсколькоихъ часахъ разстоянія отъ Кракова, являлись ежедневно товарищи, рассказывавшіе о томъ, что происходит въ этомъ уголкѣ. Мы узнавали, что весь районъ находится въ рукахъ рабочей организації, передъ которой стушевались русскія власти; мы узнавали, что нелегальный, неперiodический листокъ польской соціалистической партіи (П. П. С.) «Gornik» (Горнорабочій) превращенъ въ ежедневный, легальный органъ, расхватываемый десятками тысячъ мѣстныхъ жителей, что въ районѣ Домбровы-Сосновицѣ охраняетъ порядокъ рабочая милиція, что повсюду происходятъ колоссальные митинги, что русскіе солдаты братаются съ рабочими и т. д. Аналогичныя извѣстія приходили и изъ недалекаго Ченстохова, гдѣ на громадномъ пологородномъ заводѣ Гандтке развивалось красное знамя т. н. «раковской республики».

Изъ Варшавы доходили только смутные слухи, такъ какъ железнодорожная и почтово-телеграфная забастовка продолжалась во всемъ Царствѣ Польскомъ съ неослабѣвшій силой. Однако и этихъ слуховъ было достаточно, чтобы заставлять всѣхъ выходцевъ изъ Царства Польскаго всѣмъ сердцемъ стремиться въ его столицу.

Въ Скальмержицахъ, куда меня доставилъ прусскій железнодорожный вагонъ, мнѣ пришлось надолго распрощаться съ современными способами передвиженія. Я довѣряюсь кучеру неуклюжей кареты, которая должна была перевести меня черезъ границу Российской имперіи, только что получившей торжественное обѣщаніе конституції.

Въ Щипориѣ, гдѣ находится русская таможня, ничто не позволяетъ догадываться, что тутъ начинается територія конституціонаго государства. «Зеленые» по прежнему хохочутъ въ саквойяхъ пріѣзжихъ, однимъ движеньемъ раскашывая до двадцати содержимое. Жандармы по прежнему «вѣять глазами» владѣль-

цевъ саквоажей и подозрительно осматриваютъ ихъ паспорта, раздавая совсѣмъ неконституционные пинки снабженными не формальными пропускными свидѣтельствами «гражданамъ»-евреямъ и осыпая ругательствами «гражданъ»-рабочихъ.

Наконецъ, всѣ формальности исполнены. Мы ёдемъ на извозчикъ въ Калишъ. Проѣзжая мимо желѣзнодорожного полотна, мы видимъ десятки вагоновъ, ожидающихъ возобновленія движенія. Забастовка продолжается. Фабричныя трубы Калиша не дымятъ. Все промышленное движеніе города замерло.

Достаточно часа пребыванія въ Калишѣ, чтобы оріентироваться въ измѣнившемся положеніи. Переимѣны—значительны, и населеніе переживаетъ моментъ сильнаго общественнаго подъема. На углахъ улицъ видны громадныя объявленія о публичныхъ митингахъ и рядомъ съ ними клочки сорваннаго распоряженія губернатора, гласящаго что-то о манифестаціяхъ, сбирающихъ и т. д. Въ гостиницѣ я жадно набрасываюсь на номеръ «Gazety Kaliskie»—жалкаго провинциальнаго листка, выходящаго уже безъ цензуры *). Минѣ сразу кидается въ глаза рубрика, фигурировавшая до сихъ поръ только въ нелегальныхъ органахъ: «Пожертвованія въ пользу (выпущенныхъ) политическихъ заключенныхъ»; затѣмъ я читаю описание всенароднаго митинга, устроеннаго «при участіи всѣхъ политическихъ партій» въ какомъ-то маленькомъ мѣстечкѣ. Въ текстѣ «Газеты» то и дѣло встрѣчаются слова и выраженія, украшавшія до сихъ поръ одну только нелегальную прессу.

Немного спустя мы ёдемъ въ Лодзь. Въ древней еврейской повозкѣ насъ помѣщается трое: типичный помѣщикъ средней руки, купецъ-еврей изъ Сосновицъ и я. Мало-по-малу налаживается разговоръ—конечно, на политическія темы. Помѣщикъ, происходящій, какъ оказывается, изъ Велюнскаго уѣзда—самой отсталой части Калишской губ.—рассказываетъ о крестьянахъ, которые устроили польско-патріотическую манифестацію по поводу манифеста 17-го октября, объ оркестрѣ сельской пожарной стражи, невообразимо разыгрывающемъ польскіе національныя гимны, о съѣздѣ велюнскихъ помѣщиковъ, которые рѣшили основать польское реальное училище и собрали на это необходимыя средства. Вида, что я охотно слушаю его повѣствованія, мой помѣщикъ перешелъ на почву европейской политики и сообщилъ, что «уже рѣшено» основать, въ видахъ всеобщаго мира, два независимыхъ государства, которыхъ бы отдѣляли Германію и отъ Франціи, и отъ Россіи. Однимъ изъ этихъ государствъ будетъ Эльзасъ съ Лотарингіей, а другимъ—Царство Польское.

Что касается другого моего спутника, то онъ былъ всепѣнье модъ впечатлѣніемъ рабочаго движенія въ Домбровскомъ округѣ.

*) Въ Польшѣ до 17-го октября 1905 г. не было изданій безъ предварительной цензуры.

Онъ разсказывалъ подробно, какъ соціалисты тамъ хвайничаютъ и какъ всѣ ихъ слушаются. И евреи уже перестали бояться погромовъ, потому что соціалисты не допустятъ до этого. На основаніи разсказовъ моего сосновицкаго спутника можно было прийти къ заключенію, что въ Домбровскомъ округѣ всѣ превратились въ соціалистовъ, начиная съ полицеймейстера Кроненберга и кончая владѣльцами рудниковъ, заводовъ и фабрикъ.

— Пане, что они въ «Гурникѣ» пишуть, такъ это все самая чистая правда,—говорилъ онъ, воодушевляясь.—Я не соціалистъ, я торгую калошами, но я все это читалъ и я вижу, что это правда. И соціалисты своего добьются, потому что у нихъ большая сила. Знаете, пане, и фабриканты, и прочие богатые люди имъ помогаютъ. Этотъ Познанскій изъ Лодзи, такъ онъ очень много даетъ и онъ можетъ ничего не бояться. Соціалисты выдали ему такую бумагу. Съ этой бумагой онъ можетъ повсюду ходить безопасно, и ему не нужно убѣгать за границу, какъ другимъ фабрикантамъ.

Характерно, что эту легенду объ «охранной грамотѣ», выданной будто бы Познанскому (крупнѣйшему лодзинскому промышленнику) соціалистами, я слыхалъ позже вѣсколько разъ отъ евреевъ и на постояломъ дворѣ въ Блашкахъ, где мы останавливались, и въ Ласкѣ, где намъ пришлось ждать разсвѣта.

По мѣрѣ приближенія къ Лодзи, мы все чаще и чаще стали слышать сбивчивые разсказы о кровавыхъ событіяхъ въ этомъ городѣ, о демонстративныхъ похоронахъ жертвъ, павшихъ въ Лодзи и Згержѣ. Помѣщика, оставшагося въ Сѣрадзѣ, смѣнилъ еврей изъ Шабьяницъ, который повѣствовалъ о большомъ соціалистическомъ митингѣ въ этомъ промышленномъ центрѣ, куда мы прѣѣхали на слѣдующее утро.

Видѣ Пшибяницъ мало внушилъ довѣрія къ «конституції». Всѣ лавки закрыты, ни одна фабрика, ни одна мастерская не работаетъ. На улицахъ гарпующіе драгуны, провожаемые злобными взглядами толпающихся рабочихъ. Мы быстро приближаемся къ Лодзи. Издали видны безчисленные фабричныя трубы, но черная завѣса дыма, окутывающая обыкновенно этотъ городъ, куда-то исчезла. Фабрики не работаютъ. Мы вѣзжаемъ въ главную улицу Лодзи—Петровскую.

Городъ производитъ впечатлѣніе военнаго лагеря. Повсюду солдаты и казаки, публики почти не видать. Всѣ находятся подъ впечатлѣніемъ распоряженія мѣстнаго военнаго генераль-губернатора, Шатилова, который объявилъ, что въ случаѣ, если газовые фонари на улицахъ потухнутъ, онъ прикажетъ стрѣлять во всяаго, кто появится на улицѣ послѣ 6-ти часовъ. Настроение въ высшей степени тревожное, въ виду явно подготовляемаго полицей еврейскаго погрома. Рабочая организація принимаетъ рѣшительныя мѣры противодѣйствія, организуя стражу, состоящую изъ рабочихъ-хри-

стіань какъ въ самой Лодзи, такъ и въ Згежѣ, гдѣ тоже наблюдаются подозрительные признаки надвигающагося погрома.

Пришло разстаться съ тѣмъ радужнымъ настроениемъ, въ которомъ я и мои товарищи покидали Краковъ. И, дѣйствительно, едва мы успѣли пріѣхать въ Варшаву, какъ надъ всѣмъ Царствомъ Польскимъ нависла грозная туча военного положенія. «Конституціей» Польша пользовалась меныше двухъ недѣль, да и то не вся, потому что и въ Варшавѣ, и въ Лодзи военное положеніе продолжалось безъ перерыва. Затѣмъ оно было распространено на всѣ безъ исключенія губерніи Царства Польскаго, не исключая и самыхъ «смиренныхъ».

Въ Варшавѣ можно было констатировать несбыточность мечтаний и велюнского помѣщика, и сосновицкаго торговца калошами, моихъ случайныхъ спутниковъ. До независимости Польши было такъ же далеко, какъ и до торжества соціализма. Однако, кое-что всетаки измѣнилось, и положеніе польского народа послѣ 17-го октября очень сильно отличалось отъ положенія его до изданія манифеста. Измѣненіе произошло какъ во внѣшнихъ условіяхъ его жизни, такъ и во внутреннихъ взаимоотношеніяхъ его общественныхъ силъ.

Въ «дни свободы», послѣдовавшіе за объявленіемъ манифеста 17-го октября, хлынуло наружу все то, что до сихъ поръ считалось нелегальнымъ. Военное положеніе и сопутствующія ему репрессіи опять загнали въ подполье многіе легализовавшіеся было элементы, однако кое-что всетаки успѣло закрѣпить за собой право, весьма, впрочемъ, шаткое—на легальное существованіе.

II.

До 17-го октября почти вся культурно-национальная жизнь Польши была нелегальной наравнѣ съ соціально-политической дѣятельностью крайнихъ партій. Обученіе грамотѣ на польскомъ языкѣ происходило такъ же тайно, какъ и распространеніе революціонныхъ идей. Патріотическая изданія провозились изъ-за границы контрабанднымъ путемъ точно такъ же, какъ и соціалистическія брошюры. Варшавская цензура относилась одинаково и къ патріотическимъ, и къ соціалистическимъ тенденціямъ. Национально-демократическая партія являлась такимъ же нелегальнымъ сообществомъ, какъ и польская партія соціалистическая (П. П. С.). И та, и другая принуждены были прибѣгать къ нелегальнымъ методамъ распространенія своего вліянія.

Послѣ 17-го октября положеніе дѣймѣнилось кореннымъ образомъ. Даже тогда, когда «дни свободы», продолжавшіеся въ Польшѣ еще короче, нежели въ Россіи, отошли въ прошлое, даже тогда польское национальное и особенно культурно-национальное

движение, крѣпко опиралось на легальную почву, между тѣмъ какъ соціализмъ опять превратился въ объектъ всевозможнѣйшихъ преслѣдований. Я не хочу сказать, чтобы польскія національныя требования были удовлетворены хоть въ какомъ-нибудь отношеніи, такъ какъ это было бы несогласно съ реальной дѣйствительностью. Я только подчёркиваю тотъ фактъ, что польское національное движение въ культурной, а отчасти даже и въ политической области получило возможность легального или, по крайней мѣрѣ, полулегального развитія.

Для польской печати наступила новая эра. Она очутилась въ томъ положеніи, въ какомъ находилась русская во времена Плеве. Это значитъ, что она могла говорить о предметахъ, совершенно недоступныхъ ея обсужденію прежде. Польскіе иллюстрированные журналы могли невозбранно помѣщать портретъ Костюшка, героя востаній, различныя польскія національныя эмблемы и т. д. Польскія газеты могли говорить о гнетѣ руссификаторской политики, о необходимости полонизаціи школы, суда и администраціи, а въ очень осторожной формѣ даже и о злоупотребленіяхъ низшихъ чиновниковъ. Польское общество получило возможность основывать археологическія, историческія и литературныя общества, создавать экономическія организаціи въ родѣ польскихъ крестьянскихъ земледѣльческихъ кружковъ, польскихъ потребительныхъ товариществъ, наконецъ, организовывать частныя польскія школы, библиотеки и читальни. Однимъ словомъ, польская національно-культурная жизнь вошла послѣ 17-го октября въ такія же приблизительно рамки, въ какихъ развивалась русская до 17-го октября. Я говорю: приблизительно, потому что русское общество и до 17-го октября не испытывало національного гнета, между тѣмъ какъ польское и послѣ 17-го октября не было освобождено отъ чуждаго ей языка въ школахъ, судахъ и присутственныхъ мѣстахъ.

Какъ ни какъ, но и тѣ крохи, которыми перепали на долю польского общества, были величиной весьма почтенной въ сравненіи съ тѣмъ, что было прежде. Громадная область національной жизни пріобрѣтала право легального развитія, и этотъ фактъ сыгралъ огромную роль въ политической эволюціи Польши. Масса силъ, до сихъ поръ либо бездѣйствовавшихъ, либо работавшихъ велѣнно, кинулась на арену легальной общественной дѣятельности. Культурная работа, направленная къ возстановленію всего того, что было запретнымъ плодомъ со времени послѣдняго востанія, стала ловунгомъ значительной части польского общества. Мы получили крохи—это правда,—говорили сторонники этихъ тенденцій,— но эти крохи позволяютъ намъ укрѣпить нашъ національный организмъ, ослабленный и долголѣтнимъ гнетомъ, и событиями послѣднихъ двухъ лѣтъ. Страна жаждетъ успокойнія, отдыха. Слѣдуетъ воспользоваться тѣмъ, что у насъ есть, не тратить больше силъ на революціонную борьбу и заняться мирной работой въ области

національної культури, економіческої організації, стремясь легальнимъ путемъ осуществить наши національно-политические задачи. Мы благодарны организованному пролетаріату, который своей грудью и своей кровью приобрѣлъ для насъ возможность мирного культурного развитія, но эпоха революціи закончилась, теперь наступаетъ новая эпоха—усиленного, мирного труда.

Таково было настроение польского буржуазного общества не только сейчасъ послѣ 17-го октября, но и значительно позже, когда военное положеніе стало цѣлыми десятками упрыгывать въ кутузки самыхъ «мирныхъ» обывателей за паивную вѣру въ близость автономіи Польши. Однако, даже военное положеніе, господствовавшее въ Царствѣ Польскомъ, не мѣшало полякамъ легально заниматься тѣмъ, что было совершенно немыслимо еще въ первую половину русско-японской войны. И вотъ мы видимъ, какъ, съ одной стороны, возникаютъ самыя разнообразныя польскія культурные учрежденія и общества, а съ другой—укрѣпляется и развивается на легальной почвѣ еще такъ недавно считавшаяся революціонной національ-демократическая партія. Эта партія сплотила подъ своимъ знаменемъ всѣ элементы, жаждущіе успокоенія, мирной культурной дѣятельности, спокойной эволюціи и относящіеся поэтому враждебно ко всему тому, что способствовало бы дальнѣйшему развитію революціонного движения.

Въ Царствѣ Польскомъ образовались два крупныхъ лагеря: т. н. «національный», руководимый національ-демократической партіей, и революціонный, во главѣ котораго встала П. П. С. (польская соціалистическая партія). Первый охватилъ всѣ тѣ элементы, которые видѣли въ дальнѣйшемъ развитіи революціоннаго движения опасность не только для польскихъ національныхъ интересовъ, но, прежде всего, для классовыхъ привилегий буржуазіи и помѣщиковъ. Во второмъ очутились рабочія организаціи, считавшія настоящій моментъ однімъ изъ эпизодовъ продолжающейся революціі, которая должна закончиться не мелкими, частичными уступками, а полной капитуляціей противника. Ко второму лагерю примкнули немногочисленныя группы прогрессивной интеллигенціі, не раздѣляющіе вполнѣ взглядовъ революціонныхъ элементовъ, но также полагающіе, что революція еще не завершила круга своего развитія, что дальнѣйшая борьба необходима, хотя методы этой борьбы должны быть пріурочены къ нѣсколько измѣнившемуся положенію края. Мало по малу прогрессисты втягиваются въ чисто культурную національную работу и начинаютъ все больше и больше отставать отъ революціонного лагеря, что въ концѣ концовъ сближаетъ ихъ до нѣкоторой степени съ національ-демократіей. Образуется даже группа прогрессистовъ, являющаяся переходнымъ звеномъ между прогрессивно-демократической партіей и національ-демократіей.

До 17-го октября, въ періодъ активной революціонной борьбы,

первенствующую роль въ жизни польского общества играло естественно П. П. С. Она стояла во главѣ революционного движения, она руководила народными массами, борющимися и съ правительствомъ, и съ реакционными элементами польского общества, организуемыми и руководимыми Н. Д., къ ней прымкали и ее поддерживали отдельные лица и группы изъ среды прогрессивной интелигенціи, не игравшей въ періодъ революционного подъема никакой самостоятельной роли. Послѣ 17-го октября положеніе дѣлъ круто измѣнилось. По мновеніи «дней свободы», въ теченіе которыхъ и П. П. С. могла дѣйствовать легально, на первый планъ польской національно-политической жизни выдвинулась національ-демократія, которая, легализовавшись, сразу же стала крупной силой, располагающей многочисленными кадрами дисциплинированныхъ членовъ, большими средствами, рядомъ влиятельныхъ органовъ печати и серьезными связями во всѣхъ безъ исключения слояхъ польского общества. Н. Д. очутилась въ положеніи партии, которая воспользовалась всѣми результатами революционной борьбы, не принимая въ ней никакого участія, между тѣмъ какъ ся революціонная соперница была лишена всего, что могло бы хоть до нѣкоторой степени уравнять шансы ея борьбы съ шансами легальнаго развитія Н. Д.

Итакъ, Н. Д. торжествовала побѣду, ни мало ей не содѣйствуя всей своей прежней дѣятельностью. Новые условія политической жизни Царства Польского въ высшей степени благопріятствовали ея пышному расцвѣту, и вскорѣ она оказалась полнымъ хозяиномъ положенія. Она оттѣсняетъ на задній планъ всѣ другіе не революціонные элементы польского общества и, провозгласивъ себя представительницей польской націи какъ цѣлаго, принимаетъ на себѣ обязанность добиться тѣихъ или другими средствами, съ одной стороны, автономіи Царства Польского, а съ другой — подавленія въ краѣ «анархіи», подъ которой разумѣется революціонное движение.

Такъ какъ Н. Д. суждено играть въ польской жизни первенствующую роль, то слѣдуетъ ознакомиться ближе съ эволюціей и современнымъ характеромъ этой партіи, не мало измѣнившейся въ теченіе 20-лѣтнаго существованія.

III.

Въ 1886 г. возникла среди польскихъ эмигрантовъ тайная революціонная организация, названная первоначально «Польской Лигой», впослѣдствіи же переименованная въ «Национальную Лигу». «Лига» поставила себѣ задачей подготовленіе нового восстанія съ цѣлью добиться государственной независимости Польши. Къ «Лигѣ» примкнули радикально-демократические и отчасти соціалистические элементы польской молодежи, недовольные космополити-

ческими тенденциями тогдашнихъ руководителей «Пролетаріата». Въ составъ «Лиги» вошли и народники, группировавшіеся вокругъ основанного въ 1886 г. въ Варшавѣ еженедѣльного журнала «Голосъ» (Glos) и возлагавшіе всѣ свои надежды на развитіе соціального и национального самосознанія польского крестьянства.

Моментъ, въ который начала дѣйствовать «Лига», какъ нельзя лучше благопріятствовалъ возрожденію революціонно-національныхъ стремленій на демократической подкладкѣ. Соціалистическое движение вступало въ эпоху продолжавшагося нѣсколько лѣтъ внутреннаго кризиса, вызванного не столько разгромомъ организаціи «Пролетаріата» *), сколько разочарованіемъ радикальной молодежи въ основныхъ положеніяхъ программы этой партіи. Туманныя фразы о близости революціонного, соціалистического переворота уже не могли увлекать молодежь — тѣмъ болѣе, что и русское соціально-революціонное движение, съ развитиемъ которого тѣсно связывались судьбы революціи въ Польшѣ, по всѣмъ признакамъ клонилось къ упадку. Пропаганда «Лиги» стала проникать въ Царство Польское тогда, когда въ польскомъ соціалистическомъ движениі, послѣ разгрома «Пролетаріата», господствовало полное затишье. Соціалистовъ по убѣжденіямъ было не мало, но что касается путей, по которымъ следовало до сихъ поръ соціалистическое движение въ Польшѣ, то на этотъ счетъ преобладалъ скептицизмъ, вскорѣ смѣнившійся лихорадочными поисками нового выхода.

Этимъ переходнымъ моментомъ воспользовалась «Лига», группируя вокругъ своего знамени массу радикальныхъ элементовъ, которые при другихъ условіяхъ неминуемо ушли бы въ соціалистическое движение. Присутствіе этихъ-то элементовъ въ организаціи «Лиги» обусловливало соціальный радикализмъ ея выступленій, носящихъ революціонно-патріотический характеръ. Однако, этотъ радикализмъ очень скоро начинаетъ блѣднѣть, и общій характеръ «Лиги» круто измѣняется — подъ давленіемъ новой силы, появившейся на аренѣ польской общественной жизни.

Этой силой была польская соціалистическая партія, которая сумѣла дать соціалистическому движению въ Польшѣ новую программу, слившую воедино соціально-экономическое стремленія пролетаріата съ его политическими и национальными интересами. Программа П. П. С. заключала въ себѣ требование государственной независимости Польши, какъ необходимой предпосылки, обусловливающей побѣду пролетаріата въ Польшѣ. Опираясь на почву классовыхъ интересовъ пролетаріата и стремясь къ независимости Польши въ интересахъ этого класса, П. П. С. въ то же самое время становилась національной партіей, влияние которой распро-

*) Судьба этой партіи охарактеризована мною въ статьяхъ «Вылого» (кн. IV и VI за 1906 г.).

странялось довольно далеко и въ круга ея непосредственного воздействія. Не покидая почвы классовыхъ интересовъ пролетаріата, П. П. С., благодаря своей національной программѣ, привлекала къ себѣ симпатіи тѣхъ элементовъ общества, которые были слишкомъ слабы для того, чтобы вести самостоятельно національно-политическую дѣятельность, но которые въ то же время готовы были поддерживать всякую группу, стремящуюся къ уничтоженію національного гнета. Такимъ образомъ, П. П. С. получила возможность привлекать къ себѣ ту интелигенцію, на которую до сихъ порь вліяла «Лига». Мало-по-малу самые радикальные элементы, входившіе въ кругъ вліянія «Лиги», покидаютъ ее, примыкая къ П. П. С., что вызвало довольно скоро полное исчезновеніе въ «Лигѣ» ея социалистическихъ и радикально-экономическихъ симпатій.

Программа основанной «Лигой» національ-демократической партии, обнародованная въ 1896 году, отражаетъ перемѣну состава сторонниковъ «Лиги». Ея радикализмъ — не только соціальный, но и политический — успѣлъ сильно поблѣдѣть, а въ органахъ національ-демократической партіи прежнія симпатіи «Лиги» къ соціализму замѣняются явно враждебнымъ отношениемъ къ П. П. С.

Поскольку моментъ выступленія на арену политической дѣятельности «Лиги» былъ для нея благопріятенъ, постольку условія конца девяностыхъ годовъ, когда организовалась національ-демократическая партія, ставили ее въ очень затруднительное положеніе. Радикальные элементы были для нея уже не доступны, вслѣдствіе быстро усиливавшагося вліянія П. П. С., а среди умѣренныхъ элементовъ польского общества господствовало настроение, весьма далекое отъ всего того, что имѣло анти-правительственный характеръ.

Смерть Александра III и начало нового царствованія вызвали оживленіе надеждъ на перемѣну положенія поляковъ въ Россії. Аристократія и крупная буржуазія, тянувшаяся за аристократіей, перешли отъ полной пассивности къ активной политикѣ примиренія («угоды») съ русскимъ правительствомъ. Эта политика велась такъ ловко, она была обставлена такъ эффектно, что даже люди, не сочувствующіе интригамъ и проискамъ «угодовцевъ», не хотѣли имъ мѣшать, полагая, что всетаки эта политика можетъ дать кое-какіе результаты. Понятно поэтому, что при такихъ условіяхъ задача Н. Д. не привлекала къ себѣ большой симпатіи среди умѣренныхъ, ожидавшихъ измѣненія судьбы польского народа не отъ подготовленій къ новому восстанію, а отъ милостей, дарованныхъ примирившемуся со своей судьбой польскому народу русскимъ императоромъ.

Только полное крушеніе «угоды», полное разочарованіе польского общества въ политикѣ примиренія съ русскимъ правитель-

ствомъ, наступившее въ началѣ текущаго столѣтія, дало новый, сильный толчекъ развитию Н. Д. И вотъ мы видимъ, какъ эта, ничтожная еще такъ недавно, группа превращается очень быстро въ крупную, влиятельную партію. Въ періодъ, не благопріятствовавшій ея росту среди интеллигенціи, Н. Д. направила свои силы въ деревню и завязала тамъ довольно широкія связи среди крестьянъ, не затронутыхъ соціалистической пропагандой, что ей очень пригодилось впослѣдствіи, такъ какъ представляя, благодаря этому, довольно серьезную политическую силу, она тѣмъ легче могла привлекать въ свои ряды недавнихъ сторонниковъ «угоды», когда послѣдняя оказалась совершенно дискредитированной.

Ряды Н. Д. очень быстро пополняются бѣглецами изъ-подъ знамени «угоды». Помѣщики, фабриканты-польски, значительное количество духовенства и, прежде всего, масса интеллигенціи — вотъ новые приобрѣтенія Н. Д., которые, укрѣпивъ ее материально, превратили ее въ очень влиятельную партію.

Конечно, наплыvъ въ ряды Н. Д. этихъ элементовъ долженъ былъ очень сильно повлиять на измѣненіе характера партіи и ея дѣятельности. Она должна была освободиться отъ остатковъ своего прежнаго демократизма и выдвинуть на первый планъ национализмъ въ качествѣ того цемента, который связывалъ бы представителей разнообразныхъ общественныхъ группъ и позволилъ бы имъ выступать согласно подъ однимъ общимъ знаменемъ.

Опираясь на помѣщиковъ, духовенство и фабрикантовъ, Н. Д., конечно, могла уже и мечтать о политикѣ восстанія. Она пускаетъ въ ходъ фразы о восстаніи только въ своихъ популярныхъ изданіяхъ, предназначенныхъ для крестьянъ; что же касается ея органовъ, издаваемыхъ для интеллигенціи, то въ нихъ всякая мысль о восстаніи осуждается самимъ рѣшительномъ образомъ. «Если бы всякая организація нелегальной дѣятельности фаталистически приводила къ восстанію, то, дѣйствительно, лучше слѣдовало бы приложить усилия къ тому, чтобы по возможности не выходить изъ легальныхъ рамокъ и воздержаться отъ всякой широко организованной тайной дѣятельности» — заявилъ центральный органъ Н. Д. «Всепольское Обозрѣніе».

Изъ партіи демократической Н. Д. превращается въ организацію для защиты классовыхъ интересовъ крупного землевладѣлія и фабрикантовъ. Въ ея изданіяхъ для крестьянства вы не встрѣтите никакихъ намека на эксплуатацию мужика или батрака помѣщикомъ. Все, что только могло бы вызвать антагонизмъ крестьянского населения къ помѣщикамъ, замалчивается самимъ тщательнымъ образомъ. За то на каждомъ шагу подчеркивается все, что можетъ быть истолковано въ пользу общности интересовъ всѣхъ слоевъ польского народа. Нестерпимый национальный гнетъ, дающій себѣ чувствовать всему польскому народу, былъ очень умѣло

использованъ Н. Д. для пропаганды «национального единства» и затменія классовыхъ противорѣчій *).

Къ началу русско-японской войны характеръ Н. Д. опредѣлился совершенно ясно. Отъ прежнихъ ея революціонныхъ и демократическихъ стремленій не осталось и слѣда. Она являлась чисто-націоналистической партіей, опирающейся на имущіе классы польского общества и дѣйствующей во имя этихъ интересовъ. Когда же наступилъ моментъ революціонного подъема, Н. Д. ринулась въ борьбу со всѣми революціонными элементами польского общества и прежде всего, конечно, съ П. П. С.

IV.

Воззваніе «Лиги» (представляющей собою руководящій органъ Н. Д.), изданное въ началѣ войны, говоритъ: «Эта война можетъ ускорить внутренній кризисъ и приблизить моментъ реорганизаціи политического уклада государства. Наступающій періодъ тяжкой борьбы на Востокѣ принудить его измѣнить политику по отношенію къ угнетаемымъ Россіей національностямъ, и специально къ нашей націи. Россіи придется считаться съ нами. Тогда отъ нашего поведенія, отъ нашего политического ума, отъ нашей рѣшительности и энергіи, отъ согласія въ нашихъ національныхъ рядахъ будетъ зависѣть судьба ближайшихъ польскихъ поколѣній. Ожидая этого, момента, мы должны зорко смотрѣть за поведеніемъ всего нашего общества, удерживать его отъ ложныхъ шаговъ и отъ всего того, что могло бы нарушить его равновѣсіе и такимъ образомъ уменьшить его силы. Такую роль играли бы въ теперешнемъ нашемъ положеніи всякія несвоевременные выступленія: не затруднія особенно правительства въ его военныхъ дѣйствіяхъ, они ввели бы только дезорганизацію въ собственные наши ряды. Первые попытки агитациі въ этомъ направленіи уже появились. Они будутъ, несомнѣнно, повторяться по мѣрѣ военныхъ неудачъ Россіи. Имъ слѣдуетъ противодѣйствовать всѣми силами. Мы не можемъ позволить ни того, чтобы *иностранные правительства* черезъ *своихъ агентовъ* вели нашъ народъ въ желательномъ для нихъ направленіи, ни того, чтобы хоть капля польской крови была пролита, благодаря безсмысленнымъ и бесполезнымъ выходкамъ собственныхъ нашихъ незрѣлыхъ элементовъ».

Это воззваніе «Лиги», такъ еще недавно слившій самой революціонной организаціей, снискало полное одобреніе «Варшавскаго Дневника», «Нового Времени» и т. п. органовъ печати, точно также оперировавшихъ фразами объ «агентахъ иностранныхъ правительствъ» и т. д. Н. Д. осталась вѣрной лозунгу, формулирован-

*) Подробно объ этой эволюціи Н. Д. я говорю въ своей книгѣ «Современная Польша и ея политическая стремленія». Спб. 1906 г.

ному «Лигой». Борьба съ революционными проявлениями польской жизни заняла центральный пунктъ въ ея дѣятельности.

Между тѣмъ, количество этихъ проявлений постепенно возвращало, при чёмъ усиливалась и ихъ интенсивность. Дѣятельность П. П. С. давала националь-демократамъ обильную пищу для антиреволюционной агитации, особенно съ осени 1904 г., когда манифестационное движение, организованное П. П. С., разлилось по всему краю, проникая въ самые отдаленные уголки Царства Польского и подготовляя народные массы къ более серьезнымъ выступлениямъ. Вооруженная демонстрация П. П. С. въ Варшавѣ на Гжыбовской площади (13-го ноября 1904 г.), вызвавшая сильное брожение среди рабочихъ и оппозиционной интеллигенции, вывела руководящие круги Н. Д. изъ себя. Ихъ органъ писалъ по поводу этой демонстрации, отбросивъ всякія дипломатическія фразы: «Дѣятельность П. П. С. въ послѣднее время производить такое впечатлѣніе, какъ будто ея направленіе зависитъ отъ какихъ-то косвенныхъ вліяній — *англійскихъ*, а можетъ быть даже *японскихъ*, отъ какихъ-то обязательствъ, съ которыми она принуждена считаться». Мы видимъ, что обвиненія, брошенныя въ лицо русскому освободительному движению «Московскими Вѣдомостями», были подхвачены Н. Д. и направлены противъ П. П. С.

Всеобщая забастовка, охватившая съ стихійной силой всѣ безъ исключенія польскіе города и промышленные центры послѣ петербургскихъ событий 9-го января 1905 г., вызвала новую мобилизацию силъ Н. Д. противъ революционного движения въ Польшѣ и, въ частности, противъ П. П. С. Борьбу съ послѣдней Н. Д. ведеть въ двухъ направлѣніяхъ. Во-первыхъ, она старается дискредитировать движение въ глазахъ интеллигенции, а затѣмъ возбудить противъ него темные массы, эксплуатируя ихъ религиозный фанатизмъ и расовую предубѣжденія. Для противодѣйствія революционному движению среди массъ Н. Д. создаетъ специальный «Национальный рабочій союзъ» изъ черносотенныхъ элементовъ.

Чтобы дискредитировать движение, Н. Д. старается распространять слухи о томъ, что оно является результатомъ интриги враждебныхъ польскому обществу элементовъ. По поводу январской забастовки «Всепольское Обозрѣніе» писало: «Пробуждать въ такой моментъ, какъ настоящий, классовую борьбу это значитъ ослаблять или уничтожать настоящую политическую дѣятельность. Это прямое преступление по отношению къ обществу, это дѣло *русскихъ агентовъ* или *невмѣняемыхъ личностей*». Забастовки сельскохозяйственныхъ рабочихъ, организованные П. П. С., по словамъ органовъ Н. Д., были вызваны *русскими шпіонами*. Это писалось для интеллигенции. Въ изданіяхъ же, предназначающихся для народныхъ массъ, Н. Д.ничѣмъ рѣшительно не стѣснялась. Вотъ, напр., что писалъ «Факель», органъ «Национального рабочаго союза»: «Въ настоящее время выгоднѣе всего для евреевъ, чтобы въ русскомъ

государствѣ господствовала постоянная смута. Они вызываютъ ее всегда тамъ, где ее легче всего вызвать: въ Польшѣ, на Кавказѣ и въ другихъ краяхъ, населенныхъ иерусинскими. Москали не поддаются, а мы становимся орудіемъ, защищающимъ еврейскіе интересы. Евреямъ все равно, господствуетъ ли въ нашемъ краѣ нужда или нѣтъ. Они надѣются, что правительство, устрашенное постоянными возмущеніями, дастъ имъ значительныя льготы, упразднитъ запрещеніе евреямъ жить въ Россіи, и тогда евреи пресколько уѣдутъ себѣ изъ нашего раззоренного и стонущаго подъ московскимъ гнетомъ края и разбѣгутся по всей Россіи». «Соціалисты служатъ московскимъ соціалистамъ и по первому кивку изъ Москвы или Петербурга готовы посыпать сотни поляковъ подъ московскія пули и сабли, готовы обрекать на голодъ и нужду все рабочее населеніе»—говорится въ одномъ изъ первыхъ воззваній «Национального рабочаго союза». «Они ненавидятъ церковь Христову и католическую религию»—говорить объ агитаторахъ П. П. С. туть же «Союзъ».

Н. Д. превратилась, въ концѣ концовъ, въ организацію, сплотившую всѣ контрь-революціонные элементы Польши. Однако, до 17-го октября для нея почти недоступна была легальная почва контрь-революціонной дѣятельности. Ее изданія печатались и распространялись по большей части нелегально, главные ея вожаки оставались эмигрантами, и правительственные власти относились къ нимъ, какъ, къ элементу революціонному. Послѣ 17-го октября положеніе Н. Д. круто измѣнилось. Правда, ея национальная дѣятельность, особенно въ деревнѣ, где Н. Д. организовала борьбу за фактическое осуществленіе юридически (т. е. на бумагѣ) существовавшаго равноправія польского языка въ гминномъ самоуправленіи, преслѣдовалась по прежнему; ея представителей уѣздныя власти сажали десятками въ кутузку, но это было уже совсѣмъ не то, что прежде.

Тѣ элементы дѣятельности Н. Д., которые съ точки зренія господствующей въ Царствѣ Польскомъ бюрократіи были революціонны, дѣйствительно подвергались стѣсненіямъ и преслѣдованіемъ. Пропаганда въ пользу замѣны русскихъ выѣсокъ польскими, бойкотъ руссификаторскихъ учебныхъ заведеній, требованіе автономіи—все это разсматривалось въ варшавскихъ канцеляріяхъ, какъ проявленіе «революціонного духа», какъ подготовка къ «отторженію Царства Польскаго отъ Россіи». Но все то, что исходило изъ лагеря національ-демокротовъ и направлялось противъ революціонного движения, могло распространяться совершенно безвозврѣди. Ежедневный органъ Н. Д. въ Варшавѣ, «Гонецъ» воспользовался «свободой печати», чтобы втолпать въ грязь своихъ политическихъ противниковъ, опять загнанныхъ въ подполье. На митингахъ и собраніяхъ въ провинціи, особенно въ маленькихъ мѣстечкахъ и въ деревняхъ, національ-демократы открыто возбуждали толпу къ избѣженію

социалистовъ, что и происходило кое-гдѣ спорадически. Одинъ изъ органовъ Н. Д., «Слово Польское», писалъ, что революціонное движение слѣдуетъ уничтожать «всѣми средствами, какими только располагаетъ общество, не отказываясь отъ самыхъ крайнихъ. Мы боимся возбуждать внутренніе раздоры, мы боимся, что вспыхнетъ братоубийственная война... Разложеніе, однако, распространяется все шире, оно проникаетъ все глубже въ самую сердцевину общества. Насталъ крайній моментъ, когда слѣдуетъ предпринять борьбу съ анархіей не на жизнь, а на смерть. Эта борьба должна быть безщадной, и намъ не нужно бояться, что это будетъ междуусобная борьба».

Такіе взгляды высказывались печатью Н. Д. въ самый разгаръ военного положенія. Сокрушить «анархію, т. е. подавить всѣ проявленіе революціонного духа, и гарантировать польскому обществу мирное развитіе подъ сѣнью хотя бы самой умѣренной конституціи, позволяющей надѣяться въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ на автономію Царства Польскаго—вотъ каковъ былъ лозунгъ Н. Д. въ это время. Онъ какъ нельзя лучше отвѣчалъ политическо-соціальнымъ взглядамъ тѣхъ сферъ, которые стали въ конституціонный періодъ главнымъ оплотомъ Н. Д., т. е. крупныхъ помѣщиковъ и фабрикантовъ, окончательно порвавшихъ всякия связи со штабомъ «угодовцевъ», превратившихся изъ сильной еще таѣ недавно партіи въ ничтожную группу, принявшую название «партии реальной политики».

Наканунѣ выборовъ въ Государственную Думу Н. Д. почти дошла до кульминаціонной точки своего развитія. Въ ея лагерь очутились всѣ элементы, враждебные революціонному движению какъ по политическимъ, такъ и по соціальнымъ соображеніямъ. Бессмысленные же преслѣдованія, направленныя противъ Н. Д. со стороны Скалона и всей мѣстной бюрократіи, окружили эту партію ореоломъ мученичества, привлекшихъ къ ней симпатіи и тѣхъ, кто не совсѣмъ мирился съ ея тактикой, но кто въ силу этихъ преслѣдованій видѣлъ въ ней носительницу національныхъ традицій и идеаловъ.

Оттѣснивъ на задній планъ «реальныхъ политиковъ», Н. Д. ринулась въ избирательную борьбу, не опасаясь конкуренціи ни съ чьей стороны.

Соціалистический лагерь занялъ чисто революціонную позицію, отвергая саму мысль объ участіи въ выборахъ, а «прогрессисты-демократы», попытавшіеся было выступить противъ Н. Д., были величиной настолько ничтожной, что Н. Д. совсѣмъ не приходилось съ ними считаться.

V.

Передъ выборами въ первую Думу въ русскую печать, вообще чрезвычайно плохо освѣдомленную относительно того, что происходит въ Польшѣ, проникли слухи о возможности побѣды «прогрессивно-демократической партії». Слухи эти были основаны на аналогіи. Въ Россіи побѣждали кадеты, съдовательно, въ Польшѣ должны были бы одержать побѣду «прогрессисты-демократы». Между тѣмъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, не было почвы для аналогіи между польскими и русскими отношеніями, такъ какъ, сообразно различію соціально-политическихъ условий, польская и русская партія очень мало другъ на друга похожи. Такъ, напр., мы напрасно искали бы среди русскихъ партій партію, соответствующую польской Н. Д., которая сплотила въ своихъ рядахъ элементы, входящіе въ Россіи и въ союзъ 17-го октября, и въ партію правового порядка, и въ «Союзъ русского народа», рядомъ съ элементами, родственными кадетамъ и партіи демократическихъ реформъ. Даже соціалистическая группы Польши весьма отличны отъ русскихъ С. Д. и С. Р. Что же касается «прогрессистовъ-демократовъ», то они, несмотря на свое тяготѣніе къ кадетамъ, и по существу и, особенно, по своей силѣ и значенію не занимаютъ въ польскомъ обществѣ того мѣста, которое выпало на долю кадетъ въ Россіи.

У польскихъ прогрессистовъ-демократовъ нѣть той традиціи, на которую могутъ опираться русские кадеты, бывшіе дѣятели земскаго либерального движенія, люди, которые сыграли въ освободительномъ движеніи послѣднихъ двухъ лѣтъ очень крупную роль. Польские «прогрессисты-демократы»—это группа, возникшая въ концѣ 1904 г., такъ сказать, изъ ничего. Первоначально это была кружокъ интеллигенціи, стоящій очень близко къ П. П. С. и оказывавшій ей нѣкоторыя услуги, не играя при этомъ никакой рѣшавшей роли. Вооруженная демонстрація на Гжабовской площади, организованная П. П. С. 13-го ноября 1904 г., дала первый толчекъ выдѣленію организованной группы П. Д. Колossalное впечатлѣніе, произведенное этой демонстраціей, вызвало известное броженіе среди тяготѣвшей къ соціализму интеллигенціи, которая рѣшила подготовить почву для реализаціи пріобрѣтеній революціоннаго движения.

Руководящая идея заключалась въ слѣдующемъ. Демонстрація на Гжабовской площади и послѣдовавшія затѣмъ аналогичные проявленія революціоннаго движенія указывали на то, что революціонной организаціи удастся въ недалекомъ будущемъ добиться кое-какихъ уступокъ отъ правительства. Между тѣмъ руководительница этого движенія—П. П. С.—является партіей «непримиримыхъ», она стремится къ созданію самостоятельной демократично-

ской республики. Конечно, этой цѣли въ самомъ ближайшемъ будущемъ достигнуть невозможно, поэтому слѣдуетъ выставить требованія, на осуществленіе которыхъ можно было бы надѣяться еще въ періодъ переживаемаго Россіей кризиса. Такимъ требованіемъ явилась автономія Царства Польскаго, выработанная учредительнымъ сеймомъ въ Варшавѣ, выбраннымъ на основаніи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

Въ качествѣ своей ближайшей цѣли и П. П. С. выставила учредительное собраніе въ Варшавѣ, но это требованіе было формулировано такъ, что изъ него можно было вывести и стремленіе къ полному отторженію Польши отъ Россіи. Формула П. Д. исключала такую постановку вопроса, высказываясь совершенно недвусмысльно въ пользу дальнѣйшей общей государственной жизни Царства Польскаго съ Россіей. Политическая программа П. Д. была, какъ мы видимъ, заимствована у П. П. С. и только пріурочена къ требованіямъ ближайшаго момента. Въ силу этого она не могла пріобрѣсти себѣ сторонниковъ внѣ того круга радикальной интелигенціи, который тяготѣлъ къ П. П. С., но вмѣстѣ съ тѣмъ не принималъ активнаго участія въ ея дѣятельности. Этотъ кругъ былъ очень немногочисленъ, вслѣдствіе чего и П. Д. въ качествѣ самостоятельной организаціи оставалась очень слабой группой, которая если и имѣла извѣстное значеніе, то исключительно благодаря тому обстоятельству, что въ ея рядахъ очутились люди, пользующіеся вліяніемъ въ качествѣ крупныхъ литературныхъ силъ, какъ А. Свентоховскій, В. Сѣрошевскій. Какъ группа слабая, не опирающаяся на массы, прогрессивная демократія не могла играть самостоятельной политической роли. Въ своей тактикѣ она шла съ соціалистами и поддерживала ихъ стремленія по мѣрѣ возможности.

Однако, очень скоро между П. Д. и П. П. С. возникъ разладъ, который привелъ къ выходу изъ рядовъ первой людей, наиболѣе близкихъ ко второй (между прочимъ, В. Сѣрошевскаго, который въ первые «дни свободы» заявилъ о своей принадлежности къ П. П. С.) и вызвалъ среди П. Д. первые признаки «отрезвленія». Въ то время, какъ весь соціалистический лагерь рѣшилъ бойкотировать и Думу, и выборы въ нее, П. Д. заявили въ своихъ органахъ, что они примутъ участіе въ выборахъ.

Депутаты, посланные П. Д. въ Думу, должны были бы тамъ протестовать противъ ограниченного избирательного права, поддерживать русскихъ оппозиціонеровъ въ ихъ попыткахъ, направленныхъ къ преобразованію Россіи въ конституціонномъ духѣ, и заботиться, чтобы при такомъ преобразованіи государственного уклада Россіи Царство Польское получило автономію съ учредительнымъ сеймомъ для мѣстныхъ дѣлъ. Въ случаѣ, если бы депутатамъ П. Д. не удалось добиться такой автономіи для Царства Польскаго, они должны были покинуть Думу.

Такая постановка дѣла вызвала раздраженіе среди бойкотировавшихъ Думу соціалистическихъ партій, которыхъ обрушились на прогрессивныхъ демократовъ, называя ихъ «измѣнниками», «сторонниками контрь-революціи» и т. д. Это, а еще больше сознаніе полнаго безсилія, заставило П. Д. отказаться отъ участія въ выборахъ, при чёмъ отказъ былъ мотивированъ невозможностью вести избирательную кампанію при военномъ положеніи. Однако, не всѣ члены группы П. Д. такъ легко разстались съ надеждой увидѣть себя въ Таврическомъ дворцѣ. Отъ П. Д. отколодось нѣсколько лицъ, которыхъ рѣшили принять участіе въ выборахъ въ качествѣ совершение самостоятельной «партіи» — «Демократический Союзъ», — которымъ, впрочемъ, рѣшительно ничѣмъ не отличалась отъ П. Д., кромѣ своего личнаго состава. Извѣстія о побѣдахъ кадетъ въ Россіи поѣхствовали опьяняюще на П. Д. Они еще разъ мѣняютъ свое рѣшеніе и приступаютъ къ выборамъ.

И вотъ у Н. Д. появился соперникъ, впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно не опасный. На кого могли разсчитывать П. Д.? Соціалистические элементы, какъ христіанскіе, такъ и еврейскіе, бойкотировали выборы. Буржуазія, какъ крупная, такъ и мелкая, не говоря уже о помѣщикахъ, была въ лагерѣ Н. Д. Интеллигенція, примыкавшая непосредственно къ П. Д., была очень немногочисленна, да и она раскололась, потому что «Демократический Союзъ» выставилъ собственныхъ кандидатовъ. Среди крестьянъ у П. Д. не было никакихъ связей. Ихъ программа, составленная изъ общихъ прогрессивныхъ и демократическихъ фразъ, наврядъ ли могла увлечь кого-нибудь, стоящаго правѣе элементовъ, бойкотировавшихъ выборы. Единственная группа, на голоса которой могли разсчитывать П. Д. — это была та часть еврейскаго населенія, которая не бойкотировала выборовъ, какъ еврейскій пролетаріатъ, но не могла выбирать и національ-демократовъ, какъ явныхъ антисемитовъ. И вотъ П. Д. входятъ въ соглашеніе съ евреями, обязуясь поддержать кандидатуру еврея въ Варшавѣ, выбирающей двухъ депутатовъ.

Н. Д., указывая на фактъ союза П. Д. съ евреями, постарались выяснить его широкимъ кругамъ избирателей, какъ доказательство того, что прогрессисты-демократы «не хотятъ допустить выбора въ Варшавѣ поляка». Вмѣстѣ съ тѣмъ избирательная воззванія Н. Д. особенно въ провинціи, где не приходилось стѣсняться соображеніями, принимаемыми во вниманіе въ Варшавѣ, были полны антисемитскихъ выходокъ вплоть до угрозъ евреямъ погромами.

Въ самый день выборовъ Н. Д. мобилизовали свою «боевую организацію», которая угрожала револьверами и даже стрѣлами по тѣмъ, кто пытался нарушить «национальную гармонію», вліяя на избирателей въ неугодномъ для Н. Д. духѣ. Одинъ изъ соціалистическихъ агитаторовъ — Кулаковский — былъ убитъ на мѣстѣ за то, что онъ сорвалъ національ-демократическое воззваніе.

Много было избитыхъ. Впрочемъ, оказалось, что всѣ эти выходки были совершенно излишни, такъ какъ противники Н. Д. получили очень незначительное количество голосовъ даже въ Варшавѣ. Въ провинции победа Н. Д. была блестящей. Всѣ депутатскія полномочія Царства Польского очутились въ ея рукахъ, и она явилась въ Государственной Думѣ «единственной представительницей» польской націи.

Депутаты отъ Царства Польского (за исключеніемъ двухъ львовскихъ националистовъ отъ Сувалкской губ.) образовали въ Думѣ сплоченную, сильную своей дисциплинированностью фракцію «Польское Коло», соотвѣтствующее такимъ же организаціямъ въ вѣнскомъ и берлинскомъ парламентахъ. Въ составъ «Коло» вошли депутаты, кандидатуры которыхъ были подобраны руководящими органами Н. Д. такимъ образомъ, чтобы получилось впечатлѣніе, что «Коло» является дѣйствительно представительствомъ всего польского общества. Среди членовъ «Польского Коло» мы видимъ и магнатовъ вродѣ Замойскаго и Тышкевича, и средней руки помѣщиковъ, представителей буржуазіи и профессиональной интеллигентіи, наконецъ, священниковъ, крестьянъ и даже одного рабочаго. Подборъ былъ сдѣланъ очень умѣло. Однако, руководители «Лиги» позаботились и еще кое о чёмъ. Въ качествѣ кандидатовъ были выдвинуты люди средніе, рѣшительно ничѣмъ не выдающіеся. Среди членовъ «Коло» не было ни одного крупнаго политического дѣятеля. Это были лѣшки, безпрекословно исполнявшія распоряженія руководителей Н. Д. и дѣйствовавшія замѣчательно солидарно.

Роль «Польского Коло» въ Государственной Думѣ была довольно курьезна, такъ какъ случайная политическая коньюнктура заставляла его держаться образа дѣйствій, совершенно противорѣчащаго его внутреннему характеру. «Коло» было, въ сущности, представительствомъ крупнаго землевладѣнія по преимуществу. Всѣдѣствіе этого его естественными союзниками являлись группы правой, точно такъ же реакціонныя, какъ и подавляющее большинство членовъ «Кола». Между тѣмъ, родственные по духу послѣднимъ русскіе депутаты являлись принципіальными противниками автономіи Царства Польского. Всѣдѣствіе этого, польскимъ національ-демократамъ пришлось сблизиться съ кадетами, аграрный проектъ которыхъ вызывалъ искренній ужасъ въ большинствѣ членовъ «Кола». Мало того, «Коло» пыталось было заигрывать и съ «трудовиками».

Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что «Коло» должно было поддерживать кадеты, потому что только этимъ путемъ оно могло приобрѣсти влиятельныхъ союзниковъ по вопросу обь автономіи. Члены «Кола» были настолько дисциплинированы, что, несмотря на всю свою антипатію къ «бесмысленнымъ», «варварскимъ» (какъ писалъ ихъ органъ «Dzwon Polski») проектамъ ка-

деть по аграрному вопросу, они официаль но высказались въ пользу принудительного отчужденія помѣщичьей земли.

«Польское Коло» съ поразительной выдержаній симулировало искреннихъ союзниковъ кадетской оппозиціи въ Думѣ вплоть до ея разгона. И только тогда, когда дѣло дошло до подписей членовъ «Польского Кола» подъ выборгскимъ воззваніемъ, они решительно заявили, что дальше не пойдутъ рука обь руку съ кадетами.

VI.

Междудѣмъ, въ Царствѣ Польскомъ господствовало военное положеніе, затормазившее нормальную жизнь края, но совершилъ бессильное въ области противодѣйствія революціонному движению и проявленіямъ классовой борьбы, охватившей польскіе города и деревни.

И революціонное движение, и классовая борьба до крайности обострились. Стачечное движение—на этотъ разъ чисто экономическое по своему характеру—опять приняло громадные размѣры. Въ Варшавѣ и въ Лодзи, въ Домбровскомъ каменноугольномъ районѣ и въ восточной малопромышленной части Царства Польскаго забастовки охватываютъ десятки тысячъ ремесленныхъ и промышленныхъ рабочихъ. П. П. С., «Соціалъ-демократія Царства Польскаго» и «Бундъ» организуютъ эту борьбу съ одинаковой энергией. Кое-гдѣ рабочимъ удается добиться значительныхъ уступокъ, но кое-гдѣ фабриканты, объединившіеся въ «Союзъ промышленниковъ», рѣшаютъ не уступать и пускаютъ въ ходъ уже испытанное средство—локдаутъ. Въ Лодзи къ локауту то и дѣло прибегаютъ крупные промышленники, закрывая на недѣли и мѣсяцы фабрики и заводы. Это вызываетъ крайнее ожесточеніе головающей рабочей массы и въ результатѣ не рѣдко единичные случаи террористическихъ покушеній на фабрикантовъ, директоровъ фабрикъ и мастеровъ. Профессиональные союзы стараются урегулировать экономическую борьбу, но это не всегда удается—тѣмъ болѣе, что этимъ союзамъ приходится действовать нелегально въ виду военного положенія.

Весенняя забастовка сельскохозяйственныхъ рабочихъ, организованная П. П. С. въ тысячѣ слишкомъ помѣстій и закончившаяся либо полной, либо частичной побѣдой стачечниковъ, оживляетъ польскую деревню и заставляетъ помѣщиковъ сплотиться для противодѣйствія экономической борьбѣ сельского пролетариата. Возникаютъ сильные организаціи владѣльцевъ крупной земельной собственности, и отношенія между батраками и крестьянами еще больше обостряются.

Междудѣмъ революціонное движение, всецѣло воинственное въ подполье, не только не затихаетъ, но разгорается все сильнѣе и

сильнѣе. Несмотря на постоянные аресты, ряды руководителей движения несколько не рѣдѣютъ. Даже слабая, по сравненію съ П. П. С., «Соціалъ-демократія Царства Польскаго» замѣтно усиливается, распространяя свою организацію изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ на болѣе мелкіе и создавая нѣсколько регулярно выходящихъ нелегальныхъ органовъ печати. Что же касается П. П. С., то она развиваетъ поистинѣ изумительную дѣятельность въ этой области. Сѣть ея организацій охватываетъ самыя мелкія заходустные мѣстечки. Несмотря на всѣ ужасы военного положенія, ея организаціи по городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ развиваются вполнѣ правильно, воздѣйствуя на сотни тысячъ. «Работникъ», нелегальный центральный органъ П. П. С., издается въ Варшавѣ ежедневно и, несмотря на всѣ усилия властей, расходится въ 30.000 экземплярахъ. Кроме «Работника», П. П. С. издаетъ нелегально около полутора десятка мѣстныхъ органовъ печати въ Лодзи, Домбровѣ, Радомѣ, Сѣдлецѣ, Люблинѣ, Калишѣ и т. д., на польскомъ языке, по-нѣмецки (для лодзинскихъ нѣмецкихъ рабочихъ) и на еврейскомъ жаргонѣ, а также по-русски («Солдатская Доля»). Нелегальные митинги, конференции, сѣзды и т. д. стали обычнымъ явленіемъ. Вмѣсть съ тѣмъ разгорается террористическая борьба, которая принимаетъ массовый характеръ. Факты избиенія шпионовъ и полицейскихъ чередуются съ покушеніями на должностныхъ лицъ, организованными нападеніями на правительственные кассы, поѣзда, везущіе казенные деньги, и т. д. Боевые дружины П. П. С. дѣйствуютъ при этомъ съ поразительной организованностью, съ чисто военной выправкой, по тщательно выработанному плану, снабженные въ достаточномъ количествѣ оружиемъ и взрывчатыми снарядами.

Все это свидѣтельствуетъ, что о замиреніи края не могло быть и рѣчи. Всѣ усилия русскихъ властей въ этомъ направленіи оказались совершенно бесплодными. Мало того, отъ ихъ вниманія, направленного исключительно на искорененіе революціонеровъ, совершенно ускользнуло развивающееся не по днямъ, а по часамъ разбойничество, принявшее во многихъ мѣстностяхъ колоссальные размѣры. Вооруженные бандиты, среди бѣла дня нападающіе на усадьбы помѣщиковъ, дома священниковъ, всякия кассы и частныхъ лицъ, стали въ Царствѣ Польскомъ чѣмъ-то совершенно обычнымъ, а населеніе, лишенное возможности защищаться отъ нападеній, вслѣдствіе запрета имѣть оружіе, явилось безсильной жертвой этихъ шаекъ, прикрывающихся силою и рядомъ фирмами революціонныхъ партій.

Обострившаяся классовая борьба въ городахъ и деревняхъ, ростъ революціоннаго движения, экономический кризисъ, ужасъ военного положенія и развитое разбойничество — все это создало условія, въ высшей степени тягостныя для большинства населения. На почвѣ этихъ условій возникаетъ реакція значительной части

польского общества противъ революціи и революціонныхъ партій. П. Д. открыто выступаетъ противъ этихъ послѣднихъ и окончательно порываетъ всякую связь съ ними. Въ органѣ Свентоховскаго — «Pravda» — попадаются статьи, которыхъ съ торжествомъ перепечатываются изданія Н. Д. Не переставая враждовать съ послѣдней и подвергать рѣзкой критикѣ ея дѣятельность, прогрессисты-демократы, тѣмъ не менѣе, сближаются съ ней на почвѣ осужденія непримиримо-революціонной тактики П. П. С., а правое ихъ крыло въ лицѣ «Демократического Союза», переименовавшагося въ «Польскую прогрессивную партію», образовало группу, переходную между П. Д. и Н. Д.

Прогрессисты, слишкомъ слабые для того, чтобы соперничать съ Н. Д. на политическомъ поприщѣ, взялись — вмѣстѣ съ некоторыми, тяготѣющими къ соціализму элементами — за культурную работу, противопоставляя національ-демократическимъ организаціямъ собственный.

И слѣдуетъ замѣтить, что и въ этой области Н. Д. дѣйствовала и дѣйствуетъ съ большой энергией. Подъ ея патронатомъ возникла «Школьная Матица» — учрежденіе, задачей которого является организація частныхъ польскихъ народныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній, вмѣсто бойкотируемой правительственной russifikatorской школы. «Школьная Матица» привлекла къ себѣ симпатіи громаднаго круга лицъ, какъ первое предпріятіе въ этомъ родѣ. Отдѣленія «Матицы» стали возникать повсюду, не исключая самыхъ захолустныхъ мѣстечекъ. Въ ихъ организаціи приняли самое живое участіе помѣщики и духовенство. Явились крупныя средства, и дѣло созданія частныхъ польскихъ народныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній оказалось поставленнымъ на широкую ногу. Несмотря на всѣ стѣсненія, которыми сопровождается каждый шагъ «Матицы», ей удалось создать рядъ гимназій и реальныхъ училищъ, множество народныхъ школъ, дѣтскихъ пріютовъ, библіотекъ и читалень, курсовъ для рабочихъ, дополнительныхъ курсовъ для взрослыхъ и т. д. Понятно, забравъ въ свои руки дѣло народнаго просвѣщенія, Н. Д. постаралась придать ему свойственный партіи характеръ, обеспечивъ, между прочимъ, за католическимъ духовенствомъ сильное влияніе на школы «Матицы».

Прогрессисты противопоставили «Матицѣ» организацію «Свѣтъ», которая задалась аналогичными цѣлями. Параллельно съ созданными «Матицей» курсами для взрослыхъ — неграмотныхъ и народными университетами возникли такія же организаціи подъ эгидой прогрессистовъ. И въ этомъ отношеніи ими сдѣлано не мало. Затѣмъ они создали «Общество высшихъ научныхъ курсовъ» — суррогат частнаго польского университета и частнаго польского политехническаго института. Не располагая и горсткою опытныхъ политиковъ, прогрессисты, какъ культурные дѣятели, могли противопоставить Н. Д. фалангу серьезныхъ работниковъ. Они успешно борются съ

клерикализмомъ Н. Д., съ ихъ заскорузлыми взглядами въ области народного просвѣщенія и т. д. Цѣлый рядъ варшавскихъ и провинциальныхъ органовъ прогрессистовъ нейтрализируетъ вліяніе Н. Д., распространяющеся самыми разнообразными путями.

Помѣщики, примыкающіе къ Н. Д., энергично занялись организацией «земледѣльческихъ кружковъ» по образцу познанскихъ и галицкихъ, привлекая этимъ путемъ на свою сторону зажиточныхъ крестьянъ. Земледѣльческие кружки, организуя самопомощь крестьянства на почвѣ экономической жизни, сближаютъ ихъ съ помѣщиками, являющимися пионерами хозяйственного прогресса зажиточного крестьянства, ихъ инструкторами въ области улучшенія методовъ земледѣлія, скотоводства, мелкой торговли и т. д. Этимъ путемъ Н. Д. создаетъ въ зажиточномъ крестьянствѣ сильный оплотъ противъ соціалистическихъ идей, распространяющихся среди бѣднаго крестьянства и сельского пролетариата. Извъ этой сферы зажиточныхъ крестьянъ вышли крестьяне-депутаты первой Думы, Мантерысъ и Наконечный.

Національ-демократы организовали гимнастическое общество «Соколь» — тоже по образцу галицкаго и познанскаго, задачей котораго, кроме физическихъ упражнений, было образовать кадры дисциплинированныхъ дружинниковъ, готовыхъ силой содѣйствовать распространенію вліянія Н. Д. «Соколь» долженъ былъ стать легальной организацией, аналогичной нелегальному «Національному рабочему союзу», представляющему нѣчто въ родѣ милиціи Н. Д. «Соколь» вскорѣ былъ закрытъ правительствомъ на все время существованія военного положенія въ Царствѣ Польскомъ, но это не помѣщало, конечно, организаціи боевыхъ дружинъ Н. Д. въ иныхъ формахъ.

Н. Д., согласно своему плану, занялась искорененіемъ «крамолы» въ Царствѣ Польскомъ во всѣхъ ея видахъ. Для борьбы со стачечнымъ движениемъ Н. Д. отдаетъ въ распоряженіе фабрикантовъ и помѣщиковъ свои боевые дружины. Послѣднія исполняютъ службу стражи, не допускающей въ фабрики и деревни соціалистическихъ агитаторовъ, разгоняя соціалистические митинги, нападая на рабочихъ-соціалистовъ и силой удаляя ихъ съ фабрикъ. Во всемъ Царствѣ Польскомъ, а особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ Н. Д. удалось пріобрѣсти вліяніе, фабриканты массами разсчитываютъ рабочихъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ соціалистическихъ организаціяхъ. Разсчитанныхъ рабочихъ силой удаляютъ боевые дружины и «Соколы» Н. Д. Пабяницы, Озерковъ, Домброво, Заверце, Сосновицы и особенно Лодзь являются ареной кровопролитныхъ стычекъ на этой почвѣ, такъ какъ рабочие-соціалисты въ отместку удаляютъ изъ фабрики членовъ «Національного рабочаго союза». Эта междуусобная борьба, вызванная Н. Д., ведеть къ такимъ послѣдствіямъ, какъ, напр., закрытие всѣхъ фабрикъ въ Люблинѣ до тѣхъ поръ, пока удаленные «на-

циональные рабочие» не были допущены социалистами обратно на работу.

Аналогичные явления происходят и по деревнямъ, гдѣ отряды националь-демократическихъ дружинниковъ стрѣляютъ по бастующимъ батракамъ. По отношенію къ симпатизирующей соціализму интелигенціи практикуется систематический бойкотъ. Съ фабрикъ, заводовъ, помѣщичьихъ экономій и лѣсничествъ интелигенты-социалисты удаляются десятками подъ давленіемъ Н. Д., старающейся повсюду провести своихъ сторонниковъ.

Въ борьбѣ съ соціализмомъ и социалистами Н. Д. не гнушается ничѣмъ. Ея органъ «Dzwon Polski» пишетъ откровенно: «Отношеніе социалистическихъ партій къ обществу не будетъ отношеніемъ лагеря, ведущаго политическую борьбу съ другими лагерями, это будетъ отношеніе людей, которые нравственно оторвались отъ общества, какъ отрывается отъ нея ренегатъ или обыкновенный злодѣй». Выведя такимъ образомъ за национальные скобки социалистовъ, Н. Д. пользуется противъ нихъ всѣми ей доступными средствами— вплоть до доноса. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу здѣсь отрывокъ изъ статьи «Слова Польского» (№ 433 т. г.), одного изъ главныхъ органовъ Н. Д., издающагося во Львовѣ. Эта статья заключаетъ въ себѣ двойной доносъ: на эмигрантовъ изъ Царства Польского въ Галицию и на австрійскихъ чиновниковъ, якобы поддерживающихъ революціонное движение въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ что пишетъ «Слово Польское»:

«По отношенію къ революціонному движению въ русскомъ государствѣ австрійская бирократія сыграла весьма двусмысленную роль. Доставка въ огромномъ количествѣ оружія въ Царство Польское и въ Россію производилась черезъ Галицию. Черезъ Подволочискъ прошелъ транспортъ пулеметовъ. Правительственные фабрики продавали оружіе и патроны въ количествѣ, доказывающемъ, что это не частные заказы. Во Львовѣ происходитъ съѣздъ польскихъ революціонеровъ при участії около двухсотъ лицъ. Совѣщанія съѣзда продолжаются цѣлую неделю, а то, пожалуй, и дольше, они происходятъ въ публичномъ зданіи, о нихъ громко разсуждаютъ политические сплетники по кофейнямъ, только поліція ничего объ этомъ не знаетъ и узнаетъ только спустя нѣсколько недѣль. Если этотъ недостатокъ въ любопытствѣ сопоставить съ фактомъ (!), что на этомъ конгрессѣ было ассигновано 10.000 кронъ для «снисканія» чиновниковъ и агентовъ поліціи, поневолѣ возникнуть разныя подозрѣнія. Послѣднія находятъ подтвержденіе въ известныхъ фактахъ, что при перевозкѣ оружія революціонерамъ дѣятельно помогали даже жандармы и особенно финансовые стражники, послѣдніе формально принадлежать къ социалистической организації».

Когда этотъ неслыханный документъ (написанный г. Романомъ Димовскимъ, самымъ виднымъ руководителемъ Н. Д.) былъ встрѣ-

чевъ взрывомъ негодованія въ соціалистической печати, варшавскій органъ Н. Д. отвѣтилъ цинично въ редакціонной статьѣ: «Тутъ ничего не помогутъ патетическая нареканія и лицемѣрное негодованіе. Вы, господа, можете кричать сколько угодно о доносахъ и слѣженіи за вами. А мы, несмотря на все это, не перестанемъ смотрѣть вамъ на пальцы и парализовать ваши руки, какъ мы это вотъ уже больше 20 лѣтъ дѣлаемъ».

Крайне реакціонная по своему существу, Н. Д. въ тоже самое время не перестаетъ быть партіей анти-правительственной, что привлекаетъ къ ней малосознательные политические элементы и изъ числа тѣхъ, которые не нуждаются въ услугахъ Н. Д. въ области защиты классовыхъ привилегій. Борьба съ русификаціей и национальнымъ гнетомъ, проповѣдуемая Н. Д.— вотъ что позволяетъ ей оказывать влияніе и на тѣ сферы, которыхъ стоять въ сторонѣ есть главного оплота Н. Д.— помѣщиковъ и фабрикантовъ. Если послѣдніе поддерживаютъ Н. Д. въ качествѣ защитницы ихъ классовыхъ интересовъ, то крестьяне и рабочіе, а также интеллигентія, входящая въ кругъ влиянія національ-демократовъ, идутъ за ней, какъ за той силой, которая стремится уничтожить все то, что мѣшаетъ нормально развиваться польскимъ національнымъ силамъ.

VII.

Если Дума вообще не вызывала въ Польшѣ того интереса въ широкихъ слояхъ населения, какъ это было въ Россіи, то въ частности рабочій классъ относился къ ней съ совершеннымъ равнодушіемъ и съ явной непріязнью, объясняющейся распространениемъ того отрицательнаго взгляда на Думу, который высказывали въ Польшѣ всѣ безъ исключенія соціалистическая организація. «Дума царскихъ кадетовъ и польскихъ хулигановъ», какъ ее честила «Соціаль-демократія Царства Польскаго и Литвы» или «Казацкая Дума», какъ выражались органы П. П. С., была крайне непопулярна среди польскихъ рабочихъ массъ, и такой она осталась вплоть до разгона. Польскій пролетаріат глубоко проникся убѣжденіемъ, что никакая Дума не дастъ ему ничего, и что онъ долженъ стремиться къ осуществленію своихъ цѣлей путемъ революціонной борьбы. И мы видимъ, что это борьба, уже въ теперешней фазѣ (которую революціонныя организаціи разсматриваютъ какъ только подготовительную) приняла весьма оstryя формы...

Насколько проникло боевое настроеніе въ широкіе рабочія массы, показываютъ октябрьскія события въ Лодзи и другихъ городахъ лодзинскаго округа. Узнавъ, что по приговору военно-полевого суда расстрѣляно нѣсколько человѣкъ, принадлежавшихъ къ боевой организаціи, рабочіе Лодзи стихійно, безъ всякаго участія партій, бросаютъ работу, и стотысячная масса Лодзи, Пабьяницъ, Згержа,

Здуньской Воли бастует илько дні въ знакъ протеста. Всѧ жизнь Лодзи замираетъ. Магазины по требованію рабочихъ закрываются, конки и извозчики исчезаютъ. Толпа трижды выкапывается разстрѣянныхъ товарищъ. И все это происходит на виду у солдатъ, казаковъ и властей, совершенно безсильныхъ передъ такими стихийными проявленіями.

Конечно, при такомъ настроеніи рабочихъ массы не можетъ быть и рѣчи объ увлечениіи выборами въ Думу. Если бы еще эти выборы давали возможность появиться въ Думѣ сильному отряду депутатовъ, выражавшихъ истинные взгляды и действительное настроение рабочихъ, тогда, быть можетъ, послѣдние и призадумались бы надъ цѣлесообразностью измѣненія тактики. Но это, особенно послѣ пресловутыхъ сенатскихъ «разъясненій», дѣло совершенно невозможное, и П. П. С., отражающая настроеніе широкихъ массъ пролетаріата, опять провозгласила полное воздержаніе отъ выборовъ.

«Соціаль-демократія Царства Польскаго и Литвы», слившася недавно съ Россійской С. Д. Р. партіей, рѣшила подъ вліяніемъ русскихъ товарищъ принять участіе въ избирательной борьбѣ, во и она по прежнему настаиваетъ на томъ, что отъ Думы ждать нечего, что избирательной борьбой слѣдуетъ воспользоваться для революціонныхъ цѣлей. И только такая, довольно софистическая, постановка дѣла спасаетъ С. Д. Ц. П. и Л. отъ перспективы быть покинутой и тѣми рабочими, которые до сихъ порь шли за ней.

Соціаль-демократія составила блокъ съ «Бундомъ», а кое гдѣ и съ сіонистами-соціалистами, приобрѣтающими въ послѣднее время довольно сильное вліяніе на еврейскія массы — особенно въ мелкихъ городахъ. Эти три партіи, соединясь, надѣются провести своихъ кандидатовъ въ выборщики, главнымъ образомъ въ Лодзи и въ Варшавѣ, где еврейское населеніе по своей многочисленности играетъ видную роль — тѣмъ болѣе, что оба эти города выдѣлены въ самостоятельные округа. О шансахъ на успѣхъ этого блока трудно сказать что нибудь опредѣленное, такъ какъ онъ выдвигается на арену впервые. Кроме того, его успѣхъ или неуспѣхъ зависитъ отъ цѣлаго ряда обстоятельствъ, учетъ которыхъ въ данный моментъ невозможенъ: отъ той позиціи, какую займетъ правительственный власти, отъ тактики широкихъ слоевъ еврейскаго населенія, отъ поведенія прогрессистовъ и, наконецъ, отъ образа дѣйствій Н. Д.

Если мы оставимъ въ сторонѣ технику правительственныхъ властей, то намъ придется признать въ Н. Д. самый вліятельный факторъ въ предстоящей избирательной борьбѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ общемъ исходъ выборовъ зависитъ отъ этой партіи. Она несомнѣнно окажется побѣдительницей и при новыхъ выборахъ, но весьма возможно, что составъ нового «Коло» будетъ илько отличаться отъ состава «Коло» распущеной Думы.

Дѣло въ томъ, что въ настоящее время Н. Д. поняла, что ~~ею~~ были допущены при послѣдніхъ выборахъ двѣ крупныхъ ошибки. Во-первыхъ, она не допустила въ Думу ни одного еврея, что ~~её~~ сильно скомпрометировало передъ лицомъ русскихъ прогрессивныхъ партій. Будучи по существу партіей антисемитской, Н. Д., однако, очень энергически откращивается отъ всякихъ обвиненій въ антисемитизмѣ, особенно «на людяхъ». И вотъ при предстоящихъ выборахъ она, вѣроятно, поспѣшить исправить свою ошибку, выставивъ гдѣ-нибудь—по всей вѣроятности въ Лодзи—кандидатуру еврея — конечно, вполнѣ ей угоднаго и вполнѣ надежнаго по своимъ національно-польскимъ убѣжденіямъ. А такой ходъ можетъ оказать большое вліяніе и на поведеніе избирателей евреевъ, распадающихся на цѣлый рядъ группъ—отъ «Бунда» и П. П. С. вплоть до «угодовцевъ». Очень многіе изъ нихъ, поддерживающіе теперь прогрессистовъ, какъ противниковъ антисемитизма Н. Д., несомнѣнно пойдутъ рука объ руку съ послѣдней, если она выставить кандидатуру еврея.

Вторая оплошность, которую совершилъ Н. Д., это было недопущеніе ею въ Думу представителей другихъ партій. Н. Д. постаралась, чтобы въ Думѣ были представлены всѣ слои и группы польской національности, но въ концѣ концовъ всѣ депутаты «Польского Кола» являлись представителями *одной* партіи, что опять-таки невыгодно отражалось на отношеніи къ «Колу» не польскихъ фракцій. И вотъ теперь въ печати, отражающей взгляды Н. Д., поднимается вопросъ, не было бы ли выгоднѣе для нея, какъ для партіи, если бы въ «Польскомъ Колѣ» рядомъ съ національ-демократами засѣдало известное количество представителей другихъ польскихъ партій. Вопрѣкъ этой, повидимому, разрѣшенъ уже въ утвердительномъ смыслѣ. Конечно, Н. Д. оговаривается, что она можетъ «впустить» въ «Польское Коло» угодовцевъ и прогрессистовъ только въ томъ случаѣ, если они подчинятся безпрекословно принципу національной солидарности, обязывающему всѣхъ членовъ «Кола» къ строгому исполненію воли большинства—т. е. иными словами, большинства національ-демократического.

«Реалисты», т. е. бывшіе угодовцы, склонны пойти на такой компромиссъ, дающій имъ возможность хоть этимъ путемъ проникнуть въ Думу. «Польская прогрессивная партія» тоже склоняется къ подобному компромиссу, какъ единственному способу сыграть хоть какую нибудь роль. Что же касается «прогрессивно-демократического союза», то онъ пока еще крѣпится, но его шансы такъ ничтожны, особенно въ случаѣ появленія еврейскихъ кандидатуръ Н. Д., что и онъ, по всей вѣроятности, въ концѣ концовъ не решиться отвергнуть предложения Н. Д.

Такимъ образомъ, въ ближайшей Думѣ возможно появленіе «Польского Кола», въ которомъ при подавляющемъ большинствѣ Н. Д. будетъ засѣдать нѣсколько представителей «реа-

жетовъ» и прогрессистовъ, и, вслѣдствіе этого, національ-демократы будуть имѣть возможность констатировать фактъ, что «Польское Коло» представляется волю не только всѣхъ общественныхъ группъ Царства Польскаго, но и всѣхъ ея «национальныхъ» партій. Игра стоитъ свѣтъ во всякомъ случаѣ.

Весьма возможно, что «Польское Коло» въ новой Думѣ значительно усилятся и по количеству своихъ голосовъ. Дѣло въ томъ, что въ распущенной Думѣ въ составѣ «Польского Коло» входили польские депутаты исключительно изъ Царства Польскаго въ то время, какъ поляки, выбранные въ Литвѣ и въ Украинѣ, составили т. н. «Территоріальное Коло»—организацію весьма неустойчивую, слабую, благодаря отсутствію внутренней сплоченности, и очень разношерстную. Достаточно сказать, что въ нее входили, съ одной стороны, поляки кадеты: Янчевскій и Ледницкій, а съ другой—такіе крайніе аграріи, какъ Скирмундъ и гр. Потоцкій. «Территоріальное Коло» было организаціей довольно неудачной и лишенной всякаго значенія въ Думѣ. Н. Д., которая и при первыхъ выборахъ агитировала въ пользу образованія одного «Польского Коло», въ составѣ которого вошли бы всѣ депутаты-польски, а не только избранные въ Царствѣ Польскомъ, воспользовалась фактомъ безсилія «Территоріального Кола» и въ настоящее время усиленно агитируетъ въ пользу осуществленія идеи единаго польского клуба въ Думѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что за послѣднее время Н. Д. пріобрѣла довольно значительное вліяніе и въ Литвѣ, и въ Украинѣ. Возрожденіе польского элемента въ этихъ двухъ провинціяхъ, гдѣ онъ еще не такъ давно считался совершенно нелегальнымъ, идетъ довольно быстрыми шагами. Въ Вильнѣ возникла польская печать, располагающая въ настоящее время пятью органами, въ томъ числѣ двумя для крестьянъ и однимъ для рабочихъ, возродился постоянный польскій театръ, образовался цѣлый рядъ польскихъ обществъ самого различного характера и т. д. То же самое наблюдается и въ Украинѣ. Н. Д. и въ Кіевѣ, и въ Вильнѣ издастъ влиятельные органы печати, успѣшно воздѣйствующіе на польское населеніе въ ея духѣ. Сторонники Н. Д. захватили въ свои руки цѣлый рядъ польскихъ культурныхъ организацій Литвы и Украины и, благодаря всему этому, а прежде всего, вслѣдствіе не перестающаго давать себя чувствовать полякамъ національного гнета, они оказываются постоянно усиливающееся вліяніе на политические взглѣды мѣстнаго польского общества.

Идея одного «Польского Кола» пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ, и если въ ближайшей Думѣ она еще не осуществится вполнѣ, то во всякомъ случаѣ известное количество польскихъ депутатовъ изъ Литвы и Украины присоединится къ депутатамъ отъ Царства Польскаго, усиливая ихъ такимъ образомъ количественно. А такъ какъ изъ Литвы и Украины войдутъ въ

Думу преимущественно аграріи, то, благодаря ихъ вступлению въ «Коло», консерватизмъ послѣдняго еще увеличится.

Подводя итогъ всему вышесказанному, можно рѣшить почти съ увѣренностью, что «Польское Коло» въ ближайшей Думѣ не будетъ ничѣмъ отличаться отъ «Польского Кола» въ распущенной. Что же касается тактики, то она будетъ зависѣть отъ общаго состава Думы. Если большинство въ ней будетъ прежнее, то «Коло» будетъ его поддерживать въ надеждѣ на получение изъ его рукъ автономіи. Если же перевѣсь окажется на сторонѣ правой, то «Польское Коло» ни на минуту не задумается надъ перемѣнной фронта и войдетъ въ соглашеніе со всякой партией, располагающей силой, поскольку она не будетъ явно антипольской.

Л. Василевский (Плохоцкій).

P. S. Послѣднія недѣли жизни русской Польши ознаменовались двумя важными событиями, изъ которыхъ одно будетъ имѣть рѣшающее влияніе на ходъ выборовъ въ Царствѣ Польскомъ. Я имѣю въ виду соглашеніе, въ которое вошли три польскихъ партіи: Н. Д., реалисты и польская прогрессивная партія (демократический союзъ тоже). Результатомъ этого соглашенія является образованіе центрального польского избирательного комитета по образцу существующихъ въ Галиціи и въ прусской Польшѣ. Соглашеніе заключено по почину Н. Д. Въ центральномъ избирательномъ комитетѣ, во главѣ которого стоитъ Генрихъ Сенкевичъ, за Н. Д. обеспеченье рѣшительный перевѣсь. Такимъ образомъ Н. Д., уступивъ реалистамъ и прогрессистамъ нѣсколько депутатскихъ полномочій, явится въ Думѣ полнымъ хозяиномъ «Польского Кола». Дѣло въ томъ, что три договаривающіяся партіи обязались войти въ лицѣ своихъ представителей въ «Польское Коло», безпрекословно подчиняющеся постановленіямъ большинства этого клуба, которое, несомнѣнно, будетъ националь-демократическимъ. Въ основу соглашенія положены регламентъ «Кола», устанавливающей полную солидарность всѣхъ его членовъ. Депутатъ, который выступилъ бы въ Думѣ противъ рѣшенія большинства «Кола», обязуется сложить полномочія.

Соглашеніе трехъ партій и образованіе центрального избирательного комитета, въ который входять и беспартійные элементы и евреи, наносить тяжелый ударъ прогрессивной демократіи. П. Д., благодаря налаживающемуся соглашенію еврейскихъ националистовъ съ Н. Д., лишается поддержки со стороны евреевъ. Такимъ образомъ, ея шансы на приобрѣтеніе хотя бы одного-двухъ депутатскихъ полномочій совершенно ничтожны. И это тѣмъ болѣе, что и соціал-демократія, и Бундъ рѣшили не входить въ блокъ съ П. Д.

Такимъ образомъ, будущее «Коло» въ новой Думѣ будетъ представлять изъ себя сплоченную националь-демократическую группу,

охватывающую железному кольцом солидарности немногочисленные реалистические, прогрессистские и еврейские элементы, которые войдут въ «Коло» подъ покровительствомъ Н. Д.

Другимъ важнымъ событиемъ является расколъ П. П. С., обнаружившійся на недавно состоявшемся IX-омъ съездѣ этой партии.

Результатомъ раскола явилось образование двухъ фракцій: «революціонной» («старые») и «умѣренной» («молодые»). Наблюдателямъ со стороны, какъ это бываетъ обыкновенно, довольно трудно разобраться въ принципіальныхъ причинахъ раскола. Обѣ фракціи въ одинаковой мѣрѣ стоять принципіально на почвѣ никакимъ създомъ не отмѣненной программы 1892 г., ставящей цѣлью партіи независимую демократическую республику. Обѣ фракціи заявляютъ, что въ данный моментъ онѣ не выставляютъ требованія полнаго отдѣленія отъ Россіи, а только самой широкой автономіи, установленной варшавскимъ учредительнымъ собраніемъ по соглашенію съ петербургскимъ. Не расходятся онѣ и во взглядахъ на средства достижения этой цѣли.

Наконецъ, обѣ фракціи настаиваютъ на полной солидарности съ русскимъ освободительнымъ движениемъ и на необходимости координированія силъ Польши съ Россіей *). Точно такъ же по вопросу обѣ отношеніи къ Думѣ обѣ фракціи стоять на почвѣ безусловного бойкота выборовъ. Различие во взглядахъ представителей обѣихъ фракцій объясняется главнымъ образомъ личнымъ составомъ каждой изъ нихъ. «Молодые»—это въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ чистые соціалъ-демократы, приближающіеся къ типу «меньшевиковъ». «Старые» напоминаютъ скорѣе нѣчто среднее между «большевиками» и «соціалистами-революціонерами». Ближайшимъ поводомъ къ расколу послужило устраненіе изъ партіи ея боевой организаціи, которая, безъ позволенія центральнаго рабочаго комитета партіи, произвела известное нападеніе на поездъ на станціи Рогово.

Л. В. (П).

*.) См. «Наше отношеніе къ русскому движению» въ № 201 «Robotnik'a» (орг. революц. фракціи).

«Локаутъ» въ Вервье.

(Письмо изъ Бельгии).

Еще не такъ давно русскій читатель искалъ въ газетахъ и журналахъ преимущественно заграничныхъ извѣстій. Въ то блаженное время, когда все обстояло благополучно, онъ быстро пропагалъ глазами безконечный рядъ свѣдѣній о благодарственныхъ молебнахъ, о прибытіи и отбытіи высокопоставленныхъ особъ и тому подобное, пока не находилъ какихъ нибудь отрывковъ рѣчей политическихъ борцовъ или хотя бы и затушеванныхъ картинъ иной, свободной жизни... Не то теперь: внутренняя борьба, не на животъ, а на смерть, поглощаетъ все вниманіе читателя... Острая злоба дня, кровавыя картины переживаемаго страною критического момента заслоняютъ и отодвигаютъ на задній планъ то, что происходит на далекомъ Западѣ.

Но это не значитъ, конечно, чтобы событія европейской жизни могли потерять жизненный интересъ и значеніе для русскаго читателя.

Думаю, что не лишенъ будетъ такого интереса и тотъ небольшой эпизодъ великой борьбы за освобожденіе труда, которому посвящено настоящее письмо.

Въ маленькой Бельгіи, подъ безпрерывный грохотъ выстрѣловъ и лопающихся снарядовъ большой Россіи, тоже шла борьба... мало замѣтная для поверхностнаго взгляда, но глубоко поучительная. И здѣсь люди боролись за возможность свободно дышать и имѣть насущный кусокъ хлѣба. Капиталъ и трудъ воевали между собою съ неравными силами... Могущественный капиталъ властно выбросилъ на улицу около 25,000 человѣкъ, поставивъ имъ на выборъ или беспрекословное подчиненіе ему—господину, или голодную смерть... И эти люди, съ ихъ женами и дѣтьми скорѣе готовы глядѣть въ глаза голодной смерти, чѣмъ отказаться отъ правъ человѣка. Борьба завязалась... Ужасная въ своей простотѣ: подчинись или умриай,—она прикрыта была мудренымъ, ученымъ словомъ «локаутъ»... Подъ этимъ именемъ: «Локаутъ въ Вервье» въ ежедневной прессѣ потянулся цѣлый рядъ извѣстій... какое скромное названіе!.. Но Бельгія поняла смыслъ этого названія и раздѣлилась на двѣ стороны: одна—меньшая стала за капиталъ, большая, рабочая и соціалистическая Бельгія—за трудъ... На призывъ о помощи голодающимъ со всѣхъ сторонъ отвѣтили однимъ желаніемъ—помочь во что бы то ни стало... Зазвучали рѣчи о братской солидарности, зазвенѣли деньги въ кружкахъ сбор-

щиковъ, голодные дѣти цѣлыми поѣздами развозились по городамъ Бельгии, изъявившими желаніе пріютить малышей... Вотъ посмѣтите!.. Десятитысячная толпа въ Брюсселѣ вышла встрѣтить приѣжающихъ изъ Вервье дѣтей... Они должны пріѣхать въ 7 часовъ вечера... Теперь уже половина восьмого: поѣзд опаздываетъ... Но толпа спокойно ждетъ... Плакаты свернуты, красный знамена неподвижно висятъ, музыканты переговариваются между собою... Но вотъ толпа вздрогнула... Всѣ потянулись взглянуть на голодныхъ дѣтей. Блѣдныя, худыя, оторванные отъ родителей и привычной обстановки, они стояли, взявшись за руки... Толпа двинулась... Колыхнулись красный знамена, развернулись плакаты, музыка звиграда, толпа запѣла «интернаціональ»... Солидные полисмены съ улыбкою охраняютъ порядокъ... Трамваи остановились на поль-пути и всюду—люди, люди... Они въ окнахъ домовъ, на стѣнахъ улицъ, на крышахъ трамваевъ... А толпа мѣрно колышется, мѣрно поетъ свой гимнъ, мѣрно идутъ малыши... Вотъ и «Народный Домъ»... Въ немъ происходило «распредѣленіе» дѣтей. Это не аукціонъ, это новое явленіе современной жизни—«усыновленіе». Зала переполнена взрослыми людьми и дѣтьми. Кто-то выкрикиваетъ имена новыхъ родителей и новыхъ дѣтей... Но что это такое? Почему вся зала такъ неудержимо апплодируетъ? Неимовѣрно толстая и румяная женщина важно шествуетъ среди зала къ выходу, ведомая подъ руки только что полученными сыновьями... А вотъ въ отдѣльной комнатѣ блѣдный, какъ полотно, миловидный ребенокъ; съ нимъ сдѣлалось дурно. Около него нѣжно хлопочутъ усыновители, отецъ и мать съ ихъ собственными малютками...

Неудивительно, что эта солидарность и только она одна заставила могущественный капиталъ пойти на уступки. Для разрешенія конфликта была образована смѣшанная комиссія изъ делегатовъ патроновъ и рабочихъ. 30-го октября по новому стилю делегаты подписали «договоръ о мирѣ». Всѣ вздохнули свободно... Но едва рабочие делегаты успѣли сообщить своимъ условіемъ мира, какъ онъ едва не былъ опять нарушенъ.

Наиболѣе могущественная рабочая организація—федерациія чесаной шерсти—отказалась ратифицировать договоръ своего делегата, и 5-го ноября—день, назначенный для возобновленія работъ согласно договору,—она не вышла на работу. Патроны отвѣтили угрозою нового общаго локаута на случай невозобновленія работы съ 7-го ноября всѣми рабочими. Федерациія чесаной шерсти стояла на своемъ, указывая, что она не была заинтересована въ конфликѣ, что она сѣвла за это время половину своего запасного капитала (100,000 франковъ) и что по договору она лишилась нѣкоторыхъ преимуществъ. Возстановленіе этихъ преимуществъ было выставлено, какъ необходимое условіе возобновленія работъ федераціей чесаной шерсти, и 7-го ноября она не вышла также на работу... Дѣло могло погибнуть... Патроны еще разъ отложили...

Рабочіе другихъ федерацій настаивали на подчиненії договору. 9-го ноября федерація чесаной шерсти приступила къ окончательному голосованію, отъ результата которого зависѣло многое въ дальнѣйшей борьбѣ рабочаго за свои права. Въ этомъ голосованіи должна была сказаться солидарность рабочихъ и пониманіе важности классового интереса надъ собственнымъ, частнымъ. Изъ 1085 подавшихъ голоса 727 противъ 314, при 14 воздержавшихся, высказались за возобновленіе работъ... Солидарность восторжествовала и линій разъ подчеркнула организованность рабочихъ въ Вервье. Вмѣстѣ съ этимъ кончился конфликтъ. Потѣда, наполненные дѣтьми, возвращаются ихъ въ Вервье торжествующими родителямъ...

Не трудно понять, какой общий интересъ имѣть эта схватка капитала съ трудомъ, строго организованная на широкомъ полѣ борьбы капиталистической и рабочей федерацій. Для Бельгіи ея значеніе неизмѣримо: она объединила рабочія массы Бельгіи подъ однимъ знаменемъ братской солидарности: одинъ за всѣхъ, всѣ за одного, она научила пониманію классового интереса. Но значеніе ея не ограничивается этимъ. Условія мира (коллективный контрактъ, примирительная комиссія) должны еще сыграть свою роль въ будущемъ.

Въ виду всего сказанного необходимо познакомиться съ подробностями только что закончившійся борьбы: уяснить ея причины и поводы, условія и послѣдствія, а также дать оценку достигнутыхъ результатовъ.

Вервье—главное мѣсто округа шерстяной бельгійской индустрии, имѣющаго болѣе 46.000 жителей. Около Вервье группируются до 30 коммунъ, болѣе или менѣе значительныхъ, занимающихся тѣмъ же трудомъ. Болѣе 100 миллионовъ килограмовъ шерсти изъ разныхъ странъ свѣта ввозится въ Бельгію на сумму въ 175 миллионовъ франковъ. При такомъ производствѣ очевидно, что машина убила ремесло, и человѣкъ сталъ лишь частицею машины. Бывшаго ремесленника смѣнилъ пролетарій. Этотъ пролетарій, спасая себя отъ гибели, началъ организовываться для защиты своей личности. Въ Вервье восемь рабочихъ ассоціаций, объединенныхъ, въ свою очередь, въ одну общую «Текстильную рабочую федерацію». Благіе результаты организованности не замедлили сказаться: рабочій день былъ пониженнъ до 55 часовъ въ недѣлю и рабочая плата повышена до 5 франковъ 20 сантимовъ за день. Но эти «благіе» результаты по своему оцѣнили и патроны. Они также организовались въ восемь соотвѣтственныхъ ассоціаций, объединенныхъ также, въ свою очередь, въ одну общую «Патрональную федерацію текстильной индустрии». Эта федерація имѣла своимъ назначеніемъ возвратить «свободу капиталу» отъ «узъ, наложенныхъ трудомъ»...

При такомъ положеніи дѣла борьба неминуема—это ясно,

какъ Божій день... Дѣло было лишь за поводомъ, и онъ не замедлилъ представиться.

Предпрыятіе Ламборея (Lamboray) временно разсчитываетъ часть рабочихъ, занятыхъ мытьемъ шерсти по случаю наступившаго мертваго сезона. Остальные рабочія предпрыятія отвѣтили на это стачкой. Къ нимъ присоединились рабочіе того же рода предпрыятія Дювивье и К°. (Duviver et C-ie). Федерація мытой шерсти одобряетъ эти обѣ стачки и поддерживаетъ ихъ. Тогда патрональная организація мытой шерсти объявляетъ локаутъ. Но такъ какъ локатируемыхъ начала поддерживать общая текстильная рабочая федерація, то частичный локаутъ замѣненъ былъ общимъ—локатомъ всѣхъ предпрыятій,—и борьба началась по всей линіи. Слѣдуетъ добавить, что условия борьбы организованныхъ силъ сначала складывались благопріятно для патроновъ: они заранѣе предусмотриительно обезпечили себя соглашеніями съ клиентами о неплатежѣ убытковъ за все время локаута; ихъ карманъ могъ пострадать, поэтому, только въ размѣрѣ простоявшей работы, непосредственно,—не болѣе; а на эту жертву патроны охотношли ради освобожденія производства отъ «ига, наложенного трудомъ». Это освобожденіе должно было выразиться въ отказѣ со стороны рабочихъ отъ ихъ синдикатовъ разъ навсегда. Предоставленные самимъ себѣ, рабочіе округа Вервье не могли побѣдить. Но требованіе отказа отъ синдикатовъ всполошило всю рабочую Бельгію. Она увидѣло въ этомъ угрозу своимъ жизненнымъ интересамъ и встала на ихъ защиту. Такимъ образомъ, условия борьбы для рабочихъ Вервье неожиданно приняли благопріятный оборотъ, и силы воюющихъ нѣсколько уравнялись.

Какъ результатъ уравненія этихъ силъ, и явился договоръ о мирѣ отъ 30-го октября съ срокомъ дѣйствія по 31-ое декабря 1907 года.

Обѣ стороны договорились:

1) Патроны признаютъ рабочіе синдикаты, рабочіе признаются за патронами ихъ главенство въ производствѣ. 2) Никакая стачка, общая или частичная, никакой локаутъ, общий или частичный, не могутъ быть одобрены безъ того, чтобы делегаты патроновъ и рабочихъ не обсудили положенія дѣла и не приняли мѣръ для устраненія конфликта. Для этого делегаты образуютъ смѣшанную комиссію, делегаты избираются въ теченіе трехъ дней по возникновеніи недоразумѣнія каждой федераціей. Федерація, не приславшая делегата, считается отказавшейся отъ настоящаго договора. 3) Патроны признаютъ за рабочими право «коллективнаго контракта».

Таковы въ общихъ чертахъ результаты борьбы; ихъ надежная опѣнка—дѣло будущаго, но и теперь уже можно отмѣтить два крупныхъ результата, добытыхъ трудомъ: объединеніе рабочихъ массъ—съ одной стороны, признаніе капиталомъ синди-

кальяма—съ другой. Отнынъ отдельное лицо (рабочій) не вступает въ договоръ найма съ предпринимателемъ. На мѣсто рабочаго, его индивидуальной воли, отнынъ становится общая, колективная воля всѣхъ рабочихъ. Эта воля заключаетъ общий, коллективный договоръ о наймѣ, и отдельное лицо обязано ему подчиняться, какъ закону. Было бы излишнимъ подробно останавливать вниманіе на преимуществахъ подобнаго положенія дѣла. Они очевидны: свободный договоръ предполагаетъ равенство силъ. Свободная воля капитала была на дѣлѣ могущественнѣе свободной воли отдельного представителя труда. Теперь, при существованіи коллективнаго контракта, это могущество капитала ослаблено въ пользу труда...

Висъ.

На разныхъ языкахъ.

Въ настоящее время религіозные вопросы отошли какъ бы на второй планъ, но еще года 3—4 назадъ, сталкивалась съ простонародьемъ центральной Россіи, не такъ легко было уклониться отъ разговоровъ «о Богѣ». По крайней мѣрѣ, мнѣ лично это не удавалось. Не только баптисты, старообрядцы, штундисты, духоворы и прочие, «взыскиющіе града вышняго», неизмѣнно наводили разговоръ на эту тему. Но даже беспрекословныя чада «синодальной церкви», записанныя въ «православныхъ метрическихъ книгахъ», и въ общемъ довольно таки равнодушныя къ «богословскому тонкостямъ», тяготѣли къ бесѣдамъ о небесномъ. Понятно, это не просто нравилось. Въ этомъ словно чувствовалась потребность. Встрѣтившись съ человѣкомъ, поговоришь объ его хождѣствѣ, о лошадяхъ, о податяхъ, о разныхъ случаяхъ жизни,— разговоръ исключительно земной, въ которомъ, подобно евангельской Марѣ, «молвиши и печешися о множѣмъ». А черезъ полчаса—смотришь: твой собесѣдникъ какъ-то незамѣтно уже говорить языкомъ Маріи объ «единомъ, что есть на потребу». И ты самъ невольно увлекаешься этимъ, казалось бы, неожиданнымъ и рѣвакимъ переходомъ отъ одного настроенія къ другому, отъ одной плоскости интересовъ къ другой.

Въ такихъ разговорахъ меня особенно поражала одна характерная черта. Когда съ человѣкомъ познакомился ближе, да глы ему приглядѣться къ тебѣ, то говоришь спокойно о своихъ взглядахъ на личнаго Бога, на посты, на святыхъ угодниковъ, на церковную іерархію, говоришь бѣзъ утайки, и твой знакомый

Декабрь. Отдѣль II.

слушаетъ тебя, воражаетъ, волнуется, чаде всего скорить. Гораздо реже соглашается, но все это безъ вражды, безъ обвиненій въ безбожіи. Съ моими приятелями изъ крестьянъ и мѣщанъ мнѣ случалось «договариваться до конца». Для нихъ не оставалось ни малѣйшей возможности умозаключать, подобно Маргаритѣ въ «Фаустѣ»:

„Ungefahr sagt das der Pfarrer auch,
Nur mit ein bischen andern Worten“.

Наоборотъ, было очевидно, что ни одинъ «Pfarrer» этого не скажетъ. Но, насколько я могъ замѣтить, такая прямота и ясность не отражались на нашихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Выходило какъ-то такъ, что въ глазахъ моихъ собесѣдниковъ я оставался несомнѣнно вѣрующимъ человѣкомъ.

— Хоть, молъ, и не по нашему вѣритъ, а не безбожникъ, Бога-то онъ чувствуетъ, вотъ что...

И такой выводъ, судя по всему, складывался независимо отъ того, что я, при всемъ моемъ свободомысліи, числюсь въ «православныхъ метрикахъ». Припоминаю, между прочимъ, одного еврея-переплетчика въ Дмитровѣ, Московской губерніи. Кажись, это былъ единственный еврей на весь городъ. Жилъ онъ строго «по своей вѣрѣ». И тѣмъ не менѣе, мѣщане говорили о немъ:

— Правильный человѣкъ. Богобоязненный...

Бывало, возразишь, шутя:

— Да вѣдь еврей...

— А что-жъ, что еврей. Бога-то онъ лучше иного православнаго помнить.

И тотъ же мѣщанинъ, восхищенный евреемъ, который «лучше православныхъ Бога помнить», крайне враждебно относился ко всякому новопріѣзжему, который «среду—пятницу не соблюдаетъ», «встаетъ безъ молитвы», «спать ложится безъ креста». Въ томъ же, между прочимъ, Дмитровѣ приходилось мнѣ наблюдать любопытную метаморфозу. Пріѣхалъ туда человѣкъ, «встававшій безъ молитвы» и «спавшій безъ креста». И сначала его опредѣлили, какъ безбожника и едва ли не антихриста. Мѣсяца черезъ два отъѣхъ радикально измѣнился.

— Хорошій человѣкъ. По-Божиѣ живеть...

— Да вѣдь Богу не молится...

— Мало ли что.. То его дѣло... Такъ оно и въ писаніи сказано: «не спасеть черная ряса, спасуть добрыя дѣла»...

Признаюсь, мнѣ долго не удавалось уловить, въ чемъ тутъ секретъ. Какъ и многіе русскіе интеллигенты, попадая въ народъ, я подвергался обвиненіямъ въ невѣріи. Наравнѣ съ многими другими интеллигентами, я находилъ въ сѣрой незнакомой толпѣ глухое, упорное, такъ сказать, авансомъ выданное подозрѣніе въ безбожіи. И мнѣ долго казалось, что это подозрѣніе, встрѣ-

чаемое мною и подъ кровлями деревенскихъ избъ, и на постоянныхъ дворахъ, и въ монастырскихъ гостиницахъ, не только на словахъ формулируется: «да онъ, должно быть, въ Бога не вѣруетъ», но и по существу касается именно Бога, личного Бога, — того самого, который нарисованъ въ церкви, и которому попытаться служить молебны. Я долго склоненъ былъ думать, что отъ меня събирая толпа требуетъ вѣры именно въ этого Бога. И много огорченій пришлось пережить, прежде чѣмъ я понялъ, что тутъ все недоразумѣніе заключается въ словѣ. И когда я это понялъ, для меня стало ясно, что толпа вкладываетъ въ слово «Богъ» одно содержаніе, а я, стараясь принаровиться къ ея языку, произвольно вкладывая другое содержаніе, совершиенно не свойственное мнѣ.

Для себя, ревниво отгораживаясь отъ ненавистныхъ традицій, я взялъ слова: «верховное начало жизни», «правда - истина», «правда-справедливость», etc. Тому высшему, что выражаютъ эти слова, я служу, имъ оцѣниваю свои поступки, оно опредѣляетъ линію моей личной жизни и общественной дѣятельности, «въ немъ моя вѣра». А когда «толпа» произносила слово «Богъ», мнѣ казалось, что она говоритъ именно о традиціяхъ и раскрашенныхъ доскахъ, о молебнахъ, о формальностяхъ, равно далекихъ и отъ правды-истины, и отъ правды-справедливости, отъ всего, что для меня дорого, и чemu я вѣрю. И выходило такъ, что я, въ качествѣ представителя интеллигентіи, авансомъ подозрѣвалъ толпу въ отсутствіи дѣйствительной «вѣры» и въ приверженности лишь къ традиціямъ, а толпа меня, какъ представителя интеллигентіи, тоже авансомъ подозрѣвала въ безвѣрии. Изъ этой обоюдной подозрительности и рождались недоразумѣнія. И чтобы избѣжать ихъ, требовалось, очевидно, не переизначивать слово «Богъ», отрѣшившись отъ привычки вкладывать въ него «византійское содержаніе».

Повторяю, понять, что толпѣ дорога вѣра въ верховный начальникъ жизни, а не молебны передъ иконами, было трудно. Но когда я это понялъ и когда соответственно съ этимъ стала къ разговорамъ о Богѣ относиться, какъ къ серьезному и важному дѣлу выясненія принциповъ поведенія, я почувствовалъ, что почва для недоразумѣній и огорченій исчезаетъ сама собою. Въ видѣ иллюстраціи расскажу хотя бы такой случай.

Однажды лѣтнею ночью мнѣ пришлосьѣхать на лошадяхъ изъ Житомира въ мѣстечко Коростышевъ. Дорога лежала мимо одного села, которое славится разбоеми. Естественно, зашелъ разговоръ о разбойникахъ. Мой возница рассказалъ, какъ одного какого-то проѣзжаго убили, другого ограбили, а затѣмъ неожиданно и въ упоръ поставилъ вопросъ:

— А что, пане, я у васъ спрошу... Вѣрюете вы въ Бога?

— Какъ же безъ вѣры?—отвѣтилъ я.—Если безъ вѣры, то

вотъ я начну вѣсъ грабить, а вы меня... Вродѣ звѣрь жить станемъ...

Видимо, удовлетворенный такою постановкою вопроса, воинца пошелъ дальше и задалъ вопросъ о Серафимѣ Саровскомъ. Я откровенно объяснилъ, что знаю и думаю объ этомъ недавно-явленномъ угодникѣ Феодосіи Черниговскомъ. Несколько подробнѣе и такъ же откровеннѣе поговорили о пещерскихъ мощахъ и монахахъ. Незамѣтно разговоръ коснулся вообще «монастырскихъ порядковъ», слишкомъ далекихъ отъ «праведной жизни». Въ концѣ концовъ мой собесѣдникъ плонулъ и негодующе произнесъ:

— Всюду обманъ. Куда ни пойди. И такъ я думаю, пане,—ъ Бога они не вѣруютъ... Оттого и злодіи такие...

Это негодование противъ людей, «не вѣрующихъ въ Бога», будеть понятно каждому, кто уяснить себѣ, что здѣсь вопросъ не столько вѣроисповѣдный, не столько религіозный, сколько моральный. Когда простонародье спрашиваетъ: «вѣруешь ли въ Бога?» — это значитъ:

— Что ты за человѣкъ? Есть ли у тебя за душою что-либо святое? Или ты, подобно звѣрю хищному, мыслишь: «что волку въ зубы, то Егорій даль?»

И въ этомъ смыслѣ «невѣрующій въ Бога», дѣйствительно, «злодій», — опасный, страшный человѣкъ, который на все способенъ. Онъ способенъ разрывать грудныхъ дѣтей и потрошить беременныхъ женщинъ. Ему ничего не стоитъ руководствоваться правиломъ: «крестьянъ, какъ и женщины, надо брать силой». Онъ не только провозгласить этотъ свой символъ вѣры въ Петербургѣ на дворянскомъ съѣздѣ, но и подтвердить его дѣлами. Онъ сумѣеть брать силою женщинъ въ притонахъ, при посредствѣ содержательницы непотребныхъ домовъ, и въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, при благосклонномъ покровительствѣ урядника и становового пристава. Въ томъ же наслѣдственномъ Монрено онъ поставить пулеметы, найметъ осетинъ, введенѣе «военное положеніе», опустошить окрестности. Онъ не затруднится сѣчь, истязать, поднимать на дыбы. «Невѣрующій въ Бога» до «воли», въ качествѣ крѣпостного владѣльца, опаливалъ живыхъ людей горящими лучинами и припечатывалъ живыхъ тѣла сургучными именными печатями. Нынѣ, въ качествѣ вооруженного на государственный счетъ правительственноаго агента, полагаетъ свое особенное удовольствіе въ томъ, чтобы обнажать дѣвушки и тушить обѣ ихъ груди папироски.

Если вы припомните роль барства въ русской исторіи, если хоть сколько-нибудь ученете глубину пережитыхъ народомъ муки и оскорблений, то для васъ понятна станетъ настойчивость, съ какою повторялся вопросъ: «вѣруешь ли въ Бога?» Не удивить васъ и то, что вопросъ этотъ направлялся по линіи наименьшаго

сопротивлениі,—къ намъ, «барамъ безъ эполетъ»: «бары въ эполетахъ», вѣсто отвѣта, норовили «дать въ морду». Спрашивали люди, кого можно, а спрашивали потому, что тамъ, на низу, трудно было различать «баръ въ эполетахъ» отъ «баръ безъ эполетъ»: тамъ всѣ они казались «на одно лицо».

За послѣдніе два-три года многое измѣнилось и многое стало извѣстно внизу. Стало доподлинно извѣстно, что «бары тоже бываютъ разные». Одни крѣпко «вѣрють въ Бога», да такъ крѣпко, что готовы жизнь за вѣру свою положить и мученія всяческія принять. Вѣра у нихъ мудреная,—сразу ее не разберешь. И даже какъ назвать этихъ баръ, что «въ Бога вѣрють», не знаешь. Группа петербургскихъ извозчиковъ года полтора назадъ обращалась въ одну изъ редакцій съ просьбой: «пришлите намъ соціаль-демократа», чтобы, значитъ, быть душевный человѣкъ, и насчетъ земли по-божьему бы сказалъ. Около года назадъ одно подмосковное село поручило своимъ уполномоченнымъ разыскать и привезти «серовъ» (т. е. с.-р.). Такъ и сказано было: разыскать и привезти:

— Потому что, видите ли, люди, какъ слышно,шибко хороше, божьи люди,—«серы» эти самые. Лиха бѣда найти ихъ, да сказать, они сами придутъ. Вотъ мы, значитъ, и рѣшили—расходы на нашъ счетъ, чтобъ не пѣшкомъ, а на лошадахъ.

Въ другомъ селѣ—Югозападнаго края—«міръ до того затруднился назвать хорошихъ баръ какимъ-либо опредѣленнымъ именемъ, что просто написалъ «всему кievскому университету» «всепокорнейшую просьбу»:

«Пришлите намъ студента, а если нѣту студента, то хоть какого-нибудь жидка» *), а подводу мы вышлемъ, куда прикажете...

Словомъ, передъ народнымъ самосознаніемъ сталъ, какъ непреложный фактъ, «хорошій баринъ», удивительно хороший, готовый жизнь свою положить за какое-то трудно постигаемое, но, несомнѣнно, «божье дѣло». «Хорошій баринъ» является то въ видѣ «жидка», то въ видѣ «студента», то подъ странною кличкою, въ родѣ «есьерь», или «есдекъ», которую приходится принимать на вѣру и не съ чѣмъ ассоциировать. Хорошаго барина тѣмъ труднѣе постигаютъ, что онъ стоитъ вѣкъ привычныхъ для массы и вѣками укоренившихся представлений о «богоугодной жизни» не для «своего мамона», а «ради ближняго». Въ деревнѣ онъ словно пришелецъ съ другого свѣта, гдѣ люди на насть не похожи, не по нашему живуть, не по нашему молятся. Но фактъ всетаки остается фактомъ: среди баръ объявился «божіи люди», отъ ко-

*) Напомню, что на украинскомъ языке слово: « жидъ» не имѣетъ обидчаго значенія.

прине́жденъ училишь некорыстное, душевное слово по чистой совести, которые не прощадуть, не обмануть, не обидятъ.

И изврежено въ изрѣчномъ самосознаніи, быть можетъ, еще въ юности, тоже бражда, опредѣлялся «баринъ» другого типа. Онъ порою и изъ счастья ходить по нашему, и по нашему молится, и говѣть, но въ этомъ же есть состоять въ томъ, чтобы бѣдного человѣка ограбить да «жизнь испортить». И такъ онъ на этихъ двухъ занятіяхъ скрѣпляется, что когда грабить, то обѣ изнасилованіемъ думать, а когда насилуетъ, то о грабежѣ думать; только и есть у него въ головѣ эти двѣ думки, и всегда онъ рядомъ, какъ близнецъ въ утробѣ матери, такъ что и самъ онъ спутался и смѣшился въ грѣхѣ съ изнасилованіемъ, а изнасилованіе съ грабежемъ, оттого и общественная дѣятельность такого «барина» подобна язъ его поведеніе въ притонѣ разврата, а поведеніе въ притонѣ разврата - на его общественную дѣятельность.

Было бы ошибкою наставляться, будто тамъ, въ деревенскихъ трущбахъ, деревенскимъ трущбнымъ людямъ легко различать, который баринъ - врагъ, и который другъ, которого надо избѣгать или даже гладь прочь, какъ хищнаго звѣря, и которого можно искаль и звать, какъ помощника и союзника. Уловить это различие вообще очень трудно. Даже изощренное умѣніе распознавать людей, какимъ обладаютъ спящій жгучной дисциплиной организации, порою споткнется о Дегаевыхъ. Деревенской же темнотѣ тѣмъ легче споткнуться, что у нея совершенно нѣть критерія для отличія «хорошаго барина» отъ «сквернаго». Старый критерій; «вѣруши ли», несколько десятилѣтій висѣвшій надъ интеллигентными работниками въ народѣ, оказался явно негоднымъ. Онъ не столько снять, сколько смыть ходомъ событий, хотя мысль опровергивать «барина» съ моральной стороны, несомнѣнно, осталась. И въ виду наплыва волковъ въ овечьей шкурѣ, ей, быть можетъ, суждено облечься въ новые формы и сыграть ту или иную роль. Не такъ давно, насколько я знаю, возникъ было другомъ критерій: «какъ о землѣ думаешь?». Если баринъ находилъ, что «земля божья», —значить: наиль. Если же «тянуль на сторону помѣщика», то—«иди прочь». Нынѣ, судя по сообщеніямъ съ мѣстъ, даже «союзъ русскаго народа наловчился насчетъ земли» говорить тагъ, что не разберешь, «чи вона у него Божья, чи бисова». Положеніе столь осложнилось, что на скорую руку сколоченный критерій можетъ завестіи совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ. Постѣдовательный и честный с.-д. можетъ оказаться, пожалуй, «врагомъ народа», а увертливый «октябрьстъ»—«другомъ». И такія ошибки возможны не только потому, что у деревни нѣть сколько-нибудь надежнаго критерія для распознаванія волковъ отъ овецъ, и не потому, что вѣлки научились необыкновенно ловко облачаться въ овечью шкуру. Есть причины нѣсколько иного порядка.

Жизнь смяла одно изъ основныхъ недоразумѣній, вырастав-

шихъ между разночинной интелигенцией и народной массой въ формѣ вопроса: «вѣруешь ли въ Бога». Самый вопросъ этотъ, въ его привычной редакціи, какъ бы исчезъ. Но вообще недоразумѣній по вопросамъ, болѣе мелкимъ и несравненно болѣе земнымъ, осталось не мало. И среди нихъ едва ли не центральное мѣсто занимаетъ такъ называемый вопросъ «о формѣ правленія», и выражается онъ традиционною и общеизвѣстною фразою: «а царя ты признаешь?»

II.

«Вопросъ о царѣ» въ интеллигентскихъ кружкахъ поставленъ давно и теоретически разрѣшается весьма просто. На практикѣ же его чаще всего старались обходить и не трогать. Въ сущности, онъ какъ бы обойденъ, между прочимъ, въ письмѣ народовольцевъ Александру III. Исполнительный комитетъ отъ имени партіи лишь «заявлялъ торжественно предъ лицомъ родной страны и всего мира», что признаетъ верховную власть легализированной народнѣй собраніемъ «лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно». Въ ближайшее къ намъ время «вопросъ» впервые «практически» поставленъ, съ одной стороны, «освобожденской группой», съ другой—«rossijskoю соціаль-демократическою рабочею партіей». «Освобожденская конституція», построенная на принципѣ такъ называемой «реальной политики», опредѣлила Россію, какъ «государство конституціонно-монархическое». «Р. с.-д. р. п.», вѣрная лозунгамъ своей германской родительницы, на второмъ съездѣ окончательно «поставила ближайшей политической задачей низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его демократической республикой».

Въ самомъ концѣ прошлаго 1905 г. официально и окончательно разрѣшить вопросъ «о формѣ правленія» пришлось и партіи с.-р. На бывшемъ въ это время первомъ партійномъ съездѣ по существу «вопросъ» не вывелъ разногласія. Но относительно его практической постановки обнаружилось два теченія. Одни предостерегали вообще отъ «состязанія съ с.-д.» и въ частности указывали, что «для соціализма вопросъ о формѣ правленія не представляется разрешающимъ: важно лишь воплощеніе народовласти;... требованіе демократической республики, въ русскихъ усло-віяхъ, отдаляетъ партію отъ жизненной работы» *). Другимъ представлялись цѣнными «именно тѣ стороны, которые вызвали обвиненіе въ марксизмѣ,—потому что именно эти стороны... роднятъ с.-р. со всѣми заграничными товарищами, т.е. даютъ с.-р. право называть себя однимъ изъ эшелоновъ великой международной арміи трудящихся» **). Ближайшія практическія соображенія, заставлявшія

*.) «Протоколы первого съезда партіи с.-р.», стр. 97, 98.

**) Ibid., стр. 107—108.

дорожить этимъ «правомъ», понятны каждому, кто помнить, съ какимъ высокомѣрнымъ самодовольствомъ г. Плехановъ, напр., писалъ въ «Искрѣ», что именно онъ, въ видѣ особой милости да еще по причинѣ безтактности представителя «Бунда», не препятствовалъ допущенію «мелкобуржуазныхъ революціонеровъ» на амстердамскій конгрессъ соціалистовъ. Только поэтому, видите ли, с.-р. «побѣдили», т. е. ихъ delegatъ былъ допущенъ на конгрессъ.

Но — угрожалъ г. Плехановъ — «побѣда «партии соціалистовъ-революціонеровъ» очень напоминаетъ знаменитую побѣду Пирра... «Строго говоря», «мы» еще на парижскомъ конгрессѣ (въ 1900 г.) «имѣли право протестовать противъ присутствія делегатовъ отъ с.-р.», такъ какъ присутствіе «этихъ широкихъ джентльменовъ», которые находять для себя «узкой» «пролетарскую точку зрѣнія», «противорѣчило постановленію», принятому въ 1899 г. брюссельской конференціей. И если «мы» не протестовали противъ присутствія «широкихъ джентльменовъ» на амстердамскомъ конгрессѣ 1904 г., то лишь по тактическимъ соображеніямъ *).

Такъ или иначе, но въ принятую съѣздомъ программу вошелъ пунктъ: «поскольку процессъ преобразованія Россіи будетъ идти подъ руководствомъ несоціалистическихъ силъ, партия с.-р.... будетъ отстаивать... установление демократической республики**...».

Такимъ образомъ, къ началу 1906 г. двѣ наиболѣе вліятельныи соціалистическія партіи въ Россіи официально и окончательно выказались за демократическую республику. Но лишь только «вопросъ» «былъ рѣшенъ», какъ стали все яснѣе и яснѣе обозначаться осложняющіе его «моменты».

На Украинѣ, напр., оказалось цѣлое теченіе мысли, представители которого говорятъ:

— Принципіально мы, конечно, за республику, но, въ предѣлахъ буржуазного строя и впредь до «диктатуры пролетаріата», желаемъ сохранить монархію. Намъ нужна монархія, ибо мы надѣемся установить свои отношенія къ центру на началахъ «личной унії» и устроиться, какъ Венгрия въ Австріи и Финляндія въ Россіи. И въ виду такихъ надеждъ, полагаемъ, что если бы монархіи не существовало у насъ, то ее надо бы выдумать. Республіканский центръ въ Россіи будетъ чрезвычайно силенъ и повернетъ насъ на «свой солтыкъ». Монархіческій центръ слабѣе, и при немъ мы надѣемся обеспечить себѣ больше правъ.

Представители такого же теченія есть, несомнѣнно, въ Польшѣ. Повидимому, не чуждо оно и некоторыхъ слоевъ армянского населенія. И, на сколько я знаю, есть оно между евреями. Отношеніе Финляндіи

* См. «Искру», № 74, 20 сентября 1904 г.

**) Цитирую по книгѣ В. Ивановича. «Российскіе партіи, союзы и лиги».

къ вопросу о монархії или республикѣ въ Россіи пока не опредѣлилось ясно. Но въ какую сторону при практическомъ рѣшеніи этого вопроса пойдетъ финская націоналистическая мысль,—предвидѣть не трудно.

Я лично весьма невысокаго мнѣнія объ этихъ «національныхъ надеждахъ», читающихся, какъ извѣстно, «историческимъ прецедентомъ династіи Габсбурговъ» «Прецедентъ», конечно, краснорѣчивый. «Династіи Габсбурговъ», дѣйствительно, удалось въ свое время сорвать и ослабить революціонный напоръ «сепаратнымъ» соглашеніемъ съ Венгріей, и тѣмъ спастись отъ кораблекрушенія. Повидимому, мысль о сепаратныхъ соглашеніяхъ мелькаетъ иногда и на россійскихъ вершинахъ. По крайней мѣрѣ, въ «Новомъ Времени» приходилось читать намеки на это. Но въ Россіи ужъ слишкомъ много «Венгрій»: Прибалтійщина, Польша, Приднѣпровія, Донцізма etc., etc. И окружиться сплошнымъ кольцомъ «сепаратныхъ соглашеній», значило бы самого себя загнать въ западню. Надежда заключить «сепаратный договоръ» ужъ слишкомъ разсчитана на чужое скудоуміе. Да и возможна она лишь въ головѣ, совершенно не соображающей, что у насъ и сцена построена не такъ, какъ она была построена въ Австріи, въ періодѣ 1860—1867 г., да и пьеса разыгрывается далеко не та, въ какой Божію милостію суждено было играть роль и заключать «сепаратный договоръ» «династіи Габсбурговъ». Такъ что треніе, встрѣченное «демократической республикой» съ этой стороны, исключительно отвлеченнное, такъ сказать, нарочито вымыщенное и не очені-то серьезное. Гораздо важнѣе и серьезнѣе оказалось треніе другого рода.

Лозунгъ: «демократическая республика», развернутый во всю ширь по направленію на «Вестъ», несомнѣнно, «породнилъ» и р. с.-д. р. п., и п. с.-р. съ западными товарищами. Но тотъ же лозунгъ, при попыткѣ развернуть его по направленію на «Ость», оказывается порою совершенно неудобнымъ, чтобы породниться съ народными массами,—съ тѣми именно массами, безъ поддержки которыхъ самое существованіе соціалистической партіи врядъ ли пріобрѣтаетъ особый политический смыслъ. Официально принятное республиканскоѣ знамя пришлось не столько развертывать въ массахъ, сколько прятать отъ массъ. «Вопросъ» оказался рѣшеннымъ лишь на бумагѣ, а на дѣлѣ, при работѣ въ народѣ, необходимость диктовала прежнюю «тактику»: осторожно проходи мимо и, по возможности, не касайся. Эту тактику, примѣняемую пропагандистами сначала за собственный страхъ и рискъ, черезъ десять мѣсяцевъ послѣ первого партійнаго съѣзда с.-р., пришлось, такъ сказать, офиціозно признать единственно правильной.

Надо—писаль, между прочимъ, В. М. Черновъ—«предварительно подготовить крестьянина къ данному выводу, поступить такъ, чтобы «выводъ» не огородилъ его нежданно-негаданно, пиаче

говаря,—не переходить къ политической алгебрѣ, не кончить даже четырехъ правилъ ариеметики. Разъ въ крестьянинѣ прочно сидѣть какое-нибудь предубѣжденіе, было бы глупо начать разговоръ съ того, что сразу бросаетъ грубый вызовъ этому предубѣжденію, не устранивъ предварительно его корней, его глубокихъ источниковъ» *).

Когда разсуждаешь отвлеченно, издали, то совсѣмъ кажется совершенно правильнымъ, строго логичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, глупо, «не кончить четырехъ правилъ ариеметики», «переходить къ алгебрѣ». Глупо развертывать республиканское знамя, когда знаешь, что этимъ ты бросишь «вызовъ». Повторяю, совсѣмъ правиленъ и логиченъ. Но когда представляешь себѣ конкретную обстановку, въ которой можетъ происходить «устраненіе корней и глубокихъ источниковъ», то вчужѣ чувствуешь, какая это жестокая логика, и сколь тяжкія и неудобносимыя бремена волагаешь она на че-ловѣка.

Передо мною замѣтка г. Т. Асина въ № 1 «Новой Мысли». Г. Асинъ дѣлится съ читателемъ своими деревенскими впечатлѣніями. По его словамъ, на югѣ «въ осеннеѣ дни свободы въ широкіе слои крестьянства (уже) проникли идеи народовластія»; и не только проникли, но «укрѣпились» тамъ. Но тѣ же самые «широкіе слои», въ которыхъ уже окрѣпла идея народовластія, кричали по адресу пропагандистовъ:

«Бить ихъ!.. Имъ царя не надо»...

Около того же времени деревня «собиралась, разсуждала о землѣ, о выборныхъ депутатахъ, о податяхъ и пр.»—разсуждала въ духѣ крестьянского союза, но кричала угрожающе:

«Имъ царя не надо?...»

«Ко времени созыва Думы» южный мужикъ, наблюдаемый г. Асинымъ, стоялъ за землю, за волю, за «полное, хотя и съ неясными формами, народовластіе», но кричалъ:

«Царя не тронь!»

Во время Думы, тотъ же мужикъ живо интересовался судьбою думского адреса, просилъ прислать (въ Екатеринославской, Таврической и Херсонской губ.) то «сицилиста», то «скубента», то «жидка», но кричалъ:

«А царя не тронь!»

Послѣ распуска Думы въ районѣ наблюдений г. Асина «рай-довая деревня начала выражать недовольство по отношенію къ лицамъ». Но — говорить г. Асинъ — «нельзя увѣրять, что пала самая идея монархического устройства государства».

Эти наблюденія въ общемъ совпадаютъ съ тѣми свѣдѣніями, какими я лично располагаю относительно юго-западнаго края, нѣкоторыхъ центральныхъ губерній (Владимирской, Рязанской,

*) «Созиательная Россия», № 3.

отчасти Ярославской и Московской) и въ некоторыхъ мѣстахъ юго-восточного Поволжья. Въ указанныхъ мною губерніяхъ все время былъ тотъ же «лейтмотивъ». Здѣсь, также благодаря усиленнымъ трудамъ г. Столыпина, изъ лейтмотива исчезъ «личный оттѣнокъ». Такъ же «рядовая деревня» «недовольна лицами». Мѣстами даже чрезвычайно недовольна, до полнаго озлобленія. Но продолжаетъ твердить:

— Нельзя безъ царя. Не стоитъ царство безъ царя...

Т. е. твердить, повидимому, тѣ именно слова, которыя г. Асинъ считаетъ выраженіемъ «идеи монархического устройства государства».

И вотъ я стараюсь представить себя въ положеніи партійнаго пропагандиста, который «работаетъ въ деревнѣ». Я республиканецъ. Республиканецъ и по убѣжденію, и во имя партійной дисциплины. Въ моей идеологіи понятіе: «кесарь» занимаетъ опредѣленное мѣсто, какъ прямая антитеза тому, во что я вѣрю, чому служу. Я отказываюсь полностью отъ личной жизни. Я всю ее отдаю массамъ. И эти самыя массы грозно спрашиваютъ меня:

— Другъ ли ты кесарю? Если не другъ, то подлежишь распятію. И мы тебя распишемъ, какъ были распяты твои дѣды и отцы, учителя и товарищи, какъ были распяты тысячи людей, праху которыхъ ты молишься и память которыхъ свято чтишь, и какъ я, быть можетъ, распину твоего сына и внука...

Повторяю, представьте себя въ такомъ положеніи и скажите, что это: пропаганда, или сплошной крестный путь, сплошная трагедія, въ которой вамъ, какъ главному герою, неизбѣжно либо сойти съ ума, либо впасть въ отчаяніе? Вѣдь не въ томъ трагедія, что есть урядникъ, исправникъ, жандармъ, шпіонъ, которые ловятъ васъ, наѣтрное, поймаютъ, будутъ бить, вздернуть на дыбу, сошлютъ, повѣсить. Не это страшно. Гораздо страшнѣе сознаніе, что вотъ, если я вслухъ исповѣдую полностью свою вѣру, то толпа бросится на меня, и моимъ запитникомъ отъ нея, быть можетъ, явится тотъ же урядникъ.

Представьте, далѣе, что вы — тотъ самый „сицилисть“ или „жидокъ“, котораго „миръ“ „выхлопоталъ“ себѣ въ городѣ. Вы вдете въ глухое село и предстаете предъ „міромъ“. „Миръ“ молчитъ, но въ его молчаніи слышится:

— Мы посыпали за тобою и привезли тебя, чтобы услышать слово правды. Говори же, — мы ждемъ.

Разумѣется, вы не станете съ первыхъ же словъ кричать: „да здравствуетъ демократическая республика“. Вы начнете съ «корней и глубокихъ источниковъ». Ваша первая посылка: „хозяинъ земли — народъ“ принимается великодушно. Вы слышите одобрительные и даже восторженные отзывы:

— Правильно. Истинное слово. Это по-божьему. Все народъ... Все на нашей шеѣ держится...

Вы идете дальше,—развиваете идею демократически построенного народного представительства. Рѣчь идетъ обѣ однопалатной и двухпалатной системѣ, о семичленной формулѣ. И опять общее сочувствіе:

— Правильно,—одна палата... Не надо другой палаты. Довольно баре надѣ намъ мудровали. Больше не позволимъ. И это правильно,—чтобъ всѣ одинаково выбирали. Это по-божьему.

— И вадо,—переходитъ вы къ «выводу»—чтобъ никто не могъ народного рѣшенія отмѣнить...

Миръ и съ этимъ соглашается:

— Вѣрно,—какъ наши депутаты промежду себя порѣшать, такъ пусть царь и дѣлаетъ.

Вы пробуете развить эту мысль, но настроение „мѣра“ неожиданно мѣняется, и вамъ кричатъ:

— Царя не троить...

Сцена мною не выдумана. Я вкратцѣ передаю разсказъ одного пропагандиста, который жилъ недавно въ Смоленской губерніи. Онъ человѣкъ очень юный. Его „выписали“ крестьяне. Какъ с.-д.. онъ не счелъ удобнымъ говорить о «земельномъ вопросѣ». За то полностью развернулъ программу народовластія. И пока говорилъ о положительной сторонѣ народовластія, міръ слушалъ сочувственно. Но стоило лишь подойти къ „выводамъ“, какъ тотъ же міръ вѣжливо, но категорически заявилъ:

— Нѣть, ты царя оставь. Про царя мы сами знаемъ...

Молодой человѣкъ четыре раза пытался перешагнуть черезъ запретную грань и добился лишь того, что ему холодно «посовѣтовали»:

— Ну, будешь, паренекъ,—закуси на дорожку, да и поѣзжай отъ насъ съ Богомъ...

Юноша былъ прямо-таки потрясенъ:

— Ничего не соображаю,—безпомощно разводилъ онъ руками.—Понимаете,—на все согласны: *veto* долой, верхнюю палату долой, „сосредоточеніе всей верховной власти въ рукахъ законодательного собрания“, какъ сказано въ нашей программѣ, вполнѣ одобряютъ. А какъ до „этого“ дойдешь — не смѣй... И четыре раза! Понимаете: четыре раза!. Подъ конецъ я даже разсердился. Да вѣдь говорю, если все такъ устроятъ, то и выйдетъ республика. — Ну, а коли такъ, закуси, говорятъ, да и поѣзжай съ Богомъ... Что же это такое? а? Неужели они ничего не поняли? Нѣть, какъ будто поняли... Положительно, поняли. Тутъ какое-то недоразумѣніе. Прямо такие недоразумѣнія!..

О такомъ же недоразумѣніи, между прочимъ, шла рѣчь на прошлогоднемъ учительскомъ съѣздѣ. И формы недоразумѣнія тѣ же: „народовластіе“ деревни нравится, быстро завоевываетъ себѣ сторонниковъ; мужикъ одобряетъ такую постановку, чтобы „всѣ приказы исходили только отъ народныхъ депутатовъ“. Но тотъ же мужикъ быстро занимаетъ враждебную позицію, лишь только у

нега явилось подозрение, что речь идет о республике, объ „изничтожении царской власти“. О томъ же, въ сущности, недоразумѣніи пишетъ и г. Асинъ, по словамъ котораго, „мужикъ“ „желаетъ полнаго народовластія“ и одновременно горою стоитъ за царя.

Получается въ общемъ мучительная путаница. Съ одной стороны, „нельзя“, въ самомъ дѣлѣ, „уклониться отъ прямого отвѣта“ на вопросъ о республике или монархіи: „это можетъ произвести только впечатлѣніе вилянья, которое недостойно уважающей себя партіи“ (*). Съ другой, „недостойно уважающей себя партіи“ скрывать свой „прямой отвѣтъ“ отъ народа. Съ третьей,—приходится, однако, скрывать, приходится „постепенно нагревать воду въ котлѣ, чтобы лягушка и не замѣтила, какъ будетъ живьемъ сварена“; неволя заставляетъ „предварительно подготовить крестьянина къ данному выводу“. А съ четвертой стороны, — когда начинаешь „предварительно подготовлять крестьянина“, то въ его головѣ оказывается одновременно и полная народная власть, вплоть до «хозяинъ земли—народъ», и ревниво охраняемая отъ „изничтоженія“ царская власть. Очевидно, мы попадаемъ въ тупикъ. И, очевидно, надо признать одно изъ двухъ: либо пропагандистъ, взявшійся „предварительно подготовить къ выводу“, не понимаетъ „мужика“, либо „мужикъ“ не понимаетъ пропагандиста.

III.

Мы лично въ замѣткѣ г. Асина удивительно знакомымъ показалось одно мѣсто. Онъ, видимо, нѣсколько затруднялся понять, какъ это мужикъ, явно желающій полного народовластія, кричать: «царя не тронь», но быстро перешагнулъ черезъ это неудобоваримое для интеллигента сочетаніе:

— Т. е.—переводить онъ на интеллигентскій языкъ—«крестьяне желали конституціонной монархіи».

Спрашивается: почему „то-есть“? И далѣе, отмѣчая, что хоть по адресу „правящихъ“ сферъ вездѣ раздается брань, но что это „недовольство лицами“ не привело къ «отрицанію монархического принципа», г. Асинъ говорить:

„Однако жъ, именно, отсюда прямой переходъ къ воспріятію и признанію республиканскихъ идей,—и число „исповѣдующихъ“ эти „идеи“ растетъ.

Спрашивается: почему этотъ „переходъ“ надо дѣлать именно „отсюда“, а не отъ „желанія полного народовластія“, которое было досюда? Съ какой стати я долженъ вѣрить, что „желаніе полного народовластія“ въ переводѣ на интеллигентскій языкъ означаетъ „конституціонная монархія“, а «брань по адресу правящихъ сферъ»

*) Слова В. М. Чернова, № 3 «Сознаніе Россіи», стр. 24.

надо передавать словомъ: „республика”, хотя, по заявлению самого переводчика, этот послѣдній терминъ „пока” не оправдывается фактами?

Безъ сомнѣнія, г. Асинъ старается перевести добросовѣстно. Но мнѣ этотъ переводъ напомнилъ одну полосу моихъ ранніхъ юношескихъ лѣтъ, когда я былъ нѣсколько влюбленъ въ слово республика. Покоряло оно меня, если говорить откровенно, не столько своимъ буквальнымъ смысломъ, сколько святыми могилами и святою кровью, которыми окружила это слово исторія со временемъ 1789 г. Въ романтическій періодъ жизни святыхъ могилы и святая кровь говорить особенно властно. И я такъ былъ воодушевленъ, что рѣшился заговорить о республикѣ съ моими степенными пріятелями изъянами, которые частенько захаживали ко мнѣ (я любилъ „почитать” вслушъ, а они любили послушать). Помнится, я началъ горячо, упомянувъ о могилахъ и о крови, но—увы!—мои слова были встрѣчены смѣхомъ:

— Тю!... Богъ съ тобой... Ты это, братъ, уже того... зачитался малость...

— Вѣдь лучше,— не сдавался я,— если народъ самъ собою править...

— Да ужъ какъ ни правъ, а голова нужна. Къ примѣру, малое дѣло—хозяйство, а если головы нѣть—вразъ расползется. Потому—никакого плана не будетъ. А государственное дѣло большое. Какъ можно царству безъ цара быть...

— Я же вамъ говорю: выборный...

— Да хоть ты его выбери, хоть роди,—толькъ одинъ. Безъ него нельзя—вотъ въ чёмъ штука-то. И всѣ твои разговоры — пустота одна. Ты намъ лучше книжку почитай... Ха-ха-ха! Распублика! Вѣдь выдумаетъ же!

Всего удивительнѣе слѣдующее. Я хорошо зналъ, что слово, разсмѣшившее моихъ пріятелей, вызываетъ у нихъ совѣсть не тѣ представлѣнія, какія навѣяны на меня книгою. При мнѣ это слово не разъ употреблялось совершенно въ другомъ смыслѣ. Тѣ же мои пріятели, когда ихъ сосѣдъ, кузнецъ Акимъ, въ пьяномъ видѣ избилъ до полусмерти свою жену и изнасиловалъ старуху-тещу, были возмущены до крайности и, не находя имени такому злодѣянію, говорили:

— Что же это такое!.. Прямо распублика какая-то!..

Когда у другого сосѣда, прядильщика Бориса Щебедина, сынъ поколотилъ родную мать и пропиль къ кабакѣ ея шубу и шерстяное („вѣнчальное”) платье, мои пріятели такъ же были возмущены и такъ же говорили:

— Распублика!.. Чистое дѣло распублика!..

Я зналъ, что у нихъ слово «распублика» ассоціируется съ злодѣйствомъ, съ кровопролитiemъ, съ безобразiemъ, выражаетъ крайнюю степень «распутства». И вотъ, зная все это, я, тѣмъ не ме-

иѣ, заговорилъ съ ними о республикѣ. И ясно видя, что меня понимали совсѣмъ не такъ, какъ мнѣ хотѣлось, я, тѣмъ же менѣе, подобно г. Асину, сдѣлалъ выводъ:

— Однако, какъ еще сильны монархическія преданія!..

Казалось бы, очевидно, въ чемъ дѣло. Мои пріятели близко знали меня. Они были увѣрены, что я не сторонникъ ни злодѣйства, ни безобразія, а если и предлагаю неожиданно учредить всеобщую «распублику», то, очевидно, безъ злого умысла, а просто такъ—«затменіе нашло», до того человѣкъ «зачитался», что кричать «караулъ», когда ему, по его характеру, надо бы кричать «ура». Такъ они и поняли: «временное, дескать, затменіе», ошибка, которая бываетъ съ каждымъ человѣкомъ. И это ихъ разсмѣшило. И дабы привести впавшаго въ затменіе человѣка къ равновѣсію, ему напомнили, что ни въ какомъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ «головы». Это правило моимъ собесѣдникамъ подсказано простымъ опытомъ жизни. Для меня оно нѣсколько больше, чѣмъ «опытъ жизни». Это вѣдь и выводъ науки. Соцредоточте, въ самомъ дѣлѣ, «всю верховную власть въ рукахъ законодательного собранія», какъ сказано въ программѣ с.-д., перейдите къ «прямому народному законодательству», какъ говорить программа с.-р., и все-таки—по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ «буржуазнаго строя»—«нужна голова», которая держала бы общий планъ и не давала бы частностямъ расползаться, куда зря. Назовите эту «голову» президентомъ, завѣдующимъ хозяйственной частью, представителемъ исполнительной власти, управляющимъ, приказчикомъ, «старшимъ писаремъ»,—но всетаки это должна быть одна голова, одно лицо и, дѣйствительно, «хоть ты его выбери, хоть роди», а безъ него не обойдешься.

Казалось бы, далѣе, что выводъ изъ разговора съ пріятели совершиенно ясенъ. Развѣ я сторонникъ республики, то отъ слова: «республика» надо совершенно отказаться, ибо оно убиваетъ всякую возможность понять другъ друга. Какъ и почему мои пріятели «распублику» произвели отъ «распутства», откуда взялось столь неожиданное словоизвѣдство,—вопрощь другой. Но фактъ, во всякомъ случаѣ, необходимо признать, и съ нимъ—считаться. И въ качествѣ сторонника республики, вынужденнаго отказаться отъ научнаго термина, я долженъ бы заговорить по существу,—почему законодательная власть должна принадлежать только народу, почему высшая исполнительная власть должна быть подзаконною, почему необходимо сосредоточить ее въ «одной головѣ», и почему эту «голову» лучше «выбирать», а не «родить», и какъ лучше выбирать: ножизненно ли, какъ было въ Польшѣ, или на срокъ, какъ въ Швейцаріи, всенароднымъ голосованіемъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, или голосованіемъ палатъ, какъ во Франціи, и т. д., и т. д. И только послѣ такихъ разговоровъ по существу я бы имѣть право судить, есть между нами разногласіе, или нѣть,

дѣйствительно ли сильны «монархическая преданія», или никакой силы не имѣютъ. На дѣлѣ же вышло, что разговоръ былъ явно неудачный, никакихъ принципіальныхъ разногласій на немъ не обнаружилось, однако и почему-то поторопился вообразить эти разногласія, насильственно и смѣло придать чужимъ словамъ такой смыслъ, какого они, быть можетъ, вовсе не имѣли. Повторяю: удивительное заблужденіе, столь удивительное, что теперь, на расстояніи 15—16 лѣтъ отъ бесѣды съ пріятелями-мѣщанами, приходившими ко мнѣ «послушать книжку», я самъ не умѣю хорошо разобраться, какъ оно сложилось.

И вотъ еще что удивительно. Съ отроческихъ лѣтъ мнѣ, какъ и всякому русскому интеллигенту, приходилось слышать, будто «нашъ народъ» «живеть» только «православіемъ да самодержавіемъ»: это, моль, твердыни его души. И съ отроческихъ лѣтъ я привыкъ на такую опись «твѣрдынь русской простонародной души» отвѣтчиа улыбкой. Давно уже для меня теоретически не составлять секрета, сколь мало эта «опись» соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но на практикѣ случалось какъ-то такъ: когда простонародье заговаривало со мною о «Богѣ», я тотчасъ же подозрѣвалъ, что рѣчь идетъ о православіи, и даже не просто о православіи, а о «синодской вѣрѣ», догматы которой излагаются въ «уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи». Получалось всетаки, что «народъ» меня подозрѣваетъ въ отсутствіи «истинной вѣры», а я въ томъ же самомъ подозрѣваю народъ. И, повторяю, лишь послѣ долгихъ огорченій для меня лично стало понятно, въ чёмъ секретъ.

То же въ сущности происходило и съ «самодержавіемъ».

«Мужикъ», не знающій меня, какъ-то инстинктивно подозрѣвалъ, что я, въ качествѣ барина, навѣрное «безбожникъ», а, въ качествѣ «безбожника», навѣрное, замышляю устроить всеобщую «расpubлику», дабы мнѣ совсѣмъ легко и удобно стало грабить, насиливать и распутничать. И когда «мужикъ», желая выяснить, кто я, спрашивалъ «насчетъ царя», я немедленно подозрѣвалъ приверженность «самодержавію», — «самодержавію», какъ я его понимаю, монументально увѣковѣченному Карійской каторгой, Петропавловской крѣпостью, Шлиссельбургскимъ каменнымъ мѣшкомъ и юридически оформленному авторами «положенія» объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Насмѣшливыя улыбки въ отвѣтъ на «клятвы», будто народъ преданъ самодержавію, какъ-то умѣли уживаться рядомъ съ подозрѣніемъ:

— А, пожалуй, и дѣйствительно преданъ...

Вездѣ среди простонародья, встрѣчая смѣщеніе «расpubлики» съ «распутствомъ», я постепенно охладѣлъ къ слову «республика» и даже отучился употреблять его. На митингахъ, напр., оно мнѣ стало казаться слишкомъ книжнымъ, стоящимъ слишкомъ вѣтъ русской дѣйствительности. Но, и охладѣвши къ слову, я долго не

могъ отучиться отъ привычки противополагать ему «монархическая преданія».

Помню, разъ въ Донской области пришлось мнѣ разговаривать съ однимъ казакомъ. Какъ известно, въ умѣ рядового казака «Донъ—особь статья», а «Россія—особь статья», и при томъ «статья» чужая, и даже порою враждебная. Собесѣдникъ мой оказался ярымъ «руссофобомъ».

— Хоть и изъ Россіи вы—говорилъ онъ мнѣ,—а прямо вамъ скажу,—обижаетъ насъ ваша Россія. Въ старину-то у насъ на все войско свой атаманъ былъ, мы его выбирали. А нынче его изъ Россіи присылаютъ. Посадить намъ его Россія на шею, вотъ и вози. Опять же и то возьми. Чей былъ царь надъ Россіей? Нашъ, донской *). Мы его поставляли. Нашъ былъ выборъ. А теперь вы насъ и отъ этого дѣла оттерли. Сами себѣ царя выбираете, а мы только послушаніе должны оказывать...

— Позвольте, да мы вовсе не выбираемъ...

— Не вы, такъ сенаторы ваши... Все едино. Главное, что насъ-то вы отъ этого дѣла совсѣмъ оттерли...

Мнѣ захотѣлось объяснить, что царь въ Россіи не выборный. И какъ-то сорвалась съ языка совершенно не подходящая фраза: «Дѣйствительно, моль, у васъ на Дону встарину были республиканские порядки»... Мой собесѣдникъ при словѣ: «республиканские», страшно обидѣлся и круто оборвалъ разговоръ:

— Неправда, никогда этого не было. Завсегда казаки по людски жили... Нечего зря языкомъ болтать...

И то, что онъ обидѣлся на слово: «республика», мнѣ опять таки показалось признакомъ, что «монархическая преданія» жизненны и сильны, хотя общій тонъ разговора не давалъ права дѣлать этотъ выводъ.

Припоминаю еще одинъ разговоръ со старикомъ богомольцемъ. Было это въ Бѣлобережскомъ монастырѣ, Орловской губ. Спать въ монастырской гостинице, душной, грязной, переполненной паразитами, не было никакой возможности. И мы коротали теплую іюнь-

) Богъ вѣсть откуда это взялось, но на Дону вообще есть глухое преданіе, будто царь въ Россіи нашъ, донской. По крайней мѣрѣ, мнѣ лично не разъ приходилось съ этимъ удивительнымъ мнѣніемъ сталкиваться. Священникъ окружной Константиновской станицы о. Алексѣй Бобыревъ объяснялъ мнѣ, что такое преданіе сохранилось, какъ отголосокъ «смутного времени». Но, конечно, это не столько объясненіе, сколько догадка. Характерно, что обычное назначеніе наслѣдника атаманомъ казачьихъ войскъ мѣстами истолковывается, какъ уступка взамѣнъ когда-то бывшихъ, но отнятыхъ правъ „имѣть надъ Россіей своего царя“. Пришлось мнѣ натолкнуться и на другой не менѣе характерный аргументъ. Какъ-то я сталъ доказывать, что никогда въ Россіи донского царя не было. Мнѣ насмѣшило отвѣтили: „Да ужъ теперь надо говорить, что не было... А только отчего же это московскій царь Дмитріемъ Донскимъ проявается? Ну-ка? отчего?..“

скую ночь на берегу рѣчки Снѣжети. Старикъ горько жаловался на судьбу-мачиху. И, дѣйствительно, его судьба оказалась ужъ слишкомъ злой мачихой, и всего зѣче она была, когда являлась въ образѣ начальства:

— А отчего все?—заключилъ старикъ свой разсказъ.—Оттого, что енералы взяли себѣ такое право—царя выбирать. А мы не при чемъ,—черный, значитъ, народъ. Вотъ оно и выходитъ: енераламъ—не житье, а масленица, а нашему брату—хоть ложись и умирай. Оттого главный беспорядокъ идетъ... Не знаю,—правда ли, нѣтъ ли, а только, говорять, въ другихъ державахъ не такъ это было поставлено...

— Да,—отвѣтилъ я,—не совсѣмъ такъ... Въ Америкѣ, дѣдушка царя всѣмъ народомъ выбираютъ...

— Вотъ!—возбужденно подхватилъ онъ.—О чёмъ же и я говорю?.. Кабы всѣмъ-то народомъ... Какъ можно!.. Совсѣмъ другой разговоръ...

— А во Франціи народъ сенаторовъ и депутатовъ выбираетъ, а сенаторы и депутаты—царя...

— Ну, что-жъ,—медленно проговорилъ онъ—и это бы ничего... Мы, значитъ, енараловъ выбираемъ, а енаралы царя... Нѣтъ это бы ничего... Гдѣ говоришь, это? во Франціи?

— Да, во Франціи...

— И насколько жъ его тамъ выбираютъ?

— На семь лѣтъ... А если не хороши окажется, его можно смѣстить и нового выбрать...

— Ишь! Ловкій народъ... Французы-то... Брешутъ, значитъ, будто у нихъ нѣту ни Бога, ни царя, а есть одна распублика...

Каюсь, даже этого старика я заподозрѣлъ тогда въ преданности «монархическимъ традиціямъ». И заподозрѣлъ только потому, что онъ по-своему понимаетъ «республику», и что боязнь испугать его «страшными словами» заставила меня ужъ черезчуръ произвольно обращаться съ государственно-правовыми терминами и называть президента республики царемъ.

Не къ тому веду, что вотъ, моль, путемъ такихъ-то и такихъ-то личныхъ наблюдений я пришелъ къ мысли, что въ Россіи среди большинства народной массы нѣть «монархическихъ преданій». Столь опредѣленное, конкретно выраженное положеніе я не рѣшился бы ни оспаривать, ни защищать. На основаніи моихъ личныхъ наблюдений я считаю себя въ правѣ сдѣлать болѣе общей выводъ:

Народъ, съ которымъ меня сталкивала судьба, сплошь оказывался «государственникомъ». Въ немъ крѣпка идея государственности, и онъ дорожитъ этой идеей. Распаденіе государства, въ глазахъ того народа, которого я наблюдалъ, было бы большими несчастьемъ. Эта народа не мыслить государства «безъ головы», въ которой сосредоточенъ общій планъ управления. Эту «голову», представленную непремѣнно въ одномъ лицѣ и неизбѣжную въ го-

государственномъ обиходѣ, онъ называетъ царемъ. И въ этомъ смыслѣ готовъ неизмѣнно повторять свое «правило»: «царство безъ царя не стоитъ»...

Насчетъ же «монархическихъ преданій» и всего прочаго, что примыкаетъ къ этому «вопросу», я лично все больше и больше прихожу къ мысли:

Мы не только ничего не знаемъ, но хуже того, — мы не стараемся что-либо узнать.

Право же, картина получается единственной, въ своемъ родѣ. Выходитъ такъ. Есть въ Россіи много миллионовъ темныхъ и беспомощныхъ людей, и есть не мало тысячъ самоотверженныхъ героевъ, готовыхъ просвѣтить, помочь, и до того милыхъ и скромныхъ, что они даже не замѣчаютъ собственного геройства. И тѣ, и другіе — и беспомощные, и готовые помочь — говорить, какъ будто, на одномъ и томъ же языкѣ. Слова звучатъ одинаково, пишутся однѣми и тѣми же буквами. Но обѣ стороны словно не замѣ чаютъ, что онѣ въ сущности говорятъ на разныхъ языкахъ и, не замѣ чаая этого, никакъ не могутъ понять, въ чёмъ дѣло, и порою сердятся другъ на друга.

Въ прошломъ, 1905 году всероссійскую извѣстность пріобрѣла фраза какого московскаго купца, который сурово закричалъ на оратора, упомянувшаго о конституціи:

— Не смѣй про конституцію, а что царь долженъ быть выборный, — это вѣрно.

Надѣ терминологіей московскаго «противника конституціи» много смыались. Но она не только смѣшна. Вѣдь въ ней прорвалась наружу изъ подпочвенныхъ глубинъ цѣлая полоса своеобразныхъ народныхъ представлений, что царь и теперь выборный, и что иначе, дескать, нельзя, а если и бываетъ иначе, то это неправильно. Эта жила подъ почвой есть. И не я одинъ находилъ ее. Но учтена ли она? Взвѣшена ли?

Въ нынѣшнемъ, 1906 году, особенно лѣтомъ, отовсюду приходилось слышать: «народовластіе пріемлется полностью, а царя, кричать, не тронь». Однихъ это обезкураживало (увы, моль, монархическая идея), другихъ радовало (вотъ, моль, какъ напѣть народъ, — горой за царя). Не было лишь ни справа, ни слѣва простого и, казалось бы, естественнаго желанія вникнуть, какъ слово «царь» въ этомъ случаѣ надо переводить на государственный языкъ. Терминомъ ли: «монархъ», или высшій представитель подзаконной власти? А вѣдь это основной вопросъ. И такъ какъ и правые, и лѣвые прошли мимо него, то въ деревенскихъ глубинахъ получается следующее. Сначала пріѣзжаетъ земской начальникъ и говоритъ:

— Соціалисты хотятъ царя уничтожить. Какъ же Россія безъ царя будетъ?..

И мужики разсуждаютъ: дѣйствительно, нельзя государству безъ головы быть, а только и намъ тоже нельзя безъ всякихъ правовъ

ваетъ въ туманные призывы Плещеева свое собственное содержаніе, и они пользуются до сихъ поръ ея неизмѣнными симпатіями.

Муза Плещеева и, быть можетъ, еще больше его личное вліяніе воспитали другого поэта-идеалиста, слава которого вскорѣ затмила его славу, но въ стихахъ котораго (особенно первого периода) такъ отчетливо слышится благодушно восторженный тонъ плещеевской поэзіи. С. Я. Надсонъ, несомнѣнно, былъ прямымъ его ученикомъ и наслѣдникомъ, хотя утвержденіе автора біографич. очерка Плещеева, будто молодой поэтъ «всесколько былъ обязанъ А. Н. Плещееву значительной долей своей извѣстности»,—мы и находимъ страннымъ.

Несмотря на высокую цѣну (4 р.), стихотворенія Плещеева выходятъ уже четвертымъ изданіемъ. Это огромный томъ въ 800 слишкомъ страницъ, распадающейся на три главныхъ отдѣла: оригинальныхъ стихотвореній, дѣтскихъ и переводныхъ—изъ 50 слишкомъ иностранныхъ авторовъ.

Лишнее говорить о достоинствахъ стихотвореній Плещеева для дѣтского возраста: они фигурируютъ во всѣхъ хрестоматіяхъ и пользуются неизмѣнной любовью маленькихъ читателей. Какъ переводчикъ, Плещеевъ также головою выше большинства русскихъ поэтовъ, переведившихъ иностранныхъ собратьевъ, и по красотѣ стиха, по близости къ духу подлинника уступаетъ, быть можетъ, только Жуковскому и Михайлову. Особенно замѣчательны, на нашъ взглядъ, его переводы изъ Гейне.

Эмиль Верхарнъ. 1) Стихи о современности въ переводе Валерія Брюсова. Москва. 1906. Книгоизд. „Скорпіонъ“. 128 стр. Цѣна 1р. 30 к. (Съ портретомъ Верхарна). 2) Зори. Пьесса въ четырехъ актахъ. Переводъ Георгія Чулкова (XI сборникъ „Знанія“).

Верхарнъ самъ даетъ общий абрисъ свой, какъ поэта, обращаясь («Въ вечерний часъ») къ будущему читателю, который «въ невѣдомыхъ вѣкахъ» захотѣлъ бы по его забытымъ книгамъ понять желанья и надежды «нашихъ дней»:

О пусть онъ вѣдаетъ, съ какимъ восторгомъ я,
Сквозь ярость и мятежъ, борьбы внимая кличу,
Бросался въ бой страстей и въ буйство бытія,
Чтобъ вынести изъ муки—Любовь, свою добычу!

Вотъ общее настроеніе поэта съ характерной для него гармоніей интересовъ личности и человѣческаго коллектива:

Люблю свой острый мозгъ, огонь своихъ очей,
Стукъ сердца своего и кровь своихъ артерій,
Люблю себя и міръ, хочу природѣ всей,
И человѣчеству отдаваться въ полной мѣрѣ!

Для Верхарна «жити: это, взятое, отдать съ весельемъ жизнъ свою», когда это понадобится. Отрицательные стороны современной

жизни-свалки его не пугаютъ: жизнь все ассимилируетъ: «паденье и полеть, величье и позоръ». Отъ человѣка требуется одно лишь: никогда не останавливаться и всегда искать:

О только бѣ, кругозоръ смѣнивъ на кругозоръ,
Всегда готовыи быть на новыя исканья!

—вотъ все, что нужно для увѣренности, что человѣчество идеть къ веснѣ—невѣдомой веснѣ человѣчества. И несомнѣнно, что лучшія мысли въ сборникѣ «Стиховъ», это—гимны невѣдомой веснѣ и Силѣ, ее создающей. Борьба за «весну» представляется Верхарну жестокой и кровавой, но въ то же время и обаятельной по своей грозной красотѣ и справедливости.

Возставшая за себя масса—герой его двухъ стихотвореній: «Возстанія» и «Мятежа». И въ томъ, и въ другомъ («Возстаніе», кажется, уже трижды переведено на русскій языкъ) Верхарнъ пламенный поэтъ «великой ярости» массы, возставшихъ на защиту своихъ поруганныхъ правъ:

Яростъ великая, съ пламеннымъ лицомъ,
Съ радостнымъ крикомъ,
Съ кровью бушующей въ жилахъ
Встала на грудѣ камней.
Все она можетъ! Все она въ силахъ!
Одно лишь мгновенье
Дасть болѣе ей,
Чѣмъ цѣлыхъ вѣковъ тяготѣнья.
Все, что мечталось когда-то,
Что въ геніи, въ пѣснѣ крылатой,
Провидѣли въ темной дали,
Что въ душѣ, какъ сѣвъ, западало,
Чѣмъ души, какъ травы, цвѣли,
Все встало,
Въ мигъ, смѣшавшемъ, какъ сплавъ:
Ненависть, силу, сознаніе правъ.

Никакихъ сомнѣній насчетъ конечнаго торжества обездоленной массы у автора «Стиховъ» нѣть:

Сегодня всему наступила пора,
Что бредомъ казалось вчера

Впрочемъ, даже если бы этой прочной увѣренности у бельгійскаго поэта не существовало, это наврядъ ли измѣнило бы его основное настроение. Для него суть жизни въ томъ, чтобы

Пряжу для жизни ликующей прасть
Иль жертвой строительной пасть!
Умирая,—творить, обновлять.
Убивая, твори, обновляй
Иль пади и умри!
Открой или руки о двери сломай...,

И значить никакого выбора по существу нѣть: открыть, если придется, или руки сломать, если двери будут крѣпче рукъ.

Рядомъ съ яркими, ясными стихами въ родѣ указанныхъ, въ сборникѣ есть (и ихъ даже больше) такие, наслажденіе отъ которыхъ опредѣляется гораздо больше сознаніемъ, что Верхарнъ и/orаторъ въ искусствѣ. Чуть вы забудете объ этомъ, забудете о томъ, что въ этихъ «Стихахъ» Верхарна вы имѣете дѣло съ новыми путями въ поэзіи, и станете искать только власти художника надъ вашимъ настроеніемъ, надъ вашимъ чувствомъ, вы принуждены будете закрыть Верхарна съ чувствомъ несомнѣнного разочарованія. Онъ васъ не захватитъ, и даже покажется скучнымъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ «Стихахъ» именно это служитъ Верхарну крупную службу (относительную, конечно). Таково стихотвореніе: «Женщина на перекресткѣ». Длинное стихотвореніе съ непонятными строфами въ родѣ:

— Да! я вонзающая зубы!
Понявъ погибельность свою,
Какъ знакъ конца кладу я губы...
Я погибаю иль гублю!

создаетъ настроеніе какого-то недоумѣвающаго, тоскливаго ожиданія. Кого-то ждетъ на перекресткѣ женщина въ черномъ—изъ тѣхъ, что «ежечасно готовы къ ласкамъ», изъ тѣхъ, что «прекрасны и всенародны, какъ смерть». Ждетъ и читатель, когда же, иаконецъ, передъ нимъ окажется послѣдняя строфа этой скучной сочиненной вещи. И вдругъ послѣдняя строфа, самая послѣдняя строка, остро бьетъ въ сознаніе читателя: женщина въ черномъ на перекресткѣ ждетъ

Того, чей окровавленъ ножъ.

Ей доставляетъ наслажденіе мысль, что она дастъ наслажденіе убийцѣ. Кого онъ убилъ, ей это все равно. Люди и покупатели ея тѣла для нея простые синонимы:

Мое имъ сладко отвращенье
Къ ихъ ласкамъ и къ презрѣнью ихъ.

И этотъ убийца, тоже покупатель ея тѣла, но онъ кого-то убилъ, т. е. кому-то за нее отмстилъ... Неожиданное впечатлѣніе отъ послѣдней строки безспорно яркое; имъ въ извѣстной мѣрѣ искушается утомленіе отъ нѣсколькоихъ десятковъ предыдущихъ стиховъ, по прежнему остающихся темными въ родѣ вышеприведенныхъ четырехъ строфъ или одного изъ вопросовъ женщины въ черномъ, обращенного къ кому-то на перекресткѣ: о томъ, не въ просторы ли набата она кидаетъ свои волосы?

Среди «Стиховъ о современности» имѣется и сонетъ Верхарна

о свиньяхъ («Свиньи»). Не о символическихъ, а о самыхъ подлинныхъ, которыхъ

... близъ помойныхъ ямъ, лучами озаренныхъ,
Мочились, хвостъ завивъ, уставивъ ноги въ грязь,

а въ ноябрѣ, когда ихъ зарѣзали, оказались очень жирными:

Изъ ихъ большихъ задовъ само сочилось сало.

Если бы издатели дали обширный сборникъ стихотвореній Верхарна, помѣщеніе этого сонета, въ интересахъ равномѣрнаго освѣщенія творчества Верхарна, какъ поэта недѣлимой жизни, не знающаго раздѣленія сюжетовъ на поэтические и непоэтические, имѣло бы смыслъ и оправданіе. Но переводчикъ и издатели дали маленький сборникъ, имѣющій цѣлью лишь познакомить русскаго читателя съ Верхарномъ, и естественно, что «Свиньи» заняли въ сборникѣ непропорціонально значительное мѣсто, являясь чѣмъ-то такимъ, на чемъ основана репутація Верхарна, какъ «великаго поэта природы», по отзыву переводчика... Въ добавокъ «Свиньи» помѣщены въ отдѣлѣ «Видѣній (?) по пути», при чемъ всѣ—«и самки и самцы»—оказываются сть «молочными, отвислыми сосцами».

Въ предисловіи къ своему сборнику переводчикъ считаетъ необходимымъ оговориться, что «Стихи» оставляютъ въ сторонѣ Верхарна, «какъ... мыслителя, какъ чистаго лирика и какъ драматурга». Этотъ пробѣгъ отчасти пополненъ переведеною г. Чулковымъ пьесой безъ быта «Зори» (XI сборникъ «Знанія»). Здѣсь Верхарнъ выступаетъ въ сложномъ замыслѣ не только лирика, но и живописца будущей соціальной революціи, ея вѣрованій, ея надеждъ и психологіи. Въ драмѣ читатель присутствуетъ «въ невѣдомыхъ вѣкахъ» при великомъ переломѣ въ будущей исторіи, когда двѣ воевавшихъ націи (безъ именъ), «одна—отказалась отъ побѣды, а другая—отъ своей оскорблennой гордости, и обѣ слились въ объятіе». Въ изображеніи Верхарна, офицеръ, принадлежащий къ составу отказавшейся отъ побѣды непріятельской арміи, говоритъ: «Если родина прекрасна, мила сердцу и незабвѣна, то нація, вооруженная границами, ужасна и отвратительна». Исходя изъ этого лозунга, обѣ арміи, вопреки волѣ высшихъ начальниковъ, вступили въ тайные переговоры, заключившіеся сдачей столицы бывшимъ врагамъ, которые приходять въ нее за тѣмъ, чтобы объявить, что отнынѣ побѣдителей нѣть и кровавой борьбы между людьми—людьми сказано: нѣть! Главный виновникъ всего проишшедшаго, трибуналъ Эренъенъ, падаетъ жертвой примиренія: онъ убитъ въ моментъ торжества чѣмъ-то изъ фанатичныхъ приверженцевъ старого. Трупъ убитаго приносятъ на Площадь Народовъ и кладутъ въ виду статуи Правительства, которое онъ низвергъ, и среди общихъ криковъ ненависти къ власти, которая «слопала

нась», какъ кричить Нѣкто изъ деревни, которая «обезчестила нась», какъ кричить Нѣкто изъ города, которая была «смерть» и «преступлениемъ»,—статуя подвергается разрушенню. Кто-то изъ пророковъ (въ пьесѣ ихъ два: городской пророкъ и деревенскій пророкъ) возвглашаетъ: «Пусть нынѣ занимаются Зори!»—и этиими словами заканчивается драма.—Передавая такимъ образомъ *только* содержаніе «Зорь», передаешь по существу все необходимое, что имѣлъ въ виду авторъ. Люди въ «Зоряхъ» нужны не сами по себѣ, а только ради того, что они говорятъ. Почти въ такой мѣрѣ они и разработаны. Тѣмъ не менѣе пьеса производить энергичное впечатлѣніе: толпа со своимъ перемѣнчивымъ настроеніемъ вездѣ жива и правдива, а центральная фигуры трибуна Эренъена и брата его жены, Эно, эти два различныхъ по характеру бойца, хотя и не разъяснены, какъ психологическія единицы, но облечены въ подлинную плоть и кровь бойцовъ.

Д. Ратгаузъ. Полное собрание стихотворений. Изд. т-ва Вольфъ. Спб. и М. 185+IV и 232+IV стр. Ц. 3 р.

Много лѣтъ назадъ Достоевскій, полемизируя съ утилитарными воззрѣніями Добролюбова на роль искусства, сочинилъ гипотетическую притчу о томъ, какъ на другой день послѣ лиссабонского землетрясенія въ мѣстномъ лиссабонскомъ «Меркуріи» появляется стихотвореніе въ родѣ: «Шепотъ, робкоѣ дыханіе, трели соловья». Взбѣшенные лиссабонцы, разумѣется, растерзали бы своего поэта. Но такъ какъ стихотвореніе всетаки могло быть великодѣльно, то черезъ полѣвѣка лиссабонцы раскаялись и поставили памятникъ своему поэту. Этимъ аргументомъ Достоевскій защищалъ искусство. «Виновато было не искусство, а поэтъ, злоупотребившій искусствомъ въ ту минуту, когда было не до него. Онъ пѣлъ и плясалъ у гроба мертвѣца... Это, конечно, было очень не хорошо и чрезвычайно глупо съ его стороны; но виноватъ опять-таки онъ, а не искусство».

Эти основательные афоризмы поборника чистаго искусства умѣстно вспомнить въ наши дни. Мы переживаемъ, можнѣ сказать, перманентное лиссабонское землетрясеніе. Мало того: потрясающія событія, въ атмосферѣ которыхъ мы живемъ, должны вызывать тѣмъ большую бурю скорби и гнѣва, что они созданы не безучастной игрой стихіи, а злой волей людей. Какуванестезированную душу надо имѣть для того, чтобы остаться со всѣмъ своимъ творчествомъ въ сторонѣ, чтобы отозваться на всѣ эти ужасы лирикой соловьиныхъ трелей. Мы имѣемъ въ виду, разумѣется, не точку зрѣнія морального суда, но интересы творчества: чѣмъ, кромѣ безвкуснаго и ненужнаго воробышнаго чирканья, можетъ отозваться даже на свои, личныя переживанія мысль, не потрясаемая этимъ общественнымъ ураганомъ?

У насъ нѣтъ болѣе опредѣленнаго представителя этой чирикающей лирики, чѣмъ г. Ратгаузъ, нынѣ собравшій всѣ свои стихотворенія въ двухъ красиво напечатанныхъ томахъ, къ которымъ приложилъ свой портретъ. Портретъ этотъ изображаетъ невыносимо обыкновеннаго и щеголеватаго молодого человѣка и составляетъ превосходную иллюстрацію къ стихотвореніямъ. Да, разумѣется, именно такой международно-биржевой, лишенный всякой индивидуальной печати видъ долженъ имѣть создателъ этихъ гладкихъ, тепловатыхъ, вылощенныхъ, умѣренныхъ и аккуратныхъ, самодовольныхъ и ненужныхъ стихотвореній. Кто прочелъ два—три, тотъ прочелъ всѣ; кто не читаль ни одного, можетъ не жалѣть объ этомъ. Въ безличії—индивидуальность г. Ратгауза, хотя онъ охотно бережетъ себя отъ вліянія всякихъ литературныхъ группъ; онъ не политикъ и не декадентъ, и оттого гордъ своимъ *splendid isolation*, не замѣчая банальности этой позы:

Я не хочу идти проторенной дорогой
Туда, гдѣ алтари мишурные горятъ,
Гдѣ жалкіе рабы богамъ толпы кадятъ
Съ завистливой тревогой.
Съ пѣвцами новыми мнѣ рядомъ не идти,
Я неба не сыщу въ ихъ пѣснопѣньяхъ новыхъ,
Мнѣ суждено брести по своему пути...

На эти претензіи давно отвѣтилъ Гете:

Das ist, wenn ich, recht verstand,
Jch bin ein Narr auf eigne Hand.

Извиняемся въ грубости формы, навязанной намъ великимъ поэтомъ, но не позволимъ себѣ вносить ограниченія въ его мысль.

Борисъ Зайцевъ. Разсказы. 1906. Изд—ство „Шиповникъ“, 92 стр. Цена 50 коп.

Сборникъ рассказовъ г. Зайцева, въ свое время обратившаго на себя вниманіе критики, позволяетъ читателю составить представление объ общемъ итогѣ его литературной дѣятельности. Вотъ очень характерный для творчества г. Зайцева отрывокъ (пѣлая главка) изъ его рассказа «Деревня», суммирующаго ежедневныя впечатлѣнія деревенскаго помѣщика.

„Такъ шумитъ осень въ деревнѣ. И уже ярко зеленѣеть озимъ, рождаются въ усадьбѣ новые обитатели: пестрый теленокъ, маленький человѣчекъ, сынъ застольной кухарки, пара жеребятъ. Скоро зима. Крымовъ знаетъ это и ждетъ только снѣга, санного пути“.

Повторяемъ: это очень характерный для общаго тона рассказовъ г. Зайцева отрывокъ. Передъ читателемъ сборника все время мелькаютъ события именно въ этомъ родѣ: осень, пестрый теленокъ,

маленький человечекъ, пара жеребятъ и зима. И г. Зайцевъ знаетъ, что это такъ есть, такъ должно быть: въ этомъ и заключается его философія. Такъ же, какъ и Крымовъ, г. Зайцевъ въ этой пестротѣ «ощущаетъ одно, простое и великое, чemu имени онъ не знаетъ, и что любить глубоко»—жизнь. Пусть это будетъ не что иное, какъ ощущеніе неудобной юзды по деревенской дорогѣ на станцію, подъ вѣтвь мятли. Въ этихъ звукахъ такъ же, какъ въ «медленномъ, тугомъ ходѣ мыслей» у своего спутника—кучера, которому *неудобно* сидѣть на облучкѣ; такъ же, какъ въ прикосновеніи грубої бараньей полости и въ скатанныхъ клубахъ шерсти на брюхѣ и бокахъ лошадей,—именно во всемъ этомъ и есть то «простое и великое», чemu имени авторъ не знаетъ и что любить глубоко. Жизнь есть сумма мгновеній, и какъ сумма мгновеній, и должна быть изображаема. Это опредѣляется и конечное впечатлѣніе читателя. Какъ только сборникъ закрытъ, остается впечатлѣніе отъ кинематографического сеанса. Передъ вами промелькнула цѣлый рядъ картины. Тутъ было и важное и мелкое, и тажелое и радостное, и сцены погромовъ и сцены любви, все это вы видѣли, всему этому вы были свидѣтелемъ, но все это только мелькало передъ вами и не давало ни глазу, ни мысли (г. Зайцевъ, вѣроятно, высоко цѣнилъ какъ разъ поэзію мысли) ни на чёмъ остановиться. Но этого мало. Обязанность передавать всю полноту жизни не иначе, какъ короткими замѣтками и отдѣльными словами, заставляеть автора заботиться о томъ, чтобы эти отдѣльные фразы и слова были особенно выразительны и приспособлены. Отсюда цѣлый рядъ неологизмовъ въ родѣ замѣточки, рыка, дѣдья, дышанья, дыбить (пусть читатель самъ угадаетъ, что значатъ эти слова). Отсюда цѣлый рядъ забавныхъ эпитетовъ и сравненій, то странныхъ, то просто непонятныхъ. Особенно богатъ ими «Священникъ Кронидъ». Заглавіе, конечно, не правильное: главное въ разсказѣ не священникъ Кронидъ, а общій ландшафтъ, на которомъ одинаково красиво напесены и природа, и батюшка, и корова, и падающій дождь, и праздничная платья бабъ. Въ результатѣ одушевленные предметы совершенно сливаются съ неодушевленными, образуя нѣчто въ родѣ красиваго плаката, въ которомъ вниманіе читателя останавливаются только такія подробности, какъ то, что о. Кронидъ говоритъ «умными грудными звуками», а борода у него «ласковая» и, вѣроятно, такая же «добрая», какъ языки у равноцѣнной героини разсказа—коровы, по сосѣдству съ которой «вѣtroобразные» жеребята «передуваются съ мѣста на мѣсто». Это, впрочемъ, хоть мыслимо (условно, конечно), такъ же, какъ мыслимы, напримѣръ, «злыя» ребра у волковъ въ разсказѣ «Волки», или волосы, «обтекающіе» тѣло спящей женщины въ разсказѣ «Миѣ». Мыслимо допустить больше: допустить внутренній смыслъ въ сравненіи только что упомянутой спящей женщины съ «свѣтло-солнечной рыбой, какихъ—по увѣренію самого автора—не бываетъ на самомъ дѣлѣ»; мыслимо допустить,

наконецъ, авторскую гипотезу, что эта женщина лежала въ постели подъ одѣяломъ—«въ розовомъ дыму!» Но какъ отнестись серьезно къ непостижимымъ указаніямъ автора о томъ, что у его Карпыча глаза были «полны полевого вѣтра» («Священникъ Кронидъ»), а у «солдатообразнаго» кучера, съ которымъ Ѳхаль Крымовъ, «въ мозгахъ (было) свѣжепахнувшее дерево, стружки», и этимъ деревомъ, въ концѣ концовъ, наполнился и самъ Крымовъ! Неужели же это можетъ быть искренно? Или серьезны и искренни такого рода мысли г. Зайцева о будущемъ человѣкѣ:

„Людямъ не зачѣмъ становиться безплотными духами,—наоборотъ, они будутъ одѣты роскошнымъ *пльесучимъ* и иѣжнымъ тѣломъ... такое тѣло, Лисичка (имя „пѣюще-розовой“ женщины), и *портиться-то не можетъ*. Оно будетъ какъ-то мягко *кипѣть*, *пъниматься* и вмѣсто смерти *таять*, а можетъ и таять не будеть и умирать не будетъ („Миель“).“

Но вотъ рядомъ съ этими образчиками литературной causerie разсказать «Мгла», въ которомъ авторъ отказался отъ обязанности быть интереснымъ кинематографомъ и даль себѣ трудъ вглядѣться въ того, о комъ разсказываетъ. Разсказываетъ же онъ о человѣкѣ, который на охотѣ чувствуетъ себя только охотникомъ, которому во что бы то ни стало нужно поймать и даже терзать добычу. Какъ только началась удачная охота, рассказчикъ сейчасъ же почувствовалъ, что въ него вошла какая-то мгла, на подобіе той, которая висѣла вокругъ него въ морозномъ воздухѣ.

«Простымъ глазомъ видно было, какъ хлестнуло его (волка) по боку (выстрѣломъ), какъ мучительно онъ перекувырнулся, завертѣлся на мѣстѣ и всетаки рванулъ бѣжать... Я скжималъ всѣ мускулы въ себѣ, корчился отъ желанья схватить его, въ слѣпой ярости бросился за нимъ въ оврагъ, что-то кричалъ, какъ будто, себѣ въ оправданье... Въ горлѣ хрюпѣло, пальцы хрустѣть, ротъ дергается и что-то безумное, сладострастно-жестокое владѣетъ мной; какъ будто, руки мои жаждали теплаго, трепещущаго мяса, „его“ мяса, и я, не задумываясь, зарѣзалъ бы его, наносилъ бы ему безъ счета раны, только бы онъ былъ мой!»

Но вотъ волкъ добить. И душевная «мгла» такъ же точно разсѣялась невѣдомо, какъ и пришла. «Вспоминая нашу пустынную борьбу (съ волкомъ), тамъ, въ безлюдномъ полѣ, я не испытывалъ ни радости, ни жалости, ни страсти. Мнѣ не было жаль ни себя, ни волка... «Но—заканчиваетъ рассказчикъ—не было бы странно и то, если бы въ этой бездонной тымѣ (наступившей зимней ночи) я увидѣлъ неподвижное лицо Вѣчной Ночи, съ грубо вырубленными, сдѣланными какъ изъ камня огромными глазами, въ которыхъ я прочелъ бы спокойное, величавое и равнодушное отчаяніе—за многогранность жизни и человѣческой души».

Любопытно, что въ «Мглѣ» нѣть *ничего похожаго* на словесные виньетки и замысловатыя выдумки въ родѣ тѣхъ, что были указаны выше. Рассказъ интересенъ по тону, интересенъ по вну-

треннему освящению, которое дается фабулѣ, интересенъ по формѣ и свидѣтельствуетъ, что г. Зайцевъ можетъ дать русской литературѣ нечто большее, чѣмъ остальная демонстрація литературнаго кинематографа, изъ которыхъ онъ составилъ свой сборникъ.

Д. Мережковскій. Воскресшіе боги. Изд. третье М. В. Нирожкова. Спб. 1906. 820 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Какъ и слѣдовало ожидать, наибольшій успѣхъ изъ произведеній г. Мережковскаго имѣло произведеніе наиболѣе слабое: его историческая трилогія. Г. Мережковскій долженъ быть писать исторические романы, не могъ ихъ не писать. Исторический романъ есть та форма, въ которой получала наибольшій просторъ склонность, чуть не опредѣляющая существо литературныхъ пріемовъ г. Мережковскаго: склонность къ необоснованному утвержденію. Въ критикѣ это отсутствіе доказательствъ неудобно: ихъ всетаки требуютъ. Г. Мережковскій пробовалъ обойти это требование: онъ объявлялъ предварительно, что его критика ничего не доказываетъ, она откровенно субъективна. Но такъ какъ отречься отъ природы человѣческаго мышенія было невозможно, такъ какъ доказывать всетаки приходилось, то положеніе получалось неблагопріятное: доводы приводились, но рискованныхъ выводовъ они поддержать не могли. И ни отъ себя, ни отъ другихъ нельзя было скрыть, что эти выводы суть не что иное, какъ неосновательны гипотезы, иногда смѣлыя, иногда только бойкія, но всегда не доказанныя. Въ критикѣ, которая не сливается и не можетъ въ точности своихъ пріемовъ слиться съ наукой, такие пріемы возможны; но, конечно, въ гораздо большей степени они употребительны въ историческомъ романѣ, который по существу есть гипотеза. отказавшаяся отъ оснований. Вмѣсто того, чтобы, на основаніи исчерпывающаго изученія всей совокупности данныхъ, сказать то, что я думаю объ эпохѣ, я поступаю проще: беру тѣ изъ этихъ данныхъ, которыя мнѣ удобнѣе, комбинирую ихъ такъ, какъ мнѣ удобно, умалчиваю о тѣхъ, которыя мнѣ не удобны, присоединяю то, что мнѣ подсказала выдумка, и изъ этого создаю конкретные образы. Ихъ конкретность служитъ мнѣ защитой: если бы я въ историческомъ изслѣдованіи приписалъ итальянцу шестнадцатаго вѣка тотъ или иной поступокъ, то или иное свойство, отъ меня могутъ потребовать доказательствъ. Романъ спасаешь отъ этого неудобства: можно всегда сказать, что мы имѣмъ дѣло не съ типичнымъ, а съ индивидуальнымъ; это не итальянецъ вообще, это Доменико, Джироламо, Франческо; поэты въ правѣ изобразить ихъ такъ, какъ онъ ихъ видѣть, въ правѣ посадить ихъ въ ту комнату, которой не видѣли они, но видѣль онъ, въ правѣ вложить въ ихъ уста цитаты изъ сочиненій ихъ эпохи, имъ, быть можетъ, неизвѣстныхъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, г. Мережковскій злоупотребилъ этимъ

правомъ. Оно и понятно: онъ такъ жаждалъ возможности бытьувѣренно-безотвѣтственнымъ въ своемъ творчествѣ; здѣсь же къ этой заманчивой возможности присоединилась другая, не менѣе пріятная г. Мережковскому. Онъ вѣдь книжникъ по преимущество. Книга всегда стояла между нимъ и міромъ, который онъ изображать не столько *à travers le tempérament*, сколько сквозь книжныя впечатлѣнія. Здѣсь живыхъ впечатлѣній отъ міра, подлежащаго изображенію, не было совсѣмъ: были его реальная древности, остатки его вѣчнаго быта и—самое главное—книги: книги, оставленныя имъ и написанныя о немъ.

Книга душить въ романѣ о Леонардо да Винчи. Изъ всего романа, изъ разнообразнѣйшихъ рассказовъ о судьбахъ разнообразнѣйшихъ людей, изъ калейдескопа образовъ, то дѣйствительно существовавшихъ, то созданныхъ авторомъ, яснымъ, опредѣленнымъ и какъ бы символизирующими все содержаніе толстаго романа остается одинъ образъ: образъ г. Мережковскаго, дѣлающаго въ библіотекѣ выписки для того, чтобы эти выписки продуцировали, вспоминали или читали въ его романѣ Маккіавелли или Александръ Борджіа, Лодовико Моро или Евтихій Гагара, Саванарола или ученики Гемиста Плетона. Добрый десятокъ страницъ занялъ бы, вѣроятно, одинъ списокъ произведений, которая непрерывно и неустанно, съ нуждой и безъ нужды, цитируются на страницахъ романа съ необычайной прихотливостью и разнообразiemъ. Здѣсь и древне-греческій гимнъ олимпійцамъ, и итальянская народная пѣсня, и «Красоты латинскаго языка» Джорджіо Мерулы, и церковныя пѣснопѣнія, и «Каталогъ всѣхъ блудницъ въ домахъ терпимости съ ихъ цѣнами», и сонетъ влюбленнаго епископа, и «Книга пророчествъ» Христофора Колумба, и проповѣди Саванаролы, и вѣдьмины заклинанія, и «Miles Gloriosus» Плавта, и карманный календарь Моро, и стихи Беллиначіони, и гасконская пѣсенка о Карлѣ VIII, и письмо герцогини Беатриче и «Mirabilia urbis Romae», и привилегія Максимилиана, и донесеніе венеціанскаго посла Марино Сануто, и объявление объ «огненномъ поединкѣ», и довѣрительная грамоты посламъ при турецкомъ султанѣ. Надо напомнить, что Леонардо былъ незаконнорожденный—цитируется флорентинскій кадастръ; надо показать возмущеніе Джованни Бельтраffio—ему влагаютъ въ мысль цитаты изъ Апокалипсиса; письмо Цезаря къ Изабеллѣ Гонзага смѣняется сатирой на Александра VI, Ioаннъ Златоустъ Ефремомъ Сириномъ, була обѣ учрежденія духовной цензуры первой книгой Царствъ, сказаніе александрийскихъ огнепоклонниковъ «Новѣйшимъ Молотомъ Вѣдьмъ», русскіе «Измарагды» и «Златоструи» «Иконописными подлинникомъ»—и такъ далѣе, и такъ далѣе, не считая, разумѣется, необъятнаго количества цитать изъ многочисленныхъ сочиненій самого Леонардо. Право, можно подумать, что люди этой эпохи не жили, а только цитировали, что словесностью всѣхъ родовъ была проникнута вся жизнь итальянцевъ XVI вѣка въ еще

большой степени, чѣмъ жизнь ихъ изобразителя въ двадцатомъ. Если выбросить всю эту литературу да всѣ прибавленныя къ ней бытовыя и психологическія детали, отъ которыхъ невыносимо несетъ письменнымъ столомъ сочинителя, то отъ всего романа останется поразительно мало. Это Эберсъ, только безъ учевыхъ примѣчаній.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ I. Москва. Изд. „Научнаго Слова“. 1906. 243 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Название книги не кажется намъ удачнымъ. Силуэтъ ясенъ и лишенъ воздушной перспективы; онъ рѣзко выдѣляется на безразличномъ фонѣ и опредѣленно запечатлѣваетъ характерныя черты; оттого онъ легко запоминается, оттого онъ легко сбивается на карикатуру. Не таковы литературныя характеристики г. Айхенвальда. Менѣе всего свойственна имъ эта отчеканенная опредѣленность: онъ мягки и какъ бы отдалены отъ насъ дымкой тумана. Въ этомъ туманѣ обликъ характеризуемаго писателя колеблется, получая большую сложность, чѣмъ ему могло сообщить сознательное искусство портретиста. Для этой настоящей сложности его палитра бѣдна; у него нѣтъ того богатства категорий, которое способно хоть отчасти уловить многообразіе жизненнаго явленія. Онъ охотно примѣняетъ иные приемы, которые удаляютъ его литературныя портреты отъ категоричности силуэта, но даютъ имъ привлекательныя краски, не очень живыя, но и не крикливыя. Эти портреты напоминаютъ иллюстраціи, которыми украшена книга г. Айхенвальда. Это фотографії, наклеенные въ текстѣ. Нѣтъ ни рамки, ни какой иной связи съ печатной страницей: надъ заглавіемъ или текстъ просто приклеена миленьевская, но блѣдненькая фотографія, изображающая писателя. Совершенно то же въ портретахъ, набросанныхъ г. Айхенвальдомъ: они безъ рамки, безъ связи съ окружающимъ міромъ, безъ исторіи, безъ перспективы; они какъ будто написаны не съ живыхъ людей, а съ ихъ восковыхъ изображеній: иногда вѣрно, но всегда мертвѣ. Исторіи г. Айхенвальда какъ будто предпочитаетъ свой догматъ; особенно любить онъ разсужденіе о томъ, достигъ или не достигъ характеризуемый писатель нѣкоторой особенной высоты прозрѣнія, сущности которой, однако, авторъ не уясняетъ. Въ пассивѣ Крылову онъ ставить то, что «житейская мудрость не есть самое высокое и цѣнное въ мірѣ»; то, что проникнуто ею, стелется по землѣ и не служитъ идеальнымъ запросамъ духа». «Удовлетворенность баснописца не есть то высшее просвѣщеніе благоволеніе къ жизни, та человѣческая мудрость, которая побуждаетъ жить съ міромъ въ мірѣ, принять и благословить его: нѣтъ, Крыловъ доволенъ потому, что онъ не требователенъ. За то самъ онъ не удовлетворяетъ чужимъ требованиямъ, когда они идутъ за предѣлы неподражаемой формы и сверкающаго юмора». Здѣсь положительныя стороны творчества Крылова

конечно, уменьшены несправедливо. Но если бы это и было вѣрно, то позволительно спросить, какое значение имѣют эти неопределенные «чужія»—дѣйствительно, чужія—требованія, обращенные къ Крылову: «Будь, какъ Гете». Важно ли то, что Крыловъ не былъ Гете? Не безконечно ли важнѣе, что онъ былъ Крыловымъ? «Аксаковъ не поднялся на горныя вершины человѣческаго»; Гончаровъ въ сложной натурѣ «тонко подмѣтить и колоритно описать то простое и вѣнчаное, что въ ней есть,... но боязь высокія проявленія ея духа не найдутъ себѣ съ его стороны искуснаго освѣщенія и чисто-художественной обработки»; Короленко тоже «ни разу не поднялся на торжественную и строгую вершину пушкинской неумолимости и простоты».

Это, конечно, очень удобная позиція: взять писателя и заявить, что онъ второй сортъ. Это удобно, потому что бесспорно. Но если критика не есть выставленіе балловъ, а самостоятельное творчество, то г. Айхенвальду слѣдовало бы помнить, что все эти беспорные указанія на недосыгаемыя вершины имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку ими уясняются эти вершины, поскольку ими конкретизируются высокія требованія. «Гетеевская мудрость», «строгая вершина пушкинской неумолимости», «горныя вершины человѣческаго»—все это звучитъ очень хорошо, но не объясняетъ ничего, пока не наполнено конкретнымъ содержаніемъ. Тамъ, где быть и не чувствуется этой опредѣленности, этой конкретности—она совсѣмъ не исключаетъ спорности,—тамъ совершенно не оправданными являются претензіи, съ которыми г. Айхенвальдъдержанно поучаетъ писателей вещамъ, довольно общеправѣстнымъ. По его указанію, напримѣръ, Короленко «не знаетъ, что жѣтъ событій страшнѣе внутреннихъ, которыхъ протекаютъ въ будничной обстановкѣ и совсѣмъ не требуютъ для себя декорацій чрезвычайныхъ». А г. Айхенвальдъ знаетъ—радуемся за него. Радуемся за него и тогда, когда онъ, не пытаясь сопоставлять писателей второстепенныхъ съ первоклассными—въ уясненіе которыхъ онъ не внесъ ничего оригинального—просто пытается передать настроенія и имечатлія, порожденные въ немъ ихъ творчествомъ. Напрасно только онъ передаетъ результаты своихъ читательскихъ размышлений въ стилѣ ораторски-приподнятомъ, съ вибраціей увлеченія въ голосѣ, съ осанкой благороднаго отца. Онъ знаетъ цѣну простоты, но не умѣеть овладѣть ея тайной, ибо она требуетъ полнаго господства надъ материаломъ, а г. Айхенвальдъ чаще во власти своего словеснаго материала. Онъ не скажетъ «чарами» или «волдовствомъ», но «какой-то ворожбой проникъ ей въ сердце человѣка»; онъ не скажетъ «пахарь», но «оратай жизненнаго поля», не скажетъ «въ кругу», но «въ окруженіи своихъ родныхъ». Эта манерность раздражаетъ, потому что она характерна для всего творчества г. Айхенвальда. Онъ могъ бы обойтись безъ нея—и

этимъ сдѣлалъ бы болѣе привлекательной свою симпатичную перг-
итетную галлерею.

**Проф. Брюкнеръ. Русская литература въ ея историческомъ разви-
тии.** Переводъ съ нѣм. А. Г. Савинскаго, подъ редакціей В. В.
Битнера. Изд. «Вѣстника Знанія». Часть II. Спб. 1906. 180 стр.

Книга берлинскаго профессора имѣла въ Россіи «хорошую
прессу»; къ ней отнеслись со всѣмъ вниманіемъ, которою заслу-
живала серьезная попытка образованаго европейца познакомить
нѣмцевъ съ судьбами русской литературы. Исторіи въ настоящемъ
смыслѣ въ ней не много; она скорѣе представляетъ собой хроно-
логический по формѣ и критический по содержанію *vade-mecum* для
общаго обзора того, что подлежитъ непосредственному изученію.
Европейскій читатель, знакомясь съ крупнымъ русскимъ писате-
лемъ, никогда не знаетъ его мѣста въ литературѣ, его создавшей.
Между нимъ и русскимъ писателемъ и такъ ужъ стоять непод-
димыя преграды въ видѣ чужого языка, чужихъ бытовыхъ дета-
лей, чужой психологіи. И писатель, воспринятый безъ всякаго
знакомства съ окружающей его исторической обстановкой, вѣ-
связи съ литературнымъ движениемъ, его несущимъ, получаетъ
освѣщеніе подчасъ фантастическое, часто мертвенно-абстрактное.

Въ этихъ условіяхъ работа проф. Брюкнера могла вызвать въ
русской критической литературѣ только благодарственный откликъ,
и этимъ, быть можетъ, объясняются тѣ преувеличенія, которыхъ, на
нашъ взглядъ, чувствовались въ похвальномъ отзывѣ профессора
Алексея Н. Веселовскаго. Русскому читателю книга Брюкнера
даетъ не много, и потому—вопреки указаніямъ нѣкоторыхъ кри-
тиковъ — не нуждалась въ переводѣ на русскій языкъ. Но эти
указанія, разумѣется, не могли не соблазнить г. Битнера, который
въ погонѣ за переводнымъ материаломъ для своихъ безчислен-
ныхъ приложенийъ беретъ свое добро нездѣ, гдѣ оно ему доступно.
И онъ представилъ книгу Брюкнера русскому читателю въ такомъ
переводѣ, который можетъ самаго горячаго противника междуна-
родныхъ литературныхъ конвенцій обратить въ ихъ сторонника.

Переводчикъ этой исторіи русской литературы съ нѣмецкаго
язика не знаетъ двухъ вещей: во-первыхъ, русской литературы и,
во-вторыхъ, нѣмецкаго языка. Кромѣ того, онъ лѣнивъ и, отлично
понимая, что переведенный на нѣмецкій языкъ цитаты надо въ
русскомъ изданіи передавать подлинными словами русского писа-
теля, не всегда желаетъ отыскать ихъ въ оригиналѣ. Поэтому, на-
примѣръ, стихотвореніе Вл. Соловьева читатель имѣеть удоволь-
ствіе читать въ чудесномъ, но прозаическомъ переводѣ съ нѣмен-
каго. Но это, конечно, только мелкій эпизодъ тамъ, гдѣ «за рубе-
жомъ» Щедрина называется «по ту сторону границы», гдѣ упо-
минаются «Полинька Заксъ» Дружинина и «Аммулатъ-Бей» Мар-
линскаго. По мнѣнію переводчика Репетиловъ у Грибоѣдова гово-

риль «да, водевиль это дѣло, все другое пустяки», въ «Онѣгінѣ» говорится «Вороны опустились на церковный крестъ», у Гоголя есть фраза: «Ты крадешь не по чину». Упоминаются «московскія лекціи» («другаєй исторії»), которые были пріостановлены за то, что осмѣлились отпечатать сочиненія Флетчера; должно догадаться, что это «Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ». Лейбъ-кампанцы называются «лейбъ-ротами», «дворянская хандра», «дворянской ипохондріей», «Угрюмъ-Бурчеевъ» оказывается «городскимъ головой» и т. п. Но гораздо своеобразнѣе тѣ нелѣпости, которые вызваны весьма сомнительными отношеніями переводчика къ нѣмецкому языку. «Благодаря своему роду, послѣднему изъ линіи Рюрика», — разсказываетъ онъ о князѣ В. О. Одоевскомъ—«онъ принадлежалъ не только къ литературѣ, но и къ высшимъ кругамъ». Все это, конечно, чепуха. Въ подлинникѣ сказано, что Одоевскій былъ послѣднимъ въ своемъ роду, происходящемъ отъ Рюрика, и принадлежалъ къ высшему кругу яѣ въ одной только литературѣ. Вопреки утвержденію переводчика, онъ совсѣмъ не «пользовался заслуженнымъ почетомъ за свою исторію русской музыки», ибо таковой не писалъ; онъ имѣть иные заслуги передъ русской музыкой — и о нихъ напоминаетъ проф. Брюкнеръ. Какъ иностранецъ, онъ иногда впадаетъ въ мелкие промахи, которые могъ бы исправить русский переводъ, но переводчикъ предпочитаетъ присоединять къ нимъ свои нелѣпости. Такъ, когда Брюкнеръ, по ошибкѣ, называетъ словарь иностранныхъ словъ, составленный Петрапешевскимъ, рукописнымъ, въ русскомъ переводаѣ читаемъ: «Петрапешевскій... составитель, понятно, русскаго (?) словаря». И такихъ извращеній сколько угодно. Брюкнеръ говорить объ уніатахъ, переводчикъ передаетъ, это «единовѣрные братья»; Тютчевъ назвалъ іудами поляковъ; переводчикъ говорить, что поэтъ «нашелъ слова Іуды предателя». О г. Амфитеатровѣ переводъ повѣствуетъ: «Въ одно прекрасное утро онъ былъ арестованъ и съ того времени пошелъ въ гору (Въ подлинникѣ *verschollen*, т. е. исчезъ съ горизонта)... И причина? Невинные фельетоны, первый особенно незначителенъ; второй и третій, которые стубили «Россію» (Въ подлинникѣ — какъ и слѣдуется: «которыхъ «Россія» не напечатала»), были значительно язвительнѣе...» Это хоть переврано, однако, понятно. Но представляемъ себѣ русскаго читателя, который прочтеть, что по отношению къ старикамъ Базаровымъ «салонная львица Одинцова и салонный левъ Кирсановъ только дождевики». Дождевики — какие дождевики, г. Битнеръ? А очень просто. Въ подлинникѣ *Boviste* — грибы, которые по-русски дѣйствительно называются дождевиками. Въ періодѣ зреѣности они лопаются и разлетаются — и эту особенность имѣть въ виду метафорическое значеніе, въ которомъ употребилъ ихъ название авторъ; по-русски слѣдовало сказать хотя бы «пустощѣсть». Но переводчикъ увидалъ неизнакомое слово, по-

жъсъ въ словарь, нашелъ тамъ дождевиковъ и всадилъ ихъ въ свою переводъ. Еще бы! Онъ не понимаетъ даже простынныхъ оборотовъ и «Dobrolubow sollte Basarow sein» — т. е. «Базарова считали изображеніемъ Добролюбова» — переводить: «Добролюбовъ долженъ быть Базаровымъ». Кажется, довольно. Отмѣтимъ еще, что Островскій — по словамъ переводчика — «самаго значительного успѣха достигъ, когда поставилъ на сцену «Царство тьмы». Намъ незвѣстна такая пьеса Островскаго, но г. Битнеръ нашелъ ее. Въ будущемъ году она — въ переводѣ съ заграничнаго — будетъ напечатана въ триста пятьдесятъ пятомъ приложениѣ къ «Вѣстнику Знанія».

И. Лапшинъ. Законы мышленія и формы познанія. Спб. 1906. XII+327+98 стр. Ц. 2 р.

О каждой философской работѣ можно судить съ трехъ точекъ зренія: во-первыхъ, можно спрашивать, не даетъ ли эта работа новой системы философскихъ истин; во-вторыхъ, можно отвѣтить на вопросъ о томъ, какія улучшенія вносить эта работа въ одну изъ нынѣ уже существующихъ философскихъ системъ; наконецъ, можно разматривать критическія замѣчанія автора, направленныя противъ философскихъ системъ, конкурирующихъ съ его міровоззрѣніемъ.

Но, конечно, прежде всего можно поставить вопросъ вообще о научныхъ достоинствахъ рассматриваемой работы, о научномъ цензѣ ея творца. Отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ по отношенію къ вышеозначенной книгѣ г-на Лапшина очень легко: книга обнаруживаетъ такую замѣчательную ученость автора, такую вдумчивость и стройность мышленія, что высокій научный цензъ ея автора стоитъ вѣя всякоаго сомнія.

Возвращаясь къ вышеотмѣченнымъ тремъ возможнымъ точкамъ зренія, мы, прежде всего, можемъ констатировать, что г-нъ Лапшинъ не является творцомъ новой философской системы. Онъ является вполнѣ опредѣленнымъ кантіанцемъ, и вся цѣль его работы заключается въ томъ, чтобы внести иѣсколько больше порядка въ эту довольно-таки противорѣчивую систему.

Теорія познанія Канта, какъ извѣстно, является, такъ сказать, трехъ-этажномъ зданіемъ: внизу, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ почвой «ощущеній», помѣщены «формы интуиціи» (пространство и время); второй этажъ занятъ «категоріями» (количества, качество и т. д.); третій — «законами мысли», какъ выражаютъ «трансцендентального единства апшерцепціи». Законы мысли это — старые знаменитые законы логики: законъ тождества, законъ противорѣчія и законъ исключенного третьаго. Положеніе этихъ законовъ въ теоріи познанія Канта и является предметомъ изслѣдованія нашего автора. Для кантіанцевъ это очень важный вопросъ, а между тѣмъ относительно него существуютъ значительныя

колебанія и неясности, какъ у самого Канта, такъ и у его послѣдователей. Приложимъ ли, напримѣръ, законъ противорѣчія, гласящій, что вещь не можетъ «быть и не быть въ одно и то же время», приложимъ ли этотъ законъ только къ «явленіямъ», или онъ имѣть значеніе также и для «вещей въ себѣ»? Очевидно, что такой или иной отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣть огромное значеніе для кантизма; очевидно, также, что для отвѣта на этотъ вопросъ нужно, прежде всего, рѣшить, связаны ли неизбѣжно «законы мысли» съ «категоріями» и «формами интуїціи». Ибо, очевидно, если окажется, что «законы мысли» не имѣютъ смысла въ «категоріяхъ» и «формахъ интуїціи», тогда мы неизбѣжно должны будемъ признать, что эти «законы мысли» приложимы только къ «миру явленій», ибо основное положеніе кантизма гласить, что «категоріи» и «формы интуїціи» имѣютъ отношеніе только къ «миру явленій» и не имѣютъ никакого отношенія къ «вещамъ въ себѣ».

Г-нъ Лапшинъ и приходитъ именно къ тому выводу, что «законы мысли» приложимы только къ «миру явленій», и что, слѣдовательно, относительно «вещей въ себѣ» мы не можемъ сказать, могутъ ли онѣ существовать и не существовать въ одно и то же время.

Въ этомъ выводѣ и заключается вся суть изслѣдованія г-на Лапшина. Къ нему нашъ авторъ приходитъ путемъ стройныхъ, систематическихъ изысканій, подкрепленныхъ прекрасной эрудиціей. И мы тѣмъ охотнѣе можемъ принять этотъ выводъ нашего автора, что логически-преданный кантизмъ имѣть замѣчательное свойство всегда подкальывать свои собственные основанія.

Одинъ изъ наиболѣе уязвимыхъ пунктовъ философіи Канта заключается въ вопросѣ о «вещи въ себѣ». И намъ кажется, что г-нъ Лапшинъ не достаточно оцѣниваетъ опасности, связанныя съ этимъ вопросомъ для всего ученія Канта. То вѣрно, что «вещь въ себѣ» является совершенно постороннимъ ингредіентомъ въ системѣ Канта,—такимъ совершенно чуждымъ ингредіентомъ, относительно которого вполнѣ послѣдовательный кантианецъ не только не можетъ сказать, существуетъ ли онѣ или не существуетъ, но не можетъ даже отвѣтить на вопросъ, возможно-ли чтобы онѣ существовалъ и не существовалъ въ одно и то же время. То вѣрно, также, что самъ Кантъ тяготился этимъ чуждымъ ингредіентомъ и былъ склоненъ отѣлаться отъ него. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрно и то, что эта ни на что не нужная «вещь въ себѣ» не можетъ быть просто механически отрублена отъ остальной системы Канта и что съ исчезновеніемъ ея вся система Канта получаетъ непреодолимую тенденцію къ солипсизму и тогда всѣ преимущества системы Канта, сравнительно съ системами догматического идеализма исчезаютъ.

Въ этой неспособности кантизма отдѣляться отъ явственно для

нега не нужной и даже противоречивой «вещи въ себѣ» и заключается трагизмъ системы. Г. Лапшинъ не вывелъ кантизма изъ этого затрудненія, какъ не защитилъ его и по другому, связанныму съ этимъ, пункту. Мы говоримъ о вопросѣ объ ощущеніяхъ и объ отношеніи ощущеній къ формамъ познанія. Эволюціонистъ весьма легко можетъ признать всѣ «формы познанія» и «законы мысли» кантианцевъ, но, будучи, въ сущности, болѣе критическими, чѣмъ самъ кантизмъ, эволюціонизмъ пытается опредѣлить право на существование всѣхъ этихъ «формъ» и «законовъ». А это право на существование можно доказать, лишь выяснивши источникъ возникновенія «формъ» и «законовъ». Здѣсь гордающійся своимъ критицизмомъ кантизмъ вполнѣ догматиченъ. Онъ совершенно не объясняетъ и не можетъ объяснить, какъ и почему возникли всѣ эти «формы интуїції», «категоріи» и «законы мысли». Просто оказывается, что наше сознаніе накладываетъ эти формы на неѣто; за то оно и познаетъ лишь то, что само же накладываетъ мало того, оказывается, что даже неизвѣстно, существуетъ ли это неѣто (т. е. «вещь въ себѣ»), на что оно накидываетъ свои формы, и покойнѣе было бы для кантизма, если бы вовсе и не существовало этого «неѣто», съ которымъ онъ решительно не знаетъ, что ему дѣлать.

Всѣхъ этихъ затрудненій избѣгаетъ эволюціонизмъ, который рассматриваетъ формы познанія (въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. включая и «законы мысли»), какъ продуктъ постепенной эволюціи познанія. Конечно, подобная точка зрѣнія предполагаетъ, что первыя даныя сознанія не были облечены ни въ пространственную, ни во временную форму, ни въ форму количества, качества, субстанціальности и т. п., ибо, согласно эволюціонной точкѣ зрѣнія, всѣ эти «формы интуїції» и «категоріи» являлись, какъ продуктъ взаимодѣйствія первичныхъ данныхъ сознанія.

Г. Лапшинъ, какъ послѣдовательный кантианецъ, отвергаетъ, конечно, это ученіе эволюціонистовъ. Разсматривая доводы нашего автора по этому вопросу, мы и выяснимъ значеніе разбираемой нами книги съ третьей изъ указанныхъ въ началѣ нашей рецензіи точекъ зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія того, насколько успѣшио нашъ авторъ разрушать системы, конкурирующія съ защищаемой имъ системой.

Какъ мы выше видѣли, центръ тяжести спора эволюціонизма и кантизма заключается въ томъ, существуютъ ли такія первичные даныя сознанія, которыхъ не были бы отлиты въ «формахъ интуїції» и «категорій». Две главы (вторую и третью) своего изслѣдованія г-нъ Лапшинъ, повидимому, посвящаетъ этому вопросу. Мы говоримъ «повидимому», потому, что въ дѣйствительности онъ этому вопросу почти ни одной строки не посвящаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о свойствахъ первичныхъ данныхъ сознанія нашъ авторъ подмѣняетъ вопросомъ о свойствахъ ощущеній и,

конечно, побъдоносно доказываетъ, что «чистыхъ ощущеній» (т. е., ощущеній, не связанныхъ съ формами интуїціи и категоріями) не существуетъ. Свой взглядъ на этотъ вопросъ авторъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Необходимы законы и формы познанія, дѣйствительно, необходимы, то есть, произнося свою *ощущеніе*, мы всегда имѣемъ въ виду *ощущенія* — ихъ *необходимыя свойства* но... формы познанія могутъ на низшей ступени сознанія, *необходимо обусловливая* самую возможность ощущенія, тѣмъ не менѣе не быть выработанными въ *сознательныя понятія* о формѣ сознанія и законы мысли» (стр. 15).

Но вѣдь самыя ощущенія суть уже продукты долгой эволюціи, поэтому и не удивительно, что въ нихъ мы всегда найдемъ приводящими «формы познанія». Это все равно, какъ если бы кто либо, желая доказать, что всякому человѣческому существу по самой его природѣ присуща идея общественности, сталъ бы, для подтвержденія своего мнѣнія, искать среди европейскихъ народовъ человѣка, совершенно лишенного идеи общественности; и, затѣмъ, не найдя такого существа ни въ Россіи, ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ другихъ европейскихъ государствахъ, — счелъ бы себя въ правѣ на основаніи этого утверждать, что всякому человѣческому существу, самой его организаціи, до такой степени присуща идея общественности, что если бы даже мы взяли у самого первобытнаго дикаря его новорожденаго ребенка и съ первого же момента его существованія удалили его въ абсолютную пустыню, гдѣ онъ выросъ бы, питаясь лишь «мантой небесной», то и тогда онъ имѣлъ бы идею общественности. Но даже этотъ примѣръ слабъ, ибо напрѣкъ гипотетическій новорожденный дикарь всетаки унаследовалъ бы, по крайней мѣрѣ, организацію, выработанную подъ вліяніемъ стадной жизни своихъ животныхъ предковъ, а вѣдь въ спорѣ эволюціонизма съ кантізмомъ идетъ рѣчь объ абсолютно первомъ данномъ сознанія. Понятно, что для решенія этого вопроса объ абсолютно первомъ данномъ сознанія нельзя обращаться къ ощущеніямъ высокоразвитыхъ существъ, нельзя обращаться даже вообще къ организованнымъ существамъ: для этого нужно гипотетически воспроизвести тотъ моментъ мірового процесса, когда возникло это первое данное сознаніе.

На предположеніе о возможности подобнаго состоянія сознанія напрѣкъ авторъ реагируетъ такъ: «Отчего же не предположить, — отвѣтимъ мы, — только не надо забывать, что такое сознаніе *для насъ есть на вѣкъ запечатанная книга*» (стр. 16).

А запечатана эта книга для кантіанца потому, что кантіанецъ не можетъ познать ничего, кроме того, что самъ же вложитъ въ предметъ познанія подъ видомъ «формъ интуїціи», «категорій» или «законовъ мысли»!

Н. Симбирский.—Правда о Гапонѣ в 9-мъ января. Спб. 1906 г.

Личность священника Георгія Гапона, сыгравшаго такую видную и такую загадочную роль въ событияхъ начала прошлаго года, несомнѣнно, интересуетъ и, вѣроятно, долго еще будетъ интересовать русское общество. Съ одной стороны, это—народный трибуналъ, шедшій 9-го января, во главѣ петербургской рабочей массы, къ царскому дворцу и, очевидно, рисковавшій при этомъ жизнью... Съ другой — какъ будто, агентъ охранного отдѣленія и провокаторъ... Политическій эмигрантъ, писавшій статьи противъ правительства и входившій въ гласныя сношенія съ революціонными партіями,—по возвращенію въ Россію онъ пользуется загадочной неприосновенностью. вновь вступаетъ въ сношенія съ видными правительственными дѣятелями и даже получаетъ правительственную субсидію на «продолженіе своего дѣла». За всѣмъ этимъ слѣдуетъ трагическая и таинственная смерть: Гапона находить убитымъ въ пустой дачѣ, невдалекѣ отъ Петербурга. На этой дачѣ у него бывали, повидимому, свиданія и съ «революціонерами», и съ «охранниками». Убить онъ, какъ будто, первыми, но послѣдніе проявляютъ странную бездѣятельность при раскрытии этого загадочнаго финала загадочной карьеры...

Таковы парадоксальные элементы, изъ которыхъ складывается біографія Гапона,—священника, революціонера и провокатора. Сплѣтъ всѣ эти противорѣчія въ одинъ цѣлый образъ, прослѣдить странную исторію въ ея послѣдовательности и запутанныхъ изгибахъ,—значило бы, несомнѣнно, дать интереснѣйший матеріалъ и для психолога, и для изслѣдователя нашихъ политическихъ нравовъ. Для этого, однако, прежде всего нужно твердо установить несомнѣнныя факты, очистивъ ихъ отъ гаданий и выдумокъ, часто отзывающихся плохимъ бульварнымъ романомъ.

Пока для этого еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ, и потому за обработку Гапоновской исторіи берется прежде всего книжная афера и реклама. Не такъ давно въ газетахъ появилась замѣтка, сообщающая, будто слѣдствіе по дѣлу обѣ убийствъ Гапона уже теперь установило факты, отъ которыхъ всѣ должны «ахнуть». Теперь въ книжныхъ магазинахъ появляется книжка въ 226 страницъ (цѣною въ 1 руб. 50 коп.) съ сенсаціонными заглавіемъ, обѣщающимъ читателю «правду о Гапонѣ». Мы, конечно, не имѣемъ основаній ставить въ прямую генетическую связь появленіе этой замѣтки и этой книги. Несомнѣнно, однако, что на обѣихъ лежитъ общая печать: произведеніе г-на Симбирского стремится использовать тотъ интересъ читающей толпы къ «загадочной исторіи», которую газетная замѣтка обновляетъ и дразнитъ.

На стр. 91 авторъ говоритъ, между прочимъ: «Чтобы охарактеризовать настроение интеллигенціи Петербурга въ знаменательный день 9 января, приводимъ здѣсь безпредвзятый отчетъ репортера... Писалъ его хроникеръ г. Э. и по профессиональной

привычку сохранилъ лишь фактическую точность» (Куренев напись). Если бы самъ г. Симбирскій обладалъ этой похвальной профессиоанльной привычкой, то, конечно, постарался бы таъ же добросовѣтно собрать прежде всего именно такие репортерскіе отчеты, обильно разсѣянные въ газетахъ, а также другіе газетные материалы, оглашенные по свѣжимъ слѣдамъ событій. Тогда мы не имѣли бы кричащей «Правды о Гапонѣ», но получили бы за то добросовѣтный сборникъ относящихся къ дѣлу печатныхъ материаловъ. Г. Симбирскій, очевидно, пренебрегаетъ столь скромной задачей. Уже въ предисловіи онъ сообщаетъ, что фигура Гапона будетъ лишь «скользить по всѣмъ пяти частямъ книги, посвященной изслѣдованию рабочаго вопроса послѣдняго времени». Итакъ, вместо фактической «правды о Гапонѣ», которую обѣщаетъ заглавие и которая, конечно, является для читателя наиболѣе интересной, г. Симбирскій подноситъ свои глубокомысленные «изслѣдованія». Страница 5-я несетъ читателю новое разочарование: «Всѣ данные, которыя мнѣ (т. е. г-ну Симбирскому) удалось сгруппировать, послужать мнѣ лишь для психологическихъ построений». Итакъ, г. Симбирскій — не только изслѣдователь, но еще и «психологъ»... Какъ «психологъ», онъ ищетъ какой-то «психологический, т. е. принципиально внутренній» (?) взглядъ правительства на рабочій вопросъ» (стр. 19); какъ изслѣдователь, сообщаетъ, что, именно благодаря такому «психологическому взгляду» германскаго правительства «нѣмецкая соціаль-демократія сдѣлала постановленіе (гдѣ? когда? въ какой формѣ?) — не допускать ни въ какомъ случаѣ (sic) революціи въ странѣ». Всѣ «изслѣдованія» и вся «психология» г. Симбирскаго имѣть тотъ же характеръ, — наивной фразеологии и претенциознаго невѣжества. Что же касается фактической «правды» о Гапонѣ, то читатель совершенно напрасно сталъ бы искать ее въ этой книжкѣ. Изложеніе ея до такой степени претенциозно и нетолково, что по прочтеніи книги въ головѣ читателя становится темнымъ даже то, что прежде казалось яснымъ. Повидимому, г. Симбирскій встрѣчался съ Гапономъ и, въ качествѣ газетнаго сотрудника, эксплуатировалъ это знакомство, когда Гапонъ сталъ «знаменитостью». Статьи его въ то время носили характеръ безусловнаго преклоненія передъ Гапономъ, который изображался безкорыстнѣйшимъ дѣятелемъ на благо рабочаго класса. Когда послѣдовали извѣстныя всѣмъ разоблаченія, г. Симбирскому тоже пришлось нѣсколько измѣнить тонъ. Теперь г. Симбирскій наскоро свелъ эти свои статьи подъ одну кричащую обложку, не потрудившись даже сгладить и устранилъ явныхъ противорѣчій. Такъ, на стр. 63 мы узнаемъ, что касса гапоновскихъ рабочихъ организаций составилась исключительно изъ членскихъ взносовъ. «Появляется запасный капиталъ въ банкѣ. Составленъ онъ изъ полтинниковъ и четвертаковъ самихъ рабочихъ». На стр. 81 г. Симбирскій «могъ бы привести длинный списокъ

рабочихъ, которымъ Гапонъ помогать изъ собственныхъ средствъ», — «начиная отъ рубля и кончая иногда сотней». Откуда скромный священникъ имѣлъ средства для такой помощи? Впослѣдствіи стали известны сношения Гапона съ охраннымъ отдѣленіемъ, что, конечно, объясняетъ многое и въ первоначальной дѣятельности Гапона. Но «психологическая построенія» автора не считаются съ такими пустяками. На стр. 186 мы узнаемъ отъ г. Симбирского, что въ ноябрѣ 1905 года «Гапонъ имѣлъ какое-то таинственное виданіе съ гр. Витте, но отъ полиціи скрылся». На стр. 197 Гапонъ «наединѣ» разсказываетъ автору, что «ему предлагаетъ Витте такую-то комбинацію, а на стр. 218 сообщаетъ, что «графъ Витте нигде лично не видѣлъ Гапона» и т. д., и т. д. «Заканчивая книгу и оставаясь на почвѣ фактovъ,—наивно заключаетъ г. Симбирский,—опредѣленно сказать, что же такое Гапонъ нельзя». Въ свою очередь, «заканчивая рецензію», мы можемъ сказать совершенно определенно, что книжка г. Симбирского, носящая кримово-рекламное заглавіе, есть не что иное, какъ беспорядочная рыночная стряпня, разсчитанная на недоразумѣніе и сенсацію. Мы полагаемъ, что толковый и добросовѣстно составленный сборникъ относящагося къ Гапону печатнаго материала могъ бы и самъ по себѣ представить значительный интересъ. Но г. Симбирский, вслѣдствіе излишнихъ претензій, торопливости или неумѣнія, не даетъ ничего или почти ничего даже въ этомъ направлѣніи, оставляя эту скромную задачу на долю «репортёровъ», болѣе, чѣмъ отъ привычныхъ къ профессиональной точности и, прибавимъ также, къ болѣе толковому изложению.

Новые книги, поступившія въ редакцію.

(Значащія въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ, контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобрѣтѣнію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

- P. Кампфмейеръ.** Современный пролетариатъ. Издание т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Ц. 25 к.
- B. B. Половцовъ.** Основы общей методики естествознанія. М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- B. Грагамъ.** Соціализмъ, новый и старый. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.
- O. P. Петерсонъ.** Русская сте-
нографія. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- S. M. Богословскій.** Заболѣв.
фабрич. раб. Бог.-Глух. и Истомкин-
- ской мануфактуръ Богород. уѣзда за 1896—1900 г.г. 1906. Ц. 50 к.
- L. Загаровъ.** Партия правового порядка. Спб. Ц. 7 к.
- X. L. Рапопортъ.** Жюль Гэль и франц. раб. партія. Спб. 1906. Ц. 15 к.
- M. Днѣпровъ.** Начало и конецъ абсолютизма во Франціи. Спб. 1906. Ц. 5 к.
- Плято ф.-Рейсснеръ.** Русско-польскій самоучитель. Варшава. 1906. Ц. 10 к.

- Мо же.** Русско-немецкий самоучитель. Варшава. 1906. Ц. 20 к.
- Н. Казимировъ.** Крестьянские платки и зем. дтят. въ Моск. губ. М. 1906. Ц. 30 к.
- Б. Емельяновъ.** Радій въ роли дракона. Спб. 1906. Ц. 50 к.
- Александр Мошинъ.** „Гашишъ“. Спб. Ц. 1 р.
- Всеволод Лексановъ.** Стихотворения. Одесса. 1906. Ц. 20 к.
- Н. А. Лейкинъ.** Въ люди вышелъ. Спб. 1906. Ц. 1 р.
- М. И. Сагарадзе.** Философская пропедевтика. Кутаись. 1906. Ц. 85 к.
- П. Н. Соковинъ.** Культурный уровень крест. полевод. на надѣльной землѣ. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.
- Городскія учрежденія Морксы,** основанныя на пожертвования. Изд. Москов. Гор. Общ. Управления. М. 1906.
- Два закона.** Книгоизд. „Рабочий народъ“. Спб. 1906.
- Джонсъ Митчелъ.** Рабочіе союзы въ Америкѣ. Изд. С. Скирмуна. М. Ц. 1906.
- В. Фриче.** Художественная литература и капитализмъ. Ч. I. Изд. С. Скирмуна. Ц. 50 к.
- Б. Рессель.** Очерки изъ исторіи германской с.-д. рабочей партии. Изд. С. Скирмуна. Ц. 25 к.
- Ж. Ж. Руссо.** Общественный договоръ. Изд. Скирмуна. М. Ц. 40 к.
- Генріетта Роландъ-Гольстѣз.** Всеобщая стачка и соціаль-демократія. Изд. С. Скирмуна. М. Ц. 40 к.
- Альмаръ Бергстрѣмъ.** Лонгортъ и Ко. Изд. Скирмуна. М. Ц. 40 к.
- Михаилъ Туганъ-Барановскій.** Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи. М. Ц. 75 к.
- Л. Кулакова.** Великая крестьянская война въ Германи. Изд. „Свободная Земля“. Ц. 10 к.
- Б. Марксъ и Ф. Энгельсъ.** Святое семейство. Спб. 1906. I. Ц. 10 к., т. II. Ц. 16 к. Изд. „Новый Голосъ“.
- Марксъ и Энгельсъ** наканунѣ ихъ исторического выступленія. Спб. 1906. Ц. 7 к.
- В. Д. Кузьминъ - Барабаевъ.** „Революционное выступление“. Думы и земельный вопросъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- В. Конштедтъ.** Аграрный вопросъ въ германской соціалдемократіи. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- М. Б.** Очерки по истории желѣзно-дорожныхъ забастовокъ въ Россіи. М. 1907. Ц. 10 к.
- В. Чарнолускій.** Итоги обще-ственной мысли въ области образования. Спб. 1906. Ц. 50 к.
- В. Д. Кузьминъ-Барабаевъ.** Изъ освободительного движения. Опб. 1907. Ц. 1 р.
- Бандъ-Коль.** Колоніальная политика и соціаль-демократія. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб. 1906. Ц. 5 к.
- Антонъ Панненекъ.** Соціализмъ и религія. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб. 1906. Ц. 5 к.
- Основные вопросы программы и тактики на съѣздахъ германской соціаль-демократіи. Изд. „Движеніе“. М. 1907. Ц. 35 к.
- Л. Мартовъ.** Пролетарская борьба въ Россіи. Изд. Н. Глаголева. Спб. Ц. 30 к.
- В. Клюевниковъ.** Великая крестьянская война въ Германи. Издание Н. Глаголева. Спб. Ц. 60 к.
- Н. Троцкій.** Наша революція. Изд. Н. Глаголева Спб. Ц. 1 р.
- Исторія совѣта рабочихъ депутатовъ г. С.-Петербургра. Изд. Н. Глаголева. Ц. 1 р.
- Г. Гауптманъ.** Ткачи. Драма. Изд. Скирмуна. М. Ц. 15 к.
- Генрихъ Ибсенъ.** Собрание сочинений. Т. VIII. Изд. Скирмуна. М. Ц. 1 р. 50 к.
- Б. Поповъ.** Стихотворенія. Казань. 1907.
- А. Аловъ.** О трамвательскихъ повреждениыхъ рабочихъ при работахъ на сельскохозяйственныхъ машинахъ. Спб. 1906. Ц. 1 1 р. 50 к.
- Максъ Бахъ.** Австрія въ первую половину XIX вѣка. Изд. С. Скирмуна. М. и Спб. Ц. 2 р.
- Народный календарь на 1907 г. Изд. „Свободная Земля“. Ц. 20 к.
- Н. Г. Чернышевскій.** Собрание сочинений. Прологъ. Т. I, V. X, ч. I и ч. II. Изд. М. Н. Чернышевского. Спб. 1906.
- Ю. Волинъ.** Разсказы. Книгоизд. „Глобусъ“. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Пѣсни молодой лудеи. Изъ журн. „Молодая лудея“. Ялта. 1906. Ц. 10 к.
- Е. А. Пановъ.** Впередъ. Стихотворенія. Изд. Т. Беккеръ. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Артуръ Арну.** Народъ и правительство Коммуны. Изд. „Новая библиотека“. Спб. Ц. 50 к.
- Эрнестъ Реманъ.** Апостолы. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Суперансій.** Начальная народная школа въ Симбирчальной наїї. Симбирскъ. 1906.
- Ю. Делевескій.** Исторический м.-

териализмъ въ его логической аргументации. Спб. 1906. Ц. 20 к.

К. Фортунатовъ. Национальная области Россіи. Спб. 1906. Ц. 8 к.

Леопольдъ Пфаундлеръ. Физика обыденной жизни. Изд. т-ва "Общественная Польза". Спб. 1907. Ц. 3 р.

Баронъ А. Е. Розенъ. Записки декабриста. Изд. т-ва "Общественная Польза". Спб. 1907. Ц. 3 р.

Проф. К. Черри. Развитие карательной власти въ древнихъ общинахъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Методическое руководство для ведения школьныхъ сочинений. Состав.

В. Самсоновъ. Спб. 1907. Ц. 60 к.

С. Пожеевъ. Подъ раскатами боя. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Владимиръ Радоминскій. Сынъ народа. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Эдуардъ Гартманъ. Мировоззрение современной физики. Астрахань. 1906. Ц. 1 р.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1905 г. Спб. 1906.

Эристъ Генкель. Мировые загадки. Книгоизд. И. Д. Иванова. М. 1907. Ц. 80 к.

А. Богдановъ. Изъ пси хологіи общества. Книг. "Паллада". Спб. 1906. Ц. 80 к.

В. В. Производство и потребление въ капиталистическихъ обществахъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Кириловъ. Одиннадцать дней на "Потемкинѣ". Спб. 1907. Ц. 1 р.

А. А. Черкасовъ. Стихотворенія. Томъ I. Екатеринбургъ. 1906. Ц. 50 к.

Юрій Ларинъ. Широкая рабочая партия и рабочий съездъ. М. 1906. Ц. 20 к.

Бентамъ. Тактика законодательныхъ собраний. Изд. Л. А. Великова. Спб. 1907. Ц. 1 р.

В. Д. Козловъ. Очерки и рассказы изъ минувшей войны. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Эрвинъ Бальцъ. О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніи къ смерти. Спб. 1906. Ц. 50 к.

П. Россовъ. Национальное самосознаніе корейцевъ. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Указатель наглядныхъ учебныхъ пособий. Спб. 1906. Ц. 35 к.

О средне-учебныхъ заведеніяхъ Родительского кружка въ сл. Покровской. Самарской губ. 1906.

Ст. Ивановичъ. Анархисты и анархизмъ въ Россіи. Спб. 1907. Ц. 7 к.

Ст. Деревенский. Что говорять

про землю соц.-революционеры и социал-демократы? 1907. Ц. 6 к.

Б. Веселовский. Какое мѣжное самоуправление нужно народу. Спб. 1906. Ц. 7 к.

Съездъ учителей и дѣятелей средней школы въ Петербургѣ. Спб. 1906. Ц. 85 к.

К. М. Таръ. Очеркъ петербургскаго рабочаго движения 90-хъ годовъ. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Ромэнъ-Роланъ. 14-е іюля (Взятие Бастилии). Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

В. Н. Гиппіусъ. Новые люди. Рассказы. Спб. 1907.

Л. Н. Толстой. О значеніи русской революціи. Изд. "Посредникъ". М. Ц. 15 к.

Н. И. Кулаково-Корецкой. Франція въ XIX вѣкѣ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Ц. 79 к.

Максимъ Ковалевский. Отъ прямого народопрестра къ представительному. Точь II. Изд. И. Д. Сытина. М. 1906. Ц. 2 р.

В. К. Агафоновъ. Наука и жизнь. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Хозяйственно-статистический обзоръ Уфимской губ. за 1905. Изд. Уфим. губ. земск. управы. Уфа. 1906.

В. Г. Храневичъ. Очерки экономического быта крестьянства въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1906. Ц. 80 к.

А. Амфитеатровъ. Современные сказки. Изд. "Шиповникъ". Спб. 1907. Ц. 55 к.

Гюберъ Леардэль. Революционный синдикализмъ. Изд. "Шиповникъ". Спб. 1906. Ц. 40 к.

Федоръ Сологубъ. Политические сказочки. Изд. "Шиповникъ". Спб. 1906. Ц. 30 к.

Д. Фефеловъ. Магнито-оптическія явленія. Одесса. 1906.

Д-ръ Эпштейнъ. Здоровье рабочаго и фабричная гигиена. Книгоизд. "Съятель". Нижній-Новгородъ. 1906. Ц. 3 к.

А. Б. Петрищевъ. Очерки и рассказы. Спб. 1906. Ц. 40 к.

П. Вихллевъ. Конституционно-демократическая партия и земельная реформа. Изд. "Молодая Россія". Москва. 1906. Ц. 10 к.

Ж. Ремаркъ. Мысли о будущемъ. Изд. "Молодая Россія". М. 1906. Ц. 12 к.

Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ. Отчетъ Л. Л. Першике. Тифлисъ. 1905.

Отчетъ главнаго управления шеомъ-зданыхъ сборовъ за 1904. Спб. 1906.

- Социстика по казенной продаже питья.** Спб. 1906.
- Поступление акциза съ спирта и вина за 1864—1901 гг.** Спб. 1906.
- Л. Шишко.** Очерки по вопросамъ экономики и истории. М. Ц. 60 к.
- А. Ламартинъ.** История жирондистовъ. Изд. В. А. Тиханова. Т. I, II, III и IV. Спб. 1902, 1903, 1904 и 1906 гг. Ц. за 4 тома 6 р.
- А. И. Гальденбергъ.** Бесѣды по сочиненію г. Саратова. 1906. Ц. 1 р. 25 к.
- Собрание стихотворений декабристовъ.** Т. II. Изд. И. И. Фомина. М. Ц. 1 р. 50 к.
- К. Ф. фонъ-Дитмаръ.** Записка XXXI създу горнопромышленниковъ Юга Россіи. Харьковъ. 1906.
- Его же.** Записка по поводу законопроектовъ М-ва торговли и промышленности по рабочему вопросу. Харьковъ. 1906.
- Он. Струмилинъ.** Слово крестьянской бѣднотѣ, Ростовъ на Дону. 1906. Ц. 10 к.
- Отчетъ крестьянскаго поземельного банка за 1904 г., государственного дворянскаго земельного банка за 1904 г., особого отдѣла государственного дворянскаго земельного банка за 1904 г., государственного дворянскаго земельного банка по ликвидации Саратовско-Симбирскаго земельного банка за 1904 г. Спб. 1905 и 1906 г.г.
- Стихи. Сборникъ для выразительного чтения. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- М. Барановъ.** Легенда объ Іудѣ. Спб. 1906. Ц. 1 к.
- В. А. Амвросій.** „Крамольники“. Хроника изъ радикальскихъ кружковъ 70-хъ годовъ. М. 1907. Ц. 50 к.
- Н. И. Женишкѣ.** Жизнь, какъ она есть. Книга I. М. 1906. Ц. 1 р.
- Дебри (The jungle). Романъ Уptona Синглера. Изд. И. Д. Сытина. М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- М. Закревская-Рейхъ.** Сонъ жизни. Стихотворенія. Ч. 1 и 2. Спб. 1907.
- П. А. Берлинъ.** Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ ен. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906. Ц. 10 к.
- В. Базаровъ.** Анархический коммунизмъ и марксизмъ. Спб. 1906. Ц. 50 к.
- Аль Гелльб.** Мысли о русской революціи. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Ренаръ.** Рѣчи о будущемъ. Изд. Л. Крюмбюгель. М. 1907. Ц. 10 к.
- Возрожденіе.** Сборникъ статей. 1905. Ц. 65 к.
- Х. Житловскій.** Соціализмъ и національный вопросъ. Изд. „Серпъ“. Киевъ—Спб. Ц. 30 к.
- М. В. Ратнеръ.** Эволюція соціалистической мысли въ національномъ вопросѣ. Изд. „Серпъ“. Киевъ—Спб. Ц. 20 к.
- М. Б. Ратнеръ.** О національной и территориальной автономіи. Киевъ—Спб. Ц. 20 к.
- С. Мельгуновъ.** Церковь и государство въ Россіи. Сборникъ статей М. 1907. Ц. 50 к.
- И. Сухолюбовъ.** Послѣдствія неурожаевъ въ Россіи. М.
- В. В. Кротковъ.** Современное вопросы. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- М. Л. Хейсинъ.** Профессиональные рабочие союзы. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Эдуардъ Бернштейнъ.** Основы условія хоайственной жизни. Спб. 1907. Ц. 10 к.
- Соціализмъ въ Англіи. Сборникъ статей англ. соціалистовъ, составл. С. Веббомъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Дж. Кеннанъ.** Сибирь и ссылка. Т. I. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Н. Оганесій.** Какъ смотрѣть разныя политическія партіи на земельный вопросъ. М. 1907. Ц. 10 к.
- Н. Манасеина.** Рассказы для дѣтей. Изд. журн. „Тропинка“. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.
- П. Соловьевъ (Allegro).** Елка. Стихи для дѣтей. Изд. журн. „Тропинка“. Спб. 1906. Ц. 50 к.
- М. С. Бевобразова.** Исторія одного воробья. Изд. журн. „Тропинка“. Спб. 1906. Ц. 25 к.
- В. Поливановъ.** Воронъ.—Индѣйцы. Изд. журн. „Тропинка“. Спб. 1906. Ц. 25 к.
- Анатолій Франсъ.** Пчелка. Сказка. Изд. журн. „Тропинка“. Спб. 1906. Ц. 25 к.
- Николай Вердяевъ.** Sub. specie aeternitatis. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Хроника внутренней жизни.

I. Думская кампания.—II. Указъ о грабежѣ.—III. Углубление революціи.—IV. Ея усложненіе.

I.

«Граждане, готовьтесь къ выборамъ!»—въ прошломъ году ~~этотъ~~ призывъ, исходившій отъ к.-д. партіи, раздался во время вооруженного восстанія. Избирательная кампания началась, когда крайнія и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе активныя изъ борющіхся силъ находились на другомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Подавивъ восстаніе, правительство увлеклось преслѣдованіемъ революціонеровъ и удѣлило сравнительно мало вниманія избирательной борьбѣ. Правда, его выстрѣлы попадали и въ тѣхъ, кто находился на этой аренѣ; но это были случайные перелеты, а не систематический обстрѣль. Съ другой стороны, революціонеры, только что понесшіе тяжелое пораженіе, оказались не въ силахъ сколько-нибудь энергично развить принятую ими по отношенію къ Думѣ тактику бойкота. Изъ представителей революціонныхъ организаций на предвыборныхъ собрaniяхъ мелькали кое-гдѣ лишь соціаль-демократы, да и то изъ второстепенныхъ... Эти условія опредѣлили собою своеобразный характеръ прошлогодней думской кампаниіи и обеспечили легкую победу к.-д. партіи на выборахъ.

Совершенно иначе складываются обстоятельства теперь. Выборы начинаются въ періодъ общественного затишья и полнаго отсутствія какихъ-либо массовыхъ выступленій. Идетъ лишь партизанская борьба. Схватки происходятъ многочисленныя и ожесточенные, но по составу участвующихъ въ нихъ силъ онѣ не могутъ перейти въ правильное сраженіе. Отвлечь всѣ силы непріятеля эта борьба не можетъ: по крайней мѣрѣ, само правительство, выдвинувъ противъ партизановъ революціи военно-полевые суды, считаетъ, повидимому, себя съ этой стороны достаточно обеспеченнymъ. Думской кампаниіи оно удѣляетъ теперь несравненно больше вниманія. Имъ уже предпринять на этомъ помѣщѣніи рядъ тактическихъ обходовъ въ видѣ сенатскихъ разъясненій, всякаго рода подачекъ и другихъ, быть можетъ, не вполнѣ еще опредѣлившихъ, движений. Избирательная арена теперь будетъ имъ подвергнута, и подвергается уже систематическому обстрѣлу. Въ сферѣ огня оказывается на этотъ разъ и к.-д. партія. Но она не одна поведетъ кампанию. Революціонныя партіи, сбитыя съ боевыjъ высотъ, которыя онѣ было заняли, рѣшили принять въ думской кампаниіи дѣятельное участіе. Многіе другіе участники

общественной борьбы волей-неволей должны были перейти туда, куда перешли ихъ враги и союзники. Въ эту сторону передвинулись, такимъ образомъ, организованныя силы той и другой стороны.

И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегчи...

Очевидно, здѣсь именно произойдетъ или, по крайней мѣрѣ, начнется ближайшее сраженіе. По составу силъ, намѣревающихся принять въ немъ участіе, оно можетъ оказаться однимъ изъ тѣхъ, которыхъ принято называть генеральными. Но это еще не значитъ, конечно, что оно решить судьбу всей революціонной кампани...

II.

Не ограничиваясь ожесточенной борьбой съ партизанами революціи и усиленной подготовкой къ думскимъ выборамъ, правительство предприняло глубокій—стратегическій, если употребить военный терминъ,—обходъ всей революціи въ формѣ цѣлаго ряда аграрныхъ декретовъ. Объ этой «революціи наоборотъ» мнѣ пришлось уже говорить въ «Народно-соціалистическомъ Обозрѣніи» *). Теперь въ этомъ направлѣніи сдѣланы новые рѣшительные шаги. Въ тылъ революціонной арміи правительство выслало лихихъ наѣздниковъ. Оно обратилось къ «людямъ смѣлаго почина» изъ среды самого крестьянства и сказали имъ:

— Грабьте!... Только не помѣщиковъ, а своихъ же общинниковъ...

«Каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльною землею на общинномъ правѣ—говорится въ указѣ 9 ноября—можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою въ личную собственность причитающейся ему части изъ означенной земли». Можетъ требовать,—и общество не вправѣ отказать ему. Если оно не выполнить предъявленного къ нему требованія, то это сдѣлаетъ за него земскій начальникъ. Если оно добровольно не отдастъ свою землю, то у него возьмутъ ее силой.

Что въ данномъ случаѣ санкционируется именно грабежъ, ясно будетъ для всякаго, кто хоть не много вдумается въ смыслъ «указа объ экспроприаціи». Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить, что общинная земля кому-либо причитается «лично» и тѣмъ болѣе «въ собственность»? «Каждый домохозяинъ... можетъ во всякое время требовать»... По существу это значитъ то же, что предоставить каждому право «во всякое время требовать въ личную собственность причитающуюся ему часть»... изъ государственного казначейства. Допустимъ даже, что это будутъ не обыватели, а

*) „Народно-соціалистическое Обозрѣніе“, вып. I.

чиновники, между которыми дѣлятся у насть казенные деньги. Можно ли предоставить каждому изъ нихъ право укрѣпить «причитающуюся ему часть» казенного сундука въ его личную собственность?

«Причитающуюся ему часть»... Можетъ быть, въ этихъ словахъ заключается принципиальная разница между грабежемъ и укрѣпленіемъ общинной земли въ личную собственность? Этими словами указанному грабежу какъ будто ставятся опредѣленные предѣлы: экспроприація частнаго имущества—имущества третьихъ лицъ—повидимому, не допускается. Но это только кажется. Въ дѣйствительности же...

Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, указъ опредѣляетъ часть, «причитающуюся» отдельному домохозяину? «Въ обществахъ, въ коихъ не было общихъ передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ... укрѣпляются въ личную собственность... всѣ участки общинной земли, состоящіе въ его постоянномъ (не арендномъ) пользованіи». По отношенію къ такимъ обществамъ укрѣпленіе земли въ личную собственность представляется на первый взглядъ достаточно правомѣрнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣленіе доли каждого домохозяина достаточно правильнымъ. Если въ общинѣ такъ долго не было общаго передѣла, то можно предполагать, что въ ней установился уже частно-правовой взглядъ на надѣльную землю и что послѣдня считается собственностью тѣхъ домохозяевъ, въ пользованіи которыхъ она находится. Дѣйствительность, однако, далеко не всегда оправдываетъ такія предположенія. Можно было бы указать массу фактовъ, когда общины, не передѣливши землю 25—30 и даже 40 лѣтъ, вновьновляли общіе передѣлы. Изъ этого слѣдуетъ, что отсутствіе послѣднихъ вовсе еще не означаетъ, что общинные земли уступили свое мѣсто другимъ взглядамъ на землю. Вопросъ объ общемъ передѣлѣ представляется обыкновенно столь сложнымъ и труднымъ, что рѣшить его утвердительно даже тамъ, где правомѣрность этого акта не вызываетъ въ населеніи никакихъ сомнѣній, удается далеко не сразу. Не рѣдко многие годы проходятъ послѣ того, какъ потребность въ передѣлѣ вѣми сознана и признана, а крестьяне все не рѣшаются приступить къ нему: такая масса хлопотъ, неудобствъ и непріятностей сопряжена съ ними! Только зная, какъ много радости, бодрости и согласія вноситъ удачно совершенный передѣлъ въ общинную жизнь, можно понять, откуда, въ концѣ концовъ, берется у крестьянъ рѣшимость всетаки взяться за это дѣло.

Что касается количества земли, какое можетъ присвоить себѣ каждый домохозяинъ въ непередѣявшихъ общинахъ, то даже съ частно-правовой точки зорѣ 24-лѣтній срокъ пользованія надѣльной землею представляется безусловно-недостаточнымъ для обоснованія права собственности на нес. Не 24 года, а въ большинствѣ случаевъ много дольше платили крестьяне выкупъ за надѣль-

ную землю. На какомъ же основаніи присвоить себѣ данный участокъ тотъ, кто платилъ за него лишь послѣдніе 24 года, когда платежи были легче, и отниметъ даже надежду на него у того, кто выкупалъ эту землю, когда платежи были особенно тяжелы?

Въ дѣйствительности присвоеніе надѣльной земли, совершающееся по указу 9 ноября, въ непередѣлявшихъ общинахъ часто будетъ отливаться въ еще болѣе грубую форму. Дѣло въ томъ, что указъ говорить объ обществахъ, въ коихъ за послѣдніе 24 года не было «общихъ» передѣловъ. Между тѣмъ, если такихъ передѣловъ не было, то это вовсе еще не значитъ, что размѣры землепользованія отдѣльныхъ домохозяевъ все время оставались въ данной общинѣ неизмѣнными.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общіе передѣлы, соединенные по установленнѣю уже обычая съ ломкою межъ, не возможны. Въ качествѣ примѣра укажу Весьегонскій уѣздъ Тверской губ. Въ Замоложской его части почва крайне камениста; очищая отъ камней пашню, крестьяне стаскивали ихъ на межу, и послѣднія представляютъ изъ себя теперь каменные ограды. Въ восточной части того же уѣзда встрѣчаются мѣста, где почва болотиста; чтобы предупредить вымоканіе хлѣба, крестьяне путемъ особой вспашки постепенно превратили здѣсь межи въ канавы. Само собой понятно, что ни въ той, ни въ другой мѣстности какая-либо ломка межъ не возможна. Уравнительное распределеніе земли, поскольку та-ковое практиковалось здѣсь, осуществлялось при помощи частныхъ передѣловъ, путемъ свалки и навалки. Въ другихъ случаяхъ—въ особенности въ мелкихъ общинахъ—общіе передѣлы часто бываютъ не нужны, такъ какъ для уравненія достаточно иногда бываетъ измѣнить число душъ у двухъ-трехъ домохозяевъ и изъ-за этогоничего устраивать общий передѣлъ даже въ «подвижку», такъ какъ свести полосы къ одному мѣту можно путемъ «пересадки». Такимъ образомъ, и при отсутствіи общихъ передѣловъ размѣры землепользованія отдѣльныхъ домохозяевъ, благодаря частнымъ передѣламъ, которые вовсе игнорируются въ указѣ, могли существенно и при томъ не одинъ разъ за послѣдніе 24 года измѣниться. И тѣ участки, которые домохозяинъ укрѣпитъ въ свою личную собственность, быть можетъ, недавно были переданы ему сосѣдомъ или обществомъ.

Въ сущности, трудно себѣ представить такія общины—и я думаю, что онѣ представляютъ исключеніе,—въ которыхъ въ теченіе двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ количество земли у всѣхъ домохозяевъ оставалось неизмѣннымъ. Если не было ни общихъ передѣловъ, ни частныхъ свалокъ, то, навѣрное, были «упалы» души, оставшіяся послѣ вымершихъ дворовъ или ушедшихъ на сторону. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общины, во избѣженіе недоразумѣній, сдаются «мѣрскія» души не иначе, какъ въ срочное пользованіе. Не вездѣ, однако, крестьяне были такъ предусмотрительны, и въ громадномъ

большинствъ случаевъ упавы души розданы отдельнымъ домохозяевамъ беъ всякихъ условій или «до передѣла». Теперь эта земля можетъ быть ими присвоена въ личную собственность. Умершіе, конечно, не обидятся, но ушедшіе на сторону могутъ вѣдь вернуться. Не найдя своей «души», которая «ходила въ міру», они почувствуютъ себя, конечно, ограбленными.

Я съ нѣкоторою подробностью остановился на общинахъ, въ которыхъ давно не было общихъ передѣловъ, такъ какъ укрѣпленіе земли, находившейся въ постоянномъ пользованіи отдельныхъ домохозяевъ, въ личную ихъ собственность можетъ показаться съ первого взгляда вполнѣ соответствующимъ установленвшемуся въ этихъ общинахъ правосознанію. Что касается обществъ, практикующихъ общіе передѣлы, то и въ нихъ укрѣпленіе падѣльной земли въ личную собственность будетъ имѣть всѣ признаки самого беззастѣничаго разхищенія общественного достоянія. По указу 9 ноября въ такихъ общинахъ укрѣпляются въ личную собственность домохозяина «всѣ тѣ участки общинной земли, которые предоставлены ему обществомъ въ постоянное, впредь до общаго передѣла, пользованіе». Предоставлены впредь до общаго передѣла... Договоръ, казалось бы, ясный: въ немъ нѣтъ никакого намека на собственность. Тѣмъ не менѣе земля можетъ быть присвоена домохозяиномъ, хотя бы ее выкупали до послѣднаго передѣла совсѣмъ другія лица. Само собой понятно, что этимъ правомъ на расхищеніе поспѣшать воспользоваться наиболѣе многоземельные домохозяева и въ особенности тѣ, которые при слѣдующемъ передѣлѣ почему-либо должны получить меньше земли, чѣмъ находится теперь въ ихъ пользованіи. Правда, одинъ изъ такихъ случаевъ предусмотрѣнъ въ указѣ: «если въ постоянномъ пользованіи желающаго перейти къ личному владѣнію домохозяина состоить земли больше, нежели причиталось бы на его долю на основаніи послѣдней разверстки по числу разверсточныхъ единицъ въ его семье ко времени упомянутаго заявленія, то за нимъ укрѣпляется въ личную собственность то количество общинной земли, какое причитается ему по указанной разверсткѣ». Онъ, однако, можетъ и и излишне имѣющейся у него земли оставить за собою, «подъ условиемъ уплаты обществу его стоимости, опредѣляемой по первоначальной средней выкупной цѣнѣ за десятину». Но вѣдь «первоначальная выкупная цѣна» была много ниже того, что стоитъ теперь земля, и даже того, что переплатило за нее въ видѣ процентовъ и погашенія общество. Такъ, первоначальная выкупная цѣна за землю, поступившую въ надѣль помѣщичьимъ крестьянамъ, была назначена въ среднемъ около 25 руб. за десятину (тогда эта цѣна была, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза выше рыночной); крестьяне уплатили выкупныхъ платежей около 50 руб. за каждую десятину; теперь рыночная цѣна ей около 100 руб. Уплатить 25 руб. за то, что стоитъ вчетверо дороже—это такая выгодная

зфера, которую, конечно, не замедлять предпринять «удачники». «Причитающаяся имъ часть»... Легко понять, что имъ «причтется» ровно столько, сколько окажется въ наличности. Разница въ этомъ отношеніи съ обыкновенными грабителями только та, что они могутъ экспроприровать безъ всякаго риска.

Надо сказать, что указъ предусматриваетъ лишь одинъ случай «излишка» земли, а именно, когда уменьшилось число разверсточныхъ единицъ въ семье желающаго присвоить ее домохозяина. Между тѣмъ, при слѣдующемъ передѣлѣ количествѣ земли, причитающейся на его долю, можетъ уменьшиться и по другимъ причинамъ: можетъ увеличиться общее число разверсточныхъ единицъ, могутъ измѣниться основанія разверстки. Легко понять, что всѣ, для кого передѣлъ по тѣмъ или инымъ причинамъ можетъ быть не выгоденъ, поспѣшатъ заранѣе укрѣпить землю въ личную собственность. Съ изданіемъ указа 9 ноября передѣлы сдѣлались въ сущности невозможными, и недаромъ этой указъ получилъ название о разрушеніи общинъ.

До сихъ поръ я говорилъ о расхищеннѣ общественнаго и соцѣскаго достоянія. Въ дѣйствительности указъ 9 ноября даетъ «смѣльымъ людямъ» еще большія права. Онъ говорить имъ:

— Грабьте не только однообщинниковъ, но и сродственниковъ... Дѣтей грабьте!.. Не грабьте только помѣщиковъ.

Земля вѣдь будетъ укрѣпляться въ личную собственность, и это настойчиво подчеркивается въ указѣ. Больше того: въ немъ имѣется специальный раздѣлъ, коимъ подворные участки повсемѣстно превращаются въ личные. Указъ разрушаетъ такимъ образомъ институтъ не только общиннаго, но и подворнаго землевладѣнія. Онъ наносить ударъ всему крестьянскому двору и вмѣстѣ съ нимъ крестьянской семьѣ.

Возможны и несомнѣнно будутъ имѣть мѣсто такие случаи. Крестьяне очень часто уходятъ на сторону, не требуя себѣ отъ семьи земельного выдѣла. Нерѣдко даже выдѣленная земля передается брату, дядѣ или племяннику. Такихъ случаевъ, когда земля оставлена у «сродственниковъ», найдется очень много,—можетъ быть даже больше, чѣмъ тѣхъ, когда земля «ходитъ въ міру». Полученной отъ родственниковъ землей домохозяинъ обыкновенно пользуется совершенно такъ же, какъ и своимъ надѣломъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ и укрѣпить ее въ свою личную собственность *).

*) Правда, въ указѣ говорится, что „въ тѣхъ случаяхъ... когда участки находятся въ нераздѣльномъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ, не состоящихъ между собою въ родствѣ по прямой нисходящей линіи, они составляютъ общую ихъ собственность“. Такимъ образомъ, права родственниковъ по боковымъ линіямъ какъ будто гарантированы.

Но это правило, судя по контексту; имѣть силу по отношенію къ тѣмъ лишь участкамъ надѣльной земли, которые изъ общиннаго владѣнія уже изъяты. Что касается первоначального укрѣпленія въ личную

До сихъ поръ русскій пролетарій въ массѣ своей могъ имѣть надежду, что въ случаѣ чего онъ вернется на родину и вытребуетъ свою землю у міра или сродственниковъ. Многіе такъ и дѣлали. Теперь ушедшими на сторону возвращаться, можетъ быть, будетъ не за чѣмъ,—развѣ за тѣмъ только, чтобы узнать, что ихъ ограбили.

Опасность быть ограбленными грозитъ въ сущности всѣмъ членамъ крестьянской семьи. И тѣ, которые остаются въ деревнѣ, не могутъ считать себя въ безопасности. Не изъ ангеловъ же въ самомъ дѣлѣ состоить крестьянская семья. У домохозяина могутъ быть болѣе или менѣе любимые члены,—дѣти отъ живой жены, напримѣръ, могутъ быть ближе его сердцу и во всякомъ случаѣ болѣе энергично отстаиваемы передъ нимъ, чѣмъ дѣти отъ умершей. Кто же помѣшаетъ ему въ настоящей формѣ выражить свои чувства? Право собственности—вѣдь это не только право владѣнія и пользованія, но и право распоряженія. И вотъ все это право цѣликомъ можетъ теперь сдѣлаться—а по отношенію къ подворнымъ участкамъ и сдѣлано уже—личнымъ правомъ домохозяина. Онъ имъ и распорядится: однихъ вознаградить, другихъ обездолить. Въ случаѣ чего, онъ и всю семью выгонитъ: въ качествѣ личного собственника онъ не затруднится, конечно, обзавестись другими «правопреемниками». Кто помѣшаетъ, даѣте, домохозяину пропить свою «личную» собственность? Если онъ потащить со двора хомутъ или колеса, то дѣти могутъ это замѣтить... Ну, а землю—въ буржуазномъ обществѣ это ловко устроено—онъ всегда при себѣ имѣть.

Возьмите даже дружную семью, но съ незадачливымъ домохозяиномъ. Представьте себѣ, что онъ «обвязается» векселемъ,—вѣдь эта «равноправность» теперь всѣмъ крестьянамъ дарована. Да и безъ векселя личную собственность не такъ уже трудно—за долгъ или недоимку—подвергнуть принудительному отчужденію. Правда, кое-какія преграды на этомъ пути еще остаются, но убрать ихъ не трудно и сдѣлать это даже необходимо, разъ только процессъ «закрѣпошенія надѣльной земли», какъ его съ самодѣвольствомъ назвалъ одиѣ изъ «землеустроительныхъ генераловъ», начнется *). И не такъ страшны, конечно, сродственники, какъ

собственность, то оно должно производиться, какъ мы видѣли, на основаніи данныхъ о „постоянномъ пользованіи“. Претенденты на ту же землю, имѣющіе въ ней идеальную долю и фактически ею не пользующіеся, легко при этомъ могутъ быть обойдены, — тѣмъ болѣе, если они отсутствуютъ и лишены возможности лично вступиться за свои интересы.

*) «Закрѣпошеніе земли»—таковъ лозунгъ, какой, повидимому, усвоило правительство и съ какимъ оно уже сдѣлало попытку, при посредствѣ землеустроительныхъ комиссій, выйти въ массы. Чтобы пояснить самодержавство изобрѣвшаго его г. Риттиха (а, можетъ быть, и самого г. Гурко), не лишне будетъ напомнить, какъ долго не давалась самодержавно-дворянскому правительству эта краткая, но полная своеобразнаго

всякаго рода коршуны, которые отнынѣ будуть кружиться около каждого крестьянского надѣла.

Указъ 9 ноября уже имѣлъ въ этомъ отношеніи свое продолженіе. 15 ноября крестьянамъ даровано новое право: оптомъ и въ розницу закладывать свою надѣльную землю въ Крестьянскомъ Банкѣ. И цѣль, съ какою крестьяне могутъ использовать это право, въ указѣ 15 ноября совершенно ясно указана: это доплаты за помѣщичью землю, пріобрѣтаемую при посредствѣ того же Крестьянского Банка. Такимъ образомъ поживиться за счетъ крестьянского надѣла предоставлено прежде всего помѣщикамъ, которые желаютъ «добровольно» сбыть свои земли. Вполнѣ возможно, что этотъ мотивъ былъ однимъ изъ главныхъ, какимъ руководилось правительство, затѣвая экспроприацію крестьянской земельной собственности. Такъ или иначе, но указъ о грабежѣ можетъ имѣть болѣе широкія послѣдствія, чѣмъ то можетъ показаться съ первого взгляда: внутренній грабежъ въ крестьянской средѣ логически долженъ завершиться ограбленіемъ всего крестьянства.

Принудительное отчужденіе... «Революціонеры наоборотъ» изъявили готовность произвести и эту операцию, но только они подвергнутъ ей не помѣщичью, а крестьянскую землю. Не сразу, однако, какъ я думаю, удастся имъ разрушить земельную общину и тѣмъ болѣе крестьянскій дворъ. Не такъ легко обезземелить крестьянскую массу. Предстоитъ мучительный и грозный процессъ, который, быть можетъ, затянется надолго...

Но диверсія произведена. Контръ-революція всадила ножъ въ самую глубь народнаго организма. Борьбу за землю она перенесла внутрь деревенской общины и крестьянского двора. Разсчетъ ея, конечно, ясенъ: соблазнившись землею сосѣда или брата, крестьянинъ можетъ быть не такъ жадно будеть смотрѣть на землю помѣщика...

Таковъ главный тактический смыслъ этой диверсіи. Но указъ о грабежѣ, несомнѣнно, будетъ имѣть и другія послѣдствія...

смысла формула. Еще весною 1905 г., немедленно по возникновеніи аграрныхъ беспорядковъ, было учреждено „особое совѣщеніе по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣплению крестьянского землевладѣнія“. Тогда это название породило лишь недоумѣніе: крестьяне такъ крѣпко держатся за свою землю, что въ мѣрахъ къ укрѣплению ихъ землевладѣнія никакой надобности, казалось, не имѣется. Въ дѣйствительности задача совѣщенію была поставлена, конечно, другая: „охранить частное землевладѣніе отъ всякихъ на него посягательствъ“ и „утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности частной собственности“. Не удалось лишь найти подходящую формулу. Теперь каламбуръ найденъ: объявляя надѣльную землю свою лично собственностью, крестьянинъ будетъ думать, что онъ „закрѣпить“ ее такимъ образомъ за собою не менѣе, какъ „въ вѣчность“; въ дѣйствительности же все дѣло свидѣтся къ тому, что онъ очень скоро, быть можетъ, передастъ ее другимъ, и вся суть въ томъ, что онъ сдѣлаетъ это посредствомъ купчей „крѣпости“.

III.

Въ революционныхъ и оппозиционныхъ кругахъ указъ 9 ноября встрѣтилъ достаточно единодушное и, конечно, рѣзко отрицательное къ себѣ отношеніе *). Многіе, однако, и въ этой средѣ склонны думать,

*) Надо, впрочемъ, сказать, что въ данномъ случаѣ, какъ и всегда это бываетъ, оказались исключения. Нѣкоторые находятъ содержаніе этого указа достаточно цѣлесообразнымъ и въ то же время достаточно правомѣрнымъ. Въ подтвержденіе послѣдняго указываютъ на то, что даруемое имъ отдѣльнымъ крестьянамъ право укрѣплять надѣльную землю въ собственность было предусмотрѣно еще при выходѣ ихъ на выкупъ. Ссылаются при этомъ, между прочимъ, на ст. 169 „Положенія о выкупѣ“, въ которой сказано, что „по уплатѣ выкупной ссуды, распространяется на выкупленныя земли правила, установленныя въ общемъ положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ отношеніи земель, приобрѣтаемыхъ самими крестьянами въ собственность“. По отношенію же къ землямъ послѣдняго рода въ „Общемъ положеніи“ сказано (ст. 36): „Каждый членъ сельского общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, приобрѣтеної въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ, въ частную собственность, участокъ, соразмѣрный съ долей его участія въ приобрѣтеніи сей земли“. Кромѣ того, въ теченіе довольно долгаго времени, какъ извѣстно, дѣйствовала, хотя и не получила широкаго распространенія 165 ст. Положенія о выкупѣ, согласно которой „если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ местное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соответственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту по усмотрѣнію самого общества, а впередъ до выдѣла, крестьянинъ продолжаетъ пользоваться приобрѣтеною имъ частію земли въ составѣ мѣрскаго надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей“. Съ отмѣной выкупныхъ платежей — согласно этому мѣнѣнію — наступило время для приведенія указанныхъ статей въ дѣйствіе, что и сдѣлано указомъ 9 ноября. Съ этой точки зрѣнія, послѣдній если и нуждается, то лишь въ частичныхъ поправкахъ. Я не буду входить въ разборъ юридической силы такого рода соображеній. Крайне характерно въ данномъ случаѣ то, что для признанія положительныхъ качествъ въ указѣ о грабежѣ люди дѣлаютъ ссылку не на народное правосознаніе, а на сочиненные чиновниками, въ томъ числѣ и на недѣйствовавшія еще статьи, какія нашлись въ нынѣшнемъ сводѣ законовъ. Въ сущности можно было бы даже не упоминать о такого рода соображеніяхъ. Если я счелъ необходимымъ всетаки отмѣтить ихъ, то потому только, что на эту точку зрѣнія всталь, между прочимъ, при обсужденіи указа 9 ноября въ Вольно-экономическомъ обществѣ, одинъ изъ представителей соціаль-демократического направленія въ нашей литературѣ. Возможность такого факта сама по себѣ является знаменательной. „Философскія предубѣжденія противъ общины“ въ нѣкоторыхъ частяхъ русской интеллигенціи настолько сильны, что съ увѣренностью полагаться на единодушное отношеніе ея къ указу 9 ноября, можетъ быть, и не слѣдуетъ. Если вопросъ объ этомъ указѣ придется рѣшать въ связи съ вопросомъ объ общинахъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что мы должны будемъ считаться съ попыткой отстоять существо столыпинскаго акта при помощи самыхъ разнообразныхъ соображеній, хотя бы и въ родѣ только что приведенныхъ.

что онъ не будетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій въ народной жизни. Не сразу—расчитываютъ одни—свѣдѣнія о новомъ законѣ проникнутъ въ крестьянскую среду и не сразу призываляемый имъ къ грабежу лица сумѣютъ использовать выгоды своего положенія. Тѣмъ временемъ собирается Государственная Дума, которая, конечно, откажется въ санкціи этому акту и такъ или иначе добьется его отмены. Другие полагаются не столько на Думу, сколько на революционное настроеніе крестьянской массы, при каковомъ хищнические элементы деревни просто-на-просто не посмѣютъ воспользоваться указомъ...

Довольно проблематичны надежды на Думу, какъ мнѣ кажется, лучше всего будетъ оставить въ сторонѣ. Мы можемъ сказать только: «дай, Боже, нашему теляти волка поймати». Конечно, если дѣйствіе указа 9 ноября будетъ вскорѣ же—скажемъ, черезъ два—три мѣсяца—отменено или пріостановлено, то роль его въ народной жизни можетъ оказаться малозамѣтной и даже, быть можетъ, ничтожной. Но можемъ ли мы строить такие расчеты? Допустимъ даже, что Дума окажется въ этомъ отношеніи достаточно единодушной и не потерпитъ ни общей, ни специальной по данному вопросу аварии,—однако и за всѣмъ тѣмъ ея борьба съ правительствомъ можетъ затянуться. Тѣмъ временемъ перенесенная внутрь деревенской общины и крестьянского двора борьба за землю будетъ разгораться. Когда же Дума получить, наконецъ, возможность пріостановить дѣйствіе аграрныхъ декретовъ, то, быть можетъ, не такъ уже просто будетъ это сдѣлать.

Во всякомъ случаѣ положеніе представляется мнѣ очень серьезнымъ. Прежде всего нельзя разсчитывать, какъ я думаю, на то, что новый законъ не скоро проникнетъ въ деревню. При обычныхъ условіяхъ для этого, дѣйствительно, можетъ быть, потребовались бы цѣлые годы. Но мы не должны забывать того напряженного состоянія, въ какомъ находится сейчасъ деревня. Она чутко ко всему прислушивается и перво на все реагируетъ. И едва ли новый законъ,—законъ, касающійся земли,—можетъ пройти съ ея стороны неизмѣченнымъ. Съ другой стороны, мы не должны упускать изъ виду отчаяннаго положенія крестьянъ, въ особенности въ голодарящихъ мѣстностяхъ. При такихъ условіяхъ люди готовы хвататься за соломинку. И—кто знаетъ?—не ухватится ли въ силу только этого деревня за указъ 9 ноября. Укрѣпивъ надѣльную землю въ личную собственность, легче вѣдь продать, заложить ее,—однимъ словомъ, такъ или иначе утолить за ея счетъ свой голодъ...

Главное же, что необходимо въ данномъ случаѣ помнить, это то, что указъ 9 ноября—не обыкновенный законъ. Это—ударъ, занесенный надѣлью народомъ контрь-революціей. Само собой понятно, что она употребить всѣ усилия, чтобы этотъ ударъ прішелся не по воздуху только. Она постарается, конечно, отточенный ю ножъ вонзить возможно глубже. И мы знаемъ, что эти усилия уже пред-

приняты. Землеустроительнымъ комиссиямъ не только поручено популяризовать лозунгъ «закрѣпощенія земли», но и предложено оказывать особое покровительство тѣмъ изъ крестьянъ, которые воплотятъ его въ жизни. Домохозяева, укрѣпившіе свои надѣльные участки въ личную собственность, будутъ пользоваться важными преимуществами въ дѣлѣ приобрѣтенія помѣщичьей, казенной и удѣльной земли: ихъ требования будуть удовлетворяться въ первую очередь и земля имъ будетъ предоставлена по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Другими словами: гарантировавъ въ законодательномъ порядкѣ безнаказанность грабежа, правительство въ административномъ порядке установило за удачно совершенные набѣги еще особую премію. Соблазнъ настолько большой, что желаніе заняться столь прибыльнымъ промысломъ можетъ охватить даже заурядного, хотя бы и не очень отважнаго, крестьянина.

Само собой понятно, что предпринятая правительствомъ движенія волей-неволей заставитъ передвинуться на ту же арену и революціонныя силы. Необходимо встрѣтить зашедшаго въ тылъ врага, нужно отразить его ударъ или, по крайней мѣрѣ, ослабить его силу. Революціонныя партіи и организаціи должны какъ можно быстрѣе освѣдомить деревню о нависшей надъ ней опасности и подготовить ее по возможности къ организованному отпору...

При такихъ условіяхъ борьба за надѣльную землю очень скоро можетъ получить широкій размахъ и массовой характеръ.

Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что въ той или иной деревнѣ одинъ изъ домохозяевъ, соблазненный землеустроительной комиссией или наученный знакомымъ человѣкомъ, а то и просто своимъ умомъ дошедшій, укрѣпить надѣльную землю въ личную собственность. Нѣтъ ничего мудренаго, что этотъ случай сразу же взволнуетъ не только все селеніе, но и цѣлую округу. При этомъ могутъ получиться разныя теченія. Въ одной мѣстности подобный фактъ, можетъ быть, будетъ восприняты крестьянами, какъ сигналъ: «спасайся, кто можетъ!» И вотъ сначала многоземельные, а затѣмъ и всѣ другіе бросаются укрѣплять за собою надѣльную землю. Легко понять, что если такое теченіе начнется, то остановиться ему будетъ уже трудно. Сегодня Иванъ, самый многоземельный мужикъ въ деревнѣ, спасая свою землю, укрѣпить ее въ личную собственность. Завтра это долженъ будетъ сдѣлать слѣдующій за нимъ по количеству надѣльной земли, Пётръ, которому, въ случаѣ передѣла, за уходомъ изъ общины Ивана, грозить теперь наибольшая опасность. Послѣ завтра то же самое продѣлаетъ Кузьма. Начнутъ бѣжать изъ общины тѣ, которые имѣютъ надѣль вышѣ среднаго, но, въ концѣ концовъ останутся въ общинѣ, если только останутся, лишь самые малоземельные.

Въ другой мѣстности создастся, быть можетъ, совсѣмъ другое, но тоже массовое теченіе. Опасаясь, что многоземельные крестьяне укрѣпятъ за собою общественную землю, міръ захочетъ подравнять

се между домохозяевами: меньше будетъ соблазна, да и меньше—въ случаѣ чего—обиды. Правда, не легко это сдѣлать: слишкомъ долгая и трудная для этого нужна процедура, кромѣ того и законъ о передѣлахъ во многихъ случаяхъ можетъ явиться преградой. Нѣтъ, однако, ничего мудренаго, что міръ преодолѣть всѣ трудности. И—кто знаетъ?—Не вызоветъ ли указъ 9 ноября въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ передѣльного движенія, т. е. вмѣсто того, чтобы доказать общину, онъ, быть можетъ, оживить ее.

Возможны на этой почвѣ и другія явленія. Не лише будетъ напомнить, что указъ о грабежѣ можетъ не только взволновать деревню, но и привести въ движеніе значительную часть города. Я представляю себѣ ярославца, обзаведшагося въ Петербургѣ или гдѣ-нибудь около него мелочною лавкою или другимъ торговымъ заведеніемъ. Онъ хорошо здѣсь устроился, держитъ при себѣ всю семью и, казалось бы, мало заинтересованъ въ земельныхъ отношеніяхъ. Однако и съ деревней онъ не порываетъ связей. Трудно разобраться въ его чувствахъ: можетъ быть, въ данномъ случаѣ оказывается въ немъ любовь къ родинѣ или инстинктивная тяга къ землѣ; можетъ быть, въ немъ говорить чувство тщеславія—въ деревнѣ вѣдь вершина благополучія, какой онъ достичь, становится виднѣе; можетъ быть, имъ руководить смутное сознаніе не прочности городского благополучія и желаніе приготовить себѣ спокойный уголокъ на старость, гдѣ бы онъ могъ жить «ровно на дачѣ»... Такъ или иначе, но онъ чувствуетъ потребность, хотя бы изрѣдка—могетъ быть, разъ въ два-три года—побывать на родинѣ. Онъ ёдетъ туда одинъ, а то и со всей семьей, оставивъ кого-либо изъ нея «при дѣлѣ», ёдетъ на мѣсяцъ или на два, ёдетъ лѣтомъ, когда такъ сильно манитъ къ себѣ природа, или осенью, когда запасшаяся хлѣбомъ и убоиной деревня справляется свои храмовые праздники... У него есть тамъ домъ,—и этотъ домъ хорошо знаютъ всѣ, бывавшіе въ Ярославщинѣ. Мѣстами чуть не въ каждой деревнѣ, среди заурядныхъ избъ, а то и жалкихъ лачужекъ, высится одинъ-два такихъ, построенныхъ на городской манерѣ, снабженныхъ городскою мебелью и крытыхъ желѣзомъ, дома. Не рѣдко вы видите, что эти дома, иногда совсѣмъ новенькие, стоять наглухо заколоченные. На вашъ удивленный вопросъ, вы вездѣ получаете одинъ и тотъ же отвѣтъ: «это питеряки себѣ понастроили». На время приѣзда своего питерскаго хозяина, въ особенности если онъ пріѣзжаетъ съ семьей, такой домъ оживляется, въ немъ толчется масса народа—всякихъ кумовьевъ и сватовъ, а на деревенской улицѣ появляются расфранченные, наѣплающіе на себя по двое часовъ или, по крайней мѣрѣ, по двѣ цѣпочки, кавалеры—дѣти разжившагося въ Питерѣ крестьянина... Подъ старость, склонивъ колѣйку, нѣкоторые изъ питерцевъ дѣйствительно возвращаются жить въ деревню: одинъ открываетъ здѣсь лавку,—«такъ, для баловства больше», потому что какая же торговля въ деревнѣ; другой

занимается болѣе серьезнымъ дѣломъ — скучкой льна, напримѣръ, или лѣсомъ; но почти каждый изъ нихъ берется и за землю, хотя бы потому уже, что иначе трудно заполнить жизнь въ деревнѣ.

Жизня въ Питерѣ, ярославецъ знаетъ, что пишутъ въ газетахъ. Не прѣчь онъ и самъ почитать или послушать, въ особенности тѣ статьи, въ которыхъ говорится о деревенскихъ непорядкахъ. Въ частности, онъ очень отзывчивъ къ разсужденіямъ на тему, что все зло въ общинѣ. Его душа уже сроднилась съ «личной собственностью», на основѣ которой онъ такъ удачно возвѣгъ свое благополучіе. Кромѣ того, его тревожитъ судьба собственного наѣла, который онъ «препоручилъ» одному изъ сосѣдей. Какъ торговаго человѣка, его волнуетъ уже то, что этотъ капиталъ принесить такъ мало процентовъ. «Кабы къ рукамъ эту самую землю... Не чуждо ему и чувство нѣкотораго беспокойства: «какъ бы тамъ, безъ него, земляки чего не надумали»... Указъ 9 ноября онъ сумѣетъ, конечно, оѣвнѣть и съ общей, и съ личной точки зрѣнія. Онъ быстро смекнетъ, къ чему это клонится,—и нѣтъ ничего мудренаго, что по этому случаю онъ подарить свою деревню неожиданнымъ визитомъ. Его неурочный прїѣздъ удивить, конечно, послѣднюю. «Всегда къ Петрову-дню прїѣзжалъ, съ дѣтками, съ супружницей, а тутъ нака-ся на масляной подкатился»... Дѣло, однако, скоро развязнится,—и едва ли можно сомнѣваться, что ярославецъ вернется въ Питеръ успокоеннымъ. Такъ или иначе, но его деревни про новый законъ узнаетъ.

Такихъ «ярославцевъ» найдется, быть можетъ, не мало: одинъ испопѣшить укрѣпить надѣльную землю въ личную собственность, потому что «такъ спокойнѣе», другой сѣзжать въ деревню, чтобы «окончательно развязаться». Для города такія поѣздки останутся, конечно, малозамѣтными, ибо, развѣ встрѣтившись за чайкомъ въ трактирѣ, земляки перекинутся: «думаю-де и я сѣзжть». Но въ жизни деревни онъ, несомнѣнно, привнесутъ много нового.

Я съ нѣкоторою подробностью остановился на этомъ типѣ проживающаго въ городѣ крестьянина, желая показать, какъ разнобразны здѣсь лица, которыхъ могутъ оказаться заинтересованными указомъ 9 ноября. Едва ли нужно говорить, что не только среди городскихъ удачниковъ имѣются они; несравненно больше ихъ найдется среди неудачниковъ. Представьте себѣ, что въ рабочую среду доносится изъ деревни крикъ: «грабятъ!» Несомнѣнно, многие встрепенутся. На этой почвѣ—на почвѣ отысканія и укрѣпленія за собой своихъ надѣловъ—можетъ возникнуть цѣлое движение. Деревенская жизнь наполнится, въ та൦омъ случаѣ, своеобразнымъ шумомъ. Передъ міромъ неожиданно могутъ появиться лица, которыхъ деревня давнѣ уже потеряла изъ виду. Такъ же неожиданно могутъ быть предъявлены семейные счеты, которые за давнотью можно было считать ликвидированными. И въ городѣ это движение

будеть, конечно, болѣе замѣтно, чѣмъ дѣловыя поѣздки на родину мелочныхъ лавочниковъ. Трудно, конечно, предусмотрѣть, какія оно можетъ имѣть послѣдствія: можетъ быть, связи между городомъ и деревней начнутъ рваться, можетъ быть, напротивъ, многія изъ нихъ, совсѣмъ было уже утраченныя, будутъ возстановлены и окрѣпнутъ. Для меня важно въ данномъ случаѣ лишь отмѣтить тотъ—очень широкій, какъ видитъ читатель,—кругъ лицъ и интересовъ, которые могутъ оказаться вдвинутыми въ борьбу за надѣльную землю.

Не менѣе вѣроятно, какъ я думаю, предположеніе, что эта борьба очень скоро можетъ сдѣлаться до нѣльзя острой. Чтобы уяснить себѣ хотя бы нѣкоторая въ этомъ отношеніи перспективы, постараемся представить себѣ укрѣпленіе надѣльной земли въ личную собственность по возможности въ конкретныхъ формахъ.

Крестьянинъ Иванъ Сидоровъ желаетъ воспользоваться правомъ, которое даровано ему указомъ 9 ноября. Уже одно это желаніе можетъ возстановить противъ него всю деревню. Прежде, чѣмъ онъ даже высказалъ свое намѣреніе, въ сердцахъ его односельчанъ уже назрѣло, быть можетъ, глубокое противъ него чувство. По сообщенію нѣкоторыхъ корреспондентовъ, крестьяне, прослышившіе про указъ, уже начали опасливо и подозрительно посматривать на своихъ со-сѣдей, владѣющихъ большими количествами надѣльной земли, чѣмъ имѣть слѣдовало бы при уравнительной разверсткѣ. Но пусть Иванъ Сидоровъ даже не относится къ этимъ многоземельнымъ—уже одно его желаніе выдѣлиться и какъ бы обособиться отъ мѣра, когда всѣмъ живется скверно, легко можетъ породить въ его однообѣственникахъ чувства недовѣрія и вражды.

Допустимъ, однако, что все сначала идетъ мирно. Это вполнѣ возможно, если данная община принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ фактически имѣть мѣсто подворно-наслѣдственное владѣніе надѣльной землей, и тѣмъ болѣе если Иванъ Сидоровъ, съ своей стороны, представить вполнѣ понятные міру резоны, для чего именно ему нужно «закрѣпостить» свой надѣль. Общество тѣмъ скотинѣ, быть можетъ, выполнить это желаніе, что въ его средѣ, несомнѣнно, найдутся охотники распить полѣ-ведра, которые выставить по этому случаю Сидоровъ.

На первыхъ порахъ все дѣло сведется къ нѣкоторой формальности,—къ приговору, который выдастъ общество, а если оно откажетъ, то къ акту, который составить земскій начальникъ. Вполнѣ возможно, что самъ Сидоровъ смотрить на дѣло тоже, какъ на формальность, и вовсе не желаетъ обособляться отъ общества и въ серьезъ дѣлаться личнымъ собственникомъ. Ему просто нужна «бумага», чтобы получить подъ свой надѣль ссуду и внести дополнату за землю, которую онъ приторговалъ у помѣщика. Дѣло можетъ быть и того проще: онъ желаетъ ублажить земскаго начальника, который только при этомъ условіи соглашается охлопотать.

его дѣло въ землеустроительной комиссіи. Лишь потомъ, когда Сидоровъ окажется неисправнымъ плательщикомъ передъ банкомъ или кѣмъ-либо изъ другихъ своихъ кредиторовъ и они обратятъ взысканіе на его «личную собственность», пустивъ ее съ аукціона, онъ пойметъ, какое неожиданное значеніе можетъ имѣть въ современной жизни «бумага», которую онъ выправилъ для совершенно опредѣленной надобности. Пойметъ тогда и общество, что за полѣ-ведра, выставленныхъ въ свое время Сидоровымъ, оно вынуждено теперь пустить въ свою среду совсѣмъ чужого человѣка, который, можетъ быть, испортитъ жизнь всей деревнѣ.

Возможно, однако, что Сидоровъ, укрѣпляя надѣльную землю въ личную собственность, дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ. Тогда чужой человѣкъ можетъ вдвориться въ деревнѣ немедленно. Неудобства имѣть въ своей средѣ собственника общество можетъ испытать и въ лицѣ самого Сидорова, въ особенности если послѣдній имѣть хищническія наклонности. Допустимъ, однако, что онъ дѣйствовалъ всетаки съ самыми добрыми намѣреніями, не пытая противъ своихъ односельцевъ никакого злого умысла. Предположимъ, что, укрѣпляя надѣльную землю въ личную собственность, онъ желалъ только одного: приобрѣсти независимость, необходимую для задуманного имъ улучшенія своего хозяйства. Желаніе вполнѣ понятное и законное. Къ слову сказать, это вѣдь одна изъ главныхъ задачъ, которую будто бы имѣть въ виду указъ 9 ноября.

Итакъ, Иванъ Сидоровъ начинаетъ улучшать свое хозяйство. Если оно находится въ Московской или Смоленской губерніи, то онъ первымъ дѣломъ дѣлить свою пашню на четыре поля и свѣтъ клеверъ. Увеличить количество кормовыхъ средствъ—таковъ первый шагъ, который онъ долженъ сдѣлать: иначе ему нельзя привлечь скота въ хозяйствѣ. Та же задача стоитъ передъ крестьянствомъ значительной части Россіи. Итакъ, Сидоровъ свѣтъ клеверъ. Едва ли нужно говорить, что изъ этого выйдетъ...

На конференціи народно-соціалистической партіи былъ разсанъ, между прочимъ, такой фактъ. Одинъ изъ членовъ этой партіи положилъ крестьянамъ на сходѣ сущность указа 9 ноября. Его рѣчь встрѣтили гробовымъ молчаніемъ: задумались...

— Нѣты!— загадѣли всѣ разомъ.— Это не подойдетъ...

— Да онъ, собственникъ-то, вику въ пару посѣть...

— Скотина этого не позволить...

И дѣйствительно «скотина не позволить». Пасты скотъ крестьянамъ вѣдь негдѣ, какъ только по живью и паровому полю. Если у какой деревни и есть специальный выгонъ, то его еле-еле хватаетъ на времена междупарья. Собственникъ, можетъ быть, и найдетъ для своего скота мѣсто, хотя бы на томъ участкѣ бывшей помѣщицкой земли, который ему внѣ очереди предоставить землеустроительная комиссія Но куда же дѣнется со своей скотиной вся остальная деревня? Волей-неволей она вынуждена будетъ тра-

вить вику. Но допустимъ, что Сидоровъ—человѣкъ мирный: онъ желаетъ жить съ обществомъ въ ладу и, чтобы избѣжать непріятностей съ нимъ изъ-за потравъ, онъ обгородитъ свои полосы. Но въ такомъ случаѣ поле сдѣлается непроѣзднымъ, и крестьянамъ останется одно—сломать поставленную имъ изгородь.

При всемъ своемъ миролюбіи Сидоровъ вынужденъ будетъ, въ концѣ концовъ, обратиться за защитой къ стражнику или уряднику. Начнутся протоколы о потравахъ, о самоуправствѣ и т. д. Насадивъ собственника, правительство обязано будетъ защищать его, и для охраны Сидоровской вики ему придется, быть можетъ, двинуть цѣльную роту... Борьба будетъ тѣмъ острѣе и упорнѣе, что она будетъ вестись изъ-за вопросовъ, хотя и мелкихъ, но для крестьянской массы особенно важныхъ, на почвѣ интересовъ, хотя и не широкихъ, но за то для всѣхъ вполнѣ очевидныхъ.

Я взялъ крестьянина мирнаго, одушевленнаго самыми благими намѣреніями. Но, какъ я уже сказалъ, на его мѣстѣ можетъ оказаться человѣкъ съ завѣдомо хищническими инстинктами. Потравы и самоуправство онъ ввелетъ въ свой разсчетъ, какъ доходная статья, принадлежащая лично собственнику. На этомъ онъ, быть можетъ, построить весь свой планъ—планъ войны съ обществомъ. Допустимъ, что никто изъ своихъ крестьянъ на такую войну не рѣшился,—но вѣдь могутъ со стороны налетѣть чуткіе на всякую поживу «ястребы». Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что появятся особые промышленники, которые начнутъ скучать надѣлы, со специальною цѣлью устраивать изъ нихъ «западни»,—подобныя тѣмъ, какія нѣкоторые изъ помѣщиковъ сумѣли устроить при надѣленіи крестьянъ. Мы знаемъ вѣдь цѣлыхъ имѣнія, главный доходъ которыхъ составляютъ штрафы за потравы. Мы знаемъ «отрѣзки», «клины», «прогоны», за которые крестьянамъ приходится платить или отрабатывать чудовищныя суммы. Охотники поразставить новые «западни»—на этотъ разъ уже внутри надѣла—and обложить такимъ путемъ крестьянскую массу новою данью, конечно, найдутся. Можетъ быть, она платить и не станетъ,—ея повышенное настроение въ данномъ отношеніи свою роль, несомнѣнно, сыграетъ; но отстоять себя она сможетъ не иначе, какъ борьбой, и при томъ самой упорной.

Возьмемъ, далѣе, возможное отнынѣ вселеніе въ деревню, помимо ея желанія и согласія, чуждыхъ и, быть можетъ, явно враждебныхъ ей элементовъ. Припомнимъ, какъ добивались въ свое время этой возможности кабатчики и какъ дорого, подчасъ, цѣнило общество свое дозволеніе. Теперь кабакъ вѣдь драится царскимъ именемъ, и деревня противъ него безсильна. Но вѣдь и «паукъ» остался. Онъ только перемѣнилъ профессію: можетъ быть, не кабакъ онъ откроетъ, а лавочку... Такъ или иначе, но, облюбовавъ себѣ жертву, онъ постарается ее высосать. Указъ 9 ноября — это право, дарованное паукамъ, всюду раскидывать свои сѣти. Попав-

шейся въ такую сѣть деревнѣ остается одно, хотя бы и беспомощно, въ ней биться.

Въ настоящее время трудно, конечно, предвидѣть, въ какую форму отольется борьба за землю, перенесенная внутрь крестьянского двора. Нужно, однако, предвидѣть, что и тамъ возможны будутъ острѣя вещи. Переходъ отъ семейной собственности къ личной, если бы таковой начался, неизбѣжно будетъ очень мучительнымъ. Стоитъ только представить себѣ крестьянскую семью, въ которой домохозяинъ можетъ «подписать» землю, кому вздумается, или даже просто въ силу той или иной оплошности написать ея все свое потомство. Какую напряженность внесетъ это во всѣ семейные отношенія! Мнѣ припоминаются вѣкоторые «личные» собственники, — таковы и теперь кое-гдѣ встречаются въ крестьянской средѣ. Бываетъ, что какой-нибудь владѣлецъ купчай земли, умирая бездѣтнымъ, «подпишетъ» ее кому-либо одному изъ членовъ родственной ему семьи. Какая сложная и вмѣстѣ съ тѣмъ острая подчасъ борьба интересовъ начинается потомъ около этого клочка! Нужно знать, что такое земля для крестьянина, какъ великъ его желаніе уширить эту основу своего существованія и какъ великъ его страхъ лишиться ея...

Лѣтъ 10 уже не бывалъ я въ деревнѣ, — не бывалъ въ томъ смыслѣ, чтобы окунуться въ глубь жизненныхъ ея интересовъ. Можетъ быть, многое въ ней измѣнилось. Но основываясь на прежнихъ своихъ впечатлѣніяхъ, я склоненъ думать, что сознательная часть крестьянства со страхомъ отрицаетъ передъ новымъ строемъ земельныхъ отношеній, — передъ римскимъ строемъ, въ которомъ homo homini lupus est, въ которомъ даже братъ брату приходится волкомъ. Связавъ выходъ изъ общины съ обязательнымъ переходомъ къ личной собственности, правительство, быть можетъ, тѣмъ самымъ положило бревно на дорогѣ направлennаго имъ въ формѣ указа 9 ноября въ крестьянскую среду конгрѣв-революціоннаго мотора. Семейная собственность на землю, несомнѣнно, прочнѣе общинной, и если ничто другое, то, можетъ быть, потребность сократить дворъ заставитъ крестьянство ухватиться за общину или же искать другую коллективность, которой оно могло бы довѣрить свое право на землю.

Вдумываясь въ характеръ возможной борьбы за надѣльную землю, необходимо помнить и еще одно обстоятельство. Значительная часть деревенской жизни проходитъ внѣ твердо-установленныхъ правовыхъ нормъ. И тѣ нормы, которыхъ уже выработаны народнымъ правосознаніемъ, почти не пользуются организованной защитой въ лицѣ государства. Прежде, хотя и скверно, эту роль выполняли волостные суды и сельскіе сходы. Но теперь, послѣ бюрократизаціи крестьянскихъ учрежденій, сходы и тѣмъ болѣе суды стоять настражѣ не столько крестьянского правосознанія, сколько правосознанія земскаго начальника. Мнѣ, подъ край-

ней мѣрѣ, известны случаи, когда наканунѣ каждого засѣданія волостного суда его предсѣдатель, какъ департаментскій чиновникъ, отправляется съ докладомъ къ земскому, гдѣ — допустимъ даже, послѣ справокъ въ законѣ, въ томъ числѣ и въ X томѣ, — подыскивается для каждого дѣла рѣшеніе, наиболѣе пріятное или кажущееся наиболѣе справедливымъ «барину». То же право, которое выработано народомъ, каждому заинтересованному въ немъ приходится охранять самому, при той лишь слабой поддержкѣ, какую можетъ оказать ему общественное мнѣніе. Само собой понятно, что многіе вопросы решаются при этомъ нерѣдко просто-напросто силой.

Указъ 9 ноября ставить на очередь и дѣлаетъ неотложными массу новыхъ правовыхъ вопросовъ при отсутствіи какихъ бы то ни было формъ, въ которыхъ могло бы высказаться коллективное правосознаніе, и при полномъ почти отсутствіи организованныхъ силъ, которыхъ могли бы выступить на его защиту.

Хуже того. Этотъ указъ — повторю — контрѣ-революціонный актъ. Онъ имѣеть совершенно опредѣленную задачу: борьбу, которая охватила уже почти всю поверхность русской жизни и которая сплотила уже массы, онъ задается цѣлью перенести въ самый низъ, вглубь народнаго организма и тамъ привести въ столкновеніе всѣ его частички. Перенесенная внутрь, борьба сохранить, конечно, въ общемъ тотъ же характеръ, что и на поверхности. Всѣ организованные силы государственности, пока контрѣ-революція владѣть ими, — судь и законъ, полицію и войско, — она направить на поддержку хищника противъ трудящагося, немногихъ счастливчиковъ противъ всей почти массы. И предоставленная собственнымъ силамъ, частички этой массы, быть можетъ, не найдутъ другихъ средствъ для защиты своего права и своихъ интересовъ, кроме собственныхъ кулаковъ и дреколя.

Перенесенная внутрь деревенской общинѣ и крестьянской семьи, борьба за землю можетъ получить не только широкій размахъ, но и крайне острый характеръ. Мы стоимъ, быть можетъ, лицомъ къ лицу передъ громаднымъ углубленіемъ революціи.

IV.

Я намѣтилъ нѣкоторыя возможности, болѣе или менѣе вѣрооятныя, болѣе или менѣе близкія. Читателямъ понятно, конечно, что, намѣчая ихъ, я вовсе не хотѣть и не хочу сказать, что жизнь въ томъ или другомъ изъ указанныхъ мною направленій пойдетъ прямолинейно и что движеніе ея въ каждомъ изъ нихъ будетъ быстротечно.

Нельзя думать, чтобы имѣющіе громадное значеніе въ народной жизни институты общинной и тѣмъ болѣе подворной собственности

могли быстро и безслѣдно исчезнуть. Самое большее, что можетъ сдѣлать въ данномъ отношеніи революціоннаѧ, хотя бы и самая ожесточенная, борьба, это—заложить основы новаго права. Въ зависимости отъ исхода этой борьбы право можетъ получиться, конечно, разное. Можетъ быть ножъ, который всадила революція, откроетъ выходъ для застоявшагося въ соціальномъ организмѣ гноя; можетъ быть, этотъ ножъ привнесеть въ него новое болѣзнетворное начало. Но гной будетъ вытекать или зараза будетъ распространяться лишь постепенно. Долгіе годы будутъ нужны, чтобы новыя правовыя начала вошли въ народную жизнь; въ очень медленномъ и, быть можетъ, крайне болѣзненномъ процессѣ отдѣльныя части соціального организма будуть приспособляться къ своимъ новымъ функциямъ, и не сразу структура этого организма, какую придадутъ ему революція, пріобрѣтетъ необходиму устойчивость.

Вполнѣ возможно и даже вѣроятно, что во многихъ мѣстностяхъ указъ 9 ноября пройдетъ на первыхъ порахъ почти не замѣченныемъ. Жизнь окажется въ нихъ недостаточно къ нему восприимчивой. Не менѣе возможно, что въ другихъ мѣстахъ, произведя сразу же очень сильное дѣйствіе, онъ вызоветъ затѣмъ столь же почти сильную реакцію. Переїдя, напримѣръ, къ личной собственности, крестьяне, быть можетъ, потомъ опять возстановятъ общинную. Надо сказать, что въ исторіи общинъ такие случаи уже бывали. Подѣливъ (на основаніи ст. 115 мѣстнаго великор. полож.) по тѣмъ или инымъ соображеніямъ общинную землю въ подворную собственность, крестьяне затѣмъ нерѣдко даже забывали о состоявшемся на этотъ счетъ приговорѣ,—и изслѣдователямъ, сзнакомившимся съ такимъ приговоромъ въ волостномъ архивѣ, приходилось потомъ на мѣстѣ находитъ практикующую передѣлы общину. Теперь такие случаи разрушения общинъ на время и даже только на бумагѣ могутъ быть особенно часты, въ виду возможности ублаготворить такимъ образомъ предержащія власти. Нѣть ничего мудренаго, что найдутся такіе ретивые и еще достаточно авторитетные земскіе начальники, въ участкахъ которыхъ всѣ крестьяне перейдутъ къ личной собственности. Само собой понятно, что институтъ послѣдней въ такихъ мѣстахъ не можетъ быть достаточно устойчивъ. Вполнѣ возможно, однако, что, отказавшись отъ общинъ только на бумагѣ, крестьяне вынуждены будутъ дальнѣйшимъ ходомъ событий разрушить ее и на дѣлѣ.

Нельзя такъ же думать, что всѣ вопросы, съ которыми сопрѣжено переходъ отъ одного земельного строя къ другому, встанутъ передъ всей страной сразу. Если бы это было такъ, то можно было бы съ достаточною увѣренностью разсчитывать на сознательное и, по крайней мѣрѣ, на единодушное отношеніе крестьянства къ ожидающимъ его перспективамъ. Въ дѣйствительности, конечно, дѣло пойдетъ иначе; въ однихъ мѣстахъ всплынутъ раньше одни вопросы, въ другихъ — другіе, и крестьянство вынуж-

жено будетъ идти ощупью, по частямъ рѣшать великую проблему.

Вообще картина, вѣроятнѣе всего, будетъ пестрая. И вмѣстѣ съ тѣмъ очень сложная.

Да, сложная... Предстоящую борьбу за надѣльную землю нельзя мыслить въ какой-либо одной упрощенной схемѣ. Многие склонны представлять себѣ дѣло такимъ образомъ: хищники и черносотенцы будутъ нападать, сознательная и трудовая часть крестьянства будетъ защищаться. Въ действительности, однако, борьба, почти несомнѣнно, будетъ сложнѣе, и въ этомъ заключается, можетъ быть, главная ея опасность. Но благодаря этому же, въ случаѣ успѣха, она можетъ оказаться для трудового народа въ высшей степени благотворной.

Нападать будутъ не только хищники. Выше я взялъ въ примѣръ Ивана Сидорова, и его желаніе—обеспечить себѣ въ своемъ хозяйствѣ независимость — я квалифицировалъ, какъ вполнѣ понятное и законное. Такихъ Сидоровыхъ много найдется, особенно въ нечерноземной Россіи. Нынѣшняя община съ ея череззолосностью, принудительнымъ съвооборотомъ и т. д. неизбѣжно стѣсняетъ личность, стремящуюся и даже вынужденную всѣмъ хозяйственнымъ строемъ проявлять возможно большую хозяйственную предпримчивость. Вполнѣ понятно поэтому, что во многихъ мѣстностяхъ наблюдается въ крестьянской средѣ довольно сильное тяготѣніе къ отрубному или участковому землепользованію. Помимо хозяйственной независимости, такое землепользованіе—когда вся земля тутъ же, вокругъ дома, подъ руками—при интенсивномъ хозяйствѣ представляетъ массу другихъ удобствъ.

Надо сказать, что отрубное землепользованіе вполнѣ совмѣстимо съ институтомъ коллективной и той же общинной собственности на землю. Община въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ виду выяснившейся и сознанной потребности, уже начала вырабатывать формы такого землепользованія. Напомню хотя бы ярославскую «сотню», при помощи которой крестьяне стараются свести мелкія и разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ полосы въ немногочисленные для каждого домохозяина и болѣе крупные участки. Съ другой стороны, подворная или личная собственность на землю отнюдь не гарантируетъ отрубного землепользованія. На противъ, мы знаемъ громадныя мѣстности—можно указать въ этомъ случаѣ на значительную часть Украины,—гдѣ подворная или личная собственность существуетъ на ряду съ крайне дробной череззолосицей и неизбѣжнымъ при ней принудительнымъ съвооборотомъ. Въ частности, указъ 9 ноября, допускающій укрѣпленіе въ личную собственность череззолосныхъ участковъ и допускающій требованіе о выдаѣ ихъ къ одному мѣсту только при общихъ передѣлахъ, неизбѣжно ведетъ къ созданію такой—наихудшей изъ всѣхъ существующихъ, какъ выразился А. А. Кауфманъ—формы землевладѣнія. Если бы укрѣпленіе въ личную собственность происходило

даже съ обязательнымъ выдѣломъ къ одному мѣсту, то и въ такомъ случаѣ, при нынѣшнемъ наслѣдственномъ правѣ, очень скоро должна была бы образоваться невѣроятная и крайне трудно устраимая черезполосица.

Къ сожалѣнію, въ числѣ всякихъ предубѣждений противъ общинной земельной собственности едва ли не самымъ сильнымъ и едва ли не самымъ распространеннымъ является мысль, что такая собственность неразрывно связана съ черезполосицей, и съ другой стороны, — что личная собственность лучше, чѣмъ всякая иная, гарантируетъ ея владѣльцу обладаніе его землей въ одномъ мѣстѣ. Это предубѣженіе распространено и въ крестьянствѣ. Нѣть поэтому ничего невѣроятнаго, что Иванъ Сидоровъ — одинъ изъ наиболѣе, быть можетъ, трудолюбивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе энергичныхъ крестьянъ данной деревни, окажется вмѣстѣ съ хищниками въ числѣ нападающихъ на общину. Конечно, на нынѣшнюю общину, — и только потому, быть можетъ, что онъ не знаетъ о возможности перехода ея въ другую форму.

Не менѣе понятно и не менѣе законно другое желаніе того же, скажемъ, Ивана Сидорова. Онъ желаетъ, чтобы трудъ, который онъ вложитъ въ землю; а при интенсивномъ хозяйствѣ онъ можетъ быть очень значительнымъ, — не пропалъ понапрасну; при общинномъ же землевладѣніи онъ боится, что земля можетъ быть у него отобрана прежде, чѣмъ онъ используетъ произведенныя затраты. Отсюда его стремленіе укрѣпить свою землю «въ вѣчность». Мы знаемъ опять-таки, что колективная собственность на землю, можетъ быть лучше, чѣмъ всякая другая, гарантировать трудящемуся плоды его трудовъ. Напомню и въ данномъ случаѣ, что община — нынѣшняя даже община — давно уже выступила на этотъ путь. Еще покойнымъ Орловымъ, при изслѣдованіи имъ общинного землевладѣнія въ Московской губерніи въ концѣ 70-хъ годовъ, было констатировано примѣненіе самыхъ разнообразныхъ формъ вознагражденія за произведенныя улучшенія, какія общины практиковали въ его время при передѣлахъ по отношенію къ домохозяевамъ, получавшимъ почему-либо худшую землю. Тоже наблюдалось изслѣдователями общинной жизни и въ другихъ мѣстахъ. И если такое вознагражденіе не получило до сихъ поръ общаго признанія и повсемѣстнаго распространенія, то, быть можетъ, потому только, что народное правосознаніе было лишено органа, при посредствѣ которого оно могло бы отливать вырабатываемыя имъ нормы въ достаточно широкія и прочныя, надлежащими образомъ охраняемыя, правовые формы. Напомню, съ другой стороны, что личная собственность отнюдь не гарантируетъ трудящемуся, что вложенный имъ въ землю трудъ будетъ вполнѣ вознагражденъ. Больше того: онъ легко можетъ не только лишиться права на вознагражденіе, но и права на землю. Тѣмъ не менѣе со стороны Ивана Сидорова вполнѣ возможно недоразумѣніе: опа-

самъ, какъ бы его не ограбили однообщинники, онъ пойдетъ вмѣстѣ съ завѣдомыми грабителями. И такихъ Сидоровыхъ — повторяю — можетъ оказаться не мало.

Но противъ нынѣшней общини можно предъявить и болѣе серьезныя обвиненія. Поскольку послѣднія не основаны на недоразумѣніи, всѣ ихъ можно свести къ одному первоисточнику, къ совершенно ненормальному — двусмысленному — положенію общини въ современномъ строѣ. Въ силу историческихъ условій, она сохранила до сихъ поръ принадлежавшій ей издревле характеръ территориально-государственного союза; съ другой стороны, объединяя не всѣхъ жителей данной территории, а только земледѣльцевъ, она является частно-хозяйственнымъ союзомъ, въ качествѣ каковаго она только и можетъ правильно функционировать. Благодаря этому, въ общинной жизни создался рядъ всевозможныхъ противорѣчій, которыхъ невозможно разрѣшить при нынѣшнемъ ея строѣ. Сущность всѣхъ этихъ противорѣчій сводится къ одному основному: въ качествѣ хозяйственного союза, община можетъ и должна быть союзомъ исключительно добровольнымъ; въ качествѣ государственного она продолжаетъ имѣть принудительный характеръ.

Чтобы пояснить свою мысль, возьму одну изъ сторонъ общинной жизни, очень рѣдко привлекающую къ себѣ вниманіе, но тѣмъ не менѣе крайне важную, какъ потому, что съ ней придется серьезно считаться при предстоящемъ государственномъ переустройствѣ, такъ и потому, что она можетъ сыграть очень серьезную роль въ интересующей насъ борьбѣ за надѣльную землю.

Выше я упомянулъ о вселеніи въ деревню, которое можетъ произойти нынѣ не иначе, какъ съ согласія общини. Правда, жизнь уже много сдѣлала въ этой стѣнѣ брешей, но и за всѣмъ тѣмъ она красуется еще вокругъ деревни. Среди охотниковъ расширить эти бреши и даже снести до самаго основанія всю стѣну, несомнѣнно, окажутся не только «пауки» и всякие другіе хищники. Право гражданина жить, гдѣ онъ хочетъ, — такъ называемая «свобода передвиженія» — значится въ программахъ всѣхъ прогрессивныхъ партій. Но чтобы реализовать это право по отношенію къ деревнѣ, гражданинъ долженъ сдѣлаться обладателемъ надѣльной земли, что при общинномъ землевладѣніи не для всякаго доступно. Даже снять себѣ для этого въ аренду участокъ или нанять квартиру у кого-либо изъ общинниковъ, если этого не захочетъ міръ, не всякой можетъ. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ, наиболѣе жизненныхъ, общинахъ до сихъ поръ сохранилась эта власть міра. Казалось бы, эта власть должна быть уничтожена. Но, съ другой стороны, по отношенію къ хозяйственному союзу безусловно недопустимо какое бы то ни было принужденіе и, стало быть, право схода не допускать вселенія въ общину чуждыхъ ей элементовъ, помимо общаго на то согласія, должно быть признано и охраняемо. Понятно, что не легко развязать этотъузелъ.

Допустимъ, что этотъ крайне трудный и въ то же время крайне важный вопросъ не привлечетъ къ себѣ вниманія при установленіи законодательнымъ путемъ «вольностей». Но вѣдь данная потребность вполнѣ наэрѣла въ жизни, и она, несомнѣнно, начнетъ пролагать и уже пролагаетъ себѣ путь при помощи борьбы въ обходѣ или наперекоръ наличнымъ правовымъ формамъ. Охотники вселиться въ деревню имѣются, какъ уже сказалъ я, не только среди хищниковъ; въ числѣ такихъ охотниковъ могутъ быть крайне цѣнныя для самой деревни культурные силы. Нѣтъ ничего поэтому мудренаго, что даже наиболѣе благожелательно настроенные по отношенію къ трудовому крестьянству лица окажутся въ числѣ разрушителей коллективной земельной собственности. Представьте себѣ, что учитель, сжившійся съ данной деревней, желаетъ прочно въ ней обосноваться, чтобы всего себя отдать мѣстной общественной жизни. Можетъ быть, мѣръ не найдеть возможныхъ—при остромъ малоземельѣ это вполнѣ понятно, да и помимо того могутъ встрѣтиться преграды,—выдѣлить ему кусокъ общинной земли. Что же остается сдѣлать этому учителю?—найти юадея или юому, который желаетъ или вынужденъ развязаться съ землей и который, укрѣпивъ ее въ личную собственность, перепродастъ затѣмъ желающему слиться съ народомъ интеллигенту. Такимъ образомъ, на общину въ виду присущихъ ей аномалий наладить, быть можетъ, ея доброжелатель и даже сторонникъ коллективной собственности на землю.

Подобныхъ интеллигентовъ найдется, быть можетъ, не много. Но потребность вселенія въ деревню самыхъ разнообразныхъ элементовъ—повторяю—очень велика. Необходимо такъ или иначе создать такой деревенскій и общинный укладъ, который давалъ бы выходъ для этой потребности—и вмѣстѣ съ тѣмъ, гарантировалъ бы хозяйственный союзъ отъ вторженія въ него чуждыхъ ему элементовъ *).

Не менѣе велика другая потребность—потребность выхода изъ общини, въ связи съ выселеніемъ изъ деревни. Съ легкой руки

*) Легко понять, что этотъ вопросъ касается не только формы землевладѣнія, но и той первичной ячейки, которая должна лежать въ основѣ всей государственной организації,—не только земельной общины, которая должна реформироваться по типу кооперации, но и сельского общества, которое должно быть устроено по типу муніципії. Я не случайно взялъ для примѣра вселеніе. На немъ, какъ мнѣ казалось, наиболѣе наглядно можно было показать органическую связь въ низахъ народной жизни двухъ великихъ вопросовъ нашего времени: аграрного и политического. Общественная мысль до сихъ поръ слишкомъ мало еще продвинула вопросъ о мѣстномъ государственномъ устройствѣ. Дальше мелкой земской единицы не идутъ даже наиболѣе разработанные проекты. Между тѣмъ необходимо спуститься еще ниже. И мнѣ хотѣлось обратить вниманіе читателей на эту необходимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на невозможность дать сколько-нибудь удачные проекты земельного и общаго мѣстного устройства виѣ связи ихъ другъ съ другомъ.

марксистовъ, до крайности запутавшихъ этотъ вопросъ, въ общественныхъ кругахъ довольно широко распространено убѣжденіе, что такому выходу мѣшали и мѣшаютъ круговая порука (уже отмѣненная), паспортная стѣсненія (тоже недавно потерявшія для крестьянъ специфическую свою силу) и другія однородныя имъ ограниченія крестьянскихъ правъ, будто бы неразрывно связанныя съ общиной. Въ дѣйствительности, свободному выходу изъ нея мѣшало—по крайней мѣрѣ, по скольку рѣчь идетъ о послѣднихъ двухъ десятилѣтіяхъ,—лишь одно обстоятельство: невозможность реализовать приобрѣтенные права на надѣльную землю. Долгіе годы крестьянинъ вносилъ—нерѣдко «спуста», т. е. не пользуясь даже землей—выкупные подати. Онъ «выкупалъ» свою землю и дѣлалъ въ этой формѣ изъ своего трудового достатка принудительныя сбереженія,—и вотъ теперь, когда земля «окуплена», когда она денегъ стоитъ, когда его надѣль даетъ «верхи», т. е. больше, чѣмъ сколько съ него сходитъ податей, онъ долженъ уйти отъ земли, не выручивъ ни копѣеки. Община его, конечно, отпустить и уплату податей за него на себя приметъ,—изъ тысячи общинъ можетъ быть найдется одна, которая къ его выходу поставила бы препятствія; но онъ не можетъ уйти самъ, психологически не можетъ, потому что это значило бы бросить нѣсколько радужныхъ, которыхъ стоитъ теперь его надѣль, и лишиться такимъ образомъ единственныхъ, быть можетъ, сбереженій, какія онъ имѣеть. И вотъ онъ держится за этотъ надѣль и, даже уходя на жительство въ городъ, оставляетъ его за собою. Вполнѣ понятно, что возможность укрѣпить надѣль въ личную собственность и затѣмъ продать его явится для такого крестьянина единственнымъ средствомъ выручить свои сбереженія, и онъ, конечно, не замедлитъ имъ воспользоваться. Но легко вмѣстѣ съ тѣмъ понять и то, что приобрѣтены этимъ крестьяниномъ права на надѣль могутъ быть выкуплены государствомъ, и, такимъ образомъ, свобода выхода изъ нынѣшней общины можетъ быть достигнута безъ обращенія земли въ личную собственность.

Противниковъ общины, въ родѣ указанныхъ мною,—противниковъ по недоразумѣнію и по неволѣ,—можетъ оказаться много. Не мало такихъ противниковъ можетъ найтись и у семейной собственности. Не только хищники—повторяю—оказутся въ числѣ нападающихъ, въ числѣ ихъ могутъ оказаться и такія силы, которыхъ будуть бороться за права личности и трудовые интересы. Это обстоятельство можетъ спутать отношенія и до нельзя осложнить борьбу. Въ расчетѣ на такую пуганицу контрѣ-революціонеры, быть можетъ, и предприняли свою диверсію. Зайдя въ тылъ революціонной арміи, они могутъ не только произвести въ ея рядахъ замѣшательство, но и противопоставить другъ другу боровшіяся доселѣ вмѣстѣ силы.

Для того, чтобы этого не случилось, есть, какъ я думаю, только одно средство. Развъ борьба за надѣльную землю возгорится, трудо-

вому народу нельзя оставаться на оборонительныхъ позиціяхъ. Въ такомъ случаѣ отъ него отколятся и даже, быть можетъ, нападутъ на него наиболѣе дѣятельные его элементы. Необходимо вмѣстѣ съ ними перейти въ наступленіе. Нужно смѣло подойти къ противорѣчіямъ, какія имѣются въ земельной общинѣ и крестьянскомъ дворѣ, и постараться разрѣшить ихъ согласно съ правами человѣческой личности и интересами трудового народа. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, между ними, если и есть противоположность, то только кажущаяся. Освободить личность въ крестьянскомъ дворѣ и земельной общинѣ, несомнѣнно, можно, сохранивъ землю въ колективной собственности. Больше того: для освобожденія личности при данныхъ условіяхъ есть только одно дѣйствительное средство—это собрать всю землю въ распоряженіи болѣе широкой, чѣмъ община или дворъ, колективности. Въ эту сторону и необходимо направить всѣ силы.

Диверсія, произведенная правительствомъ, на много, быть можетъ, осложнила и затруднила русскую революцію, но за то она открыла для нея новыя и при томъ очень широкія перспективы.

А. ПЫШЕХОНОВЪ.

Викторъ Александровичъ Гольцевъ.

18 ноября, въ Москвѣ умеръ Викторъ Александровичъ Гольцевъ. Умеръ онъ 56 лѣтъ, въ возрастѣ, когда общественные работники на Западѣ считаются въ расцвѣтѣ силъ, т. е. когда жизнь дала имъ то, что могла дать изъ области познаній и опыта, а старость не успѣла еще подточить дѣятельныя силы и энергию... Гольцевъ уже не сколькоихъ послѣднихъ лѣтъ былъ человѣкъ больной и разбитый. Хотя до конца онъ продолжалъ работать, редактируя «Русскую Мысль» и выступая съ литературными статьями, но всѣмъ, знавшимъ покойного, было ясно, что это уже далеко не «расцвѣтъ силъ», а печальный и ранній закатъ...

Отчего это случается въ нашемъ отечествѣ такъ часто? Въ каждомъ отдельномъ случаѣ можно, разумѣется, указывать самые разнообразныя обстоятельства, способствующія слишкомъ раннему закату порой такъ ярко начинающихся жизней. «Мы не умѣемъ экономить своихъ силъ», «мы не способны правильно организовать собственную работу», «мы не знаемъ мѣры въ трудѣ и отдыхѣ», «мы часто приаемъ послѣднему формы, не способствующія возстановленію растрачиваемой нервной энергіи»...

Пусть такъ. Пусть рѣдкая біографія русскаго даровитаго человѣка обходится безъ этихъ мотивовъ. Но за то наши болѣе счастливые европейскіе собраты не знаютъ уже давно другихъ мотивовъ, которыми до излишества богата жизнь только что скончавшагося писателя.

Въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ Гольцевъ появился на московскомъ горизонте въ качествѣ приватъ-доцента по полицейскому праву. О молодомъ ученомъ сразу заговорили, какъ о силѣ, подающей блестящія надежды. Всѣ, кто хорошо зналъ покойнаго, знаютъ также, что именно устная рѣчь, лекція, импровизация явились той формой, въ которой всего легче и всего свободнѣе развертывались его умъ и его интеллектуальная личность. Но профессорская карьера съ первыхъ же шаговъ была для него закрыта. Послѣ кратковременной высылки (тоже неизбѣжная черта русской интеллигентной карьеры) онъ былъ лишенъ права выступать на университетской кафедрѣ,—правда, не навсегда: въ послѣдніе годы ему вернули это право, но это была только странная и довольно жестокая иронія: послѣ перерыва въ четверть вѣка Гольцеву предоставили возможность вернуться къ началу ученой карьеры, въ которой онъ подавалъ такія «блестящія надежды» въ свои молодые, далеко отошедшие годы...

Въ эти четверть вѣка Гольцевъ отдалъ свои силы журналистикѣ. Онъ сталъ журналистомъ русскимъ, и это, конечно, уже материалъ для трагедіи. Но, кромѣ того, волею судьбы онъ былъ журналистъ московскій, а это уже трагедія двойная. Самодержавіе у насъ было, конечно, одно для всей страны. Для всей страны писались также и цензурные уставы. Но — земля наша, какъ известно, велика и обильна разнообразіемъ всякаго гнета. «Единый начала» преломляются на ея просторѣ весьма различно, въ зависимости отъ географического положенія и «местныхъ историческихъ условій». Сухой «чиновничій» Петербургъ пишетъ «законы», «циркуляры» и «разъясненія», охватывающіе одной системой давленія всю страну, до самыхъ далѣкіхъ окраинъ. Замѣчательно, однако, что никогда въ Петербургѣ, то есть у самого источника этого репрессивнаго творчества,—цензурное давленіе не сказывалось съ такой угрюмою и мрачною силой, какъ въ добродушной и якобы не чиновничій Москвѣ. Въ Петербургѣ работало центральное правительство, Петербургъ сочинялъ въ руководство и разъясненіе тысячи циркуляровъ... Но за то матушка Москва выдвинула изъ своихъ нѣдръ такихъ добровольцевъ изувѣрно-патріотического сыска, передъ которыми петербургскій князь Мещерскій со своимъ «Гражданиномъ»—только наивный и смѣшной младенецъ. Поэтому судьбы оппозиціонной печати въ Москвѣ въ общемъ были гораздо тажелѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Рассказываютъ, что въ началѣ 80-хъ годовъ, когда самое существованіе «независимой политической» прессы объявлялось зломъ, подлежащимъ искорененію, одинъ административный

юпитеръ подвергъ опросу редакторовъ ежедневныхъ периодическихъ изданій относительно ихъ «направленія». Редакторы отвѣчали, какъ могли отвѣтить въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда обвиненіе не ставится, но наказаніе готово разразиться по простому и довольно темному усмотрѣнію. Только одинъ изъ изда-телей, призванныхъ къ этому своеобразному допросу, вполнѣ удовле-творилъ грозное начальство. На вопросъ о его «направленіи» онъ отвѣтилъ кратко, довѣрчиво и просто:

— Кормимся, ваше—ство...

Это было цѣлое откровеніе и съ этого порь оно стало лучшимъ критеріемъ при разрѣшеніи новыхъ газетъ и журналовъ: дозволить кормленіе посредствомъ литературы и искоренить въ ней идеинія стремленія—такъ окончательно опредѣлилась программа въ отно-шении периодической прессы. Издатель, которому приписывается эта своеобразная формулировка «направленія», былъ истиннымъ порожденіемъ Москвы, съ ея сорока сороками, лобнымъ мѣстомъ, Царь-колоколомъ и Страстнымъ бульваромъ. Впослѣдствіи этотъ догадливый человѣкъ былъ не однажды «декорированъ» орденами за особыя заслуги въ области отечественной литературы, и съ его легкой руки газеты и журналы всего легче разрѣшались—кущамъ.

Гольцевъ былъ тоже москвичъ и при томъ москвичъ истинный, до мозга костей. Но это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ европеецъ, человѣкъ новыхъ стремленій, которымъ пришлось преолѣтиться въ московской средѣ. Выступить на литературное поприще ему при-шлось именно въ купеческой газетѣ, разрѣшеннай подъ вліяніемъ указанного выше «курса». Московскому 1-й гильдіи купцу, г-ну Ланину, было дозволено изданіе ежедневной газеты «Русский Курьеръ». Издатель обладалъ прекраснымъ цензомъ: онъ былъ владѣлецъ весьма извѣстной фабрики шипучихъ водъ, который носили выразительное название «ланинскаго» или «русскаго шам-панскаго». Предполагалось, что человѣкъ, сумѣвшій замѣнить ударяющій въ голову западный напитокъ—скромной, хотя и шипучей водицей отечественного производства, сдѣлаетъ то же са-мое и въ области печатнаго слова. Оказалось, однако, что надежды начальства были обмануты: удаленный съ каеедры моло-дой профессоръ, В. А. Гольцевъ, составилъ для новой газеты кружокъ сотрудниковъ, и въ «Курьерѣ» московского 1-й гильдіи купца Ланина неожиданно забылъ живой ключь даровитаго, моло-дого и довольно крѣпкаго по тому времени либерализма... Московскіе добровольцы ударили тревогу, посыпались доносы, а за доносами, конечно, кары и «мѣропріятія». В. А. Гольцевъ дол-женъ былъ оставить газету вмѣстѣ съ своимъ кружкомъ. Ланинъ составилъ новый кружокъ сотрудниковъ, руководительство кото-рымъ фактически взялъ въ свои руки. Въ концѣ концовъ газета, тоже «подававшая большія надежды» въ первые мѣсяцы послѣ своего выступленія, рѣзко теряла литературный обликъ и сконча-

лась среди смиѣхъ москвичей-читателей, а Гольцевъ еще разъ почувствовалъ себя выбитымъ изъ занятой позиціи.

Послѣ этого онъ применулъ къ ежемѣсячному журналу «Русская Мысль», который издавался тоже московскимъ купцомъ В. М. Лавровымъ. Съ этихъ порь біографія В. А. Гольцева тѣсно сливается съ исторіей этого журнала, въ которомъ онъ работаетъ уже безъ перерывовъ до конца своей жизни... Истый москвичъ, умудренный печальнымъ опытомъ, онъ сумѣлъ проводить журналъ, безъ особенно чувствительныхъ административныхъ крупнѣй, мимо опасныхъ подводныхъ рифовъ, и «Русская Мысль» долгіе годы являлась единственной представительницей независимой ежемѣсячной прессы въ Москвѣ... Одно время, послѣ закрытія «Отечественныхъ Записокъ», значеніе московского журнала сильно возрасло. Какъ по числу подписчиковъ, такъ и по литературному и моральному вліянію онъ занималъ первое мѣсто въ русской ежемѣсячной журналистицѣ. Вспомогательное это значеніе относительно ослабѣло. Но и въ периодъ расцвѣта, и въ болѣе трудные дни В. А. Гольцевъ являлся истиннымъ двигателемъ, душой этого изданія.

Послѣ его смерти явились въ газетахъ слухи, будто и «Русская Мысль» прекращаетъ свое существованіе. Эти слухи указываютъ только, какъ тѣсно въ глазахъ москвичей связана судьба журнала съ личностью его вдохновителя. Къ счастью, въ послѣднее время явились опредѣленные извѣстія, что журналъ будетъ продолжать свое существованіе, и это, конечно, было бы лучшѣй данью уваженія со стороны интеллигентіи Москвы на могилу В. А. Гольцева.

Въ этой краткой замѣткѣ мы, конечно, не имѣли въ виду восстановлять передъ читателемъ всѣ черты этой сложной, живой, интересной и чрезвычайно своеобразной литературно-общественной физіономіи. Гольцевъ былъ человѣкъ очень живой и даровитый, съ яркимъ общественнымъ темпераментомъ, выбитый изъ колеи безсмыслицей реакціей и безцѣльными репрессіями. Истинное его призваніе было—устное слово, каѳедра, быть можетъ, парламентская трибуна. Но и то, что онъ сдѣлалъ на поприщѣ русской журналистики,—заслуживаетъ не только теплаго поминальнаго слова, но также честныхъ усилий для продолженія дѣла, которому онъ отдалъ большую часть своей сознательной жизни и въ которое вложилъ наибольшую долю своей даровитой личности...

Желаемъ отъ души всякаго успѣха въ этомъ направленіи нашимъ московскимъ журнальнымъ товарищамъ...

Вл. Кор.

Онъ не сдѣлался и политическимъ дѣятелемъ, настоящимъ политическимъ дѣятелемъ, всецѣло захваченнымъ опредѣленнымъ кругомъ идей и дѣлъ, какими сдѣлала русская жизнь за послѣдніе три года самыхъ тугуздыхъ людей. Онъ считалъ себя соціаль-демократомъ. Я не знаю, насколько онъ былъ твердъ въ своемъ катехизисѣ, но, несомнѣнно, и здѣсь его не столько интересовали пути и методы, сколько захватили тѣ художественные перспективы и грандиозные планы, которые развертывалъ соціализмъ въ будущемъ. Въ одномъ онъ былъ твердъ и крѣпокъ,—въ своемъ глубокомъ демократизмѣ. Человѣкъ необыкновенной искренности, онъ порвалъ сразу и навсегда со всѣмъ своимъ прошлымъ, его глаза и сердце были обращены впередъ, къ свѣтлому демократическому будущему Россіи. Когда онъ развивалъ свои широкіе планы, то всегда привходилъ одинъ конецъ: «Тогда мы устроимъ вотъ что... Тогда мы будемъ сильны!»

Я не берусь въ короткой замѣткѣ возстановить образъ этого рѣдко-талантливаго, богато одареннаго русскаго человѣка, легко и безудержно разбрасывавшаго по пути, направо и налево, данины ему отъ природы и такъ легко достававшіяся отъ жизни богатства. И, быть можетъ, не будетъ парадоксомъ сказать, что въ этомъ богатствѣ и въ исключительной удачливости Н. Г. лежали плюсъ и минусъ его жизни. Ему не приходилось проходить суровую школу бѣдности и труда, ему не было надобности заниматься черной работой жизни. Сами собой приходили къ нему деньги, быстро и блестящѣ создавалась его инженерская карьеры, сразу, первымъ произведеніемъ получилъ онъ широкую извѣстность въ литературѣ. И, быть можетъ, это чрезмѣрное богатство натуры, эта легкость, съ которой получались и разбрасывались богатства, помѣшили ему въ должной мѣрѣ использовать дары, отпущенныя ему природой.

Это былъ художникъ-мечтатель. Такимъ онъ былъ въ литературѣ, такимъ онъ былъ въ своей инженерской дѣятельности, такимъ былъ въ жизни. При томъ мечтатель съ необыкновенной фантазіей и необыкновенно быстро реализировавшій свои мечты, не знаяшій и не признававшій препятствій къ немедленному осуществленію, какъ бы ни фантастичны казались онѣ. Подходило Рождество, люди говорили о елкахъ... Въ лѣсу, въ чащѣ заиндивѣвшихъ деревьевъ устраивается «елка». Огромная ель, не срубленная, тутъ же въ лѣсу растущая, роскошно декорируется, горятъ свѣчи, пылаютъ кругомъ костры, устраивается грандиозный пикникъ, на который приглашаются сотрудники Н. Г., его рабочіе, крестьяне изъ смежной деревни. Можно было бы исписать цѣлые страницы такими примѣрами этихъ необыкновенныхъ фантазій, вспыхивавшихъ, какъ огни, и немедленно приводившихся въ исполненіе. Такъ жилъ въ вѣчныхъ мечтахъ, горѣвшій вѣчными пламенами, обладавшій необыкновенными фантазіями, Николай Георгіевичъ Михайловскій.

По натурѣ онъ былъ эллинъ, блестящій и изящный, словно вышедшій оттуда, изъ блестящихъ временъ расцвѣта Аѳинъ, безумно любившій красоту и художественность жизни, эллинскую красоту... И необыкновенно жизнерадостный, ненасытно жадный къ жизни... Всю жизнь, не отрываясь, пилъ онъ жадными глотками чашу жизни, ему мало было той жизни, какою жили другие люди, ему мало было 24 часовъ въ сутки. И нерѣдко, мѣсяцами онъ спалъ два-три часа въ сутки для того, чтобы увеличить количество жизни. То были не кутежи,—Н. Г. почти не пилъ, то была кипучая жизнь, то были планы безъ конца, то были дѣла—мечты. Нервы натягивались, какъ струны, и не было отдыха натянутымъ, звенящимъ струнамъ.

Оттого онъ и умеръ. Только два года назадъ, передъ его отъездомъ въ Манчжурію, я, по просьбѣ его, устроилъ консиліумъ въ Ялтѣ. Мы всѣ, выслушивавшіе его, единогласно признали его сердце здоровымъ и, помню, вынесли диагностику «молодого сердца». Вскрытие подтвердило отсутствіе измѣненій въ сердцѣ, и, повидимому, смерть произошла отъ чрезмѣрного переутомленія сердца и нервной системы, не знавшихъ отдыха въ послѣднее время...

Было что-то обаятельное въ этой чуткой, тонкой, нервной, художественной натурѣ, удивительно нѣжной и поразительно искренней. Такимъ останется Николай Георгіевичъ Михайловскій въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто успѣлъ близко взглядѣться въ него.

С. Елпатьевскій.

О Т Ч Е Т Ъ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ: черезъ В. Кудашеву, собран. въ г. Сочи—76 р. 50 к.; отъ Диножени, изъ Ростова на Дону — 2 р., изъ Бирска—38 р.: отъ д-ра А. В. Н.—5 р.: отъ И. В. С.—15 р.; отъ А. С.—7 р. 10 к.; отъ Е. Львовой—3 р.; собран. С. Кон-паль—20 р. 45 к.; отъ разныхъ лицъ, черезъ В. Бобровскаго—5 р.; отъ зем. фельдш. М. Афанасьевъ—20 р.; отъ неизвѣстнаго—3 р.; отъ Н. М. Г.—10 р.; черезъ И. М. Г.—5 р.; отъ И. И. Боброва—25 р.; отъ проф. Алова, изъ Ново-Александрии—70 р.; отъ П.—20 р.; отъ сибирячки—2 р.: отъ В. А. Ш—ва—2 р.

Итого 329 р. 05 к.

Въ пользу безработныхъ: отъ неизвѣстнаго—3 р.; отъ сибирячки—2 р.

Итого 5 р.

На школу Г. И. Успенскаго: отъ И. И. Боброва—25 р.

Отчетъ пожертвованій, поступившихъ въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ. въ 1906 г.

Оставалось на 1 января въ конторѣ 986 р. 83 к. Поступило въ 1906 г. отъ А. Михайловой—5 р.; И. Михайлова—5 р.; Милицы—1 р.; Нинь—1 р.; Зси—1 р.; Вѣры—1 р.; З. Аргуновой—1 р.; Володи—3 р.; А. Жупанова — 1 р.; А. Шольянъ—1 р.; Б. Хаймовичъ—3 р.; Коникова—50 к.; М. Владина—1 р.; Н. Полякова—3 р.; И. Шнеевейсъ—2 р.; Х. Эй—2 р.; отъ Ровенского, изъ Харбина—7800 р. 60 к.: отъ в-ча Каменского—50 р.; черезъ в - ча II. Яценко—26 р. 45 к.; отъ Л. Гржаловскаго, со ст. Константиновской—5 р.; отъ кружка народн. учит., изъ Одессы—15 р.; отъ М. Демченко, со ст. Грабаровки—6 р.; отъ разныхъ лицъ изъ Харбина—225 р. 63 к.; отъ Ровенского, изъ Харбина—1867 р.; отъ Боджарова, изъ Харбина—818 р. 20 к.: отъ в-ча Каменского—20 р.; отъ сестеръ Над-скихъ—5 р.; отъ Васильевскаго муж. уч-ща въ Полтавѣ—3 р.; отъ №—3 р.; отъ в-ча П. Чистикова, изъ с. Курашинскаго—2 р.; черезъ П. Ошарова, изъ Канска—150 р.; отъ В. П., А. Н. и Ю. В. Коледчевскихъ—25 р.; отъ редакціи газ. «Харьковскій Листокъ»—20 р. 93 к.; отъ прихожанъ Бухгорминского прихода, Устькаменогорскаго уѣзда—6 р.; отъ П. Клюшинка, со ст. Александрополь—15 р.; отъ в-ча 17-го Вост. Сибир. стрѣлк. полка В. М. Гаккебушъ, передан. въ распоряженіе В. Г. Короленко—284 р.; отъ Е. Львова—3 р.; отъ в-ча Кохановскаго, изъ Урумчи—88 р. 50 к.; отъ причта Александр.-Невской больничной церкви въ г. Перми—2 р.; отъ П. Іодиной, изъ Костромы—300 р.; отъ Г. Халецкаго, изъ Вязмы—3 р.; изъ Харбина—167 р. 20 к.; отъ Е. Калугина, изъ г. Осы—9 р. 75 к.; отъ Боджарова, изъ Харбина—26 р. 45 к.; отъ Страшевскаго кружка любит. драмат. искусства, черезъ М. Соколова—10 р. 60 к.; черезъ А. Яковлеву—112 р. 45 к.; отъ Е. Л.—3 р.; отъ полковника Охлебинскаго, изъ г. Асхабада—4 р. 30 к.; отъ неизвѣстнаго, изъ Орла—1 р. 75 к.; отъ Х.—2 р.; отъ Э. Д.—20 р.; отъ А. И. М.—10 р.; отъ З. Цосифа, изъ Цюриха—10 р.; черезъ А. Яковлеву—33 р. 33 к.; со ст. Златоуста—25 р.; отъ Боджарова, изъ Харбина—121 р.; отъ Е. Б.—5 р.; отъ Н. Н. и Х.—5 р. 03 к.; отъ М. О.—2 р.; отъ подписчика № 9669—7 р. 50 к.; отъ лѣсныхъ чиновъ Красноярскаго лѣсничества—3 р. 70 к.; черезъ П. Захарянца—25 р.; отъ Н. Наймушина—10 р.; отъ Н. В. З. изъ Холма — 10 р.: отъ А. Аридть и М. П. — 17 р.; отъ Воли и Миши—10 р.; отъ семьи Виноградовыхъ, изъ с. Дятькова—6 р.; отъ И. И. Боброва—25 р.; отъ Н. Н. и Х. за X и XI 1906 г.,—6 р.; отъ Е. Друри, Алупка—10 р.; отъ сибирячки—2 р.; отъ политехниковъ, вмѣсто вѣнка умршему товар. Ивановскому—20 р. 55 к.; черезъ Политехническій институтъ—38 р. 19 к.

Итого 13522 р. 44 к.

Передано, черезъ Н. Ф. Анненскаго, въ комитетъ по оказанію помощи голодающимъ при В.Э. О. 4374 р. 84 к.

Послано черезъ О. Яковлеву въ Тульскую губ. 400 р.

Послано въ Рязанскій комитетъ обществ. помощи

голодающимъ 2166 р. 50 к.

Послано въ Пироговское общество врачей (Д. Н.

Жбанкову) 3000 р.

Послано г-жѣ Купріяновой въ Казанскую губ. . 3581 р. 10 к. 13522 р. 44 к.

Контора «Русского Богатства», при подпискѣ и доплатахъ, просить руководствоваться прилагаемыми образцами. Это избавитъ отъ ошибокъ, происходящихъ вслѣдствіе того, что почтовые штемпеля, попадая на адреса, совершенно ихъ закрываютъ.

Подпись.

Прилагая р. к., пропу высыпать „Рус. Бог.“ въ теченіе

1907 г.

Прилагая
2-й взносъ
3-й взносъ

р.
к.

Лѣ бандероми.

Доплата:

Прилагая:

2-й взносъ
3-й взносъ

р.
к.

Имя:

Отечество:
Фамилия:

Имя:
Отечество:
Фамилия:

Городъ
Губернія:

Городъ или станция:
Губернія:
Уездъ:
(или же д.).

Мѣсто
почтоваго
штемпеля.

Мѣсто
почтоваго
штемпеля.

Издательство „НАРОДНЫЙ ТРУДЪ“. (С.-Петербургъ, 6 Рота, 10).

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ. „Народно-Социалистическое Обозрѣніе“—выпускъ первый. Содержаніе: О народно-соціалістической партіи. В. Мякотина.—Революція наоборотъ. А. Пѣшехонова.—Предъ смертью (стих.). Тана.—Заплечный гуманистъ. А. Петрищева.—Хроника.—Проектъ программы и организаціи народн.-соц. партіи.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ. „Народно-Социалистическое Обозрѣніе“—выпускъ второй.—Содержаніе: Вопросъ о выкупѣ. А. Пѣшехонова.—Цѣна свободы. Тана.—Орденъ тайныхъ рыцарей. А. Петрищева.—„Хозяева“ университета. В. Мякотина.—Хроника.

СБОРНИКЪ ТРЕТИЙ. „Трудовой Народъ“—выпускъ первый. Содержаніе: Рабочая программа н.-с. партіи. А. Пѣшехонова.—Погоня за сильной властью. А. Петрищева.—Въ судѣ. Тана.—Наши законодатели. М. Г-на.—Хроника.

СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. „Трудовой народъ“—выпускъ второй. Содержаніе: Организація народныхъ силъ. А. Пѣшехонова.—Нуженъ ли рабочій съездъ. М. Гутмана.—Безработица. П. Тимофеева.—Хроника.

СБОРНИКЪ ПЯТЫЙ. „Народный Трудъ“—выпускъ первый. Содержаніе: Отчего общество не успокаивается. С. Елпатьевскаго.—О судьбахъ партіи. „Мы—Россія“. А. Петрищева.—Какъ заваривается каша. П. Т.—Съездъ трудовой груши. Ст. Аи—на.—Хроника.

СБОРНИКЪ ШЕСТОЙ. „Народный Трудъ“—выпускъ второй. Содержаніе: Передъ новой Думой. С. Елпатьевскаго.—Въ чёмъ наше расхожденіе. А. Пѣшехонова.—Кое-что о черной сотне. А. Алтійскаго.—Одна изъ демонстрацій рабочаго вопроса. К. П—ва.—Хроника.

СБОРНИКЪ СЕДЬМОЙ. Содержаніе: Передъ вторыми выборами. А. Петрищева.—О некоторыхъ особенностяхъ русской революціи въ прошломъ. С. Елпатьевскаго.—Деревня на скамье подсудимыхъ. В. И. Дмитревой.—Хроника.

СБОРНИКЪ ВОСЬМОИ. Содержаніе: О демократической тактике. А. Петрищева.—О некоторыхъ особенностяхъ нашихъ задачъ въ будущемъ. С. Елпатьевскаго.—Правѣжъ. А. Пѣшехонова.—Съ первого партійного съезда. В. Ивановича.—Хроника.—Докладъ жандармскаго ротмистра Пѣтухова.

Цѣна каждого сборника

20 коп.

Съ требованіями обращаться: въ контору журнала
» (Спб., 6-я рота, д. 10) и въ складъ изданій «Рус-
Богатства» (Спб., Баскова, 9).

На 1907 годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

,БЫЛОЕ“.

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительного движения—издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны: М. Ю. Ашенбреннеръ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); А. Бахъ—Воспоминанія народовольца; В. Я. Богучарский—Декабристъ М. С. Лунинъ; В. Л. Бурцевъ—Изъ воспоминаній; И. П. Бѣлоконеній—Земское движение до образования „Союза Освобождения“; В. А. Вейштокъ—Акатуевскій рудникъ; М. О. Гершензонъ—Западные друзья Герцена; В. А. Даниловъ—Изъ воспоминаній; С. А. Жебуновъ—Изъ воспоминаній; А. И. Иванчинъ Писаревъ—Побѣгъ князя Кропоткина; Н. И. Йорданский—Миссія П. С. Ванновскаго; Кафiero—Воспоминанія; Новленко—11 дней на „Потемкинѣ“; Платонъ Лебедевъ—Красные дни въ Нижнемъ Новгородѣ; М. К. Лемкѣ—Процессы Митрофана Муравскаго, Сунгурова, Блюмкера, Головина, кн. Долгорукова и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); Е. Е. Лазаревъ—Гавайскій сенаторъ; А. О. Лукашевичъ—Въ народы!; И. Д. Лукашевичъ—Дѣло 1 марта 1887 года; И. Л. Мануваровъ—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; Н. А. Морозовъ—Изъ воспоминаній; П. Н. Переверзевъ—Экспедиція генерала Ренненкампфа; М. Р. Поповъ—Изъ моего революціоннаго прошлаго; А. С. Пругавинъ—Декабристъ въ монаст. тюрьмѣ; Л. Ф. Пантелеевъ—Дѣла давно минувшихъ дней (арестъ, ссылка и пр.); З. Раили—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; И. О. Рубановичъ—Дѣло Гоца въ Италии и Савицкаго въ Франціи; С. А. Савинкова—Изъ воспоминаній; С. Г. Сватиковъ—Очерки по истории студенческаго движения; В. И. Семенский—Безпорядки въ л.-гв. семе новскомъ полку въ 1820 году; Е. П. Семеновъ—народовольческіе кружки въ Одессѣ; Э. А. Серебряковъ—Революционеры во флотѣ; Н. П. Стародворскій—Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній; Е. В. Тарле—Канингъ и Николай Тургеневъ и Герценъ и газета Прудона; Н. А. Танъ—Послѣдній періодъ „Народной Воли“; М. Ф. Фроленко—Воспоминанія о Воронежскомъ и Липецкомъ сѣздахъ; Л. Ш.—Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ“; П. Е. Щеголевъ—Агитационная литература декабристовъ и конецъ императора Павла (историческое разслѣдованіе); Ф. Л. Ястржемскій—Записки петрашевца; Записки императора Николая I о 14 декабря; неизданныя произведения А. И. Герцена и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаний, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (официальный) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверскаго земства (извлеченіе изъ доклада г.-на Штюремера); Къ исторіи русской „конституції“ (официальные материалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г.; военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшая революціонная изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительного движения послѣднихъ двухъ лѣтъ, и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатыхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—8 руб.; на $\frac{1}{2}$ года (съ 1 янв. по 1 июля)—4 руб.; на $\frac{1}{4}$ года (съ 1 янв. по 1 апр.)—2 руб. Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдельной книжки въ книжныхъ магазинахъ—1 руб.; для покупающихъ въ конторѣ—85 коп., для выписывающихъ изъ конторы—1 р. 10 коп. съ пересылкой. Книжныи магазинамъ на отдельныя книжки—30%, скидки.

Декабрь. Отдѣль II.

Подписка принимается въ конторѣ журнала — (ежедневно, кроме праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дн.). — С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44 и въ отдѣльныхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ Москвѣ (Срѣтенка, Ащеуловъ переулокъ, 13), Кіевѣ (Крестатикъ, 27), въ Ростовѣ-на-Д. (Казанская, 42) и Одессѣ (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписанчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписанчиковъ, контора журнала „Былое“ просить ихъ подписываться не чрезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписанчики годовой экз. журн. будетъ стоить 8 руб. 50 коп. вместо тепереш. 10 р. Кромѣ того, выгода подписанчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписанчики начнутъ съ 1-го янв. 1907 г., при чмъ будетъ приниматься подписанка на годъ и по четырѣмъ года.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Знаменской ул., д. 19.

Личные объясненія съ редакторами — по понед. вторн., четверг., пятн., съмъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дн.

Редакторы: В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголовъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

НИВА **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 Г.**

Кромѣ 52 №№ самого журнала и др. къ нему приложений,
ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

10 КНИГАХЪ гр. АЛЕКСІЯ ТОЛСТОГО

значительно дополненное произведеніеми, не вошедшими въ предыдущія издания и изданными за границею. Съ критико-біографическими очерками С. А. Бенгера.

(Цѣна существуетъ: дополнительное изданіе, безъ пересылки, 8 р. 50 к.).

ОСТАЛЬНЫЕ 30 КНИГЪ К. М. СТАНЮКОВИЧА

значительно дополненія произведеніеми, не вошедшими въ предыдущія издания. Съ критико-біографическими очерками П. В. Быкова.

(Цѣна существуетъ: дополнительное изданіе, съ пересылкой, 21 руб.).

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛITERATURNYX И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, — ВСЕГО —

52 КНИГИ, т.-е., независимо отъ другихъ приложений,

ПО ОДНОЙ КНИГѢ ПРИ КАЖДОМЪ № „НИВЫ“

ПОДПИСНАЯ ЦІНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО	ВСЪ МѢСТА РОССІИ	8 Р.
безъ доставки—6 р. 50 к.	за границу—12 р.		Разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.
съ доставкою—7 р. 50 к.			

Гр. новые подписанчики на 1907 г. могутъ получать, кромѣ „Нивы“ 1907 г., еще **ПЕРВЫЯ 10 КНИГЪ К. М. СТАНЮКОВИЧА** за 1906 г. за единовременное доплату: безъ доставки 1 р. 50 к., съ дост. и перес. 2 р.

Иллюстрированное объявление о подписанѣи высыпается бесплатно.

Съ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

П. Я. (Л. Мельшинъ).

Стихотворенія. Т. I. Пятое изданіе. Цѣна 1 руб.
Т. II. Третье изданіе. Цѣна 1 руб.

Русская Муза. Избранныя стихотворенія 112 русскихъ поэтовъ съ
характеристиками. Компактный томъ въ два столбца.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

Склады „Русского Богатства“.

Издание „РУССКАГО БОГАТСТВА“.

Л. Мельшинъ и Р. Бравскій.

Вместо Шлиссельбурга.

Вѣсти изъ политической каторги.—На Амурской
колесной дорогѣ.

Цѣна 8 коп.

НОВЫЯ КНИГИ:

А. В. ПѢШЕХОНОВЪ.

ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ.

Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II.
Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

Ольга Шапиръ. Въ бурные годы (1866—1877).

1. Отливъ.—2. Въ народѣ.—3. Впередъ. 590 стр. Цѣна 2 руб.

Складъ изданія: Спб., Ямская, д. 12, кв. 9.

Выписывающіе книгу изъ склада за пересылку не платить
Съ наложеннымъ платежомъ 2 р 10 к.

Открыта подписка на 1907 годъ

(XV-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

издаваемый подъ РЕДАКЦІЕЙ Вл. КОРОЛЕНКО

и при ближайшемъ участіи Н. Ф. Анненского, А. Г. Горнфельда
Дюоне, С. Я. Еллатьевского, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина,
П. В. Мокіевского, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пышхонова,
С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

Подписанная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 9 р., безъ
доставки въ Петербургъ и Москву 8 р., за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургу — въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9*
Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина*.

Желающіе воспользоваться разсрочной подписной платы (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и др. коммиссіонеровъ по приему подписки, отъ которыхъ подписька въ разсрочку не принимается) должны обращаться непосредственно въ контору редакціи или въ отдѣленіе конторы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗСРОЧКУ:

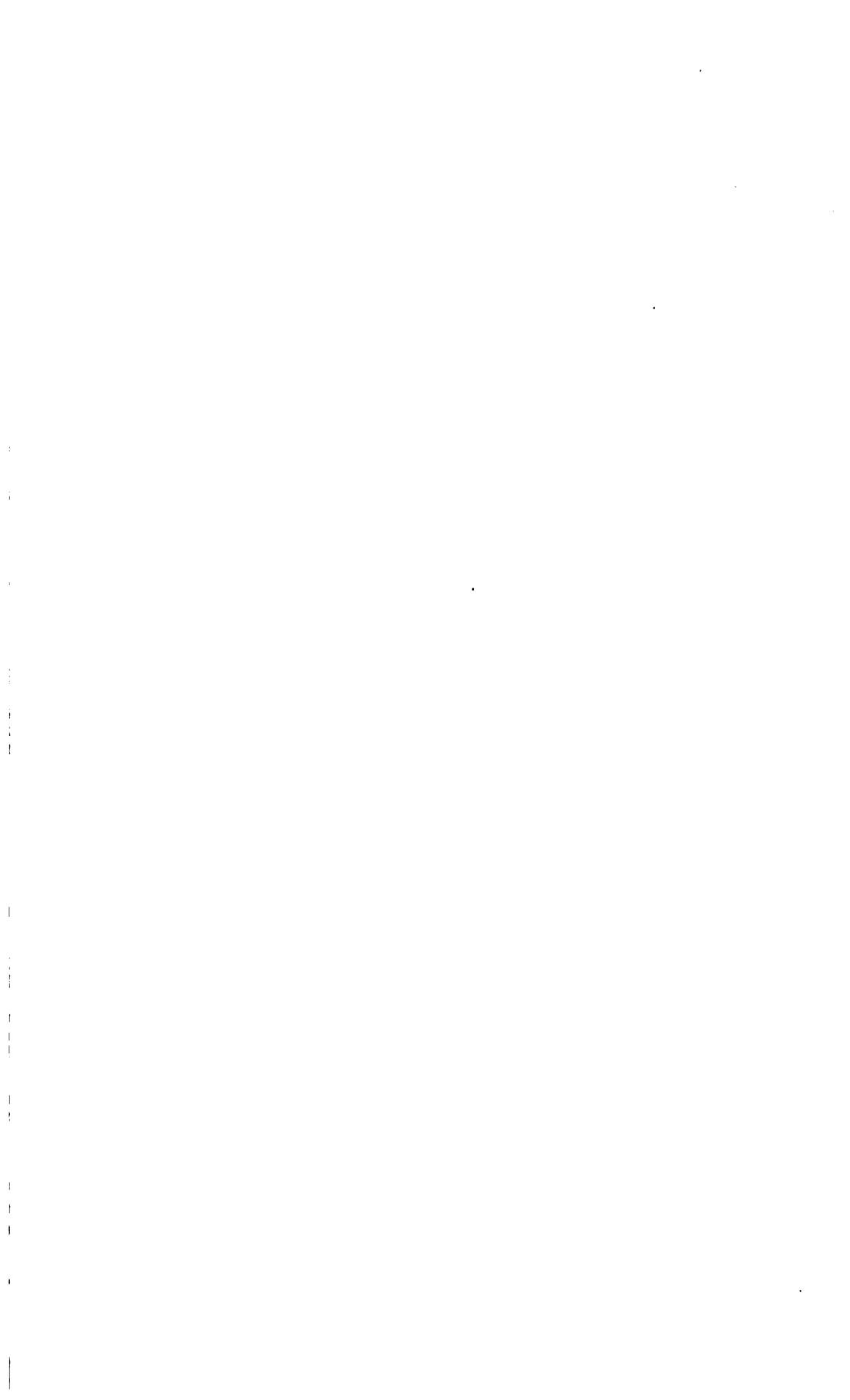
При подпискѣ	5 р.	или	при подпискѣ	3 р.
и къ 1-му іюля	4 „		къ 1-му апрѣля	3 „

Не приславший доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ БИБLIОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЙ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммисію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждого экземпляра, т. е. присыпать, вѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп. ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписька съ разсрочкой или не ополнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до получения недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

**) Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки (за исключениемъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ) допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ, съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.*

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.